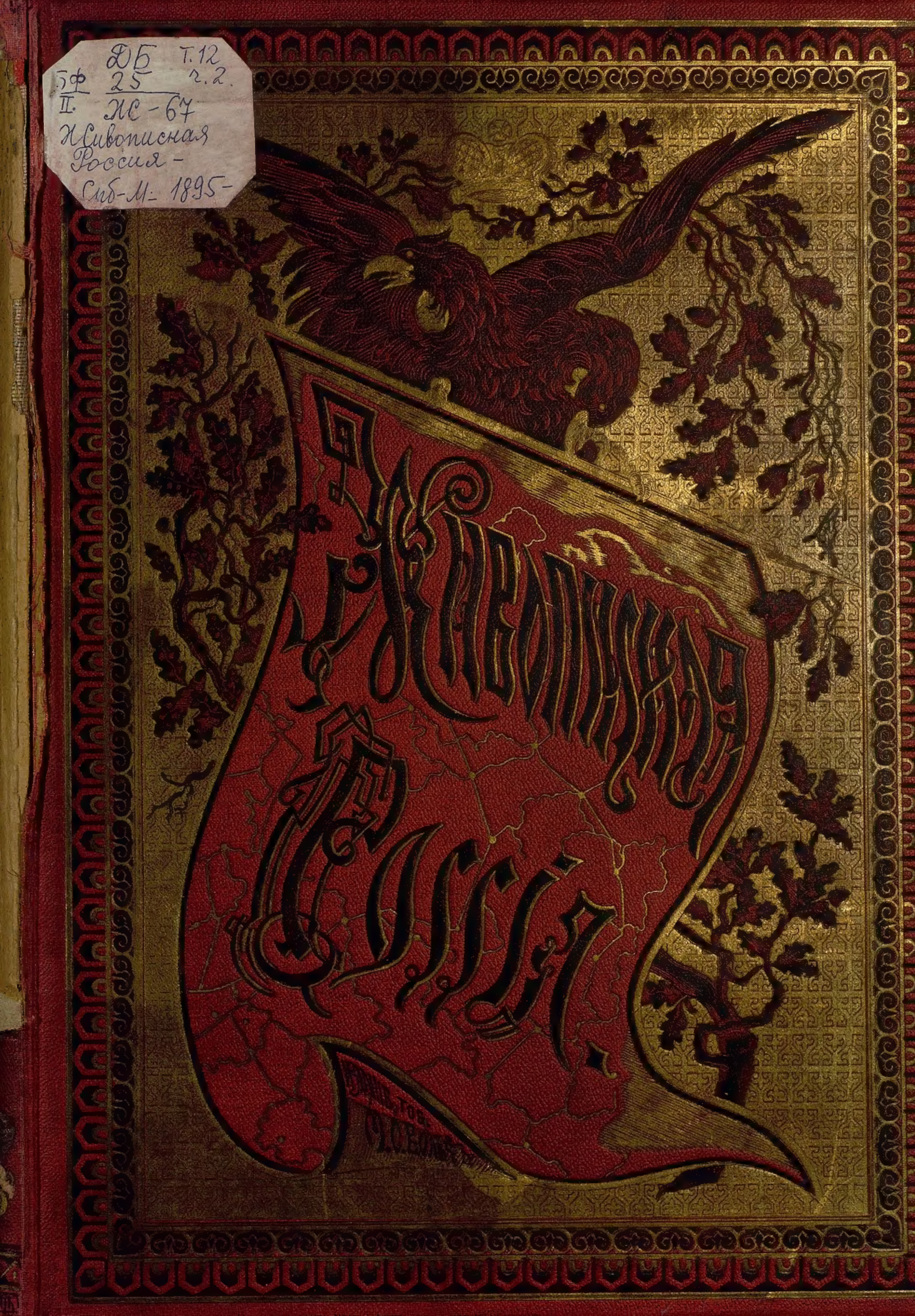

Живописная
Россія.

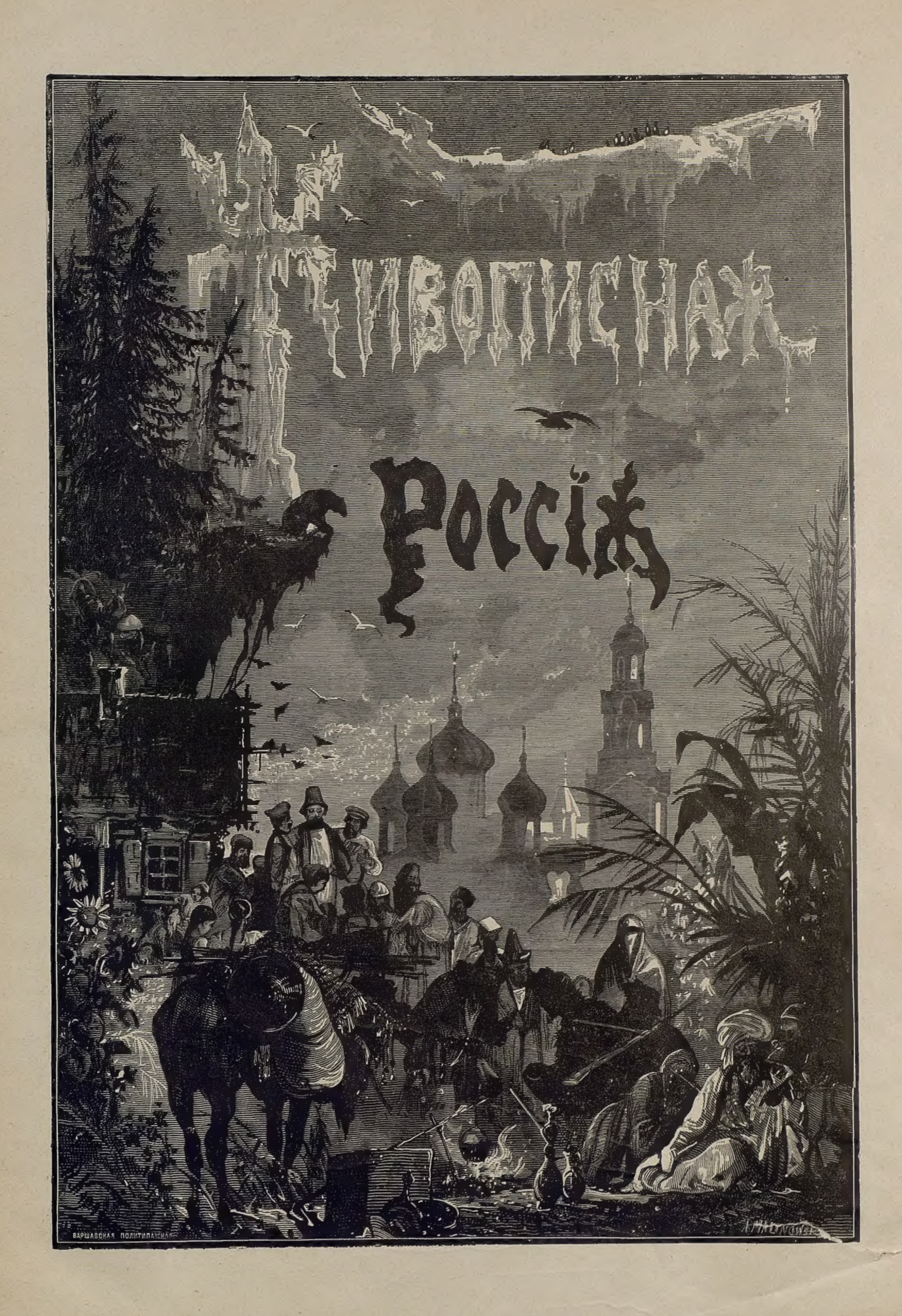
Библ.
московск.
педагогич.
собранія.
кл.
инв:
шк:
полка:
мѣсто:
№ 3954

ТОВАРИЩЕСТВО М.О.ВОЛЬФ

ЖИВОПИСНАЯ РОССІЯ

ТОМЪ XII.

ЧАСТЬ ВТОРАЯ


Живописная
Россія
ВАРШАВСКАЯ ПОЛИТИПАЖНАЯ

ЖИВОПИСНАЯ РОССІЯ.

ОТЕЧЕСТВО НАШЕ

ВЪ ЕГО

ЗЕМЕЛЬНОМЪ, ИСТОРИЧЕСКОМЪ, ПЛЕМЕННОМЪ, ЭКОНОМИЧЕСКОМЪ И БЫТОВОМЪ ЗНАЧЕНІИ.

ПОДЪ ОБЩЕЙ РЕДАКЦІЕЙ

П. П. СЕМЕНОВА,

ВИЦЕ-ПРЕДСѢДАТЕЛЯ ИМПЕРАТОРСКАГО РУССКАГО ГЕОГРАФИЧЕСКАГО ОБЩЕСТВА.

ТОМЪ ДВѢНАДЦАТЫЙ.

ЧАСТЬ ВТОРАЯ.

ВОСТОЧНЫЯ ОКРАИНЫ РОССІИ.

ПРИМОРСКАЯ И АМУРСКАЯ ОБЛАСТИ.

СЪ 203 РИСУНКАМИ ВЪ ТЕКСТѢ И 36 ОТДѢЛЬНЫМИ КАРТИНАМИ, РѢЗАННЫМИ НА ДЕРЕВѢ.

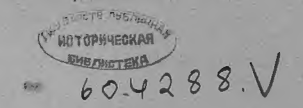
ИЗДАНІЕ ТОВАРИЩЕСТВА М. О. ВОЛЬФЪ.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ, *Гостиный дворъ, № 18.*

МОСКВА, *Кузнецкій мостъ, № 12*

1895.

Дозволено цензурою. Спб., 30 марта 1895 года.



Типографія Тов. М. О. Вольфъ, Спб., В. О., 16 л., д. № 5.

ВОСТОЧНЫЯ ОКРАИНЫ РОССІИ.

Приморская и Амурская области.

ГЕРБЫ

ОБЛАСТЕЙ.

ОЧЕРКЪ I.

КАМЧАТКА.

Камчатскій полуостровъ.—Географическое его положеніе; климатъ, почва и естественныя богатства.—Населеніе полуострова, образъ жизни и промыслы населенія.—Подчиненіе Камчатки Россіи и заслуги ея передъ государствомъ.—Нынѣшнее положеніе полуострова.

Прибрежье Великаго океана.

I. Надлежитъ на Камчаткѣ или въ другомъ мѣстѣ сдѣлать одинъ или два бота съ палубами.

II. На оныхъ ботахъ возлѣ земли, которая идетъ на нордъ и по чаянію, понеже оной конца не знаютъ, кажется что та земь часть Америки.

III. И для того искать, гдѣ оная сошлась съ Америкою, и чтобъ доѣхать до̀ какого города Европейскихъ владѣній, или ежели увидятъ какой корабль Европейскій, провѣдать отъ него, какой оный кюнстъ называютъ и взять на письмѣ и самимъ побывать на берегу и взять подлинную вѣдомость и поставя на карту, пріѣзжать сюда.

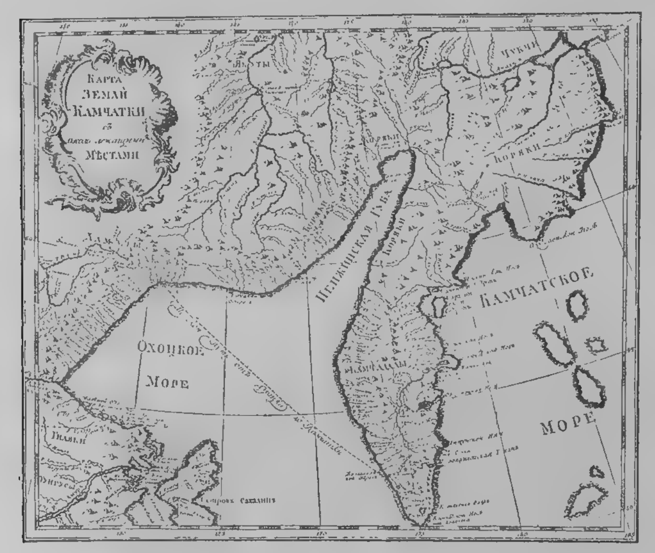
ПЕТРЪ.

(Инструкція первой Камчатской экспедиціи, собственноручно писанная Императоромъ 23 декабря 1724 года).

Самая отдаленная восточная окраина обширнаго нашего отечества для однихъ является синонимомъ страны холодной, угрюмой, во всѣхъ отношеніяхъ безотрадной, другіе же, на-

противъ, не отрицая ея суровости, признаютъ ее однако удобо-обитаемою, щедро одаренною природой и полною дивнаго ея величія. Такою представляется Камчатка — обширный полуостровъ сѣверо-восточной Азіи, далеко выдающійся въ Тихій Океанъ. Полуостровъ этотъ отдѣляетъ Охотское море отъ Берингова и заключаетъ въ себѣ граціозное проявленіе той мощной цѣпи огнедышащихъ горъ, которыми опоясанъ Азіатскій материкъ со стороны океана, отъ крайнихъ сѣверныхъ широтъ его до экватора и далѣе къ югу.

Полуостровъ Камчатка расположенъ между параллелями 51° и 62° и меридіанами 156 и 170 къ востоку отъ Гринвича, что по широтѣ соотвѣтствуетъ положенію средней полосы Европейской Россіи, а по долготѣ дѣлаетъ разницу во времени съ Петербургомъ, Кіевомъ, Одессою — на восемь, девять часовъ, такъ что когда у насъ здѣсь еще утро, въ Камчаткѣ уже кончился день. Наружною формою полуостровъ напоминаетъ эллипсъ, продольная ось котораго направляется отъ юго-запада на сѣверо-востокъ. Длина полуострова около 1200 верстъ, наибольшая ширина: по серединѣ, около 400 верстъ, а къ оконечностямъ постепенно съуживается; въ сѣверной части, на перешейкѣ, соединяющемъ полуостровъ съ материкомъ, она только 100 верстъ, на югѣ же полуостровъ кончается совсѣмъ узкою полосою земли, называемою Лопатка.



Первая карта Камчатки.

Площадь Камчатскаго полуострова составляетъ около 5 тысячъ геогр. миль, т. е. почти столько же, какъ Великобританія, или Аппенинскій полуостровъ, но, конечно, этимъ и ограничивается сравненіе, такъ какъ между суровою, почти безлюдною Камчаткою, гдѣ ютится нѣсколько тысячъ полуосѣдлаго кочеваго населенія дикарей, и названными благодатными странами съ цвѣтущимъ населеніемъ въ десятки милліоновъ, только и можетъ быть общаго, что случайное совпаденіе географическихъ цифръ.

Въ Камчаткѣ есть значительныя возвышенности, достигающія высоты Монблана. Черезъ всю середину полуострова, съ юга на сѣверъ, тянется центральный хребетъ, найвысшая часть котораго находится между 53—54 градусами широты. Въ этомъ горномъ узлѣ хребетъ развѣтвляется: западная или главная отрасль его тянется параллельно берегу, постепенно спадая къ Охотскому морю болѣе или менѣе отлогими хребтами и уступами, переходящими въ низменности морскаго побережья. Далѣе на сѣверъ цѣпь эта, понижаясь, образуетъ высокое плоскогорье, которымъ полуостровъ соединяется съ высотами материка, составляющими водораздѣлъ между Ледовитымъ океаномъ и морями Охотскимъ и Беринговымъ. Восточная отрасль главнаго Камчатскаго хребта по общему своему развитію нѣсколько ниже западной; но какъ вулканическая дѣятельность проявилась по преимуществу на этой части хребта, то отдѣльныя коническія вершины высоко подымаются надъ общимъ уровнемъ горнаго массива. Исполинскія вершины эти, какъ сторожевыя башни, стоятъ надъ Камчатскимъ моремъ и своимъ внѣшнимъ видомъ, равно и обильными потоками лавы, низвергнутой ими въ море, придаютъ

грандіозный, полный дикого величія утесистый характеръ всему восточному побережью. Въ противоположность западному берегу полуострова, тянущемуся почти сплошною ровною линіею, восточный берегъ изрѣзанъ множествомъ извилинъ, при чемъ далеко выдающіеся въ море мысы образуютъ обширные заливы; къ сожалѣнію, заливы эти, по безплодности обрывистыхъ береговъ своихъ, усѣянныхъ множествомъ кекуровъ (одиночныхъ каменныхъ столбовъ) и подводныхъ камней, по открытости ихъ со стороны моря, а также и вслѣдствіе великой глубины самого моря, — представляютъ мало удобствъ для пользованія мореплавателей. Исключеніе составляетъ лишь часть берега около 53° параллели, гдѣ выдалось нѣсколько надежныхъ убѣжищъ и между ними превосходное—Авачинская губа, съ хорошо извѣстнымъ всѣмъ Петропавловскимъ портомъ, котораго мореплаватели не только не избѣгаютъ, а напротивъ всячески ищутъ, заранѣе предвкушая въ немъ отдыхъ и успокоеніе отъ продолжительныхъ и тяжелыхъ плаваній въ туманныхъ, негостепріимныхъ водахъ, омывающихъ берега Камчатки и сопредѣльныхъ съ нею странъ.

Геогностическій составъ Камчатскаго полуострова довольно разнообразенъ и еще недостаточно изслѣдованъ. Въ главной серединной оси его распространены кристаллическія породы:

Видъ Петропавловской гавани и Авачинской губы.

граниты и порфиры, а также приподнятые и изогнутые ими метаморфическіе сланцы. Внѣ этой оси—вулканическія породы: базальты, трахиты. Первые наблюдаются по преимуществу на приморскихъ мысахъ въ видѣ штоковъ и сплошныхъ столбовидныхъ массъ; трахиты же занимаютъ огромныя площади въ юго-западной и сѣверной частяхъ полуострова, гдѣ они, вмѣстѣ съ плутоническими породами, образуютъ главную массу серединнаго хребта. Осадочныя породы состоятъ изъ глинъ и песчанниковъ; послѣдніе богаты разными окаменѣлостями изъ породы прѣсноводныхъ и морскихъ раковинъ; въ нихъ встрѣчаются также болѣе или менѣе толстые слои бураго угля, стволы деревьевъ, отпечатки листьевъ, янтарь. Въ дилювіальныхъ и аллювіальныхъ образованіяхъ, которыя достигаютъ особеннаго развитія въ долинѣ рѣки Камчатки, встрѣчаются остатки костей допотопныхъ животныхъ: зубровъ, мамонтовъ и проч.

Изъ минеральныхъ богатствъ Камчатки можно назвать самородную мѣдь, найденную около Курильскаго озера и въ Ширяевой губѣ, а также при устьѣ р. Большой. Магнитная желѣзная руда на лѣвомъ берегу р. Большой и по юго-западному берегу полуострова; превосходная слюда въ Итканской бухтѣ; самородная сѣра около многихъ сопокъ. Есть указанія и на присутствіе золота въ Камчаткѣ, а также драгоцѣнныхъ камней.

Проявленіе вулканической дѣятельности на полуостровѣ обнаруживается уже съ 62° широты появленіемъ нѣсколькихъ горячихъ ключей. Между 58° и 57° встрѣчаются первые потухшіе уже вулканы, а отъ 57° и до южной оконечности полуострова, весь восточный берегъ его чрезвычайно богатъ дѣйствующими и потухшими вулканами. Изъ нынѣ дѣйствующихъ, наиболѣе замѣчательна Ключевская сопка, на восточномъ склонѣ горъ въ 70 верстахъ отъ моря, въ 56°8′ с. широты и 199°15′ в. долготы, какъ разъ на пересѣченіи Аляскинско-Алеутской и Курильско-Камчатской вулканическихъ дугъ. Сопка эта есть найвысшая изъ достовѣрно измѣренныхъ горъ всего полуострова; по измѣренію Эрмана она достигаетъ 16.032 ф., а по Литке 16.503 фута, что соотвѣтствуетъ высотѣ Эльборуса. Гора эта окружена рядами вершинъ смежныхъ горъ, надъ которыми она возвышается въ видѣ остраго, весьма крутаго конуса, покрытаго вѣчнымъ снѣгомъ. Предѣлъ лѣсной растительности на Ключевской сопкѣ находится на высотѣ 3.000 футъ. Сопка состоитъ изъ базальта, базальтовой лавы и шлаковъ; на скатахъ ея множество ключей. Чудный видъ имѣетъ этотъ царь могучихъ Камчатскихъ горъ: съ моря его видно за сто и болѣе миль, да и съ берега, со многихъ пунктовъ, можно видѣть его за сотни верстъ. Хорошо видно его, напримѣръ, съ долины р. Камчатки,

Авачинская губа.

Три брата (у входа въ Авачинскую губу).

начиная отъ Верхне-Камчатска, такъ что путешественникъ, спускающійся внизъ по рѣкѣ, по мѣрѣ приближенія къ вулкану, все болѣе и болѣе любуется имъ, а достигнувъ Ключевскаго селенія, что у подножія вулкана, какъ бы совсѣмъ поглощается этимъ величественнымъ зрѣлищемъ.

Отъ селенія Ключей до центральной оси вулкана—24 версты; тѣмъ не менѣе вулканъ подымается уже на 9° надъ горизонтомъ этого мѣста. По описанію путешественника, наблюдавшаго вулканъ осенью 1879 года, сторона вулкана, обращенная къ селенію, была изрыта черною глубокою трещиною, рѣзко выдѣлявшеюся на бѣломъ снѣговомъ фонѣ окрестныхъ частей горы. Черезъ верхнюю часть этой щели можетъ быть наблюдаемъ зіяющій кратеръ, изъ котораго клубится дымъ и вылѣтаютъ пары. Ключевская сопка почти постоянно дымится и раза по 2, по 3 въ годъ выбрасываетъ пепелъ (по мѣстному «сафа»), толстымъ слоемъ покрывающій поля и лѣса на 25 и болѣе верстъ кругомъ. Зимою пепелъ этотъ, въ вершокъ и болѣе толщины, зачастую препятствуетъ санной ѣздѣ близъ Ключей; слѣды же пепла бываютъ видны иногда и за сотни верстъ. Отраженіе внутренняго огня черезъ трещину показывается не ежегодно, а черезъ неравные промежутки: иногда его видно только въ теченіи нѣсколькихъ дней, иногда же оно длится и по цѣлымъ годамъ. Значительныя изверженія Ключевской сопки происходили въ 1729, 1737, 1762, 1790, 1796, 1829, 1853, 1864, 1878 и 1882 годахъ. Большое въ 1853 году изверженіе началось въ октябрѣ, а окончилось въ февралѣ слѣдующаго года, при чемъ огромные потоки лавы излились по направленію къ рѣкѣ Хапичѣ. Замѣчательно, что 18-го февраля 1854 г., въ день прекращенія изверженія Ключевской сопки, возобновилась дѣятельность потухшаго съ незапамятныхъ временъ сосѣдняго вулкана Севелючь, въ 80 верстахъ къ сѣверо-востоку. Послѣ этого Ключевская сопка на время совсѣмъ потухла, а потомъ снова стала дымиться; Севелючь же такъ и остался вновь дѣйствующимъ вулканомъ. Возобновленіе дѣятельности Севелюча сопровождалось весьма сильнымъ трескомъ. Вулканическій пепелъ его падалъ огромными массами и вмѣстѣ съ пепломъ отъ Ключевской сопки на цѣлый футъ покрылъ снѣгъ у деревни Ключей.

Рѣка Камчатка и видъ на Ключевскую сопку вдали.

Извѣстный ученый С. П. Крашенинниковъ, пробывшій въ Камчаткѣ съ 1737 по 1742 годъ, въ «Описаніи земли Камчатки», между прочимъ такъ описываетъ изверженіе 1737 года: «Сей ужасный пожаръ начался сентября 25-го числа и продолжался съ недѣлю, съ такою свирѣпостію, что жители, которые близъ горы на рыбномъ промыслѣ были, ежечасно къ смерти готовились, ожидая кончины. Вся гора казалась раскаленнымъ камнемъ. Пламя, которое въ нутри ея сквозь расщелины было видно, устремлялось иногда въ низъ, какъ огненныя рѣки, съ ужаснымъ шумомъ. Въ горѣ слышенъ былъ громъ, трескъ и будто сильными мѣхами раздуваніе, отъ котораго всѣ ближнія мѣста дрожали. Особливый страхъ былъ жителямъ въ ночное время, ибо въ темнотѣ все слышнѣе и виднѣе было. Конецъ пожара былъ обыкновенный, т. е. изверженіе множества пеплу, изъ котораго однакожъ не много на землю пало для того, что всю тучу унесло въ море. Выметываетъ же изъ нея и ноздреватое каменье и слитки разныхъ веществъ, въ стекло претворившихся, которыя великими кусками по текущему изъ подъ нея ручью «Бідкосою» находятся. Послѣ того 23 числа октября, по полудни въ седьмомъ часу, было въ Нижнемъ Камчатскомъ острогѣ такое сильное землетрясеніе, что

многія камчатскія жилища попадали, печи въ казацкихъ избахъ разсыпались, у церкви колокола звонили, и самую тамошнюю новую церковь, которая построена изъ толстаго лиственичнаго лѣсу, такъ разшатало, что бревна изъ дверныхъ колодъ и изъ пазовъ совсѣмъ вонъ вышли; а продолжалось оно съ перемежкою до самой весны 1738 года, однако гораздо легче прежняго». (Полное собраніе ученыхъ путешествій по Россіи. Т. I. ст. 280—281. Изд. Импер. Акад. Наукъ 1818 года).

Кромѣ Ключевской огнедышащей горы и упомянутой горы Севелючь, въ Камчаткѣ существуютъ еще слѣдующіе, дѣйствующіе вулканы: Большая Толбача (7.800 ф.), Кизименъ, Узонъ, Кишпиничъ (9.900), Большой и Малый Семечикъ, Жупанова сопка (8.500), Авачинская, Асача и Чаохъ. Изъ нихъ наиболѣе извѣстна Авачинская сопка, такъ какъ у подножія ея стоитъ Петропавловскій портъ. Отъ порта до сопки 29 верстъ по прямой линіи; расположена она на сѣверной сторонѣ Авачинской губы, въ одной группѣ съ двумя другими, потухшими уже, вулканами: Стрѣлочнымъ или Коряцкимъ и Корельскимъ. По барометрическому измѣренію спутниковъ Лаперуза, извѣстнаго французскаго мореплавателя конца прошлаго столѣтія, высота Авачинской сопки 8.424 ф., по измѣреніямъ же Ленца и Постельса—7.995, Гофмана—8.166, Литке—8.756, Эрмана—8.912, Бичи—9.050. Во всякомъ случаѣ

Видъ Ключевскаго селенія и горъ съ правой стороны рѣки Камчатки.
Ключевская сопка. Ушковская сопка. Крестовская сопка.

гора эта соотвѣтствуетъ по высотѣ горѣ Этнѣ. Форма Авачинскаго вулкана правильно коническая и напоминаетъ собою форму Везувія и Монте-Соммы; жерло его имѣетъ въ окружности нѣсколько сотъ футъ и какъ-бы окружено стѣною футовъ въ 30 вышины. Подъемъ на гору, не смотря на сравнительно небольшую высоту его, очень затруднителенъ и для туристовъ изъ Петропавловска требуется для этого подъема не менѣе трехъ дней. Подымающемуся предстоитъ сначала преодолѣть тундры подножія и обширныя заросли кедроваго и ольховаго сланца (т. е. ползучихъ растеній), такъ что почти поминутно приходится прорубаться; съ выходомъ же изъ пояса растительности начинаются обрывы, овраги, рытвины и провалы, представляющіе серьезныя опасности. Спутникъ Литке, геогностъ Постельсъ, дважды пытался подняться на сопку въ 1827 и въ 1828 годахъ, но въ оба раза не могъ достичь кратера. Въ первый разъ онъ былъ остановленъ на полпути толстымъ слоемъ пепла, оставшагося еще отъ изверженія бывшаго шесть недѣль передъ тѣмъ, а также удушливымъ сѣрнымъ запахомъ, который исходилъ изъ разщелинъ и множества коническихъ возвышенностей, которыми усѣяны были тогда скаты горы. Во второй же подъемъ, путь къ вершинѣ былъ прегражденъ дымомъ и паромъ, которые измѣнившимся вѣтромъ понесло съ вершины на путниковъ и привело ихъ въ изнеможеніе. Съ высоты 7.000 футъ, на которую уже взобрался Постельсъ, онъ

видѣлъ, кромѣ множества окрестныхъ вулкановъ Камчатки, еще и оба моря: Охотское и Берингово съ безпредѣльнымъ океаномъ.

По показанію жителей Петропавловскаго порта и селенія Авачи, записанному г. Постельсомъ, изверженіе Авачинской сопки 1827 года началось 27-го іюня ночью; сначала появилось слабое пламя на вершинѣ горы; около же 10 ч. утра, вмѣстѣ съ дождемъ, выпало значительное количество пепла. Такъ продолжалось три дня, при чемъ атмосфера затемнилась и слышенъ былъ непрерывный подземный гулъ, сопровождавшійся періодическими ударами. Утромъ 29-го іюня чувствовали сильное колебаніе почвы, отъ котораго во многихъ избахъ Авачинской деревни разбились стекла и разсѣлись бревна. Вслѣдъ за тѣмъ послѣдовало изверженіе, съ большимъ количествомъ пепла и дыма. Къ ночи густыя облака дыма разсѣялись и профиль вулкана ярко обозначился разноцвѣтными огнями отъ вершины его до подошвы. Изъ самаго жерла безпрестанно вылетали раскаленные камни, подобно огненнымъ шарамъ и крупнымъ искрамъ. Послѣ этого пепелъ и дымъ уменьшились, подземный гулъ затихъ и, въ теченіи двухъ дней, не происходило никакихъ особенныхъ явленій; но въ теченіи восьми дней,

Видъ Авачинской, Стрѣлочной и Корельской сопокъ съ долины рѣки Авачи.

по юго-западному склону горы, обращенному къ Авачѣ и Петропавловску, «простиралась огненная струя и вулканъ продолжалъ дымиться, какъ и прежде происходили изверженія.» (Путеш. вокругъ свѣта Литке. Часть III стр. 53 изд. 1836 года)

Преобладающая горная порода Авачинской сопки есть долеритовая лава съ небольшими кристаллами лабрадора. Сопка эта постоянно дымится, но сравнительно рѣдко бываютъ изверженія. Послѣ описаннаго изверженія 1827 года, оно повторилось еще въ 1855 году. Въ 1878 г. осенью было сильное изверженіе лавы; въ 1881 г. началъ сильно дымиться Авачинскій «хребетъ», а въ 1882 г. Жупанова сопка. Изъ давно бывшихъ изверженій Авачинской сопки замѣчательно изверженіе 1737 года. Оно предшествовало описанному выше Крашенинниковымъ изверженію Ключевской сопки и сопровождалось какъ около Авачинской губы, такъ на всемъ югѣ полуострова у Лопатки и на ближайшихъ Курильскихъ островахъ,—«страшнымъ землетрясеніемъ съ чрезвычайнымъ наводненіемъ». На стр. 275—276 упомянутаго выше сочиненія Крашенинникова такъ изображено это необычайное явленіе: «Октября 6-го 1737 года, пополуночи въ третьемъ часу, началось трясеніе и съ четверть часа продолжалось такъ сильно,

что многія камчатскія юрты обвалились и балаганы попадали. Между тѣмъ учинился на морѣ ужасный шумъ и волненіе, и вдругъ взлилось на берега воды въ вышину сажени на три, которая, ни мало не стоявъ, сбѣжала въ море, и удалилась отъ береговъ на знатное разстояніе. Потомъ вторично земля всколебалась, воды прибыло противъ прежняго, но при отлитіи столь далеко она сбѣжала, что моря видѣть невозможно было. Въ то время усмотрѣны въ проливѣ на днѣ морскомъ, между первымъ и вторымъ Курильскимъ островомъ, каменныя горы, которыя до того никогда не виданы, хотя трясеніе и наводненіе случалось и прежде. Съ четверть часа послѣ того спустя, послѣдовали валы ужаснаго и несравненнаго трясенія, а притомъ взлилось воды на берегъ въ вышину сажень на 30, которая, по прежнему ни мало не стоявъ, сбѣжала въ море, и вскорѣ стала въ берегахъ своихъ колеблясь черезъ долгое время. Передъ каждымъ трясеніемъ слышенъ былъ подъ землею страшный шумъ и стенаніе. Отъ сего наводненія тамошніе жители совсѣмъ разорились, а многіе бѣдственно скончали животъ свой. Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ луга холмами и поля морскими заливами сдѣлались».

Авачинская сопка (Камчатка).

Описанное землетрясеніе съ его опустошительными послѣдствіями, понятными намъ теперь только послѣ недавнихъ тождественныхъ проявленій вулканической силы въ Зондскомъ архипелагѣ, несомнѣнно есть весьма рѣдкое явленіе, которое на Камчаткѣ, быть можетъ, и не повторится болѣе; обычныя же, довольно однако сильныя землетрясенія на Камчаткѣ случаются весьма часто, особенно по восточному берегу полуострова, гдѣ исключительно сосредоточены всѣ дѣйствующіе вулканы. Къ сожалѣнію, явленія эти, однородныя съ сильнѣйшими вулканическими проявленіями Этны и Везувія и даже превосходящія ихъ по силѣ и энергіи дѣйствія, имѣютъ своими наблюдателями только небольшое число туземцевъ, совершенно не способныхъ хотя бы простому наблюденію за ними. Самый фактъ землетрясенія успѣетъ утратить всю свою свѣжесть, пока дойдетъ до свѣдѣнія компетентныхъ людей.

Такъ называемыхъ потухшихъ вулкановъ насчитывается на полуостровѣ до тридцати; изъ нихъ большая часть въ настоящее время не обнаруживаетъ уже никакой дѣятельности. Найвысшій изъ южныхъ вулкановъ—Стрѣлочная или Корякская сопка сосѣдитъ съ Авачинской

сопкой и съ Петропавловскимъ портомъ, отъ котораго она отстоитъ верстъ 30. По опредѣленію Литке высота сопки 11.212 ф., по Эрману—11.822 ф. По высотѣ сопки, послѣ Корякской, распредѣляются такъ: Ушкинская, продолжающая еще дымиться—11.000 ф., Кроноцкая (потухшая)—10,600, Крестовская—9.600, Вилючинская—по Литке 6.457, по Бичи—7.374 футъ.

Общій видъ какъ дѣйствующихъ, такъ и потухшихъ Камчатскихъ вулкановъ болѣе или менѣе коническій; основанія ихъ отъ подошвы и до половины, а иногда и болѣе, состоятъ изъ горъ, рядами расположенныхъ другъ надъ другомъ, «верхъ же бываетъ шатромъ». Горы, расположенныя рядами, лѣсисты, самый же шатеръ—голый камень, часто покрытый снѣгомъ, при чемъ на вершинахъ, въ бывшихъ кратерахъ иногда стоятъ озера, какъ-то замѣчено было еще Штеллеромъ, ученымъ сотоварищемъ Крашенинникова по изслѣдованію природы полуострова и вѣрнымъ спутникомъ Беринга въ его послѣднемъ плаваніи (1742) для открытія западныхъ береговъ Америки. Плаваніе это, очень трагически окончившееся, осталось не безъ пользы для науки, благодаря Штеллеру, какъ о томъ свидѣтельствуетъ, Крашенинниковъ, много заимствовавшій у Штеллера въ своемъ «Описаніе земли Камчатки».

Камчатскій полуостровъ богатъ горячими ключами; особенно ихъ много на восточной сторонѣ полуострова. Самые извѣстные изъ тѣхъ Малкинскіе сѣрные ключи, на лѣвомъ берегу р. Быстрой, притока р. Большой, въ прекрасной мѣстности, въ 3-хъ верстахъ отъ Малкинскаго селенія. Ключи эти вытекаютъ изъ подъ земли на совершенно ровномъ мѣстѣ; надъ ними уже издали видны густые пары и слышенъ запахъ сѣрнистаго водорода. Температура малкинскихъ ключей простирается отъ $64^1/_2$ до 70^0 R., причемъ тутъ же рядомъ изъ той же почвы выходитъ ключь холодной воды, имѣющей только $4^1/_2{}^0$ R. Анализъ осадка, выпареннаго изъ воды Малкинскихъ ключей, далъ 0,720 кремнезёма, 0.143 воды, 0.040 сѣрной кислоты, 0,037 глинезема, 0,030 желѣзн. окиси и 0,022 извести. Кромѣ сѣрнистаго водорода, изъ Малкинскихъ источниковъ выдѣляются хлоръ и углекислота. Малкинскіе ключи излѣчиваютъ разныя накожныя болѣзни и быстро возстановляютъ силы при тѣлесномъ изнуреніи. Одно время, въ началѣ столѣтія была устроена при этихъ ключахъ временная больница и имѣлось при нихъ помѣщеніе для больныхъ. Паратунскіе ключи также славятся. Они на р. Паратункѣ, впадающей въ Авачинскую губу съ южной ея стороны. Ключи эти бьютъ недалеко отъ бывшаго Камчадальскаго острожка, извѣстнаго въ исторіи Камчатки, какъ мѣсто серьезнаго сопротивленія камчадаловъ русской власти (1731). Паратунскіе ключи всего въ двадцати верстахъ отъ Петропавловскаго порта, притомъ значительная часть этого разстоянія по водѣ черезъ бухту. По этому команды судовъ, приходящихъ въ портъ, не рѣдко пользуются цѣлительными свойствами этихъ ключей. Между прочимъ пишущій эти строки лично испыталъ благодѣтельное ихъ дѣйствіе, изцѣлившись тамъ отъ ревматизма, которымъ началъ страдать еще въ Китайскомъ морѣ. Температура ключей 33—37° R. Извѣстны еще, начиная съ южной части полуострова, слѣдующіе горячіе ключи: Явсенскіе ключи, въ недалекомъ разстояніи отъ деревни Явсенской; Голыгинскіе близъ Голыгинскаго селенія; Апачинскіе — неподалеку отъ Апачинскаго селенія; Начикинскіе по близости Начикинскаго селенія; Банные ключи по рѣкѣ Банной, притокѣ рѣки Большой, Жупановые ключи по долинѣ р. Жупановой; Шемячикскіе ключи—по рѣкѣ Шемячикѣ; Козыревскіе по лѣвой сторонѣ рѣки Камчатки, недалеко отъ Козыревскаго селенія; наконецъ, Укинскіе ключи—самые сѣверные въ Камчаткѣ, въ недалекомъ растояніи отъ Укинскаго селенія. Всѣ эти цѣлебные источники, къ сожалѣнію, еще мало изслѣдованы.

Орографическое строеніе Камчатскаго полуострова обусловливаетъ его гидрографическое состояніе. Такъ какъ узелъ Камчатскихъ горъ находится въ 53—54 градусахъ широты, то изъ этого найвысшаго развитія горныхъ кряжей стекаютъ главнѣйшія рѣки полуострова. На сѣверовостокъ, напримѣръ, по чудесной долинѣ, образовавшейся отъ раздвоенія главнаго кряжа, протекаетъ найбольшая водная артерія полуострова, рѣка Камчатка, орошающая его на протяженіи 470 верстъ. Изъ того же узла, но уже по другую сторону, на юго-западъ, въ Охотское

море стекаетъ рѣка Большая съ важнымъ притокомъ своимъ р. Быстрою, имѣющею 185 вер. длины, а на востокъ течетъ рѣка Авача, впадающая многими устьями въ Авачинскую губу, въ 15 верстахъ отъ Петропавловска. Рѣки эти и много другихъ, которыми особенно богата западная половина полуострова, между прочимъ и важная рѣка Тигиль, имѣющая 210 верстъ протяженія и впадающая въ Охотское море въ широтѣ 58°, а также р. Еловка, сѣверный притокъ р. Камчатки—судоходны для лодокъ на значительномъ своемъ протяженіи. Нѣкоторыя изъ этихъ рѣкъ въ верхнихъ частяхъ своихъ довольно близко подходятъ одна къ другой, особенно же р. Еловка къ Седанкѣ, притоку р. Тигиль на сѣверѣ полуострова, р. Камчатка къ р. Быстрой на югѣ, а также р. Авача къ р. Большой, между главными пунктами населенія полуострова. Не будь рѣкъ, — переѣзды лѣтомъ по центральной части гористой Камчатки были бы крайне затруднительны, особенно для перевозки тяжестей, напр., отъ Усть-Камчатки до Мильковой, такъ какъ дорогъ, въ обычномъ смыслѣ этого слова, въ Камчаткѣ не существуетъ,—имѣются лишь вьючныя тропы, да и по этимъ тропамъ нерѣдко приходится носить тяжести на рукахъ. При такомъ положеніи сухопутныхъ путей сообщенія, рѣки имѣютъ громадное значеніе, тѣмъ болѣе, что и въ круговую по береговой чертѣ полуострова во многихъ мѣстахъ нѣтъ прохода. И это не только по восточному, скалистому и высокому берегу, но и по западному, такъ какъ и на этомъ берегу, встрѣчаются десятки и сотни верстъ утесовъ почти непроходимыхъ, какъ, напримѣръ, отъ устья р. Озерной къ югу верстъ на 36 до р. Камбалиной, или около р. Тигиля, гдѣ берегъ въ обѣ стороны отъ устья, на большомъ протяженіи, весьма утесистъ, хотя и пересѣкается прорѣзывающими его отлогими скатами поперечныхъ долинъ. Путешественникъ, слѣдующій по берегу, все же часто пользуется песчаной полосой у самой воды, называемой лайдою. У Тигиля приливъ достигаетъ высоты 10 футовъ; далѣе же въ Пенжинской губѣ онъ еще болѣе. Къ югу же, напротивъ, высота приливной волны весьма незначительна.

Самое лучшее сообщеніе между приморскими пунктами полуострова—по морю; но къ сожалѣнію, каботажъ, широко развившійся было на Камчаткѣ въ періодъ открытія острововъ и земель на Восточномъ Океанѣ, теперь вовсе не существуетъ; морскія же военныя и торговыя суда рѣдко заглядываютъ въ Камчатку, а если и заходятъ, то только въ Петропавловскъ. Исключеніе составляетъ лишь пароходъ «Камчатка» г-на Филлипеуса, контрагента правительства по снабженію сѣверныхъ округовъ Приморской области Восточной Сибири мукой, крупой, порохомъ, свинцемъ и солью. Пароходъ этотъ, при совершеніи заподряженнаго Государствомъ пароходного рейса между Владивостокомъ и портами сѣверныхъ округовъ области, по приходѣ своемъ въ Петропавловскъ, направляется, согласно контракту, въ Усть-Камчатскъ, а затѣмъ на обратномъ пути во Владивостокъ также обязательно заходитъ въ Тигиль и Гижигу. Значитъ, кому нужно изъ Петропавловска съѣздить въ Усть-Камчатскъ, тотъ можетъ расчитывать разъ въ годъ, по осени, совершить этотъ путь туда и обратно на пароходѣ. Для поѣздки же на западный берегъ, такое удобство предоставляется только въ одинъ конецъ; обратный же путь изъ Тигиля или Гижиги въ Петропавловскъ приходится совершать уже черезъ Охотскъ, Внянъ, Удское, посты Сахалина и Владивостокъ, т. е. вернуться въ Петропавловскъ только черезъ годъ или же слѣдовать обратно сухимъ путемъ по тундрамъ и горнымъ тропамъ Камчатки, проходимымъ лишь въ извѣстную пору года. Хорошо если удастся еще воспользоваться рѣками и хоть отчасти захватить сухіе дни; а если не удастся, какъ это большею частію и случается,—тому волей-неволей приходится ждать полнаго наступленія зимы, когда ледъ окончательно скуетъ болота и ручьи, а снѣгъ засыплетъ камни, колоды, кусты, ямы, овраги и тому подобныя многочисленныя препятствія. Зимній путь по Камчаткѣ,—въ классической собачьей нартѣ, въ значительной степени сокращаетъ время переѣзда и облегчаетъ невзгоды его, увеличивая однако опасность сломать себѣ шею или выколоть глаза. Кромѣ того путнику то и дѣло приходится считаться съ мятелями и сугробами снѣга.

Зима въ Камчаткѣ устанавливается въ октябрѣ и продолжается (по восточной полосѣ полуострова). до мая (по западной долѣе), и нерѣдко сопровождается сильными стужами, особенно въ центральной части. Вообще климатъ Камчатки значительно суровѣе, чѣмъ можно было бы ожидать, въ виду положенія страны, какъ полуострова, и широтамъ ея, соотвѣтствующимъ среднимъ губерніямъ Европейской Россіи. Но именно моря, омывающія берега Камчатки, и заключаютъ въ себѣ главную причину суровости климата. Близость Сѣвернаго Океана, этого необъятнаго хранилища льдовъ, сильно охлаждаетъ воздухъ и отражается на Камчаткѣ не только въ видѣ холодныхъ сѣверныхъ вѣтровъ, но еще и въ видѣ холоднаго, полярнаго теченія, идущаго изъ Берингова пролива вдоль Чукотской земли и по восточному берегу Камчатскаго полуострова. Съ западной стороны полуострова, обширный бассейнъ Охотскаго моря, замкнутый Курильскою грядою, ни въ какомъ случаѣ не содѣйствуетъ теплу: напротивъ, море это до такой степени загромождается льдами зимою, что въ климатическомъ отношеніи является настоящимъ ледянымъ континентомъ. Лѣтомъ же ледъ носится въ южной части этого моря до іюля и даже августа. Правда случается это не каждый годъ и относится исключительно къ юго-западному углу моря, гдѣ, какъ въ мѣшкѣ, ледъ скопляется заносами съ сѣвера и удерживается сѣверо-восточными вѣтрами; восточная же половина Охотскаго моря, т. е. у берега Камчатки, очищается отъ льда сравнительно даже рано, такъ какъ уже въ маѣ американскія суда появляются у этихъ береговъ и обыкновенно заходятъ къ устью р. Явины для ловли трески. Извѣстный естествоиспытатель Миддендорфъ, въ 1844 году, въ теченіи всего іюля былъ задержанъ льдами у Шанторскихъ острововъ; пишущій же эти строки испыталъ тоже самое въ 1869 г., бывъ затертъ льдомъ 19 іюля на высотѣ сѣверной оконечности Сахалина, и потомъ еще въ августѣ боролся со льдами въ юго-западномъ углу моря на высотѣ гавани Байкалъ и зал. Счастіе. Экваторіальные воздушные токи, т. е. юго-западные теплые вѣтры, проходя черезъ вѣчно холодное, почти ледяное Охотское море, охлаждаются и, достигнувъ Камчатскаго полуострова, не приносятъ уже ему ничего отраднаго. Только свободное отъ льдовъ Берингово море да часть Тихого океана съ его теплымъ Японскимъ теченіемъ Куро-Сива, соотвѣтствующимъ гольфштрему Атлантическаго океана, умѣряютъ нѣсколько зимнюю стужу; но вліяніе ихъ почти исключительно сосредоточивается на восточномъ берегу полуострова, не касаясь западнаго, до котораго центральный кряжъ Камчатскихъ горъ не допускаетъ ни тепла, ни влаги, приносимыхъ съ юга и юго-востока. Поэтому въ климатѣ восточной и западной частей полуострова великая разница. Въ Петропавловскѣ, напримѣръ, температура зимою рѣдко падаетъ ниже минусъ 20°R.; на противоположномъ же западномъ берегу, въ Большерѣцкѣ, напримѣръ, нерѣдко замерзаетъ ртуть. Явленіе очень характерное и даже поразительное, если обратимъ вниманіе на ничтожность разстоянія, раздѣляющаго названные два пункта, всего 120 верстъ, причемъ пункты эти находятся еще почти на одной параллели. Чувствительно согрѣвая восточный берегъ зимою, океанъ замѣтно охлаждаетъ его, однако, лѣтомъ. Влажные морскіе вѣтры и очень частые густые туманы, приносимые ими съ океана, приводятъ къ тому, что средняя температура трехъ лѣтнихъ мѣсяцевъ въ Авачинской

Переѣздъ чрезъ Тагильскій хребетъ въ Камчаткѣ.

губѣ не превышаетъ $+12^{0}$R, тогда какъ въ Тигилѣ на западномъ берегу, на 5^{0} сѣвернѣе Авачи, средняя температура этихъ мѣсяцевъ $+ 14^{0}$R. Великая, вѣчно открытая водная поверхность, примыкающая къ восточному берегу полуострова, доставляетъ ему такую массу влажности, что зимою иногда снѣгомъ заноситъ дома въ Петропавловскѣ; на западномъ же берегу полуострова снѣгу бываетъ такъ мало, что нерѣдко домашній скотъ можетъ зимою питаться подножнымъ кормомъ, выгребая его изъ подъ тонкаго снѣжнаго покрова.

Сѣверная часть полуострова, т. е. высокое плоскогоріе, въ которое переходятъ Камчатскія горы, открыто вѣтрамъ какъ Ледовитаго океана, такъ и сосѣднихъ морей, Охотскаго и Берингова. Облака и туманы то съ той, то съ другой стороны почти безпрерывно стелются по этому плоскогорью и снѣжныя мятели (пурги) невозбранно разгуливаютъ зимою; это обстоятельство, въ связи съ большою широтою плоскогорья и значительною высотою его, обусловливаютъ такую низкую среднюю годовую температуру на плоскогорьи, что земля во многихъ мѣстахъ не успѣваетъ оттаять болѣе чѣмъ на 2 фута и влага, не имѣя исхода, превращаетъ всю эту мѣстность въ настоящую тундру.

Камчадалы.

Не многимъ лучше этой сѣверной безотрадной части Камчатки и ея южная часть. Сначала крайне гористая, а потомъ, у прибрежья, плоская, болотистая и открытая для всѣхъ вѣтровъ, часть эта, не смотря на сравнительно болѣе южное положеніе, нынѣ почти не обитаема: курильцы и помѣси ихъ съ камчадалами вымерли, а заселить эту страну некѣмъ. Окраины полуострова, его приморскіе берега, вообще мало благопріятны для земледѣльцевъ. Не уютно тутъ человѣку на безплодныхъ каменныхъ обрывахъ ни въ туманное короткое лѣто, когда по недѣлямъ не видно солнца, ни въ глухую холодную зиму, когда буря воетъ и вѣтеръ бушуетъ, вспугивая чаекъ да ломая попадающіяся кое гдѣ жалкія деревья: березу, ивнякъ, кедровый сланецъ, имѣющія жалкій кривой, изогнутый видъ отъ сильныхъ вѣтровъ и обильнаго снѣга. Впрочемъ раньше весь восточный берегъ былъ обитаемъ; но нынѣ все народонаселеніе или вымерло, или переселилось въ опустѣвшія селенія центральной Камчатки. Въ настоящее время туземцы выѣзжаютъ къ негостепріимнымъ берегамъ Камчатки лишь на время охоты за морскими звѣрями и на рыбный промыселъ, а потомъ снова уходятъ внутрь полуострова, за высокія кряжи горъ, въ уютныя горныя долины, куда и туманъ не такъ часто проникаетъ и вѣтеръ не такъ сильно свирѣпствуетъ.

Внутренность полуострова не много лучше и благопріятнѣе для жизни человѣка, чѣмъ окраины. Долина рѣки Камчатки и ея многочисленныхъ притоковъ (117) несомнѣнно самая плодородная; какъ въ климатическомъ, такъ и во многихъ другихъ отношеніяхъ найлучшая часть страны. Со всѣхъ сторонъ защищенная высокими горами, достаточно просторная (до 15 тысячь квадр. верстъ), обильно орошенная, долина эта обладаетъ прекрасною, даже роскошною растительностію. Въ короткое влажное лѣто нѣкоторыя травянистыя растенія, какъ, напримѣръ, медвѣжій корень—сладкая трава достигаютъ здѣсь до 5 футовъ, а зонтичное растеніе—борщевикъ бываетъ еще выше, поражая путешественника развитіемъ своей многоразсѣченной гигантской листвы. Но разсказы, что траву косятъ здѣсь по три раза въ лѣто не заслуживаютъ никакого вниманія. По изобильнымъ, сочнымъ лугамъ, пестрѣющимъ цвѣтами шиповника, лиліи,

спиреи, клевера, подснѣжника и фіалокъ—разбросаны рощи великолѣпныхъ тополей, березы «преснецъ», ольхи, ветлы, кущи черемхи, бузины, рябины, ивы и лозы, по скатамъ же горъ красуются строевые лѣса лиственницы, ели и каменной березы. Немудрено, что тотъ, кто составилъ себѣ понятіе о Камчатской флорѣ только по прибрежнымъ каменнымъ полосамъ земли, да по болотистымъ тундрамъ подножія прибрежныхъ горъ, до нельзя поражается изобиліемъ, разнообразіемъ, красотою и мощностію растительности долинъ полуострова, приравнивая эту растительность даже до тропической,—какъ это и случалось не разъ съ путешественниками, проводившими въ долинахъ нѣсколько красныхъ іюльскихъ дней. Понятно также, почему и бѣдный туземецъ Камчатки избѣгаетъ голаго, холоднаго морскаго берега и по преимуществу ютится въ этихъ благодатныхъ долинахъ. По восточному, напримѣръ, морскому берегу, отъ Петропавловска и до устья р. Камчатки, на протяженіи 600 верстъ, нѣтъ ни одного селенія; въ долинахъ же одной р. Камчатки съ ея притоками насчитывается 17 селеній, что, при общей скудности населенія полуострова, на которомъ врядъ ли наберется всего съ полсотни населенныхъ мѣстъ, много уже говоритъ за себя.

Сосредоточивая въ себѣ населеніе, долины Камчатки естественно служатъ и главнымъ мѣстомъ, гдѣ проявляется культура. Около нѣкоторыхъ деревень (напр. около Ключевской) встрѣчаются посѣвы ячменя, картофеля, конопли, а также разные огородные овощи, но все это въ ничтожныхъ размѣрахъ.

Для хлѣбопашества климатъ Камчатки даже въ долинахъ не всегда благопріятенъ: ранніе инеи въ иной годъ мѣшаютъ наливу зерна и не даютъ ему дозрѣвать. Овощи же, кромѣ огурцовъ, родятся отлично, бываютъ очень крупны, особенно же рѣпа, рѣдька и свекла, достигающія необыкновенной величины. Хорошо родится и картофель, но, какъ увидимъ ниже, образъ жизни камчадаловъ, ихъ рыбные и пушные промыслы отвлекаютъ жителей отъ сельско-хозяйственныхъ занятій. Рыба — насущный хлѣбъ камчадала и неразлучнаго спутника его—собаки; пушнина же, какъ единственный предметъ сбыта, даетъ средства на все остальное, необходимое въ незатѣйливомъ быту туземца. Всю зиму гоняясь за звѣремъ, а лѣтомъ занятый рыбною ловлею, камчадалъ не имѣетъ времени заниматься полями и огородами, такъ что при настоящемъ бытѣ туземцевъ можно только удивляться какъ у него развилось сельское хозяйство хотя бы и въ томъ видѣ, въ какомъ оно находится теперь. Вмѣстѣ съ хлѣбопашествомъ и огородничествомъ, въ камчатскихъ селеніяхъ занимаются также разведеніемъ домашняго скота, но опять-таки въ небольшомъ количествѣ. Лошади и рогатый скотъ—якутской породы, которая въ Камчаткѣ, не смотря на плохой уходъ, улучшилась, благодаря прекрасному изобильному корму. Развитію скотоводства въ Камчаткѣ препятствуетъ таже причина, какъ и земледѣлію, т. е. недостатокъ времени: некогда запасаться сѣномъ въ должномъ количествѣ. Размноженію скота мѣшаютъ, кромѣ того, и собаки, содержимыя при селеніяхъ въ огромномъ количествѣ для ѣздовыхъ цѣлей. Отпущенныя лѣтомъ на свободу для самостоятельнаго прокормленія себя, собаки рыщутъ по окрестностямъ, пугаютъ скотъ, а нерѣдко и пожираютъ жеребятъ, телятъ, овецъ, свиней и домашнюю птицу. Оттого послѣднія, мелкія животныя, только и держатъ еще немного въ Петропавловскомъ портѣ. Камчатская ѣздовая собака—врагъ скотоводства; тѣмъ не менѣе она является важнѣйшимъ и полезнѣйшимъ животнымъ въ Камчаткѣ. При тамошнихъ глубокихъ снѣгахъ, ѣзда на собакахъ зачастую является единственнымъ способомъ сообщенія въ этой дикой, малонаселенной горной странѣ, гдѣ сотни верстъ приходится проѣзжать не встрѣчая жилья и гдѣ нѣтъ возможности запастись кормомъ. Лошадь вязнетъ въ сугробахъ снѣга и тонкій ледъ горныхъ рѣчекъ не выдерживаетъ ея тяжести; собаки же, запряженныя въ легкія сани или парту, отлично держатся на рыхломъ снѣгу и проходятъ по тонкому льду, что, при отсутствіи мостовъ на полуостровѣ, существенно важно.

Камчатскія ѣздовыя собаки по виду весьма схожи съ нашими дворовыми собаками. Главное ихъ качество—выносливость: холодъ, голодъ, усталость онѣ переносятъ замѣчательно

стойко; иногда, при длинномъ пути, онѣ до крови растираютъ себѣ ноги, но энергія ихъ все же не покидаетъ. Въ ѣздовое, т. е. зимнее время держатъ ихъ на привязи и кормятъ кислою рыбою или юкалой, но онѣ нерѣдко остаются въ проголодь. Обычный размѣръ нарты 10 ф. длины и 2 ф. ширины; сани состоятъ изъ деревянныхъ полозьевъ, копыльевъ, дугообразно согнутыхъ «барановъ», связанныхъ ремнями. Въ саняхъ нѣтъ ни куска желѣза, тѣмъ не менѣе они весьма прочны, вѣсятъ не болѣе 20 ф. и поднимаютъ тяжесть до 400—500 ф. Въ сани впрягаютъ обыкновенно отъ 7 до 15 собакъ, смотря по длинѣ пути и размѣрамъ груза; 11 собакъ легко перевозятъ грузъ въ 400 ф., пробѣгая въ день 40—50 в. Собаки впрягаются гуськомъ, прицѣпляясь ошейникомъ и алыкомъ (родъ шлеи) къ длинному ремню, такъ-называемому «среднихою» изъ тюленьей кожи. Передняя собака служитъ путеводителемъ въ снѣжной пустынѣ и дрессируется такъ, чтобы при ея помощи можно было управлять нартою. Ни возжей, ни кнута нѣтъ; все дѣлается голосомъ, словами, выкрикиваемыми на извѣстный тонъ: «кохъ!

Камчатская ѣзда на собакахъ.

кохъ!» означаетъ—на право, «хуггъ! хуггъ!»—на лѣво! «на-на-на» съ гортаннымъ выговоромъ обозначаетъ «стой» или тише и т. д. Названіе собакамъ даютъ по цвѣту шерсти, рѣдко по другимъ примѣтамъ. Ихъ называютъ напримѣръ: «Бэлій», «Бэльолянка», «Церный», «Церногривый», «Желтый», «Пестрый», «Мухнаска» и т. п. Молодыхъ щенятъ называютъ «Цуцки». Собаки хорошо знаютъ свои имена: стоитъ только каюру (кучеру) крикнуть имя лѣнящейся изъ нихъ,—и она моментально напрягаетъ свои силы. Всѣмъ ѣздовымъ собакамъ обрѣзываютъ хвосты въ возрастѣ одного года.

Для торможенія саней при спускѣ съ горъ, а также, чтобы остановить собакъ, когда онѣ очень разгорячатся и не слушаютъ голоса, употребляютъ оштолъ — толстая палка съ желѣзнымъ наконечникомъ. Острый конецъ палки (каюръ) вонзается въ такихъ случаяхъ въ снѣгъ у передней части нарты. Ѣзда на собакахъ требуетъ большой сноровки и далеко не безопасна: необходимо постоянно сохранять равновѣсіе, иначе узкая нарта легко опрокинется и путникъ вылетитъ въ снѣгъ; собаки же при этомъ неудержимо несутся впередъ, пока

не зацѣпятся за что нибудь или не добѣгутъ до жилья. Ѣздокъ особенно долженъ быть на сторожѣ при спускѣ съ горъ, когда санки несутся по узкой лѣсной тропинкѣ и путникъ ежеминутно рискуетъ выколоть себѣ глаза сучьями или разбиться объ пень. Даже на ровномъ мѣстѣ требуется сосредоточенное вниманіе, такъ какъ, почуявъ оленя или лисицу, завидѣвъ зайца или бѣлую куропатку, собаки неожиданно бросаются за ними въ сторону, и зазѣвавшемуся каюру не легко остановить ихъ и вновь направить на надлежащій путь.

Камчатскія собаки обладаютъ удивительнымъ чутьемъ, даже предчувствуютъ приближеніе непогоды, бури. Когда мятель (пурга) застаетъ путниковъ въ открытомъ мѣстѣ,— ищутъ по возможности удобнаго мѣста и ждутъ затишья, иногда по нѣскольку дней. Собаки въ такихъ случаяхъ обыкновенно лежатъ смирно, но отъ голода иногда объѣдаютъ ремни своей упряжи. Весною, когда послѣ таянія снѣговъ прекращается служба ѣздовыхъ собакъ, ихъ во многихъ мѣстахъ еще и нынѣ отпускаютъ на волю и онѣ кормятся по своему произволу, выкапывая мышей изъ норъ, промышляя рыбу «сненку» въ рѣкахъ, гоняясь за молодой дичью и, какъ было сказано выше, не отказываясь отъ удовольствія полакомиться даже и домашними животными. Кромѣ извоза, собаки употребляются также и для охоты за оленями, медвѣдями, лисицами и соболями. На сѣверѣ же, въ тундрахъ Камчатки, собаки несутъ еще и сторожевую службу при стадахъ оленей, которыхъ онѣ оберегаютъ отъ волковъ, подобно нашимъ овчаркамъ.

Съ появленіемъ сѣвернаго оленя, какъ домашняго животнаго, ѣздовая обязанность камчатскихъ собакъ переходитъ на оленей, которые не только возятъ, но и одѣваютъ и питаютъ своихъ хозяевъ. Оленей содержатъ въ Камчаткѣ коряки и ламуты, кочующіе въ сѣверной части полуострова, по плоской безлѣсной возвышенности, изобилующей оленьимъ кормомъ. Масса влаги, скопляющейся въ этой сѣверной нагорной мѣстности, будучи удерживаема въ верхнихъ слояхъ земли ледяною подпочвою, способствуетъ произростанію мха, который въ короткое полярное лѣто сѣверной Камчатки, подъ усиленнымъ вліяніемъ тепла и свѣта, развивается до замѣчательныхъ размѣровъ и отъ моря до моря покрываетъ собою огромныя пространства полуострова. Нога человѣка по колѣно вязнетъ въ губкообразной влажной массѣ этаго мха; лошадь, собака выбиваются изъ силъ въ густой заросли, гдѣ и питаться имъ нечѣмъ; для оленя же въ этомъ моховомъ морѣ представляется раздолье и онъ благоденствуетъ въ немъ, то прямо срывая сочныя вѣтки мха, то выгребая его изъ подъ снѣга своими копытами. Лѣтомъ олени питаются листьями альпійскихъ растеній и уходятъ за черты мховъ, зимою же возвращаются въ тундру западнаго берега, гдѣ постоянно есть такъ-называемыя «выдувныя мѣста».

Обездоленная въ отношеніи хлѣбныхъ злаковъ Камчатка изобилуетъ множествомъ дикорастущихъ кореньевъ и травъ, пригодныхъ въ пищу человѣку и служащихъ какъ-бы суррогатомъ хлѣба. Въ этомъ отношеніи «сарана», изъ породы лилій (особенность Камчатки и приохотскаго края), играетъ первенствующую роль. Въ пищу идетъ корень; луковица, выкапывается изъ земли по осени, чаще же выбирается изъ мышиныхъ норъ. Сарана (Fritillaria sarana) замѣняетъ крупу; пирейникъ вмѣстѣ съ морошкою, голубикою и другими ягодами составляетъ пріятнѣйшее кушанье камчадаловъ, любимое ихъ лакомство. Сарана бываетъ нѣсколькихъ родовъ: круглая (Fritillaria sarana), овсянка (Lilium avelinariun), мохнатая сарана, однолистка и пр. Изъ другихъ растеній назовемъ сладкую траву (Heracleum dulce), которая, подобно саранѣ, служила раньше угощеніемъ на всѣхъ празденствахъ, замѣняя конфекты. До ввоза въ Камчатку сахара, жители выдѣлывали его изъ этой травы: съ одного пуда ея получалось до четверти фунта сахара. Изъ этой же травы прежде гнали раку, родъ водки, сильно опьяняющей и располагающей къ галюцинаціямъ подобно опіуму. Изъ двухъ пудовъ травы выгонялось до ведра раки. Кипрей трава (Epilobium) употреблялась прежде да иногда и теперь употребляется какъ чай. Трава эта служитъ также хорошимъ сусломъ для

кваса и уксуса. Приготовленный инородцами сушеный кипрей пріятенъ на вкусъ. Между прочимъ его употребляютъ въ разныя приправы и сырой ѣдятъ, снявъ предварительно со стеблей верхнюю оболочку.

Черемша (alium ursinum) или полевой чеснокъ замѣняетъ въ хозяйствѣ настоящій чеснокъ и лукъ. Растеніе это славится какъ надежное противоцынготное средство. Матросы военныхъ и коммерческихъ судовъ, посѣщающихъ Камчатку, обыкновенно въбо льшомъ количествѣ запасаются черемшей и ѣдятъ ее, какъ капусту въ щахъ, отварную и нѣсколько сквашенную. Кромѣ черемши, въ Камчаткѣ много и другихъ лѣкарственныхъ травъ. Туземцы отлично умѣютъ распознавать ихъ и часто пользуются ими.

Изъ волокнистыхъ растеній «болотная трава» употребляется на постилку въ обуви и на обвертку ногъ во время зимнихъ путешествій. Есть также много длинной волокнистой крапивы, замѣняющей пеньку. Крапивная пряжа идетъ на сѣти и изъ нея можно было бы ткать холсты.

Ягодъ въ Камчаткѣ тоже въ изобиліи; кромѣ упомянутыхъ уже морошки и голубики или голубели, тамъ растетъ особенно пріятнаго вкуса жимолость, брусника, черника, шишка, черемуха, малина, кислица, рябина, княжника и многія другія ягоды, коими буквально пестрѣютъ луга и скаты горъ. Подобно съѣдобнымъ травамъ и кореньямъ, жители, исключительно впрочемъ женщины и дѣти, усердно собираютъ эти ягоды лѣтомъ и въ большомъ количествѣ запасаются ими на зиму. Тоже можно сказать и относительно орѣховъ, грибовъ и т. п. лѣсныхъ произрастаній.

Лѣса въ Камчаткѣ вообще много, имъ покрыты сплошь почти всѣ горы, за исключеніемъ вершинъ, гдѣ, за предѣлами лѣсной растительности, начинается уже альпійская флора, а также и за исключеніемъ тундръ и каменистыхъ мѣстъ на сѣверѣ полуострова. Впрочемъ нѣкоторыя сѣверныя долины тоже лѣсисты. Лѣсъ, встрѣчающійся на морскихъ окраинахъ,—какъ было уже упомянуто,—малорослъ и состоитъ по преимуществу изъ ельника и кедроваго сланца, стелящихся по землѣ. На этомъ сланцѣ иглы и шишки, какъ у настоящаго кедра, только орѣхи нѣсколько менѣе кедровыхъ. Подобно черемшѣ, сланцевыя молодыя шишки и побѣги служатъ отличнымъ противоцынготнымъ средствомъ. Кедровый сланецъ покрываетъ огромную поверхность Камчатки, поэтому въ урожайные года орѣховъ его бываетъ изобиліе и если-бы были свободныя руки, время да охота собирать орѣхи, то изъ нихъ можно бы было въ избыткѣ выдѣлывать масло не только для мѣстнаго потребленія (какъ это отчасти и дѣлалось прежде), но и для значительнаго вывоза въ другія страны. Да и все растеніе сланца—одно изъ найболѣе полезныхъ въ Камчаткѣ. Встрѣчаясь на самыхъ пустынныхъ мѣстахъ сѣвера, по тундрамъ и на обнаженныхъ, ничего уже болѣе не производящихъ, скалахъ, сланецъ служитъ отличнымъ и зачастую единственнымъ топливомъ для кочующихъ инородцевъ Камчатки, и безъ него многія сѣверныя мѣста полуострова, какъ и вообще сѣверо-восточной Сибири, были бы необитаемы.

Далѣе отъ моря, какъ было уже замѣчено, въ Камчаткѣ въ изобиліи появляются каменная береза (Betula Ermani), ольха, рябина, тополь, ель, ветла, осина и самое цѣнное въ судостроеніи дерево—лиственница. Послѣднее растетъ впрочемъ исключительно въ долинахъ р. Камчатки и ея притоковъ.

При всемъ изобиліи лѣса, жители нерѣдко бѣдствуютъ отъ недостатка топлива на морскихъ окраинахъ, особенно при отправленіи къ морю массами для промысловъ за морскимъ звѣремъ; тогда бываетъ большая потребность въ топливѣ, а на морскомъ берегу, на десятки верстъ ничего порядочно горящаго нельзя найти, и приходится довольствоваться тѣмъ, что выбросило море, т. е. до нельзя сырымъ лѣсомъ, который только дымитъ. Лѣса Камчатки изобилуютъ пушнымъ звѣремъ: соболями и лисицами; есть россомахи, выдры, горностаи; много зайцевъ, овражекъ и проч., а также медвѣдей, волковъ, горныхъ барановъ, дикихъ оленей.

Камчатскіе соболи, по величинѣ и пышности, считаются лучшими въ Сибири, они не такъ черны. Наиболѣе цѣнны соболи—тигильскіе и укинскіе, самые же плохіе около Лопатки и Курильскаго озера.

Ловля соболей, какъ и вообще пушнаго звѣря, производится исключительно зимою. Камчадалы гоняются за ними на лыжахъ съ нарочно дрессированными для того собаками. То мѣсто, гдѣ найдутъ спрятавшагося соболя, окружаютъ обыкновенно сѣтью или обметомъ и затѣмъ дымомъ выкуриваютъ его изъ норы или изъ подъ колоды, затѣмъ, или ловятъ его собаками и застрѣливаютъ изъ ружья, или убиваютъ палками. Число соболей, ежегодно добываемыхъ нынѣ въ Камчаткѣ, простирается до 3,000; цѣна же имъ—15 руб. за штуку—разного рода товарами. Соболиный промыселъ, изстари развитой по Камчаткѣ, съ годами болѣе и болѣе падаетъ вслѣдствіе убыли звѣрьковъ. Прежде, говорятъ, ихъ было невѣроятное множество; теперь же если кто изловитъ ихъ пять—шесть въ зиму, тотъ считается уже отличнымъ, усерднымъ и счастливымъ промышленникомъ.

Лисицы водятся чернобурыя и сиводушки, но больше красныхъ. Подобно соболямъ, камчатскія лисицы лучшія въ Сибири. Камчадалы промышляютъ лисицъ капканами и ружьемъ, а иногда бьютъ ихъ и палками, именно въ голодное время, когда лисица подходитъ къ жилищамъ. Говорятъ, что въ прежнее время, когда лисицъ было очень много, практиковался только послѣдній способъ ловли. Лучшій промыселъ бываетъ, когда снѣгъ выпадетъ на мерзлую землю и лисица не въ состояніи болѣе разыскивать и разрывать норы мышей, которыми она питается. Мѣстная цѣна мѣха красной лисицы 2 руб. 50 коп.; вывозъ же незначительный, всего 500—1000 штукъ.

Россомахъ въ Камчаткѣ сравнительно совсѣмъ мало; ихъ вывозятъ лишь нѣсколько десятковъ въ годъ; мѣстная цѣна имъ 6 руб. Охота на россомаху производится нынѣ только при помощи ружья. Мѣхъ россомахъ въ почетѣ у камчадаловъ: имъ они оторачиваютъ праздничные наряды свои, а космами россомахъ корякскія женщины украшаютъ свои малахаи (шапки) и кукули (капишоны) своихъ куклятокъ (дѣтей).

Зайцы въ Камчаткѣ какъ бы въ пренебреженіи, но все-таки ихъ ловятъ, а изъ шкуръ ихъ шьютъ одѣяла. Горностаевъ бьютъ весьма немного; купцы покупаютъ, платя 10 иголокъ за шкурку. Сурковъ почти вовсе не ловятъ, такъ что шкуръ этихъ звѣрьковъ можно и совсѣмъ не считать въ числѣ камчатской мѣховой рухляди.

Изъ другихъ звѣрей больше всего въ Камчаткѣ медвѣдей и волковъ, изъ которыхъ первые лѣтомъ, а послѣдніе зимою, бродятъ по тундрамъ, словно домашній скотъ. Камчатскіе медвѣди хотя велики, но не свирѣпы. На людей сами никогда не нападаютъ, а только обороняются. Питаются медвѣди ягодами, рыбой и мышами. Когда на устьяхъ рѣкъ появляется рыба,—медвѣди съ горъ стадами устремляются къ морю и лапами промышляютъ рыбу въ такомъ количествѣ, что довольствуются однѣми головками рыбы, а тушу ея бросаютъ, какъ негодное. Когда же рыба въ рѣкахъ переводится, а на тундрахъ нѣтъ корму,—не брезгаютъ и костями, что валяются на берегу; не рѣдко же пускаются на воровство рыбы изъ балагановъ промышленниковъ или же душатъ рогатый скотъ. Камчатскіе жители нынѣ промышляютъ медвѣдей исключительно стрѣльбой изъ ружья; прежде же били ихъ копьями въ берлогахъ. Послѣдній способъ преоригинальный! Камчадалы натаскивали къ отверстію берлоги полѣньевъ, палокъ; медвѣдь, стараясь очистить выходъ, втаскивалъ все это въ берлогу до тѣхъ поръ, пока самому ужь негдѣ было повернуться. Тогда камчадалы пробирались къ звѣрю уже сверху берлоги и закалывали его. Число медвѣдей, прежде ежегодно убиваемыхъ въ Камчаткѣ, было громадно. Извѣстно, напримѣръ, что казакъ въ одну зиму убилъ 52 медвѣдя. Теперь же этотъ промыселъ значительно упалъ: вывозится въ годъ всего нѣсколько сотъ медвѣжьихъ шкуръ; мѣстная цѣна имъ отъ 3 до 10 руб. Медвѣжьимъ мѣхомъ жители пользуются для подстилокъ, вмѣсто постели, а также шьютъ себѣ кукули (мѣшки, въ которыхъ спятъ на

снѣгу), кожу употребляютъ еще на подошвы, ремни и пр. Медвѣжій жиръ и мясо идутъ въ пищу и очень цѣнятся, жиръ кромѣ того употребляется для освѣщенія избъ и юртъ. Волчій мѣхъ тоже цѣнится на полуостровѣ. Онъ даетъ камчадалу теплое прочное платье; тѣмъ не менѣе волковъ промышляютъ сравнительно мало, такъ что звѣрь этотъ приноситъ больше вреда, чѣмъ пользы, воруя лисицъ изъ капкановъ, нападая на домашній скотъ и табуны оленей, не смотря даже на бдительный надзоръ за ними коряковъ. Дикій олень, равно какъ и дикій каменный баранъ водятся въ Камчаткѣ въ значительномъ количествѣ. Шкуры ихъ даютъ самое теплое платье; мясо и жиръ—вкусную, питательную пищу, изъ роговъ дѣлаютъ ковши, ложки и другія мелочи домашняго обихода; вообще всѣ части дикаго оленя идутъ на потребу человѣка и потому охота на этихъ звѣрей сильно развита на полуостровѣ. Къ сожалѣнію во многихъ мѣстахъ они истреблены уже до минимума, какъ, напримѣръ, по всему сѣверо-западному и сѣверо-восточному прибрежью. Дикій баранъ по виду и походкѣ сходенъ съ козою; шерстью же походитъ на оленя. Бѣгаютъ бараны также быстро, какъ серны, и подобно имъ скачутъ съ камня на камень огромными прыжками.

Перечисляя различныхъ животныхъ, водящихся въ Камчаткѣ, нельзя не упомянуть о камчатскихъ мышахъ, вѣрнѣе «полевкахъ», которыя, по характерному выраженію Крашенинникова, служатъ камчадалу вмѣсто рабовъ, т. е. добываютъ ему хлѣбъ. Собственно на полуостровѣ водятся три рода «полевокъ», но мы имѣемъ въ виду наиболѣе полезный родъ ихъ—Avvicola occonomus var Kamtschatica. Эта полевка схожа съ нашею европейскою сѣрою полевкою (Avvicola taticeps); шерсть сѣробурая и хвостъ короткій.—Живетъ въ норахъ по тундрамъ и въ рѣдколѣсье во множествѣ. Кладовыя этихъ полевокъ просторны, чисты, выстланы травою; въ нихъ хранится сарана, кемчша (clintonia) и другіе корни и клубника, трудолюбиво собранныя мышами лѣтомъ для зимняго корма. Лѣтомъ мыши питаются ягодами, орѣхами и всѣмъ, что попадется; зимніе же запасы не трогаютъ, напротивъ усердно пополняютъ и даже просушиваютъ ихъ въ ясные, теплые дни. Этимъ трудолюбіемъ и запасливостью камчадалы широко пользуются. Обыкновенно женщины разыскиваютъ кладовыя «полевокъ» и выбираютъ изъ нихъ запасы сараны или кемчши (clintonia), оставляя однако извѣстную часть мышамъ, чтобы имъ было чѣмъ пропитаться до новаго корма. Камчатскія полевки, также какъ и норвежскія лемминги, удостоились какъ со стороны мѣстныхъ жителей, такъ и со стороны ученыхъ путешественниковъ романическихъ разсказовъ объ ихъ изумительныхъ путешествіяхъ на полуостровѣ и внѣ его. Говорятъ, что полевки совершаютъ иногда свои перекочевки до того громадными стадами, что путнику, встрѣтившему полчища ихъ на пути своемъ, приходится иногда по часу и по два дожидаться прохода. На пути своемъ полевки не обходятъ ни рѣкъ, ни озеръ, а пускаются вплавь и, достигнувъ противоположнаго берега, ложатся отдыхать, сушиться, а потомъ продолжаютъ путь свой. Камчадалы считаютъ годъ особеннаго размноженія полевокъ, «своихъ кормильцевъ», счастливымъ годомъ. У нихъ есть примѣта, что скудное количество полевокъ въ Камчаткѣ предвѣщаетъ влажное лѣто и дурной звѣриный промыселъ. Послѣднее обусловливается тѣмъ, что лисицы и другіе звѣри питаются мышами, а потому, при скудности полевокъ въ Камчаткѣ, они удаляются на сѣверъ, за предѣлы полуострова.

Подобно суши, воды Камчатки также богаты животною жизнью. Въ рѣкахъ водится много выдръ, особенно въ рѣкахъ по западному берегу. Ловятъ ихъ большею частью капканами. Кожи выдръ употребляются на опушки камчадальскаго платья; ихъ нынѣ вывозятъ штукъ до 700, а мѣстная цѣна имъ отъ 3 до 5 руб. Тюленей въ камчатскихъ моряхъ несмѣтное множество и водится ихъ нѣсколько породъ. Крупнѣйшая изъ нихъ—лахтакъ (Phoca barbata) величиною болѣе обыкновеннаго быка. За ними охотятся преимущественно между 56 и 64° широты какъ по Охотскому берегу, такъ и со стороны Берингова моря. Обыкновенно тюлени находятся около устьевъ большихъ рѣкъ и рыбныхъ бухтъ, гдѣ въ малую воду сплошь открываются оголяющіеся пески и камни. Далѣе 30 миль отъ берега тюлени

не заходятъ въ море; въ рѣки же они подымаются иногда верстъ на 80, напримѣръ, въ рѣку Тигиль, особенно же во время хода рыбы, когда тюлени преслѣдуютъ ее цѣлыми стадами. Тюлени носятъ по одному щенку и кормятъ ихъ молокомъ. Тунгусы даютъ молоко тюленей своимъ дѣтямъ, какъ лекарство. Тюлени очень трусливы: съ приближеніемъ человѣка обращаются въ бѣгство. Поэтому на берегу стараются обойти ихъ, когда они сидятъ. Отрѣзавъ же отступленіе къ морю, бьютъ палками. Въ рѣкахъ же и озерахъ, вообще въ водѣ стрѣляютъ ихъ изъ винтовокъ, цѣля въ голову; въ противномъ же случаѣ раненый тюлень уходитъ въ воду, гдѣ его трудно розыскать. Камчадалы бьютъ тюленей еще «носкомъ», родъ копья на веревкѣ, для чего подкрадываются изъ подъ вѣтра. Прежніе жители Лопатки, подобно курильцамъ, убивали тюленей изъ байдаръ, сонныхъ, на морѣ, въ тихую погоду; жители же Большерѣцка и окрестныхъ рѣчекъ ловили ихъ сѣтями. Когда тюлени поднимались вверхъ по рѣкѣ, тогда въ нѣсколькихъ мѣстахъ рѣки протягивали крѣпкія сѣти; при каждой сѣти становились по нѣскольку человѣкъ въ лодкахъ съ копьями и дубинами; прочіе же, плавая по рѣкѣ, пугали тюленей крикомъ и гнали ихъ къ сѣтямъ. Когда тѣ заплывали въ сѣти, одни били ихъ, другіе вытаскивали на берегъ.

Такимъ образомъ промышляли ихъ иногда до сотни штукъ за одинъ разъ. За малолюдствомъ и неимѣніемъ снастей, способъ этотъ не практикуется болѣе. Мясо тюленей камчадалы съ удовольствіемъ ѣдятъ вареное и вяленое; жиръ тоже идетъ въ пищу, главнымъ же образомъ—на освѣщеніе. Кожи лахтаковъ употребляются на подошвы и ремни, а также на байдары или лодки, поднимающія до 30 человѣкъ. Байдары замѣчательно легки и быстры на ходу.

Моржи также встрѣчаются въ Камчаткѣ и доходятъ на югъ до широты Петропавловска; около острова Карягинскаго ихъ ежегодно убиваютъ. Изъ раздвоенныхъ шкуръ ихъ, то есть раздѣленныхъ на половину толщины, дѣлаются байдарки и подошвы; клыки продаютъ купцамъ по 6 руб. за пудъ. Сивучи, или морскіе львы (Otaria Stelleri), также водятся во многихъ мѣстахъ полуострова, преимущественно же около Кроноцкаго и Шипунскаго мысовъ, гдѣ лазаютъ по утесамъ и стадами лежатъ на камняхъ, а также—около юго-западнаго берега Камчатки, около р. Озерной и около Курильскихъ острововъ, почти до самаго Матсмая, на сѣверо-западъ они доходятъ, какъ говорятъ, до Ямска, въ Охотскомъ морѣ. Прилегающіе къ Камчаткѣ Командорскіе острова, Беринговы и Мѣдные посѣщаются ими въ іюнѣ, іюлѣ и августѣ для покоя, рожденія и воспитанія щенковъ, послѣ чего многіе опять возвращаются къ берегамъ полуострова.

Сивучи по внѣшнему виду мало отличаются отъ тюленей; вѣсъ ихъ бываетъ до тридцати—сорока пудовъ, шерсть по всему тѣлу свѣтло-бурая, головы съ короткими и тонкими ушными раковинами, зубы большіе, ноги ластами. Ревъ громче тюленьяго и часто въ пустынныхъ мало изслѣдованныхъ мѣстахъ, во время тумана, служилъ предостереженіемъ мореплавателямъ о приближеніи ихъ къ опасности: отмели, островку или камнямъ, у которыхъ эти животныя по преимуществу и водятся. По виду сивучъ кажется отважнымъ животнымъ и когда для него всѣ пути къ бѣгству закрыты, онъ дѣйствительно и бываетъ таковымъ; но вообще огромное животное это боится человѣка и, завидѣвъ его, поспѣшно уходитъ въ море, гдѣ борьба съ ними значительно труднѣе. Камчадалы прежде никогда не нападали на сивучей открыто, а подходили къ нимъ тишкомъ, съ подвѣтренной стороны когда они спятъ, затѣмъ сильнѣйшіе изъ партіи охотниковъ и наиболѣе проворные бросали въ сивучей «носки», стараясь вонзить ихъ между передними ластами; прочіе же изъ партіи держали ремни отъ носковъ, обернутые вокругъ кола. Когда же раненый звѣрь обращался въ бѣгство,—его преслѣдовали выстрѣлами изъ луковъ, а затѣмъ утомленнаго и обезсиленнаго закалывали копьями и добивали палками. Нынѣ камчадалы бьютъ сивучей изъ ружья; жиръ ихъ и мясо идутъ въ пищу; особенно вкусны ласты. Изъ сивучихъ кожъ дѣлаютъ ремни, подошвы, обшиваютъ ими байдары.

Подобно сивучамъ и морскіе коты, тоже изъ породы тюленей (Otarie ursina) и общею формою тѣла схожи съ послѣдними, но рыло длиннѣе сивучьяго; зубы большіе, глаза выпуклые, красивыя ушныя раковины, короткіе ласты голые, шерсть темно-сѣрая съ мягкимъ шелковистымъ подшерсткомъ; у щенковъ шерсть сизо-черная. Самцы имѣютъ до сажени росту, а самки всего около аршина. Коты—кочевое животное. Въ извѣстное время года они огромными стадами въ десятки и сотни тысячъ головъ перемѣщаются съ юга на сѣверъ и обратно. На берега Камчатки они рѣдко выходятъ, только ранней весной, когда отъ Курильскихъ острововъ слѣдуютъ къ прилегающимъ къ Камчаткѣ Командорскимъ островамъ, Берингову и Мѣдному, гдѣ съ незапамятныхъ временъ устраиваютъ себѣ лѣтнія лежбища.

Морскіе бобры (Enhysvis marina) прежде водились на полуостровѣ большими стадами, съ начала же нынѣшняго столѣтія такъ перевелись, что проходили десятки лѣтъ въ теченіи которыхъ ихъ вовсе не было видно. Теперь бобры стали опять появляться въ Камчаткѣ; ихъ

Группа Коряковъ.

промышляютъ южнѣе Петропавловска, около Желтаго мыса, переселившіеся въ Камчатку алеуты: въ теченіи полуторыхъ лѣтъ ихъ изловили тамъ 110 штукъ, на сумму 11.000 руб. Бобры величиною съ котовъ—матокъ, видомъ же похожи на выдръ, но голова круглѣе, переднія же ноги лапами, заднія ластами, зубы небольшіе, хвостъ короткій, плоскій, шерсть у взрослыхъ бобровъ темно коричневая, у старыхъ сѣдѣетъ. Бобры—самый кроткій изъ всѣхъ звѣрей морскихъ и не оказываютъ промышленникамъ никакихъ сопротивленій, стараясь лишь убѣжать, если возможно. Самки очень привязаны къ дѣтямъ и не покидаютъ ихъ даже въ минуты крайней опасности. Поэтому промышленники стараются, прежде всего, захватить бобренка или «медвѣдку»—какъ называютъ маленькихъ бобровъ;—матку же считаютъ въ такомъ случаѣ обязательно уже своею. Промышляютъ бобровъ троякимъ способомъ: 1) сѣтями, которыя ставятъ въ заросли морской капусты (Laminaria esculenta), гдѣ бобры ютятся въ ночное время или бурную погоду; 2) гоняются за ними въ байдарахъ, когда на морѣ тихая

погода, и бросаютъ въ нихъ стрѣлы, что практикуется, впрочемъ, по преимуществу курильцами и алеутами, такъ какъ у камчадаловъ байдары почти вывелись и они утратили былое свое мореходное искусство; 3) били ихъ раньше весною на прибиваемомъ къ берегу льду, когда сильнымъ восточнымъ вѣтромъ гонитъ ледъ къ берегу. Въ послѣднемъ случаѣ, когда ледъ бывалъ такъ крѣпокъ, что по немъ можно было гоняться за бобрами на лыжахъ, звѣрей этихъ убивали во множествѣ. Бобры же очень пугливы, и однажды потревоженные они не ворочаются уже на прежнее мѣсто. Поэтому употребленіе огнестрѣльнаго оружія сильно разгоняетъ ихъ.

Перечисливъ главныхъ морскихъ и рѣчныхъ звѣрей Камчатки изъ породы тюленей и выдръ, перейдемъ къ морскимъ звѣрямъ, исключительно въ водѣ живущимъ. Первое мѣсто слѣдовало отвести морскимъ коровамъ (Rhytina Stellevi), тюленеобразнымъ чудовищамъ въ 4 сажени длины и 200 пудовъ вѣсомъ, которыя при открытіи Камчатки и во время путешествія Штеллера еще большими стадами паслись въ морскихъ заросляхъ у береговъ острова Беринга. Но отъ былаго изобилія этихъ животныхъ ничего не осталось. Еще въ прошломъ столѣтіи всѣ онѣ перевелись, и теперь счастливой находкой считается скелетъ морской коровы, когда его удается найти въ наносныхъ слояхъ береговой полосы острова Беринга для музея, подобно допотопному мамонту.

Корякская женщина.

Киты водились во всѣхъ при-камчатскихъ моряхъ въ изобиліи и еще недавно, въ пятидесятыхъ годахъ, до 250 трехмачтовыхъ китобоевъ плавали по одному Охотскому морю; въ Авачинской же губѣ и Петропавловскѣ можно было видѣть на якорѣ сразу до 40—50 китобойныхъ судовъ. Теперь же ничего подобнаго нѣтъ: напуганные усиленной охотой, киты откочевали въ мѣста менѣе доступныя человѣку. Положимъ, они и теперь еще появляются въ камчатскихъ моряхъ, но въ незначительномъ уже количествѣ. Туземцы Камчатки, собственно камчадалы, по недостатку предпріимчивости и надлежащихъ приспособленій, никогда не отваживались на ловлю китовъ въ открытомъ морѣ, а пользовались лишь выброшенными на берегъ мертвыми китами. Сѣверные же жители Камчатки коряки и сосѣди ихъ чукчи, одаренные большою физическою силой и искуссные мореплаватели, били китовъ на байдарахъ носками и гарпунами, а также и изъ ружей. Въ прежніе годы убивали китовъ преимущественно тогда, когда киты приближались къ берегамъ и терлись о нихъ, чтобы стереть приставшія къ кожѣ раковины. Китовое мясо туземцы не употребляютъ въ пищу, но жиръ ѣдятъ, и онъ идетъ на освѣщеніе и топливо. Китовымъ усомъ сшиваютъ байдары и въ былыя времена плели изъ нихъ сѣти для ловли рыбъ и лисицъ. Изъ китовыхъ челюстей выпиливаютъ плоскіе куски для такъ называемыхъ костяныхъ подрѣзовъ, приколачиваемыхъ къ полозьямъ партъ. Кромѣ того изъ нихъ дѣлаютъ черенки для ножей и разныя другія домашнія принадлежности. Также кишки китовъ идутъ въ употребленіе: служатъ вмѣсто пузырей, въ которыхъ сохраняется жиръ. Китовъ обыкновенно сопровождаетъ касатка (изъ породы дельфиновъ), которую хотя

не промышляютъ, но жиромъ которой пользуются когда это животное выбрасываетъ на берегъ.

Бѣлуга въ изобиліи водится близъ устьевъ рѣкъ, много также акулъ, которыхъ камчадалы ѣдятъ. Кишки акулъ, особенно же пузырь дорого цѣнится по удобству сохраненія въ немъ топленаго жира. Изъ морскихъ животныхъ водятся еще скатъ, зуботка, треска, вохня, хохольцы, терпукъ, сельди. Вохня—это особый видъ трески, рыба не особенно вкусна, но жители охотно ѣдятъ ее, такъ-какъ это первая свѣжая рыба весною. Ловятъ ее во множествѣ и сушатъ на солнцѣ не чистя,—для зимняго корма собакамъ.

Коряки у юрты.

Хохольцы заходятъ изъ океана въ рѣку Камчатку въ такомъ множествѣ, что иногда вода заливаетъ берегъ четверти на двѣ. Камчадалы ловятъ ее сачками, т. е. просто «черпаютъ» рыбу эту и сушатъ на зиму для собакъ.

Самая важная рыба въ экономіи Камчатки—лососи. Они лѣтомъ идутъ огромною массою изъ моря въ рѣки и составляютъ главную существенную часть продовольствія камчатскихъ жителей. Здѣсь водится много породъ лососей; лучшій родъ камчатскихъ лососей извѣстенъ подъ именемъ «чавычи» (salmo orientalis), величиною аршина въ полтора, вѣсомъ до 2½ пудовъ. Въ рѣку Камчатку «чавыча» поднимается иногда около 20 апрѣля, а въ Большую—около 10 мая; въ Петропавловскѣ же ловъ ея начинается въ іюнѣ. Чавыча идетъ вверхъ по рѣкамъ такъ стремительно, что гонитъ передъ собою валъ. Камчадалы усердно стерегутъ этотъ валъ съ нарочно для того устроенныхъ помостовъ. Завидѣвъ валъ, камчадалы, находящіеся въ лодкѣ, закидываютъ особаго рода сѣти, спеціально для этой рыбы плетенныя изъ толстой пряжи. Чавыча—весьма вкусная рыба; «юкола» изъ нея (т. е. сушеная рыба) высоко цѣнится, но трудно сохраняется, такъ какъ она очень жирна. Казаки предпочитаютъ

солить чавычу. Другой видъ лосося такъ называемая «красная рыба», а по охотски «нярка» величиною въ $^{3}/_{4}$ аршина, а вѣсомъ до 15 фунтовъ. Съ моря она идетъ во всѣ рѣки какъ по восточному, такъ и по западному берегу огромными массами. Ловля бываетъ отъ начала до половины іюня; «юкола» изъ нея также вкусна, но подобно «чавычи» скоро горкнетъ. Камчадалы по рѣкѣ Камчаткѣ вывариваютъ изъ нея жиръ. За «красной рыбой»—слѣдуетъ «хайко». На Амурѣ называютъ эту рыбу «кэтхи». Она появляется въ началѣ іюля. Величиною она нѣсколько болѣе «красной» и многочисленнѣе; «юкола» этой рыбы не горкнетъ, но за то она и малоцѣнна. За «хайко», а иногда и вмѣстѣ съ нею, слѣдуетъ «горбуша», притомъ въ несравненно большемъ количествѣ, сравнительно съ другими рыбами, особенно же по западному берегу. Длина горбуши около полутора футовъ; вкусъ хорошій. Такъ какъ жители ко времени хода этой рыбы успѣваютъ уже запастись значительнымъ количествомъ лучшихъ породъ, то горбушей они пренебрегаютъ и употребляютъ ее только для собакъ. Къ осени идетъ въ рѣки лосось, называемый «кизучи» (Salmo sangvinolontus). Въ Камчаткѣ почти до самаго Рождества рыба идетъ изъ моря въ рѣки для метанія икры и, по мнѣнію многихъ, она не ворочается уже назадъ въ море: оставшаяся не выловленною погибаетъ, молодыя же рыбки уплываютъ въ море, гдѣ держатся до возмужалости, достигнувъ которой, въ свою очередь, идутъ въ рѣки метать икру и кончать вѣкъ свой въ прѣсной водѣ.

Рыбный заторъ на р. Камчаткѣ; у Мильковскаго селенія.

Всѣ названныя породы рыбъ, попавъ въ рѣки, перемѣняютъ свой цвѣтъ и сильно худѣютъ; у всѣхъ носы становятся крюкомъ, зубы удлинняются и на чешуѣ является какъ бы короста. Чавыча, красная рыба, хайко, горбуша изъ серебрянныхъ дѣлаются красными. Стремленіе всѣхъ рыбъ, особенно же горбуши подыматься вверхъ по рѣкѣ такъ велико, что, приближаясь къ стремнинѣ рѣки, рыба до изнеможенія бьется, чтобъ подняться. Отъ тренія о разные предметы въ верховьяхъ рѣкъ, рѣдкую рыбу можно найти, у которой тѣло не было бы изувѣчено. Между прочимъ, можно наблюдать какъ изнеможенная рыба, уткнувшись носомъ въ берегъ, издыхаетъ, но никогда не обращается внизъ по теченію. Ходъ рыбы вверхъ иногда бываетъ такими огромными массами, что небольшія рѣчки выходятъ изъ береговъ до тѣхъ поръ, какъ рыба не перестанетъ входить въ устье; при быстромъ же спадѣ воды, на осушившихся берегахъ, остается много сонной рыбы, вслѣдствіе чего подымается сильное зловоніе.

Рыба идетъ иногда такъ плотно одна къ другой и въ такомъ количествѣ, что стоитъ острогою ткнуть въ воду, чтобы вытащить рыбу. Медвѣди и собаки въ такихъ случаяхъ промышляютъ живую рыбу изъ рѣчекъ просто зубами или лапами, и набираютъ ее такимъ способомъ болѣе, чѣмъ въ другихъ мѣстахъ люди успѣваютъ наловить бреднями и неводомъ. Сѣтями ловятъ рыбу въ Петропавловскѣ по рѣкѣ Камчаткѣ и многихъ другихъ мѣстахъ. Неводъ употребляютъ рѣже; обыкновенно же перегораживаютъ рѣку заторами.

Священникъ Громовъ разсказываетъ, что, гуляя однажды въ окрестностяхъ Петропавловска съ однимъ рослымъ и сильнымъ американцемъ, они увидѣли въ крошечной рѣченкѣ

одинъ такой диковинный заторъ рыбъ. Американецъ принялся дѣлать опытъ вынимать се крючкомъ.—Вынулъ 800 штукъ и былъ не въ силахъ больше работать: дюжая рука его устала. Безпрерывный ходъ рыбы по узкимъ прозрачнымъ ручейкамъ - обычное зрѣлище лѣтняго посѣтителя Камчатки. Я тоже имѣлъ случай любоваться имъ въ мелкихъ рѣчкахъ.

Вообще можно сказать, что на всемъ полуостровѣ, такое изобиліе рыбы, что ею можно бы прокормить всю вселенную. Да и какой рыбы! Замѣчательно вкусной, питательной, никогда не пріѣдающейся. Торговавшіе въ Камчаткѣ американцы, стоя на суднѣ въ Петропавловской гавани, отъ нечего дѣлать, забрасывали около судна сѣть; пойманную рыбу солили въ бочкахъ и продавали на Сандвичевыхъ островахъ по доллару за штуку. Это вызвало одного изъ камчатскихъ купцовъ на открытіе правильной вывозной торговли соленою рыбою; но капитала не хватило на обзаведеніе и дѣло не состоялось. Большое затрудненіе представляетъ также и недостатокъ рабочихъ рукъ. Каждый спѣшитъ запастись рыбою, какъ хлѣбомъ на зиму; для промысла же на вывозъ не хватаетъ ни времени, ни рукъ. Въ Иркутскѣ въ магазинахъ на расхватъ покупаютъ балыки, приготовленные въ Охотскѣ по 1 рублю за штуку; камчатская же «красная-рыба», хайко, кизучи, чавыча и др., несравненно вкуснѣе охотской и изобильнѣе ея. Еслибъ заняться только приготовленіемъ сельдей, которыми, напримѣръ, кипитъ Авачинская губа, Нерпичее озеро, то для всей Сибири не понадобилось бы голландскихъ сельдей. Камчатскія сельди особенно хороши копченыя.

Перечисляя рыбъ, я не назвалъ еще множество ихъ. Между ними есть такія значительныя, какъ гольца, напримѣръ, почти доростающая величины «красной рыбы». Гольца по рѣкѣ Камчаткѣ заходятъ въ озера и, вопреки нраву большинства своихъ собратьевъ, держутся въ озерахъ и рѣкахъ по нѣскольку лѣтъ, даже лѣтъ по шести. Рыба микижа и кунджа достигаетъ величины 2—3 футъ и мн. др. Изъ мелкихъ рыбъ достойны вниманія: хагачь, инняшка, уитси (Salmo socialis). Послѣдняя часто выбрасывается Восточнымъ океаномъ въ такомъ количествѣ, что берегъ на сто верстъ бываетъ покрытъ слоемъ ея въ колѣно вышиною.

Царство пернатыхъ тоже изобильно въ Камчаткѣ, но жители пользуются этимъ богатствомъ только въ мѣстахъ, гдѣ ловля обильнѣе. Недостатокъ же времени дѣлаетъ ловлю во многихъ случаяхъ невозможною. Оставить ловлю рыбъ для птицъ, также невыгодно, какъ оторваться отъ поля въ страдную пору. Морскія птицы гнѣздятся болѣе по высокимъ скалистымъ берегамъ со стороны океана, гдѣ имъ удобнѣе и безопаснѣе выводить своихъ дѣтенышей. Особенно много въ Камчаткѣ чаекъ и непрестанный крикъ ихъ порядочно раздражаетъ непривычнаго человѣка. Такъ называемая «двухсаженная» чайка или альбатросъ, величиною съ большого гуся, бываетъ двухъ родовъ—черная и бѣлая; растянутыя крылья ихъ больше сажени. Когда рыба идетъ съ моря въ рѣки, эта птица появляется у береговъ, объѣдаясь рыбою. Въ прежнія времена ловили альбатросовъ крючкомъ съ привѣшенною къ нему приманкой изъ рыбы. Завидѣвъ плавающую пищу, чайки стадомъ налетаютъ на нее и долго дерутся между собою, пока сильнѣйшая не проглотитъ приманки. Тогда промышленникъ, притянувъ птицу веревкою къ берегу и, засунувъ руку въ горло, вынимаетъ наживу съ крючкомъ и снова пускаетъ ихъ въ дѣло за оставшимися обжорами. Для вящшаго ускоренія ловли, иногда привязывали къ веревкѣ живую чайку, чтобы другія, увидѣвъ ее плавающею около берега, скорѣе собрались бы на наживу. А чтобъ привязанная чайка сама не сожрала наживу,—клювъ ея связываютъ веревкою. Буревѣстники тоже водятся въ Камчаткѣ, въ томъ числѣ сторики и глупыши. Сторики—величиною съ голубя, и ловятъ ихъ, по разсказамъ, курильцы слѣдующимъ образомъ: «промышленники надѣваютъ свои кухлянки (шубы) и садятся подъ вечеръ у скалъ; птица прилѣтаетъ съ моря и въ темнотѣ, ища себѣ норы для убѣжища, въ большомъ числѣ набирается въ шубы ловцовъ». Глупыши, величиною съ рѣчныхъ чаекъ, часто залетаютъ на корабли. Курильцы ловятъ ихъ въ очень большомъ числѣ и сушатъ на воздухѣ.

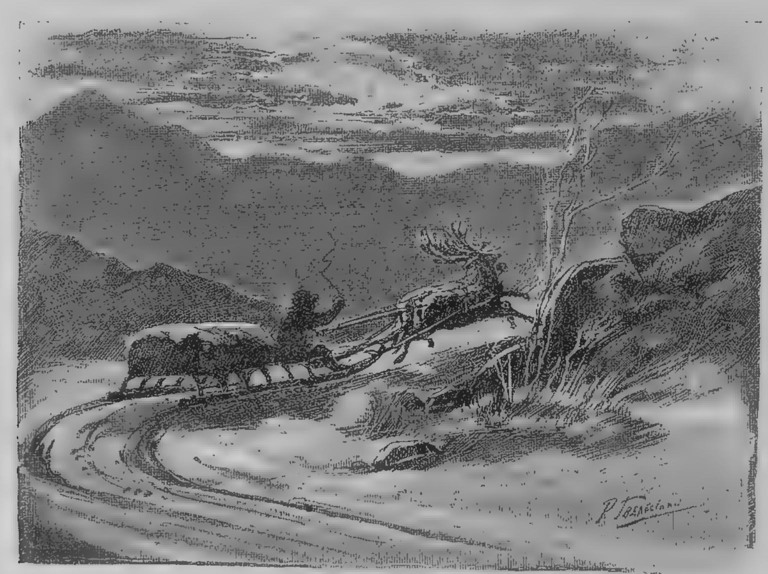
Уриловъ или баклановъ также очень много. Величиною они съ небольшаго гуся, питаются рыбой. Какъ и альбатросы, по ночамъ бакланы стоятъ на краю утеса рядами и съ просонья, какъ говорятъ, часто падаютъ внизъ, гдѣ и достаются песцамъ, подкарауливающимъ ихъ въ такихъ мѣстахъ. Прежде ловили уриловъ сѣтями, которыя набрасывали на нихъ, или разстилали на водѣ близъ берега, гдѣ они и запутывались ногами. По вечерамъ ихъ промышляли также силками, привязанными на длинные шесты. Подкравшись къ сидящимъ на утесѣ птицамъ съ силкомъ, промышленникъ поочередно снималъ, какъ увѣряютъ, одну птицу за другою; вслѣдствіе необычайной глупости этихъ птицъ, въ короткое время всѣхъ ихъ вылавливали, такъ какъ не только сосѣднія птицы, при видѣ опасности, не улетали, но даже и тѣ, на которыхъ сразу не удавалось хорошенько наложить силокъ, только головой мотали, а съ мѣста не двигались. Теперь этотъ способъ ловли не извѣстенъ жителямъ Камчатки.

Изъ птицъ, живущихъ около прѣсныхъ водъ, главное мѣсто припадлежитъ лебедю, который водится на Камчаткѣ и лѣтомъ и зимой въ значительномъ количествѣ, такъ что и у бѣднаго жителя иногда онъ появляется на обѣдъ. Гусей въ Камчаткѣ около 4-хъ родовъ, прилетаютъ они въ маѣ и остаются до ноября. Преобладаютъ сѣрые большіе гуси; бѣлые же гуси, какъ жители болѣе холодныхъ странъ (устья Колыма и другихъ большихъ рѣкъ Сибири), водятся въ Камчаткѣ сравнительно въ небольшомъ числѣ. По разсказамъ, прежде, во время линянія гусей, ихъ ловили такимъ оригинальнымъ образомъ: вмѣстѣ, гдѣ они обыкновенно садятся, дѣлали шалашъ съ двумя проходными дверями; промышленникъ, одѣвшись весь въ бѣлое, подкрадывался къ стаду и, обративъ на себя его вниманіе, ползъ къ шалашу, за нимъ слѣдовали гуси и заползали въ шалашъ; промышленникъ же, пройдя сквозь шалашъ, запиралъ выходныя двери и, обѣжавъ вокругъ, убивалъ всѣхъ гусей. Промышляли еще гусей во время линянія гоняясь за ними въ лодкахъ, и иногда собаками, больше же ловили ямами, которыя прикрывали травою, и гуси, гуляя по берегу, проваливались въ нихъ. Нынѣ же способы эти не практикуются болѣе; на гусей теперь охотятся и промышляютъ ихъ ружьемъ.

Утокъ въ Камчаткѣ тоже имѣется много породъ, нѣкоторыя изъ нихъ, какъ селезни, крахачи и гоголи зимуютъ въ Камчаткѣ, прочія же прилетаютъ по вѣснѣ и остаются до осени. Утокъ, водящихся по рѣкамъ, иногда ловятъ такъ называемымъ перевѣсомъ или сѣтями, которыя растягиваютъ на шестахъ между деревьями, поперегъ просѣки, нарочно прорубленной въ лѣсу на перешейкѣ между двумя озерами, а также поперегъ узкихъ рѣкъ на высотѣ перелета утокъ. Къ сѣтямъ придѣлываютъ тетивы, которыми можно стягивать и растягивать сѣти и дѣйствовать ими во время полета утокъ; такимъ способомъ камчадаламъ удается иногда поймать массу дичи.

ародонаселеніе Камчатки, по малочисленности своей, далеко не соотвѣтствуетъ сложнымъ потребностямъ мѣстной жизни. На всемъ полуостровѣ, обнимающемъ собою 5,000 кв. географическихъ миль или 250 т. кв. верстъ, обитаетъ не болѣе 6,300 жителей. Населеніе состоитъ изъ коряковъ и алеутовъ, обитающихъ на сѣверѣ и сѣверозападѣ полуострова, изъ камчадаловъ, занимающихъ среднюю и южную часть Камчатки, горсти алеутовъ и курильцевъ, выходцевъ съ островов и изъ русскихъ колонистовъ, разбросанныхъ не большими группами по всему полуострову.

Коряки—народъ монгольскаго происхожденія, составляютъ коренное населеніе сѣвера Камчатки, но входятъ въ нее только частью своего, вообще не большого, племени, раскинувшагося по всему преддверію полуострова до р. Анадыря и Становаго хребта, вокругъ Пенжинскаго и Гижигинскаго заливовъ Охотскаго моря. Сосѣди коряковъ на сѣверо-востокѣ—родственное имъ могущественное племя чукчей; на сѣверо-западѣ юкагири и тунгусы, а на югѣ уже въ предѣлахъ Камчатскаго полуострова камчадалы. Въ Камчаткѣ собственно коряковъ около трехъ тысячъ. По роду жизни они раздѣляются на сидячихъ и кочевыхъ. Сидячіе коряки существуютъ рыбнымъ промысломъ и охотой на морскихъ звѣрей, печему держатся

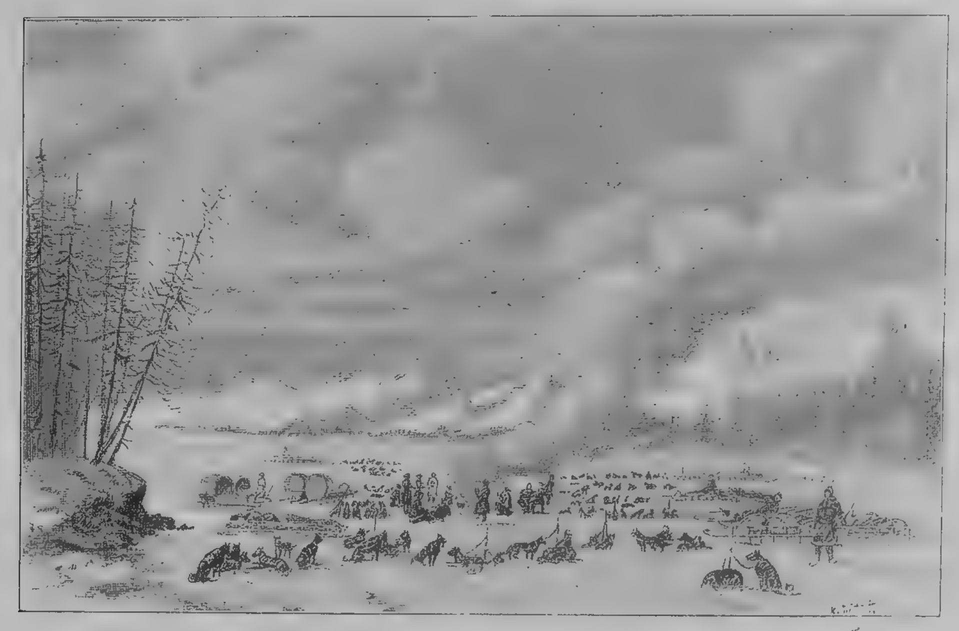


Ѣзда на оленяхъ.

берега моря и устьевъ рѣкъ, при которыхъ и живутъ небольшими родами, въ селеніяхъ изъ нѣсколькихъ домовъ, точнѣе бревенчатыхъ юртъ, грубо сколоченныхъ изъ выброшеннаго моремъ лѣса.

Бродячіе коряки живутъ въ палаткахъ изъ легкихъ жердей, покрытыхъ оленьими шкурами. Существуя исключительно стадами оленей, они кучуютъ по громаднымъ тундрамъ. На

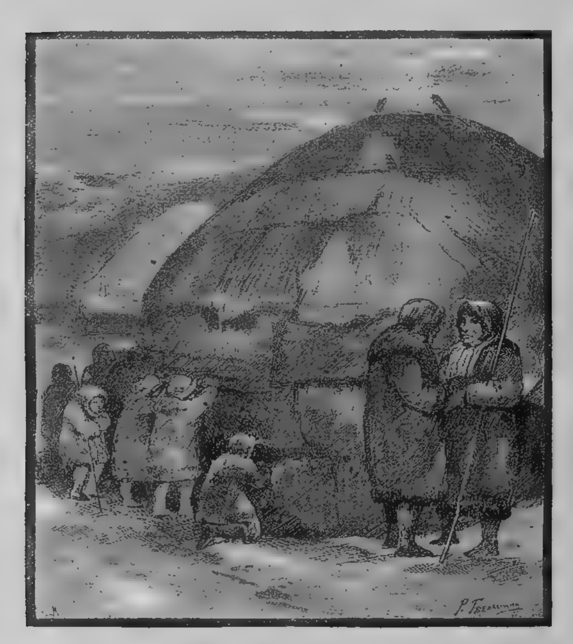
югъ они спускаются до 56° даже 54° широты до Тигиля, куда ежегодно прикочевываютъ для торговыхъ цѣлей; на сѣверъ же они рѣдко заходятъ далѣе верховьевъ рѣки Пенжины. Кочующіе коряки всѣ уже объясачены, тѣмъ не менѣе эти дѣти безграничной снѣговой пустыни и непроходимыхъ тундръ не признаютъ почти никакой власти и только для удобствъ кочевья соединяются въ небольшія группы изъ 5—6 семействъ, держащихся взаимнымъ согласіемъ. Предводитель такой кучки, тіунъ, избирается обыкновенно изъ наиболѣе крупныхъ владѣльцевъ оленей. Главное ихъ дѣло—выборъ подходящихъ пастбищъ да рѣшеніе вопроса о перекочевкѣ. На одномъ мѣстѣ коряки рѣдко остаются болѣе недѣли, такъ какъ стада оленей въ 4—5 тысячъ головъ въ нѣсколько дней вытаптываютъ и съѣдаютъ весь мохъ на версту и болѣе кругомъ стоянки. Оленю-же безъ мха смерть, а за гибелью оленя пропадаетъ съ голоду и хозяинъ его корякъ, такъ какъ не имѣетъ хлѣба и не запасается ни кореньями, ни рыбой. Бродячіе коряки были когда то богатѣйшими собственниками Восточной Сибири; вла-



Отдыхъ во время перекочевки

дѣльцы 3-хъ, 5 и даже 20 тысячъ головъ оленей бывали нерѣдкость; случалось, что табуны оленей достигали и 100,000 головъ, какъ о томъ сообщаетъ Крашенинниковъ про тіуна Эteля. Нынѣ бродячіе коряки, кочующіе въ предѣлахъ полуострова, сильно обѣднѣли, и рѣдко найдется корякъ, имѣющій стадо оленей, состоящее изъ 1000 головъ. Вѣчная забота о стадахъ, безпрестанныя переѣздки съ одного пастбища на другое, постоянное наблюденіе за стадами для охраненія ихъ отъ волковъ и другихъ дикихъ звѣрей—все это поглощаетъ время кочеваго коряка и составляетъ исключительное его занятіе. Такая напряженная, безпокойная, подвижная жизнь коряка, сложившаяся подъ вліяніемъ жизненныхъ условій и ставшая для него необходимостью, закалила его ко всякимъ физическимъ невзгодамъ и выроботала въ немъ смѣлость, самонадѣянность, свободолюбіе и въ тоже время умѣренность, воздержность, прямоту и другія хорошія черты характера, коими онъ весьма рѣзко отличается отъ сравнительно слабосильнаго, изнѣженнаго сосѣда своего камчадала и родного брата своего—сильно испор-

ченнаго сидячаго коряка. Бродячій корякъ день и ночь бодрствуетъ особенно же въ долгія ночи, которыя онъ проводитъ въ устроенномъ на скоро шалашѣ, въ нѣкоторомъ разстояніи отъ кочевья. Вооруженный пикою и ножами онъ защищаетъ своихъ оленей отъ волковъ. Чѣмъ хуже и бурнѣе погода, тѣмъ бдительнѣе долженъ быть сторожъ, такъ какъ въ такое время чаще всего и нападаютъ хищники. Почти не защищенный отъ вѣтра, корякъ терпѣливо переноситъ всѣ неистовства бури и холодъ, отъ котораго ртуть мерзнетъ; ни темень двадцати часовой слишкомъ ночи, ни одиночество, ни завываніе вѣтра, ни ревъ и щелканіе зубовъ голодныхъ звѣрей—ничто не умаляетъ его бдительности. И совершенно понятно—все благосостояніе коряка, вся его жизнь зависятъ отъ цѣлости и благополучія его стада. Зависимость эта сказывается даже въ самомъ названіи «корякъ», происходящемъ отъ коряцкаго слова «хора», что значитъ олень. Имя это впрочемъ дано имъ казаками, сами же себя они называютъ тумугуту. Олень для коряка—по истинѣ все и врядъ ли есть еще на свѣтѣ животное, которое играло бы въ жизни человѣка такую же всепоглащающую роль, какъ олень въ жизни коряка. Олень не только перевозитъ коряка съ мѣста на мѣсто, но и кормитъ его, одѣваетъ, даетъ ему жилище, а также и драгоцѣнный товаръ для обмѣна у сосѣдей на другіе необходимые предметы. Мясо оленя служитъ, можно сказать, единственною пищею для коряка. Языкъ, кровь, мозгъ, кишки, даже желудокъ съ непереварившимся еще мхомъ въ немъ все идетъ въ пользу и составляетъ существенную часть излюбленныхъ коряцкихъ кушаній.



Коряккая юрта.

Платье коряка, его кухлянка, торбоса—все изъ оленьихъ шкуръ; шкурами же покрываютъ свои палатки, изъ нихъ же устраиваютъ тамъ перегородки или полога, за которыми укрываются по ночамъ; изъ жилъ дѣлаютъ нитки, изъ роговъ домашнюю утварь и т. д. Олень служитъ коряку не только для физическихъ его потребностей, но также и для духовныхъ: нерѣдко въ трудныя минуты жизни, взывая къ милосердію божества, они приносятъ ему оленя въ жертву. Замѣчательно отвращеніе коряка отъ продажи живого оленя. По разсказамъ путешественниковъ даже самые соблазнительные для коряка предметы, какъ табакъ, бисеръ, водка не могли прежде заставить его отдать живое животное. Теперь, однако, за вино все можно купить. Коряки совсѣмъ не пользуются оленьимъ молокомъ. Ѣзда на оленяхъ не быстрѣе, чѣмъ на собакахъ; запрягаютъ ихъ по парно, при помощи ошейниковъ; сани также легки, какъ для собачьей упряжи, но значительно крѣпче и могутъ поднимать большую тяжесть. Коряки искусные наѣздники. Въ снѣжной пустынѣ отлично распознаютъ направленіе пути по волнообразнымъ полосамъ снѣга или застругамъ, образуемымъ сѣверо-восточными вѣтрами, преобладающими въ этой странѣ. Иногда свѣжій снѣгъ совсѣмъ закрываетъ заструги и на степи совсѣмъ гладко, какъ на скатерти; но стоитъ коряку смахнуть верхній слой снѣга,—и онъ всегда безошибочно опредѣлитъ положеніе сѣвера.

Человѣку, незнакомому съ тундрой, трудно составить себѣ понятіе о томъ впечатлѣніи, которое производитъ эта однообразная, снѣжная, широко раскинувшаяся равнина. Совершенное безмолвіе царитъ въ ней; кругомъ гладь, отсутствіе какого бы то ни было предмета, на которомъ бы могъ отдохнуть глазъ. Ужасное дѣло, когда пурга застанетъ путешественника въ этой тундрѣ и на нѣсколько сутокъ погрузитъ его въ снѣжный хаосъ: двигаться нѣтъ ни какой возможности, и живому существу приходится зарываться въ снѣгъ, чтобы подъ его прикрытіемъ спастись отъ леденящей стужи, захватывающей дыханіе. Добраться послѣ такого путешествія до жилья коряка, до его бѣдной юрты или палатки—верхъ благополучія, не смотря даже на то, что домашній комфортъ коряка—крайне не затѣйливъ и при обыкновенныхъ обстоятельствахъ представляетъ собою только лишенія и возбуждаетъ отвращеніе: дымъ и копоть очага, грязь и смрадъ отъ пищи, собакъ и скученности людей, да подчасъ еще и нестерпимый холодъ. Въ палаткѣ, сдѣланной изъ двойныхъ шкуръ, тепло трудно держится даже и при разведеніи огня. Всегда же поддерживать его не возможно: топлива мало, его необходимо беречь. Въ случаѣ же бури, надобно гасить огонь, такъ какъ приходится закрывать дымовое отверстіе отъ снѣга. А разъ огонь погашенъ въ очагѣ, температура внутри палатки становится такою же, какъ и на дворѣ. Чтобы и при такихъ обстоятельствахъ все же имѣть тепло коряки устраиваютъ себѣ внутри палатки еще родъ маленькихъ отдѣленій, пологовъ изъ оленьихъ шкуръ, согрѣвая и вмѣстѣ съ тѣмъ освѣщая ихъ мхомъ, пропитаннымъ тюленьимъ или оленьимъ жиромъ. Пологъ занимаетъ обыкновенно футовъ 6—8 въ длину, 4—5 футовъ въ ширину и 4 ф. въ вышину; такихъ пологовъ дѣлаютъ четыре, пять, десять и болѣе, смотря по числу людей, обитающихъ въ палаткѣ. Можно себѣ вообразить атмосферу въ этихъ пологахъ!.. Но удивительно, что она не оказывается очень губительной, такъ какъ коряки, особенно женщины, проводящія тамъ большую часть дня и ночи, доживаютъ до глубокой старости. Одѣваются коряки въ кухлянки, родъ длинной рубашки изъ двойныхъ оленьихъ шкуръ, мѣхомъ внутрь и наружу; штаны тоже изъ мѣха, сапоги или торбосы изъ тюленьей кожи; шапка мѣховая съ звѣриными ушами. Тѣлосложенія коряки крѣпкаго и стройнаго, особенно мужчины; голова нѣсколько сплюснутая, скулы выдаются, но умѣренно; глаза маленькіе, живые; цвѣтъ лица свѣтло коричневый; борода весьма рѣдкая, волоса черные—у мужчинъ коротко остриженные, у женщинъ—заплетенные въ косы, общее выраженіе лица смѣлое и открытое.

Шаманство у коряковъ.

Семейныя отношенія коряковъ весьма гуманны; путешественники, по долгу остававшіеся посреди коряковъ, разсказываютъ, что имъ не случалось видѣть, чтобы корякъ когда либо ударилъ женщину или ребенка. Дѣтей коряки очень любятъ, но держатъ довольно строго и рано пріучаютъ къ труду: заставляютъ добывать топливо, таскать воду, пасти стадо. Эти занятія закаляютъ характеръ коряка, а также его здоровье, безъ котораго коряцкая жизнь

немыслима. Условія кочеваго быта въ суровомъ климатѣ таковы, что кто слабъ неминуемо долженъ погибнуть; отсюда вѣроятно и разсказы прежнихъ путешественниковъ про бѣднаго коряка, что, при всемъ своемъ добродушіи и кротости, у него будто бы существуетъ обычай закалыванія неизлечимо больныхъ и одряхлѣвшихъ стариковъ, неспособныхъ уже къ самостоятельнымъ передвиженіямъ. Но если раньше существовалъ такой обычай, то его нѣтъ нынѣ. Изъ прежнихъ обычаевъ сохранился до сихъ поръ обычай сожиганія мертвыхъ. Безпрерывно кочуя, коряки не могутъ устраивать общественныхъ кладбищъ; при томъ же и трудно копать глубокую могилу въ мерзлой землѣ подъ толстымъ слоемъ снѣга; зарывать въ верхнемъ слоѣ—все равно, что отдавать тѣло на съѣденіе волкамъ. Остается, значитъ, одинъ выходъ—вовсе не предавать тѣла землѣ, а сожигать, что, какъ извѣстно, практикуется теперь и у нѣкорыхъ изъ цивилизованныхъ народовъ хотя и по другимъ мотивамъ.

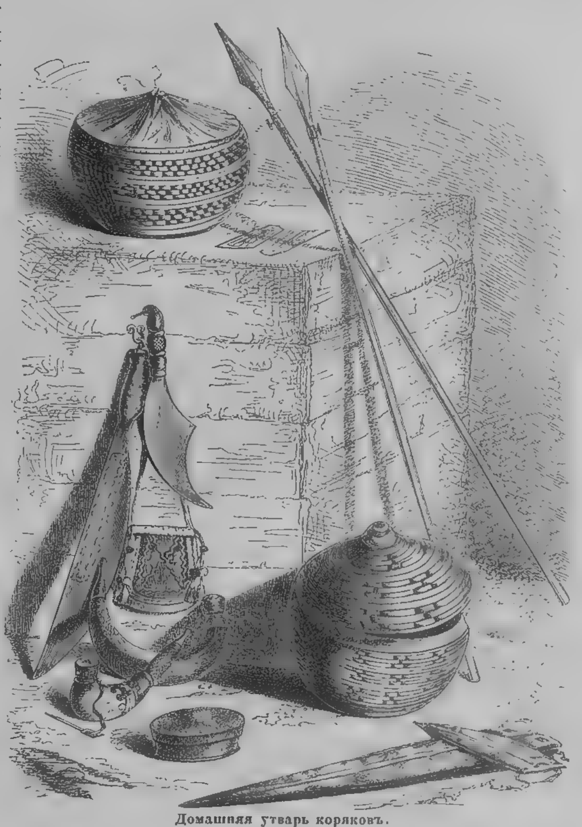
Языкъ коряковъ болѣе всего подходитъ къ языку чукотскому. Содержитъ много шипя-

Юрты кочующихъ коряковъ.

щихъ и гортанныхъ звуковъ. Онъ распадается на 5 нарѣчій, изъ коихъ четырьмя говорятъ сидячіе коряки, а пятымъ — бродячіе. Сидячіе коряки, смѣжные съ камчадалами, приняли много камчадальскихъ словъ и отчасти говорятъ по русски; бродящимъ же корякамъ русскій языкъ почти совсѣмъ неизвѣстенъ. Христіанство приняли всѣ сидячіе коряки, и ихъ въ Камчаткѣ называютъ ошибочно камчадалами; у прочихъ же коряковъ вѣра шаманская. Подобно чукчамъ и другимъ инородцамъ Восточной Сибири, коряки поклоняются злымъ духамъ, которымъ приписываютъ всѣ таинственныя, сильныя проявленія природы: землетрясенія, бури, болѣзни, падежъ скота, голодъ и проч. Не умѣя объяснить себѣ этихъ явленій, не понимая цѣли причинъ и ихъ послѣдствій, корякъ-язычникъ живетъ въ вѣчномъ страхѣ духовъ, чувствуетъ ихъ присутствіе около себя и, естественно желая избавиться отъ злобы ихъ, умилостивляетъ ихъ рядомъ жертвъ и нелѣпыхъ обрядовъ, совершаемыхъ жрецами, шаманами, которые являются истолкователями воли духовъ, посредниками между ними и людьми. Здѣсь

страхъ есть начало религіи; обманъ же и невѣжество главная ея поддержка. Къ сожалѣнію, все это такъ сильно между коряками, что даже обращенные въ христіанство поддаются иногда суевѣрному страху прежнихъ боговъ.

Многоженство допускается обычаемъ коряковъ, но рѣдко практикуется. Если же случается, что кто нибудь заведетъ себѣ двѣ или три жены, то поселяетъ ихъ порознь и снабжаетъ каждую отдѣльнымъ хозяйствомъ. Сватовство производится слѣдующимъ образомъ: высмотрѣвъ себѣ подходящую дѣвушку, корякъ временно переселяется въ станъ, гдѣ она живетъ, и, въ теченіи нѣкотораго времени—года два и болѣе—старается заслужить расположеніе ея семьи усердной работой, удальствомъ и проч., и только послѣ этого уже приступаетъ къ сватовству и къ хватанію невѣсты. Послѣдній обычай весьма оргиналенъ: въ назначенный день родители невѣсты приглашаютъ гостей въ юрту, и женщины, вооруженныя пучками прутьевъ и палками, становятся у пологовъ. Послѣ этого, подъ звуки бубенъ и имъ подобныхъ инструментовъ, вводятъ жениха и невѣсту. Послѣдняя по знаку, данному старшимъ въ юртѣ, бросается въ ближайшій пологъ и черезъ послѣдующіе пологи старается уйти отъ жениха, который, въ свою очередь, бросается за ней и старается поймать ее, причемъ приставленныя къ пологамъ женщины всячески задерживаютъ его бѣгъ и хлещутъ его прутьями. Поймать невѣсту при такой обстановкѣ дѣло очень трудное и удается только въ томъ случаѣ, когда молодая сжалится надъ женихомъ и выждетъ его въ одномъ изъ пологовъ. Смыслъ обряда — очевидно стремленіе предоставить дѣвушкѣ свободу выбора. На подобномъ свадебномъ праздникѣ, какъ и на другихъ семейныхъ и общественныхъ пиршествахъ, можно часто встрѣтить очень подкутившихъ коряковъ; но причина опьяненія—не водка, а по большей части настой гриба мухомора, который даже и въ маломъ количествѣ имѣетъ опьяняющее дѣйствіе; при большомъ же употребленіи онъ совсѣмъ разстраиваетъ нервную систему. Торговля мухоморами хотя и воспрещена нашими властями, но въ тайнѣ она все же существуетъ и случается, что коряки за одинъ мухоморъ отдаютъ мѣха цѣнностью въ нѣсколько десятковъ рублей. Впрочемъ, употребленіе мухомора нынѣ существуетъ только среди бродячихъ коряковъ и отчасти между жителями Пенжинской губы, слывущими за самый развращенный народъ своего племени. Сидячіе коряки, подобно своимъ кочевымъ собратьямъ, первоначально тоже вели бродячую жизнь, но, потерявъ своихъ оленей вслѣдствіе разныхъ злосчастныхъ причинъ, главнымъ же образомъ—вслѣдствіе войнъ съ чукчами, обратились къ рыбной ловлѣ и охотѣ за морскими звѣрями, что и привязало ихъ къ мѣсту, сдѣлало осѣдлыми. Русскіе торговцы часто посѣщаютъ селенія сидячихъ коряковъ и пере-


Домашняя утварь коряковъ.

дали бѣднякамъ многіе свои пороки; американскіе же китобои еще болѣе деморализировали ихъ, пристрастивъ къ рому. Тѣмъ не менѣе сидячіе коряки — хорошіе звѣропромышленники и лучше чѣмъ кто либо въ Камчаткѣ умѣютъ строить байдары изъ легкаго деревяннаго набора, обтянутаго моржевой или лахдачей кожей. Сравнительно съ камчадалами, они отважные мореплаватели, а также искусные кузнецы: копья, топоры, ножи, выдѣлываемые коряками (каменцами и паренцами),—славятся и высоко цѣнятся на всемъ полуостровѣ. Другое коряцкое племя (олюторцы)—мастера вырѣзывать изъ моржевой кости разныя мелкія вещи: ложки, трубки и т. п. Коряки хорошо выдѣлываютъ звѣринныя шкуры и шьютъ изъ нихъ кухлянки, торбосы и проч. платье, что и составляетъ главный предметъ торговли и сбыта.

Камчадаловъ, подобно корякамъ, нѣкоторые тоже причисляютъ къ монгольскому племени, но вѣроятнѣе, что они полярнаго происхожденія, соплеменники американскихъ эскимосовъ. Въ перемежку съ русскими, камчадалы занимаютъ весь полуостровъ къ югу отъ территоріи коряковъ. Отъ частыхъ сношеній и браковъ съ русскими камчадалы настолько уже слились съ послѣдними, что иногда трудно и отличить ихъ другъ отъ друга. Всѣ камчадалы давно уже исповѣдуютъ православную вѣру; русскій языкъ, правда, очень испорченный, сдѣлался у нихъ до того общимъ, что они уже рѣдко употребляютъ свой собственный. По нарѣчіямъ камчадалы однако продолжаютъ раздѣляться на слѣдующія вѣтви: 1) камчадалы долины рѣки Камчатки, прямые потомки аборигеновъ этого племени; они обитаютъ въ селеніяхъ Ганальскомъ, Машурскомъ, Толбачинскомъ и другихъ. Эти камчадалы почти окончательно уже утратили свой языкъ; 2) большерѣцкіе или курильскіе камчадалы живутъ въ деревняхъ на южной оконечности полуострова, напримѣръ, въ селеніяхъ Явинѣ, Голычинѣ, Уткинскомъ и Кыгчинскомъ. У этихъ камчадаловъ туземный языкъ еще въ употребленіи, но въ него, какъ и въ обычаи, вкралось много русскихъ элементовъ и отчасти курильскихъ; 3) пенжинскіе камчадалы обитаютъ по западному берегу полуострова въ деревняхъ Ича, Моронпчномъ, Бѣлоголовскомъ и пр. Здѣсь туземный языкъ сохранился еще въ сравнительной чистотѣ, но въ селеніяхъ, удаленныхъ къ сѣверу, замѣтны и коряцкіе элементы.

Камчадальскій языкъ состоитъ изъ постоянныхъ корней съ измѣняющимися приставками; онъ отличается горловымъ, какъ бы журчащимъ произношеніемъ и камчадалы говорятъ на немъ протяжно, сопровождая рѣчь тѣлодвиженіями.

Камчадалы малорослы, плечисты, смуглы, черноволосы и почти всѣ безбороды; лица ихъ плоскія, широкія; скулы выдающіяся, губы толстыя, ротъ большой, глаза маленькіе, живые, съ огонькомъ; въ общемъ, типъ этотъ не лишенъ красоты. Камчадальскихъ молодыхъ женщинъ и въ особенности дѣвушекъ можно назвать даже красавицами. Онѣ довольно полны и румянны, глаза имѣютъ блестящіе; волосы черные, какъ воронье крыло; рѣсницы и брови густыя; зубы бѣлые, здоровые; руки и ноги малыя; движенія свободныя, живыя. Камчадалы слабосильны и отличаются кроткимъ нравомъ; характера они добраго; очень понятливы, любознательны и способны къ ученію; замѣчательно честны и гостепріимны. Къ сожалѣнію, племя это, какъ самостоятельная раса, видимо вырождается. Въ XVIII столѣтіи камчадаловъ считалось еще до 10,000; по 10-ой же ревизіи ихъ было только 4,365 душъ обоего пола, а теперь едвали наберется и 3,000. Въ 1767 году занесена была, на судахъ изъ Охотска, оспа, которая долго свирѣпствовала на всемъ полуостровѣ, истребивъ болѣе половины населенія. Въ 1800 г. населеніе опять сильно пострадало отъ горячки и въ настоящее время, уже нѣсколько десятковъ лѣтъ, бѣдствуетъ отъ сифилиса, сильно распространеннаго вообще по сѣвернымъ округамъ Приморской области.

Морскіе офицеры, бывшіе начальники Камчатки, много боролись съ этою напастью и нѣсколько лѣтъ тому назадъ изъ Петербурга были нарочно командированы врачи, которые устроили небольшія спеціальныя больницы въ Петропавловскѣ, въ Ключевскомъ селеніи и въ Тигилѣ; но, къ сожалѣнію, эта благодѣтельная мѣра не принесла должнаго резуль-

тата, хотя населеніе и сочувственно отнеслось къ больницамъ, охотно пользовалось ими. Кратковременность срока командировки (всего пять лѣтъ), дальность разстояній, отсутствіе путей сообщенія, суровость климата и бѣдность населенія, затрудняющагося въ выполненіи многихъ предписаній врачей, — все это мѣшало успѣху въ борьбѣ съ застарѣлою страшною болѣзнею, принявшею уже типъ наслѣдственнаго сифилиса, а часто и форму проказы, и потому подверженной частымъ рецидивамъ, или, вовсѣ не поддающейся лѣченію.

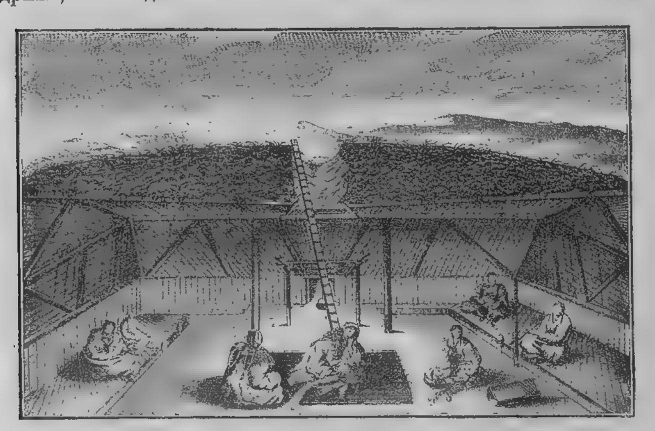
Благодаря осѣдлой жизни, которую издавна вели камчадалы, а также кроткому ихъ нраву и разрозненности поселенія, камчадалы скорѣе подчинились русскому владычеству, чѣмъ ихъ кочевые сосѣди коряки, а потому и болѣе подверглись образовательному вліянію русскихъ; о прежнемъ же бытѣ камчадаловъ мы имѣемъ довольно смутныя понятія. Крашенинниковъ, напримѣръ, описываетъ намъ камчадаловъ народомъ дикимъ и идолопоклонниками. Богомъ почитали они нѣкоего Кутху, отъ котораго и производили родъ свой. По сотвореніи земли Кутха временно сошелъ съ неба въ Камчатку, гдѣ и оставилъ по себѣ потомство. Горы и долины, которыми такъ богатъ полуостровъ, суть послѣдствіе путешествій Кутхи по Камчаткѣ, такъ какъ земля гнулась подъ ногами бога, какъ тонкій ледъ. Сынъ Кутхи, придя въ возврастъ, сталъ охотиться и ловить рыбу: какъ надо дѣлать это—было завѣщано ему отцомъ и т. д. Кромѣ Кутхи, который, кстати, какъ оказалось не обозначалъ божественнаго лица, а только воплощалъ всѣ героическія, романическія и легендарныя похожденія камчадальскихъ предковъ, и кромѣ Кутклины и его потомства, было много и другихъ боговъ, къ которымъ камчадалы относились вообще безъ почтенія, бранили ихъ въ трудныхъ обстоятельствахъ, умилостивляли жертвами. Во время промысловъ, напримѣръ при собираніи травъ и ягóдъ, бросали часть ихъ богамъ, удѣляя, впрочемъ, по преимуществу негодное, какъ это не рѣдко дѣлаютъ и теперь коряки и другіе язычники. Всѣ опасныя мѣста полуострова: огнедышущія горы, горные ключи, крутые обрывы, пропасти, густые лѣса были населены разными духами, которыхъ жители боялись. Умершихъ они не погребали и не жгли, какъ дѣлаютъ это коряки, а отдавали на разтерзаніе и съѣденіе собакамъ. Юрту, гдѣ умиралъ кто нибудь, обыкновенно оставляли и всѣ вещи умершаго бросали изъ суевѣрія, чтобы не накликать себѣ бѣды.

До прихода русскихъ, у камчадаловъ не было въ употребленіи металловъ, хотя они и имѣли о нихъ понятіе отъ сосѣдей японцевъ. Топоры камчадалы дѣлали изъ оленьей и моржевой кости и изъ яшмы. Такими то первобытными орудіями они выдѣлывали себѣ: чаши, лодки, строили юрты и проч.

Отъ Крашенинникова мы узнаемъ также о нѣкоторыхъ весьма оригинальныхъ обычаяхъ прежнихъ камчадаловъ, напримѣръ: о хватаніи невѣстъ,—обычай, въ общихъ чертахъ сохранившійся еще у коряковъ; о сведеніи дружбы и другихъ. Когда камчадалъ желалъ съ кѣмъ нибудь подружиться, то наваривалъ лучшаго кушанья примѣрно на десятерыхъ и, натопивъ юрту до нельзя, угощалъ гостя до нельзя, продолжая вмѣстѣ съ тѣмъ подтапливать юрту, пока гость не взмолится и не откупится отъ дальнѣйшаго усердія хозяина, передавъ ему все, что только понравиться изъ наличнаго платья, оружія, собакъ и проч. Обобравъ гостя до-чиста, хозяинъ отпускалъ его домой одѣтымъ въ старое и дурное, но за то, въ свою очередь, отправлялся къ нему и самъ, чтобы принять подобное же угощенье и откупиться. Это какъ бы примирителный способъ мѣноваго торга, соединеннаго съ гостепріимствомъ въ безобразной формѣ.

Пиры у камчадаловъ бывали и теперь бываютъ по случаю свадьбы, счастливаго промысла и разныхъ другихъ причинъ, и проходятъ въ обжорствѣ, пляскахъ и пѣніи. Въ числѣ коренныхъ камчадальскихъ плясокъ—бахія, состоящая въ томъ, что двѣ женщины, стоя одна противъ другой и имѣя въ рукахъ по пучку сушеной травы, называемой тончичь, начинаютъ поводить плечами и взмахивать руками, припѣвая въ тактъ тихимъ голосомъ. Потомъ тѣлодвиженія усиливаются и пѣсня раздается громче; это продолжается до тѣхъ поръ, пока

онѣ не выбьются изъ силъ и не потеряютъ голоса. А то человѣкъ десять мужчинъ и женщинъ становились въ кружокъ и часами тихо ходили кругомъ, подымая одну ногу за другою въ тактъ и поочередно выкрикивая одинъ одну половину, а другой другую половину словъ, относящихся къ разнымъ промысламъ. Иногда женщины становились въ два ряда, клали обѣ руки на животъ и, подымаясь наноскахъ, поводили плечами, не шевеля однако руками и не сходя съ мѣста. Все это имѣетъ характеръ какъ бы подражанія морскимъ птицамъ, сидящимъ рядами на прибрежномъ утесѣ. Подражаніе движеніямъ животныхъ, какъ вообще у дикихъ народовъ, довольно распространено у камчадаловъ. Такъ иногда мужчины становились на колѣна и прыгали какъ лягушки, взмахивая руками и кривляясь. Начиналась эта пляска однимъ кѣмъ нибудь, а другіе постепенно присоединялись къ нему. Бывало и такъ, что всѣ сначала прячутся по угламъ и только одинъ, выскочивъ на середину, начинаетъ какъ бѣшенный бить въ ладоши, въ грудь, по бедрамъ и, поднявъ руки къ верху, дѣлаетъ неистовыя тѣлодвиженія. Къ нему поочереди, присоединяются другіе, остальные же вертятся кругомъ. Происхожденіе этой пляски лежитъ, вѣроятно, въ шаманствѣ. Съ появленіемъ признаковъ цивилизаціи, эти пляски уступаютъ свое мѣсто искаженному вальсу, полькѣ и кадрили, въ соединеніи съ извѣстною всѣмъ нынѣшнимъ посѣтителямъ Камчатки — веселою «восьмеркою», отплясываемою въ Петропавловскѣ и подъ акомпониментъ фортепіано, и подъ звуки гармоники или скрипки, и просто подъ тактъ пѣсни. Камчадалы — народъ довольно музыкальный; у женщинъ очень пріятные голоса. Народныя пѣсни отличаются меланхолическимъ и фантастическимъ складомъ. Поэзія вдохновляется любовью, дружбой, страданіями и т. под. душевными чувствами. Героическихъ пѣсень, прославляющихъ дѣла предковъ, подвиги на войнѣ—у камчадаловъ нѣтъ и быть не можетъ. Пѣсня выражаетъ народный характеръ. Камчадалы же—народъ совсѣмъ мирный До завоеванія нами Камчатки, камчадалы не имѣли серьезной борьбы ни съ кѣмъ и если дрались между собою, то изъ—за мелкихъ причинъ.



Въ избѣ (юртѣ) камчадала.

Камчадалы съ давнихъ временъ вели осѣдлую жизнь. Наши сибирскіе казаки и торговые люди, впервые зашедшіе въ Камчатку въ концѣ XVI вѣка, нашли камчадаловъ живущими уже въ селеніяхъ, которыя и были названы казаками «острожками», такъ какъ по большей части они были обнесены рвами и земляными валами. Острожки эти или селенія состояли изъ нѣсколькихъ землянокъ самого первобытнаго устройства: выкапывали яму аршина на два глубиною, въ длину же и ширину по нѣскольку саженъ, смотря по семьѣ; въ яму вставлялись столбы, на которыхъ укрѣпляли стропила, а на стропила, съ поверхности земли уже, приставляли наклонно бревна, затѣмъ все это покрывалось древесными вѣтьвями, травою и засыпали землею, такъ что юрта походила на холмикъ. Для входа и выхода изъ юрты, на крышѣ ея вырывали отверстіе, которое служило въ то же время и для свѣта, и для выхода дыма во время топки. Такія юрты совсѣмъ уже вывелись и замѣнены избами, построенными по русскому образцу, но обыкновенно весьма небольшихъ размѣровъ, съ крышами, покрытыми сухой длинной травой или древесной корой, съ узкими высоко прорубленными дверями и маленькими

окнами; оконныя рамы со стеклами или же съ медвѣжьими кишками и рыбьей кожей. Между домами возвышаются обыкновенно бревенчатые шалаши или балаганы, въ которыхъ держатся запасы сухой рыбы. Для сбереженія запасовъ отъ собакъ и дикихъ звѣрей, шалаши устраиваются на высокихъ столбахъ, подобно надводнымъ постройкамъ. Подлѣ каждаго камчадальскаго дома возвышаются еще рамы изъ жердей для просушки рыбы. Тутъ же лежатъ вверхъ дномъ челнока («боты»), сани («нарты»), на привязи цѣлыя стаи собакъ, грѣющихся на солнышкѣ. Крики щенятъ, визгъ и лай собакъ по вечерамъ, передъ кормомъ, и спецефическій рыбный запахъ—все это непріятно дѣйствуетъ на свѣжаго человѣка. Тѣмъ не менѣе камчадальскіе дома держутся внутри въ сравнительномъ порядкѣ. Теперь ужъ нѣтъ и слѣда стариннаго описанія быта камчадаловъ, когда они жили въ юртахъ, ѣли изъ одной посуды съ собаками, не мылись и не причесывались и проч.

Жилища камчадаловъ двойнаго рода: зимнія и лѣтнія. Въ своихъ деревняхъ, по долинамъ,

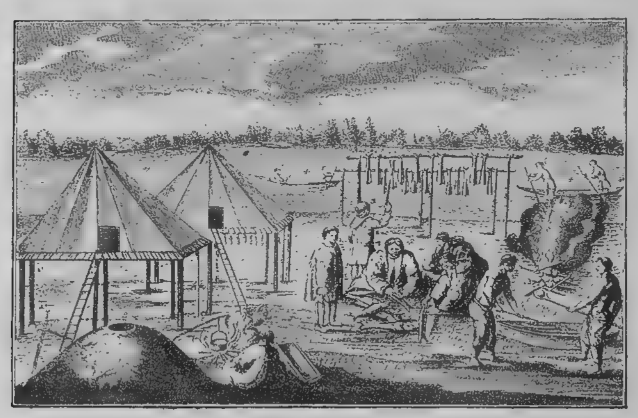
Балаганы или кладовыя камчадаловъ.

камчадалы живутъ только зимою; на лѣто же они выселяются въ шалаши на устья рѣкъ для ловли рыбы, составляющей насущное пропитаніе камчадаловъ и ихъ собакъ. Пойманная рыба немедленно потрошится женщинами и высушивается на воздухѣ. Сушенная рыба (юкола) и составляетъ главное продовольствіе въ долгую зиму. Солятъ рыбу мало за недостаткомъ денегъ для покупки соли; ѣдятъ рыбу также и квашенную. Для приготовленія послѣдней складываютъ свѣжую рыбу въ ямы, которыя прикрываютъ землею. Кислая рыба составляетъ главный собачій кормъ. Вскрытіе ямъ вызываетъ ужасное зловоніе. Не смотря на невѣроятное изобиліе рыбы, рыбныхъ запасовъ на зиму все же не хватаетъ, такъ какъ масса ея портится: въ ней заводятся черви и она пропадаетъ. На одно прокормленіе собакъ каждой семьѣ требуется тысячи пудовъ. Когда рыбный сезонъ окончится, камчадалы прячутъ юколу въ балаганы и возвращаются на зимнія квартиры для приготовленій къ охотѣ за пушистыми звѣрями, въ замѣнъ которыхъ инородецъ получаетъ отъ торговцевъ все необходимое, хотя и по дорогой

цѣнѣ, но за то безъ особыхъ хлопотъ. Въ промежутокъ времени между лѣтней рыбной ловлей и звѣринной охотою камчадалы заготовляютъ сѣно, охотятся за дикими оленями и медвѣдями; позднею же осенью ловятъ гольцевъ и кижучей, морозятъ ихъ, заготовляя на всю зиму,—такъ какъ мороженная рыба и составляетъ главную пищу семьи, остающейся на мѣстѣ, юкола же идетъ въ пищу во время промысловъ. Съ наступленіемъ зимы, по недѣлямъ ждутъ пороши; когда же, наконецъ, выпадетъ снѣгъ, всѣ уходятъ въ лѣса на соболиный промыселъ. Къ сожалѣнію, соболиный промыселъ, подобно рыбному, не всегда бываетъ удаченъ. Годъ малаго улова его печально отражается на населеніи. Такъ въ послѣдніе года соболей мало попадалось, и вся Камчатка обѣднѣла, жители же нѣкоторыхъ мѣстъ даже обнищали. Въ годы же хорошаго улова, когда соболей было много и одна поѣздка въ лѣсъ доставляла камчадалу по нѣскольку штукъ ихъ,—чай пили на всемъ полуостровѣ, при томъ не иначе, какъ съ сахаромъ; заборы этого добра у купцовъ въ кредитъ дѣлались пудами; камчадальскія красавицы одѣвались въ шелкъ и лакомились «заморскими» пряниками. Теперь же отъ былой расточительности остались лишь воспоминанія да неоплатные долги и приходится вмѣсто чаю пить капрей траву (Epilobiun).

Видъ селенія Гованьскаго

Здѣсь кстати сказать нѣсколько словъ о чукчахъ. Составляя собственно названіе Чукотской земли, чукчи происходятъ отъ одного племени съ коряками и камчадалами. Всѣ они принадлежатъ къ особой расѣ народовъ Берингова моря, сѣверянъ-гиперборейцевъ, какъ и сѣверо-американскіе инородцы. Цвѣтъ кожи у чукчей смугло-желтый; быть можетъ онъ былъ бы бѣлымъ, если бы они употребляли мыло, или вообще мылись бы. Волосы у нихъ густые, черные у всѣхъ безъ исключенія и въ большинствѣ жесткіе, грубые; но у нѣкоторыхъ приходилось видѣть мягкіе, волнистые, а у одного чукчи даже совершенно курчавые; на усахъ и бородѣ растительность слабая. Мужчины носятъ волосы остриженными въ кружокъ; выбривая маковку, они оставляютъ на головѣ какъ бы волосяной вѣнчикъ; но есть чукчи, которые носятъ волосы до плечъ, заплетая ихъ въ косы. У нѣкоторыхъ пожилыхъ чукчей на выбритой маковкѣ имѣется по нѣскольку оставленныхъ клоч-



Заготовка рыбы камчадалами

ковъ волосъ; количество этихъ косичекъ на темени у того или иного чукчи равняется числу его дѣтей. Женщины чукотки, а также дѣвушки носятъ двѣ косы, которыя всегда заплетаютъ тщательно, подвязывая къ нимъ бусы, бисеръ, пуговицы, и т. п. украшенія.

Одежду чукчей и лѣтомъ и зимою составляютъ исключительно оленьи кожи. Мужчины носятъ длинную до колѣнъ рубаху, шерстью внизъ, съ узкими рукавами и открытымъ воротомъ, отороченнымъ, по большей части, мѣхомъ собаки, волка, а иногда россомахи. Лѣтомъ они носятъ рубахи однорядки, а зимою поверхъ рубахи—другую, шерстью вверхъ; такимъ образомъ, изъ двухъ рубахъ составляется «кухлянка», или «парка». Исподнее платье, составляющее одно цѣлое съ обувью или «торбасами», шьется также изъ оленьихъ кожъ, главнымъ образомъ изъ «камусовъ» (шкурки съ ногъ оленя), а зимою болѣе теплое изъ пыжика, къ которымъ надѣвается уже болѣе короткая обувь. Прибрежные жители иногда носятъ торбаса, сшитые изъ шкуръ нерпы, какъ болѣе предохраняющіе ноги отъ сырости. Въ ненастную погоду поверхъ рубахи, которая не выноситъ дождя, чукчи носятъ камлеи, сдѣланныя изъ оленьихъ кишекъ, но такіе дождевики мало практичны и прочны, и ихъ съ успѣхомъ замѣняютъ камлеи изъ дымленины, т.-е. изъ прокопченой оленьей кожи, весьма прочной и непропускающей воды. Если къ изложенному прибавить, что у чукчи почти всегда за спиною на ремнѣ, перекинутомъ черезъ плечо, виситъ «малахай» (шапка) и что онъ подпоясанъ ременнымъ поясомъ, на которомъ подвязаны ножъ и кожанные кисеты съ табакомъ, кремнемъ и огнивомъ и огромной трубкой, то получится полное понятіе о нарядѣ чукчи. У всѣхъ чукчей, у сидячихъ и оленныхъ, одежда совершенно одинакова и не уступаетъ въ однообразіи китайской.

Съ того времени, какъ сѣверныхъ инородцевъ стали навѣщать американцы и русскіе для торговыхъ цѣлей, чукчи имѣютъ возможность пріобрѣтать отъ нихъ разныхъ сортовъ матеріи на платья; но они, хотя и покупаютъ ситцы, кумачъ, и др. матеріи, преимущественно яркихъ цвѣтовъ, но употребленіе имъ даютъ весьма своеобразное. Чукчи шьютъ изъ нихъ широкія камлеи съ башлыкомъ и носятъ поверхъ своего мѣховаго платья, одѣвая въ торжественныхъ случаяхъ. Только богатые позволяютъ себѣ щеголять дома въ такомъ красивомъ и дорогомъ нарядѣ, да и то не всегда.

Кромѣ предметовъ украшеній, взятыхъ чукчами отъ другихъ болѣе культурныхъ народовъ, у нихъ и до сихъ поръ еще въ обычаѣ украшать свои лица татуировкой; женщины чукотки, какъ замужнія, такъ и дѣвушки татуируются. Такое украшеніе не особенно сильно безобразитъ лица чукотокъ, и подобное впечатлѣніе объясняется тѣмъ, что татуировка ихъ сравнительно скромна: у большинства разрисованы только носъ и подбородокъ; вдоль носа обыкновенно проведены двѣ чернаго цвѣта тонкихъ линіи и нѣсколько такихъ же линій, параллельно одна другой, на подбородкѣ, начиная отъ нижней губы внизъ. Встрѣчаются женщины и со множествомъ узоровъ на всемъ лицѣ,—на лбу, щекахъ, подбородкѣ, на носу, а также и на рукахъ.

Чукчи, живя въ юртахъ, не имѣютъ отдѣльныхъ помѣщеній, въ родѣ амбаровъ, для склада своего имущества и запасовъ провизіи. Все имущество свободно размѣщается въ юртѣ, а запасы провизіи, главнымъ образомъ рыбу, они складываютъ на зиму въ ямы, лѣтомъ, т.-е. во время самой заготовки рыбы, послѣдняя въ распластанномъ видѣ вялится на открытомъ воздухѣ, подвѣшанная на рядъ жердей, укрѣпленныхъ на врытые въ землю столбы. Такія сооруженія имѣются возлѣ каждой юрты; но, кромѣ нихъ, въ каждомъ жилищѣ можно встрѣтить подвѣшанными, тоже для просушки, и рыбу, и икру изъ нея, и мясо нерпы, и др.; все это, особенно въ теплое время, дѣлаетъ воздухъ въ помѣщеніяхъ чрезвычайно тяжелымъ, непріятнымъ, не смотря на множество отверстій.

Сѣти нашимъ инородцамъ служатъ для добычи лѣтомъ рыбы—форели, которая на устьѣ Анадыря показывается только на нѣсколько дней въ концѣ іюня и въ началѣ іюля, и затѣмъ

красной рыбы, по сѣверному «хайко» и «горбуши», заходящей въ рѣку руномъ, иногда весьма значительнымъ. Свои сѣти чукчи вяжутъ или изъ хорошо скрученныхъ нитокъ, или изъ жилъ оленя; онѣ очень прочны и служатъ долго. При ловлѣ рыбы инородцы не дѣлаютъ заѣздовъ и закидокъ (неводами), а длиннымъ шестомъ одинъ конецъ сѣти, съ тяжестью на немъ, заталкиваютъ далеко отъ берега въ воду; на одной сторонѣ сѣти привязано нѣсколько камней, а на другой—рыбьи пузыри, отчего сѣть какъ бы стоитъ на водѣ. Рыбакъ-инородецъ сидитъ на берегу, держась за прикрѣпленный къ сѣти ремень, и какъ только надъ тихою поверхностью воды начнется сильное колебаніе и подергиваніе ремня, онъ тащитъ сѣть на берегъ и освобождаетъ завязшую въ ячеяхъ рыбу. Иногда рыбъ попадается сразу нѣсколько, и всѣхъ ихъ тотчасъ же убиваютъ ударомъ палки по головѣ; затѣмъ, когда рыбы наберется много, ее распластываютъ и подвѣшиваютъ вялить. Отбросовъ при пластаніи рыбы у чукчей не полагается: голову и внутренности они складываютъ въ ямы и хранятъ до зимы, когда получившаяся гнилая масса служитъ кормомъ для собакъ, а иногда, въ особенности въ годъ безрыбный, идетъ въ пищу и людямъ. Иныхъ рыболовныхъ снастей у чукчей не имѣется. Впрочемъ, изрѣдка, преимущественно молодежь, колютъ рыбу копьемъ, т.-е. насаженной на деревко острогой.

Чукчи не имѣютъ годнаго лѣса, чтобы сдѣлать изъ него лодку; поэтому байдары свои они сооружаютъ изъ очень прочныхъ и толстыхъ шкуръ моржей. Одной такой шкуры на сооруженіе лодки недостаточно; поэтому, взявъ ихъ нѣсколько, чукчи по извѣстной формѣ кроятъ ихъ, т.-е. разрѣзаютъ на куски и затѣмъ крѣпко сшиваютъ олеными жилами и ремнями, для чего иногда употребляютъ костяныя шилья, за неимѣніемъ металлическихъ. Сшитою такимъ образомъ шкурою обтягиваютъ остовъ лодки, сдѣланный изъ дерева и реберъ моржа, прикрѣпляя къ нему ремнями, кладутъ 3—4 дощечки, замѣняющія скалки, и байдара готова. Руль къ ней замѣняетъ простая лопата и такія же короткія лопатки служатъ веслами; гребцы садятся близъ бортовъ байдары и каждый гребецъ работаетъ одной такой лопатой. На ходу байдары легки и способны поднять, благодаря плоскому дну, порядочную тяжесть. Чукчи дорожатъ своими байдарами, берегутъ ихъ; инородцы, причаливая на нихъ къ берегу, дѣлаютъ это весьма осторожно, чтобы не порвать байдару о камни; причаливъ же, вытаскиваютъ далеко на берегъ, опрокидываютъ и ударами палки стряхиваютъ съ кожи воду.

Инородцы пользуются байдарами только 2—3 мѣсяца въ году, т.-е. лѣтомъ. На ней онъ ѣздитъ за дровами вдоль берега (выкидной лѣсъ), на промыслы за моржами и нерпами; она же ему служитъ и средствомъ передвиженія къ сосѣднимъ чукчамъ, и т. п. Чукчи пользуются байдарами, главнымъ образомъ, осенью, промышляя нерпъ и лаятаковъ, которые въ это время чаще, чѣмъ когда-либо показываются на плавающихъ льдинахъ. Наконецъ, что касается кочующихъ инородцевъ, то они не имѣютъ байдаръ: онѣ имъ не нужны, такъ какъ оленный инородецъ не нуждается въ морскихъ промыслахъ Только немногіе изъ нихъ, недостаточно богатые и приходящіе со своими стадами ежегодно на лѣто къ берегу моря, обзаводятся байдарами, которыя на зиму или оставляютъ у чукчей сидячихъ, или въ разобранномъ видѣ возятъ съ собою по тундрѣ.

Такая зависимость отъ случайностей улова рыбы и звѣря, въ связи съ случайнымъ же привозомъ хлѣба на судахъ, которыя и запаздываютъ въ пути и терпятъ аваріи,—сильно тяготитъ надъ бѣднымъ дикаремъ полуострова. Единственный выходъ изъ него—обращеніе къ земледѣлію, которое дало бы серьезное обезпеченіе. Администрація не разъ уже обращала вниманіе на это и изъ прежнихъ правителей Камчатки нѣкоторые имѣли временный успѣхъ; но прочнаго введенія хлѣбопашества въ Камчаткѣ все же не достигли. Какъ извѣстно, первые опыты хлѣбопашества положены ленскими переселенцами, которые въ 1732 году, въ числѣ 30-ти семействъ, были поселены въ Большерецкѣ, а оттуда перебрались на р. Камчатку, на которой и основали два селенія: Мильково, что въ 12 верстахъ ниже Верхне-Камчатска, и село

Ключевское, въ 84-хъ верстахъ вверхъ отъ Нижне-Камчатска, у подножія величественнаго ключевскаго вулкана. Переселенцы привели съ собой до 200 головъ рогатаго скота и произвели посѣвы ячменя, ржи и пшеницы. Къ сожалѣнію сначала не было урожая изъ-за негодности сѣмянъ; потомъ же, хотя хлѣбъ и родился довольно хорошо, но переселенцы стали апатично относиться къ землепашеству и, слѣдуя обычаямъ страны, обратились къ болѣе заманчивому пушному промыслу. Съ 1773 года начальники Камчатки, Бемъ, а потомъ Кошелевъ, вновь обратили вниманіе на земледѣліе. Они достигли урожаевъ ржи самъ 10—12. Но это было результатомъ случая и необычайнаго ухода, доходившаго до того, что по полямъ протягивали веревки и ими стряхивали росу, чтобъ предупредить образованіе губительнаго для хлѣба инея, бывающаго въ Камчаткѣ иногда даже и въ началѣ августа. Съ 1825 года хлѣбопашество начало замѣтно падать въ Камчаткѣ; хотя въ 1830 г. усиліями тогдашняго начальника Камчатки, Голенищева, образовалось было земледѣльческое общество съ пособіемъ отъ государства и московскаго общества сельскаго хозяйства, при чемъ для новаго общества было отведено до 29 тысячъ десят. земли, но къ сожалѣнію общество это не имѣло успѣха и въ 1837 г. ликвидировало свои дѣла, израсходовавъ 7700 руб.

Причина неудачъ кроется въ климатѣ полуострова, его частыхъ туманахъ, раннихъ инеяхъ, главное же въ непривычкѣ населенія къ упорному сельско-хозяйственному труду. Переходъ отъ промысловъ къ земледѣлію требуетъ отмѣны ѣзды на собакахъ, что при нынѣшнемъ состояніи камчатскихъ путей сообщенія даже не возможно.

Русскія селенія сосредоточиваются преимущественно на большихъ рѣкахъ. Переселенцы съ Лены, привезенные въ Камчатку въ прошломъ столѣтіи, образовали селенія Авачо, Верхне-Камчатскъ, Мильково, Ключи, Кресты, Большерецкъ и нѣкоторыя другія. Бытъ русскихъ переселенцевъ въ настоящее время мало чѣмъ отличается отъ быта туземцевъ. Вообще они оставили прежнія свои занятія и забыли то, что знали на родинѣ, какъ то: прясть, дѣлать сохи и бороны, выдѣлывать горшки, ковать желѣзо и т. п. Вмѣсто обученія туземцевъ хлѣбопашеству, огородничеству и скотоводству, они сами учатся у нихъ пріемамъ звѣринныхъ промысловъ, разнымъ домашнимъ обиходнымъ занятіямъ и, по примѣру туземцевъ, заготовляютъ себѣ на зиму вмѣсто хлѣба рыбу, вмѣсто пеньки—крапиву. Земледѣліе и огородничество заброшены въ такой степени, что обыкновенно жители не умѣютъ даже собирать сѣмянъ огородныхъ овощей и каждый годъ выжидаютъ подвоза ихъ изъ Америки или Владивостока. Если сѣмена запаздываютъ или окажутся негодными, въ Камчаткѣ невозможно пріобрѣсти и кочня капусты, не говоря уже о болѣе тонкихъ овощахъ. За табакъ, составляющій серьезную потребность по условіямъ климата, платятъ до 1 р. 25 коп. за фунтъ, сами же не умѣютъ ни выращивать, ни приготовлять его къ употребленію. Передавъ камчадаламъ вѣру и языкъ и поднявъ уровень развитія туземцевъ, русскіе люди въ Камчаткѣ сами въ тоже время какъ-бы опустились на нѣсколько ступеней, окамчадовались и въ настоящее время не служатъ уже даже и хранителями чистоты роднаго языка, который на всемъ полуостровѣ, какъ между камчадалами, такъ и русскими, обратился въ своеобразный мѣстный говоръ, весьма непріятно поражающій слухъ. Говорятъ напримѣръ: «я биль въ порту, полямаль капилье, хребетъ сыбко больсой, цего хоцесь? штавни закрыль, сопецка задымилась» и т. п.

Въ краѣ существуютъ 4 элементарныхъ школы, въ которыхъ учатъ псаломщики, или сами священники; исключеніе составляетъ Петропавловское училище, въ которомъ есть особый учитель. Учащихся на всемъ полуостровѣ насчитывается до 80 человѣкъ. Камчадалы замѣчательно понятливы, любознательны и способны къ ученію. Такой примѣръ староста Начикинскаго селенія, Юльянъ Мерлинъ, только при помощи азбуки самъ научившійся читать и писать. Ремеслъ въ Камчаткѣ почти не существуетъ; о заводахъ же, фабрикахъ, мастерскихъ даже и помину нѣтъ. Мѣха по прежнему составляютъ единственный цѣнный предметъ вывоза. Поэтому камчадалы живутъ бѣдно, въ постоянномъ долгу у торговцевъ, которые вымѣниваютъ у нихъ

же мѣха на табакъ, чай, матеріи разныя, ставя иногда баснословно высокія цѣны не только на предметы прихоти, но не рѣдко и на предметы первой необходимости. Въ 1843 году, наприм., пудъ ржаной муки стоилъ въ Петропавловскѣ 15 руб., ячневой 20 р., пшеничной 40 р; пудъ сахару 200 р.; аршинъ ситцу отъ 2-хъ до 3 руб. Цѣны значительно понизились съ тѣхъ поръ, какъ завелась дѣятельная торговля съ американцами, изъ которыхъ многіе поселились было въ Петропавловскѣ, но теперь опять почти оставили его изъ за конкуренціи «Котиковой американской компаніи» русскаго купца Филиппеуса, которые, такъ сказать, подѣлили между собою торговое дѣло: Командорскіе острова оставались за американцами, Камчатка—за Филиппеусомъ, получающимъ отъ казны субсидью въ 30,000 р. и снабжающимъ полуостровъ мукою, крупою, солью, свинцомъ и порохомъ по цѣнамъ, установленнымъ правительствомъ; прочими же товарами по вольной цѣнѣ. Въ общемъ однако, цѣны крайне неумѣренны. Такъ, напримѣръ:

Пудъ	ржаной муки . . .		3	р.	20	коп.						
»	соли		1	»	20	»						
»	круп. греч. или ячнев.		3	»	—	»						
»	пшеничной муки . .		5	»	—	»						
»	ячменя.	отъ	3	»	—	»	до	3	р.	50	коп.
»	картофеля.	»	1	»	—	»	»	1	»	50	»
фунтъ	амер. сухарей . . .	»	—	»	25	»	»	—	»	60	»
»	чаю чернаго	»	1	»	60	»	»	2	»	25	»
»	чаю кирпичн.	»	2	»	—	»	»	2	»	50	»
»	сахару	»	—	»	60	»	»	—	»	70	»
арш.	ситцу	»	—	»	35	»	»	—	»	75	»
»	синей дабы	»	—	»	50	»	»	1	»	—	»
фунтъ	мыла	»	—	»	25	»	»	—	»	60	»
пудъ	пороха.		32	»	—	»					
»	свинцу.		5	»	40	»					

Мѣстныя цѣны на говядину отъ 5 до 7 руб. за пудъ. Масло продается по 1 р. за фунтъ. Челнокъ (батъ), выдолбленный изъ ствола тополя 15 руб; сани (нарта) 8 руб. Провозъ поклажи на разстояніи отъ 300 до 500 верстъ отъ 4 до 5 руб. съ пуда.

Инородческое населеніе Камчатки поставляетъ ясакъ соболями (до 160 штукъ въ годъ); кромѣ того, всѣ жители полуострова отбываютъ почтовую гоньбу какъ натуральную повинность при переѣздахъ по казеннымъ надобностямъ исправника, доктора, фельдшеровъ, священниковъ. Есть еще маленькій денежный сборъ на противу-пожарныя средства. Переселенцы—крестьяне платятъ подушную подать по 1 рублю. Всѣ же вообще обязаны строить церкви или часовни и содержать при нихъ сторожей.

Повинности не большія, но, при ничтожности общаго зароботка камчадаловъ, онѣ все же весьма чувствительны и тяжело ложатся на бытѣ бѣднаго дикаря. Докторъ Дыбовскій, хорошо изучившій современный бытъ жителей Камчатки, опредѣляетъ доходность полуострова въ слѣдующихъ цифрахъ:

3000	соболей по 15 руб. за штуку	45.000	руб.
700	выдръ среднимъ числомъ по 4 р. . . .	2.800	»
1000	лисицъ по 2 р.	2.000	»
1300	горностаевъ по 10 к.	130	»
1300	медвѣдѣй по 3 р.	3.900	»
50	волковъ по 3 р.	150	»
22	россомахъ по 6 р.	132	»
1900	лахтаковъ и нерпъ по 1 р.	1.900	»

19	моржей по 3 р.	57 руб.
500	зайцевъ по 10 к.	50 »
100	шт. рогатаго скота, продаваемаго на убой, среднимъ числомъ по 30 р. за штуку . .	3.000 »
	Итого	59.119 руб.

Но по свидѣтельству доктора Дыбовскаго изъ указаннаго количества звѣрей нужно исключить добычу медвѣдей, лахтаковъ и нерпъ, шкуры которыхъ употребляются самими жителями на ремни, подошвы, постели, лыжи и т. п. предметы хозяйственнаго быта, такъ что отъ 59 119 остается 53.319 р. сер. Изъ этой суммы слѣдуетъ исключить дань, приносимую жителями кабаку, который поглощаетъ не менѣе 10.000 р.; затѣмъ подати, исчисляемыя г. Дыбовскимъ въ 3685 р. Такимъ образомъ останется всего 39.634 р., что при 6262 человѣкахъ Камчатскихъ жителей всего составитъ по 6 р. 32 к. на человѣка.

По тожественному же исчисленію на Командорскихъ островахъ, прилежащихъ Камчаткѣ, т. е. на ос. Беринговомъ и ос. Мѣдномъ, гдѣ котиковый промыселъ арендуетъ американская компанія, жители алеуты, числомъ 500 челов., зарабатываютъ 45.700 руб., что составляетъ по 91 р. 40 к. на человѣка. На этихъ островахъ жизненные предметы, хозяйственныя принадлежности, платье и проч. продаются вдвое и даже втрое дешевле, чѣмъ въ Камчаткѣ, и водка, можно сказать, не существуетъ на этихъ островахъ, также суровыхъ и безплодныхъ, какъ и Камчатка.

Очевидно положеніе камчадаловъ несравненно хуже положенія островитянъ. Дѣйствительно, по отзывамъ очевидцевъ, между прочимъ многихъ изъ офицеровъ нашихъ военныхъ судовъ, любая семья на этихъ островахъ особенно, же на Мѣдномъ, отстоящемъ всего въ 180 миляхъ отъ ближайшаго берега Камчатки, имѣетъ столько платья и домашней обстановки, сколько не наберется этого добра и у всѣхъ жителей Камчатки, взятыхъ вмѣстѣ. Тамъ почти полное удовлетвореніе главнѣйшихъ жизненныхъ потребностей, нѣкоторая доля матеріальнаго довольства и соединеннаго съ нимъ развитія. Въ Камчаткѣ же, напротивъ, нищета непроглядная, а попутно съ нею болѣзни и деморализація, такъ что и выхода изъ нынѣшняго положенія не видно. Въ кабалѣ долговъ, превышающихъ заработокъ цѣлой жизни, подъ соблазномъ водки, подъ вліяніемъ эксплуатаціи наѣзжими и мѣстными торговцами, камчадалы постепенно вымираютъ. Чтобы спасти это племя необходимы энергическія мѣры въ смыслѣ воспрещенія ввоза спирта и установленія нормальныхъ цѣнъ на вывозимую пушнину и на ввозимые предметы потребленія. Такъ это дѣло поставлено на Командорскихъ островахъ, гдѣ водка вовсе не допускается, а цѣны регилируются начальникомъ островов, который, согласно контракту съ компаніею, устанавливаетъ таксу.

Въ административномъ отношеніи все осѣдлое населеніе, начиная съ сѣвера отъ Лѣсновскаго и Корягинскаго селеній, входитъ въ составъ Петропавловскаго округа; всѣ кочевые инородцы (коряки и ламуты) также приписаны къ этому округу.

Административный центръ Камчатки и единственный ея городъ Петропавловскъ, по числу населенія и по внѣшнему виду, скорѣе напоминаетъ небольшое село, чѣмъ городъ. Жителей въ Петропавловскѣ около трехъ сотъ человѣкъ, ютящихся въ нѣсколькихъ десяткахъ деревянныхъ лачужекъ, крытыхъ соломою и большею частію покривившихся уже на сторону. Пріятное исключеніе составляютъ сравнительно большіе, съ деревянными крышами, дома исправника, городскаго управленія, агента „американской компаніи Гутчисонъ", Филиппеуса и К°, содержащей въ арендѣ котиковый промыселъ на Командорскихъ островахъ. Красивѣйшее зданіе въ городѣ церковь, построенная изъ досокъ иждивеніемъ названной компаніи. Передъ новою изящною церковью стоитъ маленькая старая церковь, начатая постройкою еще въ первыхъ годахъ нынѣшняго столѣтія, въ бытность тамъ первой кругосвѣтной экспедиціи Крузенштерна;

отъ церкви же, которая была заложена при Берингѣ, въ 1740 г., остался только камень, обозначающій мѣсто, гдѣ былъ алтарь. Недалеко отъ новой церкви памятникъ умершимъ во время второй экспедиціи Беринга, т. е. командору Берингу, погибшему въ 1741 г. на открытомъ имъ, необитаемомъ тогда, а теперь населенномъ и очень доходномъ островѣ, носящемъ имя этого мореплавателя-мученика. Доска, на которой была надпись съ перечнемъ всѣхъ лицъ, заржавѣла, такъ что и прочесть нельзя. Недалеко отъ Петропавловскаго памятника Берингу, но съ другой стороны церкви, похороненъ другой извѣстный мореплаватель, сподвижникъ Кука, капитанъ Клеркъ, умершій въ 1779 году близь береговъ Камчатки. Памятника нѣтъ или онъ не сохранился. На западномъ берегу гавани, на перешейкѣ, виднѣется вновь поставленный крестъ на мѣстѣ бывшаго памятника знаменитому Лаперузу, посѣтившему Камчатку въ 1787 году и затѣмъ погибшему въ морѣ. На берегу же противъ малой бухты стоялъ памятникъ героя доблестной защиты Петропавловскаго порта отъ нападенія соединенной англо-француз-

Петропавловскій портъ въ Камчаткѣ.

ской эскадры 1854 года, князю Максутову; нѣсколько же сѣвернѣе города, у сѣверовосточнаго склона горы Никольской и вблизи озера возвышаются двѣ рядомъ стоящія, обширныя братскія могилы прочихъ лицъ, павшихъ въ бояхъ памятныхъ дней 18-го и 24 августа. Могила побольше, съ двумя крестами, обозначаетъ мѣсто, гдѣ похоронены французы и англичане; другая же, съ однимъ крестомъ, мѣсто погребенія русскихъ воиновъ—матросовъ, казаковъ и камчадаловъ, дружно отбивавшихся отъ непріятеля. Въ 1877 году крестъ на могилѣ французовъ былъ возобновленъ однимъ изъ принцевъ Орлеанскихъ герцогомъ Понтьерскимъ; надъ англичанами же и на могилѣ русскихъ воиновъ то же сдѣлано недавно офицерами и командой клипера «Гайдамакъ». Наконецъ, въ память блистательной побѣды, одержанной нами 24 августа 1854 года въ Петропавловскѣ, въ сентябрѣ 1882 года, открытъ памятникъ, сооруженный по подпискѣ, на песчаной-косѣ (по мѣстному Петропавловской «Кошкѣ»), отдѣляющей внутреннюю гавань отъ внѣшней ея части Авачинской губы.

Петропавловскъ.

Первое извѣстіе о разрывѣ нашемъ съ Англіею и Франціею получено было въ Петропавловскѣ въ маѣ 1854 года, отъ американскаго посланника на Сандвичевыхъ островахъ. Губернаторъ Камчатки, контръ-адмиралъ Завойко, не ожидая оффиціальнаго извѣщенія, которое сухопутнымъ путемъ пришло въ Петропавлоскъ лишь въ іюлѣ, тотчасъ же приступилъ къ постройкѣ земляныхъ батарей, для защиты порта отъ непріятельскихъ судовъ, плававшихъ въ Восточномъ океанѣ. Вооруживъ затѣмъ все населеніе Петропавловска, способное носить оружіе, и воспользовавшись командою пришедшихъ вскорѣ въ Петропавловскъ кругосвѣтныхъ судовъ нашихъ „Аврора“ и „Двина“, адмиралъ образовалъ такимъ образомъ отрядъ въ 920 человѣкъ, съ которымъ и выдержалъ геройскую борьбу въ теченіи недѣли противъ значительно сильнѣйшаго непріятеля, пришедшаго на двухъ фрегатахъ, корветѣ, бригѣ и пароходѣ съ 162 орудіями. 17-го августа непріятельская эскадра появилась въ Авачинской губѣ; 20-го, подойдя ко входу въ Петропавловскую гавань, открыла огонь изъ 60 орудій по нашимъ 19-ти, поставленнымъ по обѣ стороны входа въ наружную часть гавани и на кошкѣ, замыкающей внутреннюю гавань. Послѣ 10-ти часовъ упорнаго артиллерійскаго боя, правая входная батарея наша, что на красномъ ярѣ, была сбита, и непріятель послалъ десантъ на берегъ. Встрѣченный нашими стрѣлковыми партіями и мѣткимъ огнемъ съ фрегата «Аврора», стоявшаго за кошкою, десантъ вынужденъ былъ отступить обратно на свои суда. Затѣмъ 24 августа непріятель вторично открылъ бомбардировку нашихъ батарей и, сбивъ нѣкоторыя изъ нихъ (на пересыпи, раздѣляющей сигнальный мысъ отъ Никольской горы и у озера), послалъ десантъ двумя колоннами въ 600 и 300 человѣкъ. Поддержанные сосредоточеннымъ огнемъ всей эскадры, десанты эти успѣли взобраться на вершину Никольской горы, командующей всѣмъ городомъ и гаванью; но, послѣ ожесточенной рукопашной схватки съ отрядами нашихъ охотниковъ, эскпладировавшихъ туже гору со стороны города и бухты, непріятель былъ сброшенъ почти съ отвѣсныхъ утесовъ этой горы въ Авачинскую губу, понесши при этомъ такой большой уронъ (до 400 человѣкъ), что вынужденъ былъ прекратить дальнѣйшее нападеніе и оставить Петропавловскъ въ покоѣ до слѣдующаго года. Въ 1855 году непріятельская эскадра Восточнаго океана, въ значительно большемъ уже составѣ, вновь приходила въ Петропавловскъ, но не нашла уже никого изъ нашихъ военныхъ людей. Предвидя этотъ вторичный визитъ, Петропавловскій портъ, какъ военно-морское учрежденіе, былъ еще раннею весною перенесенъ въ устье р. Амура, въ только что основанный тогда городъ Николаевскъ, о доступности котораго со стороны Японскаго моря непріятель и не подозрѣвалъ. Бросившись на поиски за судами нашими на сѣверъ, въ Охотское море, непріятель прозѣвалъ ихъ на югѣ и, потерявъ время въ безплодныхъ поискахъ, вынужденъ былъ окончательно отказаться отъ возмездія за Петропавловское свое пораженіе (въ 1854 году).

Памятникъ Берингу и его сподвижникамъ.

Петропавловская гавань—одна изъ удобнѣйшихъ въ свѣтѣ для зимовки и исправленія судовъ своими средствами. Она совершенно закрыта отъ всѣхъ вѣтровъ, за исключеніемъ сѣ-

веро-востока; глубина самая подходящая для якорной стоянки (5—8 саженей), грунтъ илистый. Какъ уже было упомянуто длинная песчаная коса или кошка, какъ природный молъ, дѣлитъ гавань на двѣ части: наружную и внутреннюю; входъ во внутреннюю гавань находится между оконечностію кошки и гористымъ полуостровомъ, образуемымъ Никольскою и Сигнальскими горами, игравшими такую важную роль въ оборонѣ 1854 года. Ширина входа 40 саженей, вмѣстительность для нѣсколькихъ судовъ средняго размѣра, а если очистить гавань, то и для нѣсколькихъ десятковъ судовъ.

Петропавловская гавань-незначительная часть извѣстной Авачинской губы. Форма губы округленная; поперечникъ ея около 17 верстъ; береговая же черта занимаетъ почти сто верстъ. Обширный заливъ этотъ хорошо закрытъ отъ океана, съ которымъ соединяется только каналомъ въ $2^1/_2$ вер. шириною. Глубина залива до 14 саженей. Отвѣсные утесы, которыми обставлена бухта, во многихъ мѣстахъ прерываются пологими берегами и низменностями, прилежащими къ устьямъ многочисленныхъ рѣчекъ, впадающихъ въ губу. Изъ совершенно закрытыхъ якорныхъ стоянокъ, кромѣ Петропавловской гавани, имѣются еще Тарьинская и Раковая губа. Это даетъ возможность вмѣстить въ Авачинской губѣ даже тысячи судовъ.

Крейсеры «Африка» и «Вѣстникъ» при открытіи памятника въ честь побѣды надъ англичанами и французами.

Авачинская губа обставлена четырьям величественными, покрытыми вѣчнымъ снѣгомъ вулканами: Вилюченскимъ, Стрѣлочнымъ или Корякскимъ, Авачинскимъ или Горѣлымъ и Козельскимъ. Петропавлавовская гавань и городъ,—какъ было уже сказано,—расположены у подножія Авачинскаго вулкана, высотою въ 11.000 футовъ, съ вѣчно дымящеюся вершиною. Видъ на сопку съ кошки величественный; въ связи же съ остальною обстановкою бухты получается даже чарующее впечатлѣніе. Кто разъ побывалъ въ Петропавловскѣ, у того на всю жизнь остается воспоминаніе объ его красотахъ и особенно глубоко это впечатлѣніе у моряковъ, которые, послѣ длиннаго утомительно-однообразнаго плаванія океаномъ въ непроглядныхъ туманахъ, стоящихъ надъ моремъ, подходятъ, наконецъ, къ Петропавловскому маяку и, пройдя Авачинскую губу, входятъ въ Петропавловскую гавань, которая въ іюнѣ бываетъ вся въ зелени и цвѣтахъ. Туманъ, по недѣлямъ стоящій плотною стѣною у наружныхъ береговъ полуострова, въ Авачинскую губу часто вовсе не заходитъ.

Окрестности Петропавловска живописны; жители радушны, гостепріимны. Съ приходомъ корабля, все населеніе города обыкновенно выходитъ на встрѣчу рѣдкимъ гостямъ и, послѣ привѣтствій и первыхъ знакомствъ, быстро происходящихъ, устраиваются пикники, общественныя прогулки въ ближайшія деревни: Сѣроглазку, Авачу, Тарью, Халахтырку, на Ключи, въ Раковую губу, на маякъ и проч.; чѣмъ дальше прогулка, тѣмъ сильнѣе впечатленіе величія природы. Къ сожалѣнію, самыя интересныя въ этомъ отношеніи прогулки, какъ напр., подъемъ на сопку, а тѣмъ болѣе на вершину водораздѣльнаго хребта къ притокамъ рѣки Камчатки, на что необходима довольно значительная затрата времени, рѣдко когда бываютъ доступны морякамъ, хотя мѣста эти, по красотѣ и величію горной природы, дѣлаютъ Петропавловскъ однимъ изъ наиболѣе интересныхъ портовъ, превосходящимъ даже наиболѣе живописные въ мірѣ порты: Ріо-Жанейро и Сидней. Для окрестностей Петропавловска, вулкановъ и долинъ полуострова стоитъ даже нарочно пріѣзжать въ Камчатку, какъ это и сдѣлалъ въ

1882 году г-нъ Kettlewettl, прибывшій въ Петропавловскъ съ семействомъ на собственной «Marchess». Краткое описаніе путешествія г-на Kettlewettl по полуострову появилось въ Морскомъ Сборникѣ за 1882 годъ.

Камчатка, подобно всей Восточной Сибири и прилежащихъ къ ней острововъ Ледовитаго и Восточнаго океановъ, открыта сибирскими служилыми, торговыми и промышленными людьми. Годъ открытія Камчатки въ точности не извѣстенъ, но онъ можетъ быть пріуроченъ ко времени обще извѣстнаго, замѣчательнаго морского путешествія простого казака Семена Дежнева, который почти за сто лѣтъ до Беринга предрѣшилъ вопросъ объ отдѣленіи Азіи отъ Америки и за два съ половиною вѣка до насъ отчасти совершилъ то, чѣмъ наше время гордится теперь, благодаря паровому морскому двигателю и предпріимчивости ученаго Норденшельда. Извѣстно, что въ 1648 году 20-го Іюня Дежневъ съ товарищами, на семи кочахъ или большихъ лодкахъ, пустился изъ ус. рѣки Колымы въ Ледовитый океанъ и, обогнувъ сѣверовос-

Входъ въ Авачинскую губу и видъ на Петропавловскъ.

точный мысъ Азіи, прошелъ нынѣшнимъ Беринговымъ проливомъ и Беринговымъ моремъ до уст. рѣки Анадыра. Въ этомъ знаменитомъ путешествіи одинъ изъ спутниковъ Дежнева, Ѳедотъ Алексѣевъ, находившійся на особомъ, предводительствуемомъ имъ кочѣ, былъ разлученъ съ товарищами и, не попавъ на устье Анадыра, былъ занесенъ бурею на берегъ Камчатскаго полуострова, который онъ и обошелъ тогда кругомъ, достигнувъ сѣверныхъ широтъ противоположнаго, т. е. западнаго берега Камчатки, гдѣ и погибъ отъ руки туземцевъ. Фактъ посѣщенія Ѳедотомъ Алексѣевымъ полуострова въ 1649—50 годахъ несомнѣненъ; весьма вѣроятно, что онъ дѣйствительно и былъ первымъ русскимъ человѣкомъ, ступившимъ на полуостровъ. Но такъ какъ, вслѣдствіе преждевременной смерти Алексѣева и всѣхъ его спутниковъ, ни русское государство, ни остальной міръ ничего положительнаго не узнали объ этомъ открытіи и путешествіи, то правильно будетъ сказать, что русскіе въ дѣйствительности познакомились съ Камчаткою только въ концѣ XVII столѣтія, въ 1696—1700 годахъ, когда казачій

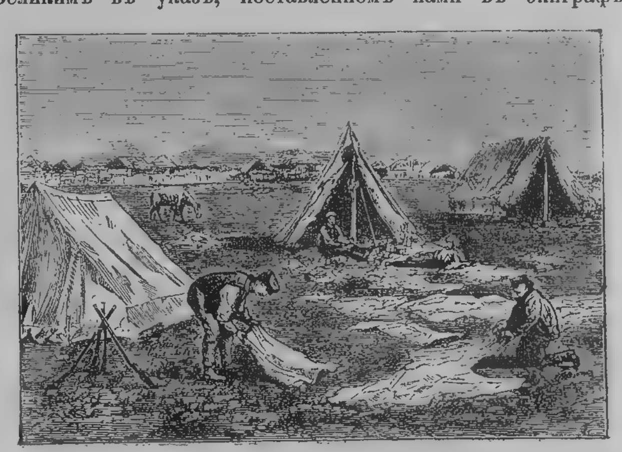
пятидесятникъ Владиміръ Атласовъ, сопровождаемый 60 человѣками служилыхъ и между прочимъ юкагирами, совершилъ свой первый походъ въ Камчатку, наполовину обошелъ оба берега полуострова и, проникнувъ во внутрь его, построилъ Верхне-Камчатскій острогъ. Атласовъ объясачилъ тогда часть жителей и донесъ обо всемъ сдѣланномъ имъ въ Якутскъ и въ Москву, лично доставивъ Царю первую камчатскую ясачную казну, состоявшую изъ 80 сороковъ соболей, 17 морскихъ бобровъ, 4 выдръ, 10-ти лисицъ сиводущатыхъ и 191 красныхъ лисицъ. За подвигъ, совершенный пятидесятникомъ Атласовымъ, онъ былъ назначенъ казачьимъ головою по городу Якутску; ему повелѣно было, набравъ въ Тобольскѣ, Енисейскѣ и Якутскѣ 100 человѣкъ охотниковъ въ казачью службу, вновь идти съ ними на Камчатку. Для этой цѣли его снабдили частію въ Москвѣ, частію въ Тобольскѣ небольшими пушками, пищалями, свинцомъ, порохомъ; дали полковое знамя и даже приставили къ нему барабанщика съ горнистомъ, по тогдашему «сиповщика». Задержанный однако на рѣкѣ Тунгузкѣ за буйство, Атласовъ только въ 1707 году вторично добрелъ до Камчатки и вскорѣ былъ убитъ тамъ недовольными коряками. Дѣло однако, начатое Атласовымъ по осмотру и подчиненію Камчатки русскому государству, неуклонно продолжалось и другими лицами. Вскорѣ послѣ Верхне-Камчатскаго острога основанъ былъ Нижне-Камчатскъ, перенесенный потомъ на Ключи; затѣмъ устроенъ былъ острогъ въ Большерѣцкѣ и рядъ зимовьевъ на рр. Укѣ, Еловкѣ и другихъ, при чемъ казаки не ограничивались территоріею только полуострова, а заходили и на Курильскіе острова, которые были объясачены ими уже въ 1711 году.

Окрестности Петропавловска.

Лагерь при деревнѣ Козыревской.

Такимъ образомъ Камчатка въ первое же десятилѣтіе послѣ фактическаго ея открытія была обойдена и объясачена горстію пришлыхъ людей, въ большинствѣ случаевъ поплатившихся жизнью за свою удаль въ горячихъ схваткахъ съ камчадалами, особенно же въ схваткахъ съ воинственными коряками, черезъ кочевья которыхъ неизмѣнно лежалъ путь русскихъ колоннъ, направлявшихся первое время всегда черезъ Анадырскій острогъ. Съ 1703 по 1716 годъ, на одной анадырской дорогѣ погибло до 200 человѣкъ отъ руки коряковъ; да и въ Камчаткѣ служилые люди нерѣдко вырѣзались десятками. Много казаковъ погибло въ это время также и отъ собственной ихъ неурядицы, изъ-за корыстолюбія, взаимныхъ распрей и своеволія, доходившаго до того, что острогъ шелъ войною на острогъ, и начальники, присылавшіеся

изъ Якутска, то и дѣло были разграбляемы и убиваемы своими же людьми, при чемъ, за дальностію разстоянія и трудностію пути сообщенія, разбойники по годамъ оставались безнаказанными. Такъ продолжалось до 1717 года, когда русскіе наконецъ опять, впервые послѣ Ѳедота Алексѣева, добрались до Камчатки моремъ, но уже съ другой стороны, съ запада. Нѣкто казакъ Козьма Соколовъ, вышедши изъ Охотска 20-го Іюня 1716 года, прибылъ сначала на устье р. Тигиля, а потомъ въ устье р. Колпаковой, гдѣ перезимовалъ, и на слѣдующій 1717 годъ благополучно вернулся моремъ же въ Охотскъ. Съ открытіемъ морского сообщенія, значительно приблизившаго Камчатку къ Охотску и Якутску, казацкое своеволіе на Камчаткѣ было, наконецъ, прекращено, и съ этого времени на полуостровъ стали направляться цѣлые ряды экспедицій съ цѣлію географическаго и вообще научнаго ея изслѣдованія. Въ 1720 году, по именному указу Императора Петра I-го, ѣздили описывать Камчатку и Курильскіе острова навигаторы Иванъ Евреиновъ и Ѳедотъ Лузинъ, доходившіе до 5-го Курильскаго острова, а по другимъ свидѣтельствамъ—даже до острова Матсмая. Затѣмъ, съ 1725 по 1730 годъ, была первая Камчатская экспедиція капитана Юстуса Беринга, цѣль снаряженія которой собственноручно была начертана Петромъ Великимъ въ указѣ, поставленномъ нами въ эпиграфѣ этой статьи. Въ точности исполняя вышеозначенный царскій указъ, писанный великимъ преобразователемъ за двѣ недѣли до своей смерти, Берингъ выстроилъ въ Нижне-Камчатскѣ ботъ «Св. Гавріила» и 20 іюня 1728 года пустился на немъ къ сѣверо-востоку вдоль Камчатскихъ береговъ, которые и старался положить на карту. 10-го августа Берингъ открылъ островъ Св. Лаврентія; 15 же числа, находясь въ широтѣ 67°18′, усмотрѣлъ, что берегъ, слѣдовавшій прежде на сѣверо-востокъ, повернулъ на сѣверо-западъ, и призналъ въ такомъ поворотѣ раздѣленіе Азіи отъ Америки. За позднимъ уже временемъ въ такихъ большихъ широтахъ, Берингъ рѣшилъ прекратить дальнѣйшіе поиски на сѣверѣ и поспѣшилъ на зимовку въ Нижне-Камчатскъ. Съ открытіемъ же навигаціи 1729 года обошелъ Камчатскій полуостровъ вокругъ Лопатки и, зайдя въ Большерѣцы, вернулся обратно въ Охотскъ, откуда уже сухимъ путемъ достигъ Петербурга въ 1730 году. Это очень назидательная иллюстрація той затраты времени, какая требовалась въ былое время на поѣздки къ берегамъ Восточнаго Океана. Теперь, какъ извѣстно, на переѣздъ изъ Петербурга въ Владивостокъ нужно полтора—два мѣсяца, а до Петропавловска много три мѣсяца.


Стоянка путешественниковъ при Гоналѣ.

За первою, только что описанною значительною экспедиціею для открытій на востокѣ, вскорѣ, въ 1732 г., послѣдовала другая, гораздо большая, такъ называемая «вторая Камчатская экспедиція», ввѣренная тому же Берингу, которому па этотъ разъ было вмѣнено въ обязанность окончательно выяснить вопросъ о раздѣльности Америки отъ Азіи, признанный не вполнѣ рѣшеннымъ первою экспедиціею, и, кромѣ того, описать смѣжные съ Камчаткою Курильскіе и Японскіе острова, берега Охотскаго и Берингова морей, а также весь сѣверный берегъ Сибири, прилежащій къ Ледовитому океану, отъ Архангельска до сѣверовосточнаго мыса. Для выполненія этой грандіозной задачи, Берингу, тогда уже капитанъ коммандору, даны были двое прежнихъ его помощниковъ по морскому дѣлу: капитаны Чири-

ковъ и Шпонбергъ и еще 9-ть другихъ морскихъ офицеровъ. Для научныхъ же изслѣдованій Камчатки, вообще Сибири и новооткрытыхъ земель назначены были отъ академіи наукъ профессора Гмелинъ, Миллеръ, Делиль-де-Лакроеръ, Фишеръ, адъюнктъ Стеллеръ, 4 землемѣра, 5 студентовъ и нѣсколько учениковъ. Въ числѣ студентовъ былъ и Крашенинниковъ, часто упоминавшійся въ этомъ очеркѣ.

Не имѣя возможности касаться здѣсь дѣятельности тѣхъ членовъ экспедиціи, которые стяжали себѣ неувядаемую славу изслѣдованіями устьевъ великихъ сибирскихъ рѣкъ: Оби, Енисея и Лены, а также негостепріимныхъ, часто стоившихъ жизни изслѣдователямъ, береговъ Ледовитаго океана (напримѣръ: лейтенанты Ласеніусъ и Прончищевъ, двое братьевъ Лаптевыхъ и многіе другіе), остановимся лишь на тѣхъ членахъ экспедиціи, дѣятельность которыхъ относится непосредственно къ Камчаткѣ и прилежащимъ ей землямъ. Уже въ 1738 году въ портахъ полуострова появились суда, выстроенныя для цѣлей экспедиціи въ Охотскѣ. На этихъ судахъ капитаны Шпанбергъ и Вальтонъ приступили къ описи Курильскихъ острововъ, обойденныхъ ими въ томъ же году до 48° широты. Перезимовавъ на устьѣ Большой рѣки, названные офицеры въ навигацію 1739 года пошли къ Японскимъ островамъ, которымъ и сдѣлали развѣдку до 33 градуса широты, неоднократно высаживаясь при этомъ на берегъ и вступая въ сношенія съ японцами и курильцами, жителями острова Матсмая. Для той же цѣли Шпанбергъ и Вальтонъ ходили еще и въ 1741 и 42 годахъ, хотя, по ветхости судовъ, эти плаванія ихъ были мало удачны. Во всякомъ случаѣ, задача экспедиціи касательно земель, лежащихъ къ югу отъ Камчатки, была выполнена ими; земли эти развѣданы и опредѣлено положеніе ихъ въ отношеніи Камчатки, на которую они опирались въ этомъ плаваніи.

Охотничій нарядъ въ Камчаткѣ (снятъ съ одного изъ офицеровъ).

Снаряжая Вальтона и Шпанберга, самъ Берингъ строилъ въ тоже время въ Охотскѣ суда для плаванія своего къ берегамъ Америки. Осенью 1740 г. для этой цѣли были готовы два пакетбота «Св. Павелъ» и «Св. Петръ», на которыхъ Берингъ и прибылъ въ Камчатку, сначала въ Большерѣцкъ, а потомъ въ Авачинскую губу, гдѣ и зазимовалъ въ Петропавловской гавани, названной имъ такъ по имени обоихъ судовъ своихъ. 6 іюня 1741 года оба эти судна отправились изъ Петропавловска на востокъ къ невѣдомымъ еще тогда сѣверо-западнымъ берегамъ Америки, которыхъ и достигли послѣ предолжительнаго и очень утомительнаго плаванія, пакетботъ Св. Петра, на которомъ былъ Берингъ и ученый Стеллеръ, 18 іюля въ широтѣ 58° 28′, пакетботъ же «Св. Павла», которымъ командовалъ Чириковъ, 15-го іюля въ широтѣ 56°. Со «Св. Павла» былъ посланъ на берегъ небольшой ботъ со штурманомъ Дементьевымъ и 10 человѣкъ матросовъ. Но ботъ этотъ не возвратился, равно какъ и другая посланная за нимъ шлюпка съ 6 матросами подъ начальствомъ ботсмана Савельева. Что съ ними сдѣлалось не извѣстно. Прождавъ ихъ напрасно много дней и не имѣя уже болѣе возможности для дальнѣйшихъ розысковъ, Чириковъ вынужденъ былъ наконецъ оставить американскій берегъ и пуститься въ обратный путь къ Петропавловску, котораго онъ послѣ многихъ злоключеній и достигнулъ 11 октября. Съ бота же «Св. Петръ», которымъ командовалъ самъ Берингъ, высадка на американскій берегъ дѣлалась подъ 59° широты, гдѣ Стеллеръ имѣлъ случай наблюдать Американскихъ индѣйцевъ и сдѣлать описаніе ихъ, переданное намъ

Крашенниниковымъ въ его XXIII главѣ II тома Камчатки, равно собралъ образчики травъ, описанные Гмелинымъ въ его сибирской флорѣ. На обратномъ пути, Берингъ слѣдовалъ вдоль многихъ острововъ, извѣстныхъ нынѣ подъ именемъ Лисьихъ, Андреяновскихъ и другихъ, входящихъ въ Алеутскую гряду, затѣмъ, послѣ долгаго и очень труднаго плаванія Берингъ былъ выброшенъ 4-го ноября бурею на пустынную землю, которую приняли было сначала за Камчатку, но которая въ дѣйствительности оказалась необитаемымъ островомъ, названнымъ впослѣдствіи его именемъ. Позднее время года и плохое состояніе судна не позволили Берингу идти далѣе; вынужденный зазимовать въ палаткахъ на открытомъ пустомъ берегу, несчастный Берингъ, какъ и большая часть его команды, изнуренной уже предшествовавшими бѣдствіями, не перенесли этой суровой зимовки и скончались на островѣ отъ скорбута. Замѣчательно трагична была смерть Беринга: больной, много дней уже не двигавшійся съ мѣста, онъ, чувствуя приближеніе смерти, не велѣлъ отмѣтать песокъ отъ своей койки, которымъ жестокіе вѣтры постоянно заносили его палатку. «Мнѣ такъ теплѣе, говорилъ онъ, помогайте другимъ, болѣе меня нуждающимся». Такимъ образомъ онъ какъ бы еще за живо на половину былъ погребенъ въ пескѣ. Крестъ на могилѣ Беринга и его спутниковъ простоялъ 135 лѣтъ и только въ двадцатыхъ годахъ нынѣшняго столѣтія былъ возобновленъ бывшею россійско-американскою

Деревня Гоналъ въ пяти дняхъ пути къ сѣверу отъ Петропавловска.

компаніею. Нынѣшняя же американская компанія, эксплуатирующая котиковый промыселъ на островѣ, поставила новый памятникъ.

Оставшіеся въ живыхъ спутники Беринга, построивъ изъ обломковъ пакетбота небольшое судно, добрались на немъ въ августѣ 1742 года до Петропавловска, а на слѣдующій годъ прибыли въ Охотскъ. Они привезли съ собою до 900 морскихъ бобровъ, упромышленныхъ ими за время зимовки на Беринговомъ островѣ, что, вмѣстѣ съ разсказами о множествѣ котовъ, видѣнныхъ ими на немъ весною, множествѣ сивучей, морскихъ коровъ, бѣлухъ и др. звѣрей, вызвало такое горячее желаніе поскорѣе воспользоваться этими непочатыми еще богатствами, что сразу возбудило значительное развитіе частной предпріимчивости по розысканію новыхъ острововъ и земель ради промысла морскихъ бобровъ и котиковъ. благодаря этимъ уже частнымъ экспедиціямъ, нѣкто Михайло Неводчиковъ въ 1745 году открылъ острова Ближніе; въ 1762 году Андріянъ Толстиковъ опозналъ группу острововъ, названныхъ по его имени Андреяновскими; Коровинъ—группу острововъ Лисьихъ. Еще важнѣе было предпріятіе Степана Глотова, который въ 1763 году распространилъ свои промыслы даже до строва Кадьяка (у берега Америки).

Правительство сочувственно отнеслось къ этимъ географическимъ открытіямъ простыхъ русскихъ людей и время отъ времени само высылало морскихъ офицеровъ для описи и изслѣдованія опознанныхъ промышленниками новыхъ земель. Такъ въ 1768—69 годахъ два казенныя

судна подъ начальствомъ капитана Криницына и лейтенанта Левашева, были направлены къ Лисьимъ островамъ, которые они и описали, составивъ имъ хорошую карту; нѣсколькими же годами ранѣе, въ 1766 г., въ Беринговъ проливъ посылали лейтенанта Синдъ, который открылъ ближайшій къ Чукотской землѣ американскій берегъ. Недовольствуясь однако этими отдѣльными изслѣдованіями въ 1785 году была предпринята правительствомъ большая экспедиція, по намѣреніямъ своимъ напоминавшая размѣры экспедицій Беринга. На караблѣ «Слава Россіи» капитану Биллинсу, спутнику извѣстнаго Кука, предложено было обойти всю Чукотскую землю и острова, лежащіе между берегами Сѣверо-Восточной Азіи и Сѣверо-Западной Америки. Экспедиція эта продолжалась 8 лѣтъ. Хотя ей не удалось обойти Чукотской земли съ моря, но все же земля эта была описана съ сухого пути; островамъ же сѣверной части Тихаго океана былъ данъ надлежащій сводъ въ атласѣ почтеннаго помощника Биллинса, капитана, впослѣдствіи адмирала Сарычева, карты котораго и до сихъ поръ имѣютъ практическое значеніе. Такое вниманіе государства и его усилія для обслѣдованія новыхъ земель, конечно, сильно поддерживало предпріимчивость нашихъ купцовъ и промышленниковъ. Число снаряжаемыхъ ими судовъ,

Опытный ѣздокъ.

ежегодно возрастая, вскорѣ достигло уже весьма почтенной цифры. Въ 1787 году, напримѣръ, изъ портовъ одной Камчатки на дальные восточные промыслы вышло 25 судовъ съ тысячью человѣкъ команды изъ русскихъ и камчадаловъ, снаряженныхъ купцами изъ Иркутска, Тобольска и другихъ городовъ Сибири. До 1785 года все это были отдѣльныя предпріятія, несогласованныя между собою и потому нерѣдко вредившія другъ другу и самымъ промысламъ. Поэтому, чтобы устранить проистекавшее отсюда зло, одинъ изъ купцовъ, Григорій Шелеховъ, подалъ голосъ за соединеніе разрозненныхъ интересовъ въ нѣчто общее и успѣлъ склонить братьевъ Голиковыхъ къ вступленію съ нимъ въ общество. Къ Шелехову и Голиковымъ вскорѣ присоединились и многія другія лица, образовавъ сначала общество Американской Сѣверовосточной, Сѣверной и Курильской компаніи, переименованное въ 1798 году въ соединенную Американскую компанію, а на слѣдующій годъ въ извѣстную, болѣе полустолѣтія просуществовавшую, Россійско-Американскую компанію, принятую подъ Высочайшее покровительство какъ Императоромъ Павломъ, такъ и Императоромъ Александромъ I.

Компанейская дѣятельность на Восточномъ океанѣ быстро привела промыслы въ цвѣтущее со-

стояніе. По американскому берегу на Ситхинскомъ заливѣ и на островѣ Кадьякъ заведены были русскія селенія и промыслы распространились по Ситхинскимъ островамъ. Капиталъ общества, составлявшій въ 1798 году 724 тысячи, въ 1801 году выросъ въ 2.747.000 р., и компанія имѣла свои конторы, кромѣ Петербурга, гдѣ сосредоточивалось правленіе, еще въ Иркутскѣ, Охотскѣ, на островѣ Уналашкѣ, на островѣ Кадьякѣ и на восемьнадцатомъ Курильскомъ островѣ Урупѣ. Такъ быстро и широко развившаяся промысловая дѣятельность въ концѣ прошлаго столѣтія вскорѣ вызвала потребность непосредственныхъ сношеній колоній нашихъ на Восточномъ океанѣ съ метроплiей; но снабженіе заведенныхъ въ Америкѣ селеній жизненными припасами и другими необходимыми имъ вещами шло изъ Иркутска на Якутскъ и Охотскъ, подвергаясь большимъ затрудненіямъ этого продолжительнаго вьючнаго пути, особенно лѣтомъ, когда до 30.000 лошадямъ нужно было проходить тысячи верстъ по горнымъ хребтамъ, лѣснымъ дебрямъ, якутскими и охотскими болотами и дороги не было проложено. Естественно явилась мысль снабжать колоніи исключительно воднымъ путемъ, на судахъ, отправляемыхъ изъ Балтійскаго моря, вокругъ мыса Доброй Надежды или мыса Горна смотря по времени года. Отсюда возникновеніе нашихъ кругосвѣтныхъ плаваній, начатыхъ въ 1803 году извѣстными капитанами, впослѣдствіи адмиралами Крузенштерномъ и Лисянскимъ.

Корабли «Надежда» и «Нева», которыми командовали эти знаменитые моряки, и цѣлый

Церковь въ Мильковѣ.

рядъ другихъ судовъ, послѣдовавшихъ за ними, доставляя предметы первой необходимости для нашихъ колоній, въ тоже время содѣйствовали развитію и изученію Камчатки и сопредѣльныхъ съ нею странъ, не говоря уже о развитіи морскаго дѣла и о цивилизующемъ вліяніи этихъ кругосвѣтныхъ плаваній на русскихъ моряковъ. Еще, напримѣръ, Крузенштернъ, плававшій на кораблѣ «Надежда», освободившись отъ грузовъ, сданныхъ въ Петропавловскѣ, описалъ южные Японскіе острова, западный берегъ Нипона, Вост. берегъ Сахалина и сѣверную половину Курильской гряды. Ближайшее въ хронологическомъ порядкѣ кругосвѣтное плаваніе капитана Головина на фрагентѣ «Діана» повело къ описи южной половины этой гряды. Затѣмъ, по гидрографическимъ результатамъ выдаются плаванія капитана, впослѣдствіи адмирала и графа, Литке, который въ 1828 году, на шлюпѣ «Сенявинъ», привелъ въ надлежащую извѣстность всѣ выдающіяся части восточнаго берега Камчатки и прилежащихъ къ Берингову морю корякской и чукотской земель, до самаго Берингова пролива.

Опираясь постоянно на Камчатку и изучая бытъ ея, офицеры кругосвѣтныхъ судовъ нашихъ, равно какъ и многіе изъ служившихъ въ русско-американской компаніи, по возращеніи своемъ въ Россію, являлись обыкновенно разъяснителями нуждъ далекаго края и горячими ходатаями объ удовлетвореніи ихъ; между прочимъ, Крузенштернъ представилъ цѣлый проектъ преобразованія въ управленіи Камчатки, на основаніи котораго Камчатка была отдана въ вѣ-

дѣніе морскаго офицера, причемъ административный центръ края, находившійся сперва въ Нижне-Камчатскѣ, потомъ въ Большерѣцкѣ, затѣмъ опять въ Нижне-Камчатскѣ, перенесенъ былъ въ Петропавловскъ. Въ прошломъ же столѣтіи Камчатка подчинялась охотской канцеляріи, а съ 1803 г. стала отдѣльною областію. По представленію же Крузенштерна, былъ расформированъ тяготѣвшій надъ жителями края камчатскій батальонъ солдатъ и вмѣсто него учреждена морская команда, состоящая изъ 122 челов. матросовъ и 75 казаковъ, послѣдніе исключительно для службы внутри полуострова.

Первымъ, независившимъ уже отъ Охотской канцеляріи, морскимъ начальникомъ Камчатки былъ извѣстный капитанъ, впослѣдствіи заслуженный адмиралъ Рикордъ, много потрудившійся для пользы края. Изъ послѣдующихъ выдающихся своею дѣятельностію начальниковъ, назовемъ Голенищева, правившаго Камчаткою въ тридцатыхъ годахъ. Голенищевъ близко входилъ въ нужды обывателей, заботясь и о жилье, и о пропитаніи, и о просвѣщеніи; при немъ Камчатка значительно обстроилась; въ ней было тогда болѣе 50 населенныхъ мѣстъ, 11 церквей, духовное училище для дѣтей какъ русскихъ, такъ и камчадаловъ, три больницы. По ходатайствамъ Голенищева, въ 1825 году образовалось упомянутое выше земледѣльческое общество, просуществовавшее до 1837 г., и въ 1828 г. Петропавловскій портъ объявленъ былъ порто-франко, что много содѣйствовало развитію края и оживленію торговли.

Наибольшее процвѣтаніе Петропавловска и вообще Камчатки относится однако къ пятидесятымъ годамъ, когда краемъ управлялъ уже въ званіи военнаго губернатора области адмиралъ Завойко, тотъ самый, подъ начальствомъ котораго такъ блистательно было отражено въ 1854 г. нападеніе соединенной англо-французской эскадры на почти беззащитный Петропавловскъ.

По окончаніи войны 1853—55 годовъ, съ упроченіемъ нашихъ владѣній на Амурѣ и въ Южно-Уссурійскомъ краѣ, а равно съ уступкою нашихъ американскихъ владѣній и Алеутскихъ острововъ Сѣверо-Американскимъ Соединеннымъ Штатамъ, Курильскихъ же острововъ Японіи, Петропавловскъ и вся Камчатка утратили свое административное и промышленно-торговое значеніе, какъ посредники между Охотскимъ краемъ и бывшими сѣверо-восточными колоніями нашими, отошедшими къ сосѣдямъ. Много послуживъ въ свое время дѣлу розыска и обслѣдованія обширнаго побережья и острововъ сѣверной части Тихаго океана, а равно и дѣлу развитія промысловыхъ колоній нашихъ на американскомъ материкѣ и островахъ, Камчатка передала веденіе дальнѣйшаго развитія нашего на водахъ Тихаго океана своимъ младшимъ, болѣе благопріятно поставленнымъ, братьямъ—Амуру и Южно-Уссурійскому краю; сама же сосредоточилась теперь въ своей внутренней жизни, богатой, какъ мы видѣли, разными благами природы, но, увы, все еще очень бѣдной результатами культурной жизни человѣка. Просвѣтивъ свѣтомъ христіанства міръ дальняго востока и обогативъ насъ массою новыхъ географическихъ и бытовыхъ свѣдѣній, а отчасти и матеріяльными достатками, вывозившимися въ теченіи двухъ почти вѣковъ съ полуострова и сопредѣльныхъ ему земель въ видѣ пушнаго товара, затихшая нынѣ Камчатка ждетъ возврата за сослуженную ею вѣрную службу.

К. Старицкій.

Ѣздовыя собаки.

ОЧЕРКЪ II.

БЕРИНГОВО МОРЕ И БЕРИНГОВЪ ПРОЛИВЪ.

Берингово море.—Берингов проливъ.—Ихъ особенности.—Острова на этомъ морѣ.—Западный берегъ Америки.—Изобиліе животныхъ на берегахъ и островахъ. Мѣстные промыслы.—Первыя русскія плаванія.—Экспедиціи Беринга и Чирикова.—Открытіе Алеутскихъ островов.—Основаніе россійско-американской компаніи.—Барановъ.—Алеуты и Остяки.—Исторія компаніи.—Продажа русскихъ владѣній въ Америкѣ Соединеннымъ Штатамъ.

„Умъ россійскій промыслы затѣялъ».

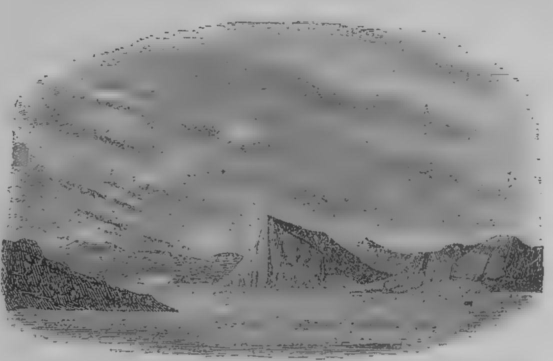
(изъ живни русскихъ промышленниковъ сочиненной Барановымъ).

Русскіе промышленники и казаки, проникнувъ и укрѣпившись въ Сибири, болѣе трехсотъ лѣтъ тому назадъ, постепенно дошли до крайнихъ сѣверовосточныхъ предѣловъ азіатскаго материка. На плохихъ полупалубныхъ судахъ (кочахъ) сплывали они по рѣкамъ въ Ледовитое море и вдоль его береговъ пробирались далѣе на востокъ, въ поискахъ за нужнымъ звѣремъ, за моржевымъ зубомъ, за новыми народами, которыхъ можно было бы обложить ясакомъ и привести въ подданство Московскаго царя. Къ такимъ отважнымъ людямъ принадлежалъ и казакъ Симеонъ Ивановъ Дежневъ, взятый въ первый разъ, въ видѣ охранителя интереса казны, промышленниками, которые спустились въ 1647 году по рѣкѣ Колымѣ въ Ледовитое море. Въ 1648 году казаки Герасимъ Анкудиновъ, Симеонъ Дежневъ и холмогорскій промышленникъ Ѳедотъ Алексѣевъ, неупавшіе духомъ отъ неудачи предшествовавшаго поиска, вновь спустились 20 іюня по Колымѣ и нашли море свободнымъ отъ льда. У Большаго Чукотскаго носа разбилась ладья Анкудинова; 20 сентября при стычкѣ на берегу съ чукчами былъ раненъ Алексѣевъ, а затѣмъ вскорѣ ладьи Алексѣева и Дежнева разлучились. Дежневъ, борясь съ бурями, обошелъ материкъ Азіи по Берингову проливу и въ октябрѣ потерпѣлъ крушеніе въ устьѣ рѣки Омоторской, откуда съ 25 своими спутниками онъ пробрался до Анадыра и тамъ основалъ зимовье, на которомъ въ послѣдствіи былъ сооруженъ Анадырскій острогъ. Такимъ образомъ Дежневъ почти за сто лѣтъ до Беринга доказалъ

своимъ плаваніемъ существованіе пролива, отдѣлявшаго Азію отъ Америки. Описаніе поиска Дежнева завалялось въ Иркутскомъ архивѣ и, по словамъ исторіографа Миллера, было имъ тамъ отыскано только въ 1736 году, по совершеніи первой экспедиціи Беринга. Но, вѣроятно, оно было извѣстно въ Сибири, потому что жившій тамъ военно-плѣнный шведъ Стременбергъ, по возвращеніи въ отчизну, издалъ въ Стокгольмѣ въ 1730 году карту сѣверной и восточной части Европы и Азіи и показалъ на ней, что русскіе уже ѣздили изъ Колымы моремъ въ Камчатку. Какъ знаменитый англійскій мореплаватель Кукъ назвалъ проливъ, отдѣляющій Азію отъ Америки Беринговымъ, въ честь перваго морехода, вошедшаго въ него съ юга, такъ не менѣе прославившійся своимъ путешествіемъ финляндскій ученый Норденшельдъ предложилъ Восточный мысъ назвать мысомъ Дежнева, въ память отважнаго казака, прежде другихъ обошедшаго его, когда ему удалось ранѣе Беринга проникнуть съ сѣвера въ проливъ его имени.

Беринговъ проливъ, разъединяя материки Азіи и Америки, соединяетъ Ледовитый Океанъ съ Тихимъ; именно съ его сѣверною частію, Беринговымъ моремъ. Наибольшая ширина Берингова пролива, именно 90 верстъ, простирается между мысами Дежнева (Восточнымъ) и принца Уэльскаго. Вообще же ширина пролива отъ 60 до 75 верстъ, при средней глубинѣ 26 саженей. У берега Азіи проливъ глубже, именно отъ 20 до 28 саженей, у берега же Америки, въ 35 верстахъ отъ материка, глубина моря уменьшается уже до 12 саженей. Дно моря въ проливѣ весьма правильное, съ крѣпкимъ грунтомъ. Азіатское прибрежье пролива высоко и круто, американское же, къ сѣверовостоку отъ мыса принца Уэльскаго, низменное, болотистое, а къ юговостоку—представляетъ коническія сопки. Посреди самой узкой части Берингова пролива находится группа острововъ, открытая Берингомъ и названная имъ островами Св. Діомида. Первое извѣстіе о существованіи этихъ острововъ и о материкѣ за ними доставилъ казакъ Петръ Поповъ, посланный на Восточный мысъ побудить чукчей платить ясакъ. Онъ не достигъ цѣли, но узналъ отъ чукчей объ островахъ. Такъ какъ они подробнѣе были осмотрѣны, вслѣдъ за Берингомъ, подштурманомъ Ѳедоровымъ и геодезистомъ Гвоздевымъ, то ихъ называютъ также островами Гвоздева, хотя нельзя не согласиться съ Норденшельдомъ, что ихъ вѣрнѣе было бы называть островами Ѳедорова, командовавшаго судномъ, на которомъ эта группа была осмотрѣна. Западный изъ этихъ острововъ болѣе восточнаго, именно простирается въ длину на 5 верстъ, а въ ширину на $1^1/_2$ версты. Туземцы называютъ его Имоклитъ (въ договорѣ объ уступкѣ Соединеннымъ Штатамъ русскихъ американскихъ владѣній онъ названъ Нунарбукомъ), а капитанъ Бичи назвалъ его островомъ Ратманова. Берега его представляютъ почти перпендикулярные утесы и самъ островъ возвышается надъ поверхностью моря на 800 футовъ. Восточный островъ стольже высокъ, какъ и западный, но площадь его составляетъ только треть острова Ратманова. Бичи назвалъ его островомъ Крузенштерна; у туземцевъ же онъ извѣстенъ подъ именемъ Игналука. Между этими двумя островами существуетъ открытый проливъ въ три версты, удобный для прохода кораблей. Пограничная линія между Азіею и Америкою и между Россіею и Соединенными Сѣвероамериканскими Штатами проходитъ именно между островами Ратманова и Крузенштерна. Оба острова обитаемы. Жители ихъ промышляютъ моржей, тюленей, иногда китовъ. Полагаютъ, что острова были заселены пришельцами съ американскаго материка. На островахъ происходитъ торгъ между жителями, пріѣзжающими съ двухъ противоположныхъ материковъ. По словамъ туземцевъ ледъ въ Беринговомъ проливѣ подверженъ большимъ внезапнымъ перемѣнамъ, въ зависимости отъ дующихъ вѣтровъ. Чукчи, жители изъ селеній, близкихъ къ Берингову проливу, сообщали Норденшельду въ 1875 году, что при южномъ вѣтрѣ проливъ наполняется льдомъ, между тѣмъ при сѣверномъ освобождается отъ него. При южныхъ вѣтрахъ случается, что въ первую половину года льдомъ совершенно забиваетъ Беринговъ проливъ.

Берингово море представляетъ треугольное водное пространство между западною частью американскаго материка и восточною азіятскаго. Съ восточной стороны этого моря его ограничиваютъ бывшія русско-американскія владѣнія, а съ западной Чукотская земля и Камчатка. Отъ Великаго океана Берингово море отдѣляется съ юга полуостровомъ Аляскою, грядою Алеутскихъ острововъ и Командорскими островами, лежащими ближе къ берегамъ Камчатки Вершина трехугольная Берингова моря посредствомъ пролива соединяется съ Ледовитымъ океаномъ. Наибольшая длина Берингова моря около 2300 верстъ, а наибольшая ширина до 1790 верстъ. Азіятскій материкъ въ Беринговомъ морѣ представляетъ два выступа и двѣ выемки. Выступъ находится между мысами Дежневымъ (Восточнымъ) и Чукотскимъ и составляетъ собственно западный берегъ Берингова моря. Мысъ Дежнева находится на небольшомъ почти кругломъ полуостровѣ, который соединяется съ материкомъ узкимъ перешейкомъ. Возвышенное прибрежье означеннаго выступа прорѣзано двумя узкими и длинными заливами: Св. Лаврентія и Мечиганскимъ. Анадырскій заливъ, съ впадающею въ него рѣкою Анадырь, единственнымъ значительнымъ притокомъ Берингова моря со стороны Азіи, составляетъ первую обширную выемку между мысами Чукотскимъ и Св. Ѳаддея. Второй выступъ образуетъ Коряцкая земля, между мысами Св. Ѳаддея и Олюторскимъ, а вторая выемка находится между послѣднимъ мысомъ и Камчатскимъ. Передъ срединою этой выемки расположенъ наибольшій изъ прибрежныхъ острововъ этой стороны Берингова моря Карамыскій. Въ самомъ югозападномъ углу Берингова моря находится высшій пунктъ всего прибрежья, вулканъ Шивелючь, поднимающійся на 10.550 футовъ надъ уровнемъ моря. Сѣвернѣе Карамыскаго острова лежитъ подлѣ восточнаго берега Берингова моря островъ Арокамченъ, отдѣляющійся отъ материка глубокимъ проливомъ Сенявина. За этимъ островомъ вдаются въ гранитные берега материка двѣ губы Коніамская (Текечней) и Аболешева. Норденшельдъ полагаетъ, что заливы Чукотскаго полуострова, именно Св. Лаврентія, Колючинъ, Коніамскій и другіе вырыты древними бывшими ледниками, особенно если принять во вниманіе глубокія долины, прорѣзывающія горы, окружающія Коніамскую губу. Въ девяти миляхъ къ сѣверозападу отъ Чукотскаго носа находится заливъ Провиденсъ, весьма глубокій посрединѣ, въ которомъ въ 1848 — 1849 году зимовалъ корабль «Пловеръ», подъ командою капитана Мура, посланный для отысканія Франклина. Въ этомъ заливѣ нѣсколько бухтъ—это рандеву китолововъ и частныхъ торговцевъ. Китоловы заходятъ въ этотъ заливъ, и для убѣжища и для полученія имѣющейся тамъ отличной прѣсной воды, и для добыванія тамъ балласта. Наибольшая гора изъ среды окружающихъ заливъ называется Кенникоттъ и имѣетъ 2216 футовъ вышины.


Заливъ Провиденсъ.

Восточная сторона побережья Берингова моря отъ мыса принца Уэльскаго до полуострова Аляски представляетъ двѣ глубокія выемки и между ними значительный выступъ. Первая выемка находится между мысами принца Уэльскаго и графа Румянцова, гдѣ впадаетъ въ море значительная рѣка Квихпакъ (Юконъ у сѣвероамериканцевъ). Эта рѣка вливаетъ въ море такое огромное количество воды, что Берингово море на нѣсколько верстъ получаетъ совершенно другой цвѣтъ; съ берега не видать даже предѣла той полосы, которая образуется водою Квихпака. Внутренняя часть выемки называется Нортоновымъ заливомъ. Вторая выемка на восточной сторонѣ Берингова моря находится между мысомъ Нювгемъ и полуостро-

вомъ Аляскою. Въ этотъ заливъ вливаетъ свои воды обширное озеро Илемна. Выступъ между мысами Румянцева и Нюнгема прорѣзанъ лиманомъ также значительной рѣки Кускоквимъ. Передъ этимъ выступомъ лежитъ островъ Нунивонъ, самый обширный изъ всѣхъ островов восточной стороны Берингова моря.

Сѣверная и восточная стороны Берингова моря не имѣютъ вулкановъ и не представляютъ слѣдовъ ихъ изверженій, но юговосточная, южная, югозападная и западная части еще донынѣ изобилуютъ огнедышащими горами, производящими землетрясенія и перемѣны на земной поверхности. На Алеутской грядѣ нѣкоторые вулканы возвышаются на 10.000 футовъ надъ уровнемъ моря. Полуостровъ Аляска, Алеутскіе, Командорскіе острова—представляютъ собою вулканическую гряду, раздѣленную проливомъ или проходами изъ Великаго океана въ Берингово море. Самый значительный промежутокъ находится между островами Агу (алеутской группы) и Ягоднымъ (командорской группы). Въ югозападной части Берингова моря глубина превышаетъ 100 саженей, а около острова Беринга и у берега Камчатки между мысами Наварипомъ и Олюторскимъ доходитъ до 285 саженей. Въ сѣверовосточной части Берингова моря, по срединѣ его, глубина оказывается отъ 20 до 40 саженей, и чѣмъ ближе къ берегу Американскаго материка, тѣмъ море становится мелководнѣе. Посрединѣ югозападной части Берингово море не имѣетъ острововъ, а посрединѣ сѣверо-восточной части—группы острововъ Св. Лаврентія, Св. Матѳея, Прибылова.

Вслѣдствіе продолжающейся вулканической дѣятельности по берегамъ Берингова моря, при многочисленныхъ дымящихся еще вулканахъ (на однихъ Алеутскихъ островахъ до сорока), извергающихъ лаву, дно его подвержено частымъ колебаніямъ: одни острова на немъ постепенно опускаются, другіе поднимаются. При этомъ возникаютъ и новые острова въ родѣ острова Св. Іоанна Богослова, поднявшагося въ 1795 и 1796 годахъ на глазахъ промышленниковъ Крюкова.

Климатъ на Беринговомъ морѣ сырой, туманный, холодный. Въ южной части моря средняя годовая температура равняется $+3^{0}$, средняя температура наиболѣе холоднаго времени равняется 0^{0}, а самаго теплаго $+7^{0}$. Поэтому острова Берингова моря лишены лѣсной растительности, но въ замѣнъ того богаты сочными, хорошими травами и кустарниками. Въ этомъ отношеніи замѣчательна Алеутская гряда: на сѣверѣ ея господствуетъ суровый климатъ и густые туманы, а на югѣ болѣе теплые вѣтры, при умѣренномъ климатѣ и болѣе привѣтливомъ солнцѣ. На такое различіе южныхъ береговъ Алеутской гряды отъ сѣверныхъ имѣетъ своего рода вліяніе также японское теченіе Курасиво (что значитъ «Черное теченіе», названное такъ по темному цвѣту воды по всей полосѣ теченія), пересѣкающее Великій океанъ. Температура этого теченія на 9 град. выше окружающей его воды океана, и, подобно атлантическому гольфстрему, оно вліяетъ на климатъ не только японскихъ острововъ, но и сѣверозападнаго берега Америки. Отъ пересѣкающаго океанъ теченія Курасиво отдѣляется рукавъ, который направляется вдоль западнаго берега Америки, къ Чугацкому заливу, къ Кадьяку, Аляскѣ и къ остальнымъ Алеутскимъ островамъ. Часть этого рукава проходитъ даже до Берингова пролива, такъ что только меньшая часть перваго рукава Курасиво доходитъ до Алеутскихъ острововъ. Вѣтвь, проходящая до Берингова пролива теплаго теченія, находится подъ вліяніемъ вѣтра и льда: южный вѣтеръ усиливаетъ это теченіе въ проливъ, а сѣверный не только замедляетъ, но повременамъ и совершенно прекращаетъ. Продолжительный сѣверный вѣтеръ въ состояніи угнать даже это теченіе, но только не на долго и притомъ не всегда. Теченіе сильнѣе бываетъ въ августѣ и сентябрѣ, слабѣе въ первые мѣсяцы года, особенно когда льды затираютъ весь Беринговъ проливъ. Камчатскій рукавъ Курасиво не омываетъ непосредственно восточнаго берега Камчатки, но направляется на сѣверъ нѣсколько восточнѣе, именно между азіятскимъ берегомъ и островомъ Св. Лаврентія. Причина этого-то обстоятельство, что вдоль восточнаго берега Камчатки спускается на югъ холодное теченіе и сливается

съ холоднымъ Курильскимъ теченіемъ Охотскаго моря, начинающимся въ Гижигинскомъ и Пенжинскомъ заливахъ. Въ Беринговомъ проливѣ теченіе не бываетъ сильнѣе трехъ узловъ (5¼ верстъ) въ часъ, а въ сложности равняется двумъ узламъ. Вблизи земли Врангеля и острова Герольда въ Ледовитомъ океанѣ теченіе направляется на сѣверъ и востокъ со скоростью 2 узловъ (3½ верстъ) въ часъ.

Большія ледяныя массы, такъ называемыя ледяныя поляны, наносимыя изъ Ледовитаго океана чрезъ Беринговъ проливъ въ Берингово море, встрѣчаются въ немъ только въ сѣверной его части. Линія, проведенная отъ мыса Св. Ѳаддея, на Камчатскомъ берегу, чрезъ группу острововъ Св. Матѳея и въ юговосточномъ направленіи къ сѣвернымъ берегамъ Бристольскаго залива на американскомъ берегу, составляетъ границу, южнѣе которой, даже въ половинѣ зимы, не встрѣчается ледяныхъ полянъ, а только небольшое количество льда, которое не представляетъ никакой опасности для судовъ. Вѣроятно по этой причинѣ острова Св. Матѳея, необитаемы, утесистые, крутые, служатъ пристанищемъ бѣлыхъ медвѣдей, такъ что китоловы прозвали ихъ Медвѣжьими. Литке, проходя мимо острова Св. Матѳея 25 августа 1827 года, видѣлъ на немъ стада бѣлыхъ медвѣдей. По берегамъ, въ наиболѣе неприступныхъ мѣстахъ, ложится много моржей, а на самомъ островѣ водятся бѣлые и голубые песцы. Въ 1809 году съ Уналашки Барановъ отправилъ на островъ Св. Матѳея 20 русскихъ для промысловъ. Большая половина этой артели умерла зимою отъ цынги, остальные перевезены были обратно на Уналашку и съ тѣхъ поръ не дѣлали попытокъ къ учрежденію тамъ селеній.

Передъ продажею Сѣвероамериканскимъ Соединеннымъ Штатамъ русскихъ владѣній на Тихомъ океанѣ, въ завѣдываніи русско-американской компаніи находилось обширное пространство земель, которое ограничивалось съ сѣвера Ледовитымъ океаномъ, съ запада юговосточными предѣлами Сибири, Охотскимъ моремъ и Японскимъ островомъ курильской гряды Итуруломъ, а съ юга Великимъ океаномъ и англійскими владѣніями, которыя также прилегали съ востока къ русскимъ предѣламъ на всемъ ихъ протяженіи по берегу Америки. Такимъ образомъ владѣнія эти заключали въ себѣ: часть сѣверозападнаго берега Америки отъ широты 54°40' до сѣвернаго его предѣла, всѣ острова Алеутскіе, всѣ лежащіе отъ нихъ къ сѣверу острова, именно: Нунивонъ, Укивокъ, Матѳея, Прибылова, Командорскіе и другіе, именно между 132°39' и 210°5' долготы отъ Гринвича. Всѣ эти владѣнія были раздѣлены колоніальнымъ управленіемъ на два отдѣла: Ситхинскій и Кадьякскій и десять управленій, которыя находились подъ непосредственнымъ вѣдѣніемъ ситхинскаго отдѣла.

Алеутскіе острова, ограничивающіе Берингово море съ южной стороны, раздѣляются на группы, получившія разныя названія. Такъ острова, ближайшіе къ берегу Азіи, откуда предпринимались первыя открытія русскихъ, названы Ближними островами; Андреяновскіе—по имени изслѣдовавшаго ихъ купца Андріана Толстыхъ; Лисіе—отъ множества лисицъ, находившихся на нихъ, островъ Крысій—отъ большаго числа крысъ, найденныхъ тамъ первыми посѣтителями и расплодившихся съ японскаго судна, разбившагося у береговъ; острова Шумагинскіе—по имени матроса Шумагина: общее же названіе Алеутскихъ острововъ, по преданію, дано имъ первыми мореплавателями по сходству, найденному ими въ туземцахъ съ телгутами, населеніемъ, живущимъ въ западной Сибири.

Къ Ближнимъ островамъ принадлежатъ Атту, Агату и Семичи. Островъ Атту имѣетъ въ длину 32 мили, въ ширину до 8 миль. Берега его утесисты и высоки, особенно сѣверный и западный. Туземное селеніе и компанейскія строенія находились внутри острова Чичагова, который узкимъ перешейкомъ соединяется съ гаванью Убіенною. Вершина горъ, изъ которыхъ иныя вулканическія, обнажена и покрыта туманами, вслѣдствіе чего на островѣ постоянно моросить дождь. Островъ Агату не имѣетъ ни одной гавани, даже бухты, почему и названъ Круглымъ. Въ длину онъ имѣетъ до 30 миль. Острова Семичи состоятъ изъ трехъ небольшихъ островковъ,

раздѣленныхъ узкими проливами, вѣрнѣе—низменными перешейками, затопленными водою. Острова Ближніе весьма бѣдны растительностію. Только на островѣ Атту водятся песцы; на другихъ же островахъ нѣтъ никакихъ звѣрей. Въ прежнее время на берега Ближнихъ островов изъ китовъ преимущественно выкидывались кашалоты. Рыба—разныхъ породъ семги и треска, водится на всѣхъ островахъ въ изобиліи. Изъ всѣхъ островов обитаемы только одинъ Атту.

Къ группѣ Крысьихъ принадлежатъ девять островов, изъ которыхъ самый значительный Амчитка, длиною въ 41 милю, а шириною въ 7 миль. На островѣ находится заливъ Константинъ, называемый также Финляндія. За этимъ островомъ по величинѣ слѣдуютъ Семисопечный, малый Ситхинъ и Крысій (около 10 миль въ окружности). По изобилію въ продовольствіе Амчитка превосходитъ всѣ остальные Алеутскіе острова. На островѣ Амчитка лежитъ мѣстами полуистлѣвшій выкидной лѣсъ, возвышающійся на 40 и на 50 футовъ выше уровня моря. Такія же массы выкиднаго лѣса находятся мѣстами на берегахъ Аляски и Нортонова залива и, по разсказамъ туземцевъ, образовались послѣ страшнаго землетрясенія, бывшаго въ 1737 году на берегахъ Камчатки и на Курильскихъ островахъ. Постоянныхъ жителей на Крысьихъ островахъ нѣтъ. Изъ сухопутныхъ млекопитающихъ тамъ водятся однѣ крысы. Сивучи плодятся на самомъ островѣ Большая Кыска и на сосѣднихъ съ нимъ камняхъ.

Группа Андреяновскихъ островов состоитъ изъ 21 болѣе значительнаго острова и сверхъ того нѣсколькихъ менѣе значительныхъ. Островъ Аматыгнакъ принадлежитъ къ южнѣйшимъ Алеутскимъ островамъ. Болѣе всѣхъ другихъ—островъ Атха, длиною до 56 миль и состоящій какъ бы изъ нѣсколькихъ гористыхъ островов, соединенныхъ между собою узкими, низменными перешейками. Сѣверную оконечность его составляютъ двѣ горы, изъ которыхъ сѣверная, называемая Коровинскою, донынѣ дымящаяся сопка. На островѣ текутъ только небольшія рѣчки и сорные ручьи. Берега острова изрыты заливами; изъ нихъ особенно удобенъ для судовъ Коровинскій, въ восточной сторонѣ котораго въ почти отвѣсномъ утесѣ содержатся слои каменнаго угля. Туземное селеніе Никольское и компанейскія строенія находились прежде въ Коровинскомъ заливѣ, а затѣмъ было переведено въ заливъ Насонъ, который отдѣленъ отъ перваго перешейкомъ въ четыре версты. Въ Коровинскомъ заливѣ была церковь и дома для причта. Островъ Амля длиною 36 миль, отдѣляется отъ Атхи узкимъ проливомъ и на южной сторонѣ имѣетъ гавань Свѣшникова (Овечкина). На островѣ живутъ до 200 душъ обоего пола. На островѣ Сигуамѣ, къ сѣверовостоку отъ Амли, идетъ по всему его протяженію, до 12 миль, хребетъ горъ, изъ которыхъ иныя дымятся. Проливы между Сигуамомъ и Амлею и между послѣднимъ и Атхою отличаются сильнымъ и быстрымъ теченіемъ, почему и опасны для переѣзда по нимъ въ байдарахъ. Вообще Андреяновскіе острова высоки и утесисты со многими дымящимися сопками. На островѣ Таная находится удобная гавань «Слава Россіи», названная въ память корабля, на которомъ извѣстный гидрографъ Сарычевъ посѣтилъ ее. На Андреяновскихъ островахъ бываетъ много наноснаго лѣса. Только на островѣ Атхѣ водятся песцы. Главнѣйшій притонъ морскихъ птицъ бываетъ на Сигуамѣ. Болѣе всего рыбы оказывается на островѣ Атхѣ, особенно красной. На Атхѣ промышляются превосходные сельди, которыхъ умѣютъ тамъ хорошо солить. На Андреяновскихъ островахъ въ изобиліи ловятся крабы (круглые морскіе раки), вѣсящіе до 20 фунтовъ каждый и имѣющіе въ поперечникѣ отъ 8 до 10 дюймовъ. Они употребляются жителями островов въ пищу.

Группа Лисьихъ островов простирается отъ острова Сигуама до полуострова Аляски, а именно Алеухта, Чугулъ и Юнаска; острова Четырехъ-союзные, Чугулахъ, Ульмега, Чугинодакъ, Кагашилъ, Умнакъ и островокъ Самалга; группа небольшихъ островов Всевидовскихъ, Уналашка съ прилегающими небольшими островками; группа островковъ и скалъ, называемыхъ Яичными, Уналга, группа островов Креницына, два небольшіе утесистые островка Акунъ и Акутанъ и островъ Унимакъ. Значительнѣе всѣхъ островов въ этой группѣ Уна-

лашка, имѣющій до 70 миль (болѣе 120 верстъ) длины и до 30 миль ширины въ сѣверо-восточной своей оконечности. Возвышенную часть острова составляетъ Макушинская сопка, лежащая между заливами Макушинскимъ и Капитанскимъ, изъ которыхъ послѣдній считается самымъ удобнымъ мѣстомъ во всемъ краѣ для стоянки судовъ. Берега острова Уналашки замѣчательны своими удобными заливами и бухтами. Въ заливѣ Капитанскомъ находилось компанейское селеніе, такъ называемый портъ Иллилюкъ, съ церковью. Сверхъ того на островѣ существуютъ три алеутскія селенія съ 550 жителями обоего пола. Съ западной стороны Уналашки лежитъ островъ Умнакъ, длиною до 50 миль и состоитъ изъ довольно высокихъ горъ, постепенно возвышающихся къ сѣверо-востоку, изъ которыхъ двѣ сопки: Туликская и Всевидовская. На этомъ островѣ нѣтъ ни одной гавани, исключая небольшой бухточки на западной сторонѣ съ удобною якорною стоянкою. На Умнакѣ живутъ около 90 человѣкъ обоего пола. На островѣ Акутанѣ, состоящемъ изъ высокихъ горъ, одна сопка, вышиною въ 3300 футовъ, дымится. Послѣднимъ островомъ къ востоку отъ Лисьихъ лежитъ Унимакъ, который заключаетъ собою со стороны материка группу Алеутскихъ острововъ. Отъ полу-

Редутъ св. Михаила.

острова Аляски онъ отдѣляется Иссонахскимъ проливомъ. Островъ состоитъ изъ высокихъ горъ, изъ нихъ нѣкоторыя донынѣ дымятся. Въ числѣ нихъ находится Шишальдянская сопка, принадлежащая къ числу значительнѣйшихъ вулкановъ во всемъ краѣ. Вообще островъ Унимакъ часто подвергается вулканическимъ дѣйствіямъ. На сѣверномъ берегу острова, длиною до 62 миль, а шириною около 20 миль, находится Шишальдинское селеніе съ 60 жителями. Въ Шишальдинскомъ вулканѣ произошелъ въ 1856 году большой взрывъ, вслѣдствіе котораго у сѣверной его подошвы образовалась большая трещина, длиною около трехъ верстъ, изъ которой въ продолженіи трехъ дней извергались огонь и пепелъ. Бывшіе на островѣ алеуты сообщили, что вода въ рѣчкахъ какъ бы исчезла, до того она была засыпана пепломъ. Подземный трескъ и гулъ продолжались двѣ недѣли и были слышны на разстояніи 100 верстъ, но не былъ слышенъ въ селеніи на сѣверной сторонѣ самаго острова. При изверженіяхъ въ 1825 и 1826 годахъ, Шишальдинскій вулканъ разсѣлся во многихъ мѣстахъ при взрывахъ, подобныхъ сильному грому, и при обильномъ изверженіи пепла изъ трещинъ. Пепелъ несло такою густою тучею, что на небольшомъ разстояніи нельзя было различать предметы. При

изверженіи въ 1826 году жители острова Унимака въ продолженіи десяти дней принуждены были сидѣть съ огнемъ въ своихъ юртахъ, потому что нельзя было выдти на воздухъ отъ носившагося повсюду сильнаго пепла, который проникалъ въ глаза и въ носъ и причинялъ сильную головную боль.

Но еще замѣчательнѣе было вулканическое изверженіе въ началѣ XIX столѣтія, имѣвшее своимъ послѣдствіемъ появленіе изъ моря вулканическаго острова св. Іоанна Богослова, къ западу отъ острова Уналашки и къ сѣверу отъ острова Умнака. Появленіе это сопровождалось слѣдующимъ явленіемъ: 1-го мая 1796 года началась вдругъ отъ сѣвера жестокая буря и воздухъ помрачился; буря и мракъ продолжались въ теченіи всего дня, ночью же еще болѣе усилились. Въ продолженіе двухъ дней слышны были вдали звукъ и трескъ, подобные громовымъ ударамъ; на третій же день передъ разсвѣтомъ буря утихла и атмосфера прояснилась. Тогда замѣчено было къ сѣверу отъ острова Умнака пламя, выходившее изъ моря, а потомъ и дымъ. Это явленіе не прекращалось въ продолженіи десяти дней. Въ концѣ десятаго дня увидали бѣловатое, круглообразное небольшое надъ поверхностью моря возвышеніе, которое затѣмъ стало чрезвычайно быстро увеличиваться. Чрезъ мѣсяцъ пламя совершенно исчезло, но дымъ выходилъ въ большемъ противъ прежняго количествѣ. Дымъ выносилъ съ собою въ атмосферу черное вещество, похожее на сажу и на мелкій горѣлый камень. Островъ былъ осмотрѣнъ, описанъ и названъ островомъ св. Іоанна Богослова. Еще въ 1804 году, когда его посѣщали промышленники, почва на немъ была горяча. Въ послѣдстіи у острова образовалась лайда, на которой сивучи имѣли свои многочисленныя лежбища. Жители съ Уналашки отправлялись туда для промысла на сивучей; но промыселъ этотъ былъ крайне опасенъ, потому что съ высокой горы острова падали камни. Затѣмъ такія мѣста на островѣ обрушились и тогда сивучи перестали посѣщать его.

Изъ острововъ Лисьихъ обитаемы только Умнакъ, Уналшака, Акунъ (до 165 душъ) и Укамакъ. Лисьи острова совершенно безлѣсны. Трава на низкихъ мѣстахъ густа и высока, но водяниста и непитательна. Изъ хлѣбныхъ растеній только однажды созрѣлъ вполнѣ ячмень, посѣянный около моря. Климатъ на этой группѣ суше, чѣмъ на остальныхъ Алеутскихъ островахъ. Туманная изморозь и дождь бываютъ рѣдко, но и ясныхъ дней въ продолженіе года выдается немного. Морозы начинаются въ октябрѣ и даже въ сентябрѣ, когда выпадаютъ по временамъ снѣга, которые лежатъ иногда до іюня и даже до іюля. Лучшее время года бываетъ въ августѣ. На Лисьихъ островахъ промышляютъ лисицъ, морскихъ бобровъ, выдръ, сивучей. На островѣ Уналашкѣ сверхъ красной рыбы заготовляется много провѣсной трески. Жители, кромѣ небольшаго количества рогатаго скота, держатъ также куръ и свиней, но свиное мясо имѣетъ отвратительный вкусъ, потому что главнѣйшею пищею свиньямъ служитъ рыба. Мясо куръ и ихъ яйца также отзываются рыбою.

Изъ Шумагинскихъ острововъ самымъ значительнымъ по величинѣ оказывается островъ Унга, имѣющій до 25 миль длины и до 12 миль ширины. Всѣ острова этой гряды гористы, но, сравнительно съ возвышенностями полуострова Аляски, Шумагинскіе острова кажутся низменными. На юго-восточной части острова Унга находится гавань Деларова (предшественника Баранова, по управленію промыслами компаніи Шелехова), съ селеніемъ алеутовъ. Тутъ же были хозяйственныя и торговыя строенія россійско-американской компаніи. Изъ Шумагинскихъ острововъ обитаемъ только одинъ Унга. Къ группѣ этихъ острововъ принадлежитъ множество небольшихъ островковъ или скалъ, расположенныхъ за островомъ Конюжимъ, лежащимъ къ юговостоку отъ Унги. Всѣ Шумагинскіе острова утесисты. На нихъ растутъ ольха, тальникъ, бузина; водятся лисицы (на Унгѣ), норки, морскіе бобры, выдры, тюлени. Къ востоку отъ Шумагинскихъ острововъ лежитъ группа Евдокіевскихъ острововъ, необитаемыхъ, безлѣсныхъ. Острова, сопредѣльные къ юго-восточной сторонѣ Аляски, представляютъ небольшіе утесистые островки.

Къ сѣверу отъ Алеутскихъ острововъ, противъ группы Лисьихъ острововъ, лежатъ острова Прибыловы. Болѣе всѣхъ изъ нихъ островъ Св. Павла, вблизи котораго лежитъ небольшой утесистый островокъ Бобровый и большой, но невысокій, камень Моржевый. Восточная и сѣверная стороны острова Св. Павла низменны съ отлогими песчаными берегами, между тѣмъ какъ западная гориста съ утесистыми берегами. Главнѣйшія возвышенности находятся въ срединѣ острова. Вершины этихъ горъ обвалились, слѣдовательно, и этотъ островъ подвергался подземнымъ вулканическимъ переворотамъ. На вершинѣ одной изъ горъ находится озеро. На возвышенностяхъ острова почва глинистая съ красною охрою, на низкихъ мѣстахъ песчаная, а на остальномъ пространствѣ плотная, ноздреватая лава разнаго вида. На югозападной оконечности острова находится небольшой заливъ, при которомъ расположено было компанейское селеніе съ 276 жителями. Къ югу отъ острора Св. Павла лежитъ островъ Св. Георгія, имѣющій въ длину около 10 миль, а въ ширину $3^1/_2$ мили. Островъ, за исключеніемъ весьма немногихъ мѣстъ съ песчаными и каменистыми осыпами, утесистъ. Компанейское селеніе, съ 140 жителями, существовало на сѣверномъ берегу. Климатъ Прибыловыхъ острововъ суровъ. При сѣверныхъ вѣтрахъ къ нимъ приносятся льды, значительно увеличивающіе стужу, а при южныхъ и восточныхъ вѣтрахъ обыкновенно идетъ дождь и держатся туманы. При послѣднихъ вѣтрахъ льды отходятъ отъ береговъ и на островахъ становится теплѣе. Ледъ приходитъ въ декабрѣ и иногда держится до іюня; съ мая до августа стоятъ туманы, часто до того непроницаемые, что не возможно бываетъ различить предметы въ нѣсколькихъ саженяхъ. Солнце показывается весьма рѣдко, а потому ясныхъ дней бываетъ мало. На островахъ растетъ только мелкій тальникъ; въ долинахъ и во впадинахъ горъ густая трава появляется очень быстро. Главнѣйшее богатство Прибыловыхъ острововъ заключается въ морскихъ котахъ и сивучахъ. Вслѣдствіе запуска, установленнаго русско-американскою компаніею, въ послѣдніе годы ея существованія, на островѣ Св. Павла ежегодно стали добывать морскихъ котиковъ по 70.000 штукъ, а на островѣ Св. Георгія до 6.000 штукъ, безъ всякаго ущерба для дальнѣйшаго промысла. На этихъ островахъ промышляютъ также и песцовъ. Моржи ложатся временно на Моржевый камень, но моржевыя самки сюда не приходятъ. На островахъ Прибылова водится также особый родъ мелкихъ безхвостыхъ мышей, питающихся кореньями. Треска въ изобиліи ловится весною около острововъ, а палтусина съ іюля до сентября. Красной рыбы у этихъ острововъ никогда не бываетъ. На островѣ Св. Георгія, преимущественно на восточномъ мысу, водятся въ изобиліи морскія птицы ары, по большему или меньшему количеству которыхъ можно судить о близости острова, когда къ нему судно подходитъ во время тумана.

Кадьякскій архипелагъ состоитъ изъ острова Кадьяка и прилегающихъ къ нему острововъ Афогнака, Еловаго, Лѣснаго, Долгаго, Ситхинака, Гусиныхъ, Малиноваго, Говорумечьяго (Кетой). Съ послѣднимъ сопредѣльны: съ сѣвера Шуякъ и Безплодные (Перегребные), съ востока—Еврашечій и съ юга—Ситхинакъ, Тугидакъ и другіе островки. Островъ Кадьякъ болѣе всѣхъ остальныхъ, простирается на 90 миль (около 160 верстъ). Онъ гористъ, но особенно большихъ возвышенностей не имѣетъ. По берегамъ его во многихъ мѣстахъ далеко вдаются внутрь острова заливы и бухты. Чиніакскій заливъ раздѣляется на три бухты: Кальсинскую, Среднюю и Бабью или Англійскую. Климатъ не отличается особенною благорастворенностью; землетрясенія на островѣ бываютъ довольно часты, особенно сильное было въ апрѣлѣ 1844 года. Гавань Св. Павла, находящаяся по сѣверо-восточную сторону Чиніакскаго залива, считалась однимъ изъ важнѣйшихъ пунктовъ въ русскихъ американскихъ колоніяхъ, по главному сосредоточію въ немъ пушнаго и ледянаго промысловъ и запасовъ для надобностей всего отдѣла и нѣкоторыхъ другихъ компанейскихъ поселеній. Гавань Св. Павла представляетъ узкій проливъ, шириною отъ 60 до 140 сажень, защищенный отъ морскихъ вѣтровъ довольно высокимъ безлѣснымъ островомъ. При входѣ въ проливъ на утесистомъ

мысѣ острова Кадьяка находилась небольшая батарея для обороны гавани. Въ лѣтніе мѣсяцы въ гавани могутъ помѣститься не болѣе пяти судовъ, а осенью и зимою и того менѣе, потому что въ это время господствуютъ иногда вдоль пролива такіе сильные сѣверо-восточные и сѣверо-западные вѣтры, что обрываютъ гивартовы, якорныя цѣпи, разбиваютъ остающіяся на берегу мелкія гребныя суда, срываютъ крыши съ домовъ и проч.

Селеніе при гавани Св. Павла расположено на высокомъ каменномъ утесистомъ берегу. Съ сѣверной его стороны довольно высокая гора, при подошвѣ которой лежитъ озеро и нѣсколько безлѣсныхъ возвышенностей, покрывающіяся лѣтомъ тучною травою. Въ восточной части селенія находятся еловыя рощи. По мѣрѣ углубленія внутрь берега, почва становится болотистою. На особомъ пригоркѣ, при русскомъ владычествѣ, стояла церковь, обсаженная тополями. Въ селеніи въ это время находились: обширный магазинъ для храненія товаровъ и запасовъ, больница, казарма, офицерскій флигель, домъ для помѣщенія конторы и ея правителя, кузница, столярная и слесарная мастерскія и другія хозяйственныя строенія. Въ селеніи

Лежбище морскихъ котиковъ на островѣ св. Павла.

было жителей до 360 душъ обоего пола. Сверхъ того въ окрестностяхъ гавани въ разныхъ мѣстахъ находились и другія хозяйственныя компанейскія заведенія. На островѣ Кадьякѣ разводился картофель, продававшійся поселенцами компаніи ежегодно до 800 четвериковъ. Сверхъ главнаго селенія при гавани Св. Павла на островѣ Кадьякѣ находится еще четыре селенія, съ 1.500 жителей обоего пола. На островѣ Укамокѣ, къ югу отъ Кадьяка, имѣется одно селеніе съ 160 жителями.

Къ востоку отъ Кадьяка лежитъ островъ Лѣсной, покрытый густымъ лѣсомъ, длиною всего въ $2^1/_4$ мили. На этомъ островѣ находится нѣсколько озеръ и изъ одного зимою добывалось при компаніи до 31.000 пудовъ льда, который отправлялся въ Калифорнію. Ледъ грузился на суда съ пристани, находившейся на западной сторонѣ у туземнаго селенія съ 190 жителями обоего пола. На островѣ Еловомъ, въ четверти мили разстоянія къ востоку отъ Кадьяка, были колоніальныя поселенія съ огородами и домашнимъ скотомъ. Этотъ островъ замѣчателенъ по долговременному пребыванію на немъ послѣдняго изъ членовъ первой духовной миссіи, монаха Германа, скончавшагося на островѣ въ 1827 году и погребеннаго подлѣ

умершаго члена той же миссіи іеромонаха Іоасафа. Монахъ Германъ устроилъ при своемъ жилищѣ школу для дочерей туземцевъ и разводилъ огородныя овощи и картофель. Къ сѣверо-востоку отъ Кадьяка отдѣляется отъ него узкимъ проливомъ островъ Афогнакъ, длиною въ 31 милю, а шириною на сѣверной сторонѣ въ 25 миль. Островъ гористъ и изобилуетъ лѣсомъ еловымъ и лиственнымъ (березовымъ и рябиною). Берега острова имѣютъ много углубленій, но три значительныя бухты на восточной его сторонѣ неудобны для стоянки парусныхъ судовъ. На Афогнакѣ водится много лисицъ, преимущественно чернобурыхъ. Жителей на островѣ считается до 410 душъ.

Полуостровъ Аляска имѣетъ въ длину 320 миль (560 верстъ); ширина между мысомъ Дугласомъ и устьемъ Квійчака 115 миль, а въ Иссанахскомъ проливѣ не болѣе 20 миль (35 верстъ). По всей длинѣ полуострова тянется хребетъ высокихъ горъ, прилегающихъ

Группа острововъ у берега бывшихъ русско-американскихъ владѣній.

ближе къ юго-восточной сторонѣ и имѣющихъ пологость къ сѣверо-западу. Между горами встрѣчается много волканическихъ. Изъ множества озеръ на полуостровѣ вытекаютъ большія и малыя рѣки, изъ которыхъ замѣчательны Квійчакъ, Накнекъ, Угажакъ. На юго-восточной сторонѣ полуострова находится восемь заливовъ и бухтъ, а на сѣверо-западной только три; самый обширный изъ заливовъ Павловскій, углубляющійся въ берегъ почти на 60 верстъ. На западной его сторонѣ возвышается Павловская сопка. Въ сѣверной части полуострова растетъ хвойный лѣсъ, а на южной береза, ольха и ель. Сверхъ изобилія лѣсовъ, большая часть мѣстности Аляски покрыта тучными травами. Ягодъ лѣсныхъ растетъ много. Красныя лисицы Аляски отличаются особеннымъ достоинствомъ своего мѣха. Въ прежнія времена на Аляскѣ водилось много дикихъ оленей, но затѣмъ они исчезли совершенно. По берегамъ полуострова промышляются сивучи, моржи, тюлени. Въ окрестностяхъ Катмая находится много

рѣчныхъ бобровъ. Полуостровъ Аляска при своемъ основаніи образуетъ юго-восточный уголъ Берингова̀го моря.

Между продолженіемъ съ западной стороны берега полуострова Аляски, а съ восточной стороны материкомъ, составляющимъ западный берегъ Чугацкаго залива, находится Кенайскій заливъ, называемый англичанами губою Кука. При устьѣ рѣки Какну находился русскій редутъ Св. Николая до послѣднихъ дней существованія нашей американской компаніи. Въ прежніе же годы на пространствѣ материка, раздѣляющаго Кенайскій и Чугацкій заливы, находились крѣпостцы Воскресенская и Георгіевская, которыя потомъ были упразднены компаніею. Въ Чугацкомъ заливѣ, въ бухтѣ Св. Константина и Елены находился компанейскій редутъ того же имени. По берегу отъ Чугацкаго залива до Ледянаго пролива тянется высочайшій горный хребетъ со своими замѣчательными горами Св. Ильи и Доброй Погоды. Въ разсѣлинахъ этого хребта лежатъ вѣчные льды, которые скатываются съ горъ въ одно

Ситха.

изъ углубленій берега въ продолженіи всего года. По этому въ Ледяномъ проливѣ льды плаваютъ почти весь годъ и дано ему это названіе.

Островъ Ситха (Барановъ), лежащій у западнаго берега Америки, принадлежитъ къ значительнѣйшимъ островамъ Ванкуверова архипелага. По присоединеніи русско-американскихъ владѣній къ Соединеннымъ Сѣверо-американскимъ Штатамъ правительство послѣднихъ всю группу острововъ у западнаго берега, между 54° 40' и 58° 25' широты назвало Александровскимъ архипелагомъ, въ честь Императора Александра II. Островъ Ситха, на которомъ находится портъ Новоархангельскъ, составлялъ главное средоточіе управленія россійскими колоніями на Великомъ океанѣ. Новоархангельскъ въ морскомъ и торговомъ отношеніи представлялъ много удобствъ, вслѣдствіе которыхъ и былъ предпочтенъ другимъ поселеніямъ, основаннымъ русскими въ новомъ свѣтѣ. Рейдъ Новоархангельска, свободный во всякое время года отъ льда, имѣя нѣсколько безопасныхъ входовъ, по своей обширности, можетъ вмѣстить въ себѣ цѣлый флотъ и дать ему спокойное убѣжище при всякихъ вѣтрахъ. Число орудій на всѣхъ укрѣпленіяхъ и батареяхъ Новоархангельска было доведено россійско-американскою компаніею до 60-ти, причемъ, въ числѣ ихъ было нѣсколько бомбическихъ пушекъ. Сверхъ того въ запасѣ

при портѣ имѣлось 87 орудій разнаго калибра. Главнѣйшее укрѣпленіе расположено было на высокомъ мысѣ, гдѣ находился домъ главнаго правителя колоній, и было вооружено 17-ю орудіями. Портъ отдѣлялся отъ селенія колошей или колгошей высокимъ палисадомъ, шедшимъ отъ морского берега до Лебяжьяго озера и на противоположномъ его берегу еще саженъ на тридцать. При началѣ палисады съ морской стороны портъ защищался блокшифомъ, вооруженнымъ тремя орудіями и батареею о шести пушкахъ. Въ углахъ палисада находились четыре трехъ-ярусныя башни, въ среднемъ ярусѣ которыхъ, смотря по величинѣ башни, находилось отъ 3 до 6 орудій. На пристани стояла батарея изъ двѣнадцати орудій, которая обстрѣливала селеніе колошей. Гарнизонъ порта составляли взрослые мужчины, въ числѣ 550 душъ. Всѣ они были вооружены огнестрѣльнымъ и ручнымъ оружіемъ. Всѣ эти укрѣпленія и предосторожности были установлены для обороны Новоархангельска отъ нападенія туземцевъ, преимущественно колошей.

Воздухъ въ Новоархангельскѣ въ продолженіе всего года отличается необыкновенною влажностію и только въ теченіе двухъ зимнихъ мѣсяцевъ, при господствѣ сѣверо-восточныхъ вѣтровъ со снѣговыхъ горъ, въ атмосферѣ бываетъ ощутительна особеннаго рода сухость при довольно чувствительномъ холодѣ. Горные вѣтры бываютъ причиною воспалительныхъ болѣзней, особенно же горловыхъ. Средняя температура для Новоархангельска выведена изъ многолѣтнихъ наблюденій въ $6^1/_2$ градусовъ.

Образованіе острова Ситхи вулканическое. Во многихъ мѣстахъ на немъ находятся горячіе, сѣрные источники, изъ которыхъ наиболѣе замѣчательные, сѣрные, лежатъ въ разстояніи около 25 верстъ отъ Новоархангельска. Этими водами пользуются отъ разныхъ болѣзней. Землетрясенія въ Новоархангельскѣ бываютъ нерѣдко; довольно значительныя были наблюдаемы въ декабрѣ 1843 г. и въ мартѣ 1848 года. Послѣднее возобновлялось нѣсколько разъ въ продолженіе двухъ недѣль. Средняя высота горъ, окружающихъ Новоархангельскъ, не менѣе 3000 футовъ. Эти горы покрыты до самыхъ вершинъ высокорослымъ хвойнымъ лѣсомъ, которымъ изобилуетъ весь сѣверо-западный берегъ Америки.

Длина нѣкоторыхъ еловыхъ бревенъ, которыя въ 1826 году употреблялись на постройку колоніальнаго магазина, доходила до 22 саженей, причемъ деревья эти не имѣли ни малѣйшей кривизны. Растительность на Ситхѣ замѣчательна своею силою и быстротою. Въ лѣсахъ нѣтъ почти мѣста, гдѣ не было бы между деревьями кустарника или ползущаго растенія. Въ лѣсахъ преимущественно попадаются лиственница, ель, пихта, американскій кипарисъ (душмянка) и дикая яблоня. Только душмянка отличается чрезвычайною сухостью, даже при срубѣ съ корня; остальныя же древесныя породы не только сыры, но даже водянисты, дряблы и не имѣютъ въ себѣ смолистыхъ веществъ. Ближайшій къ порту морской берегъ постоянно пустѣетъ отъ сильной вырубки деревьевъ, такъ что уже въ шестидесятыхъ годахъ XIX столѣтія приходилось искать лѣса въ тридцати и даже въ пятидесяти верстахъ отъ порта.

Огородные овощи разводятся на Ситхѣ, но хлѣбныя растенія не созрѣваютъ. Лѣсныя ягоды попадаются въ большомъ количествѣ, даже земляника. Малина выростаетъ очень крупная, но безъ всякаго вкуса и аромата. На сѣрныхъ ключахъ ягоды созрѣваютъ двумя недѣлями ранѣе остальныхъ окрестностей Новоархангельска. Рыба ловится у Ситхи преимущественно красная, хайко, горбуша, рѣже чавыча. Палтусина промышляется въ продолженіи всего года, но сельди только въ февралѣ и въ мартѣ. При появленіи сельдей отъ ихъ множества вода при окраинахъ островковъ и въ узкихъ проливахъ принимаетъ почти молочный цвѣтъ. Во время лова сельдей у Ситхи появляются двѣ породы орловъ, изъ которыхъ особенно замѣчателенъ бѣлоголовый. Изъ сухопутныхъ млекопитающихъ на Ситхѣ и на сосѣднихъ островахъ водятся дикобразы (морпаганы), бурые медвѣди, морскіе бобры появляются въ небольшомъ количествѣ у мыса Эджкомъ, а тюлени въ изобиліи водятся въ проливахъ между Ситхою и сосѣдними островами.

Въ 15 верстахъ отъ Новоархангельска къ юго-востоку находился при русскомъ владычествѣ Озерской редутъ, основанный при небольшомъ озерѣ, обильномъ рыбою, для защиты отъ нападеній колошей. Другія поселенія россійско-американской компаніи находились въ сѣверномъ управленіи, которое обнимало собою пространство американскаго материка по прибрежью Берингова моря къ сѣверу и къ сѣверо-западу отъ Кенайскаго залива и полуострова Аляски. Такъ нушагакская одиночка образовалась изъ упраздненнаго Александровскаго редута (крѣпость св. Александра), и находилась невдалекѣ отъ туземскаго селенія, на восточномъ берегу залива Нушагакъ, при впаденіи значительной рѣки Нашагакъ въ Бристольскій заливъ. На берегахъ залива Нушагакъ и въ одной изъ сосѣднихъ небольшихъ бухтъ встрѣчается кусками янтарь. Въ краѣ, прилегающемъ къ Бристольскому заливу нѣтъ огнедышащихъ горъ и никогда не бывало землетрясеній. Осень и зима продолжаются съ сентября по апрѣль; зимою бываетъ иногда чрезвычайная стужа; лѣто по большей части стоитъ хорошее, хотя также бываютъ туманы и дожди. Въ Нушагакской одиночкѣ происходилъ вымѣнъ компанейскихъ товаровъ на

Мысъ Толстой въ Нортоновомъ заливѣ.

пушные промыслы окрестныхъ туземцевъ. При этой одиночкѣ находилась церковь и имѣла пребываніе духовная миссія.

Часть американскаго материка между устьемъ рѣки Кускоквишъ, впадающей въ Берингово море къ сѣверу отъ Бристольскаго залива, и предѣлами залива Нортонъ представляетъ собою низменность, пересѣкаемую многими устьями многоводной рѣки Квихпакъ, которая, подобно Кускоквишу, протекаетъ изъ глубины материка на значительномъ протяженіи. Лѣвая сторона рѣки луговая и скорѣе тундровая. Рѣка усѣяна низменными большими и малыми островами. Одинъ изъ главныхъ притоковъ Квихпака, рѣка Иннока, течетъ по обширной тундровой равнинѣ, покрытой мелкимъ лѣсомъ. Эта мѣстность изобилуетъ рѣчными бобрами, выдрами, оленями, лосями, лисицами, россомахами, кроликами, тетеревами, куропатками. Прибрежье залива Нортонъ покрыто отлогими, а въ нѣкоторыхъ мѣстахъ и утесистыми возвышенностями, за которыми, въ 30 миляхъ отъ берега, тянется значительный горный хребетъ, который отдѣляетъ отъ залива рѣку Нулато, впадающую въ Квихпакъ. Въ южной части залива Нортонъ на небольшомъ островкѣ св. Михаила находился редутъ того же имени, основанный въ 1833 году съ цѣлію предупрежденіи перехода пушныхъ товаровъ отъ мѣстныхъ

туземцевъ въ руки чукчей чрезъ посредство жителей острововъ Берингова пролива. Островъ и редутъ получили свое названіе въ честь тогдашняго правителя колоній Тебенькова. Островъ отдѣляется отъ материка узкимъ каналомъ, образующимъ въ восточной сторонѣ его небольшой заливъ Тебенкова. Почва острова и прибрежьевъ материка состоитъ изъ тундры, покрытой мохомъ и въ нѣкоторыхъ мѣстахъ тонкимъ, стелющимся березнякомъ и тальникомъ. По наблюденіямъ Загоскина, тундра на островѣ св. Михаила оттаиваетъ не болѣе какъ на 3 или 4 дюйма; въ селеніи же Уналакшетъ, лежащемъ къ сѣверу отъ редута по прибрежью залива Нортонъ, равно какъ и ири рѣкѣ Нулато, оттаиваетъ до двухъ футовъ, но въ тѣни менѣе. Колодецъ, вырытый при редутѣ въ 21 футъ глубины, представлялъ, по его словамъ, попеременно рядъ пластовъ глинистоиловатой почвы и чистого льду. Зима въ этой мѣстности наступаетъ съ половины и конца сентября, а ледъ расходится въ іюнѣ. Собственно при редутѣ рыба ловится въ небольшомъ количествѣ, но въ устье рѣки Квихпака входятъ съ моря сиги, нельма, нерка, кижучь и чавыча; нельма попадается здѣсь необыкновенной величины, именно бываетъ до пуда вѣсомъ.

Михайловскій редутъ былъ главнымъ постомъ россійско-американской компаніи на сѣверѣ Америки и представлялъ не только лучшій пунктъ для выгрузки товаровъ, отправляемыхъ внутрь материка, но и центръ торговли съ туземцами, въ который стекался пушной товаръ со всего края. Онъ былъ защищенъ бастіонами и окруженъ палисадомъ. Внутри редута находились магазины, жилые дома, а позади редута небольшая церковь, въ которой каждое воскресенье и праздники отправляется богослуженіе. Островъ св. Михаила состоитъ преимущественно изъ ноздреватой лавы, и, по преданіямъ индѣйцевъ, когда то поднялся съ моря. Въ 1842—1843 годахъ Загоскинъ слышалъ отъ краснокожихъ, что въ старое время, о которомъ у нихъ сохранились воспоминанія, море покрывало то мѣсто, гдѣ въ послѣдствіи былъ построенъ Михайловскій редутъ. Вода въ озерахъ и маленькихъ бухтахъ въ его окрестностяхъ имѣетъ очень непріятный запахъ, именно сѣры, такъ что въ жаркое время вода добывается изъ колодца. Климатъ здѣсь суровый: однажды къ Михайловскому редуту подъѣхали сани, нагруженныя пушнымъ товаромъ, посреди котораго неподвижно стоялъ индѣецъ; когда же они остановились, то русскіе, не понимая, почему индѣецъ не сходитъ съ саней, подошли къ нему и увидали, что онъ замерзъ. Собаки по льду моря, непокрытому снѣгомъ, обыкновенно несутся стремглавъ, такъ что бываетъ ихъ нельзя остановить. Вѣроятно индѣецъ не могъ остановить собакъ, когда почувствовалъ дѣйствіе холода, усиленнаго рѣзкимъ вѣтромъ при быстрой ѣздѣ, и замерзъ.

На отмеляхъ залива Пастоль, къ сѣверу отъ впаденія Квихпака, происходитъ главный промыселъ на Беринговомъ морѣ бѣлухъ (дельфиновъ). Здѣсь также встрѣчаются нерпы и особый родъ ихъ макмеки. По прибрежью залива Нортонъ водятся многочисленныя стада оленей, на островѣ св. Михаила красныя лисицы и волки; при берегахъ Квихпака, Инноко, Нулато и другихъ рѣкъ, а также при многихъ тамошнихъ озерахъ, т. е. къ югу отъ редута, рѣчные бобры, выдры, выхухоли, а внутри материка—соболи, черные медвѣди, бурые, рыси и друг.

Въ вѣдѣніи редута св. Михаила находились русскія одиночки: Андреевская при устьи рѣки Нераклика у низовьевъ Квихпака, Нулатовская при рѣкѣ Нулати въ верховьяхъ Квихпака и Уналаклитская на прибрежьи залива Нортонъ. Всѣ эти одиночки были укрѣплены деревянною стѣною и имѣли каждая жителей отъ 7 до 8 душъ, находившихся на службѣ русско-американской компаніи. Нулатовскій постъ былъ самымъ отдаленнымъ ея пунктомъ внутри американскаго материка. Это мѣсто впервые было посѣщено Монаховымъ въ 1838 году, а постъ былъ основанъ въ 1841 году Дерябинымъ и былъ даже извѣстенъ подъ его именемъ. Постъ былъ окруженъ палисадомъ; ворота палисада всегда запирались ночью, а индѣйцамъ, особенно въ большомъ числѣ, изъ предосторожности, не дозволялсь даже днемъ бывать внутри

поста. Въ оконныхъ рамахъ жилаго дома вмѣсто стеколъ вставлена была тонкая кожа. Зимою въ этомъ домѣ на полу бывало 15 градусовъ ниже нуля, а у потолка 18 градусовъ выше нуля. Въ 1851 году окрестные индѣйцы, вслѣдствіе неосторожности прибывшаго въ Нулатовскій постъ англійскаго лейтенанта Бернера, посланнаго съ корабля «Энтерпраизъ» для розысканія слѣдовъ Франклина, напали въ расплохъ на этотъ постъ и убили какъ начальника его Дерябина, такъ и Бернара. Постъ былъ потомъ возобновленъ.

Бассейнъ рѣки Квихпака былъ изслѣдованъ впервые, какъ видно, русскими, особенно лейтенантомъ Загоскинымъ въ 1840 году. По его словамъ окрестности рѣки Кускоквишъ представляютъ гораздо болѣе живописныхъ видовъ, чѣмъ мѣста, прилегающія къ Квихпаку, но первая рѣка уступаетъ послѣдней, какъ въ изобиліи рыбы, такъ во вкусѣ и величинѣ ея. Почти на срединѣ протяженія рѣки Кускоквишъ находился редутъ Колмакова, гдѣ вымѣнивались у туземцевъ преимущественно мѣха рѣчныхъ бобровъ и лисицъ; здѣсь же получалась въ большемъ количествѣ бобровая струя. Съ 1842 по 1861 годъ отсюда было вывезено 32396 рѣчныхъ бобровъ, 1165 выдръ, 3590 лисицъ, 320 песцовъ, 93 медвѣдей, 327 рысей, 2098

Деревня на Квихпакѣ въ періодѣ рыбной ловли.

соболей, 26 пуд. моржеваго зуба и 6.836 паръ бобровой струи. При редутѣ Колмаковѣ зимою на Кускоквишѣ ловились огромные налимы, величиною отъ одного до полуторыхъ пудовъ.

Къ сѣверозападу отъ Бристольскаго залива лежитъ въ Беринговымъ морѣ островъ Нунивокъ, который отдѣляется отъ материка проливомъ Кука. На островѣ въ 16 селеніяхъ живетъ до 400 душъ обоего пола. Хотя на островѣ водится довольно лисицъ, но жители не занимаются пушнымъ промысломъ, а промышляютъ нерпъ, моржей, оленей и рыбу, которая водится около этого острова въ небольшомъ количествѣ. Островитяне живутъ осѣдло и лѣтомъ переѣзжаютъ на материкъ для обмѣна своихъ товаровъ на табакъ. Островъ Укивокъ лежитъ къ сѣверозападу отъ залива Нортонъ, нѣсколько южнѣе мыса Спенсеръ. Укивокъ угрюмый, дикій, почти совершенно безплодный островъ, имѣющій до 200 жителей, существующихъ промысломъ моржей, посѣщающихъ берега острова въ огромномъ количествѣ. Даже рыба водится около Укивока въ такомъ маломъ числѣ, что его жители вымѣниваютъ необходимую имъ сушеную рыбу на материкѣ. Такимъ образомъ только изобиліе моржей объясняетъ нахожденіе на Укивокѣ жителей, совершающихъ длинные переѣзды къ американскому

материку для сбыта своихъ промысловъ. Жители Нунивока и Укивока не находились въ зависимости отъ россійско-американской компаніи. Около берега Камчатки на Беринговомъ морѣ лежатъ острова Командорскіе, называемые такъ въ память Беринга, который въ Охотскѣ и въ Камчаткѣ извѣстенъ былъ болѣе подъ именемъ «командора» (при кончинѣ своей онъ имѣлъ чинъ капитанъ—командора). Одинъ островъ этой группы названъ по имени Беринга, скончавшагося на немъ, а другой Мѣднымъ, потому что сержантъ Басовъ въ свое первое посѣщеніе его нашелъ тамъ и привезъ съ собой нѣсколько кусковъ мѣди, которая первыми мореплавателями принята была за самородную, между тѣмъ, какъ потомъ оказалось, она происходила съ японскихъ судовъ, которыя были выброшены на берегъ бурею и разбились. Беринговъ островъ имѣетъ длины до 50 миль (85 верстъ), а ширины въ сѣверной оконечности около 22 миль (39 верстъ). Поверхность его равняется 1326 квадратнымъ верстамъ. На юговостокѣ островъ съуживается и оканчивается остроконечіемъ, мысомъ Менати крутымъ, утесистымъ. Островъ собственно образуется горнымъ кряжемъ до 2200 футовъ вышины. Гористая мѣстность острова постепенно понижается къ западу, гдѣ и образуетъ небольшую бухту, въ которой находится селеніе. Къ востоку отъ гавани простираются равнины, покрытыя тучною травою. Почва равнинъ состоитъ изъ песка съ мелкими ракушками. Крупнаго лѣса нѣтъ ни на Беринговомъ, ни на Мѣдномъ островахъ, но во впадинахъ горъ и около рѣчекъ растутъ рябина и мелкій тальникъ. Послѣ продолжительныхъ крѣпкихъ вѣтровъ на островъ выкидывается очень много лѣса, преимущественно съ Камчатскихъ береговъ. Къ западу отъ острова Беринга лежатъ два острова Топорковые и Арій камень, названный такъ по большому количеству водящихся тамъ морскихъ птицъ этого имени. Островъ Мѣдный отдѣляется отъ Берингова проливомъ, шириною около 30 миль. Мѣдный выше Берингова острова. Длина его около 30 миль (52 верстъ), а ширина не болѣе 5 миль (около 9 верстъ). Въ десяти миляхъ отъ сѣверозападной оконечности острова Мѣднаго находится небольшой заливъ, при бухтѣ котораго расположено селеніе; надъ самою гаванью возвышается высокая коническая гора, покрытая вѣчнымъ снѣгомъ, представляющая однако, въ слѣдствіе высоты самого острова, неособенно замѣтную возвышенность. На Беринговомъ и Мѣдномъ островахъ нѣтъ огнедышащихъ горъ, но землетресенія на нихъ бываютъ довольно часто. Въ 1859 году, на островѣ Беринговомъ было легкое землетрясеніе; но на островѣ Мѣдномъ въ 1861 г. отъ сильнаго колебанія земли отвалился утесъ близъ селенія.

Селеніе на островѣ Мѣдномъ.

Сильной стужи на Командорскихъ островахъ не бываетъ, но выпадаетъ обильный снѣгъ при сильныхъ мятеляхъ и вьюгахъ. Въ январѣ и февралѣ западные и сѣверо-западные вѣтры приносятъ къ островамъ ледъ въ очень большомъ количествѣ. Ясная погода бываетъ при сѣверныхъ и сѣверовосточныхъ вѣтрахъ, а пасмурная при восточныхъ и юговосточныхъ. Весна обыкновенно стоитъ холодная и туманная, снѣгъ стаиваетъ въ іюнѣ, иногда только въ іюлѣ, такъ что лучшее время года бываетъ въ августѣ. На островѣ Беринга протекаетъ много небольшихъ рѣчекъ, въ которыя входитъ въ большемъ количествѣ морская рыба, именно красная и кижугъ. Изъ нихъ кижугъ держится иногда въ притокахъ всю зиму. Въ морѣ ловится треска и небольшіе палтусы. По обилію мѣстнаго продовольствія,

островъ Берингъ можетъ считатьсянаиболѣе обезпеченнымъ изо всѣхъ острововъ Тихаго океана. На островѣ водятся куропатки; гусей на немъ вовсе не бываетъ, но пролетные лебеди остаются иногда на островѣ до половины зимы.

При продажѣ Соединеннымъ Штатамъ русскихъ владѣній въ Америкѣ, Командорскіе острова остались за Россіею. Право промысла на этихъ островахъ предоставлено было русскимъ правительствомъ Хутгинсону, Колю, Филлипеусу съ Комп. которые однако передали свое право Аляконской коммерческой компаніи (Alaska Covemercial Company), образовавшейся въ Санъ-Франциско. Эта компанія и содержитъ на островахъ Беринга и Мѣдномъ двѣ немало важныя торговыя станціи. Компанія покупаетъ у жителей пушные промыслы, преимущественно шкуры морскихъ котиковъ, которыхъ тамъ ежегодно убиваютъ отъ 20.000 до 50.000 штукъ. Для наблюденія за интересами русской казны на островахъ живутъ и русскіе чиновники, которые вмѣстѣ со служащими въ американской компаніи помѣщаются въ нѣсколькихъ удобно-устроенныхъ домахъ; сверхъ того въ селеніяхъ находятся магазины и лавки, снабженные

Селеніе на островѣ Беринга.

припасами и необходимыми для жизни предметами. Остальные жители обитаютъ или въ землянкахъ или въ небольшихъ избахъ, подаренныхъ компаніею заслужившимъ подобное вниманіе съ ея стороны. На обоихъ островахъ находятся православныя церкви и школы для дѣтей.

Съ самаго открытія Берингомъ Командорскихъ острововъ они сдѣлались извѣстны богатствомъ пушныхъ звѣрей. Штеллеръ описываетъ, что песцы водились на Беринговомъ островѣ въ невоображаемомъ множествѣ. Они съѣдали не только все мало-мальски съѣдомое, но какъ днемъ, такъ и ночью врывались въ жилища людей и уносили такого рода вещи, которыя для нихъ были вовсе не нужны, напримѣръ ножи, палки, башмаки, чулки. Если что либо было спрятано подъ камнями, то песцы сдвигали камни съ мѣста, упираясь въ нихъ плечами; когда они не могли съѣсть то, что успѣвали захватить, то прятали такіе предметы подъ камнями. Если люди ночью спали на открытомъ воздухѣ, то песцы стаскивали съ спавшихъ шапки, рукавицы, одѣяла. Они обнюхивали носъ спавшаго, чтобы узнать живъ онъ или мертвъ и если человѣкъ задерживалъ свое дыханіе, то они пробовали укусить его. Самки

морскихъ котовъ и сивучей часто во снѣ задавливаютъ своихъ дѣтенышей; песцы ежедневно по утрамъ обходили лежбища этихъ животныхъ и немедленно утаскивали околѣвшихъ. При Штеллерѣ они не боялись человѣка. Промышленники, явившіеся послѣ Беринга, убивали тамъ песцовъ тысячами. Теперь ихъ тамъ такъ мало, что въ 1879 году Нуденшельдъ не видѣлъ ни одного. Водящіеся еще на Берингѣ песцы не имѣютъ уже драгоцѣннаго темноголубаго мѣха, но бѣлѣй, мало цѣнимый. На Мѣдномъ же островѣ донынѣ въ довольно большемъ количествѣ водятся темно-голубые песцы. Говорятъ, что около 1786 года принесло на льдахъ много бѣлыхъ песцовъ съ сѣвера, которые размножились и перевели голубую породу, исключительно жившую на островѣ. Но уже во время зимовки на Беринговомъ островѣ Шелихова въ 1783—1784 годахъ, тамъ преобладали бѣлые песцы, между тѣмъ какъ въ 1741 году треть песцовъ была голубая. Промышленникъ Холодиловъ добылъ на Беринговомъ островѣ въ 1747—1748 годахъ 1481 голубого песца, а въ слѣдующемъ году другой промышленникъ привезъ, кажется, съ Ягоднаго острова 2000 голубыхъ песцовъ. Юговъ въ 1751—1753 годахъ добылъ на Командорскихъ островахъ 6844 темныхъ и 200 бѣлыхъ песцовъ. Съ 1857 по 1860 г. вывезено было съ нихъ 1817 песцовъ и 4820 котиковъ, а въ 14 лѣтъ, съ 1847—1860 годъ, 6426 песцовъ и 9526 котиковъ.

Около островов Командорскихъ Берингово море отличается богатствомъ водорослей. На благопріятныхъ мѣстахъ для ихъ роста, водоросли имѣютъ вышины отъ 10 до 15 саженей и представляютъ собою густые подводные лѣса. Подобныхъ водорослей нѣтъ ни въ какомъ морѣ. Богатство морской растительности обусловливало нахожденіе въ этой мѣстности морскихъ коровъ, нынѣ исчезнувшихъ животныхъ. При Штеллерѣ морскія коровы паслись на берегу, подобно рогатому скоту, большими стадами. Это были огромныя, тяжелыя животныя, мясо которыхъ давало вкусную пищу. Русскіе промышленники, ознакомившись съ этимъ полезнымъ животнымъ, стали заходить на островъ Беринга для того, чтобы запастись тамъ мясомъ морскихъ коровъ. Истребленіе ихъ шло такъ быстро, что горный инженеръ Яковлевъ, бывшій на Командорскихъ островахъ въ 1755 году, писалъ, что морскія коровы уже изгнаны съ Мѣднаго острова. Онъ тогда же представлялъ камчатскимъ властямъ о необходимости изданія особаго закона для охоты за морскими коровами, въ видахъ предупрежденія ихъ конечнаго уничтоженія. Можно полагать, что морскія коровы, прогнанныя съ богатыхъ подводныхъ пастбищъ Берингова острова, не могли найти другого подобнаго удобнаго себѣ мѣстожительства, а потому и не вынесли борьбы за свое существованіе.

Островъ Св. Лаврентія лежитъ ближе къ берегу Азіи, чѣмъ Америки, но принадлежитъ послѣдней. Это самый большой островъ между Беринговымъ проливомъ и Алеутскою грядою. На немъ живутъ эскимосы. Его очень рѣдко посѣщаютъ мореплаватели, потому что на островѣ нѣтъ ни одной гавани, и потому опасно оставаться у береговъ, омываемыхъ большимъ открытымъ моремъ. Первый европеецъ, имѣвшій сношеніе съ жителями острова, былъ Коцебу, посѣтившій островъ 27 іюня 1816 г. и 20 іюля 1817 года, во время перваго его кругосвѣтнаго плаванія. Въ слѣдствіе постояннаго сильнаго волненія около острова, часто трудно бываетъ попасть на островъ и на шлюпкѣ. Со времени уступки этого острова Соединеннымъ Штатамъ, тамъ въ четыре года умерло 1000 жителей, такъ что въ 1881 году тамъ осталось всего 414 человѣкъ. Причина смертности—чрезмѣрное употребленіе водки. Островъ Св. Лаврентія находится прямо на пути торговцевъ, которые ежегодно посѣщаютъ берега Ледовитаго океана для торговли съ чукчами и эскимосами. Водкою торгуютъ теперь не китоловы, но небольшія шкуны, находящіяся подъ начальствомъ промышленниковъ. По оффиціальнымъ американскимъ даннымъ, на островѣ въ 1867 году было шесть селеній. Жители четырехъ селеній въ 1881 году всѣ вымерли, въ пятомъ осталось 400, а въ шестомъ всего 14 человѣкъ.

Изъ мѣстныхъ промысловъ особеннаго вниманія заслуживаетъ такъ называемый котиковый промыселъ. Морской котъ или котикъ (Otavia ursina), называемый нѣкоторыми путешественниками морскимъ медвѣдемъ, очень похожъ видомъ на тюленя, но обыкновенные морскіе коты нѣсколько крупнѣе самыхъ большихъ тюленей. Шерсть на нихъ имѣетъ сѣро-серебристый, мягкій волосъ съ пухомъ. Промышленники раздѣляютъ котовъ на сѣкачей, полусѣкачей, холостяковъ и котиковъ или сѣрыхъ котовъ. Сѣкачемъ называется совершеннолѣтній котъ, которому не менѣе пяти лѣтъ. Сѣкачъ имѣетъ темно-сѣрую шерсть, которая съ головы до половины тѣла длиннѣе, чѣмъ на остальныхъ частяхъ тѣла. Сѣкачъ особеннымъ крикомъ даетъ знать стаду объ опасности, а потому считается какъ бы защитникомъ его или стражемъ. Полусѣкачемъ называютъ морскаго кота четырехъ или пяти лѣтъ. У полусѣкача шерсть нѣсколько свѣтлѣе, чѣмъ у сѣкача, но на загривкѣ также длинная. Холостяками промышленники называютъ двухъ или трехлѣтнихъ котовъ, у которыхъ нѣтъ загривка и шерсть которыхъ свѣтлосѣрая, особенно весною. Главную, если не исключительную, часть котиковыхъ мѣховъ, идущихъ въ торговлѣ, доставляютъ сѣрые коты. Мѣхъ ихъ лучше, чѣмъ у всѣхъ остальныхъ котовъ.

Морскіе коты водятся въ большомъ количествѣ на Прибыловыхъ островахъ, но не составляютъ постоянныхъ обитателей этихъ островов. Они приходятъ сюда на лѣто съ юга, преимущественно при южномъ и юго-западномъ вѣтрахъ.

Морскіе коты.

Сѣкачи появляются ранѣе другихъ, хотя бы на мѣстѣ ихъ лежбищъ находился снѣгъ или ледъ, или существовали бы какія-либо другія препятствія. Съ 18-го по 23-е апрѣля уже видны на берегахъ сѣкачи и притомъ на томъ самомъ мѣстѣ, гдѣ они лежали прежде. За ними появляются полусѣкачи и холостяки, которые выходятъ на берегъ не всегда на тѣ мѣста, гдѣ лежали въ предшествовавшемъ году. Холостяки, отдохнувъ послѣ прихода, сходятъ въ море за пищею и ложатся на другихъ мѣстахъ. Они въ продолженіи лѣта часто перемѣняютъ свои мѣста, но на берегу всегда ложатся отдѣльно отъ сѣкачей и далѣе ихъ отъ моря, вслѣдствіе того, что сѣкачи не допускаютъ ихъ находиться близъ стада. Промышленники утверждаютъ, что одни и тѣже коты приходятъ на свои лежбища на томъ основаніи, что мѣхъ котовъ, приходящихъ на островъ св. Павла, разнится отъ мѣха обитающихъ на островѣ св. Георгія, и что морскіе коты, даже при самомъ большомъ количествѣ ихъ въ прежніе годы, не занимали подъ свои лежбища островов, находящихся подлѣ самыхъ ихъ лежбищъ и которые были для нихъ даже удобнѣе послѣднихъ.

Крикъ котовъ, особенно маленькихъ, походитъ на блеяніе овецъ. Они кричатъ днемъ и ночью. Крикъ ихъ усиливается къ ненастью, къ дурной погодѣ. Лежбища котовъ обыкновенно бываютъ на каменистыхъ, не крутыхъ берегахъ.

Молодые котики, со дня своего рожденія и до отхода съ островов, питаются молокомъ матери. Не ранѣе какъ чрезъ мѣсяцъ, они начинаютъ подходить къ водѣ и плескаться между каменьями, такъ что постепенно привыкаютъ къ морю, а въ августѣ становятся болѣе искусными въ плаваніи и отходятъ на большое разстояніе отъ своихъ лежбищъ. Затѣмъ молодые котики начинаютъ отлучаться отъ матерей даже на цѣлый день, причемъ или гуляютъ въ морѣ, или

лежатъ гдѣ-нибудь на спокойномъ и тихомъ мѣстѣ. Они возвращаются только для сосанія молока. Въ нѣкоторые годы, въ сентябрѣ, молодые котики, по мѣстному выраженію, бываютъ «отборами», т. е. собираются на особыхъ мѣстахъ большими стадами и ложатся такъ неосторожно, что ихъ всѣхъ можно отогнать безъ остатка и убить. Такіе отборы для промысла оказываются очень выгодными.

Котики родятся черными. Черный ихъ цвѣтъ начинаетъ измѣняться въ сѣрый съ половины августа. Первая шерсть постепенно спадаетъ, начиная съ переднихъ ластовъ, и на мѣстѣ ея является новая, серебристая. Послѣднюю шерсть котики не всегда получаютъ въ одно и тоже время: въ иной годъ—ранѣе, въ другой—позднѣе, часто многіе уходятъ даже «невыходными», т. е. не совсѣмъ вылинявшими. Молодые котики, пока не выучатся плавать, лежатъ кучками, рядомъ съ старыми кошками. Прошлогодніе котики, т. е. коты, уцѣлѣвшіе отъ прошлогодняго промысла, бываютъ величиною не болѣе молодыхъ четырехъ-мѣсячныхъ котиковъ и отличаются бойкостью, тонкимъ и красивымъ тѣлосложеніемъ. Въ этомъ возрастѣ котики особенно игривы: кувыркаются, кусаютъ и таскаютъ другъ друга въ воду, плещутся;

Котиковыя лежбища на Прибыловыхъ островахъ.

часто котикъ карабкается на отдѣльный камень, чтобъ стащить оттуда другого, спящаго, и съ нимъ вмѣстѣ упасть въ воду.

Промыселъ на морскихъ котиковъ начинается около 28-го сентября, для чего избирается такое время, когда послѣ двухъ или трехдневнаго дождя наступаетъ ясная погода, или, въ крайнемъ случаѣ, только прекращается дождь. Въ ненастную, дождливую погоду коты не остаются на берегу и очень часто сходятъ въ море, а потому, при наступленіи ясной погоды, лежатъ спокойно и отдыхаютъ на берегу. Промышленники, вооружившись «дрегалками», или небольшими палками, которыми можно убить кота, идутъ цѣпью вдоль берега, на которомъ лежатъ коты, и, отрѣзавъ ихъ отъ моря, отгоняютъ всѣхъ безъ разбора на берегъ. Отогнавъ на нѣкоторое разстояніе, промышленники начинаютъ отлучать молодыхъ котовъ отъ старыхъ, стараясь послѣднихъ опять отогнать въ море. Но морскихъ кошекъ не такъ легко отогнать отъ ихъ дѣтенышей. По разлученіи старыхъ котовъ отъ стада, его раздѣляютъ на небольшія кучки и осторожно гонятъ на мѣсто побоища, которое лежитъ иногда въ десяти верстахъ отъ берега. Такіе большіе переходы для котовъ бываютъ крайне затруднительны, потому что они, по устройству своихъ лапъ или ластовъ, не ходятъ, а скачутъ, а потому на этомъ переходѣ

ихъ очень часто останавливаютъ и даютъ отдыхъ. Лишь только коты остановятся, тотчасъ засыпаютъ отъ усталости. Въ холодную и сырую погоду котики идутъ скорѣе и легче, чѣмъ въ сухую и ясную. Пригнавъ котовъ на мѣсто побоища, ихъ начинаютъ бить дрегалками, послѣ нѣкотораго роздыха, потому что мясо убитыхъ въ жару не имѣетъ свойственнаго ему вкуса и не годится для засола. Гнать котовъ на мѣсто побоища и бить ихъ могутъ даже дѣти, такъ эти животныя беззащитны и покорны. Иногда, по обстоятельствамъ, съ убитыхъ котиковъ нельзя снимать шкуры четверо сутокъ и болѣе, но не снятая шкура долѣе не сырѣетъ, чѣмъ снятая и невычищенная.

Шкуры съ убитыхъ котиковъ снимаютъ и чистятъ мужчины, по 50 до 200 штукъ въ день, и передаютъ женщинамъ, которыя ихъ растягиваютъ въ деревянныя рамы, по двѣ вмѣстѣ, шерстью одна къ другой, затѣмъ шкуры сушатъ въ сушильнѣ, нагрѣваемой камнями. Управляющій сушильнею долженъ быть опытнымъ мастеромъ своего дѣла, потому что можно иначе сжечь или сжарить шкурки. Готовыя вяжутся въ тюки по 50 штукъ. Мясо готовится въ прокъ для пищи, а остальныя части животныхъ сжигаются. Отгоны повторяются иногда до трехъ разъ на одномъ мѣстѣ, но, послѣ первыхъ отгоновъ, коты ложатся на берегу очень близко къ водѣ и становятся слишкомъ осторожными.

Морской бобръ принадлежитъ къ красивымъ, смышленнымъ, осторожнымъ животнымъ. Вслѣдствіе подобныхъ его качествъ, алеуты, при первомъ столкновеніи ихъ съ русскими, полагали, что морской бобръ происходитъ отъ человѣка. Голова у него почти совершенно круглая, грудь плоская, переднія лапы очень похожи на руки человѣка, и ими животное придерживаетъ на груди дѣтенышей или, доставши со дна моря раковины, разбиваетъ ихъ о камни. Глаза черные или темнокоричневые; коренные зубы округлены, выпуклы и широки, такъ что могутъ раздроблять кости раковинъ двустворчатыхъ молюсковъ. Морской бобръ живетъ преимущественно отдѣльно и большую часть времени проводитъ на водѣ и даже спитъ на водѣ, плавая на поверхности моря на спинѣ. При такомъ положеніи матки обыкновенно придерживаютъ своихъ дѣтей на груди передними лапами. Мѣхъ на бобрѣ мягокъ съ густымъ пухомъ и чернымъ волосомъ съ бѣлыми концами. Хвосты обыкновенно отрѣзаются отъ шкуры и продаются отдѣльно. Въ 76 лѣтъ (съ 1786 по 1862 г.) хвостовъ было добыто американскою компаніею 201.403 штуки. Длина шкуры взрослаго бобра бываетъ около шести футовъ, а ширина около четырехъ футовъ. На живомъ морскомъ бобрѣ или на только что убитомъ шерсть всегда суха и не промакаетъ отъ воды, но стоитъ только провести по ней сухою рукою и она смокнетъ на томъ мѣстѣ, до котораго коснулась рука.

Бобры морскіе не живутъ тамъ, гдѣ ихъ безпокоятъ люди. Стоитъ человѣку побывать на лежбищѣ бобровъ и оставить тамъ малѣйшій слѣдъ своего посѣщенія, и бобры немедленно покидаютъ это мѣсто и ищутъ себѣ другого убѣжища. Вслѣдствіе того алеуты, во время промысла на бобровъ, бываютъ крайне осторожны и, находясь въ нѣсколькихъ десяткахъ верстъ отъ берега, не позволяютъ себѣ даже плевать въ море. Въ прежніе годы морскіе бобры лежали на берегахъ большими стадами, особенно на одномъ изъ острововъ Прибылова, но уже болѣе пятидесяти лѣтъ, какъ бобры вовсе перестали являться на острова Прибылова, да и по всему Уналашкинскому отдѣлу не оказывалось ни одной лежки бобровъ. Въ тридцатыхъ годахъ XIX столѣтія бобры стали уже держаться вдали отъ береговъ на неглубокихъ мѣстахъ, особенно такихъ, гдѣ растетъ морская капуста. На берега же они стали выходить только въ жестокій вѣтеръ, зимою и то въ мѣста, наиболѣе недоступныя для человѣка. Если бобры и подходятъ лѣтомъ къ берегамъ, то только на утренней зарѣ, для отысканія себѣ пищи. Днемъ,

Стадо тюленей на Прибыловыхъ островахъ.

даже въ хорошую погоду, трудно встрѣтить бобровъ около береговъ даже въ наиболѣе безопасныхъ для нихъ мѣстахъ.

На промыселъ морскихъ бобровъ выѣзжаютъ обыкновенно партіею, не менѣе какъ изъ 15 байдарокъ или 15 промышленниковъ. Лучшее время для промысла морскихъ бобровъ бываетъ съ перваго мая до іюля, или въ періодъ, когда бываетъ менѣе всего вѣтровъ. Промышленники собираются на извѣстныхъ мѣстахъ въ послѣднихъ числахъ апрѣля или въ первыхъ мая и иногда удаляются на 50 верстъ въ море отъ береговъ. Выбравъ самый тихій день и осмотрѣвъ прежде всего берега, промышленники на самой зарѣ отправляются въ море искать бобровъ на уже извѣстныхъ имъ мѣстахъ. Въ море всѣ байдарки партіи ѣдутъ строемъ или линіею, на такомъ разстояніи одна отъ другой, чтобы можно было видѣть между ними бобра. При большой партіи такая линія байдарокъ иногда растягивается на нѣсколько верстъ. Кто первый изъ промышленниковъ увидитъ бобра, или съ чьей байдарки ближе всего будетъ усмотрѣнъ бобръ, или собственно только его морда, немного высунутая изъ воды, тотъ дѣлаетъ

Загонъ котиковъ на островѣ св. Павла.

сигналъ, поднявъ къ верху весло, которое держитъ такимъ образомъ, пока не окружатъ его байдарки или пока бобръ вновь не покажется на другомъ мѣстѣ. Увидѣвъ сигналъ, вся партія или нѣсколько байдарокъ окружаетъ то мѣсто, гдѣ увидали бобра въ первый разъ, составляютъ кругъ сколько можно болѣе и держатъ на готовѣ стрѣлы. Бобръ, увидя непріятеля, не тотчасъ уходитъ въ воду, но осматривается и маневрируетъ съ разными хитростями въ водѣ, чтобы избѣжать угрожающей ему опасности. Такъ какъ бобръ дышетъ атмосфернымъ воздухомъ, наконецъ всетаки появляется на поверхности моря и тотъ промышленникъ, близь котораго онъ показался, кидаетъ стрѣлу въ бобра и тотчасъ поднимаетъ весло. Его вновь окружаютъ, но уже на меньшемъ разстояніи, потому что бобръ въ другой разъ не можетъ остаться долго въ водѣ и не проплываетъ потому слишкомъ далеко. Промышленники дѣйствуютъ такимъ образомъ до тѣхъ поръ, пока не успѣютъ посадить въ бобра стрѣлку, а тогда можно считать бобра упромышленнымъ, потому что стрѣлка, тащась за нимъ въ водѣ, уменьшаетъ его ходъ и указываетъ на то мѣсто, гдѣ онъ находится даже если бы онъ намѣревался притаиться. Послѣ первой стрѣлки кидаютъ вторую, третью и даже болѣе; но бобръ считается

принадлежащимъ тому промышленнику, который первый попалъ въ него. Если же двое или нѣсколько попадутъ одновременно въ бобра своими стрѣлами, то животное присуждается тому, чья стрѣлка оказалась ближе всего къ головѣ бобра. Когда партія въ одно время увидитъ двухъ или болѣе бобровъ, то она раздѣляется на нѣсколько отрядовъ и каждый изъ нихъ дѣйствуетъ отдѣльно, не мѣшая другимъ. Лучшее время для промысла бобровъ считается совершенное безвѣтріе и самое малое волненіе. При волненіи же и при вѣтрѣ, промышленники не рѣдко теряютъ даже подстрѣленныхъ бобровъ. Огнестрѣльнаго оружія не употребляютъ при промыслѣ за бобрами, чтобы не испугать ихъ и не розогнать. Зимою промышляютъ бобровъ особеннымъ способомъ, а именно при самомъ сильномъ бурунѣ выходятъ на берегъ и бьютъ бобровъ палкою или стрѣляютъ изъ ружья, но на такой опасный промыселъ рѣшаются только очень не многіе изъ самыхъ удалыхъ алеутовъ.

Лежбище котиковъ на островѣ св. Павла.

Въ старинные годы въ Европѣ за морского бобра платили отъ 200 до 500 долларовъ (отъ 280 до 700 рублей), но нынѣ лучшіе мѣха продаются по 80 до 100 долларовъ (отъ 112 до 140 р.), между тѣмъ какъ алеуты получаютъ за первоклассныя бобровыя шкуры около 20 долларовъ золотомъ или товарами на эту сумму. По оффиціальнымъ свѣдѣніямъ сѣверо-американскаго правительства, въ настоящее время болѣе всего морскихъ бобровъ (отъ 5000 до 6000 штукъ) ловится между островами Екатерининскаго и Александровскаго архипелаговъ Бобры вообще сколько истреблены, столько и распуганы, потому что, напримѣръ, на островѣ Юнаекѣ до 1818 года промышляли около 20 бобровъ, но когда туда перестали ѣздить, то въ 1822 году въ одинъ годъ ихъ тамъ добыли около 200 штукъ.

Русскіе ознакомились впервые съ морскими бобрами по вывезеннымъ 900 шкурамъ ихъ экспедиціею Беринга въ 1741 году, англичане по вывезеннымъ въ 1784 и 1786 годахъ изъ путешествія Кука, которымъ найдено было много морскихъ бобровъ. По исчисленію Баранова,

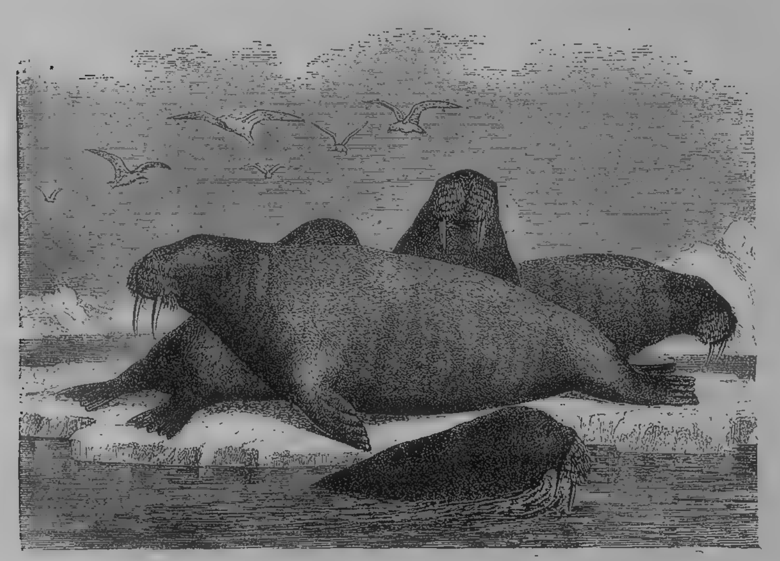
въ 1800 году, въ десять предшествовавшихъ лѣтъ было вывезено не менѣе 100.000 шкуръ морскихъ бобровъ. Въ 1804 году въ Кантонъ сѣверо-американцами было привезено 8200 шкуръ, а въ 1805 г. 14.000 и на судахъ россійско-американской компаніи 4628 шкуръ морскихъ бобровъ. Испанцы прежде русскихъ узнали бобровъ, именно со времени занятія ими Калифорніи, но пренебрегали промысломъ ихъ, какъ требующимъ времени и труда, такъ какъ главное вниманіе ихъ было обращено на добычу драгоцѣнныхъ металловъ.

Сивучи или морскіе львы также водятся въ Беринговомъ морѣ, хотя число ихъ значительно сократилось въ новѣйшее время. Сивучи не даютъ мѣховъ, подобно котикамъ и бобрамъ, но представляютъ полезныхъ животныхъ для мѣстныхъ жителей. Мясо сивучей употребляютъ въ пищу; особенно вкусны молодые сивучи; кожа идетъ на обшивку байдаръ, горло на голенища, а изъ кишокъ приготовляются лучшія камлейки (верхняя одежда, надѣваемая въ дождливую погоду и во время поѣздокъ моремъ). Сивучи сильнѣе морскихъ котовъ и морскихъ бобровъ. Названіе львовъ они получили, вѣроятно, вслѣдствіе длинной шерсти на груди и плечахъ, похожей на львиную гриву. Болѣе всего сивучъ походитъ на льва въ то время, когда сидитъ на камнѣ и чувствуетъ приближеніе непріятеля. Большой самецъ—сивучъ болѣе быка и вѣсомъ со всѣми костями и внутренностями бываетъ до 80 пудовъ. Самый сильный медвѣдь не въ состояніи преодолѣть сивуча. Сивучъ боится только однихъ касатокъ, которыя въ морѣ, нападая стаею на сивуча, разрываютъ его на части. Вся сила сивуча заключается въ его зубахъ, которые составляютъ его единственное оружіе. Промышленники утверждаютъ, что сивучъ своими зубами можетъ раздавить камень. Большой сивучъ легко поднимаетъ и бросаетъ подобнаго ему восьмидесяти пудового сивуча. Сивучи, какъ и морскіе коты, совершаютъ свои переходы съ острововъ Прибылова на югъ, но съ тою разницею, что они не всѣ уходятъ на зиму съ острововъ, потому что нѣкоторая часть молодыхъ остается тамъ на всю зиму. Многіе изъ сивучей зимуютъ на южнѣйшихъ Алеутскихъ островахъ и на Ближнихъ. Они являются съ юга въ апрѣлѣ и маѣ, ложатся табунами по 200 до 300 матокъ на одного сѣкача и, давъ подрости своимъ дѣтенышамъ, удаляются на югъ. Отъ сивучьихъ холостяковъ и котиковыхъ матокъ происходятъ иногда ублюдки, имѣющіе сложеніе тѣла, пласты сивучьи, а шерсть какъ у морского котика. Въ желудкахъ сивучей находятъ иногда круглые камни, которые у алеутовъ почитаются талисманами и хранятся тщательно. Промышленники утверждаютъ, что «сивучи глотаютъ эти камни вмѣсто балласта, чтобы быть устойчивѣе на водѣ». Такъ, по крайней мѣрѣ, сообщаетъ Литке въ описаніи своего кругосвѣтнаго плаванія. Сивучи питаются рыбою и раковинами; наибольшимъ лакомствомъ для нихъ служитъ печень трески.

Главный промыселъ на сивучей, въ іюлѣ и въ августѣ, производится отгонами. Промышленники, обойдя со стороны моря лежащихъ на берегу сивучей, отгоняютъ ихъ далѣе на берегъ, и потомъ бьютъ палками по носу и тотчасъ колятъ въ сердце, потому что большаго сивуча нельзя убить палкою; черепъ у него такъ крѣпокъ, что его не пробиваетъ даже штуцерная пуля. Когда стрѣляютъ въ сивучей изъ ружей, то мѣтятъ или въ ротъ, или въ спай черепа близъ уха. Отгонять сивучей стараются въ то время, когда при стадѣ нѣтъ большихъ сѣкачей или самцовъ—хозяевъ стада; при немъ стадо не боится людей и даже ружейные выстрѣлы не пугаютъ сивучей. Не рѣдко сивучи при отгонахъ бросаются на промышленниковъ; отъ одного или немногихъ сивучей можно спастись или побѣгомъ или удачнымъ выстрѣломъ изъ ружья. Но когда цѣлое стадо сивучей обращается на людей, тогда послѣднимъ остается или кидаться въ море, гдѣ сивучи не трогаютъ людей, или ложиться между камнями, если нѣтъ опасности быть раздавленнымъ этими животными. Хотя сивучи неповоротливы на землѣ и движутся медленно, но иногда успѣваютъ дѣлать скачки шаговъ на десять и тогда попавшійся имъ человѣкъ погибаетъ безвозвратно. По словамъ Коцебу одному алеуту, слишкомъ близко подошедшему къ сивичу, животное это оторвало руку. Промышленники тщательно наблюдаютъ, что-

бы на мѣстѣ, гдѣ лежатъ сивучи, не оставалось слѣдовъ ихъ убіенія, потому что замѣчено, что въ такомъ случаѣ сивучи никогда болѣе не будутъ ложиться на томъ мѣстѣ.

Крикъ молодыхъ сивучей походитъ на блеяніе овецъ, но мычаніе взрослыхъ животныхъ, по наблюденіямъ Коцебу, бываетъ слышно на морѣ при безвѣтріи или береговомъ вѣтрѣ на растояніи двухъ верстъ; особенно сильно они ревутъ, когда обороняютъ своихъ самокъ и ходятъ около нихъ, ожидая нападенія другихъ самцовъ. Самцы дерутся между собою съ такимъ ожесточеніемъ, что куски жира летаютъ по воздуху и льется кровь. Обыкновенно борьба кончается только тогда, когда одинъ изъ бойцовъ падаетъ мертвымъ. Иногда нѣсколько самцовъ нападаетъ на одного, одержавшаго уже побѣду, а, одолѣвъ его, начинаютъ драку между собою, пока одинъ не превзойдетъ своею силою всѣхъ остальныхъ. Такая битва продолжается иногда очень долго. Въ прежніе годы самое большое количество сивучей водилось на островѣ св. Георгія, въ группѣ Прибылова, гдѣ ихъ промышляли до 2,000 шт. въ годъ.



Моржи.

Моржи преимущественно водятся на сѣверной сторонѣ Аляски и у Алеутскихъ острововъ, куда они приходятъ лѣтомъ съ сѣвера. Моржи появляются также на островахъ Прибылова и въ другихъ немногихъ мѣстахъ, но въ незначительномъ количествѣ. Замѣчательно, что къ полуострову Аляскѣ приходятъ только самцы, молодые и старые; самокъ же между ними не бываетъ. Количество моржей нынѣ значительно уменьшилось, подобно другимъ животнымъ. Въ августѣ 1816 года капитанъ Коцебу, проходя Беринговымъ проливомъ ближе къ американскому берегу, былъ окруженъ множествомъ китовъ и моржей, а вблизи залива св. Лаврентія (вдающагося въ азіатскій материкъ въ узкой части Берингова пролива) тысячи моржей забавлялись около его корабля и ревѣли какъ быки; между ними были видны иногда и коты. Всѣ они подходили близко къ кораблю и, повидимому, вовсе не боялись его. Въ августѣ 1879 года Норденшельдъ видѣлъ на этомъ пространствѣ только тюленей, которые лежали на льдинахъ и теченіемъ уносились къ югу. О моржахъ, китахъ и другихъ морскихъ животныхъ Норденшельдъ не упоминаетъ ни слова.

Моржи промышляются только для однихъ клыковъ, которые бываютъ болѣе аршина длины и до 14 фунтовъ вѣса въ каждомъ. Туловище моржа имѣетъ до 150 пудовъ вѣсу. Шкура у моржей толстая, слѣдовательно требуетъ болѣе труда для выдѣлки, а потому и не употребляется на байдары, хотя могла бы замѣнять сивучью. Мясо и жиръ моржей, при уловѣ ихъ, по большей части, бросается. Моржей промышляли еще въ тридцатыхъ годахъ XIX столѣтія отъ 300 до 2,000 штукъ и болѣе въ годъ, но нынѣ ихъ стали бить менѣе. Ихъ промышляютъ только однимъ способомъ—отгонами. Моржъ можетъ передвигаться только при помощи

Оглушенiе „дрыгалками“.

своихъ клыковъ, которые онъ прежде вонзаетъ въ землю или между каменьевъ, и затѣмъ притягиваетъ къ нимъ свое тѣло. Поэтому моржей не отгоняютъ отъ берега, потому что моржъ не пойдетъ далѣе на берегъ, какъ сивучь; но промышленники, обойдя моржей съ берега, стараются заколоть ближайшихъ къ водѣ и тѣмъ заградить дорогу въ море лежащимъ далѣе отъ берега; въ противномъ же случаѣ ничто не въ состояніи остановить моржей. Спасаются промышленники при натискѣ моржей только тѣмъ, что бросаются въ море и между животными выплываютъ на берегъ, не занятый моржами.

Тюлени или нерпы, водящіеся въ Беринговомъ морѣ, различаются по цвѣту шерсти. Въ Беринговомъ проливѣ встрѣчается красивый полосатый тюлень (Histriophoca fasiota), а на Алеутскихъ островахъ водятся два главныя отличія тюленей, разнствующихъ между собою величиною и цвѣтомъ шерсти. Тюленей истребляютъ въ Беринговомъ морѣ также въ огромномъ числѣ, не столько для вывоза въ другія страны, подобно бобровымъ и котиковымъ мѣхамъ, сколько для надобностей мѣстнаго населенія. Тюленьи шкуры удобны для изготовленія малыхъ байдарокъ. Ихъ промышляютъ ружьями, отгонами, стрѣлками. Жители употребляютъ также «манишки», т. е. чучела нерпы. Такое чучело кладутъ на камень, а промышленникъ садится за камнемъ и, пошевеливая манишикъ, кричитъ голосомъ, похожимъ на крикъ нерпъ. Тюлень, не обладая хорошимъ зрѣніемъ, поддается на обманъ и когда подойдетъ поближе, то промышленникъ вонзаетъ въ него большую стрѣлку съ носкомъ, привязанную къ толстому шнуру (мауту), сдѣланному изъ жилы, вытаскиваетъ животное на берегъ и убиваетъ тамъ палкою. Не жирный тюлень, будучи убитъ, тонетъ, какъ и сивучь, но жирная нерпа остается на поверхности воды.

Самые первые мореплаватели обратили вниманіе на обиліе рыбы въ Беринговомъ морѣ, какъ у береговъ Камчатки, такъ около Алеутскихъ островов и береговъ Америки. Они видѣли миріады трески, семги, сельдей, палтуса, камбалы. Зимою треска и другія рыбы отходятъ отъ береговъ на глубину моря, а лѣтомъ держатся въ нѣкоторыхъ заливахъ, у самыхъ береговъ и на малой глубинѣ. Треска къ сѣверу распространена до линіи плавающихъ льдовъ въ Беринговомъ морѣ. Такая линія проходитъ между группами островов св. Матѳея и Прибылова и упирается въ материкъ Америки по близости устья рѣки Кускоквима; къ сѣверу отъ этой линіи треска не встрѣчается. Обильнѣе всего встрѣчается трески къ сѣверу и къ западу отъ Якутатскаго (Берингова) залива между островами Кадьякскаго и Алеутскаго архипелаговъ. Тресковыя банки вообще находятся вблизи берега, но есть такія банки и вдали отъ береговъ. Такъ какъ треска ловится въ обиліи и въ Охотскомъ морѣ, то можно сказать, что эта рыба распространена во всей этой части Тихаго океана. Найлучшія тресковыя отмели находятся, сколько извѣстно, около Шумагинскихъ островов и вообще тресковыя отмели въ Великомъ океанѣ превосходятъ своими размѣрами Ньюфоундлендскія. Въ Охотскомъ морѣ лучшія тресковыя отмели находятся около западнаго берега Камчатки. Калифорнскіе рыболовы промыслили въ 1867 году на 23 корабляхъ 2164 тоннъ трески или 947264 рыбы, изъ котораго количества около половины было добыто по близости Шумагинскихъ островов. Въ 1866 году на 18 корабляхъ было добыто трески 1614 тоннъ (706200 штукъ). Вслѣдствіе упадка цѣны на треску отъ огромнаго улова ея, въ 1868 году отправлены были на этотъ промыселъ только 12 кораблей; но осенью 1869 года вновь было словлено 1.082,000 штукъ трески.

На Тихомъ океанѣ водится двѣ породы трески, отличныя отъ трески Атлантическаго океана, именно у первой голова болѣе, чѣмъ у второй, пропорціонально къ остальной части тѣла. Одна порода трески Тихаго океана менѣе другой, но замѣчательна своею добротою и, повидимому, держится на отмеляхъ въ продолженіе всего года. Крупной породы треска приходитъ на отмели около конца апрѣля и покидаетъ въ самомъ исходѣ августа. Крупная порода не много менѣе охотской трески, но высушенная оказывается тяжелѣе послѣдней, именно, въ сложности бываетъ около четырехъ фунтовъ. Шумагинская треска превосходитъ всѣ породы

своею добротою, вслѣдствіе чего калифорнскіе тресковые рыболовы перестали ѣздить въ Охотское море и обратили свое вниманіе на треску Шумагинскихъ острововъ. Треска ловится у Нутки, Ситхи, въ заливѣ Литца, Якутатскомъ, Чугачскомъ, по всей грядѣ Алеутскихъ острововъ, въ Бристольскомъ заливѣ, около острововъ Прибылова, на островѣ Унга и около Унимака.

Сельдь, похожая на ловимую въ Нѣмецкомъ морѣ, въ Европѣ, появляется около береговъ Берингова моря несмѣтными массами въ маѣ и по направленію къ сѣверу доходитъ до Берингова пролива. Періодъ ловли сельдей продолжается всего двѣ недѣли и оканчивается 3-го іюня. Туземцы ловятъ ихъ сѣтями и даютъ имъ на половину сгнить, потому что сельди въ такомъ состояніи считаются особымъ лакомствомъ. Сельди попадаются также около Ситхи и южнаго берега Аляски, но въ меньшемъ количествѣ.

Съ моря являются къ рѣкамъ въ огромномъ количествѣ разныя породы семги, именно горбуша (Salmo proteus), голецъ (Salmo alpinus), красная рыба (Salmo sanguineus), чавыча (Salmo orientalis). Костливая и большеголовая семга (Salmo dermalurus et consuetus) сушится на солнцѣ туземцами только въ кормъ собакамъ. Полагаютъ, что жители этого прибрежья потребляютъ ежегодно не менѣе 12.000,000 штукъ разныхъ породъ семги. Извѣстно, что на русской рыбной ловлѣ близь глубокаго озера на островѣ Ситхѣ излавливалось въ годъ 84,159 штукъ семги, изъ котораго количества двѣ трети солилось. На рыбныхъ ловляхъ Кадьяка и залива Кука ежегодно промышлялось 465,000 штукъ семги Правитель американскихъ колоній Барановъ отправилъ для продажи на Сандвичевы острова 4344 бочки соленой семги, за которыя выручилъ 93,161 рубль. Въ устьѣ Квихпака (Юкхана) каждое лѣто высушивается на солнцѣ не менѣе 2.000,000 штукъ семги, а вѣроятнѣе всего вдвое болѣе этого количества. Обильнѣе всего является къ рѣкамъ горбуша; вкуснѣе всѣхъ чавыча или кижучь. На рѣкѣ Квихпакѣ рыболовство начинается въ іюнѣ и, за исключеніемъ устья, оканчивается въ сентябрѣ. Чѣмъ далѣе отъ моря, тѣмъ періодъ рыболовства бываетъ короче и въ нѣкоторыхъ мѣстахъ продолжается только два мѣсяца. Выше Анвига не замѣтно уже изобилія рыбы. За то рукава устья Квихпака, а также небольшія рѣки, впадающія въ Берингово море, сравнительно, богаче всего рыбою. Чавыча Квихпака славится своимъ нѣжнымъ мясомъ и жиромъ. Во времена россійско-американской компаніи нѣсколько боченковъ съ чавычею ежегодно посылалось изъ Михайловскаго форта (на островѣ св. Михаила въ Нортоновомъ проливѣ) главному правителю въ Новоархангельскъ, а имъ—даже въ Петербургъ, какъ особая лакомая рыба. Особенно обильно ловится чавыча у Кузольвока (островъ при устьѣ Квихпака), гдѣ у туземцевъ самую большую рыбу, вѣсомъ въ 60 фунтовъ, можно купить за одинъ листъ табаку. Въ 1868 году одинъ русскій промышленникъ учредилъ рыболовство въ заливѣ Казарнскомъ и съ 19-го іюня по 19-е августа онъ солилъ семги по 200 боченковъ въ недѣлю и наготовилъ бы еще болѣе, если бы только могъ имѣть въ достаточномъ количествѣ посуду и соль. Трудно словами описать богатство рыбы въ Беринговомъ морѣ, но означенныхъ примѣровъ достаточно, чтобы дать о томъ понятіе. Къ сѣверу отъ Бунландовой рѣки въ проливѣ Коцебу семга уже не встрѣчается.

Ходъ періодической рыбы съ моря въ рѣки начинается съ весны и продолжается до осени. Прежде другихъ идетъ красная рыба, потомъ гольцы, горбуша и сайко, наконецъ, кижучь. Періодическая рыба не ежегодно приходитъ въ одинаковомъ количествѣ: иногда болѣе, а иногда менѣе. На Алеутскихъ островахъ замѣчено, что количество рыбы измѣняется каждые четыре года. Послѣ лѣта, изобильнаго рыбою, всегда бываетъ скудный періодъ, а затѣмъ лучше и лучше. Замѣчено также, что когда зимою бываютъ глубокіе снѣга, то рыбы появляется менѣе. Въ годы изобилія рѣчки наполняются до того рыбою, что отъ недостатка воды спинки рыбы высовываются наружу, перебиваясь по камнямъ, рыбы сбиваютъ съ себя кожу до мяса и гибнутъ притомъ тысячами. Красная рыба начинаетъ идти

Выборъ жертвъ.

въ послѣднихъ числахъ апрѣля, а въ нѣкоторыхъ мѣстахъ и позже. На островѣ Уналашкѣ она прежде всего появляется въ самой сѣверной рѣчкѣ, а затѣмъ уже далѣе къ востоку и югу, такъ что въ южныхъ рѣчкахъ она бываетъ даже и въ августѣ. Это обстоятельство показываетъ, что рыба приходитъ изъ Сѣвернаго океана, а не изъ южнаго. Красная рыба входитъ только въ ту рѣку, которая вытекаетъ изъ озера. Гольцы зиму проводятъ въ рѣкахъ; весною, со вскрытіемъ ихъ отъ льда, они уходятъ въ море, чтобы потомъ вновь возвратиться въ рѣки. Горбуша идетъ во всякую рѣчку, но болѣе всего въ большія рѣки, текущія съ горъ. Прежде чѣмъ войти въ рѣку, горбуша большими стадами плаваетъ въ морѣ, вдали отъ берега на значительной глубинѣ, затѣмъ горбуша подходитъ ближе къ берегамъ и нѣкоторое время держится при устьяхъ рѣкъ и въ небольшихъ заливахъ. При самой высокой точкѣ прилива горбуша подходитъ ближе къ берегамъ, а при отливѣ отходитъ въ море. Хайко входитъ въ тѣже рѣки, какъ и горбуша. Кижучемъ заключается ходъ періодическихъ рыбъ. Появленіе этой породы семги на устьяхъ и въ рѣкахъ показываетъ, что ходъ другихъ рыбъ прекратился. Кижучь крупнѣе всѣхъ породъ семги; по виду и по вкусу онъ болѣе всего походитъ на семгу. Подобно красной рыбѣ, кижучь заходитъ только въ рѣки, вытекающія изъ озеръ.

Киты водятся не только къ сѣверу отъ Берингова пролива, но также и по всему Беринговому морю, особенно въ Бристольскомъ заливѣ, а также въ сѣверной части Тихаго океана въ пространствѣ между полуостровомъ Аляскою и Александровскимъ архипелагомъ. Въ Беринговомъ морѣ не водится мелкаго слизняка (Clio borealis), составляющаго главную пищу кита въ сѣверной части Атлантическаго океана, но за то онъ питается мелкими раковидными животными, которыя на многія мили покрываютъ собою поверхность Берингова моря. Кашалотъ, привлекаемый обиліемъ каракатицъ, появляется по временамъ около береговъ Аляски. Около Алеутскихъ острововъ во множествѣ водятся дельфины, а бѣлуха попадается въ обиліи въ различныхъ бухтахъ Нортонова залива. Туземные жители и китоловы различаютъ нѣсколько родовъ китовъ въ этихъ моряхъ. Самый большой изъ нихъ называется Кулема, длина котораго бываетъ отъ 4 до 12 саженей. Г. Веніаминову старики алеуты разсказывали, что они видали прежде кулемъ до 20 саженей длины и соотвѣтствующей толщины, но самому г. Веніаминову не случалось видѣть китовъ длиннѣе 9 саженей. Въ одномъ только мѣстѣ онъ видѣлъ китовыя ребра, имѣвшія въ окружности не въ самой своей толстой части около шести четвертей. Выбрасываемые на берега киты, какъ полагаютъ, чаще всего умираютъ отъ напора сѣверныхъ льдовъ, такъ какъ замѣчено, что чѣмъ болѣе льдовъ бываетъ зимою въ Беринговомъ морѣ, тѣмъ болѣе выкидаетъ китовъ на берега и притомъ только на сѣверные берега Алеутскихъ и другихъ острововъ и болѣе всего на островъ Унимакъ. Китъ-алямакъ принадлежитъ къ китамъ средней величины, потому наибольшій изъ нихъ не имѣетъ болѣе четырехъ саженъ. Челюсть кулемы равняется величинѣ всего алямака; на брюхѣ у него полосы, хвостъ горизонтальный; усы у него не болѣе полуаршина. Алямакъ доставляетъ преимущественно жиръ; мясо у него очень вкусно и хорошо; но можетъ быть употребляемо въ пищу только отъ самаго свѣжаго кита, потому что оно очень скоро портится. Къ полосатымъ, въ родѣ алямака, принадлежитъ также магнидакъ, умгулякъ и агамагчикъ. Въ пищу употребляется только жиръ и мясо холостяковъ. Жиръ кулемы и кашалота (дающаго спермацетъ) идетъ только на освѣщеніе. Жиръ кашалота дѣйствуетъ на желудокъ подобно ртути, вслѣдствіе чего русскіе промышленники и прозвали его плавуномъ.

Изъ перечисленія главныхъ животныхъ и рыбъ, составляющихъ предметъ промысла на Беринговомъ морѣ и прилегающихъ къ нему островахъ и берегахъ, видно, почему эта мѣстность на земномъ шарѣ привлекала и до нынѣ привлекаетъ всякаго рода промышленниковъ, ищущихъ обогащенія и дѣйствительно обогащающихся. Точныхъ цифръ добытыхъ въ этомъ краѣ промысловыхъ товаровъ трудно представить, потому что россійско-американская компанія систематически, изъ своихъ видовъ, уменьшала дѣйствительныя свои прибыли и количество

ежегодныхъ промысловъ. Это видно изъ разницы между вѣдомостями компаніи, которыя обнародовывались въ Петербургѣ и въ Новоархангельскѣ. Сверхъ того большія количества пушныхъ товаровъ добывались непосредственно отъ туземцевъ англійскими, американскими торговцами и торговцами съ Сандвичевыхъ острововъ и это количество съ 1850 года по отношенію къ континентальнымъ мѣхамъ составляло треть количества, показаннаго въ слѣдующей таблицѣ:

	Съ 1786 г. по 1797 годъ.	Съ 1797 по 1821 годъ. вывезено.	продано въ колоніяхъ.	Съ 1821 г. по 1842 годъ.	Съ 1842 г. по 1862 годъ.	Весь промыселъ въ 76 лѣтъ.
Морскіе бобры шкуръ	114,195	86,644	10,392	25,416	25,899	262,546
» » хвостовъ	72,559	71,130	8,411	23,506	25,797	201,403
Рѣчные бобры шкуръ	428	56,001	5,025	162,034	157,484	390,972
Выдра	5,039	17,768	2,145	29,442	70,473	124,867
Морскіе коты	557,024	1.767,340	377,642	758,502	372,894	3.833,402
Черная и серебр. лисица	15,046	15,112	10	17,913		66,081
Крестовая лисица	20,369	24,535	482	26,462	77,847	93.848
Красная »	20,665	35,456	1,273	45,947		141,188
Бѣлый песецъ	1,517	5,130	30	13,628	54,134	32,307
Голубой »	68,361	45,094	—	55,714		222,113
Куница	200	17,291	342	15,666	12,782	46,911
Волкъ	—	—	—	201	24	225
Американская куница	—	5,349	61	15,481	1,872	32,763
Черный медвѣдь	—	2,650	—	5,355	1,993	9,998
Выхухоль	—	—	—	250,000	1.300,000	1.550,000
Рысь	—	1,819	—	?	6,927	8,746
Моржевая кость фунт.	27,792	51,622	2,016	234,040	27,550	343,020
Китовый усъ »	35,172	72,396	4,608	124,390	?	236,466
Бобровая струя »	—	281	—	1,287	879	2,447

Къ этой таблицѣ можно присоединить исчисленіе пушныхъ промысловъ, вывезенныхъ разными компаніями, съ 1743 по 1823 годъ, съ Алеутскихъ и другихъ острововъ и береговъ Америки, со включеніемъ въ это количество мѣховъ, вывезенныхъ россійско-американскою компаніею, и казеннаго ясака. Этотъ сводъ составленъ г. Берханъ въ его исторіи открытія Алеутскихъ острововъ.

Морскихъ котовъ	2.324,364	штуки.
» бобровъ	200,839	»
Хвостовъ бобровыхъ	143,689	»
Голубыхъ песцовъ	108,865	»
Лисицъ красныхъ	57,638	»
» сиводушекъ	44,904	»
» чернобурыхъ	30,158	»
Рѣчныхъ бобровъ	58,729	»
Выдръ	22,807	»
Соболей	18,121	»
Норокъ	5,349	»
Бѣлыхъ песцовъ	5,130	»
Зубу моржеваго	2,761	пудовъ.
Усовъ китовыхъ	2,988	»
Медвѣдей	2,650	штукъ.
Рысей	1,819	»
Россомахъ	1,234	»

Потрошеніе и сниманіе шкуръ.

Эти пушные товары были оцѣнены:

Грузы	разныхъ компаній въ	9.000,000	руб. асс.
»	шелеховской компаніи въ	1.500,000	» »
»	россійско-американской компаніи въ .	35.000,000	» »
	Весь же промыслъ въ 80 лѣтъ въ	45.500,000	руб. асс.

Императоръ Петръ Великій, желая рѣшить вопросъ «соединяется ли Азія съ Америкою»? — приказалъ снарядить для того особую экспедицію, и по избраній ея начальникомъ капитана Беринга, далъ ему слѣдующую инструкцію изъ трехъ пунктовъ, писанную имъ 23 декабря 1724 года: I) Надлежитъ на Камчаткѣ или въ другомъ мѣстѣ сдѣлать одинъ или два бота съ палубами. II) На оныхъ ботахъ возлѣ земли, которая идетъ на нордъ и по чаянію, понеже оной конца не знаютъ, кажется, что та земля часть Америки. III) И для того искать гдѣ оная сошлась съ Америкою, и чтобъ доѣхать до одного города европейскихъ владѣній, или ежели увидятъ какой корабль европейской, провѣдать отъ него, какъ оной кюстъ называютъ и взять на письмѣ и самимъ побывать на берегу и взять подлинную вѣдомость и поставя на карту, пріѣзжать сюда. Петръ». Въ указѣ сената, 13 сентября 1732 года, о вторичномъ отправленіи капитана Беринга въ Камчатку, сказано было про первую экспедицію, что по требованіямъ и желанію, какъ петербургской и парижской, такъ и иныхъ академій, императоръ Петръ Великій для любопытства посылалъ освѣдомиться отъ своихъ береговъ: сходятся ли берега американскіе съ берегами Азіи.

Назначенные въ числѣ прочихъ въ первую экспедицію лейтенантъ Чириковъ и гардемаринъ Чаплинъ выѣхали изъ Петербурга 24 января 1725 года. Съ ними въ Вологдѣ, 14 фераля, соединился капитанъ Берингъ съ лейтенантомъ Шпанбергомъ. Берингъ прибылъ въ Якутскъ 1-го іюня 1726 года и тамъ къ нему, по его требованію, былъ отряженъ монахъ Козыревскій, который первый въ 1712 и 1713 годахъ посѣтилъ ближніе Курильскіе острова и доставилъ свѣдѣнія о прочихъ. Въ 1717 г. Козыревскій, подъ именемъ Игнатія, постригся въ монахи и заложилъ монастырь въ Нижне-Камчатскѣ. Онъ сообщилъ Берингу много любопытныхъ и важныхъ свѣдѣній, собранныхъ во время многолѣтней службы въ Камчаткѣ, Олюторскѣ и Анадырскѣ. Въ Якутскѣ же былъ назначенъ къ Берингу для особыхъ порученій дворянинъ Иванъ Шестаковъ, который впослѣдствіи участвовалъ въ войнѣ съ чукчами съ дядею своимъ, извѣстнымъ предпріимчивымъ казачьимъ головою Аѳанасіемъ Шестаковымъ. Въ Охотскъ Берингъ прибылъ 1-го октября 1726 года. 8-го іюля 1727 года спустили на воду вновь построенное судно «Фортуна», которое было вооружено галіотомъ. Подъ начальствомъ лейтенанта Шпанберга оно сходило въ Большерѣцкъ и возвратилось въ Охотскъ 11 августа. Между тѣмъ былъ исправленъ ботъ, сдѣлавшій первое плаваніе изъ Охотска въ Камчатку въ 1716 году, такъ что 19 августа Берингъ и Шпанбергъ сѣли съ командою на «Фортуну», а Чириковъ и Чаплинъ съ 19 матросами на старый ботъ. Чаплинъ оставилъ послѣ себя журналъ этой экспедиціи.

Подъ паруса оба судна вступили 22 августа 1727 года, уже 29 числа были въ виду Камчатскаго берега, а 4-го сентября пришли къ устью рѣки Большой, гдѣ весь сентябрь занимались перевозкою разныхъ вещей въ Большерѣцкій острогъ, которыя въ половинѣ сентября были отправлены на нѣсколькихъ камчатскихъ ботахъ вверхъ по рѣкамъ Большой и Быстрой до Нижне-камчатскаго острога. 4 января 1728 года на 18 санкахъ капитанскій багажъ и разные припасы были отосланы въ Нижне-Камчатскъ. 14 января отправился самъ Берингъ со всею командою и 15 января прибылъ въ Верхне-Камчатскъ, а 11 марта въ Нижне-Камчатскъ. Такимъ образомъ Берингъ не обошелъ моремъ полуостровъ Камчатку, а предпочелъ всѣ тяжести

и морскую провизію, выгруженныя въ Большерѣцкѣ, перевезти на восточный берегъ Камчатки на протяженіи 833 верстъ. Въ Нижне-Камчатскѣ былъ заложенъ 4 апрѣля новый ботъ, названный «Св. Гавріиломъ» и спущенный на воду 9-го іюня. Берингъ, по словамъ адмирала Ногаева, намѣревался первоначально идти вокругъ полуострова Камчатки до устья рѣки Камчатки, но такому намѣренію воспрепятствовали сильные и жестокіе вѣтры, позднее осеннее время и неопытность экипажа. Это объясненіе показываетъ, въ какомъ младенческомъ состояніи были познанія моряковъ о Камчаткѣ и съ какою крайнею осторожностью и боязливостью пускались они въ первую экспедицію для изысканія вопроса о соединеніи Азіи съ Америкою.

Ботъ «Св. Гавріилъ» вышелъ изъ устья рѣки Камчатки въ море 13-го іюля 1728 года, лишь черезъ $3^1/_2$ года послѣ отправленія экспедиціи изъ Петербурга. Чтобы обойти Камчатскій носъ, Берингъ плылъ сутки по направленію къ югу; 17-го іюля онъ былъ у Озернаго мыса; 18-го у Укгонскаго мыса; 19-го у Короленскаго острова; 20-го у Коромнскаго мыса. Затѣмъ Берингъ прошелъ мимо нѣсколькихъ мысовъ, но не далъ имъ названія. 27-го іюля Берингъ находился у мыса Св. Өаддея, гдѣ встрѣтилъ множество китовъ, сивучей, моржей, а 29-го у устья рѣки Анадыря, гдѣ глубина моря была всего 10 саженъ, между тѣмъ какъ у мыса Св. Өаддея доходила до 65 и 75 саженъ. 1-го августа мореплаватели вошли въ губу, которую назвали, по празднику того дня, губою Св. Креста, а впадающую въ нее рѣку Большою. Въ этой губѣ капитанъ Берингъ провелъ два дня подъ парусами. Выйдя изъ нея, Берингъ шелъ вплоть подлѣ берега, осматривая каждое углубленіе, чтобы найти мѣсто для снабженія себя прѣсною водою, которой оставалось всего одна бочка. Наконецъ, 6-го августа, между высокими каменными горами, крутыми, подобно стѣнамъ, открыли губу, въ которой стали на якорь и назвали Преображенскою, такъ какъ въ этотъ день празднуется Преображеніе Господне. Въ этой губѣ Берингъ запасся водою изъ ручья, текущаго съ горъ, покрытыхъ снѣгомъ. 8-го августа русскіе мореплаватели увидали лодку, шедшую къ ихъ кораблю съ восемью людьми. Черезъ коряцкихъ толмачей, бывшихъ на ботѣ «Св. Гавріилъ», Берингъ узналъ, что это чукчи. На приглашеніе Беринга прибыть къ нему на корабль, чукчи долго не соглашались, но наконецъ одинъ изъ нихъ на надутыхъ пузыряхъ подплылъ къ боту и взошелъ на его палубу. Чукча объяснилъ, что на берегу живетъ много его одноплеменниковъ, что про русскихъ они давно слышали, и что въ ясный день бываетъ виденъ въ недальнемъ разстояніи островъ. Въ другіе два дня послѣ свиданія съ чукчами, Берингъ оплывалъ мысъ, который онъ назвалъ Чукотскимъ носомъ, потому что встрѣтился тутъ съ чукчами, какъ объясняетъ это наименованіе капитанъ Кескъ. 11-го августа Берингъ увидалъ островъ въ юго-восточномъ направленіи отъ Чукотскаго носа и назвалъ его островомъ Св. Лаврентія, память котораго празднуется 10-го августа. Глубина моря отъ острова Св. Лаврентія къ Чукотскому мысу была найдена въ 11, 14, 15, 16 и 18 саженей.

Такъ какъ 16 августа Берингъ повернулъ обратно съ своего пути на сѣверъ, то въ журналѣ мичмана Чаплина послѣдніе дни плаванія передъ этимъ поворотомъ записаны слѣдующими словами: 12 августа. Въ сіи сутки проплылъ капитанъ Берингъ 69 миль, но перемѣнилъ разность широты только на 21; ибо обходилъ узкій мысъ, который находится къ сѣверу отъ Чукотскаго носа. Къ полдню была обсервованная широта 64°59′. 13 августа. Капитанъ Берингъ плылъ всѣ сутки сіи внѣ вида береговъ и перемѣнилъ разность широты 78′. Всего же плаванія было 94 мили. 14 августа. Въ сіи сутки проплыто 19 миль, да къ сему прибавлено $8^3/_4$ мили теченія, ибо капитанъ Берингъ замѣтилъ, что оно шло отъ юго-юго-востока къ сѣверо-сѣверо-западу. Въ тотъ день видѣли позади себя высокую землю и еще черезъ три часа высокія горы, кои, полагаемъ, должны быть на большой землѣ*). Въ полдень была широта

*) Подъ этимъ названіемъ былъ извѣстенъ сибирякамъ еще съ половины XVII столѣтія материкъ противъ восточной оконечности Азіи.

мѣста по исчисленію 66° 41′. 15 августа. Въ полдень видѣли довольно китовъ, а съ 12 августа вода въ морѣ была бѣлаго цвѣта, глубина 20 саженъ, 25 и 30. Въ сіи сутки проплыли 58 миль, да прибавлено теченіе моря 8¾ мили. 16 августа. Погода облачная; вѣтеръ тихій. Отъ полудня до трехъ часовъ капитанъ Берингъ плылъ на сѣверо-востокъ и, прошедъ семь миль, сталъ держать на юго-западъ-западъ. Въ три часа капитанъ объявилъ: «что надлежитъ ему противъ указу въ исполненіе возвратиться» и, поворотя ботъ, приказалъ держать на юго-востокъ.

Въ журналѣ лейтенанта Чирикова сказано точно то-же и тѣми же словами, какъ въ журналѣ Чаплина. Широта, отъ которой поворотилъ капитанъ Берингъ назадъ, была 67° 18. Разности долготы отъ Нижне-Камчатска къ востоку сдѣлалъ онъ 30° 17′, слѣдовательно находился подъ долготою 193°7′. По журналамъ этой первой Беринговой экспедиціи надобно полагать, что капитанъ Берингъ возвратился назадъ по той причинѣ, что, проплывъ слишкомъ 200 миль къ сѣверу отъ Чукотскаго носа, не видалъ береговъ ни на востокъ, ни на западъ.

Поворотивъ обратно въ три часа пополудни 16 августа, по направленію на югъ, капитанъ Берингъ, при свѣжемъ вѣтрѣ, имѣлъ ходу болѣе семи миль въ часъ и, въ 9 часовъ утра 17 августа, увидѣлъ направо высокую гору, а послѣ того въ морѣ налѣво островъ. Берингъ назвалъ его островомъ Св. Діомида, потому что въ этотъ день празднуется память св. мученика Діомида. 18-го августа Берингъ вновь прошелъ мимо острова св. Лаврентія, а 22 мимо «угла св. Ѳаддея», которому дано было такое названіе, потому что 21 августа празднуется память апостола Ѳаддея. 2-го сентября капитанъ Берингъ вошелъ въ Камчатскую губу, употребивъ на свое плаваніе, поведшее къ открытію Берингова пролива, менѣе двухъ мѣсяцевъ. Во время зимовки въ Нижне-камчатскѣ, капитанъ Берингъ много слышалъ о близости Америки къ Камчаткѣ, а потому когда 5-го іюня 1729 года вновь вышелъ въ море, то направился къ юго-востоку съ намѣреніемъ добраться до Америки. До 9-го іюня онъ шелъ по прежнему направленію и находился подъ 55° 32′ и 166°57′ долготы, когда, поворотя повѣтру, направился на юго-западъ. По словамъ лейтенанта Чирикова, Берингъ не надѣялся, чтобы слабое его судно съ дурнымъ такелажемъ въ состояніи было бороться съ крѣпкимъ вѣтромъ, подувшимъ 9-го іюня, а потому и рѣшился идти въ Большерѣцкъ, проплывъ на юго-востокъ 114 миль. Со времени поворота до слѣдующаго полудня, Берингъ проплылъ 150 миль и утромъ увидалъ берегъ Камчатки, 1-го іюля обошелъ мысъ Лопатку и прошелъ первымъ Курильскимъ проливомъ, которымъ проплывали до 1737 года всѣ суда, направлявшіяся изъ Охотска къ восточнымъ берегамъ Камчатки. Въ этомъ году, во время сильнаго землетрясенія, начавшагося 6-го октября и продолжавшагося 13 мѣсяцевъ, не только показалась каменная гряда между первымъ и вторымъ Курильскими проливами, но и измѣнились во многихъ мѣстахъ Курильскіе острова и восточный берегъ Камчатки.

Послѣ захода въ Большерѣцкъ, капитанъ Берингъ прибылъ 23 іюля въ Охотскъ, а оттуда черезъ Сибирь 1-го марта 1730 года въ Петербургъ.

Берингъ былъ родомъ датчанинъ и вступилъ въ началѣ XVIII столѣтія въ русскую службу. По словамъ исторіографа Миллера, онъ былъ уже въ 1703 году лейтенантомъ, а въ 1710 году капитанъ-лейтенантомъ. Изъ писемъ князя Долгорукова къ Петру Великому, изъ Копенгагена, видно, что купленнымъ тамъ кораблемъ „Перло“ командовалъ капитанъ Берингъ и въ мартѣ 1715 года готовъ былъ выступить съ нимъ въ море. Вѣроятно, по прибытіи въ Кронштадтъ, Берингъ былъ немедленно отправленъ въ Архангельскъ, чтобы привести оттуда вновь построенный тамъ корабль „Селофаилъ“, потому что князь Долгоруковъ доносилъ, отъ 5 ноября 1715 г., что капитанъ Вотусъ Берингъ съ кораблемъ «Селофаилъ» обрѣтается въ Норвегіи. Въ февралѣ 1724 года онъ выходилъ въ отставку, но 7 августа вновь былъ опредѣленъ на службу и 14 августа былъ произведенъ въ капитаны перваго ранга. По прибытіи въ Петербургъ изъ первой экспедиціи, онъ предложилъ правительству вторично отправиться въ Кам-

чатку и обозрѣть положеніе береговъ Америки. Въ этомъ предложеніи, отъ 30 апрѣля 1730 года, онъ говорилъ, что Камчатка отстоитъ отъ Америки на 100 или 200 миль; что въ 1729 году около береговъ Камчатки видѣлъ иностранное судно съ японцами; что было бы полезно изслѣдовать водяные проходы отъ Охотска или Камчатки до устья рѣки Амура и далѣе до Японскихъ острововъ; что было бы полезно развѣдать сѣверный берегъ Сибири, отъ рѣки Оби до Енисея, а оттуда до рѣки Лены, тѣмъ болѣе, что онъ состоитъ подъ державою Россійской имперіи. Предложеніе Беринга было принято, и затѣмъ состоялась вторая его экспедиція.

Но, между тѣмъ какъ совершалась первая экспедиція Беринга, обслѣдовавшая только азіатскій берегъ, но не американскій, предпріимчивый казачій голова Аѳанасій Шестаковъ хлопоталъ въ Петербургѣ о совершеніи другой обширнѣйшей экспедиціи, которая должна была обозрѣть и покорить всѣ прилежащія къ Восточной Сибири земли, въ томъ числѣ и «Большую землю» или Америку. Получивъ на все это разрѣшеніе въ 1727 году, Шестаковъ началъ уже дѣйствовать осенью 1729 года, именно одно снаряженное имъ судно «Гавріилъ» послалъ къ Шантарскимъ островамъ, другое—«Фортуну» къ Курильскимъ островамъ, а самъ, на двухъ новыхъ судахъ—«Левъ» и «Восточный Гавріилъ» направился къ Пенжинской губѣ, съ намѣреніемъ выступить оттуда въ походъ къ устью Анадыра, а суда, одно или оба, отправить кругомъ Камчатки къ Америкѣ. Но обширный планъ, задуманный Шестаковымъ, ему не удался. Шестаковъ погибъ въ этомъ походѣ въ битвѣ съ чукчами. Его судно «Левъ» было сожжено коряками, а судно «Восточный Гавріилъ» возвратилось весною 1730 года. Преемникъ Шестакова, капитанъ Павлуцкій снарядилъ новую экспедицію къ Америкѣ, для чего, осенью 1730 года, отправились изъ Охотска два корабля: «Гавріилъ», возвратившійся отъ Шантарскихъ острововъ, подъ командою штурмана Генса, и «Восточный Гавріилъ», подъ начальствомъ подштурмана Ѳедорова. Послѣдній корабль въ томъ же году разбился у береговъ Камчатки, но судно «Гавріилъ», перезимовавъ въ Большерѣцкѣ, въ 1731 году обогнуло полуостровъ Камчатку, перезимовало вновь въ устьѣ рѣки Камчатки, на восточномъ берегу полуострова, и только въ 1732 году совершило плаваніе къ берегамъ Америки. По болѣзни и слѣпотѣ штурмана Генса, судно находилось подъ командою подштурмана Ивана Ѳедорова, помощникомъ и товарищемъ котораго былъ геодезистъ Гвоздевъ. Съ ними отправился и мореходъ (штурманъ) Мошкинъ, участвовавшій въ экспедиціи Беринга. Начальникъ этой экспедиціи, подштурманъ Иванъ Ѳедоровъ, скончался въ февралѣ 1737 года. Товарищъ его и помощникъ, Михаилъ Спиридоновичъ Гвоздевъ, воспитывался первоначально въ морской навигацкой школѣ, а съ 1719 года въ петербургской морской академіи въ классѣ геодезіи. Въ 1727 году, выдержавъ экзаменъ на геодезиста, онъ былъ посланъ въ экспедицію Шестакова, затѣмъ, вслѣдствіе какого-то доноса на него, содержался, съ 1735 года, въ сибирской губернской канцеляріи, въ Тобольскѣ, и возвратился въ Охотскъ вновь только въ 1738 году. Въ 1741 году Гвоздевъ находился при съемкѣ морского берега на 200 верстъ къ югу отъ Охотска, ходилъ съ мичманомъ Шельтонсомъ къ Шантарскимъ островамъ и къ устью Амура и по прекращеніи камчатской экспедиціи оставался въ Сибири до 1754 года, когда поступилъ учителемъ въ морской корпусъ.

Изъ сохранившагося донесенія Гвоздева видно, что ботъ «Гавріилъ» вышелъ въ море отъ устья рѣки Камчатки 23 іюля 1732 г., обогнулъ 27 іюля Камчатскій носъ и 3 августа прибылъ къ Анадырскому носу; отъ этого мыса Ѳедоровъ и Гвоздевъ направились къ берегамъ Америки для отысканія новыхъ острововъ при «помощи морехода Мошкина, бывшаго въ вояжѣ капитанъ-командора Ивана Ивановича Беринга». Они пришли къ южной сторонѣ Чукотскаго носа 5 августа и стали на якорь, по причинѣ безвѣтрія. На другой день къ нимъ подъѣзжали чукчи, но на судно не входили и съ русскими въ разговоры не пускались. 8 августа, при благопріятномъ вѣтрѣ, ботъ «Гавріилъ» вновь вступилъ подъ паруса, но 9 числа возвратился къ прежней якорной стоянкѣ. 11 августа онъ снова пошелъ въ море, а 13 стали на якорь вблизи берега, гдѣ усмотрѣли шесть юртъ, сдѣланныхъ въ землѣ изъ еловаго лѣса.

Чукчи отказались платить ясакъ и объявили, что они сражались съ капитаномъ Павлуцкимъ. Въ одиннадцатомъ часу пополуночи, 15 августа, Өедоровъ и Гвоздевъ «якорь подняли, паруса распустили и пошли въ путь свой. Августа 17 числа, пополуночи въ седьмомъ часу, осмотрѣли островъ. Вѣтеръ намъ былъ противенъ и для противнаго вѣтра лавировали. Того же числа пополуночи (счисленіе, слѣдовательно морское, сутки съ полдня), въ третьемъ часу, сталъ быть штиль; увидѣли на Чукотскомъ носу юрты; къ онымъ юртамъ на шлюпкѣ поѣхали и стали пригребать близъ берега, а чукчи отъ юртъ своихъ отошли на камень и за дальностью переговариваться съ ними нельзя и возвратились назадъ къ боту. Эти чукчи въ двухъ байдарахъ за нами погребли и настигли насъ, только не близко подъѣзжали; въ каждой байдарѣ было человѣкъ по двадцати; они посмотрѣли на насъ и возвратились назадъ, а чрезъ полчаса у нихъ спрашивали, какой народъ живетъ на острову, и отъ нихъ на то никакого отвѣта не было, а про себя они сказали, что они «чукчи зубастые», а про свое жилье сказали, что «самый Чукотскій носъ». Мы пригребли къ боту: сталъ быть благополучный вѣтеръ, паруса распустили и пошли къ острову, и пришли противъ острова сѣвернаго конца и погребли на шлюпкѣ къ одному острову, увидѣли юрты и стали пригребать близко къ берегу, и съ острова стали на насъ изъ луковъ стрѣлять, и мы противъ ихъ противленія выстрѣлили изъ трехъ фузей и велѣли толмачу спрашивать объ нихъ: какой народъ? И они о себѣ сказали, что чукчи, и между тѣмъ сказали, что родники наши пошли съ женными чукчами противъ капитана (Павлуцкаго?) биться и тамъ-де ихъ всѣхъ побили. А про большую землю спрашивали, и они про оную землю не сказали сколь велика или островъ, а на оной землѣ какіе люди, про то они сказали нашимъ: чукчи, и тамъ-де у насъ большіе чукчи. И отъ юртъ своихъ ушли. И мы вышли на берегъ и пришли къ юртамъ и тутъ имѣлось только двѣ юрты въ землѣ деревянныя, еловаго лѣса. И съ онаго острова видѣли Большую землю. А въ оныхъ юртахъ имѣлось только корма ихъ моржовина да китовина, а иныхъ никакихъ кормовъ не видали. И осмотря оныя юрты, отъѣхали на судно и пріѣхали на ботъ и пошли подлѣ онаго же острова къ южному концу и увидѣли юрты и стали на якорь. И ѣздили подъ оныя юрты на шлюпкѣ и пригребли къ берегу противъ юртъ, и тутъ имѣлось юртъ близъ двадцати, и чукчи отъ юртъ своихъ кричали, чтобы мы на берегъ не выходили, и я выпустилъ толмача на берегъ, и къ нему отъ юртъ пришелъ одинъ человѣкъ и у онаго толмачъ спрашивалъ про Большую землю, какіе на ней живутъ люди? И оный чукча про оную землю и народъ какой тамъ жительствуетъ не сказывалъ. А островъ собою не великъ, въ длину версты на полтретьи, а въ ширину на версту; лѣса никакого не имѣется. Августа 20 дня, пополуночи въ первомъ часу, подняли якорь и пошли въ путь свой, а въ седьмомъ часу пополуночи сталъ быть штиль, и стали на якорь противъ втораго острова. И между первымъ и вторымъ островомъ разстояніе съ полмили, и оный островъ меньше перваго, и къ оному острову послана была шлюпка, для провѣдыванія имѣется ли на немъ какіе люди. И по возвращеніи съ онаго острова шлюпки сказали, что на немъ имѣются люди. Когда-же мы стали подъѣзжать къ острову, съ острова стали стрѣлять изъ луковъ по нихъ и отъ того возвратились, и переговоровъ никакихъ не было. Августа 21 дня, подняли якорь, паруса распустили и пошли къ Большой землѣ и пришли къ оной землѣ и стали на якорь и противъ того на землѣ жилищъ никакихъ не значилось. И подштурманъ Иванъ Өедоровъ приказалъ поднять якорь, и пошли подлѣ земли къ южному концу и отъ южнаго конца къ западной сторонѣ видѣли юрты жилыя версты на полторы, и къ оному жилью, за противнымъ вѣтромъ, по близости подойти невозможно. И пошли подлѣ земли по южную сторону, и стало быть такъ мелко, и дошли до семи и до шести саженъ; и отъ того мѣста возвратились назадъ, и пошли въ бейдевиндъ, чтобы не отдалиться отъ этой земли. И сталъ быть вѣтеръ презельный крѣпкій отъ сѣвера и подштурманъ велѣлъ курсъ держать S+W, и такимъ крѣпкимъ вѣтромъ отошли отъ береговъ и пришли къ четвертому острову, августа

22 числа, и за великою погодою у онаго острова на якорь стать было невозможно. И когда стали подходить къ оному четвертому острову, паруса подобрали, и безъ парусовъ отъ того четвертаго острова отнесло. Матросы Лаврентій Сметанинъ съ товарищами предлагали, чтобы возвратиться на Камчатку; приходитъ-де время позднее и вѣтры бываютъ усильчивые. И я имъ сказалъ, что «имѣется подштурманъ, съ которымъ съ нимъ поступать по ордеру обще, понеже онъ въ морскомъ хожденіи имѣетъ власть, и ему предлагайте, а мнѣ безъ его согласія возвратиться нельзя». А отъ четвертого острова пригребалъ чукча въ малой лодкѣ, по ихъ называется кухта, къ боту, а кухта вся кожанная и верхъ кожанный, только что сѣсть въ ней человѣку одному. И мы его чрезъ толмача спрашивали о Большой землѣ: какая земля и какіе люди въ ней живутъ? И есть ли лѣса, такожде и рѣки? И какой звѣрь? И оный чукча сказывалъ чрезъ толмача и называлъ Большою землею, и на ней живутъ наши же чукчи, и лѣсъ на оной землѣ сказывалъ, также и рѣки. А про звѣрей сказывалъ, что имѣются олени, куницы и лисицы и бобры рѣчные. Послѣ разговора тотъ чукча угребъ на островъ. И оный островъ маленькій, видомъ круглый; лѣсу никакого не имѣется».

Въ этотъ день, 22 августа, матросы вновь стали просить о возвращеніи въ Камчатку, вслѣдствіе истощенія запасовъ пищи и что они не въ состояніи отливать воду изъ судна, въ которомъ была сильная течь. Матросы съ мореходомъ подали Өедорову прошеніе и тогда, съ общаго согласія, рѣшено было идти обратно и 28 сентября ботъ «Гавріилъ» былъ уже въ устьѣ рѣки Камчатки. Острова, открытые Өедоровымъ и Гвоздевымъ, находятся въ Беринговомъ проливѣ, и извѣстны подъ названіемъ островов св. Діонисія и Гвоздевыхъ. По мнѣнію многихъ мореплавателей, въ томъ числѣ и Норденшельда, ихъ слѣдовало бы назвать Өедоровыми островами. Послѣ путешествія Өедорова и Гвоздева не сохранился морской журналъ, который былъ отосланъ Өедоровымъ въ Охотское правленіе и не былъ имъ данъ Гвоздеву для составленія карты, потому что изъ дѣлъ видно, что Өедоровъ съ Гвоздевымъ были въ ссорѣ, даже во время ихъ плаванія. Гвоздевъ въ своемъ донесеніи жалуется, что съ отхода изъ Камчатки онъ не былъ двое сутокъ допущенъ Өедоровымъ къ морскому журналу «невѣдомо для чего». Въ числѣ ихъ спутниковъ находился ссыльный, Скурихинъ, показанія котораго объ этомъ первомъ плаваніи русскихъ къ берегамъ Америки сохранились. Скурихинъ показалъ, что отъ Анадырскаго устья они шли къ востоку дней пять и попутнымъ вѣтромъ и увидѣли вскорѣ землю, которую приняли первоначально за островъ, но въ полуверстѣ отъ него разсмотрѣли, что эта земля великая. Берегъ былъ изъ желтаго песку, «жилья юртами по берегу и народу ходящаго по той землѣ множество; лѣсъ на той землѣ великой лиственичный, ельникъ и топольникъ». По словамъ Скурихина, они шли около этой земли дней пять, не могли усмотрѣть конца этой земли и поворотили назадъ. Когда ботъ остановился за тихою погодою, то съ земли къ нему приплылъ на пузыряхъ нагой человѣкъ. На обратномъ пути въ Камчатку сильною бурею сломало на ботѣ мачту, такъ что онъ съ трудомъ пришелъ въ устье Камчатки.

Высочайшій указъ о второй экспедиціи Беринга послѣдовалъ 17-го апрѣля 1732 года. Подробности этой экспедиціи были обсуждаемы на совѣщаніяхъ сената, адмиралтействъ-коллегіи и академіи наукъ и рѣшено было пополнить ея составъ астрономомъ со студентами, минералогами («рудознатцами») учеными, причемъ сенатъ нашелъ также необходимымъ опредѣлить Берингу въ товарищи другого капитана, «добраго, изъ русскихъ». Нѣкоторые члены Адмиралтействъ-коллегіи находили необходимымъ отправить экспедицію Беринга не чрезъ Сибирь, а моремъ, такъ что уже тогда возникала мысль о первомъ русскомъ кругосвѣтномъ плаваніи, но мысль эта въ то время не была принята. Начальникомъ отряда изъ двухъ судовъ для плаванія къ берегамъ Америки назначенъ былъ капитанъ-командоръ Берингъ, а въ товарищи ему «изъ русскихъ» капитанъ-лейтенантъ Чириковъ. Въ высочайше утвержденной инструкціи имъ повелѣно было въ плаваніи къ берегамъ Америки все «чинить съ общаго

согласія». Въ совѣщаніяхъ, происходившихъ въ Петербургѣ по предмету экспедиціи, Чириковъ не участвовалъ, подобно Берингу, потому что находился въ то время въ Казани. Пріѣхавъ въ Петербургъ, когда инструкціи были написаны, Чириковъ подалъ на нихъ очень важныя замѣчанія, по которымъ онѣ и были исправлены. Въ одномъ пунктѣ инструкцій было сказано, чтобы слѣдовать американскимъ берегомъ до мексиканской провинціи, слѣдовательно отъ Камчатки на юго-востокъ, а въ другомъ пунктѣ было предписано идти до 67° широты и выше, слѣдовательно отъ Камчатки на сѣверо-западъ. «Сомнительно будетъ, замѣтилъ Чириковъ, куда идти отъ Камчатскаго устья, между сѣверомъ и востокомъ или между югомъ и западомъ?» Чириковъ потому предложилъ, чтобы границею изслѣдованія берега Америки были опредѣлены 50° и 65° широты, потому что южнѣе идти незачѣмъ, «для одного увѣдомленія объ Америкѣ», а сѣверное обслѣдуетъ тотъ офицеръ, которому назначено плыть отъ Лены къ Камчаткѣ. Сверхъ того не было никакой возможности обойти въ одно лѣто все то пространство, которое было назначено въ инструкціи.

Чириковъ, участвовавшій младшимъ офицеромъ въ первой экспедиціи Беринга, былъ лучшимъ флотскимъ офицеромъ своего времени. Онъ былъ умный, образованный, скромный, твердый человѣкъ. По словамъ Миллера, «морская служба не могла ожесточить чувствительное сердце у него». Онъ былъ выпущенъ въ 1721 году изъ Морской Академіи за отличіе прямо въ унтеръ-лейтенанты, помимо чина мичмана. Чириковъ въ первые годы занимался обученіемъ гардемариновъ во флотѣ и въ академіи и былъ представленъ Петру Великому для посылки въ первую экспедицію Беринга, причемъ вновь, безъ очереди, за отличіе произведенъ былъ въ лейтенанты, а по возвращеніи изъ нея, въ 1730 году, въ капитанъ-лейтенанты. Черезъ два года онъ былъ произведенъ въ капитаны перваго ранга «не по старшинству, а по знанію и достоинству». По возвращеніи изъ второй экспедиціи, Чириковъ до 1746 года проживалъ въ Енисейскѣ, гдѣ у него началась чахотка. Въ 1747 году онъ былъ представленъ императрицѣ и скончался въ 1749 году въ чинѣ капитанъ-командора.

При второй своей экспедиціи, Берингъ былъ уже лѣтъ шестидесяти. По словамъ Штеллера, ученаго спутника Беринга въ этой экспедиціи, онъ былъ человѣкъ знающій, ревностный, добрый, честный и набожный, но крайне осторожный и нерѣшительный, легко подпадавшій вліянію подчиненныхъ, и потому мало способный начальствовать экспедиціею, особенно въ такой полудикой странѣ, какова была Сибирь въ первой половинѣ XVIII столѣтія. Нерѣшительность и крайняя осторожность Беринга уже выказались въ первой его экспедиціи. Задачу, данную ему Петромъ Великимъ, относительно соединенія Азіи и Америки, онъ рѣшилъ въ 1728 году, плаваніемъ въ проливѣ своего имени, вѣрно, но наудачу, не представивъ положительныхъ тому доказательствъ, потому что не опредѣлилъ положенія американскаго берега и не изслѣдовалъ заворота берега Азіи къ западу. Когда Берингъ прибылъ изъ этой экспедиціи въ Петербургъ, то убѣдился, что тамъ не довѣряли даже его открытію. Берингъ поторопился даже возвратиться назадъ, именно 16-го августа, когда еще и льдовъ не показывалось въ морѣ. По словамъ донесенія штурмана Плаутинга Адмиралтействъ-Коллегіи, въ первой экспедиціи Беринга, онъ безъ всякаго основанія перемѣнялъ «неразсчетные курсы» черезъ часъ и черезъ два часа, не вслѣдствіе перемѣны вѣтра или какой-либо опасности или случайности. Такъ, идя между сѣверомъ и востокомъ, онъ вдругъ поворачивалъ между югомъ и западомъ, а затѣмъ вновь направлялся къ востоку. Поэтому у него были «немалыя ссоры съ офицерами».

При самомъ снаряженіи экспедиціи въ Сибири, Берингъ очутился въ крайне враждебныхъ отношеніяхъ къ сибирскимъ властямъ. Онъ перессорился со всѣми. Можетъ быть, онъ былъ въ томъ не виноватъ, и столкновенія произошли вслѣдствіе сплетенія несчастныхъ обстоятельствъ. На Беринга жаловались и академики, и подчиненные ему офицеры. Его упрекали въ самоуправствѣ, въ лихоимствѣ и въ потачкѣ лихоимству, въ нерадѣніи и неумѣніи. Клеветали и на его жену, Анну Матвѣевну, и настаивали, чтобы она была хорошенько осмотрѣна

на границѣ, потому что повезетъ съ собою много драгоцѣнныхъ мѣховъ. Для осмотра ея, сенатскимъ указомъ 25-го сентября 1738 года, былъ назначенъ даже «надежный человѣкъ». Сверхъ того всѣ подчиненные Беринга перессорились между собою, именно: Чириковъ со Шпанбергомъ, Шпанбергъ съ Вальтономъ, Ласиніусъ съ Прончищевымъ, Плаутингъ съ Ендокуровымъ, Мининъ съ Стерлеговымъ, и въ свою очередь обременяли его всякими жалобами. Замѣчательно, что въ кляузныхъ дѣлахъ этой экспедиціи, которой всѣ члены перессорились между собою и чернили другъ друга въ своихъ доносахъ, одно имя Чирикова остается почти неприкосновеннымъ и въ архивахъ не найдено ни одной жалобы на него. Естественно, что Адмиралтействъ-Коллегія была недовольна Берингомъ, посылая ему одинъ выговоръ за другимъ, и даже лишила его прибавочнаго жалованья. Съ тѣмъ вмѣстѣ Коллегія ходатайствовала въ сенатѣ о понужденіи сибирскихъ властей содѣйствовать экспедиціи и о смѣнѣ главнѣйшаго врага Беринга и всей его экспедиціи, охотскаго начальника Григорія Григорьевича Скорнякова-Писарева. Коллегія настаивала на осуществленіи экспедиціи вслѣдствіе указа 1738 года изъ Кабинета, чтобы «разсмотрѣть о камчатской экспедиціи, возможно-ли оную въ дѣйство произвесть, дабы отъ того, хотябы впредь напрасныхъ казнѣ Е. И. В. убытковъ не было.»

Вражда между Писаревымъ и Берингомъ возникла потому, что ихъ интересы были діаметрально противоположны, и незадолго передъ отправленіемъ Беринга въ море въ 1739 году, когда въ Петербургѣ уже былъ подписанъ указъ объ отрѣшеніи Писарева, достигла до крайней степени. Дома, въ которыхъ поселились участники экспедиціи въ Охотскѣ, находились при устьѣ рѣки Охоты, а острогъ или крѣпость, въ которой жилъ Писаревъ, находился выше. Это были два непріятельскіе лагеря. Писаревъ захватывалъ людей Беринга и держалъ ихъ у себя для допросовъ, а Берингъ являлся въ острогъ со всею своею командою для освобожденія плѣнныхъ. Безпрестанно подавались доносы, какъ въ одномъ, такъ и въ другомъ лагерѣ, производились слѣдствія. Берингъ собирался даже арестовать Писарева, но, по своей нерѣшительности, откладывалъ эту мѣру.

Въ оправданіе медленности снаряженія экспедиціи въ Охотскѣ, Берингъ писалъ изъ этого порта, по пріѣздѣ туда въ 1737 году: «Мѣсто было новое и пустое и строенія никакого не производилось и жить было негдѣ, и лѣсовъ и травы въ немъ не растетъ и близко не имѣется, ибо все дресвяное... Служители строили офицерамъ покои, а себѣ избы и казармы; возили глину на себѣ и дѣлали кирпичи; дрова, для отопленія печей, таскаютъ на себѣ верстъ за шесть и за семь; воду прѣсную на свое употребленіе изъ рѣки возятъ на себѣ же, разстояніемъ отъ мѣста жилья версты по двѣ и по три; и сухари сушатъ, и заготовленныя къ строенію пакетботовъ бревна и кокоры и прочее плавятъ по рѣкѣ слишкомъ съ тридцать верстъ, а къ кузнечнымъ подѣлкамъ уголь жгутъ; и для приготовленія къ пакетботамъ смолы нарочно въ Камчатку посылаются и нарты дѣлаютъ сами; и провіантъ ими на себѣ же возятъ...»

Адмиралтействъ-Коллегія, видя неуспѣшность дѣйствій Беринга, въ концѣ 1737 года представила императрицѣ о необходимости посылки въ Иркутскъ и Якутскъ надежныхъ офицеровъ съ большими полномочіями, для понужденія мѣстныхъ властей къ доставленію всего необходимаго для снаряженія задуманной экспедиціи. Главными уполномоченными были избраны лейтенанты Толбухинъ и Ларіоновъ, прибытіе которыхъ въ Иркутскъ и Якутскъ дѣйствительно подвинуло сооруженіе судовъ въ Охотскѣ. Они были спущены на воду въ іюнѣ 1740 года, были двухмачтовыя съ вооруженіемъ брига, поднимали груза по 6,000 пуд., имѣли по 14 небольшихъ пушекъ и были названы «Св. Петръ» и «Св. Павелъ». Только 8-го сентября оба пакетбота вышли въ море. Берингъ командовалъ пакетботомъ «Св. Петръ», а Чириковъ пакетботомъ «Св. Павелъ». Зайдя въ Большерѣцкъ, они направились затѣмъ кругомъ мыса Лопатки въ Авачинскую губу, куда Чириковъ пришелъ 27-го сентября, а Берингъ

Бой тюленей.

6-го октября. Гавань въ этой губѣ, одна изъ лучшихъ въ мірѣ, была названа по имени судовъ «Петропавловскою».

Рано утромъ, 4-го іюня 1741 года, слѣдовательно чрезъ девять лѣтъ по изданіи указа объ экспедиціи къ берегамъ Америки, пакетботы «Св. Петръ» и «Св. Павелъ» вышли изъ Авачинской губы. Передъ тѣмъ происходилъ совѣтъ, составленный изъ всѣхъ офицеровъ и астронома экспедиціи, Делиля Делакроера, о томъ направленіи, которое слѣдуетъ взять кораблямъ. Астрономъ поддерживалъ карту, данную Берингу и составленную астрономомъ Делилемъ, братомъ участвовавшаго въ экспедиціи, на которой, при совершенномъ отсутствіи береговъ на востокѣ противъ Камчатки, къ юго-востоку отъ нея, по параллели 45°—47°, обозначалась какая-то невѣдомая земля, будто бы видѣнная неизвѣстно когда какимъ-то невѣдомымъ мореплавателемъ Жуаномъ де-Гама. Инструкція, данная Берингу, указывала особенно на мнѣніе астронома экспедиціи Делакроера. Склоненные вопреки своимъ личнымъ убѣжденіямъ на слѣдованіе по этой картѣ, Берингъ и его офицеры, по офиціальному свидѣтельству «единогласно», а по частнымъ показаніямъ «не единодушно», рѣшили идти сперва къ юго-востоку, по румбу SO+O, до широты 46°, гдѣ означена была земля Жуана де-Гама, а оттуда, въ случаѣ неотысканія земли, слѣдовать на востокъ, склоняясь нѣсколько къ сѣверу. Срокомъ возвращенія въ Камчатку назначенъ былъ конецъ сентября. Естествоиспытатель Штеллеръ поѣхалъ съ Берингомъ, а астрономъ Делакроеръ съ Чириковымъ. Провизіи на каждомъ суднѣ было на пять съ половиною мѣсяцевъ, а воды по 100 бочекъ.

Съ самаго начала плаванія между Берингомъ и Чириковымъ возникли недоумѣнія, даже почти несогласія. Такъ около полудня 5-го іюня, капитанъ Чириковъ, бывшій миляхъ въ пяти подъ вѣтромъ у Беринга, замѣтивъ, что послѣдній держитъ курсъ южнѣе положеннаго, сигналомъ заявилъ желаніе переговорить съ нимъ. Чрезъ два часа Берингъ подошелъ къ Чирикову, который, сказавъ, что самъ онъ, будучи подъ вѣтромъ, не могъ подойти, предложилъ совѣтъ ближе держаться другъ къ другу, ибо «ежели такъ пойдемъ, какъ нынѣ были между собою въ разстояніи, то хотя малый туманъ найдетъ, то можемъ скоро разлучиться, и потомъ въ исканіи другъ друга упустить не мало времени», и чтобы далѣе, такъ какъ вѣтеръ способный и настоящее мѣсто на курсѣ, идти не уклоняясь отъ назначеннаго пути. Въ отвѣтъ на это, Берингъ потребовалъ сигналомъ присылки къ нему лейтенанта съ пакетбота «Св. Павелъ», но Чириковъ приказалъ сказать, чтобы доложили капитанъ-командору: «не изволитъ ли приказаніе ждать, ежели не такъ важно, черезъ трубу, понеже для посылки лейтенанта нужно спускать ялботъ, и въ томъ упустится нѣсколько времени». Съ флагманскаго судна на это отвѣчали: «ежели имѣется что предложить капитанъ-командору, то прислать лейтенанта, а не имѣется, то не надо». Чириковъ отвѣчалъ, что ничего не имѣетъ кромѣ сказаннаго, и затѣмъ оба судна пошли далѣе. Съ полудня 6-го іюня, Берингъ приказалъ Чирикову слѣдовать напередъ, какъ бы отдавая преимущество его опытности и бдительности. Послѣ полудня 12-го іюня, подъ широтою 46° 9′, въ 688 миляхъ по направленіи курса и въ $14^{1}/_{2}$° разности долготы отъ Авачинской губы, съ флагманскаго судна объявили въ рупоръ, что «наступаетъ время, по опредѣленіи капитанъ-командора и прочихъ экспедичныхъ офицеровъ и астрономіи профессора Делиль Делакроера, перемѣнить намъ свой курсъ и держать по правому компасу на румбъ O+N». Чириковъ и его офицеры согласились на это предложеніе и потому въ третьемъ часу пополудни пошли по означенному курсу. 18-го іюня они находились подъ широтою $49^{1}/_{2}$°. Утромъ 20-го августа Чириковъ ушелъ впередъ и видѣлъ Беринга уже къ сѣверу въ десяти миляхъ, но Берингъ не видѣлъ Чирикова и, считая себя на вѣтрѣ его, направился къ сѣверозападу. Такъ они разлучились и, потерявъ другъ друга, болѣе не встрѣчались.

Берингъ, проискавъ своего товарища двое сутокъ, направился безъ видимой нужды къ опредѣленной параллели 46° и даже южнѣе (до 45° 16′), отъ котораго мѣста уже сталъ держать къ O+N. Долго не видя земли, онъ понемногу придерживается къ сѣверу, то на ONO,

то на NO+O, то на N+O. Кружа такимъ образомъ, Берингъ теряетъ время, возбуждаетъ сомнѣнія въ подчиненныхъ, самъ находится въ безпрерывной тревогѣ и 16-го іюля, наконецъ, видитъ землю, а 20-го пристаетъ къ берегу, подъ $59^1/_2{}^0$ широты 145^0 западной долготы. Это былъ островъ Каякъ, противъ устья рѣки Мѣдной, близъ материка Америки, названный Берингомъ островомъ св. Иліи. Этимъ именемъ названа была потомъ гора, увидѣнная Берингомъ 16-го іюля и имѣющая 17,850 футовъ вышины. Всѣ обрадовались открытію, кромѣ самого Беринга, который, разсматривая берегъ, пожималъ плечами и потомъ въ каютѣ сказалъ Штеллеру: «Мы теперь воображаемъ, что все открыли, и строимъ воздушные замки, а никто не думаетъ о томъ: гдѣ мы нашли этотъ берегъ? какъ еще далеко намъ до дому? что еще можетъ съ нами случиться? Почему знать, не будемъ ли мы задержаны здѣсь пассатными вѣтрами? А берегъ намъ незнакомый, пустой, провіанта на прозимовку не хватитъ!» Эти слова характеризовали нерѣшительный характеръ Беринга, хотя новое открытіе, дѣлавшее ему великую честь, должно было воодушевить его на продолженіе дальнѣйшихъ розысканій, тѣмъ болѣе, что материкъ виднѣлся миляхъ въ восьми на сѣверѣ, гористый, съ вершинами, покрытыми снѣгомъ. Но Берингъ думалъ иначе и рано утромъ, 21-го іюля, выйдя на палубу, приказалъ сниматься съ якоря, несмотря на замѣчаніе офицеровъ, что около 50 бочекъ не налиты водою,—обстоятельство имѣвшее позже гибельныя послѣдствія.

Продолжая свое плаваніе въ виду береговъ, при пасмурной погодѣ и дождѣ, 26-го іюля увидѣли высокую землю, вѣроятно островъ Кадьякъ, принятую за продолженіе оставленнаго материка. 31-го іюля, когда прояснѣло, опредѣлили широту въ $54^0\ 49'$ (по другимъ даннымъ— въ $55^0\ 3'$), пошли къ сѣверо-западу и въ ночь на 2-е августа, среди глубокаго тумана, наткнулись на землю, у которой стали на якорь. Этотъ островъ былъ названъ островомъ Архидіакона Стефана, нынѣ извѣстный подъ именемъ Укамокъ, прозванный Ванкуверомъ «Чириковымъ». На другой день Берингъ открылъ группу изъ пяти небольшихъ каменныхъ острововъ, названныхъ имъ Евдокіевскими. Мореплаватели видѣли тутъ плавающихъ бобровъ, котовъ, сивучей. Убѣдившись въ продолженіи материка до настоящаго мѣста, Берингъ направился къ югу, прекративъ свои разслѣдованія къ западу. Но съ 7-го августа началъ устанавливаться роковой юго-западный вѣтеръ, постепенно свѣжѣвшій и измѣнявшійся въ западный и сѣверо-западный. 10-го числа, на параллели 53^0, въ долготѣ оставленныхъ острововъ, рѣшено было, принимая во вниманіе, что въ командѣ уже 26 больныхъ цынгою, оставить намѣреніе обзора найденнаго американскаго берега, слѣдовать по настоящей параллели, на которой лежитъ Петропавловская гавань, на западъ, къ Камчаткѣ. Но вѣтеръ установился отъ запада, прямо въ лобъ, такъ что до 27 августа едва подвинулись на 8^0 или 9^0 долготы въ широтѣ $53^1/_2{}^0$. Воды оставалось только 25 бочекъ. Для отысканія берега, чтобы налиться тамъ водою, рѣшено было на совѣтѣ подняться къ сѣверу, и 30-го августа увидѣли множество острововъ и за ними вдали материкъ. По имени скончавшагося и похороненнаго тутъ матроса Шумагина, перваго умершаго на этомъ несчастномъ суднѣ, группа острововъ названа была Шумагинскою. Берингъ самъ былъ уже сильно нездоровъ и не выходилъ изъ каюты. Здѣсь пакетботъ «Св. Петръ» простоялъ изъ-за противнаго вѣтра шесть дней. Воды набрали 52 бочки, но, по словамъ Штеллера, очень дурной—изъ первой попавшейся лужи, хотя нѣсколько далѣе была чистая, хорошая вода. Пакетботъ «Св. Петръ» снялся съ якоря 6-го сентября и до 24-го сентября подвигался впередъ крайне медленно. Въ этотъ день наши мореплаватели увидѣли къ сѣверу нѣсколько острововъ, а за ними—высокую гору, покрытую снѣгомъ, которую они назвали горою св. Іоанна. Видѣнные ими острова были Алеутскіе, расположенные около острова Атха. Въ это время наступили сильные штормы, какихъ не испытывали даже самые старые мореплаватели, бывшіе съ Берингомъ: именно, въ продолженіе семнадцати дней, съ 25-го сентября по 11-е октября, почти постоянно оставаясь подъ малыми нижними парусами, пакетботъ былъ отнесенъ къ востоку на пять градусовъ, къ широтѣ 48^0. Погода стояла пасмурная,

холодная, часто съ проливными дождями и градомъ; волны переливались черезъ палубу, ванты начали лопаться; команда была изнурена и обезсилена,—больныхъ было до двадцати человѣкъ, т. е. около трети всей команды. Многіе стали настаивать о необходимости возвращенія уже не въ Камчатку, а въ Америку.

Когда, наконецъ, 11-го октября погода стихла и можно было опредѣлить мѣстонахожденіе пакетбота, то оно оказалось подъ 48°15′ широты въ 27° долготы отъ Авачинской губы. Къ 22-му октября Берингъ подвинулся на 10° долготы подъ широтою около 49°. Воды оставалось всего 15 бочекъ, отчасти поврежденныхъ. На общемъ совѣтѣ всѣхъ офицеровъ и унтеръ-офицеровъ рѣшено было измѣнить вновь курсъ и слѣдовать къ сѣверу, къ предполагавшемуся тамъ американскому материку. Но такъ какъ вѣтеръ былъ противный сѣверо-западный, то, продержавшись въ назначенномъ направленіи только шесть часовъ, вновь поворотили на юго-западъ. Съ утра 23-го октября подулъ свѣжій юго-восточный вѣтеръ, такъ что путники могли вновь направиться на западъ и шли по 5 и даже по 7½ миль въ часъ, но 24-го числа вѣтеръ перешелъ къ сѣверу, сѣверо-западу и юго-западу и закрѣпчалъ при большомъ снѣгѣ. 25-го октября мореплаватели увидѣли на сѣверѣ островъ, названный ими св. Маркіаномъ (нынѣ Амчитка), 28-го въ широтѣ 52°—другой островъ, св. Стефана (нынѣ Каска), 29-го—островъ св. Авраамія (нынѣ Семичъ). Понуждаемые юго-западнымъ вѣтромъ держать болѣе къ сѣверу, спутники Беринга въ широтѣ около 54° получили, 1-го ноября, восточный вѣтеръ и, направясь съ нимъ къ западу, увидѣли, 4-го ноября, высокую землю. Счисленіе на суднѣ было уже потеряно, или, по крайней мѣрѣ, значительно разнилось; судно находилось почти безъ управленія, потому что командиръ его былъ боленъ и давно уже не выходилъ изъ каюты, а офицеры ссорились между собою и также съ трудомъ перемогались. Команда была изнурена, заражена цынгою, такъ что каждый день кто-нибудь умиралъ, иногда же по двое въ день. Все вооруженіе пакетбота ослабѣло, паруса обветшали. Воды оставалось очень мало; сухари и вино вышли. Всѣмъ экипажемъ овладѣли сомнѣніе, безнадежность, въ виду почти неизбѣжно предстоящей гибели.

«Невозможно описать,—сообщаетъ Штеллеръ въ своемъ описаніи этого плаванія,—какъ велика была радость всѣхъ насъ, когда увидѣли этотъ берегъ! Умирающіе выползли на верхъ, чтобы увидѣть его собственными глазами, и каждый сердечно благодарилъ Бога за Его великую милость къ намъ. Даже больной капитанъ-командоръ вышелъ на верхъ. Всѣ освѣдомлялись другъ у друга о здоровьѣ; всѣ изъявили надежду на отдыхъ и успокоеніе. Нашли гдѣ-то запрятанный боченокъ съ водкою, которою еще болѣе усилили общую радость... Открывавшаяся земля казалась путникамъ Камчаткою».

Въ этомъ пришлось, однако, разочароваться. Никто не зналъ о настоящемъ мѣстонахожденіи. Одни утверждали, что находятся въ 40 миляхъ отъ Авачинской губы, другіе—что на 2½° разности долготы; но всѣ были убѣждены, что если видѣнный берегъ не Авача, то Камчатка, между мысами Шипунскимъ и Кроноцкимъ, т. е. сѣвернѣе Авачи. Между тѣмъ, ночью подулъ жестокій вѣтеръ отъ сѣверо-востока, окончательно перебившій ванты, такъ что мачты не могли уже держать парусовъ. На совѣтѣ въ каютѣ Беринга, въ которомъ участвовали даже нижніе чины, словомъ всѣ, кто могъ еще добраться до каюты, рѣшено было «для спасенія себя» идти немедленно къ берегу, есть ли у него пристань для судна или нѣтъ. По словамъ Штеллера, Берингъ не соглашался на такое гибельное рѣшеніе и полагалъ возможнымъ отыскать гавань. Его поддерживалъ въ этомъ матросъ Овцынъ (разжалованный изъ лейтенантовъ въ 1738 году, за дурное обхожденіе съ находившимся въ ссылкѣ въ Березовѣ княземъ Иваномъ Ал. Долгоруковымъ, дѣлавшій тогда опись берега Сибири между Обью и Енисеемъ), но мнѣніе офицеровъ Ваксели и Хитрово одержало перевѣсъ. При тихомъ попутномъ вѣтрѣ, мореплаватели, въ пятомъ часу пополудни, бросили якорь у совершенно открытаго каменистаго берега, въ разстояніи отъ него около версты, на глубинѣ 12 саженъ. Но перепрѣлый канатъ

не могъ удержать пакетбота и лопнулъ, буруны подхватили корабль и, поднимая и ударяя его о грунтъ, быстро понесли къ берегу. Бросили другой якорь, но его немедленно сорвало, и въ то-же время буруны перенесли судно черезъ гряду камней столь необыкновенно счастливо, что пакетботъ очутился на совершенно спокойной водѣ, между грядою камней и берегомъ, въ полуверстѣ отъ него. Тихая, лунная ночь съ 6-го на 7-е ноября завершила четырехъ-мѣсячное бурное плаваніе Беринга.

Утромъ съ большими усиліями спустили оставшееся еще одно гребное судно, и всѣ, кто былъ поздоровѣе, съѣхали на берегъ. Они увидали голыя, каменныя скалы, а вдали—высокія горы, покрытыя снѣгомъ; лѣсу нигдѣ не было, признаковъ жителей не было никакихъ. Песцы ходили во множествѣ и вовсе не боялись человѣка, такъ какъ, повидимому, впервые только его видѣли. Морскіе бобры также не опасались человѣка, равно какъ невиданныя до того нашими мореплавателями морскія коровы, нынѣ совершенно истребленныя животныя. Къ великой радости высадившихся моряковъ, они нашли вблизи ручей свѣжей воды и разбросанный по берегу выкидной лѣсъ. Они стали вырывать въ пескѣ ямы, прикрывая ихъ парусами и создавая тамъ помѣщенія для больныхъ, которыхъ стали постепенно перевозить съ пакетбота. Во время плаванія, преимущественно въ послѣдніе дни, скончалось на караблѣ двѣнадцать человѣкъ. Изъ оставшихся больныхъ, многіе умирали, какъ только ихъ выносили изъ трюма на свѣжій воздухъ,—что часто случается съ цынготными,—другіе умирали при перевозкѣ и на берегу. Такимъ образомъ, скончалось еще девять человѣкъ. 9-го ноября перевезли Беринга, тщательно закутаннаго, для предохраненія его отъ вліянія внѣшняго воздуха и перенесли въ приготовленную для него яму, изъ которой ему уже болѣе не пришлось выходить. Послѣднимъ свезенъ былъ, 21-го ноября, лейтенантъ Ваксель, также уже сильно больной. Судно оставалось безъ команды, на плохомъ якорѣ, подлѣ каменистаго берега, съ находившимися на немъ запасами. Поставить на отмель не доставало силъ, а между тѣмъ буря могла или унести его въ море, или окончательно разрушить на рифѣ. По счастію, новая буря 28-го ноября выкинула пакетботъ на ту самую отмель, на которую хотѣли его поставить.

Берингъ лежалъ въ ямѣ, полузасыпанной пескомъ, который обваливался отъ стѣнъ. Подчиненные нѣсколько разъ предлагали ему откопать его, но онъ запрещалъ, говоря, что ему теплѣе подъ пескомъ. Онъ былъ убѣжденъ, что берегъ, на который выкинуло пакетботъ, не Камчатка, но скрывалъ свое убѣжденіе и всѣми силами обнадеживалъ своихъ товарищей по несчастію и поддерживалъ въ нихъ бодрость духа. Онъ съ христіанскимъ терпѣніемъ переносилъ свои страданія и скончался 8-го декабря 1741 года. Норденшельдъ въ 1879 году посѣтилъ островъ Берингъ. Могила Беринга находится на восточной сторонѣ острова, въ десяти верстахъ къ сѣверо-западу отъ мыса Хитрово. Въ 1867 году ему воздвигли памятникъ въ Петропавловскѣ.

Изъ всей команды въ 77 человѣкъ, отправившихся въ путешествіе съ Берингомъ, въ живыхъ осталось только 46 человѣкъ, которые очень медленно поправлялись въ своемъ здоровьѣ, а нѣкоторые окончательно выздоровѣли только весною. Только въ апрѣлѣ 1742 года они убѣдились, что находятся не на берегу Камчатки, а на островѣ, потому что всѣ поиски зимою оказывались безъ результата. Во все пребываніе свое на островѣ, въ продолженіе девяти мѣсяцевъ, мореплаватели жили въ вырытыхъ ямахъ, покрытыхъ парусами. Провіанта оставалось не много, а потому его употребляли весьма умѣренно и питались болѣе добываемыми животными: бобрами, морскими котами, моржами, тюленями, китами (два были выброшены на берегъ) и морскими коровами, появившимися весною и доставлявшими очень вкусное мясо. Песцы осаждали ихъ жилища, не давали имъ покоя, слѣдовали по пятамъ и съѣдали все съѣстное, что только было не припрятно или не было достаточно крѣпко заперто.

Съ наступленіемъ весны, послѣ продолжительнаго совѣщанія о разныхъ способахъ достиженія съ острова берега Камчатки, рѣшено было разломоть пакетботъ (многіе сомнѣвались въ

возможности безъ позволенія разрушить казенное судно) и изъ его остатковъ построить новое судно. Въ началѣ августа судно «Св. Петръ», длиною въ 36 футовъ по килю и шириною 12 фут., было спущено на воду и 13-го августа вышло въ море. По предложенію лейтенанта Хитрово, оставленному острову дано было названіе «Берингова». 26-го августа 1742 г. вся команда прибыла въ Авачинскую губу. Въ Камчаткѣ ихъ считали уже погибшими. Въ соборѣ Петропавловска хранится икона Св. Апостоловъ Петра и Павла, обложенная серебряною ризою съ надписью: «сей святый образъ обложеніемъ украсился тщаніемъ и по обѣщанію флота лейтенанта Дмитрія Овцына и всѣхъ служителей, спасшихся съ пустого острова и достигшихъ камчатскаго берега въ 1742 г. августа мѣсяца».

Плаваніе Чирикова, со времени разлученія его съ Берингомъ, было также трудное, бѣдственное; но въ этомъ испытаніи Чириковъ выказалъ себя опытнымъ морскимъ офицеромъ и тѣмъ спасъ и свою команду, и свой корабль. Разлученный со своимъ товарищемъ, Чириковъ, подобно Берингу, пролежалъ цѣлыя сутки въ дрейфѣ. Онъ считалъ Беринга отъ себя на сѣверѣ, но, имѣя на другой день прямо-противный сѣверо-сѣверо-восточный вѣтеръ, онъ легъ на правый галсъ къ юго-востоку, или въ другую сторону отъ Беринга. Утромъ 23 іюня, послѣ совѣщанія со своими офицерами, Чириковъ рѣшился прекратить дальнѣйшіе поиски и взять настоящій курсъ не къ параллели 46°, какъ то сдѣлалъ Берингъ, а прямо на востокъ, какимъ курсомъ слѣдовали передъ разлученіемъ. Чириковъ неуклонно держалъ курсъ по одному направленію, немного спускаясь и поднимаясь, и быстро переходилъ долготы, но медленно измѣнялъ направленіе параллели. Съ 11-го іюля уже стали показываться признаки земли— плавающія деревья, тюлени, береговыя утки, а въ третьемъ часу ночи на 15-ое іюля, подъ 55°21′ широты и 61°55′ долготы, Чириковъ увидѣлъ впереди «высокія горы и лѣсъ», признанные «подлинною Америкою», слѣдовательно полутора сутками ранѣе Беринга. Это былъ мысъ, между мысами Аддингтона и Варѳоломея, называвшійся на старинныхъ картахъ мысомъ Чирикова. Не находя пристанища у берега, Чириковъ пошелъ вдоль него. Передъ нимъ то скрывались, то открывались вновь, на востокѣ и сѣверѣ, въ разстояніи трехъ и пяти миль, высокіе, гористые берега, поросшіе лѣсомъ. Послѣ полудня 17-го іюля въ широтѣ 57°50′, Чириковъ увидалъ заливъ и для осмотра послалъ штурмана Абрама Михайловича Дементьева на ботѣ съ десятью вооруженными людьми. Они не возвратились. Чириковъ прождалъ ихъ въ этомъ мѣстѣ цѣлую недѣлю. Около полудня 23-го іюля съ пакетбота «Св. Павелъ» замѣтили огонь на берегу, на томъ самомъ мѣстѣ, куда присталъ ботъ, а потому, по общему совѣщанію, рѣшено было послать туда на маленькой шлюпкѣ боцмана Савельева съ тремя людьми и съ провизіею. Съ пакетбота видѣли, какъ посланные пристали къ берегу, но условленнаго сигнала не подали и на судно не возвратились. Чириковъ держался до того близко къ берегу, что иногда буруны захватывали его пакетботъ, но не находилъ тамъ для себя пристанища, а потому, убѣдившись въ гибели посланныхъ на берегъ, ушелъ въ море. Погибшій на берегу Дементьевъ былъ молодой, прекрасный человѣкъ, хорошей фамиліи, знавшій отлично свое дѣло.

Потеря двухъ гребныхъ судовъ, болѣе которыхъ не было на пакетботѣ, лишила Чирикова возможности заниматься подробнымъ обозрѣніемъ береговъ и запасаться водою, которой оставалось всего 45 бочекъ. Поэтому, 26-го іюля по общему совѣту, рѣшено было возвратиться въ Камчатку. Пакетботъ «Св. Павелъ» находился въ широтѣ 58°21′, въ удаленіи отъ меридіана перваго открытія на 5° къ западу. Чириковъ приказалъ давать экипажу воду умѣренно и собирать дождевую. 2-го августа онъ увидѣлъ на западѣ тотъ же самый берегъ, продолженіе оставленнаго американскаго, который открытъ былъ Берингомъ десятью днями прежде. Вѣтеръ дулъ, также какъ и у Беринга, западный, сначала тихій, а потомъ по большей части свѣжій, переходившій иногда въ штромъ. Чириковъ продолжалъ плаваніе по способности вѣтра. 6-го сентября онъ получилъ попутный свѣжій вѣтеръ и вечеромъ 8-го числа, находясь въ широтѣ $51\frac{1}{2}$°, среди непроницаемаго тумана, очутился въ тѣсной бухтѣ, шириною не болѣе

версты, у высокаго, утесистаго берега, поросшаго густою травою, совершенно безлѣснаго. Вѣроятно, это былъ островъ Адагъ, принадлежащій къ Андреяновской группѣ. Къ нимъ подъѣзжали алеуты на семи и на четырнадцати байдаркахъ, но на палубу судна взойти не соглашались. Вечеромъ 9-го сентября Чириковъ вышелъ изъ бухты.

Дачу воды сокращали на кораблѣ болѣе и болѣе. Съ 21-го августа опредѣлили варить обыкновенныя двѣ каши только черезъ два дня, а въ прочіе дни по одной кашѣ; воду для питья давали мѣрою, но взамѣнъ того была назначена лишняя чарка водки. Потомъ стали варить только одну кашу, причемъ команда въ остальное время питалась сухарями и масломъ; иногда солонину отваривали въ соленой водѣ. Съ 14-го сентября стали варить кашу по одному разу въ недѣлю и въ день давать по 5 чарокъ воды, но, сверхъ установленной по регламенту чарки водки, давались еще двѣ. Порядокъ и экономія соблюдались строго, но команда была все-таки изнурена трудами, лишеніями, холодомъ, сыростью; между людьми открылась цынга. Уже 16-го сентября Чириковъ, лейтенантъ Чихачевъ и почти всѣ матросы были очень больны, но не переставали трудиться. Съ 21-го сентября Чириковъ уже не могъ выходить изъ каюты на палубу, лейтенантъ Плаутингъ тоже заболѣлъ, а потому судномъ почти «несходно» управлялъ одинъ штурманъ Елагинъ, также «весьма больной». 6-го октября скончался Чихачевъ, а 8-го—Плаутингъ. Паруса рвались, а ванты лопались; воды оставалось очень мало; управлять судномъ было почти некому, хотя Чириковъ, лежа въ каютѣ, продолжалъ отдавать приказанія. Но счисленіе на пакетботѣ «Св. Павелъ» велось исправно. Такъ 7-го октября, по исчисленію, Чириковъ миновалъ меридіанъ Авачинской губы и, слѣдуя довольно быстро съ боковыми вѣтрами, былъ уже въ долготѣ 11° къ западу отъ искомаго порта, но точно на широтѣ его. Наконецъ утромъ 8-го октября Чириковъ увидѣлъ Авачу и вошелъ въ ея гавань вечеромъ 9-го числа. Утромъ 10-го числа скончался астрономъ Делиль-Делакроеръ, только-что приготовившійся съѣхать на берегъ. Въ полдень съѣхалъ на берегъ въ болѣзненномъ состояніи Чириковъ.

Такимъ образомъ,—открывъ американскій берегъ полутора сутками ранѣе Беринга, въ долготѣ одиннадцатью градусами далѣе, осмотрѣвъ его на протяженіи трехъ градусовъ къ сѣверу и оставя его пятью днями позже,—Чириковъ возвратился въ Камчатку мѣсяцемъ ранѣе Беринга и притомъ на восемь градусовъ западнѣе пристанища Беринга. На пути своемъ Чириковъ открылъ тѣ-же Алеутскіе острова, какъ и Берингъ, и во все время своего четырехмѣсячнаго плаванія не убиралъ парусовъ, не наливался водою и претерпѣвалъ одинаковыя бури и лишенія. У Чирикова умерло, впрочемъ, болѣе офицеровъ, чѣмъ нижнихъ чиновъ.

Не оправившись вполнѣ отъ болѣзни, располагая только однимъ офицеромъ, штурманомъ Елагинымъ, съ уменьшенною и ослабленною командою, имѣя судно съ сильно попорченнымъ вооруженіемъ,—Чириковъ рѣшился въ 1742 году предпринять вторичное плаваніе къ Америкѣ для точнаго изслѣдованія виденной имъ въ 1741 году земли, но не для отысканія Беринга, потому что онъ не зналъ, гдѣ его искать. Чириковъ вышелъ изъ Авачинской губы 25-го мая и направился прямо къ востоку. 8-го іюня онъ увидѣлъ островъ, названный имъ «Св. Ѳеодоромъ (нынѣ Атту). Противные вѣтры и густые туманы не допустили его произвесть дальнѣйшія разслѣдованія. Южный вѣтеръ отнесъ его съ широты 52° до $54^1/_2$°, а потому 16-го іюня, согласно рѣшенію общаго совѣта, онъ направился обратно въ Камчатку. На этомъ пути онъ увидѣлъ тотъ самый островъ, на которомъ бѣдствовали тогда спутники несчастнаго Беринга, обошелъ его очень близко съ южной стороны и назвалъ его островомъ «Св. Іуліана». 1-го іюля Чириковъ прибылъ въ Петропавловскую гавань.

За экспедиціею Беринга начались ежегодныя снаряженія судовъ съ промышленными цѣлями, которыя избороздили Берингово море по разнымъ направленіямъ, преимущественно отъ Камчатки къ Алеутскимъ островамъ. Этими путешествіями руководила исключительно цѣль наживы. Надобно только удивляться, какъ плохо построенныя суда, управляемыя по большей

Алеутскіе острова.

части мореходами-самоучками, ходившими на-удачу, возвращались обратно невредимыми. Въ Охотскѣ и Камчаткѣ начали строить суда для частныхъ экспедицій съ большою поспѣшностью, но такъ какъ о корабельной архитектурѣ имѣли тамъ очень слабыя понятія, то и спускались на воду разныя суда, шерботы, боты, которыя не имѣли желѣзныхъ связей и были такъ слабо укрѣплены, что съ трудомъ выдерживали даже небольшія бури. Суда эти строились изъ сырого, только-что срубленнаго лѣса, снасти, канаты, словомъ весь такелажъ—выписывались изъ Якутска, откуда, по затруднительности дороги, канаты перевозились развитыми и въ Охотскѣ снова свивались. Мука, масло и остальная провизія закупались въ Киренскѣ и Якутскѣ по высокимъ цѣнамъ. Якори привозили въ Охотскъ разбитыми на части, и онѣ сваривались тамъ вновь. По словамъ Миллера, въ 1746 году пудъ желѣза, по доставкѣ его въ Охотскъ, стоилъ тамъ 20 руб., пенька 15 р., парусина 25 к. аршинъ, прядево 40 руб. пудъ. По свидѣтельству Александра Андреевича Баранова, всѣ прежніе хозяева мореходныхъ судовъ старались устроить ихъ гораздо выше въ томъ разсчетѣ, что они въ состояніи будутъ свободнѣе вмѣщать въ себѣ грузъ и команду. Бо́льшая часть судовъ, плававшихъ къ Америкѣ, вооружались на манеръ галіотовъ, причемъ старались, чтобы мачты были, сколько возможно, толще и ниже, а паруса изъ экономіи кроили какъ возможно уже. Рули были удивительнаго устройства, а именно лопасть его была длиною по крайней мѣрѣ сажени въ полторы. Замѣтивъ, при входѣ въ море, что ходъ такого судна очень малъ, мореплаватели-самоучки дѣлали частыя прибавки къ длинѣ руля, полагая увеличить тѣмъ быстроту хода. Когда подобные мореплаватели встрѣчались при какомъ-нибудь островѣ, то, послѣ обмѣна привѣтствіями, прежде всего спрашивали: «сколько разъ наращивали у васъ руль?»

Послѣднее судно изъ частныхъ промысловыхъ компаній, принадлежавшее иркутскому купцу Киселеву, именно «Зосима и Савватій», было отправлено въ море въ 1798 году. Со времени экспедиціи Беринга и Чирикова прошло 56 лѣтъ, слѣдовательно практика могла бы создать мало-мальски сносныхъ мореплавателей, а между тѣмъ вотъ что сообщалъ о плаваніи этого судна одинъ находившійся на немъ промышленникъ: «При отправленіи судна нашего изъ Охотска встрѣтилось большое затрудненіе въ отысканіи морехода (штурмана). Изъ старовояжныхъ промышленниковъ, которые до того управляли судами, не оказалось тамъ въ то время никого, казенные штурмана были всѣ въ отлучкѣ, а потому необходимость заставила насъ прибѣгнуть къ старому боцману, сосланному на поселеніе. Хотя мы скоро убѣдились, что мореходъ нашъ не зналъ науки кораблевожденія, но какъ онъ хорошо управлялъ парусами и первое плаваніе по Охотскому морю сопровождалось попутными вѣтрами, то мы и прошли благополучно по второму Курильскому проливу и затѣмъ вдоль берега Камчатки прибыли на Мѣдный островъ, гдѣ прожили три года, имѣя очень счастливые промысла. Когда мы пожелали отправиться на дальніе острова, то потребовали относительно курса совѣта у нашего морехода. Оказалось, что онъ ничего не знаетъ. Рѣшено было наконецъ плыть нѣсколько сутокъ на сѣверо-востокъ и затѣмъ спуститься прямо на полдень, потому что старовояжные говорили, что «такъ какъ Алеутскіе острова составляютъ цѣпь, то, шедши на югъ, должны мы непремѣнно попасть на какой-нибудь островъ». Восемь дней находились мы въ пути, но не видали нигдѣ земли. Поднялся ропотъ. Старовояжные говорили, что «Алеутскіе острова такъ сомкнуты между собою, что нельзя ихъ иначе миновать, какъ развѣ перескочить». Боцманъ утѣшалъ тѣмъ, что такъ какъ онъ не умѣетъ вести счисленія, то вѣроятно прошелъ далѣе къ сѣверу, чѣмъ сколько слѣдовало. Между тѣмъ былъ октябрь мѣсяцъ—и вмѣсто холода чувствовался теплый воздухъ, а чрезъ нѣсколько дней, въ ноябрѣ, теплота дошла до того, что стала растапливаться смола, которою было обмазано судно «Зосима и Савватій». Пока мы въ теченіе полусутокъ заняты были спорами и размышленіями, вдругъ увидѣли передъ собою островъ, а около судна множество котиковъ. Вмѣсто того, чтобы заняться симъ новымъ для насъ предметомъ и употребить въ пользу открытіе сіе, рѣшено было совѣтомъ нашихъ му-

дрецовъ не касаться до острова и звѣрей, яко нечистаго привидѣнія, а вынести на палубу образъ Пресвятыя Богоматери, отслужить новой молебенъ и послѣ направить путь свой туда, куда вѣтеръ подуетъ. По окончаніи обряда сего, Провидѣніе, умудряющее слѣпцовъ, произвело крѣпкій южный вѣтеръ, и великіе мореплаватели наши рѣшились идти на сѣверъ.» Послѣ 12-дневнаго плаванія на сѣверъ, по словамъ промышленника, они пристали къ острову Афогнаку. Барановъ далъ этому судну штурмана, который отвелъ его къ Уналашкѣ, откуда оно возвратилось въ Охотскъ въ 1803 году.

Изъ журналовъ подобныхъ мореплавателей видно, что суда ихъ при умѣренныхъ попутныхъ вѣтрахъ шли въ часъ 2 и $2^1/_2$ узла, а при свѣжихъ—3 и 4. Даже искуснѣйшіе штурмана того времени, Заиковъ, Очерединъ, Прибыловъ, Измайловъ, Бочаровъ, Полутовъ—въ рѣдкія сутки ходили болѣе 3 узловъ, по большей части $1^1/_2$ и $4^3/_4$ узла,—до того плохи были суда, которыми они командовали. Несмотря, однако, на всѣ эти недостатки, купцы-промышленники овладѣли Алеутскими островами и сѣверо-западнымъ берегомъ Америки. Эти экспедиціи открыли сѣверо-западный берегъ материка Америки около 58°50′ широты, Алеутскіе острова и бо́льшую часть Курильскихъ острововъ. Команда Чирикова привезла съ собою 900 шкуръ морскихъ бобровъ, сверхъ другихъ драгоцѣнныхъ мѣховъ. Штеллеръ привезъ съ собою 600 морскихъ бобровъ. Молва о богатствахъ мѣховъ во вновь открытыхъ мѣстахъ возбудила предпріимчивость въ сибирскихъ купцахъ. Первыя суда для промысла мѣховъ во вновь открытыхъ мѣстностяхъ были снаряжены въ 1743 году, но затѣмъ, въ продолженіе шестидесяти лѣтъ, болѣе сорока различныхъ компаній и частныхъ лицъ отправляли свои суда для промысловъ мѣховъ на островахъ въ сѣверной части Великаго океана. Первымъ изъ отправившихся за промысломъ считаютъ сержанта нижне-камчатской команды, Емельяна Басова, который ѣздилъ въ 1743, 1745, 1747 и 1749 годахъ на своемъ собственномъ суднѣ на острова Беринговъ и Мѣдный. Въ 1745 году Неводчиковъ, служившій матросомъ въ экспедиціи Беринга, вышелъ въ море командиромъ судна, принадлежавшаго купцу Чупрову и компаніи, и открылъ острова Атту и Агату, получившіе названіе Ближнихъ, равно и сосѣдніе съ ними малые островки. Въ 1749 году судно купца Трапезникова было на островахъ, принадлежащихъ къ группѣ Андреяновскихъ. Въ 1759 году промышленникъ Глотовъ достигъ до острова Умнака, послѣ чего была открыта вся группа острововъ до полуострова Аляски, названныхъ Лисьими. Глотовъ пробылъ на Умнакѣ болѣе двухъ лѣтъ и возвратился съ богатымъ грузомъ лисьихъ мѣховъ. Глотовъ ранѣе другихъ доставилъ правительству довольно обстоятельную, по тогдашнему времени, карту тѣхъ мѣстъ, на которой были обозначены отъ острова Уналашки къ востоку восемь большихъ острововъ. Въ 1763 г. Глотовъ былъ также на островѣ Кадьякѣ. Въ 1760 году купецъ Андріанъ Толстыхъ, прибывъ на островъ Адагъ, прожилъ тамъ три года, въ продолженіе которыхъ привелъ въ русское подданство какъ жителей этого острова, такъ и прочихъ пяти, смежныхъ съ нимъ острововъ — Атха, Амля, Ситхина и др., которые получили названіе, по его имени, Андреяновскихъ. Императрица Екатерина, подтверждая, указомъ 2 марта 1766 года, привилегіи, данныя промышленникамъ на Великомъ океанѣ, и принимая подданство жителей этихъ шести Алеутскихъ острововъ, прописала собственноручно на означенномъ указѣ: «Промышленнымъ подтвердите, чтобы они ласково и безъ малѣйшаго притѣсненія и обмана обходились съ новыми ихъ собратьями, тѣхъ острововъ жителями». Въ 1761 году судно купца Бечевина прибыло къ полуострову Аляскѣ и зимовало тамъ.

Для болѣе точнаго изслѣдованія вновь пріобрѣтенныхъ на Великомъ океанѣ земель были отправлены правительствомъ капитаны флота Креницынъ и Левашовъ, которые въ 1768 году вышли изъ Охотска къ Алеутскимъ островамъ, на казенныхъ галіотахъ. Креницынъ зимовалъ на островѣ Унишакѣ, а Левашовъ на Уналашкѣ, но экспедиція ихъ не принесла пользы, потому что вооруженныя столкновенія ея съ туземцами возстановили послѣднихъ надолго противъ русскихъ. Несмотря на неуспѣшность дѣйствій правительственной экспедиціи, частные

мореходы, открывавшіе новыя земли, поощрялись со стороны правительства медалями, наградами, разными льготами, но ихъ усилія были только отдѣльными попытками, безъ всякаго плана и системы. Только съ 1783 года, съ перваго плаванія Шелехова къ Алеутскимъ островамъ и къ берегу Америки, положеніе русскихъ промысловъ въ этой мѣстности измѣнилось существеннымъ образомъ и приняло широкіе размѣры.

Почетный гражданинъ города Рыльска, Григорій Ивановичъ Шелеховъ прибылъ въ Сибирь вмѣстѣ съ курскимъ купцомъ Иваномъ Ларіоновичемъ Голиковымъ, дѣлами котораго онъ завѣдывалъ одно время. Шелеховъ уговорилъ какъ этого Голикова, такъ и капитана Михаила Сергѣевича Голикова составить особую компанію съ капиталомъ въ 70,000 руб., срокомъ на десять лѣтъ, для отправленія, подъ личнымъ начальствомъ Шелехова, двухъ или трехъ судовъ «на аляскинскую землю, называемую американскою, на знаемые и незнаемые острова для производства пушного промысла и всякихъ поисковъ, и заведенія добровольнаго торга съ туземцами». Экспедиція Шелехова вышла изъ Охотска 16-го августа 1783 года въ составѣ трехъ галіотовъ, именно: «Три Святителя», «Архистратигъ Михаилъ» и «Симеонъ Богопріимецъ и Анна Пророчица». На первомъ галіотѣ находился Шелеховъ со своею женою, рѣшившеюся сопровождать его въ этомъ путешествіи. Послѣ зимовки на островѣ Беринговѣ, Шелеховъ посѣтилъ Уналашку и 3-го августа 1784 года прибылъ въ гавань на островѣ Кадьякѣ, которую назвали Трехсвятительскою. Жители острова, именовавшіе себя коничами, встрѣтили ихъ крайне враждебно, но Шелеховъ нанесъ имъ такое сильное пораженіе, что они принуждены были признать за нимъ превосходство надъ собою. Поселившись затѣмъ на Кадьякѣ, Шелеховъ, умнымъ и ласковымъ обращеніемъ съ жителями, успѣлъ привлечь ихъ на свою сторону и даже сорокъ человѣкъ обратилъ въ христіанство. Съ тѣмъ вмѣстѣ онъ занялъ островъ Афогнакъ, гдѣ, равно какъ и въ Кенайскомъ заливѣ, заложилъ небольшія укрѣпленія. Дѣйствія Шелехова были такъ успѣшны, что въ 1786 году, какъ въ гавань, такъ и во всѣ артели, устроенныя имъ въ различныхъ мѣстахъ, ежедневно пріѣзжали съ американскихъ береговъ и съ окрестныхъ острововъ туземцы въ значительно большемъ противъ прежняго числѣ.

Поручивъ управленіе всѣми заведеніями на Кадьякѣ передовщику (начальнику промышленниковъ на промыслѣ) Самойлову, Шелеховъ вышелъ въ обратный путь на галіотѣ «Три Святителя», 8-го августа 1786 г. прибылъ въ Большерѣцкъ и только въ апрѣлѣ 1789 года пріѣхалъ въ Иркутскъ, послѣ необыкновенно труднаго перехода въ суровую зиму изъ Охотска. Распоряженія Шелехова были одобрены императрицею Екатериною II, которая пожаловала купцамъ Шелехову и Голикову шпаги и золотыя медали на шеѣ. На одной сторонѣ медали былъ изображенъ портретъ государыни, а на другой объясненіе—за что именно пожалована эта медаль.

По возвращеніи въ Иркутскъ изъ Петербурга, куда онъ былъ вызванъ императрицею, Шелеховъ снарядилъ два судна для дальнѣйшихъ открытій, именно одно къ Курильскимъ островамъ, а другое къ берегамъ Америки и къ Алеутскимъ островамъ. Шелеховъ намѣревался, на сколько позволятъ ему обстоятельства, подвигаться по берегу Америки на югъ и учреждать тамъ заселенія. Для послѣдней цѣли посланъ былъ весною корабль «Три Святителя», подъ командою штурмановъ Измайлова и Бочарова, которымъ предписано было «утверждать власть Ея Величества во всѣхъ вновь открытыхъ пунктахъ». Въ маѣ галіотъ прибылъ въ Чугацкій заливъ, гдѣ у чугачей русскіе вымѣнивали морского бобра за восемь и девять нитокъ голубого бисера, давая въ придачу по три или по четыре коралла. Затѣмъ Измайловъ и Бочаровъ посѣтили заливъ Нучекъ, заливъ Якутатъ (заливъ Беринга) и заливъ Льтуа. Въ 1789 году Измайловъ описалъ юго-западную сторону Кенайскаго залива и Камышакскую бухту.

Уменьшеніе количества морскихъ бобровъ на Уналашкѣ, постепенный переходъ морскихъ

котовъ съ юга на сѣверъ и возвращеніе ихъ оттуда уже съ приплодомъ, заставляли промышленниковъ предполагать существованіе къ сѣверу отъ Алеутскихъ острововъ лежбищъ котовъ. Дѣйствительно, въ іюнѣ 1786 года, судно, принаджавшее купцу Лебедеву-Ласточкину, подъ командою штурмана Прибылова, открыло по этому направленію новый островъ, названный по имени корабля островомъ св. Георгія. Оставшіеся на зимовку на островѣ промышленники открыли, на слѣдующій годъ, еще далѣе къ сѣверу островъ, названный ими, по дню открытія, островомъ св. Петра и Павла. Эти острова извѣстны подъ именемъ острововъ Прибылова, хотя и назывались также Новыми, Лебедевскими, Зубовыми (въ честь благодѣтеля и покровителя Шелехова), Сѣверными и Котовыми. Эта группа состоитъ изъ четырехъ острововъ: св. Павла, Боброваго, Моржеваго, лежащихъ къ сѣверу отъ остальнаго, именно св. Георгія. Въ 1786 году другое судно купца Лебедева-Ласточкина, «Св. Павелъ», прибыло въ Кенайскій заливъ. Промышленники съ этого корабля, въ числѣ 38 человѣкъ, поселились въ бухтѣ при рѣкѣ Казилѣ, названной при томъ Николаевскою гаванью. Къ нимъ присоединились въ 1791 году промышленники съ судна «Св. Георгій» и подъ начальствомъ передовщика Коновалова построили тамъ укрѣпленіе съ хозяйственными заведеніями. Такимъ образомъ промышленники Лебедева заняли мѣста, принадлежавшія съ 1785 года компаніи Шелехова, и окончательно утвердились въ Кенайскомъ заливѣ. Промыслы же, безъ подобной осѣдлости, производились на островахъ Алеутской гряды многими другими отрядами и промышленниками, такъ что съ 1747 по 1791 годъ всѣми компаніями вывезено было на 70 судахъ, изъ которыхъ иныя совершили по нѣскольку рейсовъ, на 6.310,756 руб. асс. разнаго мѣхового товара.

Въ 1790 году Шелеховъ основалъ еще двѣ новыя компаніи для распространенія своихъ заведеній на Алеутскихъ островахъ, а именно «Сѣверо-восточную» (по направленію, гдѣ отъ Сибири находился берегъ Америки) и «Предтеченскую» (по имени судна, снаряженнаго для промысла). Въ 1791 году онъ образовалъ третью компанію, «Уналашкинскую». Около этого же времени ему удалось уговорить предпріимчиваго каргопольскаго купца Баранова принять на себя управленіе всѣми заведеніями на Алеутскихъ островахъ. Барановъ долго не соглашался па предложеніе Шелехова, но истребленіе чукчами его заведеній и разграбленіе ими его товаровъ въ Анадырскѣ, слѣдствіемъ чего было разстройство его торговыхъ дѣлъ, побудили его заключить, 18-го августа 1790 года, условіе съ компаніею Шелехова. Барановъ получилъ десять паевъ въ этой компаніи. На другой день по заключеніи этого условія, Барановъ отправился изъ Охотска на Алеутскіе острова на галіотѣ «Три Святителя». Потерявъ судно и все имущество во время сильной бури, Барановъ провелъ восемь мѣсяцевъ на островѣ Уналашкѣ, подвергаясь разнаго рода лишеніямъ и недостаткамъ. Въ такомъ бѣдственномъ положеніи Барановъ не лишился, однако, бодрости, и даже поддержалъ энергію въ своихъ товарищахъ. Онъ распорядился построить три большія байдарки, изъ которыхъ на одной прибылъ на островъ Кадьякъ, 27-го іюля 1791 года, а другія двѣ, подъ командою штурмана Бочарова, послалъ для описи сѣвернаго берега полуострова Аляски. Начавъ съ Иссанахскаго пролива, Бочаровъ довелъ свое изслѣдованіе по сѣверному берегу полуострова до рѣки Квійчакъ и закончилъ ихъ сѣверо-восточнымъ берегомъ. На Кадьякъ онъ возвратился однако же не прежнимъ путемъ, а чрезъ неизслѣдованный еще до того времени перешеекъ и такимъ образомъ открылъ кратчайшій путь съ сѣвернаго берега Америки на южный, въ одну изъ бухтъ этого берега, отстоящую отъ острова Кадьяка, чрезъ Кенайскій проливъ, не болѣе какъ на семь миль.

Въ іюлѣ 1792 года возвратился съ острова Кадьяка въ Иркутскъ бывшій правителемъ компаніи, предшественникъ Баранова, Деларовъ, который сообщилъ, что въ продолженіе пребыванія его на Кадьякѣ въ компанейскія поселенія приходили каждый годъ нѣсколько испанскихъ кораблей, что испанцы считаютъ для себя очень важнымъ условіемъ не до-

пустить англичанъ занять мѣста между испанскими и русскими владѣніями (вдоль берега на большое пространство за мысъ св. Иліи были положены, по распоряженію компаніи, согласно данному распоряженію, русскіе государственные гербы и доски), что поэтому они въ Испаніи сочувствуютъ дальнѣйшему распространенію русскихъ къ востоку и къ юго-востоку, какъ не дававшему англичанамъ возможности занять эти мѣста. Но съ тѣмъ вмѣстѣ, по донесенію Деларова, торговля англичанъ около Камчатки, особенно же у береговъ Америки (на выгоды которой въ сѣверной части Тихаго океана указано было имъ въ описаніи путешествій туда Кука), лишала русскихъ промышленниковъ большихъ выгодъ. Такъ иногда корабли Остъ-Индской компаніи вымѣнивали у туземцевъ въ самое короткое время до 800 морскихъ бобровъ. Соперничество съ англичанами побудило Шелехова, имѣвшаго большія связи и покровительство въ Петербургѣ, ходатайствовать передъ правительствомъ объ огражденіи русскихъ мѣховыхъ компаній отъ подобной конкуренціи. Долго эти ходатайства не имѣли никакого результата, несмотря на покровительство Шелехову князя Платона Александровича Зубова во время послѣднихъ годовъ царствованія императрицы Екатерины II. Только при императорѣ Павлѣ Петровичѣ удалось, наконецъ, создать монополію Россійско-американской компаніи, предпріятія неудачнаго въ государственномъ и нравственномъ отношеніи.

Вскорѣ по вступленіи своемъ въ должность правителя компаніи, Барановъ, въ виду неудобствъ Трехсвятительской гавани, рѣшился перевести всѣ компанейскія заведенія въ Чиніакскую губу, гдѣ избралъ удобную гавань и заложилъ укрѣпленія, назвавъ ихъ Павловскими, въ честь наслѣдника Павла Петровича. Съ наступленіемъ весны 1793 года, Барановъ съ 30 русскими на двухъ большихъ байдаркахъ отправился въ Кенайскій и Чугацкій заливы для изслѣдованій на материкѣ Америки. Въ заливѣ Нучекъ на него напало большое скопище колошей среди глубокой ночи. «Меня Богъ сохранилъ,—писалъ Барановъ, — хотя рубаха была проколота копьемъ и стрѣлы вокругъ падали, но не вредили, ибо во снѣ я, вскоча, не имѣлъ времени одѣться, покуда метался, подкрѣпляя людей и дѣйствуя пушкою на всѣ стороны, гдѣ болѣе опасности настояло». Въ Чугацкомъ заливѣ Барановъ избралъ одну изъ гаваней, названную имъ Воскресенскою, и тамъ устроилъ верфь для постройки судовъ. Лѣтомъ 1794 года тамъ было спущено на воду трехмачтовое, двухпалубное судно, въ 180 тоннъ, «Фениксъ», которое и было отправлено въ Охотскъ съ трехъ-годичнымъ пушнымъ промысломъ. Къ лѣту 1795 года были готовы еще два судна: «Дельфинъ» и «Ольга».

Между тѣмъ компанія купца Лебедева-Ласточкина, утвердившаяся въ Кенайскомъ заливѣ, объявила Баранову, что заливъ этотъ принадлежитъ имъ вполнѣ, несмотря на договоръ между обѣими компаніями о разграниченіи между ними владѣній, а затѣмъ стала возмущать противъ Баранова не только кенайцевъ, но и самыхъ его промышленниковъ, особенно иностранцевъ, служившихъ на корабляхъ. Лебедевскіе промышленники стали даже грабить и разорять заведенія компаніи Шелехова въ Кенайскомъ и Чугацкомъ заливахъ. Такая взаимная вражда между русскими поколебала ихъ силу въ глазахъ туземныхъ жителей.

Для просвѣщенія туземцевъ Алеутскихъ острововъ и Американскаго материка истинами христіанской вѣры, туда была послана духовная миссія, состоявшая изъ архимандрита и семи монаховъ, которая, вмѣстѣ съ поселенцами для колоній изъ ссыльныхъ (знающихъ мастерства и хлѣбопашество), отправилась изъ Охотска 13-го августа 1794 года на двухъ компанейскихъ судахъ—«Три Іерарха» и «Св. Екатерина». О назначеніи духовной миссіи и отправкѣ поселенцевъ просили у императрицы Шелеховъ и Голиковъ. Іеромонахи Макарій и Ювеналій въ томъ же году осенью объѣхали весь Кадьякъ и окрестили всѣхъ жителей, а въ 1795 году Ювеналій (изъ горныхъ инженеровъ) въ заливѣ Нучекъ окрестилъ 700 чугачей и затѣмъ всѣхъ жителей въ Кенайскомъ заливѣ. Въ 1796 году онъ переправился для проповѣди на Аляску, но тамъ былъ убитъ туземцами. Іеромонахъ Макарій въ 1795 году окрестилъ всѣхъ алеутовъ Уналашкинскаго отдѣла. По его словамъ, ему необходимо было спасать свою жизнь не отъ туземцевъ,

но отъ русскихъ компанейскихъ приказчиковъ, которые свирѣпствовали на этихъ островахъ и которыхъ онъ удерживалъ отъ варварскаго обращенія съ алеутами. Выведенный всѣмъ, что онъ видѣлъ, изъ терпѣнія, Макарій подговорилъ нѣсколько алеутовъ Лисьихъ острововъ бѣжать въ Россію для принесенія жалобы правительству. Макарій съ алеутами на байдаркахъ добрались съ Лисьихъ острововъ въ Охотскъ, а затѣмъ явились въ Якутскъ, откуда сообщилъ иркутскому епископу Веніамину, что онъ имѣетъ донести Государю Императору, вмѣстѣ съ алеутами, о важныхъ дѣлахъ. Императоръ Павелъ I, выслушавъ Макарія въ Петербургѣ, приказалъ его отправить обратно въ Америку и подтвердилъ, чтобы миссіонеры не смѣли самовластно оставлять своихъ мѣстъ, а гражданскимъ властямъ въ Иркутскѣ предписано было удерживать компанейскихъ приказчиковъ отъ жестокаго обращенія съ алеутами и другими американскими племенами. Архимандритъ Іосифъ, начальникъ первой миссіи, вскорѣ по пріѣздѣ въ Америку, ознакомился съ языкомъ туземцевъ, построилъ на Кадьякѣ первую деревянную церковь и былъ назначенъ епископомъ кадьякскимъ, викаріемъ иркутскимъ. Онъ былъ рукоположенъ въ Иркутскѣ въ апрѣлѣ 1799 года и въ томъ же году отправился въ Кадьякъ на компанейскомъ кораблѣ «Фениксъ» вмѣстѣ съ іеромонахомъ Макаріемъ и іеродіакономъ Стефаномъ. Корабль «Фениксъ» погибъ на пути со всѣми своими пассажирами; выброшенныя моремъ на берега разныя вещи съ этого судна остались единственными слѣдами постигшей его участи. Изъ остальныхъ членовъ первой миссіи іеродіаконъ Нектарій возвратился въ 1806 году въ Иркутскъ, монахъ Іосафъ умеръ на Кадьякѣ въ 1823 году, такъ что остались только іеромонахъ Аѳонасій и монахъ Германъ; но послѣдній съ самаго своего прибытія поселился на островѣ Еловомъ, гдѣ занимался молитвою и хозяйствомъ, обученіемъ грамотѣ алеутовъ, и скончался въ 1827 году. Послѣ бѣжавшаго изъ Америки іеромонаха Макарія, трудно было найти желающихъ изъ священнослужителей отправиться въ тамошнія русскія владѣнія. Въ 1809 году сдѣлана была попытка послать туда священника изъ мѣстныхъ креоловъ, для чего былъ избранъ Прокопій Лавровъ, поставленный въ священники въ Петербургѣ, но по буйному характеру Лаврова эта попытка не имѣла успѣха.

Выше было сказано, что въ 1790 году Шелеховымъ была учреждена компанія, подъ названіемъ «Предтеченской», для чего судно «Іоаннъ Предтеча», подъ командою морехода Широкова, отправилось въ томъ же году на острова Лисьи и Прибылова. Этотъ корабль, отправленный для новыхъ открытій, разбился осенью 1791 года у острова Св. Павла; грузъ съ него, состоявшій изъ 60,000 морскихъ котиковъ, былъ снятъ въ 1793 году мореходомъ Измайловымъ, узнавшимъ о несчастіи, постигшемъ Широкова.

Въ іюлѣ 1794 года Шелеховъ образовалъ новую компанію «Сѣверо-Американскую», имѣя въ виду занятіе американскаго материка какъ можно дальше къ сѣверу, вступленіе въ торговыя сношенія съ туземцами, живущими на американскомъ берегу противъ Чукотскаго носа, наконецъ для открытій вдоль материка Америки на сѣверъ и на сѣверо-востокъ, особенно для отысканія прохода въ Баффиновъ заливъ, хотя бы чрезъ материкъ. Для этихъ изслѣдованій было отправлено компаніею въ 1794 году 90 человѣкъ, а въ 1795 г. тридцать. Впослѣдствіи Сѣверо-американская компанія вмѣстѣ съ прочими компаніями вошла въ составъ «Соединенной Американской», а затѣмъ и «Россійско-американской». Шелеховъ скончался въ Иркутскѣ 20 іюля 1795 года. И при жизни и послѣ смерти его у него было много враговъ, которые старались умалить его заслуги, выставить ихъ исключительнымъ «стремленіемъ къ наживѣ», представить его монополистомъ, ловкимъ интриганомъ, умѣвшимъ пріобрѣсть себѣ вліяніе при петербургскомъ дворѣ, добиться наградъ. Какъ бы то ни было, но Шелехову должно отдать справедливость, какъ дѣятельному, предпріимчивому человѣку, способствовавшему разслѣдованію сѣверо-западнаго американскаго прибрежья, развитію въ этомъ краѣ русской торговли на русскихъ судахъ. Императоръ Павелъ I возвелъ вдову Шелехова въ потомственное дворянство.

Когда въ 1794 году въ Кяхтѣ, послѣ перерыва, была возобновлена съ китайцами торговля, то иркутскій генералъ-губернаторъ донесъ правительству въ концѣ этого года, что «Шелеховъ много способствовалъ развитію кяхтинской торговли и поддержалъ получаемыя отъ нея выгоды, не смотря на всѣ ухищренія со стороны китайцевъ, и тѣмъ поднялъ курсъ на наши товары». 18-го ноября 1794 года Шелеховъ просилъ о дозволеніи отправить на свой счетъ экспедицію для отысканія болѣе удобнаго пути между Иркутскомъ и Охотскомъ по направленію рѣкъ Амура и Уды и гавани вблизи устья Амура, способной для пристанища и верфи для компанейскихъ судовъ. Онъ просилъ также разрѣшенія его компаніи завести торговлю съ Японіею, Китаемъ, Индіею, Филиппинскими островами и пр., равно ходатайствовалъ, для лучшаго хода торговыхъ дѣлъ съ иностранцами, о назначеніи въ избранныхъ мѣстахъ на общественныя должности способныхъ для такого рода дѣлъ «людей свѣдущихъ и важнаго духа». Намѣреніе завести торговлю съ Китаемъ въ южныхъ его портахъ рушилось по случаю безпокойствъ въ Европѣ, вызванныхъ французскою революціею.

Послѣ смерти Шелехова вдова его управляла компаніями съ 1795 по 1797 годъ при помощи тѣхъ лицъ, которыя находились при ея мужѣ. Въ этомъ особенно помогалъ зять ея Резановъ, имѣвшій обширныя связи въ Петербургѣ, и личнымъ предстательствомъ передъ императоромъ Павломъ I и Александромъ I по дѣламъ компаніи неоднократно спасалъ ея существованіе отъ враговъ и завистниковъ. При многостороннемъ образованіи, неутомимой дѣятельности, вкрадчивости, ловкости, Резановъ съ тѣмъ вмѣстѣ былъ мечтателемъ, желавшимъ достичь невозможнаго для Россіи на берегахъ Великаго океана.

Иркутскіе купцы, упрекавшіе Шелехова въ томъ, что онъ, лишая ихъ средствъ производить торговлю съ туземцами на островахъ и по берегамъ Америки, обогащался только самъ, подсылали во всѣ его тамошнія заведенія возмутительныя письма, а нерѣдко и людей, которые учили промышленниковъ подавать правительству просьбы и доносы на неблагонамѣренныя дѣйствія компаніи Шелехова. Послѣ его смерти, иркутскіе купцы, видя неуспѣшность доносовъ, начали заводить съ нею процессы и употребляли всѣ мѣры къ подрыву ея кредита. Въ этихъ непріязненныхъ дѣйствіяхъ противъ Шелеховой главное участіе принималъ купецъ Мыльниковъ, а затѣмъ сталъ дѣйствовать противъ нея и товарищъ ея, Иванъ Голиковъ, на имущество котораго былъ наложенъ казенный секвестръ, но который успѣлъ счастливо окончить свои разсчеты съ казною. Другой товарищъ, Михаилъ Голиковъ, скончался еще ранѣе Шелехова. Вдова только потому устояла противъ возникшей къ ней непріязни, что ее сильно защищалъ тогдашній иркутскій губернаторъ Нагель. Между тѣмъ въ началѣ 1797 года Мыльниковъ задумалъ учредить другую морскую торговую компанію, съ капиталомъ въ 129,000 р., съ участіемъ въ ней десяти или двѣнадцати лицъ, для отправки судна въ мѣста, занятыя Шелеховымъ. Видя, однако, недостаточность своихъ средствъ, Мыльниковъ обратился за помощью къ Голикову, который поставилъ условіемъ не принимать въ новую компанію Шелехову, но остальные участники убѣдились, что безъ ея содѣйствія успѣхъ ихъ компаніи немыслимъ. Со своей стороны, Шелехова, желая скорѣе окончить свои распри съ Голиковымъ, согласилась соединиться съ Мыльниковымъ и его товарищами. Такимъ образомъ 20 іюля 1797 года состоялось соединеніе всѣхъ компаній. При заключеніи договора о такомъ соединеніи Шелехова уступила въ общее владѣніе все имущество, принадлежавшее компаніямъ, за 600,000, скинувъ съ послѣдняго контрактнаго счета 88,460 р. Изъ этихъ 600,000 р. она вложила по договору въ общій капиталъ соединенной компаніи 200,000 р., а остальные 400,000 р. предоставила компаніи выплатить ей въ сроки въ продолженіе $2^1/_2$ лѣтъ безъ процентовъ подъ условіемъ, чтобы потомъ капиталъ ея, въ случаѣ необходимости, оставался для обращенія въ компаніи по 5%. Сверхъ того долгъ, составленный для разныхъ компанейскихъ предпріятій, въ 96,370 р., соединенная компанія обязывалась принять на себя. За корабль «Предпріятіе Св. Александра», принадлежавшій собственно Шелеховой, компанія упла-

чивала ей 70,000 р. Иркутскіе купцы, участники компаніи, обязывались составить, къ 1-му января 1798 г., капиталъ въ 400,000 р.; Голиковъ долженъ былъ сверхъ того внести 200,000 р., такъ что съ деньгами Шелеховой общій капиталъ компаніи составилъ бы 800,000 руб. Впослѣдствіи этотъ капиталъ былъ сокращенъ до 723,000 р., раздѣленный на 723 акціи, по 1,000 каждая. Шелехова отправилась въ Петербургъ хлопотать объ утвержденіи правительствомъ акта о соединеніи компаній. 3-го августа 1798 г. онъ былъ утвержденъ, причемъ компанія получила наименованіе «Соединенной Американской».

На основаніи этого акта, для управленія дѣлами компаніи назначались два директора, а въ случаѣ необходимости и четыре. Въ компанію положено было принимать и мелкихъ промышленниковъ, причемъ имущество ихъ, оцѣненное по достовѣрнымъ документамъ, подъ названіемъ соединительнаго капитала, поступало въ общій капиталъ съ раздѣленіемъ его на акціи одинаковой цѣны съ акціями Соединенной компаніи. Лебедевская компанія должна была также войти въ составъ Соединенной компаніи. Правителю Баранову, въ уваженіе его заслугъ, назначено было изъ общей прибыли 20 исковыхъ паевъ, съ правомъ выдавать своимъ помощникамъ, если онъ признаетъ нужнымъ имѣть ихъ, вознагражденіе за ихъ службу изъ означенныхъ паевъ; сверхъ того положено было выдать ему безденежно 20 акцій, каждая по 2,500 р. асс. (акціи, по хорошей полученной передъ тѣмъ прибыли, повысились), на 50,000 р., съ полученіемъ отъ него въ уплату акцій, при раздѣленіи промысла по прибытіи транспорта, по двѣ трети изъ назначенныхъ на его долю двадцати паевъ; треть-же изъ всего причитающагося ему должна была предоставляться на его собственныя нужды; но Барановъ отказался отъ такой ссуды и за присланныя ему акціи заплатилъ сполна.

Правителемъ отдѣла компаніи на Уналашкѣ былъ назначенъ одинъ изъ компаніоновъ, иркутскій купецъ Ларіоновъ, которому предложили, на случай отъѣзда Баранова изъ колоній, заступать его мѣсто. Ларіоновъ выѣхалъ изъ Охотска осенью 1797 года на компанейскомъ суднѣ, которое разбилось у береговъ Камчатки, вслѣдствіе «совершеннаго незнанія командиромъ судна, подштурманомъ Козловымъ, счисленія и положенія береговъ», какъ донесъ Ларіоновъ, который прибылъ на Уналашку только въ 1798 году. Въ продолженіе этого года цѣнность пушныхъ товаровъ, полученныхъ Соединенною компаніею въ Охотскѣ, превысила милльонъ рублей, такъ что цѣна каждой акціи возвысилась до 2,500 р. ассиг., по какой цѣнѣ онѣ и продавались желающимъ вступить въ число участниковъ компаніи.

Въ 1799 году, Высочайшимъ указомъ 8-го іюня, Соединенной компаніи велѣно было именоваться «подъ Высочайшимъ Его Императорскаго Величества покровительствомъ Россійско-Американской компаніею», причемъ ей дана была на двадцать лѣтъ привилегія на исключительное право на всякія пріобрѣтенія, промыслы, торговлю, заведенія и открытія новыхъ странъ. Пространство владѣній компаніи было опредѣлено съ 55° сѣв. широты до Берингова пролива, а за оный, на островахъ Алеутскихъ, Курильскихъ и другихъ по Сѣверо-Восточному океану лежащихъ, компаніи разрѣшено было дѣлать новыя открытія не только къ сѣверу отъ 55°, но и къ югу, и занимать открываемыя новыя земли въ россійское владѣніе, если только онѣ не были заняты другими народами и не поступили въ ихъ зависимость. Число акцій, сверхъ 723, должно было увеличить на тысячу. Главной конторѣ компаніи въ Иркутскѣ велѣно было именоваться «подъ Высочайшимъ Его Императорскаго Величества покровительствомъ Россійско-Американской компаніи Главнымъ Правленіемъ». Указомъ 19-го октября 1800 года Главное Правленіе было переведено изъ Иркутска въ Петербургъ, и для удобнѣйшаго сбыта акцій, дошедшихъ до цѣны 3,727 руб. 23¾ коп. ассиг., онѣ были раздроблены на новыя, каждая цѣною въ 500 р., такъ что вмѣсто прежнихъ 1723 акцій капиталъ компаніи сталъ уже представляться 7350 акціями. Императоръ Александръ приказалъ внести въ капиталъ компаніи 10,000 р. въ пользу бѣдныхъ, а соотвѣтствующія этой суммѣ двадцать акцій выдать на имя управляющаго собственнымъ Его Величества Кабинетомъ. Императрица Марія

Ѳеодоровна купила акцій на 2,000 р., обративъ ихъ и прибыль на нихъ въ пользу коммерческаго училища. На имя императрицы Елисаветы Алексѣевны внесены были также 2,000 р., а акціи приняты были въ пользу бѣдныхъ.

Вновь дарованныя права и привилегіи Россійско-Американской компаніи, — причемъ въ ея владѣніяхъ не позволено было другимъ лицамъ заниматься промыслами, а прежнимъ промышленникамъ или вступить въ участники компаніи или, съ возвращеніемъ ихъ судовъ, прекратить свои тамъ дѣла, — доставивъ ей монопольное положеніе, возвысили ея значеніе въ Россіи и въ отдаленномъ краѣ на берегахъ Великаго океана. Барановъ былъ сдѣланъ главнымъ правителемъ всѣхъ колоній въ Америкѣ и на островахъ. Со времени принятія компаніи подъ Высочайшее покровительство, правительство стало командировать на службу компаніи флотскихъ офицеровъ, которые замѣстили неопытныхъ, незнающихъ мореходовъ на компанейскихъ судахъ. Вслѣдствіе представленія компаніи, что привозъ изъ заграницы котиковъ, подъ названіемъ «сѣрыхъ бобровъ», дѣлаетъ подрывъ компаніи въ продажѣ мѣховъ, ею добываемыхъ на островахъ Восточнаго океана и въ Америкѣ, въ августѣ 1802 г. Высочайше повелѣно было воспретить привозъ этихъ мѣховъ изъ заграницы въ Россію.

Отправляя постоянно съ 1796 года промысловыя партіи въ проливы, прилегающіе къ острову Ситхѣ, Барановъ убѣдился въ удобствѣ положенія его, сравнительно съ другими русскими поселеніями въ краѣ, но онъ только въ 1799 году могъ привести въ исполненіе свое намѣреніе о заселеніи этого острова. Въ продолженіе зимы 1799—1800 года, Барановъ, сверхъ укрѣпленія во имя Св. Архангела Михаила, построилъ нѣсколько помѣщеній для себя и для рабочихъ. До поздней осени онъ помѣщался въ изорванной палаткѣ, а затѣмъ нѣсколько мѣсяцевъ прожилъ въ банѣ, гдѣ глаза его невыносимо страдали отъ дыма; но Барановъ преодолѣвалъ всѣ затрудненія, когда стремился къ извѣстной цѣли. Въ этомъ отношеніи онъ готовъ былъ на всякое самопожертвованіе, особенно когда у него въ работахъ на Ситхѣ могли участвовать не болѣе двадцати человѣкъ. Весною 1800 года къ новому русскому заселенію пришло нѣсколько американскихъ и англійскихъ кораблей. Англичане на глазахъ русскихъ вымѣняли у туземцевъ болѣе 2,000 бобровъ, уплачивая имъ лучшими товарами и въ большомъ количествѣ, сравнительно съ русскими. Англичане совершенно подрывали торговлю компаніи. Американцы-же доставляли туземцамъ, въ обмѣнъ на мѣха, ружья, порохъ и другія огнестрѣльныя принадлежности, которыхъ тѣ жаждали имѣть и которыхъ, понятно, не могли получить отъ русскихъ. Со своей стороны колоши, пока русскіе не обстроились на Ситхѣ, старались вредить имъ всѣми способами. Неустрашимость и отвага Баранова, явившагося съ 22 человѣками въ колошское селеніе, гдѣ было до 300 вооруженныхъ туземцевъ, требовать удовлетворенія за обиду, нанесенную толмачамъ, спасло новое русское селеніе.

По возвращеніи изъ Ситхи на Кадьякъ, Барановъ нашелъ тамъ много безпорядковъ, потому что большая часть служащихъ, особенно-же духовенство, желали дѣйствовать самовластно и не признавали распоряженій Кускова, заступавшаго въ отсутствіи Баранова его мѣсто, какъ правителя. Туземцы не желали идти на промысла, вслѣдствіе смерти 115 алеутовъ въ 1799 г., по своему недоразумѣнію погибшихъ отъ отравы ракушками, которыми они объѣлись на Ситхѣ. Барановъ рѣшился отказаться отъ должности главнаго правителя колоній и сталъ просить Ларіонова смѣнить его. Ларіоновъ, видя на дѣлѣ пользу, приносимую компаніи Барановымъ, и не считая себя способнымъ замѣнить его, рѣшительно отказался отъ его предложенія. А тягостныя испытанія слѣдовали одно за другимъ, преимущественно вслѣдствіе гибели двухъ компанейскихъ судовъ, посланныхъ съ значительнымъ грузомъ, особенно «Феникса», потому что колоніи стали терпѣть нужду въ предметахъ первой потребности, что продолжалось даже въ теченіе всего 1801 года. По счастію, прибыло изъ Нью-Іорка американское судно, у котораго Барановъ вымѣнялъ необходимыхъ запасовъ и вещей слишкомъ на 12,000 р. ассиг. и тѣмъ спасъ своихъ подчиненныхъ отъ неминуемаго голода; но вымѣнен-

ные товары и припасы вскорѣ истощились, и въ колоніяхъ опять оказался во всемъ ощутительный недостатокъ, вызванный слишкомъ ограниченнымъ количествомъ припасовъ, посланныхъ изъ Охотска, и несвоевременнымъ приходомъ къ Кадьяку двухъ компанейскихъ судовъ, отправленныхъ еще въ 1801 году.

Между тѣмъ русское заселеніе постигло ужасное несчастіе. Прибывшій въ 1802 г. на Кадьякъ, на своемъ кораблѣ, англійскій капитанъ Барберъ сообщилъ, что онъ былъ невдалекѣ отъ русской крѣпости Св. Михаила на Ситхѣ во время нападенія на нее колошей и хотя отправился къ ней немедленно, но по приходѣ нашелъ только дымившіяся развалины, а бывшихъ въ ней промышленниковъ по большей части убитыми или страшно изувѣченными. Спасшіеся бѣгствомъ и вырученные Барберомъ изъ плѣна, говорили, что огромное множество вооруженныхъ туземцевъ, пользуясь отсутствіемъ половины людей на работахъ внѣ укрѣпленій, окружили казарму и стали стрѣлять въ окна. Русскіе долго отражали непріятеля, но когда онъ зажегъ строенія, то принуждены были оставить ихъ, и колоши начали по-одиночкѣ рѣзать ихъ и колоть. Въ казармѣ находилось около 15 человѣкъ. Подоспѣвшіе къ нимъ на помощь прочіе промышленники и алеуты не могли уже ничего спасти и также почти всѣ были перебиты. Вообще погибло 20 человѣкъ русскихъ съ ихъ начальникомъ Медвѣдниковымъ и 130 алеутовъ. Англичане успѣли выручить отъ колошей трехъ русскихъ, пять алеутовъ, 18 женщинъ и 6 дѣтей. Капитанъ Барберъ потребовалъ себѣ уплаты за оказанную имъ услугу 50,000 р. асс. Послѣ продолжительнаго торга, англичанинъ согласился взять 10,000 р. лисицами, рѣчными бобрами и бобровыми хвостами и сверхъ того у него было вымѣнено на 27,000 р. разныхъ вещей, нѣсколько орудій, до 50 отличныхъ ружей и большое количество зарядовъ. Между тѣмъ, по слухамъ, нападенію колошей на русское поселеніе на Ситхѣ болѣе всего содѣйствовали англичане, какъ совѣтами, такъ и доставленіемъ имъ оружія и пороха. Въ это-же время колоши напали на партію Кускова въ Якутатскомъ заливѣ, но были отражены съ значительнымъ урономъ, такъ что принуждены были сами просить мира. Колоши, бывшіе тогда въ Якутатѣ, единогласно подтвердили, что заговоръ объ истребленіи заселенія на Ситхѣ существовалъ съ давняго времени, что Медвѣдниковъ не разъ былъ предупреждаемъ о готовящемся покушеніи и что многіе шкипера иностранныхъ судовъ подстрекали туземцевъ къ выполненію ихъ намѣренія относительно изгнанія русскихъ изъ ихъ предѣловъ.

На трехъ судахъ, прибывшихъ въ Охотскъ въ 1803 году, доставлено было мѣховъ изъ колоній почти на 2.500,000 р. ассигн. Морскихъ бобровъ было болѣе 15,000 шкуръ, морскихъ котиковъ до 280,000 штукъ. Но безпрерывныя крушенія сократили компанейскій флотъ, который къ 1804 году состоялъ изъ двухъ двухъ-мачтовыхъ судовъ, въ 115 и 150 тоннъ, и одного ветхаго небольшого одно-мачтоваго судна. Недостатокъ судовъ и затруднительность перевозки по Сибири приводили часто компанію въ совершенную невозможность своевременнаго снабженія всѣмъ нужнымъ столь отдаленные края. Для устраненія подобнаго неудобнаго положенія дѣлъ рѣшено было, по представленію Резанова, снарядить въ Балтійскомъ морѣ корабль большого ранга и отправить его въ колоніи кругосвѣтнымъ плаваніемъ. Императоръ, по представленію министра коммерціи, графа Н. П. Румянцева, дозволилъ Россійско-Американской компаніи снарядить кругосвѣтную экспедицію. Для командованія двумя судами приглашены были лучшіе флотскіе офицеры того времени, капитанъ-лейтенанты Ю. Ѳ. Лисянскій и И. Ѳ. Крузенштернъ, изъ которыхъ послѣдній совершилъ уже нѣсколько дальнихъ плаваній на судахъ англійскаго флота и былъ знакомъ съ состояніемъ торговыхъ дѣлъ въ Китаѣ. На надобности экспедиціи Россійско-Американской компаніи было выдано изъ государственнаго заемнаго банка 250,000 р. асс. на восемь лѣтъ за указные проценты, отпущены были изъ казенныхъ запасовъ по обыкновеннымъ цѣнамъ тѣ вещи, которыя необходимы были компаніи для снаряженія экспедиціи, и сверхъ того дозволено было пригласить еще нѣсколько флотскихъ офицеровъ, медиковъ, студентовъ для производства изслѣдованій въ колоніяхъ. Лисянскій купилъ

въ Лондонѣ два судна — «Надежду» въ 430 тоннъ, о 16 орудіяхъ, за 82,024 р., и «Неву», 373 тонны, о 14 орудіяхъ, за 89,914 р. асс. Въ началѣ лѣта 1803 года оба судна прибыли въ Кронштадтъ и стали тамъ готовиться къ экспедиціи. Крузенштернъ былъ назначенъ командиромъ «Надежды», а Лисянскій — «Невы»; съ тѣмъ вмѣстѣ на этихъ судахъ повелѣно было отправиться посольству въ Японію, которое поручено было Резанову. На него возложено было также разсмотрѣніе на мѣстѣ нуждъ того края и на основаніи данной ему власти по возможности устранить ихъ. Резанову дано было 300 золотыхъ и серебряныхъ медалей для раздачи отличившимся на службѣ компаніи въ колоніяхъ. Такимъ образомъ, за Высочайше сдѣланными Резанову порученіями, Крузенштерну предоставлено было только управленіе судами и экипажемъ во время путешествія, слѣдовательно онъ подчинялся непосредственному начальству Резанова. Разнаго груза на судахъ было отправлено на 600,000 р. асс. Корабль «Надежда», во вниманіе нахожденія на немъ чрезвычайнаго посланника Резанова со свитою, былъ, по Высочайшему повелѣнію, принятъ на счетъ казны, какъ относительно его стоимости, такъ равно относительно расходовъ по его снаряженію въ плаваніи и по жалованью его экипажу. Оба корабля отправились въ путь 26-го іюля 1803 года. Корабль «Надежда» прибылъ въ Камчатку въ половинѣ іюля 1804 года, а корабль «Нева» — въ началѣ того-же мѣсяца въ Павловскую гавань на Кадьякѣ.

Прибытіе Лисянскаго въ колоніи послѣдовало въ тотъ именно моментъ, когда Барановъ находился уже на пути къ Ситхѣ съ твердымъ намѣреніемъ наказать колошей и возвратить утраченное тамъ положеніе. Лисянскій поспѣшилъ присоединиться со своимъ кораблемъ къ отряду Баранова, состоявшему изъ четырехъ судовъ: двухъ прежнихъ и двухъ вновь построенныхъ въ Якутатѣ—«Ермакъ» и «Ростиславъ», первое въ 100 тоннъ, а второе въ 85 тоннъ. Для такелажа на нихъ были употреблены сгнившія снасти съ катера «Св. Ольга»; но къ пенькѣ, для большей прочности, Барановъ и Кусковъ ухитрились примѣшать древесные коренья и китовый усъ. Лисянскій и Барановъ (произведенный въ 1802 году изъ купцовъ въ коллежскіе совѣтники и получившій за занятіе Ситхи въ 1790 году золотую медаль отъ императора Павла) предложили первоначально колошамъ мировое соглашеніе, подъ условіемъ уступленія всѣхъ мѣстъ въ безусловное владѣніе русскихъ, но получили отказъ. Барановъ рѣшился тогда сдѣлать нападеніе на колошъ, но наступившая темнота прекратила сраженіе, въ которомъ были убиты три матроса корабля «Нева», ранены Барановъ въ руку, лейтенантъ Арбузовъ, мичманъ Повалишинъ, подлекарь, 8 промышленниковъ и нѣсколько алеутовъ. На другой день суда приблизились еще болѣе къ Колошской крѣпости и обстрѣливали ее до вечера, но не могли принудить колошей принять предложенныя имъ условія. Колоши ждали сильной помощи отъ сосѣднихъ племенъ, а потому упорно сопротивлялись и только на седьмой день скрылись изъ крѣпости и удалились въ проливъ Чаташъ (Кондаковскій), на разстояніе 150 верстъ отъ Ситхи, гдѣ, равно какъ и въ другихъ окрестныхъ мѣстахъ, они устроили нѣсколько укрѣпленій.

Барановъ заложилъ новую крѣпость, названную имъ Новоархангельскою, на другомъ мѣстѣ, на довольно высокой горѣ, среди селенія, оставленнаго колошами. Лисянскій, послѣ зимовки въ Кадьякѣ, весною 1805 г. вновь прибылъ къ Новоархангельску, гдѣ оставался до начала осени, а затѣмъ пошелъ въ Кантонъ съ грузомъ мѣховъ для промѣна и для соединенія тамъ съ Крузенштерномъ, который долженъ былъ прибыть въ этотъ портъ по исполненіи порученій, возложенныхъ на него Резановымъ. Посольство послѣдняго въ Японію не имѣло никакого успѣха. Оба корабля возвратились въ Кронштадтъ въ началѣ 1806 года.

Продажа части компанейскихъ товаровъ въ Кантонѣ на сумму 191623 піастра, а части, именно самыхъ дорогихъ мѣховъ (лучшихъ бобровыхъ, медвѣжьихъ, голубыхъ песцовыхъ, чернобурыхъ лисьихъ) въ Петербургѣ, поддержала обороты Россійско-американской компаніи, находившейся въ затруднительномъ положеніи отъ гибели ея судовъ и отъ неудовлетворитель-

ности кяхтинской торговли въ 1802 и 1803 годахъ. Китайцы безпрерывно понижали цѣны на мѣха, доставляемые въ Кяхту, потому что могли пріобрѣтать ихъ дешевле въ Кантонѣ отъ англичанъ; сверхъ того въ торговыхъ дѣлахъ въ Москвѣ въ 1804 г. произошелъ финансовый кризисъ, сопровождаемый многими банкротствами, такъ что компанія съ трудомъ могла сбывать мѣха на московскомъ рынкѣ. Вслѣдствіе того, вообще всѣ мѣха, находившіеся въ вѣдѣніи главныхъ конторъ компаніи въ Россіи, нельзя было надѣяться сбыть ранѣе трехъ лѣтъ.

Въ теченіе первыхъ десятилѣтій управленія колоніями Барановымъ онъ успѣлъ сдѣлать очень много. Такъ въ 1803 году компанія имѣла въ колоніяхъ слѣдующія укрѣпленія: на островѣ Кадьякѣ въ гавани Трехъ Святителей (учрежденное еще Шелеховымъ) и въ гавани св. Павла, укрѣпленіе на островѣ Афогнакѣ, Александровское на Кенайскомъ мысу, три въ Кенайскомъ заливѣ (Георгіевское, Павловское и Николаевское), два въ Чугацкомъ заливѣ, Семеоновское у мыса Св. Иліи, два въ Якутатскомъ заливѣ и Новоархангельское на островѣ Ситхѣ. Различнаго оружія при укрѣпленіяхъ, сверхъ пушекъ, по большей части трехъ-фунтовыхъ мѣдныхъ единороговъ, считалось до 1,500 штукъ. Колоши были, однако, вооружены нисколько не хуже русскихъ, такъ что необходимо было соблюдать благоразумную предосторожность. Промысловыя артели были расположены преимущественно при укрѣпленіяхъ, а сверхъ того во многихъ мѣстахъ находились временныя партіи для производства промысла и для торговли съ туземцами. При поселеніяхъ на Уналашкѣ и на Кадьякѣ находились конторы для завѣдыванія подчиненными имъ мѣстами, подъ непосредственнымъ начальствомъ главнаго правителя колоній. Въ нихъ на службѣ компаніи состояло въ 1805 г. 470 человѣкъ.

Резановъ, во время пребыванія своего въ колоніяхъ, установилъ тамъ нѣсколько новыхъ разумныхъ порядковъ и предложилъ много мѣръ, клонившихся къ улучшенію тамошняго положенія. Такъ какъ Охотскъ не въ силахъ былъ снабжать колоніи необходимымъ количествомъ хлѣба, то Резановъ находилъ полезнымъ завести торговлю съ Калифорніею и добывать продовольственные припасы на Филиппинскихъ островахъ. Въ 1805 году въ Ситху пришелъ американскій корабль «Юнона» подъ управленіемъ владѣльца Вульфа, который на предложеніе Резанова, согласился продать свое судно со всѣмъ его грузомъ за 109,821 р. 37½ к. асс. Корабль былъ вмѣстительностью въ 206 тоннъ и былъ обшитъ мѣдью. Нужда въ это время въ колоніяхъ дошла до того, что на 200 человѣкъ выдавалось хлѣба не болѣе фунта въ недѣлю на каждаго и то только до 1-го октября. Рыба перестала ловиться. Сушеная треска, сивучина, изрѣдка тюлени составляли единственную пищу новоархангельцевъ. Ѣли орловъ, воронъ, каракатицъ, вообще всякую всячину. Только больнымъ цынгою, господствовавшею въ Новоархангельскѣ, давали пшено съ патокою и пиво, сваренное изъ еловыхъ шишекъ. Резановъ, видя безвыходное положеніе, которое должно было продолжаться еще нѣсколько мѣсяцевъ, отправился за хлѣбомъ въ Калифорнію на кораблѣ «Юнона», подъ командою лейтенанта Хвостова. Въ Санъ-Франциско Резановъ досталъ у испанцевъ 4,600 пудовъ пшеницы, муки, ячменя, гороха, бобовъ, сала, соли и всего 26½ пудовъ сушенаго мяса и въ іюнѣ 1806 года благополучно возвратился въ Новоархангельскъ. Скорбутъ свирѣпствовалъ не только на Ситхѣ, но и на Кадьякѣ, между русскими и туземцами. Появленіе въ мартѣ сельдей, доставившихъ свѣжую пищу, прекратило цынгу. Но колоши, пользуясь ослабленіемъ новоархангельскаго гарнизона (русскихъ умерло 17 человѣкъ), покушались не разъ аттаковать новое заселеніе, но жители его были готовы отразить врага, тѣмъ болѣе, что Барановъ обнесъ укрѣпленіе палисадомъ изъ такихъ длинныхъ бревенъ, что трудно было ворваться въ него врасплохъ. Замыслы ситхинскихъ колошей находили себѣ сочувствіе и въ другихъ племенахъ, тѣмъ болѣе, что учалахмюты успѣли осенью 1805 г. истребить заселеніе въ Якутатѣ и занять тамошнее укрѣпленіе, которое было вооружено только орудіями малаго калибра. Сверхъ того погибель промысловой партіи въ 300 человѣкъ довершала бѣдствія, испытываемыя въ колоніяхъ. Англійскій капитанъ Барберъ, присутствовавшій при уничтоженіи колошами укрѣпленія св. Михаила на Ситхѣ,

узнавъ объ участи Якутата, прибылъ на Кадьякъ, съ цѣлью осуществленія задуманнаго имъ плана нападенія на это русское поселеніе; но, увидя, что въ гавани находилось компанейское судно, ушелъ оттуда. Между тѣмъ прибытіе Резанова изъ Калифорніи съ припасами и усиленіе новоархангельскаго гарнизона экипажемъ съ корабля «Юнона», остановили враждебныя намѣренія колошъ.

Для огражденія русскихъ заселеній отъ такихъ непріязненныхъ дѣйствій туземцевъ и нѣкоторыхъ иностранныхъ судовъ, приходившихъ въ колоніи для торговли, Барановъ сдѣлалъ представленіе о необходимости у ихъ береговъ крейсерства корабля большого ранга. На основаніи этого представленія, а также для доставленія въ колоніи нужныхъ товаровъ и запасовъ, общимъ собраніемъ акціонеровъ разрѣшено было главному правленію осенью 1806 года послать въ колоніи корабль «Нева», подъ начальствомъ лейтенанта Гагемейстера, который вмѣстѣ съ офицерами и командою договорился остаться на службѣ компаніи въ продолженіе четырехъ лѣтъ. Но съ тѣмъ вмѣстѣ послѣдовало Высочайшее повелѣніе объ отправленіи одновременно съ компанейскимъ судномъ, для защиты его отъ непріятельскаго нападенія, военнаго судна; но избранный для того шлюпъ «Діана» не могъ выйти въ море ранѣе 1807 года, такъ что корабль «Нева», прибылъ въ Ситху одинъ 12-го сентября 1807 года. Въ 1808 году Гагемейстеръ посѣтилъ Сандвичевы острова и нашелъ, что любой изъ нихъ могъ бы доставлять все, что нужно, для русскихъ колоній и портовъ на Восточномъ океанѣ. Король Сандвичевыхъ островов Томеомео, державшій въ рукахъ всю торговлю своихъ владѣній, узнавъ отъ американцевъ, что русскіе намѣрены поселиться въ его владѣніяхъ, сперва какъ будто испугался этого сосѣдства, но потомъ усвоилъ себѣ эту мысль и сталъ говорить о ней съ удовольствіемъ. Англійскій фрегатъ приходилъ на Сандвичевы острова исключительно съ цѣлію узнать о справедливости такого намѣренія русскихъ. Гагемейстеръ добылъ на островахъ, въ обмѣнъ на мѣха котовъ, до 1200 пуд. довольно хорошей соли, порядочный запасъ сандальнаго дерева и нѣсколько жемчуга очень хорошей доброты; затѣмъ въ началѣ весны 1810 года Гагемейстеръ доставилъ на своемъ кораблѣ въ Петропавловскъ мѣховъ на 778,526 р. ассиг., оставилъ тамъ свое судно и возвратился въ Петербургъ.

Барановъ, видя затруднительность доставки необходимыхъ для колоній предметовъ черезъ Охотскъ и невозможность ежегоднаго снаряженія кругосвѣтныхъ экспедицій, старался добывать ихъ у приходившихъ въ Новоархангельскъ англійскихъ и американскихъ купеческихъ кораблей. Но шкипера ихъ, соблюдая свои интересы, или притѣсняли при обмѣнѣ Баранова, отказывались принимать у него векселя на главное правленіе, требовали уплаты испанскими долларами по ими самими назначенному необыкновенному курсу, или, наконецъ, сбытіемъ мѣховъ по дешевымъ цѣнамъ въ Кантонѣ и другихъ портахъ нарушали интересы Россійско-американской компаніи, главное правленіе которой предписало Баранову ограничивать по возможности свои расторжки съ иностранными корабельщиками. Для снабженія же колоній продовольствіемъ, компанія вошла въ соглашеніе съ американскою мѣховою компаніею, учрежденною извѣстнымъ Асторомъ, который обязался сверхъ того, безъ всякаго участія своего правительства, способствовать всѣми мѣрами къ прекращенію въ русскихъ колоніяхъ торговли сѣверо-американцами военною контрабандою. Переговоры по послѣднему предмету, начатые, по просьбѣ Россійско-американской компаніи, русскимъ правительствомъ съ сѣверо-американскимъ были безуспѣшны и русскій представитель въ Вашингтонѣ, графъ Паленъ, находилъ даже несовмѣстнымъ съ достоинствомъ Россіи входить по этому предмету въ сношеніе съ Соединенными Штатами, потому что многія изъ значительныхъ лицъ Америки, имѣвшія большое вліяніе на восточные ея штаты и очень нерасположенныя къ настоящему правительству, участвовали въ торговлѣ съ туземцами въ предѣлахъ русскихъ колоній. Но война между Англіею и Соединенными Штатами въ 1812—1814 году разрушила соглашеніе между русскою компаніею и Асторомъ. Колоніи отъ этого ничего не потеряли, потому что компанія Астора, вопреки соглашенію, все-таки тайно снабжала туземцевъ оружіемъ.

Поэтому въ 1813 году правленіе Россійско-американской компаніи вновь отправило изъ Кронштадта вокругъ свѣта корабль «Суворовъ, подъ командою лейтенанта М. И. Лазарева, который 14 ноября 1814 г. прибылъ въ Новоархангельскъ. Между Барановымъ и Лазаревымъ произошло крупное столкновеніе, вслѣдствіе недоразумѣній, такъ что Барановъ сталъ угрожать ему смѣною его съ командованія и предписалъ ему стать со своимъ кораблемъ подъ выстрѣлами крѣпости. Но Лазаревъ не только не исполнилъ этого приказанія, но и ушелъ вовсе изъ Новоархангельска, не смотря на нѣсколько пушечныхъ выстрѣловъ, которыми Барановъ думалъ заставить его возвратиться въ портъ. Лазаревъ возвратился въ Кронштадтъ 15 іюня 1816 года съ грузомъ мѣховъ, полученныхъ отъ Баранова, и грузомъ москательныхъ товаровъ, хлопка, закупленныхъ Лазаревымъ въ Чили, Перу для компаніи, всего на 1.000,000 руб. ассиг. По возвращеніи Лазарева въ Кронштадтъ, по распоряженію морского министерства, была назначена коммиссія для изслѣдованія причинъ, побудившихъ Лазарева оставить Новоархангельскъ безъ разрѣшенія главнаго правителя колоній. Результатъ этой коммиссіи утвердилъ Главное Правленіе компаніи въ мысли—уполномочить начальника слѣдующей кругосвѣтной экспедиціи, Гагмейстера, принять отъ Баранова управленіе колоніями, «если онъ найдетъ это полезнымъ».

Около этого времени Барановъ получилъ отъ короля Сандвичевыхъ острововъ, Томеомео, предложеніе вступить съ нимъ въ торговыя сношенія, для чего король самъ намѣревался пріѣхать въ Новоархангельскъ. Барановъ поручилъ шкиперу Бениту отправиться туда въ 1814 году на компанейскомъ суднѣ «Берингъ» для покупки провизіи. Корабль былъ выкинутъ бурею на берегъ острова Атуаи. Туземцы разграбили грузъ корабля, а король острова, Томари, находившійся во враждѣ съ Томеомео, отказался выдать захваченные товары. Тогда Барановъ въ 1815 году на американскомъ суднѣ послалъ къ Томеомео доктора Шефера, для переговоровъ о торговыхъ сношеніяхъ и для полученія обратно захваченнаго груза или уплаты за него вознагражденія. Томеомео принялъ сначала Шефера очень благосклонно, но слухи, распущенные американцами, что русскіе желаютъ только овладѣть его островами, измѣнили его расположеніе. Шеферъ отправился къ королю Томари. Исцѣливъ его отъ водяной болѣзни, а жену его отъ лихорадки, Шеферъ пріобрѣлъ себѣ неограниченное его довѣріе. Томари согласился исполнить всѣ требованія Баранова, а Шеферъ обѣщалъ доставить Томари, для завладѣнія островами Томеомео 500 чел. и нѣсколько судовъ съ приличнымъ вооруженіемъ, за что король обязался уплатить компаніи сандаловымъ деревомъ. Сверхъ того Шеферъ принималъ на себя командованіе войсками Томари, подъ условіемъ уступки компаніи половины острова Оагу. Наконецъ, по особому соглашенію, король Томари, со всѣмъ подвластнымъ ему народомъ, предавался подъ покровительство императора Россіи. По докладѣ императору Александру Павловичу просьбы короля Томари о покровительствѣ, его величество призналъ исполненіе ея неудобнымъ и поручилъ Россійско-американской компаніи отклонить желаніе короля, возвратить ему актъ, заключенный съ Шеферомъ, и ограничиться поддержаніемъ съ Сандвичевыми островами торговыхъ сношеній. Что касается до земель, уступленныхъ Томари компаніи, то императоръ разрѣшилъ пользоваться ими, если это признано выгоднымъ. Впослѣдствіи возвращеніе королю акта о покровительствѣ было отклонено, и императоръ пожаловалъ Томари золотую медаль на аннинской лентѣ съ надписью: «Владѣтелю Сандвичевыхъ острововъ Томари въ знакъ дружбы его съ россіянами», и сверхъ того кортикъ съ приличною оправою и крамоазинный плащъ съ золотыми кистями и позументами.

Но американцы, торговавшіе съ Сандвичевыми островами, всѣми мѣрами возбуждали ненависть туземцевъ къ русскимъ, скупали у Томари все, что тотъ обязался отдать за захваченные у русскихъ товары, истребили учрежденную Шеферомъ на Оагу факторію, убѣждали Томари спустить русскій флагъ, поднятый имъ въ знакъ поступленія его владѣній подъ покровительство Россіи, причемъ американцы, состоявшіе на службѣ русской компаніи, соединились

со своими соотечественниками а въ числѣ ихъ командиръ компанейскаго брига «Ильмень», Воздвитъ, безъ церемоніи покинулъ ввѣренное ему судно. Шеферъ съ опасностью жизни, при помощи знакомаго ему шкипера, перебрался въ Кантонъ въ іюлѣ 1817 г., оставя русскихъ на островѣ Оагу подъ начальствомъ промышленника Тараканова. Опытъ Шефера о прочномъ водвореніи русскихъ на Сандвичевыхъ островахъ обошелся Россійско-американской компаніи въ 230,000 руб. ассиг., безвозвратно утраченныхъ. Таракановъ возвратился со своими людьми въ Новоархангельскъ въ 1818 году.

Четвертая кругосвѣтная экспедиція, отправленная главнымъ правленіемъ въ 1816 году, подъ начальствомъ капитанъ-лейтенанта Гагемейстера, состояла изъ кораблей «Кутузовъ» и «Суворовъ» и съ вещами и припасами слишкомъ на 1.000,000 руб. ассиг. Оба корабля прибыли въ Новоархангельскъ въ 1817 году. Гагемейстеръ принялъ отъ Баранова управленіе колоніями. Барановъ 20 ноября 1818 года отправился въ Россію на кораблѣ «Кутузовъ», но 16 апрѣля 1819 года скончался послѣ выхода изъ Батавіи и былъ похороненъ въ Великомъ океанѣ. «Суворовъ» прибылъ въ Кронштадтъ около 1818 года съ грузомъ слишкомъ на 900,000 р., а корабль «Кутузовъ» возвратился 9 сентября 1819 года, съ пушными товарами на одинъ милліонъ рублей слишкомъ. Въ пятую кругосвѣтную экспедицію отправленъ былъ корабль «Бородино», въ 600 тоннъ, а въ шестую—корабль «Кутузовъ». Первый доставилъ изъ колоніи пушныхъ товаровъ на 800,000 р., а второй на 1.109,368 р.

Во время управленія колоніями Баранова, противъ него составленъ былъ въ 1809 году заговоръ нѣкоторыми изъ находившихся на службѣ компаніи. Промышленники Найлаковъ и Поповъ, съ значительнымъ числомъ соучастниковъ рѣшили, убивъ Баранова и его приближенныхъ и преданныхъ ему людей, взять одно изъ компанейскихъ судовъ, всю артиллерію, снаряды, припасы, морехода и нѣсколько женщинъ по выбору и отправиться на одинъ изъ острововъ Южнаго океана, гдѣ и поселиться. Одинъ изъ соучастниковъ открылъ заговоръ Баранову, который, захвативъ всѣхъ заговорщиковъ, пятерыхъ главнѣйшихъ отослалъ въ оковахъ въ Камчатку для преданія суду. Главное правленіе, желая имѣть въ колоніяхъ лицо, которое могло бы замѣстить Баранова на случай его смерти или въ случаѣ желанія оставить ввѣренный ему постъ,—а по письмамъ Баранова онъ этого давно просилъ—отправило въ 1808 году въ Новоархангельскъ коллежскаго ассесора Коха, но онъ, не доѣхавъ до мѣста назначенія, умеръ въ Петропавловскѣ. Кохъ былъ необыкновенный самохвалъ. Жители Охотска долго помнили его поговорку: «на небѣ Богъ, а на землѣ Кохъ!» Затѣмъ, на смѣну Баранова, былъ посланъ коллежскій совѣтникъ Борноволоковъ, но и онъ погибъ при крушеніи карабля «Нева» у береговъ Ситхи, 9 января 1813 года. Вообще компаніи не счастливилось съ ея судами. Съ 1799 г. по 1821 годъ, 16 компанейскихъ судовъ потерпѣли крушеніе, 5 были разобраны по вѣтхости и три проданы, въ замѣнъ которыхъ было пріобрѣтено 5 иностранныхъ судовъ для кругосвѣтныхъ экспедицій и 8 для плаванія въ колоніальныхъ водахъ и построено въ Охотскѣ и на колоніальныхъ верфяхъ 15.

Барановъ, удрученный лѣтами и болѣзнію, утратилъ прежнюю свою твердость и необыкновенную силу характера, которыми отличался при основаніи колоній и въ первые годы ихъ управленія. Ослабленіе желѣзнаго характера этого человѣка естественно послужило поводомъ ко многимъ злоупотребленіямъ со стороны подчиненныхъ, трепетавшихъ прежде передъ нимъ и боявшихся заслужить его нерасположеніе. Заговоръ 1809 года уже показывалъ, что Баранова перестали любить и бояться. Главное правленіе находило также со стороны Баранова замедленіе въ представленіи подробной отчетности о колоніальномъ дѣлопроизводствѣ; но при сдачѣ имъ колоній Гагемейстеру компанейское имущество было найдено не только въ совершенномъ порядкѣ, но даже въ большемъ количествѣ, чѣмъ сколько значилось по описямъ. Несмотря на огромные доходы, доставленные Барановымъ при своемъ управленіи Россійско-американской компаніи, онъ не оставилъ послѣ себя никакого состоянія.

Барановъ былъ скорѣе малаго, нежели средняго роста. Старость и понесенные имъ труды оставили въ немъ очень мало слѣдовъ того пыла, который воодушевлялъ его въ прежнее время. Лицо его въ 1818 году было покрыто морщинами; онъ лишился совершенно волосъ; ходилъ онъ твердо, хотя ему было уже 80 лѣтъ. Онъ сочинилъ пѣсню «Умъ россійскій промыслы затѣялъ» и когда ее пѣли, то, несмотря на свои 80 лѣтъ, становился въ кружокъ своихъ любимцевъ, чтобы вмѣстѣ съ ними провозгласить общіе ихъ подвиги въ Новомъ свѣтѣ. Его укоряли въ жестокости; но надобно знать, что при учрежденіи колоній Барановъ былъ начальникомъ не благоустроеннаго общества, а скорѣе шайки разбойниковъ, изъ которыхъ каждый считалъ себя ему равнымъ. Они состояли преимущественно изъ ссыльныхъ или развратныхъ, промотавшихся людей, которые не могли найти себѣ мѣста въ Россіи. Не даромъ про нихъ сказалъ поэтъ:

„Вернулся алеутомъ и крѣпко на руку нечистъ".

Когда учредилась американская компанія, особенно когда установилось нормальное сообщеніе съ Россіею, то и обстоятельства перемѣнились.

Барановъ отличался свѣтлымъ, рѣшительнымъ умомъ. Онъ былъ и начальникъ, и работникъ, поваръ и часовой. Всѣ бывавшіе у него въ Новоархангельскѣ отдавали уваженіе его уму, знаніямъ, опытности, твердости духа. Ему не надоѣдали безпрерывные дожди на Ситхѣ, отъ которыхъ другіе приходили въ уныніе; онъ не страшился дикарей, угрожавшихъ ему нападеніемъ и приводившихъ свое намѣреніе въ исполненіе, особенно въ первые годы управленія Баранова. Но Барановъ опытностью и благоразуміемъ удачно отражалъ всякій разъ непріятелей, предугадывалъ намѣренія дикихъ жителей и дѣйствовалъ, въ отношеніи къ нимъ, съ самою разсчетливою осторожностію. Чтобы сильнѣе дѣйствовать на суевѣрные умы дикарей, Барановъ всегда носилъ подъ кожаннымъ платьемъ латы, но такъ, чтобы онѣ не были замѣтны. Иногда онъ дастъ плѣнному лукъ и стрѣлы и велитъ стрѣлять въ себя, сказавъ: «ваши стрѣлы не убьютъ меня». Дикарь мѣтитъ прямо въ сердце, но стрѣла отскакиваетъ; онъ беретъ другую стрѣлу, осматриваетъ конецъ, вновь натягиваетъ лукъ, но стрѣла вторично упадаетъ, не вонзившись въ тѣло Баранова. Дикарь, освободившись изъ плѣна, разсказываетъ своимъ землякамъ подобныя непостижимыя для него чудеса, которымъ онъ былъ самъ очевидецъ. Желая увѣрить дикихъ въ своей непобѣдимости, Барановъ показывалъ имъ разные фокусы, которые приводили ихъ въ ужасъ. Вслѣдствіе всего этого колоши или колюжи стали считать Баранова самымъ великимъ шаманомъ, перестали нападать на русскихъ и даже, встрѣчая ихъ въ лѣсахъ и на работахъ, не безпокоили ихъ. Но, несмотря на такое смиреніе колюжей, Барановъ не имѣлъ къ нимъ довѣрія и, по его приказанію, русскіе, отправляясь изъ крѣпости Новоархангельска, должны были непремѣнно имѣть каждый по ружью. Оно должно было находиться при немъ въ крѣпости даже во время ѣды и сна.

Для пріученія своей команды быть всегда готовой къ отраженію дикарей, Барановъ неоднократно дѣлалъ ей испытанія. Онъ запрется въ крѣпости со всѣми своими подчиненными, вынесетъ котелъ съ ромомъ, велитъ пить всѣмъ, кто только хочетъ, и самъ вмѣстѣ съ ними пьетъ. Замѣтивъ, что всѣ присутствующіе перепились, Барановъ вдругъ прикажетъ сдѣлать тревогу. Тогда каждый долженъ былъ находиться въ исправности на назначенномъ ему мѣстѣ. Если кто не въ состояніи былъ доползти до своего мѣста, но лежалъ на дорогѣ со всѣми военными принадлежностями, того Барановъ всегда благодарилъ; но плохо было тому, кто лежалъ пьяный безъ ружья: за эту оплошность онъ подвергался наказанію. Барановъ часто говорилъ: «пей, а свое дѣло знай; если кто лежитъ пьяный съ ружьемъ, то дикарь никогда не тронетъ, изъ опасенія, не притворяется ли онъ; если же лежитъ безъ ружья, то дикарь смѣло пойдетъ на него, зная, что ему нечѣмъ защищаться». Подобныя попойки соотвѣтствовали тогдашнему быту русскаго колоніальнаго населенія, искавшаго въ нихъ отдохновенія послѣ продолжительныхъ тяжелыхъ работъ. Съ прочнымъ водвореніемъ власти Россійско-американской компаніи,

миновали и времена Баранова. На томъ мѣстѣ, гдѣ были поставлены палатки, въ которыхъ жили первоначальные основатели, ежеминутно тревожимые дикими, явился огромный домъ главнаго правителя колоній съ большими, прекрасно убранными залами; тамъ гдѣ былъ дремучій, непроходимый лѣсъ, появился храмъ во имя Архангела Михаила и часовня для лютеранъ. Построенъ былъ монастырь съ семинаріею и духовнымъ управленіемъ; учреждена была школа для мальчиковъ, въ которой преподавали навигацію, воспитательное училище для дѣвицъ, исправный арсеналъ, обсерваторія, музыкальный классъ, библіотека, двѣ больницы съ аптекой, пильный заводъ, водяная мельница, клубъ, въ которомъ жили неженатые судовые капитаны, штурмана и приказчики. Въ Новоархангельскѣ было постоянное мѣстопребываніе главнаго правителя колоній, въ чинѣ капитана перваго ранга, помощника его и нѣсколькихъ флотскихъ офицеровъ на службѣ компаніи. Съ прибытіемъ компанейскихъ судовъ изъ разныхъ мѣстъ на зимовку въ Ситху, Новоархангельскъ оживлялся, дѣлался шумнымъ, многолюднымъ. Въ клубѣ устраивался театръ и давались вечеринки, на которыя приглашалось все почетное и полупочетное общество Новоархангельска. Это раздѣленіе зависѣло отъ того, кто сколько получаетъ жалованья. Эти вечернія собранія на отдаленномъ островѣ Восточнаго океана, въ полудикой странѣ, отличались радушіемъ, потому что отдаленность, уединенность мѣста сближала всѣхъ, и тутъ дружески сходились люди, которые на родинѣ, можетъ быть, не подали бы другъ другу руки.

Первое знакомство русскихъ съ колошами произошло въ 1783 году. Колоши даже послѣ занятія Ситхи въ 1799 году пользовались каждымъ случаемъ для нанесенія вреда русскимъ, поселившимся среди ихъ бывшихъ владѣній, и старались сохранить свою независимость, подобно индійцамъ сѣверной Америки. Они живутъ на сѣверо-западномъ берегу Америки отъ 45° до 60°, или отъ рѣки Колумбіи до горы св. Иліи, преимущественно по островамъ, прилегающимъ къ материку. Ситхинскіе колоши говорятъ, что они пришли не съ запада, какъ алеуты, но съ востока, съ противоположнаго берега Америки. На своемъ языкѣ колоши называютъ себя «людьми повсемѣстными». Они раздѣляютъ себя на два главныхъ рода: *вороній родъ* или родъ Эли *и родъ волчій* или Канука. Подъ именемъ Эля или ворона подразумѣвается не птица, а человѣкъ, носившій такое имя; равно какъ колоши волчьяго рода признаютъ своимъ родоначальникомъ не волка, но человѣка Канука (волка). Волчій родъ самый знаменитый. Вообще изъ подраздѣленія колошъ на роды, поколѣнія, семейства, можно догадываться, что они первоначально произошли отъ двухъ семействъ, главами которыхъ были Эль и Канукъ. Дѣти ихъ назывались именами птицъ, звѣрей и другихъ животныхъ; потомство ихъ жило прежде вмѣстѣ, но въ разныхъ жилищахъ, изъ которыхъ каждое отличалось или видомъ или положеніемъ своимъ на горѣ, на берегу моря и проч. Когда члены умножившагося потомства стали отдѣляться другъ отъ друга, то удержали за собою или названіе того жилища, въ коротомъ родились, или названіе того изъ дѣтей Эля или Канука, отъ котораго произошли. Названія эти сохранились до нынѣ.

Верховнымъ существомъ у большинства колошъ считается «Эль» Онъ можетъ все сдѣлать: онъ сотворилъ все въ мірѣ: землю, человѣка, животныхъ, растенія, птицъ, луну, звѣзды. Онъ любитъ людей, но часто, въ гнѣвѣ своемъ, насылаетъ на нихъ повѣтрія и ненастія. Эль существовалъ прежде своего рожденія: онъ не старѣется и никогда не умретъ. Эль имѣетъ сына, но не знаютъ отъ кого и когда рожденнаго. Сынъ его любитъ людей болѣе Эля и часто своимъ ходатайствомъ у отца избавляетъ ихъ отъ его гнѣва.

Хлѣбниковъ, долго жившій въ русскихъ колоніяхъ въ Америкѣ, собралъ о миѳологіи колѣнъ слѣдующія, свѣдѣнія: китхъ-угинъ-си, первобытный житель земли, имѣлъ сестру и рожденныхъ отъ нея дѣтей онъ истреблялъ для того, чтобы не размножить людей на землѣ. Кромѣ его были еще другіе жители на землѣ, надъ которыми онъ имѣлъ власть и за преступленіе наказывалъ потопомъ, но не могъ истребить ихъ всѣхъ, потому что люди на плотахъ

и лодкахъ спасались на вершинахъ высокихъ горъ, которыхъ вода не покрывала. Тамъ они привязывали свои суда канатами къ кампямъ и удерживались. Плоты и канаты сохраняются до настоящаго времени на вершинахъ горъ. Сестра Китхъ-угинъ-си, наскучивъ выносить обиды отъ брата, бѣжала отъ него далеко на морской берегъ, гдѣ и построила себѣ хижину изъ древесной коры. Въ одинъ ясный день она вышла на берегъ, увидѣла лежащихъ на морѣ китовъ, и, не зная этихъ животныхъ, стала кричать имъ, чтобы они подошли къ ея жилищу и доставили бы ей пищи, потому что она терпитъ голодъ. Киты, не отвѣтя ей ничего, скрылись, но вечеромъ того же дня, въ хижину пришелъ статный мужчина и спросилъ ее, почему она одна и терпитъ голодъ. Она разсказала, что братъ не давалъ ей воспитывать своихъ дѣтей и что, сожалѣя объ ихъ участи, она была принуждена бѣжать и подверглась голоду. Пришедшій мужчина послалъ одного изъ своихъ невольниковъ на лайду, велѣлъ принести маленькій круглый камешокъ, положить его на огонь и когда онъ раскалился, то далъ его ей проглотить. Когда она проглотила камешокъ, то мужчина сказалъ ей, что она послѣ того родитъ сына, котораго никто не убьетъ, затѣмъ мужчина скрылся.

Вскорѣ затѣмъ она почувствовала себя беременною и родила сына Эль. Воспитывая его, она каждое утро купала его въ морской водѣ, а когда онъ началъ выростать, то сдѣлала стрѣлку и показывала ему какъ надобно бить ею птицъ. Ходя по лѣсамъ, онъ настрѣлялъ много колибри, изъ шкуръ которыхъ мать сшила себѣ одежду. Однажды онъ увидѣлъ въ лѣсу на деревѣ что то бѣлое, выстрѣлилъ и убилъ большую птицу. Снявъ съ нея шкуру, онъ надѣлъ ее на себя. Разсматривая крылья и понимая, что при ихъ помощи птица можетъ летать по воздуху, онъ сказалъ: и какъ бы я былъ радъ, если бы могъ летать такъ, какъ птица. Съ этими словами Эль поднялся на воздухъ, но не умѣя управлять крыльями, скрылся за облаками, гдѣ, почувствовавъ тягость, воскликнулъ съ раскаяніемъ: лучше бы мнѣ быть съ матерью, и послѣ этихъ словъ онъ вдругъ явился у ея хижины. Проживъ нѣсколько времени вмѣстѣ, мать разсказала ему поступки Китхъ-угинъ-си, какъ онъ истреблялъ ея дѣтей и почему они находятся на берегу моря. Эль, чувствуя свои силы, сталъ проситься у матери, чтобы она отпустила отомстить своему дяди. Мать не позволяла, утверждая, что онъ не возвратится къ ней живой; но наконецъ, въ слѣдствіе неотступныхъ его просьбъ, дала ему свое согласіе. Придя въ хижину своего дяди, онъ не засталъ его дома. Колчи отвѣчали, что онъ уѣхалъ. Старикъ, выѣзжая изъ дома, запиралъ свою жену изъ ревности въ большой сундукъ, который подвѣшивалъ посреди хижины. Племянникъ спросилъ, что въ немъ хранится, и когда сказали, что тамъ находится жена его дяди, то онъ, несмотря на сопротивленіе колчи, сломалъ крышу и выпустилъ ее. Чрезъ нѣсколько дней увидѣли съ моря лодку, въ которой былъ Китхъ-угинъ-си, и немедленно жену его посадили въ сундукъ и подвѣсили. Китхъ-угинъ-си, подъѣхавъ къ берегу, узналъ о перемѣнѣ въ его домѣ и спросилъ: кто сломалъ сундукъ. Колчи со страхомъ отвѣчали, что это былъ его племянникъ, котораго они не въ силахъ были удержать. Старикъ, придя домой, собралъ всѣхъ живущихъ людей въ свою хижину и повелѣлъ водамъ подняться и потопить всѣхъ небывшихъ съ нимъ. Племянникъ его сидѣлъ наверху хижины; онъ имѣлъ на себѣ птичью шкуру, не боялся угрозъ своего дяди и велѣлъ водамъ немедленно отступить. Послѣ того, сошедши внизъ, заперъ со всѣхъ сторонъ накрѣпко хижину, чтобы изъ нея никто не могъ освободиться и приказалъ водамъ подниматься, а самъ на крыльяхъ птицы полетѣлъ на небо. Онъ леталъ долгое время, но наконецъ обезсилѣлъ, упалъ на землю и больно зашибся о камень. Это было причиною, что люди послѣ это паденія начали чувствовать болѣзненные припадки. Онъ долго лежалъ недвижимымъ на томъ мѣстѣ, гдѣ упалъ, какъ вдругъ въ одно утро, во время крѣпкаго сна услышалъ голосъ: «иди, тебя призываютъ!» Проснувшись и не видя никого, Эль подумалъ, что это была мечта и потому вновь заснулъ. Но голосъ въ другой разъ повторилъ эти же самыя слова. Эль проснулся и, не видя никого, собрался съ силами и пошелъ къ морскому берегу. На морѣ онъ увидѣлъ плавающихъ бобровъ и подумалъ:

неужели эти морскія звѣри меня призывали? Плавающій бобръ отвѣчалъ ему «садись на меня я довѣзу тебя куда призываютъ».

— Ты утопишь меня? спросилъ Эль.

— Зажми глаза и садись, ничего не опасаясь, отвѣчалъ бобръ.

Повинуясь призывному голосу, Эль сѣлъ на бобра и плылъ довольно долгое время, когда наконецъ бобръ сказалъ ему: открой глаза и смотри! Взглянувши, Эль увидѣлъ берегъ со множествомъ людей. Выйдя на берегъ, онъ увидѣлъ мать и дядю, которые обрадовались ему, хотѣли угостить его, но онъ не могъ ничего ѣсть. Дядя собралъ къ себѣ всѣхъ людей, которые тамъ находились. Въ числѣ этихъ гостей одинъ имѣлъ два брюха и ѣлъ очень много. Эль спросилъ, почему у него сдѣлались два брюха. Сначала двубрюхій не хотѣлъ ему сказывать, но по усиленной просьбѣ Эля признался ему, что однажды онъ увидѣлъ ворона, страдавшаго болѣзнію и велѣлъ ему скоблить кожу у одной лапы подъ суставомъ. Воронъ дѣлалъ это до тѣхъ поръ, пока потекла изъ нея вода. Послѣ такого излеченія, воронъ получилъ способность производить всѣхъ животныхъ, а двубрюхому велѣлъ съѣсть соскобленную съ ноги кожу, вслѣдствіе чего тотъ и сдѣлался прожорливымъ. Эль этимъ способомъ ознакомился съ ворономъ и получилъ отъ него право быть родоначальникомъ колошъ.

Преданіе колошъ о Канукѣ, по сообщенію Веніаминова, не столь опредѣлительно или отчетливо, какъ преданіе объ Элѣ. Преданіе о Канукѣ представляетъ его какимъ-то таинственнымъ лицомъ, безъ начала и конца, старше и могущественнѣе самаго Эля. Такъ Канукъ былъ человѣкъ, который когда-то жилъ на одномъ безлѣсномъ островкѣ, называемомъ колошами «морскою крѣпостью» вблизи мыса Омманея. На этомъ островкѣ, по словамъ колошъ, находится небольшой четырехъ-угольный каменный колодецъ съ водою, закрывающійся каменною крышкою. Внутри колодца, въ верхней части, въ камнѣ видна узкая горизонтальная полоса, совершенно другаго цвѣта, какъ прочія части и которой будто-бы въ первое время не было. Она сдѣлалась тогда только, когда Эль выпилъ или похитилъ воду изъ этого колодца; на чертѣ оставшейся воды и явилась именно эта полоса. Колоши говорятъ, что даже и нынѣ находящаяся въ этомъ колодцѣ вода имѣетъ чудное свойство: она тотчасъ скрывается въ колодцѣ и появляется на берегу моря, если кто нибудь *нечистый* вымоетъ въ ней руки. Вода эта и то мѣсто, гдѣ она находится, нынѣ называется «Канукова вода» Подобное названіе оно имѣетъ по той причинѣ, что во время странствованія Эли по свѣту и когда еще не было прѣсной воды на землѣ, на островахъ и на материкѣ, тогда Канукъ хранилъ ее въ означенномъ колодцѣ, притомъ столь тщательно и крѣпко, что построилъ надъ нимъ барабару (домъ) и даже спалъ на его крышѣ.

Однажды Канукъ ѣхалъ по морю въ лодкѣ и, встрѣтивъ Эля, спросилъ его: «давно ли ты живешь на свѣтѣ»? Эль отвѣчалъ ему, что «онъ» родился на свѣтѣ тогда, когда еще земля не была переставлена (по понятіямъ колошъ ихъ земля была сперва не на нынѣшнемъ ея мѣстѣ).— «Давно ли ты живешь на свѣтѣ»? спросилъ его Эль.—«Съ тѣхъ поръ какъ съ низу вышла печенка» (колоши не могли объяснить что это значитъ). «Значитъ ты старше меня», отвѣчалъ Эль. Разговаривая такимъ образомъ, они отъѣхали далѣе отъ береговъ, каждый въ своей лодкѣ. Канукъ, желая показать свое преимущество передъ Элемъ, снялъ съ себя шляпу и положилъ ее позади себя: и тотчасъ появился самый густой туманъ на поверхности моря, такъ что съ кормы лодки не видно было ея носа. Канукъ въ это время отъѣхалъ отъ своего спутника, а Эль, не видя ничего, сталъ зватьКанука, и не зналъ куда ѣхать. Наконецъ Эль со слезами началъ умолять Канука о помощи. Тогда Канукъ подъѣхалъ къ нему и, сказавъ «что ты, о чемъ плачешъ?», надѣлъ шляпу и туманъ немедленно исчезъ. «Послѣ того Эль сказалъ Кануку: «ты сильнѣе меня!».

Канукъ пригласилъ Эля къ себѣ въ гости и когда они пріѣхали на вышеупомянутый островокъ, то Канукъ въ числѣ прочаго угощенія, потчивалъ своего гостя прѣсною водою. Эта

вода чрезвычайно понравилась Элю и онъ пилъ ее съ ненасытною жадностію. Послѣ стола Эль сталъ разсказывать о своемъ происхожденіи и всю исторію міра. Канукъ первоначально слушалъ его со вниманіемъ, но наконецъ, не смотря на интересъ разсказа, сталъ дремать, а потомъ заснулъ крѣпкимъ сномъ, но не иначе, какъ на крышѣ своего колодца. Въ это время Эль взялъ вонючей грязи и тихонько подложилъ ее подлѣ Канука; затѣмъ Эль отошелъ отъ него и сталъ кликать его: «вставай, смотри, ты кажется нездоровъ». Канукъ, проснувшись, принялъ уловку Эля за истину и побѣжалъ въ море мыться. Въ это время Эль поспѣшилъ открыть крышку съ колодца и пилъ изъ него столько, сколько могъ. Напившись и набравши въ ротъ воды, онъ обернулся вороном и полетѣлъ въ трубу барабары, но чѣмъ то былъ задержанъ въ самомъ отверстіи. Тогда Канукъ, вернувшись, разложилъ въ низу огонь и сталъ коптить своего гостя, сколько ему было угодно. Отъ этого Эль, а съ нимъ и воронъ сдѣлался черенъ, а до того былъ бѣлъ. Наконецъ Канукъ смилосердился и отпустилъ Эля, который полетѣлъ на свою землю и сталъ ронять на нее изъ рта капли воды. Тамъ, гдѣ упали мелкія капли, текутъ нынѣ ручьи и ключи, а гдѣ упали большія капли, тамъ явились озера и рѣки.

Кромѣ этой легенды, колоши не знаютъ ничего другаго о Канукѣ.

Что касается до алеутовъ, то они, до принятія христіанства, вѣрили, что есть творецъ всего видимаго и невидимаго; но они не дѣлали ему никакого поклоненія, а признавали властителями и управителями всего окружающаго духовъ двухъ родовъ, изъ которыхъ одни дѣйствовали болѣе въ пользу человѣка, а другіе во вредъ ему. По убѣжденію алеутовъ существуютъ три свѣта: высшій свѣтъ, не имѣющій ночи и въ которомъ обитаетъ множество людей; другой свѣтъ—это нашъ міръ и наконецъ третій свѣтъ—подземный, гдѣ также обитаетъ множество людей,—смертныхъ или безсмертныхъ, неизвѣстно. У алеутовъ не было ни храмовъ, ни идоловъ, но были священныя или заповѣдныя мѣста, а также совершались жертвоприношенія невидимымъ духамъ. Заповѣдныя мѣста, въ видѣ бугра, утеса или какого нибудь замѣтнаго мѣста на утесѣ, находились при всякомъ селеніи. Въ такія мѣста строго запрещалось ходить всѣмъ женщинамъ и молодымъ мужчинамъ, особенно сорвать тамъ травку или взять оттуда какой-нибудь камешокъ. Но старики и пожилые мужчины могли ходить туда въ извѣстное время и не иначе какъ только для жертвоприношеній. И по принятіи христіанства, очень долго старики и старухи запрещали ходить на подобныя заповѣдныя мѣста, но затѣмъ такое запрещеніе перестало имѣть силу. Жертвоприношенія у алеутовъ были или частныя, неопредѣленныя, или общія и извѣстныя. Перваго рода жертва состояла изъ какихъ нибудь вещей, болѣе всего изъ звѣриныхъ шкуръ, которыя приносились въ заповѣдныя мѣста для испрошенія помощи себѣ къ отомщенію врагамъ или помощи для промысла звѣрей. Второго рода жертва состояла изъ перьевъ хвоста урила и пестрыхъ перьевъ сыча, которыя могъ приносить каждый изъ мужчинъ и когда только онъ хотѣлъ. Назначеннаго мѣста для такихъ жертвоприношеній не было, но только они не приносились въ самомъ селеніи, а также въ закрытыхъ мѣстахъ. Обрядъ этого жертвоприношенія состоялъ въ томъ, что жертвоприноситель бралъ извѣстныя перья, обмакивалъ каждое изъ нихъ въ какую нибудь краску (болѣе въ зеленую или красную), кидалъ ихъ порознь на всѣ четыре стороны, и при каждомъ разѣ когда надобно было кинуть перо, онъ именно высказывалъ свою просьбу невидимымъ духамъ, т. е. просилъ или счастливаго успѣха въ войнѣ или на промыслѣ, или утишенія вѣтра и пр., а затѣмъ кидалъ перо на воздухъ, приговаривая «мнѣ принеси».

У алеутовъ были и шаманы. Старики алеуты увѣряли, что нѣкоторые изъ ихъ знаменитыхъ шамановъ, еще задолго до прибытія русскихъ, предсказывали имъ, что къ нимъ придутъ изъ за морской окраины бѣлые люди другаго обычая, и что въ послѣдствіи всѣ алеуты сдѣлаются такими же, какъ и пришельцы, и будутъ жить по ихъ обычаямъ. Съ первымъ же появленіемъ русскихъ, шаманы стали предсказывать, что надъ ихъ островами, на восточной сторонѣ, они видятъ свѣтлую зорю или большой свѣтъ и въ немъ много людей, подобныхъ

новымъ пришельцамъ, а въ нижнемъ свѣтѣ людей, которыхъ они видѣли прежде, стало очень мало и что тамъ сдѣлалась непроницаемая тьма.

Замѣчательно, что алеуты всѣ вдругъ и безъ малѣйшаго принужденія приняли христіанскую вѣру.

Алеуты, хотя и неопредѣленно, но вѣрили безсмертію души человѣческой и въ будущую жизнь. Такъ почетные алеуты, умирая, завѣщевали убивать калговъ (невольниковъ) и класть ихъ съ собою, въ томъ убѣжденіи, что они будутъ имъ служить въ будущей жизни такъ же, какъ и въ здѣшней. Не всякій калга удостоивался быть вмѣстѣ со своимъ господиномъ, но только заслуженный и любимый имъ, такъ что если не всѣ, то, по крайней мѣрѣ, нѣкоторые изъ нихъ надѣялись жить хорошо и въ будущей жизни. Но вообще всѣ алеуты думали и вѣрили, что души умершихъ, или, по ихъ словамъ, тѣни невидимо обитали между своими родными, сопутствуя имъ на землѣ и на морѣ, особенно съ тѣми, кого они любили. Алеуты вѣрили также, что души умершихъ въ состояніи были сдѣлать всякое добро и зло, а потому живые призывали ихъ на помощь въ опасностяхъ, особенно во время войнъ, предпринимаемыхъ въ отомщеніе за безчестіе, нанесенное всему ихъ роду.

Что касается до происхожденія перваго человѣка, то алеутскіе богословы утверждали, что первоначально земля была пуста и никѣмъ не обитаема, но въ одно время съ верху, т. е. съ неба, упали на землю два существа, видомъ похожія на человѣка, но только на тѣлѣ ихъ была длинная шерсть. Отъ нихъ родилась пара подобныхъ имъ существъ, но безъ шерсти и отъ этой пары произошли всѣ люди и начали распространяться на востокъ, западъ и сѣверъ (объ югѣ они не говорятъ, потому что тамъ они не полагаютъ существованія людей). Мѣсто, гдѣ произошли первые люди, было теплое; тамъ не было ни зимы, ни бурь, но постоянное благораствореніе воздуха. Первые люди были долговѣчные, крѣпкіе, сильные. Первоначально люди жили мирно и дружно, не зная ни зависти, ни ненависти, ни вражды. Они также не знали никакой нужды. Но съ умноженіемъ людей начали появляться недостатки и нужды, которыя научили дѣлать орудія для промысла животныхъ. Потомъ появились несогласія, вражда и оружія обратились на людей. Недостатки и притѣсненія отъ сильнѣйшихъ заставили удаляться отъ перваго мѣста жительства и отъ того произошли всѣ народы.

По другому объясненію, прежде нежели люди появились на Уналашкѣ и во всей Америкѣ, былъ на островѣ Юнаскѣ одинъ человѣкъ, мужчина (имя его неизвѣстно), который, проживъ очень долгое время въ одиночествѣ, началъ помышлять о томъ, что не можетъ быть, чтобы не было людей на свѣтѣ исключая его. Въ намѣреніи поискать людей, подобныхъ себѣ, онъ вздумалъ путешествовать и для того сдѣлалъ себѣ лодку, родъ байдарки. Прежде онъ объѣхалъ островъ Юнаску, но не найдя на немъ никого, отправился на Четырехъ-соточные острова, гдѣ также не нашелъ никого. Затѣмъ онъ поѣхалъ на Умнакъ. Приставъ къ его западной оконечности, онъ вышелъ на берегъ и тотчасъ же увидѣлъ тропу человѣка. Спустя нѣкоторое время съ лайды къ нему подошла женщина, съ которою онъ скоро познакомился; она ему понравилась и сдѣлалась его женою. Отъ этого супружества и произошли всѣ народы, населяющіе сѣверо-западную Америку. Первымъ ихъ плодомъ была собака, вторымъ какое-то странное существо мужскаго пола съ крыльями, которое, подростя, стало говорить своимъ родителямъ: «я не способенъ для человѣка; подумайте о моей участи». Мать предложила мужу убить его; отецъ согласился и убилъ. Тогда только у нихъ родились совершенные люди, сперва сынъ, а потомъ дочь. Отъ послѣдней пары и начали размножаться люди. Но рождающіеся отъ нихъ дѣти и внуки не всѣ говорили однимъ языкомъ, что и заставило ихъ расходиться въ разныя стороны и образовывать разные народы.

Русскіе промышленники, вызванные къ открытію Алеутскихъ островов жаждою наживы, а не ученыхъ изслѣдованій или увеличенія числа подданныхъ россійской имперіи, ознаменовали первые свои года пребыванія на нихъ страшнымъ истребленіемъ кореннаго населенія

алеутовъ. Одна партія промышленника Соловьева истребила отъ 3000 до 5000 алеутовъ въ отомщеніе за умерщвленіе ими русскихъ промышленниковъ на четырехъ судахъ. Поводомъ къ тому послужили слѣдующія обстоятельства: судно, подъ командою промышленника Дружинина, вышло 24 іюня 1762 года изъ Петропавловска. Онъ рѣшился провести зиму на Уналашкѣ, тѣмъ болѣе что алеуты встрѣтили ихъ радушно и въ знакъ своей дружбы выдали даже охотно отъ себя аманатовъ. Русскіе вытащили свое судно на берегъ внутри Кокитонскаго залива, въ бухтѣ, нынѣ называемой Убіенной, и раздѣлились для промысла на три артели. Алеуты очень часто посѣщали главную артель, которая осталась при суднѣ, привозили туда рыбу и звѣриныя шкуры. Въ одно изъ такихъ посѣщеній они узнали отъ своихъ дѣтей аманатовъ, что русскіе одного изъ нихъ высѣкли розгами. Такое тѣлесное наказаніе, сдѣланное сыну тожа (старшины или главы племени), чему у алеутовъ подвергались только невольники и безчестные люди, какъ никогда ими не слыханное и не виданное, алеуты сочли за великое безчестіе, ужаснѣе смерти, за крайнее оскорбленіе ихъ. Сверхъ того алеуты припомнили, что русскіе наносили имъ и другія притѣсненія, обижали ихъ женъ и дочерей, а потому и рѣшили избавиться отъ непріятныхъ гостей, въ томъ предположеніи, что, истребивъ ихъ, они навсегда избавятся отъ подобныхъ пришельцевъ. Въ исходѣ октября они убили всѣхъ русскихъ въ главной артели, а затѣмъ и остальныхъ, кромѣ шести человѣкъ, бывшихъ съ самимъ Дружининымъ въ третьей артели. Они скрывались въ горахъ и только осенью слѣдующаго года перебрались на байдарѣ на островъ Умнакъ, куда въ то время пришло судно промышленника Соловьева, прозваннаго въ послѣдствіи «соловей, истребитель алеутовъ».

Въ ту же осень 1762 г. алеуты умертвили на Умнакѣ русскихъ изъ судна сосѣдственной компаніи, подъ командою Медвѣдева за то, что они силою отнимали у нихъ женъ и дочерей. Экипажъ третьяго судна, стоявшаго въ Протасовской бухтѣ на Аляскѣ, узнавъ, что унимакскіе алеуты хотятъ ихъ убить, рѣшились предупредить ихъ и истребили четыре селенія, но отъ селенія Погромскаго были отбиты и достигли своего судна только въ небольшомъ числѣ. Этихъ остальныхъ, изъ которыхъ многіе перемерли зимою отъ цынги, алеуты также истребили. Узнавъ о погибели русскихъ, Соловьевъ рѣшился отомстить алеутамъ. Берхъ говоритъ, что Соловьевъ убилъ только триста алеутовъ, сто убилъ, а двѣсти поднялъ на воздухъ въ укрѣпленномъ жильѣ. Но Давыдовъ утверждаетъ, что ихъ было убито 3000 человѣкъ, а Сарычевъ, извѣстный точностей своихъ свѣдѣній, указываетъ, что алеутовъ погибло до 5,000. Священникъ Веніаминовъ слышалъ отъ очевидцевъ, что русскіе перѣстреляли многихъ алеутовъ для потѣхи, именно въ Кошигинскомъ селеніи, потому что Соловьеву пришло въ голову испытать: «въ которомъ человѣкѣ остановится пуля». Для того двѣнадцать алеутовъ связывали вмѣстѣ и онъ стрѣлялъ въ нихъ изъ штуцера или винтовки. Говорятъ, что пули останавливались въ девятомъ человѣкѣ. Сверхъ того извѣстно, что Соловьевъ истребилъ двѣ байдары унимакскихъ алеутовъ, прибывшихъ къ своимъ одноплеменникамъ, и уничтожилъ всѣхъ алеутовъ изъ Уналашкинскихъ селеній, съ ихъ женами и дѣтьми, собравшихся на Яичномъ островкѣ для защиты. Убійство это было столь жестоко, что море покраснѣло вокругъ этого островка. Товарищъ Соловьева, Натрубинъ, убивалъ на Аватанакѣ безоружныхъ и безвинныхъ алеутовъ. На ближайшихъ островахъ истребляли алеутовъ другіе товарищи Соловьева.

Но и послѣ Соловьева продолжалось жестокое истребленіе алеутовъ русскими промышленниками, приходившими въ этотъ край въ продолженіи времени съ 1770 по 1790 годъ, особенно входившими въ составъ Очерединской и Полутовской компаній. Особенно памятны остались алеутамъ Илья Лазаревъ и Молотиловъ, бывшіе на Акунѣ. Лазаревъ кидалъ съ утеса, рѣзалъ ножемъ (всегда бывшемъ при немъ) и билъ топоромъ несчастныхъ алеутовъ за то только, если кто нибудь изъ нихъ осмѣливался заглядѣться на его полюбовницу, умершую только въ 1838 г. Одинъ изъ этихъ удальцовъ распоролъ ножемъ животъ алеуткѣ за то только, что она, безъ его позволенія, съѣла любимый кусокъ китовины.

Жестокое обращенiе съ алеутами доходило до Петербурга. Первая правительственная экспедицiя, снаряженная въ 1768—1769 годахъ, подъ начальствомъ Криницына и Левашова, не имѣла успѣха; но вторая, въ 1790—1794 годахъ, Биллинса и Сарычева, положила предѣлъ жестокостямъ и убiйствамъ частныхъ промышленниковъ. Но для алеутовъ не легко было и въ наступившее за тѣмъ мирное время. Компанiя Шелехова, частные промышленники, да и самъ Барановъ, эксплуатировали трудъ алеутовъ такимъ безчеловѣчнымъ образомъ, что они гибли десятками на промыслахъ. Напримѣръ, Меркульевъ увезъ на острова Прибылова за разъ 80 семействъ алеутовъ, но изъ нихъ не возвратилась и половина, потому что 32 человѣка изъ нихъ, подъ начальствомъ русскаго Захарова, погибли въ 1812 году при переѣздѣ съ одного острова на другой. При занятiи острова Ситхи Барановымъ потребовано было сто байдарочныхъ ѣздоковъ съ семействами, изъ которыхъ не болѣе третьей части возвратилось съ Ситхи. При этомъ необходимо присовокупить, что указомъ 1790 года предписано было алеутамъ выставлять ежегодно извѣстное число байдаръ на промыслы, и продавать всѣ свои пушные промыслы компанiи Шелехова, въ замѣнъ чего русское правительство отказывалось отъ уплаты ими ясака. Бѣгство iеромонаха Макарiя съ алеутами на байдарахъ въ Охотскъ было вызвано жестокимъ, хотя и мирнымъ, обращенiемъ съ этими туземцами. Компанiя Шелехова объяснила поступокъ Макарiя подкупомъ купца Киселева, конкурента по промысламъ, и такое объясненiе было необходимо, потому что Императоръ Павелъ Петровичъ первоначально намѣревался лишить эту компанiю дарованныхъ ей преимуществъ и только послѣ продолжительныхъ колебанiй даровалъ ей привилегiю 1799 года. Успѣшное занятiе Барановымъ многихъ новыхъ мѣстъ на сѣверозападномъ берегу Америки содѣйствовало склоненiю императора въ пользу компанiи.

Эксплуатацiя алеутовъ Барановымъ, при всѣхъ его заслугахъ, не могла быть терпима Императоромъ Александромъ Павловичемъ. При снаряженiи въ 1817 году въ Тихiй Океанъ военнаго шлюпа «Камчатка», подъ командою капитана втораго ранга Головнина, ему было предписано морскимъ министромъ разсмотрѣть положенiе жителей колонiй, принадлежащихъ россiйско-американской компанiи и если откроются какiя либо притѣсненiя, обиды или злоупотребленiя, на счетъ тѣхъ жителей чинимыя, объ оныхъ сообщилъ бы свѣдѣнiя свои охотскому начальнику. Передъ тѣмъ «9 апрѣля 1812 г., состоялось высочайше утвержденное положенiе о Камчаткѣ, въ которомъ, между прочимъ, было постановлено, чтобы «камчатскiй начальникъ посылалъ военное судно на Курильскiе и Алеутскiе острова и въ Америку, для обозрѣнiя живущихъ тамъ подвластныхъ Россiи народовъ и донесенiя правительству о состоянiи сихъ народовъ и всѣхъ вообще американскихъ селенiй.—Но эта мѣра не достигала своей цѣли и сибирскiй генералъ-губернаторъ Пестель просилъ морскаго министра, маркиза де-Траверсе, дать вышеозначенное порученiе Головнину, въ виду усилившихся жалобъ со стороны алеутовъ. Головнинъ представилъ въ 1818 году своему начальству записку о состоянiи россiйско-американской компанiи и о состоянiи алеутъ въ ея селенiяхъ. Онъ доказалъ, что компанiя не приноситъ ни выгоды своимъ акцiонерамъ, ни пользы государству и что жалобы алеутовъ на притѣсненiя, жестокое обращенiе съ ними прикащиковъ, непосильныя, изнурительныя работы, насильное разселенiе, вдали отъ семей, на неудовлетворительное вознагражденiе за трудъ и проч. совершенно справедливы. Докладныя записки Головнина побудили правительство положить конецъ злоупотребленiямъ колонiальнаго управленiя и указомъ въ iюлѣ 1819 года предписано было, чтобы главный правитель колонiи былъ сдѣланъ непосредственно отвѣтственнымъ передъ правительствомъ за всѣ злоупотребленiя. Рѣшено было ввести въ управленiе колонiями многiя улучшенiя; всѣмъ служащимъ въ нихъ назначено было не участiе въ прибыляхъ, а опредѣленное жалованiе. Въ главные правители колонiй правительство стало назначать флотскихъ офицеровъ, болѣе или менѣе знакомыхъ съ краемъ. Колонiи стали посѣщаться военными судами, которыя въ ту эпоху снаряжались очень часто для кругосвѣтныхъ плаванiй. Правительственныя экспедицiи (сверхъ прежнихъ Крузенштерна и Лисянскаго) Головнина, Коцебу, Лазарева, Литке, и проч., компанейскiя

Гагемейстера, Врангеля, Тебенькова, Храмченко, Васильева, Кашеварова, Загоскина и друг. обогатили географію, гидрографію, эстественныя науки новыми открытіями и изслѣдованіями. Берега сѣверозападной Америки и прилегающихъ острововъ обилуютъ русскими наименованіями разныхъ мѣстъ.

23-го сентября 1821 года по высочайшему указу была возобновлена привилегія россійско-американской компаніи на новое двадцатилѣтіе. Компанія была преобразована въ силу новаго устава. Съ тѣмъ вмѣстѣ состоялось высочайшее повелѣніе о объявленіи всего западнаго берега Америки, къ сѣверу отъ 51° широты, а равно всего восточнаго берега Азіи къ сѣверу отъ 45°50′ широты, собственностью Россійской имперіи, причемъ иностраннымъ судамъ воспрещено было приближаться къ этимъ берегамъ на разстояніе ста миль, за исключеніемъ случаевъ бѣдственнаго ихъ положенія. Мѣра эта была принята, какъ въ видахъ охраненія монополіи россійско-американской компаніи, такъ и для прекращенія своеволія купеческихъ кораблей и подвоза ими оружія туземцамъ. Англійское правительство протестовало противъ такого распоряженія немедленно по его обнародованіи. Также точно поступили Соединенные Сѣвероамериканскіе Штаты, когда получили оффиціальное о томъ сообщеніе отъ петербургскаго кабинета. Русское правительство, для подкрѣпленія своего заявленія, отправило къ западному берегу два крейсера, военный шлюпъ «Аполлонъ», подъ начальствомъ капитана перваго ранга Тулубьева и военный бригъ «Аяксъ», подъ командою капитана втораго ранга Филатова. Послѣдній разбился на пути къ своему назначенію въ Нѣмецкомъ морѣ. Русскіе крейсеры захватили сѣверо-американскій бригъ «Пирль», шедшій изъ Бостона въ Ситху. Это обстоятельство повело къ переговорамъ между правительствами Россіи, Англіи и Соединенныхъ Штатовъ, результатомъ которыхъ было заключеніе между ними конвенцій, уменьшившихъ распространеніе русскихъ владѣній на западномъ берегу американскаго материка. Бригъ «Пирль» былъ возвращенъ его владѣльцамъ, получившимъ, сверхъ того, вознагражденіе.

Конвенціею, 5 (17) апрѣля 1824 года, съ правительствомъ Соединенныхъ Штатовъ и 16 (28) февраля 1825 года съ Великобританскимъ правительствомъ было постановлено, что граница русскихъ владѣній съ юга должна простираться отъ южнаго предѣла острова Принца Уэльскаго, въ широтѣ 54° 40° и между 131 и 133° долготы отъ Гринича къ сѣверу вдоль Портлендскаго пролива до той точки твердой земли, гдѣ она коснется 56° сѣверной широты. Сверхъ того сѣверо-американскимъ гражданамъ предоставлено было право производить въ теченіе десяти лѣтъ рыбную ловлю въ колоніальныхъ водахъ и торговлю съ прибрежными жителями. Россійско-американская компанія увидѣла въ этомъ условіи нарушеніе своихъ правъ и сдѣлала соотвѣтственныя представленія правительству, но, несмотря на то, конвенція была заключена. По истеченіи десяти лѣтъ, сѣверо-американское правительство ходатайствовало о возобновленіи этого права, но петербургскій кабинетъ не изъявилъ на то своего согласія, находя такое право нарушающимъ права, данныя россійско-американской компаніи. Вашингтонское правительство объявило о томъ всѣмъ своимъ гражданамъ; но это оповѣщеніе не достигло цѣли и американскіе китоловы и рыболовы продолжали хозяйничать въ моряхъ и заливахъ, омывающихъ русскія владѣнія. Такъ въ 1842 году, командиръ компанейскаго корабля «Наслѣдникъ Александръ», встрѣтивъ на пути изъ Ситхи въ Охотскъ китолова подъ американскимъ флагомъ, опросилъ его и шкиперъ прямо объявилъ ему, что онъ прибылъ съ Сандвичевыхъ острововъ вмѣстѣ съ другими тридцатью судами для промысла китовъ по обѣимъ сторонамъ западной оконечности полуострова Аляски и прилежащихъ къ нему восточныхъ острововъ алеутской гряды, и что въ этомъ же году намѣревались придти туда до двухъ сотъ китоловъ изъ Соединенныхъ Штатовъ. По словамъ шкипера въ 1841 г. онъ промышлялъ въ тѣхъ же мѣстахъ съ пятидесятью другими судами и что онъ одинъ добылъ 13 китовъ, изъ которыхъ получилъ около 18,000 ведеръ жира.

На энергическое представленіе компаніи о воспрещеніи американцамъ производить про-

мыселъ въ колоніальныхъ водахъ, вопреки конвенціи, министерство иностранныхъ дѣлъ, 14 декабря 1842 г., отвѣчало, что право на закрытое море (mare clausum), если бы мы захотѣли примѣнить такое къ сѣверной части Тихаго океана, не можетъ быть теоретически доказано и что даже по первой статьѣ конвенціи 1824 года Россіи съ Соединенными Штатами, которая существуетъ во всей своей силѣ, американскіе граждане имѣютъ право на производство рыбной ловли на Тихомъ океанѣ на 9 миль его пространства. Но по силѣ четвертой статьи той-же конвенціи и по истеченіи назначенныхъ въ ней десяти лѣтъ, мы можемъ воспретить американскимъ судамъ посѣщать внутреннія моря, заливы, гавани и бухты для производства рыбной ловли и торговли съ мѣстными жителями. Симъ ограничивается наше право и мы вовсе не можемъ препятствовать американскимъ судамъ производить китовый промыселъ въ открытомъ морѣ.

Дерзость американскихъ китолововъ съ 1843 до 1850 года дошла до того, что они съѣзжали на Алеутскіе и Курильскіе острова, вырубали лѣсъ, гдѣ имъ вздумается, топили жиръ на берегу и тѣмъ наносили существенный вредъ пушному промыслу, особенно отгоняли отъ береговъ морскихъ бобровъ. Американцы разоряли даже туземныя юрты и компанейскія одиночки, и на всѣ представленія отвѣчали новыми угрозами и насмѣшками. Съ колошами американскіе шкипера явно производили торговлю пушными промыслами. Послѣ продолжительныхъ переговоровъ, вызванныхъ жалобами компаніи, въ 1850 году былъ, по высочайшему повелѣнію, отправленъ военный корветъ «Оливуца» для крейсерства въ Восточномъ океанѣ. Число китолововъ у береговъ русскихъ владѣній въ это время вновь усилилось вслѣдствіе двухъ обстоятельствъ. Въ Охотскомъ морѣ появилось много большеголовыхъ китовъ, замѣченныхъ тамъ уже въ началѣ сороковыхъ годовъ и привлекшихъ за собою китолововъ въ такомъ числѣ, что уже въ 1849 году, по оффиціальнымъ свѣдѣніямъ восточнаго сибирскаго генералъ-губернатора, въ одномъ Охотскомъ морѣ плавало 250 китобойныхъ судовъ. Другимъ важнымъ обстоятельствомъ въ исторіи китоваго промысла было проникновеніе американскаго китобойнаго корабля «Сюперіоръ», подъ управленіемъ шкипера Гойса, въ 1848 году чрезъ Беринговъ проливъ далѣе на сѣверъ. Эта смѣлая попытка вознаграждена была вполнѣ, потому что китоловъ добылъ себѣ полный грузъ жира въ самое короткое время. Необходимость искать китовъ за Беринговъ проливъ понудило истребленіе ихъ около Алеутскихъ островов, гдѣ они прежде водились во множествѣ и привлекали для охоты за собою до 400 американскихъ судовъ въ годъ.

Добыча кита.

Выгоды, получаемыя американскими китоловами, побудили образовать въ Россіи россійско-финляндскую китоловную компанію, уставъ которой былъ высочайше утвержденъ въ декабрѣ 1850 года, для промысла китовъ у береговъ Охотскаго моря и Великаго океана. Въ августѣ 1851 года было уже снаряжено компаніею первое китоловное судно «Суоми» Снаряженіе его обошлось въ 74400 р., но въ два года (1852 и 1853 г.) на Охотскомъ морѣ оно промыслило китоваго жира и уса на 88001 р., такъ что доставило чистаго барыша компаніи 13601 руб.

Второй корабль компаніи «Турко» дѣйствовалъ неудачно, тѣмъ болѣе, что возгорѣлась война между Россіею и Англіею и Франціею, во время которой союзники захватили третій корабль компаніи «Аянъ» и сожгли его. По окончаніи войны русская китоловная компанія возобновила свои дѣйствія, но вслѣдствіе новыхъ неудачныхъ дѣлъ ея кораблей, ликвидировала свои дѣла въ 1862 году. Американскіе китоловы же продолжали дѣйствовать съ успѣхомъ и пользою для себя и совершенно овладѣли нынѣ всѣми промыслами въ Беринговомъ морѣ, на Охотскомъ морѣ и на сѣверъ отъ Берингова залива.

Къ числу многочисленныхъ предпріятій Баранова принадлежитъ и основаніе имъ селенія и форта Россъ на берегу Калифорніи. Около этой части Америки производились уже неоднократно русскими промыслы морскихъ бобровъ и китовъ. Первую мысль объ учрежденіи тамъ русскаго поселенія далъ Резановъ, когда, послѣ посѣщенія имъ Санъ-Франциско въ 1805 году, онъ узналъ, что испанцы далѣе этого порта не имѣютъ другихъ осѣдлостей къ сѣверу. Получивъ разрѣшеніе главнаго правленія, Барановъ поручилъ своему помощнику Кускову отправиться съ 95 русскими рабочими и съ 40 байдарками алеутовъ основывать поселеніе въ заливѣ Бодего или портѣ Румянцева. Кусковъ отправился изъ Ситхи на шкунѣ «Чириковъ» въ ноябрѣ 1811 года. Заливъ Бодего оказался неудобнымъ для заселенія, потому что окрестности его безлѣсны и выбрано было другое мѣсто, въ 18 миляхъ отъ него къ сѣверо-западу по берегу на отлогости горы при рѣчкѣ. Въ іюнѣ 1812 года было основано селеніе Россъ (Славянскъ) въ широтѣ 38° 33′ и долготѣ 123° 15′ на возвышеніи въ 110 футъ отъ поверхности моря. Крѣпость была окружена стоячимъ тыномъ, на верхъ котораго накинуты были рогатки. Домъ правителя, казармы, магазинъ, кладовыя, мастерскія, бани, кожевенный заводъ, мельница, скотный дворъ и другія службы были окончены постройкою въ 1814 году. Но главная цѣль учрежденія Росса, именно промыселъ бобровъ у береговъ Калифорніи, не была достигнута, а потому Барановъ предположилъ заняться тамъ постройкою судовъ, полагая, что мѣстный дубъ доставитъ для того хорошій матеріалъ. Такъ какъ лѣсъ для судовъ рубился въ соку и тотчасъ употреблялся въ дѣло, то въ корабляхъ оказывался зародышъ гнили еще до спуска ихъ на воду. Построено было четыре судна, но ни одно изъ нихъ не прослужило болѣе шести лѣтъ. Послѣ неудачи съ кораблестроеніемъ рѣшено было усилить при Россѣ хлѣбопашество, начало чему было положено еще Кусковымъ и было продолжаемо его преемниками. Пшеница родилась самъ 15, а ячмень самъ 19 въ лучшіе года, а въ сложности самъ 10 и 11. Разведены были персики, вишни, груши, яблоки, виноградъ, который съ 1823 года стали уже употреблять въ пищу. Для промысла сивучей и морскихъ котиковъ, Кусковъ занялъ ферлонскіе камни, или необитаемые острова, лежащіе противъ порта Санъ-Франциско и въ первые шесть лѣтъ, по 1818 годъ, тамъ было упромышлено 8427 шкуръ морскихъ котовъ. Эти котики имѣли шерсть грубѣе и чернѣе, чѣмъ на Прибыловыхъ островахъ, были менѣе величиною, а потому и мѣха ихъ цѣнились дешевле. Промыселъ котиковъ на Ферлюнскихъ островахъ сталъ затѣмъ уменьшаться съ каждымъ годомъ и дошелъ наконецъ до 200 и 300 мѣховъ въ годъ.

Калифорнскія испанскія власти нѣсколько разъ настаивали у Кускова, чтобы онъ уничтожилъ заселеніе Россъ и удалился оттуда. При правленіи Отурбида, по отдѣленіи Мексики отъ Испаніи, повторено было это требованіе. При владычествѣ Испаніи еще можно было бы придти къ соглашенію относительно Росса, особенно когда Соединенные Штаты заняли устье рѣки Колумбіи, но мексиканское правительство возставало противъ обладанія Россіи землею въ такомъ близкомъ сосѣдствѣ съ Калифорніею. Селеніе Россъ наконецъ было продано за 30,000 долларовъ капитану Джону Соттеру, на фермѣ котораго въ Калифорніи было открыто первое золото въ 1849 году. Половину этой суммы Соттеръ заплатилъ россійско-американской компаніи немедленно, а 15,000 долл. онъ уплатилъ впослѣдствіи агенту компаніи въ Санъ-Франциско, г. Стюкарту, который скрылся вмѣстѣ съ деньгами. Калифорнія была пріобрѣтена

Соединенными Штатами отъ Мексики послѣ войны между ними въ 1846 г. за 15.000,000 дол. Американцы не допустили бы существованіе русскихъ владѣній въ своихъ предѣлахъ, такъ что продажа Росса предупредила только столкновеніе. Компанія потерпѣла убытку 37,484 р. Главное правленіе россійско-американской компаніи неоднократно просило правительство объ оказаніи своего дипломатическаго содѣйствія для укрѣпленія за нею селенія Россъ, пріобрѣтеннаго ею покупкою у мѣстныхъ жителей, но русское правительство не находило возможнымъ войдти въ это дѣло, отчасти по непризнанію новыхъ американскихъ государствъ, отпавшихъ отъ Испаніи, съ которою поддерживались дружественныя отношенія, отчасти въ нежеланіи имѣть повода къ столкновеніямъ съ другими державами, подобнымъ бывшимъ съ Соединенными Штатами и Англіею въ 1821—1823 году изъ-за американскихъ владѣній. Новое столкновеніе, однако, не замедлило осуществиться.

Англійская Гудсонбойская компанія, распространившая свои торговые обороты и по материку Америки всѣми недозволенными средствами, захватывавшая силою и обманомъ новыя земли въ свое вѣдѣніе, предусматривая окончаніе въ 1835 году силы конвенціи, заключенной между Россіею и Англіею въ 1825 году, рѣшилась осуществить отважный замыселъ, именно основать фортъ въ предѣлахъ русскихъ владѣній. Для того въ 1834 году она снарядила судно «Дріадъ» съ поселенцами, оружіемъ, необходимымъ скотомъ и отправила его къ устью рѣки Стакина, лежащаго между 56 и 57° сѣвер. широты, на параллели южной части острова Ситхи. Тогдашній главный правитель русскихъ колоній, баронъ Врангель, узнавъ о подобномъ замыслѣ, командировалъ лейтенанта Зарембу, съ вооруженными бригами и шкуною, въ устьѣ рѣки Стакина, гдѣ въ небольшой бухтѣ Заремба соорудилъ редутъ св. Діонисія (по своему имени), и не допустилъ англичанъ высадиться на берегъ. Англичане должны были возвратиться въ фортъ Ванкуверъ, на рѣкѣ Колумбія. Гудсонбойская компанія предъявила къ россійско-американской компаніи требованіе о вознагражденіи въ 20,000 ф. стерл., употребленныхъ будто-бы на снаряженіе корабля «Дріадъ».

Съ одной стороны настойчивое требованіе гудсонбойской компаніи значительной суммы въ 125,000 р., съ другой стороны рѣшительное желаніе русскаго правительства объ окончаніи россійско-американскою компаніею, дружелюбнымъ соглашеніемъ съ англійскою компаніею, непріятной дипломатической переписки, были причиною заключенія въ 1837 году между обѣими компаніями особаго договора, которымъ и заключились эти столкновенія. Гудсонбойская компанія отказалась отъ требуемаго ею вознагражденія, а русско-американская компанія уступила ей во временное пользованіе на десять лѣтъ полосу материка отъ южнаго предѣла русскихъ владѣній въ Америкѣ до мыса Спенсера, за что гудсонбойская компанія обязалась ежегодно выплачивать извѣстное количество мѣховъ, а также снабжать русскія колоніи опредѣленнымъ количествомъ припасовъ по установленнымъ между обѣими сторонами цѣнамъ. Редутъ св. Діонисія переданъ былъ англичанамъ. По соглашенію въ 1839 году гудсонбойская компанія обязалась ежегодно поставлять въ русско-американскія колоніи 560.000 фунтовъ пшеницы, 19920 фунтовъ крупичатой муки, 16160 фунтовъ гороха, 16160 фунтовъ ячменя, 36680 фунтовъ ветчины, 19920 фунтовъ говядины и 3680 фунтовъ окороковъ по опредѣленнымъ цѣнамъ.

Съ истеченіемъ вторагo двадцатилѣтія привилегіи россійско-американской компаніи, она была вновь продолжена въ 1844 году императоромъ Николаемъ Павловичемъ на новый такой же срокъ по 1-е января 1862 года. Правительство воспользовалось судами колоніи для первыхъ изслѣдованій Амура, передъ основаніемъ тамъ Николаевска и занятій его устій капитаномъ Невельскимъ. Точно также, по указанію правительства, россійско-американская компанія заняла въ 1853 году никому не принадлежавшій островъ Сахалинъ. Во время войны 1854—1856 года, англо-французскій флотъ не нападалъ на россійско-американскія колоніи, но колоши на Ситхѣ въ 1855 году взбунтовались, убили двухъ русскихъ и ранили девятнадцать.

Главный правитель колоній, капитанъ Воеводскій, усмирилъ ихъ, причемъ шестьдесятъ главныхъ зачинщиковъ были убиты. Компанейскій бригъ «Охотскъ», на которомъ дѣлались вышеупомянутыя первыя разслѣдованія Амура, преслѣдуемый въ 1855 году непріятельскими крейсерами, претерпѣлъ крушеніе близь этой рѣки.

Въ 1859 году россійско-американская компанія возобновила свой контрактъ, по 1-е іюня 1862 года, съ гудсонбойскою компаніею объ отдачѣ ей полосы земли на материкѣ Америки за ежегодный взносъ 2000 шкуръ морскихъ бобровъ. Передъ тѣмъ контрактъ былъ возобновленъ 1-е іюня 1849 года. Россійско-американская компанія не могла заключить этого договора на болѣе продолжительный срокъ, потому что ея привилегія кончалась 1-го января 1862 года. Какъ извѣстно правительство не согласилось на ея продленіе. Для Россіи выгоднѣе было укрѣпиться твердо на вновь пріобрѣтенномъ отъ Китая западномъ прибрежьѣ Великаго океана и отказаться отъ своихъ владѣній на восточномъ его берегу, служившихъ только для барышей или наживы нѣкотораго числа частныхъ лицъ, составлявшихъ акціонерную компанію. Сверхъ того защита интересовъ этой компаніи вовлекала въ столкновенія съ другими державами и угрожала въ будущемъ новыми непріятностями отъ сильнаго роста американской предпріимчивости, которая преодолѣла русскій промысловый духъ конца XVIII вѣка и съ прекращеніемъ междуусобной войны приняла широкіе размѣры.

Первая рѣчь объ уступкѣ русскихъ владѣній въ Америкѣ Соединеннымъ Сѣверо-американскимъ Штатамъ зашла уже въ 1859 году. Во время президента Боканона калифорнскій сенаторъ Гуонъ завелъ объ этомъ разговоръ съ русскимъ посланникомъ въ Вашингтонѣ. Гуонъ доказывалъ неудобство огромнаго отдаленія американскихъ колоній отъ мѣстопребыванія русскаго правительства и выразилъ, что, можетъ быть, Соединенные Сѣверо-американскіе Штаты заплатили-бы за эти колоніи 5.000,000 долларовъ. Въ послѣдствіи рѣчь завелъ объ уступкѣ министръ Аппленонъ, но также не придавая оффиціальнаго значенія своимъ словамъ, хотя на эти заявленія, лѣтомъ 1860 года, послѣдовало сообщеніе русскаго министра иностранныхъ дѣлъ, князя Горчакова, что предложеніе не соотвѣтствуетъ вовсе тому, чего можно было бы ожидать, но что оно во всякомъ случаѣ заслуживаетъ зрѣлаго обсужденія. По личному убѣжденію князя Горчакова въ политическомъ отношеніи уступка колоній не была въ интересахъ Россіи и что она могла быть побуждена къ тому только видами на значительную финансовую выгоду. Сумма же въ 5.000,000 долларовъ ни въ какомъ случаѣ не соотвѣтствовала дѣйствительной стоимости этихъ владѣній. Сверхъ того русскому посланнику поручено было дать понять гг. Аппленону и Гуону, что предложенная сумма не будетъ сочтена достаточною. Наступившіе новые выборы президента перервали эти переговоры, которые возобновились только послѣ прекращенія въ Соединенныхъ Штатахъ междуусобной войны.

Правительство, не возобновивъ привелегіи россійско-американской компаніи послѣ 1-го января 1862 года, оставило положеніе дѣлъ въ неопредѣленномъ положеніи. Компанія продолжала существовать, продолжала свои торговыя операціи, но, въ виду неизвѣстности, она стала сокращать расходы, закрывать школы, снимать свои посты и редуты, словомъ готовиться къ ликвидаціи дѣлъ, если бы то было потребовано правительствомъ или обстоятельствами. Правительство назначило своего управляющаго колоніями, князя Максутова, который уже не былъ въ зависимости отъ главнаго правленія россійско-американской компаніи Между тѣмъ, къ январю 1862 года, къ дню окончанія его монополіи, капиталъ ея составлялъ 1.572,628 р., именно основной 660,511 р., резервный 737,745 р. и страховой 174,372 р. Съ 1841 г. по 1857 годъ компанія уплатила государственному казначейству разныхъ налоговъ 2.008,000 р. Валовой доходъ компаніи съ 1841 по 1862 г. составлялъ 20.305,681 р., по балансу на 1-е января 1860 г. все ея имущество, вмѣстѣ къ капиталами, оцѣнивалось въ 5.907,859 р. с. Съ 1842 по 1859 годъ, компанія выдала въ дивидендъ акціонерамъ 2.203,104 р. с., или въ

сложности по 142000 р. с. въ годъ. Колоніи были раздѣлены на семь миссіонерскихъ округовъ, именно Ситхинскій, Кадьякскій, Уналашкинскій, Аткинскій, Кенайскій, Нушергакскій и Квихпакскій. Церкви поддерживались добровольными приношеніями и въ 1860 году владѣли капиталомъ въ 50,000 р., приносившимъ 5%. Компанія выдавала ежегодно на четыре церкви около 12,000 р., а святѣйшій синодъ назначилъ отъ себя на Кенайскую миссію по 3085 р. въ годъ. Свѣчной сборъ давалъ до 2,000 р. въ годъ. Въ колоніяхъ состояло 11 священниковъ и 16 дьяконовъ.

При неопредѣленномъ положеніи дѣлъ въ русскихъ колоніяхъ въ Америкѣ, правительство Соединенныхъ Штатовъ въ 1866 году обратилось къ петербургскому кабинету съ представленіемъ о прекращеніи такого порядка, потому что изъ Вашингтонской области поступила просьба о дарованіи льготъ американскимъ рыболовамъ вдоль западнаго берега Америки, и что президентъ республики опасается, чтобы изъ этого обстоятельства не возникли затрудненія между обоими правительствами. Въ тоже время сенаторъ Коль сталъ пытаться замѣнить одною калифорнскою компаніею гудсонбойскую въ ея договорѣ съ россійско-американскою компаніею относительно производства пушнаго промысла на материкѣ Америки. По просьбѣ Коля, американскій посланникъ въ Петербургѣ, Клей, сталъ о томъ хлопотать въ столицѣ Россіи. Въ это время тамъ находился въ отпуску русскій посланникъ при Соединенныхъ Штатахъ, Стекль. Передъ отъѣздомъ къ своему посту, онъ получилъ отъ правительства уполномочіе начать переговоры объ уступкѣ. Эти переговоры пошли столь успѣшно, что 17 (29) марта 1859 года онъ увѣдомилъ американскаго министра иностранныхъ дѣлъ (Сьюардъ) о полученіи имъ телеграммы отъ князя Горчакова, что императоръ согласился на уступку колоній за условленную сумму 7.200,000 долларъ. золотомъ и уполномочилъ его подписать трактатъ о томъ. Трактатъ былъ подписанъ на другой день, 18 (30) марта 1867 г. Сьюардъ замѣтилъ по этому поводу, что «мало трактатовъ были задуманы, початы, ведены и заключены подобнымъ простымъ образомъ, безъ протоколовъ и депешъ». Первоначально договорена была сумма для уплаты за колоніи въ 7.000,000 долл., но въ депешѣ къ Стеклю, отъ 11 (23) марта, Сьюардъ предложилъ прибавить 200,000 долл., чтобы русское правительство взяло на себя обязательство устраненія всякаго рода притязаній какихъ бы то ни было компаній, русскихъ или иностранныхъ, на уступаемыя земли.

Такимъ образомъ прекратила свое существованіе россійско-американская компанія, существовавшая 67 лѣтъ. Уничтоженіе передъ тѣмъ остъ-индской компаніи показало, что время для подобныхъ смѣшанныхъ государственно-коммерческихъ предпріятій миновало. По трактату 18 (30) марта 1867 года границею между Россіею и Соединенными Штатами въ Беринговомъ проливѣ назначена была линія между островами Ратманова и Крузенштерна, продолженная такимъ образомъ, чтобы она проходила между Чукотскимъ мысомъ и сѣверо-западною оконечностью острова св. Лаврентія въ Беринговомъ морѣ и между островомъ Мѣднымъ (въ Командорской группѣ) и островомъ Ату, въ сѣверномъ Тихомъ океанѣ. Поэтому всѣ Алеутскіе острова, Прибылова, группа св. Матѳея, Александровскій архипелагъ и всѣ прибрежные острова западнаго американскаго берега отошли къ Соединеннымъ Сѣверо-американскимъ Штатамъ. По вычисленію г. Ганемана, Соединенные Штаты пріобрѣли по трактату 1867 года поверхность земли въ 580,107 квадратныхъ географическихъ миль, а именно:

Острова Берингова моря	3,963 кв. геогр. миль.
Алеутскіе острова	6,391 » » »
Кадьякскіе и Шумагинскіе острова . .	5,676 » » »

Чугацкіе и другіе острова	1,032	кв. геогр. миль.
Александровскій архипелагъ	14,143	» » »
Вся поверхность острововъ	31,205	кв. геогр. миль.
Поверхность материка	548,902	» » »
Всего	580,107	кв. геогр. миль.

Такимъ образомъ, съ 1867 года, когда россійскія владѣнія въ Сѣверной Америкѣ вмѣстѣ съ нѣсколькими островами изъ группы Алеутскихъ были уступлены правительству Соединенныхъ Штатовъ, выгоды богатѣйшаго котиковаго промысла Россіи пришлось раздѣлить съ названнымъ государствомъ.

Это повело къ необычайному хищничеству со стороны иностранцевъ. Въ виду же болѣе и болѣе усиливавшагося истребленія котиковъ иностранцами у нашихъ береговъ, правительство, оберегая собственные интересы, признало необходимымъ издать новый законъ, по которому морской котиковый промыселъ совершенно воспрещается; убой, ловъ и вообще промыселъ морскихъ котиковъ на сушѣ допускается только съ его дозволенія, на опредѣляемыхъ имъ для этого основаніяхъ; за производство морскаго котиковаго промысла, а также за самовольный промыселъ морскихъ котиковъ на сушѣ, виновные подвергаются заключенію въ тюрьму на время отъ двухъ мѣсяцевъ до одного года и четырехъ мѣсяцевъ, орудія же лова, добыча и суда, служащія для промысла, со всѣмъ инвентаремъ и грузомъ конфискуются. Чтобы сдѣлать охрану болѣе дѣйствительной, число спеціальныхъ крейсеровъ, занятыхъ этимъ, увеличено двумя новыми.

Что касается боброваго и песцоваго промысловъ, то они продолжаютъ находиться въ такихъ же неблагопріятныхъ условіяхъ, въ какихъ находился котиковый промыселъ до изданія послѣдняго закона. Бобры появляются не только на Командорскихъ островахъ, но и на побережьи Камчатки, въ особенности близъ Желтаго мыса, гдѣ они имѣютъ лежбища. Однако, хищническое преслѣдованіе заставляетъ звѣря постоянно пріискивать себѣ новыя лежбища, подальше отъ человѣка. Въ послѣднее время бобры стали выходить на сушу между Камчатскимъ и Столбовымъ мысами. Особенно высоко цѣнится мѣхъ камчатскаго бобра — отъ 300 до 400 руб. на мѣстѣ за шкуру, тогда какъ командорскій бобръ продается втрое дешевле. Благодаря высокой стоимости мѣха, бобры преслѣдуются охотниками весьма настойчиво, вслѣдствіе чего истребленіе ихъ идетъ быстро — и бобры встрѣчаются все рѣже и рѣже.

Моржевой промыселъ, подобно предыдущему, также постепенно падаетъ, причемъ это обстоятельство ставится въ неразрывную связь съ развитіемъ хищническаго лова морскихъ млекопитающихъ англійскими и американскими флибустьерами, которые стрѣляютъ ихъ изъ ружей. Мясо моржа идетъ въ пищу, шкура служитъ строительнымъ матеріаломъ для покрышки юртъ обитателей дальняго Востока; клыки же моржа составляютъ предметъ оживленной торговли. Флибустьеры тайно раздаютъ чукчамъ ружья и порохъ для охоты на моржей, а потомъ обмѣниваютъ у нихъ моржевые клыки на ромъ, водку или табакъ.

Китовый промыселъ никогда не имѣлъ правильной организаціи и большаго промышленнаго развитія въ русскихъ предѣлахъ Берингова и Охотскаго морей. Киты, направляясь изъ Тихаго въ Ледовитый океанъ, въ значительномъ количествѣ собираются близъ Чукотскаго полуострова, въ особенности между бухтой Провидѣнія и Восточнымъ мысомъ. Этотъ промыселъ

ежегодно привлекаетъ сюда множество американскихъ и англійскихъ китобоевъ, которые частью сами занимаются боемъ китовъ, частью пріобрѣтаютъ отъ чукчей добытый ими китовый усъ. Судя по свѣдѣніямъ американскихъ газетъ, спеціально посвященныхъ китовому промыслу, можно допустить, что иностранные китобои ежегодно увозятъ съ тихоокеанскаго побережья Сибири до 150,000 фунтовъ китоваго уса, который цѣнится около 6 рублей фунтъ, не менѣе 100,000 фунтовъ моржевыхъ клыковъ по цѣнѣ около 1 руб. 50 коп. и кромѣ того огромное количество жира и т. п. продуктовъ. Такимъ образомъ, китовый промыселъ въ русскихъ водахъ Тихаго океана даетъ въ годъ разныхъ продуктовъ слишкомъ на полтора милліона рублей, но эта торговля ускользаетъ отъ правильнаго контроля, такъ какъ она постоянно производится иностранцами контрабандно. Было нѣсколько попытокъ организовать китобойный промыселъ на нашемъ дальнемъ Востокѣ, но ни одна изъ нихъ не имѣла успѣха. Послѣдняя попытка этого рода принадлежитъ отставному капитану 2-го ранга А. Г. Дыдымову, которому Министерство Финансовъ выдало въ 1887 году въ ссуду 50,000 руб., срокомъ на три года, на снаряженіе китобойнаго парохода; но предприниматель, прекрасно начавшій свое дѣло въ Японскомъ морѣ, погибъ гдѣ-то на побережьи Кореи въ самомъ началѣ дѣла, такъ что вопросъ о боѣ китовъ въ русскихъ водахъ Тихаго океана остается открытымъ. Упомянутый промыселъ, требуя предварительной затраты значительнаго капитала и представляя большую опасность, въ то же время перестаетъ быть выгоднымъ. Послѣднее обстоятельство находится въ связи съ успѣхами русскаго нефтянаго дѣла; съ появленіемъ русскаго дешеваго керосина на дальнемъ Востокѣ, цѣна животнаго освѣтительнаго масла быстро стала падать и, конечно, не могла выдержать конкуренціи съ минеральнымъ. Вслѣдствіе этого, наиболѣе цѣннымъ предметомъ китоваго промысла въ настоящее время остается, такъ называемый, китовый усъ, изъ котораго готовятъ чрезвычайно плотныя и тонкія волокна, съ успѣхомъ замѣняющія конскій волосъ для изготовленія разныхъ плетеній.

Когда оглядываешься на приведенные факты естественныхъ богатствъ этихъ отдаленныхъ владѣній Россіи,—становится понятнымъ то гигантское упорство, съ которымъ русскіе предприниматели въ теченіе цѣлаго ряда вѣковъ, стремились туда, та титаническая стойкость, съ которою цѣлые ряды поколѣній добровольно ложились костьми за обладаніе Россіею этимъ суровымъ, крайне негостепріимнымъ раіономъ.

Тяжело читать о тѣхъ неудачахъ, которыя переживала и продолжаетъ еще переживать Россія въ дѣлѣ эксплуатаціи естественныхъ богатствъ этого далекаго, дикаго края, пріобрѣтеннаго цѣной такихъ геройскихъ усилій, дѣлающихъ большую честь мужеству, стойкости и предпріимчивости русскаго народа. Но, вмѣстѣ съ тѣмъ, нельзя не относится съ уваженіемъ къ той смѣлости, съ которою задумана была самая эксплуатація этой окраины вокругъ свѣта.

При такихъ условіяхъ эксплуатаціи, окраина эта была слишкомъ ужь отдалена отъ метрополіи, а потому—и слишкомъ открыта для всевозможныхъ злоупотребленій, въ томъ числѣ и хищническаго промышленнаго вторженія въ кровныя наши владѣнія другихъ народовъ. Въ настоящее же время, когда послѣдуетъ проведеніе сплошнаго Сибирскаго рельсоваго пути, все это кореннымъ образомъ измѣнится къ лучшему, — и для эксплуатаціи естественныхъ богатствъ разсмотрѣнной области настаетъ, наконецъ, дѣйствительная очередь. При разумномъ оборотѣ дѣла, тамъ хватитъ мѣста широкому и производительному помѣщенію капиталовъ не только русскихъ, но и иностранныхъ—отъ разныхъ странъ и народовъ. Это грандіозное дѣло требуетъ общихъ условій, но конечно-же, не на хищническихъ основаніяхъ, какъ теперь, а на условіяхъ легальной предпріимчивости, въ силу международныхъ соглашеній.

Принявъ во вниманіе проведеніе сплошнаго Сибирскаго рельсоваго пути, нельзя не пожалѣть и о потерѣ сѣверо-американскихъ нашихъ владѣній. Насколько прежде затруднительно было пользоваться ими, настолько, наоборотъ, владѣнія эти, при условіи проведенія сплошнаго

сибирскаго рельсоваго пути, могли бы быть намъ полезны. Путь этотъ, несомнѣнно, послужитъ къ оживленію нашихъ торговыхъ сношеній съ Америкою. При этихъ же условіяхъ, имѣть въ Америкѣ свою колонію было бы дѣломъ большой политической и экономической важности для Россіи.

П. Усовъ.

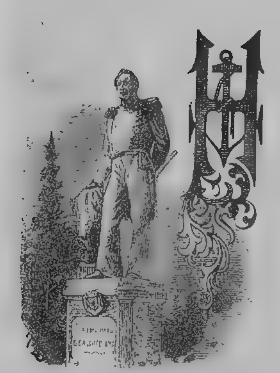
ОЧЕРКЪ III.

ОХОТСКОЕ МОРЕ.

Очертаніе береговъ.—Отношеніе Становаго хребта къ Охотскому морю.—Геогностическое строеніе.—Теченіе Охотскаго моря, характеризирующее его значеніе на материкѣ Азіи.—Измѣненія земной поверхности.—Растительность по берегамъ.—Богатство фауны.—Ловля тюленей, китовъ. — Изобиліе рыбы. — Главныя населенныя мѣста и острова. — Историческія данныя. — Курильскія острова. — Коряки. — Гиляки. — Переѣзды сухимъ путемъ къ Охотскому морю. — Ѣзда на собакахъ. — Снѣжныя пустыни. — Переходъ отъ Охотскаго моря къ Амуру.

Въ пустынномъ царствѣ сѣверныхъ морей,
При заревѣ арктическихъ сіяній,
На байдарѣ полярныхъ дикарей,
Средь шума волнъ и вѣтра завываній,
Въ снѣгахъ и льдахъ, межъ рыщущихъ звѣрей,
Гдѣ-бъ ни былъ я, въ далекомъ ли изгнаньи,
Вездѣ тебя, возлюбленная мать,
О, родина! я буду вспоминать!

П. КОЖЕВНИКОВЪ.



На крайнемъ сѣверовостокѣ азіатскаго материка Россіи, глубоко вдается въ него Охотское море, составляя, съ одной стороны, часть Великаго или Восточнаго океана, въ видѣ обширнаго морскаго его бассейна, длиною въ 2,300 верстъ, шириною въ 1,200 верстъ, съ другой стороны врѣзываясь далеко въ холодный материкъ Сибири. Охотское море со своимъ прибрежьемъ представляетъ благодарную почву для наблюденій климатическихъ, метеорологическихъ, гидрографическихъ, геогностическихъ, зоологическихъ и проч. Рѣзкія противоположности характеризуютъ этотъ отдаленный край Россіи, лежащій въ десяти тысячахъ верстахъ отъ Петербурга, и представляютъ единственный въ своемъ родѣ результатъ борьбы теплаго континентальнаго воздуха и холоднаго моря. Богатая фауна самого Охотскаго моря привлекаетъ въ этотъ родной бассейнъ милліоны разнаго рода рыбъ и массу морскихъ млекопитающихся, между тѣмъ какъ самое прибрежье представляетъ крайне бѣдныя поселенія, ограничивающіяся десятками, много сотнями душъ. Эти поселенія, возникшія первоначально въ слѣдствіе необходимости удержать за собой край, открытый и завоеванный русскими піонерами казаками и звѣропромышленниками, а затѣмъ въ слѣдствіе единственнаго въ то время возможнаго сообщенія съ Камчаткою и съ русскими владѣніями въ сѣверной Америкѣ, утратили это свое значеніе съ постепеннымъ вымираніемъ туземнаго населенія, съ уменьшеніемъ звѣринаго промысла, съ присоединеніемъ Амурскаго и Уссурійскаго края и съ уступкою Соединеннымъ Сѣвероамериканскимъ Штатамъ русскихъ колоній на западномъ берегу Великаго

Океана. Дѣвственные лѣса, крутизны Становаго хребта, съ его отрогами, лѣсныя топи и болота отдѣляютъ населенныя мѣста Охотскаго прибрежья на сотни верстъ отъ начала правильныхъ, благоустроенныхъ поселеній, живущихъ своимъ хлѣбопашествомъ въ Якутской губерніи.

Входъ въ Охотское море изъ Великаго Океана огражденъ островами, раздѣленными многими проливами. На юговостокѣ и югѣ лежитъ группа Курильскихъ острововъ, на югозападѣ островъ Іессо, а на западѣ островъ Сахалинъ. Съ сѣверозапада и сѣвера Охотское море ограничивается азіатскимъ материкомъ, а съ востока берегомъ полуострова Камчатки. Берега Охотскаго моря, сибирскій и камчатскій, представляютъ различныя очертанія, причемъ первый представляетъ глубоковдавшіеся въ материкъ заливы, которыхъ не оказывается на восточномъ берегу этого бассейна. Камчатскій берегъ только мѣстами гористъ, напримѣръ, отъ устья рѣки Камбалиной до рѣки Озерной, гдѣ онъ до того крутъ и утесистъ, что на немъ вдоль моря нѣтъ проѣзда; отъ устья Озерной до рѣки Опалы горы уже отложе, равно какъ отъ общаго устья Тылусы и Шекгача до устья рѣки Бѣлоголовой, на протяженіи 150 верстъ. Отъ Бѣлоголовой до рѣки Тигиля, берегъ, длиною въ 160 верстъ, утесистъ и скалистъ. Мѣстами тутъ попадаются и скалистые острова. Самые значительные изъ тамошнихъ скалистыхъ выступовъ (кекуровъ) это Уткалоцкій носъ, вдающійся въ море на тридцать верстъ, при ширинѣ въ 20 верстъ, и мысъ Олегонъ съ Бабушкинымъ камнемъ. Отъ устья Тигиля до начала Пенжинской губы прибрежье на протяженіи 350 вер. остается скалистымъ. Остальная часть камчатскаго берега Охотскаго моря низменная, песчаная, особенно на протяженіе 85 верстъ, между рѣками Опалою и Большой.

Каменноугольныя копи на берегу Охотскаго моря (16' 15° сѣв. широты, 160' 31° восточной долготы).

Сибирскій берегъ Охотскаго моря, начиная съ Пенжинской губы, гористъ и утесистъ Раздѣленія или вѣтви Становаго хребта оканчиваются у моря или выдающимися скалистыми мысами, или обрывистыми горами, у которыхъ подножіе только во время отливовъ представляетъ на нѣсколько часовъ сушу, между тѣмъ какъ при приливѣ волны разбиваются о самыя горы. Между этими горами находятся долины, по которымъ проложили себѣ путь къ морю многочисленныя рѣки, въ него впадающія. Вдающіеся въ море мысы образовали на сибирскомъ берегу Охотскаго моря многіе заливы и губы, которыми онъ изрѣзанъ. Такъ Пенжинская губа образуетъ сѣверовосточную оконечность Охотскаго моря и вдается въ материкъ между Камчаткою и Тайгоносскимъ полуостровомъ, въ сѣверовосточномъ направленіи, на 250 верстъ, при ширинѣ этого залива отъ 20 до 80 верстъ. Восточный берегъ губы, или камчатскій, очень изрѣзанъ, причемъ главными вырѣзками береговой линіи оказываются губы Рекинская и Мамечинская. Прибрежье къ югу отъ Рекинской губы сопровождается рифами и скалистыми островами, а восточное прибрежье губы представляетъ обрывы, состоящіе изъ мергельныхъ и глинистыхъ сланцевъ съ пластами бураго угля хорошаго качества. Въ южной части Пенжинской губы видны гранитныя и гнейсовыя обнаженія. Между слоями бураго угля попадаются обугленные стволы деревьевъ и отпечатки листьевъ двусѣменодольныхъ растеній. Тайгоносскій полуостровъ, отдѣ-

ляющій Пенжинскую губу отъ сосѣдней Гижигинской, состоитъ изъ осадочныхъ образованій, но горный кряжъ, образующій остовъ полуострова, оказывается изъ гнейса и гранита, равно какъ и кряжъ, простирающійся вдоль западнаго прибрежья Гижигинской губы. На западномъ берегу полуострова Тайганосъ есть жилы мѣдной лазури и встрѣчается киноварь. Вдоль восточнаго прибрежья Пенжинской губы находится нѣсколько островов. Въ губу впадаетъ рѣка Пенжина, берущая начало на водораздѣлѣ трехъ морей: Сѣвернаго океана, Берингова и Охотскаго морей. Длиною рѣка 300 верстъ, имѣетъ очень быстрое теченіе и замерзаетъ не ранѣе половины ноября. На рѣкѣ находится только одно селеніе Пенжинское, въ 200 верстахъ отъ окружнаго города Гижигинска, состоящее изъ пяти дворовъ, съ населеніемъ въ 40 душъ обоего пола. На правомъ притокѣ рѣки Пенжины находился нынѣ уже не существующій Акланскій острожекъ.

Гижигинская губа вдается въ материкъ по направленію къ сѣверу. Вдоль восточнаго и западнаго прибрежьевъ губы простираются не высокіе гранитные кряжи. Ледъ въ Гижигинской губѣ стоитъ иногда до средины іюня. Гижигинская губа такъ мелководна, что суда подходятъ съ большимъ затрудненіемъ и только во время прибыли воды къ маяку на устьѣ рѣки Гижиги. Западный берегъ Гижигинской губы простирается отъ устья Гижиги до мыса Арамчинскаго. Въ сѣверной части этого прибрежья находится самая значительная его вырѣзка, называемая Верхоламскою губою. Между мысомъ Арамчинскимъ и Пьячинымъ полуостровомъ, далеко вдающимся въ море, находится значительная Ямская губа, при устьѣ значительной рѣки Ямы. Передъ Пьячинымъ полуостровомъ лежитъ на Охотскомъ морѣ группа Ямскихъ островов. Между мысами Пьячинымъ и Алевинымъ лежитъ обширная Бабушкина губа, а затѣмъ между послѣднимъ мысомъ и Дугинскимъ Тауйская губа, имѣющая 60 верстъ длины и 200 верстъ ширины. Въ эту губу впадаютъ большія рѣки: Ола, Арманъ, Яна, Тауй. Близъ устья Тауя, на лѣвомъ берегу его, лежитъ село Тауйскъ, съ 200 жителей и церковью. Это одинъ изъ болѣе населенныхъ пунктовъ на Охотскомъ морѣ. Въ Тауйской губѣ расположены нѣсколько большихъ, возвышенныхъ островов, именно Талакъ, Ольскій, Коровій. На Ольскомъ островѣ есть гора, вышиною болѣе 3,000 футовъ. Берега губы мѣстами скалисты и возвышенны. Рѣка Тауй течетъ на протяженіи 200 верстъ, а рѣка Ола, вытекающая изъ Становаго хребта, имѣетъ длины 100 верстъ. Въ шести верстахъ отъ устья Олы, на мысѣ Колдерентинъ есть мѣсторожденіе нефти. Село Тауйское образовалось изъ бывшаго острога, основаннаго въ въ 1717 году. Около восьмидесяти верстъ отъ Тауйска лежитъ селеніе Арманъ, а въ 150 верстахъ деревня Ола. Въ двухъ стахъ верстахъ далѣе Ямскъ (бывшій острогъ) съ церковью, селенія Тахтаямъ и Тумань. Ближе къ Охотску, въ 100 верстахъ отъ него, расположена русская деревня Иня, гдѣ былъ прежде солеваренный охотскій заводъ.

Отъ Дугинскаго мыса до Охотска нѣтъ значительныхъ береговыхъ вырѣзовъ, за исключеніемъ Еринейской губы, длиною въ 20 или 25 верстъ, при 10 верстахъ ширины. На этомъ прибрежьѣ Мареканскія горы образуютъ выступъ, который вдается въ море въ видѣ Мареканскаго мыса. Отъ Охотска береговая линія поворачиваетъ къ юговостоку. Тутъ горы близко подходятъ къ морю, оканчиваясь крутыми утесами или утесистыми выступами или мысами, которые образуютъ собою бухты и порты. Такой выступъ или мысъ Негданъ находится въ 130 верстахъ къ югу отъ Охотска. Между нимъ и Негданомъ впадаютъ въ море двѣ большія рѣки Уракъ и Улья. Утесы мыса Негдана имѣютъ около 700 футовъ вышины. Въ 230 верстахъ отъ Охотска находятся мысы Ханянгда и Эмканъ, также въ видѣ выступовъ горнаго кряжа въ море. Мысъ Ханянгда своими утесами возвышается на 700 футовъ. Противъ такого же высокаго мыса Эмканъ, почти въ семи саженяхъ отъ его оконечности, возвышается изъ моря каменный столбъ, въ видѣ башни, почти до одной высоты съ мысомъ. На этомъ прибрежьѣ впадаетъ большая рѣка Гюнчи. За Эмканомъ верстахъ въ пятидесяти лежитъ мысъ Оджанъ, въ пяти верстахъ отъ котораго въ Охотскомъ морѣ находится скалистый островъ

Нансиканъ, имѣющій менѣе одной версты въ поперечникѣ. На немъ гнѣздятся во множествѣ морскія птицы. Отъ мыса Оджана до устья рѣки Улькана, на протяженіи ста верстъ, берегъ опять является высокимъ и утесистымъ. Между высокими и утесистыми мысами Кынныркaнъ и Камкеръ находится на этомъ протяженіи бухта Св. Ѳеодота, имѣющая въ отверстіи семь верстъ, а мысъ Эйханъ, вышиною въ 700 фут., защищаетъ другую небольшую бухту Св. Ѳедора, которая, какъ первая, защищена отъ сѣверовосточныхъ вѣтровъ, но очень мелководна, а то могла бы служить хорошою гаванью. Южнѣе устья рѣки Улькана, въ море вдается гористый полуостровъ Нурки, ограничивающій Алдамскій заливъ, въ который впадаетъ рѣчка Алдома; въ 50 верстахъ къ югу отъ этого залива въ море вновь вдается гористый полуостровъ, оканчивающійся мысами Лонгдаръ и Вѣшнимъ, и защищающій съ сѣверовостока заливъ Аянъ. Въ семидесяти верстахъ къ югозападу отъ Аяна лежитъ мысъ Борисовъ, который вмѣстѣ съ прибрежнымъ островомъ Рейнеке, противолежащимъ мысу Борисову на южномъ берегу Охотскаго моря, можно принимать за оконечность обширнаго Удскаго залива, который раздѣляется на губы Удскую, Тугурскую и заливъ Акедити; заливъ Удскій имѣетъ въ своемъ отверстіи около 200 верстъ ширины. На берегахъ Удской губы находится два мыса: Укой и Магджалинде, изъ которыхъ послѣдній имѣетъ 700 футовъ вышины. Въ Удскую губу впадаетъ значительная рѣка Удь, на которой въ 90 верстахъ отъ устья находится Удскій Погостъ (острогъ). Удская губа отдѣляется отъ Тугурской обширнымъ и прямоугольнымъ выступомъ съ довольно высокимъ и крутымъ прибрежьемъ. Наиболѣе замѣчательные тутъ мысы: Чумиканъ, Тыльскій, Ала, Медвѣжье Одѣяло, особенно мысъ Нинта, на западномъ берегу Тугурской губы. Между этими мысами расположены маногія небольшія бухты. Восточное прибрежье выступа, обращенное къ Тугурской губѣ, также круто и утесисто. На этомъ прибрежьи самыми значительными губами оказываются Мамга и Кумгай. Въ Тугурскую губу при ея оконечности впадаетъ значительная рѣка Тугуръ; эта оконечность называется губою Асмакъ. Тугурская губа отдѣляется отъ залива Академіи значительнымъ полуостровомъ. Высокая его оконечность называется полуостровомъ Сегнека, соединяется съ остальною частью полуострова узкою и низменною косою; на берегу полуострова, обращенномъ къ заливу Академіи, находится прекрасная обширная круглая бухта Великій Князь Константинъ, или Константиновская (названная такъ въ 1847 году капитанъ-лейтенантомъ Поплонскимъ, но открытая впервые академикомъ Миддендорфомъ въ 1844 году). Заливъ Академія оканчивается губами Ульбанскою и Усальгинскою, которыя отдѣляются одна отъ другой узкимъ и длиннымъ полуостровомъ Токореу. Полуостровъ и мысъ Муктень образуютъ восточную крайнюю часть залива Академіи. Противъ этого полуострова, далеко выдающагося въ море, находятся два острова: Рейнеке и Меншиковъ. Къ востоку отъ мыса Елисавета, составляющаго сѣверную оконечность острова Сахалина, южная часть Охотскаго моря постепенно съуживается клиномъ между группою Курильскихъ островов съ одной стороны и восточною оконечностью острова Сахалина съ другой стороны и оканчивается въ этомъ у острова Іессо, гдѣ имѣетъ сообщеніе съ Японскимъ моремъ посредствомъ пролива Лаперуза.

Край материка, ограждающій Охотское море съ юга, гдѣ оно было подробно изслѣдовано академикомъ Миддендорфомъ, состоитъ изъ крутыхъ горъ, которыя иногда возвышаются надъ моремъ на двѣ тысячи футовъ. Нѣкоторыя изъ первостепенныхъ высотъ, особенно на Тугурской губѣ и въ заливѣ Академіи, стоятъ очень близко къ морю, и чѣмъ ближе, тѣмъ круче бываетъ ихъ спускъ. Но и въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ въ море выдаются не такія огромныя отдѣльныя или сплошныя высоты, онѣ почти всегда представляютъ отвѣсныя или нависшія скалы, въ нѣсколько сотъ футовъ вышины, выступающія изъ береговой линіи въ видѣ многочисленныхъ мысовъ. Характеристическою чертою южнаго берега Охотскаго моря является и то обстоятельство, весьма невыгодное для мореплаванія, что эти мысы обыкновенно продолжаются по дну морскому безчисленными подводными камнями, иногда рифами, версты двѣ въ

длину, которые то бываютъ совершенно скрыты подъ уровнемъ воды, то выходятъ наружу только при отливѣ, то выглядываютъ изъ воды при всякомъ ея уровнѣ. Нерѣдко дикій живописный видъ горныхъ скалистыхъ береговъ украшается каменными столбами, которые на концахъ рифовъ, идущихъ отъ берега, высоко поднимаются надъ моремъ, какъ естественные маяки, иногда прикрытые кое гдѣ чахлыми деревьями и почти всегда увѣнчанные орлиными гнѣздами. Съ этимъ характеромъ подводныхъ камней и рифовъ, прилегающихъ съ моря къ крутымъ берегамъ, очевидно находится въ связи та особенность, что хотя волны морскія во время прилива издалека прямо несутся на береговый обрывъ и всякая лодка, брошенная вѣтромъ и приливомъ на такое мѣсто, должна окончательно погибнуть, однако во время отлива, даже подъ самыми крутыми обрывами берега, обнажается уступъ изъ булыжника, которымъ берегъ окаймленъ на всемъ протяженіи почти безъ исключенія. Мѣста, на которыхъ самый большой отливъ не обнажалъ-бы такой каймы, также рѣдки, какъ и такія мѣста, гдѣ у мысовъ были-бы уступы, которые хотя въ самый большой приливъ доставляли бы безопасность. Академикъ Миддендорфъ со своимъ спутникомъ, топографомъ Вагановымъ едва не погибли въ подобной мѣстности. При обходѣ изъ Мамгинской губы мыса они должны были искать защиты отъ свѣжаго вѣтра, дувшаго къ берегу, у одного изъ такихъ уступовъ, лежавшаго выше другихъ. Но приливъ поднялъ воду выше обыкновеннаго и путники вскорѣ принуждены были вскарабкаться на выступъ только въ нѣсколько футовъ ширины у подошвы нависшаго надъ ними утеса и втащить на этотъ выступъ свою кожаную лодку, такъ что у нихъ не осталось ни одного фута впереди. Надъ путешественниками висѣла къ морю защищавшая ихъ скала, а къ ногамъ ихъ подступала вода все выше и выше. Съ яростью подкатывались къ нимъ волны, гонимыя съ открытаго моря, обливали ихъ буруномъ и вырывали изъ ихъ рукъ байдару, которую они съ трудомъ едва, едва удерживали. Если бы приливъ продолжалъ прибывать только еще пять минутъ, то волны неудержимо унесли бы обоихъ путниковъ.

Джоржъ Кенанъ, проведшій болѣе двухъ лѣтъ въ странствованіи по берегамъ Охотскаго моря и въ крайнемъ сѣверо-восточномъ углу Азіи на службѣ американской компаніи, предполагавшей въ 1865—1867 году провести электрическій телеграфъ изъ Америки въ Европу чрезъ Азію, разсказываетъ слѣдующимъ образомъ свое странствованіе по восточному берегу (камчатскому) Охотскаго моря, во время отлива: „Слѣдующее утро (въ первыхъ числахъ октября) было холодное и бурное; снѣгъ валилъ въ горахъ, а дождь лилъ въ долинахъ. На разсвѣтѣ мы сняли палатку, раздѣлили между собою багажъ и приняли всѣ мѣры, необходимыя для борьбы съ снѣгомъ и непроходимыми дорогами въ горахъ. Нашъ проводникъ, посовѣтовавшись съ товарищами, предложилъ намъ отказаться отъ перехода чрезъ горы, а вмѣсто того попытаться проѣхать сорокъ пять верстъ во время отлива по узкому берегу, откуда всякое отступленіе было отрѣзано скалистою стѣною въ сто или двѣсти футовъ вышины. Если мы во время достигнемъ ущелья,—все пойдетъ хорошо, если же нѣтъ—вода зальетъ берегъ на десять футовъ глубины и лошади наши, если не мы сами, будутъ унесены въ море. Дерзкая смѣлость этого предложенія дѣлала его гораздо привлекательнѣе труднаго странствованія по снѣжнымъ сугробамъ въ замерзшихъ платьяхъ, безъ всякой пищи, и я съ удовольствіемъ согласился на него и приписалъ нашему проводнику болѣе смысла и находчивости, чѣмъ до сихъ поръ встрѣчалъ между камчадалами. Отливъ только что начинался, и намъ нужно было еще подождать три или четыре часа пока вода сбудетъ на столько, что можно будетъ проѣхать по берегу. Около десяти часовъ, на сколько я могъ судить, не имѣя часовъ, нашъ проводникъ осмотрѣлъ берегъ и объявилъ, что пора идти въ путь; намъ оставалось четыре или пять часовъ, чтобы доѣхать до ущелья. Мы поспѣшно вскочили на лошадей и быстрымъ галопомъ пустились вдоль берега, подъ сѣнью грозныхъ, черныхъ утесовъ съ одной стороны и орошаемые солеными брызгами съ другой. Огромныя массы зеленой тины, водорослей и раковинъ, тысячи медузъ и обломки деревьевъ, выброшенные буруномъ, лежали грудами вдоль берега; но мы неслись чрезъ все это въ бѣшеномъ галопѣ, останавливая нашихъ лошадей

только тогда, когда нужно было пробираться между огромными каменными глыбами, скатившимися съ вершины скалъ, которыя мѣстами загромождали берегъ сѣрыми обломками, въ семь и болѣе футовъ вышины. Первые двадцать семь верстъ мы проѣхали великолѣпнѣйшимъ образомъ, когда ѣхавшій впереди остановился такъ внезапно, что едва не упалъ съ лошади и мы услыхали знакомый крикъ; „медвѣдь! медвѣдь! два!“ Дѣйствительно, два медвѣдя, казалось, пробирались по берегу на четверть мили впереди насъ; но какъ попали медвѣди въ это отчаянное положеніе, гдѣ они должны были неизбѣжно потонуть чрезъ два или три часа, этого мы не могли понять. Впрочемъ для насъ это не дѣлало никакой разницы; ясно было, что медвѣди здѣсь и мы должны проѣхать мимо ихъ. Очевидно, одна изъ двухъ партій должна была попасть на завтракъ другой. Разойтись было невозможно, такъ какъ между скалами и моремъ была только узенькая полоса земли. Мы стали осторожно пробираться вдоль скалъ, желая выстрѣлить въ медвѣдей прежде, чѣмъ они насъ увидятъ. Мы подъѣхали уже довольно близко, какъ вдругъ передовой изъ нашей группы разразился громкимъ смѣхомъ и закричалъ: «это люди!» Когда они вышли изъ за утеса, я также убѣдился, что это были люди, два камчадала, одѣтые въ звѣриныя шкуры, которые были посланы съ извѣстіемъ къ намъ вслѣдъ за нами. Нечего было тратить время на дальнѣйшія объясненія. Вода быстро прибывала и мы должны были сдѣлать восемнадцать верстъ менѣе, чѣмъ въ часъ времени, или лишиться нашихъ лошадей. Мы посадили усталыхъ, промокшихъ камчадаловъ на двухъ свободныхъ коней и снова отправились въ путь крупною рысью. По мѣрѣ приближенія къ ущелью, положеніе наше дѣлалось все болѣе и болѣе критическимъ. У каждой выдающейся скалы вода была все выше и въ нѣкоторыхъ мѣстахъ она уже покрывала брызгами и пѣною подножія утесовъ, наши лошади шли быстро впередъ и одна только выдающаяся скала отдѣляла насъ отъ ущелья. Море бурлило возлѣ нея такъ, что мы проскакали нѣсколько футовъ по водѣ и чрезъ пять минутъ бросили поводья у входа въ ущелье. Путешествіе было трудное, но мы пріѣхали десять минутъ ранѣе, чѣмъ ожидали. Ущелье, по которому пролегалъ нашъ путь, было завалено каменными глыбами и покрыто непроходимою чащею сосенъ и ольхъ, такъ что въ продолженіе двухъ часовъ мы должны были прорубать себѣ топорами дорогу съ страшнымъ трудомъ“.

Возвращаемся къ южному берегу Охотскаго моря. Гдѣ берегъ между двумя мысами вогнутъ въ материкъ, тамъ море захватываетъ края долинъ, лежащихъ между вѣтвями горъ, оканчивающихся мысами, и въ такихъ мѣстахъ, особенно въ глубинѣ бухтъ, никогда нѣтъ недостатка въ мѣстахъ для пристанища лодокъ на каменистыхъ или песчаныхъ уступахъ, которые имѣютъ большую или меньшую покатость, соединяясь съ подошвою или съ отлогостями хребтовъ, спускающихся въ долины. Переходныя мѣста отъ этихъ мелей къ долинамъ, лишь изрѣдка и на короткое время заливаемыя водою во время самыхъ большихъ приливовъ, наполненныя и обложенныя морскимъ иломъ, прикрыты плотною опушкою соляныхъ травъ. Ближе къ водѣ на пространствѣ, захватываемомъ приливами обыкновенной высоты, лежитъ размытый булыжникъ; еще далѣе, подъ уровнемъ средней высоты моря, песокъ или глинистый морской илъ, смотря по обстоятельствамъ, прикрываютъ скалистое дно и во время отливовъ обнажаются, а вмѣстѣ съ ними выходятъ наружу, и всего болѣе у самаго крайняго предѣла убывающей воды во время отливовъ, большіе валуны, которые приносятъ съ собою ледъ и, разстаявши, оставляютъ чѣмъ больше и глубже бухта, чѣмъ больше примыкающая къ ея дну долина и чѣмъ больше также изливаемый ею горный потокъ, тѣмъ толще слой галекъ, песку или глины, которые могли нанести на морское дно материковыя воды въ теченіе вѣковъ, тѣмъ мельче берегъ и потому морское дно обнажается во время отливовъ на цѣлыя версты. Вязкій морской илъ мѣшаетъ въ такихъ мѣстахъ приставать къ берегу. Въ Удской губѣ, особенно въ сѣверной половинѣ, дно моря обнажается при отливѣ на шесть, на семь верстъ, точно также въ оконечности Нальчинской губы. Къ юго-востоку

это обнаженіе дна въ Удской губѣ совершенно прекращается у мыса Тыльскаго, гдѣ береговыя скалы окаймлены наносомъ голышей только въ двѣнадцать саженъ ширины. Въ глубинѣ Тугурскаго залива и въ Константиновской бухтѣ вода уходитъ на три, на четыре версты, а въ губахъ Торомской и Уяконской всего на двѣ версты. Губа Лебяжья на южномъ берегу Феклистова острова названа Сухою отъ того, что при отливѣ вода почти совсѣмъ уходитъ изъ нея. Но гдѣ быстрота стремительнаго впаденія рѣки находится въ постоянной борьбѣ съ силою морскихъ волнъ, тамъ устья рѣкъ до того загромождены гальками, что даже значительнѣйшія изъ устьевъ во время отливовъ хотя очень широки, но текутъ чрезъ розсыпи совершенно мелкими струями и вода исчезаетъ, просачиваясь сквозь розсыпь въ море. По устью Уди даже въ челнокѣ нельзя спуститься въ море. Но чрезъ нѣсколько часовъ послѣ того, на тѣхъ же мѣстахъ, отъ прилива дѣлается 15 футовъ глубины. Горныхъ рѣчекъ по берегамъ Охотскаго моря, особенно богатымъ дождями, безчисленное множество и во многихъ мѣстахъ мелкіе ручьи очень живописно падаютъ въ море съ высокихъ береговыхъ скалъ, представляя своеобразные водопады.

Гористое очертаніе западнаго берега Охотскаго моря, простирающее свое вліяніе на теченіе и впаденіе въ него рѣкъ, а равно и на климатъ его побережья, вызвано развѣтвленіями Становаго хребта, направленными къ этому обширному бассейну Великаго океана. Та часть Становаго хребта, которая идетъ вдоль западнаго берега Охотскаго моря называется Алданскимъ хребтомъ, и, имѣя одинаковое направленіе съ Буреинскимъ хребтомъ, составляетъ какъ бы его продолженіе. Становой водораздѣлъ и Алданскій хребетъ называется туземцами однимъ общимъ именемъ Джукджуръ. Хребты юго-восточной Сибири (Буреинскій, Алданскій хребты, Сихотэ (вдоль Татарскаго пролива) и Японско-курильско-камчатская гряда острововъ) отличаются прямоугольностью и параллелизмомъ. Многія изъ этихъ цѣпей состоятъ также изъ параллельныхъ хребтовъ, какъ доказалъ Эрманъ относительно Алданскаго хребта и затѣмъ Миддендорфъ касательно Буреинскаго хребта, а Шварцъ по отношенію къ сѣверному склону вдоль Витима. Эти меридіанные хребты выпускаютъ свои вѣтви прямоугольно: подъ прямыми углами сходятся они съ другими, вѣроятно, древнѣйшими поднятіями, которыя въ своемъ протяженіи и такимъ образомъ описываютъ четвероугольныя, высокоогражденныя рѣчныя области, часто такой же длины, какъ и ширины. Рѣчная область Уди, впадающей въ Охотское море, служитъ подобнымъ образцемъ. Даже обращенная къ морю ея сторона по большой части замкнута высокимъ горнымъ отрогомъ—Удскимъ хребтомъ, который, выдѣляясь къ юго-юго востоку отъ Становаго, преграждаетъ путь Половинной рѣки (Мая) и заставляетъ ее излиться въ Удь. Тоже самое весьма часто повторяется въ каждой системѣ хребтовъ, напримѣръ въ долинѣ истоковъ Тугура, въ долинѣ Ульбани, Усальгинѣ и т. д. Всѣ эти рѣки впадаютъ въ Охотское море. Въ горахъ, окружающихъ это море, встрѣ-

Южный берегъ Охотскаго моря къ западу отъ Дугандя.

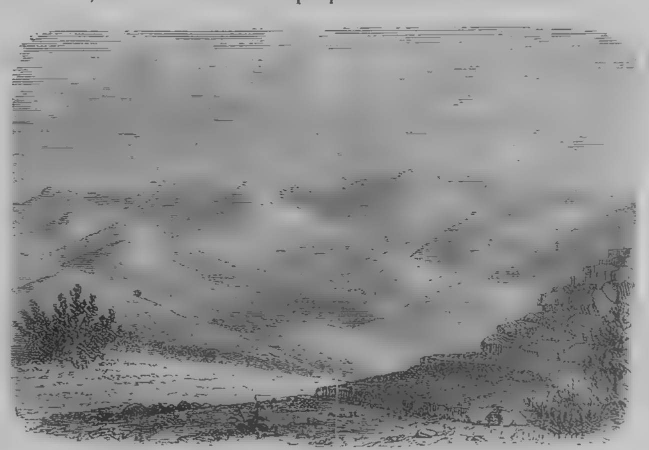
чается явное подтвержденіе ромбоидальной основной формы, найденной Риттеромъ въ плоской возвышенности центральной Азіи. Какъ на крайнемъ западѣ азіатскаго материка, отъ нагорья Тибета до Эгейскаго моря, подъ вліяніемъ правильныхъ основныхъ направленій, господствуетъ образованіе плоскихъ возвышенностей въ формѣ ромба и трапеціи, такъ точно и на берегахъ Охотскаго моря, на крайнемъ востокѣ Азіи, она господствуетъ въ грядахъ хребтовъ, но притомъ доходитъ до правильности фигуръ параллелограма и квадрата. Видъ прибрежныхъ скалъ въ окрестностяхъ Охотска служитъ нагляднымъ тому примѣромъ.

Горные хребты на южномъ берегу Охотскаго моря представляютъ нѣкоторыя характерныя особенности. Меридіанный Буреинскій хребетъ, въ продолженіи своемъ на сѣверъ, на одинаковой широтѣ съ колѣномъ Тугура, поворачиваетъ почти подъ прямымъ угломъ на западъ, но прежнее направленіе хребта прерывается только въ сорока верстахъ отъ южнаго берега моря, не доходя до устья рѣки Уди и тутъ параллельно морскому берегу начинается отрогъ его къ западному берегу Тугурской губы. Это хребетъ Шантарскаго берега, высокіе безлѣсные гольцы котораго обрывами спускаются въ море. Онъ оканчивается мысомъ Огогангдра. Береговой Шантарскій хребетъ состоитъ изъ гребня и видныхъ другъ за другомъ вершинъ, которыя по большей части безлѣсны, такъ какъ состоятъ изъ глыбъ и развалинъ скалъ. Только основаніе этихъ вершинъ покрыто мелкимъ кедровымъ кустарникомъ (сланцемъ). Высота вершинъ этого хребта въ 3000 футовъ и даже больше. Кромѣ этого главнаго хребта къ Охотскому морю въ его южной части идутъ еще и другія высоты, изъ которыхъ значительнѣе остальныхъ та, которая оканчивается мысомъ Ларгангда. Самая высокая вершина состоитъ въ нѣсколькихъ верстахъ отъ моря; другая, немного пониже, около 1,500 футовъ, торчитъ почти у самаго моря, въ развалинахъ, безлѣсная. И на востокъ отъ Тугурской губы идетъ береговой хребетъ, Мевачанъ, параллельно берегу, но его гребень ниже Шантарскаго, а вершины не столь высоки и болѣе округлены. Шантарскій хребетъ и Мевачанъ пускаютъ къ морскому берегу отвѣсно множество вѣтвей; отроги Мевачана крутизною своею превосходятъ главный кряжъ хребта; ихъ гребни иногда поднимаются остріями. Эти вѣтви и дальнѣйшіе ихъ отпрыски продолжаются иногда на цѣлыя версты въ море въ видѣ рифовъ, утесистыхъ острововъ въ видѣ башенъ и столбовъ. Они называются «отпрядышами» или «кекурами» и находятся по всѣмъ берегамъ Охотскаго моря. Эти отпрядыши, въ видѣ башенъ и столбовъ, и придаютъ особенно живописную характеристику берегамъ этого моря, когда къ нимъ подъѣзжаютъ съ морской стороны. Разсѣлины въ отвѣсныхъ скалахъ, вывѣтрившіяся щели, распространяющіяся иногда до небольшихъ пещеръ, съ развалинами скалъ, живописно убранныхъ деревьями и кустарникомъ, представляютъ поразительныя картины и разнообразные виды.

Видъ въ окрестностяхъ Охотска.

Геогностическій составъ прибрежья Охотскаго моря отличается большимъ разнообразіемъ, хотя въ этомъ отношеніи замѣчается недостатокъ подробныхъ его наблюденій и изслѣдованій. На берегахъ моря изъ кристаллическихъ породъ встрѣчаются діориты, порфиры, граниты и

даже лабрадоры, но еще распространнѣе ихъ оказываются вулканической породы базальты и трехиты, изъ которыхъ состоитъ весь значительный рядъ вулкановъ Курильскихъ острововъ и которые встрѣчаются на всемъ камчатскомъ берегу Охотскаго моря, а также въ Мареканскихъ горахъ у города Охотска, на полуостровѣ Сегнека и на берегахъ Уяконской губы, въ Удскомъ заливѣ. Кристаллическіе сланцы также находятся на берегахъ Охотскаго моря. На Караульномъ мысѣ въ Удскомъ краѣ доказано присутствіе палеозоическихъ формацій юрской формаціи на островѣ Сахалинѣ, эоценовой въ Камчаткѣ. Нѣсколько подробнѣе сообщаетъ о геогностическомъ строеніи Охотскаго края Миддендорфъ, совершившій переѣздъ отъ Якутска къ Удскому острогу. Такъ между рѣками Алданомъ и Учуромъ (послѣдняя впадаетъ въ первую) онъ переѣхалъ пять параллельныхъ низменныхъ кряжей. Плутоническія породы, поднявшія эти параллельные кряжи, остались скрытыми подъ осадочными пластами, за исключеніемъ ближайшихъ окрестностей Учура, гдѣ на сѣверо-западномъ берегу пробился наружу мелкозернистый гранитъ и поднялись конусы трахитовиднаго діорита. Этотъ хребетъ ограничиваетъ собою западный край уступа, среди котораго течетъ рѣка Учуръ вдоль этого уступа, состоящаго опять изъ толщъ известняка, большею частію превращеннаго въ доломитъ. На рѣкѣ Уянѣ, еще ближе къ Удскому острогу, кристаллическія породы снова выступаютъ и на огромномъ пространствѣ образуютъ главный кряжъ Алданскаго хребта. Крупнозернистый гранитъ составляетъ сѣверо западный склонъ гребня; на высотѣ хребта онъ дѣлается порфировиднымъ и выдѣляетъ изъ себя лабрадоръ, а потомъ на юго-восточномъ склонѣ принимаетъ въ себя роговую обманку. Къ морю отъ Алданскаго хребта, параллельная съ нимъ цѣпь Конуной состоитъ опять изъ гранита, который, въ слѣдствіе новыхъ взломовъ, прорвавшихся сквозь него, является снова измѣненнымъ, гораздо менѣе содержитъ въ себѣ кварца и состоитъ изъ красноватаго полеваго шпата. Другая параллельная цѣпь, еще ближе предшествовавшей къ Охотскому морю, хребетъ Тыллахъ, хотя и обнаруживаетъ въ себѣ гранитную внутренность, но, пропустивъ сквозь себя діоритовый порфиръ и трахитовую породу, приводитъ уже къ низменнымъ предгорьямъ, на которыхъ стоитъ Удскій острогъ и которыя состоятъ изъ базальта съ оливиномъ и изъ базальтовой лавы (лавовидный базальтъ). Въ десяти верстахъ къ востоку отъ Охотска встрѣчается гранитъ, а на устьѣ Мареканки базальтовая порода, перлитъ, мареконитъ, смолистый камень, которые образовались отъ переплавки и остекленѣнія базальтомъ окружавшихъ ихъ породъ въ лавовидныя. Близь моря эти базальтовыя породы преимущественно наполнили разсѣлины и не поднялись до значительной цѣпи высотъ По наблюденіямъ Дитмара о срединѣ Алданскаго хребта у Аяна, высота перевала чрезъ его гребень состоитъ изъ гранита и гнейса, западный склонъ изъ породъ діорита, а дальше внизъ изъ остроконечныхъ горъ краснаго порфира (въ 150 верстахъ отъ Аяна).



Видъ Становаго или Яблоноваго хребта по Охотскому тракту.

Съ горизонтальнымъ напластованіемъ известковыхъ толщъ на южномъ концѣ Алданскаго хребта связано особенное мѣстное явленіе, именно частое исчезаніе текущихъ водъ подъ землею, которое свойственно этому известняку на всемъ его протяженіи между рѣками Алданомъ

и Учуромъ. Такимъ путемъ скрываются не только весенніе потоки, но и горные ручьи. Это явленіе производитъ особенно поразительное впечатлѣніе, когда путешественникъ поневолѣ слѣдуетъ за теченіемъ бурливаго горнаго прохода, не находя чрезъ него брода. Противъ правила проводникъ ведетъ поѣздъ внизъ по теченію ручья вмѣсто того, чтобы вверху искать мелководья. Пускаются напрямикъ, чрезъ густой лиственичный и кедровый лѣсъ, стараясь взять на перерѣзъ кручину; выбираются наконецъ изъ чащи и вдругъ горный ручей, котораго немогли перейти въ продолженіе всего дня, исчезаетъ какъ будто какимъ то волшебствомъ. Хотя не видно, чтобы известнякъ былъ напластованъ въ перемежку съ какими нибудь легко размываемыми слоями, однако частыя воронки убѣждаютъ, что въ немъ есть большія вымоины, сопровождаемыя провалами верхнихъ толщъ. Эти воронки часто бываютъ значительно велики; такъ, по сообщенію Миддендорфа, напримѣръ ручей Сенъ-Бага, шириною около трехъ саженъ, а глубиною въ нѣсколько футовъ, съ шумомъ и пѣною, по набросаннымъ другъ на друга известковымъ четвероугольникамъ, низвергается въ падь глубиною въ шесть саженъ, и поглощается ею. Толстые древесные стволы, то запружая воду, то образуя живописные мосты лежали на краю воронки, имѣющей въ поперечникѣ 50 шаговъ; другіе, разбитые, расколотые, крѣпко завязли между четвероугольниками и страннымъ образомъ торчали вверхъ. Видъ въ высшей степени живописный, даже въ невысокую воду. Лишь изрѣдка встрѣчаются на этомъ пространствѣ воды, исчезающія безъ принимающихъ ихъ воронокъ. Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ исчезнувшіе горные ручьи тутъ же вырываются изъ подъ земли фонтанами, бьющими вверхъ на нѣсколько футовъ толстыми струями. Особенно поразительно и картинно является внезапное появленіе изъ земли рѣчки Селенды. Миддендорфъ особенно часто встрѣчалъ исчезаніе водъ въ долинѣ Сена, равно и въ области Кебеликани. Для опредѣленія геологическаго періода этихъ известняковъ, нѣтъ пока точныхъ палеонтологическихъ основаній. Эрманъ полагалъ ихъ юрскою формацією, Миддендорфъ сначала считалъ ихъ принадлежащими къ каменноугольной формаціи, а потомъ сталъ причислять къ силлюрійской, но и послѣднее свое мнѣніе предоставилъ подтвердить послѣдующимъ болѣе точнымъ наблюденіямъ.

На южномъ берегу Охотскаго моря сѣровакковни выступаютъ на большомъ пространствѣ въ утесахъ, которыми вѣтви хребтовъ Шантарскаго и Мевачана опускаются въ море. Глинистый сланецъ, кремнистый сланецъ и сѣровакковые песчаники всѣхъ различій являются поперемѣнно въ означенной мѣстности. По палеонтологическимъ остаткамъ, этотъ глинистый сланецъ надобно считать древнѣе горнаго известняка. Между этими сѣровакковыми формаціями поднявшія ихъ плутоническія массы водворились съ опустошительнымъ насиліемъ. Повсюду видны метаморфическія дѣйствія пробившихся породъ, повсюду возмущенія, погибы, извилины, проломы въ напластованіяхъ сѣровакковыхъ формацій, разорванныхъ такимъ образомъ во всѣ стороны. На утесистыхъ стѣнахъ береговъ всюду видны также отломанные и съ острыми краями куски этихъ напластованныхъ массъ, какъ бы запѣченные въ прорвавшемся наружу гранитѣ. Куски эти имѣютъ разную величину, начиная съ дюйма и меньше, до сажени и больше. Напримѣръ, отвѣсный берегъ на мысѣ Джукджандранъ состоитъ въ своей главной массѣ изъ рѣшительно кремнистаго сланца, переходящаго чрезъ кремнистый глинистый сланецъ въ мягкій глинистый сланецъ. Наслоенія можно ясно различить и они толщиною то въ футъ, то лишь въ нѣсколько дюймовъ; въ соприкосновеніи съ гранитомъ, глинистый сланецъ, вмѣстившій въ себя слои слюды, получилъ сходство съ слюдистымъ сланцемъ, а въ этомъ гранитѣ содержатся запеченными куски кремнистаго и глинистаго сланцевъ. Шантарскіе острова состоятъ также изъ сѣровакковыхъ породъ, а именно Медвѣжій островъ и южная оконечность острова Эге, но сѣверная оконечность его, обращенная къ острову Большому Шантару, оказывается уже чистымъ гранитомъ, который, погружаясь въ море, вѣроятно, состоитъ въ связи съ цѣпью высотъ на Большомъ Шантарѣ. Но вершины юговосточной оконечности Большаго Шантара состоятъ почти изъ чистаго кварца. Кромѣ гранита, поднимаются наружу отчасти

въ массѣ, но преимущественно жилами, сѣровакковыя породы оказываются равнымъ образомъ смѣшанными съ діоритомъ, который мѣстами является въ видѣ миндальника, но особенно острые конусы трахитовой породы, высоко поднимающіеся надъ вѣтвями хребтовъ, напоминаютъ собою на южномъ берегу Охотскаго моря Алданскій хребетъ. Этотъ трахитовый порфиръ сверхъ того возсѣдаетъ какъ на разсѣлинахъ, идущихъ параллельно градусамъ широты (береговой Шантарскій хребетъ), такъ и на тѣхъ, которыя слѣдуютъ направленію меридіановъ (полуостровъ Сегнека, хребетъ Укурунру) и выдаются полуостровами въ море.

Рѣки, впадающія во множествѣ въ Охотское море, представляютъ для геолога богатое и обширное поле для наблюденія тѣхъ переворотовъ, которые совершились на землѣ, преимущественно новѣйшихъ преобразованій земной поверхности. Въ Сибири метеорологическія обстоятельства, по наблюденіямъ Миддендорфа, существенно содѣйствуютъ возвышенію до необычайной степени вліянія водъ на измѣненіе вида земной поверхности и на образованіе новыхъ земныхъ пластовъ. Какъ чрезвычайный холодъ, такъ и внезапный переходъ отъ зимы къ лѣту придаютъ тамошнимъ водамъ особенную силу. Въ теченіе необыкновенно долгой зимы накопившіяся массы снѣга внезапно обращаются въ воду, отъ чего, сибирскія рѣки возвышаются въ нѣкот рые годы на пять, на шесть и даже больше чѣмъ на восемь саженъ надъ обыкновеннымъ уровнемъ, разливаются многообразно на нѣсколько верстъ въ ширину по окрестной странѣ и въ половодье отыскиваютъ себѣ путь чрезъ лѣса и пустыни. Отъ того съ одной стороны подвергаются размывкѣ такія мѣста, гдѣ въ теченіе большей части года, въ значительномъ отдаленіи отъ главной рѣки ѣздятъ по высокому сухому материку; съ другой стороны, стѣсненныя массы воды возрастаютъ до непреодолимой тяжести, которая въ состояніи все передъ собою опрокинуть. Сильная стужа зимы тѣмъ болѣе притомъ участвуетъ, что ледъ достигаетъ необыкновенной толщины и потому взгромождается такими плотинами, какихъ никогда не увидишь въ Европѣ. Если бы тотъ же морозъ, которому ледъ обязанъ своею толщиною, не связывалъ почву въ твердую, крѣпкую массу, то опустошенія и преобразованія земнаго покрова были бы несравненно значительнѣе. Въ Сибири эти наводненія не случайны; напротивъ они принадлежатъ собственно къ характеристикѣ страны, отъ того, что въ зиму накопившійся запасъ снѣга, періодически, въ кратчайшій срокъ таетъ и истекаетъ. Въ слѣдствіе того является правильный ежегодный возрастъ столь значительныхъ наводненій, какихъ въ Европѣ вовсе не знаютъ. Отъ того возвышеніе до трехъ и четырехъ саженъ, даже въ нижнемъ теченіи рѣкъ, не есть событіе необыкновенное, а напротивъ того регулярное. Рѣки Охотскаго моря представляютъ наглядное объясненіе допотопнаго лѣса и ископаемаго угля и того плавника, который служитъ топливомъ на безлѣсныхъ пространствахъ сѣвернаго Ледовитаго океана въ Сибири. На берегахъ Охотскаго моря какъ на высотахъ близь вершинъ горъ, такъ и ниже къ морскому берегу встрѣчаются огромныя кучи самаго крупнаго лѣса, снесеннаго періодическою яростью горныхъ водъ. Въ началѣ іюня даже по сухому руслу ле-

Переходъ чрезъ рѣку въ Сибири.

жатъ, упираясь въ какой нибудь крѣпкій выступъ, дюжины бревенъ, самымъ страннымъ образомъ взгроможденныхъ одно на другое, многія горизонтально, а иные бываютъ вдавлены между другими отвѣсно. На удобнѣйшихъ къ тому мѣстахъ груды большаго размѣра, болѣе чѣмъ изъ ста деревъ, иногда имѣли нѣсколько саженъ въ вышину: обыкновенно это замѣчалось на болѣе плоскихъ и сухихъ мѣстахъ рѣчныхъ ложбинъ, или на такихъ, въ которыя ударяетъ полная сила большихъ горныхъ водъ, въ слѣдствіе чего, напримѣръ, у Миддендорфа при переправѣ чрезъ рѣку Половинную (Маю) передъ глазами исчезла въ такой сѣти стволовъ лошадь, безъ всякой возможности подать ей помощь: лошадь, въ страхѣ напрягавшая всѣ свои силы къ сопротивленію, какъ бы волшебною силою, была увлечена подъ воду. Такого же рода большія кучи лѣса, но пониже, лежали у самаго Удскаго острога въ рукавѣ Уди; одинъ стволъ тополя въ этомъ плавникѣ имѣлъ въ поперечникѣ почти четыре фута. Со времени основанія Удскаго острога, слѣдовательно болѣе двухъ сотъ лѣтъ, жители продовольствуются топливомъ изъ этой кучи, не истощивъ ея запаса. Такъ, повидимому, ничтожна истребительная сила человѣка, въ сравненіи съ исполинскими дѣйствіями природы. Во время жительства Миддендорфа въ Удскомъ острогѣ, около половины іюня и потомъ вновь недѣлю спустя отъ дождя, выпавшаго въ горахъ, рѣка наполнилась водою. Въ одинъ день вода поднялась сажени на двѣ; сверху полился по рѣкѣ новый плавникъ, проваливалъ или останавливался по берегамъ; часть прежде выкинутаго на берега поднялась на воду и была унесена къ морю. Но вышеупомянутыя груды, крѣпко сплоченныя перепутанными толстыми вѣтвями и корнями, устояли даже противъ напора такого полноводья. Изъ нихъ то въ теченіе тысячелѣтій образовались огромныя гнѣзда ископаемаго угля высоко на горахъ и лежатъ засыпанныя огромными кучами камней, которые мало по малу спаялись между собою посредствомъ накипи.

О крѣпости этихъ искуственныхъ плотинъ можно судить по тому, что при переправѣ чрезъ рѣку Половинную, равно и чрезъ рѣку Удь при обыкновенномъ уровнѣ воды, слышенъ въ лодкѣ внятный шелестъ, достигающій со дна рѣки. Этотъ шелестъ происходитъ отъ булыжника и щебня, которые неудержимо катятся водою. Такое передвиженіе булыжника и щебня происходитъ даже въ такихъ частяхъ этихъ рѣкъ, гдѣ теченіе тише, съ среднею скоростью верстъ по десяти въ часъ, стало быть по столько же футовъ въ секунду, между тѣмъ во многихъ другихъ мѣстахъ вода сплошь кипитъ и вьется, а при высокомъ стояніи бурлитъ вдвое яростнѣе; когда же случаются необычайные разливы, то вышеупомянутыя плотины, «деревянныя горы», покрытыя сверху булыжникомъ, либо выдерживаютъ напоръ воды и она прокладываетъ себѣ новый путь, а деревянная плотина въ теченіе времени заносится щебнемъ, и такимъ образомъ эти горы лѣса, скопившагося вдалекѣ отъ моря на высокихъ хребтахъ, приготовляются къ превращенію въ ископаемый уголь, или теченіе осиливаетъ плотины и уноситъ ихъ въ море.

На рѣкахъ, впадающихъ въ Охотское море, яснѣе всего видно происхожденіе матеріала «деревянныхъ горъ», плавучаго лѣса, уносимаго большими сибирскими рѣками иногда по цѣлымъ кучамъ; на потопляемыхъ низменностяхъ поднимаются водою и уносятся въ море даже цѣлые острова, покрытые растительностью. Сарычевъ видѣлъ сплавъ такого острова въ семьдесятъ саженъ въ окружности на Алданѣ. Птицы щебечутъ на деревьяхъ, воображая, что онѣ на твердой землѣ. Такъ называемыя «деревянныя горы» на новосибирскихъ островахъ, описанные подробно Врангелемъ, по наблюденіямъ Анжу, принадлежатъ къ числу подобныхъ явленій. Это яръ, до двадцати саженъ вышины, образующій морской берегъ на протяженіи пяти верстъ; кучи горизонтально лежащихъ бревенъ, мѣстами по пятидесяти, выходятъ своими концами наружу; самыя толстыя изъ нихъ имѣютъ въ поперечникѣ отъ 10 до 11 дюймовъ. Дерево это хрупко, полутвердо, чернаго, слабо лоснящагося цвѣта, горитъ на угольяхъ трудно и издаетъ смолистый запахъ. Это болѣе или менѣе вывѣтрившійся и ощелоченный плавникъ, который въ древности, очевидно, шелъ по сибирскимъ рѣкамъ

и потомъ былъ заносимъ иломъ у береговъ. Мереплаватель Лаптевъ, еще 21 іюня 1740 года, сдѣлалъ замѣтку въ своемъ путевомъ журналѣ, что на устьѣ Хатанги онъ нашелъ лѣсъ «наносный прежнихъ годовъ» и притомъ «не мало», При устьѣ рѣки Индигирки, въ тридцати верстахъ и болѣе отъ берега, Лаптевъ нашелъ этотъ плавникъ во множествѣ, тогда какъ въ самомъ Ледовитомъ морѣ его не было. Высушенное допотопное дерево получаетъ темносѣрый или сѣробурый цвѣтъ, иногда даже красноватый, но рѣдко съ отблескомъ, однимъ словомъ какъ въ каменномъ углѣ. Оно такъ легко и такъ мягко, что уступаетъ давленію ногтемъ. По сгораніи оно почти вовсе не давало угля, но тѣмъ больше оставляло чрезвычайно легкаго пепла, который сначала сохранялъ форму цѣлаго куска дерева, но при малѣйшемъ сотрясеніи разсыпался и въ кучѣ принималъ яркій желтый лимонный или красножелтый цвѣтъ. Запахъ не смоляной, дымъ не очень ѣдокъ; пламя слабо, и даже тщательно высушенные куски часто могли только тлѣть. Нѣтъ сомнѣнья, что этотъ допотопный лѣсъ есть плавникъ, который въ древности несся по рѣкамъ Сибири и на этомъ пути понемногу разлатывался, раскалывался и наконецъ выбрасывался на берегъ и заносился иломъ. Этотъ допотопный лѣсъ (ноевщина, адамовщина) самый древній свидѣтель процесса, повторяющагося до нынѣ, особенно ясно на рѣкахъ, впадающихъ въ Охотское море: и за тысячи лѣтъ онъ несся изъ внутри же материка въ море, а море отдавало его обратно землѣ совершенно такъ, какъ это повторяется и нынѣ ежегодно. Если-бы каждый годъ клалъ свое клеймо на отпускаемый такимъ образомъ по рѣкамъ лѣсъ, то въ ряду его наносовъ до самаго берега не оказалось бы пропущеннымъ ни одного года, не исключая того, въ который пишутся эти строки. Но въ цѣломъ вѣроятнѣе всего оказалось бы рѣшительное уменьшеніе количества плавника, соразмѣрно съ возрастающимъ народонаселеніемъ, которое начинаетъ въ Сибири разчистку земли съ мѣсторожденій плавучаго лѣса—съ береговъ рѣкъ. Въ связи съ допотопнымъ лѣсомъ находится янтарь, выкидываемый не только на берегахъ Ледовитаго моря, но и на берегахъ Охотскаго. Со времени первыхъ посѣщеній Камчатки стало извѣстно, что рѣка Тигиль, впадающая въ Охотское море, на своемъ устьѣ выбрасываетъ янтарь. Присланный въ академію наукъ янтарь изъ Гижигинска былъ подвергнутъ точному изслѣдованію г. Мерклиномъ, который нашелъ, что онъ происходитъ не отъ настоящаго янтарнаго дерева (Piniles succifer), но отъ одной породы кипарисовъ. Якуты называютъ янтарь морскимъ ладаномъ (мира лада), такъ какъ русскіе на крайнемъ сѣверѣ употребляли янтарь вмѣсто ладана въ кадилахъ. На всѣхъ берегахъ Ледовитаго океана въ Сибири выбрасывается настоящій янтарь, какой находятъ и въ Европѣ, слѣдовательно онъ также принадлежитъ къ древнѣйшимъ временамъ, но замѣчательно, что на берегахъ Ледовитаго моря онъ встрѣчается въ видѣ крохъ, мутнаго цвѣта и величиною рѣдко превышаетъ горошину. Причиною тому, можетъ быть, особенная хрупкость янтаря, происходящая отъ вліянія холода. Къ югу отъ Берингова моря янтарь попадается рѣдко, но куски его оказываются уже больше. Можетъ быть этотъ янтарь происходитъ изъ смолы особенныхъ первобытныхъ породъ дерева, потому что янтарное дерево древнѣйшаго міра превосходило нынѣшній хвойный лѣсъ особеннымъ избыткомъ смолы, слѣдовательно и куски ея должны были встрѣчаться большей величины.

Плавникъ, выносимый рѣками въ Охотское море, частію плаваетъ въ морѣ, отчасти, при отливѣ, параллельно берегамъ, иногда въ нѣсколькихъ верстахъ отъ нихъ садится на глинистыя мели, о которыхъ упомянуто было выше и которыя при отливѣ обнажаются на многія версты. Эти глинистыя мели состоятъ изъ особенной крайне вязкой массы, которая описана Гейне, въ его путешествіи съ эскадрою Ринггольда и Роджесса, посланною правительствомъ Соединенныхъ Сѣверо-американскихъ Штатовъ въ 1853—1856 годахъ къ берегамъ Китая, Японіи, Камчатки и Сибири. Высадившись на берегъ въ Пенжинской губѣ, Гейне, по его словамъ, встрѣчалъ мѣстами почву, по внѣшности походившую на темносѣрый гранитъ

или на песчаникъ, но когда онъ ступалъ на такую почву, то проваливался ногами до икръ. При освобожденіи ноги изъ такой вязкой почвы, онъ оставлялъ въ ней свои сапоги, или вытаскивалъ ихъ покрытыми жирнымъ иломъ, какъ будто бы онъ побывалъ въ чану съ распущеннымъ въ немъ мыломъ.

Эти залежи глины неоднократно для Гейне и его спутниковъ исполняли, по его словамъ, обязанности снимальщика сапогъ (Stiefelknecht), почему онъ и далъ этой глинѣ мѣткое названіе Stiefelknecht—Thon (глина, снимающая сапоги). Мѣстами эта глина была до того жидка, что въ ней можно было мѣшать палками, какъ въ какой-нибудь жидкой кашѣ. Въ другихъ мѣстахъ эта глина оказывалась въ болѣе твердомъ состояніи, особенно на толщахъ каменнаго угля и между его слоями. Такъ какъ американцы остановились въ Пенжинской губѣ для сдѣланія запаса топлива для своихъ паровыхъ судовъ, изъ которыхъ состояла эскадра, то эти слои глины задерживали выломку каменнаго угля, который они отыскали въ одной изъ бухтъ губы. Глина такъ плотно приставала къ лопатѣ, что трудно было ее сбросить съ заступа. Одинъ изъ матросовъ попробовалъ сбросить съ высоты полную лопату подобной глины, но потерялъ притомъ свое равновѣсіе и вмѣстѣ съ лопатою полетѣлъ въ находившуюся подъ холмомъ массу этой глины, въ которой до того завязъ руками и ногами, что съ трудомъ былъ вытащенъ изъ нея остальными матросами. Два другіе американца матроса, поспоривъ между собою, подрались, упали на толщу подобной глины, причемъ оказавшійся подъ другимъ не могъ сдѣлать ни одного движенія и лежалъ въ глинѣ какъ бы связаннымъ; даже головою не могъ поворачивать, потому что волоса его крѣпко пристали къ глинѣ. Онъ ворочалъ глазами во всѣ стороны и ругался, между тѣмъ какъ его противникъ смѣялся надъ нимъ. Эта вязкая глина наполняла всѣ углубленія въ почвѣ. Материкъ состоялъ собственно изъ песчаника различнаго рода. Онъ выставлялся по берегу моря и изъ скалъ большими толщами и заостренными камнями, мѣстами онъ былъ теменъ и крѣпокъ подобно граниту, но въ глубинѣ ущелья и овраговъ былъ до того рыхлъ, что струившаяся по немъ вода уносила его размельченныя части и потому становилась негодною ни для купанья, ни для питья. Послѣ непродолжительнаго времени въ стаканѣ съ подобною водою оказывался жирный, въ родѣ клейстера, осадокъ, котораго набиралось съ чайную ложку. Однажды американцамъ вздумалось освѣжиться купаньемъ подъ однимъ небольшимъ водопадомъ, но означенный илъ, содержавшійся въ его водѣ, до того наполнилъ имъ глаза, уши и волосы, что они съ трудомъ отмылись отъ него въ морѣ.

Почва, лежащая на этомъ песчаникѣ, оказывалась рыхлою и разсыпчатою и содержала въ себѣ значительное количество ямъ, наполненныхъ упомянутою вязкою глиною, вслѣдствіе которой было очень рискованно бѣгать и скакать по уступамъ. На покатостяхъ горъ подобныя залежи глины отличались совершенно особымъ налетомъ, по которому американцы выучились ихъ отличать и не попадали болѣе въ бѣду и обходили ихъ по твердой почвѣ. Но на плотномъ берегу подобнаго отличительнаго налета не существовало, тѣмъ болѣе, что тамъ эта глина, какъ сказано, походила видомъ на гранитъ и сверхъ того встрѣчалась на обширныхъ песчаныхъ пространствахъ, гдѣ ее никакъ нельзя было заранѣе отличить и избѣжать. Если попавшему въ такую глину не удавалось немедленно изъ нея высвободиться, то ноги его тотчасъ погружались въ нее, выше голенищъ сапогъ. Гейне однажды погрузился въ такую глину до того глубоко, что, при усиліяхъ его высвободиться изъ нея, подъ нимъ подломилась твердая песчаная кора и онъ ушелъ въ грязь выше колѣнъ, такъ что безъ посторонней помощи не могъ уже выбраться изъ глины. По его словамъ, онъ въ состояніи былъ вытащить каждую изъ своихъ ногъ на половину, но выше онъ не могъ ее высвободить и когда онъ затѣмъ на моментъ оставлялъ все свое туловище въ покоѣ, чтобы высвободить другую ногу, то погружался всѣмъ тѣломъ глубже въ глину. Когда наконецъ Гейне былъ вытащенъ изъ глины при посторонней помощи, то онъ палкою попытался измѣрить глубину этой вязкой

почвы. На глубинѣ двухъ футовъ онъ наткнулся на какую то твердую почву или массу и позже вообще оказывалось, что рѣдко гдѣ эти вязкія мѣста оказывались глубже.

Въ подобной глинѣ на берегахъ Охотскаго моря вязнетъ одинаково также и вѣтвистый плавникъ и отъ натиска волнъ погружается въ ней все глубже. Въ такой глиняной тинѣ, при смѣнѣ прилива и отлива, останавливается лѣсъ, сплавленный изнутри материка, равно находятъ могилу прибитые къ берегамъ трупы морскихъ звѣрей и засѣвшіе на мели киты, часто даже лишь полускончавшіеся, и, при благопріятныхъ обстоятельствахъ, необыкновенно скоро всасываются глиною. На южномъ берегу Охотскаго моря, среди лѣта, на глазахъ Миддендорфа, были занесены глиною выброшенные на берегъ киты. Нѣсколько недѣль спустя, хотя звѣрь еще выглядывалъ изъ земли нѣкоторыми краями своего тѣла, Миддендорфъ и спутники его вырѣзали изъ кита жиръ еще вовсе неиспорченный и употребили его въ пищу. На этомъ же берегу моря Миддендорфъ замѣтилъ, что звѣри, выкинутые приливомъ, пожираются всякаго рода плотоядными, такъ что иломъ заносятся только остовы, а сѣвшіе на мель при отливѣ остаются часто цѣлыми трупами. Слѣдовательно чѣмъ скорѣе и полнѣе совершалось погребеніе звѣря, тѣмъ лучше могли сохраняться его мягкія части, чѣмъ и объясняется единственный способъ, какимъ образомъ исполинскіе звѣри (напримѣръ мамонты) могли сохраняться безъ истлѣнія въ замерзшей затѣмъ почвѣ (близъ береговъ Ледовитаго моря).

На берегахъ Охотскаго моря можно также явственно наблюдать процессъ образованія боровъ передъ устьями рѣкъ и заносныхъ камней. Такъ, при впаденіи горнаго ручья Алы въ Удскій заливъ, видно, что эта рѣчка, за нѣсколько верстъ до своего устья, течетъ параллельно берегу моря, отдѣляясь отъ него только каменною розсыпью, шириною около ста саженъ. При точнѣйшемъ изслѣдованіи, являются несомнѣнные признаки, что ранѣе рѣчка текла прямо въ море, которое въ послѣдствіи наметало высокую каменистую розсыпь и ею заперло прежнее устье. Ледяныя глыбы, при первомъ взломѣ прибрежнаго льда, подвигаютъ наносы на берегъ, въ видѣ щебня горныхъ водъ или булыжника, которые заносятъ плавникъ, выброшенный на берегъ приливомъ. Если признать ледъ главнымъ орудіемъ, посредствомъ котораго волны накатали такую большую каменную площадь при устьѣ Алы, то позднѣйшую силу сопротивленія этого вала, прежде состоявшаго изъ камышей, надобно приписать плавнику, который, улегшись въ немъ, сплотилъ его въ устойчивую массу. Большіе стволы съ своими упорными вѣтвями выглядываютъ изъ каменистой насыпи во множествѣ и въ разнообразнѣйшихъ положеніяхъ. Сама по себѣ розсыпь не могла бы выдержать сопротивленія напору водъ.

На устьѣ довольно значительной рѣки Уди нѣтъ возможности даже на легкомъ челнѣ спуститься чрезъ каменную розсыпь въ море. Вода разливается на версты и отчасти струится между голышами, отчасти сочится сквозь нихъ въ море. При работѣ шестами, чтобы возвратиться на фарватеръ рѣки поглубже, розсыпь поддается нажиму и не доставляетъ точки опоры. Если соскочить въ такомъ устьѣ въ воду, то подъ ногами дно шевелится, потому что вся розсыпь рѣчнаго дна осязательно катилась и скользила безпрерывно къ морю. На примѣрѣ рѣчки Алы ясно, какъ образуются и развиваются такого рода устья горныхъ рѣчекъ на Охотскомъ морѣ. На берегу этого моря такой общій процессъ образованія свойственъ всѣмъ рѣкамъ, впадающимъ въ него, даже малѣйшимъ горнымъ ручьямъ. И на западномъ берегу Камчатки многія рѣки, впадающія въ Охотское море, подчинены такому же процессу. Голыши, безпрерывно уносимые горными рѣками въ море, составляютъ матеріалъ для означенныхъ мелей. Противодѣйствіе волнъ, подкрѣпляемое дѣйствіемъ льда, значительнымъ въ томъ краѣ даже въ августѣ (на южномъ берегу Охотскаго моря), и при помощи плавучаго лѣса, получаетъ особенную силу отъ рѣзкой противоположности смѣняющихъ другъ друга приливовъ и отливовъ. При отливѣ вода самыхъ значительныхъ горныхъ ручьевъ почти вовсе теряется въ каменной розсыпи бора, тогда какъ въ приливъ вода напираетъ противъ теченія рѣки и такъ наполняетъ устье, что въ немъ могутъ ходить большія суда: тогда море безъ

всякаго сопротивленія со стороны рѣки работаетъ надъ сооруженіемъ бора. Позади бора образуется озеро, узкое и длинное, расположенное параллельно берегу и въ теченіи времени, то тамъ, то тутъ, пролагающее рѣкѣ путь къ морю. Горныя воды постоянно наполняютъ эти озера наносами, пока не явятся наконецъ травянистыя низменности, какія находятся на устьяхъ всѣхъ большихъ рѣкъ, впадающихъ въ Охотское море. Озеро Амыдженджа въ глубинѣ Лебяжьей губы, между двумя мысами Дугандя, устья Алы, Тугура, Ингакани и Иткани въ Ульбанской губѣ, устья рѣки Средней и озера на Большомъ Шантарѣ, озеро близъ устья рѣки Маріаканки на западномъ берегу Охотскаго моря, представляютъ доказательства этого явленія. Очень можетъ быть, что устья рѣкъ на Охотскомъ морѣ передвигаются съ теченіемъ времени на основаніи какого-нибудь постояннаго закона, но онъ пока не опредѣленъ въ точности. Не происходитъ ли это передвиженіе по направленію морскихъ отливовъ? На западномъ берегу Охотскаго моря, какъ казалось Миддендорфу, устья подвигаются съ сѣвера на западъ, на южномъ же берегу устье Алы склонялось очень рѣшительно съ востока на западъ, устья Амыдженджа и Тугура съ запада на востокъ, устье Сырани съ востока на западъ и проч.

Съ этимъ образованіемъ боровъ въ устьяхъ рѣкъ находится, безъ сомнѣнія, въ тѣсной связи недостатокъ гаваней по берегамъ Охотскаго моря, тогда какъ въ древности, вѣроятно, тамъ было много хорошихъ портовъ. Наполненныя лужами травяныя и моховыя болота у глухаго конца Ульбанской губы представляли въ 1844 году только что совершающееся образованіе почвы, которое давало право съ увѣренностію заключать, что Ульбанская губа ранѣе вдвое глубже врѣзывалась въ берегъ. Усѣянныя озера и моховыя болота у Тугура и Кутина выдѣлялись изъ подъ моря и глухой конецъ Тугурской губы въ древности могъ простираться на цѣлый градусъ широты южнѣе.

Въ противоположность этимъ моховымъ болотамъ, въ глубинѣ Ульбанской губы на рѣкѣ Сыранѣ является другой родъ новыхъ образованій. Сыранъ нельзя назвать горною рѣкою, ни даже вообще настоящею рѣкою; это собственно узкій каналъ, далеко вдавшійся въ землю, проложенный въ глиняномъ слоѣ приливами и отливами моря. Нынѣшняя Тугурская губа когда нибудь превратится въ такой же рѣчной каналъ по глиняному наносу. Сверхъ того, со стороны моря, противъ этихъ наносовъ воздвигается стѣна; при самомъ большомъ отливѣ на далекомъ разстояніи отъ береговой каймы выглядываютъ изъ воды ряды огромныхъ каменныхъ массъ, принесенныхъ изъ чужой мѣстности. Особенно отчетливые ряды такихъ подкидышей видны при входѣ въ Уяконскую губу, гдѣ они залегли почти параллельно очертаніямъ губы. При большомъ отливѣ поверхность моря удаляется до бора, образованнаго этими каменными массами. Онѣ принесены, очевидно, ледяными глыбами, которыя сѣли на мель на одинаковой глубинѣ. Тамъ средняя высота прилива простирается до двухъ саженъ; стало быть льдины, набѣжавшія съ приливомъ и сложившія съ себя ношу, должны были имѣть также двѣ сажени толщины или немного болѣе. Подобныя ледяныя массы, какъ будетъ сказано ниже, обыкновенны въ Охотскомъ морѣ. Запасъ для наносовъ ила, производимыхъ по берегамъ этого моря, доставляютъ отчасти глиняные пласты прежнихъ геологическихъ періодовъ, переработываемые водою, отчасти же произведенія вывѣтриванія примыкающихъ горныхъ породъ. На Охотскомъ морѣ, гдѣ многія горныя породы идутъ къ разложенію, морской илъ состоитъ изъ чистой глины вязкаго качества, выше описанной. Но хотя сибирскія скалы въ высшей степени разрушены, однако горныя породы въ области суровыхъ сѣверныхъ морозовъ мало подвержены вывѣтриванію. Что же касается разсѣлинъ и разрушенія, то ихъ надобно приписать въ высшей степени рѣзкимъ переходамъ температуры отъ тепла къ холоду и главнѣйше разрушающей силѣ воды, замороженной въ трещинахъ каменныхъ породъ. На Алданскомъ хребтѣ и на южныхъ берегахъ Охотскаго моря развалины голыхъ коническихъ вершинъ, особенно трахитовыхъ, состояли изъ мелкихъ, тонкихъ и острыхъ по краямъ плитъ, плотно скученныхъ другъ на другѣ. Вообще по берегамъ Охотскаго моря мало видно разрушеннаго гранита

На южномъ берегу Охотскаго моря органическіе предметы, особенно дохлая рыба по берегамъ скоро облѣпляются глинистымъ иломъ, но прибой и удаленіе волнъ у береговъ продолжаютъ ихъ катать взадъ и впередъ. Если глина достаточно вязка и если отливъ дастъ довольно покоя для того, чтобы могла образоваться отвердѣвающая кора, то оболочка дѣлается все крѣпче. При разломѣ такихъ глиняныхъ комьевъ Миддендорфъ находилъ въ нихъ превосходно сохранившіеся отпечатки рыбъ, которыя сами часто были не совсѣмъ испорчены гніеніемъ. Въ Пенжинской губѣ Гейне также находилъ много глиняныхъ кругляковъ, изъ которыхъ вывались раковины, когда эти шары разбивали. Для объясненія геологическихъ переворотовъ на нашей землѣ, прибрежье Охотскаго моря представляетъ поучительную мѣстность.

Климатъ Охотскаго моря суровый. Средняя годовая температура Охотска составляетъ— 3°,96, средняя температура зимы—17°,57, лѣта + 9°,48. Даже въ Аянѣ, лежащемъ на три градуса южнѣе Охотска, средняя годовая температура равняется—2°,87, зимы—14°,95, лѣта + 8°.62. Сверхъ общей причины суровости климата на Охотскомъ прибрежьѣ, именно что восточное прибрежье материка холоднѣе западнаго и что море, замерзающее зимою, въ это время года въ климатическомъ отношеніи имѣетъ значеніе материка, Охотское море обставлено со всѣхъ сторонъ прибрежными хребтами, которые накопляютъ въ сыромъ морскомъ климатѣ большія массы снѣга, которыя держатся очень продолжительное время на вершинахъ отроговъ Становаго хребта и Камчатскихъ горъ, а въ долинахъ образуютъ такъ называемыя «накипни» или массы льдовъ, нерѣдко выносимыхъ въ море съ сѣвернаго прибрежья Охотскаго моря. Массы льда, плавающаго въ Охотскомъ морѣ въ теченіе почти всего лѣта, значительно охлаждаютъ воду Охотскаго моря, а непроницаемые туманы препятствуютъ согрѣванію ея лѣтомъ лучами солнца. Льды препятствуютъ плаванію по Охотскому морю не только въ маѣ, но даже въ іюлѣ и въ августѣ. Крузенштернъ, въ своемъ путешествіи въ началѣ нынѣшняго столѣтія, въ послѣднихъ числахъ мая, въ самой южной части Охотскаго моря, около Сахалина, вынужденъ былъ прекратить свое дальнѣйшее плаваніе, встрѣтивъ непреодолимую массу льда. 22 іюля 1869 года лейтенантъ Старицкій, на военномъ ботѣ «Куэда», посланный для ученыхъ наблюденій изъ Николаевска въ Охотское море, былъ затертъ льдами въ южной его части (у сѣверо-западной оконечности Сахалина), такъ что вынужденъ былъ возвратиться назадъ и отказаться отъ попытки проникнуть въ этотъ водный бассейнъ. Массы льда были до 15 футовъ вышины. По словамъ г. Старицкаго можно было прямо съ борта судна выходить на ледяную площадь и ходить по ней. Въ Удской губѣ ледъ очищается только въ іюнѣ, а южнѣе, въ Тугурской губѣ, держится до августа. Въ этой мѣстности академикъ Миддендорфъ только въ августѣ могъ на своей байдарѣ добраться до Шантарскихъ острововъ, доступъ къ которымъ еще въ іюлѣ былъ прекращенъ льдами. По толщинѣ охотскаго льда многіе полагаютъ, что онъ не есть произведеніе рѣкъ, впадающихъ въ море, а образовался или на морѣ или на прибрежьѣ въ видѣ упомянутыхъ накипей. По мнѣнію Миддендорфа, наилучшимъ мѣстомъ для образованія такого толстаго льда можетъ быть сѣверное Гижигинское поморье и что морскія теченія и вѣтры заносятъ его въ южную часть Охотскаго моря, въ которой короткая тамошняя зима не въ состояніи была бы образовать такія значительныя ледяныя толщи. Скопленіемъ и пребываніемъ въ лѣтніе даже мѣсяцы льда въ Охотскомъ морѣ объясняется то явленіе, что не только весна, но и все лѣто до осени очень холодны въ этомъ бассейнѣ, что апрѣль холоднѣе октября и что въ Аянѣ весна и лѣто холоднѣе, чѣмъ въ Охотскѣ, который лежитъ сѣвернѣе Аяна. Въ Аянѣ средняя температура выше точки замерзанія держится только въ продолженіе пяти мѣсяцевъ. Плавучіе льды сильно охлаждаютъ также температуру Охотскаго моря. Такъ во время переѣзда Эрмана изъ Охотска въ Тигиль (на берегу Камчатки) температуры моря были слѣдующія: 28-го іюля 10°,1, 29-го іюля + 8°,4, 31-го іюля 9,°9, 2 августа 7°,9, 4-го августа 4°,2, 5 августа 2°,5, 6-го августа 4°,2, 7-го августа 6,°7. Измѣренія темпера-

туры Эрманомъ указываютъ на существованіе наиболѣе холодной полосы посреди моря. Миддендорфъ наблюдалъ слѣдующія температуры въ южной части моря: 13-го іюля 6°,7, 15-го и 16-го іюля 3,°4, 18-го іюля 2°,3, 5 августа отъ 1,°5 до 6°,4, съ 20-го августа до 1-го сентября до 7,°1. Самую холодную воду Миддендорфъ находилъ посреди морскихъ теченій. Температура моря слѣдовательно оказывается значительно ниже воздушной. Если сравнить сѣверо-восточный уголъ моря (Пенжинско-Гижигинскій) съ юго-западнымъ (Шантарскимъ, въ Удскомъ заливѣ), то въ послѣднемъ лѣтомъ находятся столь же толстыя ледяныя поверхности и глыбы, какъ и въ первомъ и вода въ августѣ даже холоднѣе въ юго-западной части моря, чѣмъ въ сѣверо-восточной. Но съ тѣмъ вмѣстѣ на сѣверо-восточномъ прибрежьѣ Охотскаго моря преобладаетъ полярный характеръ, между тѣмъ какъ юго-западное, особенно въ нѣкоторомъ отдаленіи отъ морскаго берега, покрыто роскошною растительностію умѣреннаго пояса, величественными лѣсами; трава достигаетъ тамъ мѣстами до роста человѣка, имѣются тучныя пастбища, незабудки, напримѣръ, у Аяна покрываютъ землю, внѣ лѣсовъ, сплошнымъ голубымъ ковромъ. Такъ въ то время когда на устьѣ рѣки Уды, въ слѣдствіе вліянія холоднаго ледянаго моря, господствуетъ еще глубокая зима, верстахъ въ девяносто выше устья, уже открываются глазамъ вполнѣ лѣтніе ландшафты. Результатъ борьбы теплаго континентальнаго воздуха и холоднаго моря, въ своемъ родѣ единственный, состоитъ въ томъ, что на южномъ берегу Охотскаго моря, среди лѣта, пространства суточнаго колебанія температуры моря бываютъ почти вдвое болѣе, чѣмъ колебанія температуры воздуха. На восточномъ берегу Охотскаго моря (Камчатскомъ) замерзаніе ртути зимою обыкновенное явленіе.

Температура Охотскаго моря ниже температуры Ледовитаго моря у береговъ Лапландіи, на значительныхъ глубинахъ оказывается очень низкою. По наблюденіямъ Горнера, на глубинѣ 100 футовъ, вода Охотскаго моря стоитъ ниже точки замерзанія и до 700 футовъ удерживаетъ холода $1^{1}/_{2}^{0}$ по Реомюру. Нѣсколько другіе результаты выводятся изъ наблюденій лейтенанта Старицкаго въ концѣ шестидесятыхъ годовъ. Такъ, при температурѣ воды моря на его поверхности въ + 11°,4, на 85 саженяхъ получена была температура + 3°, а на днѣ-на глубинѣ 220 саженъ (1540 футовъ) + 0°, причемъ въ грунтѣ со дна былъ поднятъ живой червякъ. Температура грунта опредѣлялась немедленнымъ втискиваніемъ шарика термометра въ массу, поднятую на палубу судна. При другомъ наблюденіи Старицкаго, при температурѣ воды на поверхности + 11°,4, на 5 саженяхъ она была + 11°, на 10 саженяхъ около + $10^{1}/_{2}^{0}$, на 15 саженяхъ + 5°, на 20 саженяхъ около + $3^{1}/_{2}^{0}$, а 175 саженяхъ температура дна была + 1°,2 по Реомюру. На глубинѣ 175 саженей грунтъ моря оказался камнемъ, потому что ничего не было поднято съ дна. Миддендорфъ полагаетъ, что низкую температуру дна Охотскаго моря можно объяснить только тѣмъ, что ледяная почва, найденная на сибирскомъ материкѣ, нетолько достигаетъ Охотскаго моря, но и простирается подъ нимъ.

Къ замѣчательнымъ климатическимъ особенностямъ Охотскаго моря принадлежитъ также низкое лѣтнее состояніе барометра. Охотское море характеризуется также муссонами, т. е. вѣтрами, дующими лѣтомъ съ моря, а зимою съ суши. Сила этихъ муссоновъ объясняется согрѣваніемъ материка и крайне низкою температурою моря лѣтомъ и значительнымъ охлажденіемъ материка зимою. Въ послѣднее время года воздушный токъ муссоновъ съ силою водопада стремится чрезъ гребень Становаго хребта и приморскихъ горныхъ цѣпей, такъ что люди и вьючный скотъ по цѣлымъ днямъ не могутъ подвигаться впередъ и иногда погибаютъ на пути. Сообщаемыя ниже бѣдствія, испытанныя путниками, характеризуютъ силу этихъ муссоновъ. Сила вѣтра низвергаетъ вьючный скотъ и вьюки, а иногда животныя падаютъ въ пропасти. Въ позднюю осень западными вѣтрами всегда пользовались корабли на своемъ пути изъ Охотска въ Камчатку. Лѣтомъ же на сибирскомъ прибрежьѣ Охотскаго моря преобладаютъ вѣтры съ моря (восточные и юго-восточные), приносящіе холодъ, густой туманъ и такъ называемый «гусъ» (сильныя росы или мелкіе дожди съ непроницаемымъ туманомъ, прекращаю-

щимъ возможность плаванія, особенно въ южной части моря, около Курильскихъ острововъ), между тѣмъ какъ случайные западные вѣтры немедленно возвышаютъ температуру воздуха до 25 град. по Р. Туманы вобще очень часты и продолжительны въ Охотскомъ морѣ. Но особенно поразительны внезапные переходы отъ совершенно прозрачной атмосферы къ полному сумраку тумана, которые даютъ поводъ къ поразительнымъ оптическимъ обманамъ. Такъ въ полдень 17-го іюля, академикъ Миддендорфъ, при ясномъ солнечномъ свѣтѣ и синемъ безоблачномъ небѣ, увидѣлъ въ проливѣ между островомъ Медвѣжьимъ и южнымъ берегомъ Охотскаго моря великолѣпный водопадъ на юго-восточной оконечности этого острова, но который, при приближеніи, оказался стѣною густаго, пронзительно холоднаго тумана. Гребень острова, по словамъ путешественника, подобно стѣнѣ, отдѣлялъ италіянское небо пролива отъ густѣйшаго воздуха полярнаго моря. Зимою снѣга выпадаютъ въ огромномъ количествѣ на Охотскомъ прибрежьѣ, въ слѣдствіе чего тамъ почти вовсе нѣтъ волковъ, какъ извѣстно, избѣгающихъ глубокихъ снѣговъ, по которымъ имъ трудно передвигаться съ одного мѣста на другое.

Приливы и отливы въ Охотскомъ морѣ весьма чувствительны. Выше мы привели нѣсколько примѣровъ ихъ дѣйствія и вліянія на Охотское прибрежье. Въ Охотскѣ высота прилива надъ отливомъ составляетъ 11,65 фут., при устьѣ Уди до 10,3 фут., а бываетъ и до 20 фут., какъ оказывается изъ наблюденій Миддендорфа. Въ Охотскѣ, какъ и на берегахъ Европы, полудневный періодъ измѣненій высоты преобладаетъ надъ однодневными. По наблюденіямъ Словцова, во время сизигій, въ Охотскомъ морѣ бываетъ одна полая вода въ сутки, а во время квадратуръ по двѣ. Фосфорическій блескъ есть явленіе весьма обыкновенное въ Охотскомъ морѣ; соленость его весьма различна. У Медвѣжьяго острова, по наблюденіямъ Миддендорфа, въ 1000 частяхъ воды оказалось 17,4 части соли.

Различіе температуры моря и приливы обусловливаютъ и теченіе Охотскаго моря. У южныхъ береговъ его, по словамъ Миддендорфа, значительныя перемѣны уровня водъ производятъ необыкновенныя стремительныя теченія, которыя между Шантарскими островами бѣгутъ, какъ на порогахъ, со скоростью четырнадцати верстъ въ часъ. Около мыса Дугандя онъ встрѣтилъ совершенно неожиданно, послѣ спокойнаго моря въ проливѣ, страшное теченіе, которое не позволило ему обогнуть мыса и, не смотря на всѣ усилія, унесло въ открытое море. Плавучій лѣсъ, состоящій изъ растущаго въ Японіи камфорнаго лавра (Laurus camphora), достигаетъ не только до Охотска, но и далѣе вдоль сѣвернаго берега моря, указывая такимъ образомъ на существованіе теченія съ юга. Охотское море, глубоко врѣзывающееся въ холодный материкъ Сибири, представляетъ собою и бассейнъ холодной воды. Изъ него, по изслѣдованіямъ г. Шренка, исходятъ главнѣйшія три теченія на югъ. Изъ сѣверовосточной части Охотскаго моря, наиболѣе холодной и наиболѣе вдающейся въ материкъ, именно изъ заливовъ Пенжинскаго и Гижигинскаго, одно теченіе спускается вдоль западнаго берега Камчатки къ крайнимъ сѣвернымъ Курильскимъ островамъ и первыми курильскими проливами выходитъ въ Великій океанъ. Это теченіе продолжается на югъ и юго-западъ вдоль всѣхъ Курильскихъ острововъ, которыхъ вся группа въ слѣдствіе того омывается холоднымъ теченіемъ, что и имѣетъ сильное вліяніе на ихъ климатъ. Это такъ называемое курильское теченіе. Въ Сангарскомъ проливѣ оно встрѣчается съ теплымъ теченіемъ, идущимъ изъ Японскаго моря. Отъ этой встрѣчи двухъ теченій, какъ въ Сангарскомъ проливѣ, такъ и въ большой части проливовъ между Курильскими островами замѣчается неправильное волненіе, буруны, водовороты и неравномѣрная, какъ бы полосами, температура воды. Второе теченіе, направляющееся изъ Охотскаго моря на югъ, не столь значительно, какъ курильское. Надобно полагать, что второе теченіе, какъ и первое, зарождается также въ сѣверо-восточной части Охотскаго моря, но вскорѣ поворачиваетъ на юго-западъ. Одна часть, можетъ быть, проникаетъ къ Шантарскимъ островамъ, принося туда массы льда, которыя плаваютъ тамъ до поздняго лѣта, до августа; другая же часть, минуя островъ св. Іоны (единственный не прибрежный

островъ Охотскаго моря), съ восточной его стороны направляется къ сѣверной оконечности острова Сахалина, куда также приноситъ массы льда.

Это теченіе спускается вдоль сѣверо-восточнаго берега Сахалина до мыса Терпѣнія, гдѣ оно встрѣчается съ противоположнымъ теченіемъ, выходящимъ изъ Японскаго моря проливомъ Лаперуза и поднимающимся вдоль восточнаго берега южной части Сахалина на сѣверъ. Вліянію этого теченія изъ холоднаго Охотскаго моря слѣдуетъ приписать суровый сѣверный характеръ восточнаго берега Сахалина выше мыса Терпѣнія. Шренкъ назвалъ это второе теченіе изъ Охотскаго моря сахалинскимъ. Третье теченіе этого моря зарождается въ сѣверо-западномъ, также холодномъ, углу Охотскаго воднаго бассейна. Отъ Шантарскихъ острововъ оно направляется вдоль берега Охотскаго моря на юго-востокъ и на сѣверномъ концѣ Амурскаго лимана заливается водою изъ Амура и вступаетъ въ этотъ прѣсноводный бассейнъ уже въ видѣ подводнаго теченія. Теченіе изъ Охотскаго моря продолжаетъ свой путь на югъ вдоль западнаго берега Сахалина, такъ называемымъ сахалинскимъ фарватеромъ и, какъ надобно полагать, изливается въ сѣверное Японское море. Вдоль мелководнаго лиманскаго прибрежья Сахалина это холодное теченіе выступаетъ на поверхность воды и вліянію этого теченія западный берегъ острова обязанъ своею суровою, печальною растительностію, сравнительно съ флорою противулежащаго ему материка. Сильные сѣверо-западные вѣтры пригоняютъ изъ Охотскаго моря въ Амурскій лиманъ массу воды и наполняютъ его льдами, которые отсюда проникаютъ даже въ Японское море. Это третье теченіе названо лиманскимъ и оно усиливаетъ теченіе на югъ, существующее безъ того изъ Амурскаго лимана. Съ достовѣрностью можно сказать, что это холодное теченіе, имѣющее неблагопріятное вліяніе на климатъ азіятскаго материка въ означенной мѣстности, продолжается до Владивостока и Поссьета, а можетъ быть и до береговъ Кореи, около Броутонова пролива. Теченіе же съ юга, направляющееся изъ Японскаго моря Корейскимъ и въ особенности Крузенштерновымъ проливами, въ противоположность тремъ теченіямъ изъ Охотскаго моря, приноситъ въ послѣднее теплую воду изъ Восточнаго Океана и имѣетъ, вслѣдствіе того, самое благотворное вліяніе на всю южную часть острова Сахалина и на нѣкоторую часть его восточнаго берега до залива Терпѣнія. По временамъ теплое южное теченіе проникаетъ даже за мысъ Терпѣнія. У Шантарскихъ острововъ въ продолженіе всего лѣта держатся значительныя массы льда по той причинѣ, что онѣ не выпускаются оттуда стремительнымъ кружащимся теченіемъ. У Шантарскихъ острововъ существуютъ, повидимому, крайне сложныя теченія. Холодное теченіе Охотскаго моря имѣетъ неблагопріятное вліяніе и на климатъ Курильскихъ острововъ, которые отличаются своимъ безлѣсьемъ, несмотря на то, что лежатъ подъ 48 градусомъ сѣверной широты, и обиліемъ тумановъ, затрудняющихъ и дѣлающихъ опаснымъ плаваніе около нихъ судовъ. Въ октябрѣ мѣсяцѣ въ Охотскомъ морѣ наступаетъ господство сѣверныхъ вѣтровъ, отъ чего усиливается вліяніе теченія изъ этого моря на Амурскій лиманъ. Отъ того въ половинѣ октября ледъ несется изъ Охотскаго моря въ этотъ лиманъ, а затѣмъ и въ Японское море. Въ іюнѣ же въ Охотскомъ морѣ устанавливаются южные вѣтры.

По отношенію къ своимъ теченіямъ, Охотское море на восточномъ берегу азіятскаго материка имѣетъ тоже значеніе касательно Великаго океана, какое Баффиновъ заливъ, бассейнъ Атлантическаго океана, имѣетъ по отношенію къ послѣднему. Изъ Баффинова залива выходитъ холодное теченіе и направляется на югъ вдоль западнаго берега Атлантическаго океана (лабрадорскаго), между тѣмъ какъ вдоль его восточнаго берега направляется на сѣверъ теплое теченіе (гольфстримъ). Точно также изъ Охотскаго моря, бассейна Великаго океана, выходитъ холодное теченіе на югъ вдоль западнаго берега послѣдняго, между тѣмъ какъ восточнѣе, на сѣверъ, поднимается теплое японское теченіе (куро-сива), зарождающееся на одной широтѣ съ гольфстримомъ.

Что касается до глубины Охотскаго моря, то отъ обоихъ своихъ береговъ, сибирскаго

и камчатскаго, дно моря понижается постепенно и медленно (безъ соотношенія съ крутизною и высотою морскихъ береговъ) къ его срединѣ, но приэтомъ въ срединѣ оно постепенно склоняется отъ сѣвера къ югу и достигаетъ наибольшей глубины въ южной части своей. Японское море принадлежитъ къ числу весьма глубокихъ бассейновъ, такъ какъ тамъ найдена была глубина въ 1600 саженъ. Часть Тихаго океана около Курильскихъ острововъ также очень глубока; на разстояніи 180 миль (315 верстъ) отъ берега по измѣренію оказалась глубина въ 2100 саженъ. Лейтенантъ Старицкій произвелъ въ шестидесятыхъ годахъ, во время плаванія на военномъ корветтѣ, шестнадцать измѣреній Охотскаго моря въ различныхъ мѣстахъ. Наибольшую глубину онъ нашелъ на сѣверной сторонѣ Курильскихъ острововъ, на параллели мыса Лопатка, въ 50 миляхъ (88 верстахъ) отъ ближайшаго берега и въ 300 миляхъ (525 верстахъ) отъ того мѣста Тихаго океана, гдѣ глубина превышаетъ 2100 саженъ. На пути изъ четвертаго курильскаго пролива въ Гижигу найдены были глубины въ Охотскомъ морѣ въ 290 и 280 саженъ. Въ сѣверо-восточномъ углу Охотскаго моря глубина его оказалась менѣе 100 саженъ, именно 80, 70, 57 саженъ. Вдоль сѣвернаго побережья, въ разстояніи 100 миль (175 верстъ) отъ берега, глубина держится около 200 саженъ. Старицкій полагаетъ, что въ Охотскомъ морѣ существуютъ банки или отличительныя глубины. Такъ, по его словамъ, у берега глубина 60—70 саженъ, въ разстояніи 75 миль отъ берега глубина 85—60 саженъ, въ 115 миляхъ разстоянія 350 саженъ, а въ 160 миляхъ разстоянія вновь только 80 саженъ глубины. Банки эти, по мнѣнію Старицкаго, составляютъ продолженіе тѣхъ параллельныхъ горныхъ кряжей, которые образуютъ прибрежье манжурскаго материка, потомъ островъ Сахалинъ и затѣмъ направляются далѣе на востокъ. Такіе подводные острова, по словамъ Старицкаго, и составляютъ отличительныя глубины Охотскаго моря. Изъ его измѣреній оказывается, что вообще Охотское море, сравнительно съ сосѣдними водами Тихаго океана, не особенно глубоко.

Вмѣстѣ съ измѣреніями, Старицкій изслѣдовалъ и дно Охотскаго моря. Съ глубины 57 саженъ, подъ 59°, 10′ сѣв. широты онъ досталъ красный кораллъ, съ глубины 80 саженъ подъ 58°,45—бѣлый кораллъ, съ 70 саженъ—дресву съ ракушками, съ глубины 70—80 саженъ—морскаго ежа и камни съ приставшими къ нимъ ракушками, съ 80 саженъ—одну дресву; съ 290 и 280 саженъ сѣрый песокъ съ иломъ и мѣстами съ зеленымъ иломъ, на глубинѣ 350 саженъ, подъ 55°, 7′ широты и 145°, 52′ восточной долготы, оказался на днѣ камень, потому что ничего не было поднято, а на той же глубинѣ, подъ 51°, 1′ широты и 154°, 18′ восточной долготы, оказался сѣрый песокъ съ иломъ.

Море между Шантарскими островами, повидимому, повсюду мелко. Верстахъ въ четырехъ отъ мыса Тыльскаго, Миддендорфъ нашелъ въ морѣ глубину въ 55 футовъ; верстахъ въ трехъ отъ берега, около средины пролива Медвѣжьяго острова, только 30 футовъ, у западнаго мыса Дугандя у самаго берега отъ 50 до 60 футовъ; почти на половинѣ пути между послѣднимъ мысомъ и островомъ Эге 90 футовъ и столько же между островами Нихзиканомъ и Большимъ Шантаромъ. Скалистое дно моря въ этомъ мѣстѣ до того неровно, что якорь Миддендорфъ вынималъ нѣсколько часовъ. Промѣры, сдѣланные съ корабля американской экспедиціи, на которомъ находился Гейне, указали на удивительную правильность морскаго дна Охотскаго моря вдоль западнаго берега Камчатки, вовсе независящую, какъ сказано выше, отъ степени подъема прилегающей береговой полосы. Американскіе наблюдатели повсюду находили глубину отъ 10 до 12 саженъ (почти одинаковую съ глубиною около Шантарскихъ острововъ) независимо отъ того высокія горы или низменность прилегаютъ къ морю съ суши.

На прибрежную флору Охотскаго моря наибольшее вліяніе оказывается отрогами Становаго хребта, которые подходятъ къ самому берегу моря, и тѣми ледяными массами, которыя носятся на немъ до августа и понижаютъ температуру воздуха. Растенія, требующія извѣстнаго количества тепла, не поспѣваютъ по сосѣдству съ Охотскимъ моремъ. Въ Европѣ ячмень ро-

дится въ сѣверо-западной части Норвегіи подъ 70 град. сѣверной широты. Въ рѣчныхъ областяхъ Мезени и Печоры полярный предѣлъ воздѣлыванія ячменя въ сложности держится между $65^1/_2$ и 66 град., но на Уралѣ отходитъ до 60 град., у Якутска повышается до 62 град., на Алданскомъ хребтѣ опять понижается до 61 град., а при Удскомъ острогѣ, въ 90 верстахъ отъ Охотскаго моря, уходитъ даже до $54^1/_2$ град. Приэтомъ необходимо замѣтить, что какъ тамъ, такъ и по всему южному побережью Охотскаго моря, хлѣбопашество возможно только на извѣстномъ разстояніи отъ берега. На прибрежьяхъ Охотскаго моря неоднократно дѣлались попытки къ разведенію хлѣбовъ, такъ какъ одно время въ правительственныхъ сферахъ господствовало убѣжденіе, что только лѣнь и нерадѣніе мѣстныхъ жителей служатъ препятствіемъ обезпечить продовольствіе Охотскаго края и Камчатки какъ жителей, такъ и многочисленнаго войска хлѣбомъ мѣстнаго произрастанія. Со стороны правительства сдѣланы были величайшія усилія, но они только многими годами опыта убѣдили въ той истинѣ, что насилованіемъ природы нельзя добиться искуственнаго произрастанія хлѣбовъ тамъ, гдѣ климатическія условія ставятъ тому непреодолимыя затрудненія. Въ южной части Охотскаго моря хлѣбопашество немыслимо на самомъ берегу даже къ югу отъ 50 град. сѣв. широты. Въ этомъ отношеніи холодный бассейнъ Охотскаго моря, съ его льдами, туманами, дождями лѣтомъ, понижаетъ предѣлъ разведенія ячменя, сравнительно съ сѣверо-западнымъ берегомъ Европы, на двадцать градусовъ широты. Разница огромная!

Изъ архива Удскаго острога видно, что одновременно съ попытками, произведенными около Охотска и въ Камчаткѣ, именно въ 1735 году, ревностно принялись за введеніе хлѣбопашества и въ Удскомъ острогѣ, для чего тамъ поселено было десять семей хлѣбопашцевъ. О первыхъ годахъ этихъ попытокъ не сохранилось извѣстій въ архивѣ, но изъ одного документа оказывается, что въ 1742 г. посѣяно было ржи 320 фунтовъ, и собрано, въ 1743 г., 1080 фунтовъ. Въ 1743 году полученъ былъ указъ посѣять весь собранный хлѣбъ, причемъ повелѣно было «немилосердно бить батогами» всякаго виновнаго, не посѣявшаго всего количества хлѣба въ прошломъ году, равно какъ «всѣхъ тѣхъ, которые безпечно занимаются земледѣліемъ». На мѣстное начальство возложено было строжайшее наблюденіе по этому дѣлу, съ угрозами наказанія на случай упущенія. Въ 1743 году поэтому было посѣяно фунтовъ: ячменя 1040, яровой ржи 215, овса 160, собрано же: ячменя 1880, яровой ржи 120, овса 240 фунтовъ. Урожай былъ очевидно крайне ничтожный. Число хлѣбопашцевъ въ 1748 году, какъ видно изъ одной бумаги, уменьшилось до восьми семей; они жаловались на то, что, вопреки царской грамотѣ, ихъ заставляли заниматься рыболовствомъ во время посѣва и покоса. Въ 1775 году изъ Удскаго острога отправлено было донесеніе, въ которомъ упадокъ земледѣлія, не смотря на нѣсколько превосходныхъ урожаевъ, приписывался неразумности жителей, лѣности ихъ и склонности къ рыболовству. Въ донесеніи было сказано, что уже нѣсколько лѣтъ въ Удскомъ острогѣ вовсе не сѣютъ хлѣба, а между тѣмъ и выше и ниже его есть до десяти десятинъ превосходной пахатной земли. Оба просителя, казаки острога, выражали притомъ желаніе быть назначенными смотрителями надъ тамошнимъ земледѣліемъ, сулили большія выгоды и предлагали, чтобы въ добавокъ къ числу наличныхъ хлѣбопашцевъ прислано было еще до десяти человѣкъ. Въ 1779 году въ Удскій острогъ присланъ былъ ученикъ-геодезистъ для описанія тамошняго земледѣлія. Изъ дѣла объ урожаѣ 1780 года видно, что ячмень былъ посѣянъ въ трехъ различныхъ мѣстахъ: въ одномъ получено было девятое зерно, въ другомъ $^5/_8$ посѣва, а на третьемъ ничего не было собрано. Посѣвы продолжались ежегодно съ 1783 по 1789 годъ включительно, причемъ въ 1786 году пашни розданы были крестьянамъ съ публичнаго торга на три года, но посѣвы ячменя ограничивались 70 фунтами, а ржи 70 и 47 фунтами. Положеніе хлѣбопашества было бѣдственное. При ревизіи дѣлъ въ 1790 году хлѣбопашцевъ мужескаго пола оказалось всего 11 мужчинъ, въ возрастѣ отъ 11 до 62 лѣтъ. Въ 1791 году, вслѣдствіе безпрерывныхъ проливныхъ дождей,

влажности воздуха и холода розданныя для посѣва изъ казеннаго магазина сѣмена ржи и ячменя даже не взошли. Въ 1813 году получено было въ Удскомъ острогѣ предписаніе наблюдать за разведеніемъ картофеля и по возможности размножать его. Въ 1825 году начальнику Якутской области предписано было предложить десяти якутскимъ семьямъ со скотомъ своимъ переселиться въ Удскій острогъ, куда въ 1827 году былъ дѣйствительно присланъ изъ Якутска одинъ хлѣбопашецъ со своимъ семействомъ, которому даны были сѣмена, но и эта попытка, какъ и многія другія послѣдующія, не имѣла успѣха. Частныя попытки продолжались. Въ 1841 году одинъ казакъ посѣялъ 18 фунтовъ ячменя и, несмотря на крайне суровое лѣто, собралъ 80 фунтовъ. Въ 1844 году хлѣбопашество въ Удскомъ острогѣ ограничивалось двумя небольшими участками, въ 20 квадратныхъ саженъ каждый; на одномъ ячменя родилось третье зерно, а на другомъ пятое. Въ 1852 и 1853 годахъ прекратились даже эти жалкіе слѣды прежняго хлѣбопашества. Тамошній священникъ продолжалъ еще разводить картофель; онъ сажалъ его въ концѣ мая, а собиралъ въ концѣ августа. Правительство, дѣлая въ прошломъ столѣтіи большія усилія для распространенія хлѣбопашества въ Охотскомъ краѣ, съ тѣмъ вмѣстѣ совершило большой промахъ, обложивъ оброкомъ жалкіе зачатки земледѣлія. Въ видахъ увеличенія оброка правительство даже распорядилось въ 1779 году перемѣркою земель. Изъ архивныхъ бумагъ Удскаго острога 1786, 1788 и 1796 годовъ видно, что несвоевременное наложеніе податей положительнымъ образомъ препятствовало успѣшной колонизаціи Сибири. Хлѣбопашество укоренилось бы въ Охотскомъ краѣ, если бы возможны были тамъ урожаи, которые давали бы въ сложности четвертое зерно.

На берегахъ Охотскаго моря лѣтомъ выростаетъ тучная трава, которая могла бы способствовать разведенію тамъ рогатаго скота, но другія климатическія условія служатъ сильнымъ къ тому препятствіемъ. Такъ не хватаетъ рукъ, по малочисленности населенія, для заготовки сѣна на зиму, которая для скота бываетъ продолжительна, потому что свѣжую траву онъ въ состояніи добывать себѣ на поляхъ только съ конца мая. Въ Удскомъ острогѣ растетъ, напримѣръ, великолѣпная трава лѣтомъ, такъ что въ сложности получается до 200 пудовъ сѣна съ десятины, но нѣтъ средствъ заготовить его въ большомъ количествѣ. Жителямъ Удскаго острога, въ видахъ распространенія въ краѣ скотоводства, роздана была партія рогатаго скота. Въ 1786 году, по архивнымъ свѣдѣніямъ, тамъ всего было 23 головы рогатаго скота; въ 1790 г. народилось 20 коровъ и одинъ быкъ; въ 1799 году донесено было экспедиціи государственнаго хозяйства, что въ острогѣ находятся 22 головы. Въ 1830 году было еще 41 голова, изъ которыхъ отъ голоду и болѣзней погибло 20 головъ. Лѣтомъ 1844 года отъ означеннаго стада оставалось всего 7 головъ, причемъ пятилѣтняя корова имѣла только 280 фунтовъ вѣса, что можетъ служить лучшимъ доказательствомъ жалкаго состоянія, до котораго дошли эти животныя въ краѣ, отличающемся чрезвычайно пышною и сочною травою. Глубокіе снѣга въ Удскомъ острогѣ также служатъ большимъ препятствіемъ къ разведенію тамъ рогатаго скота.

Всѣ эти попытки и усилія правительства дѣлались вопреки указаніямъ свѣдущихъ лицъ, посѣщавшихъ Охотское прибрежье. Такъ Чириковъ, еще въ половинѣ восемнадцатаго столѣтія, указывалъ, что новопріобрѣтенныя земли у Охотскаго моря не имѣютъ внутренняго достоинства, потому что на нихъ не принимается хлѣбопашество. Онъ уже въ то время обратилъ вниманіе на снабженіе Охотскаго края и Камчатки хлѣбомъ, посредствомъ сплава его внизъ по Амуру. Палласъ въ 1783 году указывалъ на невозможность заниматься въ Охотскѣ земледѣліемъ. Сарычевъ, въ концѣ прошлаго столѣтія, заявилъ, что въ Охотскѣ хлѣбопашество рѣшительно не мыслимо и приэтомъ ссылается на многократные опыты, произведенные по распоряженію правительства, подкрѣпивъ свои соображенія правильнымъ разъясненіемъ климатическихъ препятствій. Даже на болѣе значительномъ разстояніи отъ морскаго берега, именно въ Мундуканѣ, лежащемъ въ 70 верстахъ къ западу отъ Охотска, хлѣбопашество не имѣ-

ло успѣха. Также были безуспѣшны опыты, произведенные нѣсколько сѣвернѣе отъ Охотска къ деревнѣ Инѣ, которая была основана въ 1735 году именно въ видахъ распространенія земледѣлія, одновременно съ переселеніемъ въ Удскій острогъ десяти семей хлѣбопашцевъ. Въ 1845 и 1846 годахъ, по распоряженію правительства, поселены были хлѣбопашцы на Алданскомъ хребтѣ, къ юговостоку отъ Амчанска, въ Усть Майской и въ Нельконѣ, изъ которыхъ послѣдній лежитъ довольно высоко въ области истоковъ Маи, въ 200 верстахъ отъ Аяна, примѣрно подъ 57 град. сѣв. шир. Въ 1850 году генералъ-губернаторъ восточной Сибири донесъ правительству, что попытка сѣять тамъ хлѣбъ удалась и что въ деревнѣ Усть-Майской рожь дала двадцатое зерно. Гончаровъ, бывшій тамъ въ 1854 году, сообщаетъ, что поселенцы не могутъ нахвалиться своимъ урожаемъ, хотя, впрочемъ, онъ говоритъ не о ржи, а объ ячменѣ, коноплѣ и овощахъ.

Лѣса, окружающіе Охотское море, отличаются разнообразіемъ древесныхъ породъ и обиліемъ лѣсныхъ ягодъ, причемъ климатическія условія играютъ въ этомъ обиліи и разнообразіи немаловажную роль. Плоскія пространства земли и при устьяхъ рѣкъ на южномъ берегу Охотскаго моря не поросли лѣсомъ и обнажены на разстояніи слишкомъ трехъ верстъ отъ морскаго берега. Лиственица, которая называется характеристическимъ деревомъ Сибири, растетъ по всему ея пространству, отъ самыхъ западныхъ ея границъ до самыхъ восточныхъ и даже на островахъ, которые находятся уже въ Тихомъ океанѣ. Она служитъ вообще главною составною частію сибирскихъ лѣсовъ. Лиственица въ Сибири является двухъ породъ: даурская и сибирская, которыя отличаются по формѣ чешуекъ въ ихъ шишкахъ: у сибирской онѣ къ концу округлены и даже заострены, а у даурской урѣзаны и зубчаты. На Шантарскихъ островахъ находятся лиственицы съ шишками изъ незубчатой чешуи. На берегахъ Охотскаго моря водится только даурская лиственица. Какъ въ Камчаткѣ, особенно на западномъ ея берегу, такъ и на противуположномъ берегу сибирскаго материка у Гижигинской губы лиственица растетъ только вдалекѣ отъ морскаго берега. Немного далѣе 61 град. сѣвер. шир., на пути вдоль берега изъ Охотска въ Гижигу, лиственица пропадаетъ изъ вида, хотя растетъ по истокамъ рѣкъ на хребтахъ, напримѣръ на истокѣ рѣки Охоты. Отъ этого пункта къ югу лиственица опять окаймляетъ весь берегъ Охотскаго моря, всѣ берега тамошнихъ рѣкъ, переходитъ на всѣ острова, лежащіе близко къ материку, какъ, напримѣръ, на Шантарскіе, и простирается вдоль Сахалина до острова Іессо. Между тѣмъ на Курильскихъ островахъ, которые тянутся цѣпью отъ Іессо къ южной оконечности Камчатки, лиственица находится только на двадцатомъ островѣ, ближайшемъ къ Іессо, Кунамисѣ, гдѣ подъ 43³/₄ град. сѣв. широты, при самомъ полномъ своемъ ростѣ, прекращается. Лиственицы нѣтъ по всей грядѣ Курильскихъ острововъ и только на двухъ, ближайшихъ къ южной оконечности Камчатки, она появляется какъ бы для перехода на материкъ. У Большерѣцка, на западномъ (охотскомъ) берегу Камчатки, лиственица встрѣчается въ видѣ исключенія, потому что на берегахъ Камчатки она не растетъ, а только внутри на возвышенныхъ долинахъ, защищенныхъ отъ морскаго вѣтра Всѣ эти страны лиственица снабжаетъ строевымъ лѣсомъ, найлучшимъ матеріаломъ для кораблестроенія. На предѣлахъ древесной растительности, лиственица принимаетъ уродливыя формы, что въ особенности замѣтно на прибрежьяхъ и островахъ Охотскаго моря. На главномъ гребнѣ Алданскаго хребта, на высотѣ 4,000 футовъ, лиственицы являются здоровыми сильными деревьями, потому что были защищены отъ бурь; но тамъ, гдѣ такой защиты не оказывается, видны криворослыя лиственицы съ синевато-пепельнымъ цвѣтомъ коры, дерево достигаетъ не болѣе половины человѣческаго роста, а стволъ его прижимается плотно къ землѣ, развѣтвляясь въ видѣ шпалеръ, причемъ путаница въ сучьяхъ заграждаетъ дорогу путешественнику. На южномъ берегу Охотскаго моря, на высотахъ, не достигающихъ 2,000 футовъ надъ морскимъ уровнемъ, можно убѣдиться, что такая хилость деревъ относительно вышины и толщины, сильное накопленіе на нихъ мха и т. п.—удѣлъ не одной лиственицы,

но и другихъ древесныхъ породъ и что это происходитъ единственно въ слѣдствіе того, что мѣстности, на которыхъ растутъ эти деревья, подвержены дѣйствію бурь и въ особенности морскихъ вѣтровъ. Эта хилость замѣтна и на обращенныхъ къ сѣверу мѣстностяхъ, низко лежащихъ надъ морскимъ уровнемъ и сильно подверженныхъ морскимъ бурямъ, напримѣръ на сѣверныхъ сторонахъ Медвѣжьяго острова и на сѣверной оконечности острова Эге. Въ такихъ мѣстахъ лиственицы не только низко наклонились къ землѣ, но и многія изъ нихъ погибли. Но въ цѣломъ деревья этой мѣстности представляютъ всетаки гораздо болѣе жизненную, болѣе сочную и обильную зеленью форму изгороди; стволы ихъ не прилегали такъ къ землѣ, какъ на крайнемъ лѣсномъ предѣлѣ дальняго сѣвера, а тѣмъ болѣе не вдавливались въ землю такъ, какъ шпалерныя криворосли на отдаленномъ сѣверѣ. Особенно на Шантарскихъ островахъ Миддендорфъ увидалъ живое различіе между вліяніемъ рѣзкихъ сѣверныхъ вѣтровъ сопредѣльнаго Ледовитому морю края, среди тамошняго губительнаго климата, и между дѣйствіемъ бурныхъ морскихъ вѣтровъ, постоянно сопровождаемыхъ мельчайшимъ дождемъ, среди продолжительнаго лѣта и температуры, хотя не высокой, но далеко не доходящей до точки замерзанія, какъ это бываетъ на южныхъ берегахъ Охотскаго моря. Криворослыя изгородныя лиственицы на Шантарскихъ островахъ въ продолженіе всего лѣта, даже при ясной погодѣ, кажутся какъ будто орошенными дождемъ. Подъ вліяніемъ такой сильной сырости на этихъ островахъ развивается великолѣпнѣйшая сочная зелень, нисколько не уступающая прекраснѣйшимъ стриженымъ стѣнкамъ изгородей въ Европѣ. Не рѣдко весь этотъ великолѣпный покровъ возвышается не болѣе, какъ на два фута, а иногда только на футъ, надъ скалистою стѣною, которую онъ густо заволакиваетъ и прикрываетъ не хуже лучшихъ вьющихся растеній. Нигдѣ эта изгородная форма лиственицы не является въ такомъ великолѣпномъ видѣ, какъ на одной (именно восточной) изъ двухъ обращенныхъ къ сѣверу вилообразныхъ оконечностей острова Эге. Нигдѣ контрастъ лѣсной растительности не поражаетъ такъ сильно, какъ на Большомъ Шантарскомъ островѣ, гдѣ на прибрежьѣ видна изгородная лиственица, а внутри острова, въ защищенной долинѣ, растутъ лиственичныя деревья въ $3^1/_2$ фута въ поперечникѣ. На этомъ же островѣ въ защищенной долинѣ растутъ исполинскія сосны, въ два или въ три фута въ поперечникѣ, между тѣмъ какъ на пустынныхъ каменистыхъ верхушкахъ тамошнихъ горъ видны мелкорослыя сосны не болѣе одного фута вышины.

Сибирская ель не растетъ на Охотскомъ морѣ между Охотскомъ и Тауйскою губою, но между этимъ заливомъ и Янскою губою, слѣдовательно около 60 град. сѣв. широты, она появляется еще въ видѣ высокихъ хотя уже не толстыхъ и не частыхъ деревьевъ и продолжается, повидимому, далѣе на сѣверъ до 61 град. Сибирская ель появляется и на хребтахъ Камчатки, на западной ихъ покатости, но тамъ, даже на болѣе южныхъ отрогахъ, она уже нигдѣ не достигаетъ такой вышины и толщины, чтобы годилась для построекъ или для домашнихъ подѣлокъ и для своего произростанія, еще болѣе лиственицы требуетъ благопріятнаго положенія, стало быть нигдѣ не подходитъ близко къ берегу Охотскаго моря. Впрочемъ на сибирскомъ берегу Охотскаго моря ель часто находится близь самаго моря, если только были высоты для ея защиты отъ вѣтра. При такой защитѣ ель достигаетъ въ этихъ мѣстахъ толщины въ $2^1/_2$ фута при высокомъ ростѣ и съ чистою гладкою корою. Молодыя тонкія ели растутъ въ подобной мѣстности прекраснымъ густымъ лѣсомъ. На Курильскихъ островахъ, съ третьяго до девятнадцатаго, нѣтъ сибирской ели; она появляется только на двадцатомъ (Кунамисѣ), вмѣстѣ съ лиственицею, подъ $43^3/_4$ град. сѣв. широты. На Шантарскихъ островахъ эта ель также растетъ. Вліяніе холоднаго морскаго вѣтра на устьѣ рѣки Уди обнаруживается на сибирской ели рѣзкою перемѣною въ ея очертаніи: она не имѣетъ конической формы, теряетъ свой тонкій и прямой ростъ, и, подобно соснамъ и черному лѣсу, раздается въ ширину безпорядочно изогнутыми вершинами. Отъ холоднаго морскаго вѣтра страдаетъ преимущественно вышина деревъ, менѣе толщина,

потому что въ 300 шагахъ отъ морскаго берега встрѣчается еще ель въ $1^1/_2$ фута въ поперечникѣ. За Алданскимъ хребтомъ, къ Охотскому морю, распространена особенная порода ели, которая названа нѣкоторыми батаниками аянскою. Иглы ея темнѣе, шишки мягкія, какъ бы кожанныя; распространеніе ея вѣтвей въ ширину, т. е. объемъ ея очертанія, менѣе, чѣмъ у сибирской ели и она представляетъ собою продолговатыя заостренныя фигуры. Гдѣ оба вида растутъ смѣшанно, аянскую можно тотчасъ отличить по свѣжимъ голубовато-зеленымъ вѣтвямъ и особенно по гладкости коры, которая имѣетъ грязно-сѣрый цвѣтъ, очень похожій на гнѣзда осъ. Кора аянской ели очень отличается отъ коры сибирской, грубой, часто растрескивающейся квадратами, и къ которой очень много пристаетъ моха и лишаевъ. Сверхъ того аянская ель вся покрыта прыщами, которые, расширяясь поперекъ ствола, дѣлаются вмѣстилищами пахучаго сока и при нажимѣ выпускаютъ его. Листья также наполнены этимъ сокомъ; когда потрешь ихъ въ рукѣ, они пахнутъ не только скипидаромъ, но и чрезвычайно противно-клопами. Повидимому въ свои поздніе годы аянская ель растетъ медленнѣе сибирской, но за то, при меньшей толщинѣ и при особенно прямомъ ростѣ, она достигаетъ значительной вышины, именно 80 футовъ при 14 футахъ толщины. Это-то дерево американскіе моряки, при посѣщеніи ими Шантарскихъ островов, выставляли особенно годнымъ для рей и стеногъ, но оно, повидимому, оказывается ломкимъ и потому въ этомъ отношеніи близко подходитъ къ пихтѣ. На западномъ склонѣ Алданскаго хребта аянская ель растетъ только близь главнаго хребта, примѣрно съ 2,000 футовъ высоты, но на восточномъ склонѣ продолжается внизъ къ морю и переходитъ на Шантарскіе острова. На рѣкѣ Уди аянская ель составляетъ почти господствующую породу дерева. У моря она растетъ рѣже сибирской ели. Подобно пихтѣ, аянская ель предпочитаетъ жирную намывную почву островов и береговъ рѣкъ. Сибирская пихта растетъ также на побережьѣ Охотскаго моря, гдѣ по большей части концы иголъ оказываются раздвоенными, въ видѣ вилъ. На южномъ берегу моря шишки пихты уже въ половинѣ сентября развaливаются и высыпаютъ сѣмена. Сосна переходитъ гребень Алданскаго хребта только въ одномъ мѣстѣ, но на западномъ его склонѣ достигаетъ до значительной высоты, вѣроятно болѣе 3,500 фут. Сосна растетъ на восточномъ склонѣ только въ нижнемъ теченіи рѣки Ули, впадающей въ море немного южнѣе Охотска, подъ 59 град. Ленже, бывшій управляющій факторіею россійско-американской компаніи, положительно утверждаетъ, что какъ по величинѣ деревъ, такъ и по числу ихъ, на нижнемъ теченіи Ули первое мѣсто занимаетъ лиственица, второе сосна, третье ель. Въ пяти или шести миляхъ (35—42 верстъ) отъ моря тамъ, по словамъ Ленже, растутъ мачтовыя деревья, именно очень большія сосны. Сверхъ того жители Удскаго острога увѣряли Миддендорфа, что не далѣе семи верстъ вверхъ отъ этого селенія сосны находятся въ лѣсу, но въ маломъ количествѣ, а за 28 или 35 верстъ вверхъ по рѣкѣ Уди находятся довольно большія чисто сосновыя рощи, хотя значительно уступаютъ величиною лиственичнымъ и еловымъ лѣсамъ.

Сибирскій кедръ имѣетъ предѣломъ своего распространенія въ Сибири 68 град. сѣверной широты, но на становомъ водораздѣлѣ сѣверная его граница, какъ надобно полагать, находится у истоковъ рѣки Алдана, или около 56 град. сѣверн. широты. На берегахъ Охотскаго моря нѣтъ сибирскаго кедра, а распространенъ кустарный кедръ или кедровый сланецъ (Pinus punula), который директоромъ императорскаго ботаническаго сада, Регелемъ, выдѣленъ въ особый видъ. Это растеніе даже и въ садахъ выдерживаетъ свой характеръ и выростаетъ только до величины кустарника отъ 5 до 8 футовъ вышины, на которомъ уже растутъ шишки. Кустарный кедръ, составляя внутри страны горное дерево, повсюду вдругъ исчезаетъ, гдѣ только хребты материка низко опускаются въ долины, и, несмотря на болѣе благопріятныя условія со стороны климата и почвы, онъ не является по склонамъ на протяженіи нѣсколькихъ тысячъ верстъ, вмѣсто того, чтобы дѣлаться рослѣе и достигать формы древеснаго кедра. Такимъ образомъ кустарный кедръ нельзя смѣшивать съ малорослымъ кед-

ромъ, въ который кедры перерождаются и на европейскихъ хребтахъ, когда близко подходятъ къ предѣлу своего произрастанія на высотахъ. Стволы кустарнаго кедра (называемаго сибиряками кедровымъ сланцемъ) вырастаютъ отъ 3, 4 до 5 саженей длины, но притомъ верхушка ихъ достигаетъ только 9 и никакъ не болѣе 12 футовъ отвѣсной высоты надъ почвою, потому что дерево тотчасъ по выходѣ изъ земли развѣтвляется кустарникомъ на сучья, по большей части дюйма въ два толщиною, которыя, извиваясь, стелются по землѣ. Если, въ видѣ исключенія, встрѣчаются стволы толщиною въ 5 дюймовъ въ поперечникѣ, то они всетаки никогда не попадаются одноствольными, не растутъ вверхъ прямо, а всегда раскидываются. Поросли кустарнаго кедра плотно стелются по склонамъ горъ; ихъ кусты переплетаются въ густую сѣть; вѣтви сосѣднихъ деревьевъ цѣпляются другъ за друга своими сучьями самымъ разнообразнымъ образомъ. Такимъ образомъ составляется частая сѣть, которою крайне затрудняется восхожденіе на гору. Ступая по колеблющемуся сплетенію кустарнаго кедра, часто не коснешься ногою самой почвы на довольно большомъ пространствѣ; наконецъ, проваливаешься, ноги вязнутъ, и, сидя верхомъ на сучьяхъ, видишь себя какъ-бы пойманнымъ въ сѣти, такъ что нужны бываютъ величайшія усилія, чтобы освободить свои ноги. Спускъ съ горы облегчается кустарнымъ кедромъ, потому что перепутанныя вѣтви часто помогаютъ скатываться. Кора кустарнаго кедра особенно гладка. На материкѣ кустарный кедръ бываетъ усѣянъ шишками, но на Шантарскихъ островахъ онъ беднѣе плодами. Шишки образуются и созрѣваютъ въ теченіе двухъ лѣтъ. Орѣхи кустарнаго кедра мельче, чѣмъ на сибирскомъ кедрѣ, но вкусомъ одинаковы, а потому собираются жителями и употребляются въ пищу. На всемъ южномъ берегу Охотскаго моря, равно какъ на восточномъ склонѣ Алданскаго хребта, кустарный кедръ спускается съ вершинъ горъ низко, до нѣсколькихъ сотъ футовъ надъ поверхностью моря. Онъ встрѣчается не только въ настоящихъ моховыхъ болотахъ, но и на такихъ мѣстностяхъ, которыя возвышались надъ уровнемъ моря всего на нѣсколько саженъ. Таковы пространныя моховыя болота въ Тугурской бухтѣ и болотная низменность въ 10 верстахъ слишкомъ отъ урочища Бунханъ на рѣкѣ Тугурѣ, поросшія мѣстами кустарнымъ кедромъ. Даже, въ сравненіи съ шпалерною лиственицею береговыхъ скалъ Охотскаго моря, кустарный кедръ выноситъ болѣе суровый климатъ тамошнихъ горъ. Въ мѣстностяхъ, слишкомъ открытыхъ сѣвернымъ вѣтрамъ, гдѣ шпалерная лиственица не можетъ уже расти, особенно если камень и въ особенности мало вывѣтривающаяся кварцевая порода доставляютъ слишкомъ скудное питаніе, кустарный кедръ растетъ бодро, но только малорослыми кустами, плотно прилегающими къ отвѣсу скалъ. Влажность принадлежитъ къ числу жизненныхъ потребностей кустарнаго кедра, который растетъ правильно въ каждой сколько-нибудь влажной разсѣлинѣ скалы. Но и влажность воздуха можетъ замѣнять ему влажность почвы, потому что въ атмосферѣ, напитанной парами, какъ на берегахъ Охотскаго моря, кустарный кедръ кажется какъ будто бы онъ пускаетъ свои корни даже въ каменную породу. Кустарный кедръ вѣнчаетъ собою всѣ открытыя возвышенія береговъ Охотскаго моря. На Шантарскихъ островахъ однако кустарный кедръ не встрѣчается на самыхъ большихъ высотахъ, а только на холмахъ меньшей высоты. Пестрыя кедровки большими стаями собираются на кустарные кедры, во время зрѣлости ихъ шишекъ, улетаютъ съ орѣхами на самыя неприступныя скалы и, роняя тамъ сѣмена, служатъ орудіемъ его повсемѣстнаго распространенія. Въ концѣ мая изъ отрѣзанныхъ вѣтвей кустарнаго кедра течетъ въ изобиліи бальзамъ, съ сильнымъ запахомъ скипидара, который можетъ быть легко приготовляемъ изъ этого матеріала. Запахъ этого бальзама до того силенъ, что производитъ головную боль, если долго лежать на постели, устроенной изъ вѣтвей этого кедра. По дорогѣ изъ Охотска въ Гижигу кустарный кедръ повсюду встрѣчается вблизи морскаго берега и составляетъ тамъ единственное хвойное дерево. Кустарный кедръ подходитъ вплоть къ западному берегу Камчатки и переходитъ за Карагу, слѣдовательно за 59 град. сѣв. широты. На лѣвомъ берегу Анадыра граница кустарнаго кедра лежитъ подъ 65 град.,

гдѣ онъ растетъ не выше 4 футовъ съ зрѣлыми плодами. Онъ переходитъ на Курильскіе острова и составляетъ ихъ главную кустарную растительность до островов Расшуа и Кетоя, подъ 48 град., гдѣ онъ смѣняется древеснымъ кедромъ (сибирскимъ).

Обыкновенный (малорослый) можжевельникъ распространенъ по всей Сибири до южныхъ береговъ Охотскаго моря. Даурскій мозжевельникъ встрѣчается на рѣкѣ Тугурѣ. Березы на Алданскомъ хребтѣ, при господствѣ хвойныхъ лѣсовъ, растутъ разсѣянно, но въ долинѣ рѣки Уди берутъ перевѣсъ вмѣстѣ съ другими деревьями лиственнаго лѣса. У Пенжинской губы березовые лѣса подходятъ къ Охотскому морю на разстояніи 28 верстъ. Въ Гижигѣ, подъ 63 град. широты, береза растетъ очень хорошо. Въ долинахъ главныхъ рѣкъ, впадающихъ въ южную половину Охотскаго моря, береза достигаетъ очень значительнаго роста. Изъ коры только одного дерева тунгусы дѣлаютъ челны, поднимающіе шесть, семь человѣкъ. Сверхъ этой обыкновенной бѣлой березы (Betula alba), на берегахъ Охотскаго моря растетъ еще особый видъ березы (эрманова береза, Betula Ermani), которую мѣстные жители мѣтко прозвали «каменною», потому что она покрываетъ самыя скалистыя мѣста, самые крутые утесы по всему южному берегу этого воднаго бассейна. На островѣ Большомъ Шантарѣ эрманова береза попадается, при 50 футахъ вышины, въ $1^1/_2$ и въ 2 фута въ поперечникѣ. Впрочемъ, стволъ у этой березы обыкновенно кривъ, свиловатъ и часто перегибается то въ одну, то въ другую сторону, вслѣдствіе открытой для вѣтровъ мѣстности. Эрманова береза издалека отличается своею корою. Хотя эта кора и бѣлая, какъ у нашихъ обыкновенныхъ березъ, а на молодыхъ вѣтвяхъ даже ослѣпительно бѣла, но на стволѣ этотъ цвѣтъ обыкновенно переходитъ болѣе въ пепельно-сѣрый и пепельно-голубоватый. Даже на самыхъ толстыхъ стволахъ этой березы никогда не бываетъ шероховатой и отвердѣлой коры, какъ на нашихъ березахъ; на эрмановой березѣ береста растрескивается на тонкіе, какъ почтовая бумага, лоскутки, которые, отдѣляясь отъ коры, придаютъ ей, даже на мелкихъ вѣтвяхъ, блескъ шелка. Отъ того же происходитъ, что эта береза не годится тунгусамъ для ихъ многочисленныхъ подѣлокъ, особенно для выдѣлки челноковъ, для чего имъ доставляетъ матеріалъ кора нашей обыкновенной березы. Лѣсъ эрмановой березы такъ крѣпокъ, что обыкновенная бѣлая береза въ сравненіи съ нею кажется мягкою. Вѣтвей на этой березѣ, когда она имѣетъ прямой ростъ, бываетъ крайне мало. Эрманова береза распространена по цѣпи Курильскихъ островов, начиная съ пятнадцатаго острова и далѣе къ югу; она же растетъ на западныхъ горахъ Сахалина. Она находится также на второмъ и пятомъ изъ Курильскихъ островов.

Бѣлая ольха (Alnus incana) растетъ по всему южному берегу Охотскаго моря. На островѣ Большомъ Шантарѣ она даже на высотахъ не очень мельчаетъ, а въ закрытыхъ долинахъ вырастаетъ до величины дерева. Кустарная ольха (Alnus fruticosa) является болѣе сѣверною и болѣе восточною формою этого дерева. На Хатангѣ она встрѣчается даже подъ $71^3/_4$ град. сѣверной широты. Въ Гижигинской губѣ въ закрытыхъ мѣстахъ морскаго берега кустарная ольха растетъ вмѣстѣ съ тополемъ и ивою. На Алданскомъ хребтѣ и на южномъ берегу Охотскаго моря кустарная ольха является рѣшительно горнымъ кустарникомъ по самымъ крутымъ и сухимъ скатамъ и обрывамъ и опоясываетъ тамъ горныя вершины. Такія же мѣста она любитъ и въ Камчаткѣ. Изъ лиственныхъ деревъ кустарная ольха оказывается одною изъ самыхъ сѣверныхъ формъ; она повсюду едва ли не доходитъ до самаго крайняго предѣла древесной растительности. Даже на Пенжинской губѣ толстыя, но искривленныя ольхи доходятъ, по рѣчнымъ долинамъ, до самаго берега Охотскаго моря. На его прибрежьѣ мягкое дерево ольхи служитъ необходимымъ матеріаломъ для ружейныхъ ложъ.

Благовонный тополь (Populus iuaveolens) распространенъ по всей Сибири далеко къ сѣверу и поднимается на высоты хребтовъ на равнѣ съ лиственицею. По дорогѣ изъ Охотска въ Гижигу, за 61 град. сѣверной широты къ сѣверу, нѣтъ другихъ деревъ кромѣ тополя, осины, ивы и кустарнаго кедра. На берегахъ Пенжинскаго залива, гдѣ одни тополи даютъ

строевой лѣсъ, бревна изъ нихъ большей величины привозятъ изъ за 35 или 42 верстъ отъ моря. Хотя тополь тамъ и подходитъ къ морю, но въ такихъ прибрежныхъ мѣстахъ не имѣетъ большаго роста. Осина (Populus tremula) встрѣчается по всему Охотскому краю и на Большомъ Шантарѣ и бываетъ въ футъ толщиною. Ива представляетъ въ Сибири единственный родъ древесной растительности, который, правда въ видѣ кустарника и подъ мохомъ, доходитъ до самыхъ береговъ Ледовитаго моря, слѣдовательно даже далѣе березы. Липы, дуба, орѣшника, клена, яблони нѣтъ въ мѣстности, окружающей Охотское море. Черемха (Prunus padus) на сѣверномъ берегу Охотскаго моря простирается, повидимому, близъ Гижиги, до 63 град. сѣверной широты. До этого же предѣла растетъ въ Гижигинскомъ заливѣ рябина.

Губительное вліяніе ледяныхъ морскихъ вѣтровъ на растительность можно превосходно наблюдать въ Пенжинскомъ заливѣ, гдѣ берега совершенно обнажены верстъ на четырнадцать и болѣе отъ моря и только вдоль рѣкъ толстыя, но совершенно уродливыя, ивы и ольхи выдвигаются нѣсколько ближе къ прибрежью. Точно также болѣе влажное восточное прибрежье Камчатки дѣйствуетъ губительнѣе на древесную растительность, чѣмъ лежащее къ сѣверу и защищенное материкомъ западное прибрежье (Охотское), на которомъ кустарный кедръ, ольха, береза и ива, образующіе прекрасные лѣса, спускаются вплоть до самого моря. Подобнымъ же образомъ и на омываемой моремъ южной оконечности Камчатки лѣсъ исчезаетъ все болѣе и болѣе, такъ что здѣсь, вопреки 50 градусу сѣверной широты, является полнѣйшій переходъ къ безлѣсью Курильскихъ островов. Въ этихъ случаяхъ необходимо принять въ соображеніе не одну только температуру воздуха саму по себѣ, но и охлажденіе воздуха посредствомъ вѣтра и происходящаго отъ того испаренія. Появленіе кустарнаго кедра и изгородныхъ криворослей даурской лиственицы на самыхъ открытыхъ мѣстахъ Шантарскихъ островов, на которыхъ постоянно падаетъ туманъ, поучительно въ томъ отношеніи, что показываетъ, какъ почки упомянутыхъ кустарныхъ формъ, вопреки чрезвычайно пропитанному влажностью и бурному воздуху, пышно развиваются даже тамъ, гдѣ, въ слѣдствіе постоянныхъ льдинъ, температура воздуха въ маѣ, іюнѣ, іюлѣ, бываетъ всего на два градуса выше точки замерзанія. Можно впрочемъ предположить, что, при такихъ непрерывныхъ и сильныхъ осадкахъ воздушной влаги, какіе тамъ бываютъ часто даже при вѣтрѣ, изъ этой сгущающейся атмосферической влаги отдѣляется болѣе тепла, чѣмъ сколько уносится движеніемъ воздуха. Очевидно, растительность на Шантарскихъ островахъ обязана своею пышною зеленью только тому, что температура воздуха, хотя она низка и не далека отъ точки замерзанія, все же въ продолженіе нѣсколькихъ лѣтнихъ мѣсяцевъ бываетъ постоянна и не ниже точки замерзанія.

На Шантарскихъ островахъ находится близко предѣлъ произростанія даурской лиственицы, что можно видѣть на сѣдловинѣ, раздѣляющей очень узкій Медвѣжій островъ, на которомъ, кромѣ уродливыхъ кустарныхъ кедровъ, нѣтъ ни одного дерева. Это очевидно происходитъ отъ переливающагося тамъ сильнаго тумана, потому что на хребтѣ острова, очень открытой мѣстности, растетъ прямой лѣсъ. Поясненіемъ этого явленія можетъ служить и то обстоятельство, что на сѣверо-западной сторонѣ чрезвычайно узкаго острова Эге встрѣчаются только криворослыя деревья, кустарные кедры и водяные мхи съ морошкою, а на юго-восточномъ склонѣ лапландскіе цвѣты по преимуществу, но и нѣкоторыя болѣе южныя породы. На Шантарскихъ островахъ, сравнительно съ ихъ географическимъ положеніемъ, лѣто бываетъ позднее, потому что ледяныя массы, плавающія по Охотскому морю, задерживаютъ еще въ іюлѣ лѣтнюю теплоту. Поэтому на этихъ островахъ растительность отстаетъ на одинъ мѣсяцъ, а въ самыхъ неблагопріятныхъ мѣстахъ даже на два мѣсяца, отъ растительности въ Удскомъ острогѣ, который находится по сосѣдству, но лежитъ уже среди материка. Напримѣръ, на деревьяхъ эта задержка замѣтна потому, что на Большомъ Шантарскомъ островѣ еще 10 августа кора лиственицъ чрезвычайно легко отдѣляется отъ ствола. При всемъ томъ

сильная влажность воздуха содѣйствуетъ развитію необыкновенно пышной растительности въ укрытыхъ долинахъ большихъ Шантарскихъ острововъ: трава на нихъ бываетъ вышиною въ ростъ человѣка; эпилобія, антрискусъ отличаются рѣдкою пышностью; на аконитумѣ бываютъ огромныя листья, длиною въ одинъ футъ, а листья одного ароиднаго бываютъ даже въ два фута длиною.

Придавленное, принижающее къ землѣ положеніе кустарнаго кедра и изгородной лиственицы, какое оказывается на южномъ берегу Охотскаго моря и на Шантарскихъ островахъ, вѣроятно, происходитъ преимущественно отъ продолжительнаго обремененія ихъ сильными осадками воды, а въ особенности снѣга. Извѣстно, что большія снѣговыя хлопья образуются именно при такомъ положеніи температуры, въ какомъ осенью Охотское море находится очень долгое время, т. е., при температурѣ воздуха, держащейся около точки замерзанія.

По словамъ Миддендорфа флора прибрежья Охотскаго моря во многомъ мѣстами похожа на лапландскую. Такъ при впаденіи въ него рѣки Уди, слѣдовательно на 15 градусовъ широты южнѣе сѣверной Лапландіи, на большомъ протяженіи росли тѣ же самые виды лапландскихъ растеній, а между тѣмъ въ общихъ флорахъ этихъ двухъ странъ существуетъ значительное различіе. Но сходство нѣкоторыхъ климатическихъ условій у Охотскаго моря съ климатическими условіями Лапландіи дало возможность появиться тамъ этимъ лапландскимъ растеніямъ. До такой степени все зависитъ отъ климата; до того всѣ разстоянія ничего не значатъ въ сравненіи съ климатомъ.

Послѣ половины августа окрестности Охотскаго моря, въ особенности въ его южной части, наполняются до такой степени всевозможными лѣсными сѣверными ягодами, что нѣтъ ничего удивительнаго если люди и животныя портятъ себѣ ими желудокъ въ это время. Ягодъ является такъ много, что туземцы, вопреки общепринятому обыкновенію сибирскихъ дикарей, презирающихъ растительную пищу и не заботящихся о слѣдующемъ днѣ, заготовляютъ на зиму большіе запасы ягодъ. Болѣе всего преобладаетъ брусника. По всѣмъ предгоріямъ и безлѣснымъ высотамъ тянутся густо покрытыя ею поля. Миддендорфъ наблюдалъ сильное размноженіе и необыкновенно пышный ростъ брусники на кочкахъ, удобренныхъ золою отъ прежнихъ лѣсныхъ пожаровъ. Лучше всего и доневѣроятія пышно брусника расла подъ безжизненными остатками сгорѣвшихъ кустарныхъ кедровъ; изъ подъ шпалерной сѣти прильнувшихъ къ землѣ и засохшихъ сучьевъ этого куста. брусника возвышалась на футъ вышины и была покрыта ягодами, которыя были вдвое болѣе и гораздо слаще нашей брусники. На болотистыхъ низменностяхъ, особенно въ рѣчныхъ долинахъ Охотскаго прибрежья растутъ въ невѣроятномъ множествѣ черника и морошка; но тамъ, гдѣ почва слишкомъ сочна, онѣ уступаютъ мѣсто клюквѣ. Въ тѣни лѣсовъ брусника преобладаетъ надъ другими ягодами, но въ такихъ мѣстахъ на ней не бываетъ плодовъ. Тутъ она растетъ рядомъ съ голубицею и съ княженихою, но послѣднія два растенія встрѣчаются рѣже и на нихъ рѣдко бываютъ ягоды. Въ сочныхъ долинахъ растетъ смородина и малина; на послѣдней ягоды бываютъ рѣдко. Но на днѣ долинъ, около самого моря полузаросшихъ горныхъ рѣчекъ, у стоячихъ лужъ и въ трясучихъ мшинахъ растетъ въ Охотскомъ краѣ своеобразная, чрезвычайно похожая на черную смородину, смородина дикуша (Ribes Dikuscha), съ большими сочными зелеными ягодами и съ особымъ запахомъ, свойственнымъ черной смородинѣ. Эти ягоды созрѣваютъ лишь въ концѣ осени. Для полнаго обзора плодовъ, собираемыхъ жителями на южныхъ берегахъ Охотскаго моря и на Шантарскихъ островахъ, надобно сказать, что тамъ особенно цѣнятся плоды черемухи, которые во множествѣ заготовляются на зиму, въ видѣ лакомства, что еще несравненно больше дѣлаются запасы орѣховъ кустарнаго кедра. Добываніе ихъ гораздо легче, чѣмъ съ древеснаго кедра, тѣмъ болѣе что кустарный кедръ бываетъ увѣшанъ необыкновеннымъ множествомъ шишекъ.

Изъ овощей на берегахъ Охотскаго моря разводится картофель, рѣпа, рѣдька, капуста.

Капуста, по большей части, не даетъ кочней. Въ Охотскѣ овощи рѣдко захватываются морозомъ. Они разводятся даже въ Тауйскѣ и въ Гижигѣ. Въ Армани, къ сѣверу отъ Тауйска, Гейне нашелъ множество рѣпы. Въ Олѣ онъ пріобрѣлъ рѣпу вдвое болѣе кулака. Отличительная черта этихъ корнеплодныхъ растеній заключается именно въ томъ, что при низкихъ температурахъ они не только способны переносить значительную влажность воздуха, но даже и растутъ какъ то особенно хорошо при такой влажности.

По отношенію къ животнымъ, обитающимъ какъ въ самомъ Охотскомъ морѣ, такъ и на его берегахъ, эта мѣстность Россіи представляетъ много своеоброзныхъ явленій. Это своего рода оазисъ, заключающій въ себѣ благопріятныя условія для существованія животныхъ, а потому и привлекающій ихъ къ себѣ. Извѣстно, что найбольшая масса растительныхъ веществъ, способная питать соотвѣтственное множество животныхъ, является только въ такихъ мѣстахъ, гдѣ къ высокой температурѣ воздуха въ то же время присоединяется и влажность. Извѣстно, что близъ полюса масса органическихъ веществъ никогда не бываетъ такъ велика, никогда не возобновляется такъ быстро, какъ въ тропическихъ странахъ, однако, не смотря на то, безжизненныя пустыни встрѣчаются не только вообще на сѣверѣ, но также и подъ тропиками; съ другой же стороны и на самомъ крайнемъ сѣверѣ попадаются оазисы или сборныя мѣста, на которыхъ путешественники находили чрезвычайное множество животныхъ. Въ такихъ оазисахъ сходятся животныя (или моллюски, или насѣкомыя, или рыбы, или птицы, или млекопитающія) въ безчисленномъ множествѣ. На такихъ оазисахъ можно убить сотни китовъ, мускусныхъ быковъ, оленей, зайцевъ, нѣсколько тысячъ оленей и моржей, сотни тысячъ голенастыхъ и водяныхъ птицъ. По словамъ Миддендорфа два тунгуса въ одинъ день на Становомъ хребтѣ закололи 600 дикихъ оленей. Врангель сообщаетъ, что въ сѣверо-восточной Сибири мѣстные жители караулятъ на переправахъ чрезъ рѣки дикихъ оленей, направляющихся съ сѣвера на югъ, и сотнями убиваютъ ихъ тутъ. Кэнъ, извѣстный путешественникъ по полярнымъ странамъ, видѣлъ, что гаги сидѣли на своихъ гнѣздахъ такъ близко одна къ другой, что ему приходилось почти наступать на нихъ. Даже подъ 77 град. сѣверной широты Кэнъ ежедневно собиралъ по 1200 гагачьихъ яицъ. По сообщенію Гойса, зимовавшаго къ сѣверу отъ Александрова мыса, подъ 78 град. сѣверной широты, онъ встрѣтилъ тамъ огромное множество сѣверныхъ оленей и другихъ животныхъ. Въ Магдалининомъ заливѣ на Шпицбергенѣ Франкинъ и Буканъ встрѣтили около четырехъ милліоновъ маленькихъ гагарокъ (Mevgulus alle). Въ такихъ огромныхъ массахъ животныя собираются на извѣстныхъ сборныхъ мѣстахъ только въ извѣстные періоды времени. Но если есть подобные сборные пункты, то мѣстами должны быть и совершенныя пустыни, что и подтверждается наблюденіями какъ въ тропическихъ, такъ и въ сѣверныхъ странахъ. Какъ подъ тропиками обнаженная степь является пустынею, такъ и на крайнемъ сѣверѣ обнаженная высокая тундра представляетъ совершенную пустыню. Въ Сибири же, сверхъ того какъ въ сѣверной, такъ и въ южной, однообразный хвойный лѣсъ нерѣдко также оказывается страшною пустынею на необозримыя пространства. Такое же явленіе замѣчено и подъ благопріятными широтами Америки и его же наблюдали путешественники по Гималаю. Равномѣрно раскинутые лѣса, особенно хвойные, вытѣсняющіе у себя всякое подлѣсье, кустарники, травы и злаки, и покровительствующіе только произрастанію мховъ, повидимому отталкиваютъ отъ себя животныхъ. Въ такихъ первобытныхъ лѣсахъ пожары превращаютъ цѣлую мѣстность въ пустыню на многіе годы. Но за то на такихъ попелищахъ, въ свою очередь, появляется совершенно новая растительность, а въ слѣдствіе того подобная мѣстность оживляется такими животными, какихъ нельзя найдти въ прилегающихъ первобытныхъ лѣсахъ, уцѣлевшихъ отъ пожара. Подлѣсье, кустарникъ, травы и ягоды, выросшіе на пригрѣтыхъ солнцемъ мѣстахъ, привлекаютъ къ себѣ животныхъ и птицъ. Въ южной Сибири, на прибрежьѣ Охотскаго моря, по наблюденіямъ ученыхъ, обиліе ягодъ на прежнихъ пепелищахъ населяло пос-

лѣднія множествомъ травоядныхъ животныхъ и птицъ, а вслѣдъ за ними явились хищныя животныя, но между послѣдними большая часть также питалась ягодами, какъ напримѣръ, медвѣдь, волкъ, соболь и даже лисица. При обозрѣніи флоры Охотскаго моря, было уже указано какое множество ягодъ произростаетъ на его берегахъ, особенно южныхъ.

Охотское море, какъ водный бассейнъ, изобилуетъ водорослями, которыми особенно богата его южная часть. Сѣверная часть моря бѣдна ими. Въ Охотскомъ морѣ найдено до 53 видовъ водорослей, изъ которыхъ иныя свойственны только этому бассейну, а остальныя болѣе сходны съ водорослями Ледовитаго моря, чѣмъ съ водорослями Великаго океана. Такимъ образомъ большая часть водорослей европейскаго сѣвернаго океана находится и въ Охотскомъ морѣ, между тѣмъ какъ многіе роды и виды, произростающіе въ сосѣднихъ съ нимъ частяхъ Тихаго океана, въ Охотскомъ морѣ не встрѣчаются. Моллюсками Охотское море также очень богато. Въ немъ найдено 70 видовъ раковинъ, изъ которыхъ десять свойственны только ему одному. Точно также изъ 21 вида раковъ разныхъ, живущихъ въ Охотскомъ морѣ, одиннадцать видовъ составляютъ его исключительную принадлежность. Изъ морскихъ звѣздъ одинъ видъ встрѣчается только въ Охотскомъ морѣ. Ему также одному свойственны двѣ формы кольчатыхъ червей (нереи), изъ числа десяти породъ, въ немъ находимыхъ. Водными птицами Охотское море очень богато. Изъ морскихъ млекопитающихся въ немъ водятся разные породы тюленей (нерпъ), сивучи (морскіе львы), дельфины, три породы китовъ, попадаются и моржи на западномъ берегу (камчатскомъ). Охотское море привлекаетъ къ себѣ во множествѣ китовъ, потому что богато ихъ главною пищею—моллюсками. Медузами Охотское море очень богато и онѣ встрѣчаются въ большомъ количествѣ даже около самыхъ громадныхъ массъ льда, плавающихъ въ немъ. Море блеститъ очень сильно послѣ каждаго удара веслами, при ночномъ плаваніи, и свѣтящаяся волна сохраняетъ свой блескъ нѣсколько секундъ. Богатство рыбою въ Охотскомъ морѣ вызвало замѣчаніе Кенана (посѣтившаго тамошніе края въ 1865—1867 году съ американскою экспедиціею, посланною для сооруженія электрическаго телеграфнаго сообщенія Америки съ Европою чрезъ материкъ Азіи), что всѣ поселенія сѣверо-восточной Сибири обязаны своимъ возникновеніемъ инстинкту, заставляющему семгу заходить въ тамошнія рѣки для метанія икры. Всѣ маленькія рѣчки на западномъ берегу Камчатки, на 105 верстъ отъ берега Охотскаго моря, были переполнены (въ 1865 году, при проѣздѣ Кенана) тысячами околѣвающихъ, мертвыхъ и уже разлагающихся рыбъ, такъ что вода этихъ рѣчекъ дѣлалась негодною къ употребленію. Даже въ маленькихъ горныхъ ручьяхъ, чрезъ которые ребенокъ можетъ перешагнуть, оказывались лососи длиною въ 18 и 20 дюймовъ, такъ что вода едва покрывала ихъ тѣло. Такое же обиліе, если не большее еще рыбы оказывается и на сибирскомъ берегу Охотскаго моря.

Богатство Охотскаго моря водорослями, моллюсками, рыбою, привлекая въ него множество большихъ морскихъ млекопитающихся, подтверждаетъ собою общій законъ-богатство сѣверныхъ обширныхъ водяныхъ бассейновъ всякаго рода животными. Холодный климатъ не препятствуетъ существованію животной жизни въ полярныхъ океанахъ и въ такихъ сѣверныхъ моряхъ, гдѣ льды носятся еще въ іюлѣ и въ началѣ августа. Кройеръ, Голбель, Скорсби и другіе мореплаватели находили въ Шпицбергенскихъ моряхъ по среди массъ льда такое множество медузъ и раковидныхъ животныхъ, какое едва ли встрѣчается подъ болѣе южными широтами. На кажный кубическій футъ воды Скорсби насчитывалъ по 100.000 мелкихъ медузъ. Онѣ придаютъ морю и льду зеленый цвѣтъ и тѣ части моря, въ которыхъ онѣ встрѣчаются, называются китоловами «китовыми лугами.» Микроскопическіе рачки и инфузоріи кишатъ тамъ въ такомъ множествѣ, что рѣшетами можно начерпать ихъ цѣлыя бочки. Голбель и Кройеръ, подъ 73 град. сѣв. широты, нашли море въ Баффиновомъ заливѣ до того наполненнымъ раковидными животными, что почти ничего нельзя было видѣть сквозь воду. Милліоны нѣсколько большихъ рачковъ (морскіе сколопендры или морскіе креветы, амфиподы)

въ самое непродолжительное время очищаютъ море отъ труповъ исполинскихъ животныхъ; такъ когда Парри зимовалъ на Мельвилемъ полуостровѣ, на разстояніи около трети версты отъ материка, они въ 24 часа отлично очистили цѣлый скелетъ животнаго. Густо усѣянныя раковиныя отмели устилаютъ, въ полномъ смыслѣ этого слова, морское дно на крайнемъ сѣверѣ и представляютъ обильную пищу милліоннымъ стаямъ рыбъ, которыхъ въ свою очередь преслѣдуютъ безчисленное множество тюленей, нарваловъ и бѣлухъ (дельфиновъ). Въ такой погонѣ за лососями на Охотскомъ морѣ, нерпы (тюлени) входятъ въ рѣки, впадающія въ него. Даже въ остаткѣ собраннаго капитаномъ Парри льда, плававшаго въ круглыхъ кускахъ подъ 78°76′ град. южной широты и въ послѣдствіи окончательно растаявшаго, Эренбергъ нашелъ болѣе 50 видовъ кремнекожныхъ инфузорій. Джемсъ Россъ, подъ 70 град. сѣверной широты, за одинъ разъ поймалъ до 3,500 лохообразныхъ рыбъ. Сотни громадныхъ моржей окружаютъ одновременно корабль въ Атлантическомъ ледовитомъ морѣ, гдѣ ихъ истребляютъ уже сотни лѣтъ. Въ Беринговомъ проливѣ, въ 1821 году, Гюльзенъ видѣлъ въ декабрѣ тысячи моржей заразъ, а въ іюнѣ сотни тысячъ. Въ этихъ безчисленныхъ стадахъ каждое животное по своей массивности не уступитъ даже огромнѣйшему обитателю тропиковъ—слону, а между тѣмъ самый большой взрослый великанъ изъ моржей по величинѣ едва равняется съ младенцемъ кита, найгромаднѣйшаго колосса животнаго царства. Ежедневно китъ поглощаетъ милліоны медузъ и рачковъ, плавающихъ въ сѣверныхъ моряхъ. Крайнія сѣверныя моря вообще отличаются массивными животными, въ нихъ обитающими. Агассисъ доказалъ, что въ каждомъ изъ четырехъ отдѣловъ животнаго царства водяныя животныя въ отношеніи организмовъ стоятъ ниже животныхъ суши, но съ тѣмъ вмѣстѣ всегда массивнѣе ихъ; вообще животное бываетъ тѣмъ массивнѣе, чѣмъ ниже оно занимаетъ мѣсто въ извѣстномъ отдѣлѣ. Такъ куколка и личинка массивнѣе насѣкомаго, водныя млекопитающія и водныя птицы массивнѣе животныхъ суши. Для передвиженія громадныхъ массъ вода представляетъ менѣе затрудненій, чѣмъ суша, а тѣмъ болѣе упругожидкая сфера воздуха. Но и между низкими животными крайняго сѣвера не всѣ такъ малы, какъ прежде думали. Гейне сообщаетъ, что на западномъ берегу Камчатки почти въ 350 верстахъ отъ южной ея оконечности, мыса Лопатки, ему съ другими американцами удалось поймать огромнаго краба, изъ котораго они изготовили себѣ майонезъ. Въ длину отъ оконечности одной ноги до другой онъ имѣлъ 3 фута 2 дюйма. Американцы нашли на берегу скорлупы такихъ же крабовъ, въ которыхъ мясо было выѣдено медвѣдями. Скорлупы эти были почти круглыя, очень толстыя и крѣпкія и имѣли въ поперечникѣ отъ семи до девяти дюймовъ. Тилингъ сообщаетъ о пойманной у Ситхи каракатицѣ, длина которой съ распростертыми руками была отъ двухъ до трехъ саженъ. Впрочемъ, по достовѣрнымъ актамъ извѣстно, что въ прошломъ и запрошломъ столѣтіяхъ на берега Исландіи были выброшены моремъ неслыханно громадныя каракатицы, длиною въ $3^1/_2$ сажени, а руки ихъ были длиною болѣе 3 саженъ. Изъ дельфиновъ въ Охотскомъ морѣ бѣлуха (Delphinus leucas) встрѣчается въ большомъ числѣ. По своему яркому бѣлому цвѣту, она получила свое названіе не только на русскомъ языкѣ, но и на многихъ другихъ языкахъ. Она живетъ въ неглубокой береговой водѣ и охотно входитъ въ рѣки за лохами. При устьѣ небольшихъ горныхъ рѣчекъ, впадающихъ въ Охотское море, бѣлухи, при всей неуклюжести тѣла своего, всетаки достигающія почти трехъ саженъ длины, съ наступленіемъ морскаго прилива, стадами заходятъ все далѣе и далѣе внутрь страны. Иногда уже начинается отливъ моря, а бѣлухи еще плещутся тамъ, гдѣ за нѣсколько часовъ передъ тѣмъ можно было бродить пѣшкомъ или переходить рѣчку въ бродъ, ниже колѣнъ; но бѣлуха не даетъ себя захватить и прежде чѣмъ отмель, запружающая устье рѣки, обнажится, животное укроется въ море. Въ концѣ іюня въ устьѣ Уды, разсказываетъ въ своемъ путешествіи Миддендорфъ, и мы уже встрѣтили небольшія отдѣльныя стаи бѣлухъ; въ началѣ іюля онѣ исчезли. «Наконецъ то идетъ давно желанная кета-рыба» въ восторгѣ кричали проголодавшіеся якуты и тунгусы на морскомъ берегу. «Гдѣ? гдѣ?» повторялъ я, глядя

въ открытое море и отыскивая въ охотничьей суммѣ свою зрительную трубу. «Погоди, ты еще не скоро увидишь его,» отвѣчали они мнѣ. Но на этотъ разъ издѣвалась надо мною не зоркость тунгускихъ соколиныхъ глазъ, а знаніе моихъ спутниковъ. «Бѣлуха (такъ потомъ они объяснили мнѣ дѣло) ушла на встрѣчу лохамъ, которыя теперь вскорѣ явятся, чтобы подняться въ горные потоки для метанія икры». Девять дней прошло въ безполезныхъ ожиданіяхъ; наконецъ 12-го іюля, утромъ рано явилась стая въ 10—15 бѣлухъ. Затѣмъ шла стая за стаей. Въ нѣкоторыхъ я насчитывалъ до 30 бѣлухъ. Цѣлые шесть часовъ, пользуясь приливомъ, онѣ плыли къ западу на такомъ близкомъ разстояніи отъ берега, что люди мои для потѣхи стали бросать въ нихъ камнями, когда я запретилъ безполезное стрѣляніе, потому что необходимо было сберечь намъ запасъ пороха. Подобно дельфинамъ, онѣ то плыли подъ водою, то являлись на ея поверхности, чтобы вздохнуть воздухомъ и при этомъ стонали и фыркали такъ громко, что шумъ этотъ совершенно явственно доходилъ до меня, на высоту 800—1000 футовъ береговаго хребта. Вблизи онъ былъ похожъ на пыхтѣніе огромнѣйшей собаки, захлебнувшейся во время плаванія. Мимо насъ проплыло по меньшей мѣрѣ 1000 бѣлухъ, но вѣроятно ихъ было вдвое болѣе. Съ наступленіемъ отлива, вся эта стая опять возвратилась назадъ къ востоку. Большая часть была чистобѣлаго цвѣта, немногія свинцоваго цвѣта или въ яблокахъ; молодыя животныя были свинцоваго или даже аспидно-сѣраго цвѣта. Выплывая на верхъ многія имѣли престранный видъ, потому что дѣтямъ своимъ, крѣпко прицѣпившимся къ ихъ спинѣ, онѣ служили какъ бы верховыми конями. Даже въ одиночку онѣ нисколько не были пугливы, и однажды я серіозно опасался, что байдару нашу опрокинутъ плывшія подъ нею бѣлухи».

Касатка (Phocaena Orca), часто встрѣчающаяся въ Охотскомъ морѣ и у Курильскихъ островов, величиною равняется небольшому киту. Она принадлежитъ къ самымъ страшнымъ морскимъ хищникамъ. Ее можно узнать въ морѣ на самомъ большомъ разстояніи по ея быстрымъ, порывистымъ движеніямъ. Во время плаванія у касатки высоко надъ водою выдаются странныя спинныя перья, въ видѣ треугольника, подобно парусу. За каждымъ глазомъ находится бѣлое пятно, почему русскіе промышленники и прозвали ее бѣлоглазою. Онѣ сходятся большими стаями, подобно волкамъ, и сообща охотятся за своею добычею. Лишь только 13 іюля касатки успѣли показаться въ открытомъ морѣ, при южныхъ берегахъ Охотскаго моря, сообщаетъ Миддендорфъ, какъ не только тюленями, но и китами, видимо овладѣло безпокойство. Киты сострашною быстротою носились то въ одну сторону, то въ другую, нѣкоторые громко стонали, всѣмъ тѣломъ своимъ выдавались изъ воды, изъ всей силы ударяли хвостами по водѣ и затѣмъ снова погружались въ море, которое съ громкимъ гуломъ смыкалось надъ ними. Наконецъ семь встревоженныхъ китовъ стали искать убѣжища около самаго берега, покрытаго утесами. Они доходили до Миддендорфа шаговъ на пятьдесятъ и одинъ изъ нихъ засѣлъ между скалистыми отмелями, но благодаря своимъ исполинскимъ усиліямъ успѣлъ опять высвободиться въ открытое море. Касатка (пила рыба) является на Охотскомъ морѣ однимъ изъ главныхъ враговъ кита.

Охотскому морю свойственны нѣсколько видовъ тюленей (нерпъ), которые водятся тамъ въ огромномъ количествѣ. Небольшаго вида тюлень охотскій (Phoca Ochotensis) называется тунгусами на южномъ берегу этого моря «морскою собачкою» и служитъ преимущественно пищею берингова орла (Aquila pelagica), громадной величины, который водится часто на южномъ берегу Охотскаго моря и на Шантарскихъ островахъ. Такъ, на одномъ изъ нихъ, островѣ Эге, Миддендорфъ застрѣлилъ лисицу, сидѣвшую на крутомъ утесѣ; но прежде чѣмъ онъ добрался до нея, беринговъ орелъ уже схватилъ убитаго звѣря. Тунгусы и другіе прибрежные жители Охотскаго моря промышляютъ тюленей въ продолженіе всего года въ огромномъ количествѣ. Даже зимою замерзшее море (въ южной части своей Охотское море замерзаетъ на довольно большое разстояніе отъ береговъ, но если нѣсколько дней дуетъ сильный южный

вѣтеръ, то взволнованная вода разбиваетъ ледъ) доставляетъ тунгусамъ обильный промыселъ на тюленей, которые выбираются изъ воды на ледъ и лежатъ на немъ. Тунгусы убиваютъ тюленя палкою, для чего достаточно бываетъ сильнаго удара по носу. Тунгусы часто притаскиваютъ тюленей и живыми, особенно молодыхъ, называемыхъ «акипками». Мясо и жиръ тюленей тунгусы употребляютъ въ пищу, которая считается у нихъ особымъ лакомствомъ. Шкуру тюленей, грубо выдѣланную, они употребляютъ для обуви, а мягко выдѣланную — для одежды. Жиръ китовый и тюленій въ сыромъ состояніи составляетъ пищу малолѣтнихъ, грудныхъ тунгусовъ. Мать отрѣзываетъ небольшой кусокъ жира китоваго или тюленьяго, перевязываетъ его посрединѣ ниткою, и, воткнувъ въ ротъ ребенку, концы нитки связываетъ ему на затылкѣ. Отъ такого кормленія бываетъ двоякая выгода: для ребенка та, что кусокъ жира не выпадаетъ изъ рта и доставляетъ весьма питательную пищу, а для матери та, что она не отвлекается, какъ при кормленіи грудью, отъ домашнихъ занятій. Такимъ образомъ кормятъ даже такихъ ребятъ, которымъ только нѣсколько дней отъ рожденія. Тунгусское дѣтя не умираетъ отъ такого кормленія, но съ каждымъ днемъ привыкаетъ къ подобной пищѣ, жирѣетъ и крѣпнетъ. Иногда бываетъ презабавное состязаніе между собакою и ребенкомъ, лѣтъ двухъ или трехъ, уже ходящимъ. Собака, почуявъ запахъ жира отъ куска, находящагося во рту ребенка, подходитъ къ нему, схватитъ зубами за кусокъ и тянетъ къ себѣ; ребенокъ же, не въ состояніи будучи кричать, мычетъ, махаетъ рученками и колотитъ ими собаку по мордѣ. Всего чаще собака въ такихъ случаяхъ отказывается отъ лакомаго куска и отходитъ. Надобно замѣтить, что это охотничьи собаки, ищейки, которыхъ тунгусы берегутъ и лелѣятъ, содержатъ въ своихъ жилищахъ (барабарахъ), а потому эти собаки, выростая вмѣстѣ съ дѣтьми своего хозяина, живутъ съ ними въ полномъ согласіи. Китовый жиръ, стопленный, тщательно очищенный, нѣсколько разъ промытый водою, хорошо отстоянный и пропущенный сквозь рѣдкій холстъ, очень хорошо горитъ, однако же производитъ нѣсколько копоти и немного пахнетъ. Нерпячій жиръ много уступаетъ китовому и требуетъ гораздо болѣе труда для своей очистки и освѣтленія. Мясо молодыхъ тюленей, или акипокъ, можно употреблять въ пищу и не въ нуждѣ, а ласты, хорошо и крѣпко уваренные съ приправою масломъ, уксусомъ и перцомъ, составляютъ, по словамъ европейцевъ, употреблявшихъ ихъ въ пищу, довольно пріятное блюдо.

Въ Охотскомъ морѣ встрѣчаются три породы китовъ: длиннорукій китъ (Balaena longimana), котъ-рыба или большеголовый (Physeter macrocephalus) и южный китъ (Balaena australis), но болѣе всего попадается длиннорукій, который менѣе остальныхъ. Порознь длиннорукій китъ встрѣчается, по словамъ Миддендорфа, въ южной части Охотскаго моря въ концѣ іюля, причемъ спокойно плавалъ то въ одну сторону, то вдругую, или, крѣпко заснувъ, отдавалъ себя на произволъ морскаго теченія. Но 13-го іюля стали проноситься уже цѣлыя стаи, одна за другою, каждая въ 30 или 40 китовъ, такъ что общимъ числомъ въ этотъ день Миддендорфомъ и его спутниками нащитано было по крайней мѣрѣ 800 штукъ; но вѣроятно ихъ было гораздо болѣе. Измученныхъ и умервщленныхъ касатками китовъ Охотское море ежегодно выбрасываетъ своими волнами на берега, какъ въ южной своей половинѣ, такъ и въ сѣверной. Еще Редовскій въ 1806 году записалъ въ своемъ рукописномъ дневникѣ, что у Ямска ежегодно выбрасываетъ моремъ на берегъ одинъ или два кита. Тунгусы часто отправляются по морскому берегу за поисками такихъ китовъ и считаютъ большимъ для себя праздникомъ, если найдутъ выкинутаго кита. Оно и понятно, потому что одинъ китъ, мясомъ своимъ и жиромъ, надолго обезпечиваетъ тунгусовъ продовольствіемъ. Мясо китовое и жиръ прибрежные осѣдлые тунгусы, за отдѣленіемъ на свои потребности, промѣниваютъ прикочевывающимъ къ нимъ оленнымъ тунгусамъ. Въ теченіе лѣта 1844 года Миддендорфъ узналъ о семи китахъ, выброшенныхъ на южный берегъ Охотскаго моря и отправился къ двумъ изъ нихъ. По его словамъ днемъ тунгусы, гиляки, собаки и стаи чаекъ, а ночью медвѣди, волки и другія хищныя жи-

вотныя спорили между собою за право на добычу: первые громко кричали, выли, пищали, кудахтали, такъ что шумъ оглушалъ, вторые же подкрадывались исподтишка и тайкомъ наслаждались своею добычею.

Нѣкоторыя мѣстности, повидимому, благопріятствуютъ выбрасыванію китовъ на берегъ и какъ бы заманиваютъ ихъ въ естественныя ловушки; этому содѣйствуетъ сильное повышеніе воды во время морскаго прилива, особенно въ такихъ случаяхъ, когда берегъ на нѣсколько верстъ довольно горизонталенъ или хотя слегка повышается къ морю, но все таки до того низокъ, что во время отлива бываетъ совершенно сухъ, а при сильномъ приливѣ находится сажени три подъ водою. При этомъ имѣетъ еще важное значеніе сильно-утесистое свойство дна или присутствіе вязкаго, глинистаго ила, который волнами то сбивается въ кучи, то размывается. Такими китовыми ловушками богатъ южный берегъ Охотскаго моря, какъ напримѣръ, мѣстность при устьяхъ рѣкъ Уды и Алы, въ основаніи Тугурскаго залива, въ двухъ бухтахъ залива Академія, въ Сегнекинскомъ заливѣ и проч. Подобныя китовыя ловушки находятся и въ другихъ мѣстахъ, къ западу отъ Кольскаго залива (на берегу Русской Лапландіи), такъ называемая «Китовая бухта» и подъ такимъ же именемъ извѣстный заливъ на островѣ Шпицбергенѣ. Если въ такихъ мѣстахъ, особенно во время сильнаго прилива китъ подходитъ слишкомъ близко къ берегу и немного только замедлитъ или при наступленіи отлива хотя на минуту застрянетъ между небольшими отмелями, то онъ непремѣнно останется на сушѣ и во время полнаго отлива окажется на разстояніи нѣсколькихъ верстъ отъ морской воды. Когда затѣмъ послѣдуютъ менѣе сильные приливы, накопляющіе лишь илъ вокругъ изнемогшаго между тѣмъ кита, или когда туземцамъ удается закрыть отверстія, чрезъ которыя онъ дышетъ, или прикрѣпить кита къ якорю, тогда его существованію положенъ конецъ и пожива жиромъ обезпечена. При дыханіи китъ выбрасываетъ вверхъ струю густаго водяного тумана. Кромѣ водянаго пара изъ легкихъ выходитъ мелкими брызгами часть морской воды, въ особенности та, которая находится въ верхней части дыхалъ. Чѣмъ воздухъ холоднѣе и чище, тѣмъ явственнѣе и столбовиднѣе струя тумана, въ слѣдствіе сгущенія теплаго дыхательнаго пара. При благопріятныхъ обстоятельствахъ, шумъ отъ испусканія струй до того ясно слышенъ на разстояніи четырехъ верстъ, что кажется будто-бы вблизи открытъ клапанъ пароваго котла. Русскій мореходъ говоритъ: «китъ палитъ». Вода и паръ, выбрасываемые китомъ, имѣютъ очень дурной запахъ. Капитанъ Коцебу, въ своемъ кругосвѣтномъ плаваніи на кораблѣ «Рюрикъ» въ 1815—1818 годахъ, проходя, въ августѣ 1816 года, Беринговымъ проливомъ, былъ окруженъ, по его словамъ, множествомъ китовъ, изъ которыхъ иные метали высокія фонтаны и всѣ подходили весьма близко къ «Рюрику» и повидимому вовсе не пугались корабля. Одинъ очень большой китъ, покрытый раковинами и морскими растеніями, металъ свои фонтаны такъ высоко, что брызги попадали въ лице русскимъ морякамъ, что имъ «было чрезвычайно непріятно, ибо выпускаемая китами вода имѣетъ весьма дурной запахъ».

Такое безстрашіе китовъ понятно, потому что въ то время еще не начиналась погоня за ними китолововъ въ сѣверной части Тихаго океана, и киты, какъ всѣ животныя, не испытавъ на себѣ руки человѣка, не боялись его. Въ самомъ Охотскомъ морѣ до сороковыхъ годовъ нынѣшняго столѣтія китоловныя суда не появлялись вовсе и ловли китовъ въ морѣ не производили. Миддендорфъ сообщаетъ въ своемъ сочиненіи, что едва онъ успѣлъ донести академіи наукъ, что въ Охотскомъ морѣ водится безчисленное множество китовъ, какъ сѣверо-американское правительство сочло нужнымъ поддержать всѣми мѣрами ловлю китовъ въ этомъ морѣ. Съ каждымъ годомъ число китолововъ, пріѣзжавшихъ въ Охотское море, стало увеличиваться, такъ что лѣтъ пять послѣ пребыванія тамъ Миддендорфа, въ 1849 и 1850 г., собиралось тамъ уже не менѣе 250 трехмачтовыхъ судовъ, исключительно для ловли китовъ; каждый изъ этихъ кораблей вмѣщалъ въ себѣ не менѣе 500 тоннъ и всѣ возвратились съ

большою добычею. По словамъ Петермана въ то время ежегодный доходъ отъ промысла китовъ въ Охотскомъ морѣ доходилъ у этихъ китолововъ до 8 милліоновъ долларовъ. Въ числѣ этихъ кораблей были американскіе, англійскіе, французскіе и ни одного русскаго. Съ 1847 года американскихъ судовъ менѣе двухъ сотъ не было ни въ одномъ году для ловли китовъ въ Охотскомъ морѣ. По американскимъ даннымъ, въ продолженіе 14 лѣтъ (1847—1861), одни сѣвероамериканцы вывезли изъ Охотскаго моря китового жира и уса на 130 милл. долларовъ (182.000,000 р. м.). Неудивительно если послѣ подобнаго истребленія китовъ въ Охотскомъ морѣ, число ихъ тамъ съ того времени уменьшилось значительнымъ образомъ. Существовавшая еще въ то время россійско-американская компанія не съумѣла воспользоваться представлявшимся ей случаемъ снарядить китобойныя суда въ Охотское море, чтобы не дать иностранцамъ воспользоваться достояніемъ, на которое Россія имѣла болѣе другихъ права, такъ какъ этотъ водный бассейнъ находился тогда исключительно въ ея владѣніяхъ.

Въ началѣ китоловнаго промысла на Охотскомъ морѣ, г. Марковъ совершилъ переѣздъ изъ Охотска въ бывшія русскія владѣнія въ сѣверной Америкѣ и въ своей книгѣ «Русскіе на Восточномъ океанѣ», сообщаетъ о ловлѣ китовъ слѣдующія подробности: мы увидали съ правой стороны большое трехмачтовое судно, изъ средины котораго безпрестанно показывался огонь и густой черный дымъ; черезъ нѣсколько времени оно было почти въ полуверстѣ отъ насъ, на немъ развивался американскій флагъ. Это было перемаранное и закоптѣлое отъ дыма китоловное судно съ нѣсколькими ялботами. Мнѣ неоднократно случалось видѣть китовую ловлю во время моего плаванія по Восточному океану, гдѣ киты водятся въ большомъ количествѣ, начиная отъ самаго сѣвернаго тропика до Берингова пролива по широтѣ и отъ сѣверо-западныхъ береговъ Америки до Японскихъ острововъ. Все это пространство усѣяно множествомъ китобойныхъ судовъ разныхъ націй, кромѣ русскихъ.

Охота на кита.

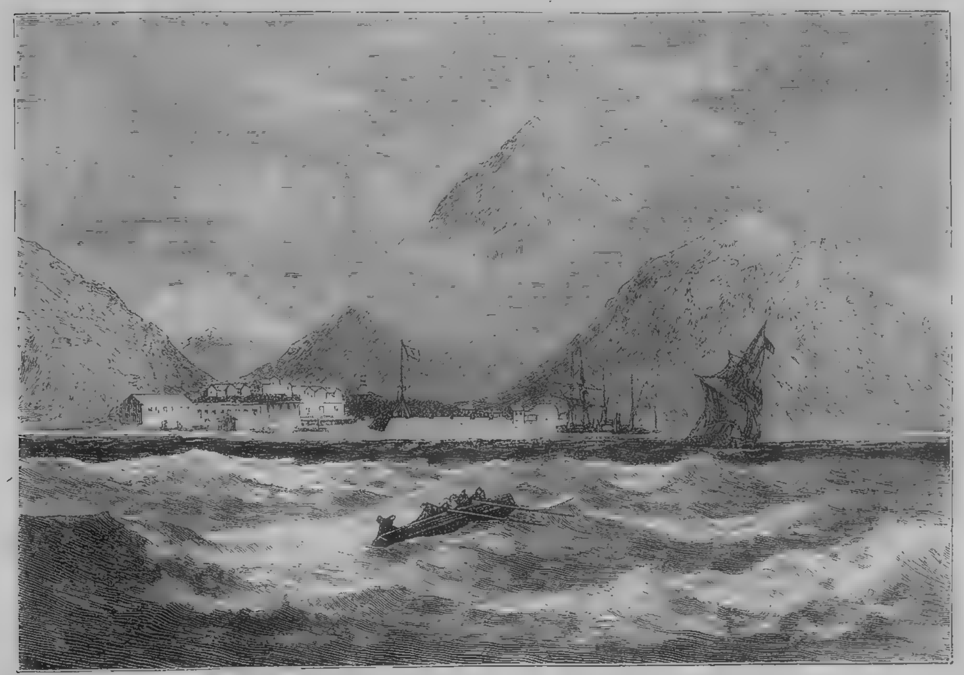
Китъ не можетъ оставаться долгое время въ водѣ безъ воздуха, а потому, хотя онъ глубоко ныряетъ, но опять всплываетъ на поверхность, чтобы подышать воздухомъ. Въ то время, когда стоитъ тихая погода, киты играютъ на поверхности моря. Китоловныя суда вообще бываютъ трехмачтовыя, причемъ между гротъ-мачтою и фокъ-мачтою устроивается въ нихъ кирпичная печь, въ которую вмазанъ котелъ для топки жира. Вокругъ бортовъ судна, на боканцахъ, вѣшаются ялботы, которыхъ на каждомъ суднѣ бываетъ не менѣе десяти, со всѣми принадлежностями для ловли, всегда въ полной готовности для нея. Въ каждомъ ялботѣ находится кокосовая веревка, длиною до 800 саженъ, толщиною въ палецъ; она очень крѣпка. Однимъ концомъ привязываютъ ее за гарпунъ: это ровная, прямая, трехаршинная палка, у которой на концѣ прикрѣплена острая съ обѣихъ сторонъ желѣзная стрѣлка. Когда гарпунъ бросаютъ въ кита, эта стрѣлка глубоко уходитъ въ тѣло, а при вытаскиваніи изъ него назадъ, принимаетъ положеніе костылька, такъ что ее никакъ не возможно вытащить не разрѣзавъ того мѣста, гдѣ она находится. На кораблѣ стоятъ часовые съ зритель-

ными трубами и едва замѣтятъ кита вдалекѣ, тотчасъ даютъ знать вахтенному. Въ одно мгновеніе на водѣ является до пяти ялботовъ, готовыхъ къ отплытію. На каждомъ ялботѣ находится шесть человѣкъ ловкихъ и проворныхъ матросовъ; изъ нихъ четверо гребцовъ, одинъ на кормѣ правитъ длиннымъ весломъ для скорыхъ поворотовъ, а шестой, самый важный, орудуетъ гарпуномъ. Всѣ спущенные ялботы быстро направляются къ тому мѣсту, гдѣ замѣченъ былъ китъ; за ними слѣдуетъ и корабль и ни на минуту не теряетъ ихъ изъ вида. Когда ялботы подплывутъ на близкое разстояніе къ киту, тогда каждый гарпунщикъ старается кинуть гарпунъ въ заднюю часть кита, ближе къ хвосту, и если кто нибудь изъ нихъ удачно попадетъ, то всѣ ялботы какъ только возможно быстрѣе отплываютъ отъ кита по противоположному направленію. Китъ, почувствовавъ рану, глубоко погружается въ море, потомъ вдругъ почти весь выказывается на поверхности, начинаетъ метаться въ разныя стороны, широко раскидывая волны и быстро пускается вдоль океана. Въ это время выпускается изъ ялбота веревка, привязанная за гарпунъ и ялботъ слѣдуетъ за китомъ. Лишь только китъ вздумаетъ отдохнуть, собираютъ опять выпущенную веревку для запаса на то время, когда китъ снова погрузится въ море. Горе тому ялботу, который не успѣетъ во время отвернуться отъ кита: однимъ легкимъ ударомъ хвоста животное превратитъ его въ щепки, а матросамъ придется погибнуть, если не подоспѣютъ къ нимъ на помощь товарищи съ ближайшихъ ялботовъ. Борьба съ громаднымъ животнымъ продолжается иногда по цѣлымъ суткамъ и китъ очень рѣдко избѣгаетъ предназначеннаго ему жребія. Когда животное совершенно утомится и до того обезсилитъ, что уже не въ состояніи погружаться въ море, тогда подплываетъ къ нему корабль, ложится въ дрейфъ и начинается операція надъ китомъ. Къ гротъ-марсу привѣшиваютъ огромные тали съ гакомъ, которымъ задѣваютъ за мертваго кита и съ борта судна рѣжутъ жиръ въ видѣ лентъ нарочно сдѣланными для того ножами. Обрѣзавъ весь жиръ, взявъ китовый усъ, выбираютъ кости, которыя у китолововъ употребляются вмѣсто дровъ для топки жира. При счастливой и удачной ловлѣ китовъ, судно, величиною въ 300 тоннъ, наливается жиромъ не болѣе какъ въ десять мѣсяцевъ. Самый лучшій ловъ китовъ бываетъ въ апрѣлѣ. Во время нашего перехода изъ Камчатки въ Ситху, намъ по пути много встрѣчалось китоловныхъ судовъ, по большей части сѣверо-американскихъ.

Гейне, прибывшій въ Аянъ, 31 августа 1855 года, на военномъ американскомъ винтовомъ паровомъ суднѣ «Джонъ Ханконъ», описываетъ ловлю кита въ Аянскомъ заливѣ, происходившую при немъ, такъ какъ онъ засталъ тамъ, по пріѣздѣ, на рейдѣ залива» цѣлый флотъ американскихъ китолововъ». По словамъ Гейне въ 1855 году въ Охотскомъ морѣ находилось отъ 400 до 500 американскихъ китоловныхъ судовъ, что весьма возможно, такъ какъ по случаю войны въ томъ году между Россіею, Англіею и Франціею, англійскіе и французскіе китоловы не направлялись въ это море. За то американцы хозяйничали тамъ, какъ только хотѣли. Въ Аянѣ остался только управляющій факторіею россійско-американской компаніи; командиръ порта и всѣ власти, по распоряженію правительства, выѣхали оттуда, чтобы лишить французовъ и англичанъ всякаго предлога къ нападенію на этотъ портъ; но американцы съ двухъ китоловныхъ судовъ, по сообщенію Гейне, воспользовались такимъ беззащитнымъ состояніемъ города и обобрали, на сколько могли, всѣ дома въ Аянѣ, оставленные выѣхавшими изъ этого порта прежними ихъ обитателями.

Мы пробыли уже три дня въ Аянѣ и намѣревались выйдти изъ него по направленію къ Амуру, какъ въ самый день отъѣзда на палубѣ вдругъ раздался крикъ, что въ заливѣ появились киты. Немедленно со всѣхъ китоловныхъ судовъ были спущены на воду ялботы и закипѣла работа. Въ заливѣ въ это время оставалось не менѣе семи американскихъ китолововъ, изъ которыхъ на каждомъ было по четыре ялбота. Интересно было смотрѣть съ какими уловками самцы и самки прогоняли молодыхъ китовъ въ мелкія мѣста моря, чтобы тамъ ненарушимо питаться свойственною имъ пищею, между тѣмъ какъ взрослые киты, вынужденные

оставаться на глубокихъ мѣстахъ, плавали въ разныя стороны вблизи входа въ заливъ, гдѣ они или ныряли подъ стоявшія на якорѣ суда или совершенно неподвижно, какъ бы наслаждаясь сномъ, лежали на поверхности моря, а затѣмъ, подобно куску свинца, вертикально погружались въ глубину и такимъ образомъ удалялись отъ приближавшагося къ нимъ ялбота, именно въ тотъ моментъ, когда онъ настолько приближался къ животному, что гарпунщикъ приготовлялся уже бросить свое смертоносное орудіе въ кита. На мелкой водѣ видны были около дюжины молодыхъ китовъ и большое число рыбъ, сѣверныхъ каперовъ, между тѣмъ какъ около пятнадцати взрослыхъ китовъ, самокъ и самцевъ, плавали въ разныхъ частяхъ рейда, имѣя за собою по одному и даже по два ялбота, которые старались по возможности неишумными движеніями заслонить имъ дорогу съ рейда. Такъ какъ Аянскій заливъ не великъ, море было совершенно спокойно, а погода ясная и солнечная, то мы могли хорошо слѣдить



Аянскій заливъ и портъ.

за всѣми движеніями китовъ, какъ подъ водою, такъ и надъ нею и нельзя было не удивляться ихъ уловкамъ, при помощи которыхъ они неоднократно избѣгали опасности. Своими быстрыми, неожиданными поворотами, киты часто напоминали движенія лисицы, когда ее преслѣдуетъ охотникъ. Особенно обратилъ на себя мое вниманіе старый китъ съ сѣрою спиною, который, тихо уплывая отъ преслѣдовавшаго его ялбота, внезапно кувыркомъ погрузился на глубину, не произведя никакого движенія на поверхности воды и затѣмъ, черезъ нѣсколько минутъ, вновь появился наружу, но уже въ трехъ-стахъ или четырехъ-стахъ шагахъ позади слѣдовавшей за нимъ лодки. Во всякомъ случаѣ, къ этому нелегкому повороту принудили кита два ялбота, которые приближались къ нему каждый съ особой стороны. Когда его тѣло вновь появилось на поверхности воды, то къ нему направились на веслахъ три ялбота, которые, повидимому, обратили на него свое особенное вниманіе; но не успѣли они при-

близиться къ нему нѣсколько болѣе, какъ его туловище, которое до того спокойно и безъ движенія колыхалось на поверхности моря, вдругъ сдѣлалось тяжело подобно свинцу и китъ вертикально погрузился въ глубину, оставивъ на поверхности воды нѣсколько волнистыхъ струекъ. Китъ опустился въ воду въ глазахъ своихъ преслѣдователей, подобно пушечному ядру, упавшему въ море, и когда онъ вновь показался на водѣ, то уже былъ подлѣ молодыхъ китовъ и сѣверныхъ каперовъ, болѣе чѣмъ въ половинѣ мили отъ мѣста своего погруженія. Но рулевые ялботовъ, разсчитавшіе съ необыкновенною точностью его подводный путь, до того съ увѣренностію его переслѣдовали, что они очутились на своихъ лодкахъ невдалекѣ отъ того мѣста, гдѣ онъ вновь очутился въ неподвижномъ положеніи на поверхности моря, выпустивъ передъ тѣмъ изъ своихъ дыхалъ, какъ изъ паровой машины, столбъ водяного тумана. Погоня за китами со стороны пятнадцати или двадцати ялботовъ продолжалась около часа безъ всякаго результата, какъ вдругъ старый китъ съ сѣрою спиною, вновь остававшійся долгое время подъ водою, на этотъ разъ не вѣрно разсчиталъ свой выходъ на ее поверхность и вынырнулъ какъ разъ передъ однимъ ялботомъ, такъ что прежде чѣмъ онъ успѣлъ опознать опасность своего положенія, гарпунъ уже сидѣлъ въ его тѣлѣ. Въ этотъ моментъ китъ выпрыгнулъ всѣмъ своимъ туловищемъ изъ воды, такъ что нѣсколько секундъ все его огромное тѣло какъ бы висѣло въ воздухѣ; затѣмъ онъ упалъ въ воду съ страшнымъ шумомъ, который раздался по всему рейду и произвелъ въ слѣдствіе того такое волненіе, что ялботъ на немъ бросало во всѣ стороны, какъ будто бы онъ находился въ сильную бурю въ открытомъ морѣ. «Всѣ назадъ»! закричалъ рулевой, и скомандовалъ во время, потому что китъ упалъ въ воду въ нѣсколькихъ футахъ отъ ялбота и затѣмъ необыкновенно быстро поплылъ къ глубокому морю. Съ ялбота сначала вытравили веревку, затѣмъ стали ее медленно выбирать и тогда уже китоловы послѣдовали за нимъ слѣдомъ по его пѣнившемуся фарватеру, направляя ялботъ могучимъ весломъ рулеваго за движеніемъ кита. Въ началѣ ялботъ несся съ быстротою тридцати миль въ часъ сквозь воду и часто скрывался въ волнахъ, но не поднимался на волны, а разсѣкалъ ихъ съ пѣною по бокамъ, какъ будто бы его велъ на буксирѣ небольшой пароходъ. Три ялбота съ того же китоловнаго судна, къ которому принадлежалъ и ялботъ, несшійся за китомъ, спѣшили къ мѣсту битвы съ нимъ, чтобы также принять въ ней участіе, между тѣмъ какъ другіе киты, какъ бы понявшіе несчастіе, постигшее ихъ стараго сотоварища, плавали въ большомъ безпорядкѣ одинъ передъ другимъ и прежде чѣмъ они опомнились отъ наведеннаго на нихъ страха, одинъ изъ нихъ выскочилъ изъ воды, затѣмъ шлепнулся плашмя въ воду и быстро пустился въ море съ гарпуномъ въ боку, унося съ собою легкій ялботъ. Такимъ образомъ съ двухъ ялботовъ попали въ китовъ; около шести ялботовъ старались загородить дорогу другимъ китамъ, или при случаѣ всадить по другому гарпуну въ тѣхъ китовъ, которые, уже получили по одному, особенно если первый выпадетъ. Китъ съ сѣрою спиною, очнувшійся вновь отъ постигшей его бѣды, повидимому, собрался со всѣми силами, для избѣжанія новаго бѣдствія и по временамъ выкидывалъ на поверхности воды забавныя движенія, чтобы какъ бы показать, что онъ не упалъ духомъ. Проплывъ нѣсколько миль по направленію къ морю, онъ вновь возвратился почти на полмили къ тому самому мѣсту, гдѣ въ него всаженъ былъ первый гарпунъ. Другой китъ съ быстротою молніи унесъ съ собою ялботъ къ сѣверному мысу Аянскаго рейда и такимъ образомъ совершенно скрылся изъ вида. Китъ съ сѣрою спиною, рѣшительнымъ порывомъ, быстрымъ развитіемъ сбереженныхъ до того силъ, повернулъ назадъ и понесся по совершенно противоположному направленію, но рулевой ялбота во время усмотрѣлъ это движеніе кита и могучимъ ударомъ весла повернулъ свою лодку въ моментъ наибольшаго напряженія веревки, такъ что вновь началась прежняя бѣшеная гонка. Длинный рифъ находился на прямомъ пути кита, который, какъ бы потерявъ сознаніе, несся на камни. Онъ былъ уже такъ близокъ къ рифу, что ему предстояло или сдѣлать крутой, прямо-

угольный поворотъ въ сторону или разбить свой черепъ о скалы. Еще во время онъ рѣшился на этотъ поворотъ и понесся далѣе скорѣе прежняго. Въ это время, когда его голова одно время находилась надъ водою и онъ несся мимо одного ялбота, находившагося въ засадѣ, гарпунщикъ послѣдней лодки бросилъ второй гарпунъ въ кита. Гарпунъ, брошенный сильною, ловкою рукою, скользнулъ однако только по головѣ животнаго и гарпунщикъ съ видимымъ неудовольствіемъ сталъ вытаскивать изъ воды свое орудіе. Неожиданное новое нападеніе привело кита въ бѣшеную ярость. Отскочивъ съ необыкновенною силою отъ рифа, китъ этимъ движеніемъ вырвалъ изъ своего тѣла первый гарпунъ и понесся впередъ съ такою необыкновенною быстротою, оставляя за собою кровяную полосу, что всякая мысль о его преслѣдованіи оказалась невозможною. Китъ спасся и ушелъ изъ Аянскаго залива въ море. Раны, нанесенныя гарпунами киту, обыкновенно не заживаютъ и разъѣдаются соленою водою моря до того, что смерть не заставляетъ ждать себя и китъ въ видѣ трупа выбрасывается на берегъ.

Сивучи (морскіе львы) водятся также въ Охотскомъ морѣ, такъ что не только одна изъ группъ скалистыхъ утесовъ, лежащая къ западу отъ Шантарскихъ острововъ, получила отъ сивучей названіе Сивучаго острова, но и материковый мысъ, находящійся между Охотскомъ и Аяномъ. На почти недоступномъ скалистомъ островѣ св. Іоны, лежащемъ на Охотскомъ морѣ вдалекѣ отъ береговъ, должно быть множество сивучей, потому что когда проѣзжали мимо его, то былъ слышенъ громкій ихъ ревъ. Этотъ ревъ или мычаніе необыкновенно силенъ; на морѣ, при безвѣтріи или во время береговаго вѣтра, ревъ этотъ слышенъ въ шести миляхъ (въ десяти верстахъ). Во время сходки сивучи выходятъ на берегъ и въ это время безъ боязни нападаютъ на каждаго, кто къ нимъ приблизится, между тѣмъ какъ въ другое время, при появленіи человѣка, поспѣшно скрываются въ море. Самцы бываютъ величиною съ быка, а самки немного менѣе. Во время сходки самцы ведутъ упорную борьбу между собою изъ за самокъ. Самцы дерутся между собою съ такимъ ожесточеніемъ, что кровь брызжетъ, вырываемые куски жира летаютъ по воздуху и нерѣдко одинъ изъ бойцевъ падаетъ мертвымъ. Хотя сивучи очень неповоротливы на землѣ, но иногда имъ удается сдѣлать скачекъ шаговъ на десять и тогда они убиваютъ человѣка, на котораго наскочили такимъ способомъ. Мясо молодыхъ сивучей не только туземцы, но и тамошніе русскіе считаютъ лакомствомъ. Крикъ молодыхъ сивучей походитъ на блеяніе овецъ. Въ отчетѣ россійско-американской компаніи за 1851 годъ сказано, что, вслѣдствіе землетрясеній и вулканическихъ изверженій пепла, сивучи и морскіе котики покинули Курильскій островъ Урупъ.

Въ Охотскомъ морѣ попадаются также единороги или нарваны (Monod monoavos) и моржи (Trichecus Rosmarus). Моржи преимущественно встрѣчаются у скалистыхъ береговъ. Они питаются водорослями и береговыми моллюсками (Mya fruncafa и Saxicava rugosa), которыхъ они чрезвычайно искусно вылупливаютъ изъ раковинъ. Моржи теперь рѣже появляются въ Охотскомъ морѣ, равно и въ другихъ мѣстахъ, гдѣ они прежде водились въ большомъ количествѣ, какъ въ слѣдствіе ихъ страшнаго истребленія, для добычи клыковъ (моржевой кости), такъ и въ слѣдствіе того обстоятельства, что моржи кормятъ своихъ дѣтей въ теченіе двухъ лѣтъ (во все это время въ ихъ желудкѣ находили одно молоко). Какъ скоро убыль моржей однажды началась, упомянутыя обстоятельства должны только ускорить уменьшеніе ихъ количества. Въ началѣ семнадцатаго столѣтія, какъ это видно изъ историческихъ актовъ, моржи водились въ большомъ количествѣ даже и въ сѣверной половинѣ Охотскаго моря. Въ этомъ водномъ бассейнѣ морскіе бобры не водятся, потому что они принадлежатъ къ числу такихъ животныхъ, которыя встрѣчаются только въ прибрежныхъ частяхъ открытаго океана. Потому и на Курильскихъ островахъ морскіе бобры живутъ только при восточномъ ихъ берегѣ, обращенномъ къ Восточному океану, а при берегахъ, обращенныхъ къ Охотскому морю или вовсе не водятся или остаются въ тамошнихъ водахъ очень недолгое время. Въ прежнія времена морскіе бобры водились во множествѣ на Курильскихъ островахъ. Въ отчетѣ россійско-американской ком-

паніи за 1845 годъ сказано, что ея правленіе распорядилось беречь морскаго бобра на Курильскомъ островѣ Урупѣ, а въ отчетѣ за 1846 г. объявлено, что въ этомъ году на означенномъ островѣ, въ слѣдствіе упомянутой благоразумной мѣры, оказалось столько морскихъ бобровъ, что для ловли ихъ были туда переселены алеуты съ американскихъ островов компаніи.

Къ воднымъ богатствамъ Охотскаго моря принадлежитъ въ особенности рыба. Изъ Тихаго океана чрезъ это море рыба является метать икру въ рѣки, впадающія въ Охотское море, въ несмѣтномъ количествѣ. Весьма немногія рѣки, какъ на сибирскомъ, такъ и на камчатскомъ берегу этого моря представляютъ въ этомъ отношеніи исключеніе. Главное мѣсто среди разныхъ породъ рыбъ, являющихся въ эти рѣки, принадлежитъ лососьему роду, какъ по количеству, такъ и по продолжительности лова. Постепенность когда рыба бываетъ слѣдующая: къ концу мая (не позже 21-го числа) направляется изъ рѣкъ въ море мальма или гольцы. Эта рыба въ это время бываетъ не болѣе полъ аршина величины. Ходъ мальмы постепенно увеличивается по количеству, но не по величинѣ ея и къ половинѣ іюня почти совершенно прекращается. Въ половинѣ іюня (не позже однако 17 числа) изъ моря показывается идущая рыба нярка (лососьяго рода) отличнаго вкуса, но слишкомъ жирная; по большой части нярка проходитъ въ рѣки быстро; медленный же ея ходъ предзнаменуетъ быстрый ходъ коренной рыбы на сибирскомъ берегу Охотскаго моря, именно кеты (то же родъ лосося). При быстромъ ходѣ кеты она является въ рѣки въ такомъ несмѣтномъ количествѣ, что не видавшій на самомъ дѣлѣ этого множества, трудно ему повѣритъ. Во время хода по рѣкамъ, противъ теченія, кетъ, встрѣчая отмель, передъ которою передній строй рыбы долженъ невольно остановиться, лѣзетъ одна на другую до того, что спины верхняго ряда виднѣются сверхъ воды, которую рыба какъ бы выметаетъ собою. Изнурившись при такомъ скопленіи, кетъ погибаетъ тысячами, а потому и выкидывается на берегъ или гніетъ въ узкихъ мѣстахъ рѣкъ и на отмеляхъ и дѣлается добычею медвѣдей и собакъ, которыхъ при гніеніи привлекаетъ своимъ запахомъ. Вмѣстѣ съ кетою возвращается съ моря и мальма, но въ это время она бываетъ уже величиною съ кету. Послѣ кеты и мальмы появляется горбуша (также лососьяго рода), менѣе кеты. Она названа такъ потому, что у ней на спинѣ, отъ половины всей ея длины, къ головѣ, находится возвышеніе. Послѣ горбуши идутъ ломки (также лосось), отличающіяся отъ нярки только тѣмъ, что онѣ не такъ жирны; наружнымъ видомъ эти обѣ рыбы вполнѣ сходны. Мальма, горбуша и ломки перестаютъ наконецъ идти съ моря въ рѣки, или ловятся уже какъ рѣдкость, но кета не прекращаетъ хода своего до самыхъ заморозковъ. Есть еще рыба кунжа, но она, при общемъ ходѣ упомянутыхъ рыбъ, вовсе не попадается и одни предполагаютъ, что она проходитъ подъ льдомъ, другіе же считаютъ ее исключительно рѣчною рыбою, такъ какъ она ловится только въ прѣсной водѣ въ рѣкахъ. По величинѣ самыя большія изъ нихъ бываютъ въ полтора аршина; видомъ, чешуею и вкусомъ кунжа ближе всего подходитъ къ щукѣ. Въ рѣкахъ, въ прѣсной водѣ, въ Охотскомъ краѣ ловятъ также харюзовъ и вальковъ. Харюзы вкусомъ походятъ на форелей, а вальки несравненно пріятнѣе, но тѣло ихъ такъ нѣжно, что выпотрошенная, но не просоленная, рыба не можетъ пролежать болѣе 10—12 часовъ, потому что тѣло ея совершенно распадается и не годится болѣе въ пищу. Въ рѣкѣ Большой, впадающей въ Охотское море, на камчатскомъ берегу самою цѣнною рыбою, также являющеюся въ рѣку въ значительномъ количествѣ, считается рыба чевичъ, родъ лосося. Въ самомъ Охотскомъ морѣ водятся камбала, треска, налимъ, угри, морскіе бычки, палтусы. На берега этого моря весною, послѣ бурь, выкидается много мелкой рыбы, называемой улка (Salmo socialis). Тунгусы не только не промышляютъ налимовъ, палтусовъ, камбалу и бычковъ, но если которая либо изъ этихъ рыбъ попадаетъ въ сѣть, то выкидываютъ ихъ съ бранью, почитая налима водяною змѣею, а бычка водянымъ чортомъ. На сибирскомъ берегу Охотскаго моря ловятъ также во множествѣ шримсовъ (маленькихъ морскихъ раковъ безъ клешней); много также большихъ круглыхъ морскихъ раковъ (крабовъ).

Когда начнется ходъ рыбы коренной, тогда тунгусы и другіе прибрежные жители приступаютъ къ заготовкѣ ея на зиму, въ видѣ пищи и корма для себя и для собакъ, а также приготовляютъ юколу и порсу для промѣна прикочевывающимъ къ нимъ оленнымъ тунгусамъ. Пойманную рыбу тунгуски чистятъ, распластываютъ и надѣваютъ на тонкія жерди, положенныя на вѣшалкахъ, на которыхъ рыба и остается до того времени, пока не высохнетъ хорошо, а для этого достаточно совершенно ясныхъ четырехъ или пяти дней. Высохшую рыбу тунгусы, снявъ съ жердей, складываютъ въ амбары. Юколу же (сушеную на открытомъ воздухѣ), сдѣланную изъ жирной нярки, развѣшиваютъ въ другихъ амбарахъ на жерди, и разведя подъ ними огонь, поддерживаютъ его въ такомъ состояніи, чтобы онъ производилъ болѣе дыма. Дрова для такого копченія употребляются тополевыя, но притомъ бросаютъ въ огонь сучья кедровника или кустарнаго кедра. Ароматическій дымъ отъ тополевыхъ дровъ и кедровника придаетъ юколѣ отлично-пріятный вкусъ, совершенно похожій на вкусъ ветчины, прокопченной можжевельникомъ. Большія жары лѣтомъ вредны для приготовляемой юколы, потому что на ней, отъ налѣтающихъ во множествѣ мухъ, заводятся черви, поѣдающіе тѣло рыбы, и, если ихъ не выкурить, то черви оставляютъ часто одну лишь рыбью кожу. Для отогнанія мухъ и для умерщвленія заводящихся червей, подъ рыбой, повѣшенной на жердяхъ для сушенія, и разводятъ огонь, который, какъ сказано, производитъ болѣе дыма, нежели жара; этотъ дымъ отгоняетъ мухъ и умерщвляетъ червей, а жаръ, хотя и не большой, сушитъ рыбу. Для приготовленія порсы, или рыбьяго порошка, просушиваютъ юколу гораздо долѣе, и когда она готова, то, отдѣливъ мясо отъ кожи, растираютъ его руками сколь возможно мельче, или толкутъ въ деревянныхъ корытахъ деревяннымъ пестомъ. Порсу стараются сохранить въ сухомъ мѣстѣ; ее ссыпаютъ въ мѣшки, сшитые изъ рыбьей кожи, и подвѣшиваютъ ихъ къ потолкамъ барабары (своего жилища) вблизи чуваловъ (очаговъ). Порса, для перевозки въ дорогахъ, — неоцѣнимая пища, потому что, занимая мало мѣста, не портится ни отъ мороза, ни отъ жара; горсть порсы, положенной на три, четыре бутылки кипятку, съ прибавленіемъ самой малости муки и соли, даетъ весьма пріятную и питательную похлебку. Осенью, когда начинаются холода, тунгусы поднимаются въ своихъ лодкахъ вверхъ по рѣкамъ и тамъ, вырывая на берегу не очень глубокія ямы (сайбы), кладутъ въ нихъ промышляемую рыбу кету цѣлою, не потроша ея. Такимъ образомъ припасаемая рыба называется аргызъ. Если холодъ постепенно увеличивается, то онъ охватя рыбу, замораживаетъ ее и сохраняетъ совершенно свѣжею; такая рыба весьма пригодна для употребленія въ пищу. Впрочемъ тунгусы съ особеннымъ аппетитомъ употребляютъ и такой аргызъ, который уже загнилъ. Для корма собакъ, въ особенности рабочихъ, аргызъ гораздо питательнѣе юколы и качемаза. Подъ именемъ качемаза приготовляется осенью же рыба, которую, выпотрошивъ и распластавъ, вѣшаютъ на вѣшалахъ, и она не столько уже высыхаетъ, сколько замерзаетъ. Такая рыба также пригодна для варенія. Въ это же время тунгусы приготовляютъ юколу изъ кунжи, которая очень вкусна, если при осеннихъ холодахъ, солнце сушитъ отчасти рыбу своею теплотою. Солить рыбу у тунгусовъ вовсе не въ обычаѣ, сколько по нерасположенію ихъ къ употребленію соли вообще, столько же по трудности доставать ее.

Можно предположить, что каменистое свойство рѣкъ, впадающихъ въ Охотское море, составляетъ одно изъ условій, которое заманиваетъ рыбу въ такомъ огромномъ количествѣ изъ морской воды въ прѣсную.

Что касается до животныхъ, обитающихъ на сушѣ въ окрестностяхъ Охотскаго моря, то въ числѣ ихъ встрѣчается около 44 видовъ млекопитающихъ, 157 видовъ птицъ и 4 амфибіи. Нѣкоторыя изъ птицъ, живущихъ на сушѣ вдоль прибрежья Охотскаго моря, менѣе европейскихъ птицъ, принадлежащихъ съ ними къ однимъ видамъ. Моллюски же и другія нисшія животныя, водящіяся на прибрежьѣ Охотскаго моря, рядомъ съ этими птицами, не отличаются отъ тѣхъ, которыя живутъ въ сѣверной Европѣ, если они тождественны съ

ними въ видовомъ отношеніи. Но тутъ же водится величайшій орелъ всего свѣта (беринговъ), о которомъ уже было сказано и мѣсто нахожденіе котораго совпадаетъ съ мѣстомъ пребыванія вышеупомянутыхъ меньшихъ птицъ на прибрежьяхъ Охотскаго моря. Нѣкоторые естествоиспытатели предполагали объяснить меньшій ростъ птицъ, живущихъ на прибрежьѣ этого моря, сплошною гористою природою Охотскаго края. Такое же уменьшающее вліяніе дѣйствительно отзывается на нѣкоторыхъ видахъ птицъ и на другихъ сибирскихъ хребтахъ, но это объясненіе не выдерживаетъ строгой критики, потому что тѣ самыя животныя, которыми въ Европѣ доказывали законъ вліянія горъ на уменьшеніе роста, въ сибирскихъ горахъ именно являются необыкновенно рослыми животными, напримѣръ, медвѣди на сибирскихъ хребтахъ, бѣлки въ байкальскихъ горахъ, олени и лани на алтайскихъ, саянскихъ и становыхъ горахъ. Сѣверный олень въ горахъ болѣе ростомъ, чѣмъ въ сѣверныхъ тундрахъ. Можетъ быть пища и родъ жизни имѣютъ въ этомъ отношеніи значительное вліяніе на ростъ животнаго. Огромной ростъ морскихъ млекопитающихъ въ Охотскомъ морѣ и въ другихъ сѣверныхъ водяныхъ бассейнахъ, напримѣръ, китовъ, дельфиновъ, тюленей, моржей, представляющихъ собою огромныя, невѣроятныя почти, плавучія массы жира, объясняется почти исключительно большимъ изобиліемъ пищи, находимой этими животными въ означенныхъ краяхъ. Обильная, здоровая, своевременно и спокойно съѣдаемая пища имѣетъ главное значеніе при увеличеніи роста домашнихъ животныхъ въ скотоводствѣ. Почти тѣ же условія должны имѣть свое преимущественное вліяніе и на дикихъ животныхъ. Колоссальные медвѣди, встрѣчаемые на берегахъ Охотскаго моря и на Шантарскихъ островахъ, обязаны, вѣроятно, своимъ ростомъ обильнымъ морскимъ изверженіямъ, въ родѣ мертвыхъ китовъ, тюленей, дельфиновъ и въ особенности жирной рыбной пищѣ, которая имъ дается въ страшномъ изобиліи при періодическихъ переселеніяхъ рыбъ изъ моря въ рѣки. Путешественники заставали медвѣдей на берегахъ рѣкъ въ Охотскомъ краѣ и въ Камчаткѣ во время ловли ими рыбы, во множествѣ плывшей вверхъ по теченію. Если бы удалось, напримѣръ, доказать, что исполинская беринговая разновидность бураго медвѣдя, найденная на Амурѣ Шренкомъ, простирается вверхъ по рѣкѣ не далѣе того мѣста, до котораго простираются переходы лососей въ несмѣтномъ количествѣ, то объясненіе вліянія жирной рыбной пищи на ростъ заслуживало бы серьезнаго вниманія. Въ этомъ отношеніи имѣются и другаго рода факты, а именно, что рыбаки, занимающіеся этимъ ремесломъ изъ рода въ родъ, бываютъ большаго роста и что всѣ чухны, живущіе въ мѣстахъ улова и сбыта салакуши по берегамъ нашего прибалтійскаго края, рослѣе чухонъ, живущихъ внутри края и лишенныхъ этой пищи.

Охотское прибрежье отличается обиліемъ птицъ, водныхъ, болотистыхъ, лѣсныхъ. Весною прилетаютъ во множествѣ лебеди, гуси, утки, журавли. Журавли остаются въ Охотскомъ краѣ не долго, лебеди нѣсколько долѣе, гуси и утки остаются на все лѣто и выводятъ молодыхъ. На зиму гуси, утки и даже лебеди остаются только въ тѣхъ мѣстностяхъ, гдѣ есть горячіе ключи, напримѣръ вблизи рѣки Нодгана, которые не замерзаютъ даже въ сильные морозы, равно какъ и окружающая ихъ полоса земли. Въ морѣ, около береговъ водятся также въ несмѣтномъ числѣ гагары, турпаны, гангачи и другія водяныя птицы. Обиліе рыбы въ рѣкахъ и въ морѣ привлекаетъ много разныхъ породъ чаекъ и морскихъ птицъ. На комкахъ (прибрежныхъ косахъ) бѣгаютъ стаями кулики, называемые пѣтушками, и другія болотныя птицы. Дичи, лѣсныхъ птицъ, также крайне много, а именно глухарей, тетеревей, вальдшнеповъ, куропатокъ, рябчиковъ. Всѣ онѣ отличаются вкуснымъ мясомъ, особенно же рябчики, питающіеся кедровыми орѣхами.

Еще въ 1806 году Редовскій сообщалъ, что около Охотска водятся змѣи, но позднѣйшія свѣдѣнія стали опровергать эти наблюденія. Между тѣмъ Миддендорфъ въ 1844 году нашелъ одного гадюка на Алданскомъ хребтѣ, а другаго на большомъ Шантарскомъ островѣ. По этому змѣи должны тамъ водиться, особенно на южномъ прибрежьѣ Охотскаго моря. Лягушки

встрѣчаются почти повсемѣстно на его берегахъ. Прибрежье Охотскаго моря отличается также необыкновеннымъ обиліемъ москитовъ или комаровъ (Culex pipiens), какъ въ сѣверной его части, такъ и въ южной. Такъ въ Гижигѣ, по описанію Кенана—москитъ, бичъ сѣвернаго лѣта, поднимается изъ сыраго мха низменностей и пронзительно трубитъ, чтобы дать, такъ сказать, знать всему живущему о своемъ воскрешеніи. Чрезъ три или четыре дня, если погода стоитъ тихая и теплая, вся атмосфера буквально наполняется тучами москитовъ и съ этой поры до 10-го августа они преслѣдуютъ все живущее съ кровожадностью, не знающею ни усталости, ни состраданія. Избавленіе невозможно и защита безполезна: они всюду преслѣдуютъ свои жертвы и съ неутомимою настойчивостью превозмогаютъ всѣ препятствія, которыя человѣческая изобрѣтательность ставитъ на ихъ пути. Самый густой дымъ не пугаетъ ихъ; всякую защиту, воздвигнутую противъ нихъ, они избѣгаютъ или берутъ приступомъ. Напрасно носить на головахъ газовыя вуали и укрываться на ночь подъ коленкоровые или полотняные пологи. Количество москитовъ такъ велико, что рано или поздно нѣкоторые изъ нихъ находятъ незащищенное отверстіе и нападаютъ со свѣжими силами на человѣка, когда онъ считалъ себя уже въ полной безопасности. Ни въ одной тропической странѣ они не появляются въ такомъ изобиліи какъ въ Сибири въ іюнѣ, особенно на берегахъ Охотскаго моря. По ихъ милости большая сѣверная тундра остается мѣстами совершенно необитаема и даже покрытый шерстью олень принужденъ искать защиты отъ нихъ въ болѣе холодномъ горномъ климатѣ. Въ русскихъ поселеніяхъ москиты мучаютъ собакъ и скотину до тѣхъ поръ, что она приходитъ въ совершенную ярость и отчаянно борется за мѣсто въ дыму у костра. Гумбольдтъ, Земанъ, Палласъ находили страданія отъ сибирскихъ москитовъ невыносимыми, а первые двое утверждаютъ, что подъ тропиками они сноснѣе, чѣмъ въ Сибири. Москиты составляютъ главную причину переходовъ въ этомъ краѣ сѣверныхъ оленей и красной дичи. Миддендорфъ нашелъ, что только среди льда, окружавшаго его въ Охотскомъ морѣ, и на небольшихъ островныхъ его утесахъ онъ избавлялся отъ москитовъ. На большомъ Шантарскомъ островѣ онъ подвергся невыносимымъ мученіямъ отъ москитовъ лишь только покинулъ непосредственно прибрежную полосу. Только стужа, вѣтеръ, близость моря въ состояніи охранить человѣка и животное отъ москитовъ. Морской вѣтеръ у Охотскаго моря, который каждую ночь въ половинѣ лѣта дулъ съ ледяной стороны внутрь материка отгонялъ москитовъ и былъ истинною отрадою для путешественниковъ. Въ Сибири нѣкоторые вѣшаютъ себѣ за шею на плечо горшокъ съ тлѣющею древесною гнилью, для отогнанія москитовъ, комаровъ. Остяки и камчадалки залѣпляютъ себѣ лицо нѣжною кожицею брюшины различныхъ животныхъ. Миддендорфъ, въ путешествіи по сибирской тундрѣ, покрывалъ себя съ головы до ногъ мохомъ и тѣмъ спасался отъ комаровъ. Говорятъ, что индѣйцы зарываются въ песокъ, чтобы спастись отъ москитовъ. Но какъ только истекаетъ первая половина лѣта и начинаетъ уменьшаться количество комаровъ или москитовъ на Охотскомъ морѣ, то наступаетъ едва ли не худшая пора страданій отъ мошекъ (Sinis liun vestans), продолжающаяся до осеннихъ заморозковъ. Такъ на южномъ берегу Охотскаго моря, по словамъ Миддендорфа, комары пропали когда 21 сентября ночью морозъ дошелъ до 7 градусовъ, но 24-го сентября одинъ комаръ всетаки ужалилъ Миддендорфа, а 2-го октября, по случаю хорошаго осенняго дня, мошки опять лѣзли въ носъ, глаза, уши. У вьючныхъ животныхъ, бывшихъ съ Миддендорфомъ на южномъ берегу Охотскаго моря, сильно страдавшихъ отъ мошекъ, глаза сначала слезились и гноились, а потомъ совершенно запухли. Комары и ихъ личинки, равно какъ и моллюски, вмѣстѣ съ ними населяющіе стоячія воды, служатъ пищею голенастымъ птицамъ и другихъ насѣкомыхъ. Обиліе такой пищи въ Охотскомъ краѣ и привлекаетъ во множествѣ этихъ птицъ.

Изъ пушныхъ звѣрей въ Охотскомъ краѣ преимущественно промышляютъ соболей, лисицъ, выдръ, россомахъ, медвѣдей, бѣлокъ, горностаевъ, бурундуковъ. Количество соболей въ мѣст-

ности около Охотскаго моря съ каждымъ годомъ уменьшается подобно тому, какъ и въ другихъ мѣстностяхъ Сибири, въ слѣдствіе ихъ безпощаднаго преслѣдованія охотниками. Въ 1558 году ясакъ съ инородцевъ Сибири доходилъ до 18640 соболей; по актамъ археологической коммиссіи въ 1674 году въ Москву поступило изъ восточной Сибири болѣе 8,000 соболей въ видѣ ясака. Но сколько уходило торговыми и тайными путями. Казацкій унтеръофицеръ, командовавшій прежде въ Удскомъ острогѣ, сообщилъ навеселѣ Миддендорфу, что, включая собственную ловлю и подарки, онъ ежегодно добывалъ до 400 соболей. Въ 1844 г. чрезъ Учурскую ярмарку отправлено было въ Якутскъ до 3,000, а въ 1849 году до 4,000 соболей, добытыхъ изъ всѣхъ мѣстностей, лежащихъ къ югу оттуда на Становомъ хребтѣ, въ томъ числѣ и въ Охотскомъ прибрежьѣ. На рѣкѣ Маѣ уже въ 1844 году не было соболей. Въ этомъ краѣ, въ 1844 году Миддендорфъ встрѣтилъ самую богатую соболями мѣстность въ Буруканѣ, у верхняго Тугура. За двадцать лѣтъ до того, какъ ему разсказывали, хорошій охотникъ въ благопріятную зиму убивалъ до сотни соболей. Въ 1844 году такая добыча считалась уже немыслимою и сорокъ-пятьдесятъ соболей считались особымъ счастіемъ, а добыча двадцати-тридцати называлась чрезвычайно удачною охотою. Одинъ изъ охотниковъ, бывшій тамъ лѣтъ за десять до 1844 г., убилъ въ одинъ годъ 76 соболей, а затѣмъ добывалъ не болѣе шести или семи и никакъ не свыше тринадцати въ годъ. По правдоподобнымъ даннымъ объ окрестностяхъ Удскаго острога, въ одномъ изъ послѣднихъ годовъ тридцатилѣтія нынѣшняго столѣтія, тамъ добыто было 1160 соболей, 15 рысей, 25 выдръ, 80 лисицъ, 700 бѣлокъ, 15 медвѣдей, 320 лосей, 240 сѣверныхъ оленей; 3,700 штукъ кабарги, 730 струй кабарги и 26,850 рыбъ. Это былъ по общему мнѣнію хорошій годъ. Такъ какъ въ 1825 году на учурской ярмаркѣ собрано было около 11,000 соболей, то видно какъ количество ихъ, постоянно уменьшаясь, дошло въ сороковыхъ годахъ до четвертой части. Съ тѣхъ поръ до семидесятыхъ годовъ количество добываемыхъ соболей, какъ кажется, держится около одного числа, уменьшаясь, или увеличиваясь немного, смотря по обстоятельствамъ, благопріятствующимъ или ухудшающимъ этотъ промыселъ. Самые лучшіе горные соболи водятся на Олекминскомъ и Дзейскомъ горныхъ хребтахъ, а далѣе къ востоку, по направленію къ морю доброта соболей быстро измѣняется къ худшему. Въ Сибири замѣчено, что гдѣ водятся самыя темноцвѣтныя бѣлки, тамъ въ то же время встрѣчаются самые темные и дорогіе соболи, какъ извѣстно питающіеся бѣлками. Темный же цвѣтъ бѣлокъ приписывается обильному питанію маслянистыми кедровыми орѣхами. Слѣдовательно по этому надобно заключать, что масло кедровыхъ орѣховъ, превратившись у бѣлки въ жиръ, проникаетъ и въ мѣхъ соболя? Какъ извѣстно бѣлки въ горахъ бываютъ постоянно чернаго цвѣта, а въ долинахъ сѣраго. Сверхъ того въ Сибири черныя бѣлки дѣйствительно почти совпадаютъ съ предѣлами распространенія кедра, особенно же преобладаютъ въ Восточной Сибири, гдѣ на вершинахъ горъ, кромѣ обыкновеннаго кедра, растетъ еще и кедровый сланецъ. Радде, въ своемъ путешествіи по юговосточной Сибири, положительно утверждаетъ о связи темнаго бѣличьяго цвѣта съ кедрами и съ большою влажностью воздуха, которая необходима для этихъ деревьевъ. Черныя бѣлки встрѣчаются уже съ Баунтскихъ горъ. Въ Забайкальѣ синеватосѣрыя, темныя, длинноволосыя бѣлки исключительно также встрѣчаются на самыхъ высокихъ горныхъ хребтахъ, поросшихъ хвойнымъ лѣсомъ. Охотскія бѣлки, извѣстныя подъ этимъ названіемъ въ торговлѣ, очень цѣнятся и прежде продавались дешевле только нерчинской и верхнеудинской бѣлки, а удскіе и учурскіе соболи только на 10 – 15% цѣнятся дешевле олекминскихъ.

По показаніямъ Сарычева, въ концѣ прошлаго столѣтія на берегахъ Охотскаго моря медвѣди стадами ходили за водорослями. Извѣстный путешественникъ Вознесенскій, отличающійся правдивостью своихъ сообщеній, видѣлъ въ недавнее время въ Камчаткѣ въ одинъ день болѣе ста медвѣдей. Это не удивительно, потому что когда лососи начинаютъ подниматься вверхъ по рѣкамъ несмѣтными стаями, медвѣди со всего горнаго хребта собираются на берегахъ рѣкъ

и рѣчекъ. Во время пребыванія Вознесенскаго въ Камчаткѣ жители одного только поселенія убили въ своей мѣстности болѣе 200 медвѣдей. Но и теперь повторяется съ медвѣдями на берегахъ Охотскаго моря почти тоже самое, что было при Сарычевѣ. Знакомыя съ краемъ лица, услышавъ въ Якутскѣ, въ 1844 году, о намѣреніи Миддендорфа посѣтить Шантарскіе острова, единогласно говорили ему: «такъ это туда, гдѣ медвѣди ходятъ стадами, какъ овцы». Этого Миддендорфъ не дождался и главною виною было, повидимому, время года. Онъ встрѣчалъ отдѣльныхъ медвѣдей; но какъ на южномъ берегу, такъ и на островахъ Охотскаго моря, куда онъ ни приходилъ, въ лѣсной-ли чащѣ, или высоко на обнаженныхъ горныхъ вершинахъ, онъ повсюду находилъ глубоко протоптанные пути, свидѣтелей самой оживленной дѣятельности. Пути эти—слѣды дикихъ звѣрей. На твердой землѣ это были медвѣжьи ходы вмѣстѣ съ ходами другихъ звѣрей, но на Шантарскихъ островахъ это были исключительно медвѣжьи пути. По словамъ Миддендорфа, безъ медвѣдей едва ли можно было пробраться человѣку чрезъ нѣкоторыя чащи лѣсистаго Охотскаго края. Медвѣди такимъ образомъ являются тамъ проводниками культуры, пролагая дороги человѣку. Эти медвѣжьи ходы направлялись или съ горнаго хребта къ морю, или преимущественно вдоль морскаго прибрежья часто на высотѣ нѣсколькихъ сотъ футовъ по скаламъ, круто спускающимся въ море. Тутъ медвѣди неутомимо бродятъ то въ одну, то въ другую сторону. Тонкое ихъ обоняніе тотчасъ даетъ имъ знать, если волны выбросили на берегъ лакомую для нихъ пищу, въ видѣ трупа кита, тюленя, или дельфина, жиромъ и мясомъ которыхъ они будутъ наслаждаться тогда цѣлыя недѣли. Медвѣди хорошо знаютъ время наступленія отлива, прокладывающаго имъ дорогу къ добычѣ. Миддендорфу случилось также видѣть какъ на берегахъ Охотскаго моря медвѣдь откапывалъ себѣ луковицы разныхъ растеній (сарены), отыскивалъ себѣ кедровые орѣхи на горахъ, а равно и ходилъ за всякими ягодами, изъ которыхъ онъ особенно любитъ морошку. Медвѣди съ бѣлымъ ошейникомъ встрѣчаются въ Сибири не часто, а медвѣди съ бѣлыми пятнами и бѣловатые попадаются тамъ во всякомъ случаѣ въ видѣ исключенія, какъ случайныя видоизмѣненія. Около Удскаго острога на одномъ тунгусѣ Миддендорфъ видѣлъ дождевой воротникъ изъ медвѣжьяго мѣха, имѣвшаго свѣтлосѣрый цвѣтъ, въ слѣдствіе желтовато-бѣлаго цвѣта кончиковъ волосъ. Миддендорфъ полагаетъ, что онъ вѣроятно былъ добытъ на одной изъ высочайшихъ горныхъ мѣстностей, возвышающихся надъ предѣлами древесной растительности. На Курильскихъ островахъ медвѣди водятся только на двухъ послѣднихъ, Итурупѣ и Кунаширѣ, ближайшихъ къ Японскимъ островамъ, съ которыхъ они вѣроятно перешли на Курильскіе острова, если только вообще они переселялись въ этой мѣстности. На другихъ Курильскихъ островахъ нѣтъ медвѣдей. Шантарскіе острова очень богаты медвѣдями. Даже на маленькомъ островѣ Эге, который короче трехъ верстъ, встрѣчались постоянно медвѣди, какъ въ 1712 году, въ первое его посѣщеніе русскими, такъ и въ 1844 году, при пріѣздѣ на него Миддендорфа.

Лисицы, какъ извѣстно, принадлежатъ къ числу тѣхъ животныхъ, мѣхъ которыхъ подверженъ значительнымъ измѣненіямъ. Къ числу наиболѣе цѣнимыхъ лисьихъ мѣховъ принадлежатъ получаемые отъ огневокъ (огнянки у Палласа и Мюллера), которыя имѣютъ свѣтлый, но съ тѣмъ вмѣстѣ и рѣзкій желтокрасный цвѣтъ. Особенно дорого цѣнятся тѣ огневки, которыя, при этомъ цвѣтѣ, отличаются тонкимъ и длиннымъ волосомъ. Въ первый разъ ихъ замѣтили на западномъ берегу сѣверной Америки. Кромѣ цвѣта волосъ особымъ отличіемъ у нихъ считали одно время болѣе короткія уши, но потомъ оказалось, что такія короткія уши найдены и у простыхъ красныхъ лисицъ западной Сибири. Огневки распространены далеко за береговыми странами восточной Сибири, такъ какъ подобный мѣхъ встрѣчается на лисицахъ не только въ Камчаткѣ, но и по всему берегу Охотскаго моря до Сахалина. Огневка водится и на Курильскихъ островахъ. Курильскій островъ Парамуширъ даже славится тѣмъ, что на немъ встрѣчаются самыя лучшія огневки. Лисицы также водятся и на Шантарскихъ островахъ. Огневка есть собственно беринговая разновидность простой лисицы и какъ у той, такъ

и у другой частью замѣчается какая то особенная способность мѣха принимать совершенно черный цвѣтъ. Чаще всего это происходитъ на брюшной сторонѣ животнаго. Лисицы самой южной Европы оказываются положительною разновидностью по черному цвѣту брюшнаго мѣха. Около Петербурга лисицы по большой части чернобрюхи. Съ верхней же стороны лисицы черный цвѣтъ является только на крайнемъ сѣверѣ, или, по крайней мѣрѣ, тамъ чаще всего. Въ Сибири къ востоку онѣ начинаютъ попадаться чаще. Рѣдкую разновидность чернобурой лисицы составляетъ такъ называемая «чалая.» Она съ перваго взгляда кажется сѣрою, потому что среди малопреобладающаго чернаго цвѣта выглядываетъ необыкновенно много бѣлыхъ, какъ плесень, волосъ; снизу такая лисица бываетъ бѣлаго цвѣта, который заходитъ высоко до шеи, въ видѣ полуошейника и даже до морды и до ногъ.

Въ Гижигинскомъ округѣ встрѣчается еще рѣчной бобръ, рѣдкое животное, уцѣлѣвшее въ наибольшемъ числѣ только въ нѣкоторыхъ мѣстахъ сѣверной Америки. Въ томъ же округѣ водятся и куницы, которыхъ нѣтъ въ другихъ мѣстахъ Охотскаго края. Рѣчная выдра составляетъ предметъ промысла какъ на берегахъ Охотскаго моря, такъ и на Курильскихъ ост-

Ѣзда на собакахъ.

ровахъ. Полосатый бурундукъ водится по всему прибрежью моря. Горностай живетъ какъ въ этой же мѣстности, такъ и на Шантарскихъ и Курильскихъ островахъ. Горная овца (дикій баранъ) водится близъ Удскаго острога, у истоковъ рѣки Ульи и сѣвернѣе, близъ Ямска.

Охотское море сдѣлалось извѣстнымъ русскимъ въ семнадцатомъ столѣтіи. Въ 1636 году завоевательная артель изъ томскихъ казаковъ по рѣкамъ Ленѣ, Алдану, Маѣ дошла до вершинъ послѣдней, перебралась чрезъ хребетъ на рѣку Улью и по ней спустилась въ Охотское море, которое названо было тогда тунгускимъ, или ламутскимъ, по имени ламутовъ, т. е. тунгусо̀въ, живущихъ однимъ рыболовствомъ; но вѣрнѣе было бы названіе моря намутскимъ, потому что по тунгуски море «намъ». Затѣмъ въ Охотское море вышелъ въ 1645 году казакъ Поярковъ, который, пробравшись на рѣку Амуръ, и, плывя по ней берегомъ, добрался до устья рѣки Ульи. Въ 1647 году Шелковниковъ спустился по рѣкѣ Маѣ до Охотскаго моря и въ трехъ верстахъ отъ впаденія въ него рѣки Охоты основалъ укрѣпленное зимовье. До 1713 года въ Камчатку русскіе проникали обыкновенно сухимъ путемъ; но въ этомъ году казакъ Соколовъ, по-

сланный въ Камчатку, прибылъ въ Охотскъ и оттуда со своею командою моремъ переправился въ Камчатку. Правительство нашло этотъ способъ сообщенія съ Камчаткою удобнѣе сухопутнаго и для перваго переѣзда по морю, еще не изслѣдованному, прислало для руководства опытныхъ мореходовъ изъ Архангельска. Съ этого времени, въ теченіи почти 150 лѣтъ, Охотскъ сохранилъ за собою значеніе единственнаго военнаго порта на тамошнемъ морѣ, чрезъ который шло снабженіе всѣми необходимыми жизненными потребностями и другими приписами Камчатки, прибрежья Охотскаго моря и даже сѣверо-американскихъ владѣній Россіи, до установленія кругосвѣтныхъ плаваній россійскою американскою компаніею. Съ первой удачной переправы Соколова съ командою въ Камчатку, сообщеніе съ ней стало происходить моремъ несмотря на частыя кораблекрушенія, краткость навигаціоннаго времени на немъ. Сравнительно съ сухопутнымъ сообщеніемъ, морское представляло въ то время многостороннія удобства. Но важнѣе всего то, что, съ открытія порта въ Охотскѣ, начались морскія экспедиціи, которыя повели къ открытію Курильскихъ острововъ и Берингова пролива между материками Азіи и Америки. Но портъ въ Охотскѣ собственно устроенъ былъ только въ 1731 году, когда былъ тамъ заложенъ и городъ. Въ немъ поселены были якутскіе казаки и учреждено управленіе новооткрытыхъ странъ, независимо отъ Якутской канцеляріи, вѣдавшей этого рода дѣла ранѣе Охотска. Для лучшаго сообщенія его съ Якутскомъ между обоими городами поселены были природные якуты и ссыльные изъ русскихъ. По указу 19-го октября 1764 года, Охотскъ съ своимъ уѣздомъ причисленъ былъ къ Иркутской губерніи, переименованной изъ провинціи, причемъ населенность города и уѣзда не была опредѣлена. Этимъ же указомъ, Екатерина Вторая переименовала Сибирь Сибирскимъ царствомъ. По указамъ 19-го января 1782 г., 2-го и 6-го марта 1783 года образована была Охотская область, отнесенная къ иркутскому намѣстничеству. Къ этой области были причислены слѣдующіе города, съ одноименными имъ уѣздами: Охотскъ, Ажигинскъ, Акланскъ, Нижнекамчатскъ. По указамъ 12-го декабря 1796 г. и 4-го марта 1797 г., то есть въ царствованіе императора Павла, Охотская область была упразднена и городъ Охотскъ вошелъ въ составъ иркутской губерніи. При новомъ раздѣленіи Сибири указомъ 22-го апрѣля 1805 года, въ Охотскѣ, оставленномъ въ Иркутской губерніи, учреждено было особое управленіе, причемъ въ первый разъ было опредѣлено число жителей какъ въ самомъ городѣ (71 человѣкъ), такъ и въ уѣздѣ (1809 душъ). При раздѣленіи Сибири на западную и восточную, по учрежденію 1822 года, приморское управленіе Охотска съ Гижигою вмѣстѣ съ Якутскою областью было оставлено при иркутской губерніи. Въ настоящее время Охотскъ, съ населеніемъ около 200 душъ, принадлежитъ къ Приморской области.

На мѣстѣ перваго своего основанія, городъ Охотскъ просуществовалъ не долго: въ 1796 году онъ былъ перенесенъ на устье рѣки Охоты. Сверхъ того невыгодныя условія порта въ этомъ мѣстѣ, небезопасность его для судовъ, еще до этого переноса, побуждали правительство искать на Охотскомъ морѣ болѣе благопріятную мѣстность для устройства новой гавани. Охотскій портъ со всѣми своими учрежденіями содержался только для Камчатки; другой надобности въ немъ не было, особенно съ начала девятнадцатаго столѣтія, когда начались русскія кругосвѣтныя плаванія. Такимъ образомъ еще въ 1787 году правительство предписало капитанъ-командору Ѳомину осмотрѣть Удскій край, для перенесенія изъ Охотска порта на устье рѣки Уди; но по тамошнему мелководію, это перенесеніе признано было неудобнымъ. Капитанъ Ѳоминъ въ своихъ изысканіяхъ дошелъ до рѣки Алдомы, впадающей въ Охотское море на югозападѣ отъ Охотска, и нашелъ это мѣсто удобнѣйшимъ для порта, такъ что въ 1794 году представилъ проектъ объ устройствѣ новаго почтоваго тракта отъ Якутска до устья рѣки Алдомы. 4-го марта 1800 года былъ уже данъ указъ о перенесеніи порта въ это мѣсто; въ 1803 году уже былъ проложенъ трактъ съ мостами на разстояніи 122 версты, но затѣмъ указомъ 17-го іюля 1806 года повелѣно было Охотскій портъ оставить на прежнемъ мѣстѣ, потому что, по изслѣдованію россійско-американской компаніи, желавшей перенести свою фак-

торію также на Алдому, грунтъ тамъ оказался каменистый, преимущественно плитнякъ, такъ что компанія не нашла удобнымъ устроить тамъ портъ для своихъ судовъ.

Но этимъ не кончились перемѣщенія Охотска. До 1816 года онъ находился на устьѣ рѣкъ Охоты и Кухтуя. Косу, на которой расположенъ былъ тогда городъ, стало сильно размывать приливами и теченіемъ рѣки Охоты, въ слѣдствіе чего разрушеніе угрожало всѣмъ строеніямъ и домамъ города. Тогда городъ перенесли на разстояніе пяти верстъ отъ прежняго расположенія, на устье Кухтуя на Тунгускую комку. Этимъ перенесеніемъ, неудобства Охотскаго порта не были устранены. Поиски за новымъ болѣе удобнымъ портомъ продолжались по прежнему. Въ 1832 году начальникъ Охотскаго порта, Балкъ 1-й (въ послѣдствіи адмиралъ), предложилъ основать новый портъ, на 500 верстъ сѣвернѣе, въ губѣ Тауйской; но предположеніе это не было осуществлено. Въ 1838 году предлагали, но безъ успѣха, перенести портъ въ урочище Булюинъ, въ семи верстахъ отъ города Охотска. Изъ переписки, возникшей по этому предложенію, выяснилось бѣдственное положеніе города. Онъ былъ растянутъ

На собакахъ по Охотскому побережью

въ то время по узкой косѣ, образуемой рѣкою Кухтуемъ и устьемъ Охоты. Коса прилегаетъ къ горному приморскому хребту, называемому Мореканомъ, и покрыта дресвою на нѣсколько аршинъ глубины. На этой почвѣ никакая растительность не возможна. Казенныя строенія, за исключеніемъ дома общаго приморскаго управленія и казначейства, были въ крайне плохомъ состояніи, а домъ начальства, офицерскіе флигели и казармы матросовъ въ ветхомъ состояніи, строенія же адмиралтейства въ полуразрушенномъ положеніи. Между этими строеніями, домомъ начальника и офицерскими флигелями находится низменное мѣсто, ежедневно, во время морскаго прилива, наполняемое водою и образующее въ самой срединѣ города болото. Частные дома представлялись въ то время бѣдными полуразрушенными хижинами. Строенія факторіи американской компаніи находились на концѣ косы, берегъ которой постоянно смывался и уменьшался. Въ 1827 году строенія этой факторіи находились отъ берега моря въ сорока саженяхъ, въ 1839 году въ девяти саженяхъ, а въ 1844 г. только въ четырехъ, такъ что во время морскаго вѣтра валы доходили до самой факторіи. Со стороны рѣчной въ городѣ про-

исходило то же явленіе. Въ 1838 году батарея, находившаяся между городомъ и адмиралтействомъ, отстояла отъ рѣки всего въ трехъ саженяхъ, но затѣмъ это разстояніе еще уменьшилось, въ слѣдствіе размыва берега водою. На косѣ не было хорошей прѣсной воды; жители должны были добывать ее за четыре версты за рѣкою Кухтуемъ, для чего необходимо наблюдать время прилива и отлива, а во время шторма въ морѣ сообщеніе по рѣкѣ дѣлается часто невозможнымъ. Жители тогда пользовались водою изъ колодца, но только въ лѣтнее время, потому что осенью она бываетъ полусоленою, а зимою вымерзаетъ. Въ это время въ Охотскѣ за бочку въ три ведра воды платили 10 коп. Въ Охотскѣ воздухъ почти постоянно дурной, нездоровый, сырой. При приливѣ, Кухтуй разливается почти на двѣ версты; при отливѣ же остаются морскія растенія и животныя, которыя при теплой погодѣ гніютъ и порождаютъ мѣстныя болѣзни, особенно цынгу. Въ извѣстное время года, особенно весною, цынга жестоко господствуетъ въ Охотскѣ, преимущественно въ слѣдствіе недостатка овощей, мяса, при

На собакахъ противъ теченія.

постоянномъ употребленіи одной рыбы, вяленой и соленой. Въ мартѣ, апрѣлѣ, маѣ, іюнѣ цынгою поражались не рѣдко двѣ трети всего городскаго населенія.

Рейдъ въ Охотскѣ открытъ всѣмъ вѣтрамъ; обезпеченной морской стоянки нѣтъ. Приходящія суда должны останавливаться на рейдѣ въ значительномъ разстояніи отъ берега и тамъ ожидать полнаго прилива воды на устье Кухтуя; входъ же можетъ совершиться только при попутномъ вѣтрѣ, который долженъ соотвѣтствовать часамъ полной воды. Выходъ судовъ изъ рѣки сопряженъ съ такими же большими затрудненіями, почему иногда суда, готовыя къ отплытію, должны были стоять въ рѣкѣ по три недѣли и болѣе и терять самое лучшее время для своего плаванія, пользуясь попутными для себя вѣтрами въ Охотскомъ морѣ. Устье рѣки Кухтуя окружено рифами и отмелями; фарватеръ часто измѣняется, такъ что въ теченіе лѣта случается иногда два и три раза перемѣнять створы, означающія его направленіе. Рѣка Охота, прорвавшая себѣ новое устье, стала менѣе отдавать своей воды, посредствомъ рѣкъ Хапбаса и Булгина, въ Кухтуй, которая рѣка сама по себѣ ничтожна. Устье Кухтуя стало въ то время мелѣть, такъ что суда, становившіяся прежде въ самомъ городѣ, въ сороковыхъ годахъ должны были останавливаться около 400 саженъ ниже къ устью. Такое положеніе Охотскаго

порта было неоднократно причиною гибели судовъ. Въ 1838 году бригъ «Камчатка», готовый къ отплытію въ Петропавловскій портъ съ грузомъ провіанта и товаровъ, при самомъ выходѣ изъ устья Кухтуя, былъ застигнутъ сильнымъ волненіемъ съ моря, выброшенъ на противоположный берегъ рѣки и отъ поврежденія не могъ отправиться въ предназначенное ему плаваніе. Въ 1840 году бригъ «Охотскъ», готовый къ отплытію въ Гижигу съ грузомъ провіанта, задержанъ былъ въ устьѣ Кухтуя противными вѣтрами болѣе сорока дней и долженъ былъ выйдти въ море въ позднее осеннее время. Прибывши къ устью рѣки Гижиги 3-го октября бригъ едва не потерпѣлъ крушеніе, встрѣтивъ уже сильные морозы и ледъ, которымъ сталъ покрываться тамошній рейдъ. Въ 1840 году бригъ «Камчатка» сорванъ былъ съ якорей, съ полнымъ грузомъ, за устьемъ Кухтуя, и, переломивъ киль, не могъ въ томъ году отправиться по назначенію. Въ 1842 году бригъ «Николай», по выходѣ изъ устья, внезапнымъ порывомъ вѣтра, выброшенъ былъ теченіемъ на косу съ полнымъ грузомъ и потерпѣлъ тамъ совершенное крушеніе. Гибель или замедленіе такихъ судовъ съ провіантомъ вызывало въ то время

Ѣздовыя собаки.

бѣдствіе относительно продовольствія всего края, камчатскаго и пріохотскаго. Такое бѣдствіе, напримѣръ, постигло Камчатку, когда въ 1841 году бригъ «Камчатка» съ провіантомъ погибъ у береговъ Большерѣцка.

Переписка, начавшаяся съ 1838 года, убѣдила правительство перенесть Охотскъ въ Аянъ, что и совершилось въ 1851 году, когда постъ былъ упраздненъ въ Охотскѣ. Въ это время народонаселеніе Охотска состояло изъ 528 душъ мужскаго пола и 220 женскаго. Большая часть его, именно 394 мужчины, состояла изъ матросовъ и военной команды, остальную часть составляли служащіе чиновники, духовенство, купцы и мѣщане (20 человѣкъ). Передъ упраздненіемъ порта въ 1851 году, Охотскъ былъ главнымъ городомъ приморскаго управленія, въ составъ котораго входили округа Охотскій и Гижигинскій, безъ точнаго опредѣленія ихъ границъ, особенно на сѣверѣ. Съ упраздненіемъ же приморскаго управленія, Охотскъ сдѣланъ былъ окружнымъ городомъ Якутской области и сталъ управляться земскимъ исправникомъ. Въ составъ его округа (пространствомъ въ 13,000 квадратныхъ миль) вошли тогда мелкія отдѣльныя общества подъ управленіемъ старшинъ. Письменнаго производства въ этомъ округѣ

не было положено, по неграмотности жителей. Нынѣ въ Охотскѣ не болѣе 150 человѣкъ жителей, въ томъ числѣ 30 казаковъ. Печальные домики города покрыты большею частію корою; множество домовъ пустыхъ, безъ оконъ и дверей. Лучшій домъ—это казарма.

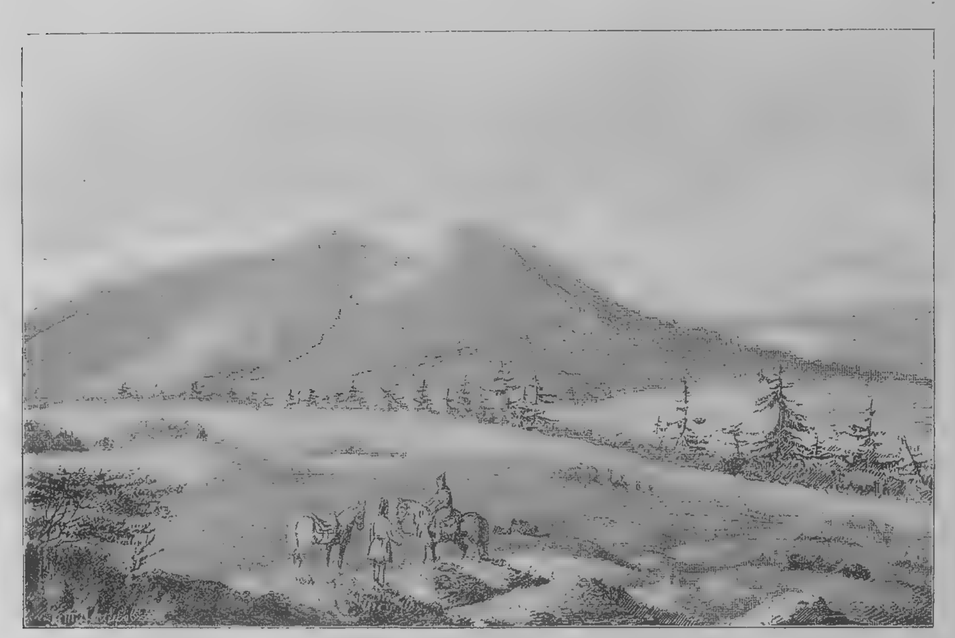
На Аянъ указалъ впервые правитель факторіи россійско-американской компаніи въ Охотскѣ, Ленже, именно въ 1832 году, когда компанія намѣревалась перенести свои строенія на Булгинъ. Ленже предложилъ устроить факторію въ заливѣ Аянъ, на 500 верстъ отъ Охотска. Этому предложенію не было дано хода до 1843 года, когда капитанъ-лейтенантъ Завойко (начальникъ Камчатки, во время ея обороны въ 1854 году, въ послѣдствіи адмиралъ) отправился самъ къ заливу Аянъ, для подробнаго изслѣдованія мѣстности и нашелъ заливъ и его окрестности вполнѣ соотвѣтствующими желаемой цѣли. Правленіе россійско-американской компаніи получило въ 1844 году Высочайшее соизволеніе на перенесеніе факторіи своей въ Аянъ; въ 1846 года факторія наименована портомъ, куда затѣмъ былъ переведенъ въ 1850 г. и портъ изъ Охотска. Аянъ лежитъ подъ 56 град. сѣверной широты, къ юго-западу отъ Охотска. Заливъ этотъ былъ описанъ въ 1790 году капитанъ-командоромъ Ѳоминымъ, а въ 1832 году корпуса флотскихъ штурмановъ прапорщикомъ Шиловымъ. Съ 1-го ноября 1851 года собственно почтовое сообщеніе было уже переведено на вновь устроенный трактъ изъ Якутска въ Аянъ.

И. А. Гончаровъ въ своемъ путешествіи «фрегатъ Паллада» даетъ описаніе Аяна, куда онъ прибылъ во второй половинѣ августа 1854 года... Наконецъ, на четвертый день плаванія по Охотскому морю на паровой военной шкунѣ «Востокъ» мы замѣтили на горизонтѣ какую то сѣрую, неприступную, грозную стѣну; это была куча громадныхъ утесовъ. По мѣрѣ нашего приближенія, они все казались страшнѣе, отвѣснѣе, неприступнѣе. Жилья и признаковъ нѣтъ. Да и какое тутъ можетъ быть жилье? Кажется на этихъ утесахъ и чайкамъ страшно сидѣть. Пустота, голь и вышина, отъ которой духъ занимается, да свистъ вѣтра—вотъ характеръ этого мѣста. Здѣсь бы въ старину хорошо поставить разбойничьй замокъ, если бы было кого грабить, а теперь развѣ поставить батареи. «Гдѣ же Аянъ?» спрашиваютъ наконецъ нетерпѣливые, отвращая взгляды отъ безжизненныхъ утесовъ, которые не долго изучить. Шкуна между тѣмъ, убавивъ паровъ, подвигалась прямо на утесы. Вотъ два изъ нихъ посторонились и намъ открылись сначала два купеческія судна на рейдѣ, потомъ длинное деревянное строеніе на берегу съ красною кровлею. «Это пакгаузъ», замѣтилъ кто то, указывая на кровлю. Ущелье все раздвигалось и наконецъ намъ представилась довольно узкая ложбина между двухъ рядовъ высокихъ горъ, усѣянныхъ березнякомъ и соснами. Безпорядочно разставленные, съ десятокъ, болѣе нежели скромныхъ домиковъ, стоящихъ другъ къ другу, какъ извѣстная изба на курьихъ ножкахъ, по очереди появлялись изъ за зелени; скромно за ними возникалъ зеленый куполъ церкви съ золотымъ крестомъ. На пескѣ у самаго берега поставлена была батарея, на право отъ нея верфь, еще младенецъ, съ остовомъ новаго судна; дальше цѣлый лагерь палатокъ, двѣ, три юрты и между ними кочки болотъ. Вотъ и весь Аянъ. Это ни городъ, ни село, ни посадъ, а факторія американской компаніи. Она возникла нѣсколько лѣтъ назадъ, для замѣны Охотскаго порта, который не удобенъ ни съ морской, ни съ сухопутной стороны. Съ моря онъ гораздо открытѣе Аяна, а съ сухаго пути дорога отъ него къ Якутску представляетъ множество неудобствъ, между прочимъ, такъ называемые семь хребтовъ, отраслей Становаго хребта, чрезъ которые очень трудно пробираться.

Аянскій портъ открытъ только съ юга и вѣтеръ съ этой стороны разводитъ крупное волненіе. Американская компанія имѣла здѣсь въ то время склады иностранныхъ товаровъ, которые привозились ея судами, и снабжала иностранныя суда разными потребностями. Это скромный маленькій уголокъ Россіи, въ 10,500 верстахъ отъ Петербурга. Въ 1854 году въ немъ было около двухъ сотъ жителей, состоявшихъ, кромѣ командира порта и нѣкоторыхъ служащихъ при конторѣ компаніи лицъ съ семействами, изъ нижнихъ чиновъ командирован-

ныхъ сюда на службу казаковъ и наконецъ якутовъ. Чиновники компаніи помѣщались въ домахъ, казаки въ палаткахъ, а якуты въ юртахъ. Казаки содержали караулы, смотрѣли за благочиніемъ; одного изъ нихъ даже называли полиціймейстеромъ. Якуты занимались перевозкою пассажировъ и кладей, лѣтомъ на лошадяхъ, а зимою на собакахъ. Якуты всѣ осѣдлые и христіане, всѣ одѣты чисто и, сообразно климату, хорошо. Мужчины и женщины носятъ фризовые капоты, а зимою оленій или нерпачій мѣхъ, вывороченный на изнанку. Въ Аянѣ въ 1854 году былъ такой порядокъ торговли, что покупатель отыщетъ купца, тотъ отопретъ лавку, отмѣряетъ или отрѣжетъ товаръ и затѣмъ снова запретъ лавку. Заливъ въ Аянѣ замерзаетъ въ декабрѣ и совершенно очищается въ іюлѣ, хотя ледъ начинаетъ таять еще въ апрѣлѣ. Съ моря въ заливъ льда не заноситъ. Въ заливъ впадаетъ небольшая рѣчка Аянка и нѣсколько ручьевъ. Въ Аянскомъ заливѣ рыбы водится мало.

Удскій острогъ, или погостъ, окружной городъ Приморской области, лежитъ на лѣвомъ



Видъ горы Морокапъ близъ Охотска

берегу рѣки Уды, въ 90 верстахъ отъ впаденія ея въ Охотское море. Въ семнадцатомъ столѣтіи въ этомъ мѣстѣ выстроенъ былъ острогъ и запасный хлѣбный магазинъ, изъ котораго во время голода выдавался окрестнымъ тунгусамъ хлѣбъ за извѣстную плату. Въ 1863 г. въ Удскомъ погостѣ считалось жителей 155 человѣкъ, а въ 1867 г. 161 человѣкъ. Въ погостѣ есть церковь и до десяти жилыхъ зданій. Погостъ построенъ на песчаномъ пригоркѣ лѣваго берега рѣки и состоитъ изъ двухъ небольшихъ отдѣленій, разграниченныхъ между собою незначительнымъ ручьемъ. Второе меньшее отдѣленіе примыкаетъ къ узкой долинной низменности, оканчивающейся лѣсомъ и болотомъ и составляющей сѣверо-западную оконечность главной долины, которая тянется отъ Удскаго до впаденія рѣки Половинной въ Удь. Въ этой долинѣ только и возможны посѣвы ячменя. При низкомъ уровнѣ воды рѣка Удь отходитъ отъ города на полверсты. Только при высокомъ уровнѣ воды по рѣкѣ Уди могутъ ходить лодки значительнѣйшаго размѣра, такъ какъ она распадается на множество рукавовъ, фарватеръ

которыхъ загроможденъ розсыпями, камнями, плавучимъ лѣсомъ. Вслѣдствіе этого видъ рѣки Уди при каждомъ измѣненіи уровня воды различенъ. При значительно высокомъ уровнѣ, рѣка по обѣ стороны доходитъ вплоть до склоновъ и отдѣльныхъ крутыхъ скалъ, между которыми заперта ея долина, или вырываетъ себѣ на поемныхъ мѣстахъ долинъ и лѣсистыхъ низменностей крутые, отвѣсные берега. Большіе острова, покрытые лѣсомъ, съ низкими, но крутыми берегами, высятся живописно надъ бурно стремящеюся чрезъ всѣ препятствія водною поверхностью, ширина которой достигаетъ до $2^1/_2$ верстъ. Картина получается тогда величественная, но очень скоро измѣняющаяся.

Гижига или Гижигинскъ, также окружной городъ Приморской области, лежитъ на сѣверной оконечности Гижигинской губы, на лѣвомъ берегу рѣки Гижиги, при ея устьѣ. Въ прежніе годы это былъ острогъ, сооруженный для обузданія коряковъ, когда они еще не покорились окончательно русской власти. Въ 1775 году этотъ острогъ былъ приписанъ къ якутской провинціи, а въ 1783 году назначенъ былъ уѣзднымъ городомъ иркутскаго намѣстничества. Въ 1822 году Гижига былъ отнесенъ къ Охотскому Приморскому управленію, а при учрежденіи въ 1856 году Приморской области назначенъ мѣстомъ пребыванія исправника. Въ городѣ населеніе состоитъ изъ 419 душъ обоего пола, имѣется провіантскій магазинъ, пороховой погребъ, домъ для земскаго управленія, домъ для исправника и казарма. Гижигинскъ въ отношеніи населенія и числа домовъ превосходитъ нынѣ Охотскъ, Аянъ и Удскій погостъ. Городъ часто затопляется рѣкою и въ продолженіе своего существованія, подобно Охотску, Якутску и другимъ сибирскимъ городамъ, три раза перемѣнялъ мѣсто своего расположенія. По дорогѣ изъ Гижигинска къ Охотску, въ 240 верстахъ отъ перваго города, близъ Таватамскаго селенія, находятся минеральные ключи столь высокой температуры, что въ нихъ можно варить мясо. Вода имѣетъ вкусъ горько соленый со свойствами сѣрныхъ водъ. Соболь почти совершенно истребленъ въ Гижигинскомъ округѣ и болѣе не попадается. Въ прежніе годы у гижигинскихъ купцовъ накоплялось бѣлки до 4,000 шкуръ, но бѣлка вдругъ исчезла изъ этой мѣстности, но въ недавнее время стала вновь появляться. Стоянка для судовъ въ Гижигинской губѣ крайне неудобна. У устья рѣки, гдѣ находится городъ, выстроено нѣчто въ родѣ маяка. Отъ мѣста, гдѣ можетъ остановиться корабль на глубинѣ $6^1/_2$ саженъ въ приливъ до маяка оказывается разстояніе въ тринадцать миль (около 24 верстъ); отъ маяка же до города считается пятнадцать или двадцать верстъ. Сообщеніе поэтому съ берегомъ для большихъ судовъ очень неудобно. Берега Гижигинской губы не высоки, но удивительно ровны и обрывисты; кромѣ травъ на нихъ нѣтъ никакой другой растительности. Впрочемъ температура въ августѣ при самомъ ясномъ солнечномъ днѣ не превышаетъ 12 град. Нѣсколько далѣе отъ устья берегъ круто поднимается и на возвышеніи стоитъ такъ называемый маякъ, или лучше шестисторонняя корзинка, сплетенная изъ гнилыхъ бревенъ, футовъ десять вышиною. Огонь тутъ жгутъ только тогда, когда ждутъ корабль и притомъ не обыкновенный маячный огонь, а костеръ. Въ Гижигинскѣ почва не оттаиваетъ никогда на глубинѣ аршина; но въ іюнѣ снѣгъ быстро начинаетъ исчезать подъ вліяніемъ теплаго продолжительнаго дня; мѣстами земля обнажается отъ снѣга. Лишь только почва освободится отъ снѣга, нѣжные восковые лепестки брусники и астры и бѣлоснѣжныя кисти лабродорскаго чая начинаютъ бѣлѣть на мшистыхъ равнинахъ; березы, ивы, ольхи внезапно одѣваются листвою; берега рѣки покрываются зеленымъ мягкимъ ковромъ и теплый воздухъ наполняется въ продолженіе дня рѣзкими криками дикихъ лебедей, гусей, утокъ, летящихъ въ видѣ большихъ треугольниковъ высоко подъ облаками отъ моря на далекій сѣверъ. Черезъ три недѣли послѣ исчезновенія послѣдняго снѣга вся природа облечена уже въ Гижигѣ въ свой лѣтній нарядъ и наслаждается почти постояннымъ солнцемъ. Весны въ Гижигѣ не бываетъ.

Весь берегъ Охотскаго моря, на шесть сотъ верстъ къ западу отъ Гижиги, состоитъ изъ суровыхъ, обрывистыхъ, почти непроходимыхъ горъ, прорѣзанныхъ глубокими долинами и

ущельями и густо поросшихъ сосновыми и лиственичными лѣсами. Становой хребетъ тянется почти возлѣ самаго берега; между его боковыми отрогами спускаются сотни маленькихъ рѣчекъ и потоковъ, которые текутъ по глубокимъ лѣсистымъ долинамъ въ море. Дорога отъ Гижиги до Ямска (бывшій острогъ), на протяженіи 300 верстъ, пересѣкаетъ всѣ эти рѣчки и боковые отроги подъ прямыми углами, проходя почти по срединѣ между главною цѣпью и моремъ. Чрезъ большую часть этихъ кряжей легко переѣхать, только въ 150 верстахъ отъ Гижиги отъ центральнаго хребта отдѣляется къ морю горный кряжъ вышиною отъ 2,500 до 3,000 футовъ, который загораживаетъ дорогу. У подножія этихъ горъ проходитъ глубокая мрачная Валлигинская долина, верхній конецъ которой проникаетъ въ центральную степь Становыхъ горъ и служитъ проходомъ вѣтрамъ между моремъ и тундрами. Эта долина—громадное естественное дыхательное отверстіе для тундръ. Другаго свободнаго прохода для воздуха въ Становомъ хребтѣ нѣтъ и потому неудивительно, что въ этой долинѣ буря не прерывается. Тишина повсюду, а въ Валлигинской долинѣ вѣтеръ дуетъ какъ настоящій ураганъ, срывая огромныя массы снѣга съ горныхъ склоновъ и унося ихъ въ море. Долина внушаетъ страхъ всѣмъ туземцамъ и она извѣстна подъ названіемъ «*бурнаго ущелья*».

Въ южной части Охотскаго моря, при входѣ въ Тугурскій заливъ, находятся Шантарскіе острова. По всѣмъ историческимъ даннымъ, надобно полагать, что они впервые были открыты казакомъ Поярковымъ, когда онъ, въ 1645 году, изъ Амура вышелъ въ Охотское море и высадился въ устьѣ рѣки Уліи, южнѣе Охотска, и гдѣ за семь лѣтъ до него утвердились уже якутскіе казаки. Чрезъ восемь лѣтъ послѣ поѣздки Пояркова, въ 1653 году, при устьѣ Тугура было учреждено этапное зимовье, въ видѣ Тугурскаго острога. Оно просуществовало, однако, не долго, такъ какъ сибирскія власти, заинтересованныя завоеваніемъ Камчатки, а равно утратою Амура, забыли о Шантарскихъ островахъ, чѣмъ воспользовались китайцы или ихъ мѣстные союзники, и въ 1683 году разрушили Тугурскій острогъ. По архивнымъ свѣдѣніямъ, извѣстія о Шантарахъ стали вновь поступать къ правительству только съ начала восемнадцатаго столѣтія. Въ 1709 году Сорокоумовъ привезъ извѣстія о Шантарахъ. Все дѣло о нихъ велѣно было сосредоточить въ Удскомъ острогѣ. Въ 1712 году изъ этого пункта снаряженъ былъ отрядъ казаковъ, подъ начальствомъ Анбара, для осмотра этихъ островowъ. Анбара зимовалъ на одномъ изъ нихъ и возвратился въ 1714 году только съ двумя спутниками, такъ какъ всѣ остальные погибли. Въ 1718 году, подъ начальствомъ боярскаго сына Филькѣева, снаряженъ былъ новый отрядъ казаковъ, къ которымъ правительство велѣло присоединить нѣсколько матросовъ. Эта экспедиція возвратилась съ богатымъ запасомъ звѣрей, такъ что промыселъ пушнины на Шантарскихъ островахъ обѣщалъ значительныя выгоды. Но какъ отряды, возвращавшіеся съ Шантарскихъ острововъ съ богатою добычею, подвергались нападенію и избіенію гиляковъ, обитавшихъ въ значительномъ числѣ въ то время между устьями Уди и Амура, то въ послѣдовавшіе затѣмъ десять лѣтъ поѣздки на Шантары прекратились. Только указомъ 1728 года, найденнымъ въ Удскомъ архивѣ, разрѣшено было: «отпускать на Шантарскіе острова охотниковъ, русскихъ и иноземцевъ, для промысла, дабы они достовѣрно увѣдомились, какіе на тѣхъ островахъ народы живутъ и какой звѣрь на нихъ промышляется; паче всего увѣдомить, чьи оныя владѣнія, китайскаго или другихъ какихъ народовъ, и отъ Удскаго, въ какомъ разстояніи обрѣтаются». Это сомнѣніе въ правѣ обладанія Шантарами длилось не долго. Чрезъ три года, когда въ 1731 году Охотскъ былъ сдѣланъ средоточіемъ всѣхъ предпріятій по Восточному океану, когда всю сѣверную часть его стали захватывать со всѣхъ сторонъ подъ власть русскаго правительства, послѣднимъ предписано уже было отправлять отряды на Шантары для наложенія и сбора ясака. Въ продолженіе всего восемнадцатаго столѣтія безпрестанно давались мѣстными властями дозволенія частнымъ промышленникамъ для поѣздокъ на Шантары; но такъ какъ они обязаны были этими разрѣшеніями отдавать третью часть своей промысловой добычи казнѣ, то подобная не по силамъ подать

вскорѣ отбила охоту отъ экспедицій на эти острова и туда одно время ѣздили только туземцы, въ видахъ добычи пушнины для исправнаго взноса ясака. Съ 1754 года дѣланы были попытки производить промыселъ пушнины на Шантарахъ на счетъ казны, но такія попытки продолжались не болѣе десяти лѣтъ. Онѣ оказались невыгодными, по причинѣ утайки добычи. Результатъ былъ одинаковъ, какъ съ шантарскимъ казеннымъ промысломъ, такъ и съ казенными караванами въ Пекинъ, для торговли мягкою рухлядью, а равно и съ монопольнымъ торгомъ ревенемъ, которыми казна въ восемнадцатомъ столѣтіи думала обогатить себя, но несла одни убытки, давая возможность наживаться однимъ своимъ недобросовѣстнымъ чиновникамъ, обкрадывавшимъ ее. Съ 1768 года правительство стало довольствоваться только десятою частью промысловой добычи на Шантарскихъ островахъ. Тогда для этого промысла стали составляться компаніи тюменскихъ и якутскихъ купцовъ. Но такая «компанія», получивъ, между прочимъ, право продавать водку и взявши на себя обязательство облегчить инородцамъ уплату ясака за себя и за умершихъ родичей, обратила туземцевъ въ родъ крѣпостныхъ работниковъ. Компанія посылала ихъ для промысла на пустынные острова безъ достаточнаго количества провіанта. Умирая съ голода, инородцы спасались бѣгствомъ и были приводимы казаками обратно для заработка назначенныхъ за нихъ податей. Такое положеніе дѣлъ было прекращено указомъ правительства въ 1798 году, когда купцамъ Стручковымъ запрещено было отправлять промышленниковъ на Шантарскіе острова и не дано было разрѣшенія этой компаніи поселяться при устьѣ рѣки Уди. Съ другой стороны, нельзя не пожалѣть о прекращеніи дѣятельности этой компаніи, потому что въ послѣдніе годы она стала расширять свои предпріятія по направленію къ устью Амура и на островъ Сахалинъ и слѣдовательно, могло легко случиться, что уже въ началѣ нынѣшняго столѣтія русскіе утвердились бы въ этихъ мѣстахъ и, такимъ образомъ, на пятьдесятъ лѣтъ предупредили бы ихъ послѣдующее занятіе. Большой пожаръ, происшедшій по неосторожности зимовавшихъ тамъ казаковъ, истребилъ на главномъ островѣ Шантарской группы лѣса, а съ ними и его богатство лисицами и соболями, что и отбило у промышленниковъ пушнины охоту ѣздить туда.

Названіе этихъ острововъ Шантарскими впервые появилось на картѣ, изданной въ 1758 году при императорской академіи наукъ, подъ надзоромъ Миллера, подъ слѣдующимъ заглавіемъ: «Карта, представляющая изобрѣтенія россійскими мореплавателями, соч. при импер. академіи И. Ив. Трускотомъ». Въ рукописномъ экземплярѣ это названіе появилось еще ранѣе, именно въ 1720 году, на картѣ, составленной геодезистами Евреиновымъ и Лужинымъ, которые были отправлены Петромъ Великимъ для съемки Камчатки и Курильскихъ острововъ. На этой картѣ два самые западные острова называются Пустые Малые, изъ двухъ самыхъ восточныхъ сѣверный называется Медвѣжій, а южный названъ Шантарскимъ. Карта 1720 года на латинскомъ языкѣ хранится въ библіотекѣ академіи наукъ. На картѣ 1758 года Шантарскіе острова вообще нанесены довольно вѣрно.

Всѣхъ Шантарскихъ острововъ насчитываютъ до двѣнадцати. Они гористы, утесисты, необитаемы. Правительство очень долго, болѣе столѣтія, не вѣрило, чтобы тамъ не было жителей, и приглашало промышленниковъ всѣми мѣрами и ласками призывать тамошнихъ инородцевъ къ подданству и къ платежу ясажному; но всѣ историческіе документы въ сибирскихъ архивахъ доказываютъ, что постоянныхъ жителей на Шантарскихъ островахъ никогда не бывало. Самый большой изъ этихъ острововъ имѣетъ около 210 верстъ въ окружности, и потому называется Большимъ Шантаромъ. Второй по величинѣ островъ называется Феклистовъ, равняющійся по пространству трети наибольшаго острова. По величинѣ за Феклистовымъ слѣдуетъ Малый Шантаръ, а затѣмъ еще девять—все меньше и меньше. Послѣдніе обставлены множествомъ крутыхъ скалъ, которыя у многихъ мысовъ выдаются въ море, въ видѣ окончанія южныхъ хребтовъ, какъ то повторяется и на многихъ мысахъ, выдающихся съ материка въ Охотское море.

Наиболѣе обстоятельное описаніе Шантарскихъ островов сообщено г. Миддендорфомъ, совершившимъ въ сороковыхъ годахъ путешествіе на сѣверъ и востокъ Сибири по порученію императорской академіи наукъ. 9-го іюня 1844 года онъ прибылъ въ Удскій острогъ, гдѣ постройка байдары задержала его до 28-го іюня. Въ этотъ день онъ отвалилъ отъ селенія и по быстрому теченію рѣки Уды утромъ слѣдующаго дня былъ уже на ея устьѣ, въ 90 верстахъ отъ острога, но тамъ долженъ былъ простоять еще двѣ недѣли, пока Охотское море не очистилось отъ льда и сдѣлалось свободнымъ для плаванія. 9-го іюля байдара вышла въ море по направленію къ востоку. На ночь Миддендорфъ присталъ къ южному берегу Охотскаго моря, близъ южной рѣчки Джукджандронъ. Ледъ продержалъ его тамъ еще недѣлю. 15-го іюля Миддендорфъ дошелъ до восточной оконечности Медвѣжьяго острова и долженъ былъ, по причинѣ густыхъ льдовъ, обождать тамъ до 18-го числа. Въ этотъ день онъ отправился далѣе на востокъ и у западнаго изъ двухъ мысовъ Дугандя въ первый разъ испыталъ силу теченій въ Охотскомъ морѣ. Миддендорфъ первоначально думалъ преодолѣть ихъ сильными двѣнадцатью гребцами, но наперекоръ дружнымъ, широкимъ взмахамъ двѣнадцати веселъ, морское теченіе неудержимо, съ яростію горнаго потока, отрывало байдару отъ берега, такъ что Миддендорфъ, окруженный ледяными глыбами и сопровождавшимъ ихъ туманомъ, счелъ себя счастливымъ, когда опять могъ стать на якорь въ виду береговъ, а на ночь укрыться въ Лебяжьей губѣ. На другой день, Миддендорфъ снова пустился на востокъ, и у самой крайней оконечности восточнаго Дугандя опять попалъ въ бѣду. На этотъ разъ стремительность теченія была въ борьбѣ съ сильнымъ вѣтромъ и онъ едва не попалъ промежду ледяныхъ глыбъ, сильно напиравшихъ другъ на друга и съ громомъ бушевавшихъ. Урокъ оказался до того грознымъ и поучительнымъ, что Миддендорфъ простоялъ послѣ того десять дней и выждалъ пока ледъ совсѣмъ не скрылся изъ вида на сѣверъ за Шантарскіе острова. Только 30-го іюля вновь удалось Миддендорфу выйдти въ море и пристать къ небольшому острову Мутыхангда, гдѣ опять прождалъ до 4-го августа, когда, наконецъ, дорога въ море совершенно очистилась отъ льда, и путникамъ посчастливилось проплыть на парусахъ до острова Большого Шантара, на которомъ они пробыли недѣлю.

Первый изъ Шантарскихъ островов, къ которому присталъ Миддендорфъ въ своемъ плаваніи на байдарѣ, былъ лѣсистый островъ Медвѣжій, отстоящій отъ материка на шесть верстъ. Въ длину онъ простирается отъ сѣверо-запада къ юго-востоку, и на обоихъ концахъ увеличивается какъ въ ширину, такъ и въ вышину. Западный конецъ составляетъ главную массу острова и опускается въ море крутыми скатами, по большой части отвѣсно, въ нѣсколько футовъ вышины. Восточный конецъ, меньшаго объема и меньшей высоты, соединяется съ западнымъ посредствомъ узкаго каменнаго хребта, который во многихъ мѣстахъ немного болѣе полуверсты шириною, а въ одномъ мѣстѣ сѣдломъ спускается къ морю на сѣверъ и на югъ. Эта средняя часть хребта составляетъ самую низкую и отлогую часть острова. Восточная половина южнаго берега окаймлена широкимъ уступомъ изъ каменной розсыпи, который по большей части затопляется приливами, отъ чего во время отливовъ на этомъ хрящеватомъ ложѣ остаются озерки; частію же сторона этого уступа, прилегающая къ скалистымъ крутизнамъ острова, покрыта дерномъ. Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ изъ широкой розсыпи простираются въ море, по направленію къ югу, длинныя гряды булыжника, изъ которыхъ отличается одна, болѣе полторы версты длиною, составляющая продолженіе южной оконечности восточнаго края острова. Оставаясь обнаженною только во время отливовъ, она, при быстротѣ теченія, въ высшей степени опасна для всѣхъ близко проходящихъ судовъ. У основанія этой банки находится прекрасное пристанище для вытаскиванія на берегъ лодокъ. Здѣсь также опушка лѣса, вопреки общему правилу, опускается близко къ морской поверхности, соединяясь съ возвышенностью острова посредствомъ покатости, также поросшей лѣсомъ. Съ высоты крутой скалы, Миддендорфъ видѣлъ, что по меньшей мѣрѣ часть обрывистаго и

очень высокаго сѣвернаго берега Медвѣжьяго острова окружена такими-же розсыпями. Весь южный берегъ этого острова представляетъ неглубокую выемку, которая дѣлится на двѣ половины низменнымъ мысомъ, поросшимъ деревьями. Этотъ мысъ опускается къ низкому, также покрытому лѣсомъ хребту, который съуживается къ морю. Къ западу отъ мыса до южной оконечности западной половины острова южный берегъ состоитъ изъ пяти небольшихъ выемокъ. Къ востоку отъ того-же мыса начинается самая низменная часть острова и самое широкое мѣсто розсыпи. Эта низменная часть не шире 300 саженъ. Восточная половина южнаго берега имѣетъ форму трехъ выемокъ , ясно отдѣляющихся одна отъ другой. Миддендорфъ не нашелъ на Медвѣжьемъ островѣ ни одного ручейка и воду для своихъ потребностей онъ долженъ былъ добывать изъ льда.

Затѣмъ Миддендорфъ посѣтилъ островъ Малый Эге, лежащій между материкомъ и Большимъ Шантаромъ. Эге онъ называется на якутскомъ языкѣ, по-тунгусски Мутыхангда (какое названіе усвоилъ въ своемъ атласѣ адмиралъ Тебеньковъ). Поручикъ штурмановъ Козьминъ, на своей картѣ, назвалъ его островъ Утячій. Главною массою своего небольшого пространства этотъ островъ простирается въ направленіи отъ сѣверо-востока къ остроконечному полуострову, раздвоенному въ видѣ вилъ. Главный зубецъ этихъ вилъ, восточный, очень тонокъ. Несмотря на высоту, которая все еще простирается на нѣсколько сотъ футовъ, онъ имѣетъ острую вершину, какъ конецъ кровли, и по обѣ стороны къ морю такъ крутъ, что съ него трудно, даже невозможно сойти. Главная масса острова, поросшаго непрерывнымъ и густымъ лѣсомъ, простирается волнистою возвышенностью на нѣсколько сотъ футовъ надъ моремъ, а самою высокою вершиною болѣе тысячи футовъ. Отъ этой возвышенности имѣется направленіе отъ южной оконечности острова къ главному зубцу вилообразнаго раздвоенія; но такъ какъ возвышенность идетъ сперва по западному берегу и только у корня полуострова переходитъ къ восточному, то главный водоемъ острова, ручеекъ, течетъ къ морю на юго-востокъ, тогда какъ другой ручей, еще меньше, текущій на сѣверъ, впадаетъ въ промежуткѣ при раздвоеніи полуострова. У сѣверной оконечности главной массы острова возвышенность такъ близко подходитъ къ берегу, что большой ручей низвергается со скалы прямо въ море. Островъ Эге окруженъ множествомъ скалъ, которыя то зарываются подъ водою, то высовываются изъ нея (въ видѣ конуса). Самые берега по большой части обрывисты, вышиною отъ 300 до 500 футовъ, и только при большихъ отливахъ являются съ узкою каймою въ бухточкахъ. Гдѣ видны отлогія покатости, тамъ не трудно замѣтить, что онѣ произошли и происходятъ изъ разрушившихся каменныхъ глыбъ, отъ развалившихся обрывистыхъ утесовъ.

Островъ Большой Шантаръ имѣетъ поверхность почти въ 50 квадратныхъ географическихъ миль. Миддендорфъ, въ продолженіе своего семидневнаго пребыванія на этомъ островѣ, точнѣе изслѣдовалъ только Якшину губу, на южномъ его берегу, но ходилъ оттуда на вершины высотъ, поднимающихся въ сѣверо - восточномъ и восточномъ направленіяхъ отъ устья Якшины. Съ этихъ высотъ Миддендорфъ увидѣлъ разные другіе острова и обозрѣлъ поверхность самого Большого Шантара. Чрезъ высокую гряду западнаго берега, Миддендорфъ видѣлъ южный берегъ острова Феклистова; между дикихъ вершинъ вдоль восточнаго берега обрисовывался островъ Кусовъ, представляющій собою усѣченный конусъ, къ которому примыкаетъ съ одной стороны уступъ; наконецъ и въ юго-восточномъ направленіи виднѣлись два мыса острова Малый Шантаръ. Доступнѣе всего былъ видъ большаго озера, которое извнутри острова Большой Шантаръ на двѣнадцать верстъ въ длину простирается къ сѣверному его берегу и прорвалось въ море чрезъ каменную розсыпь. Отъ глухого конца этого озера тянется болотистая низменность (по сибирски калтусъ), верстъ въ пятнадцать шириною, сверкая водяною поверхностью до истоковъ рѣки Якшины и до сѣверо-западнаго конца острова. Сама рѣка Якшина течетъ по низкой, болотистой, однако лѣсистой, долинѣ, шириною отъ двухъ до десяти верстъ. Въ глухомъ концѣ озера должна впадать, кромѣ рѣки Средней,

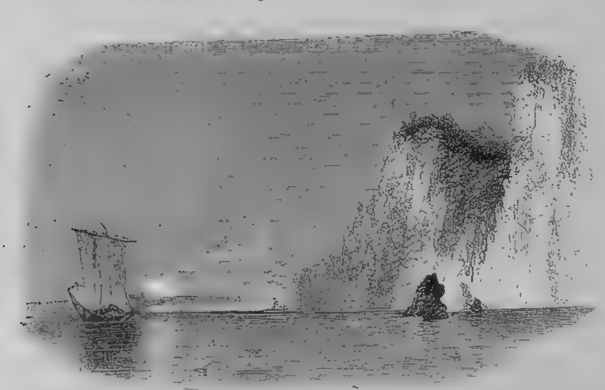
еще другая рѣка не менѣе той, но текущая съ юга на сѣверъ. Истоки этой рѣки берутъ свое начало на южномъ берегу острова между истоками Малаго Анаура и рѣки Крестовой. Берегъ около устья рѣки Якшины составляетъ глиняная низменность, подмываемая водою. Чрезъ него Якшина проложила множество своихъ маловодныхъ устьевъ, сквозь которыя она несется по каменной розсыпи въ море. На отлогомъ песчаномъ склонѣ праваго берега Якшины и впадающаго въ нее ручейка, Миддендорфъ нашелъ остатки, отчасти въ развалинахъ, селенія, которое имѣла намѣреніе основать тамъ въ 1830 году, подъ начальствомъ Козьмина, россійская сѣверо-американская компанія. Селеніе состояло изъ двухъ бревенчатыхъ избъ, съ окнами со слюдою, одной юрты, двухъ магазиновъ, бани и трехъ тунгусскихъ балагановъ. Передъ прибытіемъ Миддендорфа къ этому селенію, огромный медвѣдь избралъ это мѣсто для своего смертнаго ложа. Около медвѣдя, уже нѣсколько тронувшагося отъ солнечнаго зноя, лежала помадная банка и нѣсколько другихъ мелочей, брошенныхъ на берегу этого пустыннаго острова прежними посѣтителями, вѣроятно, второпяхъ, при отъѣздѣ. Западный берегъ Якшинской губы явно раздѣляется на двѣ половины мысомъ, противъ котораго, въ 50-ти саженяхъ отъ берега, возвышается отъ моря утесъ, названный Козьминымъ Кекуръ Топазный. При отливахъ, дно моря предъ Якшиной губой обнажается саженъ на полтораста, причемъ видно, что глинистый грунтъ еще далеко простирается подъ водою съ такимъ же малымъ наклоненіемъ. Приставать во время отлива не только мѣшаетъ тинистая глина, но и выглядывающіе изъ нея острые камни, особенно опасные для кожаныхъ лодокъ. Восточный берегъ Якшиной губы къ югу отъ устья Якшины быстро поднимается, такъ что у мыса Анаура онъ стоитъ уже утесомъ отъ 400 до 500 футовъ вышины, хотя продолженіе этихъ скалъ версты на полторы въ море такъ понижается, что выходитъ наружу только при отливѣ. Съ высоты каменной стѣны мыса живописно льется на край берега небольшой водопадъ. Множество подводныхъ и надводныхъ камней идутъ вдоль берега до другой стороны устья Анаура и тамъ въ островѣ Олаѣ, окруженномъ рифами, достигаютъ наибольшаго своего развитія. Устье рѣки Большой Анауръ находится въ широкой долинѣ, поросшей густымъ лѣсомъ и окруженной высокими горами. Узкая каменистая розсыпь, сплоченная глиною, простираясь вдоль берега, такъ запираетъ Анауръ при его устьѣ, что воды этой рѣки затопляютъ всю правую низменность долины. Отъ устья Якшины мысъ Анауръ лежитъ въ двѣнадцати верстахъ. Большой Анауръ образуется сліяніемъ двухъ ручьевъ. У Малаго Анаура гора отлого спускается къ морю; къ этой покатости прилегаетъ песчаный слой, чрезъ который проложилъ себѣ дорогу ручей.

Одинъ изъ небольшихъ Шантарскихъ острововъ имѣетъ форму сахарной головы, почему и названъ такимъ именемъ. Онъ былъ измѣренъ тригонометрически поручикомъ Козьминымъ, причемъ оказалось, что его высота имѣетъ 1320 футовъ надъ уровнемъ моря. Между горными хребтами разныхъ Шантарскихъ острововъ нельзя отыскать сходства въ направленіи, потому что они идутъ по всѣмъ направленіямъ. Такъ на островѣ Большомъ Шантарѣ главный подъемъ тянется вдоль восточнаго берега, въ видѣ безпорядочной массы безлѣсныхъ, но округленныхъ вершинъ. Перпендикулярно этому хребту восточнаго берега, во всю длину острова, къ сѣверо-западному его концу, тянется цѣпь высотъ, составляющая переходъ къ лѣсистому хребту, окаймляющему западный берегъ. Внутри острова Большого Шантара нигдѣ не видно утесистыхъ обрывовъ, но повсюду оказываются только округленныя вершины, усѣянныя вывѣтрившимся хрящемъ.

Болѣе десяти лѣтъ спустя послѣ Миддендорфа, въ 1855 году, Шантарскіе острова были посѣщены американскимъ военнымъ пароходомъ, посланнымъ въ Охотское море въ интересахъ американскаго китобойнаго промысла. «Въ день отъѣзда изъ Аяна, въ первыхъ числахъ сентября,—сообщаетъ Гейне,—мы уже увидали Шантарскіе острова и стали на якорь въ бухтѣ острова Феклистова, самомъ значительномъ заливѣ въ этой группѣ острововъ. Мы выходили

на берегъ только въ этомъ пунктѣ, но, проѣхавъ затѣмъ на пароходѣ мимо другихъ островов Шантара, мы нашли, что всѣ они похожи другъ на друга. Эти острова скорѣе холмисты, чѣмъ гористы, покрыты густыми еловыми и березовыми лѣсами, орошаются множествомъ источниковъ съ проточною водою и на нихъ, сколько мы могли узнать, нѣтъ вовсе жителей. Хотя почва на нихъ чрезвычайно плодородна и растительность, вслѣдствіе того, роскошная, однако, животныхъ тамъ, повидимому, немного. Отъ китолововъ, съ которыми мы говорили о Шантарскихъ островахъ, мы получили странныя и невѣроятныя ихъ описанія. Такъ одинъ изъ нихъ разсказывалъ намъ, что онъ стоялъ въ бухтѣ одного изъ Шантарскихъ острововъ съ двумя стами другихъ китолововъ, что въ тамошнихъ лѣсахъ обитаетъ множество черныхъ медвѣдей. Люди съ одного изъ его ялботовъ напали на одного медвѣдя и ранили его, вслѣдствіе чего онъ самъ бросился на американцевъ и не только заставилъ удалиться въ ялботъ, но пустился за ними вплавь, пока они не убили его гарпунами и копьями. Другой капитанъ американскаго китоловнаго судна сообщилъ намъ странныя басни про повышеніе и пониженіе прилива и отлива и о необыкновенномъ множествѣ китовъ, появившихся въ предшествовавшемъ году въ мѣстности Шантарскихъ островов. Этотъ капитанъ разсказывалъ намъ, а другой подтвердилъ его слова, что онъ убилъ гарпуномъ кита на глубинѣ шести саженъ, а нѣсколько часовъ спустя на томъ самомъ мѣстѣ собиралъ раковины съ непокрытаго водою песка. Хотя мы провели три или четыре дня около Шантарскихъ островов, однако, не видали ни раковинъ, ни китовъ, ни медвѣдей и не замѣтили ничего необыкновеннаго въ повышеніи или пониженіи морского прилива. Но за то теченія въ различныхъ проливахъ, которыми отдѣляются одинъ отъ другаго Шантарскіе острова, оказались до того стремительными, что дѣлаютъ опаснымъ плаваніе по нимъ даже для паровыхъ судовъ. Когда мы стали на якорь въ заливѣ Феклистова, то нашли тамъ уже многихъ китолововъ, которые усердно запасались тамъ водою и дровами. Эти китоловы сильно жаловались на особенную рѣдкость китовъ въ 1855 году въ Охотскомъ морѣ и затѣмъ стали говорить, что пойдутъ отыскивать ихъ въ болѣе сѣверной части этого воднаго бассейна. Одинъ китоловъ за другимъ оставили заливъ, и только нашъ военный пароходъ остался въ немъ. На другое утро двѣ шлюпки были отправлены съ парохода: одна для изслѣдованія этой гавани, другая за дровами и водою. Судовой врачъ съ ружьемъ отправился внутрь острова и въ теченіи всего дня убилъ только двухъ бѣлокъ, не встрѣтивъ ни одного медвѣдя. Бѣлки были покрыты необыкновенно густымъ мѣхомъ. Одна была величиною съ обыкновенную сѣрую бѣлку, но мѣхъ ея былъ темно-сѣрый и имѣла длинный, черный, блестящій хвостъ. Другая была рыжеватого цвѣта съ узкими темными полосами на спинѣ и почти была безъ хвоста. Послѣднюю бѣлку врачъ поймалъ живьемъ. Эти бѣлки питаются небольшими орѣхами, растущими на хвойномъ деревѣ, которое здѣсь является передъ глазами густымъ лѣсомъ. Мы потомъ покупали эти орѣхи (кедровые) корзинами у туземцевъ на устьѣ Амура, какъ для корма бѣлки, такъ и потому, что они намъ самимъ нравились. Деревья, на которыхъ росли эти орѣхи, отличались своею стройностью, и такъ какъ мы опасались вскорѣ остаться вовсе безъ каменнаго угля, то срубили нѣкоторое число ихъ и взяли на пароходъ, чтобы въ случаѣ нужды употребить ихъ также на реи и мачты. Сто тысячъ кораблей могли бы запастись подѣлочнымъ корабельнымъ лѣсомъ на одномъ этомъ островѣ. На второй вечеръ послѣ нашего прибытія къ этому Шантарскому острову наша шлюпка возвратилась съ берега съ какимъ-то растеніемъ, имѣвшимъ свѣжій зеленый видъ, которое, по словамъ одного китолова, могло служить хорошимъ суррогатомъ шпинату. Мы узнали въ этомъ растеніи дикій ревень, который сваренный въ видѣ овоща, можетъ быть употребляемъ въ пищу. Этотъ ревень имѣлъ сильный вяжущій вкусъ, но врачъ намъ объявилъ, что именно это его свойство составляетъ превосходное противоцынготное средство. Мы вскорѣ облюбовали это кушанье, и передъ отплытіемъ съ Шантарскихъ островов запаслись имъ въ значительномъ количествѣ. Дикій ревень росъ повсюду по хол-

мамъ въ изобиліи и его лекарственныя свойства уже нѣсколько лѣтъ были извѣстны китоловамъ. Въ 1854—1855 году англійскія и французскія военныя суда, плававшія по Охотскому морю, также запасались на его берегахъ дикимъ ревенемъ, какъ противоцынготнымъ средствомъ. Шантарскіе острова, по мнѣнію посѣтившихъ ихъ американцевъ, не представляютъ никакихъ признаковъ вулканическаго происхожденія, чѣмъ и отличаются отъ другихъ возвышенныхъ, уединенныхъ образованій. У береговъ этихъ островковъ нѣтъ большой глубины. Между островами и материкомъ глубина моря умѣренная, между тѣмъ, какъ каменныя гряды и скалы дѣлаютъ опаснымъ плаваніе между ними. Приливы выкатываются на берегъ островковъ съ необыкновенною быстротою, отъ пяти до семи узловъ въ часъ и тѣмъ увеличиваютъ опастность плаванія въ проливахъ между островами. Періодическія бури, очень сильныя, опустошаютъ роскошные лѣса и выбрасываютъ пенящееся море на скалистые берега. Повсюду, гдѣ мы не высаживались или проѣзжали мимо пустынныхъ береговъ, мѣстность представлялась намъ непроницаемою чащею, состоящею изъ высокоствольныхъ елей или сосенъ, которыя простирались отъ моря до вершинъ горъ и указывали намъ на существованіе цѣлыхъ лѣсовъ превосходныхъ мачтъ и рей. Въ Гонгъ-Конгѣ, Шанхаѣ подобныя мачты и реи продавались неслыханно дорого, по пятидесяти, двѣсти и триста долларовъ, а между тѣмъ, ничего не было бы легче, какъ явиться на эти острова съ десяткомъ дровосѣковъ и опытнымъ корабельнымъ мастеромъ и нарубить безъ всякихъ расходовъ и пошлинъ цѣлый корабельный грузъ подобныхъ мачтовыхъ деревъ».



Изъ группы Курильскихъ острововъ.

Курильскіе острова представляютъ собою гряду острововъ, простирающуюся отъ южной оконечности Камчатки до восточной оконечности Японскаго острова Іезо или Матсмая и отдѣляющую Охотское море отъ Великаго океана. Самые большіе изъ острововъ суть: Итурупъ, Парамуширъ, Урупъ, Кунаширъ, а на второмъ планѣ стоятъ Онекотанъ и Симусиръ.

Курильскіе острова были открыты голландскимъ капитаномъ де-Фризомъ (плававшимъ въ 1634 году на корабляхъ Кастрикумъ и Брескасъ); впрочемъ этотъ мореплаватель принялъ гряду острововъ за прибрежье материка. Русскіе получили первыя свѣдѣнія о Курильскихъ островахъ въ 1710 г. отъ японцевъ, потерпѣвшихъ кораблекрушеніе и выброшенныхъ на берегъ Камчатки въ Калигирской губѣ (одинъ изъ этихъ японцевъ, Санима, былъ посланъ въ С.-Пб. въ 1710 г.).

Въ 1711 г. казаки Дан. Анцыфоровъ и Ив. Козыревскій переправились на островъ Шумшу, гдѣ имѣли битву съ камчадалами, обитавшими въ то время на этомъ острову и занявшими, какъ кажется, этотъ островъ послѣ бунта своего въ Камчаткѣ въ 1706 году. На захваченныхъ у жителей Шумшу судахъ казаки переправились и на островъ Итурупъ, но многочисленностъ встрѣченныхъ тамъ курильцевъ заставила ихъ возвратиться назадъ. Въ 1712 и 1718 гг., по распоряженію Якутскаго воеводы, князя Вас. Ив. Гагарина, были снова посылаемы, подъ начальствомъ того же казака Ив. Козыревскаго, экспедиціи для занятія острововъ Шумшу и Итурупа и обложенія ихъ жителей ясакомъ, что и было исполнено. Въ 1720 г. штурманскіе ученики Ив. Евреиновъ и Ѳед. Лукинъ съ голландскимъ матросомъ Генрихомъ Бушемъ доходили до острова Онекотана. Въ 1738 г. извѣстная экспедиція Шпанберга и Вальтона, слѣдуя вдоль Курильскихъ острововъ, доходила до Японіи.

Въ 1766—67 г. казацкая экспедиція, высланная для собиранія ясака на Курильскихъ островахъ, собрала первыя о нихъ обстоятельныя извѣстія. Изъ руководителей этой экспедиціи, сотникъ Ив. Черный доходилъ до Итурупа, а подштурманъ Очерединъ до самаго Матсмая. Въ 1775 года якутскій купецъ Ласточкинъ снарядилъ на Курильскіе острова судно, на которомъ двор. Ив. Антипинъ доѣхалъ до оствова Урупа, но здѣсь потерпѣлъ крушеніе, хотя впрочемъ, не потерялъ при этомъ ни одного человѣка. Въ 1777 г. тотъ же Ласточкинъ, вмѣстѣ съ Григ. Шелеховымъ, снарядилъ на Курильскіе острова другое судно, которое, подъ управленіемъ штурмана Михаила Пѣтушкова, зимовало на островѣ Урупѣ и высылало подштурмана Очередина съ тремя байдарами до самаго острова Матсмая. Въ 1778 г. судно возвратилось благополучно въ Охотскъ, но въ томъ же году было снова снаряжено, подъ управленіемъ дворянина Антипина и купца Шебалина, и опять зимовало на Урупѣ. Въ 1779 году Шебалинъ ѣздилъ съ байдарами до Матсмая, но въ 1780 г., при сильномъ подморскомъ изверженіи и землетрясеніи (особенно опустошившемъ Кетой, Симусиръ и Чирпой), русское судно было выброшено на берегъ Урупа и вся партія обратилась въ Камчатку на байдарахъ. Въ 1779 г. проѣхалъ мимо Курильскихъ острововъ Кингъ, спутникъ Кука, въ 1789 г. кап. Сарычевъ, въ 1796—97 г. англійскій мореплаватель Броутонъ, въ 1802 лейт. Хвостовъ и Давыдовъ, въ 1805 капитанъ Крузенштернъ; въ 1811 г. Курильскіе острова были посѣщены капитаномъ Головинымъ, который былъ взятъ въ плѣнъ обманомъ японцами на островѣ Кунаширѣ. Въ 1795 г. основана факторія русско-американской компаніи на островѣ Урупѣ и компаніи предоставлены права промышленности на всѣхъ Курильскихъ островахъ до Итурупа. Курильскіе острова, всѣ безъ исключенія, весьма гористы, поднимаются весьма круто отъ уровня моря и представляютъ вообще мало удобствъ для высадки на берегъ. Курильскіе острова состоятъ преимущественно изъ вулканическихъ породъ. На островахъ есть еще нѣсколько дѣйствующихъ вулкановъ, какъ напр. на островахъ Алайдѣ, Экармѣ, Мусирѣ, Райкоке, Матуа, Итурупѣ, и погасшихъ, какъ напр. на Онекотанѣ, Харимкотанѣ и Сумусирѣ, также горячіе ключи, какъ напр. на островѣ Ушисирѣ.

Климатъ Курильскихъ острововъ гораздо холоднѣе, чѣмъ можно было бы ожидать отъ ихъ географическаго положенія между 51° и 44° сѣверной широты, вслѣдствіе частыхъ тумановъ, препятствующихъ нагрѣвательному дѣйствію солнечныхъ лучей, вслѣдствіе чего, также какъ и вслѣдствіе сырости атмосферы, нѣкоторыя вершины Курильскихъ острововъ постоянно бываютъ покрыты снѣгомъ, хотя вершины эти не превосходятъ, какъ кажется, высоты отъ трехъ до пяти тысячъ фут., за исключеніемъ острова Алайда, который значительно выше. Флора острововъ довольно бѣдна, за исключеніемъ самыхъ южныхъ, на которые переходятъ многія растенія японской флоры. Лѣсной растительности на Курильскихъ островахъ почти нѣтъ, за исключеніемъ острововъ Кунашира, Итурупа и Урупа.

Въ 1860 году во всемъ отдѣлѣ Курильскихъ острововъ, принадлежавшемъ россійско-американской компаніи, жителей считалось всего 221 душа обоего пола и въ томъ числѣ былъ 1 русскій, 18 креоловъ и 202 курильца. Въ этотъ счетъ не входили жители Японскихъ острововъ. Съ 1857 года по половину 1860 года компанія вывезла съ Курильскихъ острововъ 1078 шкуръ морскихъ бобровъ и 978 лисицъ, которыя количества даютъ понятіе о размѣрѣ промысла, производившагося на островахъ. 26 апрѣля 1875 года между Россіею и Японіею состоялся новый трактатъ о Курильскихъ островахъ, вызванный необходимостью для Россіи имѣть въ своемъ исключительномъ владѣніи островъ Сахалинъ (по японски Крафто), часть котораго принадлежала до того Японіи. Послѣдняя согласилась поэтому обмѣнять принадлежавшую ей часть острова (южную) Сахалина на гряду Курильскихъ острововъ. Цѣль трактата объяснена въ немъ желаніемъ императоровъ всероссійскаго и японскаго положить конецъ многочисленнымъ неудобствамъ, проистекающимъ отъ совмѣстнаго владѣнія островомъ Сахалиномъ и упрочить существующее между ними доброе согласіе. Въ первой статьѣ трактата

постановлено, что отнынѣ границею между Россіею и Японіею будетъ Лаперузовъ проливъ, протекающій между островами Сахалиномъ и Іезо. Во второй статьѣ переименованы всѣ 18 островов Курильской группы, уступаемые Японіи. Статьею шестою трактата японскимъ судамъ предоставлено право посѣщать портъ Корсакова (на Сахалинѣ) безъ платежа всякихъ портовыхъ и таможенныхъ пошлинъ въ продолженіе десятилѣтняго срока, и, сверхъ того, японскимъ судамъ и купцамъ, для судоходства и торговли въ портахъ Охотскаго моря и Камчатки, а также для рыбной ловли въ этихъ водахъ и вдоль тамошнихъ береговъ, предоставлены тѣже права и преимущества, которыми пользуются въ Россіи суда и купцы наиболѣе благопріятствуемыхъ націй. Самый обмѣнъ Курильскихъ острововъ на островъ Сахалинъ состоялся между уполномоченными Россіи и Японіи въ 1876 году.

Къ кореннымъ жителямъ Курильскихъ острововъ принадлежатъ курильцы, называющіе себя айно, и обитающіе также на островѣ Сахалинѣ и на островѣ Іезо (Матсмаѣ). Курильцы отличаются небольшимъ ростомъ и очень темнымъ цвѣтомъ кожи, но типъ ихъ не имѣетъ ничего общаго съ монгольскимъ и ближе подходитъ къ европейскому, чѣмъ къ остальнымъ типамъ, населяющимъ сѣверо-восточную часть Азіи. Курильцы отличаются поразительною густотою волосъ на головѣ и длинными бородами. Нерѣдко у нихъ волосы растутъ въ особенномъ обиліи по всему тѣлу, но только въ видѣ исключенія, какое замѣчается у отдѣльныхъ лицъ и другихъ племенъ. Курильскія женщины очень некрасивы. Зимою курильцы живутъ въ землянкахъ, а лѣтомъ въ камышевыхъ хижинахъ. Главное занятіе ихъ охота, рыболовство, морские промыслы. Языкъ курильцевъ совершенно особенный и имѣетъ очень слабое сходство съ языками другихъ народовъ сѣверо-восточной Азіи. Курильцы отличаются кроткимъ нравомъ, великодушіемъ, честностью. Женщины-курильки стыдливы и нравственны и пользуются полною свободою у своихъ мужей. Бѣдные сожигаютъ своихъ мертвыхъ, а богатые бальзамируютъ. Курильцы имѣютъ смутное понятіе о верховномъ божествѣ, приносятъ жертвы солнцу, лунѣ, морю, боготворятъ медвѣдя, имѣютъ небольшіе деревянные храмы. Сѣверные курильцы одѣваются въ широкія рубашки изъ тонкой бересты, а сверху въ платья изъ шкуръ морскихъ животныхъ и птицъ. Зимою они носятъ мѣха. Южные курильцы одѣваются въ одежды и ткани, вымѣниваемыя ими у японцевъ. Курильцы совершенно особеннымъ образомъ здороваются и прощаются. Они поднимаютъ пальцы до глазъ, опускаютъ послѣдніе къ землѣ и произносятъ въ полголоса длинную рѣчь, въ продолженіе которой гладятъ свою бороду съ верху къ низу. Глаженіе бороды производится во все продолженіе рѣчи и только по окончаніи ея взглядываетъ курилецъ на того, кого онъ привѣтствовалъ. Если же привѣтствуемый въ этотъ моментъ будетъ смотрѣть по другому направленію, то процедура привѣтствованія возобновляется, пока взоры не встрѣтятся взаимно. Свою благодарность за полученные подарки курильцы выражаютъ подобнымъ же образомъ. Прощаніе ихъ состоитъ въ томъ, что они неоднократно поднимаютъ и опускаютъ руки, подобно тому какъ дѣлаютъ кормилицы, когда заставляютъ ребенка танцовать передъ собою на рукахъ. Если кто-либо уѣзжаетъ отъ нихъ въ лодкѣ, то курильцы бросаютъ къ нему сосновыя лучинки, особеннымъ образомъ нарѣзанныя.

Самихъ себя курильцы всѣхъ острововъ называютъ айно, что на ихъ языкѣ означаетъ человѣка, а для отличія жителей разныхъ острововъ къ этому названію придаютъ имя острова, напримѣръ Кунаширъ-айно, Итурупъ-айно, т. е., кунаширцы, итурупцы. Русскихъ же называютъ они «руссой», а японцевъ нипонно, какъ будто это другіе люди. Самые южные Курильскіе острова принадлежатъ японцамъ около пяти столѣтій, именно въ началѣ пятнадцатаго вѣка одинъ японскій князь купилъ часть юго-западнаго берега острова Матсмая у природныхъ его жителей. Эта часть Матсмая называлась съ тѣхъ поръ постоянно японскою землею и на всемъ ея пространствѣ еще въ началѣ нынѣшняго столѣтія между множествомъ японскихъ селеній не было ни одной хижины, принадлежащей кому-либо изъ природныхъ жителей.

Корякская юрта на берегу Охотскаго моря.

Остальную же часть острова японцы очень долго называли Айно-кфуни, т. е. земля айновъ. Изобиліе рыбы около береговъ Матсмая, которою преимущественно питаются японцы, побудило японское правительство войти въ договоръ съ его природными жителями, чтобы получить согласіе на заведеніе на ихъ берегахъ рыбныхъ для себя промысловъ, съ уплатою за то извѣстнаго количества товаровъ, нужныхъ айнамъ. Такимъ образомъ японцы постепенно распространились по всѣмъ берегамъ Матсмая. Большая прибыль, получавшаяся отъ такого откупа рыбныхъ промысловъ, побудила японцевъ открыть торговлю съ жителями Кунашира, Итурупа, Урупа и другихъ южныхъ Курильскихъ островов. Такія, торговыя исключительно, отношенія японцевъ къ айнамъ продолжались до занятія русскими сѣверныхъ Курильскихъ островов. Узнавъ о томъ, а равно о движеніи русскихъ по этой группѣ къ югу, японцы рѣшились немедленно занять ея южные острова. Курильцы воспротивились этому намѣренію японцевъ, но были побѣждены и покорены. Айно были прозваны курильцами русскими, которые, увидѣвъ на островахъ дымящіеся вулканы, наименовали ихъ курильскими, такъ какъ самыя сопки прозваны были «курилами» отъ слова курящіяся.

По берегамъ Охотскаго моря живутъ тунгусы, коряки, гиляки, сверхъ камчадаловъ на полуостровѣ Камчаткѣ. Къ тунгусскому племени принадлежатъ и ламуты или приморскіе тунгусы, которые лѣтъ тридцать или сорокъ тому назадъ поселились на западномъ склонѣ Камчатскаго хребта, гдѣ число его увеличивается съ каждымъ годомъ. Число всѣхъ ламутовъ неизвѣстно; полагаютъ, что ихъ не болѣе 2,500 или 3000 душъ обоего пола, изъ которыхъ около тысячи живутъ въ Камчаткѣ, а остальные въ якутской губерніи. Ламуты отличаются отъ другихъ тунгусовъ болѣе узкими глазами, болѣе выдающимися скулами и крайне малымъ носомъ. Ламуты, какъ тунгусы, стройны, имѣютъ прямые, черные волосы, темно-оливковый цвѣтъ кожи, косо-прорѣзанные глаза и безбородые. Одежда ихъ довольно странная. Зимою она состоитъ изъ мѣхового капора, узкихъ мѣховыхъ панталонъ, короткихъ оленьихъ сапоговъ, фартуховъ, сдѣланныхъ изъ мягкой оленьей кожи, старательно украшенныхъ бусами и кусочками металла, и кафтановъ необыкновеннаго покроя изъ оленьей кожи, похожаго на покрой европейскаго платья и отдѣланныхъ длинными шнурками изъ окрашенной лосиной шерсти. Мужчины и женщины очень походятъ другъ на друга наружностью и одеждою, такъ что не мѣстному жителю ихъ трудно бываетъ отличить съ перваго раза. Тунгусы и ламуты владѣютъ оленями и принадлежатъ къ кочующимъ и осѣдлымъ. У кочующихъ юрты менѣе и иначе построены, чѣмъ у коряковъ и они не переносятъ съ собою юртовые шесты, какъ чукчи, но оставляютъ на томъ мѣстѣ, гдѣ кочевали и срѣзываютъ себѣ новые или пользуются тѣми, которые были оставлены другими кочевниками. Такимъ образомъ шесты юртъ служатъ имъ придорожными столбами или знаками. Стадо въ двѣсти или триста головъ оленей считается у тунгусовъ очень многочисленнымъ и на владѣльца такого стада смотрятъ съ особымъ уваженіемъ, какъ на какого нибудь богача. Стада оленьи, подобныя корякскимъ въ сѣверной Камчаткѣ, заключающія въ себѣ отъ пяти до десяти тысячъ головъ, не встрѣчаются на западѣ отъ Гижиги. Но тунгусы болѣе коряковъ извлекаютъ выгодъ изъ своихъ оленей. Коряки очень рѣдко ѣздятъ верхомъ на оленяхъ или навьючиваютъ на нихъ свои пожитки, между тѣмъ какъ у тунгусовъ это самое обыкновенное дѣло. Первоначальная религія тунгусовъ была шаманство, но теперь они почти всѣ исповѣдуютъ греко-россійскую вѣру. Почти всѣ бѣличьи мѣха, появляющіеся на продажу, покупаются русскими торговцами у тунгусовъ, кочующихъ или живущихъ осѣдло близъ Охотскаго моря. Въ исходѣ 1867 года, по словамъ Кенана, въ Охотскѣ у одного только русскаго купца было болѣе 70,000 бѣличьихъ шкурокъ, а это количество составляло только малую часть того, сколько было навезено туда тунгусами въ продолженіе лѣта. Тунгусы любятъ лакомиться жиромъ. Онъ въ состояніи въ одинъ присѣстъ съѣсть 20 фунтовъ топленаго коровьяго масла. Въ бытность американцевъ въ Аянѣ въ 1855 году къ нимъ привели одного тун-

гуса, который въ ихъ присутствіи, съ 9 часовъ утра до полудня, съѣлъ 40 фунтовъ такого масла и во время этой ѣды только гладилъ себя по животу рукою.

Коряки живутъ преимущественно въ Гижигинскомъ округѣ и только въ небольшомъ числѣ въ Охотскомъ округѣ, гдѣ они совершенно отдѣлились отъ своихъ гижигинскихъ соплеменниковъ. Коряки раздѣляются на осѣдлыхъ (сидячихъ) и кочующихъ (бродячихъ). Всѣхъ осѣдлыхъ коряковъ въ 1853 году насчитывалось около 2,500 душъ обоего пола. Къ нимъ принадлежатъ роды каменскій и паренскій, изъ которыхъ второй каменскій и второй паренскій отличаются своею особенною необузданностью. Каменскій и паренскій роды живутъ въ восьми селеніяхъ на сѣверныхъ прибрежьяхъ Пенжинской губы, не крещены, платятъ ясакъ и въ 1852 г. ихъ насчитывали всего около 235 душъ обоего пола. На сѣверо-восточномъ берегу губы живетъ въ 7 селеніяхъ палланскій родъ. На полуостровѣ же Тайганосѣ, между губами Гижигинскою и Пенжинскою живетъ особый родъ кочующихъ коряковъ, въ числѣ 300 душъ. Всѣхъ кочующихъ коряковъ, обложенныхъ ясакомъ, насчитываютъ до 1760 душъ обоего пола; но около 1000 коряковъ живутъ около чукчей и не платятъ ясака. Хотя коряки и причисляются къ монгольскому племени, но типомъ своимъ они во многомъ отъ него отличаются. Голова у коряковъ нѣсколько сплюснута со сторонъ, лице круглое, скулы выдаются умѣренно, глаза маленькіе, носъ выдающійся, нерѣдко горбатый, ротъ большой. Цвѣтъ лица у коряковъ свѣтло-коричневый; волосы черные и у мужчинъ коротко острижены. Борода у нихъ очень рѣдкая. Женщины заплетаютъ свои волосы въ двѣ косы. Изъ женщинъ татуируются однѣ замужнія, причемъ ежегодно прибавляютъ на своемъ лицѣ нѣсколько рисунковъ. Тѣлосложеніе коряковъ крѣпкое и стройное; ростъ же умѣренный. Языкъ коряковъ распадается на пять нарѣчій и ближе всего подходитъ къ языку чукотскому. Изъ коряковъ только одни палланцы выучиваются русскому языку; остальные же не въ состояніи съ нимъ совладать. Крещены только палланцы, а также укинцы и олюторцы, живущіе въ Камчаткѣ; остальные кочевые и осѣдлые коряки принадлежатъ къ шаманству. При шаманскихъ ихъ обрядахъ важную роль играетъ волчья шкура, потому что они почитаютъ волка, считая его слугою злаго духа. Многоженство допускается обрядами коряковъ, хотя они рѣдко имѣютъ болѣе одной жены. У коряковъ существуетъ странный обычай закалывать умирающихъ, что дѣлается или самими умирающими или кѣмъ нибудь изъ окружающихъ, и въ такомъ случаѣ съ большею церемоніею среди всего кочевья. Умершихъ не зарываютъ въ землю, по невозможности рыть замерзшую почву, но сожигаютъ и пепелъ разсѣеваютъ по воздуху. Коряки отличаются гостепріимствомъ и изъ нихъ только каменцы и паренцы извѣстны склонностью къ обману и разбою. Они управляются выборными старшинами. Лѣтомъ коряки носятъ одежду изъ оленьей кожи, а зимою мѣховыя рубашки (кухлянки), капишоны которыхъ покрываютъ голову вмѣсто шапки. У женщинъ праздничное платье бываетъ опушено мѣхомъ выдры и россомахи и вышито бисеромъ. Осѣдлые коряки прежде вели также кочевую жизнь, но во время продолжительныхъ своихъ войнъ съ чукчами лишились своихъ оленей и живутъ въ небольшихъ деревняхъ, причемъ каменцы, паренцы и большая часть олюторцевъ выстраиваютъ для себя землянки, а палланцы и укинцы деревянные дома. Осѣдлые коряки держатъ для ѣзды также собакъ. Кочевые коряки строятъ себѣ юрты изъ жердей, которыя покрываютъ оленьими кожами. Домашній олень составляетъ почти единственное ихъ богатство; нѣкоторые роды имѣютъ стада почти въ 20,000 оленей. Осѣдлые преимущественно промышляютъ охотою на звѣрей, именно на дикихъ оленей, дикихъ барановъ (горныхъ овецъ) и медвѣдей. Они отправляются также на промыселъ морскихъ животныхъ въ очень легкихъ байдарахъ, состоящихъ изъ деревяннаго остова, покрытаго тюленьими шкурами. Коряки славятся умѣньемъ выдѣлывать оленьи шкуры и изготовлять изъ нихъ одежду, которую они сбываютъ всему населенію Приморской области. Промышляемые мѣха и шкуры коряки вымѣниваютъ у русскихъ купцовъ на порохъ, табакъ, мѣдные котлы и проч. и для такой мѣновой торговли главнымъ

пунктомъ для коряковъ служитъ мѣсто на рѣкѣ Пальцовѣ, въ 800 верстахъ на сѣверовосток отъ Гижиги. Коряки доживаютъ до глубокой старости, но часто страдаютъ глазными болѣзнями отъ постояннаго пребыванія въ дымныхъ землянкахъ. Первое знакомство русскихъ съ коряками произошло въ началѣ семнадцатаго столѣтія и сопровождалось упорною борьбою и безпрерывными битвами, но съ половины семнадцатаго столѣтія они окончательно покорились.

Джоржъ Кенанъ, посѣтившій кочующихъ и осѣдлыхъ коряковъ въ 1865—1866 году, сообщаетъ много любопытныхъ подробностей объ образѣ жизни этого народа. Въ ноябрѣ, въ сѣверо-западной части Камчатки, во время зимы, онъ попалъ въ кочевье коряковъ. Передъ нами, разсказываетъ Кенанъ, въ ясномъ лунномъ свѣтѣ стояли коническія палатки коряковъ, окруженныя по крайней мѣрѣ четырьмя тысячами сѣверныхъ оленей, вѣтвистые рога которыхъ походили на настоящую рощу сухихъ кустовъ. Коряки столпились съ любопытствомъ вокругъ гостей и спросили, чрезъ нашего переводчика казака Миронова, кто мы были и чего хотѣли. Они представляли дикую, живописную группу при бѣловатомъ свѣтѣ луны, который озарялъ ихъ темныя лица и блестѣлъ на ихъ металлическихъ украшеніяхъ и на полированныхъ клинкахъ ихъ длинныхъ копій. Ихъ скулы, смѣлые живые глаза и прямые черные, какъ смола, волосы показывали близкое родство съ американскими индѣйцами, но далѣе это сходство не шло. Это были атлетическіе, хорошо сложенные люди. Толстыя кухлянки, придерживаемыя поясомъ и обшитыя въ низу длинною бахрамою изъ черныхъ волчьихъ волосъ, покрывали ихъ тѣло отъ шеи до колѣнъ и были украшены мѣстами нитями мѣлкаго цвѣтнаго бисера, красными сафьянными кистями и кусочками полированнаго металла. Мѣховые панталоны, длинные сапоги изъ тюленей кожи, доходящіе до колѣнъ, и капоры изъ волчьей шкуры съ волчьими ушами, торчавшими по обѣимъ сторонамъ головы, дополняли костюмъ. Кочевье коряковъ состояло изъ четырехъ большихъ коническихъ палатокъ, выстроенныхъ изъ деревянныхъ шестовъ и покрытыхъ оленьими шкурами, придерживаемыми на своихъ мѣстахъ длинными ремнями изъ кожи тюленей или моржей, которые были крѣпко натянуты отъ верхушки конуса до земли. На первый взглядъ строенія эти казались неспособными противостоять бурнымъ вѣтрамъ, дующимъ зимою со стороны Сѣвернаго океана; но послѣдствія доказали, что сильнѣйшія бури не въ состояніи снести ихъ. Повидимому коряки пришли къ дружескому соглашенію съ казакомъ, потому что одинъ изъ нихъ, высокій, съ обстриженною головою, выступилъ изъ толпы и, пройдя къ самой большой палаткѣ, поднялъ занавѣсъ изъ шкуры, показалъ намъ черное отверстіе, около двухъ футовъ съ половиною въ діаметрѣ, и пригласилъ насъ движеніемъ руки войти туда. Проползши на рукахъ и ногахъ разстояніе въ двѣнадцать или пятнадцать футовъ по низкому проходу, мы вошли въ просторный кругъ внутри палатки. Связки смолистыхъ сосенъ, треща, ярко горѣли на землѣ по срединѣ, бросая красный отблескъ на густыя, глянцовитыя жерди и отражаясь на темныхъ шкурахъ, которыми была покрыта крыша, и на смуглыхъ татуированныхъ лицахъ женщинъ, сидѣвшихъ вокругъ. Большой мѣдный котелъ, наполненный какою-то бурдою сомнительнаго запаха и достоинства, висѣлъ надъ огнемъ; двѣ худощавыя женщины съ голыми руками хлопотали около него; онѣ одною и тою же палочкою поочередно мѣшали содержимое въ немъ, поправляли уголья и били по головѣ двухъ или трехъ слишкомъ любознательныхъ собакъ. Дымъ, лѣниво поднимавшійся надъ огнемъ, висѣлъ голубымъ, прозрачнымъ облакомъ на вышинѣ пяти футовъ отъ пола, раздѣляя атмосферу палатки на нижній этажъ, сравнительно чистаго воздуха, и на верхній туманный слой, гдѣ преобладали дымъ и дурныя испаренія. Зимою температура въ корякской юртѣ рѣдко бываетъ выше—3 град. мороза, а такъ какъ находиться постоянно въ такомъ холодѣ не совсѣмъ пріятно, то коряки устраиваютъ вокругъ внутренней стѣны юрты маленькія, почти непроницаемыя для воздуха помѣщенія, называемыя пологами, которыя раздѣлены между собою кожаными занавѣсками и обладаютъ двумя преимуществами: замкнутостью и боль-

шимъ тепломъ. Пологи имѣютъ около четырехъ футовъ вышины и пяти или восьми длины и ширины. Они сдѣланы изъ толстыхъ шкуръ, сшитыхъ такъ плотно, что не пропускаютъ воздуха и согрѣваются и освѣщаются кускомъ моха, который горитъ въ деревянной чашкѣ, наполненной тюленьимъ жиромъ. Но большее количество тепла въ пологѣ вознаграждается душною, дымною атмосферою. Зажженная свѣтильня ночника поглощаетъ кислородъ воздуха въ пологѣ и превращаетъ его въ углекислый газъ, маслянистый чадъ и разныя міазмы. Несмотря, однако, на законы гигіены, этотъ испорченный воздухъ оказывается здоровымъ; по крайней мѣрѣ нѣтъ очевидныхъ доказательствъ его зловредности. Корякскія женщины, проводящія большую часть своего времени въ этихъ пологахъ, достигаютъ обыкновенно преклонныхъ лѣтъ. Не безъ опасенія задохнуться, Кенанъ проспалъ цѣлую ночь въ юртѣ и его безпокойство оказалось совершенно неосновательнымъ. Коряки подали гостямъ «маніаллу», употребляемую ими какъ суррогатъ хлѣба. Она состоитъ изъ запекшейся крови, сала и полу-переваренняго мха, добываемаго изъ желудка оленей, гдѣ онъ, по общему мнѣнію, подвергается важному измѣненію, которое его дѣлаетъ годнымъ для вторичнаго потребленія. Эти составныя части варятся вмѣстѣ съ нѣсколькими пригоршнями сухой травы, чтобы придать смѣси нѣкоторую плотность и потомъ изъ этой темной массы дѣлаютъ маленькіе хлѣбцы, которые замораживаютъ въ прокъ для употребленія. Въ Сибири утверждаютъ, что «маніалла» имѣетъ многія гигіеническія качества. Ужинъ у коряковъ составляетъ главную ѣду въ продолженіе всего дня. Вокругъ котла съ «маніаллою» или корытца съ олениною собираются всѣ мужчины, бывшіе днемъ въ отсутствіи и разсуждаютъ, между глотками мяса или мха, о разныхъ предметахъ. Во время ужина хозяинъ, въ знакъ особеннаго уваженія, откусилъ нѣсколько кусковъ отъ дичины, которую держалъ въ своей грязной рукѣ, и, вынувъ ихъ изъ рта, предложилъ Кенану.

Кочующіе коряки, составляющіе до сорока отдѣльныхъ кочевокъ, бродятъ между 58 и 63 градусами сѣверной широты. Южная граница ихъ кочевья находится въ селеніи Тигилѣ, на камчатскомъ берегу Охотскаго моря, куда они приходятъ ежегодно для торговыхъ своихъ оборотовъ. Ихъ рѣдко можно встрѣтить сѣвернѣе Пенжины, въ трехъ стахъ верстахъ на сѣверъ отъ Охотскаго моря. Они рѣдко остаются на одномъ и томъ же мѣстѣ болѣе недѣли. Такія частыя перекочевки вызываются сѣверными оленями, главнымъ ихъ богатствомъ. Стадо оленей въ четыре или пять тысячъ головъ въ теченіе нѣсколькихъ дней взроетъ весь снѣгъ и уничтожитъ мохъ на двѣ версты въ окружности и тогда конечно коряки вынуждены переселяться на новое мѣсто. Поэтому коряки должны кочевать, иначе ихъ олени умрутъ съ голода, а затѣмъ настанетъ и ихъ собственная голодная смерть. Нѣкоторыя стада оленей доходятъ до 8.000 и 12.000 головъ, а одинъ корякъ въ большой тундрѣ имѣлъ въ 1886 году три стада въ разныхъ мѣстахъ, всего около 30.000 головъ. Живого оленя коряки не уступали американцамъ даже за 3,000 рублей, а сотню убитыхъ отдали за сто фунтовъ табаку. Американцы пріобрѣли для разъѣздовъ 800 оленей, но отъ тунгусовъ, а не отъ коряковъ. Кочевье одинокое, независимое существованіе развило въ характерѣ коряка смѣлость, независимость и полнѣйшую самонадѣянность, которыми они отличаются отъ камчадаловъ и другихъ осѣдлыхъ жителей Сибири. Каждый корякъ считаетъ себя вольнымъ господиномъ, если онъ владѣетъ дюжиною оленей. Если онъ пожелаетъ, онъ можетъ удалиться отъ остальнаго человѣчества и не заботиться о другихъ интересахъ, кромѣ своего собственнаго и своего оленя. Для общаго удобства они соединяются въ кочевья, состоящія изъ шести или восьми семействъ; но эти кочевья связаны только взаимнымъ соглашеніемъ и не признаютъ никакого начальника. Они имѣютъ предводителя, называемаго «тіономъ», владѣющаго самымъ многочисленнымъ стадомъ во всемъ кочевьѣ, который рѣшаетъ вопросы относительно расположенія кочевья и перекочевокъ на новыя мѣста, но лишенъ всякой другой власти и во всѣхъ болѣе важныхъ вопросахъ о личныхъ правахъ и

взаимныхъ обязательствахъ долженъ обращаться ко всѣмъ членамъ кочевья. Въ религіозномъ отношеніи они почитаютъ преимущественно злыхъ духовъ, которые накликиваютъ на нихъ разныя бѣдствія и «шамановъ» или жрецовъ, которые служатъ посредниками между этими духами и ихъ жертвами. Къ земнымъ властямъ они относятся съ презрѣніемъ. Вотъ одинъ примѣръ, случившійся въ присутствіи Кенана. Къ американской телеграфной экспедиціи былъ прикомандированъ русской службы маіоръ Абаза, для содѣйствія американцамъ получать всякаго рода помощь со стороны мѣстныхъ русскихъ властей. Маіоръ почему то вообразилъ, что для полученія отъ коряковъ всего необходимаго, онъ долженъ убѣдить ихъ въ своемъ могуществѣ, богатствѣ и важномъ положеніи въ свѣтѣ и тѣмъ внушить имъ уваженіе къ его приказаніямъ и желаніямъ. Въ слѣдствіе этого онъ призвалъ самаго старшаго и самаго вліятельнаго члена кочевья и началъ разсказывать ему чрезъ переводчика о своемъ богатствѣ, о власти расточать наказанія и награды, которою онъ обладалъ, о важномъ мѣстѣ, занимаемомъ имъ въ Россіи и о томъ съ какою сыновнею почтительностью и уваженіемъ бѣдные кочующіе язычники должны обращаться къ такой знаменитой личности. Старикъ корякъ, сидя на корточкахъ на землѣ, спокойно слушалъ исчисленіе всѣхъ качествъ маіора и ни одинъ мускулъ не дрогнулъ на его лицѣ, наконецъ, когда переводчикъ кончилъ, корякъ медленно поднялся, подошелъ къ маіору съ невозмутимою важностью, и съ самымъ добродушнымъ и покровительствующимъ снисхожденіемъ похлопалъ его тихонько по головѣ! Маіоръ покраснѣлъ и громко захохоталъ, но никогда болѣе не пытался устрашать чѣмъ нибудь коряка.

Въ одномъ изъ кочевьевъ американцамъ представился корякъ ростомъ въ шесть футовъ, съ темнымъ лицемъ, лѣтъ тридцати отъ роду. Онъ былъ одѣтъ въ красное платье съ голубыми отворотами и мѣдными пуговицами, съ длинными золотыми шнурками, висѣвшими на груди, въ черныхъ сальныхъ штанахъ изъ оленьей шкуры и въ мѣховыхъ сапогахъ. Его волосы были старательно выбриты на макушкѣ и только на вискахъ и за ушами висѣли жидкими, неровными прядями. Нитки мелкихъ цвѣтныхъ бусъ украшали его уши и за однимъ изъ нихъ торчалъ большой пучекъ табаку для употребленія его въ будущемъ времени. Онъ былъ подпоясанъ изорваннымъ ремнемъ изъ тюленьей кожи, на которомъ висѣла великолѣпная шпага съ серебряннымъ эфесомъ въ рѣзныхъ ножнахъ. Все это вмѣстѣ взятое представляло странную смѣсь. По его словамъ «Великій Бѣлый Начальникъ» далъ ему красное платье и серебряную шпагу за убитаго оленя. Изъ дальнѣйшихъ разспросовъ, оказалось, и отвѣты были подтверждены принесенными страннымъ человѣкомъ офиціальными бумагами, старательно завязанными оленьими жилами между двумя тоненькими дощечками, что платье и шпага были пожалованы отцу настоящаго владѣльца губернаторомъ Камчатки въ царствованіе Александра I въ награду за оленей, пожертвованныхъ во время голода нуждающимся русскимъ въ Камчаткѣ. Отъ отца награда перешла къ сыну и послѣдній представился американцамъ, лишь только услышалъ о ихъ пріѣздѣ. Шпага оказалась дѣйствительно великолѣпной работы.

По безграничной тундрѣ, покрытой зимою сплошнымъ снѣгомъ, не встрѣчая ни малѣйшаго признака, могущаго указать дорогу, коряки съ точностью направляютъ свой путь, сообразуясь только съ расположеніемъ снѣга, служащимъ имъ компасомъ. Сильный сѣверо-восточный вѣтеръ, господствующій на сѣверномъ прибрежьи Охотскаго моря въ продолженіе зимы, наметаетъ снѣгъ въ длинныя, волнообразныя борозды, называемыя «застругами», которыя лежатъ всегда перпендикулярно къ направленію вѣтра, то есть отъ сѣверо-запада къ юго-востоку. Только что выпавшій снѣгъ иногда засыпаетъ ихъ въ продолженіе нѣсколькихъ дней; но опытный корякъ, раскопавъ верхній слой, всегда можетъ сказать гдѣ сѣверъ и идетъ къ своей цѣли, днемъ и ночью, почти по прямому направленію.

Свадебная церемонія у коряковъ отличается исключительною своеобразностью, съ крайнимъ пренебреженіемъ къ чувствамъ жениха, который подвергается унизительнымъ оскорбле-

ніямъ. Бѣдствія молодого коряка начинаются съ той самой минуты, какъ онъ влюбляется. Если его намѣренія серіозны, то онъ является къ отцу своей возлюбленной съ формальнымъ предложеніемъ, удостовѣряется въ количествѣ ея приданаго, состоящаго изъ оленей, и узнаетъ назначенную за нее цѣну. По всему вѣроятію ему предлагаютъ работать за свою жену два или три года. Тогда онъ ищетъ свиданія съ самою молодою дѣвушкою и исполняетъ обязанность, называемую въ цивилизованныхъ странахъ объясненіемъ. Если чувства молодого человѣка раздѣляются и онъ получаетъ рѣшительное согласіе на бракъ, онъ бодро принимается за работу и въ продолженіе двухъ или трехъ лѣтъ рубитъ и таскаетъ дрова, караулитъ оленей, заготовляетъ сани и вообще всячески способствуетъ благосостоянію своего будущаго тестя. По истеченіи этого испытательнаго періода настаетъ главный моментъ, который рѣшаетъ его судьбу и успѣшность или безполезность его продолжительныхъ стараній. Юрта, въ которой производится послѣднее испытаніе жениха, обыкновенно бываетъ очень просторная и заключаетъ въ себѣ иногда двадцать шесть пологовъ. На srединѣ, у очага, на свободномъ пространствѣ садится толпа коряковъ, все вниманіе которыхъ, повидимому, раздѣляется между разными котелками и корытцами съ маніаллою, вареным мясомъ, мозгомъ, замороженнымъ саломъ и другими корякскими лакомствами и споромъ относительно какихъ то пунктовъ брачнаго обряда. Ѣда и питье окончились и на всѣхъ лицахъ видно было выраженіе какого то недоумѣнія и ожиданія. Вдругъ раздался мѣрный барабанный бой, наполнившій юрту оглушительными звуками. Въ эту минуту въ юрту вошелъ высокій корякъ съ охабкою ивовыхъ прутьевъ и ольховыхъ вѣтокъ, которые онъ началъ раздавать по всѣмъ пологамъ палатки. Мѣрный барабанный бой продолжался во время раздачи ивовыхъ прутьевъ и наконецъ барабанщикъ запѣлъ тихій речитативъ все болѣе и болѣе возвышая голосъ и одушевляясь, пока онъ не превратился въ дикое пѣніе подъ тактъ мѣрныхъ звуковъ огромнаго барабана. Затѣмъ послѣдовало маленькое волненіе; передняя занавѣсь у всѣхъ пологовъ отдернулась, у входа каждаго полога помѣстились по двѣ или по три женщины и взяли въ руки приготовленныя заранѣе ивовыя вѣтви. Чрезъ минуту почтенный корякъ вышелъ изъ одного изъ пологовъ возлѣ двери, ведя за собою красиваго молодаго коряка и темно-лицую невѣсту. При ихъ появленіи общее возбужденіе дошло почти до изступленія; музыка удвоила свой быстрый темпъ; мужчины по срединѣ палатки присоединили свои голоса къ громкому пѣнію и по временамъ сопровождали его рѣзкими, дикими вскрикиваніями. При знакѣ, данномъ корякомъ, введшемъ чету, невѣста стремительно бросилась въ первый пологъ и начала быстро бѣгать вокругъ [палатки, поднимая послѣдовательно занавѣсы между пологами и пробѣгая чрезъ нихъ. Женихъ горячо преслѣдовалъ ее, но женщины, находившіяся у каждаго полога, всячески старались помѣшать его бѣгу, подставляя ему ноги, опуская занавѣсы, чтобы помѣшать ему пройдти, и осыпая его безпощадными ударами ивовыхъ и ольховыхъ прутьевъ по самымъ чувствительнымъ частямъ его тѣла, когда онъ останавливался, чтобы поднять занавѣски. Воздухъ былъ наполненъ барабаннымъ боемъ, одобрительными и насмѣшливыми возгласами и звукомъ тяжелыхъ ударовъ, которыми угощала несчастнаго жениха каждая кучка женщинъ, прогоняя его сквозь строй. Но женихъ съ невозмутимымъ рвеніемъ продолжалъ стремиться къ своей цѣли, спотыкаясь о подставленныя ему ноги преслѣдовательницъ и постоянно запутываясь въ складки занавѣсокъ изъ оленьей шкуры, которыя онѣ бросали ему на голову и на глаза. Черезъ минуту невѣста вошла въ послѣдній пологъ у дверей, а несчастный женихъ все еще боролся съ безчисленными препятствіями на половинѣ дороги вокругъ юрты. Наконецъ онъ ворвался въ послѣдній пологъ и тамъ настигъ свою невѣсту. Музыка вдругъ замолкла и толпа начала выходить изъ юрты. Церемонія свадьбы окончилась. Невѣста ждала жениха въ послѣднемъ пологѣ. Если бы онъ ее не поймалъ, или она не осталась бы ждать его въ пологѣ, то трехлѣтняя работа и истязаніе прутьями пропали бы даромъ.. Цѣль всего обряда коряковъ состоитъ въ томъ, чтобы предоставить дѣвушкѣ свободу выбора жениха.

Честность коряковъ замѣчательна. Кенанъ сообщаетъ, что неоднократно послѣ его отъѣзда изъ кочевья, коряки нарочно запрягали оленей и догоняли на разстояніи восьми или пятнадцати верстъ отъ него, чтобы отдать ножикъ, трубку или другую бездѣлицу, забытую въ поспѣшности при отъѣздѣ. Сани американской экспедиціи, нагруженные табакомъ, бусами и другими предметами торговли, оставались безъ всякаго караула внѣ юртъ, но никогда ничего не было украдено.

Село осѣдлыхъ или сидячихъ коряковъ Каменное расположено на крутомъ берегу близъ устья рѣки Пенжины, впадающей въ Пенжинскую губу въ сѣверной части Охотскаго моря. Издали ихъ юрты или дома похожи видомъ на букву X. Все селеніе походитъ на собраніе гигантскихъ деревянныхъ песочныхъ часовъ, сброшенныхъ и разрушенныхъ землетрясеніемъ.

Эти юрты имѣютъ около двадцати футовъ вышины и грубо построены изъ дерева, выброшеннаго моремъ на берегъ. Онѣ не имѣютъ оконъ и дверей и влѣзать въ нихъ можно только по шесту, или столбу съ зарубками, поставленному съ наружной стороны съ тѣмъ, чтобы спуститься внутрь жилья по другому шесту чрезъ трубу, поставленному перпендикулярно по срединѣ. Удобство этого способа выхожденія зависитъ отъ дѣятельности и силы огня, разведеннаго внутри юрты. Внутренность корякской юрты у осѣдлыхъ также непривлекательна и грязна, какъ и у кочевыхъ. Свѣтъ проникаетъ въ нее единственно чрезъ круглое отверстіе, находящееся на двадцать футовъ отъ пола, которое одновременно служитъ окномъ, дверью и трубою. Перекладины, стропила и бревна, изъ которыхъ построена юрта, черны отъ постояннаго дыма. Деревянная платформа возвышается на одинъ футъ отъ земли около стѣнъ съ трехъ сторонъ, па шесть футовъ въ ширину, оставляя по срединѣ кругъ въ восемь или десять футовъ въ поперечникѣ для огня и большаго мѣднаго котла. На платформѣ устроены три или четыре четыреугольные полога изъ шкуръ, служащихъ спальнями для хозяевъ и убѣжищами отъ дыма, котораго иногда нѣтъ возможности выносить. Маленькій кругъ изъ каменныхъ плитъ на землѣ, по срединѣ юрты, образуетъ очагъ, надъ которымъ обыкновенно виситъ котелокъ съ рыбою или олениною, составляющими вмѣстѣ съ сушеною семгою, ворванью и прогорклымъ жиромъ всю пищу осѣдлыхъ коряковъ. О чьемъ нибудь появленіи въ юртѣ можно узнать по совершенному закрытію отверстія на потолкѣ и внезапному мраку, который воцаряется внутри юрты. Когда зимою снѣгъ на столько занесетъ юрту, что собаки могутъ по немъ добраться до юрты, то онѣ съ особеннымъ наслажденіемъ располагаются вокругъ отверстія, заглядывая въ юрту и лакомясь запахомъ рыбы, варящейся въ котлѣ надъ очагомъ. Нерѣдко онѣ начинаютъ драку между собою за лучшее мѣсто у отверстія, и въ ту минуту, когда готовятся снять съ огня обѣдъ изъ вареной семги, борющаяся, лающая собака летитъ въ котелъ. Корякъ вытаскиваетъ полуобваренную собаку за шиворотъ, поднимается съ нею на крышу, бросаетъ ее въ какой нибудь снѣжный сугробъ и возвращается съ невозмутимымъ спокойствіемъ ѣсть свою уху. Осѣдлыя коряки имѣютъ тупое, дикое, звѣрское выраженіе въ лицѣ, чѣмъ отличаются отъ кочующихъ коряковъ и потому не внушаютъ къ себѣ довѣрія. Они всегда ходятъ съ большими ножами въ два фута длины, которые привѣшены у нихъ въ пожнахъ къ бедру. Осѣдлые коряки, живущіе въ селеніяхъ вдоль морскаго берега въ Пенжинской губѣ, стоятъ па низшей степени развитія сравнительно съ остальными туземцами сѣверо-восточной Азіи. Они жестоки, грубы, мстительны, безчестны и вѣроломны. Они часто посѣщаются русскими купцами, и отъ нихъ заимствовали большую часть пороковъ цивилизованнаго общества. Къ этому необходимо прибавить развращающее вліяніе американскихъ китолововъ, которые познакомили осѣдлыхъ коряковъ съ ромомъ и внесли къ нимъ страшныя болѣзни, которыя увеличиваются отъ ихъ образа жизни и ихъ бѣдности. Отъ русскихъ торговцевъ они заимствовали ложь, обманъ и воровство, а отъ китолововъ пьянство и распущенность нравовъ. При этихъ порокахъ осѣдлые коряки уничто-

жаютъ въ огромномъ количествѣ опьяняющій сибирскій мухоморъ, продаваемый имъ тайно русскими купцами, такъ какъ торговля имъ запрещена закономъ, а этотъ ядъ можетъ развратить и низвести человѣка до самаго низкаго уровня. Кочующіе коряки, рѣдко видя русскихъ купцовъ и американскихъ китолововъ, не употребляютъ, или очень мало, русскую водку и американскій ромъ, а потому умѣренны, цѣломудренны, человѣчны и стоятъ выше осѣдлыхъ въ нравственномъ, физическомъ и умственномъ отношеніи. Американскіе китоловы простираютъ свое своеволіе въ Пенжинской губѣ до того, что отгоняютъ мѣстныхъ жителей, коряковъ, отъ рыбнаго промысла, хотя рѣка Пенжина отличается обиліемъ рыбы во всякое время года. Американецъ Кенанъ сообщалъ, что американскій торговый домъ В. Г. Бордменъ (изъ Бостона) и другая американская коммерческая фирма въ Китаѣ, Россель и комп., фактически въ 1865—1867 году эксплоатировали всю пушную торговлю въ Камчаткѣ и по берегу Охотскаго моря. Приблизительная цѣна, которую мѣстный житель получалъ въ 1864 году за шкуру соболя, напримѣръ, доходила до 15 р. сер., но плата производилась чаемъ, сахаромъ, табакомъ и разными другими товарами по оцѣнкѣ самого торговца, такъ что туземцы собственно получали немногимъ болѣе половины номинальной цѣны. Такимъ образомъ съ уничтоженіемъ монопольной россійско-американской компаніи, оберегавшей, такъ или иначе, русскіе интересы въ Охотскомъ морѣ, американцы, въ видѣ китолововъ, купцовъ, промышленниковъ, монопольно овладѣли всѣмъ краемъ и стали его эксплоатировать въ свою пользу, не щадя ни туземцевъ, ни русскихъ интересовъ.

Въ противоположномъ отъ коряковъ направленіи, въ южной части Охотскаго моря живутъ гиляки, которые къ сѣверу отъ Амура живутъ до деревни Кулли, около 53¾ град. сѣв. шир. Словцовъ сообщаетъ, что еще въ 1751 году гиляки, въ числѣ до 40,000 душъ, обитали по берегу Охотскаго моря между устьями Уди и Амура, на что въ то время русское правительство обратило особенное вниманіе, потому что начальнику Охотска поручалось привлекать этотъ народъ въ русское подданство. Но прошло около столѣтія прежде чѣмъ это порученіе было приведено къ осуществленію. Впервые русскіе познакомились съ гиляками въ 1644 году, когда казакъ Поярковъ спустился по Амуру и зимовалъ среди гиляковъ на устьѣ этой рѣки. Гиляки тогда признали надъ собою власть московскаго государя, но неоднократныя кровопролитныя схватки ихъ на Амурѣ съ казаками въ 1652, 1655, 1682 годахъ доказываютъ, что это подчиненіе было непрочное, вызванное страхомъ передъ первымъ появленіемъ невиданныхъ дотолѣ людей. Въ 1718 году боярскій сынъ Фильнѣевъ, вышедшій съ Шантарскихъ острововъ съ казаками на прибрежье Охотскаго моря между рѣками Тугуромъ и Амуромъ, были совершенно разбиты жившими тамъ въ то время гиляками. Это былъ совершенно независимый народъ, никогда не признававшій надъ собою власти китайскаго правительства, которое, впрочемъ, и само не считало ихъ подвластными себѣ. Рабства среди гиляцкаго народа также никогда не существовало. Гиляки раздѣляются на амурскихъ и на тро-гиляковъ, изъ которыхъ послѣдніе живутъ на восточномъ берегу Сахалина и отличаются отъ амурскихъ не только нравомъ и характеромъ, но даже и своимъ нарѣчіемъ. По своему черепу гиляки принадлежатъ къ монгольскому типу. Они имѣютъ выдающіяся скулы, небольшой носъ, узкіе глаза, большой ростъ съ толстыми губами, черные волосы, иногда рыжеватые, они заплетаютъ ихъ часто въ одну косу, бороду (они ее не выдергиваютъ, какъ тунгусы) и усы рѣдкіе, кожу смуглую. Тѣлосложеніе гиляковъ крѣпкое; ростъ довольно высокій. Гиляки суровы, недовѣрчивы, склонны къ обману и воровству (преимущественно жители сѣверной части острова Сахалина), но терпѣливы и храбры. Гиляки одарены умственными способностями и скоро выучиваются русскому языку. Вліяніе русскихъ на гиляковъ мало замѣтно; только матеріальный бытъ ихъ нѣсколько измѣнился подъ этимъ вліяніемъ, именно они стали болѣе употреблять бумажныя матеріи и охотно ѣсть русскій хлѣбъ, хотя всетаки по прежнему предпочитаютъ ему буду (просо) и рисъ. Религія гиляковъ шаманская. Они считаютъ медвѣдя за

священное животное, держатъ медвѣдей въ своихъ деревняхъ въ нарочно устроенныхъ жилищахъ (срубахъ) для того, чтобы имѣть ихъ въ готовности когда надобно принести въ жертву, причемъ такихъ медвѣдей послѣ жертвоприношенія обыкновенно съѣдаютъ. Среди гиляковъ встрѣчается много хорошихъ, искусныхъ рѣзчиковъ, столяровъ, кузнецовъ; рѣзьба ихъ отличается чистотою, красивыми, оригинальными рисунками. Гиляки управляются старшими въ семьяхъ и рѣдко, развѣ только въ чрезвычайныхъ случаяхъ, обращаются къ старшинамъ почетныхъ фамилій, которыхъ называютъ «джангинъ». Къ страннымъ ихъ обычаямъ принадлежатъ запрещеніе выносить огонь изъ юрты и похищеніе невѣстъ изъ дома родителей. При первомъ знакомствѣ гиляковъ съ русскими выносъ послѣдними огня изъ юрты давалъ поводъ къ кровопролитнымъ столкновеніямъ. Подобно корякамъ, гиляки жгутъ трупы своихъ умершихъ. Во время траура мужчины обрѣзываютъ часть волосъ на головѣ, а женщины расплетаютъ свои косы. Гиляки принадлежатъ къ отважнымъ, опытнымъ, ловкимъ охотникамъ. Съ первымъ выпавшимъ снѣгомъ, гилякъ уходитъ въ горы на охоту за соболями. Прибрежные гиляки занимаются главнѣйше рыболовствомъ, боемъ тюленей, бѣлухъ и другихъ морскихъ животныхъ. Въ первое знакомство съ русскими, они носили одежду изъ шкуръ рыбьихъ и морскихъ звѣрей, а на головѣ шапочку изъ бересты. Жилища строятъ изъ бревенъ. Гиляцкія жилища, встрѣченныя Миддендорфомъ на южномъ берегу Охотскаго моря, въ Тугурскомъ заливѣ, поразили его сходствомъ своей постройки съ русскими избами. Лѣтомъ гиляки живутъ преимущественно въ юртахъ, сдѣланныхъ изъ бересты. Зимою гиляки одѣваются въ собачьи мѣха, шерстью къ верху, причемъ черныя шубы считаются щегольскими и очень дорого цѣнятся. Гиляки татуируются рѣдко, причемъ дѣлаютъ себѣ нѣсколько точекъ на переносьѣ. Жилища гиляковъ, какъ и всѣхъ полукочевыхъ народовъ, неопрятны и отвратительны для европейца. Когда Миддендорфъ на южномъ берегу Охотскаго моря вознамѣрился ближе осмотрѣть и описать гиляцкое зимнее жилье, которое до зимы оставалось не занятымъ, то блохи положительно заставили обратиться его въ бѣгство и отказаться отъ своего желанія. Какъ густая черная каша, блохи расползлись по Миддендорфу; по немъ разлилась сплошная бродящая масса, подымаясь вверхъ по его одеждѣ. Гиляки извѣстны своею смѣлостью, отвагою въ охотѣ за звѣрями, своимъ единоборствомъ съ медвѣдями; но когда Миддендорфъ со своими спутниками пріѣхалъ къ гилякамъ на южномъ берегу Охотскаго моря верхомъ на тунгускихъ оленяхъ, то гиляки не только съ удивленіемъ смотрѣли на этихъ невиданныхъ до того ими рогатыхъ животныхъ, но разбѣгались самымъ смѣшнымъ образомъ, какъ только олени начинали шевелиться, когда пріѣзжіе съ нихъ слѣзли. Такъ новость предмета дѣйствуетъ на умы необразованнаго народа.

Юрты свои гиляки строятъ такъ, что вкапываютъ въ землю столбы, на разстояніи полутора сажени одинъ отъ другого и промежутокъ между ними забираютъ въ разъ тонкими бревешками безъ мху или другой какой прокладки. На столбахъ утверждаются стропила, которыя связываются такими же тоненькими бревешками, а потомъ забираются вершиннымъ или тонкимъ лѣсомъ и застилаются, на подобіе нашихъ соломенныхъ крышъ,—травою. Затѣмъ все строеніе смазывается глиною. Единственная дверь въ юртѣ довольно низка. По правую и по лѣвую сторону отъ двери дѣлаются очаги, а подъ очагомъ небольшой сводъ, изъ котораго дымъ проходитъ по горизонтальной трубѣ, устроенной подъ нарами. Труба эта деревянная, обмазана глиною и продолжается подъ землею; чрезъ нее дымъ проходитъ въ большую деревянную трубу, иногда единственную для всей деревни, но всегда служащую для двухъ или трехъ юртъ и удаленную отъ строенія на двадцать или на тридцать шаговъ. Нары устилаются циновками изъ рисовой соломы. Балки, соединяющія между собою основные столбы юртъ, служатъ вѣшалками для разныхъ домашнихъ тряпокъ и вещей, а также для привязи собакъ. По срединѣ каждой юрты сдѣланъ помостъ для кормленія собакъ. Собаки вспрыгиваютъ на этотъ помостъ, привязываются къ балкамъ и женщины, поставивъ напо-

мостъ длинныя корыта, уполовниками разносятъ горячій кормъ по корытамъ изъ большихъ чугунныхъ котловъ, вмазанныхъ въ печи. Этотъ кормъ обыкновенно состоитъ изъ вареной юколы. Запахъ юколы, дымъ очаговъ, вой и визгъ собакъ, гиляки, немывшіеся со дня своего рожденія, промерзшія стѣны и горячія нары, смрадъ и грязь—вотъ картина, представляемая внутренностью гиляцкой юрты. Вокругъ юртъ и вдоль по берегу устанавляются сушильни для рыбы и сѣтей, а въ нѣкоторомъ отдаленіи внутрь отъ берега виднѣются срубы (сайбы) съ живыми медвѣдями. При каждомъ селеніи гиляковъ имѣются въ большомъ числѣ лодки оригинальной наружности, состоящія изъ трехъ широкихъ досокъ, изъ которыхъ нижняя, замѣняющая дно, нѣсколько выгнута къ оконечностямъ, а боковыя приставлены къ ней на ребро и скрѣплены деревянными гвоздями. Лодки бываютъ двухъ и шестнадцати-весельныя. Весла короткія съ широкими лопастями и для каждаго гребца полагается по два весла. Сверхъ того употребляются челноки изъ бересты, называемые «оморочи», въ которые помѣщается отъ одного до трехъ человѣкъ и на которыхъ гребутъ длинными веслами съ лопастями на обоихъ оконечностяхъ.

Въ мѣстахъ, удобныхъ для охоты на тюленей и бѣлухъ, гиляки пускаютъ на концѣ лѣсину, на которую животное, выходя па поверхность воды, кладетъ свою голову. Невдалекѣ отъ этого мѣста дѣлается засада, обставленная березами. За нею скрывается охотникъ и когда животное покажется, то онъ ловко бросаетъ въ него стрѣлу изъ хорошо вытянутыхъ тюленьихъ ремней; на другомъ концѣ этого ремня укрѣпляется надутый тюленій пузырь, который не дозволяетъ животному удалиться далеко и скоро. Измученное животное вытаскиваютъ на берегъ. Для промысла звѣринаго, рыбнаго, для заготовленія рыбъ, ягодъ, гилякъ оставляетъ мѣсто постояннаго своего жительства и иногда даже со всѣмъ своимъ семействомъ переселяется въ угодья, соотвѣтственныя его занятію въ извѣстное время года. Шалашъ, прилѣпленный гдѣ нибудь около скалы, становится тогда жилищемъ гиляка и всего его семейства. Число женщинъ превышаетъ у гиляковъ число мужчинъ, послѣдствіемъ чего оказывается многоженство, впрочемъ, не особенно сильно развитое, такъ какъ большинство гиляковъ имѣетъ только по одной женѣ. Обрядъ супружества, какъ у всѣхъ дикарей, основанъ на калымѣ или покупкѣ. Отцы смотрятъ на своихъ дочерей, какъ на капиталъ. Обыкновенная принадлежность калыма есть лодка, болѣе или менѣе значительныхъ размѣровъ, копье, оправленное серебромъ, лукъ со стрѣлами, шелковыя матеріи, халаты, пушные товары и нарта собакъ, число которыхъ, равно какъ и цѣнность прочихъ вещей, опредѣляется по предварительному соглашенію отца съ женихомъ. По уплатѣ калыма, что иногда продолжается нѣсколько мѣсяцевъ и лѣтъ, женихъ увозитъ невѣсту къ себѣ въ юрту и дѣло кончается тѣмъ, безъ всякихъ религіозныхъ обрядовъ. Иногда молодой гилякъ, увлеченный страстью и будучи не въ состояніи заплатить калыма, воруетъ невѣсту и тогда долженъ быть готовымъ или внести выкупъ или быть зарѣзаннымъ при первомъ удобномъ случаѣ. Такъ, однажды, молодой гилякъ, имѣвшій въ виду дочь одного изъ самыхъ зажиточныхъ и вліятельныхъ гиляковъ другого селенія, услышалъ о намѣреніи выдать ее за другого, а потому въ отсутствіе ея отца, нагрянулъ въ его деревню съ двумя или тремя нартами своихъ пріятелей. Въ юртѣ оставались только мать съ дочерью. Гиляки по обыкновенію вошли въ юрту и, усѣвшись около молодой, закурили трубки. Кончивъ курить, гиляки выбили трубки и моментально подхватили восемнадцатилѣтнюю дѣвушку. Вынеся ее на улицу, они растянули ее на нартѣ и мертвыми петлями, приготовленными заранѣе, привязали къ нартѣ. Это было дѣломъ одной минуты. Собаки мигомъ перенесли удальцовъ на такое разстояніе, что никакой крикъ не могъ быть слышенъ въ деревнѣ. Старикъ отецъ, по возвращеніи домой, узнавъ о похищеніи, грозился зарѣзать похитителя, но уплоченный калымъ уничтожилъ распрю. На другой день послѣ похищенія гилячка была законною женою и исполняла всѣ работы по хозяйству своего мужа. Семейныя отношенія гиляковъ отличаются дикостью, равнодушіемъ и холодностью. Только

къ маленькимъ дѣтямъ оказывается нѣкоторое вниманіе и состраданіе. Придя въ возрастъ, сынъ не почитаетъ своего отца и живетъ, какъ ему вздумается. Объ матери нечего и говорить, она не имѣетъ никакого вліянія и считается какъ-бы работницею. Сынъ колотитъ и выгоняетъ изъ дома мать и всѣ окружающіе смотрятъ на такой поступокъ, какъ на самое обыкновенное дѣло. Между мужемъ и женою, даже въ первый мѣсяцъ ихъ супружества, не замѣтно никакого особаго расположенія.

Жертвоприношеніе медвѣдя совершается особымъ образомъ. Предназначенное на убой животное водится по всѣмъ окружнымъ деревнямъ, гдѣ его подчуютъ, дразнятъ и оставляютъ ночевать въ юртахъ. Помостъ по срединѣ юрты снимается; стукъ палокъ о висячее бревно возвѣщаетъ приближеніе медвѣдя, сопровождаемаго множествомъ гиляковъ. Одинъ изъ нихъ, вооруженный заостреннымъ коломъ, скачетъ предъ самою пастью медвѣдя и колетъ его въ разныя части тѣла, преимущественно въ шею и между ушами, а медвѣдь ревętъ и старается передними лапами схватить своего противника, но осаживается немедленно назадъ посредствомъ цѣпи, которую иногда держатъ до 15 человѣкъ. Въ юртѣ къ столбу медвѣдь привязывается четырьмя цѣпями. Начинается угощеніе; медвѣдю подносятъ вареную рыбу, юколу, пшено, ягоды. По прошествіи нѣсколькихъ часовъ медвѣдя выводятъ изъ юрты и сажаютъ въ сайбу. Передъ какимъ-нибудь праздникомъ медвѣдя убиваютъ стрѣлою. Передъ тѣмъ старики и дѣти ходятъ къ хозяину медвѣдя и плачутъ. По убіеніи всѣ сбираются къ медвѣдю и снова плачутъ, послѣ чего его варятъ и съѣдаютъ, причемъ наряжаются въ лучшія платья, катаются въ лодкахъ и нартахъ.

Переѣзды по отдаленнымъ мѣстамъ Сибири представляютъ собою еще и теперь рядъ затрудненій, препятствій и опасностей. Еще болѣе лишеній приходилось претерпѣвать путешественникамъ лѣтъ 50 назадъ, когда почти не было въ этихъ пустынныхъ пространствахъ правильно устроенныхъ дорогъ, и когда путешественнику на каждомъ шагу грозила смерть и отъ голода, и отъ холода и отъ дикихъ звѣрей...

Такой опасности подвергался во время своего путешествія протоіерей Громовъ, переѣзжавшій въ 1834 году на службу со всѣмъ своимъ семействомъ изъ Якутска въ Петропавловскъ, на Камчаткѣ. Описаніе путешествія Громова мало кому извѣстно, а между тѣмъ по богатству приключеній оно едва уступаетъ Робинзону Крузоэ...

Громовъ отправился въ Камчатку на неопредѣленное время, а потому взялъ съ собой все семейство, жену и четверыхъ малолѣтнихъ дѣтей и съ ними няньку. 5-го іюня переправился изъ Якутска за Лену въ то мѣсто, откуда долженъ былъ начать свой путь верхомъ на лошадяхъ. Дѣтей назначено было везти въ люлькахъ, то-есть корзинахъ, обшитыхъ кожею. Люлька виситъ на одномъ боку лошади, связанною съ другою корзиною, висящею на другомъ боку лошади, съ другимъ ребенкомъ или какою либо кладью для равновѣсія. Непривычныя къ такому вьюку лошади скачутъ, становатся на дыбы и часто падаютъ. Поэтому, 6-го іюня проводники обучали лошадей, которыя назначены были везти дѣтей въ люлькахъ. Больныхъ или не могущихъ ѣхать верхомъ, сажаютъ въ качку или крытыя носилки съ оглоблями спереди и сзади, въ которыя впрягаются лошади. 7-го іюня караванъ выступилъ въ путь. Караванъ состоялъ всего изъ 22 человѣкъ, въ томъ числѣ семейства Громова, семейства другого священника и дьячка и двухъ не женатыхъ причетниковъ. Подъ семействомъ Громова было всего 16 лошадей; на первой находился проводникъ и велъ въ поводу вторую, на которую усадили сына Громова. Къ хвосту этой лошади привязана была третья лошадь, навьюченная двумя люльками, въ которыхъ сидѣли два другіе его сына. На четвертой лошади ѣхала нянька,

причемъ къ сѣдлу ея была прикрѣплена люлька съ 18-ти мѣсячнымъ ребенкомъ. На пятой лошади жена Громова, на шестой лошади онъ самъ.

Кладь его везли девять лошадей, связанныхъ хвостами одна съ другой; при нихъ былъ проводникъ на десятой лошади.

Дорога сначала шла въ гору и пролегала чрезъ ущелье въ дремучемъ лѣсу; она дѣлится на нѣсколько вѣтвей и узкихъ тропинокъ, по которымъ двѣ лошади не могутъ слѣдовать рядомъ, но идутъ произвольно отдѣляясь одна отъ другой.

При закатѣ солнца проводники останавливаются для ночлега, причемъ не дошедшихъ, отставшихъ путешественниковъ проводники отправляются отыскивать. Вскорѣ по дорогѣ начались топи; лошадей пришлось развязать, и каждая пошла, какъ умѣла. На ночлегѣ 10-го іюня проводники украли у спутниковъ сухари, и пришли якуты, хозяева того мѣста, на которомъ

Зимняя станція по Охотскому тракту

они провели ночь, требуя настоятельно плату за траву, съѣденную лошадьми. Долго продолжались объясненія, пока Громовъ не сказалъ имъ.

— Богъ наградитъ васъ за то, что два священника покормили лошадей своихъ на землѣ вашей.

— Правда, батька,—сказали якуты и затѣмъ ушли съ низкими поклонами.

Далѣе на всемъ пространствѣ шли жидкія болота и тундры, въ нѣкоторыхъ мѣстахъ покрытыя хворостомъ и жердями, что называется въ томъ краѣ мостомъ. Лошади не только вязли безпрестанно, но и утопали въ бездонныхъ болотахъ и на каждомъ шагу требовали у людей помощи; ихъ вытягивали изъ грязи на нарахъ. Въ одномъ изъ такихъ мѣстъ лошадь, на которой сидѣла нянька, увязла и упала въ ту сторону, на которой была привѣшена люлька съ самымъ меньшимъ ребенкомъ. Нянька не теряла присутствія духа; она выхватила ребенка изъ люльки до паденія лошади. 15 іюня протоіерей Громовъ прибылъ на рѣку Амчу, гдѣ узналъ, что проѣхалъ лучшую часть всего пути, и что далѣе дорога будетъ хуже. Люди пере-

правлены были на лодкахъ, а лошади вплавь. Ночью шелъ проливной дождь, и 16-го іюня грязь была поэтому непроходимая. Носилки, въ которыхъ ѣхала, только недавно вставшая съ постели, жена другого священника, пришлось оставить, и бѣдную женщину посадили на лошадь. На пути лошадямъ пришлось идти по долинѣ, покрытой водою; онѣ вязли, тонули и опускались на каждомъ шагу вглубь. Во многихъ топкихъ мѣстахъ путешественники сходили съ лошадей, брали на руки дѣтей и, только придя въ совершенное изнеможеніе, клали ихъ опять въ люльки. Такъ они дошли до рѣки Алдана, на берегу которой провели ночь въ палаткахъ. На другое утро путники переправились на правый берегъ въ селеніе, состоящее изъ трехъ или четырехъ якутскихъ юртъ и хлѣбнаго магазина. За селеніемъ пошелъ опять проливной дождь. Топи опять растворились. Лошади вмѣстѣ идти не могли и потому разбрелись. Въ одиннадцатомъ часу ночи, въ дикомъ мѣстѣ подлѣ утеса, подъ проливнымъ дождемъ, они остановились около разрушеннаго моста и скликались въ темнотѣ ночи. Вблизи ихъ ночлега лежалъ еще не растаявшій снѣгъ, который началъ размываться дождемъ, такъ что сырой холодъ приводилъ путешественниковъ въ изнеможеніе. Дождь шелъ всю ночь и пробилъ насквозь палатки. Караванъ провелъ двое сутокъ подъ постояннымъ дождемъ. 22-го іюня араванъ рѣшился двинуться впередъ. Чрезъ рѣку Бѣлую переправились на лодкахъ на лѣвый берегъ, гдѣ раскинули палатки. 23-го числа дождь продолжалъ идти постоянно. Якуты, не желая слѣдовать далѣе, распустили лошадей и стали увѣрять, что онѣ разбрелись, и что ихъ надобно собирать. Между тѣмъ вода въ рѣкѣ замѣтно прибывала и грозила затопить даже возвышенное мѣсто, которое занимало семейство священника. Опасность возрастала ежеминутно, но ѣхать было невозможно, потому что якуты не приводили лошадей. На другой день караванъ, наконецъ, пустился въ путь. Онъ девять разъ переѣзжалъ довольно возвышенные хребты горъ, но и тамъ не прекращались топи и болота. Приходилось подниматься и спускаться по топкимъ, пологимъ мѣстамъ. 26-го іюня путники двѣнадцать разъ переѣхали чрезъ рѣку Тюнкюй. Въ этотъ день они ночевали на половинѣ дороги отъ Якутска и Охотска. 27-го и 28-го іюня шелъ сильный дождь. Путники шли пѣшкомъ по крупнымъ камнямъ, по которымъ лошади не могли твердо ступать. Всю ночь проискали пропавшаго съ тюками проводника, который завязъ въ топи. Шесть разъ путники, промокшіе до костей, переѣзжали вбродъ разныя рѣчки и, между прочимъ, ѣхали также по твердому сольгу. 29-го числа они шли по льду. 30-го видѣли столбъ, на которомъ прочли: «отъ Якутска 525, отъ Охотска 489». Въ лѣсахъ часто находили завязшихъ, утопающихъ лошадей, которыхъ спасти было невозможно 1-го іюля караванъ ѣхалъ сперва мрачными ущельями, потомъ каменистымъ и гористымъ пространствомъ по сухой песчаной дорогѣ. На станціи пали двѣ лошади, на которыхъ ѣхали трое меньшихъ дѣтей Громова, потому что люльки до крайности изнуряютъ лошадей. На другой день, переправясь чрезъ рѣку Аллахъ-Юну, весь караванъ, по просьбѣ якутовъ, рѣшился дневать не обративъ вниманія на прибыль воды. Скоро, однако, вода вышла изъ береговъ и наводнила мѣсто, на которомъ были расположены путники. Окруженные водою, они очутились на островѣ, но и тамъ угрожала имъ гибель. Они сложили ящики одинъ на другой и на нихъ взлѣзали сколько можно было выше. Такъ прошла ночь. Вода прибывала до утра; по рѣкѣ быстро неслись деревья, бревна, и потому на лодкахъ не было возможности подать помощь путникамъ ночью. Только 3-го іюля перевезли ихъ на станцію. Если-бы вода продолжала прибывать, то имъ оставалось спасаться на деревьяхъ, на которыхъ они могли, однако, умереть съ голода, но вода скоро убыла. Отдѣлявшее ихъ отъ дороги низменное пространство было, однако, еще покрыто водою, такъ что 4-го іюля нельзя было еще пуститься въ путь. Якуты провели весь день въ мѣнѣ и покупкѣ лошадей. 7-го іюля на переходѣ переправились десять разъ въ бродъ. Въ тотъ день часть пути караванъ вновь прошелъ по льду. Во всѣ эти дни путники видѣли слѣды медвѣдей. На ночлегѣ лошади наѣлись «пьяной травы» и оправились, только вспотѣвъ на перегонѣ. 11-го іюля караванъ пришелъ къ правому берегу

свирѣпствовалъ скотскій падежъ. Подрядчикъ-якутъ, взявшійся доставить путниковъ въ Охотскъ, упросилъ протоіерея Громова отпустить его, въ виду падежа. Громовъ, разсчитывая нанять лошадей на станціи, согласился на его просьбу. 12-го іюля, въ первый разъ по выѣздѣ изъ Якутска, караванъ прошелъ 35 верстъ, несмотря на одинаковыя съ прежними препятствія. Опасеніе встрѣтить бѣглыхъ людей съ Охотскаго солевареннаго завода и медвѣдей заставило путниковъ не разлучаться. 14-го числа, во время дождя, въ холодную погоду, поднимаясь на гору, двѣ почтовыя лошади упали и издохли. Лошадь, на которой сидѣли въ люлькахъ среднія дѣти Громова, вдругъ стала бѣситься. Одна люлька съ нея сорвалась съ ребенкомъ и попала ей подъ ноги; лошадь наступила на люльку; прочія лошади также разыгрались, но проводникъ ихъ усмирилъ; упавшую люльку подняли, ребенокъ найденъ неповрежденнымъ.

Протоіерей Громовъ ѣхалъ на смирной, послушной лошади. Вдругъ она замотала головою, быстро поскакала и со стономъ свалилась на землю. Оказалось, что въ лѣсистыхъ мѣстахъ этого края, около гнилыхъ деревъ, лѣтаютъ рои «строкъ», въ родѣ осы, съ сильнымъ жаломъ, производящимъ весьма широкое отверстіе, изъ котораго и струилась кровь павшей лошади. Якуты предварили путниковъ, что, при появленіи такого роя, необходимо всѣмъ разъѣзжаться. Эти насѣкомыя появляются только въ сырую погоду и рѣдко жалятъ людей; ужаленіе ихъ производитъ мгновенно сильную боль и опухоль. Бѣдствія каравана не прекращались. Съ пяти палыхъ лошадей кладь была навьючена на здоровыхъ лошадей, до крайности изнуренныхъ. Скоро пали еще четыре лошади. У нѣкоторыхъ лошадей показались признаки заразы. Жаръ былъ нестерпимый; на каждомъ шагу сотнями встрѣчались дохлыя лошади; смрадъ былъ невыносимый. Весь воздухъ былъ проникнутъ этимъ смрадомъ, даже сѣдла, вьюки, припасы. Идти пѣшкомъ было невозможно по повсемѣстной топи. На каждой лошади, кромѣ собственнаго ея вьюка, навьючена была кладь съ павшихъ лошадей и, сверхъ того, помѣщались два человѣка. Встрѣча съ ямщикомъ, у котораго проводникъ каравана взялъ трехъ лошадей, облегчила прочихъ. Вечеромъ ямщикъ разложилъ огни для защиты отъ медвѣдей. 18-го іюля, на закатѣ солнца, подъѣхали къ броду. Спутники протоіерея Громова, отъ изнеможенія, не могли ѣхать далѣе и остановились; но почтовый ямщикъ Громова, не внимая его убѣжденіямъ, переѣхалъ бродъ и разбилъ палатки. Проливной дождь не дозволилъ развести огней. Утромъ нашли издохшею лучшую лошадь. Подъѣхавъ къ новому броду, за нѣсколько верстъ отъ ночлега, проводникъ объявилъ, что переправиться можно только «заводомъ», т. е. часть клади навьючить на нѣсколькихъ лошадей, отвезти ее далѣе, въ извѣстное мѣсто, потомъ пріѣхать на тѣхъ же лошадяхъ за остальною частью поклажи и, наконецъ, въ третій разъ за людьми, которые сидѣли между тѣмъ въ грязи. Подъѣхавъ къ Уралу, они нашли рѣку, выступившею изъ береговъ. Не было возможности переправиться чрезъ нее, надлежало ждать, а между тѣмъ съѣстные припасы всѣ вышли. Семейство Громова было спасено отъ голода станціоннымъ смотрителемъ, возвращавшимся изъ Охотска. Онъ съ большою опасностію переправился чрезъ рѣку и привезъ имъ хлѣба, масла, рыбы, соли и даже водки. На этомъ мѣстѣ съѣхались опять спутники Громова, оставленные самовольнымъ распоряженіемъ ямщика. Здѣсь узнали причину, почему ямщикъ не хотѣлъ тогда тамъ остановиться. Станціонныхъ проводниковъ обязываютъ подпискою не останавливаться на томъ мѣстѣ по множеству медвѣдей. Спутники Громова испытали на опытѣ основательность такого предупрежденія. Въ виду всѣхъ, медвѣдь напалъ на одну изъ ихъ лошадей и сталъ ее пожирать. Путешественники принуждены были изъ вьюковъ достать свою мѣдную посуду и только звукомъ ея испугали и отогнали звѣря.

Только 23-го іюля путники съ опасностію переправились на другой берегъ рѣки. Между тѣмъ язва усиливалась; путешественники были принуждены на каждомъ шагу поднимать изнемогавшихъ лошадей и помогать имъ дойти до станціи. Въ пять часовъ они достигли Меты, откуда до Охотска оставалось только 50 верстъ. Изъ десяти лошадей, взятыхъ протоіереемъ Громовымъ, пришли на Мету только три; на другой день изъ трехъ пали двѣ. Изъ юдом-

Ночлегъ на дорогѣ въ Камчаткѣ.

скихъ почтовыхъ лошадей не дошла ни одна. На Метанской станціи пали всѣ почтовыя лошади.

Рѣка Охота выступила изъ береговъ. Пробывъ три дня на станціи, протоіерей Громовъ, несмотря на опасность плаванія, рѣшился всетаки отправиться въ Охотскъ, чтобы не опоздать къ отплытію судна, назначеннаго въ Камчатку. Привели четыре лодки, которыя были связаны въ видѣ парома. Полу-слѣпой кормчій громко объявилъ, что не отвѣчаетъ за путешественниковъ, потому что рѣка разлилась, опасныя мѣста покрыты водою, а лодки плохи, глаза же его худо видятъ. Паромъ поплылъ съ чрезвычайною быстротою. Половину пути, т. е. верстъ пятьдесятъ по извилинамъ Охоты они проплыли удачно, но затѣмъ противный вѣтеръ и приливы съ моря заставили ихъ пристать къ острову, на которомъ разбили палатки и переночевали. Кормчій со своими помощниками наловилъ плестомъ рыбы въ такомъ количествѣ, что всѣ питались ею цѣлыя сутки. Снова пошелъ проливной дождь, но путники уже не обращали на него вниманія и послѣ 50-ти дневнаго странствованія прибыли наконецъ въ Охотскъ.

Двадцать лѣтъ спустя, въ 1854 году, проѣхалъ отъ Охотскаго моря къ Якутску, по направленію отъ Аяна, по проложенному передъ тѣмъ новому почтовому тракту, И. А. Гончаровъ и повѣствованіе его объ этомъ переѣздѣ рисуетъ тѣ же картины бѣдствій и лишеній, какія начертаны были передъ нимъ простымъ, безъискуственнымъ перомъ протоіерея Громова. Изъ Аяна надобно было лѣтомъ ѣхать верхомъ верстъ двѣсти, при чемъ багажъ также везли на лошадяхъ вьюками. Затѣмъ, по рѣкамъ Маѣ и Алдану спускались верстъ шестьсотъ въ лодкахъ, а потомъ сто восемьдесятъ верстъ опять верхомъ по болотамъ и, наконецъ, остальныя двѣсти пятьдесятъ верстъ до Якутска на телѣгахъ. Отъ Алдана ѣдутъ по ложбинамъ между горъ, по руслу рѣчекъ и горныхъ ручьевъ, которые въ дожди бурлятъ такъ, что лошади едва переходятъ въ бродъ, уходя по уши. Въ сухую погоду сѣдоки мочатъ только подошвы; но при переправѣ чрезъ Алдамы должны поднимать ноги къ сѣдлу. По дорогѣ идетъ густой лиственный лѣсъ; ѣдутъ по узенькой, усѣянной пнями, тропинкѣ. Потомъ лѣсъ раздвигается и глазамъ является обширное, забросанное каменьями, болото, которое въ дожди, должно быть, непроходимо. Щебень составляетъ природное дно рѣчекъ, а крупные каменья набросаны, будто въ видѣ украшеній, съ утесовъ, которые стоятъ стѣною и мѣстами поросли лѣсомъ, мѣстами голы и дики. Нигдѣ нѣтъ ни признака жилья, ни встрѣчи съ кѣмъ нибудь. Путники ѣхали горными тропинками, мимо овраговъ, къ счастію окаймленныхъ лѣсомъ, проѣхали въ бродъ множество рѣчекъ, горныхъ ручьевъ и нѣсколько разъ рѣку Алдаму, потомъ углубились въ глушь лѣсовъ и подолгу ѣхали узенькими дорожками, пересѣкаемыми, или горизонтально растущими сучьями или до того грязными ямами, что и лошадь и сѣдокъ останавливаются въ недоумѣніи, какъ переѣхать или перескочить то или другое мѣсто. И это еще бездѣлица въ сравненіи съ предстоящими грязями, гдѣ лошадь уходитъ совсѣмъ. Лошадямъ здѣсь овса не положено давать, за неимѣніемъ его; за то травы изъ подъ ногъ—сколько хочешь. По пріѣздѣ на станцію, ихъ отводятъ въ лѣсъ и тамъ оставляютъ до утра. Лѣсъ по дорогѣ былъ лиственичный, потомъ стали появляться ель, сосна шиповникъ. Много росло по пути брусники и рябины. Тишина и молчаніе сопровождали караванъ г. Гончарова. На пути имъ показалось кочевье оленныхъ тунгусовъ со стадомъ оленей. Только однажды засвистала какая то птичка, да, кажется, сама испугалась и замолкла, или иногда изъ болота вдругъ выскакивалъ куликъ, мѣстами въ вышинѣ неслись гуси или утки,—все это пролетные гости въ этой мѣстности. Не слыхать было и насѣкомыхъ. Наконецъ, совершилось восхожденіе каравана на Джукжуръ, какъ называется якутами часть Станового хребта, который имъ приходится переѣзжать. Караванъ выѣхалъ со станціи часовъ въ семь утра и ѣхалъ незамѣтно въ гору, буквально по океану камней. Рѣдко, рѣдко гдѣ на полъ версты появлялась земляная тропинка и затѣмъ исчезала. Якутскія лошади малорослы, но сильны, крѣпки, ступаютъ мѣрно и увѣренно. Джукжуръ отстоитъ въ восьми верстахъ отъ станціи, гдѣ ночевалъ караванъ. Вскорѣ по сто-

ронамъ пошли горы, одна другой круче, сѣрѣе и недоступнѣе. Это какъ будто искусственно насыпанныя пирамидальныя кучи камней. По виду ни на одну нельзя влѣзть; однѣ горы сѣроватыя, другія зеленоватыя, всѣ вообще непривѣтливы, гордо поднимаются къ верху и сбрасываютъ съ себя каменья. Джукжуръ явился издали въ видѣ прямой стѣны съ обледенѣвшею снѣжною глыбою, будто вставленнымъ въ перстнѣ алмазомъ, на самой крутизнѣ. Между тѣмъ было замѣтно, что караванъ уже давно поднимается, что стало холоднѣе и что осталось только подняться на самую «выпуклость», которая висѣла надъ головами путниковъ. Гончаровъ все еще не вѣрилъ въ возможность въѣхать и войти, а между тѣмъ караванъ уже тронулся при крикахъ якутовъ. Камни заговорили подъ ногами. Вереницею, зигзагами потянулся караванъ по тропинкѣ. Двѣ вьючныя лошади перевернулись черезъ голову, одна съ чемоданами Гончарова. Ее бросили на горѣ и пошли дальше. Гончаровъ шелъ съ двумя якутами; одинъ велъ его на кушакѣ, другой поддерживалъ сзади. Гончаровъ садился разъ семь отдыхать, выбирая для того камни по—мшистѣе, иногда же клалъ голову на плечо якута. Каменья катились подъ ногами; якуты дали путникамъ по палкѣ. Наконецъ дошли до вершины. У одного якута, который велъ Гончарова, пошла изъ носа кровь. Остальная дорога до станціи была отличная, ѣхали почти по шоссе, по прекрасной сосновой, березовой и еловой аллеѣ. Встрѣтилъ караванъ на дорогѣ красивый каскадъ и груды причудливо-разбросанныхъ какъ будто взрывомъ зеленоватыхъ камней.

На большой части прибрежья Охотскаго моря зимою переѣзды возможны только на собакахъ. Для этой ѣзды употребляются повозки двухъ родовъ: нарты и санки. На нартахъ возятъ тяжести или тѣхъ кто хочетъ ѣхать спокойно, потому что въ нихъ можно даже и лежать одному человѣку, а наверху задней части нартъ иногда накидывается круглая крышка, какъ въ обыкновенныхъ кибиткахъ. На санкахъ же рѣдко возятъ кладь и ѣзда на нихъ безпокойна. Нарты бываютъ гораздо болѣе санокъ. Устройствомъ своимъ онѣ походятъ на обыкновенныя салазки; но только полозья у нихъ несравненно длиннѣе и загибы гораздо отложе. Копылья не вколочены въ полозья, а привязываются ремнями, какъ и у санокъ. Кибитка, или волочекъ, дѣлается изъ весьма тонкихъ прутиковъ или драничекъ и обыкновенно обтягивается выдѣланною оленьею кожею. У богатыхъ нартъ кибитку снаружи обтягиваютъ тюленьими кожами и внутри сукнами или байкою. Въ нартѣ подлѣ головяшки кладется поперегъ доска, на которой садится каюрщикъ или кучеръ. Подъ доскою иногда дѣлается ящикъ для поклажи. Сѣдокъ сидитъ или лежитъ въ нартѣ. Кто же ѣдетъ на саняхъ съ каюрщикомъ, тотъ долженъ сидѣть или верхомъ на санкахъ или со стороны санокъ; кто же самъ правитъ собаками, тотъ сидитъ съ правой стороны, поставя лѣвую ногу на полозокъ, а лѣвою рукою держитъ за ремень, привязанный къ головяшкѣ, которою онъ и отводитъ санки отъ деревьевъ и направляетъ ихъ по прямому пути. Охотники до собачьей ѣзды никогда не ѣздятъ въ нартахъ, но постоянно на санкахъ, которыя украшаютъ роскошнымъ, щегольскимъ образомъ до мотовства. Собаки, употребляемыя для ѣзды, на людей никогда не бросаются; рѣдкія изъ нихъ кусаются и то если ихъ трогаютъ; посторонній человѣкъ можетъ ихъ поймать и запречь; но для звѣрей и для всякаго рода домашней скотины и птицы онѣ очень опасны.

Ѣзда на собакахъ не только крайне трудна и безпокойна, но даже и опасна. Дороги зимою весьма узки и почти всѣ лежатъ чрезъ горы и утесы, на которыхъ часто бываютъ къ деревьямъ раскаты, особенно на косогорахъ. На спускахъ съ горъ или по гладкой дорогѣ собакъ очень трудно удержать, а потому нужно имѣть большую привычку и снаровку, чтобы умѣть на всемъ скаку отводить отъ деревьевъ. Много было случаевъ, что люди на раскатахъ ушибались о деревья до смерти. Сверхъ того, если по дорогѣ собаки увидятъ звѣря или усмотрятъ слѣдъ его (напримѣръ дикаго оленя), то вмигъ бросаются въ ту сторону съ дороги, гдѣ полагаютъ найти звѣря. Тогда съ собаками очень трудно справиться и нужно бываетъ употребить не мало времени, чтобы ихъ вновь направить на настоящій путь, если не успѣютъ удержать

во время. Не рѣдко случается, что собаки совсѣмъ уходятъ при такой погонѣ за звѣремъ отъ ѣздока и бѣгутъ, сломя голову, пока не запутаются въ лѣсу или не зацѣпятъ санками за дерево. Иногда, отъѣхавъ нѣсколько саженъ отъ дома, собаки вдругъ сами собою поварачиваютъ назадъ и, не взирая на всѣ усилія проводника и на побои, его не слушаютъ. Даже самые искусные ѣздоки съ трудомъ заставляютъ ихъ тогда ѣхать настоящею дорогою, чаще же бываетъ, что даютъ имъ волю везти себя домой и тамъ, побивъ ихъ порядочно, пускаются уже вторично въ путь.

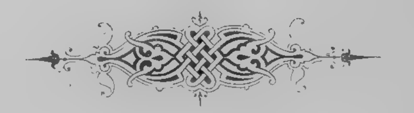
Кенанъ выѣхалъ изъ Гижиги 13-го декабря на собакахъ. Между Пенжинскою губою и рѣкою Мальмовкою мѣстность была настоящею пустынею, обширною, ровною, утомительною для взора. Нигдѣ не было видно слѣда животной или растительной жизни; снѣжный океанъ, бѣлый холодный, молчаливый, слабо освѣщался съ восточной стороны луною уже на ущербѣ и зловѣщими голубыми лучами сѣвернаго сіянія, то исчезавшими, то снова появлявшимися на полярномъ горизонтѣ. Даже, когда солнце всходило огромнымъ, огненнымъ шаромъ въ морозномъ туманѣ на южной сторонѣ, оно, казалось, не вдыхало ни теплоты, ни жизни въ мрачный зимній пейзажъ. Оно поглощало только своимъ густымъ краснымъ свѣтомъ голубые дрожащіе лучи сѣвернаго сіянія, между тѣмъ какъ бѣловатый свѣтъ мѣсяца и звѣздъ, окрашивая снѣгъ бѣлыми тѣнями, напоминающими солнечный закатъ, представлялъ на сѣверозападѣ какой то чудный миражъ. Пустынная снѣжная степь превратилась внезапно въ голубое тропическое озеро, на далекомъ берегѣ котораго поднимались стѣны, куполы и стройные минареты большого восточнаго города. Массы роскошной зелени наклонялись надъ прозрачною, голубою водою и отражались въ ея глубинѣ, между тѣмъ какъ высокія стѣны только что окрашивались первыми лучами восходящаго солнца. Обманъ не могъ быть полнѣе и совершеннѣе. Лучезарное явленіе блѣднѣло, снова оживало и, наконецъ, исчезло, а изъ его развалинъ поднялись два колоссальные столба, высѣченные изъ розоваго кварца, верхушки которыхъ постоянно сближались и образовали наконецъ арку, подобную огромному входу въ небо. Свѣтъ и воздухъ въ высшей степени благопріятствуютъ въ этихъ мѣстностяхъ преломленію лучей.

Термометръ въ полдень показывалъ 35 град. холода, а послѣ солнечнаго заката 38 град. и все еще понижался. Не встрѣчая лѣса съ рѣки Мальмовки и, не отваживаясь остановиться на ночлегъ безъ огня, американцы ѣхали еще въ продолженіе пяти часовъ послѣ наступленія ночи, руководствуясь только звѣздами и блескомъ сѣвернаго сіянія. Отъ сильнаго холода бороды походили на перепутанныя нити желѣзной проволоки; рѣсницы превратились въ ледяную бахрому и вѣки примерзали другъ къ другу, когда глаза мигали, а собаки, обернутыя въ густое облако пара, походили на полярныхъ волковъ. Американцы должны были часто бѣжать возлѣ саней, чтобы сохранить какую нибудь чувствительность въ ногахъ. Около восьми часовъ нѣсколько деревьевъ зачернѣли на восточномъ горизонтѣ и радостный крикъ съ передовыхъ саней извѣстилъ о близости лѣса. Американцы достигли до небольшой рѣчки Узинова, въ семидесяти пяти верстахъ къ востоку отъ Гижиги. Собаки остановились и свернулись клубками на снѣгу, между тѣмъ какъ проводники начали быстро и систематично сооружать лагерь по сибирскому способу. Трое саней были сдвинуты вмѣстѣ такъ, чтобы составить изгородь около десяти футовъ въ квадратѣ; весь снѣгъ былъ выгребенъ изнутри и изъ него былъ сдѣланъ валъ вокругъ трехъ загороженныхъ сторонъ, какъ у крѣпости, и большой огонь изъ еловыхъ сучьевъ разведенъ у четвертой открытой стороны. Дно этого маленькаго погреба усыпали слоемъ ивовыхъ и ольховыхъ вѣтокъ на три или четыре дюйма толщины, разостлали сверху мохнатыя медвѣжьи шкуры и приготовили путникамъ мѣховые мѣшки на ночь. Послѣ ужина проводники набросали цѣлую кучу сухихъ сосновыхъ сучьевъ на костеръ, пока пламя не поднялось краснымъ столбомъ на десять футовъ въ вышину, и, собравшись живописною группою вокругъ огня, они въ продолженіи нѣсколькихъ часовъ пѣли свои дикія заунывныя пѣсни и разсказывали безконечныя исторіи объ опасностяхъ и приключеніяхъ, случившихся на обширныхъ тундрахъ и у береговъ моря...

Хотя на Охотское море, со времени первыхъ поселеній на немъ русскихъ, китайское правительство никогда не заявляло какихъ либо притязаній, однако, опасеніе ихъ возникновенія постоянно удерживало наше правительство отъ перенесенія административныхъ пунктовъ и портовъ съ сѣверной части моря на южную. Крузенштернъ, во время своего извѣстнаго кругосвѣтнаго плаванія, долженъ былъ отказаться отъ своего намѣренія изслѣдовать южные берега Охотскаго моря, потому что ему было запрещено «приближаться къ китайскимъ берегамъ». Россійско-американская компанія, несмотря на всѣ претерпѣваемыя ею невзгоды отъ гибельнаго Охотска, не могла получить отъ нашего правительства разрѣшенія основать гавань на южномъ берегу Охотскаго моря далѣе устья рѣки Уди, хотя бы тамъ и находилось удобное для того мѣсто несмотря на то, что и по картамъ и на надѣлѣ тотъ берегъ до Тугура безспорно принадлежалъ Россіи. Съемка штурманскаго офицера Козьмина, въ 1830—1832 годахъ, вѣроятно, обняла-бы собою весь южный берегъ Охотскаго моря, если бы наше правительство не считало необходимымъ въ то время соблюдать чрезвычайную осторожность въ своихъ соприкосновеніяхъ съ Китаемъ. Всѣ поселенія русско-американской компаніи въ окрестностяхъ Тугура приказано было Козьмину закрыть и возвратить назадъ всѣхъ посельщиковъ съ ихъ семьями, которые были даны ему подъ команду.

Поѣздка Миддендорфа на южный берегъ Охотскаго моря и возвращеніе его въ Иркутскъ по области Амура, чрезъ дѣйствительно китайскія владѣнія, была поворотною точкою, поведшею къ занятію Амура. Такъ въ 1846 году, когда донесенія Миддендорфа правительству о его путешествіи были уже извѣстны, по приглашенію правительства «на казенный счетъ, главный правитель сѣверо-американскихъ колоній, Тебеньковъ, отправилъ изъ Ново-Архангельска къ устью Амура бригъ «Константинъ», подъ командою штурманскаго поручика Гаврилова, для изслѣдованія этой рѣки. Гавриловъ пришелъ къ заключенію о невозможности плаванія по лиману Амура, и что отъ устья рѣки къ сѣверу въ Охотское море, можно надѣяться найдти узкій извилистый протокъ, но по этому протоку ни въ какомъ случаѣ не возможно проходить судамъ даже и мелководнымъ». Въ 1847 году капитанъ-лейтенантъ Поклонскій на бригѣ «Охотскъ» изслѣдовалъ уже весь южный берегъ Охотскаго моря, а въ 1849 году транспортъ «Байкалъ», подъ начальствомъ капитана Невельского, вошелъ въ Амуръ и уничтожилъ всѣ сомнѣнія относительно входа въ эту рѣку и относительно свободнаго выхода изъ Татарскаго пролива въ Охотское море. Въ іюнѣ 1850 года, въ заливѣ Счастіе, сѣвернѣе Амурскаго лимана, было основано Петровское зимовье или укрѣпленіе, а въ августѣ 1851 года заложенъ былъ Николаевскій постъ на Амурѣ. Петровское зимовье, нынѣ не существующее, было началомъ присоединенія Амурскаго бассейна и побережья Татарскаго пролива къ Россіи. Много перенесли невзгодъ и лишеній капитанъ Невельской, прапорщикъ корпуса флотскихъ штурмановъ Орловъ и ихъ жены, а равно и мичманъ—Бомнякъ, бывшіе первыми жителями Петровскаго зимовья, когда во время страшно холодной зимы въ комнатахъ начальника этого порта было всего 5 град. тепла, когда неприсылка судовъ изъ Камчатки сопровождалась неимѣніемъ молока для грудныхъ дѣтей, не было свѣжей пищи для больныхъ и нѣкоторые изъ нихъ пали жертвою цынги. Нужно было ладить и съ гиляками и съ тунгусами и постепенно изслѣдованіемъ, изученіемъ края подготовлять пріобрѣтеніе Амура и всего сосѣдняго съ нимъ края, смѣнившаго собою Охотское море и его прибрежье и давшаго Россіи возможность стать уже болѣе твердою ногою на берегахъ Великаго Океана.

П. Усовъ.



ОЧЕРКЪ IV.

САХАЛИНЪ.

Географическое положеніе.—Климатъ.—Природа.—Населеніе.—Рыбопромышленность.—Звѣроловство.—Занятіе острова русскими.—Каменноугольная промышленность и ссыльный вопросъ.

„Сахалинъ островъ—кругомъ вода, а по срединѣ бѣда“.

ПОГОВОРКА.

I. ПОСЛѢДНЕЕ ПРІОБРѢТЕНІЕ РОССІИ НА САМОМЪ ДАЛЕКОМЪ ВОСТОКѢ.

Аины на островѣ Сахалинѣ.

ахалинъ еще въ недалекомъ прошломъ возбуждалъ очень мало любопытства въ русскомъ обществѣ и только въ послѣднее время вслѣдствіе того, что правительство избрало островъ мѣстомъ ссылки для преступниковъ, въ печати стали чаще и чаще появляться статьи, которыя знакомятъ публику съ этой самой отдаленной и мало извѣстной нашей окраиной.

Между тѣмъ первыя свѣдѣнія и нѣкоторыя, конечно, весьма не полныя описанія острова составлены еще членами экспедиціи Беринга-Спанбергомъ и Шельтингомъ въ 1740-мъ—1742 гг. Вѣроятно, на основаніи описей Спанберга и Шельтинга составлена въ 1752 году Крашенинниковымъ первая карта Сахалина.

Болѣе точно и болѣе подробно знакомитъ насъ съ островомъ знаменитый нашъ мореплаватель Крузенштернъ, составившій опись береговъ Сахалина въ 1805-мъ году.

Такъ какъ Крузенштернъ сѣверной части острова не обогнулъ, а входъ изъ Татарскаго пролива въ лиманъ Амура считался не возможнымъ по множеству неизлѣдованныхъ отмелей, подступающихъ къ материку отъ береговъ Сахалина, то Сахалинъ принимали за полуостровъ, и вопросъ этотъ былъ разрѣшенъ только въ 1849-мъ году капитаномъ Невельскимъ, который на военномъ транспортѣ Байкалъ изучилъ лиманъ Амура и переходъ между материкомъ и островомъ въ Охотское море.

Находясь между 45°—57′ и 54°—53′ сѣверной широты, Сахалинъ, слѣдовательно, растянулся на 900 слишкомъ верстъ въ длину и занимаетъ площадь, приблизительно, въ 1000 географическихъ миль или въ 49,000 квадратныхъ верстъ.

Омываемый съ сѣвера и востока Охотскимъ моремъ и съ юга проливомъ Лаперуза островъ отдѣленъ отъ материка Татарскимъ проливомъ и лиманомъ Амура. У мыса Лазарева разстояніе между берегами материка и Сахалина не болѣе 8—12-ти верстъ. Ширина острова далеко не соотвѣтствуетъ его длинѣ и въ самомъ широкомъ мѣстѣ около мыса Терпѣнія (49°—20′) не превышаетъ 180-ти верстъ. Наименьшая ширина Сахалина на параллели устья рѣчки Кусунай, впадающей въ Татарскій проливъ, отъ 30 до 32-хъ верстъ.

Климатъ Сахалина находится въ зависимости, какъ отъ значительнаго его протяженія по широтѣ, такъ и отъ вліянія окружающихъ его морей. Если раздѣлить островъ въ климатическомъ отношеніи на южную, среднюю и сѣверную части, то придется принять за границу южной части 49°—15′, то есть устье рѣки Плыи, впадающей въ Охотское море въ заливѣ Терпѣнія, а за границу сѣверной части устье рѣки Тыкъ, впадающей въ Татарскій проливъ на параллели 51°—45′. Такимъ образомъ окажется, что южная часть Сахалина находится въ однѣхъ широтахъ съ нашимъ Новороссійскимъ краемъ, средняя соотвѣтствуетъ южнымъ черноземнымъ губерніямъ, а сѣверная средней полосѣ Европейской Россіи.

Казалось-бы и климатъ Сахалина не долженъ особенно отличаться отъ климата Европейской Россіи, но на дѣлѣ далеко не такъ: губительное вліяніе Охотскаго моря уничтожаетъ всѣ благопріятныя климатическія условія, при которыхъ находился-бы островъ, какъ по занимаемой имъ широтѣ, такъ и по благотворному вліянію остальныхъ морей, его омывающихъ.

Общій выводъ изъ всѣхъ метереологическихъ наблюденій, производившихся, какъ на югѣ, такъ и въ средней части острова, даетъ намъ среднюю годичную температуру на югѣ + 2°, 33′ и въ окрестностяхъ поста Дуэ + 1°, 29′.

Большихъ жаровъ въ теченіе лѣта почти не бываетъ и термометръ рѣдко когда показываетъ свыше 20°. Такой же относительно умѣренностью отличается и зима. Ясностью погоды Сахалинъ похвастать не можетъ, взамѣнъ же того награждаетъ постоянствомъ временъ года; разъ установившаяся зима держится обыкновенно безъ оттепелей на югѣ, напримѣръ, сначала или съ половины ноября и иногда до послѣднихъ чиселъ марта.

Совершеннаго безвѣтрія у прибрежьевъ острова почти не бываетъ. Лѣтомъ преобладаютъ южные и восточные вѣтры, а зимою сѣверные и сѣверо-западные.

Густые непроницаемые туманы держатся у береговъ Татарскаго пролива, преимущественно, въ іюнѣ и іюлѣ мѣсяцахъ и служатъ не малой помѣхой для судоходства.

Климатъ сѣвернаго Сахалина можно безошибочно назвать весьма суровымъ. Охотское море, омывая его съ трехъ сторонъ однимъ изъ своихъ самыхъ холодныхъ угловъ Шантарскимъ моремъ, передаетъ этой части острова и всѣ неблагопріятныя климатическія условія названнаго моря, въ которомъ держатся льды до половины августа.

Море у береговъ острова, за исключеніемъ небольшихъ бухточекъ, не замерзаетъ, но прибойные вѣтры, дующіе къ берегу, приносятъ къ берегамъ сало или, выражаясь по-сибирски, «шугу», которая примерзаетъ къ выдающимся мысамъ и рифамъ, а затѣмъ, укрѣпляясь и все болѣе и болѣе сплачиваясь, образуетъ въ концѣ концовъ прибрежную ледяную полосу, называемую «забереги». Всего прочнѣе и продолжительнѣе держатся они у береговъ Охотскаго моря.

Такимъ образомъ, принимая дѣленіе острова въ климатическомъ отношеніи на три пояса, можно смѣло сказать, что южная часть обладаетъ умѣреннымъ и здоровымъ морскимъ климатомъ, средняя—западная—тѣмъ же умѣреннымъ, средняя—восточная—болѣе суровымъ и, наконецъ, сѣверная—весьма суровымъ климатомъ.

Топографическое строеніе Сахалина нѣсколько измѣняетъ это общее положеніе, и въ до-

линахъ внутренней площади острова, огражденныхъ горными хребтами отъ вліянія морей, средняя годовая температура находится въ большей зависимости отъ широты.

Вся площадь средняго и южнаго Сахалина представляетъ рядъ горныхъ цѣпей и отроговъ, образующихъ долины по теченію рѣкъ и ихъ притоковъ. Главный хребетъ отъ крайняго сѣвера, гдѣ мысомъ Елизаветы обрывается въ Шантарское море, спускается къ югу, удаляясь отъ берега Татарскаго пролива къ побережью Охотскаго моря, и выполняетъ западную часть сѣвернаго Сахалина невысокими отрогами, представляющими по плоскогорьямъ сплошную тундру съ оазисами тощей хвойной растительности. Южнѣе долины рѣки Тыкъ хребетъ развѣтвляется и восточная его отрасль тянется берегомъ Охотскаго моря, кончаясь мысомъ Терпѣнія, западная же, подступая къ берегамъ Татарскаго пролива, разбивается южнѣе поста Дуэ на нѣсколько горныхъ цѣпей, изъ коихъ ближайшая къ берегу достигаетъ наибольшей высоты на 48°, 16′ широты, образуя здѣсь двѣ горныя вершины Райциску и Ичару, имѣющія до 4000 футовъ высоты.

На перешейкѣ, между устьями Кусунай и Мануэ, отдѣльныя отроги смыкаются въ общій

Видъ залива Надежда.

хребетъ, который затѣмъ разбивается на три отдѣльныя цѣпи; западная кончается полуостровомъ Крильонъ, средняя отъ мыса Сусунай, выступающаго въ Охотское море, идетъ къ югу, придерживаясь меридіональнаго направленія и кончается въ заливѣ Анива мысомъ Сони и далеко выдающимся въ море мысомъ Отане-Эндума (въ буквальномъ переводѣ «длинный мысъ»), наконецъ, восточная идетъ отъ мыса Тонина по берегу Охотскаго моря и кончается мысомъ Анива, выполняя своими отрогами весь восточный полуостровъ южнаго Сахалина. Найвысшія горныя вершины въ западномъ хребтѣ носятъ названія: Спанбергъ и Бернизетъ, причемъ послѣдняя доходитъ до 3000 футовъ высоты. Средняя высота центральнаго хребта въ сѣверной его части, то есть ниже мыса Сусусной, доходитъ до 2500 футовъ, а въ южной не превышаетъ 1000 футовъ; наконецъ, средняя высота третьяго юго-восточнаго хребта опредѣляется въ 1500 футовъ. Высшая точка срединнаго хребта носитъ туземное названіе Поро-Нубури (большая гора), съ нея хорошо видно, какъ Охотское море, такъ и проливъ Лаперуза.

Изъ самыхъ значительныхъ рѣкъ, орошающихъ островъ, первое по протяженію мѣсто занимаютъ рѣка Тымь и рѣка Плыи, обѣ берущія начало изъ одного и того же водораздѣла и пробѣгающія всю среднюю часть острова: Тымь, на сѣверо-востокъ, причемъ, имѣя до 200

верстъ теченія, впадаетъ въ заливъ Ный, находящійся уже въ сѣверной части острова, а Пльи (Су-Санги-Су или Нева) на юго-востокъ и, пробѣгая почти одинаковое разстояніе, впадаетъ непосредственно въ Охотское море, причемъ обширный лиманъ и протоки этой рѣки въ море носятъ на югѣ названіе «Сиська», то есть, названіе ея притока, при которомъ устроенъ понскій постъ и богатыя рыболовныя заведенія.

Изъ рѣкъ сѣвернаго Сахалина (кромѣ низовьевъ Тыми), впадающихъ въ Татарскій проливъ, заслуживаетъ вниманія рѣка Тыкъ, а изъ рѣкъ средней части острова рѣки: Арково, съ ея живописной долиной, весьма удобной для хлѣбопашества; Малая Дуэ, въ прекрасной долинѣ которой устроены уже первыя наши поселенія; Сиритунай и Нояси, по послѣдней могутъ подыматься даже небольшіе паровые пароходики; Эссьтуру заслуживаетъ особеннаго вниманія, какъ по обширности орошаемой долины, такъ и потому, что отъ ея верховьевъ можетъ быть проложенъ путь къ верховьямъ рѣкъ Найеро и Котакисъ, впадающимъ въ Охотское море и орошающимъ тоже однѣ изъ самыхъ обширныхъ на томъ побережьѣ долинъ; наконецъ, рѣка и долина Уссуро, при которой самый сѣверный постъ японцевъ, имѣющихъ здѣсь богатыя

Видъ залива Анивы.

рыбныя ловли. Затѣмъ слѣдуютъ: рѣка Кусунай и ея долина, которыя находятся уже въ южномъ раіонѣ острова; рѣка Нотоoро, пробѣгающая самую обширную, богатую и живописную долину Татарскаго побережья; далѣе къ югу слѣдуютъ долина рѣки Маукэ, гдѣ есть большое Айно-японское поселеніе и, наконецъ, долина Сони, въ 20-ти верстахъ отъ мыса Крильонъ. Рѣки, впадающія въ заливъ Аниву и въ Охотское море, протекаютъ между западнымъ и южнымъ центральнымъ хребтомъ, причемъ изъ главныхъ только Найбучи, (по туземному Онне-Най) впадаетъ въ Охотское море; остальныя же три: Сусуя, Кеке и Труотага, впадаютъ въ заливъ Аниву. Прибрежья залива Анива, съ красивыми очертаніями береговъ, составляютъ вмѣстѣ съ тѣмъ и самую населенную часть острова.

Найбучи, Сусуя и Труотага имѣютъ отъ 45 до 50-ти верстъ протяженія каждая, ширина же ихъ только у устья доходитъ до 50—60-ти саженей. Главный притокъ рѣки Найбучи рѣка Такой беретъ начало на одной высотѣ съ верховьями рѣки Сусуи и прорѣзываетъ почти на 30-ти верстномъ разстояніи широкую и плодородную долину, раскинувшуюся до отроговъ западнаго хребта. Долина Сусуи составляетъ какъ-бы продолженіе долины Такоя къ югу, вслѣдствіе чего обѣ носятъ общее названіе Такоя-Сусуйской долины.

Какъ Плыйская долина въ средней, такъ Такоя-Сусуйская въ южной части Сахалина самыя плодородныя и удобныя для хлѣбопашества. Изъ рѣкъ, впадающихъ въ Охотское море, сѣвернѣе рѣки Найбучи можно назвать: Отосанъ, Мануэ, Могунъ-Котанъ и, наконецъ, поименованныя уже выше долины Найеро и Котакисъ. Кромѣ названныхъ главныхъ рѣкъ и долинъ островъ буквально изрѣзанъ множествомъ горныхъ рѣчекъ и ручьевъ, или самостоятельно вливающихся въ окружающія островъ моря или-же составляющихъ притоки главныхъ рѣкъ.

Изъ болѣе значительныхъ озеръ назовемъ въ средней части острова озеро Тарайка на одной почти широтѣ и всего въ 20-ти верстахъ отъ лимана рѣки Плыи. Тарайка отдѣлено отъ Охотскаго моря не широкой песчаной кошкой. Въ южной же части заслуживаютъ вниманія озера «Райциска», у прибрежья Татарскаго пролива близъ мыса Нотосамъ; озеро Лебяжье, недалеко отъ устья рѣки Найбучи, имѣющее до 5-ти верстъ въ діаметрѣ, Мало-Тунайчинское и Большое Тунайчинское озера, изъ которыхъ послѣднее соединено протокомъ съ Охотскимъ моремъ и имѣетъ около 30-ти верстъ въ длину и до 15-ти верстъ въ ширину. Озера большое и малое Чеписанское, изъ которыхъ первое отдѣлено не большимъ горнымъ переваломъ отъ большого Тунайчинскаго озера, а второе отдѣлено такимъ же переваломъ отъ залива Анива. Къ этой же системѣ озеръ, занимающихъ всю обширную болотистую низменность полуострова Анива, принадлежатъ еще озера Большое и Малое Вавай и бухта Буссе, соединенная съ моремъ широкимъ и судоходнымъ протокомъ. Топкія и широкія прибрежья этихъ озеръ, поросшія тростникомъ, указываютъ на то, что прежде величина ихъ была значительно больше. Озера, не имѣющія сообщенія съ моремъ, какъ, напримѣръ, Чеписанскія и озера Вавай, имѣютъ прѣсную воду; тѣ же, которыя сообщаются съ моремъ протоками, прѣсно-соленую.

Говоря вообще, дѣвственная почва Сахалина должна бы дать хлѣбопашцу хорошее вознагражденіе за трудъ, но тутъ является вопросъ, насколько будутъ благопріятствовать развитію хлѣбопашества климатическія условія, въ которыхъ находится островъ. Во всѣхъ долинахъ южнаго Сахалина, какъ, напримѣръ: Онненойской, Такойской и другихъ, почва тучная, черноземная, образовавшаяся отъ перегноя различныхъ растеній. Слой чернозема покрываетъ тоже скаты и распадки горъ, но здѣсь онъ значительно тоньше, а на болѣе возвышенныхъ мѣстахъ почва переходитъ въ глинистую и каменистую. У нижняго теченія рѣкъ, прорѣзывающихъ долины, почва болотистая, но при осушкѣ легко можетъ быть обращена въ удобную для хлѣбопашества. По прибрежьямъ бухты Буссе мы находимъ въ почвѣ значительное содержаніе извести, которая, въ смѣшеніи съ перегноемъ морской капусты и различныхъ водорослей, дѣлаетъ ее особенно плодородною. Мѣстности, прилегающія къ морю, представляютъ мѣстами сплошные песчаные наносы. Такіе наносы видимъ мы при устьяхъ всѣхъ значительныхъ рѣкъ, образуемые въ теченіе десятковъ лѣтъ. Покрываясь затѣмъ шиповникомъ, можевельникомъ и сланцемъ, наносы укрѣпляются и вмѣстѣ съ тѣмъ мѣшаютъ песку уноситься вѣтромъ во внутренность острова. Почва средняго Сахалина мало чѣмъ отличается отъ почвы южнаго раіона и служитъ такой же вѣрной гарантіей успѣшному хлѣбопашеству. О почвѣ сѣвернаго Сахалина, за неимѣніемъ данныхъ, трудно высказать какое либо рѣшительное мнѣніе, да притомъ суровый климатъ даже и при хорошей почвѣ служилъ бы положительнымъ препятствіемъ ко всякаго рода попыткамъ упрочить здѣсь хлѣбопашество.

Изъ минеральныхъ богатствъ Сахалина нужно упомянуть о каменномъ углѣ, которымъ островъ изобилуетъ повсемѣстно. Самыя богатыя залежи находятся около поста Дуэ и между рѣчками Сиритунай и Нояси. Въ обоихъ названныхъ пунктахъ производится уже разработка. По тому-же берегу Татарскаго пролива, сѣвернѣе поста Дуэ, замѣчены залежи лигнита при рѣчкахъ Мгачъ, Танги и Хоэ, а южнѣе Нояси въ обрывистыхъ берегахъ рѣки Утасу, затѣмъ у мыса Отехкоро и въ долинѣ рѣки южная Нояси. По восточному берегу извѣстны залежи лигнита въ верховьяхъ рѣки Ай и при селеніи Очехпоко въ невысокихъ горныхъ отрогахъ,

круто обрывающихся въ Охотское море. Въ заливѣ Анива найдены, но не изслѣдованы, пласты около Чеписанскихъ озеръ.

По мнѣнію академика Шмита богатая по разнообразію флора южнаго Сахалина составляетъ продолженіе сѣверной японской флоры. Изъ наиболѣе знакомыхъ намъ древесныхъ видовъ встрѣчается здѣсь: лиственица, распространенная преимущественно въ низменныхъ мѣстностяхъ и по прибрежьямъ озеръ. Ель, составляющая главный матеріалъ для построекъ. Пихта и тисъ ягодный. Изъ деревьевъ же лиственныхъ породъ встрѣчаемъ: березу, ольху, тополь, ясень, кленъ, иву, черемху, дубъ монгольскій, встрѣчающійся на болѣе сухихъ мѣстахъ. Онъ мелокъ и для построекъ не годенъ. Два вида вяза, лубъ которыхъ идетъ на выдѣлку матерій. Бояра, очень красивое и прочное дерево, идетъ на мелкія подѣлки. Особеннаго же вниманія заслуживаетъ пробковое дерево, встрѣчающееся преимущественно по склонамъ западнаго Сахалина.

Изъ весьма разнообразныхъ и богатыхъ обиліемъ видовъ кустарныхъ растеній назовемъ: кедровый сланецъ или кедръ кустарный, ростущій, какъ на самыхъ высокихъ горныхъ вершинахъ, такъ и по прибрежьямъ Охотскаго моря, тальникъ, шиповникъ, малину, красную смородину, моховку, калину, голубику, чернику, клюкву и бруснику. На горныхъ склонахъ западнаго берега встрѣчается виноградъ, но плодъ его не вызрѣваетъ.

Изъ травянистыхъ растеній слѣдуетъ назвать: богульникъ (Rododendron), покрывающій огромныя топкія пространства въ лиственичныхъ лѣсахъ; злакъ тростеполевицу, стебель котораго идетъ на кровлю незатѣйливыхъ туземныхъ юртъ; камышъ, осоку и крапиву; послѣдняя произрастаетъ всюду на черноземныхъ и черноземно-суглинистыхъ мѣстахъ. Изъ крапивы ткутъ холстъ на ручныхъ туземныхъ станкахъ. Черемша (дикій чеснокъ) играетъ громадную роль въ гигіеническомъ отношеніи, служитъ лучшимъ противу-цинготнымъ средствомъ. Сарана (изъ семейства лилейныхъ), луковица котораго служитъ лакомымъ блюдомъ на кухнѣ туземца айно. Дымянка или по туземному хакка-ке-тома, корневыя шишки котораго, по наружному виду, напоминаютъ картофель, но размѣрами менѣе обыкновеннаго орѣха. Употребляемый туземцами въ пищу бамбукъ встрѣчается въ отрогахъ западнаго хребта, но значительной толщины не достигаетъ, рѣдко бываетъ толще мизинца. Не станемъ поименовывать множество другихъ видовъ, такъ какъ въ одномъ южномъ раіонѣ Сахалина насчитывается агрономомъ г-мъ Мицулемъ до 100 семействъ. «Средній раіонъ, если и представляетъ разницы,—какъ говоритъ Мицуль—сравнительно съ южнымъ раіономъ, то эта разница выражается главнымъ образомъ въ отношеніи распредѣленія разнообразныхъ формъ растительности.»

Растительность сѣвернаго Сахалина несравненно бѣднѣе и ближе всего подходитъ къ флорѣ береговыхъ странъ Охотскаго моря и Камчатки.

Такъ какъ распространеніе видовъ животнаго царства находится въ прямой зависимости отъ климатическихъ условій края и отъ богатства его флоры, а южный и средній Сахалинъ пользуются и хорошимъ умѣреннымъ климатомъ, и разнообразіемъ растительности, то неудивительно, что совокупность этихъ благопріятныхъ условій отражается и на фаунѣ острова.

Изъ млекопитающихъ первое мѣсто занимаетъ чернобурый медвѣдь, достигающій громадныхъ размѣровъ. Онъ водится повсемѣстно; подверженъ спячкѣ, въ которую залегаетъ въ концѣ октября и выходитъ въ началѣ апрѣля, почти одновременно съ появленіемъ у береговъ острова селедки. Лисица красная водится вездѣ во множествѣ; чернобурая же попадается очень рѣдко и то на сѣверѣ. Соболь водится повсемѣстно, но на югѣ мѣхъ его свѣтлѣе, а потому малоцѣненъ. Вѣкша и заяцъ бѣлякъ водятся повсемѣстно. Сѣверный олень и кабарга держатся преимущественно въ сѣверной и средней частяхъ острова. Волкъ держится въ хребтахъ и рѣдко подходитъ къ жилью. Горностай и бурундучокъ попадаются въ незначительномъ количествѣ. Изъ морскихъ звѣрей, по степени приносимой пользы, первое мѣсто занимаетъ: нерпа (тюлень) водится во множествѣ, какъ въ моряхъ, такъ и въ прѣсносоленыхъ озерахъ.

Дельфинъ (касатка тоже видъ дельфина) отличается кровожадностью и смѣлостью, стаями нападаютъ даже на кита. Затѣмъ слѣдуютъ цари морей: сивучъ или морской левъ и китъ изъ семейства кашалотовъ; послѣднiй рѣдко превышаетъ 40 футовъ длины.

Пернатыми Сахалинъ также богатъ, какъ и пушнымъ звѣремъ, въ особенности много птицы появляется въ весеннее время года. Моря и бухты покрываются несмѣтнымъ количествомъ утокъ, чаекъ, урыловъ, альбатросовъ, а озера и бухты служатъ прiютомъ громаднымъ стаямъ гусей и лебедей.

Изъ преобладающихъ видовъ птицы назовемъ: рябчикъ водится въ лѣсахъ въ изобилiи. Куропатка бѣлая держится преимущественно въ средней и сѣверной частяхъ острова. Дроздъ и кукушка водятся повсемѣстно. Ворона черная держится около жилья. Филинъ-пугачъ, дятелъ, синица и множество другихъ лѣсныхъ птицъ мелкихъ породъ. Изъ болотной птицы водится бекасъ и разные виды куликовъ.

Изъ рѣчныхъ и морскихъ птицъ первое мѣсто занимаетъ лебедь, затѣмъ слѣдуетъ гусь и рѣчная утка; на птицъ этихъ ведется дѣятельная охота ради вкуснаго мяса. Изъ морскихъ же птицъ альбатросы, урылы и чайки въ пищу не употребляются, а утокъ хотя и ѣдятъ, но онѣ на вкусъ непрiятны, потому что сильно пахнутъ рыбой.

Богатая растительность, изобилiе пушного звѣря и птицы, безъ сомнѣнiя, играютъ важную роль въ устройствѣ домашняго быта обитателей острова, но насущный, такъ сказать, хлѣбъ даютъ туземцу море и рѣки, кишащiя самыми разнообразными видами рыбъ.

Нѣкоторые второстепенные виды водятся постоянно, другiе же появляются перiодически въ извѣстное время года и заходятъ въ рѣки для метанiя икры. Изъ послѣднихъ самое выдающееся мѣсто занимаетъ селедка, которая, впрочемъ, въ рѣчки не заходитъ, а, приближаясь къ берегамъ, держится около шхеръ, гдѣ и выпускаетъ икру и молоки.

Горбуша (Salmo gibbosus)—видъ лосося, подымается для метанiя икры вверхъ по теченiю, какъ главныхъ рѣкъ, такъ даже и небольшихъ рѣчекъ. Идетъ обыкновенно громаднымъ руномъ до самыхъ верховьевъ рѣки; здѣсь, за невозможностью двигаться дальше, она скопляется въ водомоинахъ, гдѣ дѣлается добычей медвѣдя или гибнетъ естественной смертiю. Чавича (Salmo orientalis)—тоже изъ семейства лососей; достигаетъ $1\frac{1}{2}$ аршина длины; появляется нѣсколько ранѣе горбуши и идетъ не въ такомъ большомъ количествѣ. Кета—видъ семги идетъ такими же массами, какъ и горбуша, и заходитъ во всѣ главныя рѣки. Огуречникъ, или то, что мы называемъ ряпушкой, появляется весною вмѣстѣ съ селедкой; самостоятельнымъ же ходомъ идетъ въ концѣ ноября и заходитъ въ бухты и рѣчки. Треска водится преимущественно въ Татарскомъ проливѣ на большихъ глубинахъ. Камбала держится въ бухтахъ, любитъ илистый грунтъ; появляется въ бухтѣ лососей (въ заливѣ Анива) въ концѣ декабря въ огромномъ количествѣ. Въ заливѣ же Анива на большихъ глубинахъ ловится огромной величины палтусъ. Вахня (навага) ловится въ большомъ количествѣ какъ по восточному берегу южнаго и средняго, такъ и по западному берегу средняго и сѣвернаго Сахалина. Быкъ-рыба замѣчательна по своей огромной головѣ и короткому, относительно, туловищу. Въ отваренномъ видѣ очень прiятна на вкусъ. Красноперъ—видъ форели; водится во всѣхъ рѣчкахъ. Налимъ встрѣчается во всѣхъ озерахъ, бухтахъ и рѣчкахъ. Линь водится постоянно и повсемѣстно. Корюшка (у туземцевъ аракой) ловится преимущественно въ лиманѣ Сиська и на протокахъ рѣки Плыи.

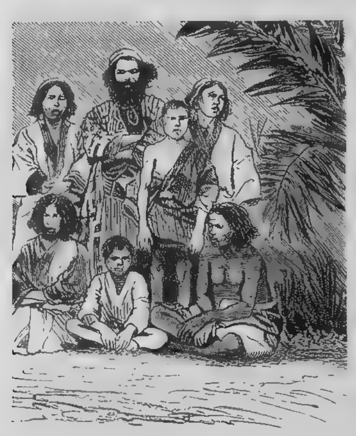
Фауна средняго Сахалина въ общихъ чертахъ мало отличается отъ фауны южнаго раiона; на сторонѣ послѣдняго преимущество въ обилiи и разнообразiи различныхъ рыбныхъ породъ. Изобилiемъ рыбы славятся въ средней части и на сѣверѣ рѣки Плыи и Тымь; здѣсь кета и горбуша подымаются до самыхъ истоковъ и кормятъ довольно густое населенiе, обитающее въ верховьяхъ и по притокамъ названныхъ рѣкъ. Въ лиманъ рѣки Тымь заходитъ осетръ, который встрѣчается довольно часто въ лиманѣ Плыи.

Второстепенные виды рыбъ, составляющихъ постоянное населеніе рѣкъ и озеръ, тѣже, что и въ южной части острова.

Изъ краткаго очерка природы и климата Сахалина видно, что мѣстные жители имѣютъ подъ рукой все необходимое, чтобы обезпечить свой неприхотливый бытъ.

Въ этнографическомъ отношеніи островъ Сахалинъ слѣдуетъ разбить на южную и сѣверную части, принимая за границу селеніе Тарайку, на берегу Охотскаго моря, и селеніе Уссуро, на берегу Татарскаго пролива. Дѣленіе это основано на томъ, что вся южная часть Сахалина населена исключительно племенемъ айно, которое рѣзко отличается отъ разнохарактернаго населенія сѣвера.

Айно—коренные жители острова и многими признаются племенемъ монгольскаго происхожденія; нѣкоторые же ученые относятъ ихъ къ курильской расѣ кавказскаго вида. Кромѣ Сахалина, племя айно составляетъ коренное же населеніе острова Матсмая и острововъ Кунашира и Итурупа. На Матсмаѣ считаютъ ихъ до 30,000, а на двухъ послѣднихъ островахъ—2500 душъ. На Сахалинѣ, по японскимъ ревизіоннымъ книгамъ 1860-хъ годовъ, считалось всего 3,000 душъ айно обоего пола; но за послѣдніе годы незначительная цифра эта и еще сократилась, вслѣдствіе различныхъ повальныхъ болѣзней, опустошившихъ самыя людныя поселенія, такъ что въ 1870 году мы опредѣляли коренное населеніе южнаго Сахалина въ 2,200 душъ обоего пола.


Семейство сахалинскихъ айновъ.

Главнымъ источникомъ существованія туземца является то, что даетъ ему море; по этому и поселенія айно разбросаны по прибрежьямъ острова, причемъ наиболѣе людныя расположены именно тамъ, гдѣ богатые рыбные уловы.

Общій видъ айно, поражая васъ съ перваго взгляда оригинальностью, немедленно вслѣдъ затѣмъ вызываетъ и полную къ нему симпатію. Открытое лицо, добрые черные глаза, не лишенные выраженія природной смышленности, черная же борода дѣлаютъ нѣкоторыхъ изъ нихъ довольно красивыми мужчинами.

Вообще же у айно цвѣтъ лица из-желта смуглый, скулы нѣсколько выдаются, углы глазъ слегка приподняты, губы толстыя, носъ рѣдко правильный, большею частью мясистый. Женщины по наружности несравненно хуже мужчинъ. За немногими исключеніями, природа наградила ихъ крупными и неправильными чертами лица, толстыя же губы изуродованы кромѣ того окраскою въ черный цвѣтъ. Хороши только большіе глаза да руки и ноги, которымъ позавидовала бы любая европеянка. У мужчинъ и у женщинъ цвѣтъ волосъ совершенно черный,—какъ крыло ворона; у женщинъ волосы прямые и грубые, а у мужчинъ иногда вьются. Айно-мужчины переднюю часть головы брѣютъ вплоть до линіи ушей, отбрасывая остающуюся часть волосъ на затылокъ. Эта мода придаетъ на видъ головѣ размѣры больше дѣйствительныхъ. Женщины дѣлаютъ проборъ по срединѣ головы, а для того, чтобы волосы не падали на лицо и глаза носятъ обручъ. Мода окрашиванья губъ у айнокъ сопряжена съ большими неудобствами и даже физическими страданіями, но, къ сожалѣнію, не выводится. Губы красятъ только въ извѣстный возрастъ дѣвушки, подлежащія замужеству; съ этою цѣлью небольшимъ ножикомъ (маккири) дѣлаются на губахъ насѣчки и затѣмъ израненныя губы тщательно натираются сажей отъ котловъ. Первые два, три дня губы такъ распухаютъ, что мѣшаютъ ѣсть, но затѣмъ опухоль опадаетъ и губы принимаютъ черно-сизый оттѣнокъ.

Одежда айно состоитъ изъ халата, замѣняющаго рубашку и сшитаго изъ какой нибудь бумажной матеріи, и кафтановъ собственнаго издѣлія, матерія для которыхъ выдѣлывается изъ

луба горнаго вяза; въ ненастную же погоду надѣваются халаты, сшитые изъ весьма прочныхъ рыбьихъ шкурокъ. Въ зимнее время поверхъ нѣсколькихъ халатовъ на ватѣ носятъ шубу изъ нерпичьихъ или собачьихъ шкуръ и такіе же шаровары. На ноги надѣваютъ лѣтомъ, своего же издѣлія, соломенные сандаліи или сапоги, сшитые изъ рыбьихъ шкуръ, а зимою—сапоги же, но изъ кожи нерпы или сивуча. Головного убора лѣтомъ не носятъ совсѣмъ, а зимою надѣваютъ теплую ватную шапку, опушенную лисицей. Затѣмъ, необходимую принадлежность костюма айно составляютъ небольшие ножи, прикрѣпленные къ поясу. У женщинъ одинъ ножъ кривой служитъ для сбора различныхъ травъ. Къ поясу же прикрѣплены кисетъ съ табакомъ и огниво. Достаточныя молодыя женщины и дѣвушки носятъ пояса, украшенные множествомъ мѣдныхъ бляхъ. На рукахъ носятъ браслеты, а пальцы унизаны мѣдными и серебрянными кольцами.

Лѣтомъ айно живутъ въ юртахъ, устроенныхъ изъ древеснаго корья съ деревянными раздвижными дверями и деревянными нарами по бокамъ. Полъ тоже изъ тоненькихъ досокъ, а посрединѣ устроенъ земляной очагъ, надъ которымъ вырублено окно для дыма. Надъ очагомъ протянуты жерди для копченія рыбы, а надъ нарами устроены деревянныя полки для храненія платья и различнаго домашняго скарба. У стѣны, противоположной входнымъ дверямъ, разставлены кадки и лакированные ковши, полученные отъ японцевъ въ уплату за работы.

Зимой большинство населенія остается въ тѣхъ же юртахъ; но для того, чтобы предохранить себя хотя нѣсколько отъ холода, укутываютъ юрту камышомъ, что, впрочемъ, не особенно помогаетъ, и при малѣйшемъ вѣтрѣ температура внутри юрты мало чѣмъ разнится отъ наружной. Морозъ въ юртѣ доходитъ иногда до десяти градусовъ.

Для храненія вяленой рыбы устроены тутъ же у юрты небольшие амбарчики на высокихъ столбахъ; столбы предохраняютъ отъ набѣга огромныхъ крысъ, которыя водятся во множествѣ въ каждомъ селеніи. Только выше поста Мануэ, гдѣ холода въ зимнее время несравненно сильнѣе, айно удаляются въ землянки, которыя строятся всегда въ лѣсу и по возможности ближе къ лѣтнему жилью. На очагѣ огонь поддерживается постоянно и вкругъ него группируется вся семья, непрерывно покуривая свои небольшія трубочки японскаго издѣлія.

Разговорный языкъ мягокъ и не лишенъ пріятности для слуха въ особенности, если разговоръ ведется спокойно; при спорѣ же крикливые гортанные звуки производятъ непріятное впечатлѣніе. Языкъ айно, судя по нѣкоторымъ именамъ собственнымъ и названіямъ урочищъ и селеній, долженъ имѣть сходство съ курильскимъ. Письменности айно не имѣютъ, а исторія племени сохраняется въ передающихся изъ поколѣнія въ поколѣніе преданіяхъ.

Нравомъ айно кротки и миролюбивы; если и бываютъ между ними ссоры, то чрезвычайно рѣдко, да и самыя-то ссоры имѣютъ мѣсто развѣ на какомъ-нибудь праздникѣ, подъ вліяніемъ выпитаго вина.

Въ обращеніи своемъ съ домашними, отецъ семейства безукоризненъ. Въ этомъ отношеніи полудикій айно стоитъ, пожалуй, выше европейца. Айно—одноженцы и только рѣдкіе изъ нихъ имѣютъ двухъ женъ.

Религія айно—многобожіе. Первымъ и главнымъ божествомъ слѣдуетъ считать «Муссирисиськасьма-каммуй» или въ буквальномъ переводѣ: «муссири»—островъ «сиськасьма»—охраняющій и «каммуй»—богъ; слѣдовательно—«богъ, охраняющій островъ». Богъ этотъ особенно чтится туземнымъ населеніемъ на томъ основаніи, что обитаетъ въ нѣдрахъ земли и, въ случаѣ гнѣва противъ жителей, стоитъ ему только повернуться, чтобы наказать людей жесточайшимъ образомъ. «Горы разсѣдаются, дома разрушаются, деревья падаютъ, и море кипитъ, какъ кипятокъ», такъ объясняютъ шаманы-айно горестныя послѣдствія неудовольствія почитаемаго ими божества. Созданіе же въ фантазіи туземцевъ подобнаго Бога объясняется очень просто: Сахалинъ происхожденія вулканическаго и въ прежнія времена подверженъ былъ

частымъ землетрясеніямъ, что свидѣтельствуется японскими лѣтописями, которыя велись съ чрезвычайною точностью.

Вторымъ божествомъ, притомъ почти равнымъ по уваженію первому, считаютъ «Рисста-Каммуй» или «Чуфъ-Каммуй», то есть «Рисста»—верхній и Чуфъ—солнце, или другими словами: «богъ неба и солнца». Въ честь этого божества дѣлаются жертвоприношенія. За этими двумя первостепенными слѣдуютъ уже боги второстепенные, подчиняющіеся «богу неба и солнца», а именно: Атуй-каммуй—богъ моря, Нибури-каммуй—богъ горъ, Най-каммуй—богъ рѣкъ и Унжи-каммуй—богъ огня. Всѣмъ этимъ божествамъ приносятся жертвоприношенія самаго оргинальнаго свойства, носятъ они названіе инау. Дѣло состоитъ въ слѣдующемъ: айно беретъ прямой сукъ какого нибудь дерева, очищаетъ его отъ коры и затѣмъ чрезвычайно искусно, ножичкомъ, стружетъ, отдѣляя отъ поверхности (но не отрѣзывая совершенно) тонкія ленты, которыя затѣмъ группируются въ родѣ букета около одной изъ оконечностей срубленнаго сучка. Противуположный конецъ заостряется, а остающійся стержень украшается разными срѣзами и зазубринами, или же и еще стружется, причемъ ленты ниспадаютъ отъ букета стружекъ, украшающаго верхній конецъ инау до нижняго его заостреннаго конца. Такимъ образомъ въ самое короткое время при помощи небольшаго ножа, изъ простой палки получается фантастическая, не лишенная оригинальности фигура. Къ серединѣ стержня инау, приносимаго въ жертву богу солнца, придѣлывается овальное кольцо съ ниспадающими по обѣ стороны букетами стружекъ. Вообще всякому божеству приносится въ жертву своеобразной формы инау. Я полагаю, что инау въ религіи айно играетъ такого же рода роль, какъ наши восковыя свѣчи, устанавливаемыя къ иконамъ. Что изображаютъ инау, достовѣрно сказать трудно, но сколько можно заключить изъ названій отдѣльныхъ составныхъ частей, инау есть изображеніе человѣческой фигуры. Инау устанавливаются въ предназначенныхъ для каждаго божества мѣстностяхъ, такъ инау, приносимыя богу солнца и достигающія иногда двухъ саженнаго размѣра, устанавливаются обыкновенно сзади самой юрты. Кромѣ названныхъ боговъ, по религіи айно, существуютъ еще и два злыхъ духа, невидимо присутствующихъ на землѣ и производящихъ всевозможныя бѣдствія. Изъ нихъ Оясси—источникъ всевозможныхъ болѣзней и Венуясси—источникъ сумашествія и припадковъ бѣшенства. Отъ Оясси можно еще избавиться при помощи шамановъ, которые вмѣстѣ съ тѣмъ исполняютъ обязанности докторовъ; съ Венуясси же справиться потруднѣе; особенно же если онъ успѣлъ уже вселиться въ человѣка. За божествомъ слѣдуютъ священныя животныя, къ нимъ принадлежатъ: 1) медвѣдь, котораго айно боготворятъ, какъ древніе египтяне, напримѣръ, быка, съ тою только разницей, что медвѣдь приносится ими въ жертву богу горъ, т. е. убивается въ день праздника «Горнаго бога» и затѣмъ съѣдается и 2) касатка—хищное морское животное, изъ породы дельфиновъ. Вообще айно готовъ отдать дань уваженія всему, что олицетворяетъ собою сверхъестественную силу, или тому, что для его бѣдной неразвитой головы кажется необъяснимымъ. Кромѣ инау, устанавливаемыхъ въ честь поименованныхъ боговъ, ставятъ

Сахалинскіе айны.

инау и надъ могилами умершихъ, но ставятъ не ранѣе какъ черезъ три-четыре года по смерти, то есть, когда опредѣлится положеніе покойнаго на томъ свѣтѣ. По вѣрованіямъ айно, три или четыре года душа скитается въ мірѣ и преимущественно по сосѣдству со своимъ домашнимъ очагомъ. Вообще, айно твердо вѣруютъ въ будущую жизнь, но предполагаютъ ее не на небесахъ, а очень-очень глубоко въ нѣдрахъ земли, въ такъ называемомъ «Похно-Сири-Котанъ», причемъ праведники наслаждаются всевозможными благами, грѣшники же подвергаются различнымъ истязаніямъ, причемъ всякому преступленію соотвѣтствуетъ извѣстнаго рода наказаніе: лжецамъ, напримѣръ, прижигаютъ языки раскаленымъ желѣзомъ.

При свадьбахъ никакихъ обрядностей не соблюдается и все дѣло ограничивается додомашней пирушкой.

Жрецы аинскаго вѣроисповѣданія—шаманы, такъ что, собственно говоря, айно придерживаются шаманизма. Отношенія паствы къ законоучителямъ крайне просты; никакихъ особенныхъ знаковъ почитанія и уваженія, даже и къ извѣстнымъ на островѣ шаманамъ, вы не встрѣтите. Въ обыкновенное непраздничное время, шаманы ничѣмъ не отличаются отъ прочихъ смертныхъ, одѣваются такъ-же просто, если не хуже, чѣмъ обыкновенные айно. Но были между ними и такіе, которые пользовались громкой извѣстностью и привлекали на свои сеансы, не окрестное только населеніе, но и населеніе всего острова. Изъ такихъ фокусниковъ былъ одинъ шаманъ «Пепутто», который доходилъ до такого искусства, что позволялъ стрѣлять въ себя изъ лука на разстояніи 15—20-ти шаговъ и затѣмъ возвращалъ стрѣлу обратно, вынимая ее то изъ-за пазухи, то изъ сапога. Кромѣ шамановъ существуютъ и шаманки; онѣ замѣняютъ при случаѣ акушерокъ.

Погребеніе умершихъ производится при слѣдующаго рода обрядностяхъ: прежде всего покойнаго одѣваютъ и затѣмъ обвертываютъ съ ногъ до головы въ заготовленныя для того матеріи (у богатыхъ) или же въ какое нибудь тряпье (у бѣдныхъ). Затѣмъ, уложивъ тѣло на нары, родные и знакомые покойнаго начинаютъ выть и причитывать. Роль эта выпадаетъ обыкновенно на долю женщинъ, мужчины же поминаютъ покойнаго доброй чашкой мѣстнаго вина.

Взрослаго мужчину хоронятъ при всѣхъ принадлежностяхъ его земной жизни, то есть кладутъ съ нимъ саблю, если таковая имѣется, и трубки съ кисетами и табакомъ. Женщинъ же кладутъ въ могилу съ котелками, ложечками и различною домашнею утварью. Вырывая могилу, не глубже $1\frac{1}{2}$—2-хъ аршинъ отъ поверхности земли, айно опускаютъ на дно могилы соломенную цыновку, на которой и помѣщаютъ умершаго навзничъ, а затѣмъ приставляютъ къ покойнику двѣ боковыя доски и прикрываютъ его крышкой такой фигуры, что съ боковинами все устройство очень и очень напоминаетъ нашъ простой деревянный гробъ. Въ обыкновенное не праздничное время у айно не существуетъ ни общественныхъ игрищъ, ни увеселеній; все это относится къ днямъ праздничнымъ, сопряженнымъ съ какими нибудь религіозными обрядностями. Наиважнѣйшимъ изъ такихъ религіозныхъ торжествъ слѣдуетъ считать праздникъ медвѣдя, который совершается обыкновенно въ полнолуніе декабрьскаго мѣсяца. Праздникъ этотъ имѣетъ тѣмъ болѣе интереса, что на него стекаются айно не только окрестныхъ селеній, но пріѣзжаютъ иногда на собакахъ за сто и болѣе верстъ. Съѣзжаются гости дня за два до праздника, тогда же начинается угощеніе и танцы. Многолюдное общество мужчинъ располагается около очаговъ отдѣльнымъ кружкомъ, а женщины и дѣвушки сидятъ отдѣльно. Угощаютъ въ продолженіе цѣлаго дня, подаютъ рисъ, сарану, вяленую и копченую рыбу и, какъ лакомство, клюкву съ нерпичьимъ жиромъ. Пьютъ очень часто рисовую водку и своего издѣлія амача-саки, аинская рисовая водка, кисловатый густой напитокъ, напоминаетъ съ виду рисовый же пюре. На вкусъ напитокъ не дуренъ, но видѣть приготовленіе непріятно: рисъ отвариваютъ, прибавляютъ туда солоду и затѣмъ, переливъ въ деревянную кадку, укутываютъ послѣднюю собачьими или нерпичьими шкурами, давая такимъ образомъ ри-

совому отвару закваситься и перебродить. Черезъ 3 или 4 дня, хозяйка беретъ простую кадку, накладываетъ на нее рѣшето и, наполнивъ послѣднее перебродившею кашей, выжимаетъ и растираетъ ее руками. Рѣшето пропускаетъ густую бѣлую жидкость или густую амамасаки (рисовую водку). Во всей этой процедурѣ хуже всего то, что хозяйка передъ тѣмъ, чтобы гнать водку и не подумаетъ вымыть рукъ, или лучше сказать, она тутъ то ихъ и моетъ, ибо, начиная дѣло грязными руками, она кончаетъ его чистыми; грязь уходитъ въ водку.

Въ девятомъ часу начинаются пѣсни и танцы; хоръ очень немудреный, это не пѣснь даже, а какой-то дикій припѣвъ и повтореніе однихъ и тѣхъ же гортанныхъ звуковъ: часть хора издаетъ и тянетъ звукъ Іоо-Іоо-Іоо и такъ далѣе безъ конца, другая же часть—по басистѣе—отрывистый звукъ Имъ-Имъ-Имъ... При танцахъ кружокъ встаетъ, берется за руки и съ тѣмъ же припѣвомъ топчется на мѣстѣ; топчутся, топчутся, затѣмъ присѣдаютъ два раза и принимаютъ шагъ въ сторону справа налѣво или слѣва направо. При первомъ танцѣ кружокъ держится за руки и тянетъ звукъ Іоо-Іоо-Іоо... другой же разъ не держится за руки, но танцуетъ такимъ же образомъ съ припѣвомъ Іоо-Іоо... Имъ-Имъ... и при звукѣ Имъ, Имъ, всѣ въ тактъ прихлопываютъ въ ладоши, иногда танцующіе быстро мѣняются мѣстами. Балъ кончается самымъ своеобразнымъ образомъ около 11-ти часовъ вечера: танцуютъ добрыхъ

Послѣдствія медвѣжьихъ праздниковъ у айновъ.

полчаса безъ отдыха и затѣмъ съ громкимъ крикомъ «Имъ!» всѣ разомъ выбѣгаютъ изъ юрты. Женщины расходятся спать по сосѣднимъ юртамъ, а въ юртѣ хозяина остаются только гости мужчины. Съ вечера, наканунѣ самаго торжества, юрту стараются убрать какъ можно наряднѣе: по стѣнамъ развѣшиваютъ парадные парчевые халаты и сабли, которыя особенно цѣнятся туземцами. Угощеніе и пляски продолжаются до разсвѣта, а на разсвѣтѣ множество мужчинъ и женщинъ окружаютъ клѣтушку медвѣдя, ложатся на землю ничкомъ и начинаютъ выть и оплакивать его предстоящую кончину. Одновременно съ тѣмъ распорядители праздника занимаются приготовленіями къ принесенію въ жертву медвѣдя. Въ нѣсколькихъ саженяхъ за юртой хозяина насаживаютъ полукругомъ рядъ елокъ, въ полукругѣ устанавливаютъ въ одну линію нѣсколько прочныхъ инау и на нихъ натягиваютъ цыновки, образуется что-то въ родѣ драпри, по которому развѣшиваютъ парадные и халаты сабли. Нѣсколько отступя ближе къ юртѣ, вбиваютъ въ землю двухъ-саженный прочный инау,къ которому и привязываютъ медвѣдя. Въ общемъ выходитъ очень не дурно и оригинально. Всего труднѣе связать медвѣдя и притащить его къ мѣсту жертвоприношенія; съ этою цѣлью заготовляютъ длинные ремни изъ сивучей кожи, на концѣ каждаго ремня устроена широкая петля, которую на палкѣ просовываютъ въ клѣтушку, въ тоже время съ противоположной стороны раздражаютъ медвѣдя шестами; все искусство состоитъ въ выборѣ момента для того, чтобы накинуть петлю,

охвативъ ею медвѣдя поперегъ живота, слѣдовательно, голова и переднія ноги должны проскочить въ петлю. Нѣсколько айно взбираются одновременно на крышу клѣтушки съ тѣмъ, чтобы разобрать и сбросить верхнія бревна, какъ только удастся спутать медвѣдя. Возня при этомъ страшная, крики, шумъ и гвалтъ невыразимые. Долго мучаются сами и мучаютъ звѣря, пока накинутъ таки петлю; медвѣдь барахтается, отбивается лапами, сломаетъ нѣсколько палокъ, пока не попадетъ таки въ петлю. Во все время борьбы женщины продолжаютъ выть и причитывать. Какъ только часть верхнихъ бревенъ скинута, медвѣдь устремляется въ отверстіе, а айно, раскидывающіе крышу, ухватившись за концы ремней, бросаются въ сторону, удерживая такимъ образомъ звѣря на мѣстѣ, а человѣкъ десять смѣльчаковъ вскакиваютъ на мишку верхомъ, держатъ за уши и убираютъ различными соломенными украшеніями; затѣмъ, разукрасивъ, тащатъ къ мѣсту приношенія съ дикимъ припѣвомъ: Огу-го! Огу-го! Огу-го!.. Вотъ ужь буквально бѣдному мишкѣ—ни вправо, ни влѣво, бросится вправо мѣшаютъ люди, которые крѣпко держатъ одинъ изъ ремней съ лѣвой стороны, бросится влѣво,—держатъ справа. Такимъ образомъ, весьма торжественно, его дотаскиваютъ до столба и прикрѣпляютъ къ послѣднему ремнями. Туда же перетаскиваютъ разнообразное угощеніе и вино. Наконецъ, когда медвѣдя окончательно спутаютъ, то одинъ изъ старѣйшихъ шамановъ беретъ въ руки полуторасаженный инау и говоритъ надъ медвѣдемъ что-то въ родѣ молитвы.

Послѣ чтенія молитвы, къ медвѣдю подходитъ пользующійся извѣстностью стрѣлокъ и, выбравъ удобную минуту, посылаетъ ему стрѣлу подъ лѣвую лопатку съ такой силой и ловкостью, что агонія звѣря продолжается всего нѣсколько секундъ: сначала хлынетъ кровь пастью и затѣмъ несчастный мишка, повалившись на бокъ, кончаетъ свое существованіе. Тогда нѣсколько айно припадаютъ къ нему головами и начинаютъ рыдать и причитывать; это продолжается, впрочемъ, недолго.

Оплакавъ медвѣдя, его раскладываютъ на животъ, расправивъ голову и лапы; затѣмъ голову убираютъ соломенными украшеніями, къ ушамъ приставляютъ что-то на подобіе наушниковъ, а поперегъ спины кладутъ саблю и соломенный кулекъ съ рисомъ и сараной; шлею же, которой былъ украшенъ корпусъ медвѣдя, сняли и привѣсили къ столбу. Сейчасъ послѣ того началось и угощеніе. Медвѣдь лежалъ убраннымъ не долго; черезъ какихъ нибудь четверть часа украшенія съ него сняли и стали сдирать шкуру. Остальная затѣмъ часть празднества не представляетъ интереса; медвѣдя рубятъ на куски, варятъ въ котлахъ и затѣмъ съѣдаютъ, причемъ начинается повальное пьянство. Торжество заканчивается, наконецъ, тѣмъ, что черепъ медвѣдя начиняютъ клюквой, сараной и еще чѣмъ-нибудь изъ съѣдобнаго, затѣмъ относятъ въ лѣсъ и привѣшиваютъ къ одной изъ группъ инау, посвященныхъ Горному богу. Мясо медвѣдя употребляется въ пищу, какъ мужчинами, такъ и женщинами, обыкновеннаго же мяса, т. е., нашей говядины женщины не ѣдятъ, такъ какъ между ними существуетъ повѣрье, что отъ этого мяса можно лишиться плодовитости. Обрядъ подвѣшиванья черепа медвѣдя къ инау Горнаго бога соблюдается не только по окончаніи «праздника медвѣдя», но и при всякомъ случайномъ убіеніи звѣря. Такъ, 19-го Іюля 1868-го года, ко мнѣ явилась цѣлая депутація айно съ просьбою о выдачѣ головы медвѣдя, убитаго дня за два, за три нашими постовыми солдатами. Выданную голову начинили разной дрянью и отнесли тутъ же по сосѣдству въ лѣсъ.

Главную пищу айно составляетъ рыба всевозможныхъ породъ, которую ѣдятъ лѣтомъ въ свѣжемъ видѣ, а въ остальное время года вяленую и копченую; затѣмъ слѣдуетъ рисъ, получаемый отъ японцевъ, какъ плата за работу; сарана (луковица всѣхъ видовъ лилейныхъ растеній), различнаго рода травы, всякаго вида раковины, морскіе ежи, трепанги и каракатицы. Лакомымъ же блюдомъ считается медвѣдь, тюлень, китовина и собака.

Кромѣ того айно выдѣлываютъ рисовую водку, но весьма слабую, такъ что своему издѣлію они предпочитаютъ японскую саки (тоже водку), въ особенности же русскій спиртъ,

которымъ и напиваются до пьяна при каждомъ удобномъ случаѣ. Лѣтомъ сообщеніе между селеніями поддерживается на небольшихъ валкихъ лодчонкахъ, выдолбленныхъ изъ цѣлаго дерева, а зимою ѣздятъ на собакахъ, которыхъ всякій хозяинъ держитъ, какъ упряжныхъ животныхъ.

Японцамъ знакомъ былъ Сахалинъ гораздо ранѣе русскихъ, но утвердились они на островѣ не болѣе ста лѣтъ тому назадъ. Крузенштернъ засталъ уже въ заливѣ Анива селеніе Кусунъ-Котанъ, существующее и понынѣ.

Японцы поселились на островѣ съ цѣлью вести рыбопромышленность въ обширныхъ размѣрахъ, заняли лучшія бухты и рѣчки и, подчинивъ себѣ туземное населеніе, старались сгруппировать его около своихъ факторій, какъ необходимую рабочую силу.

Такимъ образомъ образовались самыя цвѣтущія айно-японскія поселенія: на югѣ—Кусунъ-Котанъ, на западѣ, у береговъ Татарскаго пролива,—Мауке и Уссуро, у береговъ Охотскаго моря—Тунайча и Сирара.

До послѣдняго трактата, которымъ японцы уступили островъ Сахалинъ Россіи, айно несли обязательный трудъ и получали за свои работы весьма незначительное вознагражденіе, такъ еще въ 1860-хъ годахъ взрослый работникъ обходился японскимъ предпринимателямъ не свыше 60-ти ицебу въ годъ, такъ какъ ицебу = 45 копѣйкамъ то, значитъ, годовой заработокъ айно составлялъ 27 рублей на наши деньги. Съ занятіемъ южнаго Сахалина русскими военными постами, японцы нѣсколько повысили заработную плату.

Типы гиляковъ на Сахалинѣ.

Западный берегъ Сахалина отъ послѣдняго аинскаго поселенія Уссуро до поста Дуэ и далѣе къ сѣверу заселенъ гиляками, выходцами съ Амура. Гиляками же заселены верховья рѣки Плыи и долина рѣки Тымь до самаго впаденія послѣдней въ Охотское море. Низовья же и среднее теченіе рѣки Плыи заселены орочанами. Кромѣ того, въ сѣверной части острова кочуютъ звѣропромышленники якуты и тунгусы, послѣдніе держатъ оленей. Оленеводствомъ же занимаются и нѣкоторые орочане, обитающіе по притокамъ рѣки Плыи. Гиляки же западнаго берега занимаются преимущественно рыболовствомъ и пушнымъ промысломъ.

Образъ жизни, нравы, обычаи и религія сахалинскаго гиляка и орочана совершенно сходны съ образомъ жизни ихъ единоплеменниковъ, обитающихъ по теченію Амура.

Почти исключительнымъ средствомъ къ жизни айно служитъ рыбопромышленность, звѣроловство же отодвигается на 2-й планъ.

Изъ всѣхъ разнообразныхъ видовъ рыбы, которыми такъ богаты окружающія островъ моря, по важности и развитію промысла первое мѣсто принадлежитъ, безспорно, селедкѣ.

Селедка приближается къ берегамъ обыкновенно въ 20-хъ числахъ апрѣля. Нужно быть очевидцемъ явленія, чтобы вѣрить въ возможность такого громаднаго обилія рыбы.

Полоса моря въ нѣсколько верстъ протяженія и версты на 2 на 3 отъ берега принимаетъ молочно-зеленоватый оттѣнокъ отъ бьющейся рыбы. Въ этихъ же границахъ держатся стада сивучей и множество китовъ, съ шумомъ выбрасывающихъ свои фонтаны; тутъ же высовываются хорошенькія головки тюленей, бойко и скоро проходитъ касатка, выставляя

спину съ треугольнымъ острымъ плавникомъ и, наконецъ, стаи морскихъ птицъ съ пронзительнымъ визгомъ кружатся надъ поверхностью моря. Добавьте къ этому усиленную работу на берегу, крики туземцевъ, лай спущенныхъ съ привязи собакъ—и вы получите картину самой оригинальной кипучей жизни.

Туземный способъ улова сельдей до крайности простъ: айно врѣзывается на своихъ лодченкахъ въ самую средину руна, выгребаетъ рыбу обыкновеннымъ сачкомъ, нагружаетъ такимъ образомъ въ короткое время всѣ свои лодки; затѣмъ отводитъ ихъ къ берегу, выгружаетъ и вторично направляется къ мѣсту улова и т. д., до тѣхъ поръ, пока не будутъ сдѣланы запасы на предстоящую зиму, какъ для семьи, такъ и для ѣздовыхъ собакъ. Приготовленіе селедки впрокъ состоитъ только въ томъ, что очищенную отъ внутренностей рыбу связываютъ пучками и затѣмъ развѣшиваютъ на жердяхъ подъ открытымъ небомъ. Если погода благопріятствуетъ и дождливыхъ дней мало, рыба, подъ вліяніемъ солнечныхъ лучей, выяливается въ 5-ть 6 недѣль, затѣмъ снимается съ жердей и складывается въ амбары.

Обиліе селедки было главною причиною захвата южной части Сахалина японцами.

Къ работамъ на селедочныхъ заводахъ привлекалось все способное, какъ мужское, такъ и женское населеніе айно. Устройство самого завода немногосложно: прибрежье мѣстности, предназначенное подъ заводъ, совершенно плотно утрамбовывается, затѣмъ по всей линіи прибрежья выкапываются квадратныя ямы, аршина въ $2^1/_2$ длины и аршина въ два ширины, въ ямахъ устраиваютъ каменныя печи, въ которыя вмазываются чугунные котлы емкостью до 15-ти ведеръ. Около каждаго котла помѣщается ящикъ, сколоченный изъ брусьевъ, причемъ между брусьями оставляется пространство, достаточное для стока селедочнаго жира; при каждомъ ящикѣ устроенъ обыкновенный воротъ, необходимый для прессовки вываренной селедки; воротъ приводится въ движеніе двумя, а иногда и однимъ рабочимъ. Ящикъ установленъ на деревянный поддонникъ, отъ котораго идетъ жолобъ къ одному общему для всѣхъ котловъ резервуару. Самое производство состоитъ въ слѣдующемъ: въ котлы, сообразно съ ихъ вмѣстительностью, накладывается селедка, здѣсь вываривается, а затѣмъ переваливается въ находящійся по сосѣдству ящикъ и, съ помощью ворота, прессуется; селедочный жиръ стекаетъ черезъ отверстія между брусьями сначала на поддонникъ, а затѣмъ по желобамъ въ резервуаръ. Рыбные остатки, сжатые прессовкой почти въ кубическую форму, вываливаютъ на соломенныя циновки, разбиваютъ деревянными лопатами и кирками, просушиваютъ на солнцѣ, затѣмъ упаковываютъ въ кули и отправляютъ въ Японію для удобренія рисовыхъ плантацій. Селедочный жиръ получается въ общемъ резервуарѣ съ примѣсью воды, а потому перегоняется въ сосѣдній ящикъ съ резервуаромъ меньшихъ размѣровъ. По очисткѣ, селедочный жиръ идетъ, кромѣ пищи, на освѣщеніе, а также сваривается со смолой и краской и употребляется для заливки подводной части судовъ. Послѣдній составъ употребляютъ тоже при устройствѣ ледниковъ и кладовыхъ; имъ заливаютъ нижній полъ, чтобы не проникала вода.

Полагая, что въ день на каждый котелъ придется до 10-ти варокъ, что на каждую варку нужно до 1000 штукъ селедокъ, выйдетъ, что на каждый котелъ потребуется 10,000 сельдей, а на заводъ изъ 80-ти котловъ 800,000 рыбъ ежедневно. Естественно, что при такомъ спросѣ и самая ловля не можетъ производиться первобытнымъ способомъ. По ловкости въ рыболовствѣ, японцы стоятъ выше европейцевъ. Неводы, предназначенные для ловли сельдей, доходятъ до 250-ти саженей, причемъ мотня не составляетъ нераздѣльной части невода, а пристегивается къ нему. Это сдѣлано съ весьма практическою цѣлью. Такъ какъ селедка держится у береговъ лишь нѣсколько дней, то слѣдуетъ, насколько возможно, пользоваться ея присутствіемъ и обезпечить заводъ прежде всего необходимымъ количествомъ рыбы, а затѣмъ уже приниматься за производство. Этому-то требованію и удовлетворяетъ японскій неводъ съ пристегиваемой къ нему мотней, такъ какъ самый неводъ, послѣ каждой тони, на берегъ невытаскивается, но отъ него только отстегивается наполнившаяся селедкой мотня и немед-

ленно для слѣдующей тони пристегивается новая. Мотня же, наполненная рыбой, удерживается на якорѣ при большомъ деревянномъ поплавкѣ.

Для производства промысла въ такихъ размѣрахъ, необходимо множество привычныхъ рабочихъ рукъ. Вотъ почему японцы и привлекали къ работамъ на заводахъ всѣ наличныя силы населенія. Лишая такимъ образомъ туземца возможности заняться ловлей селедки для себя лично, японцы дозволяли имъ пользоваться рыбой своего улова, что, конечно, не составляло еще прибыли.

Вслѣдъ за селедкой, съ первыхъ чиселъ іюня, появляется у береговъ острова горбуша (лосось) и заходитъ для метанія икры во всѣ нетолько большія, но и незначительныя рѣчки, подымаясь вверхъ по теченію огромными массами и составляя послѣ селедки главную отрасль промышленности японцевъ, равно и важнѣйшее подспорье въ домашнемъ бытѣ туземца. Вѣстникомъ весны служитъ и чевича (тоже видъ лосося), но она заходитъ не во всякую рѣку и идетъ сравнительно въ незначительномъ количествѣ. Съ мѣсяцъ по окончаніи хода горбуши, слѣдовательно въ первыхъ числахъ августа, начинается ходъ кэты (семги). Она точно также, какъ и горбуша, подымается вверхъ по рѣчкамъ и идетъ у японцевъ въ посолку, а у туземцевъ заготовляется въ вяленомъ и копченомъ видѣ.

Однимъ изъ самыхъ удобныхъ способовъ ловли кэты, горбуши и чевичи считается у туземцевъ ловля мёрдами, а затѣмъ бьютъ рыбу различнаго рода острогами. Японцы ловятъ, какъ горбушу, такъ и кэту въ открытомъ морѣ неводами, а для ловли въ рѣчкахъ устраивали загороди. Нѣсколько выше устья вбивается отъ берега до берега рядъ кольевъ, къ которымъ прикрѣпляется неводъ съ мотней, не дающій рыбѣ подняться вверхъ по рѣкѣ; мотня быстро наполняется горбушей; затѣмъ неводъ отстегивается, рыба выбирается, и неводъ снова навѣшивается на колья. Такъ продолжается во все время хода рыбы, который длится около мѣсяца. Ловомъ мелкой рыбы японцы не занимаются, но туземцы промышляютъ ее постоянно. Виды рыбъ въ средней и сѣверной частяхъ Сахалина, равно какъ и способы ловли—тѣже, что и на югѣ.

Изъ морскихъ животныхъ туземцы промышляютъ тюленя (нерпа), сивуча (морского льва) и на прибрежьяхъ южнаго Сахалина пользуются жиромъ выбрасываемыхъ на берегъ китовъ. Выброшенный китъ составляетъ собственность окрестныхъ селеній. Жиръ кита, сивуча и тюленя вытапливается, сохраняется въ прочныхъ пузыряхъ, добываемыхъ изъ сивуча же, и служитъ лакомой приправой, какъ къ рису, такъ и къ вяленой рыбѣ.

Хотя звѣроловство и составляетъ для туземца предметъ второстепенной важности, тѣмъ не менѣе доставляетъ немаловажную поддержку въ хозяйственномъ быту. Занимаются звѣроловствомъ преимущественно жители сѣверныхъ округовъ вслѣдствіе того, что на сѣверѣ и звѣрь водится въ несравненно большемъ количествѣ, и туземецъ имѣетъ тамъ болѣе свободнаго времени. Айно же были стѣснены работами по заготовленію дровъ и древеснаго угля для японцевъ.

Изъ всѣхъ звѣрей, обитающихъ въ Сахалинскихъ дебряхъ, наиболѣе прибыльную добычу даетъ соболь, распространенный въ значительномъ количествѣ, какъ на сѣверѣ, такъ и на югѣ. Нужно, однако, замѣтить, что, по качеству мѣха, соболь сѣвернаго Сахалина стоитъ гораздо выше, чѣмъ соболь южнаго, цвѣтъ котораго иногда принимаетъ свѣтлый, буро-желтоватый оттѣнокъ. На сѣверѣ же мнѣ случалось видѣть шкурки, которыя по своему качеству, немногимъ уступали якутскимъ и камчатскимъ. Ловля соболей производится ловушками очень незатѣйливаго устройства и основанными на томъ, что, по выпаденіи снѣга, соболь имѣетъ привычку переходить рѣчки, по лѣсинамъ, сломаннымъ и переброшеннымъ силою вѣтра съ одного берега на другой. На такихъ-то лѣсинахъ и устанавливаютъ ловушки; у каждаго звѣропромышленника по нѣскольку штукъ, которыя онъ и обходитъ каждодневно; если въ ловушкѣ окажется соболь, то, вынувъ свою добычу, промышленникъ исправляетъ ловушку и возвра-

щается къ ней не раньше опредѣленнаго на то срока. Случается, однако и такъ, что разсчетъ бываетъ ошибочнымъ и туземца постигаетъ неудача: соболь до крайности прожорливъ и кровожаденъ; завидѣвъ свѣсившееся тѣло попавшагося въ ловушку товарища, онъ преспокойно пожираетъ его.

Другой способъ промысла соболей, распространенный между тунгусами и якутами,— охота съ ружьемъ при хорошей собакѣ.

Собака пріучена такъ, что гонитъ исключительно только соболя, не увлекаясь слѣдомъ другого звѣря и загоняетъ его на дерево; охотникъ же, выбравъ удобный моментъ, старается попасть небольшою пулею въ голову, чтобы не попортить шкурки. У меня былъ знакомый тунгусъ Алексѣй, который за осеннее время 1869 года убилъ такимъ образомъ до 80-ти штукъ соболей.

Такимъ же образомъ охотятся и постовые солдаты.

Въ настоящее время звѣропромышленники сбываютъ пушнину преимущественно наѣзжающимъ на островъ русскимъ купцамъ, причемъ цѣна на соболя увеличивается каждогодно. Еще въ 1867 году, напримѣръ, лучшую шкурку можно было пріобрѣсть за 3 и даже 2½ р., тогда какъ въ 1873 шкурка продавалась по 5, 6 и даже 10 рублей.

Самые способы эксплоатаціи туземнаго населенія нашими купцами были такъ возмутительны, что губернаторъ Приморской области вынужденъ былъ воспретить ввозъ спиртныхъ напитковъ на островъ. При мѣновой торговлѣ, которую вели звѣропромышленники съ нашими торговцами, бывало иногда и такъ, что соболиная шкурка отдавалась за двѣ бутылки водки и фунтъ табаку. Двѣ же бутылки водки фабриковались изъ одной бутылки спирту, который разбавлялся болѣе чѣмъ на половину водой. Кромѣ того, наши торговцы, пользуясь слабостью туземца къ спиртнымъ напиткамъ, задавали ему плату впередъ до слѣдующаго года и затѣмъ являлись уже кредиторами, не знавшими ровно никакой жалости. Отсутствіе русскихъ постовъ по теченіямъ Тыми и Плыи, а слѣдовательно и отсутствіе всякаго контроля надъ купцами-бандитами, пріѣзжавшими изъ Николаевска, повергало туземное населеніе въ ужасъ и негодованіе.

Вторымъ по цѣнности мѣхомъ слѣдуетъ считать лисицу, которая также, какъ и соболь, водится повсемѣстно. Туземцы бьютъ лисицъ самострѣлами и ставятъ на нихъ ловушки; наши же крестьяне и солдаты предпочитаютъ дѣйствовать отравой.

Самострѣлами же убиваютъ кабаргу и выдру; послѣдняя водится въ довольно значительномъ количествѣ, какъ въ сѣверной, такъ и въ южной части острова.

Олень составляетъ предметъ промысла орочанъ и кочующихъ тунгусовъ, на югѣ же ловлей оленей занимались ради вкуснаго мяса постовыя команды. На медвѣдя ходятъ туземцы единственно для того, чтобы поймать медвѣжатъ, которыхъ держатъ затѣмъ по 2 по 3 года въ деревянныхъ срубахъ и, въ концѣ концовъ, въ день праздника Горнаго бога, предаютъ закланію.

Изъ птицъ, которыя водятся на Сахалинѣ во множествѣ, какъ на сѣверѣ, такъ и на югѣ, только жители сѣвернаго и средняго Сахалина охотятся за бѣлыми куропатками; жители же юга охотой на птицъ не занимаются.

Говоря вообще, не взирая на естественныя богатства Сахалина, по настоящее время не нашлось ни одного русскаго предпринимателя, который взялся бы вести въ широкихъ размѣрахъ какую-либо отрасль промышленности. А поле дѣятельности благодатное: можно бы заняться рыбнымъ и китобойнымъ промыслами, можно бы и пушнымъ промысломъ заняться,— и всякій трудъ подобнаго рода былъ бы вознагражденъ сторицею. Но, странное дѣло, нѣтъ такого предпріимчиваго русскаго человѣка, который бы за что-нибудь принялся. Американскіе китобойцы преспокойно и безнаказанно бьютъ китовъ въ нашемъ внутреннемъ Охотскомъ морѣ; японцы вырабатываютъ сотни тысячъ одной ловлей селедки, а мы, съ олимпійскимъ

хладнокровіемъ, сидимъ себѣ въ своихъ военныхъ постахъ и только стѣсняемъ дѣятельность другихъ, которые талантовъ своихъ въ землю не зарываютъ.

Достаточно сказать, что по Симодскому торговому трактату, заключенному съ Японіей графомъ Путятинымъ въ 1855 году, для насъ было открыто нѣсколько портовъ, но до прошедшаго года (слѣдовательно за 25 лѣтній періодъ времени) ни въ Китайскихъ, ни въ Японскихъ водахъ не показалось ни одного русскаго коммерческаго флага. Исключеніе составляетъ одинъ только Филиппеусъ, и тотъ связанъ съ правительствомъ контрактами и получаетъ субсидію. Была, правда, въ іюлѣ 1869 года попытка устроить на островѣ бобровый и тюлений промыселъ при помощи алеутовъ, но и это дѣло потерпѣло полнѣйшее фіаско. Г-нъ Лемашевскій, бывшій капитанъ одного изъ судовъ сѣверо-американской компаніи, перевезъ въ 1868 году съ Алеутскихъ островoвъ 6 семействъ на островъ Урупъ, гдѣ они и стали по прежнему заниматься бобровымъ промысломъ.

Но вотъ, въ началѣ 1869 года, дошли до города Петропавловска (въ Камчаткѣ) слухи, что островъ Урупъ уступленъ нашимъ правительствомъ японцамъ, взамѣнъ южной части Сахалина, и Лемашевскій, находившійся въ то время въ Петропавловскѣ, поспѣшилъ съ открытіемъ навигаціи на Урупъ, гдѣ оповѣстилъ алеутскія семьи о новой бѣдѣ. Алеуты же, не желая сдѣлаться японскими подданными, упросили Лемашевскаго доставить ихъ на югъ Сахалина, гдѣ предполагали присутствіе бобровъ. Разочарованіе было горькое, хотя по климатическимъ условіямъ Сахалинъ нисколько не уступаетъ Алеутскимъ островамъ или острову Урупу, хотя на Сахалинѣ много всякаго звѣря и свой бытъ можно устроить недурно, но алеутъ— этотъ, можно сказать, рыба-человѣкъ—спеціалистъ исключительно по промыслу бобровъ, которыхъ на Сахалинѣ не водится.

Да, наконецъ, и самый промыселъ на бобровъ прибыльнѣе всѣхъ остальныхъ.

Время было позднее, выѣхать обратно не представлялось возможности, и несчастные алеуты волей не волей должны были перезимовать въ бухтѣ Буссе.

Въ виду того, что всѣ они давно обрусѣли, что къ нимъ привились русскіе обычаи и привычки, одѣвались они по европейски, пили чай и имѣли даже свои самовары, не могли обойтись безъ хлѣба, говядины (табаку и т. д.), г-нъ Лемашевскій оставилъ на островѣ лавку съ товарами, удовлетворявшими первымъ потребностямъ невольныхъ переселенцевъ. Перезимовали алеуты безъ всякаго дѣла, во многомъ нуждаясь: жизнь же въ наскоро сдѣланныхъ землянкахъ породила различнаго рода болѣзни, такъ что, будучи вывезены на другой годъ обратно на Урупъ, они оставили на память о себѣ Сахалину свѣжія могилы.

Развитіе нашей торговли и промышленности на Востокѣ вообще было такъ слабо и по всей вѣроятности у правительства было такъ мало надежды на то, чтобы обстоятельства измѣнились къ лучшему, что было рѣшено отдать одинъ изъ богатѣйшихъ нашихъ промысловъ на Востокѣ, именно котиковой промыселъ, въ аренду американской компаніи Хутчисона и Коль.

Котики водятся въ огромномъ количествѣ на островахъ Командорскихъ: Мѣдномъ и Беринговомъ и на островѣ Тюленьемъ (въ заливѣ Терпѣнія), составляющемъ часть принадлежащую Сахалину. Островъ Тюленій не болѣе не менѣе какъ большой каменный рифъ съ песчаной косой, на которую и взбираются котики цѣлыми стаями.

Туземцами айно островокъ этотъ не посѣщается, хотя имъ и не безъизвѣстно, что онъ служитъ притономъ для котиковъ.

Нѣтъ никакого сомнѣнья, что еще задолго до заключенія контракта съ компаніей Хутчисона сюда заглядывали американскіе китобои и промышляли цѣннаго звѣря. Мы же были такъ слабы, что не имѣли ни одного крейсера, который бы слѣдилъ за иностранными судами и не допускалъ бы хищническихъ промысловъ въ нашихъ же моряхъ.

По всей вѣроятности къ окончанію срока аренды котикъ будетъ истребленъ совершенно и сдѣлается большой рѣдкостью, такъ какъ американцы бьютъ его безъ разбора.

Я слышалъ, что компанія Хутчисона въ первый же арендный годъ добыла до 30,000 шкуръ, причемъ на островѣ Тюленьемъ били и матокъ и дѣтенышей.

Одною изъ самыхъ побудительныхъ причинъ къ занятію нами Сахалина было желаніе имѣть въ рукахъ каменноугольныя копи, которыми прославился западный берегъ острова. Затѣмъ высшая администрація считала обладаніе островомъ дѣломъ необходимымъ въ стратегическомъ отношеніи. Предполагали, что разъ какая-нибудь иностранная держава захватитъ Сахалинъ въ свои руки,—можетъ запереть намъ входъ въ устье Амура. Восточная война 1853 года ускорила разрѣшеніе вопроса, и въ сентябрѣ 1853 года была снаряжена экспедиція подъ начальствомъ подполковника Буссе, который и занялъ селеніе Кусунъ-Котанъ, основавъ тамъ Муравьевскій постъ. Въ силу военныхъ обстоятельствъ, въ іюлѣ 1854 года постъ этотъ былъ снятъ. Японцы же выразили неудовольствіе по поводу рѣшительнаго образа дѣйствій нашего правительства, которое, въ виду этого, измѣнило первоначальную программу и, не оставляя намѣренія утвердиться на островѣ, положило дѣйствовать постепенно, то есть, основавшись въ нѣсколькихъ пунктахъ средней и южной части острова, подвигаться до залива Анива новыми постами, исподоволь пріобрѣтая вліяніе на мѣстное населеніе.

Первыя изслѣдованія пластовъ каменнаго угля произведены по распоряженію капитана Невельского лейтенантомъ Бошнякомъ въ 1852 году, а въ 1857 году приступлено было къ устройству постовъ Дуэ и Кусунай. Послѣдній былъ заложенъ лейтенантомъ Рудановскимъ. О богатствѣ пластовъ каменнаго угля имѣлось преувеличенное понятіе, и только въ 70-хъ годахъ инженеры Лопатинъ и Кеппенъ болѣе правильно опредѣлили содержаніе пластовъ. По предположенію г-на Кеппена, въ Дуэ возможно вырабатывать ежегодно до 900,000 пудовъ угля, для чего необходимо имѣть 400 рабочихъ.

Пласты каменнаго угля въ Дуэ залегаютъ въ горизонтальномъ направленіи, на высотѣ 150 — 200 футовъ надъ поверхностью моря. Разработка производилась первоначально постовыми солдатами, а затѣмъ присланы были ссыльно-каторжные. Работы, по недостатку знаній и рукъ, велись неправильно и непроизводительно, истощали богатство рудниковъ. Ко всѣмъ неудобствамъ присоединялось еще и то, что въ окрестностяхъ Дуэ не имѣется ни одной безопасной гавани, а вслѣдствіе того командиры судовъ сибирской флотиліи весьма неохотно нагружались каменнымъ углемъ въ Дуэ и предпочитали брать таковой въ Японіи.

Постовая команда въ Дуэ доведена была за послѣднее время до полу-баталіоннаго состава, а команда ссыльныхъ въ 1880 году до 2000 человѣкъ.

Кромѣ каменноугольныхъ пластовъ въ Дуэ разрабатывались еще пласты при устьѣ рѣкъ Саккота и Нояси подъ 49° 30′ широты. Мѣстность носитъ общее названіе Сиритунай, самыя же копи называются путятинскими и были отданы въ частныя руки. Первоначально велъ разработку русскій купецъ Бауровъ, затѣмъ—американцы: Эллисъ, Гельцке и, наконецъ, Ридъ, которые всѣ обанкротились и бросили предпріятіе.

Послѣ нихъ сахалинскія каменно-угольныя копи сданы были компаніи Бутковскаго, которая также разорилась и дѣло перешло къ Базилевскимъ и К°. Сиритунайскія копи, по качеству угля не уступаютъ дуэсскимъ, стоянка же около Саккота и Нояси — гораздо безопаснѣе; въ Нояси могутъ входить и скрываться отъ непогоды небольшіе пароходики. Разработка производилась, какъ ссыльными, окончившими сроки работъ, такъ и китайцами, которыхъ американцы привозили изъ Шанхая. Число китайцевъ у Рида доходило до 100 человѣкъ. Пласты на югѣ Сахалина не эксплоатируются и по настоящее время.

Много горя и труда выпало на долю воинскихъ командъ, расположенныхъ въ различныхъ пунктахъ Сахалина. Постъ Дуэ выстрадалъ меньше другихъ, какъ по близости къ областному городу Николаевску, такъ и потому, что Сибирская флотилія въ немъ нуждалась.

Что же касается до постовъ, расположенныхъ на югѣ, которые составляли бремя для мо-

ряковъ, то можно смѣло сказать, что тамъ команды нуждались часто въ самомъ необходимомъ, вслѣдствіе небрежнаго, эгоистичнаго отношенія къ дѣлу капитановъ судовъ.

Устраивались посты повсемѣстно слѣдующимъ образомъ: выбросятъ на берегъ команду съ годовымъ запасомъ провіанта и съ необходимымъ для постройки матеріаломъ да и предписываютъ: «стройтесь и устраивайтесь себѣ, какъ знаете!» Относительно же дальнѣйшаго снабженія, такъ просто иногда передъ японцами краснѣть приходилось! Смотришь — приходитъ къ японскому посту джонка и отстаивается отъ бурь и непогодъ на травяныхъ канатахъ, пока не выгрузитъ вседо послѣдняго мѣшка; наше же судно съ грузомъ, предназначеннымъ, напримѣръ, для Кусуная, умудрится сгрузить гдѣ нибудь въ гавани Ольга, или какъ это было въ 1873 году, на пустынномъ полуостровѣ Крильонъ. Поспоришь съ капитаномъ судна, такъ получишь въ отвѣтъ, что «мнѣ до пенсіи, два года остается и разбиваться не охота!» А что нѣсколько сотъ людей болѣютъ повально скорбутомъ,—такъ это ничего!...

Постъ Дуэ расположенъ въ не широкой долинѣ рѣчки Хоэ, такъ что выборъ мѣстности для устройства здѣсь поселенія былъ неудаченъ: пришлось всѣ постройки вытянуть въ одну главную улицу, остальныя же зданія лѣпятся по скатамъ горныхъ отроговъ, замыкающихъ самую долину. На гребнѣ сѣвернаго отрога устроенъ маякъ. Въ море выведена солидная пристань, съ проложенными на ней рельсами для выгрузки и доставки въ постъ провіанта и привозимыхъ товаровъ. Кромѣ зданій постовой команды и команды ссыльныхъ, здѣсь имѣются

Постъ Дуэ.

провіантскіе магазины, часовня и нѣсколько домиковъ частныхъ лицъ. Въ послѣдніе годы нѣкоторые изъ Николаевскихъ купцовъ устроили свои лавки, въ которыхъ продаются предметы первой необходимости по весьма высокимъ цѣнамъ. Продавался прежде и спиртъ, но въ настоящее время ввозъ спирта на островъ воспрещенъ: если же и провозятъ его, то именно контрабандой. Въ окрестностяхъ поста Дуэ ведется самая дѣятельная пушная торговля; особенно же развита она при истокахъ Тыми и Плыи. Туда-то и стремятся наши Николаевскіе торговцы, минуя дуйскій контроль и пробираясь прямо черезъ долину рѣки Арково верстъ на 20-ть сѣвернѣе поста. Между Дуэ и Арково находится въ настоящее время слобода Александровская изъ ссыльныхъ поселенцевъ, считающая свыше двадцати дворовъ. Она расположена по прибрежьямъ рѣки Дуэ и притока послѣдней Александровки. Долина этихъ рѣкъ— одна изъ самыхъ удобныхъ для поселенія и хлѣбопашества въ средней части Сахалина. Высокій центральный хребетъ съ его отрогами защищаетъ ее отъ вредныхъ восточныхъ вѣтровъ, а прекрасная почва, богатые луга и отличный строевой лѣсъ даютъ поселянамъ возможность устроиться и жить въ полномъ достаткѣ. Въ прежнее время отъ поста Дуэ въ слободу Александровскую нельзя было проѣхать иначе какъ берегомъ и то только до скалистаго мыса Жонкьеръ, круто обрывающагося въ самое море. Обойти мысъ даже и въ малую воду не представлялось никакой возможности, такъ какъ тутъ глубина въ нѣсколько саженей; оставалось проложить тропинку черезъ каменистую сѣдловину, соединяющую мысъ съ береговыми отрогами, что стоило неимовѣрныхъ усилій, такъ какъ громадныя глыбы каменьевъ,

преграждавшія путь, приходилось первоначально взрывать порохомъ, а потомъ уже сваливать. Самъ же по себѣ Жонкьеръ поражаетъ васъ своими прихотливыми очертаніями и угрюмой красотой; въ геологическомъ же отношеніи онъ замѣчателенъ по обилію, залегающихъ въ немъ, окаменѣлостей. Докторъ Августиновичъ, побывавшій на островѣ въ 1879 г., привезъ выбитыя изъ Жонкьера круглыя окаменѣлыя раковины, которыя доходятъ въ діаметрѣ до трехъ-четвертей аршина. Въ береговыхъ же обрывахъ между Дуэ и Жонкьеромъ залегаютъ извѣстныя «дуйскіе» каменноугольные пласты.

Въ настоящее время отъ поста Дуэ къ слободѣ Александровской проложена прямая дорога и путь черезъ Жонкьеръ оставленъ.

Постъ Кусунай, какъ сказано выше, основанъ лейтенантомъ Рудановскимъ на берегу Татарскаго пролива. Такъ какъ въ этомъ мѣстѣ островъ не превышаетъ 30-ти верстъ ширины, то отъ поста Кусунай выдвинута была унтеръ-офицерская команда на берегъ Охотскаго моря и устроенъ постъ при устьѣ рѣки Мануэ. Такимъ образомъ была проведена какъ бы граница между сѣверными и южными поселеніями острова.

Въ посту Кусунай находилась первоначально незначительная морская команда, которая бывала иногда въ такомъ жалкомъ положеніи, что начальнику поста приходилось занимать рисъ у японцевъ. Не въ лучшемъ положеніи находился и взводъ 4-го восточно-сибирскаго батальона, присланный морякамъ на смѣну. Понятно, что при такихъ условіяхъ мы не могли имѣть ровно никакого вліянія на мѣстное населеніе, а японцы получили самое невыгодное понятіе о могуществѣ русскихъ, обращались съ горстью нашихъ людей надменно и не пускали насъ за линію Мануэ-Кусунай, хотя права на то не имѣли. Только въ 1866 г. число нижнихъ чиновъ въ Кусунаѣ доведено до 145-ти человѣкъ и на островъ командированъ полковникъ де-Витте, который, ознакомившись съ положеніемъ дѣлъ, счелъ нужнымъ сдѣлать и по западному и по восточному берегу нѣсколько вооруженныхъ прогулокъ, а весной 1867 года положилъ начало новому посту при устьѣ рѣки Найбучи, верстъ шестьдесятъ южнѣе Мануэ. Смѣлый поступокъ этотъ возбудилъ крайнее раздраженіе въ средѣ японцевъ и повелъ къ нескончаемой дипломатической перепискѣ. Болѣе всего волновало мѣстныхъ чиновниковъ то обстоятельство, что команду въ 25-ть человѣкъ при офицерѣ, со строительными матеріалами, инструментами и двухъ-мѣсячнымъ провіантомъ, мы перевезли къ мѣсту устройства поста на японскомъ же кунгасѣ, (большой морской парусной лодкѣ), который дали намъ чиновники селенія Сирара-ки на нѣсколько дней для рыбной ловли въ Мануэ.

Внутренность жилища айновъ.

Къ осени же указаннаго года японцевъ постигъ новый и болѣе рѣшительный ударъ: наше правительство оставило первоначальное намѣреніе утверждаться на югѣ острова постепенно и снарядило экспедицію подъ начальствомъ полковника де-Витте, который занялъ единственную удобную на островѣ бухту Буссе и устроилъ тамъ постъ Муравьевскій. Такому вторженію японцы сопротивлялись пассивно, ограничившись протестомъ.

Болотистые берега бухты Буссе производили такое удручающее тяжелое впечатлѣніе на высаженную здѣсь стрѣлковую роту 4-го восточнаго сибирскаго линейнаго баталіона, что многіе изъ молодыхъ людей (новобранцевъ) плакали горючими слезами.

Благодаря энергіи и заботливости начальника отряда, полковника де-Витте, постройка шла быстро, и уже въ сентябрѣ 1867 г. болото преобразовалось въ хорошенькій постъ съ шоссейными дорожками, а люди поселились въ казармахъ. Такому успѣху немало способствовалъ и молодой ротный командиръ, подпоручикъ Шванъ.

Съ основаніемъ Муравьевскаго поста, японцамъ стали ясны наши конечныя цѣли. Наше правительство не могло остановиться на полъ-пути, и въ 1869 году рѣшено было перевести на островъ весь 4-й восточно-сибирскій линейный баталіонъ, при взводѣ горной артиллеріи и, кромѣ того, положено было устроить первое на островѣ поселеніе. Для должнаго вліянія, какъ на туземное населеніе, такъ и на японцевъ, признавалось необходимымъ устроить сильный постъ въ самомъ центрѣ айно-японскихъ поселеній, съ каковою цѣлію и выбрана была бухточка «Хахка-Томари», рядомъ съ городкомъ «Кусунъ-Котанъ». 11-го іюля 1869 года посажены были на бортъ транспорта «Манжуръ» 3-я и 4-я роты 4-го восточно-сибирскаго линейнаго баталіона съ необходимыми матеріалами и взводъ стрѣлковъ; высадка совершилась безпрепятственно и немедленно же приступлено къ расчисткѣ мѣстности для новаго поста, которому и дано названіе «Корсаковъ».

Только что успѣли высадить взводъ стрѣлковъ, какъ явились японскіе чиновники съ протестомъ относительно насильственнаго занятія нейтральной мѣстности. «Помилуйте!» говорилъ одинъ изъ старшихъ чиновниковъ по прозванію «Тодзимбадзиро» «Если я дозволю вамъ занять это мѣсто,—мнѣ голову отрубятъ!» Въ свою очередь, я силился увѣрить, что и у насъ точно такъ же строго; что по приказанію адмирала Фуругельма моя голова, въ случаѣ неисполненія приказаній, слетитъ такъ же свободно, какъ и его, Тодзимбадзиро. Словомъ—«veni—vidi—vici!» Работа закипѣла, и къ декабрю мѣсяцу люди изъ землянокъ перешли въ казармы. Впрочемъ, большое неудобство такихъ скорыхъ построекъ заключается въ томъ, что приходится строиться изъ сырого лѣса, который затѣмъ разсыхается и даетъ трещины во все бревно; въ конопати же мы такъ нуждались, что забивали трещины мхомъ, который быстро вывѣтривался. Въ моемъ, напримѣръ, домѣ стаканъ воды, поставленный съ вечера, промерзалъ иногда къ утру до дна.

Утвердившись въ заливѣ Анива, приходилось подумать и о путяхъ сообщенія между постами, тѣмъ болѣе, что японцы, возмущенные нашимъ смѣлымъ образомъ дѣйствій, приготовлялись къ противодѣйствію.

Вслѣдъ за водвореніемъ въ бухтѣ Хахка-Томари устроены были небольшіе посты на западномъ берегу около селенія Мауке и на восточномъ при устьѣ рѣки Плыи, недалеко отъ японскаго селенія Сиська.

Множество затрудненій, встрѣченныхъ нами при устройствѣ всѣхъ этихъ постовъ, усугубились еще и тѣмъ, что, одновременно съ прибытіемъ баталіона, привезены были въ числѣ 21-й семьи переселенцы Тобольской и Иркутской губерній.

Предварительно прибывшіе крестьяне-ходоки, изслѣдовавъ всю южную часть острова, нашли, что притокъ рѣки Найбучи съ его плодоносной долиной, какъ нельзя болѣе подходятъ къ устройству здѣсь поселенія. Прибыли поселенцы съ двухъ годовымъ запасомъ провіанта, со скотомъ и земледѣльческими орудіями. Жаль только, что Николаевское областное правленіе позабыло выслать сохи, такъ что я лично привезъ ихъ уже зимой на собакахъ. Жаль и того, что крестьянъ доставили въ концѣ лѣта, такъ что кормъ для скота нужно было скорѣе рубить, чѣмъ косить. А тутъ еще и моряки помогли: отъ устья Найбучи можно подняться на лодкѣ вверхъ по рѣкѣ верстъ на 12-ть, отсюда ровной мѣстностью, по проложеннымъ уже тропинкамъ, легко было бы поднять переселенцевъ вплоть до выбраннаго ими мѣста. Но для этого транспорту нужно было идти въ Охотское море, а моряки сибирской флотиліи Охотскаго моря не любятъ. Вотъ и командиръ транспорта (ему оставалось года 1½ до пенсіи) предпочелъ выгрузить крестьянъ въ только что заложенномъ посту Корсакова, а отъ поста Корсаковъ къ селенію Такой верстъ 90 по непроходимымъ дебрямъ. Никакія увѣщанія и просьбы о перевозкѣ крестьянъ къ устью Найбучи не помогли: «машина испорчена», — отговаривался капитанъ. И вотъ, размѣстивъ кое-какъ несчастныхъ крестьянъ въ японскихъ сараяхъ и землянкахъ, пришлось назначить команду подъ начальствомъ топографа Дьяконова для про-

веденія просѣки. Одновременно же съ этимъ были отправлены всѣ молодые люди—крестьяне косить перезрѣлое сѣно. Нужно владѣть очень талантливымъ перомъ, чтобы описать все то, что выдержали крестьянскія семьи, работавшая команда и приставленные къ дѣлу офицеры.

Работавшимъ на просѣкѣ доставляли хлѣбъ и провизію на рукахъ, и чѣмъ дальше подвигались дороги, тѣмъ это было труднѣе. А тутъ, какъ на зло, стала ранняя зима и выпалъ глубокій снѣгъ, такъ что крестьяне, отправившіеся по слѣдамъ работавшихъ дорогу солдатъ, должны были расположиться таборомъ въ лѣсу, верстъ съ 20-ть не доходя селенія Такой, окрестности котораго были выбраны подъ поселенія.

Привезенный скотъ (волы) сталъ падать отъ усиленной работы и плохого корма; наскоро прорубленная просѣка шла крутыми пригорками и оврагами, такъ что къ каждой подводѣ нужно было много людей, чтобы помогать изнуреннымъ погибающимъ животнымъ. Довольно сказать, что 90 верстъ отъ залива Анива и до селенія Такой крестьяне шли около мѣсяца.

Ненависть пострадавшихъ къ виновнику всѣхъ этихъ бѣдствій была такъ велика, что 6—7-ми лѣтніе мальчишки употребляли его фамилію, какъ бранное слово.

Ясно, что при такомъ грустномъ началѣ въ устройствѣ перваго свободнаго поселенія успѣха быть не могло около Дуэ, нужно замѣтить, существовала уже Александровская ферма изъ ссыльныхъ, окончившихъ сроки работъ. Объ озимыхъ посѣвахъ нечего было и думать, а падежъ скота отозвался и на весеннихъ работахъ.

Въ октябрѣ 1869-го же года японцы въ свою очередь усилили посты командами, прибывшими на американскомъ пароходѣ Янтсей, но дѣло обошлось безъ столкновеній, такъ какъ рыбныя ловли были уже окончены и дѣлить намъ было нечего. Не взирая на то, что постройки жилыхъ помѣщеній, устройство просѣкъ и дорогъ лежало всей своей тяжестью на нижнихъ чинахъ, мы, въ виду натянутыхъ отношеній съ японцами, должны были заняться, кромѣ того и боевой подготовкой людей, на что посвящался одинъ день въ недѣлю, суббота, когда, равно какъ и въ воскресенье, работъ не производилось.

Непосильные труды и совершенно неудобо-исполнимыя требованія начальства побудили меня просить о высылкѣ на южную часть острова партіи ссыльно-каторжныхъ въ такомъ числѣ, чтобы хоть нѣсколько облегчить команды и заняться приведеніемъ ихъ на военную ногу. Въ 1871 году выслана была въ постъ Корсаковъ партія ссыльно-каторжныхъ изъ 150-ти человѣкъ, которая и была распредѣлена, какъ для окончательнаго устройства постовъ, такъ и для проведенія дороги отъ пролива Лаперуза къ Охотскому морю по Такоя-Сусуйской долинѣ. Въ 1871 и 1872 годахъ прибыла на островъ Высочайше утвержденная коммиссія, подъ предсѣдательствомъ статскаго совѣтника Власова, для изслѣдованія вопроса, на сколько пригоденъ островъ для заселенія его ссыльно-каторжными, равно и для устройства здѣсь пенитенціарныхъ колоній. Членъ коммиссіи агрономъ Мицуль произвелъ самыя тщательныя изслѣдованія, занимался пробными посѣвами, какъ озимыми, такъ и яровыми, и вывелъ общее заключеніе, что Сахалинъ представляетъ широкое поле дѣятельности для хлѣбопашца.

Мнѣ, впрочемъ, кажется, что успѣшному хлѣбопашеству не благопріятствуютъ климатическія условія, обусловленныя вліяніемъ Охотскаго моря; по крайней мѣрѣ, крестьяне, поселившіеся въ Такоѣ, жаловались на несвоевременные дожди и большое число пагубныхъ для хлѣба туманныхъ дней. Но огородничество и скотоводство прививаются съ большимъ успѣхомъ и урожаи овощей, особенно же картофеля, доходятъ до самъ 15-ти и больше. Кромѣ картофеля, разводятъ капусту, рѣдьку, свеклу, морковь, брюкву, а на югѣ—и огурцы.

Изъ всѣхъ существовавшихъ постовъ, особенно успѣшнымъ скотоводствомъ отличался Кусунай, чему способствовали богатые прибрежные луга и сравнительно незначительное количество насѣкомыхъ, которыя сильно безпокоили крестьянскій скотъ въ Такоѣ. Овцеводство погибло въ зародышѣ, такъ какъ овцы, купленныя въ Забайкальѣ, не выдерживали сахалинскаго климата и частью пали, частью были перерѣзаны крестьянами. Самою выгодною

отраслью скотоводства считается разведеніе свиней, которыя находятъ обильную пищу въ болотистыхъ берегахъ рѣчекъ и вмѣстѣ съ тѣмъ замѣчательно плодовиты.

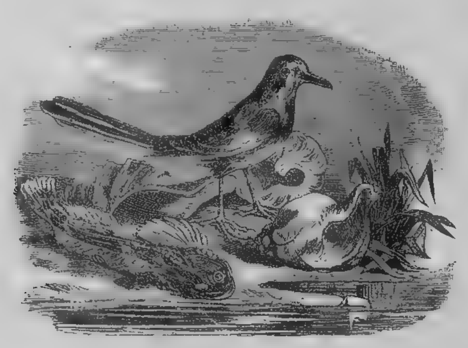
Представленія, сдѣланныя въ Петербургѣ статскимъ совѣтникомъ Власовымъ въ смыслѣ благопріятномъ для устройства ссыльныхъ колоній на Сахалинѣ, ускорили разрѣшеніе вопроса, и въ 1875 году, по трактату, заключенному съ Японіей, Сахалинъ уступленъ намъ окончательно. При этомъ японцамъ оставлено право пользоваться рыбными промыслами въ теченіе 10-ти лѣтъ, а туземцамъ предложено выселиться въ Японію или же принять русское подданство.

Затѣмъ проэктирована была доставка ссыльно-каторжныхъ на Сахалинъ не прежнимъ сухопутнымъ этапнымъ путемъ черезъ всю восточную Сибирь, а кругомъ свѣта, на морскихъ судахъ.

Этимъ сберегается, какъ время, такъ и силы арестантовъ, которымъ предстоитъ, хотя и тяжелый, но производительный трудъ. Первый кругосвѣтный рейсъ сдѣланъ былъ въ 1879 г. на крейсерѣ добровольнаго флота «Нижній-Новгородъ,» подъ наблюденіемъ бывшаго начальника Сахалинскаго отряда генералъ-маіора де-Витте. Ссыльно-каторжныхъ предполагалось размѣстить, какъ въ окрестностяхъ поста Дуэ, такъ и на югѣ, въ посту Корсаковъ; но послѣдняго, по недостатку помѣщеній, сдѣлать невозможно было, такъ что вся масса арестантовъ скопилась въ окрестностяхъ Дуэ, а въ посту Корсаковъ находилось не свыше двухсотъ человѣкъ.

Въ настоящее время, кромѣ села Александровска при рѣкѣ Малой Дуэ, существуетъ и еще поселеніе ссыльныхъ при истокахъ рѣки Тымь; отсюда предполагаютъ расселять ихъ далѣе по теченію рѣки Плыи до Охотскаго моря; другую же часть думаютъ отдѣлить для устройства пенитенціарныхъ колоній въ южной части острова и, подвигаясь затѣмъ одновременно къ югу отъ сѣвера и отъ юга къ сѣверу, просѣкая вмѣстѣ съ тѣмъ сахалинскія дебри, сойтись поселеніями въ средней части острова.

Не увлекаясь иллюзіями, пожелаемъ отъ души успѣха этому грандіозному, но не легкому предпріятію, а также—и того, чтобы наше мнѣніе было ошибочно, чтобы суровое Охотское море не мѣшало развитію хлѣбопашества въ широкихъ размѣрахъ.

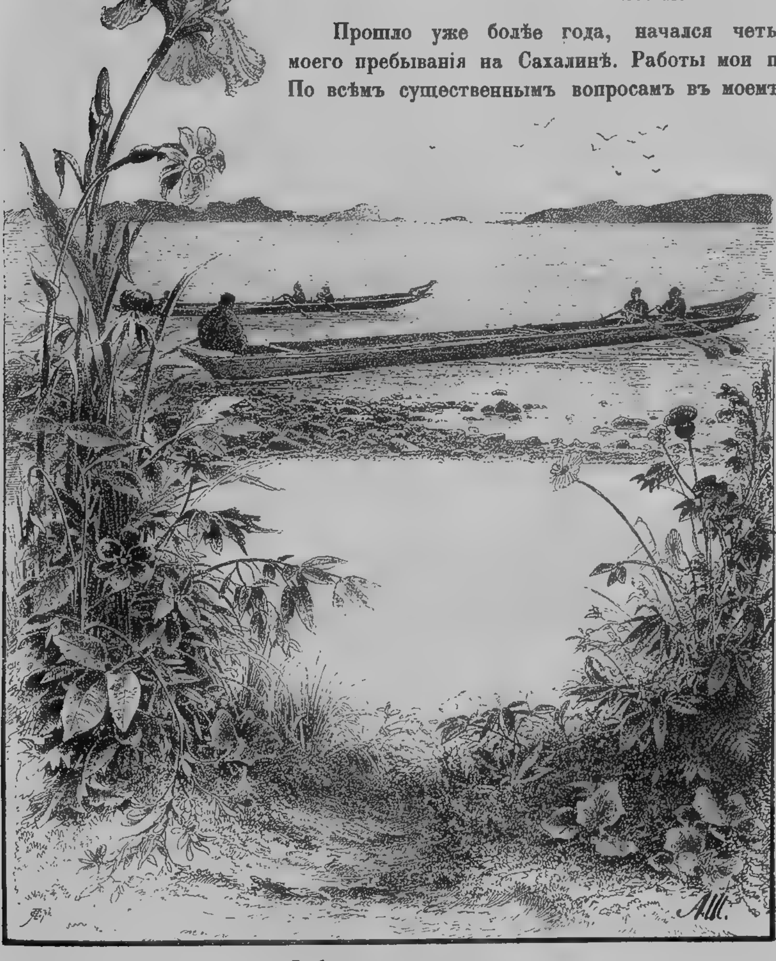


Сахалинская Трясогузка.

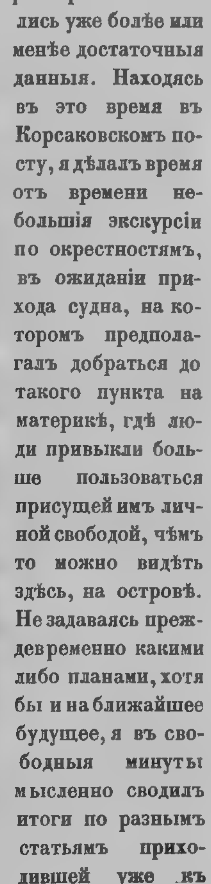
II. НА САХАЛИНѢ.

Въ ожиданіи судна въ Корсаковскомъ посту.—Мои странствованія по Сахалину.—Природа острова.—Древнѣйшіе его обитатели.—Современные островитяне: айны, гиляки и ороки.—Внѣшній видъ и промысловый бытъ островитянъ.—Ихъ одежда, жилища и привычка къ холодамъ.—Ихъ грубыя воззрѣнія на ходъ явленій въ природѣ и фетишизмъ.—Замѣчательное развитіе чувства общественности у островитянъ.—Японцы-рыбаки и вліяніе ихъ на нравы и жизнь островитянъ. — Вліяніе на первобытныхъ жителей острова со стороны русскихъ владѣній.—Судьба русскихъ военныхъ постовъ и крестьянъ-колонистовъ на островѣ.—Колонизація Сахалина ссыльно-каторжными.—Приходъ во Владивостокъ.

Прошло уже болѣе года, начался четырнадцатый мѣсяцъ моего пребыванія на Сахалинѣ. Работы мои приходили къ концу. По всѣмъ существеннымъ вопросамъ въ моемъ распоряженіи имѣ-



Долбленыя лодки гиляковъ.



лись уже болѣе или менѣе достаточныя данныя. Находясь въ это время въ Корсаковскомъ посту, я дѣлалъ время отъ времени небольшія экскурсіи по окрестностямъ, въ ожиданіи прихода судна, на которомъ предполагалъ добраться до такого пункта на материкѣ, гдѣ люди привыкли больше пользоваться присущей имъ личной свободой, чѣмъ то можно видѣть здѣсь, на островѣ. Не задаваясь преждевременно какими либо планами, хотя бы и на ближайшее будущее, я въ свободныя минуты мысленно сводилъ итоги по разнымъ статьямъ приходившей уже къ концу своей дѣятельности въ странѣ изгнанія. Наконецъ, въ половинѣ іюля, далеко на гори-

зонтѣ Анивскаго залива, показался давно жданный и желанный дымокъ. Черезъ небольшой промежутокъ времени, двухмачтовое паровое судно отдало якорь на Корсаковскомъ рейдѣ. То былъ пароходъ «Байкалъ», только въ первый разъ начавшій свои рейсы по портамъ Приморской области; съ нимъ, черезъ нѣсколько дней, я долженъ направиться во Владивостокъ. Такъ это и случилось.

Очутившись на суднѣ со всѣмъ своимъ имуществомъ, я почувствовалъ облегченіе,—какъ будто «гора съ плечъ свалилась». Я былъ теперь уже изолированъ нѣкоторымъ воднымъ пространствомъ отъ острова, пребываніе на которомъ сдѣлалось прошедшимъ. Это ближайшее прошедшее такъ недавно еще было для меня или тяжелымъ настоящимъ, или же загадочнымъ, иногда причинявшимъ тревогу, будущимъ. Почти четырнадцать мѣсяцевъ жизни на островѣ,

Каторжные.

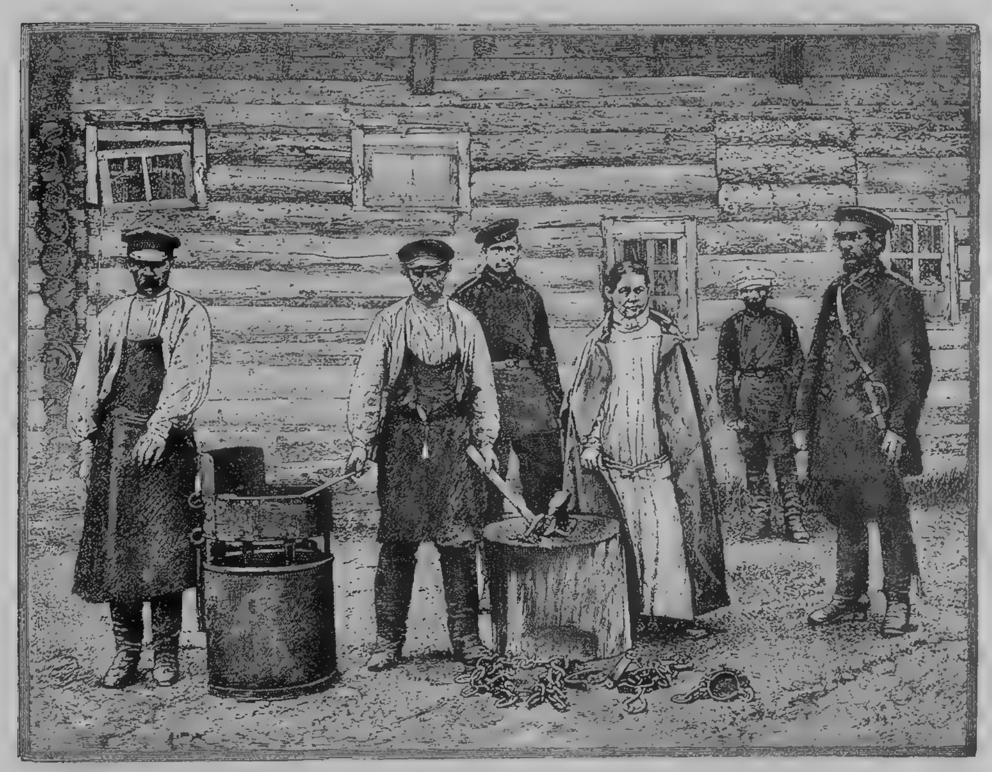
въ разныхъ его пунктахъ, въ различные періоды года, оставили во мнѣ такую массу впечатлѣній, въ которой на первый разъ легко затеряться, заблудиться, подобно тому, какъ это можетъ случиться на дѣлѣ, среди громадныхъ сахалинскихъ лѣсовъ и дебрей, съ неопытнымъ и неумѣлымъ странникомъ. Вспомнилось мнѣ продолжительное пребываніе въ предѣлахъ Александровской тюрьмы на среднемъ Сахалинѣ, экскурсіи и поѣздки въ область Дунайской тюрьмы—старѣйшей на островѣ, затѣмъ поѣздки и пребываніе въ третьемъ изъ мѣстъ заключенія—въ тюрьмѣ Тымовской. Въ концѣ прошлаго лѣта и въ началѣ осени я почти два мѣсяца провелъ въ сѣверной части Сахалина до прибрежій Охотскаго моря,—въ области обитанія немногочисленныхъ туземныхъ племенъ. Проведя конецъ осени и часть зимы въ предѣлахъ тѣхъ же средне-сахалинскихъ тюремъ и ихъ окрестностей, въ февралѣ нынѣшняго года я былъ около водъ Охотскаго моря, при заливѣ Терпѣнія. Четырехмѣсячное испытаніе

Перевозка ссыльныхъ на Сахалинъ.

Этапный домъ.

здѣсь, среди негостепріимной природы и мѣстныхъ первобытныхъ жителей, послужило для меня хорошимъ урокомъ, вмѣстѣ съ которымъ я получилъ богатый матеріалъ для ознакомленія съ краемъ.

Съ глубокой скорбію вспоминаю о томъ, какъ я вынесъ здѣсь всю тяжесть симптомовъ отравы, которую два раза,—повидимому не безъ злаго умысла и не безъ корыстныхъ цѣлей,—давали мнѣ въ домѣ единственнаго здѣсь русскаго, бывшаго ссыльнаго, а нынѣ ведущаго торговлю съ туземцами. Въ концѣ мая я былъ въ морскомъ пути, на югъ острова. Моя эскадра, состоявшая изъ трехъ долбленыхъ мѣстныхъ лодокъ, боролась и съ волненіемъ, и съ бурунами, обходя береговыя скалы. Разъ я, около морского берега, сильно утомленный и спящій во время морского прибоя, былъ выброшенъ изъ челнока въ холодныя воды Охот-



Заковываніе каторжныхъ.

скаго моря, и меня спасъ, всегда бывшій мнѣ вѣрнымъ слугою, ссыльно-каторжный Мусса, родомъ чеченецъ. Въ половинѣ іюня меня встрѣтили въ долинѣ рѣчки Токоя сильные дожди, которые въ верховьяхъ рѣчки Сусуи превратились въ ливни. Три дня и три ночи стояли мы на одномъ мѣстѣ, въ пустынѣ; за проливными дождями послѣдовало наводненіе,—весь путь впереди былъ затопленъ. Мы шли пѣшкомъ по тайгѣ, частью среди лѣсовъ, главнымъ же образомъ по равнинамъ, занятымъ травами (часто превышающими человѣческій ростъ), въ родѣ сахалинскаго полигонума или лопушника, и кустарниками въ родѣ высокаго, колючаго сахалинскаго шиповника. Мы едва открывали человѣческія тропы, нерѣдко раздвигая траву при помощи туземныхъ копій, нападали часто на медвѣжьи тропы и сбивались съ пути. У меня было восемь человѣкъ носильщиковъ для довольно тяжелой клади, состо-

явшей главнымъ образомъ изъ научныхъ коллекцій. Носильщиками были айны и одинъ ссыльно-каторжный. Во время невольной стоянки, айны съѣли послѣднюю, взятую на случай, собаку; пришлось питаться кореньями и растительными стеблями. У меня осталась послѣдняя горсть черныхъ сухарей и кусокъ (варки на двѣ) солонины. Дожди начали ослабѣвать; я послалъ впередъ, въ Корсаковскій постъ, двухъ гонцовъ съ просьбой о помощи, начавъ и собственное движеніе по тому же направленію съ кладью и остальными носильщиками. Мы провели еще ночь въ пути. Затѣмъ, верстахъ въ тридцати отъ поста, насъ, лишенныхъ всякой провизіи, встрѣтила желанная помощь.

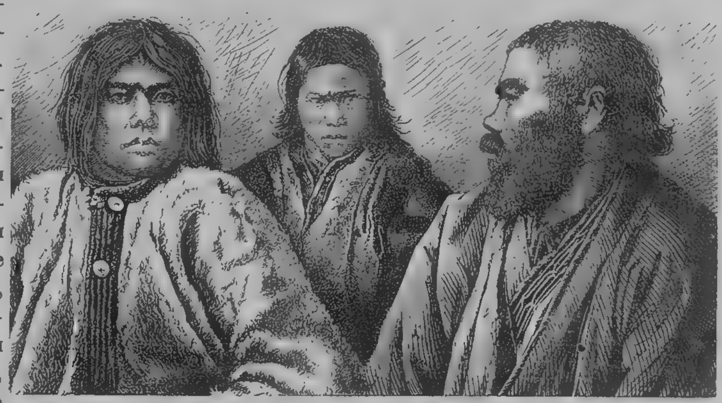
Лѣтнія жилища айновъ.

Если присоединить къ этому, что переходы и экскурсіи по острову были сдѣланы пѣшкомъ, среди лѣсовъ, болотъ и песковъ, при всевозможныхъ температурахъ и погодахъ, верхомъ на лошадяхъ или въ саняхъ, по глубокимъ сугробамъ снѣга, на собакахъ и оленяхъ, по пустынямъ, нерѣдко при морозахъ, превышавшихъ 35° Цельзія, при вьюгахъ и снѣговыхъ мятеляхъ, наконецъ, если упомянуть о продолжительныхъ переѣздахъ по рѣкамъ и по морскимъ водамъ, часто при сильномъ волненіи и вѣтрахъ, въ первобытныхъ долбленыхъ лодкахъ туземцевъ,—то всѣмъ этимъ будетъ исчерпана, въ общихъ контурахъ, исторія моихъ странствованій.

Сахалинъ—одинъ изъ чрезвычайно своеобразныхъ по своей природѣ уголковъ земного шара. Начавшись нѣсколько южнѣе 46° с. ш. мысомъ Крильонъ, онъ, съ нѣкоторыми уклоненіями, придерживается въ общемъ одного и того-же меридіана и тянется не широкой и невполнѣ правильной полосой къ сѣверу, гдѣ и кончается мысомъ Елизаветы, почти подъ 54° 30′ с. ш. Такимъ образомъ онъ раскинулся по широтѣ приблизительно на восемь съ половиной градусовъ. По западному берегу, почти вдоль всего острова, раскидывается Западный или Большой Сахалинскій хребетъ. Онъ только въ сѣверной части немного отходитъ отъ моря въ глубь острова; въ южныхъ же и среднихъ частяхъ Сахалина его вѣтви образуютъ у водъ Татарскаго пролива ряды береговыхъ скалъ и мысовъ, между которыми не имѣется, впрочемъ, ни одной хорошей бухты или гавани, гдѣ-бы пловцы на судахъ могли найти себѣ защиту отъ бурь и непогодъ, нерѣдко омрачающихъ поверхность пролива. При непогодѣ, даже съ «дуйскаго» рейда суда снимаются и идутъ «отстаиваться» въ заливъ де-Кастри на материкѣ. По восточному берегу, въ средней части острова, тянется другой хребетъ, почти параллельно первому, это—Восточно-Сахалинскій, еще болѣе угрюмый и негостепріимный горный хребетъ. Въ самой южной части острова, въ которую съ юга вдается Анивскій заливъ, идутъ также почти меридіонально два небольшіе хребта, одинъ береговой, другой центральный—Сусуя-Оненайскій, правильнѣе—Сусуя-Токойскій. Благодаря системѣ параллельныхъ сахалинскихъ хребтовъ, изъ коихъ въ главномъ многія вершины уходятъ на высоту болѣе 3,000 футовъ

Сахалинскіе айны.

надъ уровнемъ моря и гдѣ отроги хребтовъ часто подходятъ другъ къ другу,—на островѣ гористые, возвышенные пункты являются преобладающими надъ гладкими долинами или равнинами. Небольшіе, но многочисленные ручьи и рѣчки перерѣзываютъ поперекъ хребты и по узкимъ, скалистымъ ущельямъ быстро низвергаются въ море, нерѣдко даже красивыми шумными каскадами и водопадами, прямо съ отвѣсныхъ береговыхъ скалъ. Водные осадки на островѣ весьма изобильны, лѣтомъ въ видѣ дождей, зимой — страна одѣвается мощнымъ снѣговымъ покровомъ. Если въ теплыя времена года туманы не закутываютъ густымъ, непроницаемымъ вуалемъ острова, со всѣми его горными вершинами, береговыми скалами, то онъ покажется со стороны моря сытому путнику на хорошемъ суднѣ во всей его молчаливой и негостепріимной красотѣ. Но если, примѣрно лѣтомъ, низвергаются съ высоты дождевые ливни, то узкія полоски и клочки земли около береговыхъ пунктовъ настолько заполняются водой, какъ и во всѣхъ горныхъ странахъ, что превращаются почти въ болото.



Типы айновъ, жителей южной части Сахалина.

При параллелизмѣ хребтовъ естественно ожидать продольныхъ долинъ, которыя и на самомъ дѣлѣ существуютъ. Изъ нихъ наиболѣе обширныя на Среднемъ Сахалинѣ: Тымовская съ уклономъ почти на сѣверъ и съ рѣкой, впадающей въ Ныйскій заливъ въ области Охотскаго моря, и Поро-найская, раскинувшаяся къ югу и упирающаяся съ орошающей ее рѣкою въ заливъ Терпѣнія. Главныя рѣки обѣихъ долинъ въ общемъ мелководны, особенно въ верховьяхъ и въ среднемъ теченіи. Онѣ представляютъ массы препятствій для плаванія на сколько-нибудь порядочныхъ лодкахъ: или порожисты, усѣяны мелями, или же русла ихъ загромождены карчами, иногда въ такой степени, что наносный лѣсъ является среди водъ въ видѣ настоящихъ сплошныхъ запрудъ. Рѣки извилисты, образуютъ часто массы протоковъ, усиливающихъ мелководье. При дождяхъ или весеннемъ половодьѣ, онѣ выходятъ изъ береговъ, широко заливая долины. Самыя долины порѣзаны старицами, озерами, усѣяны болотами или испещрены ручьями и рѣчками, скатывающимися съ окрестныхъ горъ въ главныя рѣки.

Типъ стараго айна.

Въ низовьяхъ долины рѣкъ, по ихъ почвѣ, принимаютъ характеръ тундръ глубокаго Сѣвера. При устьяхъ р. Тыми, въ торфяникахъ или дюнныхъ пескахъ, на глубинѣ аршина, покоится вѣчная мерзлота.. Сообразно съ почвой, въ низинахъ восточныхъ прибрежій Саха-

лина, не говоря о значительныхъ горныхъ высотахъ, господствуетъ полярная или альпійская растительность—и это на широтѣ Оренбурга, Саратова, Курска, Кіева, Варшавы, а затѣмъ далеко южнѣе,—почти до широты Крыма и сѣвернаго Кавказа, представители флоры: клюква, морошка, брусника, многіе вересковые виды и извѣстный приземистый, карликовый кедръ или, такъ называемый, кедровый сланецъ. Въ среднихъ частяхъ рѣчныхъ долинъ лиственныя деревья, въ родѣ тополя, вяза и ильма, также кустарники, въ родѣ ивъ, черемухи и роговика, являются густыми насажденіями. Исключая высокихъ горныхъ вершинъ, часто голыхъ, съ альпійскою флорою, среднія части хребтовъ густо покрыты пихтой и елью. Своеобразную смѣсь кустарной и травянистой растительности дополняютъ: карликовый бамбукъ, растущій на высотахъ,—эта пародія настоящихъ гигантовъ теплыхъ странъ,—виноградъ въ южныхъ частяхъ острова, встрѣчающійся, впрочемъ, весьма рѣдко и не имѣющій никакого практическаго значенія по своимъ зеленымъ плодамъ.

Сахалинская природа больше мачиха, чѣмъ матерь для человѣка. Она не давала ему возможности идти впередъ, развиваться прогрессивно въ культурномъ отношеніи, и туземцы,

Собачьи нарты.

населяющіе островъ въ разныхъ мѣстахъ, остались до сихъ поръ полудикими ея сынами или пасынками. Начиная отъ весьма древнихъ временъ, туземцы не измѣнили, часто въ самыхъ существенныхъ чертахъ, ни способовъ борьбы съ окружающей ихъ природой, ни взглядовъ на нее, издавна сложившихся, грубыхъ, первобытныхъ и поучительныхъ для наблюдателя. Однако-же, можно сказать съ полнымъ основаніемъ, что природа никогда не оставляетъ для человѣка этого культурнаго «statu quo» безнаказаннымъ, тѣмъ болѣе природа суровая, плодотворная борьба съ которою требуетъ громадныхъ трудовъ и усилій. По всему этому въ настоящее время количество сахалинскихъ островитянъ наименьшее, по сравненію съ болѣе или менѣе отдаленнымъ прошлымъ, уходящимъ къ той эпохѣ, когда здѣшнимъ обитателямъ еще не было извѣстно употребленіе металловъ. Словомъ, древнѣйшіе обитатели острова имѣли топоры, наконечники стрѣлъ и копій изъ камня, точно также различныя домашнія принадлежности—изъ кости; вмѣстѣ съ тѣмъ они умѣли выдѣлывать своеобразную глиняную посуду. Слѣды своего существованія эти представители каменнаго вѣка оставили на южномъ Сахалинѣ въ большихъ кучахъ изъ различныхъ раковинъ, въ родѣ устрицъ, живое содержимое которыхъ служило имъ

Типы ссыльно-каторжныхъ на Сахалинѣ.

пищею. Между тѣми же, такъ называемыми, «кухонными остатками» я находилъ кости китообразныхъ животныхъ, тюленей, медвѣдей, собакъ и даже кабана, который, значитъ, въ старину водился на островѣ, но теперь безслѣдно исчезъ. Всѣ эти животныя также входили въ составъ кухни вымершаго первобытнаго человѣка. Лѣтъ около полутораста или двухъ сотъ назадъ, южные островитяне уже были знакомы съ металлическими издѣліями и орудіями. Это время было ихъ цвѣтущей, а вмѣстѣ съ тѣмъ и конечной порой существованія. Около этого періода времени, напримѣръ, въ окрестностяхъ Поро-найскаго устья, при заливѣ Терпѣнія, сравнительно на ничтожномъ пространствѣ, населеніе было настолько велико и густо, что, несомнѣнно, превосходило по численности все нынѣшнее населеніе Южнаго Сахалина. То были многочисленныя деревеньки, отдѣльныя хижинки и даже городища, съ сотнями землянокъ, располагавшихся цѣлыми рядами. Отъ жилищъ этихъ обитателей остались въ почвѣ ясно замѣтныя ямы, съ кучами раковинъ, съ костями морскихъ млекопитающихъ, рыбъ и всего того, что доставляло имъ пищу. Находилъ я даже горшки въ землѣ, содержавшіеся въ которыхъ двухстворчатые моллюски почему то не были съѣдены. Повидимому, хозяевъ всѣхъ этихъ многочисленныхъ жилищъ постигла какая-то катастрофа, вытекавшая, вѣроятно, изъ собственнаго склада ихъ жизни. Въ ямахъ, служившихъ жильемъ и вырытыхъ въ песчаной, дюнной почвѣ, растутъ донынѣ корявыя, хотя и толстыя, лиственницы. Изъ нихъ многія уже давно срублены современнымъ человѣкомъ, и на оставшихся пняхъ я насчитывалъ часто болѣе 125 годовыхъ слоевъ,—указаніе, когда именно мѣстность эта опустѣла и своеобразная жизнь погасла здѣсь. У современныхъ обитателей здѣшней мѣстности существуетъ преданіе, что многочисленные, исчезнувшіе отсюда, ихъ предшественники напослѣдокъ вели междоусобицы, ссоры и распри. Этимъ-то и воспользовались предки теперешнихъ здѣшнихъ жителей, которые начали нападать на нихъ, жгли ихъ жилье и такимъ образомъ или истребили ихъ, или заставили ихъ выселиться, удалиться на сѣверъ. Одинъ старый айнъ при разговорѣ по этому поводу даже спрашивалъ меня черезъ переводчика:—«Ты, видно, много по землѣ ѣздишь, не видалъ-ли гдѣ-либо ихъ, этихъ «тончи»? Я глубокомысленно подумалъ, потрясъ головой и сказалъ:—«не случалось»; причемъ айнъ, покуривая трубку или «ганзу», также склонилъ голову и задумался...

Современные айны—ближайшіе родственники этихъ вымершихъ обитателей. По нынѣшнему аинскому преданію, преслѣдованіе «тончей» началось въ то время, когда они имѣли всѣ орудія изъ камня и костей, но сходствовали съ теперешними своими соплеменниками по одеждѣ, по способу постройки жилья, также потому, что мужчины ихъ сбривали или срѣзывали себѣ волосы съ передней части лба, какъ это и теперь принято у айновъ. Есть основаніе думать, что и въ языкѣ было если не тождество, то сходство. Такимъ образомъ айны, жители южной части Сахалина, во многихъ отношеніяхъ—живой образъ ихъ здѣшнихъ предшественниковъ. Разница только въ томъ, что они регрессировали, забывъ способъ выдѣлки глиняной посуды; глина употребляется у нихъ только для выкладки очаговъ въ зимнихъ, врытыхъ въ землю хижинахъ и въ дымовыхъ трубахъ, остовомъ для которыхъ служитъ цыновка, свернутая цилиндромъ; эта послѣдняя и обмазывается глиной внутри и снаружи. Сѣверную половину острова занимаютъ главнымъ образомъ гиляки, хижины и небольшія деревеньки которыхъ разбросаны по долинамъ рѣчекъ и по морскимъ побережьямъ. Я, на основаніи личныхъ наблюденій, пришелъ также къ заключенію, что и имъ предшествовало, въ занимаемыхъ теперь областяхъ, племя, замѣнявшее въ своихъ издѣліяхъ и инструментахъ металлъ камнемъ и костью. Ороки—третье сахалинское племя, пришедшее на островъ, видимо въ болѣе новое время.

Изъ этихъ трехъ народностей айны ведутъ свое происхожденіе отъ медвѣдя,—онъ ихъ первый родоначальникъ. Доказывается это тѣмъ, что айны вообще народъ волосатый, лохматый, какъ медвѣдь. Кромѣ густыхъ черныхъ волосъ на головѣ, айны мужчины имѣютъ большіе усы и густую длинную бороду, закрывающую большую часть ихъ смуглаго лица;

скулы весьма развитыя; тѣло ихъ также въ изобиліи покрыто волосами. Ороки считаютъ своимъ прародителемъ сѣвернаго оленя, играющаго важную роль въ ихъ жизни, находящагося у нихъ въ домашнемъ состояніи. Въ противоположность айнамъ, у нихъ лицо голое, безусое и безбородое. Гиляки занимаютъ средину между айнами и ороками по небольшимъ усамъ и бородѣ. Это—своеобразное племя, у котораго и до сихъ поръ сохранилось сожиганіе труповъ покойниковъ. Небольшіе, въ той или другой степени косо лежащіе глаза, весьма замѣтная скуловатость у представителей всѣхъ этихъ племенъ,—говорятъ объ ихъ восточно-азіатскомъ происхожденіи, не исключая и айновъ, которыхъ по этому напрасно даже многіе представители науки причисляли къ европейскому племени. Сахалинская природа наложила свою однообразную печать на бытъ всѣхъ этихъ разноплеменныхъ жителей острова.

Островитяне не имѣютъ понятія о какихъ либо искусственныхъ путяхъ сообщенія, а пользуются естественными. Зимою совершаютъ свои путешествія на собакахъ, на протяженіи всего острова; ороки, кромѣ того, на оленяхъ; лѣтомъ—въ долбленыхъ лодкахъ по рѣкамъ, рѣчкамъ и даже по морскимъ прибрежьямъ. Во всѣхъ этихъ случаяхъ приходится бороться имъ съ бурями среди морскихъ водъ, съ снѣговыми мятелями, съ сугробами, съ свалившимися деревьями среди чащи лѣса. Съ начала осени до конца зимы они ловятъ медвѣдей, лисицъ, соболей, выдръ, кабаргу, частію сѣвернаго оленя, водящагося въ дикомъ состояніи на островѣ. Весной же начинается ходъ рыбы въ рѣки, который лѣтомъ усиливается,—и тогда наступаетъ настоящая пора рыбнаго лова. Рыба идетъ часто въ громадномъ изобиліи и превосходнаго качества, но и наловить ея нужно много въ запасъ на зиму, и для себя и для собакъ. Во время хода прекраснѣйшихъ сортовъ разныхъ видовъ лососей, рѣки и рѣчки кажутся иногда естественными живорыбными садками. Даже трудно повѣрить, какой массой идутъ эти рыбы. Въ то же время весной подходитъ къ берегамъ острова въ южныхъ его частяхъ громадными рунами сельдь. Все это составляетъ истинное богатство Сахалина.

Гилякъ—выдѣлыватель шкуръ.

Однако-же, при всѣхъ этихъ условіяхъ, жители умудряются оставаться часто безъ рыбы, даже безъ пищи, и ждутъ случая, не выкинетъ-ли гдѣ либо изъ моря на берегъ дохлаго кита, каковые въ особенности изобильны въ водахъ Охотскаго моря. Китовъ, потерявшихъ жизнь, дѣйствительно, выбрасываетъ на берега,—и тогда туземцы вволю упиваются ихъ жиромъ. Островитяне всѣхъ племенъ не упускаютъ ничего изъ виду,—какъ предметъ пропитанія. Всѣ звѣри, не исключая и хищныхъ, въ родѣ лисицы, соболя, выдры, идутъ въ пищу въ сыромъ и вареномъ видѣ; разныхъ видовъ нерпы или тюлени и въ особенности собака составляютъ любимое блюдо. Собака, собственно, играетъ у нихъ роль домашней овцы. Ѣсть нечего,—значитъ, надо давить собаку. Въ началѣ весны, преимущественно въ южныхъ частяхъ острова, жители, женщины и дѣти, систематически осматриваютъ берега морей и ищутъ ракушекъ, улитокъ, даже морскую капусту, для утоленія голода; но повсемѣстно стебли разныхъ растеній, коренья и корневища собираются весной для насущной пищи и для заготовленія въ прокъ.

Всѣ островитяне, сообразно съ ихъ промыслами и собственной ихъ производительностью, имѣютъ свою, мѣстную, одежду изъ собачьихъ и тюленьихъ кожъ, въ частности же ороки—и изъ оленьихъ. Аинки умѣютъ ткать для мужей халаты изъ древеснаго луба, дѣлаютъ изъ

растительныхъ стеблей циновки для домашняго обихода и наряду съ гилячками готовятъ рыболовныя сѣти изъ крапивы. Общепринятый во многихъ мѣстахъ женскій костюмъ, весьма несложный, состоитъ изъ сшитыхъ вмѣстѣ рыбьихъ кожъ, изъ которыхъ уже потомъ выкраивается халатъ и все то, что хотя частію прикрываетъ наготу. Въ послѣднее время, какъ матеріалъ для костюмовъ, туземцы пріобрѣтаютъ русскіе и японскіе товары, сукно, солдатское или арестантское, также различныя бумажныя ткани, — часто какъ предметъ щегольства. Если жители недостаточно обезпечиваютъ себя отъ голода, то еще меньше—отъ холода, какъ по сравнительно легкой ихъ одеждѣ, такъ и по устройству жилья. Во время зимы въ ихъ хижинахъ, при морозахъ отъ 20 до 40° Ц., температура понижается по ночамъ, когда огни на очагахъ потухаютъ, далеко ниже точки замерзанія, между тѣмъ каждый изъ нихъ спитъ голый на какой-нибудь истертой собачьей шкурѣ, подъ покровомъ легкаго тулупа, свернувшись калачомъ. Я наблюдалъ туземцевъ зимой при сильныхъ морозахъ, въ лѣсныхъ пустыняхъ, — то были мои спутники: гиляки, айны и ороки,—какъ они располагались около разведеннаго костра на снѣгу, подостлавъ еловыя или пихтовыя вѣтви и на нихъ—собачину, раздѣвались догола на открытомъ воздухѣ, часто при вѣтрѣ, и ложились, прикрывшись почти лохмотьями, крѣпко засыпая. Сонъ ихъ не прерывался даже и въ томъ случаѣ, когда костеръ, какъ это случалось обыкновенно, вполнѣ потухалъ.

Гилячка.

Не смотря на всѣ эти неудобства по отношенію къ защитѣ отъ холода, туземцы во многихъ случаяхъ доживаютъ до глубокой старости. Я видѣлъ въ разныхъ мѣстахъ весьма старыхъ островитянъ, какъ мужчинъ, такъ и женщинъ. Въ айнскихъ могилахъ около Корсаковскаго поста, изъ нѣсколькихъ десятковъ вырытыхъ мною череповъ, оказалось болѣе одной трети принадлежавшихъ такимъ старцамъ, которые обладали самымъ ничтожнымъ количествомъ зубовъ, — четыре, пять зубовъ, а то и одинъ составляли для нихъ богатство; большая же часть стариковъ безъ зубовъ, и зубныя лунки или альвеолы заросли у нихъ костнымъ веществомъ до такой степени, что какъ-будто зубовъ никогда не существовало.

Молодой гилякъ

Непосредственная, даже грубая подчиненность природѣ проглядываетъ и въ массѣ своеобразныхъ чертъ физическаго склада организма мѣстныхъ жителей; здѣсь видно, какъ человѣкъ могъ приноровиться къ суровымъ условіямъ мѣстности и одновременно съ тѣмъ остался на самомъ низкомъ уровнѣ въ умственномъ отношеніи. Островитяне, сознавая силу природы, вкладываютъ въ нее душу, олицетворяютъ ее. Все сильное въ ней физически составляетъ предметъ поклоненія, божество. Главное божество на сушѣ,—это медвѣдь

представитель правды, часто покровитель человѣка въ бѣдѣ—и около домашняго очага, и среди лѣсовъ. Когда онъ убитъ,—ему отдается рядъ религіозныхъ почестей, послѣ чего мясо его торжественно съѣдается туземцами, стекающимися для этого часто издалека на мѣсто празднества.

Что медвѣдь на сушѣ, то китообразное животное—касатка—въ морѣ. Будучи врагомъ другихъ китовъ, она причиняетъ имъ раны, отъ которыхъ они дохнутъ и выбрасываются къ берегамъ, гдѣ доставляютъ пищу обитателямъ. По ихъ понятіямъ, касатка дѣлаетъ это намѣренно,—оказываетъ милость жителямъ. Отправляясь на промыселъ, островитяне обыкновенно приносятъ жертву божествамъ, въ особенности когда выѣзжаютъ въ море для боя нерпъ или тюленей. Жертва дѣлается для того, чтобы извѣстное божество не разсердилось за невниманіе къ нему, не сдѣлало бы поэтому промыселъ неудачнымъ, не подвергло бы жизнь человѣка опасности. Выставляетъ туземецъ жертвенный столбъ, со всѣми на немъ религіозными атрибутами, часто и въ тѣхъ случаяхъ, когда ждетъ скорѣйшаго прихода рыбы или же того, чтобъ божество измѣнило погоду и направило бы плавающіе весной въ морѣ льды, со всею массою находящихся на нихъ въ это время нерпъ, въ тѣ береговые пункты, гдѣ ловъ желанныхъ морскихъ обитателей наиболѣе легокъ и выгоденъ.

Я не говорю о массѣ другихъ божествъ, которыхъ, вмѣстѣ съ главными, туземцы, особенно ороки, выдѣлываютъ въ видѣ самыхъ грубыхъ деревянныхъ истукановъ. Это—лисица, нерпа, рыбы, даже нѣчто въ родѣ богочеловѣка. Человѣку, свыкшемуся съ европейскими взглядами на явленія въ природѣ, въ связи съ собственнымъ его появленіемъ въ ряду органическихъ созданій, все это покажется на первый взглядъ поразительнымъ, невѣроятнымъ, дѣтски грубымъ заблужденіемъ.

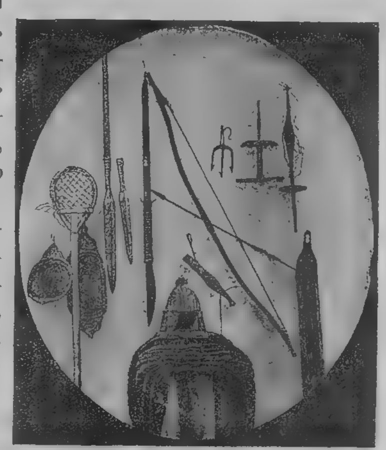
Гилякъ-голова, награжденный боярскимъ кафтаномъ.

Если, съ одной стороны, въ жизни первобытныхъ обитателей острова обнаруживается въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ какъ бы животный элементъ, то съ другой,—имъ нужно отдать справедливость за то, что у нихъ замѣчательно развито чувство общественности. Они привыкли уважать взаимно личные интересы; всякій пріобрѣтаетъ для себя, по возможности, все необходимое своимъ трудомъ, то, что имѣется насущнаго у одного, то же найдется и у другого. По этому у нихъ воровство немыслимо, хотя хижины съ имуществомъ на болѣе или менѣе продолжительное время оставляются хозяевами съ такими запорами, которые отопретъ и ребенокъ, но не звѣрь, ради котораго только запоры и устраиваются. Во временно оставленной хижинѣ съ имуществомъ можетъ остановиться случайный путникъ, можетъ воспользоваться изъ нея необходимыми жизненными припасами; все же остальное долженъ оставить неприкосновеннымъ, иначе приметъ на себя грѣхъ, а то еще хуже—преслѣдованіе и священный судъ общества. Ловушки, поставленныя въ лѣсахъ, даже съ добычей, а также вещи, положенныя по хорошому нартовому пути,—все это должно принадлежать ихъ хозяину, а не первому прохожему или проѣзжему.

Если вы желаете въ какой-либо деревенькѣ нанять нарты или лодки, то ни одинъ изъ жителей не дастъ вамъ отвѣта сразу, а предварительно составляется всегда совѣтъ односельцевъ—и тогда уже дается отвѣтъ. Давъ слово, туземецъ исполнитъ его: онъ явится въ условленный пунктъ издалека, хотя-бы черезъ десять, пятнадцать дней и ночей,—не пропуститъ срока. Въ дорогахъ чувство взаимной помощи доведено у нихъ до замѣчательнаго совершен-

ства и точности; никого не оставятъ одного, въ безпомощномъ положеніи, позади; всѣ дѣйствуютъ дружно и единодушно; слабаго ставятъ въ передніе ряды или въ средину каравана, причемъ въ трудныхъ случаяхъ всѣ ему помогаютъ. Съ одинаковымъ единодушіемъ идетъ работа по прибытіи на ночлеги. Всякій знаетъ, что ему дѣлать; поэтому, при ненастныхъ погодахъ, когда нужно строить даже балаганы,—черезъ полчаса или часъ времени все бываетъ готово: нарублены дрова, заготовлены вѣтви на подстилку, пылаетъ костеръ и варится чай; путники закусываютъ сухой рыбой съ жиромъ нерпы, и вмѣстѣ съ тѣмъ начинается мирная бесѣда, даже шутки. Всѣ мелкія работы—принести воды, поставить котелки, лежатъ на болѣе молодыхъ, причемъ старѣйшіе сидятъ около костра, по старшинству лѣтъ. Молодые образуютъ часто свой отдѣльный рядъ, также соблюдая безусловно свои года. При этой іерархической основѣ, по старшинству лѣтъ, въ обсужденіи общаго хода предпріятія отдается обыкновенно, предпочтеніе мнѣнію бывалаго, опытнаго и умнаго, если-бъ онъ даже и не былъ старъ годами.

Я никогда не видалъ въ дорогахъ, нерѣдко при большихъ трудностяхъ и опасностяхъ, ни ссоръ, ни брани между моими проводниками разныхъ племенъ. Условленная плата дѣлится всегда между ними поровну, независимо отъ возраста или какихъ-либо другихъ преимуществъ туземца. Всѣ ихъ общественныя, такъ сказать,—принципіальныя, добродѣтели видоизмѣняются, однако-же, въ дурную сторону въ ихъ жизненномъ складѣ, что объясняется вмѣшательствомъ постороннихъ, пришлыхъ народныхъ элементовъ, старающихся обратить добродѣтель въ свою собственную пользу и въ ущербъ интересамъ мѣстнаго населенія. Островитяне защищаютъ единодушно, дружно свои интересы въ тѣхъ случаяхъ, когда обнаруживается покушеніе на имущество или жизнь. Съ особенной силой проявилось это чувство самозащиты въ недавнее время, съ приходомъ нашихъ ссыльныхъ, когда во многихъ мѣстахъ были уничтожены и разграблены жилища туземцевъ и вырѣзаны ихъ семьи. Мщеніе не обходилось безъ кровопролитія, такъ что нарушители порядка недалеко уносили свои головы въ цѣлости. Дурная молва о бродягахъ, или,—какъ называютъ ихъ островитяне, — «варнакахъ», скоро распространилась, и теперь, даже мирно идущій бѣглый, сильно рискуетъ лишиться жизни и принести свою одеженку въ жертву мѣстнымъ жителямъ. Къ мирнымъ гражданамъ туземцы относятся почтительно, радушно, безъ всякой тѣни на какія-бы то ни было посягательства. Я проводилъ въ разныхъ мѣстахъ по нѣскольку дней и даже недѣль въ хижинахъ туземцевъ. Послѣ отлучекъ на экскурсіи, я находилъ мое походное имущество, часто довольно разнородное, въ цѣлости, неприкосновеннымъ; даже малыя дѣти обходили его, если оно бывало разбросано.



Оружіе и орудія гиляковъ.

Наиболѣе доступна эксплоатація общественныхъ добродѣтелей туземцевъ съ другой, такъ сказать,—коммерческой стороны, въ томъ случаѣ, когда заѣзжій иноземецъ мирно покупаетъ трудъ мѣстнаго жителя или продукты этого труда. Въ этомъ отношеніи иноземецъ всегда выигрываетъ, а туземецъ проигрываетъ, входитъ въ долги, въ нищету, часто впадаетъ въ преступленіе, въ невольный обманъ, а затѣмъ почти въ рабство. Съ этой стороны эксплоатировали островъ, преимущественно южную его часть, японцы, которымъ она до недавняго времени и принадлежала, какъ провинція. Теперь же японцы приходятъ на Сахалинъ вслѣдствіе данной имъ льготы, такъ какъ онъ перешелъ въ составъ русскихъ владѣній; около сорока или пятидесяти судовъ лѣтомъ нагружаются здѣсь рыбой и осенью уходятъ обратно, въ свои

владѣнія. Кромѣ рыболовныхъ выгодъ, японцы не нашли здѣсь для себя никакихъ другихъ. Рисъ не родился въ самыхъ южныхъ частяхъ острова, слѣдовательно постоянныхъ поселеній здѣсь основать имъ было не возможно. Какъ прежнія, такъ и нынѣшнія отношенія иноплеменныхъ и заѣзжихъ рыбаковъ къ туземцамъ остались тѣ-же самыя: айны и трудъ ихъ порабощены; всѣ айны безъ исключенія обязаны работать на японцевъ. Для этого рыбаки выдаютъ рабамъ-работникамъ свои снасти, причемъ все лучшее въ уловѣ отбирается, самимъ-же айнамъ остается только хламъ для насущнаго пропитанія; собственныя снасти айнамъ имѣть запрещается. Рѣки при устьяхъ перегораживаются, такъ что рыба въ верховья проникнуть не можетъ, по этому невозможно удаляться туда и айнамъ. За то послѣдніе часто увозятся японцами изъ болѣе многолюдныхъ поселеній въ такія мѣста, гдѣ туземцевъ, какъ работниковъ, мало. Главнѣйшая плата за все—рисъ и табакъ въ самыхъ скудныхъ дозахъ. Но все достояніе, какое только айнъ имѣетъ, даже самого себя и свою семью, отдаетъ онъ за японскую водку—саки. Японцы-рыбаки—народъ безсемейный, поэтому айнская семья становится притономъ самаго безстыднаго, возмутительнаго разврата, вмѣстѣ съ которымъ вносятся въ нее всѣ, растлѣвающія организмъ, болѣзни. Съ отъѣздомъ японцевъ въ свои края, айны остаются безъ достаточнаго запаса сухой рыбы для себя и для собакъ; къ концу зимы и по веснѣ у нихъ наступаетъ почти голодовка. Въ такомъ положеніи не одинъ изъ нихъ, полу-нищій, рѣшится, можетъ быть, на обманъ, покривитъ душой, обнаружитъ покушеніе на чужую собственность. Только присущая айнамъ, какъ и другимъ сахалинскимъ обитателямъ, всеядность, сохраняетъ ихъ отъ быстраго вымиранія, а въ общемъ они остаются людьми миролюбиваго, кроткаго характера.

Идолы гиляковъ

Гиляки борцы.

Съ сѣвера туземцы (гиляки и ороки, а также и айны) подвергались издавна другому вліянію,—первоначально манджурскому, черезъ посредство мангуновъ, а потомъ русскому, — съ основаніемъ города Николаевска. Все это торговцы,—до сихъ поръ, по первому снѣговому пути, они вторгаются къ островитянамъ на собачьихъ нартахъ съ разными мелочными товарами, въ числѣ которыхъ находится манджурскій табакъ, кирпичный чай, желѣзныя копья, бусы, серьги, иголки, платки, частію красные товары; сюда же входятъ манджурскіе халаты, шелковые или полу-шелковые, также клинки, все достоинство которыхъ опредѣляется по ножнамъ: въ какой степени онѣ узорчаты, въ такой-же и цѣнны, а самого клинка хотя-бы и не бывало. При узорахъ изъ накладного серебра или же изъ посеребренной латуни, бронзы, стоимость клинка опредѣляется отъ 20 — 30 до 40 соболей. Точно также цѣнятся и халаты, начиная отъ 10 до 40 и 50 соболей за штуку. Поясъ аинки, состоящій изъ мѣдныхъ узорчатыхъ бляхъ, нанизанныхъ на ремень, съ рабочимъ ножомъ, превышаетъ стоимостью 60 соболей. Все

это предметы традиціонные, цѣна на которые установилась издавна, когда соболь не составлялъ для туземцевъ сколько-нибудь существенной цѣнной единицы. Между тѣмъ соболь сдѣлался теперь рѣдкимъ, цѣна же предметовъ, въ родѣ ноженъ къ клинку или пояса аники, едва-ли превзойдетъ стоимость отъ 1 до 2—3 рублей. На предметы насущной необходимости, стоимость которыхъ ничтожна (какъ, напр., табакъ, чай, ситецъ и платки), цѣна возвышается настолько, что соболь обходится покупателю часто отъ 50 коп. до 1 рубля. Торговцы, учиняя набѣгъ на островъ, стараются опередить одинъ другого,—всякій хочетъ въ поселеніе туземцевъ явиться первымъ, чтобъ снять пѣнки, собрать плоды осенняго и зимняго звѣринаго улова. При этомъ самую важную роль играетъ водка, чтобы подпоить, угостить, а потомъ взять съ туземца все, что есть у него лучшаго изъ промысла, задавъ при этомъ въ долгъ негодныхъ товаровъ за приличное количество соболей подъ уловъ будущаго года.

Такъ идетъ сборъ долговъ, продажа товаровъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ совершается экономическое порабощеніе туземцевъ и нравственное разореніе ихъ. У туземцевъ накопились громадные долги торговцамъ; при свойственной островитянамъ честности, долгъ отца принимаетъ на себя сынъ. Неоплатный должникъ часто продается однимъ торговцемъ другому: этотъ должникъ, можетъ быть, даже съ наслѣдственными долгами, перевозитъ разные товаришки своего кредитора. Кредиторъ обнаруживаетъ по отношенію къ своему должнику островитяну тотъ рядъ дѣйствій и поступковъ, которые въ такой-же степени оскорбительны для нравственности первобытнаго человѣка, какъ и истинно-цивилизованнаго, сознающаго свое человѣческое достоинство. При устьѣ р. Пороная, у залива Терпѣнія, именно тамъ, гдѣ меня едва не отравили, поселился одинъ такой торговецъ, бывшій ссыльный. Во время четырехмѣсячнаго здѣсь пребыванія передо мною пронесся рядъ самыхъ безотрадныхъ фактовъ отношенія его къ туземцамъ. Между тѣмъ онъ, кажется, пользуется даже покровительствомъ мѣстной власти и имѣетъ отъ нея чуть-ли не «учепыя порученія».

Гилякъ-бобыль.

Болѣе или менѣе постоянное русское населеніе начало водворяться на Сахалинѣ съ 1853 года,—періодъ времени довольно порядочный. Первоначально основывались военные посты, которыхъ въ заключеніе оказалось на островѣ въ разныхъ пунктахъ, наиболѣе важныхъ въ экономическомъ отношеніи, около десятка или даже до шестнадцати пунктовъ, если считать и второстепенные, въ которыхъ располагались и линейный батальонъ, и горная батарея, и одна военная мѣстная команда. Въ настоящее время прибавились на островѣ три мѣстныхъ военныхъ команды, но ни батальона, ни батареи не существуетъ. Большая часть постовъ, гдѣ располагались военныя силы, исчезли; многіе изъ нихъ сожжены японцами-рыбаками, зданія отъ другихъ превратились въ развалины, — и не осталось никакого существеннаго, культурнаго слѣда на островѣ отъ пребывавшихъ на немъ значительное время живыхъ русскихъ силъ.

Лѣтъ двадцать назадъ были, по вызову, переселены на Сахалинъ, на заранѣе назначенное властями мѣсто, именно въ долину Токоя, свободные переселенцы хлѣбопашцы, въ числѣ

21 семьи, при 100 душахъ мужского и женскаго пола, съ различными льготами. Много перенесли колонисты трудностей прежде, чѣмъ дошли до назначеннаго имъ пункта. Прошли года два тяжелыхъ земледѣльческихъ трудовъ—и обработанныя нивы дали на первобытной, дѣвственной почвѣ, хорошій урожай. Колонисты пріободрились, еще разработали землю, но на этотъ разъ неудачно: послѣ посѣва выпалъ снѣгъ 9 мая, потомъ быстро началъ таять, долина заполнилась водой, что случалось по временамъ и раньше; пашни оказались затопленными,—урожая никакого. Потомъ повторилась та-же исторія: снѣгъ въ маѣ, посѣвъ дѣлать своевременно нельзя, пашни подъ водой—и колонисты безъ хлѣба. Потопами уноситъ свиней, жеребятъ, даже страдаетъ отъ нихъ взрослый домашній скотъ. Когда я проходилъ по долинѣ Токоя съ своей тяжелой ношей, то упивался прекраснымъ впечатлѣніемъ, которое производили на меня превосходные луга, ровная мѣстность,—это лучшее, что я видѣлъ на Сахалинѣ. Въ нѣсколькихъ мѣстахъ я видѣлъ отдѣльные дома, а въ одномъ—цѣлый рядъ отлично выстроенныхъ русскихъ избъ, съ прелестной часовней во главѣ. Какъ мнѣ хотѣлось отдохнуть наконецъ въ чистомъ помѣщеніи, слышать настоящій родной языкъ, видѣть въ дѣйствительности русскую деревенскую жизнь! Но, къ сожалѣнію, прекрасные дома были пусты, безъ оконныхъ стеколъ. Заглянулъ я въ нихъ — печки развалились, потолки обрушились. Когда ливни застигли меня неподалеку отсюда въ верховьяхъ Сусуи, когда я увидалъ передъ собой водоемы въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ ихъ раньше не было, то понялъ, почему опустѣло въ долинѣ Токоя бывшее русское жилье. Крестьяне разбрелись; нѣкоторые поселились по Сусуѣ, на Черной рѣчкѣ. Но и здѣсь я засталъ одно, еще свѣжее, пожарище: жителей вытѣснилъ отсюда медвѣдь, съ чрезвычайнымъ остервенѣніемъ уничтожавшій скотъ. Многіе изъ нихъ поселились въ окрестности Корсаковскаго поста, построились, но отсюда выжило ихъ начальство.

Мангунъ съ р. Омгуни.

Теперь почти всѣ колонисты опять собрались вмѣстѣ, къ востоку, верстахъ въ 40 отъ Корсаковскаго поста, въ селеніи Чиписани. Не смотря на то, что нѣкоторые изъ нихъ перебрались сюда годъ или два назадъ, они успѣли обстроиться, разработали пашни, имѣютъ покосы по береговой косѣ; но получаютъ умѣренные урожаи, не обезпечивающіе ихъ потребностей; хлѣба часто, какъ они говорятъ, «съѣдаютъ» холодные морскіе туманы; да къ тому-же и посѣвныя сѣмена самаго низкаго качества. На скотъ, особенно на телятъ, постоянно бываетъ моръ. Частью рыболовство, главнымъ-же образомъ соболиный промыселъ, служатъ подспорьемъ къ поддержанію существованія. Нѣкоторые изъ мѣстныхъ властей укоряютъ крестьянъ въ лѣности,—я же, напротивъ, удивляюсь ихъ настойчивости, терпѣнію, съ которыми они перенесли такую невѣроятную массу мытарствъ и все-таки не остались нищими, а при хозяйствѣ, по мѣстнымъ условіямъ, достойномъ похвалы. Это хозяйство—единственное на Сахалинѣ, но и ему грозитъ еще опасность — не окрѣпнуть. Съ крестьянъ взыскиваются деньги, израсходованныя на нихъ при доставкѣ въ долину Токоя, также за продовольствіе, которое они получали тамъ изъ казны въ первые годы пребыванія, пока не обстроились, а потомъ въ голодные годы, послѣ потопа. Такъ, въ прошлую зиму съ каждой семьи было взыскано по 75 рублей платежа, между прочимъ, со многихъ за такіе предметы, которыхъ они никогда не получали. На нынѣшнюю зиму крестьянамъ «велѣно» приготовить по 50 руб.

платежа. Если во время прошлаго платежа многимъ крестьянамъ пришлось продать для уплаты взысканія чуть-ли не послѣднихъ коровъ, а у нѣкоторыхъ даже описано имущество, то трудно себѣ даже представить, что будетъ дальше съ ихъ хозяйствомъ. Во всякомъ случаѣ, было-бы благоразумнѣе отстрочить платежъ, а еще справедливѣе—отнести его на отвѣтственность тѣхъ лицъ, по иниціативѣ которыхъ крестьяне обязательно должны были поселиться въ указанномъ имъ и завѣдомо неудобномъ мѣстѣ для введенія сельскаго хозяйства. Въ крайности, наконецъ, чувство человѣколюбія требовало-бы сложить съ крестьянъ платежъ, какъ съ первыхъ русскихъ свободныхъ колонистовъ піонеровъ, ведшихъ неустанную культурную борьбу съ негостепріимной и своеобразной природой острова.

Таковы мои воспоминанія о сахалинскихъ дебряхъ, туземцахъ, съ ихъ первобытною, но поколебленною постороннимъ вмѣшательствомъ добродѣтелью, заключающеюся не въ отвлечен-

Долина рѣчки Александровки на Сахалинѣ.

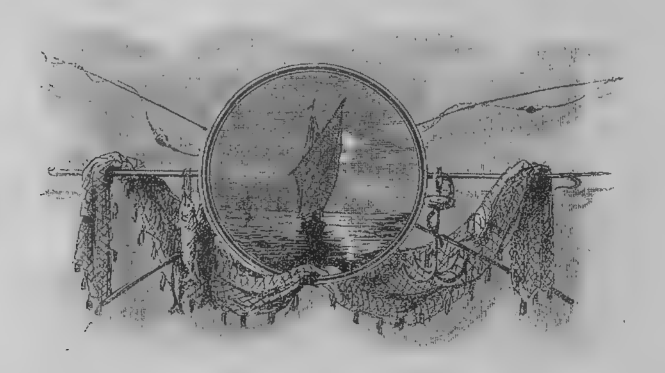
номъ исповѣданіи принципа: «люби ближняго», но въ самыхъ дѣлахъ, что̀ крайне существенно.

Теперь нѣсколько словъ о заселеніи острова ссыльно-каторжными. Имѣя въ виду чрезвычайныя трудности, съ которыми сопряжена борьба съ природой на Сахалинѣ, для достиженія сколько-нибудь удовлетворительныхъ культурныхъ результатовъ, особенно трудомъ принудительнымъ,—нужно сознаться, что подобное заселеніе—дѣло сложное, требующее особенной осторожности и осмотрительности. Но заселеніе уже ведется. Воздерживаясь пока отъ оцѣнки заселенія, нельзя не выразить сожалѣнія о той борьбѣ, которая такъ энергически ведется между мѣстными руководителями и заправителями,—такъ наглядно и характерно проявляется здѣсь. Въ этомъ случаѣ, какъ и обыкновенно, оправдывается поговорка: «бары ссорятся, а у мужиковъ чубы трещатъ»,—то есть, страдаетъ именно самое дѣло заселенія. Могу сказать лишь одно, что карательныя цѣли подневольной колонизаціи можно считать вполнѣ достигнутыми.

Я многократно спрашивалъ ссыльныхъ въ разныхъ мѣстахъ: нѣтъ-ли у нихъ какихъ-нибудь пѣсенъ про Сахалинъ? Отвѣтъ былъ почти всегда одинаковъ: «Какія у насъ, баринъ, пѣсни! Есть только одна, да и ту не поемъ: Сахалинъ-островъ, кругомъ вода, а по срединѣ бѣда!»... Положеніе ссыльно-каторжнаго, дѣйствительно, заслуживаетъ глубокаго состраданія со стороны посторонняго наблюдателя, въ особенности-же такого, который знаетъ, наблюдалъ бытъ осужденныхъ во всѣхъ его проявленіяхъ. Болѣе чѣмъ желательно, чтобы мѣстные дѣятели не ставили личныхъ интересовъ выше общественныхъ и государственныхъ, чтобы личная ихъ фантазія не замѣняла закона. Необходимо также, чтобы дѣйствительность не идеализировалась, чтобы истина не отходила на второй планъ. Только при этихъ условіяхъ можно будетъ исцѣлять недугъ и будетъ больше шансовъ достигнуть хоть какихъ-нибудь культурныхъ результатовъ.

Но я совсѣмъ забылъ про «Байкалъ». 18-го іюля, утромъ, онъ направился по Анивскому заливу. Нѣсколько часовъ спустя послѣ полудня, мы подходили уже къ Крилльону, но густой туманъ закуталъ морскую поверхность. Затѣмъ разразилась гроза съ сильными раскатами грома, и даже молнія не освѣщала пути. Измѣнили курсъ, туманъ продолжался, и такимъ образомъ мы проболтались въ Анивѣ цѣлыя сутки. Затѣмъ подошли опять къ Крилльону, также при туманѣ; на этотъ разъ прошли благополучно «Камень Опасности», вышли въ море и черезъ пять сутокъ достигли залива св. Ольги. Простоявъ здѣсь нѣсколько времени, мы были затѣмъ еще около сутокъ въ плаваніи, среди туманнаго моря и, наконецъ, 24-го іюля вошли въ Золотой Рогъ и отдали якорь на Владивостокскомъ рейдѣ.

Ив. Поляновъ



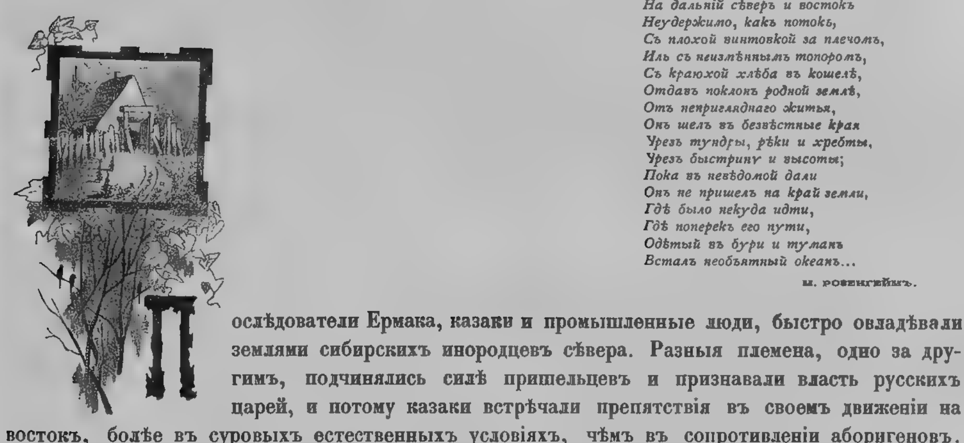
ОЧЕРКЪ V.

ПОДЧИНЕНІЕ АМУРА РОССІИ.

Первыя извѣстія объ Амурѣ въ 1639 г. — Казацкіе походы и завоеванія на этой рѣкѣ. — Борьба съ инородцами и китайцами. — Постройка Албазина и его защита. — Нерчинскій договоръ 1689 года. — Мысль о необходимости присоединенія Амурскаго края не оставляла русскихъ государственныхъ людей и Сибирскій народъ. — Изслѣдованія устья Амура въ XIX столѣтіи и защита его въ восточную войну 1854 г. — Присоединеніе Амурскаго края, Айгунскій и Тяньдзинскій договоры 1858 г. — Пекинскій трактатъ.

. . . . . Изъ вѣка въ вѣкъ,
Шелъ крѣпкій русскій человѣкъ
На дальній сѣверъ и востокъ
Неудержимо, какъ потокъ,
Съ плохой винтовкой за плечомъ,
Иль съ неизмѣннымъ топоромъ,
Съ краюхой хлѣба въ кошелѣ,
Отдавъ поклонъ родной землѣ,
Отъ непригляднаго житья,
Онъ шелъ въ безвѣстные края
Чрезъ тундры, рѣки и хребты,
Чрезъ быстрины и высоты;
Пока въ невѣдомой дали
Онъ не пришелъ на край земли,
Гдѣ было некуда идти,
Гдѣ поперекъ его пути,
Одѣтый въ бури и туманъ
Всталъ необъятный океанъ...

М. Розенгеймъ.



Послѣдователи Ермака, казаки и промышленные люди, быстро овладѣвали землями сибирскихъ инородцевъ сѣвера. Разныя племена, одно за другимъ, подчинялись силѣ пришельцевъ и признавали власть русскихъ царей, и потому казаки встрѣчали препятствія въ своемъ движеніи на востокъ, болѣе въ суровыхъ естественныхъ условіяхъ, чѣмъ въ сопротивленіи аборигеновъ.

Не такъ легко было покорить южную полосу Сибири, гдѣ инородцы группировались въ племена, болѣе сильныя своею численностію и воинственностію и, кромѣ того, имѣли поддержку въ могущественныхъ киргизскихъ и монгольскихъ ордахъ, нерѣдко серьезно угрожавшихъ русскому владычеству въ Сибири. Еще труднѣе была борьба съ Небесною Имперіею или Китаемъ, государствомъ, которое имѣло тогда сильную военную организацію, вело войну съ народами Средней Азіи, и присоединило Монголію, почти одновременно съ покореніемъ Сибири. Но эти препятствія не останавливали казаковъ, потому что они не знали силы противниковъ; съ другой-же стороны, богатства южныхъ странъ манили завоевателей.

Наступательное движеніе на востокъ, привело казака Ивана Москвитина, въ 1639 году, на берегъ моря Ламы (Охотскаго). Онъ объясачилъ всѣхъ побережныхъ тунгусовъ и на р. Удѣ узналъ отъ туземцевъ, что на югѣ отъ нихъ, за горами, течетъ р. Чи (Зея), притокъ впа-

дающаго въ Великое море Шилкара (Амура); что на этихъ рѣкахъ живетъ земледѣльческій и промышленный народъ, который ведетъ оживленный торгъ съ тунгусами на р. Омутѣ, обмѣнивая у нихъ пушнину на хлѣбъ, драгоцѣнныя ткани и металлическія издѣлія.

Это были первыя свѣдѣнія объ Амурскомъ краѣ. Вскорѣ они были пополнены Енисейскимъ атаманомъ Максимомъ Перфильевымъ, ходившимъ въ 1640 году на р. Витимъ, чтобы привести въ русское подданство тунгускія племена. Здѣсь онъ узналъ, что къ юго-востоку отъ нихъ, на р. Шилкарѣ (Амурѣ), находятся владѣнія князя Лавкая, изобилующія серебряною и мѣдною рудою, что жители плавятъ эти металлы и промѣниваютъ ихъ у сѣверныхъ сосѣдей, тунгусовъ, на пушнину, которая продается китайцамъ, взамѣнъ шелковыхъ тканей и другихъ товаровъ.

Такія богатства превышали все, о чемъ могли мечтать сибирскіе завоеватели. Якутскій воевода Иванъ Головинъ, получивъ «отписки» Москвитина и Перфильева, немедля снарядилъ въ амурскій край письменнаго голову Василія Пояркова и отрядъ въ 130 казаковъ, для провѣрки полученныхъ свѣдѣній. Лѣтомъ 1643 г. начался походъ вверхъ по рѣкѣ Алдану и его притокамъ на лодкахъ. Но трудность пути по быстрымъ и порожистымъ рѣкамъ замедляли движеніе, и зима застала Пояркова на р. Гономѣ. Энергичный казакъ бросилъ лодки и перешелъ Становой хребетъ на нартахъ, зимою-же выстроилъ струги на Бряндѣ, притокѣ р. Зеи, а лѣтомъ спустился въ р. Амуръ и внизъ по его теченію до устья. Позднее время года и трудность подъема вверхъ по рѣкѣ заставили его зимовать въ землѣ гиляковъ и весною возвратиться въ Якутскій край моремъ, на вновь построенныхъ досчанникахъ. Свѣдѣнія, привезенныя Поярковымъ въ Якутскъ въ 1646 г. не подтвердили извѣстій о рудныхъ богатствахъ, но выяснили всѣ удобства страны для пашни и поселенія. Край оказался населеннымъ и независящимъ отъ Китая. Жители, занимаясь мѣстами хлѣбопашествомъ, мѣстами пушнымъ и рыбнымъ промысломъ, мѣняли свои произведенія въ Китаѣ на серебро, шелковыя ткани и другія цѣнности. Населеніе жило въ довольствіи и выказывало большое миролюбіе.

Гилякскія суда.

Эти извѣстія о богатомъ краѣ быстро разнеслись въ Сибири и привлекли особенное вниманіе промышленныхъ людей, любителей легкой наживы. Одинъ изъ нихъ, Ерофей Хабаровъ, испросилъ дозволеніе якутскаго воеводы Францбекова идти въ амурскій край и покорить его. Въ виду этого онъ обязался на свой счетъ и рискъ снарядить партію въ 150 человѣкъ, частію изъ вольницы, частію изъ казаковъ. Въ 1647 году, во главѣ 70 человѣкъ, Хабаровъ поднялся по рѣкамъ Олекмѣ и Тугиру и зимою на нартахъ перевалилъ горы и вышелъ на Амуръ въ верхнемъ его теченіи, во владѣніяхъ князя Лавкая. Появленіе невѣдомыхъ людей, владѣющихъ молніеподобнымъ оружіемъ, навело паническій страхъ на инородцевъ; они бѣжали въ лѣса, оставляя на произволъ пришельцевъ не только свои стойбища, но даже укрѣпленные города. Не помогли увѣренія Хабарова, что подданство Россіи дастъ народу милостивое правленіе и безопасность отъ враговъ, жители не вѣрили и не возвращались. Такое

упорство возбудило въ казакахъ опасеніе засады, или вѣроломнаго нападенія и Хабаровъ рѣшился занять своимъ отрядомъ одну изъ крѣпостей и призвать подкрѣпленіе. Онъ выбралъ городъ, богатый хозяйственными угодьями и укрѣпился въ немъ. Это былъ, по всей вѣроятности, извѣстный впослѣдствіи городъ Албазинъ.

Осенью 1650 г. Хабаровъ привелъ лично изъ Якутска подкрѣпленіе въ 117 казаковъ и весною слѣдующаго года, соединивъ всѣ свои силы, поплылъ внизъ по р. Амуру. Взявъ нѣсколько крѣпостей и разбивъ дауровъ въ многократныхъ стычкахъ, казаки принудили ихъ признать подданство Россіи, платить ясакъ и выдать заложниками своихъ князей. Миръ установился, но не на долго; инородцы воспользовались оплошностію казаковъ, освободили заложниковъ и бѣжали въ лѣса. Хабаровъ наказалъ такое возмущеніе сожженіемъ городовъ и селеній и избіеніемъ всѣхъ пойманныхъ дауровъ.

Не имѣя возможности зимовать въ опустошенной мѣстности, казаки спустились внизъ, въ землю дучеровъ, народа питавшагося рыбою. Вѣроятно, это то самое племя, которое теперь называется гольдами. Хабаровъ опасался многочисленныхъ инородцевъ и потому свое зимовище укрѣпилъ деревянными башнями и стѣнами. Дѣйствительно, дучеры пытались выбить пришельцевъ, но были отражены; тогда они обратились за помощью къ манджурамъ на устьѣ р. Сунгари. Китайскій намѣстникъ рѣшился принять энергическія мѣры для удаленія русскихъ, сосѣдство которыхъ внушало справедливыя опасенія. Онъ отправилъ противъ Хабарова сильный отрядъ съ артиллеріею, но неожиданный приступъ этихъ силъ былъ отбитъ казаками, которые даже взяли, какъ трофеи, 2 орудія.

Даурскій домъ.

Манджуры не могли оставить безъ возмездія такого пораженія, вредно повліявшаго на ихъ власть среди амурскихъ инородцевъ, и потому они собрали на устьѣ р. Сунгари большое число вооруженныхъ судовъ и значительное войско, чтобы не пропустить отрядъ Хабарова обратно въ землю дауровъ.

Весною 1651 года казаки были вынуждены недостаткомъ продовольствія и боевыхъ запасовъ идти вверхъ по Амуру. Узнавъ о засадѣ китайцевъ, Хабаровъ выждалъ сильнаго попутнаго вѣтра и неожиданно прошелъ опасное мѣсто съ такою быстротою, что враги не успѣли даже произвести нападенія.

Пройдя Хинганскій хребетъ, отрядъ встрѣтилъ подкрѣпленіе въ 144 казака подъ командою Чечигина, съ запасомъ пороха и свинца. Это приращеніе увеличило отрядъ Хабарова до 348 человѣкъ, чего считалось достаточнымъ для полнаго покоренія амурскаго края и пораженія китайскаго войска. Но этого, однако, не осуществилось, вслѣдствіе несогласія между казаками. 130 казаковъ отдѣлились и отправились внизъ по Амуру для грабежа и наживы. Хабаровъ былъ вынужденъ укрѣпиться во вновь построенномъ острогѣ, противъ устья р. Кумары и ждать новыхъ подкрѣпленій, за которыми онъ отправилъ особыхъ посланцевъ въ Якутскъ.

Тѣмъ временемъ, послѣ извѣстій о первыхъ удачныхъ дѣйствіяхъ Хабарова на Амурѣ, русское правительство рѣшилось принять серьезныя мѣры къ упроченію завоеванія богатаго края и отправить туда окольничаго князя Лобанова-Ростовскаго, съ войскомъ въ 3000 человѣкъ. Предположеніе это не состоялось, но приготовленія къ походу были отчасти сдѣланы дворяниномъ Зиновьевымъ, отправленнымъ для этой цѣли въ Сибирь и на Амуръ.

Прибывъ въ Ленскій край, Зиновьевъ засталъ тамъ общее стремленіе во вновь открытый край, богатство котораго посланцы Хабарова описывали въ сильно преувеличенномъ видѣ. Образовались артели «охочихъ» людей, они шли въ Амурскій край, грабили жителей и безслѣдно исчезали въ борьбѣ съ голодомъ и оружіемъ манджурскихъ войскъ и въ засадахъ инородцевъ. Зиновьевъ и мѣстныя власти останавливали это движеніе, но безуспѣшно.

Зиновьевъ, во главѣ 30 казаковъ, достигъ въ 1653 году устья рѣки Зеи, гдѣ онъ встрѣтилъ Хабарова, пришедшаго туда для реквизиціи продовольствія. Зиновьевъ отправилъ Хабарова въ Москву, для личнаго объясненія о положеніи дѣлъ на Амурѣ и, поручивъ Онуфрію Степанову начальство надъ казаками и краемъ, возвратился въ Якутскъ.

Съ отъѣздомъ Хабарова, дѣла измѣнились къ худшему. Предшествовавшія опустошенія края лишили казаковъ возможности продовольствоваться на счетъ мѣстныхъ инородцевъ; по этому Степановъ вынужденъ былъ дѣлать набѣги въ Манджурію по р. Сунгари и держаться устья этой рѣки. Въ 1653 году ему удалось обезпечить себя хлѣбомъ, но въ слѣдующемъ году набѣгъ не удался потому, что, по приказанію властей, жители удалились съ низовьевъ р. Сунгари, вмѣсто-же нихъ казаки встрѣтили войско, отразившее ихъ поиски. Степановъ пошелъ

Албазинъ (теперь станица).

вверхъ по Амуру, на встрѣчу Бекетову, пришедшему изъ Нерчинска съ подкрѣпленіемъ; соединившись съ нимъ, русскій отрядъ укрѣпился въ Кумарскомъ острогѣ. Но по слѣдамъ казаковъ шли манджурскія войска и осадили укрѣпленія. Съ трудомъ отбились русскіе отъ нѣсколькихъ приступовъ и заставили враговъ удалиться.

Между тѣмъ возникъ споръ между Якутскимъ и Нерчинскимъ воеводами о подчиненіи Амурскаго края и потому ни тотъ ни другой не высылалъ на Амуръ ни подкрѣпленій, ни боевыхъ запасовъ. Это обстоятельство рѣшило участь Степанова. Борясь съ голодомъ и манджурами, онъ держался еще до 1658 г., но въ этомъ году былъ разбитъ богдыханскимъ войскомъ въ низовьяхъ рѣки Сунгари, куда загналъ казаковъ недостатокъ въ хлѣбѣ. Предводитель, вмѣстѣ съ большею частью сподвижниковъ, палъ въ бою; часть казаковъ была взята въ плѣнъ и только немногіе успѣли бѣжать.

Удачнѣе шли дѣла въ верхнемъ теченіи Амура. Казакъ Черниговскій въ 1655 году вынужденъ былъ бѣжать, опасаясь отвѣтственности за совершенное имъ убійство. Онъ собралъ партію охочихъ людей и удалился въ Албазинъ. Опасаясь участи другихъ подобныхъ партій жившихъ исключительно грабежемъ, Черниговскій рѣшился продовольствоваться собственнымъ хлѣбомъ и распахалъ пашни. Вскорѣ въ Албазинъ начали стекаться казаки и промышленные

Видъ Амура.

люди, уцѣлѣвшіе отъ другихъ партій; сюда-же прибывали и бѣглые крестьяне изъ Сибири. При такихъ условіяхъ, эта русская колонія быстро достигла цвѣтущаго состоянія, такъ что въ 1671 г. въ ней насчитывалось, кромѣ самой крѣпости, 6 большихъ деревень и монастырь. Албазинъ обратился тогда въ главный опорный пунктъ нашихъ дѣйствій на Амурѣ, отсюда шли казачьи отряды на Зею и ея притоки и основали тамъ въ 1671 г. ясачные остроги, въ которыхъ упрочилось хлѣбопашество и скотоводство. Изъ Албазина-же отправленъ Фроловъ на р. Амгунь, гдѣ онъ поставилъ зимовье и объясачилъ гиляковъ.

Но манджуры не дремали; возрастающее вліяніе русскихъ на Амурѣ, въ особенности прочность населенія въ Албазинѣ, внушали имъ опасеніе за свое преобладаніе въ краѣ. Наученное опытомъ прежнихъ своихъ неудачныхъ попытокъ вытѣснить казаковъ, китайское правительство шло къ своей цѣли весьма осмотрительно. Была построена крѣпость Айгунъ, въ ней устроены склады военныхъ запасовъ и поставленъ многочисленный гарнизонъ. Въ 1683 году всѣ приготовленія къ войнѣ были окончены, и манджуры немедленно начали непріязненныя дѣйствія нападеніемъ на отрядъ Мыльникова въ 67 человѣкъ, посланный изъ Албазина на р. Амгунь. Казаки были разбиты многочисленнымъ врагомъ, часть была убита въ бою, остальные взяты въ плѣнъ и отведены въ Пекинъ. Двое изъ послѣднихъ, впрочемъ, скоро возвратились на берега Амура и передали въ 1684 г. албазинцамъ грамоту богдыхана, въ которой повелитель Небесной Имперіи категорически требовалъ удаленія русскихъ, въ случаѣ-же отказа, грозилъ своимъ гнѣвомъ и войною.

Церковь въ Албазинѣ.

Угроза эта не подѣйствовала на албазинцевъ; они приготовились къ отпору, не смотря даже на малочисленность ратниковъ, всего 450 человѣкъ, и недостаточные запасы боевыхъ принадлежностей. Не надѣясь, однако, на свои собственныя силы, угрожаемая колонія обратилась съ просьбою о помощи къ сибирскимъ воеводамъ. Вслѣдъ за полученіемъ извѣстія объ опасности, изъ Тобольска было отправлено 600 казаковъ подъ начальствомъ Бейтона и запасы пороха и свинца.

Эти приготовленія были не излишни, потому что весною 1685 года двинулись изъ Айгуна 15,000 манджуровъ, съ осадными орудіями европейской работы. Съ приближеніемъ враговъ, албазинскій воевода Толбузинъ перевелъ всѣхъ сельскихъ жителей въ городъ, стянувъ туда и всѣ хлѣбные запасы, которыхъ, однако, было недостаточно для продолжительной осады. Съ трепетомъ слѣдили албазинцы, кто придетъ раньше: жестокіе-ли враги, или подкрѣпленія, посланныя съ Бейтономъ. Счастіе оставило казаковъ: о соотечественникахъ не было еще никакихъ извѣстій, какъ 12 іюня манджуры, обложивъ городъ, пошли немедленно на приступъ. Албазинцы, правда, успѣли отразить нападеніе, но при этомъ большая часть ратниковъ выбыла изъ строя, сильно пострадали деревянныя стѣны города, наконецъ, запасы пороха настолько истощились, что Толбузинъ убѣдился въ невозможности устоять противъ вторичнаго приступа и, не желая подвергать жителей безпощадной рѣзнѣ, рѣшился вступить въ переговоры съ осаждающими. Онъ поставилъ требованіемъ свободное удаленіе жителей и войска во всемъ вооруженіи и съ правомъ увезти съ собою всѣ военные запасы. Предводители богдыханскихъ

войскъ рады были избѣгнуть вторичной встрѣчи съ храбрымъ врагомъ, доведеннымъ до отчаянія и не только согласились на требованіе Толбузина, но сманивали русскихъ вступить въ китайское подданство, обѣщая значительныя льготы. Только 25 казаковъ приняли предложеніе, и силою увлекли съ собою священника Максима Леонтьева, впослѣдствіи основавшаго въ Пекинѣ русскую церковь. Эта горсть русскихъ сослужила Россіи ту службу, что повела за собою учрежденіе въ Небесной Имперіи русской духовной миссіи, которая, до послѣдняго времени, служила важнымъ органомъ въ сношеніяхъ между имперіями, исполняя дипломатическія обяззанности.

Толбузинъ со всѣмъ русскимъ населеніемъ отступалъ вверхъ по Амуру въ г. Нерчинскъ, подъ наблюденіемъ отряда манджурскихъ войскъ, которые, впрочемъ, вернулись, пройдя 100 верстъ. Еще на берегахъ Амура Толбузинъ встрѣтилъ Бейтона со 100 казаками, боевыми припасами и 2-мя мѣдными орудіями. Этой силы было недостаточно, чтобы взять обратно утерянный городъ и потому отступленіе продолжалось до г. Нерчинска.

Судьба Альбазина не могла не интересовать русскихъ воеводъ, и потому въ ту же осень былъ посланъ отрядъ въ 70 казаковъ на рекогносцировку. Оказалось, что манджуры ушли въ Айгунъ, раззоривъ до основанія всѣ русскія поселенія, но оставили не тронутыми пашни, въ количествѣ 1000 десятинъ. Эти свѣдѣнія побудили Толбузина возвратиться въ ту-же осень, со всѣми прежними колонистами на пепелище, снять хлѣбъ, возобновить постройки и окружить городъ земляными укрѣпленіями.

Весною 1686 г. рекогносцировка въ бывшій Кумарскій острогъ убѣдила, что манджурскія власти знаютъ о возвращеніи русскихъ, и на Албазинъ идутъ 8000 манджуровъ съ сильною артиллеріею. Дѣйствительно, въ іюнѣ городъ былъ обложенъ, и на этотъ разъ враги, очевидно, рѣшились на продолжительную осаду, провели земляныя укрѣпленія параллельно городскому валу и громили острогъ артиллеріею. Двухмѣсячная осада не привела, однако, къ ожидаемой сдачѣ крѣпости, и манджуры рѣшились 1-го сентября на приступъ, который былъ отбитъ съ большимъ урономъ. Тогда осаждающіе рѣшили принудить осажденныхъ къ сдачѣ голодомъ. Не смотря на смерть Толбузина, убитаго ядромъ, не взирая на повальныя болѣзни, на недостатокъ хлѣба и топлива, русскій гарнизонъ держался до весны 1687 г. Зимняя осада была сопряжена и для манджуровъ съ большими лишеніями, они во всемъ терпѣли недостатокъ и ряды ихъ порѣдѣли отъ болѣзней, что и вынудило ихъ снять осаду 4 мая, а въ августѣ—отступить въ Айгунъ. Албазинъ былъ спасенъ, но ликованіе жителей продолжалось не долго; чрезъ 2 года піонеры русскаго народа вынуждены были оставить свою, вновь устроенную, колонію.

Типъ гиляка.

Одновременно съ изложенными событіями, Россія и Китай, присоединяя инородческія племена, пришли въ непосредственное соприкосновеніе не только на Амурѣ, но и въ Монголіи. Установленіе опредѣленной границы между имперіями сдѣлалось предметомъ оживленныхъ переговоровъ, которые привели къ свиданію уполномоченныхъ въ Нерчинскѣ, въ августѣ 1689 года. Русскій посолъ Головинъ прибылъ на мѣсто съ немногочисленною свитою; представители же Китая появились во главѣ 15-ти тысячнаго войска, въ полной боевой готовности и даже не скрывая своего намѣренія немедленно начать военныя дѣйствія, если требованія ихъ не будутъ исполнены. Въ виду слабости военныхъ силъ въ краѣ и враждебнаго настроенія инородческихъ племенъ, Головинъ былъ вынужденъ уступить и подписать 27 августа весьма невыгодный договоръ. По 1-й статьѣ его, Россія уступила Китаю весь Амурскій край; между имперіями опредѣлена граница по водораздѣльной линіи Станового хребта до верьховьевъ

р. Уды, далѣе же, до моря, рубежъ остался неопредѣленнымъ. По 3-ей статьѣ, Россія обязывалась всѣхъ жителей Албазина, съ имуществомъ и военными запасами, вывезти въ Нерчинскъ и уничтожить всѣ поселенія на берегахъ Амура.

Важность потери Амурскаго края сознавалась, какъ государственными людьми, такъ и жителями. Особенно сильно ощущался недостатокъ воднаго сообщенія центра Сибири съ Восточнымъ океаномъ, когда въ началѣ XVIII столѣтія русскіе укрѣпились на берегахъ Охотска, Камчатки, а впослѣдствіи и Сѣверной Америки.

Съ другой стороны, манджуры не придавали значенія вновь присоединенному краю, они даже не заселили удобныхъ земель, ограничиваясь лишь занятіемъ окрестностей Айгуна, по обоимъ берегамъ Амура. Вся остальная страна, населенная охотничьими племенами, чувствовала свою зависимость отъ Китая только при періодическихъ нашествіяхъ чиновниковъ, посылаемыхъ для сбора ясака и осмотра пограничныхъ столбовъ. Китайскія власти даже не озаботились провести границу согласно трактату и поставили пограничные межевые знаки южнѣе водораздѣльной линіи, какъ убѣдился въ этомъ академикъ Миддендорфъ во время своей экспедиціи 1845 года.

Такимъ отсутствіемъ надзора пользовались жители Забайкальскаго края и почти ежегодно спускались по Амуру до р. Кумары и ниже для пушного и рыбнаго промысловъ. Тунгусы и другіе бродячіе инородцы еще менѣе стѣснялись границею и свободно перекочевывали изъ одной имперіи въ другую по всему протяженію Станового хребта. Это движеніе началось вслѣдъ за заключеніемъ Нерчинскаго трактата и продолжалось до новаго присоединенія Амурскаго края къ Россіи въ 1858 г.

Одновременно съ этими событіями продолжалось движеніе русскихъ на востокъ и въ концѣ XVII столѣтія присоединена Камчатка. Императоръ Петръ I-й придавалъ этимъ владѣніямъ большое значеніе и положилъ начало научному изслѣдованію прибрежныхъ странъ. Онъ начерталъ планъ первой экспедиціи Витуса Беринга, несомнѣнно доказавшей въ 1728 г. существованіе пролива между Азіею и Америкою. Эти изслѣдованія получили особое развитіе въ 1733—1744 г.г., когда была снаряжена новая, весьма обширная экспедиція, подъ начальствомъ того же Беринга. При обсужденіи въ 1732 г. средствъ постройки судовъ для экспедиціи въ Охотскѣ и продовольствія многочисленныхъ командъ, сосредоточенныхъ тамъ, встрѣтилось большое затрудненіе въ доставкѣ матеріаловъ и хлѣба изъ Иркутска черезъ Якутскъ въ Охотскъ, по мѣстностямъ, гдѣ не было не только дорогъ, но даже и достаточнаго населенія. Тогда Чириковъ, помощникъ Беринга, обратилъ вниманіе на сплавной путь по Амуру изъ хлѣбородныхъ мѣстъ Забайкалья и предложилъ сплавить всѣ грузы къ устью рѣки, которое, по его мнѣнію, слѣдовало занять и основать тамъ гавань и городъ. Предложеніе это не было осуществлено, но сознаніе въ его значеніи выразилось въ томъ пунктѣ Высочайшей инструкціи Берингу, гдѣ ему предписано изслѣдовать о. Сахалинъ и устье Амура.

Съ устройствомъ порта въ Охотскѣ и гаваней въ Камчаткѣ, продовольствіе для людей и матеріалы для судостроенія подвозились съ непомѣрными затрудненіями изъ Якутска въ Охотскъ и оттуда на судахъ въ мѣсто назначенія. Для устраненія необходимости подвозки провіанта были сдѣланы опыты земледѣлія въ Камчаткѣ, но скудная почва и суровый климатъ отказались питать человѣка хлѣбомъ. Громадная стоимость продовольствія и разореніе якутовъ, на которыхъ была возложена натуральная повинность доставки хлѣба изъ Якутска въ Охотскъ, заставляла мѣстныхъ администраторовъ возвращаться къ предложенію сплава всѣхъ грузовъ по р. Амуру. Такъ, въ 1742 г., была подана правительству неизвѣстнымъ авторомъ записка о необходимости присоединенія Амурскаго края.

Въ 1753 г. сибирскій губернаторъ Мятлевъ предложилъ выговорить у Китая право свободнаго плаванія по р. Амуру. Разсмотрѣніе этого проекта въ сенатѣ совпало съ нѣкоторыми разногласіями съ Китаемъ по пограничнымъ вопросамъ; торговля съ Китаемъ была пре-

кращена и переговоры приняли такой острый характеръ, что можно было ожидать разрыва. Оба государства стягивали уже къ границѣ военныя силы. При такихъ обстоятельствахъ проектъ Мятлева пріобрѣталъ большое значеніе и сенатъ затребовалъ дополнительныя свѣдѣнія. Пограничный начальникъ въ Селенгинскѣ, впослѣдствіи генералъ-губернаторъ Восточной Сибири Якобій, который руководилъ на мѣстѣ военными приготовленіями, не только присоединился къ обсуждаемому проекту, но даже предложилъ въ 1756 г., тайно приготовивъ на р. Шилкѣ флотилію вооруженныхъ лодокъ и значительную боевую силу, внезапнымъ нападеніемъ завоевать всю долину р. Амура и воздвигнуть тамъ рядъ крѣпостей. Такому присоединенію Якобій придавалъ весьма важное значеніе для открытія торговыхъ сношеній съ Японіею и Китаемъ и для укрѣпленія нашего владычества въ Камчаткѣ, на водахъ Охотскаго моря и Восточнаго океана. Весьма значительный расходъ на это завоеваніе, по мнѣнію Якобія, съ излишкомъ покрылся одною экономіею въ продовольствіи Камчатки. Якобій началъ даже строить суда на р. Ингодѣ, но Китайцы провѣдали объ этомъ и приготовились къ энергическому отпору при появленіи русскихъ на р. Амурѣ, какъ сообщалъ Братищевъ, русскій агентъ въ Пекинѣ. Проектъ Якобія не былъ принятъ правительствомъ, въ виду громадныхъ расходовъ на передвиженіе войскъ въ числѣ, необходимомъ для осуществленія обширнаго задуманнаго плана. Путемъ же переговоровъ было возстановлено согласіе съ Китаемъ и завоевательные планы были оставлены.

Въ это время частная русская предпріимчивость въ Восточномъ океанѣ замѣтно возрастала. Въ концѣ XVIII столѣтія промышленники организовали бобровый и котиковый промыслы на Алеутскихъ островахъ и распространили русскую власть до береговъ Америки. Потребность новыхъ колоній и коммерческихъ предпріятій въ удобномъ водномъ сообщеніи съ Сибирью побудили генералъ-губернатора Лаба въ 1783 г. представить свои соображенія о необходимости присоединенія къ Россіи Амурскаго края. Правительство отклонило проектъ, не желая вызывать столкновенія съ Китаемъ. Та-же осторожность заставила правительство въ 1791 г., при отправленіи въ Японію Лаксмана для переговоровъ о торговлѣ, включить въ инструкцію запрещеніе поднимать вопросъ объ Амурѣ.

Въ то-же время впервые возникло предположеніе открыть прямой морской путь изъ Кронштадта къ русскимъ берегамъ Восточнаго океана, и въ 1786 году была уже рѣшена кругосвѣтная экспедиція, подъ начальствомъ Муловскаго. Предположеніе это однако не осуществилось вслѣдствіе политическихъ событій въ Европѣ и Америкѣ.

Впрочемъ, новый путь не отвлекъ стремленія на Амуръ, даже, напротивъ, взгляды правительства нѣсколько измѣнились въ пользу этого вопроса. Въ 1801 году генералъ Штрандманъ представилъ новый проектъ присоединенія Амура. Хотя онъ и не былъ выполненъ, но, несомнѣнно, имѣлъ вліяніе на составленіе инструкціи Головкину, отправленному посломъ въ Пекинъ, въ 1806 году, для упроченія нашей торговли съ Поднебесною имперіею. Ему предписывалось собрать въ Китаѣ свѣдѣнія о судоходности Амура и выговорить право на плаваніе по этой рѣкѣ для доставки товаровъ въ наши колоніи въ Восточномъ океанѣ. Головкинъ вернулся изъ Монголіи, не достигнувъ Пекина и не могъ исполнить своей миссіи.

Съ учрежденіемъ сѣверо-американской компаніи въ 1798 г., наши колоніи и ихъ торговля получили довольно солидную организацію. Правленіе компаніи энергически принялось за устройство прямого сообщенія Ситхи съ Кронштадтомъ кругосвѣтнымъ путемъ, и въ 1803 году 2 судна, подъ начальствомъ Крузенштерна, отправились въ далекій край. Согласно полученной инструкціи, Крузенштернъ доставилъ товары компаніи въ Камчатку, отправился въ Нагасаки съ посланникомъ Рязановымъ, которому было поручено заключеніе торговаго договора съ Японіею. Не достигнувъ желаемыхъ результатовъ, экспедиція приступила къ своей научной задачѣ, къ провѣркѣ описи Татарскаго пролива, Лаперуза въ 1783 г. и Браутона въ 1793 году, а также къ изслѣдованію восточнаго берега о. Сахалина и входа въ устьѣ Амура изъ Охот-

скаго моря. Эти описи и составленныя по нимъ карты служили до 1849 года единственными географическими свѣдѣніями о тѣхъ мѣстахъ.

Замѣчательно, что, не смотря на успѣшную доставку товаровъ въ Камчатку моремъ, купецъ Шемелинъ, сподвижникъ Крузенштерна, доказывалъ необходимость присоединенія Амура для развитія нашей торговли на восточныхъ водахъ.

Кругосвѣтный путь обезпечивалъ наши колоніи цѣнными товарами, но они не могли существовать безъ связи съ Сибирью, снабжавшею наши поселенія скотомъ и другими продуктами первой необходимости. Съ другой стороны, Охотскъ, составляя пристань для этихъ грузовъ, представлялъ весьма невыгодныя условія въ морскомъ отношеніи, какъ портъ открытый и мелководный, сообщеніе же его съ Якутскомъ было сопряжено съ непомѣрными трудностями. Напрасны были всѣ старанія устроить здѣсь дорогу и привлечь на нее осѣдлое населеніе. Эти причины вызвали усиленные поиски болѣе удобнаго порта на западномъ берегу Охотскаго моря. Много было предположеній, но всѣ они далеко уступали гавани въ устьѣ р. Амура, со сплавнымъ путемъ въ 3000 верстъ изъ хлѣбороднаго Забайкалья. Этимъ объясняется, что въ 1828 году вновь возникъ вопросъ о присоединеніи долины Амура. По иниціативѣ генералъ-губернатора Лавинскаго и директора азіатскаго департамента Родофиникина, были собраны всѣ свѣдѣнія объ Амурскомъ краѣ, какъ по китайскимъ, такъ и русскимъ источникамъ. Богатый матеріалъ дали случайные русскіе свидѣтели: крестьянинъ Кудрявцевъ, который съ 1819 по 1821 годъ занимался самовольно рыбнымъ и пушнымъ промысломъ въ устьѣ Амура, и ссыльный Гурій Васильевъ, который съ 1816 по 1828 годъ бѣгалъ изъ каторги на Амуръ 3 раза, два раза былъ возвращенъ манджурскими властями, въ третій же разъ онъ успѣлъ спуститься до устья и выйти въ Удской острогъ, гдѣ онъ самъ явился къ властямъ. Но собранныя свѣдѣнія были не полны и сбивчивы; поэтому Лавинскій предложилъ отправить ученую экспедицію, подъ начальствомъ штурмана Козьмина, для изученія страны. Это предположеніе не осуществилось, изъ опасенія возбудить неудовольствіе Китая.

Вскорѣ послѣ этихъ событій, западные наши сосѣди пробили брешь въ вѣковой замкнутости Небесной Имперіи, основавъ Шангай и учредивъ тамъ значительную торговлю. Это новое мѣсто сбыта китайскихъ произведеній угрожало нашей торговлѣ на Кяхтѣ, и потому Россіи необходимо было принять мѣры къ употребленію нашего преобладанія на востокѣ. Лучшимъ рѣшеніемъ затрудненія представлялось открытіе воднаго сообщенія по Амуру. Вопросъ этотъ былъ переданъ въ 1843 году на обсужденіе особаго комитета. Адмиралы Путятинъ и Крузенштернъ подали мнѣніе за подробное гидрографическое изслѣдованіе устья Амура, чтобы разсѣять существующія сомнѣнія въ судоходности лимана и возможности учрежденія тамъ порта. Только по окончаніи такихъ изслѣдованій, по мнѣнію адмираловъ, можно приступить къ обсужденію вопроса о необходимости присоединенія Амурскаго края.

Опись лимана была рѣшена въ 1844 г., но въ виду необходимости совершить экспедицію не возбуждая подозрѣній Китая, исполненіе работъ поручено россійско-американской компаніи за вознагражденіе отъ казны. Весною 1846 года компанія снарядила для экспедиціи бригъ «Константинъ», командиру же его, подпоручику Гаврилову, передала Высочайше утвержденную инструкцію со своими дополненіями. Ему предписывалось: войти въ лиманъ изъ Охотскаго моря, отыскать удобную якорную стоянку, поставить тамъ бригъ и произвести на шлюпкахъ промѣръ фарватера; собрать свѣдѣнія отъ туземцевъ объ условіяхъ плаванія вверхъ по рѣкѣ и описать прилегающіе берега острова Сахалина и материка до Удскаго края. По толкамъ въ средѣ тунгусовъ, на низовьяхъ Амура предполагалось будто-бы поселеніе бѣглыхъ русскихъ людей и присутствіе китайскихъ войскъ; Гаврилову было поручено провѣрить эти толки.

Цѣль экспедиціи содержалась въ тайнѣ до такой степени, что, при выходѣ брига изъ Аяна, 20 іюля 1846 г., только одинъ командиръ зналъ назначеніе плаванія, остальному эки-

пажу объявлено предстоящее дѣло только при входѣ въ лиманъ Амура. Изъ путевого журнала видно, что, оставивъ судно у берега острова Сахалина, Гавриловъ на шлюпкѣ и 2 байдарахъ поднялся по рѣкѣ до мыса Чныррахъ, т.-е. не дошелъ на 6 верстъ до мѣста, гдѣ впослѣдствіи построенъ городъ Николаевскъ. Этимъ ограничились изслѣдованія Гаврилова, и онъ возвратился въ Аянъ 20 августа. Изъ отчета и приложенной къ нему карты выясняется, что баръ рѣки отъ ¼ до ½ сажени, фарватеръ извилистъ и обставленъ мелями такъ, что парусное судно не можетъ войти въ рѣку. Впрочемъ, Гавриловъ самъ признавалъ, что его разслѣдованія, вслѣдствіе недостаточности времени и средствъ, не точны и по нимъ нельзя еще судить о дѣйствительныхъ качествахъ устья. Онъ не встрѣтилъ ни русскихъ бѣглыхъ, ни китайцевъ и не замѣтилъ даже вліянія послѣднихъ на туземцевъ.

Правленіе компаніи представило отчетъ объ экспедиціи въ томъ смыслѣ, что цѣль ея выполнена и устье изслѣдовано достаточно, чтобы опредѣлить негодность устья Амура для порта. Вслѣдствіе такого донесенія состоялось Высочайшее повелѣніе оставить вопросъ объ Амурѣ, «какъ о рѣкѣ безполезной».

Въ 1843 году академія наукъ поручила академику Миддендорфу изслѣдованіе сѣверной и восточной Сибири. Добытые имъ результаты вновь возбудили (и очень серьезно) сознаніе необходимости присоединенія Амурскаго края. Изучивъ берегъ Охотскаго моря до рѣки Уды, Миддендорфъ поднялся по этой рѣкѣ до ея источниковъ, перешелъ черезъ хребетъ на рѣку Бурею и отъ средняго ея теченія пересѣкъ долину Зеи и вышелъ на рѣку Шилку. Въ 1845 г. ученый путешественникъ сообщилъ генералъ-квартирмейстеру Бергу, что на своемъ пути онъ нашелъ нѣсколько китайскихъ пограничныхъ каменныхъ столбовъ на южномъ склонѣ Станового хребта, далеко южнѣе водораздѣльной линіи, которая принята границею по Нерчинскому трактату. Этимъ слѣдовало-бы, по мнѣнію Миддендорфа, воспользоваться, чтобы, признавъ столбы государственною границею, объявить русскимъ владѣніемъ огромную территорію къ сѣверу отъ нея до водораздѣльной линіи. Это извѣстіе вызвало посылку ученой экспедиціи, подъ начальствомъ полковника Ахте, для разслѣдованія всей пограничной полосы, что, впрочемъ, не имѣло непосредственнаго вліянія на ходъ вопроса о присоединеніи Амура. Кромѣ того Миддендорфъ убѣдился, что гиляки, населяющіе устье Амура, совершенно независимы отъ Китая и, по его мнѣнію, было-бы весьма полезно пріобрѣсти у нихъ землю и основать тамъ торговую факторію.

Н. Н. Муравьевъ.

Въ 1847 году былъ назначенъ генералъ-губернаторомъ Восточной Сибири Николай Николаевичъ Муравьевъ, впослѣдствіи графъ Амурскій, и съ этого момента вопросъ о присоединеніи Амура, вступилъ въ новый и послѣдній фазисъ. Ознакомившись съ дѣломъ, онъ горячо принялся за выполненіе вѣковыхъ надеждъ сибиряковъ и въ 11 лѣтъ окончилъ свой подвигъ, благодаря несокрушимой энергіи и помощи такихъ же преданныхъ дѣлу сподвижниковъ.

Изъ послѣднихъ болѣе всего выдался капитанъ-лейтенантъ Невельской, назначенный командиромъ транспорта «Байкалъ» въ кругосвѣтное плаваніе. Энергичный морякъ не могъ помириться съ скромнымъ назначеніемъ доставить товары въ Петропавловскъ; онъ стремился къ участію въ работахъ государственной важности и поэтому обратилъ вниманіе на изслѣдованіе Амура. Онъ не могъ согласиться съ заключеніями Лаперуза, Браутона и Крузенштерна, что устье такой большой рѣки, какъ Амуръ, не доступно по мелководью. Онъ предполагалъ, что огромная масса прѣсной воды не можетъ теряться въ пескѣ, что она должна прорыть

достаточно глубокій фарватеръ. Ознакомившись впослѣдствіи съ работами Гаврилова, Невельской нашелъ ихъ не точными, недостаточными и не измѣнилъ своего взгляда. Предложеніе его, по доставкѣ товаровъ въ Петропавловскъ, идти на «Байкалѣ» въ устье Амура для изслѣдованія его, было встрѣчено министрами съ опасеніемъ за миръ съ Китаемъ; но, благодаря энергической поддержкѣ графа Муравьева, особый Комитетъ, учрежденный для разсмотрѣнія этого вопроса, разрѣшилъ изслѣдованіе удскаго берега до устья Амура.

21-го августа 1848 г. «Байкалъ» вышелъ изъ Кронштадта, 12 мая 1849 г. достигъ Петропавловска, а 12 іюня былъ уже у сѣверной оконечности Сахалина. Оставивъ транспортъ, Невельской на гребныхъ судахъ изслѣдовалъ сѣверный фарватеръ, поднявшись по рѣкѣ до мѣста, гдѣ нынѣ расположенъ Николаевскъ, и обратился къ промѣру южнаго входа. 1 августа онъ достигъ той параллели, на которой оканчивались описи Лаперуза и Браутона, слѣдуя все время глубокимъ фарватеромъ за исключеніемъ бара, на которомъ онъ нашелъ 13 футовъ глубины. Этимъ результатомъ блистательно разрѣшенъ вопросъ о доступности Амура съ сѣвера и юга. На пути въ Аянъ была произведена опись берега и при входѣ въ сѣверный амурскій фарватеръ Невельскимъ открыта бухта «Счастія», довольно удобная гавань для не-

Селеніе Александровское (при впаденіи Нерли въ заливъ Де-Кастри)

большихъ судовъ. Послѣдствіемъ открытія Невельского было Высочайшее повелѣніе 15 февраля 1850 г. объ учрежденіи Амурской экспедиціи, подъ начальствомъ того же Невельского. Ему было поручено занять удобное мѣсто близъ устья Амура и, подъ фирмою Сѣверо-Американской К°, завязать торговыя сношенія съ гиляками, но отнюдь не входить въ устье рѣки. Невельской прибылъ на мѣсто 27 іюня того же года, и за неимѣніемъ лучшаго мѣста, вынужденъ былъ основать въ заливѣ «Счастія» зимовье, названное имъ Петровскимъ. Скоро онъ убѣдился въ невозможности завязать въ этой гавани торговыя сношенія съ гиляками и слѣдить за тѣмъ, чтобы не заняли устье Амура военныя суда другихъ націй. Кромѣ того, бухта «Счастія» представляла портъ весьма неудобный, какъ по своему мелководью, такъ и по продолжительности замерзанія. Эти причины вынудили Невельского превысить данную ему инструкцію и, изслѣдовавъ Амуръ вверхъ на 100 верстъ, основать Николаевскій постъ, впослѣдствіи обращенный въ городъ. 1 августа 1850 г. онъ поднялъ русскій флагъ и салютовалъ его изъ орудія; въ тоже время онъ передалъ всѣмъ инородцамъ и 2 китобоямъ прокламаціи, въ которыхъ островъ Сахалинъ и весь Татарскій берегъ объявлены русскимъ владѣніемъ. Этимъ было положено начало фактическаго присоединенія къ Россіи всего Амурскаго края.

Самовольный поступокъ Невельского могъ бы имѣть для него и для самаго дѣла ро-

ковыя послѣдствія, но графъ Муравьевъ доложилъ императору Николаю Павловичу обстоятельства, вынудившія занятіе Амура, и Его Величество утвердилъ основаніе Николаевскаго поста. Съ этихъ поръ средства Амурской экспедиціи постепенно увеличивались, ея члены производили изслѣдованія, какъ по Амуру, такъ и по морскому берегу и на островѣ Сахалинѣ. Были основаны въ теченіе 3 лѣтъ военные посты въ Де-Кастри, Императорской гавани и въ заливѣ Анива на островѣ Сахалинѣ.

Восточная война 1854 года значительно ускорила вопросъ о присоединеніи Амура. Когда въ 1853 году выяснилась возможность разрыва Россіи съ Англіею и Франціею, графъ Муравьевъ опасался нападенія союзниковъ на Камчатку и наши юныя колоніи при устьѣ Амура. Для снабженія угрожаемыхъ мѣстъ войсками, продовольствіемъ и военными припасами въ возможно скоромъ времени, единственнымъ путемъ представлялся сплавъ грузовъ и войскъ по Амуру. Въ этомъ смыслѣ графъ представилъ записку, которая разсматривалась въ особомъ

Пароходъ „Муравьевъ-Амурскій".

Комитетѣ и удостоилась Высочайшаго утвержденія. Вслѣдствіе энергическихъ усилій капитана 2-го ранга Казакевича и полковника Корсакова, въ ту же зиму были построены на Шилкѣ баржи и кононерскія лодки и подвезены всѣ грузы; 14 мая 1854 года графъ Муравьевъ и батальонъ солдатъ, во главѣ большого числа судовъ, пустился въ далекій путь по рѣкѣ, составлявшей предметъ мечтаній сибиряковъ въ теченіе полуторыхъ вѣковъ.

Въ ту же весну прибыла въ Японское море эскадра адмирала Путятина, состоящая изъ фрегата «Паллады», паровой шхуны «Востокъ» и транспорта «Двины». Первое судно укрылось въ Императорской гавани, гдѣ одно впослѣдствіи, при приближеніи сильной эскадры непріятеля, было затоплено. По прибытіи графа Амурскаго въ Маріинскій постъ, 350 солдатъ были отправлены въ Де-Кастри и оттуда на транспортахъ «Двина» и «Иртышъ» въ Петропавловскъ, гдѣ эти суда, вмѣстѣ съ прибывшимъ на нихъ подкрѣпленіемъ, приняли участіе въ блистательномъ отраженіи врага на далекій, не защищенный портъ. Остальная часть

Суда на Пей-хо.

войскъ была расположена въ Де-Кастри, Николаевскѣ и ихъ окрестностяхъ, чтобы отразить нападеніе союзниковъ на устье Амура.

Не смотря на удачное отраженіе эскадры союзниковъ, положеніе Петропавловска внушало опасеніе, тѣмъ болѣе, что затруднительность сообщенія съ Камчаткою ставила этотъ портъ въ совершенно изолированное положеніе, а средства его обороны и продовольствія были слишкомъ незначительны. Эти причины вызвали осенью 1854 года рѣшеніе перенести портъ въ г. Николаевскъ и приказаніе принять на фрегатъ «Аврору», и транспортныя суда всѣхъ служащихъ, и казенное имущество и доставить ихъ въ Николаевскъ, гдѣ рѣшено было учредить военный портъ. Раннею весною прибыли эти суда въ Де-Кастри, а, вскорѣ затѣмъ, новый сплавъ изъ Забайкальской области, доставившій запасъ продовольствія и линейный баталіонъ.

Непріятель рѣшился отомстить за понесенное пораженіе, и весною 1854 года его эскадра, въ усиленномъ составѣ и съ большимъ дессантомъ, прибыла въ г. Петропавловскъ, съ твердымъ намѣреніемъ взять его силою. Не найдя тамъ ни войскъ, ни русской эскадры, союзные

Видъ на Амуръ.

крейсеры пустились розыскивать послѣднюю и два изъ нихъ застали «Аврору» и «Двину» въ Де-Кастри, но не рѣшились атаковать и ушли за подкрѣпленіемъ. Этимъ временемъ воспользовался графъ Муравьевъ, чтобы укрыть нашъ флотъ въ Николаевскѣ и укрѣпить входъ въ устье Амура такъ, что когда прибыла непріятельская эскадра, то не нашла уже русскихъ судовъ въ Де-Кастри и ограничилась безрезультатною бомбардировкою русскаго лагеря, да высадкою не большого отряда, который былъ отбитъ.

Сплавъ грузовъ по Амуру, разъ установившійся, уже не прекращался. Ежегодно китайцы въ Айгунѣ видѣли наши транспорты, сперва доставлявшіе одни грузы, а вскорѣ—и переселенцевъ. На лѣвомъ берегу рѣки возникали русскіе военные посты и склады, а затѣмъ и казачьи поселья. Одновременно съ этимъ русскіе занимали и морское побережье, учреждая посты въ разныхъ пунктахъ. Такое фактическое занятіе края вызвало необходимость мѣстнаго управленія, и въ 1856 году учреждена Приморская область, а мѣстомъ пребыванія губернатора назначенъ Николаевскъ.

Одновременно съ фактическимъ присоединеніемъ Амурскаго края шли дипломатическія сношенія съ Китаемъ, вызванныя нашими дѣйствіями на рѣкѣ, признаваемой сынами Небесной имперіи своимъ достояніемъ.

Когда амурская экспедиція заняла устье Амура и нѣсколько гаваней, министерство иностранныхъ дѣлъ сочло необходимымъ снестись съ китайскимъ правительствомъ. Нотою 16 іюня 1853 года было предложено Пекинскому трибуналу прислать въ Кяхту уполномоченныхъ для переговоровъ о той части границы, которая не опредѣлена Нерчинскимъ трактатомъ. Противъ обыкновенія, трибуналъ поспѣшилъ принять приглашеніе и осенью того же года уполномоченные Китая уже прибыли въ Ургу. Но графъ Муравьевъ имѣлъ въ виду присоединеніе всего лѣваго берега Амура до Уссури и отсюда къ югу всей страны между этою рѣкою и моремъ; посему онъ не могъ согласиться принять основаніемъ переговоровъ Нерчинскій трактатъ, въ которомъ Россія категорически отказывается отъ Амурскаго края. По докладу Муравьевымъ

Скалистый берегъ Амура.

этого дѣла, императоръ Николай Павловичъ согласился съ такимъ взглядомъ и повелѣлъ назначить Муравьева уполномоченнымъ съ тѣмъ, чтобы онъ прямо отъ себя сносился съ Пекинскимъ трибуналомъ совершенно самостоятельно, о чемъ было сообщено въ Пекинъ нотою 6 февраля 1854 г. Впослѣдствіи, 14 іюня 1855 года, императоръ дополнилъ это повелѣніе приказаніемъ утвердить за Россіею весь лѣвый берегъ Амура. Съ этого момента направленіе переговоровъ рѣзко измѣнилось.

Отправляясь внизъ по Амуру съ запасами и войскомъ для отраженія англо-французскихъ силъ, графъ Муравьевъ сообщилъ о томъ въ Пекинъ депешею въ апрѣлѣ 1854 года. Китайцы желали ускорить рѣшеніе пограничнаго вопроса; но такая поспѣшность не входила въ виды Муравьева, который находилъ болѣе полезнымъ предварительно укрѣпиться на Амурѣ настолько, чтобы не опасаться войны съ сосѣдомъ. По этому онъ медлилъ отвѣтомъ и только въ февралѣ 1855 года сообщилъ въ Пекинъ, что все его вниманіе обращено на защиту устья Амура, которое могутъ занять союзники и тѣмъ нанести большой вредъ интересамъ самого

Китая; если же богдыханъ желаетъ ускорить переговоры, то пусть лѣтомъ пришлетъ своихъ уполномоченныхъ на устье Амура, гдѣ будетъ находиться графъ Муравьевъ.

Китайцы согласились на такое предложеніе и представители ихъ прибыли 8 сентября въ постъ Маріинскій. Здѣсь графъ Муравьевъ, имѣя уже Высочайшее повелѣніе 14 іюня 1855 года о присоединеніи лѣваго берега Амура къ Россіи, категорически заявилъ, что Россія не можетъ допустить водворенія въ Амурскомъ краѣ иностранцевъ, и, вслѣдствіе этого, нами занято устье этой рѣки не только войскомъ, но и укрѣпленіями, которыя воздвигнуты на вѣчныя времена. Для поддержанія же нашей военной силы и въ вознагражденіе расходовъ на нее Россія требуетъ присоединенія всего лѣваго берега Амура и сопредѣльнаго Приморскаго края съ тѣмъ, чтобы граница между имперіями опредѣлялась рѣками Амуромъ и Уссури. Китайцы, ссылаясь на русскую ноту 16 іюня 1853 года, отвергли это предложеніе; графѣ же Муравьевъ возразилъ, что съ тѣхъ поръ условія измѣнились, вслѣдствіе войны съ Англіею и Франціею, и нота эта потеряла свою обязательную силу. Онъ потребовалъ, чтобы заявленное имъ рѣшеніе пограничнаго вопроса было сообщено въ пекинскій трибуналъ, какъ основа дальнѣйшихъ переговоровъ, и объявилъ, что въ будущемъ году онъ вновь отправитъ по Амуру транспортъ войскъ и грузовъ. Свиданія уполномоченныхъ этимъ закончились, и графъ Муравьевъ написалъ въ Пекинскій трибуналъ, что Россія искренно желаетъ сохранить миръ и дружбу съ Китаемъ, но обоюдные интересы требуютъ предложенной имъ территоріальной уступки.

Селеніе на Пей-хо.

Китайское правительство, угрожаемое возмущеніемъ тайпинговъ и возникающими несогласіями съ западными державами, крайне опасалось разрыва съ Россіею и было расположено къ уступкамъ; но, въ виду разногласія въ требованіяхъ, съ одной стороны,—ноты нашего министерства 16 іюня 1853 года, а съ другой—графа Муравьева, приписывало послѣднему самовольное рѣшеніе вопроса. Въ этомъ смыслѣ была составлена грамота къ нашему сенату, съ которымъ трибуналъ сносился со временъ Петра I, игнорируя позднѣйшія преобразованія въ нашемъ государственномъ управленіи.

Между тѣмъ западныя державы рѣшились добиться свободной торговли въ Китаѣ и права имѣть своихъ резидентовъ въ Пекинѣ. А такъ какъ мирнаго соглашенія въ этихъ требованіяхъ не предвидѣлось, то послы названныхъ державъ явились во главѣ сильныхъ флотовъ и дессантовъ. По просьбѣ Англіи о посредничествѣ съ Китаемъ и съ цѣлью выговорить и для Россіи выгодныя торговыя условія, былъ назначенъ чрезвычайнымъ посланникомъ въ Пекинъ адмиралъ графъ Путятинъ. Онъ прибылъ къ Кяхту въ апрѣлѣ 1857 года, но здѣсь была получена нота пекинскаго трибунала, которой китайское правительство старалось отклонить пріѣздъ графа въ столицу Небесной имперіи. Тогда графъ Путятинъ отправился по Амуру въ Николаевскъ, а оттуда на русскомъ военномъ суднѣ въ устье рѣки Пей-хо.

Китайское правительство, желая скрыть свое безсиліе подъ высокомѣрнымъ обращеніемъ съ иностранцами, не только не приняло нашего посла, но даже протестовало противъ нашихъ дѣйствій на Амурѣ и объявило, что признаетъ только границу по Нерчинскому трактату. Въ

этомъ смыслѣ отправлена была грамота нашему Сенату вмѣстѣ съ жалобой на графа Муравьева, который не только продолжаетъ отправлять на Амуръ войска, но и заселяетъ казаками лѣвый берегъ рѣки. По настоянію самого виновника жалобы наше правительство сообщило въ Пекинъ, что графъ Муравьевъ дѣйствуетъ согласно волѣ императора. Вмѣстѣ съ тѣмъ министерство потребовало свиданія уполномоченныхъ въ Айгунѣ для окончательныхъ переговоровъ.

Высокомѣрный тонъ богдыхана быстро измѣнился подъ вліяніемъ непріязненныхъ дѣйствій англо-французскаго флота. Когда графъ Муравьевъ прибылъ весною въ 1858 года въ русскій Усть-Зейскій постъ, основанный вблизи Айгуна,—онъ былъ встрѣченъ китайскими властями съ большимъ почетомъ и немедленно начались переговоры съ представителями пекинскаго правительства. Рѣшительный тонъ графа Муравьева привелъ переговоры къ быстрому окончанію, и 16 мая былъ подписанъ Айгунскій договоръ, по которому Амурскій край признанъ русскимъ владѣніемъ, граница проведена по Амуру до устья Уссури, далѣе-же на югъ она оставлена неопредѣленною. Вотъ текстъ условій этого договора:

1) Лѣвый берегъ Амура, начиная отъ рѣки Аргуни до морского устья Амура, да будетъ

Айгунъ.

владѣніемъ Россійскаго Государства; отъ рѣки Уссури далѣе до моря находящіяся мѣста и земли, впредь до опредѣленія по симъ мѣстамъ границы между двумя государствами, какъ нынѣ, да будутъ въ общемъ владѣніи Дай-цинскаго и Россійскаго государствъ; всѣхъ же прочихъ иностранныхъ государствъ судамъ по симъ рѣкамъ плавать не должно; находящихся по лѣвому берегу Амура отъ рѣки Зеи на югъ, до деревни Хормолдзинъ, манджурскихъ жителей оставить вѣчно на мѣстахъ ихъ жительства подъ вѣдѣніемъ манджурскаго правительства съ тѣмъ, чтобы русскіе жители обидъ и притѣсненій имъ не дѣлали.

2) Для взаимной дружбы подданныхъ двухъ государствъ дозволяется взаимная торговля проживающимъ по рѣкамъ Уссури, Амуру и Сунгари, подданнымъ обоихъ государствъ, а начальствующіе должны покровительствовать на обоихъ берегахъ торгующимъ людямъ двухъ государствъ.

По полученіи въ Пекинѣ извѣстія о заключеніи Айгунскаго договора китайскіе уполномоченные поторопились 1 іюня заключить съ Гр. Путятинымъ договоръ въ Тянъ-цзинѣ, послужившій прекраснымъ дополненіемъ Айгунскому договору. 3 іюня китайскіе уполномоченные извѣстили графа о томъ, что богдыханъ утвердилъ послѣдовавшее у генералъ-губернатора Муравьева съ Хейлунскимъ цзянъ-цзюномъ соглашеніе о проведеніи границъ отъ Уссури до морскихъ портовъ и объ учрежденіи торговли по Амуру.

Заключеніе Айгунскаго и Тянъ-цзинскаго договоровъ развязало руки Н. Н. Муравьеву по занятію и колонизаціи на этотъ разъ уже окончательно пріобрѣтеннаго Россіею Амурскаго края. Въ 1858 же году Муравьевъ переименовалъ Усть-Зейскій постъ въ городъ Благовѣщенскъ, по имени перваго русскаго храма, заложеннаго тутъ въ присутствіи Муравьева архіепископомъ Иннокентіемъ и поручилъ подполковнику Будогосскому устройство по лѣвому берегу Амура цѣлаго ряда станицъ, получившихъ свое названіе отъ именъ сподвижниковъ Муравьева по занятію и заселенію Амурскаго края. Такимъ образомъ были увѣковѣчены имена Карсакова (Карсакова и Михаило-Семеновская), Свербеева, Буссе, Венцеля (Иркутскаго губернатора, до 1859 г. исправлявшаго должность генералъ-губернатора во время отсутствія Муравьева), Кукеля (начальника штаба восточно-сибирскаго войска), Скобельцына, князя М. С. Волконскаго (Михайловская), Невельского, Казакевича, Будогосскаго, архіепископа Иннокентія, всѣхъ русскихъ храбрецовъ, дѣйствовавшихъ на Амурѣ въ XVII вѣкѣ (Хабарова, Пояркова, Бекетова, Пашкова, Бейтона), нѣкоторыхъ научныхъ изслѣдователей Амурской области (Радде, Аносова́), наконецъ, достойной супруги Гр. Муравьева-Амурскаго, сопровождавшей его въ его поѣздкахъ на отдаленную нашу восточную окраину (ст. Екатерино-Никольская).

Для окончанія великаго дѣла, совершеннаго Н. Н. Муравьевымъ, оставалось только завершить разграниченіе Россіи съ Китаемъ отъ устья Уссури по правую сторону Амура.

Въ 1859 г. для размѣна ратификацій по Айгунскому и Тянъ-цзиньскому трактатамъ и для дополнительныхъ условій къ нимъ въ Пекинъ отправленъ былъ, въ качествѣ уполномоченнаго со стороны Россіи, Н. П. Игнатьевъ.

Онъ былъ очевидцемъ осады Пекина англо-французскими войсками и недоумѣнія лорда Эльгина и барона Гро, какъ поступить съ отворившей передъ ними ворота китайской столицей при дальнѣйшемъ отказѣ удалившагося въ Монголію богдыхана Сянь-фына отъ удовлетворенія ихъ требованій. Представители Англіи и Франціи понимали, что, занимая Пекинъ, имъ не миновать въ немъ страшнаго кровопролитія, что разогнанное населеніе вынуждено будетъ опустошать сосѣднія области ради своего существованія и что чрезъ это возникнутъ смуты, которыя, вмѣстѣ съ возмущеніемъ тайпинговъ, надолго охватятъ внутренній Китай, при чемъ обширная торговая эксплоатація его англичанами и французами, составлявшая главную цѣль войны, не найдетъ себѣ мѣста. Равнымъ образомъ можно было ожидать, что въ случаѣ, если бы взятіе Пекина вызвало въ Китаѣ перемѣну династіи, то новый императоръ едва-ли пошелъ бы въ разрѣзъ съ вѣковыми предубѣжденіями китайцевъ и рѣшился бы сблизиться съ европейцами. При всемъ томъ отступленіе отъ Пекина союзниковъ было совершенно немыслимо, такъ какъ тогда Пекинское правительство еще упорнѣе стало бы уклоняться отъ заключенія съ ними трактатовъ.

Графъ Игнатьевъ положилъ конецъ этимъ затрудненіямъ. Сопровождаемый всего нѣсколькими казаками, онъ въѣхалъ 4 октября 1860 г. въ Пекинъ, узналъ, что управленіе столицей возложено на брата богдыхана Гунъ-цинъ-вана, убѣдилъ прибывшихъ къ нему китайскихъ сановниковъ въ необходимости воспретить истязанія европейскихъ плѣнныхъ и подалъ совѣтъ Гунъ-цинъ-вану безотлагательно начать переговоры съ лордомъ Эльгиномъ и барономъ Гро. Въ то же время, по его ходатайству союзнымъ войскамъ строго воспрещены были убійства и хищничества въ Пекинскихъ предмѣстьяхъ. Вліятельное содѣйствіе Игнатьева къ возстановленію мира вполнѣ оцѣнили, какъ уполномоченные Франціи и Англіи, такъ и Гунъ-цинъ-ванъ. Французскіе архіепископы Апуйль и Мули благословляли его старанія—отвратить предстоявшее кровопролитіе въ Пекинѣ; ламы молились за него, какъ за охранителя неприкосновенности ихъ храмовъ, даже ургинскій кутухта прислалъ ему благодарственную грамату, доказывая этимъ, что молва о его заслугахъ распространилась въ китайскихъ владѣніяхъ. Недѣлю спустя, 12 и 13 октября, лордъ Эльгинъ и баронъ Гро размѣнялись ратификаціями Тянъ-цзинскаго трактата съ Гунъ-цинъ-ваномъ и заключили съ нимъ дополнительныя конвенціи. Тогда и Игнатьевъ,

со своей стороны, пользуясь признательностью Гунъ-цинъ-вана, заключилъ съ нимъ 2 ноября 1860 г. Пекинскій трактатъ, который не только подтвердилъ силу Айгунскаго и Тянъ-цзинскаго договоровъ, но и указалъ государственную границу на всемъ протяженіи смежныхъ китайскихъ и русскихъ владѣній, а именно: укрѣпилъ за Россіею весь Уссурійскій край, съ заливомъ Петра Великаго, до границъ Кореи.

Этотъ трактатъ былъ блестящимъ концомъ нашей, не всегда рѣшительной, политики на дальнемъ Востокѣ. Вотъ почему исторія Русскаго Востока навсегда, безъ сомнѣнія, сохранитъ для нея столь драгоцѣнныя имена русскихъ дѣятелей: Муравьева, Невельского, Путятина и Игнатьева, которые, каждый въ своей сферѣ, сдѣлали все, что предписывали имъ ихъ честь и интересы Россіи.

Ѳ. Буссе.

Ловля «красной рыбы».

ОЧЕРКЪ VI.

АМУРЪ И ЕГО ПРИТОКИ.

Теченіе р. Амура и его лѣвые притоки. — Физическій характеръ и природа страны въ Амурской области. — Ея растительный и животный міръ.

Громады горъ тѣснилися вдали;
Ихъ снѣжныя, причудливыя цѣпи
Шли въ облака; съ хребтовъ, шумя, текли
Потоки водъ на бархатныя степи.
Вершинами дремучіе лѣса
Тянулись то-же гордо въ небеса.
Долины рѣкъ, покрытыя цвѣтами,
Легли ковромъ узорчатымъ мѣстами.

ОМУЛЕВСКІЙ.

Теперешнее положеніе Амурскаго края справедливо вызываетъ ожиданія и надежды на всяческое улучшеніе. Только при этомъ условіи названный край разовьется и обильныя естественныя его богатства будутъ приносить соотвѣтствующую пользу. Однимъ изъ послѣднихъ пріобрѣтеній Россіи на крайнемъ востокѣ Азіи было пріобрѣтеніе Амурской области. Первыя попытки къ завладѣнію этой областью были сдѣланы, какъ извѣстно, еще въ XVII столѣтіи. Казакъ Поярковъ, а за нимъ Хабаровъ и Степановъ, имѣя въ своемъ распоряженіи лишь весьма незначительное число казаковъ, захватили Амурскую область и основали городъ Албазинъ, а также нѣсколько крѣпостей. Между китайцами и русскими завязалась продолжительная тяжба изъ-за обладанія Амуромъ, о благополучномъ исходѣ которой читателямъ извѣстно уже изъ предыдущаго очерка.

Амуръ принадлежитъ къ величайшимъ рѣкамъ въ мірѣ. Его названіе происходитъ отъ слова «Гамуръ», что у гиляковъ означаетъ большую воду; въ низовьяхъ Амуръ у туземцевъ носитъ названіе «Маму». За начало Амура обыкновенно принимаютъ Ононъ, который вытекаетъ на сѣверо-восточной окраинѣ средне-азіатскаго нагорья, въ горахъ Кентая. Здѣсь онъ недолго течетъ въ китайскихъ владѣніяхъ, входитъ въ предѣлы Россіи и соединяется съ рѣчкой Ингодой, обѣ эти рѣки образуютъ Шилку, которая, сливаясь съ другою большою рѣкою Аргунь при Усть-Стрѣлочномъ караулѣ, образуетъ Амуръ.

Длина теченія Амура, если принимать Ононъ за верховье, составляетъ около 4000 верстъ, изъ которыхъ около 3000 верстъ приходится собственно на Амуръ, т. е. отъ Стрѣлка до устья, впадающаго въ Татарскій проливъ Тихаго океана. Бассейнъ Амура орошаетъ сѣверо-

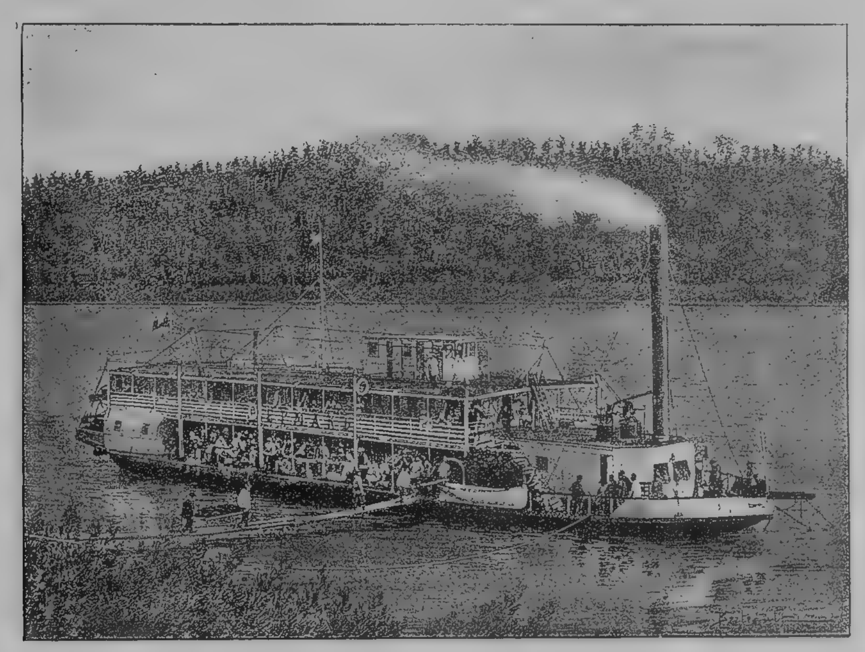
восточную часть Китая и течетъ между степью Гоби, собственно — Китаемъ, полуостровомъ Кореею и Становымъ хребтомъ. Бассейнъ Амура занимаетъ около 38,000 кв. миль, такъ что величину его превосходятъ только рѣчныя системы Амазонской, Ла-Платы, Оби, Св. Лаврентія,

Амуръ и его берега.

Миссисипи и Енисея. Онъ занимаетъ болѣе пространства, нежели системы Лены, Гоанго, Волги.

Амуръ — по-китайски Хе-лун-дзянъ (черная рѣка); во всѣхъ своихъ теченіяхъ: верхнемъ, среднемъ и нижнемъ — представляетъ совершенно различный характеръ мѣстности. Начиная отъ Усть-Стрѣлочнаго караула, гдѣ рѣка, послѣ соединенія Шилки и Аргуни, получаетъ свое

настоящее имя, рѣка бѣжитъ среди утесистой мѣстности, хотя и достигаетъ ширины отъ 200 до 300 саженей, извиваясь между выдающимися дикими скалами. По временамъ вода, заключенная въ утесистыхъ окраинахъ, дѣлаетъ быстрые, крутые повороты, въ другихъ напротивъ, Амуръ, выходя изъ горныхъ разсѣлинъ или утесистыхъ береговъ и вливаясь въ обширныя долины, дробится на множество протоковъ, образуя группы острововъ. Здѣсь теченіе Амура спокойно, разливъ великъ, рѣка становится менѣе глубокой и виды береговъ теряютъ свой суровый характеръ. Крутые повороты русла во многихъ мѣстахъ даютъ представленіе о томъ, что воды Амура, не смотря на свою силу, не могли срыть горныхъ твердынь; въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ проходитъ горный кряжъ, Амуръ течетъ у его подножія, параллельно его направленію, напротивъ,—побочныя вѣтви горъ уступали, какъ видно, дѣйствію его водъ, такъ какъ часто Амуръ прорѣзываетъ ихъ накрестъ въ своемъ теченіи. Направленіе теченія Амура слѣдуетъ съ сѣверо-запада на юго-востокъ, это теченіе господствуетъ по обширнымъ долинамъ; въ тѣхъ



Пароходъ «Ермакъ» на Амурѣ.

же мѣстахъ, гдѣ являются горы, появляются локти или изгибы въ теченіи Амура. Въ среднемъ теченіи Амуръ не протекаетъ вблизи горъ, которыя большею частью лишь синѣются на горизонтѣ и приближаясь къ берегамъ образуютъ холмистую мѣстность; холмы покрыты травой и роскошной растительностью. Низменные берега и острова Амура покрыты незначительнымъ слоемъ чернозема и обыкновенно состоятъ изъ ила и песку съ прослойками глины.

Верстахъ въ 250 отъ китайскаго города Сахалянъ-ула, расположеннаго на правомъ берегу, Амуръ перестаетъ дробиться на протоки и течетъ одиночнымъ русломъ, пересѣкая одну изъ южныхъ отраслей Становoго хребта. Вѣтвь хребта, состоящая изъ нѣсколькихъ параллельныхъ развѣтленій, по мѣрѣ приближенія къ Амуру, понижается и послѣдній поочередно пересѣкаетъ эти параллельныя цѣпи, но сперва русло рѣки идетъ вдоль этого хребта, и горы тянутся сплошной грядой. Прорвавъ одну изъ цѣпей, онъ уклоняется отъ своего первоначальнаго направленія и зигзагами течетъ на нѣкоторомъ протяженіи по горной долинѣ. Наконецъ, Амуръ

проходитъ черезъ этотъ хребетъ и затѣмъ снова разливается на протоки, хотя берега и становятся по временамъ гористыми, но весьма рѣдко. Въ нижнемъ теченіи Амуръ снова проходитъ гористую мѣстность, начиная отъ устья Сунгари; но здѣсь между раскинутыми хребтами горъ, образующими гористые берега, попадаются также и низменные луговые берега, въ которыхъ Амуръ образуетъ множество протоковъ и островов. Рѣку Сунгари китайцы принимаютъ за главный истокъ Амура и даютъ, какъ ей, такъ и нижнему теченію Амура, названіе Куенъ-Тонгъ.

Амуръ, благодаря многочисленнымъ протокамъ и впадающимъ въ него рѣкамъ, наносящимъ массу песку и ила, образуетъ много островов. Всѣ острова, встрѣчаемые на Амурѣ, можно раздѣлить на четыре категоріи. Острова изъ деллювіальныхъ пластовъ, изъ аллювіальныхъ осадковъ. Они состоятъ изъ горизонтальныхъ пластовъ иловатаго, нѣсколько слюдистаго песку, заключающаго въ себѣ прослойки разноцвѣтной глины. Вода, подымающаяся высоко

Впаденіе рѣки Камары.

въ половодіе, постепенно обмываетъ эти острова, такъ что они почти всѣ имѣютъ форму эллипса, главная ось котораго совпадаетъ съ направленіемъ теченія Амура. Во многихъ мѣстахъ эти острова почти совершенно смыты, и тогда они образуютъ мели. Въ низовьяхъ Амура, тамъ гдѣ онъ достигаетъ ширины верстъ до пяти, попадаются острова третьей категоріи, обыкновенно расположенные въ значительномъ другъ отъ друга разстояніи. Они образованы наносами песку, причемъ неровность поверхности даетъ возможность предположить, что наносы песчаныхъ бугровъ образовались при сильныхъ прибояхъ воды во время половодья. Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ видны высокія песчаныя насыпи, покрывшія пескомъ вѣковыя деревья. Послѣдняя категорія островов образована при впаденіи въ Амуръ большихъ притоковъ, такъ что передъ устьями всѣхъ болѣе или менѣе значительныхъ притоковъ находятся такіе острова. Всѣ острова, образуемые притоками, расположены по теченію, причемъ они имѣютъ округленную форму и большею частью состоятъ изъ горизонтальныхъ осадковъ песку и глины. Тогда какъ острова, образуемые большими протоками, длиною своей лежатъ перпендикулярно

Сплавъ на плоту по Амуру.

къ рѣкѣ; у нихъ нѣтъ слѣдовъ горизонтальнаго напластованія и они представляютъ собою видъ песчаныхъ холмовъ.

Что касается породъ, изъ которыхъ образованы берега Амура, то на всемъ протяженіи отъ Усть-Стрѣлки до устья преобладаютъ однѣ и тѣже породы, относящіяся къ древнему или палеозойскому періоду.

Окрестныя горы, то подступающія къ Амуру, то пересѣкаемыя имъ, то удаляющіяся отъ него,—состоятъ главнымъ образомъ изъ пластовъ глинистаго сланца и песчаника, въ которыхъ проходятъ жилы гранита, причемъ пласты эти почти повсюду являются наклонными.

На берегахъ Амура наиболѣе развитъ нижній ярусъ господствующей здѣсь силурійской формаціи, именно глинистый сланецъ и песчаникъ. Надо замѣтить, что въ приамурской области въ горныхъ ея породахъ есть много общаго съ породами Нерчинской горной области. Почва также состоитъ изъ гранитовъ, сіенитовъ, известняковъ, сланцевъ конгломератовъ, заклю-

Берегъ Амура.

щающихъ въ себѣ обиліе металловъ, какъ-то: золота, серебра, желѣза, мѣди свинца, олова и другихъ. Берега рѣкъ Онона, Ингоды, Шилки, Аргуни щедро надѣлены такими богатствами, а также и вся приамурская область, которая притомъ обладаетъ лучшимъ климатомъ и лучшими средствами сообщенія. Безъ сомнѣнія, Амурскій край со временемъ долженъ пріобрѣсти большое значеніе. Природа щедро наградила его минеральными богатствами, такъ какъ породы, окружающія Амуръ, на каждомъ шагу обѣщаютъ то золото, то серебро, то драгоцѣнные камни. Естественными богатствами растительнаго царства также изобилуетъ этотъ край, весьма удобный для земледѣльческой промышленности. Начиная отъ соединенія рѣкъ Шилки и Аргуни, Амуръ течетъ въ гористыхъ, покрытыхъ лиственнымъ лѣсомъ, берегахъ, хотя по временамъ попадаются пространства, покрытыя и хвойными деревьями до перваго лѣваго притока, до устья Амазора или Большой Горбицы. Ниже р. Амазора горы отступаютъ отъ берега и только по временамъ подступаютъ къ берегамъ и падаютъ крутыми утесами къ рѣкѣ.

Верстъ двѣсти ниже Амазора вливается съ правой стороны р. Імуръ или Албазиха, въ устьяхъ которой былъ основанъ въ XVII столѣтіи Албазинъ, выдержавшій знаменитую осаду китайцевъ въ 1686 и 87 годахъ, имѣя защиты всего 700 казаковъ противъ десятитысячнаго войска; на мѣстѣ стараго Албазинскаго острога, представляющаго теперь развалины, возникла новая станица. Верстъ 400 далѣе впадаетъ съ правой стороны р. Комара, въ устье которой также въ XVII столѣтіи былъ основанъ Комарскій острогъ. Далѣе, внизъ по теченію, черезъ двѣсти верстъ, впадаетъ одинъ изъ наибольшихъ и наиболѣе могущественныхъ притоковъ—рѣка Зея. Именно при впаденіи Зеи рѣка Амуръ вступаетъ въ большую обширную равнину. Устье р. Зеи, какъ самаго важнаго притока, было выбрано для основанія главнаго города Амурской области, Благовѣщенска. Зея, носящая у якутовъ имя Дже, а у тунгусовъ Джи, беретъ начало на южномъ склонѣ Станового хребта; имѣетъ длины около 1100 верстъ. Сперва Зея протекаетъ черезъ горныя долины, затѣмъ течетъ по плоскогорью, но вблизи устья Гилюя, гдѣ рѣка протекала по необозримымъ лугамъ, имѣя до 300 саженъ ширины, къ ней съ обѣихъ сторонъ подходятъ горы, падая по руслу рѣки крутыми скатами, изрѣзанными глубокими оврагами. Такимъ образомъ рѣкѣ приходится здѣсь прорываться между горами и это ущелье имѣетъ до 50 верстъ протяженія, ширина долины не превышаетъ 1½ версты, а рѣка съуживается до 100 саженей. Теченіе Зеи весьма быстрое, причемъ въ ея руслѣ находится много скалъ. Притокъ ея Гилюй для того, чтобы соединиться съ Зеей, предварительно долженъ также пробиться между скалъ. Но верстъ 20 ниже устья Гилюя скалы отдаляются и рѣка Зея протекаетъ по относительно низменной равнинѣ. Здѣсь паденіе рѣки весьма незначительное и теченіе ея очень медленное. Но горы, сопровождающія теченіе рѣки въ большемъ или меньшемъ отдаленіи, по временамъ приближаются къ правому или къ лѣвому берегу, а иногда и съ обѣихъ сторонъ нагромождаютъ утесы. На вершинахъ горъ обыкновенно растутъ лѣса, довольно рѣдкіе. Эти прибрежныя мѣста Зеи, начиная отъ Гилюя, удобны для земледѣльческаго населенія и земледѣльческой культуры. Еще въ XVII столѣтіи русскіе завоеватели этой части Сибири находили здѣсь дауровъ, занимавшихся земледѣліемъ. По впаденіи рѣки Селиндера, болѣе чѣмъ на 100 верстъ, Зея протекаетъ по совершенно безлѣсной равнинѣ, покрытой высокою травою, вмѣстѣ съ которою произростаетъ также и дикая роза. Затѣмъ на правомъ берегу горы вновь приближаются къ рѣкѣ и спускаются къ ея руслу крутыми утесами, представляющими обнаженіе даргеля, лежащаго на глинистомъ сланцѣ. Эти утесы, такъ называемыя Бѣлыя горы, содержатъ въ себѣ желѣзо. Между выступами этихъ горъ попадаются мѣстами прекрасныя луговыя долины; лѣвая же сторона Зеи здѣсь представляетъ обширную равнину. Зея впадаетъ въ 30 верстахъ выше китайскаго города Сахалянъ-ула, и не образуетъ никакой дельты, достигая ширины 500 саженей. Противъ устья Зеи на Амурѣ находятся, конечно, намывные острова и песчаныя мели. Понятно, какую массу песку, ила и вообще всякаго рода органическихъ и неорганическихъ веществъ должна приносить такая большая рѣка, протекающая притомъ черезъ роскошные луга и прорѣзывающая себѣ путь черезъ горы. Воды этой рѣки, смѣшавшись съ водой Амура, становятся чрезвычайно мутными. По этой рѣкѣ кочуютъ манегры—тунгуское племя. Рѣка Зея имѣла важное значеніе вообще при занятіи этого отдаленнаго края,—по ней спускались первые русскіе завоеватели; вообще она служила русскимъ естественнымъ путемъ для сообщенія съ приамурскимъ краемъ; она была изслѣдована еще въ началѣ XVI столѣтія боярскимъ сыномъ Миловановымъ, который и далъ утесамъ, нагроможденнымъ по обѣ стороны рѣки, названіе Бѣлыхъ горъ.

Вскорѣ за китайскимъ городомъ Сахаляномъ Амуръ достигаетъ полутора-верстной ширины. Въ двухстахъ верстахъ ниже его въ Амуръ впадаетъ Бурея или Ниманъ-бира, или иначе — Быстрая, — какъ называли ее казаки въ своихъ первыхъ походахъ. Эта послѣдняя образуется сліяніемъ двухъ рѣкъ: Буреи и Нимана, которыя берутъ начало въ отрасляхъ горъ Малаго Хингана. Онѣ протекаютъ, до своего соединенія, каждая болѣе двухсотъ верстъ, причемъ Бурея

Амуръ въ Хинганскихъ горахъ.

имѣетъ одно юго-восточное направленіе, тогда какъ Ниманъ отклоняется и течетъ на юго-западъ. Бурея двумя истоками беретъ начало въ весьма гористой мѣстности. Съ правой ея стороны горы подымаются до 5000 футовъ. По сліяніи рѣкъ ширина доходитъ до 60 саженъ, а потомъ уменьшается. Рѣка Ниманъ-бира протекаетъ въ высокихъ, крутыхъ берегахъ, мѣстами обрывистыхъ. Правый берегъ рѣки вообще гористѣе, лѣвый же берегъ мѣстами отлогъ и горы отходятъ отъ него на значительное разстояніе. Затѣмъ, ниже устья рѣки Мокдихана горы раздвигаются и длина рѣки достигаетъ до $3^1/_2$ верстъ. Рѣка дробится на множество рукавовъ и сливается съ Ниманомъ. Истоки Нимана также берутъ начало въ гористой мѣстности, но при этомъ вообще долина рѣки Нимана еще болѣе тѣсна, чѣмъ Буреи. Обѣ эти рѣки весьма многоводны, и затруднительно рѣшить—какая изъ нихъ главная? Русскіе считаютъ Ниманъ притокомъ Буреи, тогда какъ туземцы за соединенными рѣками удерживаютъ оба названія первоначальныхъ рѣкъ. Длина всей Буреи или Ниманъ-биры доходитъ до 600 верстъ; предполагали, что близъ сліянія этихъ двухъ рѣкъ находилась на скалѣ китайская надпись, служившая пограничнымъ знакомъ между русскими и китайскими владѣніями. Горы, по слитіи рѣкъ, замѣтно понижаются. Наиболѣе извѣстна гора Шевака, не болѣе 1300 футовъ, по своимъ жертвоприношеніямъ, совершаемымъ здѣсь соболиными промышленниками туземцами. Въ верхней части теченія Нимана произростаетъ хвойный лѣсъ, тогда какъ ниже устья р. Сектагла вмѣсто хвойнаго лѣса 'появляется лиственный, состоящій изъ осины, тополя, бѣлой и черной березы, ясени, липы, пробковаго дуба, вяза, клена, орѣховаго дерева, черешни, дикой яблони. Начиная отъ устья р. Тырисы, Ниманъ течетъ въ совершенной равнинѣ и часто даже протоками, образуя много острововъ.

Амуръ въ Буреинскомъ хребтѣ.

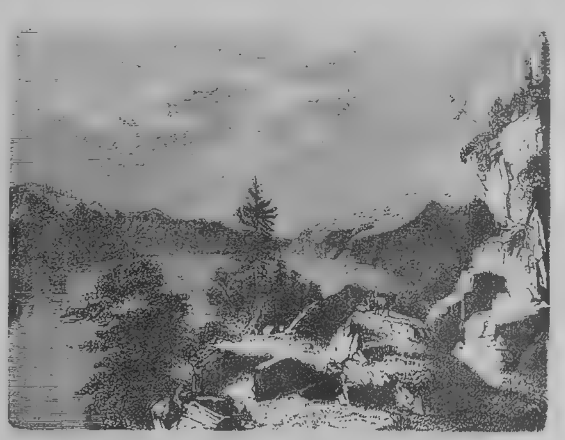
Ниже устья Буреи или Ниманъ-биры, въ верстахъ полуторостахъ, Амуръ вступаетъ въ борьбу съ преграждающими ему путь отрогами малаго Хинганскаго хребта, или, какъ называетъ его географъ Семеновъ, Буреинскаго, въ отличіе отъ другихъ хингановъ. На протяженіи 160 верстъ прорываетъ Амуръ ряды параллельныхъ отроговъ Буреинскаго хребта и ущелье, столь длинное, представляется чрезвычайно красивымъ и живописнымъ, изобилующимъ красивыми видами горъ, ущелій, перерѣзываемыхъ текучими водами Амура. Понятно, что въ этомъ мѣстѣ рѣка значительно съуживается подступающими къ берегамъ горами; но, пройдя ущелье, она вновь расширяется. По временамъ Амуръ снова течетъ нѣсколькими протоками, а верстахъ въ 150 отъ выхода изъ ущелья Хинганскаго или Буреинскаго хребта, сливается съ весьма значительнымъ правымъ притокомъ Сунгари, и поворачиваетъ теченіе, согласно направленію Сунгари, которую, какъ сказано, китайцы и считаютъ главною вѣтвью. Эту соединенную рѣку, принявшую сѣверо-восточное направленіе, китайцы называютъ Куне-Гунъ-Цзяна. Отсюда до сліянія съ другимъ весьма значительнымъ притокомъ, на протяженіи 250 верстъ, Амуръ протекаетъ по равнинѣ. Далѣе отъ р. Усури, по тому же сѣверо-восточному направленію, до озера Кизи, ширина русла рѣки весьма часто измѣняется отъ 500 до 1500 саженей, что зависитъ отъ того, раздѣляется ли Амуръ на нѣсколько протоковъ или течетъ, соединившись

въ одно русло, такъ какъ въ такомъ случаѣ Амуръ весьма часто раздѣляется на нѣсколько протоковъ. При этомъ въ Амуръ съ лѣвой стороны впадаетъ довольно значительный притокъ Горынь.

Горынь или Гарынь беретъ начало изъ предгорій сѣверной части Хинганскаго—Буреинскаго хребта и вливается двумя устьями въ Амуръ, эта рѣка имѣетъ общее направленіе на юго-востокъ. Верхнее теченіе ея весьма мало извѣстно, въ нижнемъ теченіи Горынь проходитъ въ узкой долинѣ и имѣетъ высокіе берега. Вверхъ по теченію, эти горы постепенно удаляются отъ береговъ рѣки и, наконецъ, совершенно исчезаютъ. Въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ долина Горыни расширена, рѣка дробится на множество протоковъ, образующихъ весьма большое количество по большей части незначительныхъ островковъ; какъ на этихъ островахъ, такъ и на окрестныхъ горахъ произростаютъ прекрасные хвойные и лиственные лѣса. Эта рѣчная долина славится пушными и другими звѣрями, особенно же соболями и лосями. Гольды, обитающіе въ низовьяхъ Амура, ежегодно пріѣзжаютъ сюда на охоту за этими животными. Эта рѣка представляетъ не только границу распространенія нѣкоторыхъ растеній и животныхъ, напр., оленя, но служитъ также и этнографическою границею, такъ какъ вскорѣ за ея устьемъ гольдское племя смѣняется мангунскимъ. Зимою пріѣзжаютъ въ долину Горыни манджурскіе купцы для вымѣна шкуръ убитыхъ звѣрей у мѣстныхъ охотниковъ. Рѣка Амуръ отъ праваго притока Хунгари и до Горыни протекаетъ среди высокихъ береговъ, покрытыхъ лѣсомъ; горы тянутся параллельно по обоимъ берегамъ Амура. Ниже устья Горыни лѣвый берегъ Амура представляетъ равнину, простирающуюся до самаго озера Кизи, тогда какъ на правой сторонѣ рѣки горы еще тянутся нѣкоторое время вдоль берега. Вблизи озера Кизи Амуръ образуетъ замѣчательную бухту, которая соединяется съ озеромъ, довольно обширнымъ, занимающимъ поперечную долину горъ, отдѣляющихъ теченіе Амура отъ Восточнаго океана. Это озеро вѣрнѣе назвать большимъ рѣчнымъ заливомъ р. Амура. Горы, отдѣляющія озеро отъ Восточнаъ океана, не широки; хребетъ имѣетъ всего около 16 верстъ ширины. Этотъ рѣчной заливг состоитъ собственно изъ двухъ озеръ, соединенныхъ узкимъ проливомъ. Изъ озера произво-

Арка на Амурѣ.

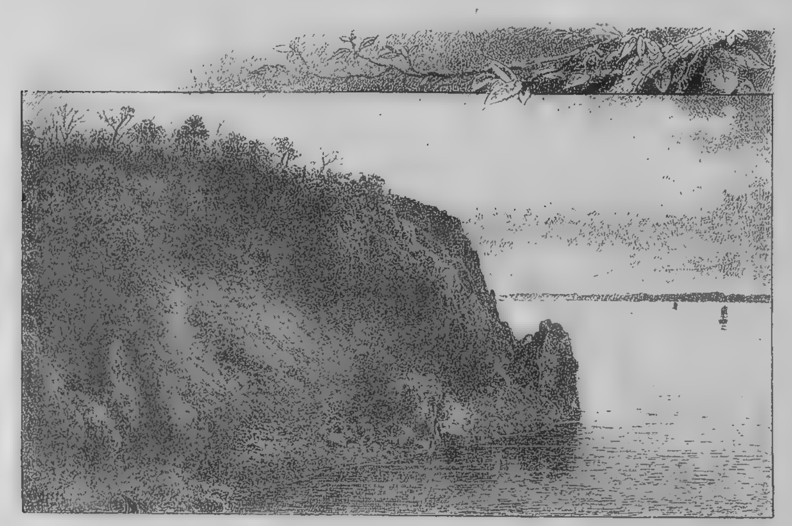
дились сообщенія водянымъ путемъ по рѣкѣ Табѣ, берущей начало вблизи океана; отъ морского берега до этой рѣки лодки перетаскивались на протяженіи полуторы версты волокомъ черезъ устроенныя просѣки. При стокѣ озера въ Амуръ, на одномъ изъ протоковъ, соединяющихъ Амуръ съ озеромъ, находится городъ Маріинскъ. Ниже Маріинска Амуръ принимаетъ сѣверное направленіе, благодаря встрѣтившимся горамъ, которыя препятствуютъ соединенію съ океаномъ въ первоначальномъ направленіи теченія Амура. Продолжая течь въ сѣверномъ направленіи, Амуръ образуетъ второе озеро Кадо. Здѣсь по правому берегу тянутся по прежнему горы, покрытыя лѣсами, которыя препятствуютъ Амуру соединиться съ океаномъ. Эти горы составляютъ сѣверный конецъ прибрежнаго манджурскаго хребта Сихэта-Алинъ. Лѣвая сторона рѣки представляетъ обширную низменность, покрытую болѣе или менѣе значительными озерами, Самое значительное изъ нихъ Удиль, съ которымъ Амуръ находится въ сообщеніи посредствомъ протока, ниже къ сѣверу отъ котораго къ Амуру подходятъ и съ лѣвой стороны горы Амгунскія, такъ что вновь оба берега рѣки становятся гористыми. Здѣсь горы образуютъ рядъ утесовъ, почти отвѣсно падающихъ къ рѣкѣ, на одномъ изъ которыхъ, близъ гилякской деревни Тыръ, находятся четыре весьма интересныхъ и старинныхъ памятника. На мраморномъ, гранитномъ и порфировыхъ памятникахъ находятся надписи, свидѣтельствующія, что эта мѣстность служила границею распространенія владычества монголовъ великой династіи Юань, какъ величали себя монгольскіе владыки, со времени покоренія ими Китая. Вблизи этихъ памятниковъ въ Амуръ впадаетъ одинъ изъ наиболѣе значительныхъ лѣвыхъ притоковъ этой рѣки — Амгунь. Эта рѣка беретъ начало на склонѣ Станового—Буреинскаго хребта, имѣетъ теченіе по сѣверо-восточному направленію и, послѣ поворота къ сѣверу, впадаетъ въ него. Вслѣдъ за впаденіемъ Амгуни, Амуръ быстро поварачиваетъ, образуя острый уголъ, къ сѣверо-востоку. Длина теченія Амгуни около 800 верстъ. Долина Амгуни весьма широка и открыта, изобилуетъ пастбищами и удобными къ заселенію мѣстами. Амуръ, поворотивъ къ востоку, огибаетъ сѣверную оконечность хребта Сихота-Алинъ и вливается въ Татарскій проливъ. При впаденіи въ проливъ Амуръ образуетъ при устьѣ обширный, мелководный лиманъ, вблизи котораго расположенъ Николаевскъ, главный городъ Приморской области.



Порожистая мѣстность на Амурѣ.

Амуръ въ своемъ четырехтысяче-верстномъ теченіи, проходя и прорывая горы, протекая по долинамъ и ровнымъ мѣстностямъ, образуетъ по характеру орографіи нѣсколько болѣе или менѣе отличныхъ областей. Весь бассейнъ Шилки и Аргуни, т. е. верхняя область рѣки Амура до Стрѣлки, принадлежитъ къ восточно-азіатскому нагорью. Ниже устья Амазара, Амуръ, хотя протекаетъ по довольно низменной и широкой долинѣ, но его теченіе сопровождается почти до притока Зеи съ двухъ сторонъ горами, болѣе или менѣе приближающимися къ рѣкѣ. Далѣе, между рѣкой Зеею и Буреею, тянется обширная низменная долина, но только на лѣвой сторонѣ Амура. Предѣломъ этой верхне-амурской низменности, или преріи, служитъ Буреинскій хребетъ. Другая низменная равнина идетъ отъ Сунгари; третья весьма широкая низменная равнина проходитъ вдоль по теченію Амура, съ лѣвой стороны рѣки отъ устья Горыни до Богородскаго поселенія, а затѣмъ Амуръ снова течетъ между горами, до устья Амгуни. Но надо замѣтить,

что вообще рѣчная область Амура имѣетъ главнымъ образомъ гористый характеръ, не смотря на такое довольно сильное развитіе низменныхъ равнинъ вдоль теченія Амура. Эти низменныя равнины занимаютъ во всей обширной области Амура только междугорные промежутки, болѣе или менѣе значительные вдоль теченія рѣки, но далеко не представляютъ собой сплошныхъ, необозримыхъ равнинъ, въ родѣ тѣхъ прерій, пампасовъ, которыя составляютъ большую часть рѣчныхъ областей такихъ рѣкъ, какъ Лаплата, Миссисипи или Амазонка. Но надо замѣтить, что орографическія отношенія обширной рѣчной области Амура еще не приведены въ полную извѣстность. Климатъ приамурскаго края вообще удовлетворителенъ, и, не смотря на свою суровость (такъ какъ отзывается континентальнымъ характеромъ), лучше вообще сибирскаго климата. Здѣсь ощущаются весьма рѣзко крайности температуръ, между зимнимъ холодомъ и лѣтними жарами. Амуръ въ Маріинскѣ замерзаетъ почти на полгода съ начала ноября по начало мая. Такимъ образомъ во всемъ Амурскомъ краѣ, за исключеніемъ узкой приморской полосы, господствуетъ довольно суровый континентальный климатъ, который, вслѣдствіе горнаго характера южной Манджуріи, улучшается къ югу очень медленно. Климатъ прибрежной полосы, въ сравненіи съ внутреннимъ краемъ, оказывается приморскимъ, но смягчающее вліяніе моря дѣйствуетъ на него въ гораздо меньшей мѣрѣ, чѣмъ это обыкновенно бываетъ на морскихъ берегахъ. Надо сказать, что вообще количество влаги на Амурѣ весьма значительно, гораздо больше, напримѣръ, чѣмъ въ Забайкальѣ, и несравненно больше, чѣмъ въ сосѣдней безплодной степи Гоби. Благодаря изобилію влаги, растительность приамурскаго края роскошна и весьма разнообразна.



Угесъ Тыръ на Амурѣ.

Натуралисты, изучавшіе органическую жизнь Амурскаго края, рисуютъ его намъ, какъ страну, въ которой «виноградная лоза обвиваетъ ель, гдѣ орѣховое и пробковое дерево растутъ рядомъ съ березой и сосной, гдѣ соболь и тигръ занимаютъ однѣ и тѣ же мѣстности, гдѣ зачастую сохатый и сѣверный олень встрѣчаются съ пятнистымъ оленемъ и антилопой, а бѣлая полярная сова уступаетъ мѣсто японскому ибису». Словомъ страна противорѣчій и контрастовъ, какая-то смѣсь сѣвера съ югомъ, какъ въ отношеніи флоры, такъ и фауны, до высшихъ классовъ животнаго царства.

Приамурская флора не имѣетъ самостоятельнаго характера, а заимствовала большую часть своихъ растительныхъ формъ изъ забайкальскаго нагорья и южно-манджурскаго. Въ Амурской области каждую минуту внимательнаго путешественника поражаютъ новыя, невиданныя имъ въ другихъ частяхъ континентальной Азіи, формы растеній. Эти новыя и разнообразныя формы растеній встрѣчаются съ самой Стрѣлки и служатъ какъ-бы провозвѣстниками близости океана

и перехода къ формамъ и типамъ, свойственнымъ флорѣ Сѣверной Америки. Особенно-же обращаютъ на себя вниманіе по своему разнообразію и по отличію отъ водящихся въ континентальной части Сибири лиственныя деревья и кустарники Амурскаго края. Такъ, напр., дубъ, восточной границей котораго служитъ Уралъ и который отсутствуетъ во всей Сибири, появляется вблизи Албазинской станицы и представляетъ здѣсь особую породу. Липа также встрѣчается вблизи притока Комары, тогда какъ она еле переходитъ Уралъ и не встрѣчается нигдѣ въ Сибири; кленъ опять-таки представляется здѣсь въ видѣ особой породы. Но болѣе южныя растенія, свойственныя болѣе теплому климату, какъ дикая амурская виноградная лоза и особое пробковое дерево, появляются уже выше устьевъ Буреи; породы ясени и грецкаго орѣшника — ниже устьевъ этой же рѣки; виды сирени, жинзенга и плюща — отъ прорыва Амура черезъ Буреинскій или Хинганскій хребетъ. Жинзенгъ или жень-шень (ginseng), поманджурски — царица растеній (orohota) употребляется манджурами и китайцами какъ укрѣпляющее средство и представляетъ полезное лѣкарство. Въ Китаѣ оно продается по унціямъ, за вѣсъ серебра, въ семь разъ превышающій вѣсъ растенія. Жень-шень есть драгоцѣннѣйшее изъ растеній нагорной страны; въ Китаѣ сборъ его составляетъ монополію императора, что доставляетъ ему значительный доходъ. Еще новыя породы клена появляются при устьѣ Сунгари, а также новыя породы липы, ильма; отъ впаденія Уссури появляется берберисъ, обыкновенный тиссъ, европейскій можжевельникъ, порода ели, характеризующая прибрежье Охотскаго моря.

Памятникъ близъ деревни Тыръ въ низовьѣ Амура

Послѣ сѣверо-восточнаго поворота Амура, мало по малу начинается предѣлъ постепеннаго прекращенія многихъ видовъ растеній. Приамурскіе лѣса отличаются большимъ разнообразіемъ древесныхъ породъ. Особенно же Амуръ замѣчателенъ своими лугами, которые, по качеству произростающей травы, не уступаютъ лучшимъ Сибирскимъ лугамъ. Почва земли вообще очень плодородна; и хотя непревосходитъ по своему плодородію южно-сибирской почвы, но имѣетъ передъ нею то преимущество, что климатъ въ Амурской области гораздо болѣе влаженъ, чѣмъ въ континентальной Сибири; благодаря этому, почва даетъ безъ удобренія весьма богатые урожаи, какъ результатъ тучной дѣвственной почвы, къ тому же еще и увлажненной. Культурныя растенія Амурской области мало чѣмъ отличаются отъ таковыхъ же произведеній средней Россіи и сѣверной Европы, вслѣдствіе суровыхъ и продолжительныхъ зимъ. Здѣсь произростаютъ: рожь, овесъ, гречиха, ячмень, картофель, отчасти пшеница и лишь въ нѣкоторыхъ мѣстахъ китайскіе просо (сорго) и маисъ. Здѣсь не воздѣлывается ни рисъ, ни хлопокъ, да и произростаніе ихъ невозможно въ этой области, такъ какъ требуетъ болѣе высокой, средней годовой температуры, чѣмъ существующая въ Амурской рѣчной области и кромѣ того—болѣе теплой зимы. Фауна края весьма богата и разнообразна. Въ приамурскихъ лѣсахъ водятся медвѣди, россомахи, лисицы, соболи, бѣлки, зайцы, кабаны, сѣверные олени, лоси, кабарги и даже тигры. Одинъ изъ первыхъ путешественниковъ сухимъ путемъ съ низовьевъ въ верховья Амура разсказываетъ, что онъ самъ видѣлъ убитаго зимою тигра, поднявшись по Амуру выше устья Уссури. «Въ четвертый день моего пребыванія, явился къ мангу, уссурійскому нойону, гольдъ и, послѣ униженныхъ поклоновъ и привѣтствій, началъ ему съ жаромъ что-то объяснять. Манджуръ, выслушавъ его, быстро вскочилъ и

выбѣжалъ изъ мазанки; я послѣдовалъ за нимъ и что-же увидѣлъ: на дворѣ находилась нарта, а на ней лежалъ убитый тигръ самыхъ огромныхъ размѣровъ. На разспросы мои, гольды отвѣчали, что звѣря этого они убили въ берлогѣ; по ихъ словамъ, тигръ ложится въ ямы на зиму только на полтора мѣсяца. За этимъ послѣдовала не менѣе интересная сцена: тигра внесли въ комнату, поставили къ стѣнѣ на ноги, и затѣмъ всѣ окрестные гольды приходили къ звѣрю, кланялись ему до земли и называли его господиномъ тигромъ. По разсказамъ гольдовъ, тигры больше всего держатся по направленію Хинсана и его главныхъ отроговъ, по обѣимъ сторонамъ рѣки Амура..» Поклоненіе тигру и другимъ большимъ и сильнымъ звѣрямъ у туземцевъ восточной Сибири восходитъ до глубокой древности и принадлежитъ къ главнымъ обрядамъ ихъ шаманскаго вѣрованія, по которому они всякому проявленію силы приписываютъ сверхъестественное значеніе.

Въ лѣсахъ также встрѣчается множество различнаго рода куриныхъ птицъ. Что касается ихтіологической фауны бассейна рѣки Амура, то она мало еще изслѣдована. По ислѣдова-

Видъ на Амурѣ къ западу отъ Хинганскихъ горъ.

ніямъ Дыбовскаго, число извѣстныхъ видовъ въ этомъ, славящемся своими рыбными богатствами, бассейнѣ доходитъ до пятидесяти; но, по его убѣжденію, это число извѣстныхъ видовъ составляетъ не болѣе двухъ третей всѣхъ видовъ, обитающихъ въ бассейнѣ рыбъ; онъ даже высказываетъ мнѣніе, что, при дальнѣйшемъ изслѣдованіи, число видовъ ихтіографіи Амура дойдетъ до цифры, которая превзойдетъ цифру самой богатой фауны европейскихъ рѣкъ, равно какъ сѣверной и средней Азіи. Но и теперь уже она сравнивается съ фауной Днѣпра и Дуная, а при сравненіи ихтіологической фауны Амурской съ прѣсноводной фауной Петербургской губ., оказывается перевѣсъ на сторонѣ первой, такъ какъ въ Амурской фаунѣ 44 вида прѣсноводныхъ рыбъ.

Ихтіологическая фауна Амура вообще имѣетъ весьма своеобразный характеръ; большая часть видовъ, насколько извѣстно, исключительно свойственна этому бассейну; съ фауною Европы только два вида ея тождественны. Характеристическими чертами Амурской ихтіологической фауны слѣдуетъ считать, съ одной стороны—богатство фауны карповыми и лососевыми рыбами, съ другой—бѣдность представителей семейства окуневыхъ рыбъ.

Самыя условія Амурской области не способствуютъ изученію ихтіологической фауны ея водъ. Мѣстные жители занимались издавна лишь звѣринымъ промысломъ и весьма незначительно рыбными,—какъ средствомъ для собственнаго пропитанія. Русское весьма скудное населеніе осѣло здѣсь еще слишкомъ недавно, оно само еще мало знакомо съ природой Амурскаго края вообще, а тѣмъ болѣе—съ рыбами, съ ихъ отличіями, названіями, образомъ жизни,—со всѣмъ тѣмъ, что, благодаря опытнымъ рыбакамъ, значительно можетъ содѣйствовать труду ихтіолога. Кромѣ того, успѣху изученія не благопріятствуетъ отсутствіе правильнаго рыбнаго промысла на Амурѣ. Не смотря на то, что всѣ путешественники много разсказываютъ о большомъ количествѣ рыбъ въ водахъ амурскаго бассейна, все же эти разсказы не даютъ еще должнаго понятія о дѣйствительномъ изобиліи бассейна рыбою.

И при такомъ изобиліи рыбы въ краѣ—полное неумѣніе пользоваться этими богатыми дарами природы. Неудовлетворительность рыболовныхъ сѣтей, неумѣнье приготовить рыбу въ прокъ, недостатокъ соли,—вотъ существенныя препятствія для развитія рыболовнаго промысла. Въ особенности ощутителенъ недостатокъ Амурской страны въ хорошей соли и, по

На Амурѣ.

всей вѣроятности, это отсутствіе хорошей соли долго еще будетъ отзываться на развитіи рыбнаго промысла на Амурѣ и служить тормазомъ для тѣхъ лицъ, которыя пожелали-бы ввести здѣсь большое промышленное рыболовство на подобіе Волго-Каспійскаго.

Такимъ образомъ, вслѣдствіе указанныхъ неблагопріятныхъ условій, рыбная промышленность на Амурѣ имѣетъ въ настоящее время весьма незначительное значеніе. Только немногіе виды рыбъ сдѣлались предметомъ сколько нибудь обширнаго промысла. Такъ кэту и горбушу добываютъ съ цѣлію заготовленія ихъ на зимнее время, а изъ осетра и другихъ цѣнныхъ рыбъ приготовляютъ только рыбный клей и хрящи, для которыхъ жители (преимущественно инородцы) имѣють сбытъ въ Китай. Всѣ же остальные виды богатой амурской рыбной фауны потребляются почти исключительно въ свѣжемъ состояніи на мѣстѣ. Въ этомъ обстоятельствѣ и заключаются причины большихъ колебаній въ цѣнѣ рыбы на Амурѣ, чѣмъ въ другихъ мѣстахъ. Такъ, напр., свѣжую кэту рыбаки отдаютъ по 12 коп. пудъ, и все-таки не находятъ покупателей, тогда какъ соленую кэту зимой продаютъ 4—6 руб. за пудъ; осетровъ и калугъ до восьми и десяти фунтовъ вѣсомъ—по 10 коп. лѣтомъ, а зимой ихъ стоимость басно

словная. Соленая икра, привозимая въ жестяныхъ банкахъ изъ Европы—по 2 руб. за фунтъ, тогда какъ пудъ свѣжей во время лова стоитъ всего 1 руб. Долго еще отсутствіе хорошей соли будетъ служить тормазомъ для развитія рыбной промышленности и для приготовленія въ прокъ рыбныхъ товаровъ, какъ для вывоза рыбы за границу, такъ и въ болѣе отдаленыя мѣстности Дауріи, весьма нуждающейся въ этомъ продуктѣ, такъ какъ въ Дауріи вообще весьма немного рыбы, и въ годы не обильнаго улова рыбы цѣна на нее стоитъ вдвое дороже, чѣмъ на мясо. Рыбная ловля въ то время, когда рѣки не покрыты льдомъ, составлетъ главную отрасль промышленности туземнаго населенія, хотя оно и зимою, при помощи прорубленныхъ во льду отверстій, умѣетъ снабжать себя свѣжею рыбою. У туземныхъ племенъ сѣтей почти нѣтъ, хотя и есть ставныя сѣти, въ которыя плывущая рыба зацѣпляется головой. Раннимъ лѣтомъ они обыкновенно ловятъ каллугу (Accipenser orientalis) и осетра или самоловной крючковой снастью, весьма похожей на употребляющуюся въ Каспійскомъ морѣ, причемъ даже нѣкоторыя названія частей снасти указываютъ на заимствованіе ея отъ русскихъ. На веревкѣ, болѣе или менѣе опущенной въ горизонтальномъ направленіи въ воду, находятся привязанные острые крючки, нанизанные въ довольно близкомъ разстояніи другъ отъ друга. Рыба, проходя между крючьями и зацѣпившись за одинъ изъ нихъ, производитъ движеніе хвостомъ и еще болѣе зацѣпляется за другіе крючья. Время отъ времени рыболовы свидѣтельствуютъ свои удочки желѣзнымъ, прикрѣпленымъ къ палкѣ, крючкомъ, которымъ они вытаскиваютъ изъ воды веревку и убиваютъ рыбу. Другой способъ ловли, также очень распространенный, состоитъ изъ особаго рода остроги, которою также пользуются, когда большой осетръ попалъ на крючковую самоловную снасть, такъ какъ для маленькой, легко разбиваемой лодки, въ которой плаваютъ туземцы, можетъ быть опасно приближеніе къ рыбѣ, сильно бьющей хвостомъ. На концѣ длиннаго деревяннаго шеста или жерди укрѣпленъ шнуркомъ изъ конскаго волоса крюкъ, въ видѣ подковы съ зазубриною, называемый ёлгу. Задній конецъ крюка, просверленный для веревки, удлинняется на подобіе лодочнаго носа и входитъ въ длинную выемку, вырѣзанную на концѣ шеста, черезъ что вышеозначенная оконечность вдвигается въ конецъ выемки, покрытой обвивающею шестъ веревкою и сидитъ тамъ слабо. Какъ только рыболовъ замѣтитъ большого осетра или узнаетъ его мѣсто по поверхности воды, приведенной рыбой въ движеніе, то онъ бросаетъ туда свой шестъ, причемъ вслѣдствіе прикосновенія вооруженнаго крючкомъ конца палки къ тѣлу рыбы, эти крючья выскакиваютъ изъ своихъ желобовъ и впиваются въ рыбу. Веревка, длинною въ нѣсколько саженей, привязанная къ крюку, имѣетъ на свободномъ концѣ своемъ поплавокъ, состоящій изъ большого свертка коры. Поплавокъ показываетъ рыболову, гдѣ скрывается раненая и поспѣшно нырнувшая рыба. Только по ослабленіи осетра, вслѣдствіе потери крови, рыболовъ приближается къ нему на лодкѣ, чтобы вытащить его изъ воды, предварительно хорошенько оглушивъ его ударами большой палки съ толстымъ наконечникомъ.

Гора и селеніе Май на Амурѣ.

Часто можно видѣть манегровъ или орочанъ до устьевъ Кумары, сидящихъ на островахъ

или отмеляхъ на трехъ перекрещенныхъ жердяхъ. На связи ихъ помѣщается манегра или ороченъ, откуда осматривая всю поверхность воды, простирающуюся далеко передъ нимъ, сторожитъ—не увидитъ ли гдѣ осетра, выскакивающаго иногда довольно высоко изъ воды. Подлѣ него стоитъ всегда его «утлый челнъ», въ который онъ тотчасъ садится и спѣшитъ надѣясь заострожить рѣзвящуюся рыбу.

Обыкновенно все приготовленіе рыбы въ прокъ ограничивается незначительнымъ ея посоломъ и вывѣшиваніемъ для просушки на устроенные передъ ихъ юртами подмостки изъ жердей. На нихъ посредствомъ веревокъ и гвоздей развѣшиваютъ рыбу, предназначенную въ прокъ, или же кладутъ ее на особую рѣшетку изъ связанныхъ деревянныхъ палочекъ.

Недостатокъ хорошей соли будетъ служить тормазомъ для развитія рыбной промышленности, т.-е. для приготовленія въ прокъ рыбныхъ товаровъ и для вывоза рыбы за границу и въ болѣе отдаленныя мѣстности.

Изъ всѣхъ водящихся здѣсь моллюсковъ заслуживаетъ особеннаго вниманія жемчужная

Луговая растительность на Амурѣ.

раковина—Anodonta plicata Sol., которая когда-то очень и очень искалась не только на Амурѣ, но и въ верховьяхъ его, въ Забайкальѣ. Вотъ что объ этомъ пишетъ от. Іакинфъ: («Статистическое описаніе Китайской Имперіи, 1842 г., ч. II, стр. 224»). «Въ Манджуріи добываютъ жемчугъ по всѣмъ рѣкамъ, впадающимъ въ Сунгари-улу. Самый крупный имѣетъ около полу-дюйма въ поперечникѣ, а мелкій съ просяное зерно. Добываніемъ его занимаются 59 артелей для Пекинскаго двора и 39 артелей для князей манджурскаго происхожденія. Каждая артель, состоящая изъ 30 солдатъ, должна представить въ продолженіе лѣта, считая съ мая до сентября, 16 жемчужинъ. Симъ образомъ Пекинскій дворъ ежегодно получаетъ 954 обыкновенныхъ жемчужины».

Въ прежнее время жемчугъ добывался еще въ рѣкахъ Аргуни и Шилкѣ (Ононъ), но съ тѣхъ поръ промыселъ этотъ упалъ и въ настоящее время о немъ уже ничего болѣе не слышно въ Забайкальѣ. Но въ Амурской области въ послѣднее время жемчугъ найденъ и, повидимому, въ нѣкоторыхъ притокахъ Селимджы ловля его обѣщаетъ даже хорошіе результаты.

Географическіе предѣлы рѣчной системы служатъ въ то-же время и естественными гра-

ницами Амурской флоры. Предѣломъ Амурской флоры на сѣверо-востокѣ служитъ береговой кряжъ вдоль Охотскаго моря. Такимъ образомъ Ононъ, Ингода, Аргунь съ Шилкою, кромѣ гористаго низовья Аргуни и Шилки, не входятъ въ флору Амурскаго края, такъ какъ она распространяется только по Амуръ и побочныя его рѣки, но не переходитъ областей его притоковъ. Отдѣльныя Области Амурской флоры въ отношеніи древесныхъ породъ можно распредѣлить слѣдующимъ образомъ: 1) Область преобладанія хвойнаго лѣса. Она занимаетъ Хинганское нагорье, обнимающее низовья Шилки и Аргуни и Амуръ до Албазина. Здѣсь произростаютъ также и сѣверныя лиственныя деревья; 2) Область отъ Албазина до впаденія въ Амуръ Зеи, гдѣ въ большомъ количествѣ водится липа, ясень и дубъ; 3) Затѣмъ слѣдуетъ область, простирающаяся до Буреинскаго хребта. Встрѣчающіяся здѣсь рядомъ восточныя и западныя растенія придаютъ ему характеръ пограничныхъ горъ, такъ что по всему Амурском-краю нѣтъ такой смѣси тропическихъ и сѣверныхъ формъ, какъ въ этой мѣстности. Наконецъ луговая область низовьевъ Амура. Здѣсь уже болѣе преобладаютъ злаки, а травы вообще отличаются большою пышностью, но меньшимъ разнообразіемъ видовъ. Кромѣ того, эта луговая степь, почти вслѣдъ за Буринскимъ хребтомъ, особенно же ниже устья Сунгари, отличается тѣмъ, что въ ней почти вездѣ попадаются отдѣльныя взрослыя деревья.

Въ ближайшихъ окрестностяхъ Буреинскаго хребта незамѣтно почти никакой разницы между луговыми степями, лежащими по обѣ его стороны. Изрѣдка только является ильмовая рощица, гдѣ на сырой тинистой почвѣ растетъ мениспермусъ со множествомъ плодовъ. Прозрачный лиственный лѣсъ, украшающій мѣстами невысокія горы праваго берега Амура, состоитъ въ особенности изъ дубовъ и горныхъ березъ; къ нимъ, однако, въ большомъ количествѣ примѣшиваются клены, липы и изрѣдка филодедронъ, а по сѣвернымъ косогорамъ—осины. Въ полутѣни между стволами деревъ, обыкновенно отстоящихъ другъ отъ друга на сажень и болѣе, почву почти исключительно покрываетъ Lespideza bicolos, который во время цвѣта буквально усѣянъ красными цвѣтами; а между ними растутъ травы, вышиною въ пять футовъ, между которыми произрастаетъ масса многочисленныхъ и прекрасныхъ луговыхъ растеній.

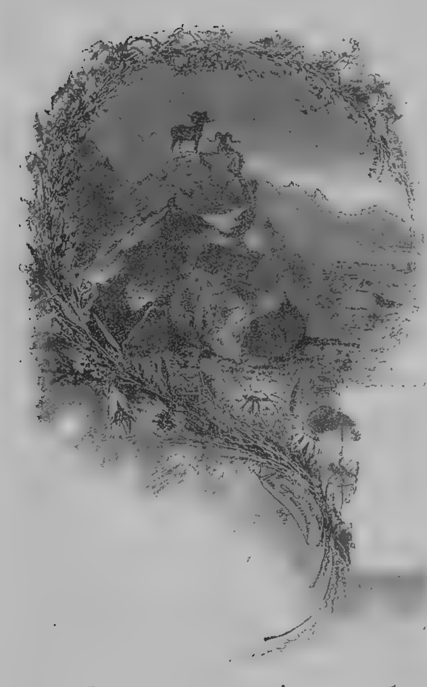
Н. Тарановъ.

Ѣздовая собака.

ОЧЕРКЪ VII.

НАСЕЛЕНІЕ АМУРСКОЙ ОБЛАСТИ.

Туземцы этого края, кочевые и осѣдлые.—Русское земледѣльческое поселеніе и его промыслы.—Благовѣщенскъ.



Спи, дитя!. Въ странѣ изгнанья,
Ты—ей сынъ родной;
Свѣтлый ангелъ упованья
Дремлетъ надъ тобой:
Какъ цвѣтетъ Сибирь родная
Вся цвѣтами сплошь,
Пусть и ты на радость края
Пышно разцвѣтешь!

ОМУЛЕВСКІЙ.

Составъ населенія Амурской области крайне смѣшанный. Лѣтъ двѣсти назадъ, хотя берега Амура и Зеи и были относительно густо заселены, но значительнаго населенія все-жъ таки не имѣли. Къ тому же, все это населеніе раздѣлено было на мелкія владѣнія и не составляло политически сплоченнаго цѣлаго. Каждый городокъ имѣлъ своего владѣтельнаго князька, какъ ихъ величали казаки, власть котораго рѣдко распространялась на вблизи лежащія селенія; а нѣкоторые даурскіе городки имѣли даже по нѣскольку такихъ князьковъ или, точнѣе — старшинъ. Но, вообще, кромѣ этихъ указаній, относящихся только къ даурамъ, мы рѣшительно ничего не знаемъ, какъ о внутреннемъ бытѣ этихъ городковъ, такъ и объ обычаяхъ остальныхъ туземныхъ племенъ: дучеровъ, гогуловъ, ачановъ и гиляковъ. Казачьи отписи объ этомъ умалчиваютъ, а китайскимъ лѣтописцамъ амурскіе дикари были, повидимому, совсѣмъ незнакомы.

Казачьи набѣги заставили, какъ извѣстно, осѣдлое населеніе Амура искать защиты у манджурскихъ властей. Защита эта выразилась двоякимъ путемъ: высылкой войскъ и переселеніемъ дауровъ и дучеровъ на югъ, на берега р. Нонни. Послѣ Нерчинскаго договора долина Верхняго Амура опустѣла надолго, и только манегры и орочоны, спустившіеся сюда съ Станового водораздѣла, бродили кое-гдѣ вдоль береговъ покинутой всѣми рѣки; но дальше, за Зеей, поселенія стали возобновляться уже въ XVII вѣкѣ; такъ, въ 1683 г. основанъ былъ

городъ Айгунъ, а столѣтіемъ позже на берегахъ Амура насчитывалось уже до 35 тыс. жителей.

При вторичномъ занятіи нами края, первое, встрѣченное нами селеніе, было Амба-Сахалянъ (по-китайски—Даш-гэ), расположенное на правомъ берегу Амура, верстахъ въ пяти выше Зеи. Отсюда верстъ на 80, т.-е., до деревни Хормольдженгъ, шло по обоимъ берегамъ рѣки почти сплошное манджуро-китайское населеніе. Но далѣе и справа и слѣва опять тянулись пустынные берега, только изрѣдка оживленные коническими юртами бираровъ или крошечными селеніями гольдовъ... И такъ—до Уссури.

По Айгунскому и Пекинскому договорамъ, хотя граница наша и прошла по Амуру, но лѣво-бережное китайско-манджурское населеніе фактически осталось подъ управленіемъ Айгунскихъ властей. Эти клочки китайской земли въ предѣлахъ Амурской области въ экономическомъ отношеніи такъ тѣсно однако же связаны съ русскимъ населеніемъ края, что оставить ихъ безъ вниманія, значило бы вводить пробѣлъ въ наше описаніе области. Вотъ почему въ настоящей главѣ намъ предстоитъ познакомиться не только съ туземнымъ охотничьимъ населеніемъ края (такъ наз. оленными тунгусами, орочонами, манеграми или мангунами, бирарами и гольдами), но и съ туземнымъ земледѣльческимъ населеніемъ—китайцами и окитаившимися манджурами и даурами, а также съ переселившимися сюда корейцами.

Типы мангуновъ.

Кастренъ выразился однажды, что тунгусовъ можно назвать «дворянами среди инородцевъ Сибири» и Миддендорфъ вполнѣ согласился съ вѣрностью подобнаго заключенія. Онъ не можетъ достаточно нахвалиться ихъ ловкостью и увѣренностью въ движеніяхъ, ихъ стройностью и рыцарскими особенностями характера. Подобное же впечатлѣніе производили они на всѣхъ безъ исключенія путешественниковъ. Тунгусы, пишетъ,—напримѣръ, Миддендорфъ — это положительно горный народъ, пробуждающій въ насъ воспоминанія объ особенностяхъ обитателей нашихъ европейскихъ альповъ. Они обладаютъ извѣстною выправкой, исполнены приличія, ловки, предпріимчивы до отваги, живы, откровенны, самолюбивы, охотники наряжаться, но вмѣстѣ съ тѣмъ закалены физически.

«А между тѣмъ, пишетъ далѣе Миддендорфъ, я не знаю другого народа, у котораго большую часть года жизнь проходила бы такъ уединенно. Каждый чумъ самъ по себѣ отправляется въ лѣсную глушь самыхъ скрытыхъ горныхъ долинъ, предаваясь охотѣ и рыбной ловлѣ. Изъ этого обстоятельства у нихъ развилось и первобытнѣйшаго рода письмо, состоящее изъ знаковъ. Такъ, напримѣръ, въ первобытномъ лѣсу вы встрѣчаете срубленное деревцо, въ зарубкѣ котораго торчитъ стрѣла концомъ внизъ. Это значитъ: «я разставляю луки по близости». Если стрѣла смотритъ вкось кверху, то охотникъ ушелъ далеко. Вѣтка отъ куста, втиснутая одинаковымъ образомъ, указываетъ на присутствіе лица въ самомъ близкомъ разстояніи. Положенный черезъ слѣдъ сучокъ запрещаетъ идти дальше по этому направленію; чурбанъ, положенный на томъ мѣстѣ, гдѣ прежде находился входъ въ чумъ, не позволяетъ или не совѣтуетъ ставить здѣсь чума. Лошадиная голова, нарисованная на снятой съ дерева корѣ, предлагаетъ искать лошадь, пропавшую на мѣстѣ привала, и т. д.»

Въ случаѣ болѣзни или погибели кормильца, иное семейство безпомощно погибаетъ отъ голода. Тунгусы свыклись съ этимъ и на подобнаго рода факты обращаютъ мало вниманія.

Миддендорфъ набрелъ однажды на пустой тунгусскій шалашъ. Онъ узналъ, что не задолго передъ тѣмъ взрослые умерли отъ какой-то болѣзни, оставшіяся же послѣ нихъ дѣти, изъ коихъ старшему было не болѣе семи лѣтъ, исчезли безслѣдно.

Тунгусъ очень подвиженъ. Не повезетъ ему въ одномъ мѣстѣ, онъ отправляется въ другое и подвигается все дальше и дальше, такъ что постепенно забирается иногда весьма далеко, сходясь съ самыми различными племенами. Жизнь тунгуса представляетъ вообще поразительную смѣсь кочеванія съ осѣдлостью. Онъ не опускаетъ случая въ теченіе года побывать въ мѣстахъ, отстоящихъ одно отъ другого болѣе, чѣмъ на тысячу, иногда на двѣ тысячи верстъ, тутъ занимаясь ловлей рыбы, тамъ охотясь на соболя; съ другой же стороны онъ любитъ возвращаться на зиму въ тѣ самыя нагорныя долины, гдѣ онъ не разъ зимовалъ; здѣсь онъ на нѣсколько дней пути ведетъ свои засѣки, разставляетъ ловушки и устраиваетъ ямы; здѣсь же ему уже издавна знакомы и всѣ обычные ходы кабарги, служащей ему главною пищей. Такимъ образомъ жизнь тунгуса слагается совершенно иначе, чѣмъ жизнь такого кочевника, какъ самоѣдъ, напримѣръ, кочеванье котораго изъ года въ годъ ограничивается, такъ сказать, однимъ шахматнымъ ходомъ: на лѣто—къ сѣверу, а на долгую зиму—опять на-

Орочонская юрта.

задъ, къ предѣлу криворослаго лѣса. Въ обоихъ случаяхъ у него одно только жилье—его чумъ. У тунгуса иначе. Лѣтомъ онъ довольствуется шалашомъ изъ бересты, въ болѣе же суровое время года—изъ шкуръ; нерѣдко также строитъ онъ себѣ небольшой постоянный срубъ (ютэнь), на якутскій ладъ, изъ отвѣсно поставленныхъ бревенъ; но онъ никогда не привязывается къ этому дому и, если нужно, тотчасъ же покидаетъ его на нѣсколько лѣтъ, а иногда—навсегда; это его охотничій замокъ, а не жилье съ домашнимъ очагомъ.

Какъ у всякаго охотничьяго народа, у тунгуса немало предразсудковъ и суевѣрій. Въ періодъ охоты онъ ни за что не согласится продать вамъ кабаргу съ головой, соболя съ мясомъ; при сдираніи шкуры съ животнаго не слѣдуетъ въ чумъ вносить свѣжаго снѣга или шагать черезъ разложенный въ немъ огонь—это одинаковымъ образомъ вредитъ успѣху охоты. Не хорошо также класть палку поперекъ тропинки и т. д. Тунгусъ никому не подаетъ огня изъ своего чума и ни за что не станетъ взращивать телятъ дикаго сѣвернаго оленя или лося. Съ такимъ же благовѣніемъ, какъ якутъ, онъ на опасныхъ переходахъ совершаетъ возліянія въ честь злыхъ духовъ и при этомъ выливаетъ иногда даже послѣдній запасъ своей водки.

Вотъ какъ описываетъ Миддендорфъ свое прибытіе въ становище тунгусовъ у Буруканской часовни: «Караванъ нашъ былъ встрѣченъ пальбой изъ винтовокъ. Собравшіеся тун-

гусы салютовали, не смотря на дороговизну и рѣдкость пороха. Это было своего рода покушеніе на мои, тщательно сберегавшіеся, пороховые запасы. Noblesse oblige! Желая положить конецъ безцѣльной, дѣтской пальбѣ, я назначилъ преміи за стрѣльбу зъ цѣль. Лучшіе тунгускіе стрѣлки на сто шаговъ попадали въ четвертушку бумаги довольно мѣтко, но клали при этомъ ружья на подставку. За стрѣльбою въ цѣль послѣдовалъ балъ, причемъ въ срединѣ тунгусовъ разразилось какое-то плясовое бѣшенство энтузіастовъ. Сначала образовался маленькій кружокъ, въ перемежку изъ мужчинъ и женщинъ, въ томъ числѣ и совершенныхъ старухъ. Схватившись за руки, они начали довольно не хитрую пляску, заключавшуюся въ передвиженіи ногъ въ стороны. Вскорѣ, однако, круговая пляска оживилась, движенія обратились въ скачки и припрыгиванія, все тѣло заходило ходуномъ, лица разгорѣлись, восклицанія стали шумнѣе, восторженнѣе. Вскорѣ сбросили сначала полушубки, а потомъ и набедренники (мѣховые штаны). Въ заключеніе всѣхъ обуяло бѣшенство. Зрители то и дѣло срывались съ

Тунгусы.

мѣста и исчезали въ вихрѣ пляшущихъ. «Хурья, хурья! хюгой, хюгой! хӧгюй, хӧгюй! хумгой, хумгой! хакэ, хакэ! эханьдӧ, эханьдӧ! хэрга, хэрга!» и т. под. восклицанія становились все громче... И пляска кончилась только тогда, когда голоса у танцоровъ осипли, а члены перестали двигаться отъ изнеможенія. За этою демонскою пляской послѣдовалъ чай съ пуншемъ; къ стыду нашего общества я долженъ замѣтить, что тѣ-же самые тунгусы, какъ бы преобразились, соблюдали самое сдержанное приличіе: ни малѣйшей необузданности, никто не хваталъ раньше другого, всѣ пили умѣренно, соображаясь съ тѣмъ, чтобы никто не остался въ накладѣ. Затѣмъ настала очередь и рѣчамъ, напомнившимъ мнѣ опять наши европейскія краснорѣчивыя времена. Рѣчи приняли высокій полетъ. И когда я со своей стороны въ прощальной рѣчи указалъ на то, что ихъ страна несмѣтно богата всѣмъ необходимымъ для нихъ и что только по собственной винѣ они могутъ впасть въ долги, а затѣмъ терпѣть и нужду или даже умирать съ голоду, то всѣ громогласно одобрили мою рѣчь. Tout comme ches nous.

Караванъ оленныхъ орочонъ.

У беззаботныхъ тунгусовъ торговля сложилась совершенно своеобразно. Благодаря содѣйствію чрезвычайно ловкихъ якутовъ, охотниковъ поторговать, въ горахъ, въ разныхъ мѣстахъ, образовались регулярно повторяющіеся въ извѣстныя времена съѣзды, обращающіе иногда самые дикіе пустыри въ торговые пункты. Такъ какъ «въ лѣсахъ» не можетъ быть и рѣчи объ опредѣленныхъ дняхъ съѣзда, то торговцы, собираясь сюда, запасаются юртами, въ которыхъ и раскладываютъ свой немногосложный товаръ: масло, сало, желѣзо, желѣзныя издѣлія, свинецъ, порохъ, табакъ, буду (пшено) и нѣкоторые предметы роскоши. Не смотря на всю ихъ незатѣйливость, такія ярмарки торгуютъ иногда на 80 и болѣе тысячъ рублей.

Отсюда проистекаетъ привычка вѣтрениковъ въ теченіе послѣдней трети года странствовать сообща отъ одного торговаго пункта до другого, расходясь кое-гдѣ на пути, чтобы мимоходомъ заняться ловомъ. Такое странствованіе представляетъ непрерывные легкомысленные кутежи, на которые всякій, у кого есть что-нибудь, долженъ вносить свою долю до тѣхъ поръ, пока у него ничего уже болѣе не останется. Но и тогда онъ еще не оставляетъ компаніи и веселиться на счетъ тѣхъ, у кого сохранилось хоть что-нибудь.

Гостепріимство у тунгусовъ развито въ самыхъ широкихъ размѣрахъ. Прошенный или не прошенный, тунгусъ входитъ подъ кровъ незнакомаго или знакомаго—безразлично, садится къ огню, беретъ изъ рукъ или изо рта у хозяина трубку и затѣмъ уже ведетъ себя въ высшей степени скромно. Обычай и приличіе однако требуютъ, чтобы гостю предложили отвѣдать какой-нибудь пищи, и только тогда уже послѣдній принимается за ѣду. Впрочемъ, въ ѣдѣ они очень умѣренны. Тунгуса лучше нельзя угостить какъ жиромъ и затѣмъ мукою; поэтому мука, поджаренная на салѣ или на маслѣ, т.-е., такъ называемый всюду въ Сибири, «саламатъ» кажется ему такою божественною пищею, съ которой ничто не можетъ сравниться.

Главною пищей тунгусовъ служатъ ломти вяленаго мяса кабарги, лося и сѣвернаго оленя. Въ видѣ дессерта подаются иногда лепешки, сдѣланныя изъ высушенной и толченой брусники пополамъ съ рыбьею икрой. Иногда бруснику замѣняетъ черемуха; въ такомъ случаѣ послѣднюю сдабриваютъ масломъ, сплющиваютъ въ тарелкообразныя лепешки и сушатъ передъ огнемъ на жесткихъ, сложенныхъ въ рѣшетку, травахъ. Черемуховую кашу, смоченную въ молокѣ сѣвернаго оленя, иногда замораживаютъ и въ такомъ видѣ употребляютъ въ пищу. Вообще же, послѣдняя проста, крайне однообразна.

Хотя жены тунгусовъ и обшиваютъ своихъ мужей въ обтяжку и щегольски, но все же не такъ нарядно, какъ тунгусы на Нижн. Тунгузкѣ, которые, очевидно, самые большіе щеголи. На сборища женщины, въ особенности же дѣвушки, являются всегда сильно разряженными. Ихъ красныя суконныя юбки обшиваются широкою синею каймой, которая сзади охватываетъ большую прорѣху, служащую отличительнымъ признакомъ народа, ѣздящаго верхомъ. Если юбка дѣлается изъ другого матеріала, то и тогда она обшивается каймой, обыкновенно краснаго цвѣта; иногда, впрочемъ, такая кайма замѣняется и выпушкой, шитою шелками. Вообще же, вслѣдствіе безпрерывныхъ сношеній съ сосѣдними народами, тунгусы, очевидно, успѣли уже потерять свой первоначальный національный костюмъ и усвоили себѣ все, что имъ казалось красивымъ. Ихъ рысьи шапки, отороченныя мѣхомъ росомахи, иногда также кроются краснымъ сукномъ. Наконецъ, замѣчательны также боа, которыя носятъ тунгуски. На полное боа идетъ сотня бѣличьихъ хвостовъ и обходится рублей въ 5. Въ качествѣ украшеній особенную роль играютъ у мужчинъ кисеты, украшенные разноцвѣтными бусами, у женщинъ серьги и серебряныя украшенія для косы въ видѣ, напримѣръ, ажурныхъ футляровъ. Кромѣ того женщина обыкновенно обвѣшана кистями, мѣховыми украшеніями и разными предметами убранства и обихода, какъ, напримѣръ, игольникомъ, коробкой для сѣрныхъ спичекъ, серебряною цѣпочкой отъ трубки и т. д. Вообще, страсть тунгусокъ по этой части доходитъ до того, что онѣ даже сѣвернымъ оленямъ одѣваютъ въ уши нитки, на которыя навѣшиваютъ шелковыя кисти. Монеты играютъ также не послѣднюю роль въ украшеніяхъ: ими обши-

ваются края юбки и другихъ частей одежды. Полушубки мужчинъ имѣютъ весьма странный покрой: они состоятъ изъ двухъ частей: задней, скроенной въ видѣ фрака, и передней—нагрудника, который привязывается вплотную къ фраку, шитому безъ обозначенія таліи; полушубки также не лишены украшеній и нерѣдко обшиваются въ видѣ красиваго узора цвѣтными бусами и шелками.

Въ характерѣ тунгуски слѣдуетъ подозрѣвать болѣе эгоизма, чѣмъ, напримѣръ, у самоѣдки, котарая очень внимательно относится къ костюму своего мужа. Эти же вѣтреницы заботятся только о себѣ и о своихъ любимцахъ—оленяхъ. Дѣтей своихъ онѣ также не окружаютъ особенно нѣжными попеченіями; ихъ одѣваютъ въ обноски, вслѣдстіе чего послѣдніе не выходятъ изъ дыръ.

У изголовья тунгуской люльки вѣшается для успокоенія ребенка погремушка изъ зубовъ сѣверныхъ оленей, соболиныхъ челюстей, да козульихъ копытъ. Ребенокъ лежитъ въ люлькѣ всегда на хорошо высушенныхъ древесныхъ опилкахъ, на которыя только зимою кладется мѣховая подстилка. Люльку иногда качаютъ. При кормленіи дѣтей тунгуски сначала набираютъ кипяченное молоко себѣ въ ротъ, а затѣмъ уже вливаютъ его въ ротъ ребенка. Впрочемъ, обыкновенно матери кормятъ дѣтей своихъ грудью до трехлѣтняго возраста; такъ что нерѣдко сверхъ новорожденнаго являются сосать еще двое старшихъ. Случается даже, что десятилѣтній мальчуганъ, нисколько не стѣсняясь, высасываетъ у матери остатокъ молока, оставленный младшимъ братомъ. Однолѣткамъ для облегченія прорѣзанія зубовъ привязывается къ рукѣ кость сѣвернаго оленя.

Во время самыхъ сильныхъ морозовъ, при которыхъ ртуть замерзаетъ, тунгусы не кочуютъ изъ-за самыхъ маленькихъ дѣтей. Въ случаѣ же крайней необходимости идутъ короткими переходами, причемъ встрѣча покинутаго сруба рѣшаетъ остановку на болѣе продолжительное время. Дѣйствительно, трудно понять, какимъ образомъ крошечныя существа въ состояніи въ этихъ случаяхъ сохранять собственное тепло. Миддендорфу приходилось, напримѣръ, видѣть, какъ во время сильнѣйшей стужи, въ шатрѣ, сквозившемъ, какъ рѣшето, брали иногда изъ люльки голаго ребенка, чтобы согрѣть его передъ огнемъ. При этомъ спина бѣднаго ребенка подвергалась охлажденію до—5°! И, не смотря на это, онъ все же не хотѣлъ возвращаться обратно на свое ложе, умоляюще протягивая оттуда свои голыя ручонки. Иногда ему случалось видѣть, что грудныхъ дѣтей, босыхъ, безъ штанишекъ, въ одной только коротенькой юбкѣ, сажали на холодный полъ передъ огнемъ... И при такихъ-то условіяхъ климата и шалашной жизни ребенку приходится выносить корь!

Въ сравненіи съ суммами, расточаемыми тунгусами на пирушки, цѣны, платимыя ими за женъ, очень умѣренны. Жена входитъ въ домъ мужа не бесприданницей. Кромѣ сѣверныхъ оленей, всякаго домашняго скарба въ видѣ различныхъ издѣлій изъ бересты, она приноситъ въ домъ также и нѣкоторыя цѣнныя вещи, напримѣръ, т. наз. «инъ-юканъ», т.-е. шалашный верхъ изъ замшевыхъ кожъ, который слѣдуетъ цѣнить не ниже 35—40 рублей, а затѣмъ, нерѣдко, и верхнюю одежду будущему супругу. Приданое жены служитъ обыкновенно основнымъ фондомъ, на которомъ строится благостояніе будущихъ супруговъ, такъ какъ у тунгусовъ не въ обычаѣ надѣлять сыновей послѣ женитьбы. Исключенія рѣдки и касаются только самыхъ богатыхъ семействъ.

За круглую сироту выкупъ (калымъ) получаетъ братъ, ближайшіе родственники или же, наконецъ, воспитатель.

Почти все свое время тунгусъ посвящаетъ охотѣ. Ремесло трудное и опасное. Въ самомъ дѣлѣ осмотръ засѣчныхъ проходовъ, ходьба съ горы на гору, въ разъединенныхъ глубокими логами лѣсахъ, нерѣдко по глубокому снѣгу—тяжелая работа. Вотъ почему, не смотря на сильную стужу, доходящую до—40°, тунгусъ не рѣдко бродитъ въ горахъ въ замшевомъ лѣтнемъ кафтанѣ, причемъ, при каждомъ его движеніи, легко видѣть подъ нагрудникомъ совер-

шенно обнаженную грудь. Миддендорфъ думаетъ, что тунгусъ самый закаленный изъ кочевниковъ.

Благодаря дѣятельному образу жизни, тунгусы достигаютъ глубокой старости. Здѣсь нерѣдко встрѣтить 70-ти лѣтнихъ стариковъ въ роли отцовъ грудныхъ дѣтей.

Для пищевого довольствія тунгусъ принужденъ охотиться круглый годъ, но промыселъ пушного звѣря начинается не ранѣе октября, когда звѣрь успѣетъ вполнѣ опушиться.

Орудія охоты у тунгуса очень просты, большею частію изготовляются ими самими, но требуютъ большаго навыка и умѣнья. Древній лукъ уступилъ теперь мѣсто малопульной винтовкѣ (поктыранъ), но онъ и до сихъ поръ еще употребляется при засѣкахъ и другихъ ловушкахъ, изъ коихъ найболѣе употребительная—«бырканъ», отъ слова «быръ», что значитъ—лукъ. Лукъ этотъ, натянутый на дощечку (нотагай), на которой лежитъ стрѣла (нульги), упираясь однимъ концомъ въ тетиву, а другимъ обращенная на тропу, ставится въ сторонѣ отъ послѣдней: а черезъ нее отъ дощечки, удерживающей тетиву, протягивается лошадиный волосокъ (сираль), при малѣйшемъ прикосновеніи къ которому дощечка спадаетъ, а лукъ выбрасываетъ стрѣлу. Стрѣла бываетъ, разумѣется, различной величины, смотря по роду звѣря, на тропѣ котораго поставленъ бырканъ.

На лося, оленя и медвѣдя дѣлаются загороди (конда), на сѣвернаго оленя охотятся при содѣйствіи пріученныхъ къ этому домашнихъ оленей. Собака въ охотничьемъ промыслѣ тунгуса играетъ видную роль; потому она и цѣнится дорого, въ сто и болѣе рублей. Она ведетъ охотника молча, но лаемъ даетъ знать о найденномъ звѣрѣ. Впрочемъ по свѣжему снѣгу тунгусъ всегда одинъ слѣдитъ звѣря—бѣлку, соболя, горностая, лисицу, и убиваетъ первыхъ, загнавши предварительно ихъ на дерево. На медвѣдя тунгусъ зачастую выходитъ или съ рогатиной (гырда), или съ ножомъ (уткаль), такъ называемой «пальмой», состоящей изъ длиннаго лезвія, насаженнаго на рукоятку въ $^{3}/_{4}$ аршина длины. Рогатина въ рукахъ тунгуса — орудіе универсальное: оно служитъ ему топоромъ для проложенія пути черезъ первобытную чащу и для сруба лѣса на топливо, ножомъ для изготовленія самострѣловъ, верховою палкою, когда онъ садится на сѣвернаго оленя, пѣшнею для испытанія и проламыванія льда и т. д. Она для него—самое надежное оружіе, съ которымъ онъ всегда готовъ пойти на встрѣчу любой опасности. Миддендорфъ кое-гдѣ засталъ еще и кольчуги, но уже и тогда онѣ хранились въ семьяхъ болѣе какъ реликвіи, напоминавшія молодому поколѣнію о геройскихъ подвигахъ дѣдовъ, а не для употребленія.

Во время хода кэты и горбуши тунгусы перебираются къ верховьямъ рѣкъ и рѣчекъ, впадающихъ въ Нижній Амуръ; но такъ какъ снаряды для ловли и способъ ихъ употребленія у нихъ тѣ же, что и у жителей Амурской долины, то здѣсь мы и не станемъ касаться особенностей ихъ рыбнаго промысла.

Иногда феноменальное счастье на охотѣ, дѣлающее тунгуса вдругъ богачемъ, значительныя для дикаря суммы денегъ, разомъ попадающія ему въ руки при реализаціи полугодовой добычи, все это воспитало въ народѣ легкомысленное отношеніе къ деньгамъ: какъ искатель на какихъ-нибудь золотыхъ пріискахъ, тунгусъ соритъ ими, когда онѣ у него еще есть, занимаетъ, когда ихъ нѣтъ. Къ тому же и въ заимодавцахъ никогда нѣтъ недостатка: ими являются всѣ якутскіе прасолы. Результатомъ же подобнаго отношенія къ деньгамъ является крайняя задолженность всѣхъ тунгусовъ. Но, что особенно знаменательно, долги тунгусовъ возрастаютъ съ богатствомъ. Выраженіе: «у него 100, 200, 300 рублей долга» равносильно словамъ—«это бѣднякъ!» У состоятельныхъ же тунгусовъ до 2-хъ, до 3-хъ тысячъ долга и послѣдніе считаются богатыми, потому что кредитъ ихъ очень великъ.

Мефистофели-якуты, какъ нельзя болѣе пользуются своимъ положеніемъ. Они доставляютъ въ кредитъ все, что дѣтская душа первобытнаго человѣка проситъ, а затѣмъ подсчитываютъ и, взимая проценты, соболями, затягиваютъ кутилъ въ неоплатные долги, которые вскорѣ и

обращаютъ вольнаго тунгуса въ батрака якутскаго прасола. Тунгусъ утопаетъ въ раздольѣ, наслаждаясь жирною рыбою и жирною дичью; но всего этого ему недостаточно—якутъ долженъ приводить ему на убой лошадей, даурецъ привозитъ свиные окорока, масло и сало. «Еще теперь, пишетъ Миддендорфъ, я вижу передъ собой сладкую физіономію, моргавшіе отъ восторга глаза моего караваннаго вожака, который какъ бы тающимъ отъ удовольствія голосомъ оправдывалъ тунгусовъ, когда меня почти возмутили лакомки, платившіе даурцамъ большія деньги за сметану. «Безцѣнно! вовсе не жалко дать соболя!» говорилъ онъ, причмокивая. Якуты, давая въ долгъ, ничѣмъ не рискуютъ: сынъ отвѣчаетъ за долги отца; поэтому долги переходятъ изъ поколѣнія въ поколѣніе, а съ ними вмѣстѣ и кабала. Къ тому же, по установившемуся обычаю, тунгусъ, разъ задолжавшій у какого-нибудь купца, не имѣетъ права покупать что-либо у другого купца. И заимодавецъ распоряжается имъ, назначаетъ цѣны, кормится его запасами, но съ своей стороны заставляетъ его платить за все, что тотъ возьметъ у него. При такихъ порядкахъ правительственные недоборы—понятны; а такъ какъ они въ общемъ очень значительны, то на это приходится обратить особенное вниманіе мѣстной администраціи. Въ чужѣ жаль такихъ энергичныхъ и развитыхъ людей, какъ тунгусы, которые въ ближайшемъ будущемъ обречены на банкротство, деморализацію и вымираніе! И если они своевременно не будутъ направлены на единственный для нихъ путь спасенія—на занятіе скотоводствомъ, въ особенности же на разведеніе сѣверныхъ оленей, то послѣднее совершится, можетъ быть, скорѣе, чѣмъ думаютъ. Чтобы составить себѣ приблизительное понятіе о доходѣ тунгуса-охотника, мы располагаемъ слѣдующими цифрами: всего инородцевъ въ Амурской области, занимающихся звѣринымъ промысломъ, по губернаторскимъ отчетамъ, 2,800 душъ обоего пола. Считая на долю взрослыхъ охотниковъ $^1/_4$ этого числа, получимъ 700. Взявъ это максимальное число (потому что отсюда не исключены гольды) «ружей», убѣдимся, что на каждаго изъ нихъ приходится около 300 р. въ годъ по слѣдующему расчету; ярмарокъ въ краѣ значительныхъ—4; изъ нихъ на одной Буреинской инородцы продаютъ пушнины на сумму отъ 50 до 65 тыс. руб.; помноживъ меньшую изъ этихъ суммъ на 4, получимъ 200 тыс. или нѣсколько менѣе 300 на ружье. Изъ этого расчета исключены однако суммы, выручаемыя за свои мѣха прибрежнымъ инородческимъ населеніемъ Амура.

Воровство и грабежъ совершенно чужды тунгусамъ. Въ глухой тайгѣ, обитаемой ими, никогда не нарушается миръ и согласіе между ея обитателями. Тунгусы издавна исповѣдываютъ православную вѣру и если они и мало знакомы съ обрядовою ея стороной, то духъ христіанскаго ученія, какъ нельзя болѣе, пришелся имъ по характеру и привился къ нимъ. И утромъ, и вечеромъ, и въ радости, и въ горѣ тунгусъ совершаетъ свою молитву, относится съ величайшимъ вниманіемъ и глубокимъ благоговѣніемъ ко всему тому, что считаетъ христіанскимъ долгомъ и преодолѣваетъ всѣ трудности и препятствія для того, чтобы достигнуть изъ своей глуши до храма, гдѣ онъ, хотя разъ въ годъ, исповѣдуется и причащается или креститъ своего ребенка.

Въ нравахъ тунгусовъ много патріархальнаго. Въ семействѣ отецъ—глава и полный хозяинъ. Но въ отношеніяхъ къ нему жены и дѣтей не замѣчается той рабской зависимости, какая проявляется у орочанъ и гольдовъ. Напротивъ, отношенія отца къ дѣтямъ самыя гуманныя. Многоженство или сожитіе съ наложницами неизвѣстны тунгусамъ. Супружеская вѣрность принадлежитъ къ отличительнымъ чертамъ тунгусской народности. Отецъ является распорядителемъ всего имущества и дохода семьи, но у женатаго сына онъ беретъ только половину его заработка, оставляя другую въ его распоряженіи. Браки заключаются въ возрастѣ отъ 15 до 17 лѣтъ. Размѣръ калыма нынѣ колеблется отъ 15 до 30 оленей, что въ переводѣ на деньги составитъ отъ 380 до 750 руб. и уплата эта производится постепенно. Давленія на выборъ дочери, впрочемъ, отецъ не оказываетъ и предоставляетъ ей свободу принимать или не принимать предложенія. По смерти отца сыновья всегда дѣлятся и тогда уже живутъ от-

Мангуны на Амурѣ.

рознь; при раздѣлахъ дочери ничего не получаютъ, но, если онѣ незамужнія, то остаются на попеченіи одного изъ братьевъ.

Экономическое положеніе тунгусовъ за 45 лѣтъ, протекшихъ со временъ Миддендорфа, т. е., до 1887 г., конечно, не улучшилось, и хотя они не дошли еще до полнаго банкротства и деморализаціи, но болѣе чѣмъ прежде находятся въ кабалѣ у якутскихъ торговцевъ. Долги, и притомъ неоплатные, лежатъ на каждой тунгуской юртѣ: размѣръ этихъ долговъ колеблется отъ 100 до 600 р. на юрту. Подъ тягостью этого долга тунгусъ не можетъ перейти изъ состоянія звѣролова ни къ какому другому экономическому строю, такъ какъ неплатежъ долга, при перемѣнѣ занятій, вызвалъ бы прекращеніе кредита со стороны торговцевъ. Постепенное же погашеніе долга невозможно уже потому, что оцѣнка предметовъ тунгусской добычи и привозимыхъ торговцами предметовъ первой необходимости исключительно зависитъ отъ торговца, смѣло приписывающаго цифру долга, которая, конечно, представляется неоплатною, закабаляя

Самогоры, манджуры и орочоны.

весь трудъ тунгусовъ якутскимъ купцамъ. Для означенія вѣрности расчета у тунгусовъ вошла въ употребленіе дощечка, замѣняющая вексель. На этой дощечкѣ вырѣзываются условныя знаки, обозначающія сумму долга. Послѣ записи такихъ знаковъ, дощечка разрѣзается по поламъ по длинѣ, и одна половина хранится у кредитора, другая у должника. Подлогъ не возможенъ, такъ какъ сложеніе дощечекъ его обнаруживаетъ.

Оправдывается ли предсказаніе Миддендорфа о постепенномъ вымираніи тунгусовъ, мы не знаемъ, потому что о численности ихъ ни въ прошедшемъ, ни въ настоящемъ никакихъ свѣдѣній не имѣемъ и только предстоящая во всей Имперіи перепись можетъ опредѣлить съ достовѣрностью цифру инородцевъ, звѣролововъ Амурской области. Но что при нынѣшнемъ экономическомъ положеніи тунгусовъ постепенное вымираніе ихъ возможно, въ томъ едва-ли можетъ быть сомнѣніе. При полной нищетѣ тунгуса долги у каждаго изъ нихъ превышаютъ стоимость скуднаго имущества, а возможность существованія тунгусской семьи, обусловливаема

исключительно звѣриною и рыбною ловлею, находится въ прямой зависимости отъ двухъ факторовъ: присутствія въ семьѣ достаточной рабочей силы и успѣшнаго годового улова звѣря и рыбы. Очевидно, что смерть или даже продолжительная болѣзнь единственнаго работника юрты (а въ большинствѣ юртъ работники единственные), есть смертный приговоръ для цѣлой семьи. Очевидно также, что неуспѣшный уловъ звѣря въ данномъ году, также лишаетъ семью возможности существованія, а еще пагубнѣе неуспѣшный ловъ кэты, поднимающейся въ неисчислимомъ количествѣ по Амуру и его притокамъ. Между тѣмъ бываютъ годы, въ которые такая неуспѣшность обусловливается какими-либо общими, напримѣръ, климатическими причинами. На звѣря и рыбу бываютъ неурожаи, и въ такомъ случаѣ большой процентъ звѣролововъ-инородцевъ обреченъ на гибель. Но и вообще несомнѣнно, что количество звѣря въ лѣсахъ Амурской области, съ распространеніемъ русской колонизаціи, должно уменьшаться; что же касается до рыбныхъ богатствъ, то и они при безпорядочной, хищнической ловлѣ въ низовьяхъ рѣки могутъ оскудѣвать, если не будетъ принято мѣръ къ урегулированію рыболовства на Амурѣ, подобныхъ тѣмъ, которыя уже приняты на низовьяхъ Волги. Ко всему этому присоединяется еще и ясакъ, который слишкомъ высокъ, да притомъ и взимается безпорядочно. Ясакъ этотъ, отъ 1 до 2 соболей съ юрты, составляетъ, по приблизительному расчету, отъ 15 до 40 р. съ юрты, слѣдовательно, отъ 7 р. до 16 р. съ души м. п., или отъ 18 до 40 р. съ взрослаго работника. Перейдемъ теперь къ другому мѣстному племени—орочонамъ.

Орочонами называется небольшое отдѣленіе оленьихъ бродячихъ тунгусовъ, живущее въ верховьяхъ Амура, внизъ до устья Невира. Многіе даже вовсе не отличаютъ орочонъ отъ тунгусовъ верховій Буреи и Зеи, поэтому все сказанное выше объ этихъ послѣднихъ приложимо и къ орочонамъ.

Амурскіе орочоны раздѣляются на три рода: 1) Булётскій кочуетъ по Амуру и его притокамъ выше и нѣсколько ниже Албазинской станицы, какъ на лѣвой, такъ и на правой, манджурской, сторонѣ Амура. Орочоны этого рода, кочующіе въ китайскихъ предѣлахъ, все-таки считаются русскими подданными и платятъ ясакъ русскому правительству въ Албазинской станицѣ. 2) Кындыгирскій кочуетъ по лѣвой сторонѣ верховьевъ Амура и по притокамъ его: Амазару, Уркѣ и Урячи, въ мѣстностяхъ около селенія Покровскаго, гдѣ и платитъ свой ясакъ. Часть этого рода, извѣстная подъ именемъ Кигирцевъ, кочуетъ по правой сторонѣ Амура, въ китайскихъ предѣлахъ, и вноситъ свой ясакъ въ Албазинской станицѣ. 3) Нинагайскій родъ кочуетъ въ тѣхъ же мѣстахъ, какъ и Булетскій родъ, но только по одной лѣвой сторонѣ Амура и платитъ свой ясакъ въ Албазинской станицѣ.

Орочоны, по свидѣтельству Орлова, были раньше Якутскаго вѣдомства; но перешли въ двадцатыхъ годахъ самовольно на Амуръ и потѣснили съ его правыхъ притоковъ кочевавшихъ здѣсь ранѣе китайскихъ манегровъ. Нинагайцы кочуютъ по притокамъ лѣваго Амура отъ Усть-Стрѣлочнаго караула до р. Невиръ, отъ которой по хребту вверхъ до Янканскаго гольца идетъ грань, отдѣляющая съ востока ихъ земли и звѣроловныя мѣста отъ земель манегровъ.

Орочонъ, какъ и оленій тунгусъ, отличается отъ соплеменниковъ своихъ въ особенности сухимъ тѣлосложеніемъ. Лицо у него смугло, плоско, скулы выдаются замѣтно, подбородокъ выступаетъ впередъ и имѣетъ клинообразную форму, густые волосы на головѣ черные, жесткіе, и носятся различно: мужчины либо отпускаютъ ихъ до плечъ, либо подстригаютъ довольно коротко, въ скобку. Причесываютъ они волосы съ проборомъ на боку или по срединѣ. Дѣвушки и женщины волосъ не стригутъ и причесываютъ ихъ съ проборами по срединѣ, при чемъ дѣвушки заплетаютъ ихъ въ одну косу, спущенную внизъ, а женщины заплетаютъ сзади въ двѣ косы, которыя и свертываютъ вмѣстѣ. Брови рѣдкія. Глаза невелики и прорѣзаны наклонно отъ виска къ носу, темно-каріе, почти черные. Лобъ широкій, низкій, носъ

большею частію короткій и плоскій, ротъ средней величины, губы толстыя, рѣзко очерченныя съ нѣсколько опущенными внизъ углами. Мужчины или вовсе не имѣютъ бороды, или послѣдняя у нихъ очень рѣдка. Голова у орочонъ сравнительно велика, руки длиннѣе обыкновеннаго, ноги короче, искривлены въ бедрахъ нѣсколько кнаружи. Плечи узки, бедра и ступени хорошо развиты. Орочоны не отличаются ростомъ, зато обладаютъ крѣпкимъ тѣлосложеніемъ; особенно же бросаются въ глаза ихъ тонкія конечности.

Одежда у женщинъ и мужчинъ почти одинакова, она состоитъ изъ верхняго платья, доходящаго до колѣнъ, но у женщинъ спускающагося нѣсколько ниже, короткихъ штановъ, доходящихъ до ляжекъ, и штиблетъ, привязывающихся ремешками къ штанамъ. Все это для лѣта дѣлается изъ замши, выдѣланной изъ шкуръ оленя и косули: для зимней—изъ выдѣланныхъ шкуръ тѣхъ же животныхъ, мѣхомъ внутрь или наружу. Лѣтняя обувь состоитъ изъ короткихъ полусапожекъ, стянутыхъ немного выше лодыжки ремнями; зимняя—изъ высокихъ сапоговъ, сшитыхъ изъ кожи ногъ обыкновеннаго или сѣвернаго оленя. Теперь однако не рѣдкость встрѣтить орочона въ русской рубашкѣ и шапкѣ.

Орочоны живутъ въ юртахъ лѣтнихъ и зимнихъ. Юрты ихъ строятся изъ тонкихъ жердей (серенги), которыя укрѣпляются въ землю кругообразно, а сверху сходятся конусомъ и скрѣпляются. Нижній кругъ юрты имѣетъ величину сообразную съ численностію семейства. Лѣтнія юрты прикрываются берестяными полосами (тыга). Полосы приготовляются въ іюлѣ, когда кора деревьевъ еще не бываетъ отсочившеюся. Кору вывариваютъ до тѣхъ поръ, пока она не приметъ мягкости кожи, а затѣмъ уже сшиваютъ въ полосы. Зимою юрты прикрываются полотнищами, сшитыми изъ выдѣланной кожи лося (уль-люнъ).

Главное занятіе орочанъ заключается въ охотѣ за бѣлками, которая даетъ имъ средства запасаться на цѣлый годъ порохомъ и свинцомъ, удовлетворять другимъ незатѣйливымъ потребностямъ и уплачивать ежегодный ясакъ.

Такъ какъ они имѣютъ по немногу оленей и пользуются ими болѣе какъ вьючными животными, то употребляютъ ихъ въ пищу только въ крайнихъ случаяхъ: во время голода, при празднествахъ, похоронахъ и тому подобныхъ случаяхъ. Главною же ихъ пищею являются: лоси, олени, кабарга и косуля. Медвѣдей, которые попадаются имъ въ руки, они ѣдятъ также охотно, хотя и совершаютъ передъ тѣмъ странные обряды. Они также стараются оставить въ цѣлости черепъ этого животнаго, который послѣ трапезы тщательно обвязываютъ берестой и вѣшаютъ на какомъ-нибудь деревѣ въ жертву злому духу. Послѣдній обычай распространенъ и среди тунгусовъ Буреи, Зеи и Амгуни, гдѣ Миддендорфу не разъ приходилось встрѣчать медвѣжьи черепа въ тѣхъ же условіяхъ. Въ выборѣ пищи орочоны вообще не брезгливы и часто употребляютъ мясо павшихъ отъ различныхъ болѣзней животныхъ; но, кажется, они вовсе не употребляютъ въ пищу мясо хорька, лисицы или волка, какъ это въ обычаѣ у ихъ сосѣдей—манегровъ. Лѣтомъ орочоны большею частью питаются рыбой, среди которой осетровыя занимаютъ первое мѣсто. Подспорьемъ являются ягоды: смородина, брусника, рябина, земляника, въ особенности же черемуха, которую сушатъ и заготовляютъ впрокъ на зиму вышеописаннымъ способомъ. Приправой служитъ дико-растущій лукъ—«сонгина». Грибовъ же они не ѣдятъ.

Хотя настоящая охота у орочановъ начинается только тогда, когда замерзнетъ Амуръ, но нѣкоторые начинаютъ ее и нѣсколько ранѣе для того, чтобы успѣть поохотиться на кабаргу и козулю, которыя въ это время легко идутъ на подвой, такъ какъ августъ и сентябрь для нихъ—время течки. Снарядъ, употребляемый для этого (печавунъ), совершенно одинаковъ для козули и кабарги. Онъ состоитъ изъ трехъ-угольнаго, перегнутаго пополамъ кусочка бересты. Положивъ его подъ языкъ, охотникъ очень искусно подражаетъ то голосу самца, то голосу самки. Одновременно приступаютъ и къ устройству засѣкъ (тумбукъ), для которыхъ здѣсь обыкновенно избираютъ пространства, заключенныя между двумя параллельно и близко текущими рѣчками.

Покуда рѣка не покрылась льдомъ, рыбная ловля составляетъ главное занятіе орочона. При этой ловлѣ они употребляютъ между прочимъ снарядъ умыка, сходный съ тѣмъ, который на Волгѣ носитъ названіе «шашковой снасти». Она состоитъ изъ веревки до 30 саженей длины, сплетенной изъ конскаго волоса (крипкина). Къ этой веревкѣ на разстояніи 1 аршина одна отъ другой прикрѣплены на веревочкахъ крючья, снабженные поплавками изъ кусковъ сосновой коры. Къ одному изъ концовъ этого снаряда прикрѣпляются двѣ бичевы: на одну изъ нихъ привязываютъ камень, на другую—значительныхъ размѣровъ поплавокъ, служащій для указанія мѣста, куда опущенъ снарядъ. На глубокихъ мѣстахъ конецъ этотъ бросается въ воду, послѣ чего весь снарядъ, увлеченный теченіемъ, принимаетъ положеніе, параллельное поверхности воды, а прикрѣпленные къ нему крючки получаютъ слегка наклонное положеніе, отчего крупная рыба на своемъ ходу противъ теченія легко на нихъ натыкается. При этомъ способѣ ловли, такъ какъ крючья у всѣхъ инородцевъ Амура—плохіе, на каждую зацѣпившуюся и пойманную рыбу приходятся цѣлыя сотни такихъ, которыя уходятъ израненными и издыхаютъ отъ поврежденій. Чтобы вытащить пойманную рыбу, часто очень большую, употребляютъ багоръ (дыга). «Умыкой» ловятъ осетровыхъ рыбъ только до конца іюня. На калугу же есть еще и другой способъ охоты—острогой; но у орочонъ верховій Амура онъ не въ особенномъ употребленіи, а потому здѣсь мы его касаться не будемъ. Прочіе виды рыбъ: таймени, чебаки, сиги, сазаны, красноперы (Pseudaspius leptocephalus Pall.) и гальяны (Phoxinus) ловяться сѣтями, которыя или покупаются у казаковъ или плетутся изъ конскаго волоса, и неводами. Ловля мордами также извѣстна, но этотъ способъ примѣняется только въ небольшихъ рѣчкахъ.

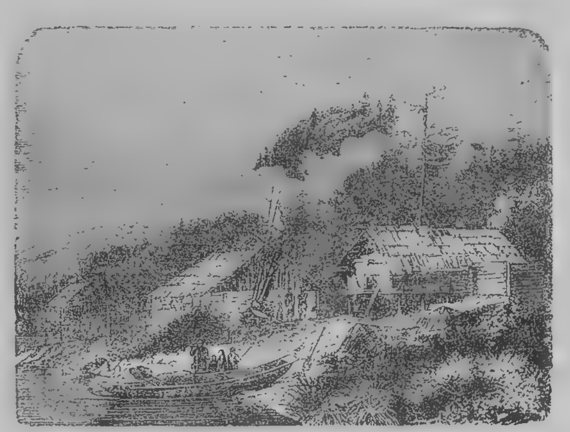
Орочоны чаще другихъ лодокъ употребляютъ, такъ называемыя, «берестянки» (джау). Такая лодка состоитъ изъ легкаго деревяннаго остова, покрытаго снаружи сшитыми одинъ съ другимъ кусками бересты. Швы засмоливаются. На этихъ легкихъ и поворотливыхъ лодкахъ ловкіе орочоны съ большею легкостью подвигаются впередъ противъ сильнѣйшаго теченія, гребя однимъ весломъ, которое представляетъ длинный шестъ съ лопатообразными концами. Въ этой лодкѣ, въ которой рѣдко помѣщается болѣе одного человѣка, орочонъ сидитъ по срединѣ съ поджатыми подъ себя ногами, причемъ подстилкой ему служитъ кусокъ коры, положенной на дно. Иногда у орочонъ встрѣчаются и однодеревки—«баты», на мѣстномъ русскомъ нарѣчіи. Пріобрѣтаюся онѣ у казаковъ.

Въ прежнее время орочоны управлялись князьями, а нынѣ управляются старостами, избираемыми общимъ сходомъ (суглаиомъ) каждаго рода на три года. Старосты эти подчинены станичному управленію того округа, въ предѣлахъ котораго родъ кочуетъ. Кромѣ общихъ административныхъ обязанностей и сбора ясака, на старостахъ лежитъ еще и разборъ мелкихъ споровъ и ссоръ между орочонами, между тѣмъ какъ нѣсколько болѣе важныя дѣла, характера гражданскаго (неисполненіе обязательствъ, несоблюденіе условій товарищеской охоты, раздѣлъ наслѣдства, неисполненіе обязательствъ по уплатѣ калымовъ) и даже уголовнаго (мелкія кражи), разбираются сходомъ (суглаиомъ), руководствующимся обычнымъ правомъ.

Главныя черты обычнаго права орочоновъ заключаются въ слѣдующемъ. Отецъ семейства признается его полновластнымъ господиномъ, но власть его распространяется до выдѣла сыновей и выхода дочерей въ замужество. Замужняя женщина есть главная работница въ хозяйствѣ мужа. Она ходитъ не только за дѣтьми, но и за скотомъ, устраиваетъ юрты при перекочевкахъ, осенью, въ отсутствіи мужчинъ, уходящихъ на охотничьи промыслы, рубитъ дрова и справляетъ всѣ мужскія работы. Имущество, полученное ею отъ родителей по калымнымъ договорамъ, поступаетъ въ полное владѣніе мужа. Мужчина же заботится о средствахъ существованія семьи, добывая ихъ охотничьимъ промысломъ, рыболовствомъ и перевозомъ небольшихъ грузовъ по тайгѣ на своихъ оленяхъ, наконецъ, участіемъ въ развѣдкахъ золотопромышленниковъ. Всѣ орочоны православной вѣры, а потому степени родства признаются

у нихъ, какъ и у русскихъ, какъ по отношенію къ браку, такъ и къ наслѣдству. По смерти орочона опека надъ малолѣтними дѣтьми и роль главы семейства переходитъ на мать, до совершеннолѣтія дѣтей или вступленія ея во второй бракъ. Въ послѣднемъ случаѣ опека надъ дѣтьми переходитъ къ ближайшимъ родственникамъ перваго мужа, а вдовѣ не выдѣляется уже никакой части изъ его имущества.

Возрастъ вступленія орочонъ въ бракъ опредѣляется въ 15 лѣтъ; но опредѣлить возрастъ орочонъ по метрическимъ записямъ очень трудно, такъ какъ ихъ крестятъ иногда черезъ нѣсколько лѣтъ послѣ рожденія. Калымъ за невѣсту родители жениха начинаютъ уплачивать, когда будущимъ супругамъ отъ 8 до 9 лѣтъ. Бракосочетаніе въ православныхъ церквахъ совершается обыкновенно уже послѣ фактическаго сожительства жениха и невѣсты, но родившіяся до брака дѣти признаются законными. Фактически же сожительство жениха и невѣсты начинается по уплатѣ калыма и привозѣ невѣсты ея родными въ жилище жениха. Обрядовъ при этомъ никакихъ не бываетъ и пиршество ограничивается угощеніемъ чаемъ, мясомъ, а иногда и водкою. Самый бракъ совершается послѣ того въ православной церкви, при первой возможности, которая иногда приходитъ нескоро. Новобрачные или остаются въ юртѣ родителей мужа и въ такомъ случаѣ въ полной зависимости отъ домохозяина, или, при возможности, выдѣляются въ особую юрту и тогда уже образуютъ самостоятельное хозяйство. Случается же и наоборотъ, что и женихъ вступаетъ въ семью родителей своей невѣсты. Хоронятъ орочоны своихъ умершихъ по правиламъ православной церкви; но если священника по отдаленности пригласить нельзя, то умершихъ кладутъ въ гробы изъ выдолбленнаго дерева и зарываютъ безъ всякихъ обрядовъ, кромѣ развѣ троекратнаго обхода близкими родными могилы, на которую ставится крестъ или срубъ.


Мангунская деревня.

Уголовныя преступленія между орочонами крайне рѣдки. Воровство находится во всеобщемъ презрѣніи и наказывается, по приговору общества, розгами или изгнаніемъ изъ кочевьевъ; только воровства, совершенныя у русскихъ, вѣдаются обыкновенными судами. Убійства случаются крайне рѣдко и происходятъ только при распряхъ, являющихся послѣдствіемъ похищенія женщинъ (невѣстъ) однимъ орочонскимъ родомъ у другого. Убійства судятся, конечно, по русскимъ уголовнымъ законамъ. Родовой мести у орочоновъ, впрочемъ, не существуетъ. Гражданскія тяжбы очень несложны; споры по охотничьему промыслу разбираются старостами, при участіи нѣсколькихъ сосѣдей, тяжбы же по наслѣдству или неисполненію калымныхъ условій разбираются родовымъ сходомъ.

«Манегры» сами себя называютъ—маняхыръ, у манджуръ—аваньки, въ китайской государственной географіи—э-лунь-чунь. Манегрскія юрты разсѣяны по обоимъ берегамъ Амура, на всемъ протяженіи его отъ Невира до устья рѣки Кумары. Манегры живутъ кромѣ того въ долинахъ Зеи и Кумары, и здѣсь, какъ кажется, ихъ населеніе даже гуще, чѣмъ на Амурѣ. Языкъ ихъ представляетъ мало отличій отъ языка орочонъ. Онъ характеризуется богатствомъ словъ, служащихъ для обозначенія различныхъ видоизмѣненій поверхности суши, что, конечно, происходитъ отъ тѣснаго соприкосновенія съ природой, которое составляетъ необходимое по-

слѣдствіе кочевой жизни этого племени, и въ то же время бѣденъ словами, относящимися къ духовной жизни человѣка. Находясь въ частыхъ сношеніяхъ съ манджурами и даурами, они заимствовали не мало словъ у тѣхъ и другихъ; изъ словъ этого происхожденія особенно многочисленны въ языкѣ манегровъ слова, означающія различныя принадлежности одежды и обихода, предметы роскоши и, наконецъ, нѣкоторые обычаи и обряды, перешедшія къ нимъ равнымъ образомъ отъ этихъ двухъ племенъ.

Въ формѣ лица манегры представляютъ замѣчательныя противуположности: у иныхъ лицо широкое, чисто монгольское; при этомъ маленькій носъ и выдающіяся скулы; у другихъ—и такіе попадаются нерѣдко—лицо овальное, черты благородныя, скулы весьма пропорціональныя, носъ длинный, прямо или немного горбатый. Манегры малорослые, съ тонкими, какъ у орочоновъ, конечностями, составляютъ исключеніе; напротивъ, въ большинствѣ случаевъ это люди крѣпкаго, сильнаго сложенія и средняго или даже высокаго роста.

Зимнія и лѣтнія жилища манегровъ совершенно одинаковы, съ тою только разницею, что послѣднія строятся не такъ плотно, какъ первыя. Эти жилища такія же юрты (джу), въ какихъ живутъ и орочоны. Остовъ каждой юрты состоитъ, смотря по величинѣ семьи, изъ 20—40 жердей, расположенныхъ конусомъ. Основу этого остова составляютъ 6 главныхъ жердей, изъ коихъ 4 расположенны попарно, при чемъ одна такая пара приходится какъ разъ противъ другой. Между жердями одной изъ паръ устраивается дверь. Остальныя жерди располагаются между 6 главными, которыя, ради устойчивости, сцѣпляются между собою своими развилинами. Внутри юрты имѣются еще двѣ перекладины, на которыя вѣшается котелъ; онѣ держатся на четырехъ парныхъ жердяхъ. Впрочемъ, иногда, такія перекладины замѣняются треногой. Юрта обшивается снаружи берестой, играющею вообще очень видную роль въ хозяйствѣ тунгуса; на зиму къ берестѣ присоединяются еще и полувыдѣланныя лосиныя кожи, которыми укутывается преимущественно нижняя часть такой юрты. Дверь завѣшивается полостью, сдѣланною изъ лосиной шкуры или сшитою изъ рыбьихъ кожъ. По серединѣ юрты находится очагъ; отступая аршинъ отъ него, полукружіемъ располагаются лежанки изъ сѣна, прикрытаго мѣховыми ковриками. Каждый изъ членовъ семьи имѣетъ свою собственную лежанку; тѣ изъ нихъ, которыя находятся налѣво отъ входа принадлежатъ старшимъ въ семьѣ; мѣсто, находящееся противъ двери, въ самой глубинѣ юрты, считается почетнымъ и назначено для гостей, надъ нимъ обыкновенно вѣшается кумиръ; его могутъ занимать только мужчины, женщины же, какъ существа нечистыя, на него не пускаются.

Для сбереженія зимнихъ запасовъ, а также и другого имущества, напримѣръ, одежды, манегры устраиваютъ въ лѣсахъ около юртъ особенныя подставки (евланъ, делканъ). Делканъ состоитъ изъ нѣсколькихъ, врытыхъ въ землю кольевъ, 5—7 фут. высотой, на которыхъ и утверждена жердяная настилка; крышей служитъ береста.

Въ одеждѣ манегровъ много позаимствованнаго отъ манджуровъ; и хотя нѣкоторыя ея части все еще продолжаютъ сохранять тунгусскій покрой, но въ общемъ манджурскій элементъ въ ней все же преобладаетъ. Различныя части одежды нерѣдко пріобрѣтаются даже готовыми у торговцевъ или шьются изъ китайскихъ матерій.

Одежда мужчинъ состоитъ изъ спускающагося ниже колѣнъ халата (чамча), который надѣвается прямо на тѣло. Лѣтомъ иногда кромѣ этого платья не носятъ никакого другого, иногда же поверхъ чамчи одѣваютъ еще: декели—безрукавку и короткій кафтанъ—голами. Зимнею верхнею одеждою служитъ манджурскаго покроя шуба—сюпъ, сшитая изъ обращенныхъ мѣхомъ наружу косульихъ шкуръ. Какъ шуба, такъ и чамча подпоясываются жгутомъ изъ тонкихъ ремешковъ или поясомъ изъ конскихъ волосъ. Нижняя часть одежды состоитъ изъ тунгусскаго покроя короткихъ штановъ и штиблетъ. Обувь состоитъ изъ лосиной кожи сапоговъ, одѣваемыхъ лѣтомъ и при томъ только въ сухую погоду, и сапоговъ, съ высокими голенищами, сшитыхъ изъ шкуръ, содранныхъ съ лосиныхъ или лошадиныхъ ногъ; послѣдніе пред-

назначаются для холоднаго времени года. Впрочемъ, у богатыхъ манегровъ появились въ послѣднее время и китайскіе сапоги. Излюбленнымъ головнымъ уборомъ манегровъ являются поярковыя манджурскія шапочки; бѣдные манегры шьютъ себѣ подобныя шапочки изъ подходящаго мѣха. Зимою этотъ головной уборъ замѣняетъ высокая и широкая шапка, подбитая всегда мѣхомъ и крытая либо сукномъ, либо плисомъ; на вершинѣ ея находится пуговка, отъ которой назадъ спускаются двѣ шелковыя или суконныя ленты.

Волосы свои манегры заплетаютъ въ косу, въ которую тѣ, кто побогаче, вплетаютъ еще черные шелковые шнурки для того, чтобы она казалась длиннѣе.

Каждый манегръ, согласно установившемуся среди всѣхъ кочевыхъ и бродячихъ азіатскихъ народовъ обычаю, носитъ на поясѣ кисетъ, мѣшокъ для трубки, огниво, ножъ и проч. Нѣкоторые изъ нихъ носятъ кольца, но почти всѣ имѣютъ браслеты.

Нарядъ женщинъ отличается отъ мужского только тѣмъ, что халаты у нихъ нѣсколько длиннѣе и обшиты украшеніями, которыя или вовсе отсутствуютъ на мужскихъ, или, если и встрѣчаются, то въ исполненіи менѣе тщательномъ. Тоже самое можно сказать, какъ объ обуви, такъ и о головныхъ уборахъ женщинъ и дѣвушекъ. Послѣднія отличаются отъ замужнихъ особаго рода шапочкой и повязкой дербеки, представляющей довольно широкую ленту, вышитую разноцвѣтными бусами и металлическими украшеніями; она идетъ по лбу, охватываетъ косы и закалывается на затылкѣ.

Разныя принадлежности одежды.

Для защиты отъ жара нѣкоторые манегры пользуются вѣеромъ; другіе съ тою же цѣлью, а также и для защиты отъ мошекъ и комаровъ, носятъ остроконечныя шляпы изъ легкой матеріи, спускающіяся до плечъ и такимъ образомъ прикрывающія какъ голову, такъ и шею.

Очень часто манегры женятся на малолѣтнихъ дѣвочкахъ. Въ этихъ случаяхъ жена и въ томъ возрастѣ, въ которомъ еще неспособна къ отправленію супружескихъ обязанностей, живетъ въ юртѣ своего мужа, но въ качествѣ служанки, исполняя всѣ домашнія работы. Такая супруга, покуда не сдѣлается настоящею женою, носитъ на головѣ, служащую знакомъ дѣвичества, повязку—дербеки.

Отъ постоянныхъ сношеній съ китайцами и манджурами, манегры или мангуны утратили уже нѣкоторыя изъ тѣхъ качествъ, которыя дѣлаютъ столь привлекательнымъ характеръ ихъ соплеменниковъ—тунгусовъ верховій Буреи и Зеи. Они лживы и лицемѣрны. Но воровство и у нихъ до сихъ поръ еще—явленіе рѣдкое.

Здѣсь слѣдуетъ упомянуть объ одной очень странной чертѣ ихъ нравовъ — чертѣ, служащей поводомъ къ многочисленнымъ недоразумѣніямъ. Манегръ никогда не скажетъ, какъ зовутъ того или другого изъ взрослыхъ его соплеменниковъ. Если къ нему обратиться съ такимъ вопросомъ: «какъ зовутъ твоего сосѣда?», то въ отвѣтъ всегда получишь: «тотъ, о комъ ты спрашиваешь, сынъ или отецъ такого-то.» Собственаго своего имени онъ также не назоветъ; если же на этомъ станутъ настаивать, то непремѣнно солжетъ. Обычай этотъ не соблюдается только по отношенію къ малолѣтнимъ.

Главное занятіе мужчинъ составляютъ рыбная ловля и охота. Какъ только ледъ на Амурѣ тронется, они тотчасъ же приступаютъ къ ловлѣ осетра и калуги. Эта ловля производится или переметами или, и это чаще, съ помощью остроги (гидда). Она состоитъ изъ тонкой до

4 саж. жердины, къ нижнему концу которой привязанъ короткимъ, но толстымъ шнуромъ большой желѣзный крючекъ съ обращенною назадъ зазубриною около острія. Весьма часто такихъ крючковъ бываетъ два, каждый на особой веревкѣ. Каждый крючокъ имѣетъ на концѣ, противуположномъ острію, небольшой выступающій зубчикъ; этимъ концомъ крючокъ вставляется въ прикрытое сверху жолобкообразное углубленіе, находящееся на нижнемъ концѣ жердины, и зубчикомъ укрѣпляется въ этомъ углубленіи такъ, однако-же, что держится въ немъ очень слабо. Къ нижнему же концу жердины прикрѣплена длинная бичева съ поплавкомъ. Употребляется эта острога различно, смотря по высотѣ воды. Когда она высока, манегры отправляются на ловлю обыкновенно вдвоемъ въ берестянкѣ: одинъ управляетъ лодкой, другой бросаетъ острогу. По легкому волненію на поверхности, они угадываютъ направленіе, взятое

Внутренность Мангунскаго зимника.

рыбой, и гарпунщикъ пускаетъ острогу. Палка, ударившись въ рыбу нижнимъ концомъ, сотрясается, отчего крючки выскакиваютъ изъ углубленій, въ которыхъ лежали, и глубоко впиваются въ рыбу. Рыба, будучи ранена, иногда только легко, начинаетъ метаться во всѣ стороны и рыбаки пускаются за нею въ погоню. При этой погонѣ они подвергаются иногда немалой опасности, потому что огромная, иногда до двухъ саженей рыба, раздраженная ранами, сильно бьетъ хвостомъ и легко можетъ потопить берестянку. Поплавокъ даетъ возможность слѣдить за всѣми движеніями рыбы, которыя постепенно становятся все медленнѣе и медленнѣе. Наконецъ, рыбаки отваживаются подъѣхать къ ней на близкое разстояніе и добить ее окончательно.

При малой водѣ способъ охоты видоизмѣняется. На отмели, если возможно, гдѣ-нибудь

на серединѣ рѣки, устраивается «обсерваторія»—делкенъ, состоящая изъ трехъ, всаженныхъ въ песокъ, кольевъ и настилки. На нее взбирается одинъ изъ рыбаковъ въ то время, какъ другой находится по близости, въ берестянкѣ, и держитъ наготовѣ острогу. «Гиддала калъ!», что значитъ—«бей острогой!» кричитъ первый изъ нихъ, завидя рябь на водѣ и берестянка несется въ указанномъ направленіи, острога бросается, и рыба дѣлается добычей охотника. При этомъ нельзя не изумляться, замѣчаетъ Орловъ, той ловкости и быстротѣ, съ какою манегръ или орочонъ гонятся за рыбою. Но еще поразительнѣе это зрѣлище, когда ему удается ударить рыбу и она начинаетъ бросаться во всѣ стороны, а легкій орочонъ успѣваетъ за нею вертѣться на своей омурочи (т.-е., берестянкѣ).

Хотя, безъ сомнѣнія, охота съ острогой возможна только тамъ, гдѣ водится множество рыбы, но, съ другой стороны, надо отдать и полную справедливость туземцамъ Амура: долговременная и постоянная практика развила въ нихъ замѣчательную быстроту работы безъ про-

Мангунская гробница.

маха; къ тому же и зоркость ихъ имъ значительно помогаетъ. Утверждаютъ, что уссурійскій орочонъ видитъ рыбу на глубинѣ аршина и на разстояніи саженей трехъ отъ лодки. Почти на такомъ же разстояніи онъ бросаетъ свою остроту и почти всегда съ совершеннымъ успѣхомъ.

У манегровъ также въ обычаѣ лучить рыбу, но лучатъ только кэту, заходящую въ Кумару.

Зимою рыболовствомъ занимаются только богатые манегры, которые имѣютъ возможность ставить на Амурѣ заколы. Каждый такой заколъ состоитъ изъ ряда жердей съ переплетомъ изъ ивовыхъ вѣтвей между ними. Онъ опускается на дно поперекъ рѣки черезъ узкую прорубь и имѣетъ своимъ назначеніемъ задержать ходъ рыбы. Въ немъ оставляютъ одно или два отверстія и надъ каждымъ изъ послѣднихъ устраивается на льду небольшая коническая юрта, закрытая со всѣхъ сторонъ шкурами и древесными вѣтвями. По серединѣ юрты надъ отверстіемъ закола вырубается прорубь. Надъ этою-то прорубью и сидитъ рыболовъ, выжидая добычи. Благодаря совершенной темнотѣ въ юртѣ и освѣщенію воды черезъ

окружающій ледъ, каждая выходящая изъ отверстія рыба ясно видна и онъ безъ промаха бьетъ ее своею острогой на выборъ.

Кромѣ берестянокъ манегры имѣютъ еще большія, до 4 саж. длиною, лодки (катука), служащія преимущественно для переселеній съ одного мѣста жительства на другое, а также въ нѣкоторыхъ случаяхъ и для ловли.

Охота послѣ рыбной ловли составляетъ важнѣйшее занятіе манегра. При охотѣ на лося и оленя (Cervus elaphus) въ періодъ течки манегры употребляютъ тонкій, не круто изогнутый деревянный рогъ около $1^1/_2$ арш. длиною: играя на этомъ рогѣ охотники весьма искусно подражаютъ призывному крику самца и такимъ образомъ подманиваютъ къ себѣ животныхъ.

Засѣки (охоръ) на тѣхъ же животныхъ устраиваются такимъ же образомъ, какъ и у орочоновъ и прочихъ тунгусовъ. Разница заключается только въ томъ, что стрѣлы прило-

Гробница мангунскаго шамана.

женныхъ въ проходахъ самострѣловъ принято у нихъ отравлять гнилымъ жиромъ. Отъ этого все мясо убитаго животнаго получаетъ гнилостный запахъ, зато раненое животное падаетъ близко; къ тому же этотъ запахъ не кажется манеграмъ противнымъ.

Работы, приходящіяся на долю женщинъ, у манегровъ гораздо многочисленнѣе, чѣмъ лежащія на мужчинахъ. Мужчины не знаютъ никакихъ домашнихъ работъ; они только ловятъ рыбу, охотятся, да ѣздятъ, и то недалеко, по торговымъ дѣламъ. Женщины же рубятъ и носятъ дрова, устанавливаютъ юрту, изготовляютъ различныя части одежды и конской сбруи и плетутъ сѣти, на ихъ же обязанности лежитъ выдѣлка кожъ и приготовленіе берестяныхъ листовъ. Лошади также всецѣло находятся на ихъ попеченіи. Когда манегры отправляются въ какую-нибудь поѣздку, ихъ жены должны поймать, осѣдлать и навьючить лошадей, а когда они воротятся—разсѣдлать, стреножить и поставить на пастбище.

Изъ домашнихъ животныхъ манегры держатъ только лошадей и собакъ.

Орочоны и оленные тунгусы, хотя и шаманятъ, но все же числятся православными;

манегры же даже наружно остаются язычниками, и шаманы по-прежнему играютъ въ ихъ жизни довольно видную роль.

«Только по сохранившемся у манегровъ преданію,—пишетъ Маакъ,—знаемъ мы, что въ прежнія времена мѣсто лошадей у нихъ заступали сѣверные олени и что, слѣдовательно, это племя вело когда то другой образъ жизни». Академику Шренку удалось съ извѣстною точностію опредѣлить это время. «Первое извѣстіе о манегирцахъ,—пишетъ онъ,—относится къ XVII ст.». Въ 1647 г. промышленникъ Вижевцовъ показалъ, что, занимаясь промысломъ, онъ провелъ оба предшествовавшіе года на Тунгирѣ (прит. Олекмы), куда, между прочимъ, приходили къ нему три тунгуса «Манагири», ходящіе ежегодно на оленяхъ до Шилки (Амура) по маршруту: Тугиръ, Нюкжа, Уръ, т.-е., Урканъ. Нѣтъ сомнѣнія, что за Амуръ, на Кумару, они переселились уже послѣ заключенія Нерчинскаго договора и тогда же перешли отъ

Типы гольдовъ.

оленя къ лошади, въ чемъ косвенно убѣждаетъ насъ и государственная географія Китая, смѣшивающая орочоновъ и манегровъ подъ общимъ названіемъ «оленный народъ», т.-е., «голунчунъ» (Pauthier, «Chine moderne» I, p. 168) или «э-лун-чунъ» (Іакинфъ, l. c.). Нѣсколько ранѣе манегровъ на Амуръ переселились бирары, къ которымъ мы и переходимъ теперь.

Древнѣйшія извѣстія о бирарахъ относятся ко времени перваго похода русскихъ на Амуръ подъ начальствомъ Пояркова. По своемъ возвращеніи, онъ въ 1646 г. доносилъ, что на Бряндѣ онъ встрѣтилъ оленныхъ тунгусовъ—Уллагири и въ устьѣ Ура оленныхъ же тунгусовъ—Баягири; но что, кромѣ этихъ тунгусовъ, по собраннымъ свѣдѣніямъ, въ верховьяхъ рѣки Силимбы (т.-е., Селимджы) живетъ еще одно многочисленное тургусское племя—«Биралы». 35 лѣтъ спустя, былъ посланъ изъ Нерчинска на Зею и Селимджу Игнатій Миловановъ, который донесъ: «съ малыми силами брать ясакъ съ тунгусовъ-бираровъ нельзя, да къ тому же за ясакомъ къ нимъ уже наѣзжаютъ даурскіе люди».

Поярковъ называлъ бираровъ «оленными» тунгусами, Миловановъ описываетъ ихъ уже «конными». Сопоставляя эти извѣстія, Шренкъ приходитъ къ тому заключенію, что въ 35-лѣтній періодъ бирары успѣли превратиться изъ оленныхъ въ конныхъ кочевниковъ, но выводъ этотъ намъ кажется сомнительнымъ.

Свѣдѣнія, которыя мы имѣемъ о бирарахъ, очень скудны. Границы ихъ перекочевокъ въ точности указаны быть не могутъ; вообще же слѣдуетъ сказать, что они живутъ по Бурсѣ и на Амурѣ, гдѣ ихъ коническія тростниковыя юрты уже не стоятъ одиноко, но образуютъ селенія, окруженныя огородами. Впрочемъ, ихъ главными занятіями все же остаются рыбная ловля и охотничій промыселъ. По языку они стоятъ очень близко къ манеграмъ, по тѣлосложенію напоминаютъ болѣе манджуровъ, чѣмъ орочоновъ. Равнымъ образомъ въ нравахъ, въ обычаяхъ и въ одеждѣ бирары представляютъ много общаго со своими западными сосѣдями, т.-е. окитаившимися даурами и манджурами. Что же касается охоты и рыбной ловли, то въ этомъ отношеніи они нисколько не отступили отъ правилъ общепринятыхъ у тунгусскихъ племенъ.

Гольдъ—мужчина.

Къ востоку отъ Буреинскихъ горъ, по Амуру и его притокамъ, живетъ тунгусское племя, извѣстное у насъ подъ именемъ «гольдовъ», отождествляемыхъ Шренкомъ съ «натками» и «ачанами» русскихъ казаковъ, «кеченгами», «хедженами» и «хейдзинами» китайскихъ писателей. Разбирая происхожденіе слова «гольдъ», которымъ ни одно изъ отдѣленій этого племени себя не называетъ, Шренкъ приходитъ къ такому заключенію, что русскіе передѣлали его изъ гиляцкаго Tscholdok, Tscholdoch (чольдокъ, чольдохъ). Въ настоящее время гольды распадаются на три отдѣленія: «киленовъ» или «кыленовъ», живущихъ по Сунгари и Амуру выше Хабаровска, «ходзовъ», или «ходзеновъ» по Амуру ниже этого города и «мангу» по Уссури. Между этими тремя отдѣлами существуетъ не большая разница въ одеждѣ и нравахъ, и очень большая въ языкѣ, что, по мнѣнію Шренка, объясняется историческими судьбами этого племени. Во времена Хабарова по Амуру, между устьями Сунгари и Уссури, гольдовъ не было. Здѣсь жили дучеры, остатки нѣкогда могущественнаго народа чжурчженей, царствовавшаго въ Сѣверномъ Китаѣ подъ именемъ династіи Гинь. Послѣ паденія царства Гинь, дучеры удалились на сѣверъ и поселились въ земляхъ гольдовъ—по Амуру, между Буреей и Уссури. Съ появленіемъ же здѣсь казаковъ, они повинуясь приказаніямъ изъ Пекина, оставили свою новую родину и ушли на Сунгари. Такимъ образомъ, гольды, послѣ продолжительнаго разъединенія, въ концѣ XVII в. снова получили возможность перебраться на излюбленные ими берега южной Амурской дуги; но они, явились сюда уже не тѣми, какими были, когда вышли отсюда: вліяніе съ одной стороны манджуровъ, съ другой — гиляковъ сказалось прежде всего на ихъ языкѣ, и въ настоящее время мамгу или киленъ съ трудомъ понимаетъ ходзена.

Гольды скорѣе могутъ быть отнесены къ осѣдлому, чѣмъ бродячему населенію, хотя они мало привязаны къ мѣсту своего жительства. Пока всѣ условія избранной мѣстности хороши, гольды не покидаютъ ея, но чуть измѣнились послѣднія въ худшую сторону, они перебираются на новыя мѣста, безъ сожалѣнія бросая на произволъ судьбы свои фанзы.

Гольды ниже средняго роста, съ широкою, плоскою физіономіей и приплюснутымъ носомъ, толстыми губами, монгольскимъ разрѣзомъ глазъ и выдающимися скулами; волосы у

нихъ на головѣ жесткіе, черные, на лицѣ часто русые и въ то же время очень рѣдкіе. Всѣ гольды худощавы, но мускулисты. Кисти ихъ рукъ и ступни ногъ малыя. Мужчины заплетаютъ волосы въ косу; женщины носятъ обыкновенно двѣ косы, а дѣвушки нерѣдко распускаютъ волосы по плечамъ.

Какъ мужчины, такъ и женщины носятъ на пальцахъ рукъ серебряныя или костяныя кольца, а на рукахъ серебряные или желѣзные браслеты. Женщины сверхъ того носятъ въ ушахъ серьги съ нѣсколькими подвѣсками, состоящими преимущественно изъ разноцвѣтныхъ стеклянныхъ и изрѣдка каменныхъ колецъ. Нерѣдко встрѣчаются также франтики съ одною или нѣсколькими серебряными сережками, продѣтыми черезъ ноздри.

Одежду гольдовъ, какъ мужскую, такъ и женскую, составляютъ: бумажная нижняя рубаха китайскаго покроя, называемая «кахара»; штаны китайскаго покроя («фуру»), подвязываемыя на ногахъ широкою тесьмой («туйба»); длинная верхняя рубаха («покто») изъ цвѣтной китайской дабы, украшенная шитьемъ или обшивкой; куртки изъ сыромяти или рыбьей кожи, взамѣнъ которой иногда одѣвается и подбитая ватой курма; ватные китайскіе наколѣнники («каро»); такіе же кожанные наколѣнники («уика»); теплая изъ косульяго мѣха куртка, шерстью вверхъ; гольдская шапочка («аго») и обувь («ута»). Послѣдняя представляетъ родъ туфель безъ подошвъ; ее носитъ почти все казачье населеніе на Уссури подъ названіемъ «олочъ». Для зимы эти олочи шьютъ изъ рыбьей кожи, а для лѣта—изъ кожи дикаго кабана. Въ лѣтнее время для предохраненія себя отъ, такъ называемаго, гнуса (мошка, комары, слѣпни, оводы и проч.), гольды одѣваютъ на голову особаго покроя капюшонъ, совершенно сходный съ капюшономъ нашихъ монахинь, причемъ не закрытыми остаются только носъ, ротъ и глаза.

Гольдская женщина.

Обыкновенно гольды живутъ въ глинобитныхъ постройкахъ, въ миніатюрѣ напоминающихъ китайскую фанзу, рѣже, какъ напримѣръ, по Тунгуру,—въ китайскихъ юртахъ, выстроенныхъ, повидимому, по образцу, сходному съ общепринятымъ у народовъ тунгусскаго племени.

Жизнь гольда обыкновенно протекаетъ такъ: весною, если рѣка уже вскрылась отъ льда, мужчины встаютъ раньше женщинъ, съ разсвѣтомъ садятся въ свои оморочи и отправляются бить рыбу острогой, ловить ее сѣтями или осматривать переметы со снастями для лова осетровъ или калуги. Женщины, вставши, въ свою очередь принимаются за работу,— варятъ пищу (рыбу) одновременно, но въ разныхъ котлахъ, себѣ и собакамъ.

Гольды питаются преимущественно мясомъ дикихъ звѣрей, козуль, изюбрей, лосей, медвѣдей, дикихъ кабановъ и пр., а также—рыбой. Мучной пищи употребляютъ очень мало; напримѣръ, семейство гольда, состоящее изъ шести лицъ, потребляетъ въ теченіе года около 20 пуд. буды (проса) и 20 п. майцзы (пшеничной муки); да и это количество нельзя принимать за норму, такъ какъ далеко не всѣ гольды въ состояніи пріобрѣтать покупкой подобное количество хлѣба. Соли употребляютъ очень мало, за то овощей ѣдятъ много. При каждой почти фанзѣ имѣется огородъ, въ которомъ разводятъ кукурузу, тыквы, китайскую капусту, рѣдьку, лукъ, перецъ, чеснокъ и бобы. Лѣтомъ и въ особенности осенью, когда созрѣваетъ виноградъ, дикія яблоки и голубица, гольды ѣдятъ эти ягоды въ большомъ количествѣ, а виноградъ варятъ до тѣхъ поръ, пока не получится густая, кисло-сладкая масса, хорошо со-

хранящаяся въ прокъ. Виноградъ въ мѣстностяхъ, занятыхъ гольдами Амурской области, не растетъ, но за то здѣсь взамѣнъ его гольды въ изобиліи находятъ клюкву, морошку, рябину и другія произведенія сѣверныхъ странъ.

Жилище гольдовъ.

Осмотрѣвъ рыболовныя снасти и наловивъ рыбы, гольды возвращаются домой и вмѣстѣ съ семьей принимаются за ѣду. Ѣдятъ палочками изъ деревянныхъ чашекъ. Каждый членъ семьи имѣетъ свою отдѣльную чашку. Послѣ ѣды мужчины снова отправляются на добычу рыбы или занимаются работами по исправленію лодокъ и рыболовныхъ принадлежностей, въ чемъ имъ помогаютъ и женщины, на долю которыхъ выпадаетъ обыкновенно не мало работы; такъ, онѣ обязаны: чистить и приготовлять въ прокъ рыбу (юкола), выдѣлывать звѣриныя и рыбьи кожи, шить одежду и обувь, украшать узорами и всевозможнаго рода вышивками, какъ первую, такъ и такіе предметы, какъ кисеты для табака, напримѣръ, и проч. Во второй разъ въ теченіе дня ѣдятъ около полудня, въ третій—вечеромъ.

Если по близости жилища много звѣря, то мужчины ходятъ и на охоту. Гольды охотятся съ ружьями; на такого-же звѣря, какъ тигры или медвѣдь, кромѣ того берутъ еще и копье. У всѣхъ гольдовъ имѣются сибирскія малокалиберныя винтовки; китайскихъ же фитильныхъ ружей они вовсе не держатъ.

Гольдъ южно-уссурійскаго края.

Лѣтомъ большая часть гольдовъ оставляетъ свои фанзы и перебирается на мѣста, изобилующія рыбой и звѣремъ, гдѣ и располагается въ юртахъ, сдѣланныхъ изъ камыша и бересты. Съ наступленіемъ осени, когда по Амуру и его притокамъ начинается ходъ кэты, для гольдовъ наступаетъ время самой напряженной дѣятельности; тѣмъ болѣе, что одновременно съ ловлей красной рыбы и изготовленіемъ изъ нея юколы для себя и собакъ, ведется обыкновенно и охота на изюбря, лося и сѣвернаго оленя, если, разумѣется, таковые водятся по сосѣдству. По окончаніи лова красной рыбы большинство мужчинъ отправляется на енотовый и соболиный промыслы, продолжающіеся съ поздней осени до конца зимы. Какъ енотовый, такъ и соболиный промыслы производятся главнѣйшимъ образомъ при помощи собакъ, составляющихъ главную основу хозяйства гольдовъ.

Гольды усиленно курятъ табакъ, и этимъ занимаются не только мужчины и женщины, но даже и дѣти.

Появленіе на свѣтъ ребенка, женитьба и похороны сопровождаются у нихъ празднествами, выражающимися главнымъ образомъ въ пьянствѣ.

Когда родится ребенокъ, то на другой день послѣ родовъ собираются родственники и знакомые, ѣдятъ, что успѣли въ ихъ ожиданіи наготовить, и пьютъ хан-шинъ, т.-е., китай-

скую водку. Если рождается мальчикъ, то хан-шина пьютъ больше: родители испытываютъ большую радость и угощаютъ щедрѣе. При выдачѣ дочери замужъ обыкновенно выкупа не берутъ, ограничиваясь взаимными не большими подарками. Послѣ родовъ женщина лежитъ день или два, а на третій встаетъ, хотя и увольняется отъ всякихъ работъ по дому и по хозяйству на срокъ около недѣли. Впрочемъ, гольды считаютъ, что та женщина хороша, которая на 3-ій, на 4-ый день послѣ родовъ можетъ уже исполнять всѣ работы.

Всякая женщина считается нечистою послѣ родовъ въ теченіе $1^1/_2$ мѣсяца. Въ продолженіе этого періода она ѣстъ и пьетъ изъ отдѣльной чашки, и никто другой, даже мужъ ея, не только не ѣстъ изъ послѣдней, но даже и не прикасается къ ней. Чашка эта, а вмѣстѣ съ ней и вся одежда, которую женщина носитъ въ это время, считаются нечистыми и выбрасываются вонъ по окончаніи періода очищенія.

Обрядъ сватовства происходитъ такъ. Когда мальчику исполнится 14—15 лѣтъ, для него подыскиваютъ невѣсту, если таковая не была назначена ему въ дѣтствѣ. Когда невѣста намѣчена, отецъ жениха посылаетъ кого-нибудь изъ родственниковъ или знакомыхъ къ отцу невѣсты сказать, что у такого-то есть сынъ такой-то,—не отдадутъ-ли поэтому тѣ за него свою дочь такую-то. Въ случаѣ согласія отецъ жениха идетъ въ домъ невѣсты для переговоровъ. Назначается день, созывается родня и знакомые, которымъ и устраиваютъ пиръ въ домѣ родителей невѣсты. Послѣ пиршества новобрачныхъ уводятъ въ фанзу родителей жениха, гдѣ празднество продолжается и длится иногда болѣе недѣли. Отецъ жениха обязательно даритъ матери невѣсты серьги, а молодой—новую одежду; кромѣ того происходитъ взаимный обмѣнъ подарковъ.

Гольдъ Маріинскаго округа.

Гольды могутъ имѣть произвольное число женъ, но въ рѣдкихъ случаяхъ пользуются подобнымъ правомъ. Первая жена считается старшею.

Когда гольдъ умираетъ, то трупъ его кладутъ въ гробъ, сколоченный изъ кедровыхъ досокъ, на ложе изъ стружекъ, затѣмъ послѣдній зарываютъ въ землю на глубину около 2-хъ четвертей. Поминки заключаются въ слѣдующемъ: въ фанзѣ на почетномъ мѣстѣ стелется цыновка, на которую и укладываются всѣ вещи покойнаго до шапки и трубки включиельно; ежедневно на это мѣсто ставится пища и нѣсколько разъ въ день набивается табакомъ и зажигается трубка. Подобныя поминки продолжаются въ теченіе одного года. У зажиточныхъ гольдовъ собирается на похороны до 50 и болѣе душъ, пьянствуютъ по цѣлымъ недѣлямъ и выпиваютъ иногда 2—3 ящика хан-шина, т.-е., отъ 10 до 15 ведеръ.

Гольды живутъ семействами. Отецъ есть глава семьи. Сыновья живутъ при немъ; только въ рѣдкихъ случаяхъ сынъ отдѣляется отъ отца при жизни послѣдняго. Послѣ же его смерти, если братья не раздѣлятся, то старшій становится главою семейства. Обыкновенно, однако, они раздѣляются. Старшій въ семьѣ пользуется неограниченною властью.

О числѣ живущихъ въ Амурской области гольдовъ мы не имѣемъ свѣдѣній.

Въ предѣлахъ изучаемаго края осѣдлое инородческое населеніе разселено въ двухъ мѣстностяхъ: къ востоку отъ Благовѣщенска до станицы Низменной и въ селѣ Благословенномъ—къ востоку отъ Буреинскаго кряжа.

Въ окрестностяхъ Благовѣщенска живутъ не подвѣдомственные нашему управленію китайцы, дауры и манджуры, въ селеніи Благословенномъ—принявшіе подданство, а съ нимъ вмѣстѣ и православіе, корейцы.

Дауры и манджуры, которыхъ меньшинство до такой степени окитаились, что ни по языку, ни по обычаямъ, ни по костюму, наконецъ, они существенно не разнятся отъ природныхъ китайцевъ. По первой статьѣ Айгунскаго договора вопросъ о томъ, въ чьемъ подданствѣ должны оставаться лѣвобережные манджуры, разрѣшенъ былъ въ томъ смыслѣ, что они должны оставаться китайскими подданными. Графу Муравьеву, безъ сомнѣнія, было важно добиться у китайскаго правительства главнаго—укрѣпленія за Россіей Амура; подобный же частный вопросъ—ничтожный по сравненію съ грандіозною задачей, положенною въ основу всѣхъ дѣйствій этого государственнаго человѣка, былъ совершенно основательно оставленъ имъ временно безъ вниманія. Онъ твердо вѣрилъ, что, съ разрѣшеніемъ главнаго вопроса, частности, такъ или иначе, будутъ легче улажены. При заключеніи Пекинскаго договора графъ Игнатьевъ, говоря въ ст. I-ой о новой границѣ Россіи, въ такихъ выраженіяхъ редактировалъ ея заключительныя строки: «Если бы въ вышеозначенныхъ мѣстахъ оказались поселенія китайскихъ подданныхъ, то Русское Правительство обязуется оставить ихъ на тѣхъ же мѣстахъ и дозволить попрежнему заниматься рыбными и звѣриными промыслами». Такимъ образомъ Пекинскій договоръ «разъяснилъ» I ст. Айгунскаго договора въ благопріятномъ для Россіи смыслѣ, т.-е. въ смыслѣ признанія земель, занятыхъ манджуро-китайскимъ населеніемъ на лѣвомъ берегу Амура, русскою государственною территоріею, съ обязательствомъ только не препятствовать китайскимъ подданнымъ, поселившимся на этой территоріи до заключенія трактата, пользоваться тѣми угодьями, которыми они пользовались но этого заключенія.

Гольды на Амурѣ.

Переходимъ къ обзору современнаго положенія этого автономнаго населенія области.

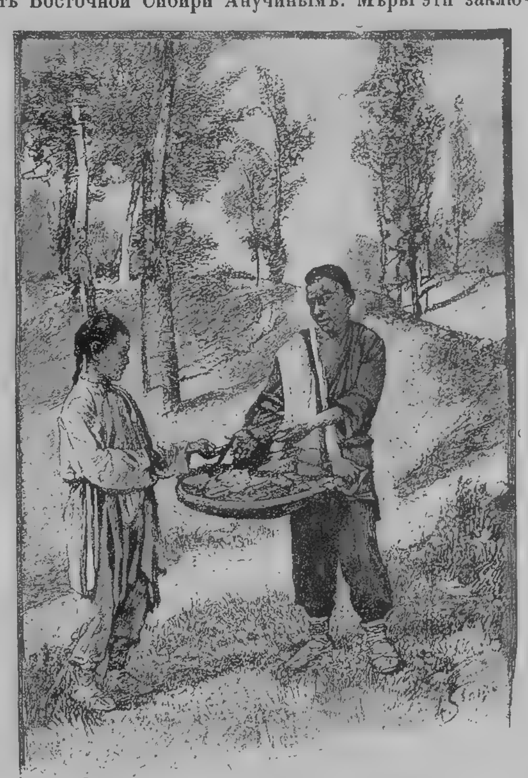
Оно занимаетъ пространство по берегу Амура протяженіемъ на 66 верстъ, а въ глубину страны распространяется населенными пунктами и разработанными землями не данѣе 20 верстъ; въ общей же сложности занимаетъ площадь, равную, приблизительно, 1,400 кв. верстамъ.

Изъ 63 манджурскихъ поселковъ въ 1883 году только 37 имѣли характеръ селеній, остальные поселки были фанзы, то-есть, заимки, стоящія или сгруппированными въ количествѣ отъ 2-хъ до 4-хъ, или обособленно.

Остальные-же 26 поселковъ не болѣе, какъ отдѣльныя фанзы.

Во всѣхъ перечисленныхъ 37 селеніяхъ и 26 хуторахъ, по обстоятельному исчисленію въ 1883 году было: 1266 дворовъ съ 13,923 жителями об. п.; у нихъ рабочаго скота 5,390 лошадей и 4,008 быковъ.

Вообще, низменность между нагорною террасою и Амуромъ, отъ устья Зеи до поселка Низменнаго, находилась до 1885 г. въ ненарушимомъ пользованіи обитателей манджуро-китайскихъ поселковъ, и только въ свободныхъ между китайскими селеніями промежуткахъ жители Благовѣщенска и нѣкоторыхъ селеній русской Гильчинской волости пользовались безпрепятственно покосами, причемъ, собственно на этой площади, никогда не возникало споровъ между китайскими подданными и русскими. Другое дѣло на подгорной террасѣ. Здѣсь манджуро-китайцы постоянно стремились къ захватамъ и старались распространить свою территорію вглубь страны, чему способствовало расположеніе 9 китайскихъ селеній на окраинѣ подгорной террасы. Конецъ этимъ захватамъ положилъ рядъ разумныхъ и энергичныхъ мѣръ, принятыхъ въ 1884 году генералъ-губернаторомъ Восточной Сибири Анучинымъ. Мѣры эти заключались, во-первыхъ, въ правильномъ обмежеваніи земель, предоставленныхъ русскимъ правительствомъ въ пользованіе китайскихъ подданныхъ на лѣвомъ берегу Амура. Количество ограниченныхъ такимъ образомъ земель, вмѣсто предполагавшихся прежде 145,800 дес., составило всего только 108,000 дес., на которыя собственно и признаны были права манджуро-китайцевъ. Межи пройдены плугами въ двѣ глубокія борозды, мѣстами устроены межевыя ямы, но межевыхъ столбовъ нельзя было поставить по полному отсутствію въ этихъ мѣстахъ лѣса. Практическія затрудненія встрѣтились только на пади Алинь, то-есть, тамъ, гдѣ манджурскіе захваты глубже всего вторглись въ простирающуюся по нагорной террасѣ русскую территорію. Тутъ пришлось отрѣзать у манджуръ нѣкоторыя пашни ихъ недавняго захвата. Граница прошла вблизи проведенной генералъ-губернаторомъ на подгорной террасѣ дороги и телеграфной линіи, причемъ и всѣ станціи были, конечно, выстроены на русской территоріи и предписано было избѣгать постановки телеграфныхъ столбовъ на манджуро-китайскихъ пашняхъ.



Продавецъ галетъ на Амурѣ.

Съ другой стороны и на самомъ берегу Амура, на 66-верстномъ протяженіи описываемой территоріи, были кое-гдѣ поставлены казачьи посты и устроены переправы черезъ рѣку.

Наконецъ, для надежнаго охраненія земель, навсегда изъятыхъ изъ владѣнія манджуро-китайцевъ, участки этихъ земель были розданы желавшимъ поселиться въ заимкахъ на своихъ земляхъ приписавшимся къ Благовѣщенскимъ мѣщанамъ, молоканамъ, выходцамъ изъ Воронежской губерніи, гдѣ они исключительно занимались земледѣліемъ. Рядъ такихъ заимокъ и новыхъ поселковъ русской Гильчинской волости послужилъ твердымъ оплотомъ противъ распространенія вглубь страны манджуро-китайцевъ Амурской области. Хотя намъ достовѣрно неизвѣстно,—были-ли какія переселенія манджуро-китайцевъ на лѣвый берегъ Амура со времени занятія его русскими, но едва-ли такія переселенія уже могли совершиться послѣ принятыхъ

съ 1884 года мѣръ. Очевидно, что договоръ, обязывающій насъ сохранять за манджуро-китайцами, которыхъ уже застало на лѣвомъ берегу Амура занятіе русскими Амурской области, состоявшія въ ихъ пользованіи земли и угодья, отнюдь не обязываетъ насъ принимать новыхъ выходцевъ изъ Китая на русскую государственную территорію.

Кореннымъ давнимъ населеніемъ всего этого пространства считаются манджуры и дауры. Къ этимъ двумъ народностямъ присоединялись впослѣдствіи китайцы, высланные за преступленія изъ Внутренняго Китая. Въ настоящее же время эти народности различаются между собою только по языку и нѣсколько по типу лица; впрочемъ, онѣ свободно понимаютъ другъ друга и почти всѣ говорятъ по-китайски или со включеніемъ въ свою рѣчь множества китайскихъ словъ.

Жилища—фанзы—строятся у всѣхъ по одному и тому же шаблону, выработавшемуся тысячелѣтіями въ Китаѣ. Внутри фанзы, при самомъ входѣ, влѣво отъ двери, устраивается очагъ, въ который вмазывается большой котелъ для согрѣванія воды и варки пищи; въ котлѣ же пекутъ и хлѣбъ. Котелъ этотъ—чугунный и чаще всего съ деревянною крышкой. Одна половина фанзы, обыкновенно лѣвая, дѣлается жилою; если же въ одной и той же фанзѣ помѣщаются двѣ семьи—отца и сына, то нерѣдко и правая сторона обращается въ жилое помѣщеніе. Въ жилой части фанзы устраиваются широкія нары («канжинъ»), которыя тянутся вдоль одной или двухъ стѣнъ и зачастую примыкаютъ къ очагу, если прихожая не отдѣлена перегородкой отъ спальни. Канжинъ покрывается цыновками. На немъ сидятъ, ѣдятъ, работаютъ, спятъ. Для ѣды на него ставится квадратный, гладко отполированный низенькій столикъ, вокругъ котораго вся семья и размѣщается, кто какъ вздумаетъ. Канжинъ сбивается изъ глины и снабженъ трубами, которыя или сообщаются съ очагомъ или имѣютъ самостоятельный выходъ внутрь жилого помѣщенія, откуда въ холодное время нары уже и подтапливаются. Трубы въ китайскихъ домахъ устраиваются въ высшей степени первобытно и состоятъ изъ вертикально поставленнаго просверленнаго бревна. Благодаря плохой тягѣ, каждая топка сопровождается дымомъ, отъ котораго обыкновенно вся внутренность фанзы закопчена и имѣетъ въ высшей степи грязный и непривлекательный видъ. Въ окна вставляются мелкорѣшетчатыя рамы, состоящія изъ тонкаго деревяннаго переплета. Съ внутренней стороны рама оклеивается тонкою, пропускающей свѣтъ, китайскою бумагой. Нежилая часть фанзы служитъ складочнымъ мѣстомъ для разныхъ хозяйственныхъ принадлежностей.

Въ селеніяхъ по Амуру такія фанзы, занимающія центральное положеніе между дворомъ и огородомъ, вытянуты въ одну линію; въ селеніяхъ же, расположенныхъ внутри страны, онѣ сгруппированы кварталами, раздѣленными довольно широкими улицами, которыя имѣютъ ту особенность, что съ одной ихъ стороны тянутся дома, обращенные къ нимъ лицевою стороной, съ другой—сады и огороды. Дворы обыкновенно очень просторны и нерѣдко раздѣлены переулками или даже рощами искусственно разсаженныхъ всюду тополей, вязовъ и другихъ древесныхъ породъ. Благодаря всему этому, китайская деревня кажется всегда очень разбросанною и дѣйствительно занимаетъ нерѣдко обширную площадь. Фанза располагается всегда въ глубинѣ двора, серединою своею противъ воротъ. По боковымъ сторонамъ двора располагаются обыкновенно хозяйственныя пристройки, позади огородъ. Необходимою, кажется, принадлежностью послѣднихъ является небольшая божница, весьма напоминающая сказочную избушку на курьихъ ножкахъ, которыя замѣняютъ здѣсь четыре столбика; въ божницѣ красуется картина, изображающая либо миѳическаго героя, либо святого, либо, наконецъ, какое-нибудь уродливое божество, а передъ нею всегда разставлены въ рядъ чашечки, въ одной изъ которыхъ непремѣнно утверждена курительная свѣча. Между воротами и дверями фанзы у богатыхъ китайцевъ возвышаются стѣнки, украшенныя изображеніями драконовъ, вырѣзанныхъ изъ досокъ. Вѣроятное назначеніе этихъ стѣнокъ—маскировать со стороны улицы входъ въ фанзу. Разумѣется, такимъ благоустройствомъ домовъ отличаются только лица зажиточныя,

у бѣдняковъ же не только нѣтъ хозяйственныхъ пристроекъ, но часто и изгородь-то, окружающая дворъ, находится въ полу-разрушенномъ состояніи, а то и вовсе нѣтъ ея.

Въ нѣкоторыхъ деревняхъ (Будинда, напримѣръ), выстроены общественные загоны. Они располагаются посреди деревни и огорожены пряслами. Сюда загоняется скотъ на ночь.

Почти въ каждомъ поселкѣ есть лавка; въ нѣкоторыхъ селеніяхъ ихъ даже нѣсколько. Въ нихъ продаются: «даба» бѣлая и синяя, шелковый тюль и другія шелковыя китайскія ткани, шелковыя нитки разныхъ цвѣтовъ для вышиванія, тушь, кисточки для письма, палочки для ѣды, свѣчи, бумага, орѣхи, пряники, сахаръ китайскій и русскій, чай, табакъ, зеркала китайскаго издѣлія съ картиной по серединѣ, трубки, китайскіе ликеры, русскія наливки, опій, веревки, спички, одеколонъ, низкіе сорта помады, рисъ, мука, китайскія издѣлія изъ фарфора, наконецъ, китайскія ракеты, хлопушки и множество мелочей, необходимыхъ въ домашнемъ обиходѣ. «Дабою»-же называется китайская бумажная ткань, похожая на бухарскую бязь (мату). Этотъ бумажный холстъ очень грубъ, но дешевъ и относительно проченъ, а потому охотно носится и покупается инородцами. Китайцы окрашиваютъ его въ свой излюбленный индиговый цвѣтъ. Преимущественно онъ идетъ на штаны, но бѣдная часть населенія шьетъ себѣ изъ него и верхнія блузы.

Торговцы—всѣ китайцы и къ тому же уроженцы Внутренняго Китая. Ходячая монета—чохи, которыхъ даютъ 700 на нашъ серебряный рубль; кромѣ нея, ходятъ и наши кредитные билеты и мелкая серебряная и мѣдная монета.

Описаніе китайскаго селенія было бы не полно, если-бы мы не упомянули о кумирняхъ которыя находятся рѣшительно при каждомъ селеніи, и о древесныхъ насажденіяхъ, которыя придаютъ столь своеобразный оттѣнокъ каждому изъ нихъ. Около каждаго селенія, около каждой одиночной фанзы непремѣнно находится большая роща или хоть группа деревьевъ. Имѣть при селеніи рощу составляетъ здѣсь прочно укоренившійся обычай: въ нихъ хоронятъ умершихъ, въ нихъ же часто встрѣчаются и божницы. Что же касается до кумирень, то обыкновенно онѣ не велики, стоятъ въ сторонѣ отъ дороги и далеко не всегда обнесены оградой.

О костюмѣ китайца распространяться не будемъ: если не въ натурѣ, то по картинкамъ, безъ сомнѣнія, каждый изъ читателей съ нимъ уже въ достаточной мѣрѣ знакомъ.

Главное занятіе описываемаго населенія—земледѣліе. Манджуръ, дауръ или китаецъ въ теченіе лѣта находится въ полѣ чуть не каждый день и при этомъ—съ ранняго утра до сумерокъ. У всѣхъ манджуро-китайцевъ описываемой мѣстности принятъ слѣдующій семипольный сѣвооборотъ: на пашню, унавоженную или удобренную посѣвомъ бобовъ, сѣется буда, на другой годъ—пшеница, на третій овесъ, на четвертый—гречиха, на пятый опять овесъ, на шестой бобы и затѣмъ снова буда. Такая система была принята китайцами не вслѣдствіе недостатка свободныхъ земель, а вслѣдствіе особеннаго затрудненія, встрѣчаемаго ими при поднятіи цѣлины первобытными земледѣльческими орудіями. Употребленіе плуга до прибытія русскихъ земледѣльцевъ китайцамъ было неизвѣстно. Поле подъ посѣвы пахалось сохою, которою новина распахивается настолько неудовлетворительно, что китайцы то и дѣло прибѣгаютъ къ помощи русскихъ крестьянъ. Нынѣ многіе состоятельные китайцы уже завели у себя плуги и усиленно распахиваютъ нивы. Передъ посѣвомъ сѣмянъ пашня разработывается совершенно своеобразно и въ окончательномъ видѣ представляетъ изъ себя рядъ мелкихъ грядокъ. Сѣмена сѣются только по этимъ грядкамъ, въ углубленіяхъ же между ними почва остается не засѣянною. Эти промежутки—не глубокія канавки—прочищаются не разъ въ теченіе лѣта сапомъ. Передъ посѣвомъ верхи грядокъ уравниваются легкимъ деревяннымъ валомъ. Это—та-же «рядовая» культура, которая распространена въ Приморской области и Манджуріи и обусловливается лѣтнею сыростью климата, вызывающею необходимость притока свѣжаго воздуха между грядами, засѣянными хлѣбомъ, такъ какъ безъ этого притока хлѣбъ загниваетъ.

На грядкахъ хлѣбъ сильно кустится и достигаетъ, по отношенію къ количеству посѣяннаго зерна, замѣчательной урожайности. Въ послѣднее время стали также разводить и плантаціи мака, которыя приносятъ баснословный доходъ. Хлѣбъ жнутъ исключительно мужчины. Молотятъ его на дворахъ при помощи каменнаго вала, въ который впрягается лошадь. Зерно мелютъ ручными мельницами.

Манджуро-дауро-китайцы, живущіе въ нашихъ предѣлахъ, засѣваютъ, по свидѣтельству бывшаго амурскаго губернатора Баранова, всего 30 т. дес. Если вѣрить этой цифрѣ, то оказывается, что у манджуро-китайскаго населенія на каждаго взрослаго работника засѣваютъ 9 дес., между тѣмъ, какъ русскіе крестьяне засѣваютъ на взрослаго работника 5 дес., казаки— $2\frac{1}{2}$, а корейцы менѣе 2. Это дѣлаетъ цифру 30 тыс. дес. мало вѣроятною, но во всякомъ случаѣ манджуро-китайское населеніе Амурской области имѣетъ громадный избытокъ овса и пшеницы, который, въ случаѣ спроса, сбываютъ съ большою выгодою русскому населенію, въ количествѣ, какъ полагаютъ, 300 тыс. пудовъ.

Огородничество у манджуро-китайцевъ Амурской области развито въ значительныхъ размѣрахъ; производятъ преимущественно коноплю, табакъ, кукурузу, канжутное сѣмя, картофель, разныя огородныя овощи, а также арбузы и дыни, впрочемъ, плохого качества.

Женщины въ полѣ не работаютъ и ихъ занятія ограничиваются только работою по дому и на огородѣ, даже носка дровъ и воды, нужныхъ для дневного хозяйства, лежитъ на обязанности мужчинъ.

На огородахъ сѣютъ лукъ, огурцы, картофель, бобы, табакъ, китайскую капусту, стручковый перецъ, чеснокъ, коноплю и кукурузу. Лукъ разводятъ только зеленый, перистый. Его сохраняютъ и на зиму, соля въ кадкахъ. Этимъ занимаются женщины. На ихъ же обязанности лежитъ: уходъ за дѣтьми, приготовленіе пищи, поддержаніе чистоты въ фанзѣ, шитье и починка одежды и уходъ за домашними животными—крупнымъ рогатымъ скотомъ, лошадьми и свиньями, а также птицей—утками, гусями и курами, которыхъ китайцы держатъ въ большомъ количествѣ. Овецъ рѣдко кто держитъ въ Амурской области. Онѣ подвержены здѣсь эпидеміямъ.

Маленькихъ дѣтей укачиваютъ въ люлькѣ, при чемъ люльку сильно раскачиваютъ. Положеніе ребенка въ люлькѣ почти сидячее. Кормленіе грудью продолжается до 3 и 4 лѣтъ. Впрочемъ, къ этому времени ребенокъ ѣстъ уже почти все то, что ѣдятъ и взрослые. А послѣдніе не ѣдятъ только молочнаго. За то все то, отъ чего съ отвращеніемъ отворачивается европеецъ, китайцами употребляется въ пищу. Впрочемъ, въ сельскомъ населеніи вкусы не настолько извращены, чтобы ѣсть безъ нужды крысъ, собакъ, ужей и тому подобныхъ представителей животнаго царства. Ихъ меню поэтому не столь разнообразно, какъ у жителя южныхъ городовъ Китая, за-то болѣе нормально съ обще-человѣческой точки зрѣнія: вареная капуста въ видѣ пустыхъ щей, капуста съ лукомъ, чеснокъ, стручковый перецъ,—какъ приправа, но подаваемый отдѣльно, хлѣбъ изъ буды съ бобами, въ видѣ четырехъ-угольныхъ лепешекъ, пшеничный хлѣбъ, преимущественно вареный на парѣ (мянь-тау), вареная кукуруза, стручковый горохъ, картофель, клецки изъ гречневой муки, яйца и проч. Яйца варятъ не въ скорлупѣ, какъ у насъ, но, разбивъ, прямо выпускаютъ въ кипятокъ, причемъ содержимое яйца тотчасъ же сваривается, не распускаясь въ водѣ. Ѣдятъ также съ большимъ удовольствіемъ и грибы, притомъ даже такіе, которые считаются нами негодными къ пищѣ—«поганками».

Пища готовится неопрятно. Фанза также содержится грязно. Вообще чувство чистоплотности развито въ населеніи слабо. Ни мужчины, ни женщины регулярно не моются: что же касается до нижней одежды, то она, въ особенности зимой, снимается только тогда, когда истлѣетъ на тѣлѣ. Нѣкоторые находятъ даже, что манджуро-китайцы производятъ впечатлѣніе расы менѣе культурной, чѣмъ ихъ сосѣди—корейцы.

Въ заключеніе мы позволимъ себѣ привести нѣкоторыя данныя, имѣющія значеніе при оцѣнкѣ взаимныхъ отношеній этихъ трехъ элементовъ инородческаго населенія края.

Далеко не рѣшенъ еще вопросъ о томъ, кто такіе дауры. Одни считаютъ ихъ происхожденіе смѣшаннымъ и, на основаніи китайскихъ данныхъ, утверждаютъ, что народъ этотъ образовался изъ смѣшенія монгольскаго элемента съ китайскимъ въ тѣхъ пограничныхъ селеніяхъ, которыя у монгольскихъ императоровъ было въ обычаѣ заводить на окраинахъ своего государства. Другіе противупоставляютъ этой гипотезѣ рядъ фактовъ, приводящихъ къ тому заключенію, что дауры—народъ тунгусскаго племени, который, благодаря историческимъ событіямъ, подпалъ сначала вліянію монголовъ, а затѣмъ—и китайцевъ. Вотъ почему въ ихъ языкѣ замѣчается такая значительная примѣсь словъ монгольскихъ съ одной стороны и китайскихъ съ другой.

Въ 1870 г. здѣсь считалось манджуровъ 3,286
китайцевъ 5,400
дауровъ. . . . . 1,960 д. обл. п.; 14 же лѣтъ спустя, т.-е. въ 1884 г., составъ этого населенія представлялъ такія цифры:
манджуровъ 4,400
китайцевъ 7,900
дауровъ. 1,700

Корейцы переселены были въ Амурскую область въ 1871 г. съ береговъ залива Посьета, на границѣ Кореи, и поселены въ селѣ Благословенномъ. Село это находится при впаденіи р. Самары въ Амуръ, на открытой равнинѣ, въ 328 вер. выше Хабаровска и подчинено Екатерино-Никольскому окружному станичному управленію. Дворовъ хозяйственныхъ въ немъ 158, строеній 368, православная церковь, школа съ 39 учащимися, сельское правленіе, хлѣбный магазинъ и 35 конныхъ мельницъ. Принявъ православіе, корейцы сохранили, однако, языкъ, обычаи, способы культуры и всѣ особенности домашняго быта своей родины. Село это въ общемъ представляетъ отрадное впечатлѣніе, въ особенности тѣмъ отпечаткомъ старательности и любви къ труду и порядку, который виденъ и въ устройствѣ ихъ жилищъ и въ расположеніи и обработкѣ полей.

Уже по своему внѣшнему виду это селеніе сильно отличается отъ русскихъ деревень. Оно состоитъ изъ отдѣльныхъ фанзъ, раздѣленныхъ участками полей. Между этими полями, большею частью огороженными, проходятъ улицы и проулки. Всѣ фанзы имѣютъ болѣе или менѣе одинаковое устройство. Онѣ построены изъ сплетенныхъ вѣтвей и обмазаны снаружи и внутри толстымъ слоемъ глины. Пологая крыша изъ соломы или прутьевъ, также обмазанная глиной, служитъ одновременно и потолкомъ. Внутри каждая фанза дѣлится на три части: средняя, самая большая, служитъ кухней и одновременно — помѣщеніемъ для семьи; большая половина этой части занята низкими нарами, которыя согрѣваются особыми дымоходами, проведенными изъ очага. Сверху эти нары покрыты циновками; здѣсь сидятъ женщины съ шитьемъ, играютъ дѣти и т. под. У одного края наръ подъ топкою—два котла для варки пищи, на другомъ концѣ, у противуположной стѣны—очагъ для чайника. Нары проходятъ и во второе отдѣленіе, гдѣ онѣ занимаютъ весь полъ; это—парадная комната. Нары постоянно бываютъ теплыя, такъ какъ даже лѣтомъ раза по два въ день разводится огонь въ очагѣ для варки пищи или чая. Третье отдѣленіе дѣлится вновь на двѣ половины. Въ одной находится особая ступа для толченія крупы, лотки для вѣянія и т. под.; другая назначена собственно для скота, который въ Кореѣ запирается на ночь для безопасности отъ тигровъ; въ Амурской области въ этомъ, пожалуй, и нѣтъ особенной необходимости, но особое отдѣленіе для скота при фанзѣ дѣлается тѣмъ не менѣе постоянно. Въ него складываются также разныя хозяйственныя принадлежности, внизу же подъ нимъ устраивается подвалъ для храненія овощей. Первое и второе отдѣленіе фанзы сообщаются съ наружною средой нѣсколькими крупными окнами, запирающимися одностворчатою рѣшетчатою рамой, заклееною бумагой. Эти окна служатъ одновременно и дверями. Впрочемъ, здѣсь наблюдается большое разно-

образіе: можно встрѣтить и маленькія окна со стекольными рамами и такія широкія двери, что одновременно онѣ играютъ роль и отсутствовавшихъ въ этихъ случаяхъ рѣшетчатыхъ оконъ. Каждая фанза окружена не большимъ дворикомъ съ не большими пристройками, обыкновенно миніатюрными, но содержащимися въ большомъ порядкѣ и чистотѣ.

Вокругъ каждой фанзы располагаются поля ея владѣльца, на которыхъ сѣются хлѣбные злаки и сажаются разныя овощи. Культура всѣхъ полей чрезвычайно тщательная, можно сказать огородная. Корейцы пашутъ сохами, напоминающими китайскія. Посѣвъ производится въ грядки или разбрасываніемъ или посредствомъ особой сѣялки довольно первобытнаго устройства, назначенной почти для буды. Всѣ поля старательно пропалываются нѣсколько разъ въ лѣто, такъ что на нихъ почти совершенно отсутствуютъ какія то бы ни было сорныя травы. При этомъ близость полей доставляетъ земледѣльцу неоспоримое преимущество, такъ какъ онъ со своею семьей можетъ каждую свободную минуту посвятить наблюденію и уходу за растеніями. Впрочемъ, у нихъ нѣкоторыя поля расположены вдали отъ деревни. Изъ культурныхъ растеній корейцы воздѣлываютъ болѣе всего буды; затѣмъ слѣдуютъ пшеница, ячмень, овесъ, кукуруза, картофель, горохъ, фасоль, китайская капуста, лукъ, чеснокъ, рѣдисъ, огурцы, тыква, баклажаны и мн. др.; коноплю, скай (кунджутъ — Sesamum indicum) и сорго, хотя и сѣютъ, но мало. Первое мѣсто изъ перечисленныхъ растеній занимаетъ буда, которая культивируется въ нѣсколькихъ сортахъ и играетъ такую же роль, какъ у русскихъ ярица и пшеница. Въ видѣ особой каши она служитъ ежедневною пищею корейцамъ. Буды сѣется на десятину 18—20 фунтовъ, а собирается 150 — 200 пуд., такъ что урожай одной десятины обезпечиваетъ семью на годъ или полтора. Въ большомъ количествѣ воздѣлываются также разнообразныя овощи, потому что корейцы преимущественно кормятся растительною пищей. Мясо они ѣдятъ рѣдко, молока же, какъ и китайцы, совсѣмъ не употребляютъ въ пищу и не доятъ коровъ; но, говорятъ, у русскихъ они охотно пьютъ молоко.

Корейцы.

Жителей въ Благословенномъ было въ 1893 г. 1090 об. п. (583 м. п.). На 1000 мужчинъ приходилось 866 женщинъ; одно изъ невыгодныхъ отношеній по сравненію съ встрѣчающимся въ разныхъ волостяхъ и казачьихъ округахъ Амурской области, гдѣ въ среднемъ приходится на 1000 мужчинъ 915 женщинъ. Замѣчательно, что по переписи, произведенной въ 1879 г. надв. сов. Висленевымъ, корейцевъ было въ Благословенномъ 624 д. об. п. (349 м. п.), а такъ какъ никакихъ приселеній съ тѣхъ поръ въ Благословенное не было, то корейское населеніе дало приростъ въ 14 лѣтъ на 74%—приростъ неимовѣрный—5% въ годъ, не смотря на то, что пропорція женщинъ въ 1879 г. была еще невыгоднѣе, а именно на 1000 мужчинъ приходилось только 786 женщинъ, такъ что съ тѣхъ поръ пропорція женщинъ уже значительно улучшилась. Переписи Висленева трудно не вѣрить, такъ какъ она поименная.

Въ 1893 г. въ рабочемъ возрастѣ корейцевъ въ Благословенномъ было 251 м. п. и 223 ж. п., такъ что пропорція рабочаго возраста ко всему населенію 43%, значителі о ниже, чѣмъ у русскихъ Амурской области (47%), что и объясняется необыкновенною силс прироста корейскаго населенія со времени его переселенія въ Амурскую область, способ вовавшею повышенію пропорціи дѣтей къ взрослымъ. Брачныхъ паръ въ Благословенномъ 226, изъ нихъ въ рабочемъ возрастѣ 196, такъ что на тягло приходится 3 д. м. п., немного болѣе, чѣмъ у русскаго населенія (2,9), а на хозяйственный дворъ душъ об. п. около 7, то-есть, составъ хозяйственнаго двора немного слабѣе, чѣмъ у русскаго населенія области.

Земель въ пользованіи селенія около 1,300 дес., въ томъ числѣ усацебной съ огородами и выгонами 520 дес., покосовъ болѣе 300 дес. и пашни 472½ дес. Такимъ образомъ на душу мужского пола у корейцевъ приходится всего только менѣе 2¼ дес. Посѣвовъ же приходится на работника 1,9 дес., на тягло 2,4, на дворъ 3 дес., между тѣмъ какъ у русскихъ казаковъ приходится посѣва на работника 2,5, у крестьянъ—5 дес. Приведенныя цифры указываютъ, между прочимъ, на то, что корейцы привыкли довольствоваться малыми надѣлами. Посмотримъ, что они производятъ на этихъ надѣлахъ. Ржи и пшеницы корейцы совсѣмъ не сѣютъ. Пищевой ихъ хлѣбъ—разные виды проса. Подъ посѣвомъ мелкой буды (безъ сомнѣнія—Setaria italica) у нихъ 124 дес. Въ 1893 г. буда эта дала 8870 пуд. и такъ, они высѣваютъ ея на одну десятину по ½ пуда, то урожай былъ самъ 140. Средній же урожай 7560 пуд., то-есть, самъ 120. Крупной буды было въ посѣвѣ 77½ дес. Она дала въ 1893 г. 9,260 пуд., то-есть, почти самъ 240, при среднемъ урожаѣ дала бы нѣсколько болѣе 7,000 пуд., то-есть, самъ 170. Наконецъ, яръ-буды (это метельчатое, т. е. обыкновенное просо) въ посѣвѣ немного болѣе 6 дес., давшихъ въ 1893 г. 430 пуд., а обыкновенно дающихъ 400 пуд. Такъ какъ яръ-буды высѣвается на десятину ¾ пуд., то она дала самъ—92, а обыкновенно даетъ самъ 88. Одна буда, (такъ какъ обыкновенный ея урожай 14,600 пуд. составляетъ 13,4 пуд. на душу об. п.) уже обезпечиваетъ продовольствіе корейцевъ. Затѣмъ у нихъ было въ посѣвѣ: 6 дес. гречи, давшей въ 1893 г. 216 пуд., (самъ-6, а дающей обыкновенно 150 пуд., (самъ-4); 15 дес. кукурузы, давшей въ 1893 г. 990 пуд., (самъ 44), а обыкновенно дающей 1,245 пуд., (самъ 54); ячменя 27 дес., давшихъ въ 1893 г. 970 пуд., (самъ 9), а обыкновенно дающихъ 1,100 пудовъ, (самъ 10); бобовъ къ посѣвѣ 32½ дес., давшихъ въ 1893 г. 1,120 (самъ 23), а обыкновенно дающихъ до 1,500 пуд. (самъ 30). Всѣ эти хлѣба идутъ по преимуществу на собственное потребленіе корейцевъ, между тѣмъ какъ предметомъ сбыта имъ служитъ по преимуществу овесъ. Его въ посѣвѣ 184 дес., давшихъ въ 1893 г. 14,350 пуд., а обыкновенно дающихъ 14,540 пуд., (самъ 14), такъ что у корейцевъ Благословеннаго остается нынѣ ежегодно на продажу отъ 10 до 12/т. пуд. овса.

Изъ всѣхъ предметовъ посѣва только овесъ и играетъ роль предмета отпуска въ Хабаровскъ, впрочемъ, корейцы наживаютъ деньгу и на оборотахъ съ казачьимъ овсомъ, который скупаютъ заблаговременно.

Скота корейцы держатъ: лошадей 343, (266 рабочихъ), такъ что на работника приходится рабочихъ лошадей немного болѣе одной, а на дворъ всѣхъ лошадей немного болѣе 2-хъ. Это втрое менѣе, чѣмъ у русскаго населенія. Недостатокъ лошадей пополняется, впрочемъ, отчасти рабочими быками. Крупнаго рогатого скота у корейцевъ 292, (въ томъ числѣ 67 коровъ и 133 быка). Свиноводство очень развито. Въ селеніи содержится 514 свиней.

Указанныя черты сельскаго хозяйства не составляютъ какихъ-либо частныхъ отличій отъ хозяйства казаковъ, но имѣютъ основу, глубоко гнѣздящуюся въ характерѣ корейцевъ и придающую своеобразный колоритъ всему строю ихъ жизни.

Въ то время, какъ во всѣхъ чертахъ хозяйства и быта казаковъ, выражается прежде всего стремленіе къ широтѣ и простору и пренебреженіе всѣмъ мелкимъ, вообще же стремленіе къ экстенсивности, у корейцевъ мы видимъ совершенно иныя тенденціи, именно,—стрем-

леніе къ интенсивности, любовь къ кропотливому труду, порядку и аккуратности. Эти тенденціи присущи ихъ натурѣ, ихъ духу и опредѣляютъ всѣ ихъ поступки, весь характеръ ихъ дѣятельности. Въ силу ихъ кореецъ и не заботится о постоянномъ расширеніи своихъ запашекъ, но старается возможно лучше обработать свои небольшіе участки, вознаграждающіе его труды. И въ устройствѣ его жилищъ и во всемъ быту тѣ-же черты его скрупулезной, кропотливой натуры всюду кладутъ печать какого-то благоустройства, порядка, опрятности и извѣстнаго комфорта. Во всемъ видны культурныя привычки, выработанныя вѣками и органически сросшіяся съ его природой.

Съ нѣсколько другой точки зрѣнія смотритъ на корейцевъ Гребницкій. Чуть не всѣ, писавшіе о корейцахъ, говоритъ онъ, прежде всего выставляютъ ихъ нравственныя качества: семейную строго-нравственную жизнь, склонность къ христіанству и т. под. На этихъ ихъ качествахъ основываютъ выводъ, что кореецъ самый лучшій элементъ въ дѣлѣ колонизаціи края. Гребницкій не соглашается съ этимъ мнѣніемъ. Для развитія края, говоритъ онъ, важно энергическое, промышленное населеніе, способное разработывать всѣ естественныя богатства края. Корейцы же по свойству своего характера, выработаннаго вѣками, не могутъ быть таковыми, а измѣнить характеръ народа, перевоспитать его, едва-ли выполнимое дѣло.

Подвижность корейцевъ, порывистость въ движеніяхъ, сильно бросаются въ глаза самому даже поверхностному наблюдателю. Стоитъ только посмотрѣть, когда кореецъ говоритъ: возбужденная физіономія, особенный блескъ глазъ и жесты сопровождаютъ самый обыкновенный разговоръ у корейцевъ. Кореецъ весь отдается разсказу, будучи имъ увлеченъ самъ, и долго еще послѣ разговора онъ не можетъ вполнѣ успокоиться. Взгляните на него, когда онъ на пашнѣ: весело, съ энергіей принимается онъ за дѣло, но это не надолго. Подождите конца: движенія его дѣлаются все медленнѣе и черезъ короткій промежутокъ времени онъ бросаетъ работу. Если есть близко сосѣдъ, онъ идетъ къ нему и оба, усѣвшись на корточки, начинаютъ разговаривать; наговорившись вдоволь, онъ хочетъ снова приняться за работу, но она у него не клеится, онъ бросаетъ поле и идетъ домой. Тоже на рыбной ловлѣ: если она удачна, онъ веселъ; малѣйшая неудача и онъ бросаетъ ловъ. Трудъ корейца, даже по сравненію съ трудомъ китайца, цѣнится гораздо дешевле. Чернорабочій китаецъ во Владивостокѣ получаетъ рубль въ день, а корейцу не даютъ и 80 коп. «Плохой работникъ—кауль»—вотъ единогласный отзывъ русскихъ крестьянъ. Отсутствіе между корейцами ремеслъ служитъ подтвержденіемъ высказаннаго мнѣнія. Буссе также высказался въ томъ смыслѣ, что корейцы, въ качествѣ производителей, не имѣютъ особаго значенія для края.

Но на корейцевъ и не слѣдуетъ смотрѣть, ни какъ на піонеровъ колонизаціи края, ни какъ на мощную рабочую силу, руками которой можно эксплотировать его естественныя богатства. Амурскій край всецѣло долженъ быть предоставленъ русской колонизаціи, и наша сила въ немъ заключается именно въ томъ, что въ недавно пріобрѣтенной Россіею Амурской области три четверти ея населенія принадлежатъ уже къ русской народности, для усиленія и экономическаго развитія которой еще есть достаточно простора. Но, если корейскому поселку въ 1000 жителей, получившему въ надѣлъ только 1,300 дес. земли и не стремящемуся ни къ захватамъ, ни къ территоріальнымъ расширеніямъ и ни суждено играть значительной роли въ общей производительности края, то нѣтъ сомнѣнія, что присутствіе одного такого поселка на Амурѣ можетъ быть только полезно до края: съ одной стороны потому, что обратившіеся въ православіе корейцы, мирные и кроткіе, черезъ нѣсколько поколѣній будутъ вполнѣ ассимилированы русскимъ населеніемъ, а съ другой—потому, что они на долго сохранятъ весь свой хозяйственный бытъ, который служитъ поучительнымъ образцомъ того, какъ даже физически малосильная народность можетъ имѣть, благодаря своей интенсивной сосредоточенности, вполнѣ обезпеченное существованіе на сравнительно ничтожномъ земельномъ надѣлѣ, и это въ странѣ, гдѣ еще много простора для экстенсивнаго хозяйства. Вѣроятно также, что и пріемы земле-

дѣльческаго хозяйства, выработанные издавна культурнымъ народомъ, хотя бы и дальняго Востока, въ климатическихъ и почвенныхъ условіяхъ болѣе близкихъ къ условіямъ Амурской области, чѣмъ тѣ, къ которымъ привыкли амурскіе переселенцы въ своей далекой родинѣ, не останутся безъ вліянія сначала на ближайшихъ сосѣдей села Благословеннаго, а затѣмъ и на всѣхъ русскихъ поселенцевъ Амурской области.

Теперь—обратимся къ собственно русскому населенію Амурской области.

Первая попытка земледѣльческой колонизаціи на Амурѣ была сдѣлана только въ 1855 г., послѣ того, какъ первымъ сплавомъ внизъ по Амуру въ 1854 г. были перевезены забайкальскіе казаки и 15 линейный батальонъ для занятія и защиты устья Амура и залива де-Кастри. Вторымъ сплавомъ въ 1855 г. были перевезены первыя крестьянскія семейства изъ губерніи Иркутской и области Забайкальской. Переселенцы эти, первые русскіе крестьяне на Амурѣ въ XIX вѣкѣ, отправились туда добровольно и поселены между городами Маріинскомъ и Николаевскомъ въ селеніяхъ: Иркутскомъ, Богородскомъ и Михайловскомъ. Позднѣе выселенцами изъ Михайловска были основаны селенія Ново-Михайловское и Сергіевское, а выселенцами Иркутскаго—селеніе Воскресенское; всѣ эти поселенія возникли, слѣдовательно, въ нынѣшней Приморской области. Этимъ первымъ переселенцамъ дарованы были большія льготы: земля была отдана имъ въ полное и вѣчное владѣніе и всѣ они со своими семьями были освобождены

Казацкое поселеніе на Амурѣ.

отъ повинностей: рекрутской, земской и подушной; сверхъ того имъ было выдано пособіе отъ казны. Одновременно съ ними, близъ Маріинскаго поста, въ станицѣ Сучи, поселена была и сотня казаковъ.

Въ 1856 г. выставлены были посты при устьяхъ Кутомангды, Кумары, Зеи, Сунгари и одинъ въ щекахъ Хангана (Буреинскихъ горъ).

27 Октября 1856 г. Высочайше утвержденъ журналъ Особаго Комитета подъ предсѣдательствомъ Его Императорскаго Высочества Великаго князя Константина Николаевича о заселеніи лѣваго берега Амура. Въ томъ же году открытъ былъ между городами Маріинскомъ и Николаевскомъ почтовый трактъ и получены изъ Америки два желѣзные парохода Амуръ и Лена.

Въ 1857 году сплавлены внизъ по Амуру въ Николаевскъ и Маріинскъ 62 женщины изъ ссыльно-каторжныхъ—единственное примѣненіе той системы заселенія Амура ссыльными, которыми хотѣли сначала замѣнить медленный приливъ добровольныхъ переселенцевъ. Весной этого же года были двинуты внизъ по Амуру, въ качествѣ переселенцевъ, первыя три сотни вновь сформированнаго изъ Забайкальскаго казачьяго войска Амурскаго коннаго казачьяго полка, которыя, подъ личнымъ наблюденіемъ Н. Н. Муравьева, и заняли лѣвый берегъ Амура отъ Усть-Стрѣлки до Малаго Хингана (Буреинскихъ горъ). Въ то же время стали лагеремъ при устьѣ р. Зеи 14 линейный батальонъ и дивизіонъ конно-горной батареи, чѣмъ и было

положено основаніе Усть-Зейскому посту, впослѣдствіи—городу Благовѣщенску. Въ томъ же, 1857 г., въ первый разъ производился сплавъ съѣстныхъ припасовъ внизъ по Амуру подрядами иркутскихъ купцовъ. Подобные же сплавы были и въ 1858 и 1859 гг. Но это снабженіе казною переселенцевъ на Амурѣ провіантомъ и мукою далеко не составляло единственнаго затрудненія для успѣшнаго хода заселенія вновь пріобрѣтенныхъ земель. Полное безлюдье, лишавшее возможности вести дѣло колонизаціи при пособіи мѣстныхъ средствъ, представляло огромныя затрудненія и во многихъ другихъ отношеніяхъ. Приходилось везти изъ Забайкалья, Иркутска или даже Россіи не только сухари и муку, но и все остальное, какъ то: домашній скотъ, земледѣльческія орудія, одежду, строительные матеріалы, посуду и множество другихъ мелочей, безъ которыхъ не мыслимо существованіе даже такихъ неприхотливыхъ людей, какъ русскій казакъ или крестьянинъ; и все это доставлять населенію съ тѣмъ большею поспѣшностью, что сообщеніе по Амуру могло производиться только въ теченіе теплаго времени года. Къ тому же въ первые годы громадное движеніе по этой рѣкѣ поддерживалось при помощи рабочей силы не свыше двухъ батальоновъ солдатъ, которые тѣмъ труднѣе справлялись съ возложенною на нихъ задачей, что имъ приходилось работать на совершенно незнакомой рѣкѣ. Благодаря этому, всѣ эти неуклюжія баржи, плоты и пароходы то и дѣло натыкались на отмели или попадали въ не судоходные рукава. Бури разбивали и затопляли суда. И такъ какъ въ распоряженіи русскихъ властей никогда не могло быть болѣе полу-года времени, то объ исправленіи ошибокъ и упущеній, сдѣланныхъ либо ими, либо самими переселенцами въ томъ же году, не могло быть и рѣчи, а приходилось ждать навигаціи слѣдующаго года.

Непривычный климатъ, наконецъ, дѣлалъ то, что даже водворившіеся колонисты терпѣли отъ неурожаевъ и падежей скота, который было тѣмъ труднѣе достать, что и Забайкальская область, служившая базисомъ для колонизаціи Амура, не отличалась избыткомъ послѣдняго. То-же слѣдуетъ сказать и о хлѣбѣ, который при увеличеніи на него спроса, поднялся тамъ до не бывалой цѣны. Но энергія Муравьева и его ближайшихъ сотрудниковъ сумѣла преодолѣть всѣ эти препятствія, хотя, конечно, не безъ нѣкоторыхъ неудачъ и даже не безъ нѣкоторыхъ общихъ, неблагопріятныхъ для колонизаціи, результатовъ.

Уже въ 1865 г. Носковъ писалъ: «благодаря Бога, бѣда миновала, люди обжились и вездѣ почти устроились; землянки остались только въ воспоминаніяхъ, а разорительные слѣды неумѣлыхъ распоряженій сглаживаются мало-по-малу, благодаря пособіямъ и отеческимъ попеченіямъ о поселенцахъ такихъ лицъ, какъ А. К. Бабстъ, князь Дадешкаліани, графъ Стенбокъ и нѣк. др., которые дѣлаютъ все, что въ ихъ средствахъ дѣлать можно». «Амурскій край въ коммерческомъ, промышленномъ и хозяйственномъ отношеніи», стр. 14).

Въ 1857—58 г., въ нынѣшней Амурской области, вдоль Амура возникло выше Благовѣщенска 14 селеній: Покровское, Амазаръ, Игнашинская ст., Свербѣевское, Орловское (Игнашинскій окр.), Рейновское, Албазинская ст., Бейтоновское, Пермикинское (Албазинскій округъ), Толбузинское, Ольгинское, Кузнецовское (Черняевскій окр.), Кумарская ст., Екатерининская ст. и 14 селеній ниже Благовѣщенска: Купріяновское Никольское, Сгибнево, Иннокентьевская ст., Михайловское, Касаткино, Сагибово, Пашково (Иннокентьевскій окр.), Раддевская ст. Раддевскій окр.), Екатерино-Никольская ст., Пузино (Екат.-Ник. окр.), Михайло-Семеновская ст., Воскресенское и Петровское (Мих.-Семеновскій окр.).

Въ послѣдующіе годы колонизація продолжалась, да не прекратилась она и въ настоящее время. Особенно же усилилась послѣ того, какъ крестьяне Европейской Россіи получили офиціальное предложеніе переселяться на свободныя земли Амура.

Предложеніе это вызвано было Н. Н. Муравьевымъ, который 20 сентября 1858 г. писалъ Его Императорскому Высочеству Великому князю Константину Николаевичу: «Одно уже развитіе нашихъ военныхъ морскихъ силъ на устьяхъ Амура, помимо всѣхъ другихъ соображеній требуетъ настоятельно быстраго заселенія приамурскаго края. Современная доставка продоволь-

ствія для сухопутныхъ и морскихъ командъ, снабженіе флота всѣми необходимыми сырыми матеріалами будутъ вполнѣ обезпечены только тогда, когда разовьется мѣстная производительность края, чего безъ усиленія народонаселенія достигнуть невозможно».

Н. Н. Муравьевъ полагалъ, что переселенія въ обширныхъ размѣрахъ можно было бы достигнуть, дозволивъ его «лицамъ всѣхъ свободныхъ состояній, по желанію, на собственномъ иждивеніи и безъ правительственныхъ расходовъ». При этомъ, однако, предполагалось освободить переселенцевъ отъ всякихъ формальностей, затрудняющихъ переходъ, напримѣръ, рекрутской очереди, отъ которой, ради Амура, можно было бы освободить всѣхъ женатыхъ и семейныхъ. Эта мѣра, по мнѣнію гр. Муравьева, представляла бы надежное ручательство къ скорѣйшему заселенію края уже потому только, что уничтожала многія препятствія къ переходу на р. Амуръ. Онъ полагалъ также полезнымъ упростить и все дѣлопроизводство, практиковавшееся во всѣхъ такихъ случаяхъ, «ибо,—писалъ онъ далѣе,—прохожденіе всѣхъ этихъ инстанцій влечетъ за собою—потерю времени и темные расходы, которые въ простомъ народѣ въ значительной степени отбиваютъ охоту къ переселенію». Единственный расходъ, къ которому по этому проекту вызывалась казна, долженъ былъ заключаться въ субсидіяхъ на пріобрѣтеніе поселенцами въ должномъ количествѣ скота и земледѣльческихъ орудій; да и то, какъ на источникъ для такихъ временныхъ позаимствованій, указывался, такъ называемый, «хозяйственный капиталъ Восточной Сибири», въ то время равнявшійся 300 т. при 17 т. ежегоднаго приращенія. Тотъ же капиталъ, по соображеніямъ Муравьева, могъ служить и для образованія временныхъ запасныхъ магазиновъ на Амурѣ, безъ которыхъ своевременное снабженіе поселенцевъ, какъ сѣменами для посѣва, такъ по ихъ прибытіи — провіантомъ, было бы затруднительно.

Проектъ этотъ не остался, однако, безъ возраженій. Министерство Государственныхъ Имуществъ находило, что «во всякомъ дѣлѣ, а въ особенности въ подобномъ настоящему, нужны послѣдовательность и система; безъ этого не можетъ быть порядка, и самая цѣль заселенія—развитіе промышленности—не будетъ достигнута». Для достиженія же этой цѣли Министерство со своей стороны полагало всего болѣе цѣлесообразнымъ примѣнить къ Амуру тотъ же способъ переселенія, какой уже практиковался по отношенію къ заселенію Камчатки, а именно —пригласить къ этому заселенію старожиловъ Западной и Восточной Сибири и затѣмъ усилить переселеніе изъ внутреннихъ губерній въ сибирскія. Всѣ же чрезвычайныя мѣры способствовали бы только развитію бродяжничества и создали бы не мало затрудненій правительству, отъ котораго требовалось предварительное обезпеченіе переселенцевъ въ столь дальнемъ пути. Не соглашалось Министерство Государственныхъ Имуществъ и съ тою частью проекта Н. Н. Муравьева, въ которой обсуждался вопросъ о сложеніи рекрутской повинности съ переселенцевъ на Амуръ, такъ какъ въ подобномъ случаѣ эта повинность должна была бы обременительно лечь на семейства, оставшіяся на мѣстѣ. Во всякомъ случаѣ къ переселенію на Амуръ имѣлось Министерствомъ въ виду назначить только тѣ семейства крестьянъ, въ которыхъ приходилось менѣе 5 десятинъ на душу. При этомъ Министерство желало бы, чтобы въ одинъ годъ шло на Амуръ не болѣе 500 семействъ или 3,500 душъ обоего пола, «ибо по приблизительному разсчету содержаніе каждаго семейства не могло обойтись правительству ниже 150 р.—суммы значительной и обременительной для государства».

Со своей стороны Сибирскій Комитетъ, разсмотрѣвъ и обсудивъ подробно всѣ, вообще, обстоятельства, поднятаго Н. Н. Муравьевымъ вопроса, нашелъ, что «вопросъ о заселеніи Амурскаго края есть вопросъ первостепенной важности; что усиленіе тамъ населенія существенно необходимо для развитія огромныхъ матеріальныхъ силъ края, безъ чего вновь присоединенный богатый край не могъ бы принести той пользы, которую отъ него вправѣ и ожидать и требовать Россія». Соглашаясь съ тѣмъ, что русскій элементъ въ краѣ долженъ быть въ значительной мѣрѣ усиленъ, Комитетъ признавалъ, однако, полезнымъ и разрѣшеніе

«селиться тамъ иностранцамъ, преимущественно нѣмцамъ, извѣстнымъ своимъ трудолюбіемъ». Для привлеченія же на Амуръ такихъ переселенцевъ предлагалъ твердое обезпеченіе поземельной ихъ собственности: «было бы справедливо,—сказано въ отношеніи къ министру государственныхъ имуществъ,—постановить условіемъ, что всякій переселенецъ, отправляющійся въ приамурскій край на собственный счетъ, имѣлъ бы право пріобрѣтать тамъ участокъ земли въ собственность».

По соглашенію съ министромъ финансовъ Комитетъ рѣшился отпускать ежегодно изъ суммъ Государственнаго Казначейства по 100 т. рублей на дѣло колонизаціи Амура и для той же цѣли, по соглашенію съ министромъ государственныхъ имуществъ, по 50 т. рублей изъ хозяйственнаго капитала Восточной Сибири. На это рѣшеніе Комитета 8 декабря 1858 г. послѣдовало Высочайшее соизволеніе.

Министерство Государственныхъ Имуществъ предположило переселить на Амуръ въ 1859 г. 300 семействъ изъ Вятской губ., 200 изъ Пермской и по 50 изъ Тамбовской и Воронежской, всего же 600 семействъ. Сверхъ того 400 семействъ изъ Пермской и Вятской губерній, предназначенныя Министерствомъ къ переселенію въ Енисейскую губ., направлены были по Высочайшему повелѣнію отъ 25 декабря 1858 г. въ Амурскій край. Переселеніе это обусловливалось слѣдующими правилами: 1) желающіе переселиться избавляются отъ увольнительныхъ общественныхъ приговоровъ, если на нихъ не числится мірскихъ или иныхъ недоимокъ; 2) переселеніе можетъ быть разрѣшено крестьянамъ и тѣхъ селеній, при коихъ состоитъ земли болѣе 5 десят. на душу, если переселеніе изъ этихъ селеній, по другимъ уваженіямъ, будетъ признано полезнымъ; 3) прошенія могутъ быть подаваемы на простой бумагѣ; 4) независимо отъ установленныхъ пособій на путевые расходы и на устройство домообзаведенія, переселенцамъ предоставляется льгота отъ податей и повинностей на 16 лѣтъ и отъ рекрутской повинности въ продолженіе шести наборовъ; и 5) по прибытіи на мѣсто новаго водворенія, переселенцамъ будетъ отведено такое количество земли, которое каждый домохозяинъ въ состояніи будетъ обработать. Одновременно Палатамъ Государственныхъ Имуществъ предписывалось наблюдать, чтобы семейства переселенцевъ были въ состояніи перенести трудности пути, и не допускать къ переселенію одинокихъ, «а равно семействъ, обремененныхъ значительнымъ числомъ малолѣтнихъ или пожилыхъ, и держаться правила, чтобы въ каждомъ семействѣ было не менѣе двухъ работниковъ».

Эти правила, выработанныя Сибирскимъ Комитетомъ совмѣстно съ Министерствомъ Государственныхъ Имуществъ, генералъ-губернаторъ Восточной Сибири собственною властью почелъ нужнымъ пополнить и видоизмѣнить: губернаторамъ Амурской и Приморской областей онъ предписалъ: 1) «при занятіи мѣстъ для жительства не упускать изъ вида условія, чтобы удобныхъ земель приходилось никакъ не менѣе 21 дес. на каждую, мужского пола, душу, дабы съ умноженіемъ впослѣдствіи населенія не было недостатка у нихъ въ землѣ и значительнаго скопленія въ одномъ пунктѣ; 2) не дозволять селиться въ тѣхъ мѣстахъ, которыя назначаются для казачьихъ станицъ и гдѣ въ настоящее время находятся селенія манджуровъ и другихъ туземцевъ; 3) въ городахъ и селеніяхъ мѣста подъ усадебное устройство вдоль р. Амура и другихъ отводить для каждаго, отдѣльно живущаго, семейства не болѣе 50 саж., дабы такимъ образомъ не лишить и имѣющихъ прибыть впослѣдствіи поселенцевъ возможности пользоваться выгодною близостью рѣки. Въ глубь же страны переселенцы могутъ занимать столько земли, сколько будутъ въ состояніи обработать».

Въ началѣ весны 1859 г., переселенцы вышли на Амуръ съ мѣстъ своей родины; но уже очень скоро обнаружилось, что ассигнованныя на это переселеніе суммы были недостаточны. Оно вызвало, между прочимъ и такіе расходы (ремонтъ одежды, напримѣръ), которые, по сознанію генералъ-губернатора Восточной Сибири, «при исчисленіи издержекъ въ виду не имѣлись». Все это потребовало новыхъ ассигновокъ, которыя хотя и были отпущены, но въ

то же время способствовали въ значительной мѣрѣ измѣненію взглядовъ правительства на вопросъ о заселеніи Амура выходцами изъ внутреннихъ губерній Россіи. Въ самомъ дѣлѣ, въ то время, когда уже желаемая начальствомъ Восточной Сибири цифра—тысяча семей для Амура—находилась въ движеніи, отъ генералъ-губернатора было получено извѣщеніе, что предположенныхъ первоначально къ отпуску суммъ едва хватитъ на передвиженіе до Амура 300 семействъ. «Изъ чего слѣдуетъ,—говорилось въ этомъ извѣщеніи дальше,—что 400 семействъ вятскихъ и пермскихъ крестьянъ, имѣющихъ быть переселенными въ Енисейскую губ., не могутъ быть обращены на переселеніе въ Приамурскій край». Вслѣдствіе этого представленія министръ Государственныхъ Имуществъ опредѣлилъ: Изъ 500 семействъ отправить на Амуръ половину; остальныхъ же, по личному вызову генералъ-губернатора Западной Сибири, водворить на земляхъ этой послѣдней.

Одновременно и Сибирскій комитетъ поспѣшилъ выразиться въ томъ смыслѣ, что «свободное переселеніе на Амуръ можетъ заключаться въ крестьянахъ, которые не имѣютъ достаточно земель для обработки въ настоящихъ мѣстахъ ихъ жительства, и въ предпріимчивыхъ людяхъ другихъ сословій, которые большею частью желаютъ пріобрѣсть земли въ полную собственность». Причемъ, однако же, Комитетъ находилъ, что нѣтъ никакой побудительной причины желать особенно поспѣшнаго заселенія Амурскаго края, «который долженъ, такъ сказать, составлять поземельный запасъ для Россіи въ будущемъ. И нѣтъ никакой нужды Правительству дарить принадлежащія ему земли въ собственность частнымъ лицамъ или даже продавать ихъ за безцѣнокъ, когда, безъ малѣйшаго сомнѣнія, страны, прилегающія къ Амуру, будутъ съ каждымъ годомъ пріобрѣтать и большее значеніе и большую цѣнность, по мѣрѣ развитія европейской и американской промышленности и торговли въ водахъ Восточнаго океана».

Вслѣдствіе такого мнѣнія Комитета, подесятинная плата для земель Амурской области опредѣлена была въ 10 рублей, а переселеніе государственныхъ крестьянъ на казенный счетъ прекращено. Ассигнованная же на этотъ предметъ сумма поступала въ распоряженіе главнаго управленія Восточной Сибирью для оказанія пособій заимообразно поселенцамъ на Амуръ и для составленія съ этою цѣлью особеннаго запаснаго капитала. Что же касается до денегъ, которыя могли быть выручены отъ продажи свободныхъ земель въ Амурской области, то ихъ, по проекту генералъ-губернатора Восточной Сибири, предполагалось въ теченіе первыхъ 20 лѣтъ частью вносить въ Государственное Казначейство, частью употреблять «на различныя полезныя устройства въ новомъ краѣ и преимущественно путей сообщенія и телеграфныхъ линій».

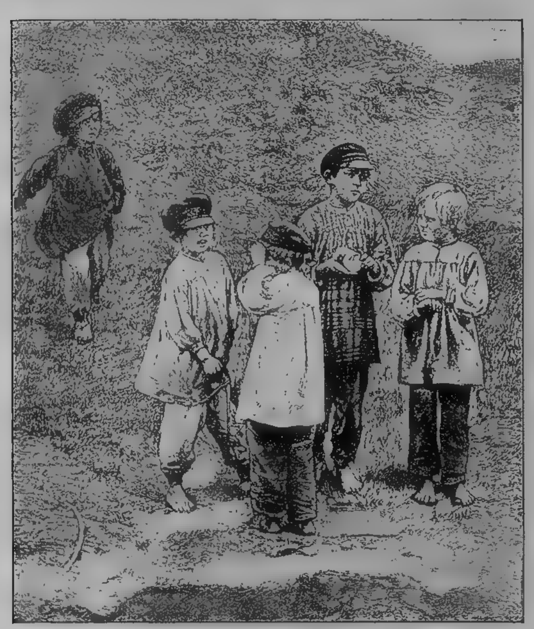
Относительно иностранныхъ колонистовъ предполагалось неизбѣжнымъ правиломъ, чтобы они вступали въ русское подданство и поселялись внутри приамурскихъ областей; всѣ же стратегическіе пункты могли быть заняты или коренными русскими или славянами — чехами, сербами и др.

Въ 1859 г. прибыла на Амуръ первая партія переселенцевъ, всего 240 душъ обоего пола, изъ которыхъ въ селеніи Астраханкѣ на р. Зеѣ поселились переселенцы изъ Таврической губ. Одновременно продолжалось и переселеніе забайкальскихъ казаковъ въ Амурскую область. Основаны были: поселки Бекетовскій (въ Албазинскомъ округѣ), Черняевская станица и Ермаковскій поселокъ (въ Черняевскомъ округѣ), Бибиковскій и Верхне-Благовѣщенскій (въ Екатерининскомъ округѣ), Константиновскій и Поярковская станица (въ Поярковскомъ округѣ). Въ прежде же выстроенныхъ станицахъ открыто 8 школъ.

Въ 1860 г. прибыло въ Амурскую область 542 души обоего пола крестьянъ, которые и расселены были въ новыхъ селеніяхъ: Старо-Воскресенскомъ въ предѣлахъ Албазинскаго казачьяго округа; Бѣлогорскомъ и д. Егорьевкѣ въ Амурско-Зейской вол. и селѣ Александровскомъ Томской волости. Переселенцы эти были изъ сибирскихъ губерній Енисейской и Забайкальской области, а отчасти изъ Полтавской губерніи. Казаковъ въ этомъ году переселено

было изъ Забайкалья для укомплектованія казачьяго войска 3411 душъ обоего пола; они образовали на Амурѣ новые поселки: Игнатьевскій (Екатерининскаго округа), Чесноковскій (въ Поярковскомъ), Сторожевскій (въ Раддевскомъ), Союзовскій (въ Екатерино-Никольскомъ), Степановскій и Головинскій (въ Михаило-Семеновскомъ). Къ нимъ вторично приселено было 586 человѣкъ штрафныхъ солдатъ — мѣра, хотя и имѣвшая въ виду увеличить контингентъ рабочихъ въ области, на самомъ же дѣлѣ приведшая къ весьма грустнымъ результатамъ, такъ какъ безсемейное, развратное, тунеядное населеніе это, прославленное на Амурѣ подъ именемъ «сынковъ», «бузуевъ» и «гольтипаковъ», не только не послужило въ помощь окрестному населенію, но, наоборотъ, легло бременемъ, какъ на него, такъ и на правительство, вынужденное кормить его въ теченіе многихъ лѣтъ и въ такое время, когда каждый пудъ хлѣба цѣнился чуть не на вѣсъ золота.

Въ 1861 г. прибыла на Амуръ послѣдняя изъ первоначально образованныхъ для переселенія на Амуръ партій государственныхъ крестьянъ, также изъ Енисейской и Полтавской губерній, всего—249 душъ обоего пола, которая и образовала два новыхъ селенія—Высокое и Никольское, Томской волости. Въ станицахъ открыто 17 школъ. Наводненіемъ смыты были пашни въ Амурскомъ пѣхотномъ баталіонѣ, впрочемъ, только тѣ, что расположены были въ низинахъ.



Будущіе казаки.

Съ 1861 г., согласно съ мнѣніемъ, выраженнымъ Сибирскимъ комитетомъ, водвореніе государственныхъ крестьянъ въ Амурской Области на казенный счетъ должно было прекратиться; и, безъ сомнѣнія, это распоряженіе должно было бы ознаменоваться, если не полнымъ застоемъ эмиграціи, то во всякомъ случаѣ значительнымъ уменьшеніемъ прилива крестьянскаго земледѣльческаго населенія въ край, если бы незабвенный манифестъ 19 февраля 1861 года, уничтожавшій крѣпостную зависимость на всемъ необъятномъ пространствѣ Россіи, не далъ бы новаго толчка, на этотъ разъ свободной, эмиграціи крестьянъ на Амуръ, гдѣ ихъ по прежнему ожидали различныя льготы. Такъ, по Высочайше утвержденнымъ: положенію 26 марта 1861 г. и мнѣніямъ Государственнаго Совѣта 28 апрѣля 1861 г. и 26 января 1882 г. жители Амурской области освобождались отъ платежа: 1) податей — подушной навсегда, оброчной и поземельной по 27 апрѣля 1891 года, и 2) всѣхъ земскихъ повинностей на три года со дня водворенія; жители же городовъ кромѣ того отъ государственныхъ повинностей и пошлинъ по 1 января 1886 года.

Уже въ 1862 г. прибыли въ Амурскую область добровольные переселенцы изъ губерній: Полтавской, Орловской, Тамбовской, Воронежской и основали два, нынѣ большія, села: Павловку на Томи, въ Томской волости (она выросла, впрочемъ, только впослѣдствіи отъ значительнаго числа позднѣйшихъ приселеній) и Михайловское на р. Завитой, нынѣ волостное селеніе Завитинской волости, сразу заселенное въ обширныхъ размѣрахъ. Въ томъ же году обра-

Жены и дѣти казаковъ на Амурѣ.

зовались и два новыхъ казачьихъ поселка: Квашнинскій и Дежневскій Михайло-Семеновскаго округа.

Въ 1863 году прибыло уже до 1,260 переселенцевъ изъ Забайкальной области, губерній Енисейской, Воронежской и Полтавской. Основали они село Новую Покровку на Амурѣ и деревни Томскую и Ключевскую на р. Томи въ Томской вол., село Троицкое на р. Бѣлой, Богородское и Черемховское на р. Будиндѣ, Черемховской вол., Дмитріевку на р. Будиндѣ Ивановской вол., Петропавловку на р. Завитой, Завитинской вол. Въ томъ же году поселены еще и казачьи поселки: Венцелевскій, Кукелевскій и Бабстовскій въ Михайло-Семеновской вол., и тѣмъ закончено обязательное переселеніе казаковъ изъ Забайкалья. Всего казаковъ переселено въ Амурскую область 11,850 д. об. п., живущихъ нынѣ въ 65 поселкахъ, въ количествѣ до 19,500 д. об. п.

Въ 1864 г. прибыло переселенцевъ крестьянъ болѣе 1,220 изъ Забайкальской обл., губерній Томской, Самарской, Астраханской, Воронежской и Полтавской. Основали они селеніе Сапсаль на Амурѣ въ предѣлахъ казачьяго Кумарскаго станичнаго округа, Сергіевку на Амурѣ, Новотроицкое и Москвитино въ Амурско-Зейской волости, Заливную и Васильевку на р. Томи, въ Томской вол., Среднебѣлую на Бѣлой, въ Черемховской волости, село Ивановское, нынѣ волостное селеніе Ивановской волости и самое крупное въ области, а также Красный яръ на р. Завитой, Завитинской волости.

Въ 1865 году прибыло въ область болѣе 2,400 переселенцевъ изъ Забайкальской обл., губерній: Енисейской, Томской, Самарской, Астраханской, Тамбовской, Харьковской, Полтавской и даже Архангельской; но значительная часть ихъ выселилась въ то же время въ Южно-Уссурійскій край. Оставшіеся образовали въ 1865 г. селенія Марковское, на Амурѣ въ Амурско-Зейской вол., Семи-озерное, на Малой Бѣлой въ Черемховской вол., Андреевку, на р. Манджуркѣ въ Ивановской вол., и Платову на р. Завитой Завитинской вол., а въ 1866 г. Новую, на р. Чирчѣ и Круглую, на р. Томи въ Томской волости.

Въ 1867 и 1868 г.г. прибыло на Амуръ 1,540 переселенцевъ изъ губерній Енисейской, Пермской, Оренбургской, Самарской и Саратовской, но двѣ трети ихъ не удержались на Амурѣ и перешли далѣе, въ Южно-Уссурійскій край. Оставшіеся образовали въ 1867 г.: дер. Бѣлоногову въ Томской вол., Владиміровку на Зеѣ и Николаевку на р. Бѣлой, въ Ивановской волости. Въ томъ же году добровольные переселенцы изъ Забайкальскихъ казаковъ образовали Димскій поселокъ въ Поярковскомъ округѣ. Въ 1868 году никакихъ новыхъ поселеній въ Амурской области не возникло.

Съ 1860 по 1882 г., включительно, переселенческое движеніе въ Амурскую область вообще ослабѣло, но все-таки продолжалось непрерывно изъ года въ годъ до 1881 г. включительно. Въ 1869 г. переселенцы изъ Енисейской, Томской и Пермской губерній основали селенія Михайловку и Грязнушку въ Амурско-Зейской вол., а переселившіеся добровольно забайкальскіе казаки—новый поселокъ въ Михайло-Семеновскомъ округѣ. Въ 1870 г. переселившіеся изъ Тобольской, Томской, Самарской, Астраханской, Воронежской и Тамбовской губерній крестьяне основали сел. Ново-Воскресенское близъ Амура, въ предѣлахъ Кумарскаго станичнаго округа, дер. Гильчинъ въ нынѣшней Гильчинской вол., и Вознесеновку на р. Завитой, Завитинской вол. Въ 1871 г. переселенцы, крестьяне Томской и Самарской губерній, основали селеніе Бахирево на Буреѣ въ Завитинской вол., а переселенцы изъ предѣловъ Кореи, съ прибрежій залива Посьета, основали на Амурѣ село Благословенное. Въ 1872 г. новыхъ крестьянскихъ селеній не возникало, но образовались новые казачьи поселки: Ушаковскій, Симоновскій, Карсакова и Буссе въ Кумарскомъ станичномъ юртѣ и Самарскій въ Екатерино-Никольскомъ. За 1873 и 1874 г.г. раскольники безпоповцы, прибывшіе изъ Томской, Пермской и Самарской губерній, основали селеніе Домиканъ на Буреѣ, въ Завитинской вол., а въ казачьихъ округахъ образовались новые поселки Аносовскій и Новокумарскій въ Кумарскомъ станичномъ

округѣ, Ключевской и Коврижка въ Поярковскомъ, переселившимися на новыя мѣста изъ затопляемой наводненіями станицы Низменной; Марьинской и Башуровскій изъ Раддевской станицы и совершенно оставленнаго вслѣдствіе наводненій Помпеевскаго поселка на Амурѣ. Въ 1875 г. переселенцы изъ Тамбовской и отчасти Самарской губерніи, основали очень крупное селеніе Тамбовку въ Гильчинской вол. Въ 1876 г. переселенцы изъ губерній Воронежской, Харьковской и Полтавской основали дер. Петропавловку на р. Самаркѣ, въ Черемховской вол., и Коршуновку на р. Завитой, въ Завитинской вол. Въ томъ же году возникъ новый казачій поселокъ Биджанскій въ Михайло-Семеновскомъ округѣ. Въ 1877 г. переселенцы изъ Енисейской и Астраханской губерній и Донской обл. основали дер. Вознесенскую на р. Бѣлой въ Томской в. Въ 1878 г. переселенцы изъ губерній Тамбовской, Воронежской и Харьковской основали Петровское на Зеѣ, въ Амурско-Зейской в., Левченковъ выселокъ въ Томской вол. и дер. Кутилову на р. Димѣ, въ Завитинской вол. Въ 1879 г. новыхъ крестьянскихъ селеній совсѣмъ не возникло, но образовались новые казачьи поселки: Петропавловскій въ Кумарскомъ округѣ и Асташинскій въ Иннокентьевскомъ. Въ 1880 г. переселенцы изъ губерній Самарской, Тамбовской, Воронежской, Полтавской и Донской области образовали селеніе Мал. Сазанку на Зеѣ, въ Амурско-Зейской вол., Березовку на Зейскомъ лугу въ Черемховской вол. Въ 1881 году переселенцы изъ губерній: Томской, Тамбовской, Черниговской, Полтавской, Екатеринославской и Астраханской основали селенія Лазаревку на р. Манджуркѣ въ Ивановской вол., Нижне-Полтавку въ Гильчинской вол., Иннокентьевское на р. Половинкѣ, Малиновку и Киселевку на р. Буреѣ, въ Завитинской вол. Въ 1882 году не возникало ни одного новаго крестьянскаго селенія въ области, но съ 1883 года переселенческое движеніе опять оживилось.

Въ 1883 г. прибыло болѣе 200 семей изъ губерній: Полтавской, Тамбовской, Пензенской, Донской обл. и Томской губ. и образовали селеніе Гуранъ на р. Гуранѣ и Бордогонъ на Зеѣ, въ Амурско-Зейской вол., Больш. Сазанку на Зеѣ и Парун[illegible]ку въ Томской вол., и кромѣ того большое количество семей переселилось къ Средне-Бѣлой, Черемховской вол.

Въ 1884 г. прибыло болѣе,—до 420 семей изъ губерній Полтавской, Тамбовской, Донской обл., губерній Воронежской, Харьковской, изъ Забайкальской обл., Томской губ. и съ Сахалина. Они основали селенія: Красный Яръ на Зеѣ, Томской вол., Анновку и Песчаное озеро—одно изъ самыхъ людныхъ селеній области—на р. Будиндѣ и Константиноградовку, въ Ивановской вол., Толстовку и Верхне-Полтавку, въ Гильчинской вол.

Въ 1885 г. прибыло болѣе 200 семей изъ губерній Тамбовской, Полтавской, Донской обл., Екатеринославской, Воронежской, Черниговской, изъ области Забайкальской, и губ. Томской. Они основали селенія: Берьминское на р. Берьмѣ и Климовку на р. Бѣлой, Томской вол., Кулустуай и Каменку на Буреѣ, Завитинской вол.; незначительная же часть переселенцевъ размѣстилась и по существующимъ селеніямъ.

Въ 1886 году прибыло переселенцевъ немного болѣе 60 семействъ изъ губерній Астраханской, Донской обл., Полтавской, Екатеринославской, Томской и Тобольской. Они, при помощи переселенцевъ предшедшаго года, образовали вновь селенія: Натальино на Зеѣ, Амурско-Зейской вол., Андреевку и Комисаровку на Зеѣ, Черемховской вол., и Варваровку на Будиндѣ, Ивановской волости.

Въ 1887 г. прибыло 215 семей: изъ Донской области (126 семей), губерній: Тамбовской Полтавской, Екатеринославской, Астраханской, а также изъ Томской губерніи. Они основали Тарбагатай на р. Чирчѣ, Тамбовской волости, Ново-Покровку и Ново-Алексѣевку, Черемховской вол., Жаркову и Космодемьянову на р. Гильчинѣ, Гильчинской вол., Борисоглѣбовку на р. Димѣ и Куликовку по р. Буреѣ, Завитинской вол. Въ одномъ изъ казачьихъ округовъ, Иннокентьевскомъ, возникъ новый поселокъ Винниковскій, выселившійся изъ Раддевскаго окр.

Въ 1888 г. прибыло 270 семей переселенцевъ изъ губерніи Тамбовской, Донской области,

Полтавской, Воронежской, Екатеринославской, Харьковской, а также изъ Забайкальской обл. и Томской губерніи (безпоповцы). Переселенцы эти основали селенія: Листьвянское въ Томской вол., Зорино на Будиндѣ, въ Ивановской вол., Чуевку на Гильчинѣ, Гильчинской вол., но большинство ихъ размѣстилось по существующимъ деревнямъ.

Въ 1889 г. прибыло уже болѣе 500 семей: изъ губерніи Тамбовской (185 семей), Донской обл., губ. Полтавской, Могилевской, Воронежской, Харьковской, Екатеринославской, а также изъ Забайкальской обл. Переселенцы образовали вновь селеніе Молчановское на Зеѣ, Верхнебѣлое и заимку Позднѣевку на Бѣлой, въ Томской вол., Преображеновку, въ Ивановской вол., но большая часть ихъ переселилась къ существовавшимъ уже селеніямъ. Сверхъ того, въ томъ же году образовалось въ Томской вол. новое селеніе Бѣлояровское изъ переселившихся изъ Амурско-Зейской вол.

Въ 1890 г. прибыли въ числѣ 200 семей переселенцы изъ губерній: Полтавской, Томской, Самарской и Могилевской, и отчасти изъ Томской губ. и Забайкальской обл. Они основали селенія Успеновку въ Черемховской вол., Верхне-Уртуй въ Гильчинской, Бѣлый Яръ и Райчиху въ Завитинской вол. Сверхъ того, возникло также въ Томской волости селеніе Казанка, засеенное переселенцами изъ Амурско-Зейской вол.

Въ 1891 г. переселеніе было слабо. Прибыло до 50 семей изъ Саратовской губ. и Забайкальской области и образовало селеніе Загорную Селитьбу въ Амурско-Зейской волости и Введенское на Зеѣ, въ Томской.

Въ 1892 г. образовалось вновь только два селенія: Паруново Гильчинской вол. и Аркади-Семеновское на р. Харѣ (Бирарѣ), Завитинской вол., изъ выселенцовъ разныхъ другихъ селеній Амурской области.

Наконецъ, въ 1893 прибыло до 40 семей переселенцевъ изъ Полтавской и Тамбовской губерній и образовали дер. Благовѣщенскую на Зеѣ, Томской вол.

Изъ изложеннаго хода русскаго переселенія на Амуръ видно, что собственно долина Амура была заселена съ 1857 по 1863 годъ обязательнымъ правительственнымъ переселеніемъ на Амуръ Забайкальскихъ казаковъ, но что съ 1862 года уже шло безостановочно добровольное переселеніе на Амуръ крестьянъ различныхъ губерній Европейской Россіи и отчасти Сибири. Переселенцы шли въ Амурскую область на собственный счетъ, безъ правительственной помощи. О положеніи края, льготахъ, путяхъ и способахъ передвиженія они узнавали изъ писемъ своихъ земляковъ или родственниковъ. Средства для переселенія они получали отъ ликвидаціи на родинѣ своего хозяйства и продажи своего имущества. Трогались они въ путь раннею весною и прибывали въ Благовѣщенскъ черезъ четыре или пять мѣсяцевъ, если двигались безостановочно. Каждая семья, приблизительно изъ 6 душъ, затрачивала на переселеніе отъ 400 до 500 руб., или по 80 руб. на душу. Конечно, не всѣ переселенцы имѣли эти средства; болѣе зажиточные—вожаки переселенія—своими ссудами вытягивали другихъ, которые впослѣдствіи выплачивали постепенно свой долгъ, уже на мѣстахъ совмѣстнаго поселенія—деньгами или заработкомъ. Всѣ переселенцы двигались въ полномъ составѣ семьи, съ малыми дѣтьми и грудными младенцами. У тѣхъ, кто совершалъ свой путь съ полною опредѣленностію его конечной цѣли, безъ остановокъ и колебаній, убыли въ семьѣ были ничтожны; семьи доходили до Благовѣщенска почти безъ потерь.

Всѣ переселенцы перечислялись только по личной ихъ явкѣ въ область. При явкѣ малыми партіями каждая семья зачислялась въ сельское общество старожиловъ, что было обязательно для обществъ, имѣющихъ земельные запасы, и не иначе какъ по мірскому приговору, для тѣхъ обществъ, которыя значились уже не имѣющими запасовъ. При явкѣ же партіи переселенцевъ въ 15 семей и болѣе, и при желаніи ихъ образовать новое поселеніе, тотчасъ же образовывалось новое общество и названіе новому поселенію давалось согласно желаніямъ самихъ переселенцевъ.

Весьма немногіе изъ крестьянъ переселенцевъ могли образовать поселки въ самой долинѣ

Амура, такъ какъ земли по Амуру при ихъ приходѣ уже были заняты правительственнымъ переселеніемъ казаковъ. За то тѣмъ шире и свободнѣе могли они распространиться по обширной равнинѣ, разстилающейся между западнымъ звеномъ Амурской дуги и Буреинскимъ хребтомъ и орошаемой нижними теченіями Буреи и Зеи и меньшими притоками Амура, какъ напримѣръ, Завитой и Бираромъ. Здѣсь переселенцы, въ теченіе 42 лѣтъ, фактически заняли до 650 тысячъ десятинъ, владѣя такимъ образомъ 125 десятинами на дворъ или 114 десятинами на тягло (брачную пару въ рабочемъ возрастѣ), при чемъ обширныя пространства земли остаются еще свободными, какъ для будущихъ приселеній, такъ и для поселеній новыхъ.

Внутренность крестьянской избы.

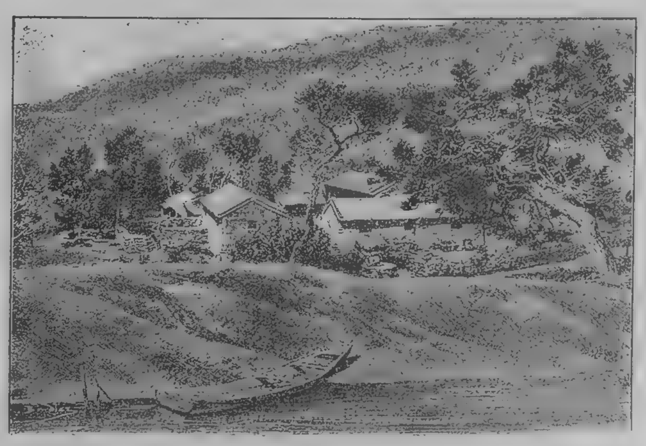
Пользуясь спокойно своими громадными надѣлами и хозяйничая на нихъ экстенсивно, безъ платежа поземельной и оброчной подати, а до 1877 г. даже и безъ земскихъ сборовъ, крестьянскія общества, конечно, не имѣли повода приступать къ выкупу своихъ надѣловъ; поэтому за весь 30-лѣтній періодъ, со времени ихъ переселенія, не было ни одного случая выкупа общественнаго надѣла, и льготная цѣна 3 руб. за десятину, назначенная правилами 27 апр. 1861 и продолженная до 1891 г. не имѣла по отношенію къ обществамъ никакого практическаго примѣненія. Да и продажа земли цѣлымъ обществамъ была бы, по нашему мнѣнію, весьма нежелательною государственною ошибкою. Она изъяла бы изъ собственности государства обширные земельные запасы удобныхъ для колонизаціи земель, которыя въ другихъ мѣстностяхъ Россіи, не исключая и сибирскихъ губерній, начинаютъ истощаться.

Только отдѣльные домохозяева изъ крестьянъ, также какъ и изъ другихъ сословій (благовѣщенскіе мѣщане изъ молоканъ), воспользовались упомянутою трехрублевою оцѣнкой для покупки въ собственность земельныхъ участковъ, на которыхъ они устраиваютъ свои заимки (хутора). Такія земельныя пріобрѣтенія начались уже съ 1866 года. За первое 10-лѣтіе куплено 1,918 дес., за второе уже 11,416 дес., а въ 1888 и 1889 г. еще 11,416 дес. Изъ общаго числа проданныхъ до 1890 г. 25,000 дес. крестьяне купили 5,780 дес., благовѣщенскіе мѣщане (изъ молоканъ) 13,200 дес., остальныя, болѣе 6 тыс., куплены разночинцами. Всѣхъ такихъ мелкихъ собственниковъ этихъ было въ 1890 г. 240, слѣдовательно, на долю каждаго приходилось среднимъ

Переселенцы въ пути.

числомъ немного болѣе 110 дес. Изъ собственниковъ этихъ было 135 мѣщанъ, 85 крестьянъ 13 дворянъ и чиновниковъ, 7 золотопромышленныхъ компаній. Размѣръ участковъ, находящихся нынѣ въ личной собственности въ Амурской области, слѣдующій: 1 участокъ въ 1,006 дес., 13 отъ 400 до 1,000, 82 отъ 100 дес. до 400 и 168 менѣе 100 дес.

Какъ крестьяне, такъ и владѣльцы заимокъ въ обширномъ Зейско-Буреинскомъ раіонѣ живутъ въ довольствѣ. Очевидно, что въ самыхъ естественныхъ условіяхъ страны никакихъ неудобствъ для колонизаціи не встрѣчается.



Деревня на Амурѣ.

Все сказанное имѣетъ примѣненіе къ занятому крестьянской колонизаціею и раздѣленному нынѣ на 6 волостей, обширному Зейско-Буреинскому району, но въ иныхъ нѣсколько условіяхъ находятся приамурскіе казачьи станичные округа.

Забайкальскіе казаки не по своей доброй волѣ, какъ извѣстно, заселили долину Амура. Они прибывали сюда партіями, которыя и распредѣлялись по станицамъ, не только заранѣе намѣченнымъ, но даже и выстроеннымъ солдатами линейныхъ батальоновъ.

При выборѣ мѣстъ для станицъ, безъ сомнѣнія, обращалось большое вниманіе и на пригодность окрестныхъ земель къ обработкѣ; однако, не всегда удавалось удачно скомбинировать всѣ требованія, которыя предъявлялись къ подобнаго рода военнымъ поселеніямъ, а потому легко объяснимы и тѣ нареканія, которымъ зачастую подвергались первые ихъ устроители.

Лодка гольдовъ на Сунгари.

Академикъ Коржинскій довольно обстоятельно знакомитъ насъ съ современнымъ экономическимъ положеніемъ населенія станичныхъ округовъ, расположенныхъ по Амуру ниже Буреинскаго хребта.

Вся мѣстность между Куромъ и Буреинскими горами,—говоритъ онъ,—не предназначена самою природой для густого земледѣльческаго населенія, ибо ни заливная долина, подверженная наводненіямъ, ни прежняя рѣчная терраса, покрытая на огромнѣйшія пространства болотами, ни тѣмъ болѣе предгорія Буреинскихъ горъ не представляютъ, по крайней мѣрѣ въ ближайшемъ будущемъ, значительной культурной площади. Этотъ край питаетъ, правда, въ настоящее время свое немногочисленное казачье населеніе, но и то немногое, что онъ даетъ, добыто цѣной самыхъ тяжкихъ лишеній и трудовъ первыхъ піонеровъ.

Вся полоса между Хабаровскомъ и Союзной заселена казаками, водворенными сюда изъ Забайкалья по жребію. Неохотно, нерѣдко съ плачемъ и стонами, разставались вынувшіе

жребій съ берегами Шилки, берегами благословенной Унды и вообще хлѣбороднымъ степнымъ краемъ Забайкалья, пускаясь въ невѣдомыя страны. Богатые часто нанимали за себя охотниковъ, предпочитая оставаться на насиженныхъ мѣстахъ. Самое переселеніе совершалось на казенный счетъ, причемъ, однако, переселенцы были стѣснены и въ количествѣ скота и въ количествѣ хлѣба, которое можно было взять съ собою. Поэтому болѣе зажиточные предпочитали отправляться на собственныхъ плотахъ, забирая съ собою весь скотъ, инвентарь и большой запасъ хлѣба. Такіе хозяева сразу стали въ лучшее положеніе. Но всѣ—и богатые и бѣдные,—были совершенно одинаково не подготовлены къ колонизаціи края, столь отличнаго отъ мѣста ихъ родины, и не имѣли никакого понятія ни о томъ, что ихъ ожидаетъ, ни объ условіяхъ своего новаго мѣстожительства.

Гольды.

Вполнѣ понятно, что всѣ они были поселены по берегамъ Амура. Амуръ былъ въ то время единственнымъ средствомъ сообщенія, его рыбныя богатства могли служить предспорьемъ въ хозяйствѣ. Притомъ же только по берегамъ его первые переселенцы нашли обширныя луговыя равнины, представлявшія и богатыя сѣнокосныя угодья и прямо пригодныя для пахоты, тогда какъ дальше отъ берега начинались или сплошные лѣса или болота.

Но здѣсь-то и начались мытарства колонизаторовъ. Они, разумѣется, и не подозрѣвали, что поселились на заливной долинѣ Амура. Ихъ обмануло то обстоятельство, что весной она не была покрыта водой. Но весенніе разливы Амура вообще незначительны, между тѣмъ среди лѣта нерѣдко происходятъ, въ зависимости отъ количества дождей, сильныя повышенія уровня воды; причемъ временами, хотя далеко и не каждый годъ, эта долина вся или отчасти, затопляется. И вотъ такія наводненія происходили неоднократно въ первые же годы русской колонизаціи. Неожиданные разливы Амура затопляли поля и деревни переселенцевъ, сносили избы, только что поставленные стога сѣна, портили хлѣбъ и вообще производили полное раззореніе или, по крайней мѣрѣ, наносили большой ущербъ не установившемуся хозяйству. Приходилось переносить поселки и пашни на болѣе или менѣе возвышенные пункты, сѣно, только что скошенное, свозить на бугорки и жить такъ въ вѣчномъ страхѣ, что новое, еще большее, наводненіе заставитъ ихъ снова искать болѣе удобнаго мѣста. Изъ многихъ, первоначально основанныхъ, поселковъ жители — по мѣстному выраженію—«раскочевались», т.-е., разошлись въ разныя стороны. Изъ 22 станицъ перестали существовать и принуждены были перемѣнить свои первоначальныя мѣста 10 станицъ. Другіе поселки были переносимы съ мѣста на мѣсто и только очень немногія селенія остались тамъ, гдѣ они были первоначально основаны.

Гольды съ Уссури.

Между Хабаровскомъ и стан. Союзной въ отрогахъ Хингана, т.-е., на протяженіи около

Ночлегъ переселенцевъ.

400 верстъ, слѣдующіе поселки заброшены совсѣмъ: Новгородскій, Нижне и Верхне—Спасскій, Петровскій, Добрая и Нагибова. Послѣднія двѣ станицы заброшены были послѣ наводненія 1872 года. Теперь только заросли чернобыльника указываютъ здѣсь на мѣста прежнихъ пашень. Впрочемъ, въ Нагибовой сохранился еще одинъ дворъ—заимка казака Лунина; въ остальныхъ же, кромѣ смотрителей почтовыхъ станцій, въ настоящее время нѣтъ никого.

Другія станицы, хотя и продолжаютъ существовать, но были вынуждены перебираться на другія мѣста. Такъ Степановскій выселокъ поренесенъ на 4 версты отъ Амура, часть Михайло-Семеновской станицы перенесена пониже на песчаныя гривы, Квашнина на восемь верстъ отъ Амура, Пузино на 5 верстъ выше. Такъ что число береговыхъ селеній, которыя остались на своихъ прежнихъ мѣстахъ и не терпятъ отъ наводненій, въ общемъ очень не велико (Союзная, Екатерино-Никольская). Вслѣдствіе желанія уйти дальше отъ наводненій и были основаны поселки, удаленные отъ Амура, какъ Бабстовскій, напримѣръ, (25 в.) или Биджанскій (35 в.).

Легко понять, какъ тяжело отзывались эти наводненія и необходимость вновь переходить съ мѣста на мѣсто на подневольныхъ колонизаторовъ края. Главное же бѣдствіе для переселенцевъ состояло въ полномъ несоотвѣтствіи мѣстной природы съ привычными для нихъ условіями Забайкальской обл. Привыкшіе къ сухому лѣту, казаки съ ужасомъ смотрѣли на проливные дожди, которые длились по 18 дней подрядъ и сразу уничтожали надежду на урожай. Скотъ, выросшій на степныхъ, сухихъ пастбищахъ, ходилъ цѣлые дни среди высокой, сочной травы болотистыхъ луговъ и возвращался домой еще болѣе отощавшимъ. Много скота перемерло и лишь постепенно, черезъ нѣсколько поколѣній, выработалась раса, приспособленная къ мѣстнымъ условіямъ.

Таковы условія, въ которыя попали забайкальцы; нечего, поэтому, ихъ и винить въ томъ, что хозяйство ихъ идетъ здѣсь не особенно то успѣшно. Постоянныя неудачи могли ослабить энергію самыхъ сильныхъ, слабые же, весьма естественно, пали духомъ и стали апатично относиться къ себѣ и къ своему будущему, не предвидя возможности измѣнить его къ лучшему. Вотъ почему большинство ихъ станицъ производитъ на путника столь грустное впечатлѣніе. Вотъ какъ описываетъ ихъ, напримѣръ, Шперкъ.

«Всѣ они имѣютъ сходную физіономію: надъ обрывистымъ, нерѣдко крутымъ берегомъ Амура, у подошвы горы или по ея скату, или же вдоль ровнаго берега рѣки, вытянуты въ линію бревенчатые небольшіе дома, въ два или три окна, одинаковой наружности. Впереди домовъ, у берега, расположены огороды и бани; сзади дома едва огороженное балясникомъ мѣсто представляетъ дворъ, на которомъ стоитъ небольшой амбаръ, да и то не у каждаго хозяина. Навѣсовъ для скота и сараевъ никто почти не имѣетъ, а потому и станицы не представляютъ вида зажиточности и домовитости обитателей. У многихъ домовъ въ небольшихъ оконныхъ рамахъ стекла, состоящія изъ множества мелкихъ кусковъ, оправленныхъ въ березовую кору, представляютъ изъ себя причудливой формы узоры, но вообще даютъ мало свѣта. Часто встрѣчаются дома, крытые древесною корой, мѣстами съ не достроенными крылечками. Въ нѣкоторыхъ станицахъ начальство велѣло передъ домами насадить деревья, но такъ какъ у казаковъ къ этому нѣтъ ни малѣйшей любви и охоты, то деревья повысохли, а палисадники развалились. Въ большихъ станицахъ дома тянутся въ двѣ или три улицы. Въ центрѣ станицы или на одномъ изъ ея концовъ, на болѣе возвышенномъ мѣстѣ, среди поляны, густо поросшей травой и лещиной, стоитъ небольшая деревянная церковь, у которой иногда увидишь два-три случайно уцѣлѣвшихъ дерева—березы или дуба. Вблизи церкви нѣсколько домовъ болѣе обширныхъ, предназначенныхъ для помѣщенія священника, сотеннаго командира, училища, правленія и проч. Дома внутри содержатся вообще чисто, стѣны и печь въ большинствѣ случаевъ выбѣлены известью; но какая то пустота и бездомность вѣютъ въ этихъ домахъ и наводятъ на васъ тяжелое чувство. Вообще, проѣзжающаго по Амуру поражаетъ

необычайная безжизненность его станицъ и бѣдность населенія. Лѣтомъ зелень, да изрѣдка проплывающій пароходъ, казачьи боты, оморочи туземцевъ или манджурскія лодки, бороздящіе рѣку, разнообразятъ этотъ пустынный видъ и умѣряютъ грустное впечатлѣніе; но зимой, скованная морозами рѣка, представляющая съ окружающею мѣстностью сплошную снѣжную пустыню, еще болѣе увеличиваетъ тягостное чувство, овладѣвающее путникомъ при въѣздѣ въ точно вымершее селеніе».

Станичные округа и волости Амурской области могутъ быть распредѣлены на три группы. Къ первой изъ нихъ, *Верхне-Амурской*, можно отнести пять станичныхъ округовъ, расположенныхъ вдоль Амура отъ слiянія Шилки съ Аргунью до окрестностей Благовѣщенска, какъ то: Игнашинскій, Албазинскій, Черняевскій, Кумарскій и Екатерининскій. Населеніе ихъ состоитъ, кромѣ 680 крестьянъ (380 м. п.), изъ казаковъ коннаго Амурскаго полка, переселенныхъ сюда изъ Забайкалья, гдѣ они издавна были казаками Забайкальскаго войска. Ко второй группѣ, *Южно-Амурской*, тоже пять станичныхъ округовъ, начинающихся за манджуро-китайскими землями лѣваго берега Амура, ниже Айгуна, и растянутыхъ вдоль Амура до восточной границы области. Сюда относятся станичные округа: Поярковскій, Иннокентьевскій, Раддевскій, Екатерино-Никольскій и Михайло-Семеновскій. Жители двухъ первыхъ округовъ Южно-Амурской группы—также казаки коннаго Амурскаго полка, а трехъ послѣднихъ—казаки пѣшаго Амурскаго баталіона, переселенцы изъ Забайкалья, бывшіе тамъ прежде горнозаводскими крестьянами Нерчинскаго округа, но, незадолго до занятія Амура, переименованные въ казаковъ. Къ третьей группѣ, *Зейско-Буреинской*, относится шесть волостей, занявшихъ обширныя площади въ пространной и удобной для заселенія Зейско-Буреинской равнинѣ. Волости эти: Амурско-Зейская, Томская, Черемховская, Ивановская, Гильчинская и Завитинская. Жители этихъ волостей почти исключительно крестьяне, переселенцы по преимуществу изъ разныхъ губерній Европейской Россіи, а отчасти и Сибири, гдѣ, впрочемъ, большинство этихъ переселенцевъ было еще новоселами.

Численность всего русскаго сельскаго населенія Амурской области составляетъ 51,320 д. об. п. (26,792 м. п.), изъ которыхъ на долю округовъ первой группы приходится 7,590 (3,886 м. п.); на долю округовъ второй группы—12,722 (6,716 м. п.) и на долю волостей третьей группы 31,008 (16,191 м. п.). Между этими жителями: казаковъ 19,523 (10,191 м. п.), крестьянъ 30,596 (15.991 м. п.), остальные мѣщане и разночинцы. Почти все населеніе казачьихъ округовъ принадлежитъ къ православному вѣроисповѣданію; среди него есть только 5 католиковъ (4 м. п.), 6 евреевъ (м. п.) и не болѣе 18 человѣкъ старовѣровъ. Въ предѣлахъ крестьянскихъ волостей проживаетъ 32 католика (15 м. п.). 1 протестантъ, 16 магометанъ (13 м. п.), но пропорція раскольниковъ чрезвычайно велика во всѣхъ волостяхъ, кромѣ Амурско-Зейской. Общее ихъ количество простирается до 6,010 (3,085 м. п.); изъ нихъ пріемлющихъ священство австрійскаго толка 506 (256 м. п.), семейской секты 200 (114 м. п.), безпоповцевъ 1882 (972 м. п.) и молоканъ 3,422 (1,743 м. п.). Въ рабочемъ возрастѣ изъ русскаго сельскаго населенія области 12,484 мужчинъ и 11,838 женщинъ, такъ что все сельское рабочее населеніе области составляетъ 47% всего населенія, но въ Южно-Амурскихъ округахъ пропорція эта поднимается до 49%, а въ Зейско-Буреинскихъ волостяхъ опускается до 46,7%. Общая пропорція женщинъ къ мужчинамъ въ сельскомъ населеніи не особенно выгодна, а именно: на 1,000 мужчинъ приходится женщинъ 915. Пропорція эта въ Верхне-Амурскихъ округахъ гораздо выше (953), въ Южно-Амурскихъ значительно ниже (894) а въ Зейско-Буреинскихъ волостяхъ близка къ средней (917). Между рабочимъ возрастомъ сельскаго населенія пропорція эта выгоднѣе, а именно: на 1,000 мужчинъ приходится 950 женщинъ. У крестьянъ послѣдняя пропорція доходитъ до 965, у казаковъ Верхне-Амурскихъ округовъ численность женщинъ въ рабочемъ возрастѣ даже равна численности мужчинъ, но въ Южно-Амурскихъ казачьихъ округахъ пропорція опускается до 880 женщинъ на 1,000 мужчинъ.

Вообще говоря, недостаточная пропорція женщинъ къ числу мужчинъ существуетъ у насъ во всѣхъ новоколонизованныхъ странахъ и можетъ быть объяснена тѣмъ, что, при измѣненіи климатическихъ условій и тягостяхъ, выпадающихъ на долю первыхъ переселенцевъ въ новомъ краѣ, женщины гибнутъ въ большей пропорціи, чѣмъ мужчины.

Такъ какъ русское населеніе Амурской области составляетъ 7,244 хозяйственныхъ двора, то на дворъ приходится по 7,1 душъ об. п.; у крестьянъ ровно 7 на дворъ, у Верхне-Амурскихъ казаковъ 6,5, у Нижне-Амурскихъ 7,2. Взрослыхъ работниковъ м. п. на дворъ приходится 1,7, а тяголъ 1,27, то-есть, въ большинствѣ дворовъ существуетъ только одна брачная пара и только развѣ въ трети дворовъ ихъ по двѣ (такъ какъ есть, конечно, вдовьи дворы, въ которыхъ нѣтъ ни одной брачной пары).

Для полученія полнаго итога населенія Амурской области мы должны присоединить къ цифрѣ сельскаго (казачьяго и крестьянскаго) населенія области еще слѣдующія:

1) Приведенную уже нами выше цифру населенія города Благовѣщенска — 21,096 жит. (14,606 м. п.).

2) Цифру населенія, обитающаго внѣ предѣловъ казачьихъ округовъ и крестьянскихъ волостей, а именно: въ раіонахъ горныхъ исправниковъ, составляющую по губернаторскому отчету за 1891 годъ 8,009 д. об. п. (6,488 м. п.).

3) Цифру населенія корейскаго села Благословеннаго, выше уже упомянутую, а именно: 1,090 д. об. п. (583 м. п.).

4) Цифру населенія манджуро-дауро-китайскаго населенія на лѣвомъ берегу Амура, уже приведенную выше, а именно 14,000 об. п.

5) Цифру инородческаго населенія области. Цифра эта какимъ-то приблизительнымъ исчисленіемъ, относящимся къ 1887 году, была опредѣлена въ губернаторскомъ отчетѣ въ 3,000 человѣкъ, но такъ какъ при этомъ показано было мужчинъ 2,156, а женщинъ 844, а такой непропорціональности числа мужчинъ и женщинъ въ инородческомъ населеніи предполагать невозможно, то мы смѣло можемъ увеличить число женщинъ до пропорціи, существующей въ области и довести цифру инородцевъ до 4,000 человѣкъ.

Если дополнить еще приведенныя цифры не включеннымъ въ нихъ большинствомъ состава, блуждающихъ по области и занимающихся въ значительной мѣрѣ хищничествомъ, поисковыхъ партій, въ составѣ которыхъ есть множество лицъ, не пустившихъ корней ни въ одномъ изъ поселковъ области и никуда не приписанныхъ, то получится, что въ 1893 году населеніе Амурской области уже превосходило 100 т. душъ об. п., изъ коихъ 80% принадлежало русской народности.

Но не однимъ путемъ колонизаціи растетъ русское населеніе въ Амурской области. Растетъ оно и путемъ естественнаго прироста, какъ это можно видѣть изъ православныхъ метрическихъ записей, дающихъ намъ за послѣднее 8-лѣтіе слѣдующіе результаты:

	Число браковъ:	Родившихся: м. п.	Родившихся: ж. п.	Умершихъ: м. п.	Умершихъ: ж. п.	Прирость населенія: м. п.	Прирость населенія: ж. п.	Итого.
1885	303	1004	899	709	613	295	286	581
1886	421	1352	1231	705	567	647	664	1311
1887	468	1340	1297	613	514	727	783	1510
1888	462	1333	1351	698	520	635	831	1466
1889	584	1581	1599	978	782	603	817	1420
1890	523	1675	1616	986	806	689	810	1499
1891	678	2038	1854	1048	853	990	1001	1991
1892	660	2142	2017	1106	958	1036	1059	2095
Итого	4099	12455	11864	6842	5613	5622	6251	11873

Очевидно, такимъ образомъ, что естественный приростъ населенія въ Амурской области

весьма значителенъ и представляется пропорціонально выше, чѣмъ въ большинствѣ губерній Европейской Россіи.

Общая площадь отведенныхъ русскому сельскому населенію земель составляетъ 980,500 дес., громадный отводъ—болѣе 36 дес. на душу м. п., при чемъ верхне-амурскіе казаки имѣютъ 40 дес. на душу м. п., крестьяне 37 дес., а южно-амурскіе 33 дес. Земель, вполнѣ удобныхъ для хлѣбопашества, въ томъ числѣ сами жители насчитываютъ 405,000 дес., т.-е. по 15 дес. на душу, при чемъ такихъ земель особенно много въ волостяхъ Зейско-Буреинской равнины, а именно: около 22 дес. на душу м. п. Понятно, что при такихъ условіяхъ на площади, уже отведенной нынѣшнимъ жителямъ округовъ и волостей, возможно вновь поселить еще столько же жителей, сколько ихъ заселено въ настоящее время, не стѣсняя на долгое время будущаго естественнаго прироста населенія. Изъ силы прироста этого населенія прямо можно заключить, что, не смотря на различіе естественныхъ условій Амурской области отъ такихъ же условій Европейской Россіи и даже Сибири и на тяжелый процессъ приспособленія поселенцевъ къ новымъ условіямъ жизни, условія эти настолько благопріятны въ Амурской области, что она представляетъ весьма удобную для избытка населенія нѣкоторыхъ частей Европейской Россіи колонизаціонную площадь. Въ ней много земель можетъ быть еще отведено переселенцамъ и много новыхъ русскихъ поселковъ основано, въ особенности если будущая желѣзная дорога, начиная отъ Черняевой или Кумарской станицы, покинувъ долину Амура, пойдетъ на перерѣзъ, самой удобной для колонизаціи, Зейско-Буреинской равнины, захватывая территоріи развивающихся Амурско-Зейской, Томской и Завитинской волостей. Но за предѣлами этой равнины и ея подгорной окраины, вся сѣверная часть области не доступна уже для земледѣльческой колонизаціи.

Земледѣліе въ разсматриваемомъ краѣ можетъ быть охарактеризовано такъ. Въ немъ воздѣлываются на поляхъ слѣдующія растенія: озимая и яровая рожь, яровая пшеница, овесъ, ячмень, гречиха, просо много сортовъ, въ особенности у корейцевъ, ленъ, картофель и бахчевыя растенія. Озимые хлѣба, имѣющіе весьма важное значеніе въ хозяйствахъ Европейской Россіи, занимаютъ здѣсь второстепенное мѣсто. Малая распространенность озимой ржи объясняется отчасти не устойчивостью снѣжнаго покрова, что имѣетъ мѣсто въ приморскомъ районѣ и въ нѣкоторыхъ частяхъ южно-уссурійскаго, главное же затрудненіе заключается въ томъ, что уборка озимой ржи совпадаетъ съ сѣнокосомъ, который во всемъ краѣ имѣетъ первенствующее значеніе; кромѣ того, на созрѣваніе озимого хлѣба весьма дурное вліяніе оказываютъ іюльскіе дожди.

Яровая рожь занесена сюда изъ Забайкалья. Первые переселенцы на р. Уссури, казаки, а также крестьяне, поселенные сначала на нижнемъ Амурѣ, а затѣмъ переселившіеся въ заливъ св. Ольги и на Сучанъ, принесли съ собою изъ названной области многія сельскохозяйственныя сѣмена; озимая же рожь—происхожденія средне-русскаго, т.-е. изъ Черниговской и Полтавской губерній. Пшеница здѣсь разнаго происхожденія: забайкальская и русская (гирка), къ этимъ сортамъ, въ большей или меньшей степени, примѣшивалась пшеница манджурская съ долины р. Сунгари. Всѣ эти сорта до такой степени перемѣшались, что потеряли свою типичность; впрочемъ, манджурская пшеница постепенно вытѣсняетъ другіе сорты.

То же самое слѣдуетъ сказать про ячмень. При постоянномъ соприкосновеніи съ китайцами и корейцами русское населеніе заимствовало у нихъ сѣмена пшеницы, ячменя и др., примѣшивая къ нимъ принесенныя съ далекой родины. Хлѣба, заимствованные у китайцевъ оказались наиболѣе устойчивыми, тогда какъ русскіе сорта очень скоро вырождались.

Овесъ—происхожденія русскаго или забайкальскаго. Китайцы и корейцы прежде не разводили овса, но съ приходомъ русскихъ доставали у нихъ сѣмена и начали высѣвать это растеніе въ значительныхъ размѣрахъ. Просо—происхожденія русскаго и встрѣчается трехъ цвѣтовъ: красное, сѣрое и черное; гречиха отчасти изъ Россіи, а отчасти изъ Забайкалья.

Изъ числа мѣстныхъ растеній главное значеніе имѣетъ буда (мелкое головчатое просо) нѣсколькихъ сортовъ, гаолянъ (сорго) и бобы сои многихъ сортовъ. Эти растенія воздѣлываются китайцами и корейцами, а у русскихъ они встрѣчаются какъ исключеніе.

При распашкѣ цѣлинныхъ мѣстъ или залежи повсемѣстно употребляется плугъ. Это орудіе занесено изъ Россіи и притомъ самаго первобытнаго устройства. Желѣзныя части въ немъ— лемехъ, рѣзецъ и одинъ или два шкворня (болта) для скрѣпленія отвала и лемеха съ грядилемъ; все остальное дѣлается изъ дерева. Для грядиля выбираютъ прочный березовый брусокъ, отвалъ дѣлается изъ вершковой или полуторной доски; передокъ ставится на обыкновенныя телѣжныя колеса, только разныхъ діаметровъ. Рѣзецъ заклепывается въ грядилѣ на вершокъ впереди лемеха. Орудіе чрезвычайно громоздко, неустойчиво, работать имъ трудно, а хорошо пахать невозможно. Единственное достоинство его и при томъ весьма цѣнное въ глазахъ крестьянина, состоитъ въ томъ, что починять орудіе можетъ всякій у себя дома.

Въ такой плугъ при работѣ на цѣлинѣ впрягается 6 или 8 воловъ, а при распашкѣ болѣе мягкихъ залежей достаточно бываетъ 4. При паханьи стараются дѣлать борозды какъ можно шире; обыкновенно ширина отваливаемаго пласта 6—8 вершк. и доходитъ даже до 12 вершк., такъ что на сажени выходитъ отъ 4 до 8 бороздъ. Глубина паханія на цѣлинѣ рѣдко превосходитъ 2 вершк., почему отваливаемый пластъ получается слишкомъ широкъ по отношенію къ толщинѣ и не можетъ быть правильно отваленъ.

Другого рода орудіе представляетъ сабанъ (по мѣстному произношенію «шабанъ»; онъ встрѣчается у казаковъ въ долинѣ Уссури, занесенъ ими изъ Забайкалья, а отъ нихъ заимствованъ и нѣкоторыми крестьянами. Сабанъ употребляется, главнымъ образомъ, на мягкихъ поляхъ. Кромѣ того, на Уссури и въ другихъ мѣстахъ употребляютъ для паханья, такъ называемые, сошники; это орудіе очень сходно съ сабаномъ, и отличіе его состоитъ въ томъ, что у него вмѣсто одного два треугольныхъ лемеха, надѣваемыхъ на подошву такъ, что ихъ длинныя стороны распологаются вмѣстѣ, образуя при этомъ только небольшую щель.

Болѣе совершенныя орудія для обработки почвы чрезвычайно слабо распространены, а только немногіе хозяева имѣютъ въ этомъ отношеніи что-либо лучшее, чѣмъ самодѣльный плугъ или сабанъ. Въ нѣкоторыхъ селеніяхъ стали распространяться желѣзныя части плуговъ заводскаго издѣлія; хозяева покупаютъ лемехъ съ отваломъ и подошвой, ножъ и болты за 21 руб. (изъ Владивостока), а всѣ деревянныя части дѣлаютъ дома. Этотъ плугъ, напоминающій англо-болгарскій Говарда, составляетъ уже значительный шагъ впередъ. Затѣмъ попадаются и желѣзные плуги, преимущественно Эккерта. Но огромное большинство хозяевъ двухъ южныхъ районовъ и всѣ безъ исключенія въ двухъ сѣверныхъ—обработываютъ свои поля самодѣльными орудіями.

Для всѣхъ родовъ посѣва, не исключая и бахчей, пашутъ повсемѣстно одинъ разъ. Раздѣлывать цѣлину, конечно. тамъ, гдѣ она еще имѣется, начинаютъ обыкновенно съ 1-іюня. Вспаханное поле (залогъ) оставляютъ лежать въ покоѣ, пока оно не заростетъ сорными травами; въ концѣ іюля боронуютъ залоги. Двоеніе цѣлины почти нигдѣ не примѣняется, а въ огромномъ большинствѣ случаевъ довольствуются вспашкой одинъ разъ.

Первая весенняя работа начинается въ Южно-Уссурійскомъ краѣ съ посѣва пшеницы и ярицы, что обыкновенно бываетъ въ первыхъ числахъ апрѣля, если только весна не запоздаетъ; затѣмъ сѣютъ овесъ. Относительно этого послѣдняго нужно замѣтить, что многіе высѣваютъ овесъ въ концѣ мая и находятъ это лучшимъ. Бахчевыя растенія, равно какъ картофель, засаживаются къ 10-му мая. Всѣ роды хлѣба сѣютъ только въ разбросъ руками и сѣмена задѣлываютъ бороной; боронятъ передъ самымъ посѣвомъ въ 2 бороны и послѣ него въ 2—4 бороны

Обработка почвы повсемѣстно оставляетъ желать многаго. Паханіе производится крайне небрежно и совершенно неправильно. Всюду стараются дѣлать какъ можно шире пласты,

нисколько не сообразуясь съ толщиной, вслѣдствіе чего дернина перепрѣваетъ совершенно неправильно. Когда плугъ отъ чего-либо выскочитъ, пахарь никогда не воротится назадъ, чтобы пройти по той же бороздѣ и вспахать пропущенное мѣсто; крестьянинъ предпочитаетъ оставить «огрѣхъ». Вслѣдствіе всего этого, развитіе молодыхъ культурныхъ растеньицъ сильно затрудняется.

Обиліе лѣтней влаги при достаточной теплотѣ чрезвычайно способствуетъ разростанію сорныхъ травъ; небрежная же обработка земли усиливаетъ это зло еще болѣе. Поэтому мѣстныя поля чрезвычайно засорены всякаго рода растительностью, пышно развивающеюся въ ущербъ хлѣбамъ. Осотъ, лебеда, полыни, куколь, различныя зонтичныя, а также хвощи, и проч. Образуютъ цѣлыя насажденія. Отсюда не мудрено, что здѣшніе хлѣба отличаются такой сорностью, какой нигдѣ въ Европейской Россіи не встрѣчается.

При томъ огромномъ избыткѣ свободной земли, какой имѣется въ Уссурійскомъ краѣ, не можетъ пока быть и рѣчи о болѣе или менѣе правильномъ сѣвооборотѣ, такъ какъ въ немъ нѣтъ потребности. Обыкновенно на одномъ и томъ же участкѣ высѣваютъ различныя хлѣбныя растенія, пока онъ будетъ родить; когда же урожаи перестанутъ удовлетворять хозяина, участокъ забрасывается въ залежь на неопредѣленное число лѣтъ. Количество земли, засѣваемое отдѣльными крестьянами и казаками, неопредѣленно; распахиваютъ и засѣваютъ,—кто сколько можетъ и гдѣ хочетъ. 10—15 десятинъ посѣва съ каждогоднимъ поднятіемъ 2—5 десятинъ цѣлины можно считать обыкновеннымъ размѣромъ; болѣе богатые хозяева засѣваютъ 40—50 и болѣе десятинъ. Менѣе всего, разумѣется, обрабатываютъ земли вновь прибывшіе переселенцы.

Въ настоящее время въ Приморской области существуетъ три типа хозяйствъ, которыя необходимо строго различать. Типы эти слѣдующіе: 1) хозяйство крестьянъ, 2) хозяйство казаковъ и 3) хозяйство корейцевъ. Во всемъ краѣ площадь, занятая подъ культурными растеніями, достигаетъ 42,566 десятинъ; изъ этого числа на долю крестьянскихъ хозяйствъ приходится 26,039 дес. (61%), казачьихъ 6,539 (15%) и корейскихъ 9,988 (24%). Въ крестьянскихъ селеніяхъ на одно хозяйство приходится 6,7 десятинъ посѣвовъ, при колебаніи по районамъ отъ 2,1 до 7,8 дес., въ казачьихъ—7,1 десят. и въ корейскихъ—3,4. При сравненіи казачьяго хозяйства съ крестьянскимъ въ одномъ и томъ же районѣ, напр., Южно-Уссурійскомъ, оказывается, что размѣры средняго хозяйства у казаковъ нѣсколько большіе; такъ, среднее количество посѣва, приходящееся на одинъ казачій дворъ,—9 десятинъ, а на крестьянскій 7,8. Здѣсь наблюдается совершенно обратное явленіе, чѣмъ въ Амурской области, гдѣ средняя величина посѣва у крестьянъ 12 дес. и у казаковъ 6 десятинъ.

Что касается урожаевъ, то они весьма различны. При благопріятныхъ условіяхъ въ бассейнѣ озера Ханки на цѣлинѣ ярица и пшеница даютъ до 120 пудовъ съ казенной десятины; тѣ же растенія на старыхъ земляхъ даютъ 50—70 пудовъ. Сборы овса и ячменя колеблются въ весьма сильныхъ предѣлахъ. При сравненіи урожаевъ Приморской области съ Амурской оказывается, что въ послѣдней средняя урожайность всѣхъ хлѣбовъ выше, чѣмъ въ первой, самые урожаи постояннѣе и вообще въ Амурской области существуетъ менѣе неблагопріятныхъ условій произростанія хлѣбовъ, чѣмъ въ Приморской.

Снопы хлѣба изъ суслоновъ или копенъ чаще всего свозятся на токъ и складываются здѣсь въ зароды или стога, большею частью круглой формы. Подъ зародъ подстилаютъ солому, но изрѣдка у хорошихъ хозяевъ дѣлается даже родъ фундамента изъ бревенъ, высотою около $^1/_2$ арш. отъ земли. Въ зародахъ хлѣбъ остается до самой молотьбы. Для тока выбираютъ ровное мѣсто, очищаютъ его отъ травы и утаптываютъ. Въ началѣ ноября (а въ сѣверныхъ районахъ ранѣе), когда уже устанавливаются постоянные морозы, токъ поливаютъ нѣсколько разъ водою, чтобы образовался ледъ, толщиною въ $^1/_2$ вершка. Если имѣется подъ рукою озеро или рѣка, токъ устраивается прямо на льду.

Господствующій способъ молотьбы—цѣпами; многіе крестьяне и казаки нанимаютъ для этой работы корейцевъ, у которыхъ цѣпы болѣе легкаго устройства, чѣмъ обыкновенные русскіе. При молотьбѣ лошадями, чаще встрѣчающейся у казаковъ, разстилаютъ на току снопы въ кругъ и гоняютъ безпрерывно пять—восемь лошадей одну за другой, при чемъ снопы постоянно переворачиваютъ. Молотьба лошадями во многомъ уступаетъ молотьбѣ цѣпами и хорошіе хозяева не употребляютъ такого способа. Въ двухъ южныхъ районахъ часто молотятъ китайскими катками; они каменные, 1—1½ арш. длины, въ поперечникѣ 8—9 вершковъ, гладкіе и нѣсколько коническіе (поперечникъ одного конца нѣсколько шире другого). Катокъ запрягается въ одну лошадь и пускается по разостланному въ кругѣ хлѣбу. По чистотѣ работы молотьба катками занимаетъ среднее мѣсто между ручной и лошадиной молотьбой. Молотьба хлѣба на молотилкахъ встрѣчается, какъ исключеніе. Молотьба продолжается, обыкновенно, цѣлую зиму, а у нѣкоторыхъ затягивается до мая.

Вѣяніе хлѣба производится только на вѣтру и часто затрудняется, такъ какъ зимою иногда по-долгу стоитъ безвѣтріе; приходится ждать благопріятной погоды. Вѣялки встрѣчаются весьма рѣдко. Очистка зерна составляетъ слабое мѣсто здѣшнихъ хозяйствъ. Не только нѣтъ сортировокъ, но даже не имѣется хорошихъ цинковыхъ рѣшетъ для подсѣванія. Очищаютъ сѣмена на самодѣльныхъ рѣшеткахъ изъ кожи или волоса, дырочки на кожѣ пробиваютъ желѣзными трубочками. Но подобная очистка весьма несовершенна и зерно получается очень сорное.

Отсюда видно, что во всей Приморской области существуютъ весьма благопріятныя условія для развитія сорныхъ травъ, а устарѣлые пріемы культуры, практикуемые населеніемъ, нисколько не могутъ, разумѣется, уменьшить этого зла; ко всему этому прибавляется еще полное отсутствіе удовлетворительныхъ способовъ очистки. Въ результатѣ получается то, что здѣшніе хлѣба отличаются такой степенью сорности, какую, какъ сказано было выше, трудно встрѣтить гдѣ-либо въ другомъ мѣстѣ.

Хозяйство же корейцевъ довольно существенно отличается отъ первыхъ двухъ. Главнѣйшія черты корейскаго хозяйства состоятъ въ слѣдующемъ.

Участокъ земли находится въ единоличномъ владѣніи или пользованіи. Хозяинъ живетъ обыкновенно среди полей, усадьба его состоитъ изъ жилого дома (фанзы), помѣщенія для скота и амбаровъ. Всѣ постройки глинянныя, крытыя камышемъ, соломой гао-ляна и другими подобными матеріалами; расположены онѣ четыреугольникомъ такъ, что въ серединѣ образуется дворъ. Въ свободныхъ между зданіями пространствахъ устроиваются плетневые заборы, въ одномъ мѣстѣ дѣлаются ворота.

Скота, какъ сказано, содержится вообще мало. Корейцы не пьютъ молока, а потому имъ нѣтъ надобности содержать коровъ. Въ хозяйствѣ, главнымъ образомъ, содержится рабочій скотъ и лошади, но тѣ и другія въ крайне ограниченномъ количествѣ.

Пашутъ корейцы на быкахъ, при чемъ запрягается, большею частью, одинъ быкъ. Орудіемъ для обработки служитъ соха особаго устройства. Желѣзный лемехъ имѣетъ скорѣе видъ треугольной лопаты; онъ надѣвается на деревянный изогнутый рычагъ или брусокъ, конецъ котораго служитъ ручкой, а къ срединѣ его прикрѣпляется грядиль. Такія лемехи дѣлаютъ особые мастера, и хорошіе стоятъ въ Хабаровскѣ 2—4 рубля. При паханіи, лемехъ идетъ въ наклонномъ къ поверхности почвы положеніи, почва не отваливается сплошнымъ пластомъ, а ломается. Подобнымъ орудіемъ можно пахать только разрыхленную уже ниву. Цѣлину корейцы разработываютъ другимъ орудіемъ, отличающимся отъ описаннаго только лемехомъ; именно лемехъ не въ видѣ лопаты, а немного напоминаетъ отвалъ типа «рухадло».

Для ручной обработки примѣняются мотыги; одна изъ нихъ, называемая «хоми», состоитъ изъ куска котельнаго желѣза, особеннымъ образомъ выгнутаго. Куску желѣза придается сначала видъ вытянутаго треугольника съ желобомъ посрединѣ; затѣмъ, этотъ треугольникъ заги-

бается въ тонкомъ концѣ подъ прямымъ угломъ и насиживается на палку длиною отъ $^1/_2$ до 1 аршина. Другая мотыга, самаго обыкновеннаго устройства, состоитъ изъ куска желѣза, разширеннаго книзу, а наверху имѣющаго форму кольца, которымъ она и надѣвается на ручку.

Культура у корейцевъ исключительно рядовая или грядовая. Разстояніе между рядами отъ 12 верш. до 1 арш. Для овса дѣлаютъ сохой сначала не глубокую борозду и высѣваютъ сѣмена по лѣвому краю отваленнаго пласта; затѣмъ проходятъ вновь по сдѣланной уже бороздѣ, поднимаютъ еще тонкій слой земли и наваливаютъ его на высѣянныя сѣмена. Для ярицы и пшеницы землю приготовляютъ осенью, при чемъ пашутъ каждый разъ въ свалъ; весною на гребнѣ дѣлаютъ мелкую борозду и высѣваютъ сѣмена, притаптывая ихъ ногами, или окучивая ручной мотыгой. При посѣвѣ употребляется особый снарядъ, называемый «тубе»; онъ состоитъ изъ цилиндра, въ которомъ имѣются два отверстія: одно въ центрѣ круга, а другое съ боку; въ центральное отверстіе насыпаются сѣмена, и оно закрывается пробкой. Боковое отверстіе ведетъ въ трубку, которая оканчивается не большой дыркой. Съ другой стороны цилиндра, составляя какъ бы продолженіе трубки, находится такой же длины палка. Сѣятель беретъ снарядъ подъ мышку, отверстіе въ трубкѣ направляетъ къ бороздкѣ (или вообще обращаетъ на линію посѣва) и идетъ вдоль этой послѣдней, слегка ударяя по цилиндру. При этомъ сѣмена по одному или по два, выпадаютъ на то мѣсто, куда желаетъ сѣятель. Посѣвъ такой сѣялкой и простъ и выгоденъ.

Корейцы воздѣлываютъ: буду, овесъ, сою, кукурузу, табакъ и другія растенія. Подъ названіемъ «буда» извѣстны различные сорта растенія очень схожаго съ просомъ. Это главный хлѣбъ корейскаго земледѣлія и важнѣйшій продуктъ для этого народа. Имѣя также серьезное значеніе и будучи разводима съ незапамятныхъ временъ, буда у корейцевъ имѣетъ множество сортовъ. Къ числу главнѣйшихъ относятся: 1) яръ-буда (кицанъ-и, а также магицай), высшій сортъ, растетъ метелками, сѣмена крупныя, желтыя, но мельче все-таки русскаго проса; 2) бѣлая буда (разсыпчатая—цо-и, тягучая—цхари) по-китайски называется чумидза; 3) черная буда—простая (фи-на-ди). Буда каждаго сорта бываетъ двухъ видовъ: тягучая и разсыпчатая, т.-е. изъ первой каша или другое кушанье выходитъ болѣе клейкимъ и она цѣнится выше. Въ Янчихѣ лучшіе результаты даетъ черная буда, а первые два сорта часто страдаютъ отъ тумановъ. Высѣвается это растеніе въ срединѣ мая, въ количествѣ 18—30 фунтовъ на казенную десятину (у корейцевъ земельная мѣра называется хора-гари и равняется приблизительно 800 кв. саж.); для лучшаго обезпеченія урожая стараются сѣять гуще. При хорошемъ урожаѣ, получается 30 возовъ по 15 сноповъ, изъ каждаго по 10 фунтовъ зерна, т.-е. 330 пуд., съ казенной десятины; при плохомъ урожаѣ собираютъ 16—20 возовъ, при чемъ снопъ даетъ фунтовъ семь. Обмолоченные снопы продавали въ 1891 году на кормъ скоту по 6 коп.; изъ 10 фунт. буды получается 4 фунта очищеннаго зерна (пшено): шелуху продавали по 20 коп. за мѣшокъ на кормъ свиньямъ. Бѣлая буда при обдиркѣ даетъ изъ 10 фун.—5 фун. чистаго пшена. Цѣна очищенной черной буды 1 руб. 35 коп. за пудъ.

Овса высѣвается на казенную десятину около 3 пудовъ; собирается при хорошемъ урожаѣ 75—100 пудовъ, а при плохомъ—50—60 пудовъ. Овесъ высѣвается, вообще, на самыхъ плохихъ поляхъ; солома его сжигается въ полѣ, частью идетъ на крыши.

Бобы сои встрѣчаются во множествѣ сортовъ и по важности въ хозяйствѣ корейцевъ занимаютъ второе мѣсто послѣ буды. Главнѣйшіе сорта: бѣлые бобы (пей-кол-и), черные (ком-коцъ-и), черные мелкіе (пачи) и пестрые (еръ-кой). Изъ этихъ бобовъ приготовляется соя. Съ этой цѣлью бобы варятся въ котлѣ цѣлый день, потомъ ихъ толкутъ, изъ полученной каши дѣлаютъ шары около 5 вершковъ въ діаметрѣ и вѣсомъ 3—4 фунта; эти шары обвязываютъ веревкой и подвѣшиваютъ къ крышѣ или потолку. Шары висятъ такимъ образомъ 2—3 мѣсяца и въ это время покрываются плѣсенью и твердѣютъ; послѣ этого шары очи-

щаютъ отъ пыли, кладутъ въ кадку, наливаютъ кипятку и прибавляютъ соли около 10 фунтовъ на 5 ведеръ воды. Черезъ два дня шары дѣлаются мягкими и распускаются, а жидкость окрашивается въ красный цвѣтъ. Ее сливаютъ затѣмъ сквозь сито въ чашу и варятъ цѣлый день; она сгущается и чернѣетъ. Готовую черную сою, называемую «чиранъ-и», сохраняютъ въ глиняныхъ горшкахъ. Мякоть, оставшуюся послѣ отцѣживанія жидкости, смѣшиваютъ съ солью и кладутъ въ особые горшки; она называется «чан-и»; ее употребляютъ въ супъ и другія кушанья. Черная соя (чи-ран-и) продается 15—20 коп. за бутылку, а мякоть (чен-и) стоитъ 2 руб.—2 руб. 50 коп. за пудъ.

Другого рода обработка бобовъ состоитъ въ томъ, что ихъ сначала кладутъ въ теплую воду и, когда они разбухнутъ, ихъ толкутъ. Полученную кашеобразную массу варятъ въ чашѣ или котлѣ, затѣмъ кладутъ въ холщевые мѣшки и отжимаютъ изъ нихъ жидкость. Эту отжатую жидкость варятъ въ чашѣ, прибавляя въ нее немного соли или уксусу; тогда часть жидкости обращается въ студень, а другая часть не сгущается. Студенистую массу кладутъ въ мѣшки, отжимаютъ, и такимъ образомъ получается продуктъ, называемый «ты-бы»; онъ идетъ въ пищу и считается по питательности выше мяса. Вся жидкая часть идетъ на кормъ скоту. Китайцы изъ бобовъ отжимаютъ масло, идущее въ пищу, а бобовые жмыхи составляютъ прекрасный кормъ для скота и лошадей. Зимою 1891 г. въ Янчихѣ пудъ бобовъ стоилъ 70 коп., а осенью 50 коп.; высѣваютъ ихъ (въ началѣ мая) 40—50 фунт. на десятину, а собираютъ 45—70 пуд. Солома бросается, а стручки идутъ на кормъ скоту.

Кукуруза по-корейски называется «окшуки» и раздѣляется на два главныхъ сорта: 1) бѣлая съ крупными зернами (хын-шу-ки), 2) желтая средней величины, съ круглыми зернами (май-шу-ки). Высѣваютъ одновременно съ будой по 8 фунт. на каз. десятину, а собирается 40—50 пудовъ; сѣютъ по хорошей землѣ, или съ навознымъ удобреніемъ. Стебли идутъ на кормъ скоту въ изрѣзанномъ видѣ. Собираютъ руками, а стебли срубаютъ; вызрѣваетъ хорошо.

Табакъ растетъ въ Янчихѣ не особенно хорошо, а на Суйфунѣ гораздо лучше; высаживается въ началѣ іюня. Первый сборъ листьевъ бываетъ въ концѣ іюня, второй въ началѣ августа, третій и послѣдній въ концѣ августа. Листья нанизываются на шнурокъ и подвѣшиваются подъ крышу для просушки дня на четыре, потомъ ихъ снимаютъ, складываютъ въ кучи, одинъ листъ на другой, а сверху покрываютъ; на другой день листья дѣлаются красноватыми; затѣмъ ихъ сушатъ на солнцѣ, тоже на ниткахъ, въ теченіе 2—3 дней, послѣ этого связываютъ въ пучки по 5—6 штукъ. Въ такомъ видѣ ихъ сохраняютъ для продажи. Въ продажѣ 100 пучковъ стоятъ 1 рубль. Табачные стебли выбрасываются.

Изъ другихъ растеній въ Янчихѣ воздѣлывается картофель, пшеница, ячмень, гаолянъ, конопля и различные огородные овощи, но площадь, занятая всѣми этими растеніями, весьма незначительна, сравнительно съ выше описанными. Въ другихъ мѣстахъ (на Суйфунѣ, на Амурѣ и др.) у корейцевъ воздѣлывается также масличное растеніе, называемое «ска»; растетъ кустиками, сѣмена собраны въ головку. Масло этого растенія извѣстно подъ именемъ травяного. Кромѣ того у корейцевъ встрѣчается на поляхъ перецъ, дыни, арбузы, тыквы, чеснокъ и т. п.

Какъ сказано, у корейцевъ культура исключительно рядовая и грядовая; посѣвы растеній располагаются такимъ образомъ, что междурядья чередуются съ рядами растеній, т. е. гдѣ были въ нынѣшнемъ году растенія, тамъ въ будущемъ будетъ проходъ, а въ слѣдующемъ году наоборотъ. Это обстоятельство оказываетъ самое благотворное вліяніе. Дѣло въ томъ, что такое чередованіе мѣстъ подъ посѣвами можно разсматривать, какъ двупольную систему сѣвооборота съ чернымъ паромъ, такъ что у корейцевъ является первоначально такой сѣвооборотъ: 1-й годъ—растеніе, 2-й годъ—черный паръ, 3-й годъ растеніе, 4-й годъ—черный паръ, и т. д. Но такъ какъ растенія ежегодно мѣняются и между ними одно изъ главныхъ мѣстъ занимаютъ бобовыя, то этотъ двупольный сѣвооборотъ еще болѣе совершенствуется. Благодаря тому обстоятельству, что каждый годъ растенія мѣняются, почва истощается не-

такъ односторонне; бобовыя же растенія оказываютъ, кромѣ того, благопріятное вліяніе на почву, обогащая ее азотомъ. Постоянная обработка въ теченіе цѣлаго года междурядій усиливаетъ вывѣтриваніе почвы и такимъ образомъ содѣйствуетъ переходу питательныхъ веществъ въ удобоусвояемое для растеній состояніе. Кромѣ тщательной культуры, содѣйствующей сохраненію почвенной силы, въ корейскихъ хозяйствахъ повсюду примѣняется удобреніе.

Все время въ теченіе лѣтняго сезона корейцы находятся на своихъ поляхъ: то полютъ, то окучиваютъ, то отваливаютъ землю отъ растеній и проч. За то и поля ихъ представляютъ въ высшей степени отрадное зрѣлище. Различныя растенія занимаютъ поля стройными, правильными рядами, растутъ дружно и ровно, сорныхъ травъ и признака нѣтъ. Не смотря на все это, обыкновенные зерновые хлѣба, т.-е., главнымъ образомъ ярица, пшеница и овесъ, хотя отличаются высокой степенью чистоты, но не могутъ похвалиться высокимъ качествомъ сѣмянъ. Встрѣчается и щуплое и больное зерно, хотя въ значительно меньшей степени, чѣмъ у остального населенія. Повидимому, климатическія вліянія отзываются такъ неблагопріятно на сказанныхъ хлѣбахъ, что даже интенсивная рядовая культура не можетъ ихъ вполнѣ парализовать. Но за то другія растенія, не входящія, къ сожалѣнію, въ обиходъ русскихъ хозяйствъ, напримѣръ,—буда, бобы, гаолянъ, и проч., развиваются у корейцевъ превосходно и даютъ вполнѣ доброкачественное зерно.

Корейцы убираютъ растенія почти исключительно серпомъ, снопы свозятъ или сносятъ къ усадьбѣ и здѣсь складываютъ въ круглые стога по 1.000 сноповъ. Обмолачиваютъ цѣпами особаго устройства, именно—самое било состоитъ не изъ одной палки, а изъ трехъ тонкихъ, расположенныхъ въ одной плоскости параллельно одна другой и съ разстояніемъ около одного вершка. Свой главный хлѣбъ, «буду», корейцы обираютъ или, вѣрнѣе, рушатъ каменными катками. Сначала устанавливается жерновъ около $2^1/_4$ арш. въ діаметрѣ, на немъ можетъ двигаться круглый каменный катокъ, длиною 14 вершковъ и въ діаметрѣ отъ 8 до 12 вершковъ, съ одного конца и отъ 6 до 8 вершковъ—съ другого. Катокъ имѣетъ деревянныя оси, причемъ ось, обращенная къ центру жернова, соединяется съ вертикальнымъ деревяннымъ стержнемъ, который, не препятствуя катку катиться по жернову, не позволяетъ ему соскочить. Къ осямъ катка прикрѣпляются оглобли и впрягается оселъ, который, съ завязанными глазами, ходитъ вокругъ жернова. Когда катокъ приведенъ въ движеніе, рабочій подсыпаетъ на жерновъ буды, которая, попавъ между каткомъ и жерновомъ, лишается своихъ оболочекъ. Послѣ того какъ оболочки будутъ раздавлены, ихъ окончательно отдѣляютъ отъ зеренъ на вѣялкахъ обыкновеннаго устройства. Остальныя подробности корейскаго хозяйства не отличаются отъ русскаго.

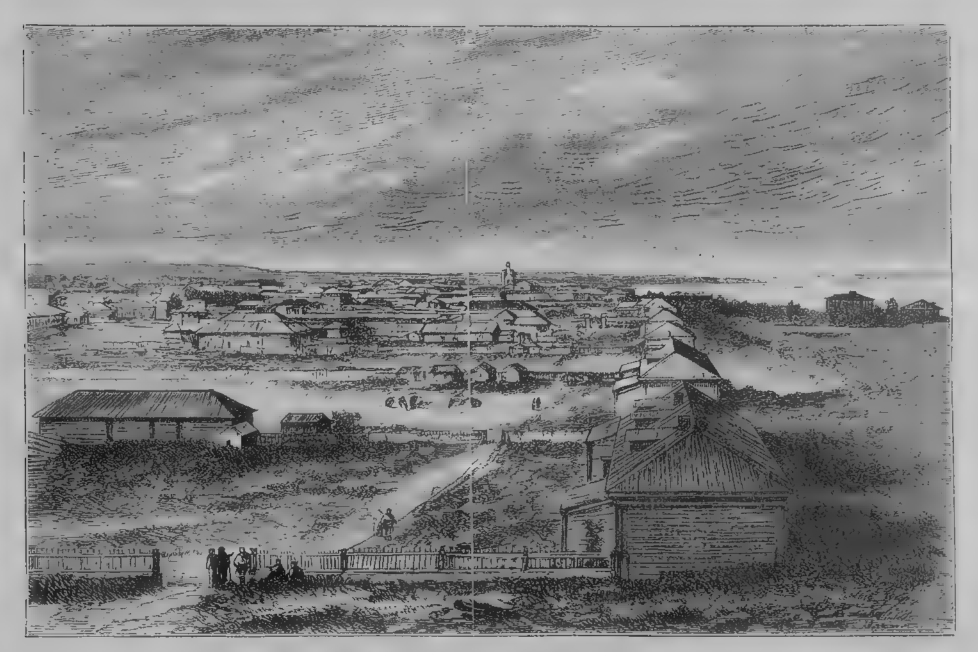
Познакомившись съ Амурскою областью, необходимо сказать въ заключеніе о Благовѣщенскѣ, мѣстномъ областномъ городѣ, на лѣвомъ берегу Амура, въ 2 верстахъ выше впаденія въ него р. Зеи и въ 30 верстахъ отъ значительнаго китайскаго города Атуна, выстроеннаго на правомъ берегу Амура, ниже Благовѣщенска.

Городъ расположенъ на открытомъ ровномъ мѣстѣ, на бывшемъ, вѣроятно, руслѣ рѣки. Почва песчаная; есть кое-гдѣ незначительныя болотистыя мѣста, которыя при увеличеніи количества построекъ, легко могутъ быть засыпаны пескомъ и щебнемъ и, такимъ образомъ, осушены. Съ сѣверо-запада городъ окруженъ не высокими склонами горъ, составляющими послѣдніе отроги водораздѣльнаго хребта между Амуромъ и Зеей; горы эти полукругомъ огибаютъ городъ. Какъ большая часть сибирскихъ городовъ, расположенныхъ на большихъ рѣчкахъ, Благовѣщенскъ вытянулся верстъ на 6 по теченію Амура. Берегъ, по которому городъ выстроенъ, обрывистъ, крутъ, въ большую воду подмывается рѣкой и заливается, а потому требуетъ искусственнаго укрѣпленія. Это—одно изъ неудобствъ мѣстности, выбранной для постройки Благовѣщенска: другое же неудобство состоитъ въ томъ, что въ окрестностяхъ города нѣтъ строевого лѣса и его приходится сплавлять съ верховьевъ Зеи и заводить

версты на двѣ или на три вверхъ по Амуру, до города. Гигіеническія условія города вообще благопріятны; имѣя съ двухъ сторонъ проточную воду двухъ огромныхъ рѣкъ, онъ сверхъ того богатъ колодцами, изъ которыхъ во многихъ на глубинѣ 3—4 саженей хорошая вода, впрочемъ, съ избыткомъ желѣза.

Начало поселенію на мѣстѣ, гдѣ нынѣ стоитъ Благовѣщенскъ, положено въ 1856 году, когда у соединенія Зеи и Амура поставленъ былъ Усть-Зейскій постъ. Въ 1857 году сюда прибылъ отрядъ войскъ, состоявшій изъ шести ротъ восточно-сибирскаго линейнаго баталіона № 14, девизіона легкой конной баттареи и сотни казаковъ.

Отрядъ размѣстился въ землянкахъ и мазанкахъ, а самое мѣсто получило названіе Усть-Зейской станицы. Въ 1858 г. отсюда была послана команда солдатъ, состоявшая изъ 400 человѣкъ, вверхъ по Амуру для вырубки и сплава лѣса, который и доставленъ былъ сюда



Благовѣщенскъ на Амурѣ.

въ количествѣ 1,300 бревенъ; четвертая часть лѣса ушла для мѣстныхъ построекъ, а остальная часть сплавлена на достройку казачьихъ поселковъ, лежавшихъ ниже станицы. За неимѣніемъ домовъ солдаты и офицеры провели 1858 и 1859 гг. въ тѣхъ же мазанкахъ и землянкахъ. Въ 1859 году состоялось переименованіе Усть-Зейской станицы въ городъ Благовѣщенскъ и въ маѣ мѣсяцѣ сюда прибылъ первый губернаторъ вновь образованной Амурской области—генералъ-майоръ Буссе. Къ осени были выстроены 24 казенныхъ дома, 5 частныхъ и деревянная церковь св. Николая. Въ этомъ же году положено основаніе общественной библіотекѣ, которая со временемъ пришла, однако, въ большой упадокъ. Къ осени 1860 г. городъ имѣлъ уже 59 казенныхъ зданій, 24 частныхъ дома, 4 лавки и 2 магазина, причемъ въ немъ насчитывалось 975 чел. войска и 494 д. об. пола разночинцевъ (289 м. п.). Въ 1861 г. казенныхъ построекъ произведено было мало; за то прежде выстроенныя зданія приведены были въ болѣе приличный видъ и нѣкоторыя изъ нихъ обнесены оградами. Въ 1864 г. окончена

была постройкой вторая деревянная церковь; тогда въ Благовѣщенскѣ считалось казенныхъ зданій 76, частныхъ 124; заведена была типографія, состоявшая изъ 17 русскихъ и 1 манджурскаго шрифтовъ; пріобрѣтены 3 пожарныя трубы; построены 1 водная и 3 конныя мельницы. Открыты народное училище и школа для коноваловъ (ветеринарныхъ фельдшеровъ). Въ 1867 г. построена паровая мукомольная мельница. Въ 1868 г. выстроены были новые торговые ряды на томъ мѣстѣ, гдѣ до того лѣпились китайскіе лари; посреди этихъ рядовъ выстроено помѣщеніе для городского Управленія, которое и было открыто въ томъ же году. Въ 1870 г. выстроена была кладбищенская церковь. Въ 1873 г. городъ уже насчитывалъ безъ войска 3,385 обывателей об. пола. Въ 1877 г. въ Благовѣщенскѣ считалось: 3 церкви, 500 частныхъ домовъ, 75 казенныхъ, 19 магазиновъ, 62 лавки, 13 питейныхъ заведеній, два склада для спирта, 5 торговыхъ бань, 6 гостиницъ и трактировъ, 12 кузницъ, пивоваренный заводъ и 14 мельницъ (1 паровая, 1 водяная, 3 вѣтрянныхъ и 9 конныхъ). Народная школа имѣла 121 учащагося, женское Алексѣевское училище 69; кромѣ того въ городѣ были открыты бригадная школа и семинарія (при ней духовное училище). Въ 1878 г. открыта была и классическая прогимназія. Городской Общественный Банкъ, утвержденный 19 апрѣля 1873 г., но начавшій свою дѣятельность при основномъ капиталѣ въ 10,000 рублей только два года спустя, уже въ 1876 г. представилъ такіе итоги.

основной капиталъ.	11,694 р.
запасный	1,270 »
благотворительныхъ суммъ	3,388 »
вкладовъ на вѣчное время	16,662 »
» безсрочныхъ	17,788 »
» срочныхъ	16,926 »
оборотъ приходо-расхода	199,743 р.
прибыли.	5,331 »

Въ 1880 г. основной капиталъ банка равнялся уже 18,160 р. оборотъ 488,800 р., прибыль 13,300 р., въ 1892 г. оборотъ банка простирался до 690 тыс., а прибыль составляла 33,623 р.

Все это показываетъ, что бывшая Усть-Зейская станица не только въ оффиціальныхъ бумагахъ, но и фактически выросла въ городъ, жизнь котораго потекла порядкомъ, обычнымъ для всѣхъ городовъ Россійской Имперіи.

Городъ распланированъ правильно; улицы широки, прямы и всѣ перекрещиваются подъ прямыми углами. Вдоль рѣки тянутся параллельно четыре улицы, разсѣченныя на правильные кварталы 17-ю поперечными. Разбитый вдоль набережной бульваръ и значительное число частныхъ садовъ придаютъ городу красивый видъ. Городъ владѣетъ 11,887 дес. земли. Вообще, гигіеническія условія города удовлетворительны, такъ какъ онъ имѣетъ: съ обѣихъ сторонъ проточную воду огромныхъ рѣкъ, глубокій песчаный грунтъ, вбирающій въ себя воду даже въ періодъ самыхъ сильныхъ дождей и, наконецъ, избытокъ колодезной воды, единственный недостатокъ которой—значительное содержаніе желѣза. Все, что можно поставить въ упрекъ городу—это обычай поднимать почву болотистыхъ пространствъ и, вообще, всѣхъ естественныхъ углубленій не пескомъ и щебнемъ, котораго въ окрестностяхъ сколько угодно, а мусоромъ и навозомъ.

Число строеній въ городѣ въ 1892 г. было:

	Казенныхъ и общественныхъ.		Частныхъ.	
	камен.	дерев.	камен.	дерев.
Церквей	2	5	—	—
Часовень	—	—	1	—
Домовъ	8	35	12	1,310

Флигелей	—	—	4	598
Амбаровъ	3	6	10	546
Конюшень	1	6	2	195
Бань	—	—	2	290
Пакгаузовъ	1	2	7	5
Мельницъ	—	—	3	17
Подваловъ	—	—	3	7
Сѣноваловъ и сараевъ	—	5	1	396
Торговыхъ лавокъ	—	—	11	145
Итого	15	59	56	3,509

Городскимъ обществомъ начата на базарной площади постройка одного ряда каменныхъ лавокъ.

Въ городѣ были въ 1892 г. слѣдующія учебныя заведенія: Благовѣщенская мужская гимназія съ 229 учащимися, женская гимназія съ 320 учащимися, духовная семинарія съ 44 учащимися, духовное училище съ приготовительнымъ классомъ со 116 учащимися, образцовая школа съ 45 учащимися и 2 городскихъ училища для мальчиковъ съ 357 учащимися. Въ городѣ есть пріютъ для престарѣлыхъ и увѣчныхъ, содержимый на средства лечебно-благотворительнаго общества. Въ немъ въ 1892 году призрѣвались 20 мужч. и 12 женщинъ. Каждый призрѣваемый обходится по 110 р. въ годъ. Кромѣ того въ 1889 открыта богадѣльня для лицъ духовнаго званія и составляется изъ частныхъ пожертвованій фондъ для пріюта малолѣтнихъ всѣхъ сословій. Фондъ этотъ въ 1893 году достигъ 8,076 руб.

Въ Благовѣщенскѣ тѣмъ же лѣчебно-благотворительнымъ обществомъ устроена больница на 18 кроватей, въ которой въ 1892 г. пользовалось 194 человѣка, на содержаніе коихъ израсходовано 5,384 р., при чемъ содержаніе каждой кровати обошлось въ 444 руб. Амбулаторныхъ больныхъ лѣчилось въ помѣщеніи больницы въ теченіе года 4,175 чел. За неимѣніемъ мѣста общество, сверхъ того, помѣщало больныхъ въ Благовѣщенскомъ лазаретѣ 2-го Восточно-Сибирскаго линейнаго батальона. Такихъ больныхъ въ 1892 г. было 118, за которыхъ уплачено обществомъ лазарету 2,492 р. Лазаретъ этотъ устроенъ на 100 кроватей и въ немъ, кромѣ военныхъ, лѣчилось въ теченіе 1892 г. 536 лицъ гражданскаго вѣдомства (со включеніемъ больныхъ, помѣщенныхъ благотворительнымъ обществомъ). Есть еще больница при Духовной семинаріи на 12 кроватей, для воспитанниковъ послѣдней. Аптека въ городѣ одна—вольная, принадлежащая лѣчебно-благотворительному обществу. Въ ней въ 1892 г. былъ оборотъ по 21,104 рецептамъ на сумму 12,396 р., по ручной продажѣ на 17,342 р., а всего на 29,738 р., да кромѣ того отпущено безплатно лѣкарствъ для больницы на 2,119 р., и для бѣдныхъ на 413 р. О численности населенія города и его составѣ мы можемъ получить понятіе изъ слѣдующихъ данныхъ.

Въ	1885 г.	1886 г.	1887 г.	1888 г.	1889 г.	1890 г.	1891 г.
Об. пола:	13,549	17,660	17,660	20,212	20,242	20,475	21,096

Населеніе это распредѣлялось по сословіямъ:

	въ 1886 г.			въ 1891 г.		
	м. п.	ж. п.	всего.	м. п.	ж. п.	всего.
Дворянъ потомственныхъ	21	7	28	39	27	66
» личныхъ	198	121	319	91	102	193
Духовенства чернаго	1	—	1	2	—	2
» бѣлаго	38	37	75	14	11	25
Почетныхъ гражданъ потомственныхъ	—	—	—	31	34	65
» » личныхъ	218	7	28	27	2	29
Купцовъ	383	240	628	301	317	618

	въ 1886 г.			въ 1891 г.		
	м. п.	ж. п.	всего.	м. п.	ж. п.	всего.
Мѣщанъ	3,464	2,327	5,790	3,549	3,084	6,633
Крестьянъ	101	49	153	2,819	1,322	4,141
Поселенцевъ	—	—	—	417	131	548
Пріисковаго населенія	—	—	—	458	200	658
Переселенцевъ	108	148	1,229	411	214	625
Войскъ: солдатъ	1,557	255	1,812	1,255	624	1,879
» казаковъ	242	—	242	378	—	378
Отставныхъ и запасныхъ нижнихъ чиновъ	1,553	109	1,662	1,371	305	1,676
Отставныхъ казаковъ	83	31	114	44	8	52
	13,312	4,348	17,660	14,606	6,490	21,096

Не православныхъ въ городѣ было въ 1891 г.: раскольниковъ 3,000 (1636 м. п.), католиковъ 118 (70 м. п.), протестантовъ 59 (41 м. п.), евреевъ 66 (35 м. п.), магометанъ 109 (69 м. п.), язычниковъ 960 м. п.

Въ 1892 году въ городѣ было всѣхъ ремесленниковъ 1,395 человѣкъ (1310 мужч. и 85 женщинъ), въ томъ числѣ мастеровъ 467, рабочихъ 816, учениковъ 112. Фабрикъ, заводовъ и промышленныхъ заведеній было: чугунно-литейный заводъ 1, пивоваренныхъ 2, кожевенныхъ 4, кирпичныхъ 66, паровыхъ мельницъ 2, кузницъ 42, торговыхъ бань 12. Во всѣхъ этихъ заведеніяхъ было 388 рабочихъ, а сумма ихъ производства составляла свыше 350 тыс. рублей.

Въ Благовѣщенскѣ содержится скота: лошадей 2,214, рогатаго 1,837, овецъ 102, свиней 850, верблюдовъ 136, ословъ и муловъ 20.

Городскіе доходы Благовѣщенска въ 1892 г. составляли:

Сборъ съ городскихъ имуществъ и оброчныхъ статей	44,538 р.
Проходъ и проѣздъ по городскимъ сооруженіямъ и стоянка судовъ въ гавани	5,262 »
Оцѣночный сборъ съ недвиж. имуществъ	21,040 »
За производство торговли и промысловъ	6,915 »
Съ мѣстъ стоянки извозчиковъ	3,786 »
Нотаріальнаго сбора	8,078 »
Случайныхъ и мелочныхъ доходовъ	6,407 »
	96,026 р.

Расходы города въ томъ же году слагались изъ слѣдующихъ статей.

Городское общественное управленіе	13,505 р.
Сиротскій судъ	1,937 »
Содержаніе городскихъ зданій и памятниковъ	4,142 »
Уплата суммъ по городскимъ займамъ и обязательствамъ	4,487 »
Содержаніе учебныхъ заведеній	19,151 »
Отопленіе и освѣщеніе тюрьмы	3,041 »
Содержаніе медицинскаго персонала	4,604 »
Благотворительныя заведенія	662 »
Городская полиція	4,869 »
Пожарная часть	6,529 »
Помѣщеніе городского общественнаго и полицейскаго управленій	3,370 »
Содержаніе улицъ и мостовъ	3,496 »
Освѣщеніе города	1,108 »
Содержаніе библіотеки	900 »

Базарная площадь въ Благовѣщенскѣ.

Содержаніе кладбища	1,341 р.
Постройки (2-го народн. училища, кладовой для казначейства и караульнаго дома)	3,569 »
Уплата земскаго сбора съ недвижимыхъ имуществъ	5,473 »
Разные расходы	6,944 »
	87,136 р.

Въ городѣ имѣется тюремный замокъ, въ которомъ съ 1 января 1892 г. было 155 чел., въ теченіе 1892 г. прибыло 302, а къ 1 января 1893 г. оставалось 186 (174 мужч. и 12 женщинъ).

Бульваръ, идущій вдоль набережной на протяженіи 300 саженей и большое число частныхъ садовъ придаютъ городу пріятный видъ. Улицы Благовѣщенска не мощеныя, но такъ какъ почва здѣсь песчаная, то даже послѣ довольно сильныхъ дождей они скоро сохнутъ и большой грязи не бываетъ.

Какъ Амуръ, такъ и Зея, судоходны. На Амурѣ до самаго устья существуетъ пароходное сообщеніе, впрочемъ, не вполнѣ правильное. У Благовѣщенска на Амурѣ имѣется двѣ пристани, изъ которыхъ одна — казенная, другая — частная. Въ городѣ есть также почтовая и телеграфная станціи.

Торговое значеніе Благовѣщенска не велико. При крайне слабомъ развитіи мѣстной производительности, здѣшняя торговля главнымъ образомъ сосредоточивается на привозныхъ товарахъ. Общее количество привоза опредѣлялось около половины 80-хъ годовъ въ 2.150,000 р., при чемъ около 1.200,000 р. приходилось на русскіе товары, остальное—на заграничные Главныя статьи привоза чугунныя и желѣзныя издѣлія, чай, сахаръ, вина, крупчатка, обувь, кожевенные и мануфактурные товары и пр. Русскіе товары приходятъ изъ Читы тотчасъ же по вскрытіи рѣки Шилки. Обыкновенно баржи съ этими товарами достигаютъ Благовѣщенска въ маѣ. Пока баржи стоятъ у городской пристани, на ней замѣтно довольно большое оживленіе. Не только городское населеніе, но и окрестное, спѣшитъ запастись въ это время продуктами, которыхъ въ другое время въ городѣ почти нельзя достать. Распродавъ нѣкоторую часть привезеннаго, баржи слѣдуютъ внизъ по Амуру. Къ сентябрю и октябрю пріурочивается прибытіе въ Благовѣщенскъ иностранныхъ товаровъ, направляемыхъ черезъ Николаевскъ. Въ это время закупаются въ Благовѣщенскѣ вина, сахаръ, сигары, мануфактурныя издѣлія и проч. Какъ вообще въ Приамурскомъ краѣ, въ Благовѣщенскѣ развитъ довольно большой спросъ на заграничныя издѣлія, разумѣется, — въ болѣе состоятельной части общества. Впрочемъ, нѣкоторые не русскіе продукты, особенно же хлѣбъ и скотъ, доставляются не изъ Николаевска, а подвозятся манчжурами съ китайскаго берега Амура.

Въ Благовѣщенскѣ учреждены базары, на которыхъ производится мелочная торговля съѣстными припасами и вообще предметами первой необходимости. Какъ, однако, скудно снабженъ городъ даже главными предметами продовольствія, видно изъ того, что цѣна на хлѣбъ достигаетъ тамъ 1 р. 50 к. и даже 2 р. за пудъ. Это происходитъ отъ того, что въ окрестностяхъ города не занимаются земледѣліемъ, вообще въ краѣ мало рабочихъ рукъ, да кромѣ того часть хлѣбныхъ запасовъ идетъ на золотые пріиски Амурской области. Къ городскимъ базарамъ пріурочиваются здѣсь и, такъ-называемыя, манджурскія ярмарки. Онѣ собираются ежемѣсячно и продолжаются каждый разъ около двухъ недѣль. Въ это время наѣзжаютъ въ городъ жители, какъ окрестныхъ русскихъ поселеній, такъ и обитатели Китайской и Манджуріи; послѣдніе закупаютъ здѣсь дабу, плисъ, нанку, сукна, иглы и пр., а сами пригоняютъ партіи быковъ и привозятъ муку. Быки эти покупаются Благовѣщенскими купцами, которые, въ свою очередь, отправляютъ ихъ внизъ по Амуру или партіями живой скотины, или засаливая мясо на мѣстѣ. Для укупорки солонины употребляются боченки, заготовляемые молоканами, поселенными на Зеѣ близъ города.

ОЧЕРКЪ VIII.

НИЗОВЬЕ АМУРА.

Отъ устья Уссури до моря.—Озера Кизи и Кибо.—Михайловскъ и Софійскъ.—Николаевскъ.—Гиляки и айны.

Я изъ странъ, въ которыхъ соболь
Съ давнихъ поръ ведетъ свой родъ,
Гдѣ лисица съ горностаемъ
Драгоцѣнный мѣхъ даетъ,
Гдѣ олень стадами бродитъ,
Гдѣ бoберъ родится сѣдъ.
Я изъ той страны, чьей краше
И пушистѣй бѣлки нѣтъ.

СЕМИЛУЖИНСКІЙ.

Отъ устья Уссури, впадающей въ Амуръ съ правой стороны, почти на протяженіи восьмисотъ верстъ, Амуръ течетъ по направленію къ сѣверо-востоку, гдѣ онъ доходитъ до озера Кизи. На этомъ колѣнѣ, въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ Амуръ соединяется въ одно русло, весьма часто ширина его доходитъ до трехъ верстъ. Въ этомъ плессѣ Амуръ часто разбивается на множество протоковъ, а въ него впадаютъ съ правой стороны рѣка Дондонъ и Хунгари, а съ лѣвой—довольно значительная рѣка Горынь, вытекающая изъ предгорій сѣверной части Буреинскаго хребта и вливающаяся въ Амуръ двумя устьями. Эта рѣка протекаетъ около четырехсотъ пятидесяти верстъ и имѣетъ весьма быстрое теченіе. Въ нижнемъ своемъ теченіи Горынь протекаетъ въ узкой долинѣ, ограниченной высокими береговыми горами.

Эти горы съ правой стороны продолжаются и ниже устья р. Горыни; лѣвый же берегъ Амура отъ устья Горыни представляетъ равнину, далеко простирающуюся по направленію къ его низовьямъ. Амуръ на правой сторонѣ образуетъ замѣчательную бухту, въ связи съ которой находится довольно обширное озеро Кизи, занимающее долину не широкаго хребта, отдѣляющаго здѣсь теченіе Амура отъ Восточнаго океана.

Волокъ, отдѣляющій озеро Кизи отъ залива Де-Кастри, издавна служилъ для сношеній между жителями прибрежій Амура и островомъ Сахалиномъ. Въ озеро Кизи впадаетъ рѣчка Таба, вытекающая не далеко отъ морского берега, по ней то и происходитъ сообщеніе, а отъ нея до берега положены муши, на протяженіи почти двухъ верстъ, по которымъ жители и перетаскиваютъ въ Татарскій проливъ свои лодки.

Кромѣ р. Табы и множества мелкихъ горныхъ рѣкъ, въ озеро Кизи вливается весьма быстрая рѣка Яй. Озеро соединяется съ Амуромъ, или съ однимъ изъ его притоковъ и образуетъ бухту. На этой-то бухтѣ Амура выстроенъ Маріинскій постъ—одно изъ значительныхъ

русскихъ поселеній на Амурѣ. Маріинскъ находится въ низменной долинѣ, между горъ, окаймляющихъ озеро Кизи. Горы эти ближе къ морю соединяются съ хребтомъ Сихотъ-Алинъ и съ другими горами. По близости къ заливу Де-Кастри и по удобству сообщенія съ нимъ черезъ озеро Кизи, этотъ пунктъ въ стратегическомъ отношеніи былъ признанъ весьма важнымъ, по этому въ 1855 году положено основаніе Маріинска постройкой дома для губернатора, казармъ, провіантскихъ магазиновъ и другихъ складочныхъ мѣстъ. Мѣсто, занимаемое Маріинскомъ, сырое и болотистое. Окрестности тоже не представляютъ особенно удобныхъ для хлѣбопашества мѣстъ. Вблизи Маріинска находится селеніе Кизи, которое почти слилось теперь съ Маріинскомъ; жители же села занимаются главнымъ образомъ огородничествомъ, погорье въ урожайные годы даетъ порядочный доходъ.

Маріинскій фортъ.

Верстъ пятьдесятъ выше Маріинска находится окружный городъ Софійскъ. Онъ, подобно Маріинску, расположенъ на правомъ берегу Амура, у подошвы горы Джай. Софійскъ былъ заложенъ въ тѣхъ видахъ, чтобы провести къ нему дорогу отъ залива Де-Кастри, который служитъ преддверіемъ Николаевскаго порта и открытъ для навигаціи на два мѣсяца долѣе. Но такъ какъ теперь мысль о дорогѣ оставлена, то Софійскъ утратилъ свое значеніе, тѣмъ болѣе, что самое мѣсто для него было выбрано неудачно, потому что ближайшее и гораздо болѣе удобное сообщеніе съ этимъ заливомъ имѣетъ село Маріинскъ, такъ какъ здѣсь всего двадцативерстный волокъ по мѣстности ровной, тогда какъ до Софійска волокъ тянется на 60 верстъ по гористой мѣстности. Сооруженіе Софійска тѣсно связано было вообще съ разными предположеніями о томъ, какъ упрочить торговое значеніе устья Амура. Когда-же опытъ указалъ, что Николаевскъ не можетъ быть значительнымъ коммерческимъ портомъ и въ то же время не удовлетворяетъ своему значенію въ качествѣ военнаго порта, Софійскъ сталъ какъ-бы лишнимъ городомъ. Онъ поддерживался лишь тѣмъ, что въ немъ квартировалъ одинъ изъ восточныхъ сибирскихъ линейныхъ баталіоновъ, чины которыхъ устраивали отсюда телеграфную просѣку къ Де-Кастри. Въ послѣдніе же годы баталіонъ переведенъ въ южно-уссурійскій край, вслѣдствіе чего администрація высказалась о томъ, что Софійскъ можетъ быть обращенъ въ селеніе. Жителей въ Софійскѣ всего 940, изъ которыхъ 720 мужчинъ.

Софійскъ.

Софійскъ состоитъ изъ казармъ, въ настоящее время пустыхъ, нѣсколькихъ десятковъ

Въ Михайловскомъ фортѣ.

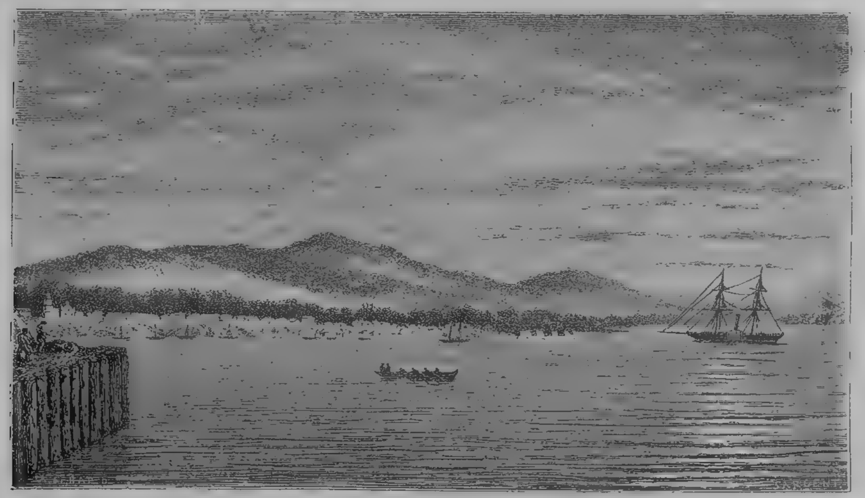
частныхъ домовъ. Въ городѣ есть телеграфная станція, православная церковь и домъ для арестантовъ; по малочисленности поселенія, общественное управленіе здѣсь не было введено. Торговаго значенія Софійскъ самъ по себѣ не имѣетъ, гораздо больше торговцевъ въ Маріинскѣ, гдѣ они ведутъ значительные для этого пустыннаго края обороты, благодаря удобному для торговли положенію этого пункта. Сборы съ промышленниковъ, числящіеся въ доходахъ Софійска, падаютъ преимущественно на маріинскихъ торговцевъ, уплачивающихъ пошлины въ Софійскѣ, такъ какъ они здѣсь берутъ торговыя свидѣтельства.

Ниже Маріинска Амуръ, вслѣдствіе цѣпи горъ, идущей вдоль берега Восточнаго океана, не можетъ черезъ нихъ пробиться и все болѣе принимаетъ сѣверное направленіе. Въ дальнѣйшемъ теченіи на сѣверъ Амуръ образуетъ второе озеро Када, съ правой стороны его тянутся горы Сихотъ-Алинъ, препятствующія соединяться съ океаномъ, тогда какъ лѣвый берегъ рѣки представляетъ низменность, покрытую болѣе или менѣе значительными озерами. Самое значительное изъ нихъ Удиль, вливающее, посредствомъ протоковъ, свои воды въ Амуръ. Сѣвернѣе этого протока, ближе къ устью Амура, къ нему подходятъ Амгунскія горы съ лѣвой стороны, такъ что вновь оба берега становятся гористыми. Тутъ, какъ мы знаемъ уже, у деревни Тыръ находятся замѣчательные памятники, свидѣтельствующіе, что мѣстность эта была крайнимъ предѣломъ распространенія владычества монголовъ. За этими памятниками въ Амуръ вливается, извѣстная уже намъ, рѣка Амгунь съ лѣвой стороны. Ниже устья Амгуни, Амуръ почти подъ прямымъ угломъ поворачиваетъ на востокъ и, обогнувъ выдающуюся оконечность хребта Сихота-Алинъ, впадаетъ, наконецъ, въ Татарскій проливъ. При впаденіи Амуръ образуетъ весьма обширный, но мелководный, лиманъ. Близъ этого лимана расположенъ Николаевскъ, бывшій до 1880 года главнымъ городомъ Приморской области.

Маріинскъ.

Окружной г. Николаевскъ лежитъ на лѣвомъ берегу Амура, въ 50 верстахъ отъ его устья. Чрезъ Стрѣтенскъ и Хабаровку (нынѣ г. Хабаровскъ) онъ отстоитъ отъ Петербурга на 9,847 верстъ, отъ Москвы на 9,243, отъ новаго областного центра—Хабаровска—на 903 версты. Николаевскъ заложенъ въ качествѣ военнаго поста въ 1854 году, когда мѣстность верхняго теченія Амура находилась еще во владѣніи Китая. Но онъ устроился собственно, какъ городъ, по окончаніи Крымской войны, когда сюда былъ переведенъ военный портъ изъ Петропавловска. Областнымъ городомъ онъ былъ названъ въ 1856 году и окончательно утвержденъ въ этомъ положеніи въ исходѣ 1858 года, когда было организовано управленіе Приморскою областью въ нынѣшнихъ ея предѣлахъ, не считая мѣстности по рѣкѣ Усури и Южно-Уссурійскаго края, которая перешла въ наши владѣнія позднѣе. Въ 1872—73 г. военный портъ былъ переведенъ изъ Николаевска во Владивостокъ, а въ 1880 году переведено въ Хабаровскъ и областное управленіе. Въ исходѣ 60-хъ годовъ въ Николаевскѣ считалось около 5,000 жителей; во второй половинѣ 40-хъ годовъ ихъ было только 2000—2500, а въ настоящее же время численность горожанъ отъ 1,000 до 1,500 душъ. Такія перемѣны въ положеніи города въ теченіе первыхъ 25 лѣтъ его существованія объясняются общими условіями и порядкомъ нашего водворенія въ мѣстности восточнаго сибирскаго поморья, а также географическимъ

положеніемъ устья Амура и обще-экономическимъ состояніемъ всего приамурскаго края. Историческій ходъ вещей влекъ насъ на устье Амура; вмѣстѣ съ тѣмъ обстоятельства крымской войны, какъ они отразились на отдаленной сѣверо-восточной окраинѣ Сибири, погромъ Петропавловска, указывали на необходимость устроить на этой окраинѣ военный портъ въ болѣе укрытомъ мѣстѣ. Въ виду этого, сооруженіе Николаевска встрѣчено было общимъ сочувствіемъ и на новый городъ возлалось много надеждъ. Надежды эти, однако, почти совсѣмъ не осуществились. Устье Амура открыто для навигаціи, въ сущности, только 4 мѣсяца; притомъ входъ въ него со стороны моря крайне затруднителенъ. Климатъ Николаевска суровъ, вреденъ для здоровья. Мѣстность по Амуру на громадномъ протяженіи дикая и пустынная, доступная для широкой колонизаціи только въ отдаленномъ будущемъ. Въ свою очередь, Забайкалье, откуда начинается сплавъ по Амуру, и которое потому служитъ опорою торговаго движенія по рѣкѣ, находится на низкомъ уровнѣ экономическаго развитія. Возить моремъ изъ Николаевска оказалось нечего. При такихъ обстоятельствахъ естественно, что, тотчасъ по пріобрѣтеніи нами Южно-Уссурійскаго края, возникла мысль о переводѣ военнаго порта въ одну изъ



Видъ Николаевска на Амурѣ.

южныхъ гаваней, представляющихъ отличныя мѣста стоянки большихъ кораблей и открытыхъ для навигаціи вдвое дольше Николаевскаго порта; точно также очень скоро выяснилось, что Южно-Уссурійскій край, какъ мѣстность, щедро вознаграждающая труды земледѣльца, станетъ существенной частью отдаленной поморской области Сибири, вслѣдствіе чего вопросъ о переводѣ областного управленія въ Хабаровскъ, лежащую при впаденіи Уссури въ Амуръ, сдѣлался лишь вопросомъ времени.

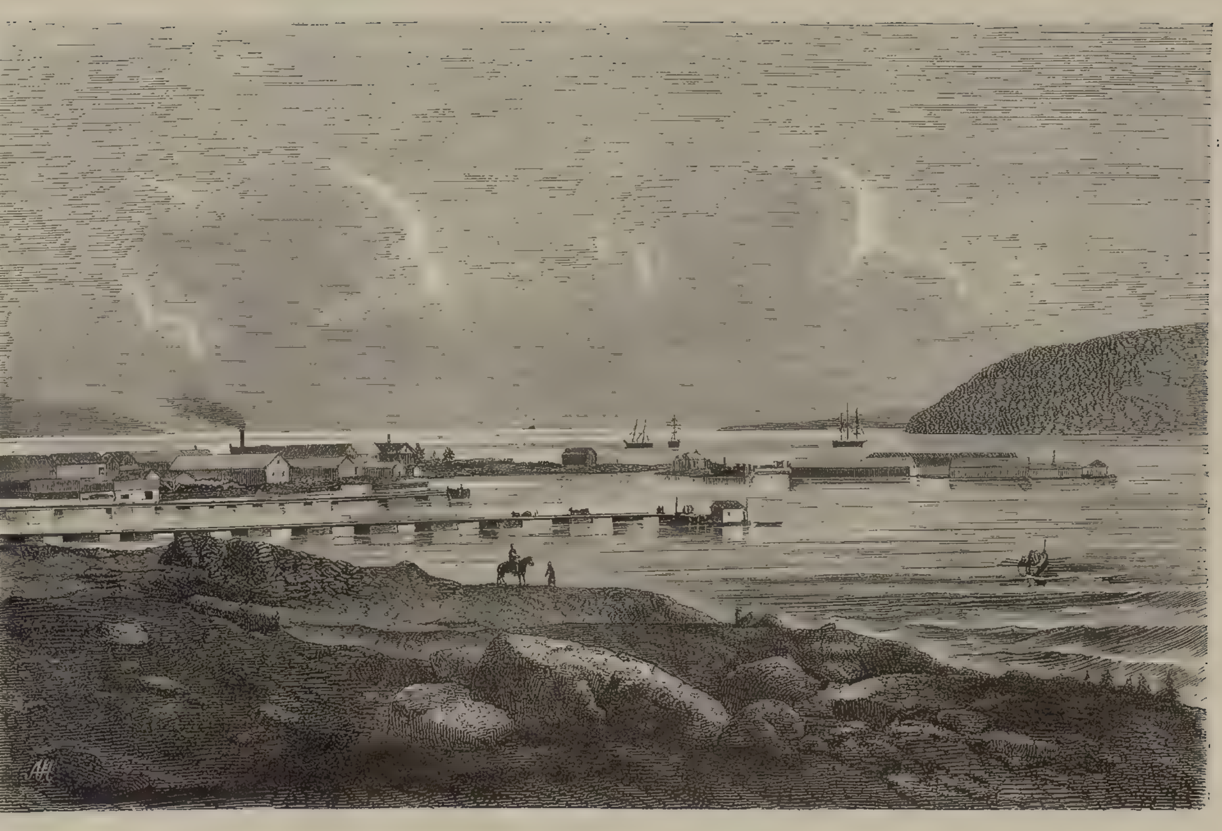
Николаевскъ расположенъ по берегу залива, образуемаго впаденіемъ въ Амуръ двухъ не большихъ рѣчекъ: Личи и Камоты. Заливъ этотъ отдѣленъ отъ главнаго русла рѣки намывной косой изъ мелкаго булыжника, а также низменнымъ полуостровомъ, который по временамъ покрывается водою. На косѣ были устроены адмиралтейство и всѣ портовыя мастерскія. Ширина Амура у Николаевска до 3 верстъ. Такъ какъ фарватеръ идетъ здѣсь подъ правымъ берегомъ, то морскія суда, стоящія на якорѣ, отдалены отъ города на 2 версты. Разгружаются они на баркасы, при чемъ разгрузка происходитъ только въ тихую погоду; при сильныхъ же волненіяхъ въ рѣкѣ, которыя нерѣдко, вслѣдствіе господствующихъ лѣтомъ

вѣтровъ съ лимана, сообщеніе съ берегомъ на баркасахъ становится невозможнымъ. Глубина на рейдѣ отъ 7 до 15 саженей, въ самомъ же портѣ около шести—семи футовъ. Грунтъ на рейдѣ илистый. Чѣмъ ближе къ лиману, тѣмъ рѣка становится шире и достигаетъ 14 верстъ въ ширину, при чемъ увеличивается и глубина. Въ самомъ лиманѣ, представляющемъ громадную водную поверхность, обильную отмелями, существуетъ собственно три фарватера или канала. Наиболѣе изслѣдованнымъ и лучшимъ считается южный, въ сторону Японскаго моря. Но и этотъ фарватеръ представляетъ значительныя затрудненія для плаванія: здѣсь два переката одинаковой глубины, при чемъ одинъ тянется на двѣ версты; судно, сидящее на 12 футовъ, можетъ проходить ихъ при полной водѣ, а въ 14 футовъ—только во время наибольшаго прилива. Кромѣ того фарватеръ извилистъ, мѣстами очень узокъ и обставленъ крутыми отмелями; судно, идущее по немъ подъ парусами, можетъ легко наскочить на мель и случаи аваріи весьма часты. Вообще, изъ 250 верстъ между Николаевскомъ и заливомъ Де-Кастри, болѣе половины считается опаснымъ путемъ, такъ что морскія страховыя общества берутъ страховку грузовъ, назначенныхъ въ Николаевскъ, только до залива Де-Кастри; путь между этимъ заливомъ и Николаевскомъ проходится всегда днемъ и съ опытнымъ лоцманомъ. Заливъ Де-Кастри представляетъ удобную гавань, такъ какъ, при достаточной глубинѣ, укрытъ отъ вѣтровъ высокими берегами и группою острововъ при входѣ; навигація въ немъ мѣсяца на два дольше, чѣмъ въ Николаевскѣ и онъ очень близокъ къ Амуру, подходящимъ къ нему, озеромъ Кизи. Все это, въ первые же годы существованія Николаевска, дало поводъ къ мысли устроить портъ въ Де-Кастри и провести отсюда къ Амуру рельсовый путь, тѣмъ болѣе, что плаваніе по рѣкѣ между Кизи и Николаевскомъ принадлежитъ къ опаснымъ, вслѣдствіе ширины рѣки и сильнаго въ ней волненія.

Бывшій домъ губернатора въ Николаевскѣ.

Мѣстность, на окраинѣ которой расположенъ городъ, представляетъ болотистую равнину, густо поросшую лѣсомъ, по большей части дровянымъ; ее могутъ назвать глухой и первобытной тундрой. Тундра эта открыта съ сѣвера и мало доступна вліянію южныхъ вѣтровъ, такъ какъ берегъ тамъ состоитъ изъ крутой, лѣсистой возвышенности, имѣющей болѣе 1000 футовъ высоты. Гора эта, застилая, словно ширмой, горизонтъ Николаевска, имѣетъ существенное вліяніе на его климатическія условія. Здѣсь морозы доходятъ до—36° по R, и ртуть мерзнетъ въ термометрѣ; при томъ господствующіе зимою сѣверо-западные и западные вѣтры сопровождаются обыкновенно пургами или мятелями, наносящими такіе сугробы снѣга на улицы, что онѣ становятся не проходимыми. Лѣтомъ же иногда бываютъ сильные жары, но гораздо чаще—туманы и дожди; лучшимъ временемъ года считается осень, которая, однако, очень коротка. Амуръ вскрывается въ первой половинѣ мая, покрывается же льдомъ обыкновенно въ половинѣ октября. Въ лиманѣ ледъ показывается въ первыхъ числахъ октября, а расходится лишь въ концѣ мая. Первыя суда являются въ портъ въ началѣ іюня. Около 4-хъ мѣсяцевъ въ году Николаевскъ остается безъ почты, потому что періоды установленія саннаго пути по Амуру, а также открытія навигаціи, по громадности протяженія этой рѣки, очень продолжительны.

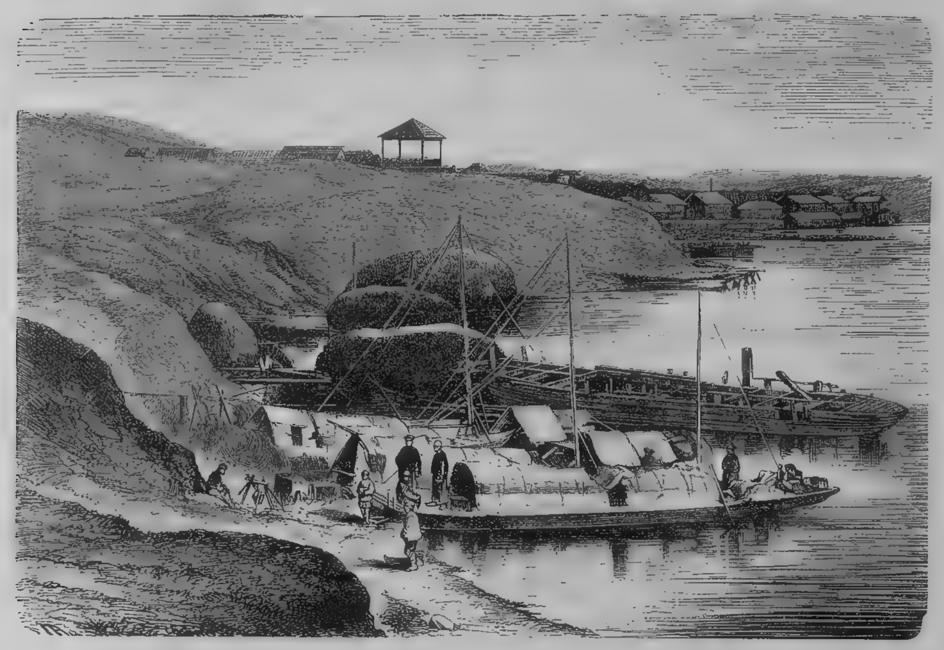
Подъ самымъ городомъ лѣсъ частью вырубленъ, частью истребленъ пожарами, которые



Портъ и рейдъ Николаевска на Амуръ.

бываютъ нерѣдко по неосторожности горожанъ. Обгорѣлые пни тянутся на значительномъ пространствѣ въ обѣ стороны отъ города по рѣкѣ и придаютъ ему унылый видъ. Сѣнокосовъ въ окрестностяхъ Николаевска нѣтъ, и сѣно сплавляется верстъ за 200; въ годы наводненія цѣна на сѣно баснословно велика. Огородничествомъ жители занимались, но неудачно, такъ какъ произрастанію овощей препятствуютъ ранніе заморозки; хлѣбопашество считается здѣсь невозможнымъ.

Городъ вытянулся по берегу рѣки версты на двѣ, въ ширину же онъ не болѣе версты; такъ какъ онъ строился прямо въ лѣсу и сразу на довольно большомъ мѣстѣ, то улицы долго не были распланированы и на нихъ торчатъ въ большомъ количествѣ не выдернутые пни. Теперь же главныя улицы покрыты щебнемъ и по нимъ устроены деревянные мостки. Въ общемъ городъ имѣетъ видъ какъ-бы временнаго поселка и при томъ разваливающагося.

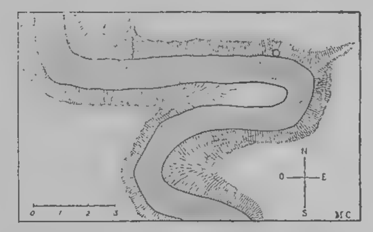


Манджурскія лодки и базаръ въ Николаевскѣ на Амурѣ.

Большинство домовъ просто лачуги, построенныя на-скоро, безъ фундамента и не обшитыя тесомъ; кромѣ того, послѣ перевода порта, много домовъ остались пустыми и не поддерживаются. Отъ недостатка хорошаго кирпича, а также и опытныхъ печниковъ, печи, которыя топятся съ конца сентября до іюня, каждый годъ перекладываются; въ большинствѣ домовъ нѣтъ форточекъ и вообще никакой вентиляціи. Между тѣмъ большую часть года, не менѣе восьми мѣсяцевъ, приходится топить печи, а, слѣдовательно,—дышать спертымъ воздухомъ. Болѣе уютные домики, обшитые тесомъ и окрашенные, принадлежатъ иностранцамъ; казенные дома прочнѣе частныхъ, но и въ нихъ фундаментъ заложенъ обожженными сваями. Передъ переводомъ порта изъ Николаевска, въ городѣ считалось около 650 домовъ, въ томъ числѣ около десятой части на заливахъ. Въ настоящее время болѣе половины домовъ стоятъ пустыми. Въ городѣ имѣется православная церковь, больница, гостиный дворъ, двѣ тюрьмы, изъ которыхъ одна была спеціально предназначена для временнаго пребыванія ссыльно-

каторжныхъ на пути ихъ къ Сахалину. Въ послѣднее время, съ отправкою каторжныхъ изъ Европейской Россіи на Сахалинъ прямо моремъ, значеніе Николаевска, въ качествѣ крупнаго для нихъ пункта, измѣнилось. Въ городѣ нѣсколько пристаней; двѣ изъ нихъ принадлежатъ городскому обществу. Имѣется также телеграфная станція. Въ Николаевскѣ число жителей, по свѣдѣніямъ, относящимся ко второй половинѣ семидесятыхъ годовъ, было 1,532 мужчины и 511 женщинъ.

Въ цифрахъ этихъ пропущено нѣсколько десятковъ крестьянъ того и другого пола, а также каторжные, находившіеся въ мѣстной тюрьмѣ, въ ожиданіи отправки на Сахалинъ: численность ихъ, по всѣмъ вѣроятіямъ, не менѣе двухъ сотенъ. Затѣмъ изъ иностранцевъ показаны только постоянно проживающіе въ городѣ и при томъ—одни главы семействъ. Въ настоящее время, послѣ перевода областного управленія и полевыхъ войскъ въ Хабаровскъ, цифра солдатъ на службѣ ничтожна, а также уменьшилось и количество дворянъ и чиновниковъ. Вообще, численность лицъ, проживающихъ въ городѣ по служебнымъ обязанностямъ, дошла теперь до minimum'а, и Николаевскъ получаетъ значеніе торговаго поселка, при чемъ, однако, условія торговли совершенно исключительныя. Во время же существованія военнаго порта, классъ собственно горожанъ былъ незначительнымъ придаткомъ къ военно-морскому элементу населенія. Ядро этихъ горожанъ составляли и составляютъ лица, поселившіяся тоже по распоряженію правительства, а именно—отставные солдаты и ссыльные. Людъ этотъ занимается по преимуществу мелкою торговлею и поденными работами въ гавани, ремесленниковъ же въ его средѣ очень мало. Вообще въ ремесленникахъ ощущается въ городѣ крайній недостатокъ, а фабричной и заводской промышленности здѣсь и вовсе не существуетъ.



Извилины Амура.

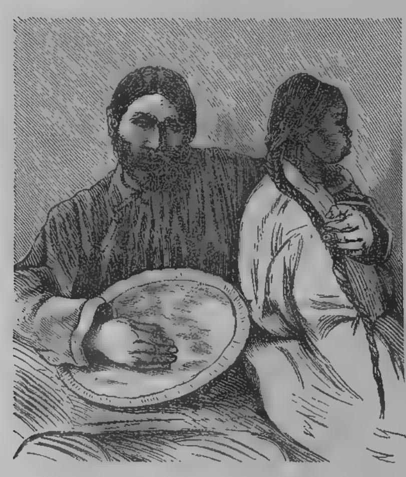
Товары поступаютъ въ Николаевскъ и вывозятся изъ него по двумъ направленіямъ: морѐмъ и по Амуру, при чемъ, однако, моремъ слѣдуютъ изъ Николаевска лишь казенные грузы, или грузы контрагента по провольствію сѣверныхъ округовъ области, въ порты этихъ округовъ и то не болѣе двухъ разъ въ лѣто. Вывоза же за-границу не бываетъ, если не считать случайнаго отпуска дровъ на нѣсколько сотъ рублей. Возрастаніе привоза объясняется увеличеніемъ числа поселенцевъ на нижнемъ Амурѣ, а также нѣкоторымъ развитіемъ пароходства по рѣкѣ, на ряду съ тѣмъ, что мѣстной производительности по прежнему почти не существуетъ. Къ экономическому значенію города и порта увеличеніе это имѣетъ очень мало отношенія. Николаевскъ, какъ былъ, такъ и остался пунктомъ потребленія, а также передаточнымъ пунктомъ товаровъ въ другія мѣста потребленія. Къ этому надо еще добавить, что значительная доля приходящихъ грузовъ принадлежала всегда казнѣ. Наконецъ, привозъ моремъ сосредоточивается почти исключительно въ рукахъ иностранцевъ, при чемъ значительная доля товаровъ состоитъ изъ предметовъ, приносящихъ вредъ краю, каковы, напримѣръ, спиртъ и другіе крѣпкіе напитки.

Старикъ айнъ

Когда экспедиція капитанъ-лейтенанта Невельского изслѣдовала и заняла устье Амура, кромѣ инородцевъ—гиляковъ, въ краю въ то время обитали и айны, главный контингентъ которыхъ, впрочемъ, обиталъ на островѣ Сахалинѣ. Первыя свѣдѣнія объ айнахъ были получены въ XVI и XVII столѣтіяхъ и обратили на себя особенное вниманіе антропологовъ

и этнографовъ. Въ послѣднее время племя это было описано многими путешественниками, и тогда особенности его типа, благодаря фотографіи, стали извѣстны въ Европѣ. Причина, почему это племя обратило на себя вниманіе, заключается главнымъ образомъ въ томъ, что типъ его представляетъ,—какъ было уже разъяснено выше,—многія отличія отъ типа окружающихъ народовъ монгольской расы и выказываетъ скорѣе приближеніе къ типу расы бѣлой или, такъ называемой, кавказской. Приближеніе это настолько рѣзко, что хотя пишущіе этнографы находили естественнымъ причислять айновъ къ монгольской расѣ, или соединять вмѣстѣ съ камчадалами, алеутами и другими племенами сѣверо-восточной Азіи и сѣверо-западной Америки, въ особую гиперборейскую расу, новѣйшіе этнографы, наоборотъ, считаютъ болѣе правильнымъ причислить ихъ къ кавказской расѣ, какъ это сдѣлалъ, напримѣръ, Катрулажъ, или отдѣлять, подобно тому, какъ это предложилъ Вивенъ-де-сенъ-Мартэнъ, вмѣстѣ съ нѣкоторыми племенами восточной Азіи и Полинезіи въ особую океаническую расу, схожую по многимъ своимъ признакамъ съ кавказскою.

Большинство путешественниковъ, посѣщавшихъ айновъ, начиная съ XVII столѣтія, описываютъ ихъ, какъ народъ съ довольно правильными и пріятными чертами лица, довольно сходными съ европейскимъ и безъ рѣзко выраженнаго монгольскаго типа. Риттеръ говоритъ, что черты лица айновъ, довольно грубоватыя въ общемъ, не дурны, и иногда могутъ быть названы даже красивыми; онѣ положительно представляютъ большее сходство съ чертами кавказской расы, чѣмъ монгольской, тѣмъ болѣе, что и глаза ихъ прорѣзаны прямо, а не наискось, какъ по большей части у японцевъ и китайцевъ. Впрочемъ, прибавляетъ Риттеръ, пріятное впечатлѣніе, которое производятъ мужчины айны, зависитъ, быть можетъ, въ значительной степени отъ ихъ густыхъ, окладистыхъ бородъ. Русскій путешественникъ Брылкинъ слѣдующимъ образомъ отзывается объ айнахъ: «небольшіе, нѣсколько косо лежащіе, глаза, немного выдавщіяся скулы и толстыя губы немного напоминаютъ тунгусскій типъ; но это сходство разрушаетъ круглое, соразмѣрное и выдавшееся переносье носа, совершенно правильные, красивые, густые черные бороды и усы, которые, — какъ справедливо замѣтилъ Головкинъ, — дѣлаютъ айновъ очень похожими на русскихъ крестьянъ».


Типы айновъ.

«Нѣкоторые изъ айновъ имѣютъ весьма умные физіономіи, сходныя съ европейскими, не только по общимъ очертаніямъ, но и по выраженію. Черты лица правильныя и положительно пріятныя, совершенно отличныя отъ монгольскихъ и не представляющія ни выдающихся скулъ, ни косого верхняго вѣка. Темя, правда, нѣсколько приплюснуто, но вообще голова округлена и правильно сформирована; виски плоски, лобъ широкій и высокій; губы нѣсколько толстыя, но умѣренно, глаза почти всегда очень черные; брови прямыя, густыя». Такъ характеризуетъ это племя Сенъ-Джонъ. Въ новѣйшее же время Деницъ и Гельгендорфъ, изслѣдовавъ внимательно физіономіи пяти молодыхъ айновъ, нашли, что они не имѣютъ ничего общаго съ европейскимъ типомъ, а скорѣе, по плоскости лица, ширинѣ носа и выдающимся скуламъ, подходятъ къ японцамъ. Анучинъ, сопоставляя выводы различныхъ наблюдателей относительно айновъ, пришелъ къ заключенію, что рядомъ съ типомъ красивымъ и правильными, почти кавказскими чертами лица, распространенъ среди айновъ и другой типъ, монголо-образный.

Айны разныхъ возрастовъ.

Дѣйствительно, эта двойственность типовъ принимается нѣкоторыми этнографами, напр., Де-Росни. По его мнѣнію, у айновъ существуетъ два типа: одинъ изъ нихъ можетъ быть названъ брахицефальнымъ и характеризуется низкимъ, мало-развитымъ лбомъ и маленькими глазами, широкими скулами, толстымъ, но мало выдающимся, даже иногда приплюснутымъ носомъ, широкимъ ртомъ, отвороченными, красноватыми губами и небольшимъ, приземистымъ ростомъ. Другой же типъ—долицефальный, съ широкимъ и высокимъ лбомъ, съ овальными, часто миндале-видными глазами, но безъ косого верхняго вѣка, съ явственно развитымъ выдающимся, тонкимъ на концѣ, носомъ, умѣренными ноздрями и болѣе высокимъ ростомъ. Впрочемъ, Де-Росни за основной типъ принимаетъ первый, основываясь на томъ, что монголо-видный типъ встрѣчается преимущественно у женщинъ. Послѣднія имѣютъ болѣе оригинальныя физіономіи. Хотя онѣ, строго говоря, также не могутъ быть названы монгольскими, но все же выказываютъ уже рѣзче нѣкоторыя особенности послѣднихъ, особенно же напоминаютъ типы

Гиляки.

нѣкоторыхъ народовъ сѣверо-восточной Азіи и сѣверо-западной Америки,—народовъ, причисленныхъ, какъ было сказано уже, къ особой, такъ-называемой, гиперборейской или арктической расѣ. Цвѣтъ кожи обыкновенно смуглый, часто съ желтоватымъ оттѣнкомъ; у женщинъ, которыя большую часть жизни проводятъ въ юртахъ, при крайне слабомъ освѣщеніи, цвѣтъ лица матово-желтый. Краснощекая айнка—большая рѣдкость; что касается дѣтей, то, повидимому, цвѣтъ ихъ кожи свѣтлѣе, чѣмъ у взрослыхъ; но старики, по словамъ Брандта, имѣютъ болѣе свѣтлый, почти бѣлый цвѣтъ кожи, тогда какъ у молодыхъ онъ бронзовый. При этомъ не слѣдуетъ забывать, что айны живутъ весьма грязно и нисколько не заботятся о чистотѣ своего тѣла. Айны, живущіе теперь на Сахалинѣ, никогда не умываются, а лишь изрѣдка вытираютъ лицо, правильнѣе же—только глаза мокрою, при томъ грязною обыкновенно тряпкою. Тѣла своего также не моютъ и почти никогда не купаются. Относительно кожи айновъ слѣдуетъ замѣтить, что цвѣтъ ея на нѣкоторыхъ мѣстахъ, именно на губахъ, у женщинъ подвергается искусственному измѣненію при помощи татуировки. Такъ айнки, начиная съ

десяти лѣтъ, красятъ себѣ губы масляною сажею японскихъ котловъ, употребляемыхъ для вывариванія жира селедки. Для этого сначала дѣлаютъ насѣчки на губахъ; губы послѣ нама-

Гилякская женщина съ ребенкомъ.

зыванія часто болятъ и опухаютъ, такъ что аинка не можетъ открыть рта и принуждена дня три—четыре послѣ подобной операціи питаться жидкою пищею черезъ трубочку. Красятъ

губы нѣсколько разъ въ годъ. Многія, кромѣ того, татуируютъ себѣ также руки до локтя и тыльныя поверхности костей. Большею частью рисунокъ этихъ украшеній весьма простъ и представляетъ на губахъ ряды линій и точекъ, а на рукахъ и кистяхъ — круги или кресты. Впрочемъ, эти знаки или рисунки варьируются въ разныхъ мѣстностяхъ.

Большое сходство представляютъ айны со своими сосѣдями гиляками, хотя и здѣсь сходство проявляется, какъ кажется, болѣе въ отдѣльныхъ чертахъ, чѣмъ въ общемъ типѣ племени. Хотя слѣдуетъ замѣтить, что типъ гиляковъ, повидимому, не представляетъ строгаго однообразія, а болѣе или менѣе варіируется по мѣстностямъ. Такъ, у многихъ гиляковъ—вполнѣ монгольскія черты лица, рѣдкіе усы и борода; другіе путешественники описываютъ гиляковъ, какъ мужественный народъ, съ рѣзкими чертами лица, часто тонкимъ носомъ и густая окладистая борода. Миддендорфъ признаетъ у нихъ существованіе также двухъ типовъ: одного — явственнаго монгольскаго, другого—почти кавказскаго. Миддендорфъ объясняетъ это смѣшеніемъ съ русскими выходцами, которые, какъ извѣстно, проникли на Амуръ въ XVII столѣтіи. Но этотъ, похожій на кавказскій, типъ у гиляковъ встрѣчается рѣже, чѣмъ у айновъ, при томъ же только среди мужчинъ; у женщинъ же въ большинствѣ случаевъ преобладаютъ монгольскія черты, съ весьма выдающимися скулами и значительной косоватостью глазъ. Да и у гилякскихъ мужчинъ эта правильность бываетъ часто только кажущаяся и зависитъ главнымъ образомъ отъ развитія бороды и усовъ, которые, при нѣсколько болѣе выступающемъ носѣ, какъ-бы скрадываютъ существующее узко-глазіе и общую угловатость лица. Во всякомъ случаѣ, гиляки, особенно по большому росту волосъ, замѣтно близко стоятъ къ айнамъ, равно какъ и по нѣкоторымъ другимъ признакамъ. По поводу сходства гиляковъ съ русскими, при существованіи, кромѣ того, еще другого монгольскаго типа у гиляковъ, Миддендорфъ и высказалъ предположеніе о смѣси русскихъ съ гиляками при первомъ появленіи въ низовьяхъ Амура. Предположеніе это, однако, мало вѣроятно, такъ какъ подобное существованіе двухъ типовъ было констатировано нѣкоторыми и у другихъ племенъ, напр. у корейцевъ, да и самимъ Миддендорфомъ—у самоѣдовъ, киргизовъ, остяковъ и другихъ сибирскихъ инородцевъ. Очевидно, причина этого лежитъ глубже, хотя, безъ сомнѣнія, и обусловливается смѣшеніемъ племенъ, съ одной стороны—монгольскаго, съ другой—типа, болѣе близкаго къ кавказскому, но все же, вѣроятно, азіатскаго происхожденія.

Гилякъ торговецъ.

Языкъ айновъ совершенно особенный, имѣетъ мало сходства съ другими языками сѣверо-восточной Азіи. По характеру звуковъ, айнскій языкъ вообще представляетъ нѣкоторое сходство съ японскимъ языкомъ, но, по своему происхожденію, совершенно оригиналенъ, хотя въ немъ вообще встрѣчается много японизмовъ и гиляцизмовъ (словъ, заимствованныхъ у японцевъ и гиляковъ).

Свѣдѣнія о религіи айновъ весьма скудны; нѣкоторые старинные путешественники даже выражали сомнѣніе въ ея существованіи. Тѣмъ не менѣе айны оказываютъ извѣстное почитаніе нѣкоторымъ предметамъ, напр., солнцу, мѣсяцу, медвѣдю и проч. Передъ питьемъ водки, они брызгаютъ въ разныя стороны, какъ бы принося жертвы кому-то. У айновъ, дѣйствительно, существуютъ нѣкоторые религіозные обряды и вѣрованія. Религія ихъ выработалась изъ грубаго фетишизма. Они боготворятъ безчисленное множество невидимыхъ существъ, добрыхъ

Жилище айновъ

и злыхъ. Къ добрымъ богамъ принадлежатъ слѣдующіе: горный, морской, боги свѣтилъ, домашніе боги, боги очага или огня; бога рыбной и звѣриной ловли и бога хранителя; послѣднихъ безчисленное множество, такъ какъ каждая страна, каждый островъ, каждый холмъ, каждое село имѣетъ своего бога—хранителя. Но кромѣ добрыхъ боговъ у айновъ есть и множество злыхъ, производящихъ болѣзни, дѣлающихъ человѣка сумасшедшимъ, посылающихъ громъ и проч. Видъ всѣхъ этихъ боговъ большею частью неизвѣстенъ айнамъ.

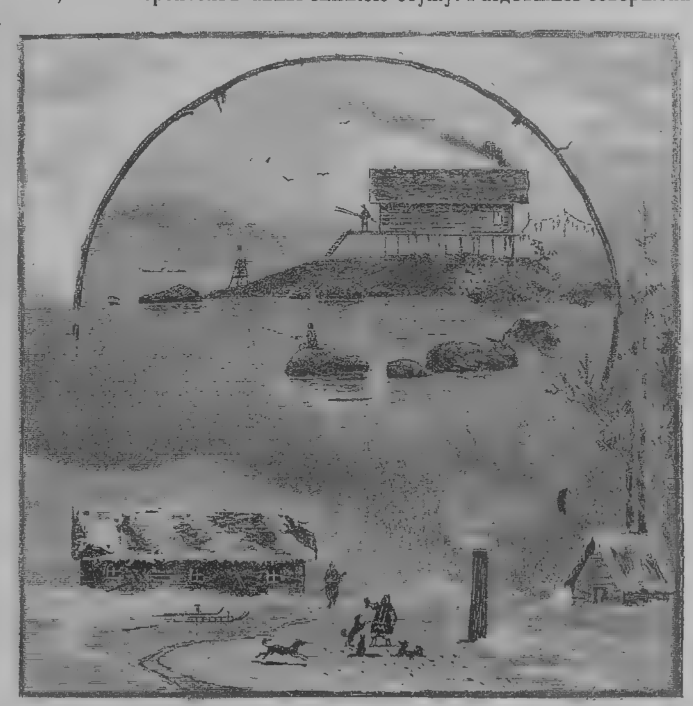
Жертвы, приносимыя айнами своимъ богамъ, различны. Проходя через горы, айнъ бросаетъ горному богу щепотку табаку. Выпивая саки, онъ отдаетъ каплю ея въ жертву богу-хранителю селенія. Другимъ богамъ приносятся въ жертву, напр., орлиныя головы, которыя часто можно встрѣтить на стѣнахъ ихъ юртъ, воткнутыми на палочкахъ. Кромѣ того, осенью каждаго года, именно въ ноябрѣ, они приносятъ очистительную жертву горному богу, убивая медвѣдя, котораго они считаютъ сыномъ горнаго бога.

Молодой гилякъ въ зимней одеждѣ. Гилякскій староста въ жалованномъ кафтанѣ.

Въ религіозныхъ понятіяхъ айновъ хотя и встрѣчаются большія сходства съ сосѣдними народами, особенно же гиляками, мангунами и гольдами, но существуютъ также и весьма существенныя отличія. Такъ, напримѣръ, всѣ эти народности имѣютъ идоловъ-болванчиковъ, большею частью человѣческаго вида, иногда также въ смѣшеніи съ животными и фантастическими формами; кромѣ того, они дѣлаютъ себѣ, въ качествѣ амулетовъ, рѣзныя изображенія различныхъ животныхъ; напр.: у гольдовъ въ особенности часто попадается барсъ или тигръ, у мангуновъ—орелъ. Кромѣ того, они приносятъ въ жертву животныхъ. У айновъ же-только поклоненіе медвѣдю.

Айны живутъ въ юртахъ, сложенныхъ кое-какъ изъ коры и досокъ и прикрытыхъ сверху тростникомъ или осокою. На сторонѣ, наиболѣе защищенной отъ вѣтра, находится входъ въ юрту съ невысокимъ, крытымъ, темнымъ корридоромъ, въ которомъ помѣщаются нѣкоторыя домашнія вещи, а также рыболовныя сѣти, лыжи, сани и проч. Двери выдвижныя

изъ тонкихъ досокъ, такой же точно полъ настланъ прямо на землѣ. Внутри юрты по стѣнамъ находятся нары съ выдвижными ящиками, а въ срединѣ два очага, на которыхъ и днемъ и ночью постоянно держится огонь. На срединѣ крыши сдѣланы два отверстія для выхода дыма изъ юрты; они служатъ вмѣстѣ съ тѣмъ и для свѣта, такъ какъ въ юртѣ оконъ нѣтъ. Не смотря на эти отверстія, въ юртѣ много дыма, который ѣстъ глаза не привычнымъ посѣтителямъ. Около очага разосланы цыновки, а надъ очагомъ находится четыреугольникъ для просушки платья. Около входа въ юртѣ стоитъ кадка съ водой, различныя посудины съ рисомъ и другими съѣстными припасами, на стѣнѣ висятъ пузыри съ жиромъ, веревки и судокъ. Температура юртъ мало чѣмъ отличается зимой отъ температуры наружнаго воздуха, такъ что въ нихъ бываетъ до 15° мороза. Брылкинъ говоритъ, что онъ ночевалъ неоднократно въ айнскихъ юртахъ и удивляется, какъ переносятъ айны зимнюю стужу. Раздѣвшись совершенно до нага, айнъ свертывается на нарахъ въ комокъ и, прикрывшись только своей коротенькой одеждой изъ собачьей шкуры, спитъ всю ночь на пролетъ, при 18°—12° градусахъ мороза. Айны чрезвычайно грязны, а потому у нихъ масса паразитовъ. Какъ и большая часть дикарей, айны привыкли къ этимъ паразитамъ; розыскивая ихъ по временамъ у себя и у ближнихъ, ѣдятъ и щелкаютъ ихъ не безъ удовольствія, какъ орѣхи. Они весьма часто страдаютъ чесоткой, отъ каковой лѣчатся, натирая чесоточныя мѣста сокомъ травы черемицы. Средство, дѣйствительно, одно изъ наиболѣе полезныхъ для удаленія чесоточныхъ клещей, вслѣдствіе производимаго имъ воспаленія кожи.



Лѣтнее и зимнее помѣщеніе гиляковъ.

Вслѣдствіе нечистоплотности, а также постояннаго дыма въ юртахъ и сильныхъ вѣтровъ, айны весьма подвержены глазнымъ болѣзнямъ.

Одежда айновъ довольно разнообразна и состоитъ главнымъ образомъ изъ короткихъ и просторныхъ халатовъ разныхъ сортовъ. Рубашку замѣняетъ, доходящій до колѣнъ халатъ изъ различныхъ матерій; сверхъ этого надѣвается еще другой халатъ, дѣлаемый изъ луба двухъ деревъ. Женщины носятъ большой халатъ изъ кожи рыбъ, или изъ тюленьей шкуры. Въ холодное время надѣвается еще кофта или халатъ изъ шкуры оленей, а зимой изъ собачьей шкуры. Айны рѣдко носятъ штаны, у нихъ есть особенные чулки и сапоги, изъ тюленьей, собачьей или рыбьей шкуры. Въ теплое время голову ни чѣмъ не прикрываютъ, въ холодные же дни, а также во время сильнаго вѣтра голову обертываютъ длиннымъ платкомъ на подобіе

чалмы или надѣваютъ шапку съ длинными наушниками. Въ дорогѣ носятъ башлыки изъ рисовой соломы или травы, а въ селахъ, во время грязи, деревянные башмаки. Айны подпоясываютъ свои халаты обыкновенно довольно низко ременнымъ поясомъ, на которомъ виситъ одинъ или два ножа, кисетъ для трута, кремень и огниво, иногда также деревянный футляръ для трубки и обѣденныхъ палочекъ и укрѣпленная рѣзьбою вѣтвь оленьяго рога для распутыванія узловъ. У женщинъ халаты отличаются только нѣсколько большей длиной; пояса ихъ обыкновенно украшены множествомъ мѣдныхъ бляхъ, а на одеждѣ нашиты металлическія пуговицы. На рукахъ онѣ носятъ браслеты, на пальцахъ по нѣскольку колецъ и перстней изъ олова, мѣди, а иногда и серебра, а на груди—кожанное ожерелье и желѣзное украшеніе въ родѣ медали. Дѣтей айны любятъ украшать болѣе, чѣмъ себя. Наряжаютъ ихъ въ пестрые бумажные халатики со свѣтлыми пуговицами, на шею навѣшиваютъ по нѣскольку нитокъ голубыхъ бусъ, на лобъ привязываютъ треугольникъ, вышитый бисеромъ, а къ поясу мѣдныя побрякушки, которыя во время ѣзды на нартахъ привязываютъ собакамъ. Вообще, айны весьма любятъ

Гилякская деревня Кукли-во.

украшенія и узоры; борты рукавовъ, воротниковъ и подолъ ихъ платьевъ обыкновенно бываютъ украшены черными или синими полосами; украшенія и узоры дѣлаются также на платкахъ, шапкахъ, рукавицахъ и вообще почти на всѣхъ айнскихъ издѣліяхъ. Всѣ эти издѣлія изготовляются исключительно женщинами, которыя постоянно заняты, то приготовленіемъ пищи (айны ѣдятъ отъ 4 до 8 разъ въ день) и раздачѣ ея семьѣ и собакамъ, то угощеніемъ, копченіемъ рыбы и приготовленіемъ рыбныхъ кожъ, то дѣланіемъ цыновокъ изъ травы, собираніемъ съѣдобныхъ травъ и корней. Пищу айновъ составляетъ рыба и рисъ. Изъ домашнихъ животныхъ у айновъ есть только собаки, которыхъ держатъ отчасти для пищи и охоты, а главное для ѣзды на нартахъ зимою.

Родственное съ айнами племя гиляковъ обитаетъ въ приморской области, въ низовьяхъ Амура, верстахъ въ 250 отъ устья вверхъ. Они весьма похожи на айновъ по внѣшнему виду, но очень храбры, чего нельзя сказать объ айнахъ. Умственные способности гиляковъ хорошо развиты; русскому языку, напримѣръ, они быстро научаются. Между ними есть ремесленники.

Типы гиляковъ Приморской области. — Гилякская собака.
Жилище гиляка послѣ пурги. Ловушка для соболей
Снасти и снаряды рыбной ловли,
Обрядъ убіенія медвѣдя въ честь Великаго Духа.

Религіозныя вѣрованія ихъ состоятъ въ томъ, что они вѣрятъ въ духовъ добрыхъ и злыхъ; шаманство у нихъ сильно развито. Гиляки управляются старшими въ семьяхъ Капитанъ-лейтенантъ Невельской, первымъ занявшій устье Амура, основавшій здѣсь русскую колонію и весьма близко соприкасавшійся съ гиляками, отзывается о нихъ слѣдующимъ образомъ:

Гиляки не имѣли никакого понятія ни о правѣ, ни о старшинствѣ. Единственнымъ правомъ они считали ножъ и физическую силу. Надобно болѣе глубоко изучить ихъ жизнь и обычай, замѣнявшіе у нихъ законы, чтобы навести ихъ на необходимость имѣть въ селеніяхъ такого человѣка, къ которому мы могли бы обращаться съ приказаніями и который въ свою очередь могъ бы требовать отъ нихъ безпрекословнаго исполненія. Привести къ такому убѣжденію инородцевъ нижнеамурскаго края много помогло намъ знаніе ихъ обычаевъ.

Гиляки живутъ въ селеніяхъ которыя состоятъ изъ юртъ, въ родѣ большихъ сараевъ, по стѣнамъ которыхъ устроены широкія теплыя нары, нагрѣваемыя идущими отъ очаговъ рукавами. Посреди юрты находится возвышеніе, на которомъ спятъ собаки. Въ очагахъ вмазаны котлы, въ которыхъ они готовятъ пищу и для себя и для собакъ. При каждой изъ такихъ юртъ по берегу рѣки устроены на возвышеніи, на столбахъ, небольшіе чуланы, служащіе для храненія запасовъ рыбы, ягодъ и проч. Около каждой юрты находится нѣсколько сложенныхъ въ козла жердей для сушки рыбы, изъ которой мясо они употребляютъ въ пищу, кости отдаютъ собакамъ. Эта рыба, провяленная на солнцѣ, называется юколой и составляетъ самую главную необходимость для гиляка, все равно, какъ для русскаго крестьянина хлѣбъ и соль.

Деревня Чнырахъ, военное поселеніе въ 12 верстахъ отъ Николаевска на Амурѣ.

Русскія поселенія въ низовьяхъ Амура весьма бѣдны и ничтожны. Въ то время, когда въ Николаевскѣ существовалъ портъ, онъ все-таки до извѣстной степени поддерживалъ эти поселенія и доставлялъ имъ средства къ существованію. Русскіе крестьяне, поселенные здѣсь административнымъ порядкомъ испытываютъ множество неудобствъ и лишеній, вслѣдствіе мѣстныхъ условій жизни и лишены всякой надежды на улучшеніе своего быта.

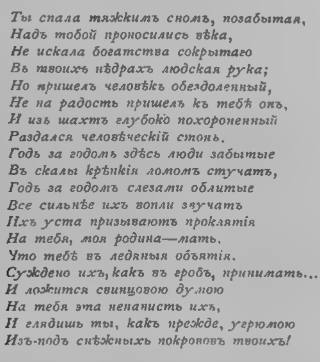
Съ перенесеніемъ порта во Владивостокъ значительно измѣнился и взглядъ на существовавшіе на Амурѣ въ Тырахъ и въ Маріинскѣ укрѣпленія. Главная сила русскихъ, конечно, должна заключаться въ крейсерскомъ флотѣ въ Японскомъ морѣ, такъ какъ далекое путешествіе непріятельскихъ судовъ по Амуру, напр., до Хаборовска (900 верстъ отъ устья Амура), можетъ быть предпринято исключительно при условіи обезпеченія обратнаго возвращенія въ море. Дикое, но и непривѣтливое низовье Амура, крайне незначительно населенное, само по себѣ уже не можетъ привлечь непріятеля, такъ какъ одна лишь легкость доступа не можетъ служить побудительною причиною рисковать, хотя бы даже не большою канонерскою лодкою.

Н. Тарановъ.

ОЧЕРКЪ IX.

УССУРІЙСКІЙ КРАЙ.

атъ, орографія и орошеніе. — Флора, фауна и ископаемыя богатства. — Тазы или орочи, какъ оборигены края. — Мѣстное китайское населеніе или манзы. — Переселеніе изъ Кореи и оношенія съ ея правительствомъ. — Русское населеніе.



Ты спала тяжкимъ сномъ, позабытая,
Надъ тобой проносились вѣка,
Не искала богатства сокрытаго
Въ твоихъ нѣдрахъ людская рука;
Но пришелъ человѣкъ обездоленный,
Не на радость пришелъ къ тебѣ онъ,
И изъ шахтъ глубоко похороненный
Раздался человѣческій стонъ.
Годъ за годомъ здѣсь люди забытые
Въ скалы крѣпкія ломомъ стучатъ,
Годъ за годомъ слезами облитые
Все сильнѣе ихъ вопли звучатъ
Ихъ уста призываютъ проклятія
На тебя, моя родина—мать,
Что тебѣ въ ледяныя объятія,
Суждено ихъ, какъ въ гробъ, принимать...
И ложится свинцовою думою
На тебя эта ненависть ихъ,
И глядишь ты, какъ прежде, угрюмою
Изъ-подъ снѣжныхъ покрововъ твоихъ!

Л. ВООВЪ.

Подъ Уссурійскимъ краемъ подразумѣвается часть приморской области, лежащая къ югу отъ устья р. Уссури, между 42° и 48° сѣверной широты. Но это пространство, по природѣ и жителямъ, рѣзко дѣлится на двѣ части: на собственно Уссурійскій и Южно-Уссурійскій край. Первый заключаетъ бассейнъ Уссури отъ истока до устья, съ ея правыми притоками; второй—озеро Ханка его водную систему, долину р. Суйфуна и морское побережье отъ Кореи до залива св. Владиміра.

Съ запада и юга Уссурійскій край примыкаетъ къ провинціямъ Манджуріи, Сяньсинской, Нингутинской, Хунчунской и, наконецъ, къ Кореѣ. Эти сопредѣльныя владѣнія вовсе не изслѣдованы въ научномъ отношеніи. Наши свѣдѣнія о нихъ ограничиваются показаніями инородцевъ при разспросахъ, путевыми замѣтками и не многими наблюденіями католическихъ миссіонеровъ: Жербиліона, Дю-Гальда, Де-ла-Брюньера и другихъ, посѣтившихъ эти страны въ теченіе послѣднихъ трехъ столѣтій. По этимъ свѣдѣніямъ, пространство, примыкающее къ Уссури и ея притокамъ Мурени и Нору, представляетъ луговую влажную степь, за исключеніемъ незначительнаго хребта, выходящаго на берегъ Уссури нѣсколько выше устья Нора. Эта страна, на западъ до водораздѣльнаго хребта долины Сунгари, вовсе не населена, если

не считать единичныхъ поселеній гольдовъ, разбросанныхъ по берегамъ рѣкъ отдѣльными хуторами. Въ иныхъ условіяхъ китайская территорія, сопредѣльная съ Южно-Уссурійскимъ краемъ. Здѣсь границу составляютъ отпрыски горы Сихота-Алина. За ними лежатъ густонаселенные округи городовъ: Нингута и Хунъ-Чуна. Первый—въ 200 верстахъ отъ границы, второй—почти на самомъ рубежѣ. Свѣдѣнія-же о Кореѣ еще скуднѣе.

Уссурійскій край находится на одной широтѣ съ южною Франціею и сѣвернымъ побережьемъ Чернаго моря, но климатъ этой восточной страны несравненно суровѣе. Это объясняется направленіемъ господствующихъ вѣтровъ, которые такъ постоянны, такъ правильно измѣняются по временамъ года, что ихъ не безъ основанія называютъ мусонами. Направленіе ихъ опредѣляется разностями нагрѣванія, съ одной стороны—моря, съ другой — высокихъ и безводныхъ пустынь средней Азіи, лѣтомъ чрезмѣрно раскаляемыхъ солнцемъ, зимою—сильно охлаждаемыхъ. Съ апрѣля по сентябрь преобладаютъ теплые и влажные юго-восточные вѣтры. Приносимые ими водяные пары осаждаются на хребтѣ Сихота-Алинъ. Поэтому лѣто—самое дождливое время года, особенно же августъ мѣсяцъ. Въ остальное время господствуютъ сухіе и холодные сѣверо-западные вѣтры, такъ что зима здѣсь отличается ясными, но морозными днями. Подъ вліяніемъ такихъ условій годовая температура въ Уссурійскомъ краѣ значительно ниже, чѣмъ въ тѣхъ же широтахъ въ Европѣ.

Обиліе дождей лѣтомъ и незначительность водяныхъ осадковъ зимою имѣетъ то неблагопріятное послѣдствіе для края, что весенніе разливы почти незамѣтны, за то рѣки переполняются водою въ іюлѣ и августѣ на 4 и болѣе саженей выше нормальнаго уровня. Тогда сообщеніе прекращается, рѣки уносятъ сѣно и сжатый хлѣбъ и смываютъ пашни неосторожныхъ хозяевъ, увлекающихся легкостью запашки на луговыхъ низменныхъ мѣстахъ. Бывали случаи, что уничтожались водою цѣлыя селенія.

Рельефъ страны между Японскимъ моремъ и Уссури гористый и зависитъ отъ горной цѣпи Сихота-Алинъ, тянущейся вдоль морского берега, отъ устья Амура на югъ до соединенія съ Чаньбошанскимъ хребтомъ, отдѣляющимъ Корею отъ Манджуріи. Сихота-Алинъ не принадлежитъ къ высокимъ горамъ, возвышаясь надъ моремъ всего до 4,000 футовъ и только выдающіяся вершины достигаютъ 5,000 футъ. На всемъ протяженіи отъ устья Амура до залива Ольги ось хребта проходитъ въ недалекомъ разстояніи отъ морского берега, на югѣ же цѣпь эта круто поворачиваетъ на юго-западъ и даетъ мѣсто обширному заливу Петра Великаго. Отъ главной оси Сихота-Алинъ отдѣляются вѣтви къ морю и къ Уссури. Восточные отпрыски коротки, круты и почти отвѣсно падаютъ въ море обрывами въ нѣсколько сотъ футъ вышиною. Исключеніе составляютъ отрасли хребта на югѣ, гдѣ они значительно длиннѣе, а одинъ изъ нихъ, врѣзываясь далеко въ море, образуетъ полуостровъ графа Муравьева-Амурскаго, а другіе два окаймляютъ заливъ Петра Великаго. На западномъ склонѣ вѣтви Сихота-Алинъ значительно длиннѣе и достигаютъ Уссури на разстояніи отъ 400 до 600 верстъ. Пониженіе горъ здѣсь гораздо постепеннѣе, очертанія ихъ мягче, такъ что въ большинствѣ случаевъ они даютъ странѣ болѣе холмистый, чѣмъ гористый характеръ. Изъ вѣтвей назовемъ Хыхцыръ, который отдѣляется отъ хребта нѣсколько южнѣе императорской гавани и выходитъ къ самому устью Уссури, высокою вершиною того же имени. Между остальными отпрысками Сихота-Алинъ необходимо указать на тотъ, который отдѣляетъ бассейны озера Ханка и р. Мурени и составляетъ нашу границу съ Китаемъ; эта вѣтвь значительно выше и круче другихъ.

Орошеніе Уссурійскаго края весьма обильно, благодаря тому, что влажные вѣтры осаждаютъ въ Сихота-Алинъ много атмосферной влаги. Безчисленные ручьи, рѣчьки и рѣки покрываютъ страну водяною сѣтью и сливаются въ главную артерію въ Уссури. Это названіе получаетъ рѣка послѣ слiянія рѣкъ Даубихэ и Улахэ, которыя получаютъ начало свое въ Сихота-Алинъ тамъ, гдѣ хребетъ принялъ юго-западное направленіе. Долины этихъ рѣкъ, мѣстами достигая значительной широты, мѣстами съуживаясь, представляютъ холмистыя

мѣстности, частью болотистыя, частью удобныя для земледѣлія. Обѣ рѣки имѣютъ совершенно горный характеръ, т. е. очень быстры, извилисты и обильны мелями, перекатами и быстринами, этотъ характеръ сохраняется и по сліяніи двухъ рѣкъ, такъ что Уссури дѣлается судоходною только отъ устья Сунгачи, доставляющей достаточно воды, чтобы увеличить глубину фарватера до 4 футовъ. Впрочемъ, верхнее теченіе рѣки все еще богато отмелями и косами, такъ что безпрепятственное плаваніе надо считать уже ниже впаденія р. Имы.

Съ правой стороны р. Уссури принимаетъ притоки: Има (Ниманъ), Бикинъ и Хоръ. Долины этихъ рѣкъ еще мало изслѣдованы. Между лѣвыми притоками Уссури замѣчательна р. Сунгача, составляющая истокъ обширнаго бассейна озера Ханка и вмѣстѣ съ тѣмъ нашу пограничную черту. Вслѣдствіе обилія воды и большого уклона, теченіе рѣки очень быстрое, почему она прорыла себѣ въ илистой почвѣ долины глубокое русло, съ отвѣсными берегами. Та же причина объясняетъ и чрезвычайно извилистое теченіе, а, именно, при разстояніи по прямой линіи между истокомъ и устьемъ Сунгачи въ 67 верстъ, рѣка протекаетъ около 250 верстъ. Глубина ея вездѣ одинакова—около 10 футовъ; берега отъ истока постепенно возвышаются съ 3 до 8 и болѣе футовъ. Эти послѣднія качества даютъ Сунгачѣ характеръ естественнаго глубокаго канала, по которому судоходство задерживается лишь извилинами рѣки. Но это препятствіе устранимо. Если потребуетъ усиленное судовое движеніе, — выпрямленіе русла, при мягкости грунта и быстромъ теченіи, не представляетъ особенныхъ затрудненій.

Подъ именемъ Ханка подразумѣваются собственно два озера, разобщенныя песчанымъ перешейкомъ, шириною въ нѣсколько десятковъ саженей и поросшимъ сосновымъ лѣсомъ. Сѣверная часть или Малый Ханка, незначительный водоемъ, питается окружающими его болотами и не имѣетъ никакого значенія; кромѣ того, онъ находится въ китайскихъ владѣніяхъ. Южная часть или собственно Ханка, представляетъ обширный резервуаръ, изобилующій притоками, съ очертаніемъ, близкимъ къ овалу, большая ось котораго 80, а меньшая — 60 верстъ. Болотистыя равнины, прилегающія къ Ханка съ юга и сѣвера, а также пласты ила вдоль восточнаго берега составляютъ очевидно отложенія рѣкъ. Этотъ фактъ доказываетъ, что въ сравнительно недавнюю геологическую эпоху озеро не имѣло стока р. Уссури, уровень его былъ значительно выше, а потому и площадь несравненно больше, но вода озера нашла себѣ выходъ въ сосѣднюю рѣку и въ мягкомъ грунтѣ вырыла русло причудливой р. Сунгачи; уровень озера понизился; тогда обнажились болотистыя равнины, и площадь озера сократилась, принявъ настоящее свое очертаніе. Глубина Ханка замѣчательно равномѣрна, увеличиваясь очень постепенно вблизи береговъ. Она достигаетъ 4 саженей и остается одинаковою для всей средней части озера. Мы видѣли, что берега низменны, исключеніе составляетъ западный вслѣдствіе высокаго хребта вблизи.

Ханка питается весьма многими притоками, какъ-то: съ юга — Лефу и Мо, съ запада — Сіанхэ и Тура. Онѣ не судоходны и только орошаютъ долины, удобныя для заселенія.

Переходя къ рѣкамъ Южно-Уссурійскаго края, впадающимъ непосредственно въ Японское море, прежде всего упомянемъ самую значительную изъ нихъ р. Суйфунъ, такъ какъ бассейнъ ея примыкаетъ къ системѣ Ханка и отдѣляется отъ него водораздѣломъ столь незначительнаго возвышенія, что вовсе незамѣтенъ для проѣзжающихъ. Рѣка Суйфунъ беретъ начало въ Манджуріи и, входя въ русскіе предѣлы, течетъ въ широкой, холмистой и сухой степи, богатой всѣми угодьями для сельскаго хозяйства. Въ среднемъ теченіи рѣка дѣлаетъ крутой поворотъ съ юго-восточнаго направленія въ южное и вступаетъ въ поперечную долину, пересѣкающую хребетъ Сихота-Алинъ. Характеръ береговъ здѣсь рѣзко измѣняется; горы подступаютъ къ самому руслу и дѣлаются все круче, по мѣрѣ приближенія къ Медвѣжьимъ щекамъ; т. е. отвѣснымъ скаламъ, составляющимъ разрѣзъ главной оси горъ, но уже 20 верстъ ниже природа вновь измѣняется: долина дѣлается шире, рѣка разбивается на много протоковъ, давая мѣсто обширнымъ наноснымъ островамъ. Глубина низовьевъ обезпечиваетъ судоходство на 60 верстъ

отъ устья; но, къ сожалѣнію, на барѣ всего 4 фута воды, такъ что плаваніе возможно лишь для небольшихъ пароходовъ.

Другая болѣе значительная рѣка Сучанъ впадаетъ въ море въ заливѣ Америка. Обладая глубокимъ баромъ, она судоходна на 20 верстъ вверхъ по теченію. Долина ея, широкая и степная, даетъ всѣ условія для обширнаго развитія сельскаго хозяйства. Такими же качествами долинъ, но въ меньшемъ масштабѣ, обладаютъ и другія не судоходныя рѣки, какъ-то: Янчихе и Лючихеза, вливающіяся въ бухту Экспедиціи; рѣки Сидими, Монгугай и Амабира, текущія въ заливъ Амурскій, и Мая, Цемухэ и Канґауза, впадающія въ заливъ Уссурійскій.

Рѣчная система Южно-Уссурійскаго края богата отложеніями золотоносныхъ песковъ. Признаки этихъ богатствъ встрѣчаются во многихъ мѣстахъ, но изслѣдованія сосредоточились преимущественно на рѣкахъ, впадающихъ въ Японское море. Здѣсь разрабатывается уже нѣсколько площадей, но добыча драгоцѣннаго металла еще незначительна. Будущее промысла обѣщаетъ многое, такъ какъ по всей площади Уссурійскаго края мы въ правѣ предположить обиліе золотоносныхъ песковъ, руководствуясь часто находимыми отвалами промытыхъ породъ, остатками работъ давняго времени, какъ мы можемъ заключить по вѣковымъ деревьямъ, выросшимъ на этихъ отвалахъ.

Морской берегъ богатъ не менѣе драгоцѣннымъ другимъ ископаемымъ—каменнымъ углемъ. Пласты его найдены по всему побережью залива Петра Великаго. Большинство залежей недостаточно изслѣдованы, тѣ же изъ нихъ, которыя разработывались, а именно: въ бухтѣ Посьета близъ поста Новгородскаго, на Амабирѣ и близъ устья Суйфуна,—выяснили весьма неблагопріятное условіе залеганія каменнаго угля, состоящее въ томъ, что позднѣйшими геологическими переворотами пласты изломаны и сдвинуты; кромѣ того, они уходятъ подъ дно моря и сильный притокъ воды мѣшаетъ работамъ.

Необходимо еще сказать о серебро-свинцовыхъ и желѣзныхъ рудахъ. Первые найдены на р. Ванцинѣ, впадающей въ море между бухтами св. Преображенія и св. Ольги, почти въ равномъ разстояніи отъ той и другой. Желѣзныя руды открыты вблизи мѣста бывшаго русскаго селенія Арзамасовскаго на р. Аввакумовкѣ, впадающей въ бухту св. Ольги.

Подъ вліяніемъ богатства орошенія и влажности атмосферы, растительность въ Уссурійкраѣ достигаетъ изумительнаго обилія и разнообразія формъ, не только высшихъ, но и низшихъ породъ. Характерно въ растительномъ царствѣ, что флора во всей странѣ весьма однородна и все различіе между Южно-Уссурійскимъ краемъ и долиною р. Уссури, не смотря на разность въ широтѣ, заключается въ нѣсколькихъ чисто южныхъ видахъ, которыми первый превосходитъ послѣднюю. Нѣсколько отлично прибрежье Японскаго моря. Здѣсь суровые вѣтры и охлаждающее вліяніе моря неблагопріятно вліяютъ на растительность не только въ количественномъ, но и въ качественномъ отношеніи, здѣсь вовсе нѣтъ нѣкоторыхъ южныхъ породъ, тѣ же, которыя встрѣчаются, развиваются плохо. Другая мѣстная особенность флоры — смѣшеніе породъ юга съ породами сѣвера. Виноградъ здѣсь растетъ непосредственно подлѣ ели. Еще болѣе рѣзкій примѣръ указалъ намъ Пржевальскій, который нашелъ «диморфантъ», пальмовидное растеніе тропической формы въ ближайшемъ сосѣдствѣ съ кедромъ. Это явленіе повторяется на всей площади Уссурійскаго края, хотя и рѣдко.

Изъ хвойныхъ лѣсныхъ породъ чаще встрѣчается кедръ, лиственница, пихта и ель, рѣже—сосна. На склонахъ горъ и равнинахъ растутъ ива, липа, кленъ, ясень, дубъ, осина, ольха. береза бѣлая и черная, вязъ, пробковое и орѣховое деревья, бѣлая акація, яблоня, груша и и диморфантъ.

Къ этому списку лѣсныхъ породъ, встрѣчающихся на всей площади Уссурійскаго края, въ южной его части прибавляются еще: абрикосовое дерево, мелколистный кленъ, манджурская аралія, грабъ и древовидный можжевельникъ. При такомъ качественномъ разнообразіи лѣсныхъ породъ и количество лѣса въ Уссурійскомъ краѣ велико. Горы покрыты преимущественно

хвойными деревьями, съ примѣсью лиственныхъ видовъ холодныхъ странъ, какъ береза, осина и другія; всѣ остальныя породы распредѣляются по склонамъ и въ равнинахъ, въ мѣстахъ благопріятныхъ для произрастанія каждой разновидности.

Въ рощахъ на холмахъ и ихъ подошвахъ преобладаетъ дубъ, но онъ имѣетъ здѣсь особенность, лишающую его значенія, какъ предметъ торговой эксплоатаціи: онъ дѣлается дуплистымъ, какъ скоро толщина ствола достигаетъ 4—5 вершковъ. Исключеніе изъ этого представляютъ лишь горы вдоль западнаго берега залива Петра Великаго, гдѣ дубъ, по своимъ качествамъ, даетъ превосходный строительный матеріалъ. Дуплистость объясняется быстрымъ ростомъ дерева на тучной почвѣ.

Кустарники Уссурійскаго края не представляютъ такого разнообразія и распространенія, какъ лѣса. Между разными видами мы встрѣчаемъ здѣсь много знакомыхъ по Амурской области и Сибири, какъ сибирскій горошекъ (caragana), таволгу (spiraea), малину, шиповникъ, боярышникъ, бузину, барбарисъ, амурскую сирень, рододендръ, который покрываетъ весною горы своими розовыми цвѣтами, и другія. Болѣе же всего распространена кустарная ива, которая идетъ бордюромъ по берегамъ всѣхъ рѣкъ страны.

Виноградная лоза встрѣчается вездѣ на сухихъ мѣстахъ. Она—то стелется по землѣ, то обвиваетъ деревья и переходитъ съ одного на другое граціозными гирляндами; иногда, набрасываясь на одно дерево, душитъ его въ своихъ объятіяхъ и, отнимая свѣтъ и влагу, умерщвляетъ свою опору. Въ Южно-Уссурійскомъ краѣ лоза достигаетъ 2—3 вершковъ толщины у корня и производитъ сочныя плоды, способные для культуры.

Въ трудно доступныхъ горныхъ ущельяхъ Южно-Уссурійскаго края встрѣчается жень-шень (Panax ginseng). Онъ растетъ отдѣльными экземплярами, скрывая свой красный цвѣтокъ подъ валежникомъ и травою, а потому трудно дается въ руки промышленника. За то одна удачная находка можетъ вознаградить за долгій трудъ и неимовѣрныя лишенія, потому что въ Небесной имперіи дикій жень-шенъ изъ Сихотъ-Алина цѣнится очень высоко. Китайцы разводятъ въ Южно-Уссурійскомъ краѣ дорогой корень въ плантаціяхъ, въ которыхъ искусственно воспроизводятся условія, требуемыя дико растущимъ жень-шеномъ. Только черезъ 3 года растеніе достигаетъ развитія корня въ объемѣ, требуемомъ покупателями.

Травянистая растительность всего Уссурійскаго края чрезвычайно разнообразна и достигаетъ громадныхъ размѣровъ. Замѣчательно смѣшеніе видовъ. Вмѣстѣ, напримѣръ, съ кормовыми травами изъ породы злачныхъ, клеверомъ, полевымъ горошкомъ и др., растутъ тростники и осоки. Такое смѣшеніе объясняется обиліемъ влаги. Дождевая вода, задерживаемая корнями, даетъ почвѣ сырость, необходимую для произрастанія тростника. Задерживающее значеніе корней такъ значительно, что иногда даже на довольно крутыхъ склонахъ пѣшеходъ идетъ въ водѣ по щиколку. Переселенцы выжигаютъ осенью и весною окрестные степи, тогда солнце и вѣтеръ высушиваютъ почву, и на выжженныхъ мѣстахъ тростникъ исчезаетъ, давая мѣсто кормовымъ травамъ.

Высокая и густая трава составляетъ благопріятное условіе для развитія насѣкомыхъ и, дѣйствительно, разнообразіе и количество ихъ въ Уссурійскомъ краѣ невѣроятно. Пауты (родъ осы), комары и мелкая мошка, вдыхаемая животными и заползающая въ глаза и ноздри, составляютъ истинный бичъ для человѣка и скота. Единственное практическое средство противъ докучливыхъ мелкихъ враговъ, это ежегодное выжиганіе травы въ возможно обширныхъ размѣрахъ. Огонь уничтожаетъ миріады яицъ и личинокъ, и число насѣкомыхъ сокращается тамъ, гдѣ въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ принималась эта благодѣтельная мѣра, равно необходимая и для улучшенія пастбищъ.

Животный міръ Уссурійскаго края, подобно растительному царству, совмѣщаетъ въ себѣ обывателей теплыхъ странъ и холоднаго сѣвера. Здѣсь тигръ бенгальской породы живетъ въ сосѣдствѣ съ соболемъ; здѣсь пятнистый олень-аксисъ, уроженецъ Остъ-Индіи и Зондскихъ

островов, пасется вмѣстѣ съ изубремъ, т. е. оленемъ холодныхъ странъ. Здѣсь сошелся бурый медвѣдь той разновидности, которая живетъ въ Камчаткѣ, со своимъ собратомъ изъ Тибета. Барсъ, дикая кошка, гималайская куница, переселились сюда изъ южно-азіятскихъ странъ. Всѣ эти звѣри живутъ въ Уссурійскомъ краѣ осѣдло и выводятъ своихъ дѣтенышей.

Перечисленными животными не исчерпывается списокъ представителей фауны. Назовемъ еще слѣдующихъ: изъ отряда хищниковъ —рысь охотится въ хвойныхъ глухихъ лѣсахъ Сихотъ-Алина; барсукъ роетъ свои норы въ рощахъ на луговыхъ равнинахъ; выдра водится во всѣхъ рѣкахъ, особенно же въ притокахъ озера Ханка; волки рыщутъ по всей странѣ; лисица огневка и сиводушка находитъ между пернатыми хорошую пищу, какъ въ горахъ, такъ и въ степяхъ; еното-видная собака предпочитаетъ сосѣдство мелкой воды, преимущественно питаясь рыбой. Изъ отряда грызуновъ, летяга и бѣлка кочуютъ по хвойнымъ лѣсамъ и ведутъ за собою соболя, главнаго своего истребителя; заяцъ бѣлякъ водится только въ долинѣ р. Уссури, южнѣе встрѣчается манджурскій его сородичъ.

Изъ толстокожихъ встрѣчаемъ только кабана, который въ большемъ количествѣ населяетъ лѣса Уссурійскаго края.

Жвачныхъ животныхъ большое обиліе, не по числу видовъ, а по многочисленности особей. На вершинахъ хребта, въ скалахъ водится горный баранъ (антилопа). Въ горныхъ лѣсахъ попадается кабарга, но довольно рѣдко. Самое цѣнное животное изъ этого отряда — олень настоящій, иначе изубрь; молодые его рога, еще наполненные кровеносными сосудами, подъ названіемъ «пантовъ», составляютъ весьма цѣнный предметъ вывоза въ Небесную имперію. Китайцы приписываютъ такимъ рогамъ удивительную цѣлебную силу и даютъ за пару «пантовъ» отъ 80 до 150 и болѣе серебряныхъ рублей. Впрочемъ, еще дороже цѣнятся молодые рога пятнистаго оленя, о которомъ сказано выше. Дикая коза (козуля) преобладаетъ по числу своему надъ всѣми жвачными и кочуетъ по всему Уссурійскому краю, лѣтомъ — въ горахъ, зимою—въ степи, увлекая въ такія же странствованія и тигра, который преимущественно питается козою.

Птицы даютъ намъ новое доказательство смѣшенія въ Уссурійскомъ краѣ фауны сѣвера и юга. По наблюденіямъ, напримѣръ, Пржевальскаго японскій ибисъ прилетаетъ на берега Ханка въ срединѣ марта и застаетъ здѣсь бѣлую сову, которая перемѣщается сюда изъ полярныхъ странъ только на зиму. Цѣлый мѣсяцъ живутъ эти птицы въ сосѣдствѣ, въ ожиданіи первыхъ теплыхъ дней, невыносимыхъ для совы и желанныхъ для ибиса, который ждалъ ихъ для постройки своего гнѣзда. Въ числѣ разнообразныхъ утокъ, встрѣчающихся въ Сибири, здѣсь выводятъ птенцовъ два вида этой породы птицъ, родина которыхъ — жаркая Индія. Впрочемъ, пернатые гости дѣлаютъ различіе между Южно-Уссурійскимъ краемъ и болѣе сѣверною долиною Уссури. Японскіе ибисы и снигири, равно и упомянутыя индѣйскія утки, находятъ на берегахъ Ханка сѣверный предѣлъ своихъ странствованій, но журавли японской и китайской породы летятъ далѣе.

Перелетъ птицъ достигаетъ громадныхъ размѣровъ, особенно же черезъ озеро Ханка и Сунчачу. Пржевальскій спеціально изслѣдовалъ это явленіе и составилъ списокъ 76 видовъ птицъ, перелетающихъ на сѣверъ; всѣхъ же, встрѣчающихся въ Уссурійскомъ краѣ, насчитываетъ 224 вида. Главную массу составляютъ фазаны, утки, гуси, лебеди, аисты и журавли. Ихъ постоянные спутники и враги—орлы, ястреба, коршуны, совы и др. хищники—распространены повсюду. Лѣса оглашаются голосами разнородныхъ пташекъ, какъ-то: соловья, красношейки, скворца, удода и другихъ. По степямъ расхаживаетъ дрофа и живутъ бекасы.

Таковы естественныя условія въ краѣ, въ которыхъ пришлось жить человѣку. Находясь въ сторонѣ отъ вліянія историческихъ націй, вдали отъ путей сообщенія этихъ народовъ, аборигены Уссурійскаго края остановились на весьма низкой степени развитія. Здѣсь издавна обитаютъ два племени, гольды, о которыхъ говорено уже въ одномъ изъ предыдущихъ очер-

Хабаровскіе гольды.

ковъ и тазы или орочи. Если первое племя во многихъ своихъ бытовыхъ особенностяхъ подчинилось влiянiю манджуровъ, то второе большею частью осталось внѣ этого воздѣйствiя, ведетъ жизнь совершенно самобытно, и только часть ихъ, живущая въ долинахъ, въ сосѣдствѣ съ китайцами, нѣсколько измѣнила свои племенные обычаи.

Тазы обитаютъ по обѣ стороны Сихотъ-Алина, но на западъ они не спускаются съ предгорiй, такъ что на притокахъ р. Уссури ихъ жилища встрѣчаются весьма рѣдко; на западномъ берегу залива Петра Великаго они живутъ не только въ горахъ, но и въ долинахъ, сѣверный же предѣлъ распространенiя этого племени неизвѣстенъ. До сихъ поръ происхожденiе, языкъ и антропологическiя особенности племени тазовъ не изслѣдованы научнымъ образомъ, такъ что наши свѣдѣнiя ограничиваются только внѣшнею обстановкою ихъ жизни и даже въ этомъ отношенiи весьма скудны.

Тазы—племя бродячее, питается охотою. Поэтому оно разсѣяно отдѣльными семьями въ лѣсной глуши, выходя на рѣки и берегъ моря для рыбной ловли только въ опредѣленные лѣтнiе мѣсяцы, когда въ рѣки входитъ въ несмѣтномъ числѣ кэта (родъ семги) для метанiя икры. Жилище тазовъ приспособлено къ такому бродячему образу жизни. Это—шалашъ, состоящiй изъ конуса связанныхъ вверху жердей, покрытыхъ древесною корою; на вершинѣ оставляется отверстiе для выхода дыма отъ костра, вѣчно горящаго среди юрты. Убогая домашняя утварь приготовляется изъ дерева и бересты, металлическiя вещи ограничиваются ножомъ, тагапомъ и копьями. Эти желѣзныя издѣлiя они получаютъ отъ китайцевъ взамѣнъ пушнины. Одежда шьется изъ звѣриныхъ кожъ и въ рѣдкихъ случаяхъ видны бумажныя китайскiя ткани. О религiи тазовъ не имѣется никакого опредѣленнаго понятiя.

Все сказанное относится къ тазамъ, живущимъ въ лѣсахъ и горныхъ трущобахъ. Нѣсколько иначе устроились ихъ сородичи въ долинахъ. Они заимствовали отъ китайцевъ устройство жилищъ и строятъ фанзы, хотя въ значительно меньшемъ размѣрѣ и не такъ тщательно. Отъ тѣхъ же сосѣдей они переняли покрой и ткани для одежды, отъ нихъ же выучились употребленiю проса, овощей, спиртныхъ напитковъ, табака и даже огнестрѣльнаго оружiя. Всѣ эти продукты доставляются имъ китайцами въ кредитъ, за что тазы обязаны отдавать свою добычу на охотѣ, т. е., пушнину и панты. Цѣны на эти продукты устанавливаются кредиторами въ свою пользу, отсюда проистекаютъ неоплатные долги тазовъ и полная ихъ кабала.

Съ осени всѣ мужчины отправляются на охоту въ горы, женщины дѣти и старики остаются въ фанзѣ и питаются тѣми продуктами, которые даютъ имъ китайцы. Лѣтомъ тазы перекочевываютъ всею семьею къ рѣкамъ для рыбной ловли и помѣщаются здѣсь во временныхъ шалашахъ.

Всѣ домашнiя работы исполняются женщинами. Онѣ весьма искусно красятъ кожи въ разныя цвѣта и, вырѣзывая изъ нихъ ремешки, нашиваютъ прихотливые узоры на кисетахъ и воротѣ своихъ одеждъ. Иногда эти ремешки замѣняются шелковою тесьмою или бумажною матерiею. Женщины любятъ носить серебряные браслеты и кольца, серги-же носятъ не только въ ушахъ, но и продѣваютъ ихъ въ правую ноздрю. Зависимость отъ кредиторовъ и долгое отсутствiе мужчинъ зимою вынуждаютъ дочерей и женъ тазовъ благосклонно принимать ухаживанiя китайцевъ и даже поступать къ нимъ въ наложницы. Не смотря на то, что женщинъ тазовъ нельзя назвать красивыми, китайцы ищутъ сожительства съ ними, чтобы возмѣстить отсутствiе семьи, которую они вынуждены оставлять на родинѣ въ силу суровыхъ законовъ Небесной имперiи. Подъ влiянiемъ такого тѣснаго сближенiя съ китайцами и матерiальной зависимости отъ нихъ, племенныя особенности тазовъ, живущихъ въ долинахъ, все болѣе измѣняются, все болѣе подчиняются китайскому влiянiю.

По присоединенiи къ Россiи Уссурiйскаго края, русскiе застали здѣсь много китайцевъ и манджуръ, живущихъ совершенно осѣдло въ хуторахъ, разбросанныхъ отдѣльными фанзами во всѣхъ долинахъ. Впрочемъ, манджуровъ здѣсь такъ немного, что они совершенно исче-

заютъ въ китайскомъ большинствѣ, по этому, говоря о манзахъ, какъ называютъ въ Уссурійскомъ краѣ уроженцевъ сосѣдней имперіи, мы въ правѣ подразумѣвать однихъ китайцевъ.

Остатки древнихъ городовъ въ Южно-Уссурійскомъ краѣ, съ несомнѣнными признаками китайской культуры, указываютъ, что нѣкогда эта страна составляла населенную провинцію Небесной имперіи. Профессоръ Васильевъ доказалъ по китайскимъ источникамъ, архимандритъ же Палладій подтвердилъ своими изысканіями на мѣстѣ, что въ мѣстности между границами Кореи и озеромъ Ханка находилось нѣкогда цвѣтущее княжество, которое Васильевъ называетъ «Воцзи». Китайскія лѣтописи указываютъ, что княжество существовало до 1615 года, когда манджуры ворвались съ большимъ войскомъ увели значительную часть жителей въ свою родину, а остальныхъ—вырѣзали. Но страна недолго оставалась совершенно опустѣвшею, благодаря тому, что здѣсь растетъ жень-шенъ, цѣнимый китайцами такъ высоко. Къ жителямъ, уцѣлѣвшимъ отъ общаго избіенія, вскорѣ присоединились китайцы, которыхъ нужда и надежда на скорое обогащеніе, привлекли къ трудному и опасному промыслу дорогого корня.

Китайскій манзъ-торговецъ.

За ними послѣдовали лица, бѣжавшія отъ уголовнаго преслѣдованія, надѣясь найти безопасность въ странѣ, которая не составляла самостоятельнаго административнаго округа и подчинялась только номинально надзору Нингутинскаго губернатора. Лѣса, богатые пушниною и «пантами», море, изобилующее рыбою, молюсками и водорослями, которыя служатъ не только пищею, но и выгодно сбываются на китайскомъ рынкѣ, наконецъ, золотыя розсыпи,—всѣ эти богатства обезпечивали матеріальный бытъ промышленниковъ. Но для продовольствія требовался хлѣбъ—и по всему краю разсыпались земледѣльческіе хутора.

Китайцы жили въ довольствѣ среди своихъ семействъ, и Уссурійскій край былъ для многихъ изъ нихъ обѣтованною страною. Съ присоединеніемъ Уссурійскаго края къ Россіи, въ 1861 году, условія быстро измѣнились. Немедленно, по заключеніи договоровъ, китайское правительство приказало губернаторамъ Сянь-Сина и Нингуты запретить пребываніе китаянокъ и манджурокъ въ уступленномъ краѣ, подъ страхомъ вѣчнаго изгнанія, вновь же не пускать женщинъ черезъ границу. При общеизвѣстной любви китайцевъ къ родинѣ, не удивительно, что всѣ семейные манзы, за исключеніемъ немногихъ, проживающихъ вдали отъ границы на берегу моря, возвратились въ отечество, и осѣдлое населеніе уступленнаго Россіи края обратилось въ сборище лицъ или разсчитывающихъ на скорое обогащеніе или оставшихся изъ боязни жестокаго наказанія за прежнія преступленія или, наконецъ, бездомныхъ бродягъ.

При такихъ условіяхъ манзы недружелюбно встрѣтили русскихъ, не смотря на то, что и до настоящаго времени они не чувствуютъ какихъ-либо стѣсненій въ занятіяхъ и промыслахъ. Мало того, съ основаніемъ порта во Владивостокѣ, вывозъ моремъ всѣхъ мѣстныхъ

произведеній въ Китай возросъ очень значительно, сравнительно съ прежнею сухопутною доставкою, почему и промыслы увеличились до не бывалыхъ раньше размѣровъ. Съ другой стороны, подчиненіе русскимъ вовсе не отразилось на бытѣ манзъ: всѣ особенности ихъ частной и общественной жизни сохранены до настоящаго времени въ полной неприкосновенности. Каждый манза распахиваетъ землю, строитъ фанзы, устраиваетъ ловушки на звѣря и пр. въ любомъ мѣстѣ, не спрашивая на то разрѣшенія. По своему производу хозяева извѣстной мѣстности группируются въ сельскія общества, выбираютъ старшину, подъ его предсѣдательствомъ рѣшаютъ на сходахъ свои общественныя дѣла, творятъ судъ и расправу надъ провинившимися членами. Это ведетъ иногда къ злоупотребленіямъ. Такъ, бывали примѣры, что общественные сходы осуждали убійцу на смертную казнь и немедленно приводили ее въ исполненіе.

Это ненормальное явленіе объясняется полною невозможностью для администраціи края подчинить манзъ своему контролю, вслѣдствіе слѣдующихъ двухъ причинъ. Айгунскій и Тяньдзинскій договоры установили право китайскихъ подданныхъ проживать на русской территоріи, но не опредѣлили въ точности обязанности ихъ въ отношеніи къ русскимъ властямъ; провинившіеся же судятся, по постановленіямъ договоровъ, по законамъ своей родины и передаются отечественнымъ пограничнымъ властямъ, вслѣдствіе сего манзы не признаютъ русскихъ установленій, разсчитывая на безнаказанность, а въ крайнемъ случаѣ на чародѣйственную силу приношенія китайскимъ чиновникамъ. Помянутые договоры устанавливаютъ паспорта для пребывающихъ въ сосѣдней имперіи, но эта мѣра не достигаетъ цѣли, потому что въ Уссурійскомъ краѣ граница идетъ частью горными и лѣсными трущобами, частью по не населенной равнинѣ обильными тропинками, почему надзоръ весьма ограниченной кардонной стражи не можетъ открывать безпаспортныхъ; съ другой стороны, надзоръ за манзами внутри страны недостаточенъ, вслѣдствіе малочисленности лицъ администраціи и русскихъ поселеній.

Хабаровка (нынѣ г. Хабаровскъ) съ Амура.

Въ силу такихъ обстоятельствъ, китайцы вовсе не берутъ паспортовъ, отправляясь въ Южно-Уссурійскій край. Большою помѣхою служитъ также ежегодный наплывъ рабочихъ, которые приходятъ изъ Китая весною на морской, пушной и другіе промысла, а также для полевыхъ работъ; они расходятся по всему краю въ числѣ многихъ тысячъ, частью остаются на зиму, частью же возвращаются осенью на родину. Подчинить ихъ контролю невозможно, по изложеннымъ выше причинамъ, запретить же имъ приходъ—значило бы нанести жестокій ударъ производительности края и нашей отпускной торговлѣ. Всѣ эти причины привели къ тому, что администрація не только не можетъ установить надзора надъ манзами, но даже не имѣетъ точныхъ свѣдѣній ни объ ихъ числѣ, ни о распредѣленіи въ краѣ хуторовъ и сельскихъ общинъ, ни объ ихъ дѣйствіяхъ. Для устраненія ненормальныхъ явленій правительствомъ приняты весною 1880 года двѣ серьезныя мѣры: во-первыхъ, сосредоточеніе въ Хабаровскѣ гражданскаго управленія въ рукахъ военнаго губернатора, не отвлекаемаго дѣлами флота; во-вторыхъ, организація земской полиціи въ Южно-Уссурійскомъ краѣ, гдѣ преимущественно сосредоточиваются манзовскія поселенія. Этимъ учрежденіямъ предстоитъ сложная

Хабаровка (нынѣ г. Хабаровскъ).

работа, прежде чѣмъ вопросъ о манзахъ разрѣшится вполнѣ удовлетворительно, не отнявъ отъ края необходимую рабочую силу.

Этимъ властямъ необходимо уничтожить еще и другое зло, какъ послѣдствіе того же манзовскаго вопроса, т. е. «хунхузовъ» или китайцевъ—грабителей, которые нападаютъ на поселенія русскихъ, корейцевъ и отчасти манзовскія, на одинокихъ путниковъ и охотниковъ. Всего болѣе страдаютъ отъ нихъ европейцы и корейцы, къ которымъ китайцы чувствуютъ непримиримую ненависть. Вмѣстѣ съ рабочими приходятъ изъ Китая бездомные бродяги, которые на родинѣ жили запрещеннымъ промысломъ, тайною разработкою золотыхъ пріисковъ; ихъ привлекаетъ слава объ изобиліи въ Южно-Уссурійскомъ краѣ этого металла. При неудачѣ промывки, вооруженные хищники, неспособные къ другому, болѣе постоянному труду, обращаются въ грабителей. Число ихъ растетъ вслѣдствіе наплыва рабочихъ, не имѣющихъ занятій или же оставшихся безъ заработка, вслѣдствіе неудачныхъ промысловъ. Въ тѣ же шайки вступаютъ и проигравшіеся въ карты, а такихъ много, не только между рабочими, но и хозяевами хуторовъ, потому что китайцы страстные игроки и нерѣдко проигрываютъ все свое состояніе; игорные же дома содержатся въ фанзахъ и распространены по всему краю. Эти банды составляютъ обычное явленіе въ Уссурійскомъ краѣ, временами же грабежи принимали размѣры, требовавшіе серьезныхъ военныхъ мѣръ для водворенія порядка. Такъ въ 1868 году необходимо было вызвать подкрѣпленія изъ Николаевска и Хабаровска и преслѣдовать отрядами шайки въ нѣсколько сотъ человѣкъ, отличившихся убійствомъ нѣсколькихъ русскихъ крестьянъ и сожженіемъ двухъ деревень Никольской и Шкотовой.

Возможность существованія такихъ «хунхузовъ» объясняется поддержкою, оказываемою имъ манзами, частью вслѣдствіе кровнаго родства и общей ненависти къ русскимъ, частью изъ страха, такъ какъ эти грабители жестоко мстятъ домохозяину, не исполнившему ихъ требованій.

Манзы придерживаются на чужбинѣ обычаевъ, образа жизни и хозяйства родины съ педантичною точностью. Не смотря на холодныя зимы въ Уссурійскомъ краѣ, они строятъ тѣже легкія фанзы съ огромными окнами, заклеенными тонкою бумагою, какъ это дѣлали на родинѣ въ южныхъ провинціяхъ Китая. Въ видѣ уступки климату въ одеждѣ, они подбиваютъ ее ватою и, надѣвая наушники въ формѣ чахловъ, разукрашенныхъ разными узорами. Но даже и эти особенности они заимствовали отъ своихъ сородичей, проживающихъ въ Манджуріи и Монголіи. Ихъ жилища и образъ жизни—точный сколокъ съ китайскимъ.

Что же касается промышленности, то по важности для края, первое мѣсто занимаетъ земледѣліе манзъ. Они сѣютъ просо, ячмень, пшеницу, бобы, фасоль, разныя овощи, коноплю кунжутъ (масляничное растеніе). Способъ воздѣлыванія земли такой же тщательный, какъ и въ малоземельномъ Китаѣ. Плодо-перемѣнная система, старательное удобреніе и постоянное выкапываніе сорныхъ травъ, даютъ возможность манзамъ ограничиваться не большимъ участкомъ земли, снимая ежегодно обильную жатву безъ истощенія почвы. Получаемые продукты идутъ на продовольствіе самихъ манзъ и рабочихъ на другихъ промыслахъ, кромѣ того, они продаютъ избытокъ и городскому населенію.

Скотоводство, въ смыслѣ разведенія скота на убой, ограничивается свиньями. Рогатый скотъ и лошади служатъ рабочею силою, но не употребляются въ пищу, вслѣдствіе религіозныхъ предразсудковъ и потому эти породы держатся въ весьма ограниченномъ числѣ.

Наиболѣе цѣнный продуктъ края составляетъ жень-шенъ. Онъ находится въ дикомъ состояніи и разводится въ плантаціяхъ. Первый имѣетъ громадную цѣнность. Пржевальскій, напримѣръ, опредѣляетъ стоимость дикаго корня до 2,000 р. за фунтъ, тогда какъ культурный жень-шенъ продается отъ 40 до 50 руб. Надежда на быстрое обогащеніе побуждаетъ многихъ голодающихъ сыновъ Небесной имперіи идти въ горныя трущобы Сихотъ-Алина, гдѣ это растеніе прячется отъ человѣка въ разсѣлинахъ скалъ, подъ камнями и колодами. Много

отважныхъ искателей чудодѣйственнаго корня гибнетъ въ неравной борьбѣ съ тигромъ, голодомъ и изнеможеніемъ, но, вмѣсто павшихъ, являются новыя силы, хотя очень немногіе могутъ похвалиться успѣхомъ. Уходъ за культурою жень-шень на плантаціяхъ требуетъ много рабочихъ, такъ какъ уходъ за растеніемъ очень сложенъ. Плантаціи встрѣчаются только въ Южно-Уссурійскомъ краѣ, сѣверный предѣлъ ихъ распространенія—верховье р. Даубихэ.

На гніющихъ стволахъ дуба манзы собираютъ грибы, составляющіе лакомое блюдо въ Китаѣ. Для этого промысла хозяинъ со своими рабочими рубитъ дубовыя рощи и на слѣдующій годъ уже появляются на деревьяхъ грибы. Онъ строитъ отдѣльную фанзу съ особо устроенными очагами, на которыхъ сушитъ собираемое растеніе и, уложивъ въ мѣшки, увозитъ грибы за-границу. Поваленное дерево годится для этого промысла въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ, когда же дубъ сгніетъ на столько, что уже не производитъ грибовъ, — манзы удаляются въ

Прежній видъ г. Хабаровска (Хабаровки), какъ станціи.

ближайшую дубовую рощу, гдѣ вновь устраиваются. Не смотря на то, что дубъ въ Уссурійскомъ краѣ въ раннемъ возрастѣ дѣлается дуплистымъ, въ этомъ промыслѣ нельзя не признать варварскаго хищничества, и онъ запрещенъ русскими властями, но продолжается въ разныхъ захолустьяхъ, благодаря невозможности дѣйствительнаго надзора за манзами. Путешественнику въ Южно-Уссурійскомъ краѣ приходится нерѣдко встрѣчаться съ грустною картиною сваленнаго и гніющаго лѣса. Сѣверная граница этого варварскаго промысла, а также степень его распространенія, количество производства и число занимающихся имъ, не могутъ быть опредѣлены именно по самому характеру промысла.

Морскіе промыслы привлекаютъ ежегодно нѣсколько тысячъ рабочихъ китайцевъ, которые нанимаются на лѣто у манзъ-хозяевъ. Полученные продукты манзы отправляютъ въ Китай или же продаютъ во Владивостокѣ купцамъ, ведущимъ торговлю съ Небесною имперіею.

Манзы занимаются также въ большихъ размѣрахъ охотою и пушнымъ промысломъ. Огне-

стрѣльнаго оружія они почти не употребляютъ, предпочитая на не большихъ звѣрей, какъ соболь и бѣлка, ставить ловушки и капканы, для ловли же крупныхъ обитателей лѣса — устраивать особаго рода ямы. Послѣдній способъ требуетъ много труда и ведетъ къ уничтоженію большого количества лѣса. Олени и козы перекочевываютъ весною въ горы, осенью же — на равнины, и передвиженіе это происходитъ по долинамъ, хорошо извѣстнымъ охотникамъ. Поперекъ такого пути, часто во всю ширину долины, устраивается препятствіе для звѣрей, нагроможденіемъ деревьевъ въ видѣ вала или изгороди, въ которой оставляется нѣсколько проходовъ. Въ этихъ послѣднихъ вырываются глубокія ямы съ отвѣсными стѣнами, выложенными кольями и жердями. Ямы покрываются сверху легкими шестами, вѣтвями, травою и мхомъ, чтобы западню сдѣлать незамѣтною; по обѣ же стороны завала, передъ оставленнымъ проходомъ, укрѣпляется на кольяхъ по жерди, на 1 или 1½ аршина отъ земли. Звѣрь, натыкаясь на препятствіе, идетъ вдоль него и, увидя проходъ, дѣлаетъ прыжокъ черезъ жердь на легкій покровъ западни — и, конечно, проваливается. Охотникъ обходитъ ямы и убиваетъ животныхъ, которымъ нѣтъ выхода изъ такой западни.

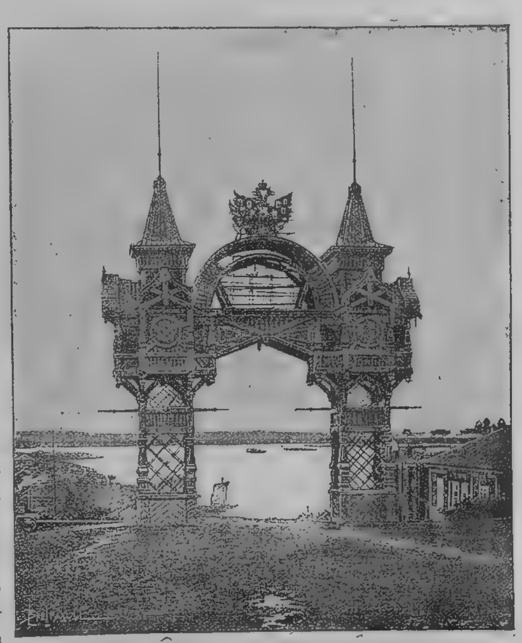
Такими завалами загорожено большинство долинъ Сихотъ-Алина и его вѣтвей, что составляетъ серьезную опасность для звѣринаго промысла въ будущемъ. Уже теперь замѣтна въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ Южно-Уссурійскаго края убыль оленей и козъ, составляющихъ важное подспорье въ продовольствіи жителей. Эта убыль будетъ значительно увеличиваться съ каждымъ годомъ, потому что, при существующемъ способѣ, вылавливается одновременно почти все количество этихъ животныхъ въ данной долинѣ. Кромѣ того, даже пойманная добыча не идетъ въ пользу, которой можно-бы ожидать, по слѣдующимъ причинамъ. Одинъ, напримѣръ, хозяинъ имѣетъ загороди протяженіемъ въ нѣсколько верстъ; работники его обходятъ ямы такъ рѣдко, что часто застаютъ пойманныхъ животныхъ околѣвшими уже, такъ что мясо ихъ совершенно пропадаетъ непроизводительно, или же они находятъ добычу растерзанную хищниками, или, наконецъ, одновременно попадаетъ въ ямы столько жертвъ, что, отдѣливъ нѣсколько головъ для собственнаго пропитанія, промышленники, снявъ кожу, выбрасываютъ остальныя туши, такъ какъ они вовсе не знаютъ способовъ приготовленія мяса въ прокъ. Этотъ способъ охоты вреденъ и для лѣсовъ, которые въ большомъ количествѣ истребляются для поддержанія заваловъ. Такой хищническій промыселъ запрещенъ и, конечно будетъ уничтоженъ, какъ скоро установится правильный надзоръ за манзами.

Золотоносные пески Южно-Уссурійскаго края привлекаютъ «хунхузовъ». Не смотря на запрещеніе такого промысла, они промышляютъ золото хищнически въ отдаленныхъ мѣстахъ, или же на площадяхъ, отведенныхъ правоспособнымъ промышленникамъ, употребляя нерѣдко силу для удаленія русскихъ сторожей и рабочихъ. Эти насилія сопровождаются даже убійствами. При появленіи войскъ или сильной русской артели рабочихъ, хищники разбѣгаются, чтобы вновь заняться запрещенною работою по удаленіи русскихъ. Способъ промывки совершенно первобытный; она производится на ручныхъ вашгертахъ, пески подносятъ на рукахъ; манзы не ведутъ правильныхъ обнаженій золотоноснаго пласта: каждый изъ рабочихъ копаетъ яму по своему произволу и отваливаетъ промытые пески, гдѣ ему удобно. Вслѣдствіе такого способа промывки, весьма гибельной для промысла, площадь, гдѣ хозяйничали хунхузы, дѣлается невыгодною для правильныхъ работъ, потому что отвалы ихъ покрываютъ залежи золотого песку. Такой пріискъ оставляется русскими, не смотря на то, что въ немъ есть металлъ, не только въ почвѣ, но и въ самыхъ промытыхъ пескахъ.

Всѣ указанные промыслы привлекаютъ нѣсколько тысячъ манзъ; кромѣ того, всѣ работы въ городахъ, какъ-то: постройки, приготовленіе кирпича, рубка дровъ и пр. исполняются тѣми же китайцами. Эти люди составляютъ кочующее населеніе, которое сгущается тамъ, гдѣ больше требованія на нихъ, зимою же, по прекращеніи работъ по многимъ отраслямъ, большая часть ихъ возвращается на родину, чтобы по первому требованію весною вернуться въ наши предѣлы.

Мелочная торговля Уссурійскаго края въ рукахъ манзъ. Есть правда нѣсколько русскихъ купцовъ, ведущихъ торговлю въ главныхъ селеніяхъ края, но китайцы конкурируютъ съ ними весьма успѣшно; во всемъ же остальномъ раіонѣ края они монополисты. Базаръ Владивостока и снабженіе его съѣстными припасами также въ полномъ распоряженіи манзъ. Крупные обороты и вся отпускная торговля до сихъ поръ въ рукахъ русскихъ и нѣсколькихъ иностранныхъ фирмъ во Владивостокѣ и Хабаровскѣ, но и здѣсь начинаетъ появляться конкуренція сыновъ Небесной имперіи, особенно же продуктами морскихъ промысловъ. Такое преобладаніе манзъ въ мелочномъ торгѣ объясняется ихъ природными способностями и изворотливостью, главнымъ же образомъ—взаимною поддержкою и стачками противъ общаго ихъ врага—европейца. Кромѣ того, китаецъ довольствуется малымъ барышемъ, предпочитая часто оборачивать свой капиталъ; наши же купцы не могутъ держаться этой системы уже потому, что, получая товары преимущественно изъ Москвы, Одессы и Европы, должны разсчитывать на годовой оборотъ капитала. Если же принять въ соображеніе, что китаецъ довольствуется болѣе скромною обстановкою, чѣмъ купцы изъ европейцевъ, то станетъ очевидно, почему первые продаютъ свой товаръ дешевле и тѣмъ устраняютъ конкуренцію.

Резюмируя сказанное о манзахъ, мы придемъ къ выводу, что они въ настоящее время, при малочисленности русскаго населенія, составляютъ единственную рабочую силу для эксплоатаціи естественныхъ богатствъ страны, но вмѣстѣ съ тѣмъ представляютъ и вредный элементъ, по своей враждебности къ русскимъ и европейцамъ и тѣмъ, что, вмѣстѣ съ рабочими, привлекаютъ хищниковъ хунхузовъ. Въ Китаѣ, гдѣ, вслѣдствіе избытка народонаселенія, голодъ составляетъ нормальное явленіе, всегда много людей, которымъ терять нечего, которые поэтому способны идти за добычей, не разбирая средствъ. При такихъ условіяхъ, манзы всегда могутъ причинить много зла молодымъ русскимъ поселеніямъ, опираясь на своихъ китайскихъ сородичей



Тріумфальная арка въ Хабаровскѣ (по случаю пріѣзда туда Наслѣдника Цесаревича).

Появленіе русскихъ въ Южно-Уссурійскомъ краѣ произвело совершенно иное впечатлѣніе на другихъ сосѣдей—корейцевъ—или, какъ они сами себя называютъ, на *Каули.* Если корейское правительство сопротивлялось вторженію русской торговли и вліянія въ свои владѣнія, то народъ почуялъ въ русскихъ своихъ освободителей отъ чиновничьяго гнета и совершилъ тамъ не бывалый еще подвигъ: онъ началъ эмигрировать къ намъ изъ своей заповѣдной страны. Русскіе водворились въ гавани Посьетъ въ 1861 году, и уже черезъ 2 года появились первые переселенцы въ числѣ 13 семействъ. Русскія власти приняли ихъ благосклонно и отвели мѣсто для населенія вблизи отъ границы, на р. Тизенъ-хэ. Число переселенцевъ возрастало съ каждымъ годомъ и въ 1868 году достигло 1,415 душъ въ четырехъ деревняхъ. Корейское правительство безпощадно противодѣйствовало всѣми мѣрами начавшемуся движенію. Уличенныхъ въ желаніи эмигрировать пытали и казнили; партіи переселенцевъ преслѣдовались вой

сками; ихъ грабили и убивали; но народъ, узнавъ, что сородичи хорошо живутъ подъ охраною русскихъ законовъ и быстро достигаютъ довольства, не останавливался передъ опасностью побѣга и продолжалъ движеніе. Тщетны были попытки нашего пограничнаго комиссара оградить переселенцевъ отъ деспотическаго преслѣдованія, путемъ переговоровъ съ пограничнымъ корейскимъ начальникомъ въ г. Кыгенъ-пу: ссылаясь на коренные законы страны, онъ отказывался дѣйствовать иначе.

Въ 1869 году эмиграція корейцевъ приняла неожиданно большіе размѣры, вслѣдствіе голода въ сѣверной части королевства. Въ теченіи 3 осеннихъ мѣсяцевъ перешло границу 6,350 мужчинъ и женщинъ, при томъ въ самомъ бѣдственномъ положеніи. Скудные запасы, весь рабочій скотъ, были ограблены корейскими войсками; много мирныхъ переселенцевъ убиты; много женщинъ уведены и семейства разрознены, такъ что партіи представляли безпорядочную толпу, голодную и холодную. Такой внезапный наплывъ поставилъ русское начальство въ большое затрудненіе. Надо было кормить и пріютить такую массу людей, между тѣмъ интендантскіе запасы были разсчитаны на наличное число войскъ, помѣщенія командъ и всѣхъ поселенцевъ въ краѣ были весьма тѣсны. Часть корейцевъ была водворена въ деревняхъ ихъ сородичей, другая — въ казармахъ военныхъ постовъ: Новгородскаго и во Владивостокѣ; наконецъ, нѣкоторые были размѣщены въ русской деревнѣ Никольской. Тѣмъ не менѣе много эмигрантовъ осталось безъ крова; эти несчастные скитались по странѣ и многіе нашли преждевременную смерть отъ голода и холода, другіе же бѣжали въ Манджурію. Изъ казенныхъ складовъ выдавали переселенцамъ хлѣбъ, но въ ограниченномъ количествѣ, въ виду незначительности запасовъ; что же касается теплой одежды, то снабдить ею такое значительное число не представлялось никакой возможности.

Корейскій мандаринъ.

Вслѣдствіе тѣсноты помѣщенія, плохой одежды и недостаточной пищи, между эмигрантами развелись болѣзни, вызывавшія серьезныя опасенія эпидемій, что и побудило принять мѣры къ прекращенію дальнѣйшаго наплыва корейцевъ. Но этого не могло исполнить русское начальство, такъ какъ внѣ его власти было оповѣстить о безусловномъ запрещеніи перехода черезъ границу корейскихъ жителей, отсылать же партіи переселенцевъ обратно на родину пришлось бы силою и прямо на казнь. При такихъ обстоятельствахъ ничего болѣе не оставалось, какъ вступить въ переговоры съ корейскимъ пограничнымъ начальствомъ и просить его опубликовать, что русское правительство не приметъ болѣе новыхъ переселенцевъ, тѣмъ же изъ нихъ, которые пожелаютъ возвратиться, обѣщать безнаказанность. Возникшіе переговоры между нашимъ пограничнымъ начальникомъ, Трубецкимъ, и правителемъ Кыгенъ-пу были успѣшны и привели къ выдачѣ корейцами письменнаго акта, который въ русскомъ переводѣ

Плетеный барачный лагерь на Амурѣ (близъ Хабаровска).

гласитъ: «Въ настоящее время много нашихъ людей перешло къ вамъ за границу, по случаю неурожая. Теперь они хотятъ возвратиться назадъ, да и русскіе ихъ прогоняютъ. Если они дѣйствительно вернутся, то я, (т. е. правитель Кыгенъ-пу) обѣщаю не подвергать ихъ никакому наказанію и принять благосклонно. А на будущее время обязуюсь всѣми силами препятствовать переходу корейцевъ за границу, въ русскую землю. Правленіе Тунъ-чжи 8-го года, 12 луны 23 числа».

Губернаторъ Приморской области собралъ многихъ корейцевъ и, объявивъ имъ приведенное обязательство правителя Кугенъ-пу, пригласилъ возвратиться на родину. Переселенцы-же категорически заявили, что они не вѣрятъ обѣщаніямъ отечественныхъ властей; что по возвращеніи они будутъ подвергнуты пыткѣ и жестокой смерти, не смотря ни на какія обязательства. Поэтому они добровольно не возвратятся и предпочитаютъ смерть отъ голода и русскихъ штыковъ, если противъ нихъ будетъ употреблена сила. Губернаторъ, въ виду такого категорическаго заявленія, не воспретилъ имъ остаться въ русскихъ предѣлахъ и рѣшилъ частью поселить ихъ въ существующихъ уже корейскихъ деревняхъ, на рѣкахъ Тызинхэ, Янчихэ, Сидими и Монгугаю, частью же образовать новыя поселенія на рѣкахъ Суйфунѣ и Майхэ. Безсемейные же корейцы были обезпечены работою во Владивостокскомъ портѣ и на вновь пролагавшейся дорогѣ по берегу р. Данбихэ, а также—рубкою дровъ для пароходовъ на р. Суйфунѣ и озерѣ Ханка.

Корейскіе переселенцы на русской границѣ.

Но переселеніе было остановлено только временно. Уже въ 1871 г. прибыла партія въ 1,000 человѣкъ. Часть этихъ новыхъ переселенцевъ, по распоряженію генералъ-губернатора Синельникова, была двинута въ Амурскую область, въ долину р. Самарки, гдѣ они образовали село Благословенное въ 102 семейства, въ числѣ 246 мужчинъ и 185 женщинъ. Движеніе продолжается и до настоящаго времени, хотя число ежегоднаго приращенія корейскихъ переселенцевъ и не велико.

Корейцы средняго роста, женщины же—нѣсколько меньше. Станъ ихъ стройный, лицо круглое съ мало выдающимися скулами. Глаза и волосы черные; цвѣтъ лица значительно бѣлѣе, чѣмъ у китайцевъ. Корейцы—тихаго нрава, весьма трудолюбивы и хорошіе семьяне. Характерная черта каули—чистоплотность въ одеждѣ изъ самодѣльнаго полотна, всегда бѣлаго. Покрой платья мужчинъ заимствованъ у китайцевъ, а женщины носятъ юбки съ разрѣзами по бокамъ, на плечи же одѣваютъ, прямо на тѣло, холщевые кацавейки, съ разрѣзомъ спереди. Прическу мужчинъ составляетъ пучекъ волосъ, связанный на темени, женщины убираютъ голову по личному вкусу, часто весьма хитрою прическою. Корейцы отличаются отъ своихъ сосѣдей бородою и усами, хотя они не могутъ похвастаться густотою этихъ украшеній лица. Шляпы носятъ волосяныя, съ широкими полями и высокимъ верхомъ. Обувь китайскаго образца, т. е., башмакъ изъ матеріи, вышитой узорами, съ толстою бумажною подошвою.

Корейцы и кореянки.

Религіозныя вѣрованія состоятъ въ понятіи о высшемъ существѣ, душѣ и загробной жизни.

Корейцы живутъ въ фанзахъ китайскаго типа, полевое хозяйство также замствовано ими изъ Небесной имперіи. Они селятся обширными группами, но дворы ихъ не смѣжны: каждый хозяинъ имѣетъ вокругъ своей фанзы поля и огороды, такъ что разстояніе между сосѣдями всегда значительное, почему протяженіе группы такихъ хуторовъ, называемой деревнею, занимаетъ цѣлыя версты.

Корейскій поселянинъ.

Подобно китайцамъ, корейцы считаютъ грѣхомъ питаться тѣми животными, которыя работаютъ на человѣка. Поэтому они разводятъ рогатый скотъ только для работы, употребляя въ пищу лишь свиней и дикихъ звѣрей. Молоко и масло также запрещены, почему они вовсе не доятъ коровъ.

Пришельцы достигли въ настоящее время нѣкотораго довольства, но избытокъ хлѣба, продаваемаго ими городскому населенію, еще не великъ. Они болѣе зарабатываютъ на овощахъ, сбываемыхъ на базарѣ во Владивостокѣ и на доставкѣ дровъ, нерѣдко также они нанимаются и въ работники на зимнее время.

Кореецъ, оставляя родину, уже не можетъ возвратиться подъ опасеніемъ пытки и казни. Поэтому эмигрантъ смотритъ на новое мѣсто своего водворенія, какъ на отечество. Онъ всѣми силами старается сродниться съ нимъ и слиться съ населеніемъ. На первыхъ же порахъ пребыванія въ русскомъ подданствѣ большинство переселенцевъ выучилось говорить по-русски, переняло отъ нашихъ крестьянъ нѣкоторые пріемы полевого хозяйства, ради чего многіе корейцы поступали работниками къ русскимъ.

Многія селенія изъявили желаніе имѣть русскія школы. При такихъ условіяхъ переселенцы изъ Кореи представляютъ полезный элементъ для нашей колоніи. Они, кромѣ экономическаго значенія, имѣютъ еще и политическое, состоящее въ отчужденіи отъ родины, преданности Россіи и племенной враждѣ къ китайцамъ, которые платятъ имъ тою-же монетою.

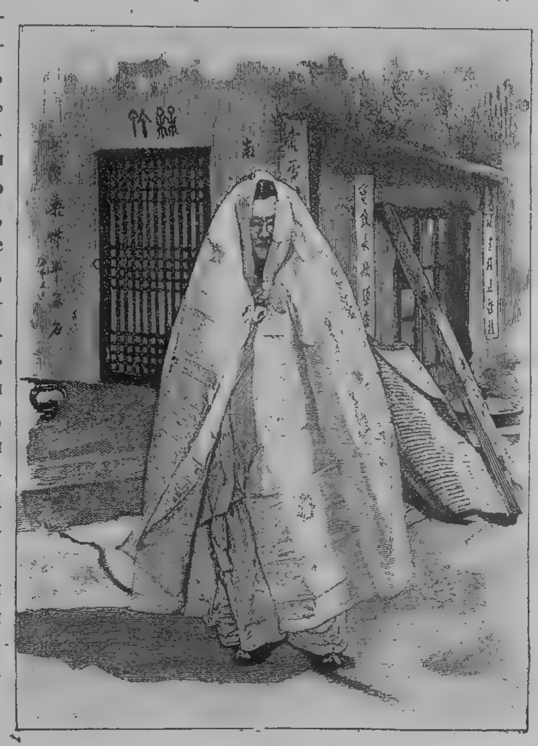
Корейская поселянка.

Теперь—о русскомъ населеніи Уссурійскаго края.

По айгунскому договору этотъ край былъ уступленъ Россіи только въ принципѣ: оффиціальное же разграниченье и передача его, какъ уже знаетъ читатель, совершились въ 1861 г. Не ожидая послѣднихъ формальностей, графъ Муравьевъ-Амурскій примѣнилъ къ этой странѣ общую свою систему фактическаго занятія переселеніемъ на границу русскаго вооруженнаго населенія; вслѣдъ же за подписаніемъ договора въ 1858 году, двинулъ на р. Уссури одну роту пѣшаго казачьяго баталіона. Эти первые піонеры заняли своими станицами низовья рѣки; вслѣдъ за ними, въ теченіе 3 лѣтъ, передвигались переселенцы Забайкальскаго казачьяго войска, такъ что въ 1862 году были построены уже 23 станицы, которыми было занято пространство до впаденія р. Сунгачи, т. е. на 454 версты отъ устья р. Уссури.

Переселеніе Уссурійскихъ казаковъ было весьма неуспѣшно, что зависѣло отъ многихъ причинъ. Передвиженіе Забайкальскихъ казаковъ на Амуръ имѣло принудительный характеръ;

переселеніе семействъ рѣшалось жребіемъ, но допускались и замѣстители. Болѣе зажиточные казаки посылали вмѣсто себя наемниковъ, понятно бѣдняковъ, которымъ плохо жилось на родинѣ. Поэтому въ новый край переселялись вообще недостаточные казаки, но на Уссури приходили самые бѣдные изъ нихъ, такъ какъ начальство казачьихъ частей, расположенныхъ по Амуру, оставляло въ своемъ раіонѣ тѣхъ изъ нихъ, которые обладали большимъ числомъ работниковъ и скота. Передвиженіе происходило по рѣкамъ Аргуни и Шилкѣ, внизъ по теченію до устья Уссури на плотахъ, отсюда же вверхъ по рѣкѣ на баржахъ, которые, за недостаткомъ пароходовъ, поднимались бичевой. Выходя изъ Забайкальской области съ открытіемъ навигаціи, въ началѣ мая, переселенцы достигали мѣста назначенія въ августѣ и даже сентябрѣ, если мѣста переселенія были опредѣлены въ верхнихъ станицахъ. Такое позднее время прибытія устраняло возможность постройки теплыхъ помѣщеній, и люди зимовали въ сырыхъ землянкахъ или избахъ, наскоро построенныхъ изъ сырого лѣса, что вызывало развитіе разныхъ болѣзней. Къ тому-же въ первый годъ переселенія падалъ скотъ отъ непривычнаго подножнаго корма и плохого сѣна, скошеннаго осенью, когда трава уже переросла. Продовольствіе казаковъ обезпечивалось на 3 года казною, но доставка его на цѣлый годъ рѣдко совершалась на пароходахъ въ теченіе навигаціи; это вынуждало казаковъ самимъ ѣздить въ Хабаровскъ за довольствіемъ и подымать его по рѣкѣ; лѣтомъ—бичевою, зимою—на саняхъ. Это изнуряло людей и лошадей и отнимало много времени. Съ первыхъ же дней новоселья на казаковъ легла тягостная повинность—возить почту и чиновниковъ, хоть и за прогонную плату.



Корейская дама.

Какъ сказано уже, въ Амурскій край переселялись преимущественно небогатыя семейства казаковъ, т. е., бѣдные работниками. Для устраненія недостатка въ рабочихъ рукахъ, графъ Муравьевъ-Амурскій исходатайствовалъ въ маѣ 1858 года перечисленіе въ казачье сословіе штрафованныхъ солдатъ и переселеніе ихъ изъ внутреннихъ губерній въ Забайкальскую область и Амурскій край. Мѣра эта предполагала усыновленіе холостыхъ, чтобы увеличить рабочую силу семействъ. Но эти, такъ-называемые, «сынки» не оправдали надеждъ: пожилые, болѣзненные и не привычные къ тяжелому занятію земледѣліемъ, эти порочные люди внесли въ семьи не трудъ, а развратъ; они не помогали своимъ хозяевамъ, а дѣлались дармоѣдами и увеличивали обѣднѣніе. Очень не большое число этихъ «сынковъ» принялись за работу и, женившись на казачкахъ, обзавелись своимъ домомъ; остальные же или обратились въ бродягъ, или, по настоянію казаковъ, были перечислены въ города, гдѣ вынуждены были заняться ремесленнымъ трудомъ, или сосланы въ Якутскую область за разныя преступленія.

Правительство поддерживало казаковъ Уссурійскаго батальона всѣми мѣрами. Выдавали имъ заимообразно хлѣбъ и пособіе, но это повело только къ неоплатнымъ долгамъ и не улуч-

шило положенія станичныхъ обществъ. Надо было принять радикальную мѣру для устраненія бѣдствій, и, по представленію мѣстнаго начальства, было Высочайше повелѣно 22 мая 1879 года вызвать желающихъ переселиться на удобныя мѣста по границѣ, между озеромъ Ханка и моремъ, съ тѣмъ, что оставшіеся на Уссури получаютъ всѣ обработанныя земли. Долги казаковъ казнѣ были сложены и переселявшимся выдавалось пособіе. Охотниковъ къ переселенію нашлось много, особенно же между многосемейными.

Въ томъ же году началось передвиженіе. Изъ 960 семействъ батальона, въ числѣ 5,919 душъ, переселилось 390 семействъ, состоящихъ изъ 1,406 мужчинъ и 1,200 женщинъ, всего 2,606 душъ. Изъ числа оставшихся на Уссури, часть была исключена изъ войскового сословія и въ станицахъ нынѣ числится всего 488 семей, въ числѣ ихъ 1,413 мужщинъ и 1,304 женщины, всего—2,717 душъ.

Съ Южно-Уссурійскомъ краемъ русскіе ознакомились въ 1859 г. Партія топографовъ, подъ главнымъ руководствомъ Будагоскаго, сняла на карту мѣстность между озеромъ Ханка и моремъ.

Въ томъ же 1859 году были заняты нашими небольшими отрядами бухты Посьета и Владивостока, а въ 1861 году,—для охраны новой границы, учреждены пограничные военные посты, отъ озера Ханка до бухты Посьета.

Вслѣдъ за фактическимъ занятіемъ страны двинулись туда земледѣльцы и первый разъ вонзили русскій плугъ въ не тронутую почву Южно-Уссурійскаго края на берегу озера Ханка, близъ устья р. Туры. Это были крестьяне, пришедшіе изъ окрестностей Хабаровска. Эти переселенцы, родомъ изъ Воронежской, Тамбовской и Астраханской губерній, прибыли на Амуръ въ 1860 году; но отведенное имъ мѣсто, въ 20 верстахъ ниже Хабаровска, оказалось неудобнымъ, а потому они двинулись на югъ и образовали селеніе Турій Рогъ, оно же Воронежское.

Смежное море обратило вниманіе губернатора Казакевича на необходимость заселенія прибрежныхъ пунктовъ и развитіе этимъ путемъ морскихъ промысловъ и каботажнаго плаванія. Вслѣдствіе того, въ теченіе слѣдующихъ трехъ лѣтъ, крестьяне селеній ниже Хабаровска, недовольные мѣстомъ поселенія, направлялись въ морскія бухты; туда же послѣдовали и безсрочно отпускные солдаты и поселенцы изъ ссыльныхъ. Такимъ образомъ въ 1863 году были основаны близъ залива Св. Ольги 4 селенія: Новинка, Фудинъ, Арзамасовка и Пермская. Въ 1876 г. жители переселились въ сел. Шкотова и деревня Фудинъ упразднена. Въ 1864 году на р. Сучанѣ, впадающей въ заливъ Америка, учреждены 2 поселка: Владиміровка—изъ 5 крестьянскихъ дворовъ и Александровка—изъ 5 поселенческихъ семействъ, а въ 1865 году—селеніе Шкотова по р. Цимухэ, впадающей въ Уссурійскій заливъ.

Слава южнаго края, по своему климату и почвѣ весьма выгоднаго для земледѣлія, скоро распространилась между крестьянами Амурской области. Этимъ объясняется, что въ 1886 году вновь прибывшая туда партія переселенцевъ изъ Астраханской губерніи, въ 64 семейства, числомъ 424 души, не останавливаясь въ Благовѣщенскѣ, отправилась на озеро Ханка и образовала два селенія: Астраханское—на берегу озера и Никольское—на Суйфунѣ. Въ слѣдующемъ же году туда послѣдовали еще 19 семействъ въ числѣ 118 душъ крестьянъ Амурской области, которыя на р. Завитой уже сняли 2 жатвы и достигли значительнаго благосостоянія. Такое странное явленіе, противорѣчащее пословицѣ «отъ добра добра не ищутъ», объясняется тѣмъ, что эти крестьяне—уроженцы южныхъ губерній и привыкли къ садоводству, которое не прививается въ окрестностяхъ Благовѣщенска, вслѣдствіе суровыхъ зимъ; въ Южно-Уссурійскомъ же краѣ для этого весьма благопріятныя условія.

Въ 1869 году прибыли 84 семьи русскихъ крестьянъ Якутской области. Это уроженцы Забайкальской области, которые, по приглашенію правительства въ 1852 г., добровольно переселились по Аянскому тракту, но встрѣтили здѣсь большія невзгоды. Вслѣдствіе невоз-

можности земледѣлія въ суровомъ климатѣ, они обратились къ рыбному и пушному промысламъ, но это занятіе не давало необходимыхъ средствъ, и число крестьянъ сильно уменьшилось отъ голода и болѣзней. Въ виду спасенія отъ вымиранія, было рѣшено переселить ихъ на счетъ казны въ Южно-Уссурійскій край. Половина партій двинулась сухимъ путемъ черезъ Иркутскъ и поселилась на озерѣ Ханка, другая часть была доставлена моремъ черезъ Аянъ и водворилась по побережью.

Выгоды положенія Южно-Уссурійскаго края и удобства колонизаціи побудили Удѣльное вѣдомство испросить здѣсь надѣлъ земли. По Высочайшему повелѣнію 3 іюля 1867 г. было передано этому вѣдомству около 400,000 десятинъ по восточному берегу залива Петра Великаго и на Русскомъ островѣ. Для заселенія этого участка Удѣльное вѣдомство вызвало охотниковъ изъ Финляндіи и доставило ихъ моремъ въ бухту Находка, гдѣ находился главный центръ колоніи. Но это переселеніе было неудачно, новыя колоніи много терпѣли отъ сосѣдства хунхузовъ и потому, какъ только прекратились обязательства передъ Удѣльнымъ вѣдомствомъ, вслѣдствіе ликвидаціи всего дѣла, они перешли во Владивостокъ и другія мѣста. Число этихъ колонистовъ не было обнародовано и намъ неизвѣстно.

Судъ корейцевъ надъ воромъ.

Въ теченіе послѣднихъ 10 лѣтъ крестьянское населеніе прибывало отдѣльными семействами, частью изъ Амурской области, частью же—съ низовьевъ Амура. Значительное приращеніе получилъ русскій элементъ въ Южно-Уссурійскомъ краѣ въ 1880 г. переселеніемъ казаковъ Уссурійскаго баталіона.

Крестьяне, водворяясь въ далекомъ краѣ, остаются вѣрными обычаямъ родины. Малороссы пашутъ лемехами на волахъ, а рядомъ сибирякъ подымаетъ землю сохою при помощи лошадей. Степнякъ строитъ мазанку; уроженецъ лѣсистой мѣстности ставитъ прочную избу и, пользуясь разнообразіемъ древесныхъ породъ, вноситъ нѣкоторую роскошь. Сдѣлавъ, напримѣръ, срубъ изъ сосны, кладетъ потолокъ на ясеневыя балки, косяки дѣлаетъ изъ пробковаго дуба, весьма мягкаго для осязанія, на столы же и лавки употребляетъ липу. Малороссъ и на новомъ мѣстѣ ѣстъ галушки и борщъ, а сибиряки — свои похлебки. Эти особенности мало-по-малу сглаживаются подъ вліяніемъ мѣстныхъ условій и заимствованій у сосѣдей. Сибиряки приняли уже лемехи и воловую упряжку, какъ болѣе выгодную на толстомъ слоѣ чернозема; съ другой же стороны, степняки строятъ избы, какъ болѣе удобныя, чѣмъ мазанки. Охота даетъ возможность обезпечиваться мясомъ, и малороссы выучились у сибиряковъ этому промыслу. Осенью убиваютъ много козъ; изъ шкуръ приготовляютъ зимнюю одежду, а мясо морозятъ, солятъ, вообще, пользуются имъ въ теченіе цѣлаго года.

Не смотря на разрѣшеніе селиться, какъ кто пожелаетъ, крестьяне строются селеніями, отдѣльныя хутора появляются лишь въ тѣхъ случаяхъ, когда хозяинъ желаетъ занять удобное урочище, какъ, напримѣръ, для водяной мельницы, для разведенія сада и проч. По указу

27 апрѣля 1861 года въ надѣлъ крестьянамъ Амурскаго края опредѣлено по 100 десятинъ на семью. До настоящаго времени размежеваніе земли въ уссурійскомъ краѣ не произведено, потому что, при рѣдкомъ населеніи, оно еще не составляетъ насущной необходимости. Если же спросить крестьянъ, какого рода надѣлъ они желаютъ,—большинство стоитъ за общинные участки, какъ они привыкли на родинѣ. Теперь крестьяне пашутъ, гдѣ пожелаютъ, въ дѣлежъже идутъ только покосы, ближайшіе къ селенію, какъ болѣе сподручные.

Русскіе сѣютъ пшеницу, рожъ, гречиху, въ меньшемъ размѣрѣ—овесъ и просо. Огороды обыкновенно примыкаютъ къ усадьбѣ и въ нихъ разводятъ всѣ овощи, которые переселенцы ростили на родинѣ. Уроженцы южныхъ губерній не обходятся безъ бахчей, дынь и арбузовъ и разводятъ сады, прививая дикія яблони и груши.

Обиліе покосовъ и пастбищъ даетъ полную возможность обширному развитію скотоводства, и если крестьянскія стада еще не многочисленны, то это объясняется недавностью переселенія. Если нѣтъ еще избытка скота для продажи, то молочное хозяйство даетъ уже доходъ и потому все болѣе увеличивается.

Типы уссурійскихъ пѣшихъ казаковъ.

Сбытъ сельскихъ продуктовъ обезпечивается закупами для довольствія войскъ и городскимъ населеніемъ во Владивостокъ. При такихъ благопріятныхъ условіяхъ хозяйства и сбыта своихъ произведеній, крестьяне въ короткое время достигаютъ довольства и это отражается не только на внутреннемъ бытѣ, но и на внѣшности избъ и одежды. Въ праздничный день мужчины одѣваютъ кафтаны тонкаго сукна, а женщины рядятся въ платки и сарафаны неимовѣрной пестроты. Если спросить переселенца, доволенъ-ли онъ своею новою осѣдлостью, то даже женщины, болѣе консервативный элементъ населенія, отзовутся хорошо: «выйдемъ въ поле, медомъ пахнетъ»,—говорятъ они, желая охарактеризировать благодатныя условія растительности и почвы.

Городское населеніе сосредоточилось во Владивостокѣ, и о немъ мы будемъ говорить въ слѣдующемъ очеркѣ, посвященномъ морю и прибрежью.

Въ обрусеніи края участвуютъ, кромѣ крестьянъ и казаковъ, еще и регулярныя войска, между которыми первое мѣсто занимаютъ линейные баталіоны. Это — амурскіе піонеры, шедшіе всегда впереди. Они появлялись въ совершено не населенныхъ мѣстахъ, обстроивались и помогали строиться городамъ и селамъ; эти баталіоны несли пограничную службу, содержали почтовую гоньбу, проводили дороги и телеграфы, устраивали переправы. Словомъ, они положили во всемъ амурскомъ краѣ первыя основы государственнаго устройства. Эта дѣятельность была сопряжена съ громадными лишеніями; много жертвъ пало отъ холода и голода, отъ цынги, тифа и другихъ болѣзней; многія изъ этихъ самоотверженныхъ людей были истерзаны звѣрями. Если вникнуть во всѣ трудности задачъ, блистательно выполненныхъ этими доблестными баталіонами, то они встанутъ на почетное мѣсто въ русской арміи, хотя на ихъ долю не выпали лавры военныхъ подвиговъ! При такихъ условіяхъ выработался совершенно своеобразный типъ сибирскаго линейнаго солдата. Онъ охотникъ, плотникъ и кузнецъ; въ лѣсу и степи онъ, какъ дома; онъ вездѣ найдетъ дорогу и средства къ существованію, онъ обладаетъ талантомъ объясняться съ инородцами, языкъ которыхъ ему совершенно не извѣстенъ;

Корейское жилище.

онъ невѣроятно изобрѣтателенъ въ пользованіи обстоятельствами и тѣмъ, что даетъ природа; словомъ, это—человѣкъ самостоятельный и способный выйти побѣдителемъ изъ самыхъ затруднительныхъ положеній.

Для характеристики приведу слѣдующій фактъ. Въ 1863 г. былъ присланъ въ штабъ 1-го баталіона (въ Хабаровку) конвертъ для доставки командиру шкуны «Первой», зимовавшей въ гаванѣ Св. Ольги. Путь туда былъ въ то время совершенно неизвѣстенъ, но это не остановило баталіоннаго адъютанта. Зная своихъ молодцовъ, онъ призвалъ двухъ солдатъ, передалъ имъ 50 серебряныхъ рублей на путевые расходы и поручилъ отнести конвертъ по назначенію, объяснивъ только, что гавань Св. Ольги находится къ югу и что путешествіе нужно было совершить пѣшкомъ, такъ какъ зимою на лошадяхъ нельзя проѣхать. Черезъ 4 мѣсяца со дня отправки посланныхъ, они явились обратно и принесли отвѣтъ командира шкуны. На вопросы о пути, они разсказали слѣдующія соображенія, которыми руководствовались. Такъ какъ гавань находится къ югу отъ Хобаровки, то имъ, очевидно, надо подняться по Уссури, отсюда, чтобы достигнуть моря, необходимо идти по одному изъ правыхъ притоковъ рѣки, подняться до ея вершинъ, перевалить черезъ водораздѣлъ, спуститься къ берегу моря и, придерживаясь его направленія, идти на югъ. Это теоретическое соображеніе было выполнено въ точности, при чемъ, въ случаяхъ сомнѣнія и для выбора лучшей дороги, они обращались за совѣтами къ инородцамъ, съ которыми объяснялись посредствомъ «маяченія,» т. е., при помощи жестикуляціи и нѣсколькихъ заученныхъ словъ. Умѣнье обращаться съ разными народностями доставляло солдатамъ продовольствіе не только при ночлегахъ въ фанзахъ и юртахъ, но и въ видѣ запасовъ для дальнихъ переходовъ, гдѣ нѣтъ жилья. Въ крайнихъ же случаяхъ они питались при помощи охоты.—Развѣ не напоминаетъ этотъ фактъ о подвигахъ первыхъ покорителей Сибири, превознесенныхъ и воспѣтыхъ? Конечно, амурскіе піонеры не дождутся такой чести, имъ суждено совершать свои подвиги въ совершенной неизвѣстности.

Настоящій краткій очеркъ Уссурійскаго края касается исключительно материка и сухопутныхъ условій, но онъ еще имѣетъ и другое значеніе, представляя своими превосходными южными гаванями точку опоры для развитія нашего военнаго флота и торговли въ Великомъ океанѣ. Но объ этомъ—рѣчь въ слѣдующемъ очеркѣ.

Ѳ. Буссе.

Группа корейцевъ.

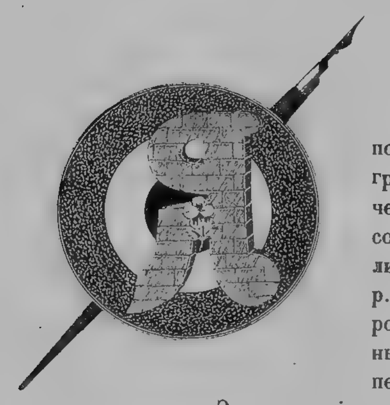
ОЧЕРКЪ X.

ЯПОНСКОЕ МОРЕ.

Изслѣдованія моря.—Берега, глубина, проливы и отливы, теченія, соленость.—Климатъ.—Морскія растенія и животныя.—Рейды у береговъ Сахалина.—Бухты материка: Де-Кастри, Императорская, Св. Владиміра, Св. Ольги и Св. Преображенія.—Заливы Петра Великаго съ бухтами: Америка, Востокъ, Стрѣлокъ, Славянская и Посьета.—Портъ Владивостокъ.—Сношенія съ Японіею.

Я рожденъ въ странѣ далекой,
Къ чьимъ гранитнымъ берегамъ
Вѣчно хладною струею
Плещетъ грозный океанъ.
Я рожденъ въ землѣ обширной,
Гдѣ границъ пространствомъ нѣтъ,
Гдѣ отъ моря и до моря
Разослался бѣлый свѣтъ!

СЕМИЛУЖЕНСКІЙ.



понское море отдѣляется отъ Великаго или Тихаго океана грядою Японскихъ острововъ; сохраняя съ нимъ сообщеніе черезъ Корейскій и Сангарскій проливъ съ другимъ своимъ сосѣдомъ, Охотскимъ моремъ, соединено также двумя проливами: на востокѣ — Лаперуза, на сѣверѣ — чрезъ лиманъ р. Амура. Южная часть Японскаго моря представляетъ широкій водоемъ, къ сѣверу же отъ параллели 42° 30′ западный берегъ дѣлаетъ крутой поворотъ на востокъ и постепенно сближается съ Сахалиномъ, ограничивая все болѣе поверхность моря. Это съуженіе носитъ названіе Татарскаго пролива. Различіе въ площади сѣверной и южной частей совпадаетъ съ измѣненіемъ нѣкоторыхъ фактическихъ явленій и особенностями растительнаго и животнаго царства, поэтому параллель 42° 30′ можно признать за рубежъ двухъ самостоятельныхъ частей и разсматривать каждую отдѣльно.

Сѣверо-Японское море омываетъ берега русскихъ колоній и потому мы обращаемъ на него преимущественное вниманіе, о южной же части мы будемъ говорить только для объясненія нѣкоторыхъ явленій.

Прежде, чѣмъ касаться физическихъ качествъ Сѣверо-Японскаго моря, необходимо сказать нѣсколько словъ объ открытіи и ходѣ изслѣдованій этого водоема.

Въ 1644 году казакъ Поярковъ и за нимъ Нагибовъ въ 1652 году проплыли изъ р. Амура въ Японское море. Конечно, нельзя утверждать, что они внесли вѣрныя географическія данныя о Японскомъ морѣ, но свѣдѣнія о Татарскомъ проливѣ, собранныя въ ихъ доне-

сеніяхъ, послужили для составленія карты, гдѣ довольно правильно изображено устье Амура и положеніе Сахалина.

Одновременно съ указанными плаваніями въ 1643 году, шкиперъ голландскаго судна Фризъ посѣтилъ прибрежье Японскихъ острововъ и доходилъ до южнаго берега Сахалина. Онъ записалъ нѣсколько отдѣльныхъ фактовъ, но не далъ описанія всего моря.

Первыя научныя изслѣдованія Японскаго моря произведены въ концѣ прошедшаго столѣтія. Послѣ обстоятельнаго описанія Сахалина японцемъ Могнами Токнаемъ въ 1785 году, здѣсь появилась экспедиція Лаперуза. Знаменитый путешественникъ описалъ въ 1787 году западный берегъ Сѣверо-Японскаго моря до залива Де-Кастри. Онъ намѣревался идти и далѣе на сѣверъ, но быстрое уменьшеніе глубины, обиліе мелей и сближеніе береговъ, привело его къ ошибочному заключенію, что здѣсь материкъ соединяется съ Сахалиномъ песчаными банками, и потому онъ островъ изобразилъ на картѣ полуостровомъ. Повернувъ на югъ, Лаперузъ шелъ вдоль восточнаго берега и изслѣдовалъ проливъ, названный его именемъ. Вскорѣ именно въ 1797 году, произведенная опись повторена англійскимъ изслѣдователемъ Броутономъ, который подтвердилъ всѣ выводы Лаперуза и изслѣдовалъ Сангарскій проливъ.

Наша первая кругосвѣтная экспедиція внесла новый свѣтъ въ географію южнаго Японскаго моря въ 1805 году. Выйдя изъ порта Нагасаки, Крузенштернъ описалъ японскій берегъ, прошелъ Лаперузовымъ проливомъ въ Охотское море, положилъ на карту южный и восточный берега Сахалина и, обогнувъ его сѣверную оконечность, опредѣлилъ устье Амура. Крузенштернъ, на основаніи разспросовъ туземцевъ, подтвердилъ, что рѣка не сообщается фарватеромъ съ Японскимъ моремъ, не зная о разслѣдованіяхъ японца Маміа Ринзо, который въ томъ же 1805 году пришелъ къ убѣжденію въ существованіи южнаго судоходнаго истока Амура.

Послѣ описанныхъ работъ, прошло около полустолѣтія, прежде чѣмъ Японское море привлекло къ себѣ вниманіе, и на этотъ разъ исключительно русскихъ моряковъ. Невельской въ 1849 году точнымъ примѣромъ доказалъ судоходность южнаго фарватера въ лиманѣ Амура и этимъ выяснилъ важность обладанія устьемъ рѣки. Вслѣдъ за тѣмъ была учреждена Амурская экспедиція, которая рекогносцировала побережье Сахалина до мыса Жонкіера, а берегъ материка,—до Императорской гавани, открытой лейтенантомъ Бошняковымъ въ 1853 году. Одновременно былъ основанъ русскій военный постъ въ заливѣ Анива, откуда Рудановскій изслѣдовалъ южный берегъ Сахалина. Въ 1854 году адмиралъ Путятинъ, на фрегатѣ Паллада, описалъ корейскій берегъ и открылъ бухту Посьета.

Съ водвореніемъ русскихъ на берегахъ Сѣверо-Японскаго моря, гидрографическія изслѣдованія значительно увеличились, благодаря судамъ нашего флота, которыя пересѣкли море въ разныхъ направленіяхъ многочисленными рейсами и сдѣлали промѣры нѣкоторыхъ бухтъ и рейсовъ, переведя ихъ на планъ. Но эти наблюденія не имѣли, однако, значенія систематическихъ гидрографическихъ работъ, по которымъ можно составить точныя карты и лоцій, необходимыя для безопаснаго судоходства. Такія работы начаты въ 1862 году, когда экспедиція Бабкина первая начала правильныя описи и съёмки гаваней и береговъ. Это дѣло продолжалъ Старицкій, за нимъ Елагинъ, Онацевичъ и Майдель. Много сдѣлано этими изслѣдователями, но еще больше остается сдѣлать. Карты, точныя для однихъ мѣстностей, въ другихъ только приблизительно вѣрны; что касается физическихъ явленій, то собранные матеріалы далеко не достаточны для точныхъ научныхъ выводовъ. Тѣмъ не менѣе матеріалы эти дали всѣ необходимыя свѣдѣнія для общей характеристики физическихъ явленій моря.

Берега Сѣверо-Японскаго моря гористы и высоки, спускаются въ море обрывами въ нѣсколько сотъ футовъ высоты. Исключеніе составляетъ лишь сѣверная часть Сахалина. Здѣсь берегъ низменъ и постепенно переходитъ въ песчаныя мели, покрытыя водою. Вдоль берега и весьма близко отъ моря проходитъ ось горъ Сихотъ-Алина; далѣе же на югъ—Корейскія горы. Съ другой же стороны, мы въ правѣ разсматривать весь Сахалинъ, какъ выдающуюся

изъ моря вершину хребта, который, въ своемъ продолженіи по Японскимъ островамъ, достигаетъ значительной высоты и развитія. Не многочисленныя острова суть континентальнаго характера, т. е., составлютъ часть берега, какъ это видно по ихъ положенію и физическому строенію. Таковы, напримѣръ, о-ва: Манеронъ, Ребунсири и Рійсири—у восточнаго берега, Корейскія шхеры и острова въ заливѣ Петра Великаго.

Глубина моря, на сколько она извѣстна изъ промѣровъ, быстро увеличивается у береговъ и, возрастая довольно равномѣрно, достигаетъ въ Татарскомъ проливѣ 150 и болѣе саженей; далѣе на югъ водоемъ несравненно глубже: Такъ Старицкій нашелъ среди Южно-Японскаго моря глубину въ 1,600 саж. Круто-скалистые берега, отсутствіе острововъ среди моря и быстро увеличивающаяся глубина, даютъ право заключить, что дно Японскаго моря составляетъ глубокую долину между береговыми хребтами. Эта долина, углубляясь постепенно съ сѣвера на югъ, расширяется въ обширную котловину Южно-Японскаго моря. Сдѣланныхъ промѣровъ достаточно для вывода, что Японское море принадлежитъ къ числу глубокихъ.

Исключеніе изъ этой общей характеристики составляетъ лиманъ Амура и сѣверная часть Татарскаго пролива. Громадная рѣка приноситъ массу песка, который отлагается въ устьѣ и выносится теченіемъ въ Охотское море и въ Татарскій проливъ, уменьшая значительно глубину. Немного сѣвернѣе залива Де-Кастри уже встрѣчаются песчаныя банки, которыя, по мѣрѣ приближенія къ устью рѣки, все болѣе увеличиваются и въ числѣ и въ объемѣ. Уже на параллели мыса Чихачева начинаются мели, такъ что оказывается уже необходимымъ огражденіе фарватера баканами и проч. Чѣмъ далѣе углубляться въ лиманъ Амура, тѣмъ болѣе уменьшается глубина, и фарватеръ дѣлается уже и извилистѣе, въ самомъ же устьѣ рѣки, т. е., отъ мыса Пронге, онъ шириною около 35 саж., при глубинѣ 12 футовъ на барѣ, т. е., въ самомъ мелкомъ мѣстѣ. Сѣверный Амурскій фарватеръ или выходъ въ Охотское море, идетъ вдоль берега, онъ еще уже и неудобнѣе и на барѣ имѣетъ всего 7 футовъ. Черезъ лиманъ проходитъ еще третій, Сахалинскій фарватеръ, который, отдѣляясь отъ южнаго на параллели мыса Джаоре, идетъ вдоль Сахалинскаго берега и составляетъ путь сообщенія Японскаго моря съ Охотскимъ. Онъ значительно глубже; наименьшая глубина его $3^1/_2$ сажени $2^1/_2$ фут.

Бухта св. Ольги.

Приливы и отливы совершаются въ Японскомъ морѣ совершенно правильно,—два раза въ сутки приливная волна океана проникаетъ черезъ Корейскій проливъ и идетъ къ сѣверу, два же раза въ сутки наступаетъ и отливъ, направляясь къ югу. Нѣкоторое уклоненіе въ періодичности явленія представляетъ лиманъ Амура, потому что здѣсь встрѣчаются приливныя волны Татарскаго пролива и Охотскаго моря. Высота прилива въ Сѣверо-Японскомъ морѣ извѣстна лишь въ нѣкоторыхъ пунктахъ, но и по нимъ можно заключить, что, по мѣрѣ удаленія къ сѣверу въ болѣе узкій Татарскій проливъ, приливная волна возвышается. Такъ въ заливѣ Посьета приливъ достигаетъ $2^1/_2$ футовъ, въ заливѣ Св. Ольги—3-хъ, Де-Кастри и Дуэ—6-ти и даже 9 футовъ. Изъ этого можно видѣть, что приливы и отливы Японскаго моря незначительны, вслѣдствіе огражденія моря островами и узкости Корейскаго пролива, чрезъ который океанская приливная волна не успѣваетъ проникнуть всею своею массою до наступленія отлива.

Изъ всѣхъ особенностей моря самое важное значеніе имѣютъ теченія, которыя, принося теплую или холодную воду, вліяютъ на климатъ всего края и на развитіе морской фауны и флоры. Непосредственныя изслѣдованія теченій начались только недавно и по малочислен-

ности не даютъ точныхъ выводовъ, но академикъ Шренкъ собралъ всѣ свѣдѣнія о плаваніяхъ судовъ разныхъ націй и сгруппировалъ всѣ наблюденія о распредѣленіи морскихъ растеній и животныхъ, свойственныхъ низкой и болѣе высокой температурѣ моря. По этимъ даннымъ ученый изслѣдователь нарисовалъ полную картину теченій Японскаго моря, которая оспаривается новѣйшими гидрографами только въ нѣкоторыхъ частностяхъ.

Теплое океанское теченіе Киро-Сиву, направляясь изъ Китайскаго моря къ Камчаткѣ, отдѣляетъ чрезъ Корейскій проливъ въ Японское море вѣтвь, которая, придерживаясь восточныхъ его береговъ, достигаетъ Сахалина. Отъ этой главной струи отдѣляются вѣтви въ Сангарскій и Лаперузовъ проливы, но здѣсь они встрѣчаютъ холодное Курильское теченіе, которое, вслѣдствіе большой плотности охлажденной воды, распредѣляется въ низшихъ слояхъ моря. Такимъ образомъ въ названныхъ проливахъ существуютъ два противуположныхъ теченія: поверхностное—теплое и холодное на глубинѣ.

Вдоль западнаго берега Японскаго моря, по выводамъ г. Шренка, идетъ холодное теченіе изъ Охотскаго моря, проникая на югъ по Сахалинскому фарватеру и распространяясь до береговъ Кореи, гдѣ оно или прекращается или же, опускаясь на глубину, выходитъ черезъ заливъ Браутона въ Китайское море. Шренкъ приписываетъ суровость климата материка вліянію холоднаго прибрежнаго теченія. Майдель отрицаетъ вовсе движеніе воды изъ Охотскаго моря въ Японское; основываясь же на измѣреніяхъ температуры и удѣльнаго вѣса воды на разныхъ глубинахъ, объясняютъ не соотвѣтственное охлажденіе материка и прилегающей полосы моря вліянію вѣтровъ.

Въ очеркѣ Уссурійскаго края выяснено господство сѣверо-западныхъ вѣтровъ зимою до поздней весны и юго-восточныхъ — лѣтомъ. Вѣтры эти перемежаются съ правильностью муссоновъ. То же явленіе наблюдается и въ Японскомъ морѣ, что имѣетъ значительное вліяніе на теченія. Постоянство вѣтра, въ теченіе нѣсколькихъ мѣсяцевъ дующаго въ одну сторону, сгоняетъ воду по тому же направленію и производитъ поверхностное теченіе: зимою — въ южномъ направленіи, лѣтомъ—въ сѣверномъ. Это явленіе, въ свою очередь, имѣетъ вліяніе и на постоянное теченіе. Такъ теплая струя воды, идущая вдоль Японіи, усиливается лѣтомъ и трудно замѣтна зимою, когда поверхностное теченіе имѣетъ обратное направленіе.

Въ связи съ морскими теченіями надо разсматривать и содержаніе соли въ водахъ Японскаго моря. Струя теплой воды, проникающей изъ Китайскаго моря, содержитъ несравненно болѣе минеральной примѣси, чѣмъ Сѣверо-Японское море, особенно же Татарскій проливъ, сильно опрѣсненный постояннымъ и большимъ притокомъ рѣчной воды Амура и обиліемъ атмосферныхъ осадковъ. Холодныя теченія въ Лаперузовомъ и Сангарскомъ проливахъ до нѣкоторой степени усиливаютъ соленость Японскаго моря, но вліяніе ихъ ощутительно лишь на глубинѣ и ограничивается раіономъ распространенія струи. Этотъ общій взглядъ приводитъ къ заключенію, подтвержденному и прямыми наблюденіями, что содержаніе соли въ Японскомъ морѣ въ поверхностномъ его слоѣ, увеличивается довольно равномѣрно отъ сѣвера къ югу. Что же касается до глубины, то, по недостаточности наблюденій, преждевременно дѣлать заключенія.

Подчиняясь атмосфернымъ вліяніямъ одинаково съ сосѣднимъ материкомъ, климатъ Японскаго моря совершенно подходитъ къ характеристикѣ, данной нами въ очеркѣ Уссурійскаго края, съ тою лишь разницею, что море несравненно богаче туманомъ и пасмурными днями, особенно лѣтомъ при господствѣ юго-восточныхъ вѣтровъ. Температура воздуха зависитъ здѣсь не только отъ широты, но и отъ вліянія морскихъ теченій, поэтому восточная полоса моря холоднѣе западной. Эта разница температуры для мѣстъ на одних параллеляхъ увеличивается тѣмъ болѣе, чѣмъ южнѣе сравниваемые пункты. Такъ, среднюю годовую температуру Корсаковскаго поста въ бухтѣ Анива можно приравнять только къ теплотѣ залива Посьетъ, пункта, лежащаго на 3½ градуса южнѣе. Метеорологическія наблюденія на побережьяхъ Япон-

скаго моря весьма недостаточны, въ немногихъ мѣстахъ они велись правильно въ теченіе времени, достаточномъ для вѣрныхъ выводовъ, поэтому мы ограничимся данными для двухъ главныхъ гаваней нашихъ—Владивостока и св. Ольги, гдѣ собраны въ обсерваторіяхъ данныя за много лѣтъ.

	Средняя годовая температура.	Среднее годовое количество осадковъ въ миллиметрахъ.	Средняя толщина льда.	Средняя продолжительность навигаціи.
Владивостокъ	+3,62°	79,05	1 аршинъ.	250 дней.
Гавань, тихая пристань въ заливѣ св. Ольги	+3,07°	73,17	1 аршинъ.	204 дня.

Въ отчетѣ о Сѣверо-Японскомъ морѣ Лаперузъ говоритъ, что нѣтъ другого моря, болѣе богатаго водорослями. Онъ замѣтилъ, что дно залива Де-Кастри, обнаженное при отливѣ, покрыто роскошною и разнообразною зеленью. Это наблюденіе подтверждено показаніями всѣхъ изслѣдователей, работавшихъ въ разныхъ мѣстностяхъ моря. Не смотря на многочисленность коллекцій, собранныхъ разными лицами, флора эта еще не достаточно изслѣдована, но уже

Владивостокъ въ настоящее время.

выяснилось, что теплое теченіе въ восточной части моря способствуетъ растительности, и потому южное прибрежье Сахалина несравненно богаче количествомъ и разнообразіемъ водорослей, чѣмъ берегъ материка. Мы остановимся только на одномъ растеніи, названномъ русскими морскою капустою (по англійски Sea weed), изъ породы Ficus, которая служитъ пищею для бѣдныхъ классовъ въ Японіи и Китаѣ. Эта водоросль промышляется китайцами въ большомъ количествѣ и составляетъ самую значительную отрасль вывозной торговли нашихъ гаваней Японскаго моря. Морская капуста растетъ длинными, гладкими и мясистыми листьями до 1 вершка ширины, съ ровными краями и нѣсколько волнообразною поверхностью. Растеніе это водится въ не глубокихъ бухтахъ материка и острова Сахалина и нерѣдко выбрасывается волнами на берегъ. Промышленники выходятъ на промыселъ на шлюпкахъ въ тихую погоду и добываютъ капусту со дня моря длинными шестами съ крючьями на концахъ. Добыча слегка высушивается на солнцѣ и связывается въ пучки, вѣсомъ до 2-хъ пудовъ и въ этомъ видѣ поступаетъ въ продажу. Изъ промысловыхъ бухтъ капуста свозится на не большихъ шлюпкахъ въ нѣсколько центральныхъ пунктовъ, удобныхъ для стоянки морскихъ судовъ, гдѣ они нагру-

жаются этимъ товаромъ. Главнымъ складочнымъ пунктомъ служатъ на материкѣ порты Владивостокъ и св. Ольги и не населенные заливы св. Преображенія и Находка, а на Сахалинѣ— заливъ Маука, гдѣ этотъ промыселъ основанъ купцомъ Семеновымъ въ 1879 году. Весь грузъ морской капусты вывозится въ Чифу, китайскую гавань въ Корейскомъ заливѣ и отсюда доставляется въ Пекинъ и его провинцію. Количество отправляемой капусты весьма трудно опредѣлить, потому что при безпошлинномъ вывозѣ купцы не обязаны давать точныхъ свѣдѣній, къ тому же значительная доля доставляется изъ не населенныхъ бухтъ, вдали отъ надзора властей. Изъ случайныхъ свѣдѣній видно, что ежегодно грузится болѣе 30 парусныхъ судовъ

«Память Азова» у Владивостока.

и потому количество вывозимой морской капусты можно опредѣлить приблизительно въ 1 милліонъ пудовъ.

Животный міръ Сѣверо-Японскаго моря представляетъ явленіе весьма схожее съ фауной материка: и здѣсь и тамъ уроженцы юга и сѣвера живутъ въ ближайшемъ сосѣдствѣ. Здѣсь встрѣчаются молюски, свойственные Охотскому и даже Ледовитому морямъ, рядомъ съ формами Тихаго и Индѣйскаго океановъ, но, по числу и разнообразію видовъ, преобладаютъ уроженцы Японскаго зоологическаго раіона. Изъ пришельцевъ болѣе многочисленны молюски, свойственые Тихому и Индѣйскому океанамъ, менѣе встрѣчается видовъ полярныхъ морей. Животныя находятъ въ Японскомъ морѣ весьма благопріятныя условія для своего развитія: сравнительно не большую глубину, большое разнообразіе въ свойствѣ дна и береговъ и сообщеніе съ океаномъ, который даетъ соленую воду, необходимую для жизни ихъ, наконецъ, теплыя морскія теченія. Отъ этихъ условій зависитъ и распредѣленіе животнаго міра. На югѣ видовъ больше

Владивостокъ въ первые годы по основаніи его.

и обитатели многочисленнѣе, чѣмъ въ Сѣверо-Японскомъ морѣ, болѣе холодномъ и прѣсномъ, восточная же полоса богаче западной. По сдѣланнымъ до сихъ поръ изслѣдованіямъ, Японское море принадлежитъ къ наиболѣе богатымъ животными.

Мы ограничимся указаніемъ только на тѣ виды, которые непосредственно служатъ на пользу человѣка. Въ бухтахъ материка, на рифахъ, весьма распространены устрицы, необыкновенно крупныя и толстостворчатыя. Изъ остальныхъ низшихъ животныхъ важное значеніе имѣютъ трепанги или морскіе черви (Holothuria edulis, по китайски Хай-Шень), составляющіе лакомое и дорогое блюдо китайцевъ. Манзы ловятъ этихъ животныхъ крючьями и сушатъ ихъ; въ этомъ видѣ трепанги пріобрѣтаются купцами по 24 рубля за пудъ и отправляются въ Китай. Промыселъ трепанговъ всего болѣе развитъ въ заливѣ Петра Великаго, чѣмъ и объясняется китайское названіе Владивостокскаго округа Хай-Шень-Вай, т. е., трепанговый округъ

Рыбою изобилуетъ Японское море. Изъ очерка о Сахалинѣ читателямъ уже извѣстное несмѣтномъ количествѣ сельди, ежегодно подходящей къ берегамъ острова, гдѣ японцы со своими рабочими Айно вытапливаютъ жиръ и вмѣстѣ съ отжимками вывозятъ его на родину;

Владивостокъ съ моря.

жиръ идетъ на освѣщеніе, отжимки же на удобреніе полей. Порода сельдей здѣсь не большая, но чрезвычайно жирная и потому наиболѣе подходящая для соленія, которое, къ сожалѣнію, производится русскими жителями острова только для домашняго употребленія и не составляетъ промысла. За сельдями идетъ ихъ исконный истребитель китъ, но недостаточная глубина моря, особенно же проливовъ, не благопріятствуетъ этому животному; поэтому въ Японское море проникаетъ, въ весьма ограниченномъ числѣ, не большая порода полосатиковъ, не представляющая цѣнной добычи для китолова.

Въ Японскомъ морѣ ловится треска, но уловъ этой рыбы не составляетъ спеціальнаго промысла, потому что онъ требуетъ морскихъ судовъ и дорогого снаряженія, вся же потребность жителей въ рыбѣ легко удовлетворяется ловлею семги (Salmo lagocephaeus, мѣстн. назв. кэта), которая лѣтомъ и осенью входитъ въ несмѣтномъ количествѣ въ Амуръ и въ рѣки, впадающія въ море. Эта рыба составляетъ главную пищу орочонъ и служитъ большимъ подспорьемъ въ продовольствіи войскъ и русскихъ обитателей, городскихъ и сельскихъ.

Вдоль береговъ Сахалина, особенно-же около мыса Крильонъ и на лежащемъ противъ

него Камнѣ Опасности, водятся въ значительномъ числѣ тюлени и сивучи. Айны дорожатъ жиромъ и шкурами этихъ животныхъ, но спеціально не преслѣдуютъ ихъ; русскіе также убиваютъ ихъ случайно. Такимъ образомъ сивучи и тюлени не составляютъ предмета правильнаго промысла.

Очевидно такимъ образомъ, что человѣкъ находитъ въ Японскомъ морѣ превосходныя условія для эксплоатаціи естественныхъ богатствъ водяного царства, но для этого необходимо развитіе судоходства. Мы видѣли, что физическія качества Японскаго моря весьма благопріятны для плаванія; здѣсь судно вездѣ находитъ достаточную глубину: ему нечего опасаться мелей и подводныхъ скалъ. Правда, лѣтніе туманы и недостатокъ въ изслѣдованіи теченій препятствуютъ развитію судоходства, но они могутъ быть устранены дальнѣйшими гидрографическими работами, долженствующими довести карты и лоція моря до такой точности, что судно и въ туманѣ можетъ прокладывать на картѣ пройденный путь съ полною увѣренностью. Но для развитія судоходства необходимы еще гавани, удобныя для судостроенія и торговыхъ скла-

На Владивостокскомъ рейдѣ.

довъ. Переходя къ описанію такихъ гаваней, мы укажемъ и на экономическія условія ихъ коммерческаго развитія.

Западный берегъ Сахалина падаетъ въ море почти отвѣснымъ обрывомъ, очертаніе его почти прямо-линейное, а потому мы не находимъ здѣсь природныхъ гаваней. Тѣ изгибы берега, которые на картахъ названы заливами: Женкіера, (постъ Дуэ), Поро-Тамари (Маука), Сирануси и др.— не представляютъ судамъ защиты отъ вѣтра и волненія: это — совершенно открытые рейды, гдѣ, сдавая или принимая грузъ, капитанъ рискуетъ быть выброшеннымъ на берегъ, при западныхъ вѣтрахъ. Поэтому всѣ существующіе здѣсь экономическіе центры и военные посты, каковы: Дуэ, Сертунай, Косунай, Поро-Тамари, Корсаковскій и другіе пункты, — не могутъ считаться гаванями. На западномъ берегу Сахалина только озеро Райтсиска, соединенное съ моремъ проливомъ Рудановскаго, могло-бы имѣть значеніе порта, если-бы не его мелководье, вслѣдствіе котораго озеро совершенно недоступно даже для самыхъ мелкихъ судовъ и можетъ служить укрытіемъ только для шлюпокъ. Въ заливѣ Анива есть бухта Буссе, иначе Тообучи, которая даетъ защиту судамъ, но по своей глубинѣ, не большой площади и обширнымъ банкамъ, доступна лишь малому числу судовъ и то мелко-сидящихъ. Кромѣ того, названная бухта нахо-

дится въ сторонѣ отъ главныхъ торговыхъ центровъ. Экономическое значеніе названныхъ пунктовъ состоитъ въ добычѣ каменнаго угля въ постахъ Дуэ (бухта Женкіеръ) и Сертунай, гдѣ разработываются обширные выходы пластовъ этого минералла и въ промыслѣ морской капусты въ южной части острова, гдѣ купецъ Семеновъ имѣетъ свои торговыя заведенія въ бухтахъ Маука (Поро-Томари) и Сирануси.

Совершенно иное видимъ мы на материкѣ. Читатель знаетъ уже, что ось хребта Сихота-Алинъ идетъ вдоль береговой черты и въ недалекомъ отъ нея разстояніи, что восточный склонъ хребта крутъ и падаетъ въ море обрывами въ нѣсколько сотъ футъ вышиною. Этотъ склонъ состоитъ, собственно, изъ ряда отроговъ, параллельныхъ между собою и перпендикулярныхъ къ береговой чертѣ. Многіе изъ этихъ отроговъ врѣзываются въ море и даютъ мѣсто глубокимъ бухтамъ, представляющимъ всѣ условія превосходныхъ гаваней.

Самая сѣверная изъ такихъ гаваней находится въ заливѣ Де-Кастри, въ глубинѣ котораго, подъ защитою ряда острововъ, суда находятъ хорошую якорную стоянку близъ поста Александровскаго. Замерзаніе порта происходитъ обыкновенно въ ноябрѣ, а вскрытіе около

Пригородная часть Владивостока.

1-го апрѣля, поэтому продолжительность навигаціи надо считать около 7½ мѣсяцевъ. Окрестностныя мѣста ничего не производятъ и потому Де-Кастри не имѣетъ значенія самостоятельнаго торговаго пункта, не смотря на сухопутное сообщеніе съ Софійскомъ. Гавань эту слѣдуетъ разсматривать, какъ передовой рейдъ, гдѣ разгружаются большіе корабли, направляемые въ Николаевскъ, доступный для судовъ, способныхъ пройти 12 футовый фарватеръ Амура. Поэтому дѣятельность гавани Де-Кастри надо считать, не по числу навигаціонныхъ дней въ этомъ портѣ, а по времени зимняго прекращенія плаванія въ устьѣ Амура, т. е., съ половины мая до начала октября, т. е., 4½ мѣсяца.

Съ перенесеніемъ военнаго порта во Владивостокъ, значеніе Николаевска, а съ нимъ и Де-Кастри, значительно упало, хотя до сихъ поръ сюда приходятъ товары, отправляемые вверхъ по Амуру, но въ незначительномъ количествѣ. Участіе этихъ двухъ пунктовъ въ торговомъ движеніи можетъ увеличиться въ будущемъ не иначе, какъ при условіи развитія отпуска за границу дешевыхъ продуктовъ Амурскаго края и долины Сунгари, каковы лѣсъ и хлѣбъ, которые не могутъ нести расходовъ за доставку въ южныя гавани.

Между Де-Кастри и Владивостокомъ находится много удобныхъ бухтъ, о которыхъ будетъ

сказано ниже; всѣ они страдаютъ слѣдующимъ общимъ недостаткомъ. Самое важное значеніе гавани заключается въ удобномъ сообщеніи съ внутреннею страною, для которой портъ служитъ пристанью обмѣна товаровъ. Чѣмъ населеннѣе страна, чѣмъ значительнѣе приходъ ея, тѣмъ большее торговое значеніе пріобрѣтаетъ гавань. Если же тылъ ея составляетъ гористую и неудобную мѣстность, если путь сообщенія съ населенною страною далекъ и затруднителенъ,— гавань сохраняетъ лишь значеніе промежуточной станціи, пункта сбыта случайныхъ мѣстныхъ произведеній или, наконецъ, центра окрестныхъ морскихъ промысловъ, т. е., выполняетъ лишь половину своего назначенія. Въ этомъ послѣднемъ положеніи находятся всѣ указанные заливы. Всѣ они опираются на горную область Сихотъ-Алина, населенную лишь бродячими тазами, немногими гиляками и манзами. За исключеніемъ трехъ русскихъ деревень вблизи гавани св. Ольги, область эту смѣло можно назвать пустынною. Ближайшее русское селеніе находится на берегу Уссури въ 400 и болѣе верстахъ отъ моря, и населеніе это не можетъ дать оживленія торговлѣ, по своей экономической необезпеченности. Правда, страна между

Временныя тріумфальныя ворота во Владивостокѣ

моремъ и Уссури еще не изслѣдована и, можетъ быть, при ближайшемъ ознакомленіи, найдутся и мѣста, удобныя для заселенія или съ запасомъ минеральныхъ богатствъ, способныхъ привлечь сюда промысловое населеніе и капиталистовъ. Понятно, это—только вопросы будущаго и въ настоящее время не могутъ входить въ оцѣнку экономическаго значенія гаваней. Здѣсь же необходимо замѣтить, что заливы Де-Кастри и Золотой Рогъ пока не имѣютъ связи съ внутреннею страною.

Ближайшій къ Де-Кастри съ юга заливъ гавань Императора Николая или просто Императорская. Эта бухта состоитъ изъ трехъ частей: главная юго-западная имѣетъ протяженіе въ 6 верстъ; отъ нея отдѣляются западная—въ $2^1/_2$ и сѣверная—въ 1 версту длины. Вся громадная площадь залива представляетъ превосходную якорную стоянку, и эта гавань принадлежитъ къ самымъ обширнымъ въ мірѣ. Главная, болѣе открытая, часть бухтъ замерзаетъ позже и освобождается отъ ледяного покрова раньше; если же принять во вниманіе внутреннія бухты, то навигація здѣсь открыта съ конца мая до конца октября, т. е., около $5^1/_2$ мѣсяцевъ. Прѣсной

воды здѣсь много,—многочисленные рѣчки и ручьи впадаютъ въ заливъ. Берега бухты покрыты превосходнымъ сосновымъ лѣсомъ, растущимъ до хребта и вдоль морского берега. Императорская гавань — единственное мѣсто, откуда разрѣшенъ вывозъ лѣса за-границу, и этимъ почти исчерпывается экономическое ея значеніе. Впрочемъ, вывозъ весьма незначителенъ и ограничивается 2—3 судами ежегодно.

Слѣдующіе къ югу заливы Джигитъ, Пластунъ и Опричникъ, могутъ служить для временнаго укрытія судовъ, но не составляютъ гаваней, закрытыхъ отъ вѣтра и волненія. Эти бухты мало изслѣдованы и почти не посѣщаются.

Тихая пристань.

Несравненно значительнѣе заливъ св. Владиміра. Онъ состоитъ изъ двухъ частей и каждая составляетъ закрытую и удобную якорную стоянку. Здѣсь уже начинается промыселъ морской капусты, который получаетъ большое развитіе на югѣ. Эта гавань имѣла-бы значеніе складочнаго пункта названнаго товара, если бы болѣе удобный заливъ св. Ольги не лежалъ такъ близко, всего въ 25 верстахъ къ югу и не привлекалъ бы всѣ мѣстные грузы.

Заливъ св. Ольги состоитъ изъ двухъ частей: рейда, открытаго для южныхъ вѣтровъ и небольшой бухты — Тихая пристань, которая лежитъ въ глубокой котловинѣ между горами и соединяется съ заливомъ узкимъ, но судоходнымъ каналомъ, въ полверсты длиною. Эта бухта доступна для судовъ въ 20 футовъ осадки, но при помощи буксира или завозовъ; подъ парусами же входъ весьма затруднителенъ, вслѣдствіе узкости входа. Стоянка въ Тихой пристани совершенно укрыта отъ волненія и южныхъ вѣтровъ, но въ зимніе мѣсяцы бываютъ опасны господствующіе сѣверо-западные вѣтры, имѣющіе доступъ въ гавань чрезъ поперечную долину. Другой недостатокъ — незначительность площади, удобной для якорной стоянки, такъ какъ здѣсь могутъ помѣститься, при большомъ стѣсненіи, 10—15 судовъ. Замерзаніе Тихой пристани происходитъ около 1-го ноября, вскрытіе же—въ началѣ апрѣля; средняя продолжительность

навигаціи 204 дня. Гавань св. Ольги имѣетъ значеніе не только какъ одинъ изъ пунктовъ русской осѣдлости, но и какъ складочное мѣсто морской капусты. Уже въ 1878 г. было вывезено отсюда болѣе 100,000 пудовъ этого товара. Съ той поры число это возрасло въ нѣсколько разъ.

Заливы св. Евстафія и Валентина мало изслѣдованы и недостаточно закрыты. Заливъ же св. Преображенія состоитъ, какъ и только что описанная гавань, изъ открытой части, и примыкающей къ ней съ востока превосходной бухты, въ 2 версты длиною. Послѣдняя соединена съ рейдомъ глубокимъ проходомъ, во всю ширину бухты, и потому легко доступна всѣмъ парусным судамъ. Глубина гавани отъ 15 до 36 футовъ, и якорная стоянка совершенно безопасна отъ вѣтра и волненія. Продолжительность навигаціи и періодъ замерзанія неизвѣстны, за недостаткомъ наблюденій. Прѣсною водою бухта весьма богата, обладая 3 рѣками. Мѣстное китайское населеніе занимается капустнымъ промысломъ и отправляетъ товаръ, на зафрахтованныхъ европейскихъ судахъ прямо въ Чифу, минуя Владивостокъ, почему размѣры этой торговли вовсе неизвѣстны. Въ 1871 году отсюда отправлено 14 судовыхъ грузовъ капусты. Съ тѣхъ же поръ промыселъ этотъ значительно возросъ.

Далѣе на югъ слѣдуютъ бухты: Мелководная, св. Успенія и Тхадгоу. Всѣ онѣ малоизвѣстны, открыты для вѣтровъ и потому не имѣютъ значенія.

Въ самой южной части русскихъ владѣній при Японскомъ морѣ, врѣзывается въ материкъ весьма обширный заливъ Петра Великаго. Распадаясь на части, онъ богатъ бухтами превосходныхъ морскихъ качествъ, извѣстными подъ собирательнымъ названіемъ «Южныхъ гаваней».

Заливъ Петра Великаго дѣлится на двѣ почти равныя части вѣтвью хребта Сихотъ-Алина который, вдаваясь въ море, образуетъ полуостровъ Муравьева Амурскаго и рядъ острововъ, отдѣляющихся между собою узкими проливами; гряда эта начинается обширнымъ Русскимъ островомъ или иначе—островомъ Казакевича. На русскихъ морскихъ картахъ онъ названъ островомъ Казакевича, но въ Высочайшемъ повелѣніи 15 мая 1871 г., о передачѣ въ казну земель удѣльнаго вѣдомства, онъ наименованъ Русскимъ островомъ. Онъ отдѣленъ отъ материка проливомъ Босфоръ Восточный. Западная половина залива Петра Великаго называется Амурскимъ, восточная Уссурійскимъ заливами. Каждая изъ этихъ главныхъ частей насчитываетъ по нѣсколько удобныхъ бухтъ, которыя мы и перечислимъ здѣсь, начиная отъ восточнаго предѣла, т. е., мыса Поворотнаго.

Заливъ Америка открытъ для южныхъ вѣтровъ и потому лѣтомъ не удобенъ, какъ рейдъ, но онъ обладаетъ двумя бухтами: съ востока—Врангеля, съ запада—Находка. Обѣ они глубоки и укрыты отъ волненія, но вторая имѣетъ преимущество надъ первою не только по морскимъ качествамъ, но и по близости къ рѣкѣ Сучану, которая течетъ по широкой долинѣ съ густымъ сельскимъ населеніемъ китайцевъ и двумя русскими поселками. Въ бухтѣ Находка находилась резиденція управляющаго землями Удѣльнаго вѣдомства, о чемъ свидѣтельствуютъ заброшенные дома бывшей факторіи. Экономическое значеніе бухтъ Врангеля и Находки ограничивается нынѣ небольшимъ складомъ морской капусты, но впослѣдствіи можетъ увеличиться съ развитіемъ сельско-хозяйственной дѣятельности въ долинѣ Сучана и золотого промысла въ окрестныхъ горныхъ рѣкахъ.

Заливъ Востокъ открытъ для южныхъ вѣтровъ и, не смотря на удобную бухту Гайдамакъ, составляющую часть его, не можетъ оспаривать превосходства у своихъ сосѣдей—заливовъ Америка и Стрѣлокъ, какъ въ морскомъ, такъ и въ торговомъ отношеніи.

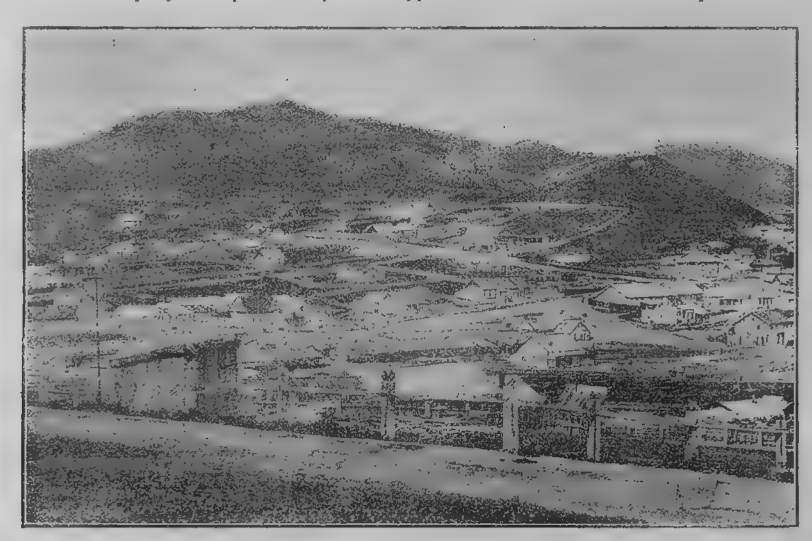
Бухта Стрѣлокъ очень обширна, глубока и удобна, какъ якорная стоянка. Естественнымъ моломъ служитъ гористый островъ Путятина, который совершенно защищаетъ внутреннюю гавань отъ вѣтра и волнъ. Экономическое значеніе залива обусловливается морскими промыслами въ окрестностяхъ и сообщеніемъ съ золотыми пріисками въ ближайшихъ долинахъ, гдѣ

уже отведено нѣсколько площадей для промывки. Мѣстность изобилуетъ признаками золота, потому въ будущемъ можно ожидать еще большаго развитія этого промысла.

Пласты золотоносныхъ песковъ простираются по дну моря на острова Путятина и Аскольда и на послѣднемъ уже происходитъ промывка. Аскольдъ, называемый иногда Маячнымъ островомъ, находится при самомъ входѣ въ Уссурійскій заливъ и природою назначенъ служить подножіемъ маяка, который долженъ освѣщать, въ связи съ существующимъ уже огнемъ на о. Скрыплевѣ, входъ въ портъ Владивостокъ. Такой маякъ, однако, еще только въ проектѣ.

Остальная часть берега Уссурійскаго залива, какъ восточная, такъ и западная, не представляетъ удобныхъ бухтъ, если не считать Кангаузу и устья рѣкъ Цемухэ и Майхэ, доступныхъ только для шлюпокъ. Мы перейдемъ къ бухтамъ Амурскаго залива, оставляя Владивостокъ, лежащій въ центрѣ описываемыхъ бухтъ.

Въ Восточномъ углу сѣвернаго берега Амурскаго залива находится бухта Угловая, глу-



На окраинѣ Владивостока.

биною 9 футовъ у входа. Она доступна только мелко-сидящимъ судамъ и шлюпкамъ, а потому и не можетъ играть выдающейся роли въ торговомъ развитіи края.

Несравненно важнѣе устье Суйфуна, по которому идетъ сообщеніе отъ моря въ населенную русскими Ханкайскую степь и далѣе до озера Ханка, гдѣ уже начинается пароходная линія Амурскаго бассейна. Къ сожалѣнію, Суйфунъ приноситъ много песка, который осаждается на устьѣ и образуетъ баръ въ 4 фута. По этому, рѣка, болѣе глубокая въ среднемъ теченіи, доступна только для очень мелко-сидящихъ пароходовъ и шлюпокъ. Это препятствіе осложняется еще тѣмъ, что южный вѣтеръ производитъ здѣсь большое волненіе, а на мелкихъ мѣстахъ—бурунъ, который въ свѣжую погоду вовсе прекращаетъ сообщеніе съ рѣкою.

Оставляя безъ вниманія мелкія бухты западнаго берега Амурскаго залива, каковы Песчаная, Манджуръ и другія, перейдемъ къ Славянскому заливу, который удобенъ для якорной стоянки, не только въ главномъ бассейнѣ, но и въ бухточкахъ, примыкающихъ къ нему. Значеніе его ограничивается незначительными потребностями мѣстнаго населенія, торговля же сосредоточивается въ болѣе счастливыхъ сосѣднихъ бухтахъ Посьета и Владивостока.

Вблизи границъ Кореи и Манджуріи врѣзывается въ материкъ заливъ Посьета. Онъ состоитъ изъ двухъ главныхъ бухтъ—Экспедиціи и Новгородской, изъ которыхъ послѣдняя въ

свою очередь распадается на нѣсколько бухточекъ. Этотъ бассейнъ окруженъ горами и имѣетъ лишь одинъ выходъ въ море противъ поста Новгородскаго. Заливъ Посьета широкъ вначалѣ, но при направленіи отъ юго-востока на сѣверо-западъ и вслѣдствіе высокихъ береговъ, онъ доступенъ только весьма рѣдкимъ вѣтрамъ изъ восточной четверти, которые не могутъ развести здѣсь большое волненіе. Это же послѣднее не проникаетъ во внутреннія бухты, вслѣдствіе узкости входа, всего 400 саженей, между берегомъ и полуостровомъ Чурхада, узкимъ и туманнымъ, который составляетъ природный молъ бухты Экспедиціи. Вслѣдствіе этого якорная стоянка совершенно защищена отъ вѣтра и волненія; что касается глубины, то среди бухтъ она достаточна для большихъ судовъ, но общій недостатокъ гавани составляютъ отмели вдоль береговъ, почему сооруженіе адмиралтейства сопряжено здѣсь съ дорого стоющими землечерпательными работами. Этотъ недостатокъ всего болѣе развитъ въ бухтѣ Экспедиціи; въ наи-

Лотерея алегри во Владивостокѣ.

болѣе благопріятныхъ условіяхъ находится бухта Новгородская, близъ военнаго поста и противъ входа съ моря, почему она и считается гаванью.

Главное значеніе порта въ заливѣ Посьета — политическое, вслѣдствіе близости границы и городовъ Хунъ-Чунъ и Кугенпу, резиденцій пограничныхъ китайскихъ и корейскихъ властей. Въ виду этого, въ окрестностяхъ сосредоточенъ значительный отрядъ войскъ, а въ посту Новгородскомъ пребываетъ нашъ пограничный комиссаръ. Экономическое значеніе можетъ развиться впослѣдствіи, по открытіи сосѣднихъ государствъ для ввоза нашихъ товаровъ, нынѣ же оно весьма незначительно и ограничивается потребностями войскъ. Морскіе промыслы на окрестныхъ берегахъ совершенно ничтожны, подвозъ же издалека устраняется близкимъ сосѣдствомъ болѣе центральнаго и удобнаго, по морскимъ качествамъ, порта Владивостокъ, который имѣетъ еще и то преимущество передъ Новгородскою гаванью, что ближе лежитъ къ населеннымъ мѣстностямъ внутри страны и потому привлекаетъ транзитные товары.

Когда въ шестидесятыхъ годахъ выяснилось все неудобство военнаго порта въ Николаевскѣ

и возникло предположеніе перенести адмиралтейскія учрежденія въ одну изъ наиболѣе удобныхъ южныхъ гаваней, голоса раздѣлились между Владивостокомъ и Новгородскою гаванью. Всѣ признавали превосходство залива Золотой Рогъ въ морскомъ и экономическомъ отношеніяхъ, но за Посьетъ говорили чисто военные и политическія соображенія. Военная защита послѣдняго порта съ моря весьма удобна вслѣдствіе единственнаго узкаго входа и гористыхъ береговъ; пребываніе же тамъ главныхъ нашихъ силъ и губернатора, очевидно, оказали бы хорошія услуги нашимъ сношеніямъ съ пограничными государствами, для которыхъ только сила составляетъ вѣсскій аргументъ при переговорахъ. Экономическія соображенія одержали верхъ, и споръ о выборѣ мѣста для порта былъ рѣшенъ не въ пользу Владивостока.

Городъ Владивостокъ—военный портъ и резиденція главнаго командира сибирской флотиліи; съ весны 1880 года составляетъ отдѣльное градоначальство, къ которому принадлежитъ: полуостровъ Муравьева Амурскаго и Русскій островъ. Городъ и всѣ адмиралтейскія сооруженія расположены на сѣверномъ берегу Золотого Рога, бухты, отдѣляющейся отъ пролива Босфоръ Восточный. Берега окружены горами, которыя въ отдѣльныхъ вершинахъ достигаютъ 400 и болѣе футовъ высоты, а самая бухта представляется долиною, съ круто падающимъ дномъ. Этимъ объясняется, почему глубина бухты достигаетъ по срединѣ отъ 48 до 90 футовъ, а по окраинамъ уже въ 20—50 саж., отъ береговой черты 30 футъ. Это неоцѣненное качество Золотого Рога дѣлаетъ его чрезвычайно удобнымъ для устройства пристаней и портовыхъ сооруженій. Дно бухты—илъ, весьма удобный для якорной стоянки. Золотой Рогъ представляетъ водоемъ въ 6 верстъ длины при средней ширинѣ въ 400 саженей; площадь же, предназначенная для судовъ или собственно для порта, составляетъ 4 квадратныхъ версты. Такимъ образомъ, Владивостокъ представляетъ одну изъ самыхъ обширныхъ гаваней въ свѣтѣ. Но этимъ не ограничивается еще площадь, удобная для морскихъ торговыхъ учрежденій. Въ непосредственномъ сосѣдствѣ съ главною бухтою, Босфоръ Восточный имѣетъ въ заливахъ Діомида, Улиса и Патрокла хорошія якорныя стоянки. Сюда-же надо причислить и бухту Новикъ (анг. Дундасъ), на Русскомъ островѣ, весьма обширную и защищенную.

Замерзаніе бухты происходитъ между 10 и 20 декабремъ, а вскрытіе — отъ 23 марта до 15 апрѣля; средняя продолжительность навигаціи считается 250 дней. Приливы достигаютъ въ гавани $2^1/_2$ футъ, теченій нѣтъ. Климатъ влажный, среднее количество атмосферныхъ осадковъ—около 19 миллиметровъ; дожди падаютъ преимущественно въ іюнѣ и іюлѣ, сопровождаясь нерѣдко и туманами.

Входъ и выходъ изъ гавани подъ парусами удобенъ при всякомъ вѣтрѣ, вслѣдствіе ширины бухты и фарватера въ Босфорѣ Восточномъ, а также благодаря двумъ выходамъ пролива въ открытое море. Гористые берега защищаютъ гавань отъ сильныхъ вѣтровъ, а Русскій островъ устраняетъ волненіе. Всѣ эти условія порта дѣлаютъ его весьма удобнымъ для судоходства.

Владивостокъ находится въ ближайшемъ сосѣдствѣ съ устьемъ р. Суйфуна, долина котораго служитъ дорогою между моремъ и постомъ. «Камень рыболововъ» на озерѣ Ханка, гдѣ находится ближайшая пристань Амурскаго бассейна. Эта дорога пересѣкаетъ Южно-Уссурійскій край вдоль границы, на которой необходимо должны рѣшаться всѣ столкновенія съ Китаемъ. Поэтому Владивостокъ составляетъ ключъ нашего военно-сухопутнаго могущества въ краѣ. Значеніе превосходной гавани вблизи Кореи, Китая и Японіи, какъ точки опоры для нашихъ морскихъ военныхъ силъ въ Восточномъ океанѣ — ясно до очевидности. Эти двѣ задачи, выпавшія на долю Владивостока, дѣлаютъ политическое его значеніе для Россіи весьма важнымъ.

Еще болѣе необходимъ этотъ портъ для коммерческихъ цѣлей. Составляя пристань для торговли внутренней страны и центральный складъ для морскихъ промысловъ, Владивостокъ привлекъ купцовъ еще въ то время, когда его населеніе насчитывало нѣсколько десятковъ солдатъ и немного сотенъ манзъ; уже тогда портъ посѣщался многими коммерческими судами,

На Владивостокскомъ рейдѣ

вывозившими морскую капусту и трепанги. Такъ, въ 1871 г. было въ приходѣ 24 судна, изъ нихъ 21 пришло съ грузомъ, частью не полнымъ и 3 съ балластомъ. Всѣ они были нагружены морскою капустою, трепангами и грибами; но во Владивостокѣ грузилось немного судовъ: большинство отправлялось въ другія бухты, гдѣ были сложены названные товары. Морской капусты вывезено въ тотъ годъ до полумилліона пудовъ. Этотъ фактъ очень краснорѣчиво доказываетъ торговое значеніе Владивостока. Съ перенесеніемъ сюда порта морскихъ управленій и многихъ торговыхъ фирмъ изъ Николаевска, населеніе значительно увеличилось и городъ самъ по себѣ сдѣлался значительнымъ рынкомъ. Съ этого времени движеніе товаровъ значительно увеличилось, а коммерческій флотъ получилъ возможность исправленія судовыхъ поврежденій въ механическихъ заведеніяхъ порта. Съ увеличеніемъ же русскаго населенія въ Ханкайской степи, усилились перевозочныя средства и потому часть цѣнныхъ мануфактурныхъ товаровъ, выносящихъ сухопутную доставку, направилась чрезъ Владивостокъ въ Амурскій край. Всѣ эти причины усилили судовое движеніе, не смотря даже на то, что отпускъ предметовъ морского промысла перешелъ преимущественно въ заливы Св. Ольги, Св. Преображенія, Маука и др.

Городъ расположенъ, какъ было сказано уже, на сѣверномъ берегу бухты и раздѣленъ на двѣ части; новый портъ, казармы и помѣщенія служащихъ расположены весьма широко въ восточной части бухты; на западномъ же берегу остался лишь, такъ называемый, старый портъ, гдѣ были устроены въ 1866 году ремонтныя мастерскія. Если сооруженіе это послужило лишь одинъ разъ для поправки шкуны «Алеутъ» и затѣмъ оставлено, то причина этого заключается не въ природныхъ недостаткахъ мѣста, а въ незначительности средствъ, затраченныхъ на техническую часть этого сооруженія. Частныя городскія постройки сгруппировались на западномъ берегу бухты и разростаются по направленію къ югу по полуострову Шкота и къ сѣверу—черезъ лощину, къ берегу Амурскаго залива, къ такъ называемому, Семенову покосу.

Въ 1879 году охрану города составляли линейный батальонъ и экипажъ сибирской флотиліи, численностью въ 3,000 человѣкъ. Если къ этому числу прибавить ихъ семейства, офицеровъ и лицъ гражданской администраціи, то число должностныхъ лицъ съ семействами опредѣлится въ 3,573 мужчины и 515 женщинъ.

Торговое сословіе состояло изъ русскихъ купцовъ съ семействами (21 мужч. 19 женщ.). и иностранцевъ (109 мужч. и 18 женщ.). Ремеслами занималось: мѣщанъ 89 м. и 42 ж., крестьянъ 67 м. и 14 ж. и финляндскихъ колонистовъ, переселившихся изъ колоніи удѣльнаго вѣдомства, 79 м. и 49 ж. Чернорабочій трудъ лежалъ на ссыльныхъ (39 м. и 232 ж.), на корейцахъ (500 челов.) и китайцахъ (3,456 м. и 15 ж.); впрочемъ, часть послѣднихъ занималась молочною торговлею. Такимъ образомъ, въ 1879 г. всего во Владивостокѣ считалось 8,837 душъ, изъ нихъ собственно русскихъ 4,658 человѣкъ.

Въ городѣ находятся портовыя мастерскія, приспособленныя для постройки пароходовъ средней величины. Частнымъ лицамъ принадлежатъ 5 кирпичныхъ, кожевенный и пивоваренный заводы и паровая мукомольная мельница.

Заграничною торговлею занимается 5 фирмъ, которыя снабжаютъ товарами не только городъ и окрестное населеніе, но частью и Амурскій край. Въ 1878 г. оборотъ на иностранные и русскіе товары, привезенные моремъ, составлялъ по оффиціальнымъ свѣдѣніямъ городского головы 2.184,934 р. Вывозъ же предметовъ морского промысла, собственно изъ Владивостока, немногимъ превышалъ 100,000 р. Это объясняется тѣмъ, что суда, доставлявшія товары во Владивостокъ, нагружались въ другихъ бухтахъ, въ которыхъ нѣтъ правительственныхъ агентовъ, а потому нѣтъ свѣдѣній о стоимости вывезенныхъ продуктовъ.

Мѣстная торговля находится въ рукахъ 70 фирмъ, которыя ведутъ дѣла не только въ самомъ Владивостокѣ, но и съ окрестною страною.

Городъ въ 1879 году насчитывалъ 169 лавокъ и магазиновъ и 5 оптовыхъ складовъ; трактировъ, погребовъ и другихъ подобныхъ учрежденій считалось 49. Мелочной торгъ продуктами продовольствія и разными товарами для потребленія солдатъ и народа сосредоточивается на базарѣ, гдѣ китайцы почти совсѣмъ устранили русскихъ торговцевъ.

Въ будущемъ торговое значеніе Владивостока должно сильно возрости подъ вліяніемъ русскаго и корейскаго населенія въ Уссурійскомъ краѣ, особенно же если откроется заповѣдная Манджурія для европейской торговли, что должно рано и поздно случиться.

Заканчивая очеркъ о физическихъ условіяхъ Японскаго моря и экономическаго положенія его побережья, мы не можемъ умолчать о Японіи, хотя она и не имѣетъ непосредственнаго вліянія на наше положеніе въ разсматриваемомъ краѣ. Весьма поучительная исторія нашихъ сношеній съ этою страною, которая въ послѣдніе 30 лѣтъ вышла изъ своего изолированнаго положенія и, благодаря быстрымъ успѣхамъ внутренняго развитія, достигла уже первенствующей роли въ ряду азіатскихъ государствъ.

Японскіе купцы съ незначительныхъ временъ вели торговыя сношенія съ сѣвернымъ побережьемъ океана; ихъ джонки достигали даже до Камчатки, какъ свидѣтельствуетъ покоритель этой стороны, казачій голова Атласовъ. Онъ доносилъ въ Москву въ 1700 г.: «Изъ тѣхъ острововъ (къ югу отъ мыса Лопатки) къ нимъ (туземцамъ) приходитъ цѣнная посуда и платье, да полосатая и пестрая китайка. Съ этими товарами «приходятъ по всѣ годы буссы» (Японскія джонки).

Эти утлыя, не приспособленныя къ дальнимъ плаваніямъ суда, нерѣдко разбивались у туманныхъ береговъ, и экипажъ, спасаясь на землю, не избѣгалъ горькой доли рабовъ у туземцевъ. Такихъ полоняниновъ Атласовъ встрѣчалъ у камчадаловъ и описываетъ ихъ такъ, что нельзя не узнать портрета японца: «а полонянинъ, котораго на буссѣ принесло, какимъ языкомъ (говоритъ) не вѣдаемъ, а подобіемъ,—какъ гречанинъ: сухощавъ, усъ не великъ, волосъ черенъ».

Разспросы японцевъ, выброшенныхъ на берегъ Камчатки въ 1708 и 1710 годахъ, дали русскимъ первыя положительныя свѣдѣнія, что за Курильскою грядою начинается Японское государство, расположенное на островахъ. Расходы о богатствѣ страны драгоцѣнными металлами и шелкомъ побудили казаковъ Анциферова и Козыревскаго попытаться завоевать невѣдомое царство, но они не могли достигнуть острова Іессо на своихъ утлыхъ ладьяхъ и возвратились.

Донесенія Атласова и его преемниковъ и разспросы японцевъ, присланныхъ въ Петербургъ, обратили на себя особенное вниманіе императора Петра Великаго. Онъ рѣшилъ изслѣдовать страну, обѣщающую развитіе морской русской торговли на Восточномъ океанѣ. Но посланныя имъ развѣдочныя экспедиціи Козыревскаго въ 1713 г. и геодезистовъ Ивана Евреинова и Федора Лужина въ 1719 году не достигли Матсмая и ограничивались описью Курильскихъ острововъ.

Первые русскіе моряки, ступившіе на японскую почву, были сподвижники Беринга во второй экспедиціи: Шпанбергъ и Вальтонъ. Командуя двумя дубельшлюпами, эти капитаны производили опись Курильскихъ острововъ и, спустившись на югъ въ 1739 году, проплыли вдоль береговъ Японіи до 33° 28′ с. ш. и входили въ сношеніе съ жителями въ нѣсколькихъ пунктахъ. Не имѣя полномочій на дипломатическіе переговоры, моряки ограничились частными разспросами и потому привезенныя ими свѣдѣнія весьма недостаточны и отрывочны, но за то было сдѣлано важное географическое пріобрѣтеніе,—опредѣлено положеніе Японіи.

Съ этого времени сибирскіе купцы дѣлали много попытокъ начать правильный торгъ съ сосѣднею державою, но они всѣ оставались безъ результатовъ до 1778 года, когда приказчику Шебалину удалось встрѣтиться съ японскимъ купцомъ на островѣ, который въ документахъ названъ Аткисомъ. Не имѣя товаровъ для обмѣна, коммерсанты условились встрѣтиться на томъ же мѣстѣ 20 іюня 1779 года. Къ условленному сроку Шебалинъ привезъ японскимъ

чиновникамъ на мѣсто свиданія письма и подарки командира Охотскаго порта и товары для торга. Онъ до 5 сентября прождалъ японское судно, но прибытіе его принесло полное разочарованіе. Японскія власти категорически отказали принимать русскихъ и вести съ ними торгъ на сѣверныхъ островахъ, но за то приглашали въ портъ Нагасаки, открытый для иностранцевъ.

Вскорѣ представлялся новый предлогъ для возобновленія переговоровъ. Въ 1786 г., съ разбившейся на Курильскихъ островахъ джонки, были сняты 6 японцевъ и привезены въ Иркутскъ къ профессору Лаксману для изученія ихъ языка. По возвращеніи въ С.-Петербургъ ученый привезъ съ собою начальника японцевъ Кодая и просилъ императрицу Екатерину снарядить въ Японію научную экспедицію подъ предлогомъ возвращенія на родину чужеземныхъ моряковъ. Предложеніе удостоилось утвержденія и 13 сентября 1791 г. послѣдовалъ Высочайшій указъ, которымъ назначался начальникомъ экспедиціи сынъ профессора Лаксмана Адамъ, бывшій въ то время поручикомъ и городничимъ въ г. Гижигинскѣ, и разрѣшено частнымъ лицамъ везти товары для начала торговли съ Японіею. Ровно черезъ годъ послѣ указа, члены экспедиціи съ купцами Шелиховымъ и Голиковымъ вышли на бригантинѣ «Екатерина» изъ Охотска. Въ ту же осень судно достигло гавани Немуро, на сѣверномъ берегу острова Матсмая, гдѣ и зазимовало. Лаксманъ послалъ свои депеши къ ближайшему губернатору и добился торжественной аудіенціи въ городѣ Матсмаѣ, въ іюнѣ 1793 г. Переговоры не достигли желанной цѣли. Лаксману было объявлено, что привезенные японцы не могутъ быть приняты ихъ отечествомъ. Что же касается заключенія торговаго трактата, то русское правительство приглашается послать своего полномочнаго въ г. Нагасаки. Для этой цѣли былъ выданъ Лаксману открытый листъ, удостовѣряющій право войти русскому судну въ названную гавань.

Этимъ документомъ русское правительство воспользовалось въ 1803 году, отправивъ въ Японію камергера Рязанова на судахъ кругосвѣтной экспедиціи Крузенштерна. Въ августѣ 1804 года посолъ прибылъ въ Нагасаки и началъ переговоры; но, не смотря на 6 мѣсячныя усилія, потерпѣлъ полную неудачу. Тайкунъ не принялъ русской грамоты и подарковъ и наотрѣзъ отказалъ въ заключеніи торговаго договора и даже воспретилъ русскимъ судамъ входить въ Японское море.

Рязановъ, считая такой отказъ оскорбленіемъ чести русскаго правительства, отправилъ въ 1806 году военную экспедицію къ берегамъ Сахалина съ цѣлью присоединенія его къ Россіи.

Хвостовъ и Давыдовъ, командиры фрегата «Юноны» и тендера «Авось», сожгли всѣ японскія поселенія на Сахалинѣ, обласкали айновъ и выдали старшинѣ 12 октября 1806 г. прокламацію о присоединеніи этого народа къ Россіи. Сдѣлавъ нападеніе на берегъ Матсмая и захвативъ нѣсколько джонокъ, экспедиція удалилась въ Камчатку.

Эти непріязненныя дѣйствія отразились репресаліями со стороны японцевъ. 11 іюля 1811 года командиръ шлюпа «Діана», лейтенантъ Головнинъ, во время описи Курильской гряды, вышелъ на берегъ на островѣ Кунаширѣ, гдѣ находилась японская крѣпость. Приглашенный комендантомъ, Головнинъ съ 2 офицерами и 4 матросами вошелъ въ укрѣпленіе и здѣсь былъ вѣроломно взятъ въ плѣнъ и отправленъ въ г. Матсмай. Два года настояній со стороны командовавшаго «Діаной» лейтенанта Рикорда и энергическое заступничество русскаго правительства привели, наконецъ, къ благополучному результату, и Головнинъ былъ освобожденъ изъ плѣна 7 октября 1813 г.

Эти неудачи убѣдили русское правительство въ недоступности Японіи и потому на долго были прекращены попытки къ сближенію. Но необходимость дипломатическихъ и торговыхъ сношеній вновь выступила съ неотразимою силою въ 1850 г., когда былъ рѣшенъ вопросъ о присоединеніи къ Россіи Амурскаго края и мы сдѣлались ближайшими сосѣдями Японіи, особенно на о. Сахалинѣ, въ южной части котораго находились японскія колоніи. На этотъ

разъ русскій уполномоченный, вице-адмиралъ Путятинъ, явился 9 августа 1853 г. на Нагасакскомъ рейдѣ, во главѣ военной эскадры. Начатые переговоры были прерваны восточною войною, которая вызвала участіе посольской эскадры въ военныхъ дѣйствіяхъ противъ англо-французскаго флота въ Восточномъ океанѣ но, по заключеніи мира, Путятинъ вновь началъ прерванное дѣло. Японцы находились тогда подъ давленіемъ Америки, Англіи и Франціи, настоятельно требовавшихъ открытія гаваней для иностранцевъ и убѣдились въ невозможности противиться неизбѣжности. Эти причины и повели къ заключенію договора 14 января 1855 года. Трактатомъ установлена граница имперій на Курильской грядѣ; островъ Сахалинъ былъ оставленъ пока не разграниченнымъ; открыты для торговли порты: Нагасаки, Симода и Хакодате. Русское правительство получило право назначить въ Японію одного русскаго консула; кромѣ того, за русскими обезпечены всѣ преимущества, какія Японія предоставитъ иностранцамъ теперь или въ будущемъ.

Этотъ договоръ установилъ правильныя сношенія между сосѣдними державами, но онъ требовалъ дополненія, а именно—постановленія о правѣ пребыванія представителя одной дружественной державы въ столицѣ другой. Этотъ пробѣлъ былъ дополненъ договоромъ 7 августа 1858 г., заключеннымъ тѣмъ же адмираломъ Путятинымъ, получившимъ за первый трактатъ съ Японіею титулъ графа. По этому договору были также открыты двѣ новыя гавани Канагава и Хіого. Во всѣхъ доступныхъ для иностранцевъ портахъ русское правительство получило право учредить консульство, а частнымъ лицамъ разрѣшено строить дома и свободно проживать, слѣдуя своимъ закономъ, обычаямъ и вѣроисповѣданію. Торговля объявлена свободною, но купцы обязаны руководствоваться правилами, установляемыми договаривающимися правительствами и уплачивать установленныя пошлины. Споры между русскими и японцами рѣшаются русскимъ консуломъ, совмѣстно съ японскими властями; съ виновныхъ взыскивается по законамъ національности, къ которой принадлежитъ отвѣтчикъ.

Тѣмъ не менѣе все-таки оставался слабый пунктъ, а именно—не разграниченіе Сахалина, что вело къ постояннымъ недоразумѣніямъ. Наше правительство предложило за уступку Россіи всего острова вознаградить Японію передачей ей Курильскихъ острововъ, но японцы не желали рѣшиться на такой обмѣнъ по важности рыбнаго промысла на югѣ Сахалина, который снабжаетъ Японію жиромъ для освѣщенія и удобреніемъ для полей. Между тѣмъ разрѣшеніе разногласія дѣлалось съ каждымъ днемъ настоятельнѣе, пограничныя недоразумѣнія росли по мѣрѣ распространенія на островѣ русскаго вліянія. Это привело, наконецъ, къ заключенію въ С.-Петербургѣ конвенціи 18 марта 1867 года, которая утвердила компромисъ едва-ли не единственный въ исторіи международнаго права. Островъ Сахалинъ былъ объявленъ въ общемъ владѣніи Россіи и Японіи впредь до рѣшенія вопроса о предложенномъ Россіею территоріальномъ обмѣнѣ. Подданные обѣихъ странъ получили одинаковыя права на землю, промыслы и торговлю, управлялись и судились каждый по законамъ своей страны властями, по національности каждаго; если же споръ возникалъ между японцами и русскими, то разбирательство производилось совмѣстно властями двухъ имперій.

Такой не нормальный порядокъ не могъ быть очень продолжительнымъ, хотя японцы и упорствовали 8 лѣтъ. По трактату же, ратификованному 10 августа 1875 г. уступили всѣ свои права на о. Сахалинъ, взамѣнъ уступки имъ всѣхъ Курильскихъ острововъ, до мыса Лопатка. Этимъ трактатомъ окончательно устранены всѣ поводы къ спорамъ и со времени заключенія его ни чѣмъ не омрачилось доброе согласіе между Россіею и Японіею.

Исторія блистательно оправдала великое значеніе этихъ пріобрѣтеній и договоровъ, къ которымъ Россія стремилась такъ давно и упорно.

Со времени, напримѣръ, указаннаго трактата, Японія успѣла вырости уже въ великую державу. Но именно потому, что Россія руководствовалась на дальнемъ Востокѣ не захватами, а именно—только округленіемъ и оформленіемъ естественныхъ границъ своихъ владѣній,—

отношенія между Россіею и Японіею, какъ ближайшими сосѣдями, оставались полными согласія и взаимнаго уваженія интересовъ другъ друга. Въ этомъ случаѣ, — повторяемъ, — мы имѣемъ одинъ изъ поучительнѣйшихъ примѣровъ громаднаго политическаго вліянія «естественныхъ границъ».

Несомнѣнно, что, послѣ окончательнаго оформленія своихъ отношеній къ Сахалину, Россія вполнѣ закончила циклъ пріобрѣтеній на Востокѣ, такъ что ей остается только охранять имѣемое, но не пріобрѣтать вновь.

Ѳ. Буссе.

ОЧЕРКЪ XI.

ПРОМЫСЛЫ У РУССКИХЪ БЕРЕГОВЪ ЯПОНСКАГО МОРЯ.

Добыванiе морской капусты, трепанговъ и краббовъ.

Коварно море... Въ тихiй часъ
Оно обманываетъ глазъ
Невозмутимостью зеркальной
И, какъ ребенокъ въ пеленахъ,
Лежитъ въ широкихъ берегахъ
Во всей красѣ первоначальной.
. . . .
. . . .
Но горе вамъ, его владыки!
Быть можетъ, мига не пройдетъ,
Какъ вамъ послѣднiй часъ пробьетъ,
Когда съ стремительностью дикой
Внезапно налетѣвшiй шквалъ
Гиганта спящаго разбудитъ —
И посѣдѣвшiй въ буряхъ валъ,
Разбивъ васъ въ дребезги у скалъ,
Ревѣть надъ вашимъ ухомъ будетъ!

Омулевскiй.

Какъ было уже разъяснено выше, изъ естественныхъ богатствъ Японскаго моря, составляющихъ особый видъ промысла, заслуживаетъ большого вниманiя добыча морской капусты, трепанговъ и краббовъ.

Ранней весной все прибрежье Японскаго моря, начиная отъ залива св. Ольги до самаго крайняго пункта нашей морской границы, покрывается безчисленнымъ множествомъ небольшихъ лодочекъ, держащихся преимущественно въ береговыхъ заливчикахъ, закрытыхъ со всѣхъ сторонъ скалами. Въ каждой лодкѣ сидятъ два, три, много четыре китайца съ вилами въ рукахъ, осматриваютъ дно и затѣмъ вытаскиваютъ вилами какую-то траву. Это—морская капуста («хайдай» китайцевъ, «See weed» англичанъ), составляющая любимую приправу въ пищѣ китайцевъ и добываемая въ различныхъ заливахъ и бухтахъ вдоль всего нашего побережья Японскаго моря и Татарскаго залива.

Морская капуста—это водоросль «Laminaria sacharinum», съ темно-зелеными или зеленовато-бурыми, плоскими и мясистыми листьями, съ зубчатыми краями. Гигантскiе листья ея, достигающiе длины 45 футовъ, при ширинѣ 7 вершк., сходятся основанiями, при чемъ корешки растенiя, въ видѣ тонкихъ нитей, обхватываютъ камни или стелются по каменистому дну моря, предпочитая особенно каменные рифы. Листъ достигаетъ полнаго развитiя на второй годъ и затѣмъ увядаетъ, новые же листья выростаютъ изъ середины куста и, поднимаясь къ поверхности моря, разстилаются симметрично во всѣ стороны. Для полнаго развитiя необхо-

дима глубина, по крайней мѣрѣ, въ два фута; наибольшая глубина, при которой развивается растеніе, неизвѣстна. Въ настоящее время добываютъ иногда капусту на глубинѣ 28 футовъ, и здѣсь она растетъ еще весьма густо.

Для промысла капусты нужны только лодка и вилы. Лодки — плоскодонныя, длиною до трехъ саженъ, имѣютъ узкую корму и острый носъ. Ширина ихъ въ срединѣ до $2^1/_2$ арш., а высота по боргу въ 1 арш. Такія лодки поднимаютъ грузъ до ста пудовъ. Вилы устраиваются слѣдующимъ образомъ: на нижнемъ концѣ шеста, длиною въ 10 футовъ, вырѣзаны четыре жолоба, въ которые вкладываются четыре круглыхъ палочки, на половину выдающихся впереди шеста и образующихъ такимъ образомъ родъ вилъ. На верхнемъ концѣ шеста укрѣплена рукоятка. Если длина шеста недостаточна, чтобы захватить растеніе у основанія листа, что желательно для сохраненія его въ цѣлости, то къ нему привязываютъ новое колѣно, но такъ, чтобы общая длина не превышала 28 футовъ, такъ какъ болѣе длиннымъ весьма трудно дѣйствовать. Опустивъ вилы и захвативъ палочками нижнюю часть листьевъ, рабочій рукояткою поворачиваетъ шестъ, наматывая растеніе и вытягивая его на лодку. Вилка на болѣе мелкихъ мѣстахъ замѣняется искривленнымъ ножомъ, которымъ обрѣзывается растеніе подъ корень и листья вынимаютъ руками. Нагрузивъ лодку листьями, рабочіе возвращаются на берегъ и, разгрузивши, опять уходятъ на промыселъ.

Морская капуста.

Полное развитіе листа наступаетъ на второй годъ, по истеченіи котораго листъ увядаетъ, обрывается и выбрасывается волнами на берегъ или опускается на дно. На мѣстѣ, съ котораго снята капуста, черезъ годъ выростаютъ молодыя растенія, достигающія полнаго развитія въ іюнѣ, поздней осенью листья становятся уже негодными для промысла. Поэтому добыча капусты въ одномъ и томъ же мѣстѣ должна повторяться не раньше двухъ лѣтъ и такой правильный промыселъ даже устраняетъ препятствія для роста капусты, такъ какъ при обильномъ урожаѣ, отжившіе листья ложатся на дно толстымъ слоемъ, препятствуя въ слѣдующемъ году развитію молодыхъ порослей. Если ловъ капусты правиленъ, то урожаи всегда одинаковы, хотя, вслѣдствіе какихъ-то условій, иногда капуста родится въ одно лѣто хуже, чѣмъ въ другое.

На берегу листья раскладываются для просушки на камняхъ или дресвѣ въ возможно правильные ряды. Для просушки достаточно трехъ солнечныхъ дней; роса, сильные туманы и дождь вредно дѣйствуютъ на капусту, способствуя быстрому гніенію ея. Мѣсто для сушки необходимо приготовить, такъ какъ, если положить листья прямо на траву, то они загниваютъ въ мѣстахъ соприкосновенія съ травой скорѣе, чѣмъ высушатся; если разложить листья на пескѣ, то песчинки пристанутъ къ нимъ, а это понижаетъ цѣну товара. Для сушки

Дно морское и его обитатели.

выбираютъ поэтому мѣста каменистыя или покрытыя галькой и удаляютъ съ корнями всю траву, растущую между камней. Просушка, вообще, не бываетъ полною, такъ что при храненіи товаръ усыхаетъ впослѣдствіи на 20% въ годъ. Искусственная просушка въ печахъ и другихъ приспособленіяхъ не окупается при существующей цѣнѣ товара.

Для устраненія вреднаго дѣйствія сырости всякій вечеръ передъ появленіемъ росы не просушившіеся листья складываются въ кучи, которыя прикрываются циновками; но если погода ненастная, то собранные листья складываются на мелкомъ мѣстѣ въ водѣ, гдѣ они остаются нѣсколько дней въ ожиданіи хорошей погоды. Китайцы наиболѣе цѣнятъ товаръ, если листья имѣютъ одинаковую толщину, какъ въ срединѣ, такъ и по краямъ, возможно большую длину и высушены такъ, что сохраняютъ зеленый цвѣтъ. Въ этомъ зеленомъ сортѣ лопасть листа, плоская и гладкая, въ свѣжемъ видѣ, при значительной мясистости, легко лопается, но высушенная пріобрѣтаетъ гибкость и свертывается въ связки. Менѣе цѣнятся листья, у которыхъ края тоньше средины, такъ что лопасть листа не плоская, а по краямъ толще и менѣе мясиста, принимаетъ по окружности волнообразную форму. Качество листа понижается, если онъ имѣетъ красноватый оттѣнокъ и, наконецъ, когда, вслѣдствіе неудовлетворительной сушки, поверхность листа покрыта присохшими песчинками или онъ принялъ желтоватый цвѣтъ.

На днѣ морскомъ.

Высохшая капуста складывается въ сараи и, когда, вслѣдствіе непогоды, промыселъ прекращается, рабочіе сортируютъ въ сараяхъ листья, связываютъ ихъ въ связки, вѣсомъ въ 1/2 никля (1 пудъ 33 фунта). Листья перваго сорта рѣжутся на части, длиной до 1/2 арш. и связываются въ пачки. Листья втораго сорта сгибаются и свертываются такъ, что образуются связки такой же величины, какъ и перваго сорта. Пачки сжимаются, туго перевязываются тѣми же капустными листьями и въ такомъ видѣ поступаютъ въ продажу. Рынкомъ капусты является Китай, куда она привозится изъ Японіи и съ русскихъ побережій. Манджуры съ незапамятныхъ временъ промышляли капусту вдоль берега материка, отъ границы Кореи до залива св. Ольги и доставляли на промысловыхъ шлюпкахъ въ пристань Ханси. Въ Китаѣ морская капуста, благодаря богатству морскихъ солей, служитъ любимой приправой въ пищѣ всѣхъ классовъ населенія. Капуста крошится длинными тонкими нитями и варится съ рыбою или мясомъ, преимущественно же со свининою; иногда она обливается соею, поджаривается на угольяхъ и подается, какъ весьма любимая закуска. Капуста потребляется и менѣе достаточными китайцами, какъ скоро средства ихъ дозволяютъ расходъ на нѣкоторыя излишества.

Спросъ на капусту растетъ въ Китаѣ въ урожайные годы, когда дешевизна главныхъ продуктовъ даетъ возможность и менѣе зажиточному классу затратить сбереженія на улу' шеніе пищи.

Промысломъ морской капусты на Сахалинѣ занимается одинъ только русскій промышленникъ; что же касается добычи капусты у береговъ материка, то промыселъ этотъ, къ сожалѣнію, здѣсь находится въ рукахъ китайскихъ купцовъ города Хунчуна, которые ежегодно высылаютъ до 1,000 человѣкъ рабочихъ на русское побережье, отъ корейской границы до залива св. Владиміра. Отправка рабочихъ происходитъ на промысловыхъ лодкахъ, которыя зимуютъ на берегу бухты Экспедиціи, въ китайской деревнѣ Ханси. Большая часть судовъ—лодки, выдолбленныя изъ тополя, иногда—изъ липы и поднимающія до 200 пудовъ; въ рѣдкихъ случаяхъ отправляютъ шаланды, вмѣстимостью 200—350 пудовъ. Большинство промышленниковъ—манджуры-солдаты, изстари занимающіеся морскими промыслами и потому самые способные. Промыселъ на нашемъ берегу не упорядоченъ: каждый ловитъ тамъ, гдѣ находитъ это выгоднымъ, почему здѣсь не существуетъ правильнаго распредѣленія лова по періодамъ выростанія капусты. Такъ какъ въ западной полосѣ растетъ морская капуста болѣе низкаго качества, то выгода заключается въ дешевизнѣ продукта, причемъ не брезгаютъ не только отжившими листьями, но даже опустившимися на дно и уже разлагающимися. Дешевизнѣ много способствуетъ также и то, что, разсчетъ съ рабочими производится большею частью товарами, частью пищею и одеждою во время промысла, частью кредитомъ на эти предметы во время зимы въ лавкахъ Хунчуна. При разсчетѣ, каждой артели засчитывается приготовленное количество капусты по цѣнѣ, какая установится на рынкѣ, когда опредѣлится спросъ въ Китаѣ. Такое условіе, конечно, возможно заключить только съ людьми, находящимися въ большой зависимости отъ предпринимателя и, дѣйствительно, многолѣтній кредитъ давно поставилъ китайскихъ рабочихъ въ полную зависимость отъ хунчунскихъ купцовъ. Условіе вывоза на берегъ материка находится въ весьма выгодныхъ для предпринимателей условіяхъ. Приготовленная капуста отправляется съ мѣста промысла на шаландахъ въ удобныя гавани, преимущественно въ заливъ св. Ольги и Владивостокъ, гдѣ товаръ грузится на европейскія суда для доставки въ Китай. Удобства бухтъ даютъ возможность фрахтовать болѣе дешевыя парусныя суда или пароходы, доставлявшіе товары во Владивостокъ и не имѣющіе обратныхъ грузовъ, т.-е., когда фрахтъ сравнительно весьма умѣренный. Наконецъ, часть капусты на шаландахъ отправляется съ промысла въ Ханси, а оттуда гужомъ въ Хунчунъ и далѣе на рынки Манджуріи.

Морскіе раки.

Кромѣ того, весьма возможны случаи отправки изъ бухтъ Преображенія, Находки, Евстафія и другихъ прямо въ Китай. «Мѣсто главнаго склада,—пишетъ изслѣдователь Южно-Уссурійскаго края Степановъ,—зависитъ отъ урожая въ той или другой части берега и, сообразно съ этимъ, каждый годъ мѣняется. Для примѣра можно привести, что въ 1878 г. изъ гавани св. Ольги вывезено до 100,000 пудовъ, почти вдвое болѣе, чѣмъ во Владивостокъ, а въ 1871 г. изъ 470,000 п., вывезенныхъ изъ Южно-Уссурійскаго края, львиная доля приходилась на бухту Преображенія, откуда отправлено 17 судовыхъ грузовъ».

Въ среднемъ принимаютъ количество вывозимой отъ русскихъ побережій капусты ежегодно въ 500,000 пуд. При цѣнѣ только по 1 руб. за пудъ, промыселъ капусты является уже весьма выгоднымъ. Но есть ли намъ какая польза отъ этого, не-

Морская комета (изъ породы трепанговъ).

Моллюски и другія морскія животныя.

Опредѣлить точно количество капусты, вывозимое изъ нашихъ владѣній, трудно, потому что товары, нагружаемые въ заливѣ св. Ольги и во Владивостокѣ, уплачиваютъ сборъ за взвѣшиваніе на городскихъ вѣсахъ по 1 коп. съ пуда и потому подлежатъ учету, но морская капуста, вывозимая въ Хунчунъ, не подлежитъ контролю.

сомнѣнно выгоднаго промысла или, точнѣе—не приноситъ ли онъ намъ даже вреда? На это правительствомъ уже обращено вниманіе. Промыселъ этотъ, пока-что, у насъ совершенно свободенъ,—производить его можетъ всякій, кому угодно, будетъ ли онъ русскій подданный или иностранецъ; такъ какъ купцы, везущіе этотъ товаръ въ Китай, даютъ за пудъ только по рублю, то естественно, что онъ выгоденъ, и вся затрата на него ограничивается расходомъ на лодки и весла. Но даже и эти матеріалы не покупные: пришлые издалека китайцы тутъ же на мѣстѣ рубятъ нашъ лѣсъ и дѣлаютъ лодки, которыя, числомъ до тысячи и даже болѣе, остаются зимовать въ нашей гавани подъ надзоромъ нѣсколькихъ китайцевъ. Ловля оканчивается въ сентябрѣ, и китайцы или отправляются во свояси или остаются жить въ краѣ до будущей весны съ тѣмъ, чтобы въ апрѣлѣ снова приняться за ту же работу. Это весьма выгодное дѣло, не обложенное никакими пошлинами, не требующее большихъ затратъ и издержекъ, развивается все болѣе и болѣе, потому что при дешевизнѣ морская капуста, добываемая въ нашихъ предѣлахъ, теперь уже соперничаетъ на китайскихъ рынкахъ съ японскою капустою. Извѣстно, что въ новгородской гавани, лежащей въ южной оконечности нашей границы, зимуютъ на мысѣ Чуруxада не менѣе 1,000 лодокъ; въ каждой лодкѣ при ловлѣ помѣщаются отъ 3 до 4 китайцевъ, слѣдовательно, число занимающихся промысломъ достигаетъ 3,000 чел. По свѣдѣніямъ китайскихъ купцовъ, въ 1869 г., изъ трехъ гаваней: новгородской, владивостокской и ольгинской китайцами вывезено морской капусты 360,000 пудовъ; т.-е., по меньшей мѣрѣ на 360,000 руб.

Краббы.

Что касается трепанговъ, то они составляютъ лакомое и весьма распространенное блюдо у богатыхъ китайцевъ. Трепангъ, по китайски хайшимъ,—голотурія. Промыселъ трепанговъ, въ виду высокихъ цѣнъ на нихъ въ Китаѣ, ведется въ громадныхъ размѣрахъ. Многіе острова въ Тихомъ океанѣ осаждаются не только малайскими и китайскими, но также европейскими и американскими судами, занятыми ловлею трепанговъ.

Вдоль нашихъ береговъ, съ сѣвера залива св. Ольги и Владивостока внизъ до рѣчки Тюмень-Ула, ежегодно болѣе тысячи шлюпокъ заняты промысломъ трепанговъ. Главная ловля у нашихъ береговъ производится раннею весною и въ концѣ навигаціи, хотя не мало трепанговъ ловятъ и лѣтомъ. Однако, лѣтомъ трепанги держатся на болѣе глубокихъ мѣстахъ, весною же и въ концѣ навигаціи они подходятъ ближе къ берегамъ. Ловля производится двоякимъ способомъ. Когда нѣтъ вѣтра и вода прозрачна, употребляются длинныя жерди въ четыре сажени, на одномъ концѣ которыхъ прикрѣплены вилы съ четырьмя иглами, длиною около шести дюймовъ. Одинъ работникъ въ теченіе дня можетъ поймать до 300 трепанговъ. Кромѣ того, ловятъ бреднемъ, имѣющимъ форму мѣшка, натянутаго на желѣзную или деревянную раму. Этотъ бредень, опущенный на дно моря, тащатъ помощью шлюпокъ, при чемъ на каждой шлюпкѣ находится по два человѣка.

После дневной ловли, китайцы приготовляютъ трепанговъ для продажи. Наполнивъ ими котелъ, варятъ и, отобравъ маленькихъ и плохихъ для себя, болѣе крупныхъ нанизываютъ на длинные прутья и сушатъ, расправляя ихъ лучинками. Въ такомъ видѣ трепанги посту-

паютъ на рынокъ, при чемъ послѣ указаннаго приготовленія они получаютъ совершенно черный цвѣтъ. На фунтъ, среднимъ числомъ, идетъ 20 штукъ.

Чтобы судить о дѣйствительныхъ размѣрахъ этого промысла, необходимо принять во вниманіе, что вдоль берега съ сѣвера залива св. Ольги и Владивостока внизъ до рѣчки Тюмень-Ула занимаются ежегодно промысломъ трепанговъ болѣе 1,000 шлюпокъ. Если допустить, что каждая шлюпка выловитъ въ теченіе года не болѣе пяти пудовъ, то получится весьма значительная цифра цѣннаго для китайцевъ товара, добываемаго у русскихъ береговъ. Фунтъ трепанговъ стоитъ на мѣстѣ 50—60 коп.; такимъ образомъ оказывается, что китайскіе промышленники совершенно безвозмездно увозятъ ежегодно на родину нашихъ трепанговъ на сумму до 100,000 руб. Въ дѣйствительности эта сумма гораздо значительнѣе.

Краббы ловятся въ большомъ количествѣ весною въ гавани св. Ольги и Владивостокѣ и до рѣки Тюмень-Ула. Попадаются краббы вѣсомъ до 20—30 фунтовъ. Ловъ происходитъ преимущественно весною. Въ это время краббы направляются по дну моря ближе къ берегу для метанія икры. Лѣтъ 16—15 тому назадъ большихъ краббовъ можно было видѣть во многихъ мѣстахъ у самаго берега, но теперь они попадаются весьма рѣдко, такъ какъ всегда часть ихъ вылавливается раннею весной. Ловлей занимаются преимущественно корейцы. Добыча производится съ помощью неводовъ, которые снабжены большими петлями и имѣютъ въ ширину 2—3 фута, а длиною часто бываютъ почти на версту. Невода эти опускаютъ на дно моря, иногда въ разстояніи одной, двухъ миль отъ берега, на глубинѣ 10—30 саженъ. Краббы вылавливаются тысячами, послѣ улова тотчасъ же варятся и высушиваются. Мясо краббовъ похоже на мясо рѣчного рака, но уступаетъ ему въ нѣжности. Одинъ работникъ въ теченіе дня налавливаетъ 200 штукъ краббовъ, что составляетъ два пуда сушеныхъ. Въ продажѣ пудъ стоитъ 5 рублей. Жители одной корейской деревушки перешейка, вблизи Посьета, въ теченіе лѣта налавливаютъ краббовъ 500 пудовъ и трепанговъ 1,000 фунтовъ. Краббы въ значительномъ количествѣ отправляются въ Китай.

ОЧЕРКЪ XII.

СПЛОШНОЙ СИБИРСКІЙ РЕЛЬСОВЫЙ ПУТЬ.

Дальнѣйшія предложенія относительно сооруженія сибирской желѣзной дороги.—Закладка дороги во Владивостокѣ.—Стоимость и значеніе этого сооруженія

Пройдутъ года и ты, страна родная,
Во всей красѣ могучей расцвѣтешь!
Минуетъ ночь—и, свѣтъ зари встрѣчая,
Отгонишь ты видѣній сонныхъ ложь...
Благословенъ для дремлющаго края
Подобный мигъ, какъ страсти первой дрожь!

ОМУЛЕВСКІЙ

Едва-ли не самому графу Муравьеву-Амурскому принадлежитъ первая мысль о великомъ сибирскомъ рельсовомъ пути. Съ занятіемъ устьевъ Амура въ 1850 году и въ особенности послѣ удачныхъ экспедицій самого гр. Муравьева внизъ по Амуру, стали выясняться неудобства Амурскаго лимана для входа въ рѣку, и потому тогда же возникла мысль воспользоваться прекраснымъ заливомъ Де-Кастри въ Татарскомъ проливѣ и соединить его съ Софійскомъ на Амурѣ колесною дорогою съ тѣмъ, чтобы впослѣдствіи обратить ее въ желѣзную. Изысканіе въ этой мѣстности и проектъ такой дороги были исполнены въ 1857 году полковникомъ Романовымъ, но самой дорогѣ не суждено было осуществиться за недостаткомъ средствъ. Одновременно съ этимъ, въ 1857 году, являлся и проектъ англійскаго инженера Дулл. Послѣдній задумалъ провести конно-желѣзную дорогу отъ Нижняго-Новгорода черезъ Казань и Пермь до одного изъ сибирскихъ портовъ Тихаго океана. Предложеніе это не было подкрѣплено никакими разсчетами.

Въ прекрасномъ трудѣ департамента торговли и мануфактуръ министерства финансовъ, подъ заглавіемъ «Сибирь и великая сибирская желѣзная дорога», подробно изложено все теченіе вопроса о сооруженіи названной дороги. Мы не вдаемся въ подробности этого дѣла, такъ какъ въ настоящее время оно можетъ представлять лишь историческій интересъ. 21 февраля 1891 г. вопросъ о сооруженіи великаго сибирскаго желѣзнодорожнаго пути былъ разрѣшенъ въ томъ смыслѣ, чтобы приступить въ томъ-же году къ сооруженію непосредственнымъ распоряженіемъ казны желѣзной дороги отъ ст. Міассъ, строющейся златоустовско-міасской линіи до Челябинска и къ производству изысканій отъ Челябинска до Томска или иного пункта средне-сибирскаго участка. Наконецъ, съ Высочайшимъ рескриптомъ,

даннымъ 17 марта 1891 года на имя Его Императорскаго Высочества Государя Наслѣдника Цесаревича, нынѣ благополучно царствующаго Государя Императора, было выражено:

«Повелѣвъ нынѣ приступить къ постройкѣ сплошной черезъ всю Сибирь желѣзной дороги, имѣющей соединить, обильныя дарами природы, Сибирскія области съ сѣтью внутреннихъ рельсовыхъ сообщеній, Я поручаю Вамъ объявить таковую волю Мою, по вступленіи Вами вновь на русскую Землю, послѣ обозрѣнія иноземныхъ странъ Востока. Вмѣстѣ съ тѣмъ возлагаю на Васъ совершеніе во Владивостокѣ закладки, разрѣшеннаго къ сооруженію на счетъ казны и непосредственнымъ распоряженіемъ Правительства, Уссурійскаго участка Великаго Сибирскаго рельсоваго пути.

«Знаменальное участіе Ваше въ начинаніи предпринимаемаго Мною сего, истинно народнаго дѣла, да послужитъ новымъ свидѣтельствомъ душевнаго Моего стремленія облегчить сношенія Сибири съ прочими частями Имперіи и тѣмъ явить сему краю, близкому Моему сердцу, живѣйшее Мое попеченіе о мирномъ его преуспѣяніи».

Этимъ окончательно и безповоротно рѣшенъ вопросъ о проведеніи великаго сибирскаго желѣзнодорожнаго пути, слишкомъ треть столѣтія занимавшій собою вниманіе правительства и общества.

Опредѣленно выраженная въ этомъ рескриптѣ Высочайшая воля положила предѣлъ многолѣтнимъ колебаніямъ и сомнѣніямъ относительно выполненія упомянутаго громаднаго сооруженія, и правительство приняло всѣ мѣры къ возможно успѣшному осуществленію этого благого начинанія, имѣющаго полное право занять одно изъ первыхъ мѣстъ въ ряду самыхъ крупныхъ и самыхъ важныхъ предпріятій истекающаго столѣтія не только въ нашемъ отечествѣ, но и въ цѣломъ мірѣ.

Приведенный рескриптъ былъ обнародованъ Великимъ Княземъ Наслѣдникомъ Цесаревичемъ, нынѣшнимъ Государемъ Императоромъ, 12 мая 1891 года во Владивостокѣ, и тогда-же Его Высочествомъ былъ положенъ первый камень этого великаго сооруженія. Въ томъ же году начались усиленныя изысканія съ запада и съ востока, и вскорѣ явилась возможность установить слѣдуюшій порядокъ сооруженія великаго сибирскаго желѣзнодорожнаго пути. Осуществленіе предпріятія было распредѣлено на три очереди, при чемъ къ первой была отнесена постройка западно-сибирскаго участка отъ Челябинска до р. Оби, протяженіемъ въ 1328 верстъ и средне-сибирскаго участка отъ р. Оби до г. Иркутска, протяженіемъ въ 1754 версты, а также окончаніе находившагося въ постройкѣ участка Владивостокъ-Графская и постройки соединительной линіи между уральскою-горнозаводской и сибирскою желѣзными дорогами. Ко второй очереди отнесена постройка участковъ отъ Графской до Хабаровска въ 347 верстъ и отъ станціи Мысовской, начальнаго пункта линіи по ту сторону Байкала до Стрѣтенска, въ 1009 верстъ. Къ третьей очереди отнесена постройка Кругобайкальской линіи—292 версты и отъ Стрѣтенска до Хабаровска—около 2000 верстъ. Сооруженія первой очереди должны быть окончены не позже 1900 года. Порядокъ этотъ былъ Высочайше утвержденъ 10 декабря 1892 года.

Въ 1891 и 1892 годахъ приступлено къ постройкѣ двухъ крайнихъ участковъ: западно-сибирскаго и южно-уссурійскаго, а въ 1893 году начаты работы по сооруженію части средне-сибирскаго участка отъ рѣки Оби до города Красноярска, при чемъ постройку южно-уссурійскаго участка предположено было закончить въ 1894 году, а остальныхъ названныхъ участковъ—въ 1896 году. Затѣмъ въ 1895 году будутъ начаты работы по сооруженію Сѣверно-Уссурійскаго участка, а въ 1896 году—остальной части Средне-Сибирской желѣзной дороги отъ города Красноярска до города Иркутска и окончены въ 1898 году на первомъ и въ 1900 году на второмъ участкахъ; въ 1899 году предполагается приступить къ постройкѣ Забайкальскаго и Амурскаго, а въ 1900 году—Кругобайкальскаго участковъ, сооруженіе которыхъ предполагается закончить въ 1904 году. Такимъ образомъ, постройку непрерывной

Постройка сибирской желѣзной дороги.

желѣзнодорожной чрезъ всю Сибирь линіи, длиною вмѣстѣ съ вѣтвями въ 7,112 верстъ, предполагается исполнить въ теченіе 12 лѣтъ, считая съ 1893 года.

Сибирская желѣзная дорога, прорѣзывая на своемъ громадномъ протяженіи самыя разнообразныя въ топографическомъ отношеніи мѣстности, не можетъ быть подведена подъ одинъ общій техническій типъ и нуждается, въ видахъ уменьшенія строительной стоимости, въ извѣстныхъ облегченіяхъ техническихъ условій вообще и для горной мѣстности въ особенности, вслѣдствіе чего для разныхъ участковъ ея проектированы различныя техническія условія; но въ основаніе сихъ облегченій и упрощенія принято, однако, начало хорошей и прочной постройки съ тѣмъ, чтобы впослѣдствіи, по мѣрѣ надобности, достраивать и дополнять необходимое, но отнюдь не перестраивать дороги.

Предѣльные уклоны на равнинныхъ участкахъ допущены отъ $0{,}_{006}$ до $0{,}_{008}$ и предѣльные радіусы закругленій въ 250 саж., на горныхъ же участкахъ предѣльные уклоны приняты отъ $0{,}_{018}$ до $0{,}_{0174}$ и радіусы—въ 120 саж.

Земляное полотно предположено въ одинъ путь нормальною шириною въ насыпяхъ въ 2,35 саж., а въ выемкахъ—въ 2,20 саж. Нормальная пологость откосовъ насыпей и выемокъ, до извѣстной высоты ихъ, въ обыкновенныхъ грунтахъ назначена въ $1^1/_4$.

Для пропуска водъ подъ полотномъ дороги и для перехода рѣкъ будутъ устроены чугунныя и каменныя трубы и деревянные мосты; послѣдніе во всѣхъ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ этому не будетъ препятствовать сильный ледоходъ или свойство грунта; на большихъ-же рѣкахъ предполагается устроить постоянные мосты съ каменными опорами и металлическимъ верхнимъ строеніемъ. Всѣ пути предполагается уложить рельсами типа 18 фунтовъ въ погонномъ футѣ на слоѣ балласта, толщиною до 0,125 саж. подъ подошвою рельса. Помѣщенія для дорожныхъ мастеровъ, ремонтныхъ артелей и сторожей, т. е., казармы, полу-казармы и сторожевые дома, будутъ устроены деревянные, изъ лѣса всѣхъ породъ, самой простой конструкціи и примѣняясь, по возможности, къ типамъ мѣстныхъ построекъ, — деревянныя зданія будутъ безъ фундаментовъ, на деревянныхъ или каменныхъ столбахъ. Всѣ, вообще, переѣзды имѣется въ виду оставить не охраняемыми, за исключеніемъ лишь таковыхъ въ городахъ и въ большихъ населенныхъ пунктахъ.

Наибольшее разстояніе между станціями допущено въ 50 верстъ, что соотвѣтствуетъ пропускной способности въ 3 пары поѣздовъ; для доведенія же пропускной способности до 7 паръ поѣздовъ въ сутки на главномъ пути между станціями оставлены горизонтальные участки для устройства впослѣдствіи, когда встрѣтится надобность, полустанцій и разъѣздовъ.

Отдѣльныя пассажирскія зданія кирпичныя или деревянныя, возможно меньшихъ размѣровъ, будутъ устроены лишь на тѣхъ станціяхъ, гдѣ можно ожидать значительнаго количества пассажировъ или гдѣ требуется устройство буфетовъ; во всѣхъ же прочихъ пунктахъ для потребностей станціонной службы и для случайныхъ пассажировъ будутъ отведены незначительныя помѣщенія въ жилыхъ домахъ.

Подвижной составъ для сибирской желѣзной дороги предполагается пріобрѣсти въ количествѣ, необходимомъ для обращенія по дорогѣ трехъ паръ воинскихъ поѣздовъ въ сутки, въ составѣ 60 осей, изъ коихъ одна пара смѣшанная—изъ пассажирскихъ и товарныхъ вагоновъ; паровозы назначены восьми-колесные, пассажирскіе вагоны—частью восьми-колесные и частью шести-колесные, а товарные вагоны—четырехъ-колесные.

Въ виду важности водоснабженія для пропускной способности дороги и затруднительныя усиленія его впослѣдствіи, таковое предполагается устроить только на станціяхъ, т. е., въ разстояніяхъ до 50 верстъ, но съ количествомъ воды, достаточнымъ для пропуска 7 паръ поѣздовъ. Для усиленія же водоснабженія, когда это окажется необходимымъ, на перегонахъ между станціями могутъ быть поставлены дополнительныя водоснабженія простѣйшаго типа.

На основаніи этихъ техническихъ условій составлено предварительное исчисленіе стои-

что нынѣ принятое направленіе связываетъ обширные бассейны многоводныхъ рѣкъ: Оби, Енисея и Амура, а отчасти и Лены, то нельзя не согласиться, что сооружаемая дорога дастъ громадный толчекъ всему экономическому развитію края и вызоветъ къ жизни много новыхъ отраслей производительной дѣятельности.

Обращаясь за симъ къ ближайшему вліянію сооруженія великаго рельсоваго пути на разныя стороны промышленно-экономической жизни Сибири, необходимо остановиться на слѣдующемъ. Прежде всего здѣсь бросается въ глаза, что намѣченный путь прорѣзываетъ вдоль тѣ богатыя степи—Ишимскую, Барабинскую и Кулундинскую,—которыя издавна славятся своимъ плодородіемъ, служа житницей Западной Сибири. Достаточно было даже открытія уральской желѣзной дороги, чтобы вызвать въ поименованныхъ степяхъ усиленную дѣятельность и направить значительные хлѣбные грузы на западъ, отчасти къ портамъ Балтійскаго моря. Если такъ велико было вліяніе уральской дороги, связанной съ этими мѣстами лишь воднымъ сообщеніемъ, то непрерывный желѣзнодорожный путь, соединяющій ихъ съ общею сѣтью Имперіи, долженъ вызвать еще большее оживленіе земледѣльческой дѣятельности. При благодатныхъ почвенно-климатическихъ условіяхъ производительныя силы земли привлекутъ къ себѣ больше народу и косвенно послужатъ цѣлямъ правильной колонизаціи страны.

Во многихъ мѣстахъ Европейской Россіи въ послѣдніе годы, вслѣдствіе естественнаго роста населенія, замѣчается превышеніе рабочихъ рукъ, и систематически возрастающій вслѣдствіе этого контингентъ малоземельныхъ крестьянъ, давно уже обращаетъ на себя вниманіе правительства. Желая по возможности урегулировать распредѣленіе земель между крестьянами и обезпечить малоземельныхъ необходимымъ количествомъ земель, правительство признало полезнымъ принять рядъ мѣръ, чтобы съ одной стороны заселить пустующія нынѣ плодородныя мѣста, а съ другой—дать правильное примѣненіе силамъ малоземельныхъ крестьянъ, составляющихъ для государства тяжелое бремя и требующихъ отъ него усиленныхъ заботъ.

Въ этихъ видахъ переселенцамъ безплатно отводятся въ упомянутыхъ мѣстахъ свободныя казенныя земли, для нихъ установленъ удешевленный тарифъ для передвиженія по желѣзнымъ дорогамъ, въ нѣкоторыхъ случаяхъ они пользуются денежными ссудами отъ казны и кромѣ того имъ предоставлены еще другія льготы, чтобы по возможности облегчить тяжесть переселенія и обзаведенія новымъ хозяйствомъ. Благодаря непосредственной связи рельсовымъ путемъ «житницы Сибири» съ тѣми губерніями имперіи, гдѣ замѣчается малоземелье, нынѣ осуществляемое предпріятіе должно стать превосходнымъ регуляторомъ переселеній въ интересахъ обще-государственныхъ. Принимая во вниманіе указанные ранѣе размѣры годныхъ въ Сибири для колонизаціи земель, можно думать, что, не смотря на замѣчаемое въ послѣдніе годы усиленное стремленіе къ переселенію въ Сибирь, послѣдняя долго еще можетъ свободно принимать всѣхъ желающихъ пользоваться ея производительными силами,—такъ она велика и такъ много въ ней годныхъ для земледѣльческой культуры земель.

Съ оживленіемъ новыхъ населенныхъ пунктовъ къ нимъ начнутъ тяготѣть изъ Европейской Россіи и умственныя силы, вмѣстѣ съ которыми и капиталъ легче найдетъ себѣ выгодное помѣщеніе въ болѣе широкихъ предпріятіяхъ обработывающей промышленности. Этому отчасти можно было бы содѣйствовать дарованіемъ нѣкоторыхъ льготъ по пріобрѣтенію казенныхъ земель русскимъ дворянамъ и вообще лицамъ, находящимся на правительственной службѣ, какъ болѣе образованнымъ и культурнымъ элементамъ, могущимъ принести съ собою цивилизующее вліяніе. Такимъ образомъ, великая сибирская желѣзная дорога, вызывая къ жизни пустующія нынѣ плодородныя земли степного генералъ-губернаторства и открывая обширные рынки для сбыта всякихъ произведеній земли, содѣйствуетъ въ то же время наиболѣе удачному разрѣшенію одной изъ труднѣйшихъ государственныхъ задачъ—прочному устройству экономическаго быта малоземельныхъ крестьянъ внутреннихъ губерній Европейской Россіи.

Минеральныя богатства нѣдръ этой страны очень велики, но до сихъ поръ пользуются

лишь самою незначительною ихъ частью. Желѣзо и каменный уголь,—эти два великіе фактора современнаго промышленнаго развитія,—встрѣчаются въ Сибири чуть не по всей ея территоріи, при томъ въ весьма мощныхъ залежахъ. Умѣлая разработка ихъ дастъ громадный толчокъ успѣхамъ культурнаго развитія Сибири. Совмѣстное нахожденіе въ нѣкоторыхъ случаяхъ залежей угля и желѣзной руды вызвало учрежденіе нѣсколькихъ желѣзо-дѣлательныхъ заводовъ, которые, впрочемъ, не имѣли большого успѣха вслѣдствіе недостатка сбыта и отдаленности потребительныхъ рынковъ. Съ устройствомъ же Сибирской желѣзной дороги устранятся оба указанныя препятствія: сама желѣзная дорога на громадномъ своемъ протяженіи потребуетъ такую массу желѣза и желѣзныхъ издѣлій, что легко можетъ дать работу нѣсколькимъ значительнымъ желѣзо-дѣлательнымъ заводамъ и, кромѣ того, съ ея осуществленіемъ явится возможность расширить районъ сбыта произведеній этихъ заводовъ. Какъ ни велика производительность уральскихъ заводовъ, но сибирская дорога не можетъ удовлетвориться ею одною, такъ какъ желѣзный товаръ, сравнительно дешевый, не можетъ выдержать дальней желѣзнодорожной перевозки. Вслѣдствіе этого, появленіе въ Сибири, въ особенности въ серединѣ ея или ближе къ Востоку, желѣзо-дѣлательныхъ заводовъ слѣдуетъ считать вполнѣ естественнымъ; но если прибавить къ этому, что правительство, въ видахъ оживленія мѣстной промышленности, предполагаетъ оказывать нѣкоторую поддержку частнымъ лицамъ по устройству желѣзныхъ заводовъ, то можно думать, что успѣхъ желѣзо-дѣлательнаго производства будетъ вполнѣ обезпеченъ. Что же касается собственно минеральнаго горючаго матеріала, имѣющаго первостепенное значеніе при эксплоатаціи желѣзной дороги, то его даже въ изслѣдованныхъ мѣсторожденіяхъ констатировано столько, что дорога въ этомъ отношеніи можетъ считаться обезпеченною на десятки лѣтъ. Хотя это ископаемое разбросано почти по всей линіи, но лѣсъ во многихъ мѣстахъ настолько дешевъ, что успѣшно будетъ конкурировать съ углемъ, въ особенности въ мѣстахъ пересѣченія судоходныхъ рѣкъ, по которымъ можно сплавлять его изъ отдаленныхъ и глухихъ тайгъ, гдѣ лѣсная растительность возобновляетсячрезвычайно быстро и пока не имѣетъ никакого сбыта.

Большое вліяніе будетъ имѣть сибирская желѣзная дорога между прочимъ и на мѣстную золотопромышленность. Поставленное въ крайне тяжелыя экономическія условія, дѣло это развивается только въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ встрѣчаются породы съ очень богатымъ содержаніемъ золота. Масса золотоносныхъ мѣсторожденій нынѣ оставлена втунѣ только потому, что при существующихъ цѣнахъ на рабочія руки и необходимые приборы и машины, а также вслѣдствіе дороговизны кредита, добыча золота не представляетъ тамъ достаточной выгоды. Между тѣмъ въ Америкѣ и въ другихъ странахъ, гдѣ развита золотопромышленность, эксплоатируются гораздо болѣе бѣдныя мѣсторожденія, вслѣдствіе чего общая добыча золота тамъ значительнѣе, чѣмъ у насъ. Прямая задача сибирской желѣзной дороги должна состоять въ возможномъ облегченіи и удешевленіи доставки къ золотымъ промысламъ необходимыхъ припасовъ и орудій работы, а также рабочихъ рукъ, отъ недостатка коихъ нынѣ страдаютъ многіе промыслы. При новыхъ условіяхъ производства, добыча золота должна по необходимости удешевиться, что въ свою очередь сдѣлаетъ возможнымъ пользованіе и не очень богатыми промыслами. Въ общемъ получится значительное увеличеніе добычи золота и промыселъ пріобрѣтетъ необходимую устойчивость.

Обращаясь затѣмъ къ вопросу о вліяніи, которое можетъ имѣть описываемое предпріятіе на расширеніе мѣстной торговли, нельзя не замѣтить, что оно должно быть весьма значительно: многіе товары или сырыя произведенія земли, нынѣ не находящія сбыта на мѣстѣ, найдутъ себѣ выгодное помѣщеніе на болѣе отдаленныхъ рынкахъ; быстрыя колебанія цѣнъ на предметы первой необходимости и въ общемъ страшная дороговизна, не могутъ имѣть мѣста, благодаря возможности скораго передвиженія грузовъ.

Все, объясненное выше о значеніи сибирской желѣзной дороги для торговли, выясняетъ,

такъ сказать, лишь ближайшія перемѣны, обусловливаемыя открытіемъ дороги въ современномъ положеніи торговыхъ отношеній между Европейской Россіей и Сибирью—съ одной стороны и въ предѣлахъ Сибири—съ другой. Чтобы представить во всемъ объемѣ дѣйствительное значеніе для русской торговли великаго сибирскаго пути, слѣдуетъ расширить точку зрѣнія и разсматривать вѣроятныя послѣдствія этого предпріятія въ связи съ тѣмъ основнымъ фактомъ, что съ осуществленіемъ сказаннаго пути устанавливается непрерывное рельсовое сообщеніе Европы съ Великимъ океаномъ и азіатскимъ Востокомъ. Такимъ образомъ, сибирская желѣзная дорога открываетъ новый путь и новые горизонты не только для русской, но и для всемірной торговли. Такое значеніе сибирскаго рельсоваго пути ясно сознано и россійскимъ купечествомъ, представители котораго на Нижегородской ярмаркѣ (1889 г.) во всеподданнѣйшей запискѣ о сибирской желѣзной дорогѣ въ слѣдующихъ выраженіяхъ изложили надежды, связываемыя россійскимъ купечествомъ съ осуществленіемъ этой дороги: «Этотъ паровой путь будетъ имѣть громадное экономическое значеніе для Россіи и вызоветъ значительное оживленіе русской промышленности: онъ соединитъ черезъ Россію съ Европой 400 милліоновъ китайцевъ и 35 милліоновъ японцевъ. Упорныя усилія, дѣлаемыя Германіей для овладѣнія рынками Тихаго океана, усилія, которыя были сдѣланы для прорытія Панамскаго канала, показываютъ наглядно, что вскорѣ разыграется въ Тихомъ океанѣ уже и теперь начавшаяся экономическая борьба. Уже теперь Канадская желѣзная дорога отвлекла часть грузовъ (шелкъ, чай, мѣха), которые до сихъ поръ шли въ Европу черезъ Суэцъ. Несомнѣнно, часть этихъ грузовъ двинется черезъ Россію, когда переѣздъ изъ Европы черезъ Владивостокъ до Шанхая будетъ совершаться въ 18—20 дней, вмѣсто 45 дней черезъ Суэцъ или нынѣ 35 дней по Канадской желѣзной дорогѣ». Для Россіи въ особенности важно, что этотъ переворотъ въ направленіи сообщеній между Европою и азіатскимъ Востокомъ долженъ послѣдовать въ ея пользу, такъ какъ, участвуя въ этихъ сообщеніяхъ непрерывнымъ рельсовымъ путемъ на протяженіи болѣе 10 тысячъ верстъ, она можетъ воспользоваться всѣми выгодами не только посредника въ торговомъ обмѣнѣ произведеній востока Азіи и запада Европы, но и выгодами крупнаго производителя и потребителя, ближе всѣхъ стоящаго къ народамъ азіатскаго Востока. Такимъ образомъ, съ постройкой сибирской желѣзной дороги не только усилится роль Россіи на всемірномъ рынкѣ, но для нея откроются новые обильные источники народнаго благосостоянія.

Слѣдуетъ при этомъ сказать, что Китай, Японія и Корея, населеніе которыхъ въ совокупности не менѣе 460 милліоновъ, а современные обороты въ международной торговлѣ не менѣе 500 милліоновъ рублей золотомъ,—далеко еще не развили своихъ торговыхъ сношеній съ Европой до возможнаго предѣла, а скорѣе переживаютъ въ этомъ отношеніи начальный фазисъ. Въ особенности внутреннія китайскія провинціи, болѣе удаленныя отъ береговой линіи, мало доступны европейцамъ; но разъ уже Китай открылъ свои порты для международнаго обмѣна, то и эти провинціи, пока мало доступныя европейцамъ, въ силу естественнаго хода вещей, рано или поздно выступятъ на международномъ рынкѣ и войдутъ въ международный торговый обмѣнъ. Во всякомъ случаѣ торговыя сношенія европейскихъ народовъ съ Китаемъ имѣютъ всѣ данныя расширяться, и потому не удивительно, что европейскіе народы прилагаютъ громадныя усилія для овладѣнія восточными азіатскими рынками и не останавливаются ни передъ какими затратами, способствующими достиженію этой цѣли. Но уже по своей непосредственной близости къ упомянутымъ богатымъ странамъ Россія имѣетъ въ этомъ отношеніи важныя преимущества передъ всѣми другими государствами Европы. Такъ, уже въ разстояніи всего 4—4½ тысячъ верстъ отъ Волги, сибирская желѣзная дорога настолько приближается къ китайской границѣ, что является возможность, съ помощью вѣтви въ китайскіе предѣлы, завязать непосредственный торговый обмѣнъ съ внутренними, весьма населенными провинціями Китая, а въ этомъ случаѣ наши торговые обороты съ Китаемъ станутъ расширяться очень успѣшно, обезпечивая въ то же время увеличеніе доходности магистральной

сибирской линіи и усиливая наше значеніе въ международной торговлѣ съ Китаемъ. Принимая при этомъ во вниманіе преобладающій родъ товаровъ въ международной торговлѣ Китая, легко видѣть, что нѣсколько болѣе высокіе тарифы при желѣзнодорожной перевозкѣ противъ морской, значительно, впрочемъ, уравновѣшиваемые сокращеніемъ расходовъ по страхованію, не могутъ служить помѣхою для привлеченія китайскихъ товаровъ съ морскихъ путей на желѣзнодорожный. Такъ, въ китайскомъ вывозѣ два товара высокой цѣнности—чай и шелкъ—составляютъ около 58%. Помимо скорости доставки и другихъ удобствъ, обезпечиваемыхъ желѣзнодорожною перевозкою, есть еще особыя причины, которыя, въ общихъ интересахъ Китая и Россіи, будутъ содѣйствовать переходу чайныхъ грузовъ на желѣзную дорогу. Въ современномъ китайскомъ экспортѣ первенствующее положеніе занимаетъ Англія, а между тѣмъ она стремится стать конкурентомъ Китая по производству чая и не безъ успѣха, такъ какъ чайныя плантаціи въ азіатскихъ колоніяхъ Англіи — въ Индіи и на Цейлонѣ — уже въ настоящее время являются главными поставщиками чая для всей Великобританіи. Многія, благопріятныя для англійскихъ колоній, условія содѣйствуютъ успѣху этой конкуренціи и, между прочимъ, въ Остъ-Индіи желѣзнодорожная сѣть даетъ крупныя преимущества по доставкѣ чая къ портамъ, которые къ тому же въ два раза ближе къ Европѣ, чѣмъ китайскіе. Вслѣдствіе указанныхъ обстоятельствъ вывозъ китайскихъ чаевъ въ Лондонъ и въ другія страны потребленія постоянно и быстро падаетъ, и такое сокращеніе чайнаго вывоза является крупною потерею не только для значительной части китайскаго населенія, но и для китайской казны, такъ какъ чай обложенъ въ Китаѣ высокою вывозною пошлиною. Весьма вѣроятное по ходу дѣлъ дальнѣйшее сокращеніе чайнаго вывоза представляетъ для Китая вопросъ очень серьезнаго значенія, и въ этомъ отношеніи сибирская желѣзная дорога можетъ послужить для китайской чайной промышленности большою поддержкою, обезпечивъ китайскимъ чаямъ гораздо болѣе быструю доставку въ Европу не только сравнительно съ морской перевозкой изъ Китая черезъ Лондонъ, но и сравнительно съ болѣе скорой перевозкой остъ-индскихъ чаевъ. Поэтому, не только Россія, но и Китай заинтересованы въ томъ, чтобы въ перевозкѣ китайскихъ чаевъ и торговлѣ ими съ европейскими странами Россія, которая и сама представляетъ обширный и постоянно расширяющійся рынокъ потребленія чая, приняла болѣе дѣятельное участіе.

Осязаемая взаимность интересовъ по отношенію къ чайному вывозу Китая не можетъ не усилить тяготѣнія всѣхъ вообще вывозимыхъ изъ Китая товаровъ на новый путь сообщенія съ Европой, тѣмъ болѣе, что другой главнѣйшій предметъ китайской вывозной торговли—шелкъ—не только легко выдержитъ желѣзнодорожный тарифъ на дальней перевозкѣ, но можетъ частью сдѣлаться предметомъ переработки въ ткани въ самой Россіи.

Съ другой стороны, Россія, при посредствѣ сибирской желѣзной дороги, можетъ принять гораздо большее участіе въ снабженіи Китая тѣми товарами, которые нынѣ ввозятся туда изъ другихъ странъ и въ этомъ отношеніи она можетъ имѣть особенный успѣхъ по ввозу хлопчатобумажныхъ и шерстяныхъ издѣлій, а также металловъ, въ общемъ составляющихъ около половины всего китайскаго импорта. Первые, по своей значительной относительно вѣса цѣнности, могутъ выдерживать желѣзнодорожную перевозку изъ Москвы и изъ-за Москвы, а металлы могутъ идти въ Китай, какъ съ Урала, такъ и въ особенности изъ болѣе близкихъ къ Китаю горнозаводскихъ округовъ Томской и Енисейской губерній, Забайкалья и отчасти Иркутской губерніи, по богатству рудныхъ мѣсторожденій мало уступающихъ Уралу и представляющихъ весьма благопріятныя условія для широкаго развитія горнозаводской промышленности. Китай для этихъ округовъ сдѣлается очень близкимъ и очень крупнымъ рынкомъ сбыта, какъ и для нѣкоторыхъ другихъ сибирскихъ товаровъ, напр., кожевенныхъ, пушныхъ и т. п. Такимъ образомъ, съ открытіемъ сибирской желѣзной дороги, Россія получитъ возможность воспользоваться правомъ ближайшаго сосѣдства съ Китаемъ для сбыта своихъ произведеній.

Нѣтъ надобности распространяться о политическомъ значеніи великаго сибирскаго рельсо-

ваго пути. Это значеніе ясно уже изъ того, что, съ постройкою этого пути, Россія на востокѣ Азіи не номинально, а дѣйствительно будетъ тѣмъ, что она есть по признанію ея друзей и недруговъ въ Европѣ. На сколько дорога сокращаетъ разстояніе Европейской Россіи отъ азіатскаго Востока, на столько она увеличиваетъ нашу силу на этомъ Востокѣ. Къ этому безспорному положенію слѣдуетъ лишь прибавить, что указанныя выше благопріятныя условія, возникающія съ открытіемъ дороги для расширенія торговыхъ сношеній Россіи со странами азіатскаго Востока, несомнѣнно поведутъ и къ упроченію дружественныхъ политическихъ отношеній съ тѣми-же странами. Укрѣпленію этихъ отношеній будетъ способствовать сознаніе осязаемыхъ обоюдныхъ интересовъ на полѣ всемірной экономической дѣятельности человѣчества. Наконецъ, съ проведеніемъ сибирской дороги до Тихаго Океана Россія получитъ полную возможность стать въ болѣе непосредственныя сношенія съ Сѣверо-Американскими Соединенными Штатами, которые, хотя являются въ Европѣ нашими конкурентами по хлѣбной торговлѣ, но, по солидарности другихъ и въ особенности политическихъ интересовъ, питаютъ искреннія симпатіи къ Россіи.

Постройка сибирской желѣзной желѣзной дороги подвигается замѣчательно дѣятельно и при томъ одновременно въ разныхъ направленіяхъ, какъ-то: съ запада, востока и въ центральной части сплошного рельсоваго пути. Такой поразительный успѣхъ обусловливается весьма удачною постановкою завѣдыванія и управленія всѣмъ дѣломъ постройки этой дороги. Съ этою цѣлію, по волѣ Императора Александра III, былъ образованъ особый комитетъ, подъ предсѣдательствомъ Его Высочества Наслѣдника Цесаревича Николая Александровича. Съ восшествіемъ же на престолъ Императора Николая II, Онъ по прежнему оставилъ за собою предсѣдательствованіе въ комитетѣ по постройкѣ великаго сибирскаго рельсоваго пути. Благодаря этому, все касающееся этого грандіознѣйшаго государственнаго сооруженія, сразу же получаетъ окончательную санкцію.

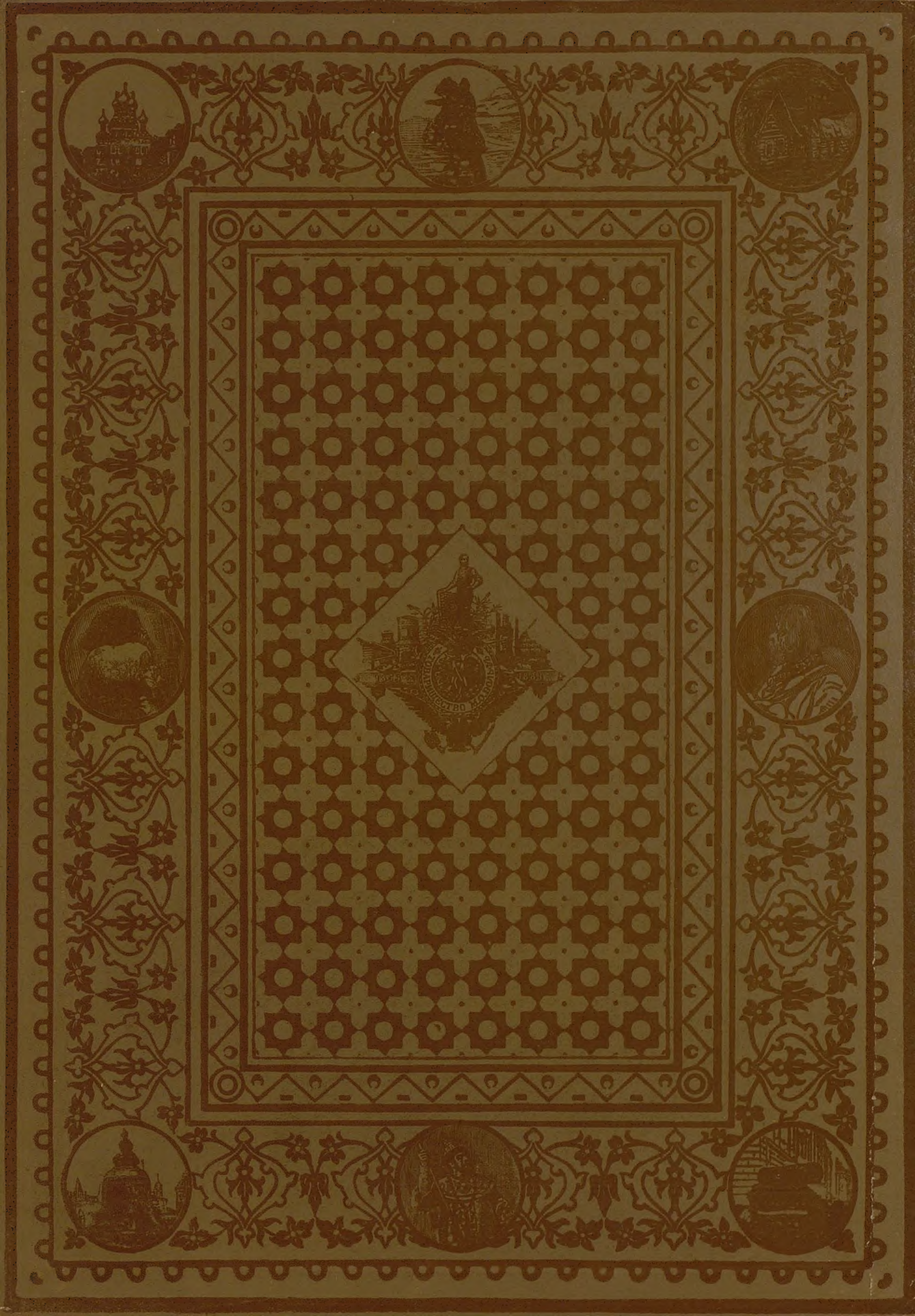
ТОМА XIII-го.

ЧАСТЬ II.

АМУРСКАЯ И ПРИМОРСКАЯ ОБЛАСТИ.

КОНЕЦЪ ДВѢНАДЦАТАГО ТОМА.

ТОВАРИЩЕСТВО М.О.ВОЛЬФ



БЕЗПЛАТНОЕ ЕЖЕМѢСЯЧНОЕ ПРИЛОЖЕНІЕ
КЪ ЖУРНАЛУ «НОВЬ» НА 1895 ГОДЪ
№ 7—12. МАЙ ПО ОКТЯБРЬ

ПАРОВАЯ ПЕРЕПЛЕТНАЯ ТОВАРИЩЕСТВА М. О. ВОЛЬФЪ.